Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

1.

*) Новые подписчики, не имѣющіе Русскаго Архива 1884 г., гдѣ начаты печатаніемъ эти Воспоминанія, могутъ, по заявленіи, безплатно получать первыя двѣ главы.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ графа Н. И. Евдокимова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885.

1.

Въ 1885 году Русскій Архивъ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

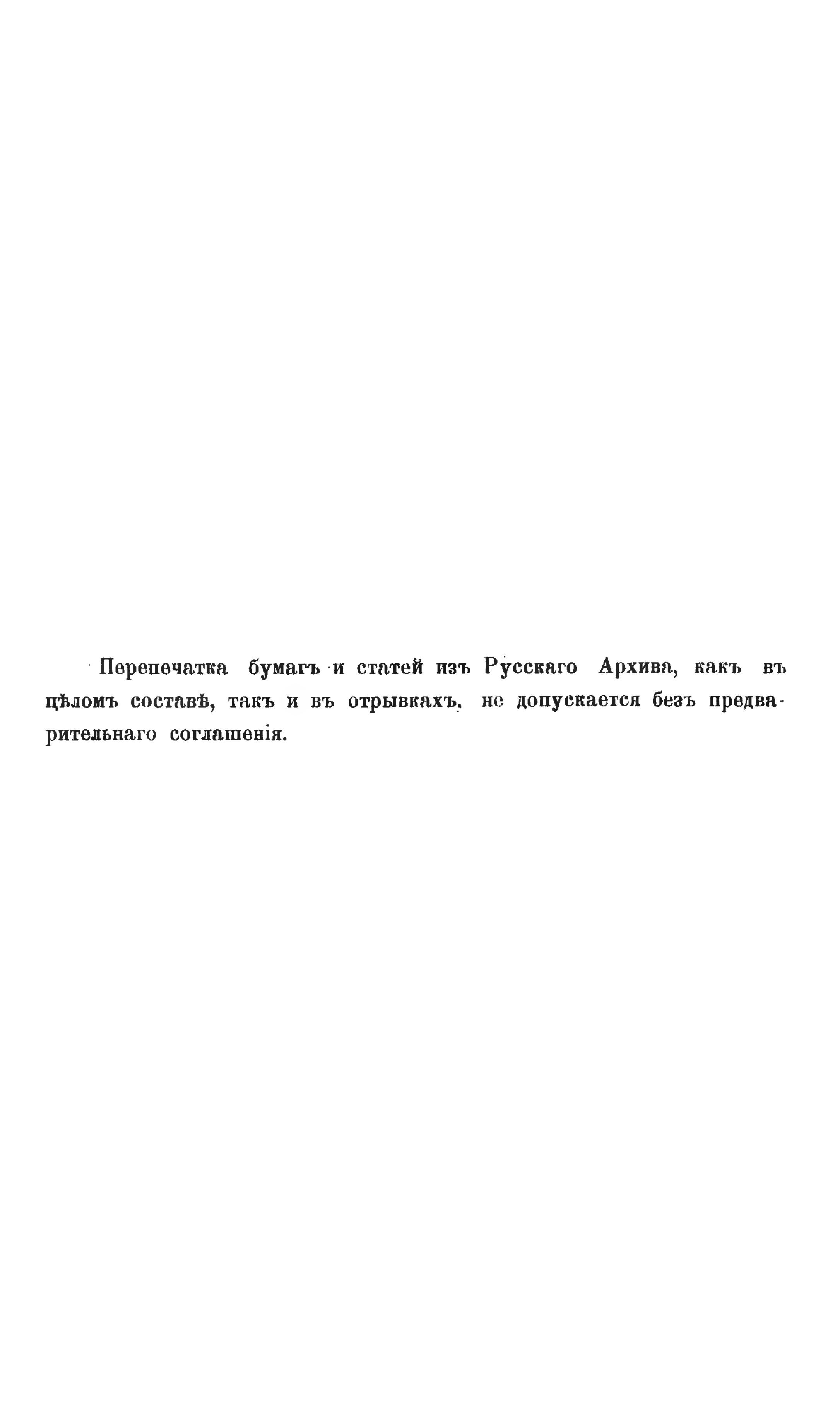
Das irdische Leben fliesst,
Und die Todten dauern immer.
Schiller.

Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.
Жуковскій.

1885.

КНИГА ПЕРВАЯ.

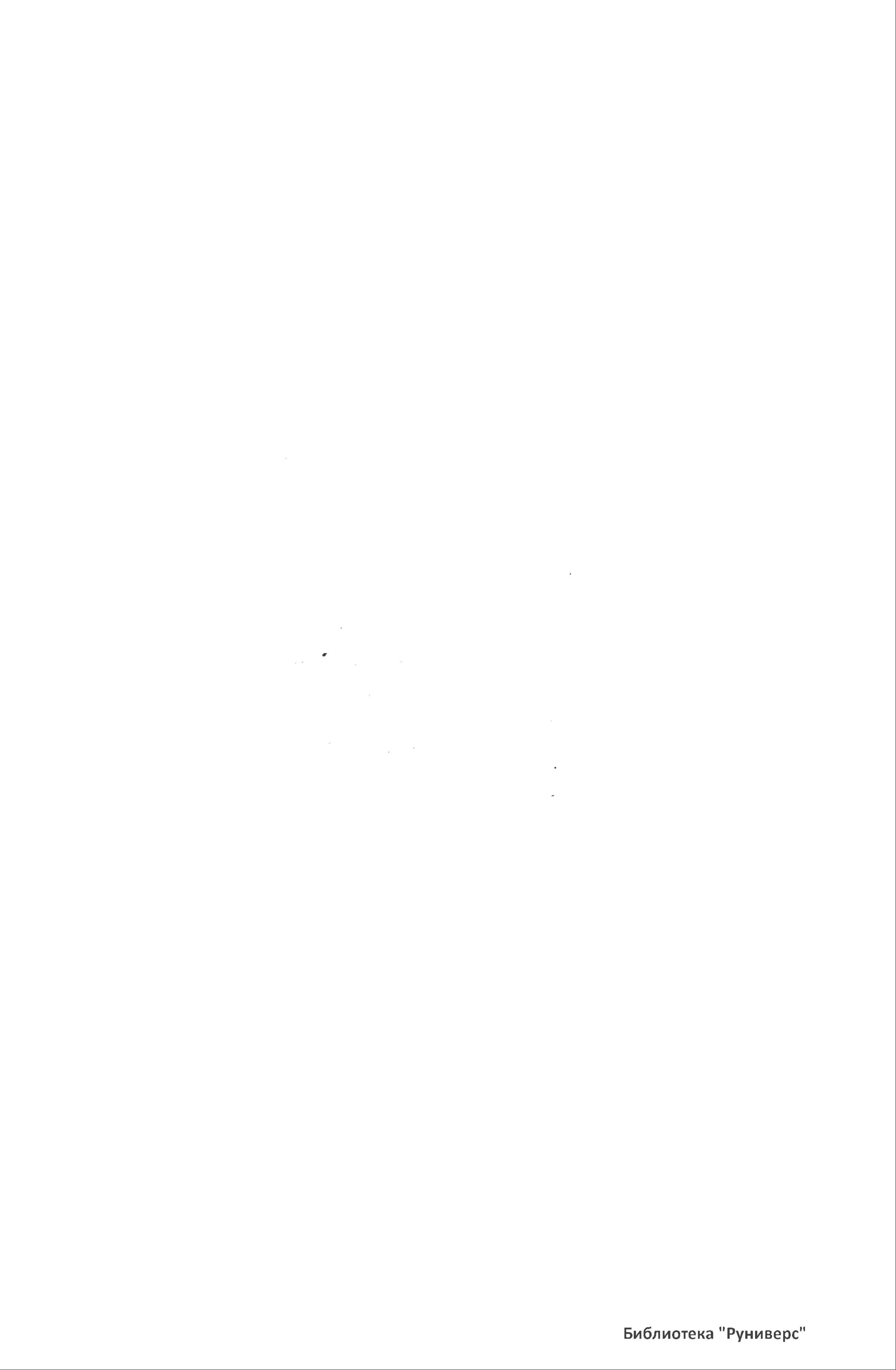
МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

*

Въ 1883 году въ Русскомъ Архивѣ, съ Высочайшаго соизволенія, напечатаны письма, которыя В. А. Жуковскій писалъ къ своему царственному Ученику съ раннихъ лѣтъ его возраста по 1847 годъ включительно. Нынѣ таже державная, милостивая Рука осчастливила насъ доставленіемъ этихъ писемъ за 1848 годъ,—время роковое въ Европейской исторіи и, по воздѣйствію на насъ, имѣвшее великое значеніе для Россіи.

*

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

1848 годъ.

I *).

Послѣднія строки Вашего письма заставили меня крѣпко задуматься. Вы выразили въ нихъ то, что̀ давно, какъ привидѣніе, стоитъ передъ моими мыслями. Мы живемъ на кратерѣ волкана, который недавно пылалъ, утихъ и теперь снова готовится къ изверженію. Еще первая лава его не застыла, а уже новая клокочетъ въ его внутренности и скоро, скоро разольется. Одна революція кончилась, другая готова вступить въ ея колеины. И замѣчательно то, что послѣдняя, то есть та, которая намъ грозитъ, въ своемъ ходѣ наблюдаетъ тотъ же порядокъ, какой наблюдала первая, несмотря на различіе ихъ характеровъ. И та и другая сходны въ своихъ проявленіяхъ. И теперь, какъ тогда, начинаютъ (или уже давно начали) съ потрясенія главной основы порядка — съ религіи. Но теперь дѣйствуютъ уже смѣлѣе и шире. Тогда стороною потрясали вѣру, проповѣдуя терпимость; теперь нападаютъ на всякую вѣру и нагло проповѣдуютъ безбожіе. Тогда подкапывали втайнѣ Христіанство, вооружаясь повидимому противъ злоупотребленій церковной власти; теперь вопіютъ съ кровель, что и Христіанство, и Церковь, и власть церковная, и всякая власть суть злоупотребленія. Какая цѣль теперешнихъ реформаторовъ? (Я говорю о тѣхъ, которые искренно желаютъ лучшаго, искренно вѣруютъ въ дѣйствительность и въ благотворность своихъ умозрѣній). Какая

---

*) Подлинникъ безъ означенія мѣсяца и числа. Небольшой отрывокъ этого письма, нѣсколько измѣненный, появился безъ имени Жуковскаго въ Сѣверной Пчелѣ 1848 года, съ замѣткою, что оно писано въ Январѣ этого года. *П. Б.*

цѣль теперешнихъ реформаторовъ, вступающихъ въ тотъ же путь, которымъ шли ихъ предшественники (а куда привелъ этотъ путь, мы видѣли съ содроганіемъ и знаемъ, что желанное лучшее нигдѣ на немъ не встрѣтилось)? Какая цѣль теперешнихъ реформаторовъ? Этого и сами они ясно не видятъ. Весьма вѣроятно, что многіе изъ нихъ сами себя обманываютъ и, идя впередъ съ знаменами, на которыхъ сіяютъ слова нашего вѣка: *впередъ, свобода, развитіе, человѣчество*,—сами увѣрены, что путь ихъ прямо ведетъ въ обѣтованную землю. И, можетъ быть, суждено имъ, какъ и многимъ изъ ихъ предшественниковъ, содрогнуться на краю или на днѣ той бездны, которая скоро подъ ними и подъ нами разверзнется.

Но позади сихъ ослѣпленныхъ, фанатическихъ проповѣдниковъ идеальнаго лучшаго и движенія впередъ, дѣйствующихъ открыто, таясь за плечами ихъ, потаенно дѣйствуютъ, пользуясь ихъ указаніями, другіе, уже не ослѣпленные, зная, чего хотятъ и куда идутъ. Теперь дѣло (ихъ дѣло) идетъ уже не о преобразованіи политическомъ, не о разрушеніи вѣковыхъ привилегій и созданій историческихъ (это уже совершено прежнею революціею), а просто о уничтоженіи различія между *твой* и *мой* или, лучше сказать, о превращеніи *твоего* въ *мое*. *Аристократія уничтожена въ пользу средняго состоянія* (bourgeoisie), говорятъ новѣйшіе историки, напр. Луи Бланъ; *среднее состояніе должно уступить народу*. Что же этотъ народъ, если исключить изъ него высшій и средній классъ, которые, какъ утверждаютъ, должны уступить ему?—Толпа пролетаріевъ, которымъ нужно имѣть *чужое*, дабы имѣть что нибудь *свое*. И уже провозглашено, во услышаніе всѣмъ, великое правило, правило практическихъ реформаторовъ, извлеченное изъ доктринъ новѣйшей философіи и весьма понятное ученикамъ ея въ лохмотьяхъ: la propriété c'est le vol *). И для утвержденія въ умахъ этого правила все сдѣлано. Главное разрушеніе антирелигіозное произведено доктринами разврата въ классѣ низшемъ. Туда, гдѣ царствуетъ нужда, огорчающая и раздражающая душу, голосъ искушенія, проповѣдующій ненависть, хищничество, отверженіе всякой власти, презрѣніе долга и отверженіе Божія Промысла, проникаетъ съ быстротою смертоносной чумы и тѣмъ быстрѣе, что всѣ предохранительныя и цѣлительныя средства противъ заразы напередъ уничтожены и что безсмысліе невѣжества съ жадностію принимаетъ ученіе, столь благопріятное страстямъ и потворствующее раздраженію, производиму бѣдствіями жизни, противъ которыхъ ничто не даетъ уже душѣ ни

---

*) Собственность есть кража.

твердости, ни смиренія. Это всеобщее отверженіе всякой святыни называется *свободою*, движеніемъ, торжествомъ человѣчества, освобожденіемъ разума... Но что̀ бы была Европа, когда бы въ 1847 году повторился голодный 1846 годъ? Какой бы набатъ загремѣлъ повсюду! И что́ бы произвело все это всеобщее бѣдствіе, которое вдругъ озлило бы всѣхъ и каждаго? Что̀ произвело бы это движеніе впередъ?... Мы въ рукѣ Божіей. Это не значитъ, что Онъ отвратитъ отъ насъ бѣдствіе. Нѣтъ, это значитъ только то, что все посылается *Имъ* и что мы во всякую минуту бытія нашего можемъ только одно: *признавать* Его волю и что каждый на своемъ мѣстѣ (что̀ бы на насъ ни было ниспослано) долженъ дѣйствовать согласно съ этой волею, то есть по правдѣ. Это Вы знаете, это живетъ у Васъ въ сердцѣ; Богъ поможетъ и Вамъ, и Царю нашему, когда настанетъ трудное время.

Ваше порученіе было мною сообщено Ливену. Онъ проситъ меня изъяснить Вашему Высочеству его сердечную благодарность за Ваше къ нему благорасположеніе. Онъ увѣренъ, что, окончивъ свое здѣсь леченіе, будетъ готовъ къ назначенному Вами сроку.

17 (29) Февраля (1848)

То, что́ мною написано въ этомъ письмѣ о возможности и близости переворота было написано *про себя* за нѣсколько передъ этимъ времени. Я хотѣлъ переписать эту статью въ отвѣтъ на Ваше письмо, и отъ этого отвѣтъ мой былъ нѣсколькими днями задержанъ. И что́ же теперь я долженъ писать Вамъ вмѣсто Postscriptum'а? Вотъ уже четыре дни, какъ дошло до насъ страшное извѣстіе. Лава льется волнами; все опрокинуто, и чего еще ждать въ Германіи? Въ извѣстіяхъ, здѣсь полученныхъ, нѣтъ ничего точнаго. Въ эту минуту, когда пишу, стоитъ еще въ Journal de Francfort, что извѣстіе, полученное Ротшильдомъ о контръ-революціи, произведенной О. Баро и Ламорисьеромъ въ пользу Людовика Филиппа II-го, еще *не опровергнуто*. Но невѣроятно. Движеніе слишкомъ сильное и повсемѣстное. Теперь держись Рейнъ! Держись Австрія! Теперь въ нѣсколько часовъ дѣлаются измѣненія всемірныя.

Что́ мы прожили въ послѣдніе три мѣсяца? И въ какихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ родилось это новое чудовище революціи? Франція вся за одно и сильна; вся поднялась твердою массою; слѣва и справа огорожена вѣрными союзниками: тамъ Бельгія (гнѣздо радикализма) и Данія, которая за гарантію Шлезвига подаетъ руку противъ Германіи; а здѣсь вся Италія и Швейцарія съ Ломбар-

діею, которая вся теперь загорится; и вся эта масса противъ Германіи, очумленной вездѣ радикализмомъ, гдѣ всюду противъ порядка и власти, противъ монарховъ и ненадежныхъ армій бунтуютъ тайно и явно всѣ состоянія и громко выражаютъ свой голосъ печатно, журналами и брошюрами, которыхъ сила въ такую минуту неимовѣрна.

Что̀ скажетъ, смотря на это, Государь? Просвѣти Богъ его царскую высокую душу! Болѣе нежели когда нибудь утверждается въ душѣ моей мысль, что Россія посреди этого потопа (и кто знаетъ, какъ высоко подымутся волны его) есть ковчегъ спасенія, и что она будетъ имъ не для себя одной, но и для другихъ, если только посреди этой бездны поплыветъ самобытно, *не бросаясь въ ея водоворотъ*, на твердомъ кораблѣ своемъ, держа его руль и не давая волнамъ *собою властвовать*. Я не политикъ и не могу имѣть довѣренности къ своимъ мыслямъ; но кажется мнѣ, что намъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ надобно Китайскою стѣною отгородиться отъ всеобщей заразы. Мнѣ кажется, что Промыслъ въ этомъ событіи выражаетъ ясно и теперешній долгъ, и будущую судьбу Россіи: она есть *отдѣльный, самобытный* міръ; въ *самой себѣ* она тверда и неприкосновенна; *устремленная на внѣшнее* она только можетъ растратить свои силы и чужимъ потрясеніемъ разрушить свое собственное зданіе.

1-го Марта.

Мое письмо лежитъ; не спѣшу отправлять: хочу знать, что̀ будетъ; хочу собраться съ мыслями. Но это почти невозможно: что̀ думаешь нынче, противно тому, что̀ думалъ вчера.

Въ эти дни уже многое рѣшительное совершилось. Кажется однако, что событіе во Франціи произвело менѣе пагубное дѣйствіе на умы, нежели какъ было можно бояться: съ революціонными надеждами оно пробудило и чувство *національности*; пробудились и воспоминанія прежней Французской революціи и ужасовъ Французскаго владычества. Сами демагоги *искренніе*, то есть тѣ, которые строятъ теоріи и сами имъ вѣрятъ, видятъ необходимость союза народовъ съ ихъ государями. Теперь еще есть минута, благопріятная для послѣднихъ; ибо всѣ, хотя нѣсколько здравомыслящіе, чувствуютъ, что теперь дѣло идетъ не о спорѣ за нѣкоторыя права, которыхъ требованіе произведено бурнымъ духомъ времени, а о борьбѣ за бытіе политическое, за независимость. Должны и могутъ быть сдѣланы уступки съ обѣихъ сторонъ, пока не успѣли восторжествовать демагоги-разбойники, пока

не всколыхнулась чернь, пока не разлилась чума по арміямъ. Надобно спѣшить воспользоваться этою минутою, воспользоваться энергически. Пошли Богъ свой свѣтъ правителямъ и управляемымъ!

На томъ пунктѣ, гдѣ теперь я, все спокойно. Франкфуртъ самъ себя держитъ. Но кругомъ все въ волненіи, и безпрестанно приходитъ множество тревожныхъ слуховъ. Говорятъ, что въ Висбаденѣ жители столицы потребовали оружія, чтобы составить городскую милицію. Герцога нѣтъ здѣсь; онъ въ Берлинѣ. Оружіе выдано, чтобы избѣжать смутъ, и всѣ успокоены обѣщаніемъ, что требованія гражданъ будутъ исполнены по возвращеніи герцога. Изъ Майнца ходили граждане (числомъ 200) въ Дармштатъ съ петиціями о дарованіи имъ свободы книгопечатанія, милиціи гражданской и суда присяжныхъ; они спокойно возвратились назадъ, ибо имъ сказали, что гросгерцогъ боленъ и что имъ будетъ данъ благопріятный отвѣтъ по возвращеніи наслѣднаго принца. Во всемъ этомъ пока одни только тревожные симптомы. Но въ Баденѣ идетъ гораздо хуже: тамъ, какъ слышно, совершенное возмущеніе. Въ эту минуту слышу (и этотъ слухъ вѣренъ), что, несмотря на уступки, сдѣланныя герцогомъ и произведшія всеобщую радость, начались неимовѣрныя, недопустимыя требованія; что толпою бунтовщиковъ предводительствуютъ Геклеръ и Штруве и что дѣло идетъ уже о томъ, чтобы свергнуть съ престола герцога; что даже было покушеніе на его жизнь, но что заговоръ открытъ и злоумышленники (кто-же?—воспитанники Политехнической Школы) взяты. Это *послѣднія* вѣсти. Къ нимъ надобно присоединить еще одну, весьма огорчительную: Невшатель въ полномъ возмущеніи. Правда ли, не знаю.

Теперь у всѣхъ благомыслящихъ одно желаніе и одна надежда, чтобы Германская діэта вошла наконецъ въ свою жизнь и получила свою, ей принадлежащую, силу. Спасеніе Германіи въ одномъ только: *единство* и твердость внутренняго союза между государствами, а въ государствахъ между народами и государями. Этотъ союзъ вдругъ произведетъ діэта, если она рѣшительно займется національными, живыми вопросами для успокоенія внутренняго и энергически возьметъ свои мѣры противъ врага внѣшняго. Всѣ здѣсь ждутъ, что король Прусскій станетъ впереди. Что бы то ни было, рѣшительныя мѣры должны быть взяты безъ всякаго замедленія.

5-го Марта.

Герцогъ Нассаускій пріѣхалъ вчера. Здѣсь, во Франкфуртѣ, проводили его до желѣзной дороги крикомъ и свистомъ. Онъ, какъ слышно, говорилъ самъ съ народомъ, обѣщалъ исполненіе требованій

(которыя впрочемъ уже были до него принужденно исполнены) и теперь тамъ, то есть въ Висбаденѣ, должно быть столько спокойно, сколько это можно въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Слухи о Баденѣ были нѣсколько преувеличены; но и того, что̀ уже есть, довольно. Возмущеніе утушено; городовая милиція стережетъ городъ; были попытки зажигательства: домъ министра сожженъ, зажгли было деревья въ дворцовомъ паркѣ, но ихъ затушилъ Божій дождь. Думать можно, что теперь все здѣсь поутихнетъ; но на долго ли? Что̀ будетъ эхомъ здѣшняго волненія въ другихъ областяхъ Германіи? Думать должно, что есть заговоръ всеобщій и что его сѣть широко раскинута, ибо во всѣхъ дѣйствіяхъ замѣтно какое-то единство.

А наша святая Россія? Мы стоимъ внѣ всего этого пространства, тревожимаго теперь землетрясеніемъ; мы тверды нашими внутренними силами и богаты будущимъ, но тверды у себя, а не внѣ нашихъ предѣловъ. Ходъ Европы не нашъ ходъ; что̀ мы у нея заняли, то наше; но мы должны обработывать его у себя, для себя, по своему, не увлекаясь подражаніемъ, не слѣдуя движенію Запада, но и не вмѣшиваясь въ его преобразованіе *). Въ этой отдѣльной самобытности вся сила Россіи. Она — представитель чистаго патріархальнаго монархизма. Самодержавіе въ его полномъ благотворномъ развитіи есть ея доля, самодержавіе безъ всякой примѣси произвола. Да утвердитъ его Богъ въ рукѣ Царя! Оно нѣкогда дало твердость Россіи и слило ея части; оно и предохранитъ ее отъ паденія.

6-го Марта.

Въ Висбаденѣ все кончилось хорошо. Что̀ значитъ *хорошо?* То, что герцогъ успѣлъ пріѣхать во̀-время; еслибы двумя часами онъ промедлилъ, то Германія увидѣла бы здѣсь заразительный примѣръ республики. Какъ бы онъ подѣйствовалъ на остатокъ ея, кто теперь угадаетъ? Въ настоящую *первую* минуту (которая не уступитъ никакой силѣ), государямъ Германіи должно избѣжать дѣйствій незапнаго шквала и собрать паруса, дабы не погибъ корабль. Всѣ донынѣ сдѣланныя уступки Баденомъ, Дармштатомъ и Нассау не могли не быть сдѣланы: не было никакой силы отразить требованія; всѣ силы правительствъ были парализированы. Но бытіе и надежда на *лучшее* спа-

---

*) Мысль Жуковскаго, выраженная здѣсь и особенно въ слѣдующемъ письмѣ, о невмѣшательствѣ Россіи въ Европейскія дѣла, къ несчастію не осуществилась, и Венгерская кампанія 1849 года послужила началомъ нашихъ скорбей. *П. Б.*

сены. Здѣсь многіе такъ разсуждаютъ: «Германія не Франція. Реакція «благоразумія и трезвости скоро послѣдуетъ; надобно только дать «время одуматься и *въ первую минуту* спастись отъ *полнаго разрушенія:* скоро всѣ станутъ стѣною за порядокъ; станутъ *сами*; но въ «эту минуту всякая противуборствующая сила произведетъ только «всеобщее раздраженіе и не дастъ умамъ свободы отрезвиться. Реакція послѣдуетъ (если только не сдѣлано будетъ какой бѣдственной «ошибки, а теперь всякая ошибка есть искра въ порохъ); но какая «реакція? Приведеніе въ порядокъ того, чтó спасено отъ землетрясенія «и пожара. Чтó пропало, то пропало. Прежняя власть, въ томъ смыслѣ, «въ какомъ она была прежде, потеряна невозвратно. Надобно сдѣлать «наилучшее употребленіе изъ того, чтó *осталось*. Теперь спасеніе «состоитъ въ искреннемъ союзѣ власти побѣжденной съ лучшею стороною власти побѣдившей, дабы худшая не восторжествовала надъ «обѣими и съ ними не погубила всего Европейскаго гражданскаго «общества. Не надобно думать объ интересѣ отдѣльномъ, надобно «составить общую компактную хранительную власть, дабы произвесть «перевѣсъ на сторонѣ возможнаго лучшаго, дабы элементъ разрушительный былъ изолированъ. Теперь всѣхъ глаза обращены на короля «Прусскаго. Къ его характеру имѣютъ довѣренность; если онъ станетъ впереди движенія и съ нимъ тѣснымъ союзомъ соединится, то «еще можетъ произойти скоро *возможно*-лучшій порядокъ: на первый «случай Германія избавится отъ раздвоенія, и противъ Франціи (которую надлежитъ оставить неприкосновенно кипѣть въ котлѣ своемъ) «сохранится крѣпкая сила, основанная на общемъ національномъ «чувствѣ Германіи. Въ противномъ случаѣ раздробленіе неизбѣжно, и «его слѣдствія будутъ ужасныя».

Такъ разсуждаютъ здѣсь всѣ умѣренные. Я счелъ за долгъ сообщить Вамъ эти мнѣнія, не зная самъ чтó сказать pro и contra. Возможность реакціи доказываетъ мнѣ однако маленькій нашъ Франкфуртъ. И здѣсь, по примѣру Бадена, Дармштата и Висбадена, сочли за нужное предложить правительству тѣже требованія. (Правда, они были сдѣланы принужденно и самими предлагателями, которые чувствовали, что надлежитъ сдѣлать демонстрацію согласную со всѣми, дѣлаемыми кругомъ, дабы не навлечь на себя опаснаго негодованія). Было собраніе, говорили рѣчи, шумѣли, наконецъ составилось предложеніе Сенату по образу и подобію всѣхъ прочихъ. Сенатъ его принялъ, и все поутихло. Но въ городѣ было волненіе не отъ жителей (здѣсь нѣтъ пролетаріевъ, которые теперь вездѣ самый опасный элементъ возмущенія), а отъ толпы всякой сволочи, собравшейся изъ окрестностей и безъ всякаго сомнѣнія подкупленной, ибо у многихъ

одѣтыхъ въ лохмотье найдены деньги и оружіе. Третьяго дня вся эта сволочь до ночи шумѣла предъ ратушею. Городовое войско было собрано и слушало спокойно крикотню, не вступаясь ни во что; къ счастію, мясники, собравшіеся у каѳедральной церкви, на которой виситъ набатный колоколъ, не дали овладѣть имъ. Ввечеру покусились было нѣкоторые ворваться на колокольню; ихъ прогнали. Но этотъ мятежъ раздражилъ гражданъ, которые всѣ вооружились противъ толпы въ лохмотьяхъ и пристали къ городскому войску. Правительство взяло спокойно свои мѣры (ибо оно въ полномъ согласіи съ гражданами, которые теперь составляютъ его вооруженную надежную силу), и теперь все стало здѣсь совершенно спокойно; и время, главный и самый могучій союзникъ въ настоящую эпоху, выиграно.

А наша святая Россія! О, она тверда собственною силою. Она еще не заражена тѣмъ тифусомъ, который теперь свирѣпствуетъ въ политическомъ тѣлѣ всей Европы! Ея сила стоитъ на святомъ вѣковомъ фундаментѣ самодержавія, и она устоитъ на немъ, если самодержавіе само своимъ могуществомъ не ослабитъ себя. У насъ еще нѣтъ пролетаріевъ; есть *искусственные* пролетаріи; но правительство, которое само произвело ихъ, можетъ легко ихъ и уничтожить *. Необходимость самодержавія есть всеобщее народное убѣжденіе; оно еще не потрясено никакими вредными вліяніями (хотя и есть у насъ нѣсколько очумленныхъ, но они безъ вліянія и голоса).

Окруженный этою бездною волненія, въ которую бросили меня обстоятельства, смотрю съ ободрительною надеждою на Востокъ нашъ, гдѣ сіяетъ самобытное величіе Россіи, смотрю на колонну Александрову, на которой такъ твердо стоитъ Ангелъ, побѣдитель змѣя, и повторяю то, что сказалъ *) въ ту минуту, когда открылась предъ нами эта колонна, эмблема прошедшаго и будущаго: «Не вся ли это Россія? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало-по-малу, подъ шумомъ древнихъ междоусобій, подъ громомъ Половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ Татарскаго ига, въ бояхъ Литовскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И Ангелъ, вѣнчающій эту колонну, не то ли онъ знаменуетъ, что дни *боеваго* созданія для насъ миновались, что все для *могущества* сдѣлано, что *завоевательный* мечъ въ ножнахъ

---

*) Жуковскій разумѣетъ крѣпостное право, имѣвшее очень мало общаго съ западно-европейскимъ рабствомъ. Онъ зналъ, что именно въ 1848 году Николай Павловичъ созывалъ комитетъ объ отмѣнѣ этого права. *П. Б.*

**) 30-го Августа 1834 года, т.-е. полвѣка тому назадъ. *П. Б.*

«и не иначе выпадетъ изъ нихъ, какъ для *сохраненія*; что наступило «время *созданія мирнаго*; что Россія, все *свое* взявшая, *нынѣ* безопасная, врагу недоступная или погибельная, не *страхъ*, а *стражъ* по«роднившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый періодъ бы«тія своего, въ періодъ развитія *внутренняго, твердой законности*, спо«койнаго пріобрѣтенія всѣхъ истинныхъ *сокровищъ гражданской жизни*; «что, опираясь всѣмъ Западомъ на Европу (но не завися отъ ея влія»нія), всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ Сѣверомъ и Востокомъ «на два Океана, богатая и *бодрымъ народомъ, и землею* для *тройнаго «народонаселенія*, и всѣми дарами природы для живой *промышленно«сти*, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ ея нѣдра «жизнію и готова произрастить богатую жертву гражданскаго благо«денствія, *ввѣренная самодержавію*, которымъ нѣкогда была создана и «упрочена ея сила и котораго символъ нынѣ открытъ предъ нею Ца«ремъ ея въ лицѣ сего крестоноснаго Ангела; а имя его *Божія правда.*»

Мое письмо, то-есть *начало* моего письма, покажется Вашему Высочеству сумасшествіемъ; но я не хотѣлъ выбросить этого начала, дабы сохранить моему письму его странно-разительную особенность: оно начинается спокойнымъ разсужденіемъ о *возможности* и чрезъ три строки послѣ написаннаго объ этой *возможности*, уже стоитъ описаніе самаго *событія*, всякое ожиданіе превзошедшаго.... О судьба человѣческихъ созданій! Не читайте моей, теперь ненужной, болтовни, но сохраните этотъ листокъ, на которомъ между двумя строками умѣстились въ одно мгновеніе вѣковыя происшествія.

Послѣ всего этого долженъ я на минуту обратить ваше вниманіе на меня. Еслибы были у меня крылья, я бы давно уже былъ въ Россіи; но ихъ нѣтъ. Жена лежала до сихъ поръ въ постелѣ; дорóгъ нѣтъ ни водою, ни сушею; надобно выжидать, чтò будетъ, спокойно отдавъ себя въ волю Божію. Чувствую, что теперь мое мѣсто при Васъ; но могу ли здѣсь бросить семью мою, больную жену съ двумя ребятишками? Бѣдная, бѣдная моя жена; она ожидала себѣ исцѣленія отъ Эмса; но будетъ ли возможно ей исполнить эту надежду? Прошу Васъ оказать мнѣ великую милость и представить объ этихъ обстоятельствахъ моихъ Государю Императору. Чтò повелитъ онъ, то и будетъ исполнено. Цѣлую вашу милую руку.

Жуковскій.

2.

Не буду ничего новаго Вамъ описывать; ибо знаю только то, что̀ слышу кругомъ себя, и не позволяю себѣ ни въ чемъ явнаго участія показывать, какъ Русскимъ должно быть теперь въ сторонѣ. Жалѣю о всѣхъ нашихъ Русскихъ, которые теперь въ Парижѣ; ихъ положеніе должно быть весьма затруднительное: ни у кого нѣтъ денегъ, ибо теперь ихъ бумаги не иное что какъ тряпки; нѣтъ доро̀гъ для проѣзда: вездѣ дороги ненадежны отъ множества бродягъ, а желѣзныя дороги испорчены, да еще для путешествія нужны опять деньги. Парижъ, говорятъ, пока самое спокойное мѣсто во Франціи; но долго ли это продолжится? Коммунизмъ поднялъ свою голову или, лучше сказать, свои тысячи головъ, которыя въ видѣ комунистическихъ клубовъ зіяютъ и ревутъ по всей Франціи. А что̀ они ревутъ? *Твое теперь мое.* Это текстъ ихъ всѣхъ проповѣдей. Что̀ изъ этого будетъ? Отрезвитъ ли это Германію? И надѣяться невозможно! Опьяненіе слишко̀мъ сильное и всеобщее, возмутители всюду и на всѣхъ пунктахъ, и тайно и явно дѣйствующіе, не даютъ образумиться; книгопечатаніе дѣйствуетъ свободно; вездѣ и въ Германіи начнутся клубы, а власть хранительная и обуздательная парализирована. Германія падаетъ.

Съ благоговѣніемъ смотрю теперь на нашу Россію. На своемъ неприступномъ для *внѣшняго* врага Востокѣ возвышается она теперь надъ взволнованною Европою, какъ ковчегъ, хранящій въ себѣ зародышъ новаго міра, надъ волнами потопа, поглотившаго прежній. Помоги Богъ ея царственному Кормщику провести ее посреди этой бездны, не поддавшись ея волнамъ. Въ Германіи теперь всѣ кричатъ: прочь отъ Россіи; намъ не нуженъ союзъ ея, онъ намъ противенъ; мы своими силами сладимъ съ грозящею намъ Франціею. На этотъ крикъ отвѣта не нужно. Съ тою Германіею, которая рождается изъ теперешняго хаоса, у Россіи союза быть не можетъ; онъ Россіи не нуженъ. Россія сильна у себя и будетъ вдвое сильнѣе, когда все свое могущество устремитъ на свою внутренность, отгородивъ Китайскою стѣною себя отъ заразы внѣшней. Къ намъ никто не придетъ, помня урокъ, данный Наполеону; мы не будемъ побѣждены внѣ границъ нашихъ, ибо не выйдемъ изъ нихъ для завоеваній: завоеванія намъ не только не нужны, но и вредны. Все, что̀ необходимо для нашей самобытности, могучей и отовсюду неприкосновенной, все у насъ есть. Наши завоеванія никогда не были чисто-завоевательными, а только образовательными пріобрѣтеніями. Всѣ попытки на всемірную монархію, начиная съ Карла Великаго до Наполеона, выходили отъ Запада. Властолюбіе не есть характеръ Россіи. Теперешнія происшествія болѣе не-

жели когда-нибудь указываютъ ей на ея судьбу и на ея будущее великое назначеніе. Самодержавіе неограниченное, отеческое самодержавіе, хранящее Божію правду, исполняющее ее для всѣхъ и каждаго, берегущее все законное, все на что̀ дано отъ Бога неотъемлемое право всѣмъ и каждому, самодержавіе, нѣкогда создавшее, а теперь хранящее и одно могущее сохранить сильную самобытность Русскаго царства; имъ однимъ и во дни всемірныхъ бѣдствій сохранится наше великое отечество. Мы стоимъ отъ всего въ сторонѣ, стоимъ твердо; мы можемъ обойтись безъ Европы; мы не будемъ отброшены, какъ они кричатъ, въ Азію; мы—христіане; мы заняли образованіе у Европы и употребимъ его по своему и для себя; мы можемъ не быть принадлежностію Европы. Мы будемъ ни Азія, ни Европа, мы будемъ Россія, самобытная, могучая Россія, не ботъ, прицѣпленный къ кораблю Европейскому, а крѣпкій Русскій корабль перваго ранга, отдѣльно отъ другихъ, подъ своимъ флагомъ плывущій путемъ своимъ. Такъ мнѣ это сдается. Сохрани Богъ Русскому кораблю его великаго Кормщика и вложи силу Свою въ руку его Наслѣдника!

Скажу теперь слово о себѣ. Можете вообразить, какъ все теперь стремитъ меня въ Россію и какую тревожную жизнь я долженъ вести, находясь въ самомъ центрѣ бури. Если къ этому присоединить то, что, будучи свидѣтелемъ всего, что̀ кругомъ творится, я долженъ еще быть свидѣтелемъ страданій бѣдной жены моей, которыя всю послѣднюю половину зимы усилились и на которыя дѣйствуетъ весьма сильно внѣшнее, то вы получите полную идею о тягостномъ моемъ положеніи. На первый случай мнѣ нельзя тронуться изъ Франкфурта: здѣсь теперь самый спокойный и безопасный уголокъ Европы: подъ нами буря прошла; вездѣ она только болѣе и болѣе разгорается. Дороги невѣрны, пароходства еще нѣтъ; какъ везти жену больную съ двумя ребятишками такимъ путемъ? Надобно выждать благопріятнѣйшей минуты и ею воспользоваться. Причина самая *рѣшительная* для всей будущей моей жизни: по назначенію Коппа болѣзнь жены моей можетъ быть искоренена только Эмсомъ; наше пребываніе тамъ въ прошломъ году было для меня цѣлительно; второй курсъ поставилъ бы ее вѣроятно на ноги. Если я привезу ее теперь въ Россію, то все мое пребываніе за границею останется безъ результата, а моя бѣдная жена еще надолго осуждена будетъ нести крестъ болѣзни, которая всю ея физическую и нравственную жизнь уничтожаетъ. Если двѣ недѣли предъ этимъ (можно сказать за два вѣка) мой планъ былъ перевезти ее въ Маѣ въ Эмсъ, а самому ѣхать въ Россію, теперь не могу подумать оставить ее здѣсь одну, посреди этого водоворота; но не могу въ эту минуту, еще не зная что̀ будетъ, и лишить ее спаси-

тельнаго Эмса. Если какой нибудь устроится порядокъ до Мая мѣсяца, то воспользуюсь. По доброй волѣ мнѣ желать здѣсь остаться невозможно: желаніе возвратиться въ отечество есть теперь моя болѣзнь. Тамъ все покой, устройство, безопасность, все что̀ любишь, все что̀ сердцу свято; тамъ защитное пристанище для всего что̀ мое драгоцѣннѣйшее въ жизни. Цѣлую Вашу руку и молю Бога за васъ и за Ваше семейство. Спаси Господи люди Твоя!

Жуковскій.

3.

(Мартъ 1848).

Вы знаете теперь все, что̀ было въ Берлинѣ. Прусская монархія рухнула. Что̀ будетъ слѣдствіемъ этого для всей Германіи и для всей Европы? Знаетъ одинъ все устраивающій Богъ. Всѣ надежды наши на самобытность Россіи, которая во всей своей силѣ можетъ отдѣлиться отъ Запада и стоять твердо за своею стѣною. Но не мое дѣло объ этомъ разсуждать. Сдается только, что въ эту минуту начинается новая, живая эпоха для нашего сильнаго, самодержавнаго царства, если оно только не поддастся влеченію общаго потока.

Скажу слово о себѣ и о своихъ. Мы теперь стоимъ на самомъ кипучемъ пунктѣ волнующейся Германіи; покуда здѣсь пунктъ еще самый пріютный относительно личной безопасности. Но на долго ли? А между тѣмъ все соединилось, чтобы усилить тягость моего особеннаго положенія. Съ нѣсколькихъ дней я самъ боленъ: воспаленіе въ глазу, которое мѣшаетъ всякому дѣйствію. Жена больна, и именно въ тѣ дни, когда здѣсь должно быть весьма шумно (что̀, конечно, не помогаетъ успокоиться нервамъ весьма разстроеннымъ), будетъ она дни на четыре прикована къ постелѣ. А между тѣмъ мысль о томъ, что̀ теперь должно происходить въ душѣ нашего Государя, что̀ должно раздирать душу Императрицы, что̀ наполняетъ Вашу душу, которая такъ вѣрно предузнала все случившееся, эта мысль не отходитъ отъ меня ни на минуту: смотришь съ оцѣпенѣніемъ на непобѣдимость обстоятельствъ и на свое собственное безсиліе и только въ одномъ находишь внутреннее упокоеніе, въ томъ именно, что все это есть выраженіе Божіей воли. Можетъ случиться однако, что буду принужденъ покинуть пріютъ мой немедленно. Поступлю какъ велятъ обстоятельства. Но тяжко, тяжко не имѣть никакихъ прямыхъ извѣстій о Россіи. — Благослови, благослови Богъ Государя, Васъ и Россію!

Ж.

Въ будущее Воскресенье, то-есть завтра, самоуправный сеймъ образователей Германскаго Союза будетъ имѣть свое собраніе въ Гейдельбергѣ. Въ будущій Четвергъ 18 (30) Марта перейдетъ онъ во Франкфуртъ. Здѣсь должно произойти что-нибудь рѣшительное. Теперь вся власть и сила перешли на сторону мнѣнія, а каково это мнѣніе, Вы видите довольно; но его теперешняя сила есть сила лавины, которой въ эту минуту нѣтъ препятствія. Прусскій король который еще за десять дней предъ этимъ могъ овладѣть этимъ мнѣніемъ, все потерялъ: и матеріальная, и нравственная сила его разрушена; по крайней мѣрѣ таково оно въ эту минуту. Что̀ будетъ завтра, кто вѣдаетъ? Но я не хочу и не могу быть пророкомъ. Вся душа разрывается при мысли о королѣ Прусскомъ. Его бѣдственное положеніе невыразимо. Но Богъ живъ!

*

Тогдашній король Прусскій, старшій братъ нашей императрицы Александры Ѳеодоровны, имѣлъ въ характерѣ своемъ мало царственнаго. Одна Русская выразилась про него, что онъ походилъ болѣе на какого нибудь камергера, чѣмъ на державнаго государя: въ разговорахъ своихъ онъ безпрестанно прибѣгалъ къ заискиванію и льстивости. Благодаря его нерѣшительности, 6 (18) Марта 1848 произошло страшное столкновеніе Прусскихъ солдатъ съ Берлинскимъ населеніемъ, продолжавшееся въ теченіи болѣе полусутокъ. Въ какіе нибудь два-три часа на улицахъ было устроено до двухсотъ баррикадъ, которыя и были разбиваемы картечами, но безуспѣшно. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV-й, говаривавшій про свой санъ, что онъ чреватъ слезами (das Loss der Könige ist trähnenschwer), принужденъ былъ отозвать войска въ казармы и дозволилъ образованіе охранной городской и дворцовой стражи, изъ народа. Трупы погибшихъ гражданъ переносились на дворъ большаго королевскаго замка, и королю пришлось встрѣчать ихъ, въ знакъ уваженія, съ открытою головою, при чемъ несчастная королева падала въ обморокъ. Наслѣдникъ Прусскаго престола, нынѣшній императоръ Вильгельмъ, спасся отъ народной ярости, едва не разгромившей его дворца, отъѣздомъ въ Англію.—Русской политической печати въ то время почти не существовало, и отъ читающаго люда тщательно скрывались эти подробности. Тѣмъ болѣе было простору ужасающимъ толкамъ, и можно судить, какое впечатлѣніе такъ называемыя мартовскія Берлинскія событія должны были произвести на дворъ нашъ и на тогдашнихъ правящихъ людей, пріученныхъ еще со временъ Александра Павловича дѣйствовать по Прусскимъ образцамъ. П. Б.

(Продолженіе будетъ.)

ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА КЪ ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

1829 годъ *).

I.

Варшава, 25 Янв. (6 Февр.) 1829.

Вамъ угодно было написать мнѣ о жандармской службѣ въ бывшихъ Польскихъ провинціяхъ и сообщить также о выгодахъ, кои послѣдовали бы для этой службы въ Вильнѣ, еслибы штабсъ-капитанъ Клемчинскій могъ быть назначенъ туда въ качествѣ адъютанта при начальникѣ отдѣла; тѣмъ болѣе, что, будучи уроженцемъ края, онъ могъ бы имѣть удобнѣйшія отношенія въ немъ, при своихъ связяхъ, интересахъ и родствѣ, а также и благодаря хорошей репутаціи, которою онъ тамъ пользуется.

Вы простите меня, дорогой генералъ, если я откровенно скажу вамъ, что именно потому что онъ имѣетъ въ краѣ этомъ и родныхъ, и связи, и интересы — онъ не годится, по моему мнѣнію, на эту должность. Все это суть препятствія къ тому, чтобы онъ выполнялъ свои обязанности. Трудно, и даже почти невозможно, ручаться, что онъ не поколеблется предъявлять прямую и чистую истину, предвидя, что она повредитъ или его родственнику, или пріятелю. Конечно, дорогой генералъ, въ такихъ случаяхъ, его привязанности или слабости всегда возмутъ верхъ надъ требованіями службы. Таковы причины, которыя, по моему мнѣнію, не дозволяютъ не только Клемчинскому, но и всякому Поляку служить въ жандармахъ въ бывшихъ Польскихъ провинціяхъ, какъ бы ни была хороша ихъ личная репутація; ибо я никакъ не могу взять на себя отвѣтственности за таковое ихъ туда назначеніе, и далѣе поясню это подробнѣе.

---

*) Письма 1826—1828 годовъ см. въ Русскомъ Архивѣ 1884 года, кн. 6-я. За недостаткомъ мѣста помѣщаемъ выдержки изъ писемъ 1829—1831 годовъ только въ переводѣ. *П. Б.*

За тѣмъ вы говорите мнѣ, что по одному обвиненію жандармскаго офицера никто еще не былъ преслѣдованъ и наказанъ, и что на ихъ донесенія смотрятъ какъ на простыя указанія для открытія истины путями законными. Я съ вами въ этомъ совершенно согласенъ; но за то, согласитесь, что всякій обыватель знаетъ, вообще, какое призваніе жандармовъ, знаетъ, что они надзираютъ за всѣмъ порядкомъ и обязаны доносить своему начальству о всякомъ дурномъ дѣйствіи или нарушеніи, какое только замѣтятъ или услышатъ. Вотъ почему ихъ боятся, а потому всѣ сословія болѣе или менѣе избѣгаютъ ихъ. Публика же рѣшительно не знаетъ, какой ходъ имѣютъ ихъ донесенія и какія послѣдствія.

Вы полагаете, что трудно Русскому или Остзейцу найти въ томъ краю доступъ въ общество. Скажу вамъ съ привычной мнѣ откровенностью, что если выбраны будутъ лица не только способныя, но и свѣтскія — я увѣренъ, что они не встрѣтятъ затрудненій, какъ не сомнѣваюсь ни на минуту, что они предпочтительнѣе туземцевъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вы указываете мнѣ сверхъ того, что въ самомъ Царствѣ Польскомъ жандармская служба и высшій надзоръ ввѣрены туземцамъ. На это одно возраженіе: здѣсь эти лица служатъ въ собственномъ отечествѣ, и они вполнѣ убѣждены, что блюсти строго интересы ихъ государя значитъ служить ихъ странѣ. Не то въ бывшихъ Польскихъ провинціяхъ; и, кажется, довольно я доказалъ вамъ неудобства назначать туда туземцевъ на этотъ родъ службы. Впрочемъ я здѣсь лишь излагаю откровенно свое мнѣніе, основанное на опытѣ, но далекъ отъ желанія сколько-нибудь подѣйствовать на рѣшеніе, которое вамъ угодно будетъ принять. Вотъ, однако, что́ остается мнѣ еще вамъ сказать объ этомъ.

Вамъ извѣстно, что система покойнаго Императора имѣла постоянною цѣлію проводить родъ подобія между Царствомъ Польскимъ и бывшими Польскими провинціями *). Вы знаете, что въ нихъ губернаторы были избираемы изъ туземцевъ, что рекруты для Литовскаго корпуса набирались изъ самаго края, и что даже цвѣтъ воротниковъ въ полкахъ этого корпуса согласованъ былъ съ цвѣтами мундирныхъ воротниковъ Польскихъ войскъ. Въ то время эта система была прилична обстоятельствамъ; но какъ они измѣнились, то надо было измѣнить и систему и принять иныя мѣры. Такъ уже одинъ Русскій назначенъ туда губернаторомъ; уже часть только рекрутъ посылается оттуда въ Литовскій корпусъ. Итакъ, съ перемѣною прежняго порядка вещей, не вижу, почему такъ желать теперь назначенія непремѣнно туземцевъ въ тамошніе жандармы.

Касательно выбора старшихъ офицеровъ для этого корпуса, а равно и генерала для губерній, состоящихъ подъ моимъ вѣдѣніемъ, я долженъ признаться вамъ, что не имѣю въ виду, кого бы вамъ представить для занятія этихъ должностей, съ коими связано столько высшихъ интересовъ,

---

*) A introduire une espèce d'analogie.

и которыя, естественно, требуютъ большой отвѣтственности. Этого извиненія отъ меня вамъ достаточно будетъ, дорогой генералъ, особенно если вы взвѣсите, что надобно быть убѣждену какъ въ умѣніи, такъ и въ честности лица̀, прежде чѣмъ взять на себя отвѣтственность за него, въ случаѣ еслибы онъ имѣлъ несчастіе повредить благу службы Его Величества. Эти мѣста столь довѣренныя, что на нихъ надо назначать офицеровъ, за которыхъ можно отвѣчать, такъ сказать, какъ за самого себя.

Изумительно, какимъ образомъ, такъ хорошо доказавъ совершенную невозможность довѣрять нѣкоторыя должности Полякамъ въ Западномъ краѣ, Константинъ Павловичъ въ тоже время утверждаетъ положительно, что въ Царствѣ Польскомъ всѣ они строго охраняютъ „интересы" своего (Русскаго) государя, въ убѣжденіи, что этимъ самымъ служатъ собственному (Польскому) отечеству!

2.

Варшава, 29 Янв. (10 Февр.) 1829.

Пересылаю вамъ при семъ, дорогой генералъ, отрывокъ просьбы, обращенной ко мнѣ Венцеславомъ Готесманомъ. Вы увидите изъ этой бумаги, которую посылаю единственно для доставленія вамъ нѣсколькихъ минутъ веселости и смѣха отъ подобной логики, всю нелѣпость требованій, кои онъ вздумалъ представлять; также и то, что личность эта уже удалена за наши предѣлы; она однако отнюдь не оставляетъ меня въ покоѣ.

Выписка изъ просьбы Венцеслава Готесмана *), *бывшаго гусарскаго офицера Австрійской службы, отъ 10 Января 1829 изъ Кракова.*

Проситель, послѣ завѣренія въ чистотѣ своихъ намѣреній и правилъ, а также въ преданности своей Его Высочеству и Его Величеству, излагаетъ состояніе, до коего его довели арестъ въ С.-Петербургѣ и ссылка за границу; онъ говоритъ, что прошедшій въ Краковѣ слухъ, будто онъ былъ въ С.-Петербургѣ повѣшенъ, какъ Австрійскій шпіонъ, имѣлъ гибельное вліяніе на здоровье его жены, что все это уничтожило его репутацію и его счастіе и лишаетъ его надежды доставить мѣста̀ сыну и дочери.

Затѣмъ г-нъ Готесманъ желаетъ: 1) чтобы Его Высочество купилъ на свой счетъ тѣ вина, кои онъ Г. долженъ вывезти изъ С.-Петербурга; они находятся у банкира Плацмана въ Любекѣ и стоятъ 42.703 руб. асс.

2) Въ ночь передъ отъѣздомъ его изъ С.-Петербурга онъ уступилъ полковнику Неелову 2.000 бутылокъ Токайскаго вина за нѣсколько малоцѣнныхъ золотыхъ вещей, и за два векселя на 20.000 р. асс., имѣющихъ быть оплаченными нѣкіимъ г-мъ Лёромъ, который долженъ находиться при Его Высочествѣ въ Варшавѣ. Сумма этихъ прилагаемыхъ имъ въ подлинникѣ векселей должна быть ему прислана фирмами: Штейнкелеръ и Гольцль.

---

*) См. о немъ въ Русскомъ Архивѣ 1884 кн. 6, стр. 312—317.

3) Такъ какъ онъ, Готесманъ, обязался доставить одному Англійскому негоціанту извѣстное количество Токайскаго вина къ 1-му Марта 1828, а исполнить обязательства не могъ, и несетъ чрезъ это значительныя потери, то пусть Его Высочество купитъ это вино на свой счетъ.

4) Проситель умоляетъ, чтобы запрещеніе въѣзжать ему въ императорско-королевскія владѣнія было снято.

3.

Варшава, 8 (20) Февраля 1829.

Вы меня извѣщаете о впечатлѣніи, которое произведено на С.-Петербургское общество пріѣздомъ генерала Фикельмона *) и о разныхъ ошибочныхъ по этому поводу предположеніяхъ. Вы знаете, дорогой генералъ, что́ такое публика, и знаете ея желаніе всегда отгадывать тайны правительства. Во всѣ времена любили судить и рядить о государственныхъ соотношеніяхъ по своему, и опредѣлять тотъ или другой результатъ, тогда какъ суть игры видна лишь самимъ кабинетамъ. Всѣ такъназываемые „публицисты“ не могутъ жить безъ новостей собственной ихъ фабрикаціи **).

Счастливое взятіе предмостнаго укрѣпленія Никополя произвело здѣсь такое же прекрасное дѣйствіе какъ и у васъ, тѣмъ болѣе, что доселѣ отнюдь не предполагали, чтобы наши войска могли предпринять что-либо въ подобное время года.

Что же касается до недостатка у насъ денежнаго обращенія и невыгодной торговли зерномъ, то вы совершенно правы, говоря, что не отъ насъ зависитъ помочь злу: оно общее для всей Европы.

4.

Варшава, 15 (27) Февраля 1829.

Касательно сдѣланнаго вами указанія, что средства Австріи малы для того, чтобы она могла вредить намъ, прошу васъ вѣрить, что я объ ней всегда имѣлъ именно такое мнѣніе. Какъ нельзя болѣе радъ, что оно подтверждается и отъ души поздравляю Его Величество, что онъ не встрѣ-

*) Австрійскаго посла. О женѣ его, ур. Хитровой (внучкѣ князя Кутузова) см. Русскій Архивъ 1884, книга 4-я, стр. 418; тамъ же замѣчательное мнѣніе ея о Пушкинѣ-женатомъ.

**) Замѣчаніе, какъ видно, не новое, но очень вѣрное. Надо считать истиннымъ несчастіемъ для страны, что такое количество бумаги *ежедневно* наполняется этою фабрикаціей, на половину и болѣе, непрочитанной, на половину завтра же опровергаемой новыми массами листовъ, къ вечеру уничтожаемыхъ. Какая ужасная трата труда, времени, непроизводительнаго расхода вмѣсто болѣе трезваго дѣла!

титъ никакого препятствія со стороны этой державы въ предстоящей кампаніи. На ваше же извѣстіе объ увеселеніяхъ, занимающихъ (за отсутствіемъ баловъ) С.-Петербургское общество, скажу вамъ, дорогой генералъ, что здѣсь у насъ танцуютъ и проводятъ время весьма весело: балы, рауты, танцовальные вечера—однимъ словомъ, забавляются какъ нельзя лучше *).

5.

Варшава, 21 Февраля (5 Марта) 1829.

Что́ бы ни говорили по случаю назначенія графа Дибича главнокомандующимъ, я думаю и надѣюсь, что опасеніе публики касательно пылкости характера этого генерала, какъ равно и его начальника штаба барона Толя, отнюдь не оправдается. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы и можно было бояться разности ихъ мнѣній, все-таки смѣю надѣяться, что долгъ службы и военная честь по необходимости ихъ сблизятъ, чтобы дѣйствовать согласно и вполнѣ отвѣчать высокому довѣрію, которымъ Императоръ удостоилъ ихъ облечь.

6.

Варшава, 15 (27) Марта 1829.

Его Величеству угодно знать мое мнѣніе на счетъ дальнѣйшаго назначенія тѣхъ политическихъ арестантовъ, которые, по истеченіи сроковъ своего тюремнаго заключенія въ С.-Петербургѣ, будутъ отосланы на родину; а изъ вашего письма я усматриваю, что, по вашему мнѣнію, кромѣ предусмотрѣннаго высочайшимъ повелѣніемъ надзора со стороны мѣстной полиціи, необходимо подвергнуть этихъ арестантовъ дополнительному надзору, возложивъ его или на ихъ родственниковъ или на близкихъ знакомыхъ. Прошу васъ, любезный генералъ, доложить отъ моего имени Его Величеству, что такъ какъ надъ арестантами, о которыхъ идетъ рѣчь, уже состоялся окончательный приговоръ и этотъ приговоръ утвержденъ Императоромъ, то я не осмѣливаюсь имѣть иного мнѣнія, какъ то, что этотъ приговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе согласно съ своимъ буквальнымъ смысломъ безъ всякихъ измѣненій или дополненій, и что царская милость должна оставаться священной и неприкосновенной. Что̀-же касается князя Яблоновскаго, то въ виду постановленнаго по моему всепокорнѣйшему ходатайству милостиваго высочайшаго рѣшенія касательно участи князя и въ виду сообщенной мнѣ въ собственноручномъ письмѣ Его Величества высочайшей воли, чтобъ князь былъ отправленъ въ Са-

*) По случаю кончины Маріи Өедоровны въ Петербургѣ не было тогда баловъ.

ратовъ, я полагаю, что онъ долженъ тамъ оставаться и не имѣю ничего къ этому прибавить.

Въ приговорѣ сказано, что Карвицкій и Ворцель осуждены на службу простыми солдатами, а первый изъ нихъ долженъ быть помѣщенъ въ дѣйствующую армію. Стало быть судьба Карвицкаго окончательно рѣшена; но такъ какъ въ приговорѣ ничего не сказано о назначеніи Ворцеля, то прошу васъ, любезный генералъ, доложить Его Величеству, не угодно-ли будетъ ему зачислить этого послѣдняго въ Литовскій корпусъ, гдѣ я помѣстилъ бы его въ хорошій полкъ и подъ хорошій надзоръ. Такъ какъ у него есть въ этихъ провинціяхъ имѣнія и давнишнія связи, то его примѣрное наказаніе будетъ замѣчено здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и потому будетъ болѣе дѣйствительно и болѣе благотворно: ранецъ на его плечахъ непремѣнно произведетъ здѣсь сильное впечатлѣніе.

Вы также увѣдомляете меня, что Его Величеству угодно знать мое мнѣніе о томъ, какъ поступить съ Маевскимъ и Крыжановскимъ, послѣ того какъ они будутъ выпущены на свободу. Поэтому прошу васъ довести до свѣдѣнія Его Величества, что, насколько мнѣ знакомы эти двѣ личности, Маевскій человѣкъ дюжинный и съ ограниченнымъ умомъ и что его слѣдовало-бы удалить отсюда, сославъ въ Саратовъ вмѣстѣ съ княземъ Яблоновскимъ; напротивъ того, Крыжановскій человѣкъ злой, закоренѣлый въ своихъ ложныхъ мнѣніяхъ, безнравственный, — однимъ словомъ, вредный во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому было-бы желательно, чтобъ онъ здѣсь болѣе не появлялся и былъ-бы сосланъ въ Тамбовскую губернію или въ какую-либо другую изъ отдаленныхъ Русскихъ губерній, гдѣ былъ-бы отданъ подъ надзоръ губернатора, а на этого губернатора была-бы возложена непремѣнная обязанность лишить его навсегда возможности возвратиться въ царство или въ одну изъ бывшихъ Польскихъ провинцій.

7.

Варшава, 22 Марта (3 Апрѣля) 1829.

Молодой Ефимовскій, арестованный, какъ вы мнѣ сообщаете, за то, что намѣревался выгравировать въ Москвѣ рисунокъ съ революціонными знаками и надписями, уже извѣстенъ мнѣ своимъ дурнымъ поведеніемъ въ Пажескомъ Корпусѣ. Поэтому не считаю излишнимъ препроводить къ вамъ прилагаемую при семъ копію съ донесенія, которое было въ ту пору представлено мнѣ объ этомъ молодомъ человѣкѣ генералъ-лейтенантомъ Гогелемъ, временно исправлявшимъ обязанности главнаго директора военно-учебныхъ заведеній. Прилагаю также копію съ постановленнаго объ Ефимовскомъ высочайшаго рѣшенія, вслѣдствіе котораго онъ былъ исключенъ изъ Пажескаго Корпуса. Чтó-же касается Швейцарскаго уроженца Гробе, который въ теченіе нѣкотораго времени былъ наставникомъ Ефимовскаго

и развилъ въ немъ либеральныя наклонности, то я считаю нужнымъ замѣтить, что эти такъ называемые менторы, пріѣзжающіе сюда изъ-за границы, представляютъ серьезную опасность для общества. Это бо̀льшею частію праздношатающіеся люди, у которыхъ нѣтъ ни опредѣленныхъ занятій, ни хорошей нравственности, ни какихъ-либо серьозныхъ познаній и которые принадлежатъ къ подонкамъ общества; однимъ словомъ, это негодяи, которые втираются въ наши семьи въ качествѣ наставниковъ и развращаютъ молодежь. Въ этомъ я неоднократно убѣждался изъ донесеній, которыя получалъ изъ находящихся подъ моимъ управленіемъ губерній. Между этими людьми встрѣчаются даже такіе, которые, не имѣя никакого паспорта, все таки умѣли пробраться къ намъ и получить мѣста наставниковъ, преподавателей иностранныхъ языковъ и т. д.

Дьяконъ, приславшій изъ Казани къ архіерею прошеніе, подписанное такимъ страннымъ образомъ, вполнѣ заслужилъ своей нелѣпой выходкой постановленнаго Его Величествомъ рѣшенія препроводить его въ С.-Петербургъ въ сопровожденіи фельдъ-егеря.

Съ тѣхъ поръ, какъ Министерство Народнаго Просвѣщенія ввѣрено адмиралу Шишкову, Поляки постоянно находятъ средства и пути, чтобъ вступать въ прямыя сношенія съ этимъ министерствомъ; а съ тѣхъ поръ какъ они стали находить тамъ легкій доступъ, отъ нихъ начали поступать туда разные доносы *).

8.

Варшава, 21 Апрѣля (3 Мая) 1829.

Много благодаренъ вамъ, любезный генералъ, за доставленныя вами свѣдѣнія касательно недавняго открытія нѣсколькихъ членовъ тайнаго и преступнаго общества, которое существовало въ 1825 и даже въ 1826 г. и имѣло цѣлію соединить Польшу и Малороссію въ одну независимую отъ имперіи республику. Открытіе этого рода, безъ сомнѣнія, имѣетъ чрезвычайную важность, и я полагаю, что крайне необходимо выяснить все, что касается этого дѣла. По моему мнѣнію, слѣдовало-бы вытребовать подписки, которыя были даны замѣшанными въ это дѣло личностями правительству съ объясненіемъ того, принимали они или не принимали участія въ нѣкоторыхъ тайныхъ обществахъ. Изъ содержанія этихъ документовъ можно будетъ видѣть, въ какой мѣрѣ они были искренни по отношенію къ правительству и исполнили-ли они то, чего требовали отъ нихъ присяга въ вѣрности и довѣріе Монарха.

---

*) Какъ извѣстно, А. С. Шишковъ вступилъ на старости лѣтъ въ бракъ съ Полькою, и ея соотечественники свили себѣ гнѣздо въ домѣ Русскаго министра народнаго просвѣщенія. П. Б.

9.

Варшава, 16 (28) Іюля 1829.

Вы, конечно, не позабыли, любезный генералъ, что во время вашего пребыванія въ здѣшнемъ городѣ *) мы часто бесѣдовали о настроеніи умовъ здѣшняго общества. Въ то время я говорилъ вамъ, что это настроеніе вообще хорошо, но что тѣмъ не менѣе одна восьмая часть общества, изъ привязанности къ ложнымъ и вреднымъ для правительства началамъ, составляетъ особую партію, у которой главная и явная цѣль — сѣять несогласіе и раздоръ между Его Величествомъ Императоромъ и мною. Я говорилъ вамъ, что составляющіе эту партію недоброжелатели всѣми силами стараются устранить меня отъ той сферы дѣятельности и надзора, которая поручена моей заботливости и заботливости г-на Новосильцова, ревностно содѣйствующаго моимъ усиліямъ, и наконецъ, что эта дѣйствительно существующая и стѣсняемая моимъ надзоромъ партія, желая парализовать всѣ мои распоряженія, старается оказывать мнѣ противодѣйствіе и высвободиться изъ-подъ ввѣренной мнѣ власти, потому что тогда она моглабы приступить къ осуществленію своихъ замысловъ, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ.

По мнѣнію составляющихъ эту партію лицъ, самою благопріятной для ихъ намѣреній минутой было прибытіе Его Императорскаго и Королевскаго Величества въ этотъ городъ для совершенія обряда коронованія; они надѣялись, что при помощи козней они пріобрѣтутъ свободу дѣйствій въ будущемъ и сбросятъ съ себя узду, которая удерживаетъ ихъ на пути долга.

Когда они увидѣли, что совершенно обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ Его Величество остался доволенъ всѣмъ, что́ здѣсь видѣлъ, что между нимъ и мною сохранились самыя лучшія отношенія и что я получалъ отъ Его Величества самыя лестныя доказательства полнаго ко мнѣ довѣрія, то я говорилъ вамъ въ то время, что эти злонамѣренные люди постараются выместить на мнѣ свое разочарованіе и, что вслѣдствіе ихъ происковъ, черезъ нѣсколько недѣль появятся въ иностранныхъ газетахъ клеветы и оскорбленія, направленныя какъ противъ меня, такъ и противъ г-на Новосильцова.

Къ несчастію, мое предсказаніе вполнѣ оправдалось по истеченіи этого срока, такъ какъ написанныя именно въ этомъ духѣ статьи появились въ *Journal des Débats* отъ 13 Іюля и въ *Constitutionnel* отъ 15 Іюля, въ № 196. Въ этихъ статьяхъ идетъ рѣчь обо мнѣ и о г-нѣ Новосильцовѣ, но въ нихъ столько-же гнусныхъ выдумокъ, сколько оскорбленій и клеветъ. Къ этому я долженъ прибавить, что хотя *Journal des Débats* изложилъ факты въ томъ видѣ, въ какомъ они были ему сообщены, онъ былъ

---

*) Т.-е. весною этого года, во время Варшавскаго коронованія Николая Павловича.

болѣе умѣренъ въ своихъ выраженіяхъ, между тѣмъ какъ *Constitutionnel* перепечаталъ безъ измѣненій все, что могли внушить злоба и ненависть.

И такъ я не безъ основанія говорилъ вамъ о партіи людей злонамѣренныхъ; она дѣйствительно существуетъ и, сколько не подлежитъ сомнѣнію ея существованіе, столько-же не сомнителенъ и тотъ фактъ, что тайнымъ для нея центромъ служитъ Калишское воеводство. Оттуда исходятъ всѣ ядовитыя обвиненія; тамъ коренится вражда къ правительству, которую крамольники распространяютъ по всей странѣ. Эти люди кажутся съ перваго раза очень предупредительными и даже очень преданными, но на самомъ дѣлѣ это змѣи, которыя стараются изподтишка васъ ужалить. Въ виду этого факта, удостовѣреннаго доказательствами, которыя находятся въ моихъ рукахъ, слѣдуетъ сознаться, что если бы этимъ людямъ дали волю, козни ихъ могли-бы привести къ очень пагубнымъ послѣдствіямъ.

10.

Варшава, 25 Іюля (7 Августа) 1829.

Считаю моимъ долгомъ увѣдомить васъ, любезный генералъ, что, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, адмиралъ Чичаговъ, во время своего пребыванія въ этомъ году въ Карлсбадѣ, выражался очень неосмотрительно, очень неприлично и даже дерзко какъ о Его Величествѣ Императорѣ и Королѣ, такъ и объ его управленіи. Это не удивляетъ меня со стороны этого генерала, такъ какъ я всегда зналъ его такимъ, какимъ онъ теперь показалъ себя въ Карлсбадѣ; тѣмъ не менѣе я считаю за долгъ сообщить вамъ то, что я о немъ узналъ *).

11.

Варшава, 31 Іюля (12 Августа) 1830.

Я съ удовольствіемъ прочелъ то мѣсто вашего письма, гдѣ идетъ рѣчь о происходившихъ подлѣ Гатчины манёврахъ, о которыхъ я также нашелъ нѣкоторыя подробности въ № 87 газеты *Journal de S-t Pétersbourg*. Я отдалъ-бы все на свѣтѣ, чтобъ тамъ присутствовать, и въ этомъ случаѣ я могъ бы совершенно умѣстно употребить Русское выраженіе: *слюни изо рту потекли*, такъ какъ все, что напоминаетъ мнѣ то время и ту мѣстность, о которыхъ вы пишете, всегда возбуждаетъ во мнѣ самый сильный интересъ; а при чтеніи того, что говорится въ вышеупомянутой

---

*) Это письмо имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу одного изъ даровитѣйшихъ государственныхъ людей Русскихъ: члену Государственнаго Совѣта Чичагову велѣно было возвратиться въ Россію, чего онъ не могъ сдѣлать по семейнымъ своимъ дѣламъ. Онъ остался жить въ Парижѣ и перешелъ въ Англійское подданство. См. его переписку въ XIX-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“.

газетѣ о томъ мѣстѣ, которое называютъ *Конетаблемъ*, мнѣ захотѣлось побывать тамъ хоть бы въ должности флейщика (même comme fiffre).

Въ эту минуту вамъ, конечно, уже извѣстно то, что̀ произошло во Франціи; поэтому не нахожу надобности вдаваться по этому поводу въ подробности. Я ограничусь только замѣчаніемъ, что ошибки и промахи королевскаго правительства никоимъ образомъ не оправдываютъ поведенія его противниковъ. Роль, которую игралъ въ этомъ случаѣ герцогъ Орлеанскій, не только достойна порицанія, но даже внушаетъ глубокое презрѣніе. Хотя бы вы сочли меня за это злымъ человѣкомъ, я все-таки не могу скрыть отъ васъ, что я нисколько не былъ-бы недоволенъ, еслибы все это вызвало во Франціи *настоящую междоусобную войну*.

Поѣздка, которую я намѣревался предпринять въ настоящемъ году за границу, вѣроятно не состоится, такъ какъ я нахожу нужнымъ не покидать моего мѣста въ виду разныхъ случайностей.

12.

Велька Бржестовица, 8 (20) Января 1831.

Я вамъ очень признателенъ, любезный генералъ, за то участіе и тѣ дружескія чувства, которыя выражены въ вашемъ письмѣ отъ 29 прошлаго Декабря по случаю печальныхъ событій, происшедшихъ въ Варшавѣ. Какъ бы ни была велика моя скорбь при мысли о бѣдствіяхъ, которыя будутъ послѣдствіемъ этого возстанія Поляковъ, я нахожу утѣшеніе въ томъ, что всѣ обиды, на которыя они ссылаются въ оправданіе своего во всѣхъ отношеніяхъ неизвинительнаго поведенія, лишены всякаго основанія; этимъ они могутъ только усилить свою виновность въ глазахъ всей Европы и выставить въ яркомъ свѣтѣ свою неблагодарность за всѣ благодѣянія, которыми они были осыпаны покойнымъ славной памяти Императоромъ и Королемъ и нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ.

Будьте увѣрены, любезный генералъ, что въ эту трудную минуту я поступилъ такъ, какъ могъ и какъ долженъ былъ поступить. Не смотря на то, что Поляки обнаружили намѣреніе дѣйствовать наступательно, я долженъ былъ воздерживаться отъ всякихъ съ ними столкновеній, и, переведя на территорію имперіи находившіяся подъ моимъ начальствомъ войска императорской гвардіи, я этимъ, полагаю, достаточно доказалъ, что вся вина была на сторонѣ мятежниковъ. Такъ какъ вамъ, конечно, уже извѣстны всѣ печальныя подробности Варшавскаго мятежа, то я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что вы раздѣляете мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Какъ бы ни была ужасна участь, которая ожидаетъ мятежниковъ въ наказаніе за ихъ измѣну и неблагодарность, вся страна будетъ считать ихъ однихъ виновниками своихъ бѣдствій.

Прошу васъ, любезный генералъ, выразить Его Величеству мою глубокую признательность за сообщеніе мнѣ содержанія письма, написаннаго

изъ Петербурга княземъ Любецкимъ къ князю Адаму Чарторыйскому. Это письмо укрѣпляетъ меня въ томъ мнѣніи, которое я прежде имѣлъ о первомъ изъ нихъ; онъ выказываетъ себя совершенно такимъ, какимъ я всегда его зналъ: обманувшись въ надеждѣ, что ему удастся расположить Его Величество въ пользу своихъ преступныхъ довѣрителей, онъ снова прибѣгнулъ къ изъявленіямъ преданности своему Государю.

13 *).

Бѣлостокъ, 28 Марта (4 Апрѣля) 1831.

Все, что̀ вы сообщаете мнѣ въ вашемъ письмѣ, представляетъ такой интересъ, что я не могъ его читать иначе, какъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Я, конечно, вполнѣ раздѣляю всѣ ваши мнѣнія, такъ какъ они основаны на знаніи фактовъ. Будемъ надѣяться, что Божеское милосердіе доставитъ намъ полное торжество при исполненіи этой печальной и ужасной задачи, которая становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе трудной и болѣе сложной. Конечно, не мнѣ судить о военныхъ операціяхъ этой кампаніи; но я позволю себѣ замѣтить, что она во всѣхъ отношеніяхъ сто̀итъ намъ очень дорого. Вамъ, должно быть, уже извѣстна неудача 6-го корпуса 19-го этого мѣсяца и что онъ отброшенъ къ Сѣдльцу. Онъ, думаю, и въ настоящую минуту имѣетъ дѣло съ непріятелемъ, который если не располагаетъ превосходными силами, то по меньшей мѣрѣ крѣпокъ и окураженъ недавнимъ успѣхомъ. По словамъ лицъ, прибывшихъ съ мѣста сраженія, потери были велики съ нашей стороны. Но что̀ всего хуже,— это почти общее возстаніе Виленской губерніи у насъ въ тылу. Сегодня даже не было получено почты изъ этого города, хотя она должна-бы была прибыть сюда еще вчерашняго дня. Положеніе генерала Храповицкаго, по моему мнѣнію, крайне опасно, а еще хуже то, что нѣтъ возможности помочь ему, такъ какъ онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Такой прискорбный примѣръ можетъ увлечь и остальныя провинціи; тогда шансы будутъ для насъ крайне невыгодны, такъ какъ передъ нами будетъ непріятель, а позади насъ возстаніе. Смѣю льстить себя надеждой, что Господь въ Своемъ милосердіи выведетъ насъ изъ этого, по истинѣ, критическаго положенія. Сверхъ того здѣсь утверждаютъ, что Ошмянскій уѣздъ взбунтовался. Я не говорю вамъ о томъ, что̀ должно происходить въ моей душѣ при видѣ всего, что̀ здѣсь происходитъ, и я заранѣе увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства. Какъ ужасно жить внутри страны, находящейся въ возстаніи! Я могъ-бы выйти изъ этого положенія; но если такова воля Божія, пусть будетъ такъ, какъ Ему угодно.

---

*) Въ подлинникѣ это и слѣдующее письма написаны собственноручно. П. Б.

14.

Бѣлостокъ, 19 Апрѣля (1 Мая) 1831.

Мнѣ чрезвычайно пріятно видѣть, что положеніе дѣлъ понято такъ, какъ слѣдуетъ, и что приняты скорыя, дѣйствительныя и энергическія мѣры для противодѣйствія всякаго рода злу, обнаруживающемуся столь явнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, я прошу позволенія не раздѣлять вашего мнѣнія касательно того, что̀ вы говорите о первоначальномъ планѣ военныхъ дѣйствій, то есть о томъ, что эти военныя дѣйствія должны были съ быстротою молніи подавить и остановить революцію. По моему слабому разумѣнію, это значило не понимать настоящаго положенія дѣла, такъ какъ для достиженія столь желанной цѣли не слѣдовало разсчитывать на иностранную націю. Вмѣсто благотворныхъ результатовъ, этимъ достигли лишь того, что крикъ „отечество въ опасности“ заставилъ людей нерѣшительныхъ и хорошихъ присоединиться къ людямъ злонамѣреннымъ. Дѣло приняло-бы другой оборотъ, еслибы судьбѣ было угодно, чтобъ хотя маленькая частица Польши осталась вѣрною: тогда ее можно-бы было употребить на то, чтобъ подавить зло. Но такъ какъ этого не случилось, то дѣло представилось въ иномъ видѣ, и намъ пришлось взять на себя роль нападающихъ, такъ какъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что царство не было включено въ составъ имперіи, а было лишь присоединено къ ней и составляло совершенно отдѣльную ея часть, управлявшуюся иными законами и обычаями и болѣе подчиненную конституціоннымъ постановленіямъ. Послѣдствіемъ этого явилась, какъ вы основательно выражаетесь, борьба между двумя арміями и двумя націями. Это можно было предвидѣть; а всѣ наши первыя мѣропріятія были слишкомъ слабы, и даже скажу слишкомъ рискованны, такъ что на дѣлѣ они оказались безплодными, и ихъ непригодность была очевидна. Къ этому прибавьте огромные пробѣлы въ рядахъ нашей арміи, такъ я самъ видѣлъ, что въ переходившихъ границу полкахъ было по 1100 человѣкъ вмѣсто 1600 или 1800. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что наши войска дерутся только для успокоенія совѣсти и по чувству долга, между тѣмъ какъ ихъ противники сражаются изъ патріотическаго чувства, которое такъ сильно въ Полякахъ, изъ страха наказанія за свое вѣроломство и измѣну,—однимъ словомъ, изъ-за своего національнаго существованія. Сверхъ того, они единодушно преданы идеѣ конституціоннаго управленія, и я думаю, что между нашими есть люди, вполнѣ раздѣляющіе такія же идеи, но не высказывающіе ихъ громко. Однимъ словомъ, всѣ условія сложились такъ, что мы не могли нанести задуманнаго громоваго удара, а къ этому присоединилась и перемѣна температуры, внезапно спустившейся съ 20 градусовъ холода на 5 и 6 градусовъ тепла, отъ чего испортились дороги, и нельзя было переправиться черезъ Вислу. Но самымъ великимъ зломъ была система насильственныхъ реквизицій, тогда какъ слѣдовало-бы снабжать армію черезъ посредство подрядчиковъ. Правда, этотъ способъ дешевле сто̀итъ, но впослѣдствіи

онъ оказывается болѣе дорогимъ, такъ какъ истощаетъ страну, доставляетъ возможность грабить, деморализируетъ армію и совершенно уничтожаетъ дисциплину. Доказательствомъ моего мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что мѣстности, по видимому совершенно опустошенныя грабежемъ, были въ состояніи доставить все нужное для арміи, когда мы стали за все расплачиваться деньгами. Эта вредная система имѣла еще то, болѣе пагубное, послѣдствіе, что она вооружила противъ насъ мѣстныхъ жителей, и я не могу не сказать, что они были правы. Тоже можно сказать и о нашихъ провинціяхъ, такъ какъ таже самая пагубная система обязывала крестьянъ доставлять сюда съѣстные припасы даже съ сѣверныхъ окраинъ Литвы. Потому-то я и пришелъ къ высказанному мною три мѣсяца назадъ мнѣнію. что путемъ примиренія можно-бы было скорѣе достигнуть развязки, чѣмъ наказаніями и строгостью. Система, о которой я говорилъ выше, была поводомъ всѣхъ возстаній, происходившихъ въ нашихъ провинціяхъ, и къ ней слѣдуетъ присовокупить рекрутскіе наборы, безъ которыхъ можно-бы было обойтись въ этихъ провинціяхъ. Я также полагалъ, что слѣдовало сосредоточить бо́льшее число войскъ на нашей границѣ и прежде, чѣмъ начинать военныя дѣйствія, позаботиться о Бѣлоруссіи,—что́ и признано въ настоящую минуту, но къ сожалѣнію слишкомъ поздно. Сверхъ того, я желалъ, чтобъ военныя дѣйствія были открыты Поляками, а не нами. Что́-же касается пораженія, нанесеннаго корпусу генерала Розена, то его можно было предвидѣть, и я его предсказывалъ, когда узналъ, что этотъ генералъ, занявъ позицію на шоссе, долженъ былъ полагаться лишь на свои собственныя средства, такъ какъ его отдѣляло отъ главныхъ силъ нашей арміи пространство въ 10 или 12 миль. Всѣ способы переправы черезъ Вислу оказались неудобо-исполнимыми; это всѣми сознавалось, и нуженъ былъ какой-нибудь предлогъ, чтобъ оправдать неудачу; тогда корпусъ генерала Розена былъ выбранъ для того, чтобъ играть роль жертвы, и на желтые воротники было возведено позорное обвиненіе въ измѣнѣ, которой и приписали неудачу переправы черезъ рѣку. Таково мое мнѣніе, любезный генералъ, и я высказываю его со всей откровенностью и искренностью моего сердца, удрученнаго и истерзаннаго всѣми нашими неудачами. Я высоко цѣню великодушную милость Императора къ генералу Розену, равно какъ справедливость и безпристрастіе, которыми отличаются всѣ дѣйствія нашего Государя, и я за это благословляю его изъ глубины моего сердца. Молю Бога, чтобъ скорѣе былъ положенъ конецъ дерзостямъ Дверницкаго на Волыни и дерзостямъ бунтовщиковъ въ Литвѣ и чтобъ повсюду былъ возстановленъ прочный порядокъ. Жена благодаритъ васъ за память и поручаетъ мнѣ передать вамъ отъ нея поклонъ. Ея здоровье все еще очень плохо, и уже два мѣсяца у ней не прекращается жаръ; я надѣюсь, что милосердіе Божіе прекратитъ ея страданія. Вотъ, любезный генералъ, очень длинное и при настоящихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, не въ мѣру откровенное письмо; но такъ какъ я обращаюсь лично къ вамъ, то не скрываю того, что́ думаю.

ПИСЬМА ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ

во время Польскаго мятежа.

Переведено съ Французскихъ подлинниковъ, возвращенныхъ графу Бенкендорфу по кончинѣ великаго князя и сохраняющихся въ прекрасномъ замкѣ Фаллѣ, нынѣшній владѣлецъ котораго, свѣтлѣйшій князь Петръ Григорьевичъ Волконскій дозволилъ намъ снять съ нихъ списки. Его просвѣщенной любезности обязаны мы сообщеніемъ и предъидущихъ писемъ великаго князя.

Бржестовица, куда писано первое письмо графа Бенкендорфа, есть бѣдное, населенное Жидами, мѣстечко между Гродною и Бѣлостокомъ. Тамъ, въ поносномъ бездѣйствіи, пребывалъ второй внукъ Екатерины Великой, послѣ своего удаленія изъ Варшавы, нагло обманутый Поляками и остудившій къ себѣ своихъ соотечественниковъ. Геніемъ его бабки и воспитательницы нѣкогда готовился ему престолъ Византійскій; самъ онъ произвольно отрекся отъ престола Русскаго, и не безъ его вины пролито столько крови въ 1831 году. Это первый изъ царскихъ братьевъ въ новомъ періодѣ нашей исторіи, въ которой остается онъ съ поучительнымъ и прискорбнымъ значеніемъ великой ошибки. П. Б.

1.

Получено въ Бржестовицѣ, 7 (19) Января 1831.
Отвѣчено изъ Бржестовицы, 8 (20) Января 1831.

Я до сихъ поръ не осмѣливался тревожить Ваше Высочество моими письмами, зная, какъ сильно постигшее Васъ горе. Я ограничивался тѣмъ, что принималъ въ этомъ горѣ самое живое участіе и старательно собиралъ свѣдѣнія обо всемъ, что̀ касалось особы Вашего Императорскаго Высочества. Когда я узналъ, что Ваша жизнь не подвергается никакой опасности и что вы находитесь во владѣніяхъ Русскихъ, я вздохнулъ свободнѣе и имѣлъ счастіе раздѣлить искренюю радость, которую возбудило это извѣстіе въ братолюбивомъ сердцѣ нашего Августѣйшаго Государя. Теперь наши заботы ограничутся войною, которая, тѣмъ не менѣе, будетъ для насъ болѣе горестна, чѣмъ всѣ тѣ, которыя намъ приходилось выдерживать до сихъ поръ, такъ какъ она поведется противъ населенія, уже 16 лѣтъ тому назадъ принятаго въ великую Русскую семью, и неминуемо вовлечетъ множество невинныхъ жертвъ въ погибель и въ разореніе, и отъ этого душа слишкомъ великодушнаго императора Александра будетъ страдать на томъ свѣтѣ.

Для сердца Вашего Императорскаго Высочества, и въ особенности для сердца княгини Ловичъ, должна быть очень тяжела невозможность чѣмъ-либо смягчить виновность тѣхъ клятвопреступныхъ и неблагодарныхъ людей, которымъ вы посвятили самые лучшіе годы Вашей жизни и которые такимъ преступнымъ образомъ разорвали узы, соединявшія ихъ съ роднымъ братомъ ихъ Государя.

У насъ эта война будетъ войной національной; тѣмъ не менѣе она большое для насъ несчастіе. Она послужитъ поощреніемъ для негодяевъ всякихъ національностей и броситъ на вѣсы, и безъ того уже наклоняющіеся въ другую сторону, большую тяжесть въ пользу мятежа противъ законной власти. Здѣсь, слава Богу, общее настроеніе умовъ хорошо; всѣ питаютъ полное довѣріе къ Государю Императору, всѣ высказываютъ рѣшительную ненависть къ Полякамъ и горячую надежду, что въ результатѣ нашихъ усилій будетъ лишеніе Поляковъ возможности впредъ нарушать по ихъ произволу спокойствіе Имперіи. Всѣ восхищены вѣрностью и преданностью, которыя были еще разъ выказаны нашими славными и храбрыми Русскими солдатами во время похода, предпринятаго съ цѣлію оградить брата ихъ Монарха отъ вѣроломства мятежниковъ.

Здѣсь мы стараемся принимать всевозможныя мѣры предосторожности противъ распространенія этого нравственнаго недуга, заражающаго молодые умы въ Европѣ. Мы не должны увлекаться иллюзіями: этотъ недугъ распространяется и проникаетъ повсюду. Съ нимъ слѣдуетъ бороться до послѣдней крайности, но безъ притѣсненій, вооружившись лишь справедливостью и силою. Вотъ почему, все, что походитъ на уступчивость, было-бы несчастіемъ, было-бы сигналомъ общей гибели. Господь, въ Своемъ милосердіи, быть можетъ, довелъ эти безчинства до предѣловъ Россіи именно для того, чтобъ они хоть разъ понесли заслуженное наказаніе. Этотъ примѣръ, быть можетъ, пріостановитъ распаденіе общественнаго строя. Если мы не покажемъ этого примѣра, то въ Европѣ, безъ всякаго сомнѣнія, снова настанутъ вѣка безурядицы и злополучія. Въ этой рѣшительной борьбѣ мы должны употребить въ дѣло все наше могущество и въ особенности всю нашу преданность и покорность. Еслибы могущественная Россія оказалась недостаточно сильной, а въ ея Монархѣ не было-бы твердой рѣшимости подавить мятежъ и наказать за клятвопреступленіе, рушились-бы, всѣ троны и мятежъ сталъ-бы торжествовать побѣду.

Живущіе здѣсь Поляки, какъ кажется, очень огорчены безразсудствомъ своихъ соотечественниковъ. Князь Любецкій почти нигдѣ не показывается; онъ изрѣдка бываетъ у меня и оплакиваетъ бѣдствія, которыя ожидаютъ Польшу. Онъ не думаетъ, чтобъ была какая-нибудь возможность предотвратить бѣду.

Его Величество Государь Императоръ приказалъ мнѣ переслать Вашему Высочеству копію съ письма, написаннаго княземъ Любецкимъ князю Чарторыжскому и отправленнаго въ Варшаву съ графомъ Езерскимъ. Этотъ послѣдній выѣхалъ отсюда съ очень добрыми и благоразумными намѣреніями; посмотримъ, захотятъ-ли внимать голосу разсудка среди волненія, возбужденнаго якобинствомъ и безразсудными притязаніями.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, и пр.

А. Бенкендорфъ.

С.-Петербургъ,
29 Декабря 1830.

2.

На этихъ дняхъ Польскія дѣла должны принять рѣшительный оборотъ. Вся Европа и вся Россія ожидаютъ развязки этой печальной драмы съ нетерпѣніемъ, которое внушено совершенно различными чувствами и надеждами. Имперія желаетъ, чтобъ неблагодарность и клятвопреступленіе были наказаны, чтобъ Поляки были окончательно обезоружены и поставлены въ невозможность нарушать спокойствіе метрополіи. Всѣ иностранные кабинеты, будучи поколеблены разрушительными замыслами, которые овладѣли молодыми умами, и будучи напуганы возстаніями, изъ которыхъ ни одно не было наказано, желаютъ, чтобъ по крайней мѣрѣ Польскіе мятежники понесли заслуженную кару. Поэтому и монархи, и ихъ министры отложили въ настоящую минуту въ сторону зависть и мелкіе интересы и чистосердечно берутъ нашу сторону ради общей пользы. Страхъ творитъ чудеса; онъ сближаетъ враговъ и сдерживаетъ наглость. Напротивъ того, зачинщики безчинствъ и клятвопреступленій, якобинцы, горячо желаютъ успѣха Полякамъ. Общность интересовъ заставляетъ этихъ негодяевъ брататься съ единомышленниками всякихъ національностей и составлять какъ бы одну шайку, которая повсюду возстаетъ противъ общественнаго порядка и законной власти. Такимъ образомъ ударъ, который, по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ, неизбѣжно долженъ поразить Польшу, вмѣстѣ съ тѣмъ поразитъ во всѣхъ странахъ приверженцевъ мятежа. Добро должно восторжествовать надъ зломъ; если же оно окажется безсильнымъ, зло попретъ его ногами.

Здѣсь всѣ опасаются отъѣзда Государя Императора. Всякій считаетъ свою безопасность болѣе обезпеченною подъ его бдительнымъ окомъ; а для народной гордости было-бы прискорбно видѣть, что могущественный Повелитель Россіянъ самъ отправляется укрощать и наказывать мятежниковъ, которые такъ часто бывали побѣждены нашими генералами и такъ часто бывали обязаны своимъ спасеніемъ императорскому милосердію. Подъ вліяніемъ того-же чувства, всякому прискорбно видѣть, что Ваше Высочество подвергаете себя трудамъ и опасностямъ изъ-за дѣла, столь мало достойнаго усилій брата Государева. Нельзя относиться иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ, къ тому благородному чувству, которое связываетъ Вашу судьбу съ судьбою кучки вѣрныхъ солдатъ; это тѣмъ болѣе достохвально, что честолюбіе не играетъ при этомъ никакой роли и что блестящій успѣхъ могъбы сдѣлаться въ этомъ случаѣ источникомъ скорби для сердца Вашего Высочества. Но именно такую скорбь, какъ полагаютъ, долженъ чувствовать тотъ, кому приходится разрушать твореніе своихъ собственныхъ рукъ и уничтожать армію, которая въ теченіи 15 лѣтъ была предметомъ Вашихъ заботъ и Вашей привязанности. Именно эти столь естественныя чувства должны-бы были удалить Ваше Высочество отъ сцены дѣйствія, которая

можетъ возбуждать лишь отвращеніе и которую не въ Вашихъ силахъ перемѣнить.

Благодареніе Господу! Холера почти совершенно прекратилась во всей Имперіи. Извѣстія, которыя получаются изъ губерній, очень успокоительны. Живущіе здѣсь Поляки рѣдко показываются въ обществѣ и держатъ себя очень осторожно; но, само собою разумѣется, что даже лучшіе изъ нихъ утратили среди Русскихъ всякое довѣріе и что они могли бы вновь сдѣлаться достойными этого довѣрія лишь по прошествіи многихъ лѣтъ.

С.-Петербургъ,
24-го Января 1831.

3.

Я слишкомъ дорожу честью переписываться съ Вашимъ Высочествомъ, чтобъ не пользоваться всякимъ удобнымъ для того случаемъ. Хотя важныя событія, такъ сильно интересующія Россію, совершаются въ близи отъ Вашего Высочества, и хотя они извѣстны вамъ во всѣхъ подробностяхъ прежде чѣмъ успѣютъ дойти до насъ, но отъ этого, конечно, не уменьшается интересъ Вашего Высочества къ тому, что происходитъ внутри Имперіи. Въ Москвѣ и въ провинціяхъ вліяніе войны съ Польшей сказывается лишь въ горячихъ пожеланіяхъ, чтобъ ея виновники были скорѣе уничтожены, и въ ожиданіи, что она улучшитъ положеніе нашей торговли и промышленности. Впрочемъ, во время масляницы, всѣ веселились, и повсюду царствовало самое благополучное спокойствіе. Въ Петербургѣ, который служитъ для Имперіи средоточіемъ честолюбія, интригъ и происковъ людей недовольныхъ, сильнѣе чувствуется волненіе, охватившее Европу. Всякій болтаетъ, судитъ, предсказываетъ, выражаетъ свое личное мнѣніе. Зависть и личное недоброжелательство точатъ свое оружіе; критика, съ которой такъ легко нападать на все и на всѣхъ, вноситъ свои сарказмы и свои ядовитыя сужденія. Даже нѣкоторые изъ состоящихъ на службѣ людей позабываютъ, что по долгу службы они должны бы были оказывать содѣйствіе правительству какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, разъясняя и исправляя въ интересахъ правительства ошибочныя или злонамѣренныя сужденія публики; вмѣсто того, они увлекаются желаніемъ унижать тѣхъ, кто служитъ, и пріобрѣтать этимъ легкимъ, но предосудительнымъ и вреднымъ способомъ репутацію людей опытныхъ и умныхъ. Но правительство, къ счастію, не поддается вліянію ни громкихъ жалобъ, ни игры страстей. Оно знаетъ, что совершенство не принадлежитъ къ числу атрибутовъ человѣчества и что слѣдуетъ быть снисходительнымъ даже къ ошибкамъ, если перевѣсъ на сторонѣ добра. Оно не обращаетъ вниманія на крики и съ хладнокровіемъ и настойчивостью идетъ все тою же дорогой. Этого принципа, носящаго на себѣ отпечатокъ силы и здраваго смысла, оно придерживается въ своей манерѣ относиться къ неистовымъ крикамъ

Французскихъ, Англійскихъ и Польскихъ якобинцевъ, какъ это можно было видѣть изъ постыднаго для Франціи дѣла о разбитіи оконъ въ домѣ нашего посла; того же принципа оно держится и во всемъ, что̀ касается важныхъ политическихъ интересовъ. Эти интересы сводятся въ настоящую минуту къ одной задачѣ, которая упрощаетъ всѣ политическія комбинаціи, а именно къ тому, чтобъ раздѣлить Европу на два различныхъ ста̀на,—на тѣхъ, кто преданъ порядку, и тѣхъ, кто хочетъ безпорядка. Такая задача заставляетъ правительства соединиться для борьбы съ революціонерами; она устраняетъ вопросы о національностяхъ и распри между кабинетами; она, съ одной стороны, соединяетъ негодяевъ всѣхъ націй въ одно государство, у котораго одна общая цѣль—ниспровергнуть троны, религію, состоянія и существующія государственныя учрежденія; съ другой стороны, она соединяетъ монарховъ, интересы собственности, торговли, промышленности и всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ сохранить существующій порядокъ. Такимъ образомъ, дѣло идетъ не о томъ, чтобъ осилить Варшавскихъ Поляковъ, а о тѣхъ адскихъ ассоціаціяхъ, которыя ввели въ заблужденіе народъ и вовлекли его въ возстаніе. Можно входить въ переговоры со впавшимъ въ заблужденіе народомъ, но не съ представителями этой мятежнической ассоціаціи: иначе можно лишить себя выгодъ, доставляемыхъ могуществомъ, и усилить отвагу и усердіе негодяевъ всѣхъ странъ. Вотъ что́ нѣкоторые благоразумные Поляки начинаютъ понимать и въ чемъ все болѣе и болѣе убѣждаются во всѣхъ странахъ люди мыслящіе и честные. Этому разрушительному потоку нужно противопоставить громадную преграду, а эта преграда можетъ заключаться лишь въ единодушіи монарховъ, въ употребленіи военной силы и въ преданности престолу со стороны всѣхъ тѣхъ, кто рискуетъ что-либо потерять.

Посылаю Вашему Высочеству брошюру о Варшавскомъ мятежѣ, переведенную по моему распоряженію на Польскій языкъ. Она достойна того, чтобъ вы прочли ее.

С.-Петербургъ,
17-го Марта 1831.

4.

Мнѣ аккуратно доставили письмо отъ 28 Марта (9 Апрѣля), которымъ Ваше Высочество изволили меня почтить. Оно меня тѣмъ болѣе порадовало, что и нравственное состояніе Вашего Высочества, и мѣсто, гдѣ вы находитесь, усиливали и мое участіе, и мое безпокойство.

Въ нравственномъ отношеніи, продолжительность военныхъ дѣйствій должна быть вдвойнѣ горестна для Вашего сердца. Оно должно было сильно скорбѣть при извѣстіи о неудачѣ, постигшей 6-й корпусъ; послѣ того, какъ этотъ корпусъ въ теченіи 15-ти лѣтъ былъ для Васъ предметомъ улучшеній и заботъ, онъ—по какой-то роковой случайности и вслѣдствіе явной неправильности его размѣщенія и непредусмотрительности,—постра-

далъ отъ того корпуса, который впервыя былъ Вами организованъ и Вами же доведенъ до совершенства.

Чтó касается Вашего мѣстопребыванія, то самая непріятная и самая унизительная опасность угрожаетъ со стороны Бѣлостока—бунтъ крестьянъ. Сообщенія съ этой мѣстностью прерваны; мятежъ сопровождается грабежомъ и убійствами, а послѣдствіемъ этого являются смертные приговоры. Все это прискорбно для каждаго Русскаго и тѣмъ болѣе для брата Государева.

Здѣсь были приняты всѣ мѣры съ замѣчательной быстротой и энергіей. На всѣ пункты отправлены войска; всѣмъ начальникамъ даны широкія полномочія; въ Минскъ назначенъ новый генералъ-губернаторъ—князь Долгорукій, тотъ самый, который только что возвратился изъ Персіи; это человѣкъ и разсудительный, и знающій свое дѣло.

Конечно, было бы очень желательно, чтобъ важное дѣло, которое должно завершиться въ Варшавѣ, было скорѣе окончено. Возстанія въ нашихъ провинціяхъ суть ничто иное, какъ послѣдствія затяжки кампаніи, которая, вмѣсто того, чтобъ быть громовымъ ударомъ, брошеннымъ Имперіей въ бунтовщиковъ, превратилась въ борьбу между двумя арміями и двумя націями. Но на самомъ дѣлѣ это не болѣе, какъ проволочка, правда, очень непріятная и очень дорого стоющая проволочка, во время которой непріятель, уже сдѣлавшій съ необычайными усиліями громадныя пожертвованія (почти все, чтó могла доставить ему страна людьми, оружіемъ и припасами) не можетъ увеличивать своихъ средствъ обороны и видитъ, какъ съ каждымъ днемъ возрастаютъ трудности его положенія и истощаются его ресурсы. Мы, напротивъ того, имѣемъ въ своемъ распоряженіи всѣ силы Имперіи, извлекаемъ изнутри ея массы войскъ и организуемъ вторую армію, которая, парализуя силы Польскихъ провинцій, угрожаетъ Царству Польскому и отнимаетъ у него всякую надежду на успѣхъ, каковы бы ни были выгоды, доставленныя ему случайными военными удачами. Наше положеніе можетъ сдѣлаться затруднительнымъ только отъ недостатка въ провіантѣ, такъ какъ и въ Подоліи, и на Волыни урожай былъ плохъ. Сверхъ того,—если посмотрѣть на это дѣло съ политической точки зрѣнія,—мы напрасно теряемъ много времени, которое летитъ среди этихъ событій съ поражающей быстротой.

Затрудненія въ Италіи, по видимому, окончились со взятіемъ Анконы, по крайней мѣрѣ въ этотъ моментъ; а возможность разрыва между Австріей и Франціей устранена на неопредѣленное время. Французское правительство серьезно заботится о томъ, чтобъ упрочить свою власть, а Германія спокойна. Все это обѣщаетъ намъ нѣсколько мѣсяцевъ досуга для окончанія нашихъ Польскихъ дѣлъ; а это обстоятельство тѣмъ болѣе для насъ благопріятно, что запутанное положеніе дѣлъ въ Европѣ почти совершенно отнимало у насъ такую надежду.

Извѣстіе о переходѣ Дверницкимъ нашей границы еще увеличило трудности этой кампаніи. Ридигеръ и Крейцъ, безъ сомнѣнія, достаточно

сильны для того, чтобъ разбить этотъ отрядъ, но когда два генерала отрѣзаны одинъ отъ другаго непріятелемъ, задуманныя ими совокупныя передвиженія всегда страдаютъ отъ непредвидѣнныхъ случайностей и ошибочныхъ соображеній, а жители занятой Польскимъ отрядомъ провинціи легко могутъ перейти на сторону мятежниковъ.

Сраженіе 31 прошлаго Мая, въ которомъ съ нашей стороны командовалъ генералъ Розенъ, дѣлаетъ ему честь, такъ какъ онъ умѣлъ удержаться на своей позиціи съ остатками разбитаго корпуса и доказалъ, какъ хорошъ духъ солдатъ бывшаго Литовскаго корпуса.

С.-Петербургъ,
10-го Апрѣля 1831.

5.

Я позволяю себѣ послать Вашему Высочеству прилагаемую при семъ брошюру. Ее стóитъ прочесть какъ ради историческихъ фактовъ, приводимыхъ въ подкрѣпленіе ея выводовъ, такъ и ради добраго намѣренія, съ которымъ она написана.

Извѣстіе о блестящемъ успѣхѣ генерала Крейца доставило здѣсь большое удовольствіе; этотъ успѣхъ, безъ сомнѣнія, увеличитъ благопріятные результаты операцій генерала Ридигера.

Отъѣздъ графа Толстаго въ Витебскъ, съ цѣлію придать необходимое единство всѣмъ приказаніямъ и распоряженіямъ, очень успокоилъ умы и, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть благотворныя послѣдствія.

С.-Петербургъ,
15-го Апрѣля 1831.

6.

Ваше Высочество изволили удостоить меня, въ письмѣ отъ 19 Апрѣля изъ Бѣлостока, изложеніемъ Вашихъ соображеній о политическомъ и нравственномъ положеніи Польскихъ мятежниковъ и о томъ, что, можетъ быть, было бы лучше предоставить Польской націи заботу о прекращеніи мятежа. Это такое секретное сообщеніе идей Вашего Высочества, что,—могу васъ увѣрить,—я не разоблачу его ни передъ кѣмъ.

Въ отвѣтъ на откровенность, съ которой Ваше Высочество изволили приступить къ этому вопросу, я осмѣлюсь, не стѣсняясь, изложить Вамъ мои слабыя соображенія.

Если бы властитель Польши былъ не болѣе, какъ ея государь, находившійся въ отсутствіи изъ своей столицы во время революціоннаго взрыва, то онъ постарался бы снова вступить въ эту столицу при помощи контръ-революціи или во главѣ той части своей арміи и своего народа, ко-

торая, безъ сомнѣнія, осталась бы вѣрна своему государю въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ. Тогда борьба была бы борьбой національной и просто борьбой между двумя партіями. Перевѣсъ былъ бы на сторонѣ военныхъ успѣховъ, искусства или популярности. Король или снова вступилъ бы на престолъ или лишился бы его, и его мѣсто было бы занято кѣмъ-нибудь другимъ. Съ обѣихъ сторонъ были бы предложены сдѣлки и уступки; ограничивающаяся предѣлами одной Польши, державная власть или укрѣпилась бы, или была бы обезображена, но она отвѣчала бы за то, что̀ случилось, только передъ самой собою: это были бы двѣ силы и два интереса, сливающихся въ одной національности.

Но такъ какъ этотъ Польскій государь въ тоже время императоръ необъятной Россіи, то его роль совершенно измѣняется. Мятежъ Польши принимаетъ иной видъ; онъ вспыхнулъ не противъ ея государя, котораго она обвиняетъ въ нѣкоторыхъ несправедливостяхъ и отъ котораго желаетъ получить нѣкоторыя привиллегіи и облегченія, а противъ императора всей Россіи, противъ его могущества, противъ его владычества. Этотъ мятежъ не создаетъ двухъ враждебныхъ одна другой партій, какъ въ предъидущемъ случаѣ; онъ не оставляетъ за монархомъ преданность одной части его арміи и его подданныхъ, а съ первыхъ же дней отнимаетъ у него всѣхъ этихъ подданныхъ, оскорбляетъ и обрызгиваетъ кровью жилище брата государева, требуетъ, чтобъ его войска очистили Польскую территорію, срываетъ императорскіе гербы, задерживаетъ въ плѣну Русскихъ генераловъ и офицеровъ и, въ заключеніе всего, объявляетъ престолъ вакантнымъ и дѣлаетъ все то, что̀ могли бы сдѣлать въ раздраженіи Турки, съ цѣлью вызвать Россію на войну. Стало-быть война объявлена не царю, а императору, и Польша вызвала на бой Россію. Вотъ въ чемъ заключается суть дѣла.

Для насъ это дѣло имѣетъ двѣ различныя стороны. Вопервыхъ, независимо отъ взрыва революціонныхъ страстей, Польша выступаетъ врагомъ Императора и этимъ даетъ ему право войны и завоеванія, которое признается всѣми вѣками, всѣми народами и само собою уничтожаетъ и отмѣняетъ прежніе договоры и обязательства. Вовторыхъ,—что̀ еще болѣе важно,—Императоръ обязанъ и передъ своимъ народомъ, и передъ иностранными кабинетами, и передъ всей Европой раздавить демагогическую гидру, которая со всѣхъ сторонъ подымаетъ свою голову, грозитъ всѣмъ тронамъ и всѣмъ государствамъ и которая, если не будетъ подавлена Россіей, уже не найдетъ на своемъ пути никакихъ препятствій и поглотитъ даже Россію.

Эту важную истину поняли всѣ государственные люди. Отъ того-то она и расположила къ намъ, къ силу общности интересовъ, кабинеты Пале-Рояля, Сенъ-Джемскій, Вѣнскій, Берлинскій, Стокгольмскій, Копенгагенскій, Итальянскій и Мадридскій: всѣ они желаютъ нашимъ арміямъ успѣха на берегахъ Вислы, такъ какъ убѣждены, что тамъ рѣшается вопросъ объ ихъ собственномъ существованіи. Съ такой точки зрѣнія, отъ исхода этой

войны зависитъ спасеніе или гибель всего міра. Чтобы довести ее до счастливаго окончанія, Россія и должна, и готова дѣлать всевозможныя пожертвованія. Еслибы она пошла на уступки, она уронила бы себя въ мнѣніи другихъ народовъ и,—что еще болѣе важно,—въ своемъ собственномъ. Тогда Императора стали бы считать слабымъ монархомъ, а это было бы вѣрнымъ предзнаменованіемъ общественныхъ бѣдствій, и этотъ первый ударъ, нанесенный народной гордости и довѣрію, съ которымъ она относится къ главѣ государства, былъ бы предвѣстникомъ упадка и, можетъ быть, разрушенія Имперіи.

Въ этихъ соображеніяхъ я откладываю въ сторону всѣ благодѣянія, которыми были осыпаны Поляки и которыя лишь усиливаютъ ихъ вину; я откладываю въ сторону и національную ненависть, которая должна была пробудиться у насъ во всей силѣ при раздавшихся изъ Варшавы мятежныхъ крикахъ, и политическія комбинаціи, которыми подготовлялись эти событія съ 1815 года, и непреодолимыя неудобства управленія, которое въ одной изъ двухъ странъ самодержавное, а въ другой представительное; я хотѣлъ обсудить только одинъ вопросъ,—вопросъ о необходимости войны для чести Имперіи, и даже для ея обороны, для поддержанія ея могущества и для предохраненія Европы отъ торжества якобинцевъ. При Вашей опытности въ дѣлахъ и при Вашей основательной ненависти къ революціонерамъ, Ваше Высочество, конечно, раздѣлите, въ силу приведенныхъ выше соображеній, мое убѣжденіе, что война была неизбѣжна и что мы должны употребить всѣ наши усилія на то, чтобъ одолѣть (не Польшу, которая играетъ въ этомъ случаѣ лишь второстепенную роль), а мятежниковъ. Отъ этого зависитъ разрѣшеніе вопроса: быть или не быть.

Все остальное входитъ въ разрядъ подробностей и совершенно теряется передъ важностью этихъ главныхъ интересовъ. Польша должна существовать, такъ какъ она есть твореніе одного изъ нашихъ государей. Польское Царство будетъ жить въ силу именно этого соображенія, а не въ силу Вѣнскихъ трактатовъ, которые разорваны мятежемъ и низложеніемъ царствующей династіи. Польша должна быть хорошо управляема, такъ какъ она принадлежитъ нашему Государю. Еще разъ ей заплатятъ добромъ за зло; еще разъ къ ней будутъ великодушны, добры и сострадательны, такъ какъ эти качества составляютъ удѣлъ величія. Но урокъ такъ силенъ, что онъ заставитъ принять всѣ нужныя предосторожности, чтобъ предохранить Имперію отъ третьяго клятвопреступленія со стороны націи, которая нами создана и которая была такъ легкомысленна, что, положившись на совѣты и обѣщанія Парижскихъ клубовъ, поставила на карту свое существованіе, не заботясь ни о своихъ клятвахъ, ни о своей будущности.

То, что Ваше Высочество говорите въ письмѣ Вашемъ о вредной системѣ реквизицій, я прочелъ тѣмъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, что уже три мѣсяца тому назадъ я извѣстилъ фельдмаршала Дибича о дурномъ впечатлѣніи, которое производитъ эта система на крестьянъ Виленской губерніи. Только это и послужило для негодяевъ тѣмъ рычагомъ, съ помощью

котораго они возмутили бѣдныхъ поселянъ, уже подготовленныхъ невыносимыми реквизиціями къ тому, чтобъ стать подъ первое знамя, обѣщающее имъ освобожденіе отъ этихъ поборовъ. Я раздѣляю мнѣніе Вашего Высочества, что пока можно бы было не производить рекрутскихъ наборовъ въ смежныхъ съ театромъ войны провинціяхъ, такъ какъ эти наборы доставляютъ мятежникамъ новое средство бунтовать народъ.

Дѣло Дверницкаго будетъ содѣйствовать успокоенію умовъ, а прибытіе графа Толстаго въ Бѣлоруссію и военныя операціи генераловъ Палена, Ширмана и Хилкова въ Виленской губерніи, надо надѣяться, положатъ конецъ этому преступному волненію, къ сожалѣнію такъ много увеличившему число бѣдствій, обрушившихся вслѣдствіе Варшавскаго мятежа на Польшу и на смежныя съ ней губерніи.

Здѣсь, слава Богу, все благополучно. Святая Недѣля была очень оживлена, и во всѣхъ мѣстахъ публичныхъ увеселеній царствовалъ большой порядокъ. Въ обществѣ очень жалуются на медленность военныхъ дѣйствій, и національное самолюбіе задѣто продолжительностью борьбы съ бунтовщиками, за которыми оно никакъ не хочетъ признавать способности къ упорному сопротивленію.

С.-Петербургъ,
28-го Апрѣля 1831.

Великій князь Константинъ Павловичъ скончался прежде чѣмъ подавленъ былъ Польскій мятежъ, именно лѣтомъ 1831 года, въ Витебскѣ. Графу Бенкендорфу было поручено перевезти его тѣло въ Петербургъ; но тяжкая болѣзнь, внезапно постигшая его, не дозволила ему исполнить это порученіе. Цесаревича привезъ въ Петербургскую крѣпость графъ Курута, какъ это видно изъ письма княгини Ловичъ къ графу Бенкендорфу отъ 24 Іюля 1831 г., сохранившагося въ зáмкѣ Фаллѣ. *П. Б.*

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕОНИДА ѲЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА.

1.

Въ 1837 году, въ началѣ Генваря мѣсяца, я съ матушкою моею, Елисаветою Николаевной, возвращался изъ Кронштадта въ Петербургъ. Дорога шла по льду Финскаго залива. Мы ѣхали въ возкѣ, запряженномъ четверкою лошадей. Въ то время было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ въѣзжающіе въ столицу и выѣзжающіе изъ нея подавали непремѣнно записку о своемъ званіи и имени стоявшему при шлагбаумѣ часовому. Когда мы подъѣхали къ дорожному шлагбауму на Кастильскомъ въѣздѣ, часовой потребовалъ отъ меня злополучную записку, которую я къ сожалѣнію забылъ взять изъ Кронштадта.

— «Кто ѣдетъ? Пожалуйте записку!»

— «Записки нѣтъ, а ѣдетъ тайная совѣтница Львова и камеръ-юнкеръ Львовъ». Но часовой шлагбаума не подымалъ и настойчиво требовалъ записки.

Былъ сильный морозъ, уже смеркалось; пришлось выдти изъ возка, чтобы записаться на гаубтвахтѣ. Возвратясь къ экипажу, недовольный и нѣсколько разсерженный настойчивостью часоваго, я сѣлъ въ возокъ и въ слѣдъ часовому, который скомандовалъ уже «бомъ-высь», сказалъ:—«Убирайся, дуракъ!»

— «Какъ? Вы изволите ругаться? Опускай шлагбаумъ!»

— «Чегоже ты хочешь еще отъ меня?»

— «Ничего-съ, я васъ при рапортѣ представлю къ его превосходительству г. коменданту».

Представьте наше положеніе: при въѣздѣ въ городъ, на морозѣ, насъ держатъ цѣлый часъ, пока унтеръ-офицеръ редактируетъ рапортъ коменданту! Матушка очень встревожилась, пріискивала все-

возможныя средства, чтобы задобрить часоваго, и чуть ли не видѣла меня уже посаженнаго въ Петропавловскую крѣпость.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, унтеръ-офицеръ вышелъ изъ гаубтвахты, приставилъ верховаго казака къ нашему экипажу, раздалась команда «бомъ-высь» и мы церемоніаломъ, съ казакомъ передъ дышломъ, должны были шагомъ проѣхать весь городъ.

Высадивъ матушку въ Галерной улицѣ (около Сената) въ домъ, гдѣ она жила, казакъ доставилъ меня въ Зимній дворецъ къ коменданту, генералу Захаржевскому, хорошему знакомому нашего семейства. Выслушавъ обо всемъ случившемся, комендантъ весьма любезно успокоилъ меня, вошелъ со мною въ прихожую, разорвалъ полученный отъ казака рапортъ и, отпустивъ меня, поручилъ сказать моей матушкѣ, что все это пустяки и никакихъ послѣдствій не будетъ. Вернулся я домой, весьма довольный, что все обошлось благополучно.

На другой день, я дежурилъ при графѣ Павлѣ Дмитріевичѣ Киселевѣ. Пріѣхалъ къ графу комендантъ и, проходя мимо меня, шепнулъ:

— «Je viens parler de vous. Votre affaire d'hier prend une très-mauvaise tournure!» *)

Долго онъ бесѣдовалъ съ графомъ, и лишь уѣхалъ, Павелъ Дмитріевичъ позвалъ меня и очень гнѣвно спросилъ:—«Чтó вы надѣлали?» (Слово «вы» уже доказывало, что графъ недоволенъ мною). «Ваша неосторожность и опрометчивость влекутъ за собою весьма серіозныя послѣдствія. Разскажите, чтó было?»

Я передалъ графу въ подробности обо всемъ, чтó произошло, и упомянулъ объ увѣреніяхъ генерала Захаржевскаго, что послѣдствій никакихъ не будетъ. Графъ съ видимымъ негодованіемъ продолжалъ: «Очень сожалѣю. Унтеръ-офицеръ, помимо коменданта, рапортовалъ также и дежурному по карауламъ, который въ свою очередь отрапортовалъ Великому Князю Михаилу Павловичу *о буйномъ вашемъ поступкѣ*. А такъ какъ въ лицѣ часоваго, на основаніи военныхъ законоположеній, оскорблено Его Величество, то Великій Князь приказалъ назначить формальное слѣдствіе съ отдачею васъ подъ судъ. Вамъ угрожаетъ разжалованіе. Вотъ слѣдствіе необузданности вашей, и пр. пр.»

Я былъ не столько сконфуженъ, я былъ пораженъ! Великаго Князя знали за очень строгаго, настойчиваго преслѣдователя всѣхъ

---

*) Я стану говорить про васъ; вчерашнее ваше дѣло принимаетъ очень плохой оборотъ.

нарушителей военныхъ формальностей, и у меня не хватило ни духу, ни слова отвѣчать графу Киселеву. Я стоялъ какъ вкопанный, молчалъ и ожидалъ дальнѣйшихъ его приказаній. Помолчавъ нѣмного, графъ всталъ, началъ ходить скорыми шагами по кабинету, потомъ, стиснувъ зубы, прибавилъ: «Мнѣ очень прискорбно и досадно, что ты именно попался въ такую непріятную исторію; я этого никакъ отъ тебя не ожидалъ! Ты получишь отъ коменданта требованіе явиться къ слѣдствію и извѣстишь меня о послѣдующемъ».

Цѣлую недѣлю продолжалось слѣдствіе; ежедневно меня требовали въ ордонансъ-гаузъ къ допросу; давали очныя ставки съ часовымъ и цѣлымъ карауломъ; унтеръ-офицеръ и часовой показывали, что я бранился неприличными словами (чего въ присутствіи матушки я уже никакъ не могъ себѣ позволить), и вообще, судя по ихъ показаніямъ, можно было заключить, что я дѣйствительно разгромилъ весь караулъ. Въ то былое время вообще военные смотрѣли на нашего брата штатскаго съ высока и какъ бы враждебно; поэтому слѣдствіе велось въ такомъ направленіи, чтобы елико возможно раздуть мою виновность.

Тѣми же днями, во время устроеннаго пріема въ Таврическомъ саду и катанія съ ледяныхъ горъ, графъ Киселевъ обратился съ ходатайствомъ къ Его Высочеству Михаилу Павловичу обо мнѣ; но Великій Князь изволилъ отозваться о моемъ поступкѣ съ такою строгостью и раздраженіемъ, что послѣ катанья изъ Таврическаго сада графъ С. Ѳ. Апраксинъ и графъ М. Ю. Вьельгорскій пріѣхали къ матушкѣ, чтобы узнать, что́ именно было поводомъ къ такому негодованію Великаго Князя на графа Киселева и что́ я могъ такое сдѣлать?

Исторія эта быстро разнеслась по городу, и мнѣ нельзя было показаться ни въ обществѣ, ни въ театрѣ, чтобы меня не окружали и не распрашивали о случившемся.

По окончаніи слѣдствія и двухнедѣльнаго моего томленія, дѣло, наконецъ, было доложено Государю Николаю Павловичу, и комендантъ лично привезъ доложить графу Киселеву резолюцію Его Величества. «Поручить Киселеву—сдѣлать строгій выговоръ Львову, со внесеніемъ «этого выговора въ послужной его списокъ».

Графъ не менѣе меня былъ доволенъ таковымъ счастливымъ окончаніемъ дѣла. Онъ поздравилъ меня, и, повторивъ все, чему я могъ бы подвергнуться, сказалъ:—«Государь милостивъ. Строгій выговоръ! Я довольно уже, кажется, наговорилъ тебѣ о твоей неосторожности. Передай директору канцеляріи, чтобы въ первомъ номерѣ циркуляра

министерства было объявлено тебѣ о высочайшемъ выговорѣ, и будь остороженъ на будущее время».

Я исполнилъ приказаніе графа, и циркуляромъ по всей Россіи былъ объявленъ высочайшій выговоръ «Камеръ-юнкеру Львову за буйный поступокъ его на Кастильскомъ въѣздѣ».

Только въ 1856 году, во время коронаціи Александра Николаевича, по ходатайству графа Павла Дмитріевича, высочайшій выговоръ былъ выключенъ изъ моего послужнаго списка, и *мой буйный* поступокъ, благодаря участію Павла Дмитріевича, остался незабытымъ лишь въ циркулярѣ министерства, да въ моей памяти; а унтеръ-офицеръ Финляндскаго полка, надѣлавшій столько тревоги и шума, былъ награжденъ отъ Великаго Князя 10-ю р. за исполненіе своей обязанности.

Хотя дѣло кончилось благополучно, но я долго не могъ забыть тревожнаго времени, и даже долго спустя послѣ этой исторіи, встрѣчая на улицѣ солдата, давалъ ему дорогу и сходилъ съ тротуара.

Съ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, на балу въ Зимнемъ дворцѣ у Наслѣдника престола, Великій Князь Михаилъ Павловичъ милостиво, какъ бы шутя, изволилъ обратиться ко мнѣ со словами: — «Знай, что я не дозволю вамъ буянить на гаубтвахтахъ. Только солдатская шинель можетъ васъ, молодежъ, исправить!»

II.

Домогаясь ближе познакомиться съ дѣйствительнымъ бытомъ и нуждами крестьянина, съ его хозяйствомъ, обычаями и тою неурядицею, каковая усматривалась въ то время въ ихъ администраціи, графъ Киселевъ не довольствовался командированіемъ по Россіи избранныхъ чиновниковъ для составленія подробныхъ описаній по каждой губерніи отдѣльно (краткое извлеченіе изъ которыхъ представлялось на высочайшее воззрѣніе), но самъ лично, въ поѣздкахъ по Россіи, по волостямъ и селеніямъ, бесѣдовалъ съ крестьянами, прислушивался къ ихъ неудовольствіямъ, тягостямъ и всячески старался какъ бы согласовать предназначаемыя реформы съ дѣйствительною потребностью края. Онъ выслушивалъ каждаго; ни одна дѣльная мысль не проходила для него безслѣдно. Даже простымъ, безхитростнымъ взглядомъ на вещи крестьянина графъ никогда не пренебрегалъ. Такъ однажды, въ первое еще время (1836) завѣдыванія государственными имуществами, Павелъ Дмитріевичъ пожелалъ лично обозрѣть нѣкоторыя волости, и особенно волости ямщиковъ (ямы), привиллегіи которыхъ предполагалось уни-

чтожить съ постройкою желѣзныхъ дорогъ, и управленіе ими, а также обложеніе податьми, сравнять съ государственными крестьянами.

Я сопутствовалъ графу въ его путешествіи. Въ каждой волости по тракту собирались сходки, и будущій министръ по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ крестьянами. По пріѣздѣ въ Москву онъ остановился въ домѣ министерства на Собачьей площадкѣ (выморочный домъ, поступившій въ завѣдываніе государственными имуществами), гдѣ ожидали его съ хлѣбомъ-солью крестьяне и ямщики. Въ продолжительной бѣсѣдѣ съ ними графъ излагалъ имъ свои воззрѣнія и намѣренія ввести между ними самоуправленіе и бесѣдовалъ съ ними о прочихъ дѣлахъ. Крестьяне очень внимательно его выслушали, кланяясь въ поясъ; нѣкоторые изъ *ходатаевъ* даже громогласно одобряли его предположенія. Одинъ ямщикъ со станціи Завидова, старикъ лѣтъ 70-ти, съ низкимъ поклономъ обратился къ Киселеву: «Хорошо, ваше превосходительство, очень хорошо! Дай Господи Великому Царю здоровья! Награди Господь и васъ, батюшка! Но у меня есть племянникъ Ѳомка; вы его не знаете?»....

Не понимая, къ чему ямщикъ ведетъ рѣчь, Киселевъ нахмурился и грозно сказалъ: «Что? Что такое?»...

— «Племянникъ мой Ѳомка, малый здравый и не дуракъ, подымалъ царь-пушку, подымалъ, да не поднялъ!»

Предоставляю судить, на сколько отзывъ этотъ заставилъ Павла Дмитріевича задуматься! Когда были отпущены крестьяне, старика-ямщика позвали въ кабинетъ къ графу, они бесѣдовали вдвоемъ болѣе часа, а въ послѣдствіи, проѣзжая селеніе Завидово, каждый разъ графъ заѣзжалъ къ старику въ домъ.

Въ 1837 году я былъ командированъ въ Виленскую губернію для ревизіи и обозрѣнія государственныхъ имуществъ и конфискованныхъ послѣ мятежа имѣній. Въ то время генералъ-губернаторомъ былъ князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ, магнатъ въ полномъ смыслѣ слова, человѣкъ въ высшей степени образованный и напоминавшій своимъ обхожденіемъ маркизовъ XVII вѣка. Это была первая моя командировка довольно серіозная: мнѣ приходилось учиться. Не зная ни людей, ни края, будучи неучъ въ сельскомъ хозяйствѣ, при разнородности имѣній Западнаго края съ ихъ правами и обязанностями, я весьма затруднялся этимъ порученіемъ. Къ тому же смутное тогдашнее время послѣ мятежа и еще продолжавшееся волненіе между поселянами въ губерніи требовали большой осторожности и такта.

Собственно само-то населеніе не было виновато въ этомъ волненіи, а его возбуждали только отдѣльныя лица изъ ксендзовъ и эмисаровъ, которые старались и самую ревизію истолковать превратно,

лишь бы вселить недовѣріе къ правительству, и я долженъ сказать, что совѣты и наставленія князя Николая Андреевича во многомъ мнѣ способствовали въ исполненіи порученнаго мнѣ дѣла. Руководство его послужило мнѣ въ послѣдствіи основаніемъ моей дальнѣйшей служебной дѣятельности. Князь пожелалъ, чтобы я остановился у него во дворцѣ. Жилъ онъ весьма открыто; ежедневно танцовали, безпрестанно устраивались различныя празднества, катанья и т. п. Не смотря на то, что время мятежа было еще такъ близко, Виленскія барыни веселились, кружились, наряжались и всячески старались превзойти одна другую въ любезностяхъ съ княземъ.

На одномъ балу, въ первыхъ числахъ Ноября, послѣ шумныхъ танцевъ, когда мы сидѣли за ужиномъ, кто-то пришелъ доложить князю, что на улицѣ идетъ снѣгъ. Хотя въ Вильнѣ въ такую пору зима никогда не устанавливается, и къ утру снѣгъ неминуемо долженъ былъ растаять, графиня Колковская заахала и изъявила желаніе на другой же день покататься въ саняхъ. Другія барыни подхватили это желаніе, и какъ ни смѣялись мы надъ ними, графиня продолжала настаивать на своемъ. И что же? Князь обратился къ гостямъ съ серіознымъ приглашеніемъ на другой день, въ 12 часовъ, ѣхать *въ саняхъ* въ Закретъ (мѣстечко въ 4-хъ верстахъ отъ Вильны) и тутъ же, за ужиномъ просилъ кавалеровъ приглашать въ ихъ сани дамъ.

Всю ночь сваживали со всѣхъ дворовъ и полей снѣгъ на дорогу; на другой день на саняхъ, какъ бы *по первопуткѣ*, мы поѣхали въ Закретъ, гдѣ въ часъ дня былъ сервированъ завтракъ; послѣ завтрака много танцовали и очень поздно возвратились въ Вильну, *но уже на колесахъ*, потому что о снѣгѣ и помину не было.

По возложенному на меня порученію, я безпрерывно находился въ разъѣздахъ по губерніи; это не мѣшало мнѣ являться въ городъ на всѣ праздники, даваемые княземъ Долгоруковымъ. Протанцовавъ нерѣдко почти до утра, не отдохнувъ, садишься, бывало, въ бричку и летишь въ какой-нибудь фольварокъ разсчитывать пана-арендатора или Жида въ получаемомъ доходѣ съ арендняго имѣнія или корчмы. Тутъ я познакомился съ сословіемъ, котораго у насъ на Руси нѣтъ, именно арендаторовъ-экономовъ, людей семейныхъ, большею частію съ весьма небольшими средствами, ограниченнаго образованія, но хорошихъ, дѣльныхъ сельскихъ хозяевъ, извлекающихъ изъ аренды средства къ существованію. Но, не смотря на ограниченность средствъ, дочери ихъ были воспитаны съ нѣкоторымъ лоскомъ и отличались свойственнымъ всѣмъ Полькамъ кокетствомъ, такъ что я, находясь у нихъ, не скучалъ и проводилъ время довольно пріятно, тѣмъ болѣе, что многія изъ таковыхъ паненокъ выказывали въ му-

зыкальномъ отношеніи выдающіеся таланты. Правда, слѣдуетъ къ этому добавить, что по пріѣздѣ въ имѣніе чиновника отъ правительства, съ придворнымъ званіемъ, да еще ревизора, достаточно было, чтобы всѣ члены семейства, одинъ передъ другимъ изыскивали всевозможныя средства угодить ему.

Я находился въ конфискованномъ имѣніи графа Сапѣги, когда получилъ извѣщеніе, что мой братъ Алексѣй Өедоровичъ, сопутствовавшій государю Николаю Павловичу въ его путешествіяхъ, будетъ въ Ковну *) и очень бы желалъ со мною видѣться. Я поспѣшилъ отправиться туда и, чтобы сократить путь, былъ принужденъ ѣхать проселкомъ по имѣніямъ разныхъ владѣльцевъ; но къ сожалѣнію моему, тѣже паны и арендаторы, которые за недѣлю, за двѣ до того, когда я находился у нихъ въ имѣніи какъ ревизоръ, были внимательны ко мнѣ, теперь, когда каждый часъ мнѣ былъ дорогъ, не только не содѣйствовали моей поѣздкѣ, напротивъ задерживали отказомъ въ лошадяхъ, такъ что я явился въ Ковну уже на другой день пріѣзда туда Государя.

Городъ представлялъ необыкновенный видъ: всѣ улицы были полны народомъ; масса войска (такъ какъ на другой день назначены были маневры) и пріѣздъ Царя привлекли въ городъ народъ не только изъ окрестныхъ селеній, но даже изъ другихъ уѣздовъ, и несмолкаемое «ура» гудѣло цѣлый день. Ковна, городъ, которой поражалъ грязью и массой Жидовъ, съ пріѣздомъ Царя, какъ бы переродился, и въ этотъ день онъ былъ неузнаваемъ: чистенькій, выбѣленный, оживленный войскомъ и народомъ въ праздничномъ нарядѣ, а длиннополые его обитатели попрятались или пріодѣлись.

Братъ Алексѣй Өедоровичъ былъ обрадованъ моимъ появленіемъ, но тутъ же объявилъ, что мнѣ приходится въ этотъ самый день спѣшить въ Вильну, такъ какъ Государь вечеромъ выѣзжаетъ туда и останется въ Вильнѣ не болѣе сутокъ.

Въ то время почтовая дорога изъ Ковны въ Вильну пролегала чрезъ Вилкоміръ, и для проѣзда Государя были устроены четыре временныя станціи по прямому направленію отъ Ковны до Вильны, минуя Вилкоміръ, чрезъ частныя имѣнія пановъ. Такимъ образомъ путь сокращался на половину, такъ что, еслибы я поѣхалъ большимъ почтовымъ трактомъ, то рисковалъ бы не застать брата въ Вильнѣ; по временному же тракту мнѣ лошадей бы не дали; поэтому единственное средство оставалось отправить меня съ передовымъ фельдъегеремъ. Братъ Алексѣй Өедоровичъ такъ и распорядился.

*) Ковна была тогда уѣзднымъ городомъ Виленской губерніи.

Государь былъ тогда очень озабоченъ и даже суровъ вслѣдствіе неурядицы послѣ мятежа въ краѣ, и болѣе чѣмъ сомнительнаго поведенія дворянъ, которые давали у себя притонъ всевозможнымъ эмисарамъ. Представленія онъ принималъ весьма сухо; бала отъ города Вильны не принялъ и депутатамъ отъ дворянства графу Тышкевичу и старику графу Косаковскому, бывшему генералъ-адъютанту Наполеона 1-го, представлявшемуся въ мундирѣ Мальтійскаго кавалера, высказалъ въ весьма строгихъ словахъ свое неудовольствіе.

Едва я въ Ковнѣ у брата успѣлъ проглотить придворный обѣдъ, какъ меня посадили въ бричку, и мы съ фельдъ-егеремъ Виммеромъ покатили въ Вильну за 6 часовъ до предположеннаго выѣзда Государя.

Кому не приводилось бывать на станціяхъ во время проѣзда Государя Императора, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о суетѣ, бѣготнѣ и шумѣ, которые обхватываютъ всю мѣстность, прилегающую къ станціи. Вдоль дороги, на разстояніи полверсты отъ станціи, выставлено болѣе 200 лошадей, выбранныхъ изъ лучшихъ и рѣзвыхъ и собранныхъ со всего уѣзда, такъ какъ почтовая станція такого большаго числа лошадей выставить не могла; лошади разставлены близъ столбовъ, тройками, четвертками, въ хомутахъ, готовыя къ запряжкѣ; каждый столбъ имѣетъ прибитый къ нему № поджидаемаго экипажа, такъ что подъѣзжающій прямо останавливается у столба съ № соотвѣтствующимъ номеру его экипажа; такимъ образомъ при перекладкѣ лошадей не бываетъ безпорядка и суеты. До пріѣзда экипажей, полиція, казаки, хозяева лошадей, все это кричитъ, шумитъ, суетится; начальство, исправники, станціонные смотрители, въ какой-то лихорадкѣ отдаютъ приказанія и тутъ же ихъ отмѣняютъ. Масса народу занята чисткою лошадей, подметаніемъ дороги; почтари въ мундирахъ бѣгаютъ и практикуются на своихъ трубахъ. Гвалтъ и шумъ невозможные; всѣ кричатъ и всѣ распоряжаются! При этомъ надо видѣть, какую важность и авторитетъ имѣетъ пріѣхавшій на станцію передовой фельдъ-егерь: онъ наводитъ положительно на всѣхъ паническій страхъ. На каждой станціи передовой фельдъ-егерь обязанъ осмотрѣть лошадей № 1-й, приготовленныхъ подъ собственный экипажъ Его Величества и непремѣнно испробовать ихъ въ запряжкѣ.

На одной изъ такихъ станцій, догнавъ царскую кухню и метрд'отеля, фельдъ-егерь Виммеръ, сильно закусившій и попробовавшій не въ мѣру бѣлаго ликёра кюрасо, которымъ угостилъ его метрд'отель, пригласилъ меня проѣхаться съ нимъ на царскихъ лошадяхъ. Только что мы сѣли въ экипажъ, какъ почтарь, съ первымъ номеромъ на картузѣ, съ трубою за плечами, полѣзъ на козлы нашего экипажа. Я сказалъ фельдъ-егерю, что почтарю, кажется, слѣдуетъ

ѣхать верхомъ на одной изъ дышловыхъ лошадей. Фельдъ-егерь, отъ усталости что ли, или отъ кюрасо, былъ совсѣмъ сонный, однако, обругавъ почтаря безмозглымъ олухомъ, приказалъ ему садиться верхомъ, и мы покатили. Проскакавъ версты двѣ, мы вернулись на станцію, чтобы продолжать путь и продѣлать тоже самое на слѣдующей станціи.

Въ ожиданіи царскаго выѣзда изъ Ковны, вечеромъ, по всему тракту, при смоляныхъ бочкахъ, были разставлены казаки, съ приказаніемъ зажигать ихъ при приближеніи экипажа Его Величества, чтобы освѣтить путь. Вмѣсто вечера, Царь выѣхалъ на другой день въ 10-ть часовъ утра; казаки, какъ усердные исполнители приказаній начальства, не смотря на дневной свѣтъ, зажигали бочки. Дымъ и смрадъ покрыли всю мѣстность проѣзда, вплоть до Вильны; отмѣнить же приказаніе, данное казакамъ, было уже невозможно. Понятно, что путешествіе при такой обстановкѣ не могло разсѣять дурнаго настроенія Государя, и въ Вильну онъ пріѣхалъ еще болѣе пасмурный. Братъ Алексѣй Ѳедоровичъ ѣхалъ въ коляскѣ № 3-й, передовымъ, за ½ часа до царскаго поѣзда. Озабоченный, усталый и притомъ еще голодный, вышелъ онъ изъ коляски на предпослѣдней станціи. Это было имѣніе графа Струтинскаго. Здѣсь былъ сервированъ столъ, съ разными яствами и винами, на случай, если Государю благоугодно будетъ покушать. Самъ графъ, разодѣтый, надушенный разсыпался въ любезностяхъ предъ такимъ близкимъ Царю лицемъ, какъ братъ и пригласилъ его закусить. Только что Алексѣй Ѳедоровичъ принялся за рябчика, какъ увидали въ окошко приближающуюся коляску Государя. Братъ поспѣшно выскочилъ изъ комнаты, захлопнулъ за собою дверь и поскакалъ далѣе. Вслѣдъ за его отъѣздомъ, коляска Государя подкатила къ крыльцу. Струтинскій бросился было встрѣчать Царя, но... увы, дверь такъ захлопнулась, что отворить ее было невозможно, и какъ бѣдный Струтинскій ни старался выскочить изъ этого импровизированнаго заключенія, ему такъ-таки и не удалось. Переложили коней Царю, онъ поскакалъ и изчезъ изъ виду! Можно себѣ представить отчаяніе пана Струтинскаго и всю брань, которую онъ посылалъ вслѣдъ моему брату. По отъѣздѣ Государя изъ Вильны въ обществѣ заговорили объ этомъ эпизодѣ и притомъ обвиняли и осуждали брата въ злорадной будто бы насмѣшкѣ надъ Струтинскимъ. Для тѣхъ, кто знавалъ Алексѣя Ѳедоровича, будетъ понятно, что подобнаго быть не могло, и что все было дѣло чистой случайности.

Въ Вильнѣ князь Долгоруковъ, въ полной парадной формѣ, со всею свитой, ожидалъ великаго гостя на подъѣздѣ дворца. Телеграфовъ тогда не было, да и воздушнаго нельзя было устроить по импровизированному тракту; казаки замѣняли его: каждыя пять минутъ ка-

закъ пріѣзжалъ доложить князю, что Его Величество на такомъ-то разстояніи. Наконецъ, въ 7 часовъ вечера, казакъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что Государь въѣхалъ въ городъ. Князь Долгоруковъ, этотъ тучный магнатъ и баринъ, предъ которымъ все преклонялось въ краѣ, въ присутствіи всѣхъ, на дворѣ, преклонивъ колѣна, сталъ молиться! Весьма понятно, всѣ мы, находившіеся при немъ, послѣдовали его примѣру, и горячая была наша молитва ко Всевышнему благословить Царя счастливымъ и благополучнымъ пребываніемъ въ городѣ, гдѣ умы еще далеко не были успокоены послѣ недавняго мятежа. Государь подъѣхалъ къ крыльцу дворца съ графомъ Бенкендорфомъ, весьма милостиво поздоровался съ княземъ, ласково обнялъ его, и тутъ же на подъѣздѣ, увидавъ моего брата, очень сурово сказалъ: «Скажи твоему брату, чтобы онъ не вмѣшивался въ дѣла, которыя до него не касаются!»

Братъ, не зная причины гнѣва Государева, приложилъ руку къ козырьку и молчалъ. Лишь Государь поднялся на лѣстницу, графъ Бенкендорфъ набросился на брата, и по хрипотѣ его (онъ всегда хрипѣлъ, когда былъ чѣмъ-либо недоволенъ) нельзя было понять, въ чемъ именно дѣло. Что́ же оказалось? На той станціи, гдѣ мы съ фельдъегеремъ проѣзжали царскихъ лошадей, тотъ же почтарь хотѣлъ сѣсть на козлы царской коляски, и на вопросъ Государя, почему онъ не садится верхомъ, почтарь отвѣчалъ: «Братъ флигель-адъютанта Вашего Величества приказалъ мнѣ садиться на козлы.» Вѣроятно онъ или не понялъ замѣчанія или приказанія фельдъ-егеря или въ присутствіи Государя растерялся до того, что не зналъ, что́ сказать и свалилъ всю вину на «брата флигель-адъютанта». Исправникъ, находившійся на станціи, пояснилъ, что братъ этотъ былъ никто иной какъ я. Что́ Государь говорилъ послѣ этого происшествія графу Бенкендорфу, не знаю; только графъ, по пріѣздѣ въ Вильну, распекъ и брата и меня; да и фельдъ-егерю Виммеру досталось.

Въ томъ же году, зимою, князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ отправился въ Петербургъ, и въ Вильнѣ остался исправлять его должность гражданскій губернаторъ Бантышъ-Каменскій, человѣкъ очень умный, добрый и дѣльный, замѣчательной честности и, если что̀ можно было ему поставить въ упрекъ, это его безхарактерность и чрезмѣрную скромность, которыя ему во многомъ вредили. Польскія женщины, хотя и любезничали съ Русскими офицерами, тѣмъ не менѣе находили нужнымъ время отъ времени проявлять свое нерасположеніе къ Русскому правительству. Настало 6-е Декабря. Въ этотъ день гражданскій губернаторъ давалъ во дворцѣ князя Долгорукова обычный балъ. Виленскія барыни не пожалѣли ни денегъ, ни хлопотъ,

чтобы блеснуть туалетомъ. Русскіе офицеры, въ свою очередь, ничего не жалѣли, чтобы очаровать Польскихъ дамъ любезностью и содѣйствовали такимъ образомъ оживленію бала. Танцовали очень много. Все шло прекрасно, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ Русскихъ, вышелъ скандалъ. Было уже поздно, танцовали мазурку; паръ восемьдесятъ сидѣли въ огромной залѣ. По принятому въ западныхъ губерніяхъ обычаю, въ торжественные дни до ужина слуги въ парадныхъ ливреяхъ стали разносить шампанское и закуски. Каменскій вышелъ на средину залы, махнулъ платкомъ музыкантамъ, чтобы они замолчали и провозгласилъ тостъ «за здоровье Государя;» музыка загрѣмѣла тушъ и гимнъ. Всѣ кавалеры встали, но дамы, кромѣ нѣкоторыхъ Русскихъ, не поднялись съ мѣстъ. Каменскій хотѣлъ было показать видъ, что онъ этого не замѣтилъ (чтó впрочемъ было бы довольно трудно, дамы сидѣли на виду у всѣхъ); но бывшій на балѣ корпусный командиръ Гейсмаръ подошелъ къ Каменскому и сказалъ ему, что онъ, какъ генералъ-адъютантъ Государя, не можетъ допустить подобнаго оскорбленія, почему и требуетъ еще разъ провозгласить тостъ за здоровье Его Величества. Каменскій сильно сконфузился и не зналъ, чтó предпринять; но, видя настойчивость Гейсмара, вынужденъ былъ обратиться къ предводителю дворянства графу Тышкевичу, прося его предварить дамъ, что, такъ какъ онѣ вѣроятно не поняли, за кого онъ провозгласилъ тостъ, то онъ будетъ снова пить за здоровье Государя, и надѣется, что онѣ будутъ внимательнѣе на этотъ разъ. Предупредилъ ли, или нѣтъ Тышкевичъ, не знаю; замѣтно только было нѣкоторое шептаніе между многими. Во второй разъ всѣхъ обнесли шампанскимъ, и Каменскій опять на срединѣ залы махнулъ платкомъ; музыка утихла, и онъ очень громко и явственно провозгласилъ: «За здоровье Государя Императора и всей царской фамиліи». Всѣ кавалеры встали, а дамы всѣ сидятъ! Каменскій сначала поблѣднѣлъ и какъ будто растерялся... Всѣ молчали и казались сконфуженными; черезъ мгновеніе Каменскій повернулся на всѣ стороны, всѣхъ оглянулъ, замахалъ платкомъ, которымъ махалъ музыкантамъ, топнулъ ногою и громко закричалъ: «Да встанете ли вы?... Я васъ всѣхъ подниму!» Всѣ дамы встали. Послѣ этого продолжали мазурку.

(До слѣдующей книжки).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ПРЕОБРАЖЕНЦА.

1855-й годъ *)

Наступилъ памятный, роковой для Россіи 1855-й годъ. Преображенскій полкъ продолжалъ стоять въ Бѣлостокѣ. Единственныя полковыя новости состояли въ томъ, что, напримѣръ, фурштатъ Лескинъ, находясь въ Заблудовѣ, на учрежденной отъ полка летучей почтѣ, укралъ у Еврейки 85 р. или что графъ Барановъ встрѣтилъ прибывшихъ изъ Виленскаго госпиталя 4-хъ рядовыхъ въ самомъ грязномъ и безобразномъ видѣ и велѣлъ написать въ приказѣ, «что хорошій солдатъ исправенъ какъ на глазахъ, такъ и тогда, когда за нимъ никто не присматриваетъ». Далѣе,—что какой-то рядовой 8-й роты пошелъ, вопреки всѣмъ приказаніямъ, одинъ, сбился съ пути и отморозилъ себѣ ноги. Полкъ вполнѣ бездѣйствовалъ, офицеры не знали какъ убить праздное время, а солдаты напустились на единственное доступное имъ удовольствіе—водку; а она, кстати, была тутъ дешева. Переходъ отъ усиленныхъ занятій въ Петербургѣ къ совершенной бездѣятельности не обошелся даромъ: уже въ Январѣ шестеро солдатъ умерло тифомъ и трое отъ изъязвленія кишекъ. Въ приказѣ 13 Февраля предписано было въ даваемую солдатамъ водку прибавлять полынь, «такъ какъ число лихорадочныхъ увеличивалось». Но уже въ самомъ ближайшемъ будущемъ грозило событіе, которое заставило забыть зловѣщее проявленіе повѣтрія. Смутные слухи о кончинѣ Государя ходили въ городѣ гораздо ранѣе оффиціальнаго извѣстія. Слухи эти принесла «пантуфлёвая почта», какъ называли Еврей-

*) См. 6-ю книгу Р. Архива 1884 года.

скихъ вѣстовщиковъ. Однако, Евреи боялись сказать истину, а распускали слухъ о кончинѣ императрицы Александры Ѳеодоровны; но мы не обратили на это никакого вниманія, такъ какъ о томъ нерѣдко повторялось и прежде. Въ древности умные люди говаривали: Post hoc, ergo propter hoc (послѣ этого, значитъ и вслѣдствіе этого). То есть: изъ того, что какое-нибудь дѣло произошло послѣ извѣстнаго событія, мы заключаемъ, что оно произошло и *вслѣдствіе* того же событія. Отсюда,—корень всѣхъ суевѣрій. Проживая въ расположеніи 4-й роты, въ Туроснѣ-Костельной, вдвоемъ съ командиромъ роты, Рейбницемъ, вдругъ стали мы часто слышать ночью пронзительный крикъ какой-то птицы. Онъ раздавался иногда и по вечерамъ, а изрѣдка даже и днемъ. Коммисаръ Осолинскій ходилъ все съ ружьемъ, стараясь всячески убить крикливую птицу; онъ просилъ насъ и даже солдатъ помочь ему и объяснялъ, что такъ кричитъ «пущикъ» (сычъ), что онъ водится вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ старыхъ, заброшенныхъ строеніяхъ или въ древесныхъ дуплахъ, вообще вдали отъ жилыхъ мѣстъ. Если же пущикъ является въ обитаемыхъ мѣстностяхъ и кричитъ такъ какъ теперь: «Пу-й-й-й-дзь!» (т.-е. попольски: поди, уйди!), то онъ непремѣнно пророчитъ бѣду. На этотъ разъ сычъ поселился въ Туроснѣ, въ слуховомъ окнѣ какого-то сарая, а когда его преслѣдовали съ ружьемъ, то онъ преловко увертывался, летая по сосѣднимъ деревьямъ. Сначала мы смѣялись этому, но потомъ стало не до смѣха, потому что панъ «пущикъ» вздумалъ каждую ночь прилетать къ намъ въ павильонъ и, садясь на перила лѣстницы, не давалъ намъ спать своимъ пронзительнымъ, страннымъ крикомъ. Стало быть, онъ прямо пророчилъ бѣду намъ и никому другому. И точно, бѣда страшная, неминуемая уже стояла на порогѣ. Помнится, что въ началѣ Февраля я окончательно выбрался въ Бѣлостокъ, убѣгая не столько отъ пущика, сколько отъ горькой скуки, царствовавшей въ Туроснѣ. На этотъ разъ я на долго поселился въ Бѣлостокѣ и нанялъ себѣ комнату на берегу какого-то ручья или рѣченки, но въ центрѣ города. И вотъ, однажды вечеромъ, въ двадцатыхъ числахъ Февраля, нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, сидѣли въ цукернѣ на главной улицѣ Бѣлостока. Вдругъ произошла необычайная суета и волненіе. Вбѣжитъ одинъ, блѣдный, встревоженный офицеръ, возьметъ другаго подъ руку, и оба исчезаютъ. Такимъ образомъ всѣ разбѣжались, такъ что я остался одинъ, недоумѣвая, что́ все это значитъ? Наконецъ, приходитъ Дохтуровъ 2-й; на немъ тоже лица не было. Онъ оглядывается во всѣ стороны и, замѣтивъ, что постороннихъ никого нѣтъ, судорожно хватаетъ меня за локоть и говоритъ глухо-прерывистымъ

шопотомъ: «L' Empereur est mort!!» *) Въ первыя минуты мы разбѣжались по своимъ угламъ, какъ ошеломленные, и только поздно вечеромъ начали сходиться. Я тоже опрометью побѣжалъ къ себѣ на квартиру, преотвратительную горенку, въ уровень съ землею и до того сырую, что тамъ развелись лягушки. (Это были единственные мои сожители, потому что служитель мой пилъ запоемъ и пропадалъ уже цѣлыя двѣ недѣли). Я до того пораженъ былъ страшнымъ извѣстіемъ, что не могъ добыть огня, чтобы зажечь свѣчу и сидѣлъ въ темнотѣ, одинъ одинехонекъ, ожидая, что вотъ ударятъ тревогу или прибѣжитъ вѣстовой съ приказаніемъ явиться на сборный пунктъ. Вдругъ слышу, кто-то стучитъ въ окно, и вслѣдъ за тѣмъ входитъ Николай Николаевичъ Вельяминовъ **). Съ его помощію я, наконецъ, розыскалъ свѣчку, и первые лучи свѣта упали на висѣвшій у меня на стѣнѣ портретъ покойнаго Государя. Мы оба, безъ словъ, зарыдали. Было не до разговоровъ...

Послѣ перваго оцѣпѣненія, принялись съ лихорадочною дѣятельностію распоряжаться о присягѣ новому Государю. На 23-е число велѣно было собраться: штуцернымъ застрѣльщикамъ и ротѣ Его Величества, въ Бѣлостокѣ; 2-й гренадерской, 4-й, 5-й и 6-й фузелернымъ,—въ Туроснѣ-Костельной; 3-й гренадерской, 7-й, 8-й и 9-й фузелернымъ, — въ Гіеронимовѣ. Многія роты присягали поздно ночью, и эту картину невозможно забыть, но невозможно и описать. Блескъ факеловъ во тьмѣ, строгая, типическая фигура священника, въ полномъ облаченіи, передъ строемъ угрюмыхъ, встревоженныхъ Преображенцевъ; наконецъ, лица, выражавшія сдавленное чувство скорби и заботы и глубокое сознаніе важности совершаемаго священнодѣйствія.

29 Февраля появился въ полковомъ приказѣ манифестъ новаго Императора къ народу, а, вслѣдъ за тѣмъ, его же приказъ по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ. Изъ послѣдняго не могу не выписать послѣднихъ словъ завѣщанія Императора Николая, относящихся къ гвардіи. Вотъ эти слова:

Благодарю славную, вѣрную гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, равно храбрыя и вѣрныя арміи и флотъ. Молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ въ нихъ навсегда тѣже доблести, тотъ же духъ, коими они при мнѣ отличались. Покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства, и внѣ и внутри, обезпечено, и горе врагамъ его! Я ихъ любилъ какъ дѣтей своихъ, старался, какъ могъ улучшить ихъ состояніе и, ежели не во всемъ успѣлъ, то—не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать.

---

*) Государь скончался.

**) Онъ, кажется, командовалъ, въ то время, ротою Его Величества.

Подробности роковой кончины передавала мнѣ Н. А. Азаревичъ.

„Мы знали о его болѣзни но были слишкомъ далеки думать объ опасности. Одни говорили, что Царь страдалъ біеніемъ сердца, другіе,— грипомъ. Всѣ были спокойны, какъ вдругъ сегодня стали появляться бюллетени за бюллетенями. Въ церквахъ запѣли молебны съ колѣнопреклоненіемъ; всѣ плакали, рыдали, однако ни слезы, ни молитвы не помогли. Въ 4-мъ часу ночи Царь пріобщался Св. Таинъ, а въ первомъ часу пополудни его не стало! Болѣзнь началась грипомъ, потомъ появились подагрическіе припадки, которые кончились тѣмъ, что подагра бросилась въ сердце. Говорятъ, этотъ припадокъ произошелъ отъ полученнаго извѣстія о несчастномъ дѣлѣ при Евпаторіи. Царь скончался тихо, спокойно. Передъ самою кончиною онъ подозвалъ своего внука и сказалъ ему: „Смотри, Николай, слушай и исполняй волю твоего отца".

Далѣе въ письмѣ говорится объ извѣстномъ завѣщаніи императора Николая.

„Какія, однако, были предзнаменованія передъ его кончиною! На первой недѣлѣ поста, въ Казанскомъ соборѣ, вмѣсто „многая лѣта", Царю пропѣли „вѣчную память". Потомъ, когда Государь пріѣхалъ на выносъ тѣла графа Протасова, почетный караулъ отдалъ ему честь *). Царь сказалъ: „Чтó вы, чтò вы, я еще не покойникъ!" Наконецъ, 6-го Декабря, на выходъ явился одинъ инженерный офицеръ въ траурѣ; наканунѣ онъ, гдѣ-то, былъ на похоронахъ, и 6-го числа, въ попыхахъ, забылъ снять траурныя тряпки, который сорвалъ съ него дежурный плацъ-адъютантъ, уже въ зимнемъ дворцѣ. Покойный Государь особенно рекомендовалъ Наслѣднику графовъ Адлерберга, Орлова и князя Долгорукаго (военнаго министра). Про перваго онъ сказалъ: „этотъ былъ мнѣ другомъ въ теченіе 40 лѣтъ; графа Орлова ты самъ хорошо знаешь, нечего рекомендовать, а этотъ (князь Долгоруковъ) еще заслужитъ тебѣ". Князю Долгорукову покойный Государь подарилъ свои часы, съ замѣчаніемъ: „Ты никогда не опаздывалъ ко мнѣ съ докладомъ". Графу Орлову отдалъ свою чернильницу и прибавилъ: „Изъ этой чернильницы мы съ тобою много переписали!" Адлербергу же достался портфель... Тѣло покойнаго Императора такъ дурно набальзамировали, что должны были закрыть лице двойнымъ флёромъ, и всѣ приходившіе поклониться праху остались недовольны, что не могли видѣть, въ послѣдній разъ, лица любимаго Монарха. Мандтъ, чтобы сдѣлать карьеру Шульцу (Австрійскому подданному) поручилъ ему бальзамированіе тѣла Государя; но этотъ Шульцъ никогда никого не бальзамировалъ и, кажется, имѣлъ дерзость взяться за дѣло, не имѣя о немъ понятія. Кромѣ

*) Въ этихъ случаяхъ караулы отдаютъ, по уставу, честь одному только покойнику.

того, что обезобразили Царя, во дворцѣ распространился такой тяжелый воздухъ, что просто не знали, что и дѣлать. Наконецъ, прибѣгли къ Русскому профессору Нарановичу; онъ выцѣдилъ массу какой-то жидкости и поправилъ лице до того, что въ Петропавловскомъ соборѣ держали тѣло лишь подъ однимъ слоемъ легкой дымки, такъ что всякій могъ убѣдиться, что въ гробѣ лежитъ дѣйствительно императоръ Николай, а не кто другой. Говорятъ, производили слѣдствіе по поводу леченія покойнаго Государя, и оказалось, что лекарства приготовлялись для него не въ аптекѣ, а собственными руками Мандта, и приносилъ ихъ самъ же Мандтъ, въ собственномъ карманѣ. Не знаю, чѣмъ кончится это слѣдствіе... Мандта народъ собирается убить и все толпится на площади. Къ нему выслали кучера покойнаго Государя, чтобы онъ объяснилъ, какою болѣзнью скончался Императоръ. Своего брата мужички лучше поняли"...

„Вообще, всѣ представлявшіеся новому Государю въ восторгѣ отъ него. Говорятъ, просто неузнаваемъ! Принимаетъ истинно по-царски. Рѣчь, сказанную дипломатическому корпусу, Александръ Николаевичъ говорилъ безъ приготовленія. Когда посланники просили канцлера сообщить имъ произнесенную Царемъ рѣчь, для того чтобы не было противорѣчія въ ихъ словахъ, при передачѣ своимъ дворамъ, канцлеръ долженъ былъ отказать имъ въ этомъ, потому что конспекта не имѣлось. Тогда посланники сами составили эту рѣчь и вторично просили ходатайства министра, чтобы Государь просмотрѣлъ проектъ депеши. Но Императоръ, не читая, сложилъ бумагу и отдалъ ее обратно канцлеру, съ замѣчаніемъ: „Я говорилъ, ихъ дѣло было слушать!" Адъютантамъ своимъ онъ сказалъ при представленіи: „Вы, господа, теперь не адъютанты и не товарищи Наслѣдника Цесаревича, а флигель-адъютанты Государя Императора. Что было прежде, должно быть забыто. Вы меня понимаете?" Когда представлялись министры, онъ благодарилъ и цѣловалъ каждаго изъ нихъ; съ Бибиковымъ же (внутреннихъ дѣлъ) обошелся холодно. Клейнмихелю онъ сказалъ: „Вы, графъ, въ лицѣ моего отца лишились самаго большаго своего покровителя". Панинъ очень обласканъ. Послѣ кончины Николая I-го, вдовствующая Императрица сказала новому Государю: Sire, Vous êtes Empereur, et je suis Votre première sujette". На это Александръ II-й отвѣчалъ, падая передъ нею на колѣни: „C'est vrai, je suis Empereur; mais, avant tout, vous êtes ma mère!" *) Еще разсказываютъ, что одинъ изъ очень высокопоставленныхъ господъ вошелъ къ новому Государю безъ доклада и сталъ ходатайствовать за Бибикова, представляя, что онъ человѣкъ хорошій, умный, любитъ отечество и можетъ быть ему полезнымъ. Государь строго взглянулъ на ходатая и возразилъ: „Прошу васъ не вмѣшиваться не въ свои дѣла и впредъ не входить ко мнѣ безъ доклада!" Потомъ Императоръ пошелъ ко вдовствующей Импе-

*) „Государь, Вы—императоръ, и я первая Ваша подданная.—Это правда, я императоръ; но прежде всего вы мнѣ мать".

ратрицѣ и разсказалъ объ этомъ случаѣ. Она отвѣчала: „Ты хорошо поступилъ. Для тебя не должно быть ни матери, ни брата, ни родственника. Прежде всего ты—Государь!“ Когда Императрица отдала послѣднее цѣлованіе усопшему супругу, она опустилась въ кресло, стоявшее подлѣ гроба Царя. Александръ II-й, поклонившись праху родителя, преклонилъ колѣна передъ матерью, которая и благословила его. Потомъ она тутъ же, подлѣ гроба, благословляла всѣхъ дѣтей и внучатъ своихъ“.

По этимъ образчикамъ толковъ, слуховъ и впечатлѣній, можно судить о настроеніи Петербурга. Что же чувствовалось и говорилось въ Преображенскомъ полку, потерявшемъ такъ много въ Николаѣ І-мъ? Но въ первыя минуты, всѣ частные интересы и разсчеты подавлялись болѣе общею надъ всѣмъ преобладавшею мыслью. Кто не сознавалъ, что, въ такое бѣдственное время, неколебимая воля и 30-лѣтній царственный опытъ были болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимы для Россіи. Казалось, что только объ эту скалу сокрушатся наши невзгоды. Но скала рушилась, и гулъ ея паденія произвелъ панику, особенно въ такихъ мѣстахъ, какъ тѣ, гдѣ мы тогда стояли. Зная непримиримую ненависть Поляковъ къ покойному Государю, мы понимали, что съ его кончиною рушились оковы страха, который ихъ обуздывалъ. Поэтому, поневолѣ мы озирались кругомъ: не будетъ ли возстанія? Но Поляки жадно подхватывали извѣстія, по прежнему лицемѣрили и по прежнему не шевелились; они только злорадствовали и, самодовольно потирая руки, говорили другъ другу: «Może i doczekam się!» (т.-е. можетъ и дождемся)!... конечно — возстановленія Польши. Какъ бы то ни было, но мы понемногу пришли въ себя, и тогда наступилъ второй періодъ душевной болѣзни: сожалѣніе и воспоминаніе. Слова Помпея: Stat magni nominis umbra (стоитъ тѣнь великаго имени) и теперь имѣютъ обаяніе. Народъ наполнилъ сплошною массою дворцовую площадь въ день погребенія императора Николая І-го. Когда вынесли гробъ изъ дворца и стали поднимать его на колесницу, весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, бросился на колѣни; изъ всей этой массы, какъ изъ одной груди вырвались рыданіе и громкій вопль: Охъ.... Господи помилуй!

По кончинѣ Государя стали придумывать, какое прозвище приличнѣе присоединить къ его имени. Его называли «Незабвеннымъ». Кажется можно бы сказать также: *Николай 1-й Богатырь.* Богатыремъ онъ былъ по виду, по силѣ воли, по неустрашимости и по высокому благородству дѣлъ и побужденій. Богатыремъ онъ началъ царствовать и палъ богатыремъ: одинъ противъ пяти! Мнѣ самому тысячу разъ случалось слышать это слово въ народныхъ устахъ; о солдатахъ не говорю; они иначе не выражались какъ, напримѣръ:

«Гляди, гляди, вонъ онъ богатырь-то нашъ катитъ!» Въ средѣ Преображенцевъ Николай I-й являлся совсѣмъ другимъ человѣкомъ; тутъ онъ представлялся добродушнымъ хозяиномъ, отцемъ, отдыхавшимъ отъ трудовъ въ своей семьѣ.

Слова завѣщанія: «Я ихъ любилъ, какъ дѣтей своихъ» ни къ кому такъ близко не относились какъ къ Преображенцамъ. Поэтому неудивительно, что въ ту пору не было недостатка въ толкахъ, разговорахъ и воспоминаніяхъ о покойномъ Государѣ; но надъ всѣми, конечно, преобладала забота о послѣдствіяхъ этого печальнаго событія. Между прочимъ, представлялся вопросъ: каково-то будетъ расположеніе новаго Монарха къ Преображенскому полку и будетъ-ли сынъ безусловно слѣдовать по слѣдамъ отца. Всѣ вѣроятности говорили въ пользу послѣдняго предположенія. Офицеры живо помнили свое прощаніе съ Наслѣдникомъ престола, передъ отправленіемъ въ походъ. Это прощаніе было такъ искренно и трогательно, что, подъ конецъ, забыли всякій этикетъ, и всѣ разомъ бросились, со слезами, цѣловать Цесаревича. Преображенскій полкъ, могъ, стало быть, надѣяться на все лучшее. 24 Февраля графъ Барановъ уѣхалъ въ Петербургъ, куда, въ тоже время, для присутствованія на похоронахъ, отправились на почтовыхъ: командиръ роты Его Величества, фельдфебель, одинъ изъ рядовыхъ той же роты и полковой адъютантъ. Кромѣ того, поѣхали туда же всѣ, кто только могъ отлучиться отъ полка частнымъ образомъ. Вслѣдъ за тѣмъ мы узнали, что 19 Февраля, графъ Ридигеръ назначенъ командиромъ гвардейскихъ и гренадерскихъ корпусовъ. Графъ Барановъ возвратился въ Бѣлостокъ 13 Марта и, черезъ три дня, снова уѣхалъ въ Варшаву, а за чѣмъ, — неизвѣстно. 25 числа, онъ опять вернулся въ Бѣлостокъ, и сейчасъ же разнесся слухъ, что командиръ полка получаетъ новое назнаніе. Къ живѣйшему прискорбію офицеровъ, онъ, по пріѣздѣ, приступилъ къ сдачѣ полка, и 29 Марта былъ объявленъ его прощальный приказъ.

Въ прощаніи съ графомъ Барановымъ выразилось расположеніе къ нему офицеровъ. Въ мѣстечкѣ Заблудовѣ выпрягли лошадей изъ коляски, и офицеры стали тащить ее на себѣ. Новый полковой командиръ, Мусинъ-Пушкинъ, медлительный, тяжелый на подъемъ, долженъ былъ идти пѣшкомъ за коляскою, изнемогая отъ тяжести теплой шинели и едва вытаскивая изъ грязи калоши. По мѣрѣ того какъ приближался день отъѣзда, умножались знаки сочувствія къ графу Баранову. Весь Бѣлостокъ высыпалъ на улицу. По дорогѣ были выставлены, на балконахъ, оркестры музыки, игравшіе тушъ, при появленіи поѣзда. Нескончаемыя толпы солдатъ, стоявшія на пути, вплоть до городской заставы, встрѣчали бывшаго командира криками ура! и

бѣжали за его экипажемъ. Офицеры провожали любимаго начальника до слѣдующей станціи, гдѣ были приготовлены завтракъ и окончательная выпивка. Выпивка эта достигла сильнѣйшаго кризиса всѣхъ демонстрацій: нѣкоторые нервные господа падали на полъ въ истерическомъ припадкѣ.

Вмѣстѣ съ полковымъ командиромъ измѣнился и личный составъ полковаго штаба. Казначей, Герстфельдъ ушелъ вслѣдъ за графомъ Барановымъ, который далъ ему мѣсто въ Гвардейскомъ Штабѣ, а на вакансію Герстфельда офицеры выбрали Авинова 2-го. Вскорѣ послѣ того и полковой квартирмейстеръ, старый Микешинъ, перешелъ въ Стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи.

Тотчасъ по сдачѣ полка, оба полковые командиры уѣхали въ Петербургъ, и полкомъ остался командовать старшій полковникъ Самсоновъ.

Судьба берегла графа Баранова: онъ сдалъ полкъ въ такое время, когда ему пришлось бы видѣть самый разгаръ опустошительнаго тифа. Еще при немъ разразились первые порывы этого страшнаго повѣтрія, и уже 20-го Февраля было отправлено въ госпиталь 15 человѣкъ тифозныхъ больныхъ. Сначала Апрѣля тифъ началъ косить нашихъ солдатъ.

Съ 1-го Апрѣля по 1-е Сентября было 97 умершихъ. Въ это время часто повторялись случаи скоропостижной смерти. Иногда тифъ переходилъ въ мгновенное сумасшествіе, доводившее, подчасъ, до самоубійства. Полковой штабъ-лѣкарь Предтеченскій, добросовѣстно и съ самоотверженіемъ исполнявшій свои обязанности, самъ заболѣлъ тифомъ, отъ котораго и умеръ. Офицеры, чрезвычайно его любившіе, назначили пенсію его вдовѣ, и этотъ традиціональный вычетъ изъ офицерскаго жалованья продолжался во все время службы моей въ полку. 30-го Апрѣля, заболѣлъ второй полковой врачъ, Воиновъ, а 5-го Мая впалъ въ нервную горячку Вертеръ, послѣдній изъ полковыхъ врачей. Замѣчательно, что офицеры уцѣлѣли и, помнится, только одинъ изъ нихъ заболѣлъ и то не опасно. Это было большое счастье, потому что положеніе полка было самое печальное и безотрадное. Настоящаго полковаго командира, то есть настоящаго хозяина, не было; тифъ страшно свирѣпствовалъ, численность людей таяла съ каждымъ днемъ. Изъ трехъ медиковъ одинъ умеръ, а остальные два не могли уже помогать, такъ какъ сами боролись съ ужасною болѣзнью. Между тѣмъ, кончина Государя оправдывала ожиданія всевозможныхъ случайностей, особенно въ Западномъ краѣ. Самое бездѣйствіе, на которое мы были осуждены, способствовало всеобщему разстройству и распложало болѣзни. Ученій не было почти никакихъ, кромѣ осьмирядныхъ,

гдѣ практиковались младшіе офицеры, раздѣленные на двѣ смѣны и упражнявшіеся по очереди. Развлеченій никакихъ тоже не было, такъ какъ, съ кончиною Государя, всѣ удовольствія сами собою прекратились. Можно сказать, что наступили минуты, когда человѣкъ, сознавая свое безсиліе, инстинктивно обращается къ Богу. Это религіозное настроеніе нашло очень удобный случай для своего выраженія. Бѣлостокскій соборъ, какъ и всѣ православныя церкви въ Западномъ краѣ, не отличался особенно благолѣпною внѣшностью, хотя и былъ самый представительный изъ мѣстныхъ храмовъ. Между прочимъ въ соборѣ обращала на себя вниманіе древняя икона Божіей Матери, стариннаго Греческаго письма; особенно замѣчателенъ былъ ликъ Богородицы и Младенца-Іисуса; оба имѣли чисто-Еврейскій типъ. Эта икона пользовалась большимъ уваженіемъ въ краѣ, такъ что многіе католики, преимущественно изъ крестьянъ, приходили на поклоненіе въ православный соборъ. Икона вовсе не имѣла ризы, а только, по Уніатскому обычаю, на ней навѣшано было множество кусковъ матеріи и привѣсокъ изъ серебра и золота, въ видѣ сердца, руки, ноги, головы и прочаго; эти привѣски свидѣтельствовали о чудотворныхъ исцѣленіяхъ жертвователей. Между тѣмъ, многіе изъ соборныхъ образовъ, хотя тоже не имѣли драгоцѣнныхъ металлическихъ ризъ, однако носили серебряныя украшенія на верхнихъ частяхъ одежды или вѣнчики. Это обстоятельство подало мысль одному изъ нашихъ офицеровъ украсить часть иконы чудотворной Божіей Матери, на сколько станетъ его собственныхъ средствъ. Другой офицеръ, случайно увидѣвшій маленькую смѣту, при посѣщеніи товарища, пожелалъ тоже принять въ дѣлѣ участіе и, наконецъ, когда слухъ распространился далѣе,—образовалась значительная складчина. Въ ней принялъ участіе и графъ Барановъ. Собранныя деньги представили до того почтенную цифру, что явилась возможность составить проектъ полной серебряной, вызолоченной ризы, которую и заказали Петербургскому мастеру Верховцеву.

Здѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ престранномъ происшествіи. Я готовъ приписать его случаю, воображенію, словомъ, чему угодно, но умолчать объ этомъ не могу. Дѣло въ томъ, что необходимо было снять съ иконы вѣрный снимокъ на восковой бумагѣ, для отсылки въ Петербургъ, по требованію Верховцева. Къ счастію, въ Бѣлостокѣ проживалъ одинъ бѣдный художникъ; онъ взялся за эту работу даромъ, изъ усердія. Икона уже давно отнесена была въ домъ художника, какъ вдругъ, тому самому офицеру, чьимъ починомъ началось это дѣло, въ одну ночь приснилось, будто къ нему приходитъ бѣлокурый, голубоглазый ребенокъ, показываетъ образъ Божіей Ма-

тери, новѣйшаго, Итальянскаго письма, и говоритъ: «Посмотри-ка..., а вѣдь это—соборная!» Этотъ сонъ произвелъ на нашего товарища невыразимо сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ устроитель предпріятія, давно слѣдилъ за его ходомъ. Испуганный, поспѣшилъ онъ отправиться на квартиру живописца узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло. Художника въ то время не было дома, и посѣтитель увидѣлъ лежащую на столѣ большую икону Богородицы, на которой еще не высохли свѣжія краски, но ликъ былъ не стариннаго письма, а такъ называемой Итальянской школы, на манеръ новѣйшихъ иконъ. Этотъ образъ конечно нельзя было признать за «соборный», и офицеръ, обезпокоенный сномъ и отсутствіемъ настоящей святыни, утѣшалъ себя тѣмъ, что видимая имъ икона есть вѣроятно посторонняя работа, исполняемая по заказу. Между тѣмъ вернулся домой и самъ художникъ, и каково же было виновнику всего этого дѣла услышать, что предлежащая икона есть именно соборная, но художникъ, по его словамъ, желалъ *изъ усердія реставрировать* ее. Однако, вмѣсто обновленія, онъ *подправилъ* образъ такъ, что узнать его не было никакой возможности. Потерявшійся устроитель, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ на улицу, кликнулъ кличъ, и на него собралась вся наличная офицерская братія. Всѣ были озадачены и встревожены, всѣ толпою вторглись къ художнику и осыпали его угрозами, упреками, даже бранью. Болѣе суетливые кричали, что можетъ дойти до бунта, потому что народъ, необыкновенно уважающій святыню, заподозритъ подлогъ и не оставитъ искаженія безнаказаннымъ. Несчастный живописецъ, въ свою очередь, такъ испугался, что стоялъ какъ окаменѣлый и не могъ выговорить слова. Наконецъ, пылъ негодованія охладился и уступилъ мѣсто благоразумному вопросу: какъ бы помочь дѣлу? Тогда и художникъ пришелъ въ себя и поспѣшилъ успокоить насъ твердымъ увѣреніемъ, что онъ, сію же минуту и въ нашемъ присутствіи, приведетъ все въ прежній видъ. Дѣйствительно, онъ тотчасъ же смылъ скипидаромъ еще свѣжія краски, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣда. Помнится, въ началѣ Апрѣля прислана была изъ Петербурга риза, стоившая болѣе тысячи рублей. Она была великолѣпна, въ особенности же одѣяніе и вѣнчикъ были замѣчательно хорошо вырѣзаны филиграновою рѣзьбою и украшены разноцвѣтными стразами.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ положеніе полка настолько поправилось, что въ немъ возстановился нормальный порядокъ. Полковникъ Самсоновъ получилъ новое назначеніе *). За то, въ половинѣ Апрѣля, прі-

---

*) Командира запасной бригады 10-й пѣхотной дивизіи, а вскорѣ послѣ того, въ Маѣ, Самсоновъ назначенъ былъ командиромъ Преображенскаго резервнаго полка.

ѣхалъ въ Бѣлостокъ настоящій командиръ полка, Мусинъ-Пушкинъ. Помню, что на представленіи мы въ первый разъ вновь увидѣли его въ Преображенскомъ мундирѣ. Новый командиръ, какъ водится, сказалъ длинную рѣчь; изъ нея намъ особенно понравилось начало: «Сегодня я имѣлъ счастіе вновь надѣть на себя этотъ славный мундиръ.... Поздравьте меня, господа!» Далѣе, изъ вступительной рѣчи осталось у меня въ памяти одно мѣсто, гдѣ генералъ разсказывалъ про сильно распространившіеся въ Петербургѣ слухи о существованіи интригъ и партій въ Преображенскомъ полку и, разумѣется, выразилъ надежду, что поддержка добраго товарищества заставитъ молчать злые языки. Существованіе интригъ и партій въ полку—фактъ дѣйствительный и неоспоримый; но какъ разъ въ 1855 году было несвоевременно о немъ говорить. Графъ Барановъ, безъ всякихъ особенныхъ мѣръ и усилій, убилъ духъ партій тѣмъ, что сблизилъ и сплотилъ вокругъ себя офицеровъ, и никогда товарищество не было такъ безукоризненно какъ при вступленіи Мусина-Пушкина въ командованіе.

Если я выразился, что съ пріѣздомъ Пушкина (23 Апрѣля) полкъ вышелъ изъ плачевнаго положенія, въ какомъ находился съ Февраля мѣсяца, то этимъ я хотѣлъ только сказать, что у насъ возстановился хоть внѣшній административный порядокъ: всякое хозяйство поправляется съ появленіемъ настоящаго хозяина. Однако тифъ не унимался; напротивъ, какъ показываютъ цифры составленной мною таблицы, въ Апрѣлѣ и Маѣ было самое значительное число заболѣвающихъ. Правда, вслѣдъ за Пушкинымъ, явился въ полкъ и вновь назначенный штабъ-лекарь Соколовъ; но положеніе его въ первое время было ужасное, такъ какъ всѣ помощники-врачи были сами тяжело больны, а между тѣмъ въ госпиталь прибывало все болѣе и болѣе заболѣвшихъ. Сердце разрывалось при видѣ молодыхъ, крѣпкихъ людей, полныхъ жизни и здоровья—умиравшихъ на нашихъ глазахъ почти каждый Божій день. Кажется, смерть застигала, болѣе всего, при повторительныхъ припадкахъ (рецидивахъ); они были опаснѣе самой болѣзни. Иной солдатъ выходилъ изъ госпиталя и, казалось, совершенно поправлялся, какъ вдругъ—новый и сильнѣйшій припадокъ сводилъ его въ могилу.

Перейду къ менѣе грустнымъ воспоминаніямъ. Въ Бѣлостокѣ судьба еще разъ столкнула меня съ пажескимъ и Преображенскимъ товарищемъ, А. М. Рылѣевымъ. Я уже имѣлъ случай сказать, что въ 1854 году онъ былъ назначенъ ординарцемъ къ Наслѣднику. Когда же Цесаревичъ сталъ Императоромъ, Рылѣевъ явился въ полкъ изъ своей командировки. Но, уже 23 Апрѣля объявленъ въ полку Высо-

чайшій приказъ отъ 17 числа, и въ немъ бывшій ординарецъ назначался флигель-адъютантомъ. Случилось такъ, что въ томъ же самомъ приказѣ я производился въ штабсъ-капитаны, по вакансіи. На радостяхъ мы роспили бутылку шампанскаго; вслѣдъ за тѣмъ Рылѣевъ уѣхалъ, и мы не служили больше съ нимъ вмѣстѣ. Вообще производство, какъ валовое такъ и экстренное, награды и назначенія были часты и многочисленны.

Военное время давало себя чувствовать особенно въ недостаткѣ офицеровъ. Юнкерскихъ школъ въ ту пору не существовало, а обыкновенный источникъ комплектованія (военно-учебныя заведенія) не въ состояніи былъ пополнить число убитыхъ, раненыхъ, и число потребное для пополненія офицерами вновь сформированыхъ частей. Въ такой нуждѣ стали производить въ прапорщики изъ строевыхъ унтеръ-офицеровъ, и тутъ, какъ и во всемъ, гвардія имѣла преимущество. Еще въ Мартѣ изъ Преображенскаго полка произвели четырехъ: 2-й гренадерской роты—Наума Шейкина; 6-й Михаила Гриненчука и 5-й Николая Богданова. Всѣ три опредѣлялись въ резервные баталіоны Бѣлозерскаго и Муромскаго полковъ. Наконецъ, фельдфебель 4-й роты, Егоръ Васильевъ произведенъ былъ тоже въ прапорщики, въ резервный баталіонъ князя Меньшикова полка. Всѣ эти новые прапорщики были старые, грубые, неразвитые люди, зачерствѣлые въ безотрадномъ солдатскомъ быту того времени; они ни о чемъ не имѣли понятія, кромѣ шагистики и ружейныхъ пріемовъ. Фельдфебель Васильевъ служилъ въ одной ротѣ со мною (въ 4-й). Это былъ самый мужиковатый, самый неуклюжій и тупой изъ всѣхъ фельдфебелей полка. Онъ выговаривалъ по-Новгородски, на *о*, то и дѣло ругалъ солдатъ «собаками» и немилосердно колотилъ ихъ по зубамъ. Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1863 г.) и къ крайнему моему удивленію, мнѣ случилось встрѣтить въ Вильнѣ того же Егора Васильева, но уже въ чинѣ штабсъ-капитана и очень уважаемымъ полковымъ квартермистромъ. Правду говоритъ пословица: «Все перемелется, мука будетъ!»

Помню тотъ день, когда Егора Васильева съ товарищами приводили къ присягѣ въ Бѣлостокскомъ соборѣ. Такъ какъ во всемъ городѣ не было военныхъ портныхъ, то и формы сшить было нельзя. Поэтому всѣхъ вновь произведенныхъ облекли въ прежніе солдатскіе мундиры, а на плечи приспособили офицерскіе эполеты. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на этихъ «*молодыхъ офицеровъ*», изъ которыхъ младшему было за сорокъ лѣтъ: они совершенно растерялись вслѣдствіе новаго своего положенія и рѣшительно не знали, какъ себя держать. Вскорѣ послѣ присяги случился характерный казусъ: коман-

диръ полка Пушкинъ узнаётъ вдругъ, что на полковомъ караулѣ всѣ солдаты перепились до безобразія. Дежурный по карауламъ, посланный для разбора дѣла, сталъ добиваться, кто смѣлъ принести солдатамъ водку въ караулъ. Оказалось, что ее принесли *прапорщики Богдановъ* и *Гриненчукъ!*

Въ концѣ Апрѣля прибылъ въ Бѣлостокъ маршевой баталіонъ, въ числѣ 24 унтеръ-офицеровъ и 836 рядовыхъ. Эта подмога явилась кстати, потому что полкъ, опустошаемый болѣзнями, нуждался въ комплектованіи. Бѣлостокъ былъ похожъ на огромный госпиталь, изъ котораго спѣшили переводить выздоравливающихъ на поправленіе въ окрестныя деревни. Въ одной изъ нихъ, Багновкѣ, въ началѣ Мая, набралось до 60 человѣкъ слабосильныхъ.

Я забылъ сказать, что перемѣны начальниковъ увлекли и нашего начальника дивизіи, генерала Моллера. Онъ не ладилъ съ сильными міра и потому получилъ, сравнительно, незавидное назначеніе помощника командира внутренней стражи, чѣмъ весьма обидѣлся. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ Зальца 2-й, но и онъ остался недолго, и дивизію окончательно принялъ чопорный и педантичный Гильденштуббе.

Вихрь перемѣнъ коснулся и офицеровъ, въ томъ числѣ и меня: 30 Мая, мнѣ предписано было принять 3-ю гренадерскую роту отъ Дохтурова 1-го, поступавшаго на должность младшаго штабъ-офицера. Съ этой минуты наступила для меня новая служебная колея. До того времени я находился въ блаженномъ положеніи субалтернъ-офицера, то-есть ничего не дѣлалъ и ни за что не отвѣчалъ. Пушкинъ поздравилъ меня съ новымъ назначеніемъ и прибавилъ, что мнѣ досталась «прекрасная рота». Замѣчаніе было справедливо; но я принялъ ее въ трудное время, когда всѣ условія солдатскаго образованія и быта готовы были измѣниться.

(Продолженіе будетъ).

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Воспоминанія А. Л. Зиссермана *).

III.

Непрекращавшаяся слякоть, наконецъ, доконала меня: я простудился, не тотчасъ принялъ мѣры противъ развитія болѣзни и поплатился за это тифомъ. Кажется, недѣли три или четыре пришлось мнѣ пролежать въ постелѣ, и потому въ генварьскихъ (1857 г.) военныхъ дѣйствіяхъ въ Большой Чечнѣ я участія не принималъ. Лѣчили меня старые госпитальные врачи, по старой солдатской системѣ: каломеля не жалѣли, и, спасибо имъ, а можетъ быть больше природѣ и молодому организму, я выздоровѣлъ и вскорѣ принялся за туже усиленную работу. Долженъ однако признаться, что время это уже не такъ отчетливо сохранилось въ моей памяти, и я, какъ сквозь сонъ, возобновляю его теперь въ моемъ представленіи.

Когда опасность миновала, я сталъ поправляться и могъ ходить по комнатѣ, докторъ Александровскій, между прочими новостями и сплетнями, сказалъ мнѣ: «однако вы приготовьтесь выдержать бурю, когда выйдете изъ дому».

— Какую, отъ кого?

— Да отъ нашего почтеннаго Константина Ивановича и еще болѣе отъ его супруги.

— Ничего не понимаю: я уже нѣсколько мѣсяцевъ у нихъ не былъ.

— Да вѣдь вы ихъ *пропечатали* на всю Россію въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и всѣ теперь надъ ними смѣются».

— Ничего не понимаю, ничего въ «Русск. Вѣстникѣ» не печаталъ.

— Ну, полноте; вѣдь вы написали «Пріятное Семейство», осмѣявъ всю С—скую семью. Кромѣ васъ некому. Это вся Грозная говоритъ.

Я разразился смѣхомъ; но почтенный эскулапъ Александровскій остался при своемъ убѣжденіи и продолжалъ съ большимъ удовольствіемъ разносить по всѣмъ Грозненскимъ угламъ (гдѣ ни «Русскаго Вѣстника», ни даже газеты «Кавказъ» не читали) содержаніе «Пріятнаго Семейства».

А дѣло вотъ въ чемъ: главный докторъ военнаго госпиталя въ Грозной былъ нѣкто статскій совѣтникъ К. И. С—въ, типъ военнаго

*) Первыя двѣ главы этихъ Воспоминаній напечатаны въ Р. Архивѣ 1884, кн. 6-я.

врача, или — вѣрнѣе — *медицинскаго чиновника* прежнихъ временъ. Выпить, закусить, плотно пообѣдать, затѣмъ проспать часика три, а тамъ, *не теряя золотаго времени*, за зеленый столъ. По службѣ — главное вниманіе на наружный видъ и исправное мараніе бумаги сотнями вѣдомостей и книгъ, въ которыхъ «самъ чортъ ногу сломаетъ», да неукоснительный дѣлежъ съ смотрителемъ и коммиссаромъ добычи. Однимъ словомъ, самый обыкновенный въ тѣ времена человѣкъ, любившій задавать начальническій тонъ и весьма довольный, когда ему скажутъ: «ваше превосходительство»... Но за то барыня его была не совсѣмъ подъ стать нашимъ штабъ-квартирнымъ и «крѣпостнымъ» дамамъ: не выходила она иначе изъ дому, какъ въ сопровожденіи лакея въ ливреѣ и шляпѣ съ галуномъ, держала себя очень важно и прислугѣ строго приказала говорить объ ней не иначе, какъ «генеральша». Нѣсколько дочерей, хотя не блиставшихъ особенной красотой, тоже держали себя какъ туго накрахмаленныя манишки и порывались говорить по-французски. Все вообще въ этомъ семействѣ, кромѣ самого pater familias, лѣзло изъ кожи вонъ не быть похожими на *прочихъ*, и когда намъ, молодежи, случалось бывать тамъ по вечерамъ, то мы чувствовали неудержимую потребность смѣяться—и надъ потѣшной мамашей, и надъ чопорностью дѣвицъ, и надъ уморительными, не всегда салонными прибаутками самого старика, приводившаго свою лѣзшую въ аристократію супругу въ неописанный гнѣвъ, и надъ худо скрываемой скупостью угощенія, когда maman своимъ единственнымъ блестѣвшимъ глазомъ зорко слѣдила за появленіемъ гостей во время ужина...

Вдругъ появляется въ «Русскомъ Вѣстникѣ» одинъ изъ разсказовъ Щедрина «Пріятное Семейство», въ которомъ талантливый авторъ «Губернскихъ Очерковъ», съ свойственною ему рельефностью, нарисовалъ нѣсколько презабавныхъ сценъ изъ жизни семейства, отчасти напоминавшаго нашихъ достопочтенныхъ С—выхъ, и они не замедлили узнать себя въ этомъ разсказѣ... Въ пылу негодованія, желая во что бы ни стало найти виновнаго, они обрушились на меня.

Никакія увѣренія въ моей невинности, никакія откровенныя заявленія, что я считалъ бы себя весьма счастливымъ быть въ дѣйствительности авторомъ такого произведенія, хотя бы даже рискуя подвергнуться гнѣву ея превосходительства, не дѣйствововали, и долгое время сами С—вы и нѣкоторые наши общіе знакомые продолжали меня считать сочинителемъ *пасквиля*. Такъ, съ тѣхъ поръ я уже не удостоивался чести не только бывать у С—выхъ, но и самое знакомство прекратилось.

Этотъ забавный, вполнѣ Россійско-провинціальный эпизодъ приводитъ мнѣ, однако, на память свѣтлую эпоху 1856—60-хъ годовъ,

когда «Русскій Вѣстникъ» и «Современникъ» овладѣли всѣми, маломальски развитыми людьми, возбуждали дѣятельность мысли, отрывали вниманіе отъ исключительно-будничныхъ интересовъ къ болѣе высокимъ, общегосударственнымъ и общечеловѣческимъ; когда даже мы, втянувшіеся въ военно-служебную сферу, довольно равнодушно относившіеся ко всякимъ непригляднымъ дѣламъ и порядкамъ, на нашихъ глазахъ творившимся, стали какъ бы прозрѣвать... Въ воздухѣ почуялась какая-то свѣжесть, горизонтъ кругомъ прояснялся, кровь стала быстрѣе обращаться, и нужно было видѣть, какъ тѣ, немногіе впрочемъ, которые получали журналы, жадно прочитывали всё, носившее обличительный характеръ, и съ какимъ удовольствіемъ передавали другимъ содержаніе прочитаннаго, съ какимъ жаромъ вступали по этому поводу въ разсужденія, споры и проч.!... *)

Тогда, послѣ многолѣтняго періода литературы исключительно-*амурнаго* характера (ибо ничего другаго намъ читать не приходилось), всѣ эти обличенія продѣлокъ провинціальной администраціи и вообще офиціальныхъ лицъ, эти возмутительные разсказы о крѣпостныхъ самоуправствахъ и самодурствахъ, эти апологіи Англійскимъ порядкамъ казались намъ чѣмъ-то необычайно смѣлымъ и бьющимъ съ неотразимою силою въ самую суть общественной мерзости. Прибавивъ къ этому ходившія по рукамъ копіи съ извѣстнаго приказа по морскому вѣдомству на счетъ того, что у насъ «сверху блескъ, а снизу гниль», съ извѣстныхъ стиховъ Хомякова и Аксакова, мы вполнѣ повѣрили въ возрожденіе, въ пришествіе новой эры, въ предстоящее блистательное будущее Россіи!..

Но нужно сказать, что насъ было очень мало: почти всѣ, постарше и повыше въ служебномъ отношеніи стоявшіе, или ничего не читали и не знали, или относились ко всему, такъ насъ волновавшему, иронически-индиферентно, иные съ нѣкоторымъ озлобленіемъ. Были такіе служаки, которые не хотѣли вѣрить приказу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и считали его фальшивымъ. Покойный бар. Врангель разсказывалъ мнѣ, что онъ, командуя 5-мъ пѣхотн. корпусомъ, пріѣхалъ въ Кишиневъ инспектировать 15-ю дивизію и на вопросъ: объявленъ ли уже приказъ о томъ, что унтеръ-офицерамъ слѣдуетъ говорить

---

*) Это напоминаетъ намъ про отзывъ митрополита Филарета о тогдашней такъ называемой обличительной литературѣ. Онъ конечно ея не жаловалъ, и когда кто-то замѣтилъ, что все же этими произведеніями устраняются дурные люди и сатира очищаетъ нравы, владыка возразилъ: „Мудрено! Въ первый разъ слышу, чтобъ кого либо можно умыть помоями“. Но тогда эти самообличенія и самооплеванія (естественный плодъ предъидущей показной увѣренности въ общемъ благоденствіи) только что начались; что̀ сказалъ бы Московскій архипастырь теперь! П. Б.

«вы»,—начальникъ дивизіи генералъ Кишинскій (нашъ старый Кавказецъ) отвѣчалъ: «нѣтъ, не объявленъ; *опасно;* ждемъ, не будетъ ли отмѣны или разъясненій». Бригадный командиръ Ляшенко (тоже Кавказецъ) поддерживалъ такое сомнѣніе, и оба просили позволить имъ не торопиться объявленіемъ приказа. Такова сила рутины, хотя нельзя умолчать, что и реформаторство приняло тогда отчасти лихорадочный характеръ...

У насъ слишкомъ злоупотребляютъ выраженіемъ «подъемъ народнаго духа», «подъемъ общественнаго сознанія», и потому оно до нѣкоторой степени опошлилось, нерѣдко вызывая въ опытномъ читателѣ улыбку. Но что подъемъ дѣйствительно бываетъ — это неоспоримо; если онъ не проникаетъ въ самую глубь народныхъ массъ, то, во всякомъ случаѣ, охватываетъ всё читающее, грамотное общество, въ которомъ заключается соль страны и есть достаточный запасъ средствъ дать «подъему» реальное значеніе, лишь бы не раздалось вдругъ: «куда лѣзешь?»...

Подъемъ, послѣдовавшій послѣ печальнаго Парижскаго мира 1856 года, былъ именно изъ тѣхъ, которые въ массы проникаютъ: тамъ стали носиться глухіе толки о волѣ, о записываніи желающихъ въ казаки, о земляхъ раздаваемыхъ щедрою рукою даромъ и т. п.; тамъ готовы были вѣрить во всякую нелѣпость, соотвѣтствующую затаеннымъ желаніямъ и насущнымъ нуждамъ матеріальнаго свойства, готовы были на «подъемъ», только совсѣмъ другаго рода, на *подъемъ* съ мѣста жительства для переселенія на вольныя земли, а кое-гдѣ и на *подъемъ* съ дубинами противъ помѣщичьихъ управляющихъ и становыхъ...

Подъемъ духа, о которомъ идетъ рѣчь, весьма сильно поддерживаемый «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Современникомъ», да разными, уже упомянутыми копіями запрещенныхъ статей и стиховъ, выразился главнѣйше въ горячемъ, искреннемъ чувствѣ негодованія къ крѣпостнымъ порядкамъ, къ палочной системѣ, къ злоупотребленіямъ по службѣ. Вдругъ возобладалъ критически - оппозиціонный характеръ, о которомъ до того въ нашихъ кругахъ и рѣчи не было, если не считать за оппозицію недовольство какимъ-нибудь начальникомъ, или критикой и неодобреніемъ его распоряженій, въ особености со стороны лично недовольныхъ. Стали затрогиваться самые наиважнѣйшіе пункты нашего положенія, не исключая основныхъ принциповъ; разбирались и политика внѣшняя, и дѣла внутреннія, и финансовая система, и вездѣсущій единоличный произволъ; и говорилось всё достаточно громко, и даже такимъ лицамъ, предъ которыми еще недавно слѣдовало лишь стоять «руки по швамъ»...

Откуда вдругъ явилось и такое увлеченіе, и такая горячность, и такая смѣлость, наконецъ, достаточно-основательное и плавное изложеніе мыслей,—опредѣлить довольно трудно. Уже носилось въ воздухѣ что-то особенное, и довольно было небольшаго толчка, чтобы разбудить повергнутое въ летаргію Русское общество, поднять его духъ и сознаніе, вызвать наружу способности, остававшіяся подъ спудомъ, у многихъ даже невѣдомо для нихъ самихъ... Когда же впослѣдствіи стали ходить по рукамъ листки «Колокола» и прочія изданія Герцена, то *подъемъ* достигъ уже размѣровъ весьма крупныхъ, сталъ вырождаться въ нѣкотораго рода озлобленіе, вызывая громогласно заявляемую критику, весьма желчнаго характера... Да, очень хорошо помню я это время! И, какъ намъ казалось, если въ глухомъ углу Кавказа, среди военнаго общества, въ которомъ, правду говоря, едва ли одна десятая часть могла назваться интеллигентною, произошла такая перемѣна духа, то что̀ же должно было совершаться въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ, болѣе богатыхъ просвѣщенными элементами, чѣмъ какіе-нибудь Грозные, Владикавказы и т. п., тридцать лѣтъ тому назадъ... А между тѣмъ — свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Во что̀ выродился *подъемъ?*.. Молчаніе.

Однако «подъемъ духа» своимъ порядкомъ, а военныя дѣйствія и чаемыя повышенія по службѣ тоже не забывались; ничего иного отъ военныхъ людей и требовать нельзя было. Для всякаго изъ нихъ это была прямая дорога, свернуть съ которой значило бы броситься въ неизвѣстное пространство. Наконецъ, самые лучшіе изъ насъ хорошо понимали, что когда-нибудь нужно же и покончить съ Кавказской войной, что это вопросъ громадной важности для Россіи и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. — Самый характеръ военныхъ дѣйствій, принявшихъ съ пріѣздомъ князя Барятинскаго такой рѣшительный оборотъ, сосредоточеніе небывалое прежде массы войскъ и смѣлыя движенія въ мѣстности, считавшіяся предъ тѣмъ недоступными, произвели среди насъ усиленное возбужденіе и тоже увлекали наше воображеніе, вызывая на толки и предположенія о тѣхъ или другихъ возможныхъ результатахъ.

Въ Генварѣ 1857 г. дѣйствія продолжались двѣ недѣли, и, не взирая на сильную стужу и мятели, настойчивость генерала Евдокимова преодолѣвала всѣ препятствія; два отряда—одинъ отъ р. Аргуна, другой отъ Мичика по просѣкѣ, сдѣланной въ Декабрѣ, вышли другъ другу на встрѣчу, прорубая заросли и расчищая пути. Такимъ образомъ, послѣдній недоступный участокъ Большой Чечни былъ очищенъ отъ непокорнаго населенія, и почти всѣ хлѣбороднѣйшія мѣста отняты; ибо, имѣя свободный доступъ отъ Аргуна къ Качкалыковскому хребту, мы

получили возможность во всякое время съ небольшими летучими отрядами нагрянуть и уничтожить посѣвы. Непріятелю былъ нанесенъ весьма сильный ударъ съ ничтожной потерей съ нашей стороны. Къ 1-му Февраля войска разошлись по квартирамъ, выстрѣлы на время затихли, и въ дымившихся полуразоренныхъ аулахъ собирались унылыя кучки Чеченцевъ, окончательно смущенныхъ и недоумѣвающихъ.

3-го Марта опять былъ собранъ отрядъ за Аргуномъ. Въ теченіи пятнадцати дней, у бывшаго аула Шали, мы построили земляное укрѣпленіе и вырубили на нѣсколько верстъ кругомъ лѣса. Большія толпы горцевъ съ 6-ю орудіями стояли въ почтительномъ разстояніи, посылая намъ каждодневно по нѣсколько десятковъ ядеръ; небольшія кучки выбѣгали впередъ, перестрѣливаясь съ нашими цѣпями, но ничего рѣшительнаго не затѣвали; а генералъ Евдокимовъ почти не обращалъ на нихъ вниманія и продолжалъ свое дѣло. 20-го Марта въ оконченное на-скоро укрѣпленіе былъ введенъ гарнизонъ (батальонъ Куринцевъ, двѣ роты Виленцевъ, дивизіонъ полевыхъ орудій и двѣ сотни казаковъ) подъ командою подполковника Момбелли, а мы возвратились въ Грозную.

Это Шалинское укрѣпленіе, въ самомъ центрѣ Большой Чечни, угрожало поминутно непріятелю и во время полевыхъ работъ, и на пастьбѣ скота, и днемъ, и ночью; кромѣ того, оно служило убѣжищемъ для тѣхъ Чеченцевъ, которые желали выселяться къ намъ, но не могли далеко уходить изъ-подъ зоркаго надзора Шамилевскихъ агентовъ; а желающихъ оказывалось очень много, и никакой страхъ предъ казнями въ семъ мірѣ, предъ муками ада въ будущемъ, никакія увѣщанія и картины райской будущности уже не дѣйствовали...

Очень часто, въ теченіи лѣта 1857 г., доносились до насъ въ Грозную пушечные выстрѣлы изъ Шали. Сначала это немного тревожило насъ: непріятель могъ большими силами атаковать укрѣпленіе, а у насъ подъ рукою не было свободныхъ войскъ для немедленнаго движенія на выручку. Но когда, послѣ первыхъ двухъ-трехъ тревогъ, оказалось, что Момбелли ядрами препятствуетъ Чеченцамъ работать въ полѣ, или что наибъ Талгикъ изъ-за лѣса, въ свою очередь, посылаетъ сосѣду Момбели чугунные гостинцы, мы успокоились и оставляли гулъ Шалинскихъ выстрѣловъ безъ вниманія.

Вспоминаю при этомъ одинъ случай, отлично характеризующій генерала Евдокимова. Въ 1856 году весною, часу въ 3-мъ пополудни, вбѣгаетъ къ нему начальникъ мирныхъ Чеченцевъ, подполковникъ Бѣликъ, весьма встревоженный, и докладываетъ, что со стороны Куринскаго укрѣпленія доносятся пушечные выстрѣлы. Въ то время нигдѣ никакихъ отрядовъ въ сборѣ не было, никакихъ движеній не дѣлалось,

всѣ войска были на работахъ и покосахъ, поэтому выстрѣлы должны были означать нападеніе непріятеля. Генералъ Евдокимовъ приказалъ считать выстрѣлы.

— Да уже около 40, ваше превосходительство!

— Приготовьте сейчасъ нарочнаго къ начальнику колонны, расположенной на Джалкѣ, чтобы бѣгомъ слѣдовалъ къ Куринскому, а между тѣмъ считать выстрѣлы.

Вбѣгаетъ Бѣликъ. «Ваше превосходительство, уже болѣе 100 выстрѣловъ!»

— Ну, такъ ненужно нарочнаго: это тамъ пьянствуютъ.

Послѣ генералъ приказалъ спросить, что̀ тамъ происходило, и командиръ 2-го бат. Кабардинскаго полка, расположеннаго въ Куринскомъ, маіоръ Властовъ откровенно отвѣчалъ, что его батальонный адъютантъ прапорщикъ Калери женился на дочери казачьяго штабъ-офицера, что на свадьбу пріѣзжалъ полковой командиръ баронъ Николаи, что кутнули какъ подобаетъ Кабардинцамъ и по старому обычаю подняли жарню изъ пушекъ... Н. И. Евдокимовъ разсмѣялся, и дѣло осталось безъ послѣдствій.

Вдаваться въ подробности военныхъ дѣйствій, всѣхъ плановъ, распоряженій и результатовъ я не буду; это не имѣетъ почти никакого отношенія къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ и достаточно обширно уже описано мною въ особомъ трудѣ, изданномъ въ 1881 году подъ заглавіемъ «Исторія Кабардинскаго полка» (1724—1880), куда я и отсылаю читателей, интересующихся исторіею завоеванія Кавказа *). Здѣсь же, въ моихъ «Воспоминаніяхъ», лучше обратиться къ лицамъ, тогдашнимъ дѣятелямъ, высшимъ и низшимъ, къ сослуживцамъ и вообще къ подробностямъ болѣе частнаго характера.

IV.

Среди множества обыкновенной текущей работы генералъ Евдокимовъ поручилъ мнѣ, между прочимъ, нѣсколько особенно-серьезныхъ дѣлъ, о которыхъ онъ объяснялся съ главнокомандующимъ, желавшимъ имѣть объ нихъ подробныя записки. Затрогивались различные вопросы: о способѣ перенесенія полковыхъ штабъ-квартиръ во вновь занимаемыя въ непріятельской странѣ мѣстности (предметъ имѣвшій весьма важное значеніе, потому что никакое укрѣпленіе не могло

---

*) Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы заявить, что два отрывка изъ моей Исторіи Кабардинскаго полка, напечатанные въ 6-й книжкѣ Р. Архива 1884 г., обязаны своимъ происхожденіемъ запискамъ Г. К. Властова, обязательно сообщеннымъ мнѣ въ рукописи.

замѣнить цѣлой штабъ-квартиры, представлявшей на Кавказѣ особый видъ Русской колонизаціи, во многихъ отношеніяхъ даже болѣе полезной, чѣмъ казачья станица); объ устройствѣ народнаго управленія въ Кабардѣ, этой старѣйшей изъ подчиненныхъ Русской власти Кавказской провинціи, гдѣ съ двадцатыхъ годовъ существовали порядки, введенные еще А. П. Ермоловымъ, отжившіе свой вѣкъ и требовавшіе радикальныхъ перемѣнъ; о прочномъ и достаточномъ надѣленіи землею казаковъ, поселенныхъ по Сунжѣ; о возможности обезоруженія покорныхъ туземцевъ. И еще нѣсколько тому подобныхъ вопросовъ.

Все это занимало у меня очень много времени и требовало усидчиваго труда. Просматривая теперь сохранившіяся въ копіяхъ эти записки и вспоминая вообще это время, я рѣшительно недоумѣваю, какъ хватало у меня силъ посвящать при этомъ почти всѣ ночи напролетъ... картежной игрѣ? Сознаюсь, къ стыду моему, что, хоть мнѣ было тогда уже болѣе 30 лѣтъ, я не имѣлъ достаточно силы воли устранить себя отъ этой, свирѣпствовавшей въ то время у насъ, общей эпидеміи. Азартная игра съ перемѣннымъ счастіемъ и довольно крупными кушами, переходившими изъ рукъ въ руки, просто засасывала человѣка и, какъ всякая страсть, отуманивала, можно сказать, до какой-то потери сознанія!..

Безсонныя ночи, усиленный приливъ и отливъ крови къ сердцу, волненіе, облака табачнаго дыма и мѣловой пыли, воспаленные глаза (и это послѣ цѣлаго дня работы, послѣ необходимости поминутно быть у начальства, предъ которымъ нужно было скрывать свою слабость), само собою, не могли не дѣйствовать разрушительно на организмъ. Иногда случалось въ 6—7 часовъ утра прямо отъ карточной оргіи бѣжать домой и, окатившись холодной водой, садиться за работу, недоконченную съ вечера, и явиться съ нею въ 8—9 ч. къ генералу Евдокимову, читать ему, тутъ же дополнять, исправлять, идти въ штабъ, опять къ нему и, въ довершеніе бѣды, явиться къ обѣду. Такъ бывало двое-трое сутокъ сряду!..

Изъ членовъ этой картежной компаніи, кромѣ Грачева, о которомъ я уже говорилъ въ предыдущихъ главахъ, болѣе всего вспоминается мнѣ А. А. Офрейнъ, личность весьма интересная. Уроженецъ Крыма, онъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ поступилъ на службу въ одинъ изъ уланскихъ полковъ и впослѣдствіи былъ отправленъ въ Петербургъ, въ кавалерійскій образцовый полкъ. Красавецъ собой, большаго роста, ѣздокъ, типъ фронтовика тѣхъ временъ, Офрейнъ обратилъ на себя вниманіе великаго князя Михаила Павловича, а затѣмъ и самаго Государя Николая Павловича и былъ оставленъ въ постоянномъ

кадрѣ образцоваго полка, съ переводомъ въ конную гвардію. Довольно быстро шагая по служебной лѣстницѣ, онъ достигъ чина полковника, получилъ и всѣ ордена, дававшіеся по порядку. Оставалось протянуть еще годъ, другой, чтобы получить полкъ, быть произведеннымъ въ генералы и кончить, по крайней мѣрѣ, начальникомъ дивизіи. Но карточный бѣсъ-искуситель не дремалъ: Офрейнъ очутился въ числѣ самыхъ ретивыхъ его служителей, и послѣдствія оказались самыя плачевныя. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ чей-то адъютантъ князь Кольцовъ-Масальскій проигралъ Офрейну не особенно большую сумму денегъ, обѣщая заплатить «на дняхъ». Проходили однако недѣли. Масальскій денегъ не присылалъ, а Офрейну онѣ нужны были до зарѣзу. На двѣ-три напоминательныя записочки отвѣта не послѣдовало. Тогда Офрейнъ рѣшился самъ зайти къ Масальскому; но, не заставъ его дома, написалъ въ его кабинетѣ записку, съ рѣшительнымъ требованіемъ немедленной уплаты долга, угрожая въ противномъ случаѣ надѣлать непріятностей.

Вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ появились слухи, что у князя Масальскаго, въ день прихода полковника Офрейна, со стола пропали золотые часы и что никто болѣе въ кабинетъ не входилъ... Результатомъ этихъ слуховъ было общее негодованіе офицеровъ, конногвардейскаго и образцоваго полковъ, и настойчивое требованіе, чтобы Офрейнъ былъ исключенъ изъ ихъ состава. Послѣдовало увольненіе отъ службы; вся карьера, вся будущность были разрушены!

Офрейнъ нарядился въ штатское платье и остался въ Петербургѣ съ единственной цѣлью отомстить Масальскому. Въ одинъ *не*прекрасный день, проходя по Невскому проспекту, онъ увидѣлъ офицера въ адъютантской фуражкѣ, подъѣхавшаго съ дамой къ одному изъ магазиновъ. Офрейну показалось, что это Масальскій; но чтобы не ошибиться, онъ спросилъ кучера «чьи лошади?»—Князя Масальскаго, послѣдовалъ отвѣтъ. Тебя-то мнѣ и нужно, подумалъ Офрейнъ, и остался на панели ожидать выхода своего врага изъ магазина. Чрезъ нѣсколько минутъ вышла дама, за нею Масальскій, и въ тоже мгновеніе толстая палка здоровенною рукою Офрейна пошла писать по головѣ и спинѣ этого господина, который упалъ лицомъ внизъ, а дама въ обморокъ... Крикъ, шумъ, сбѣжались люди, полиція, вырвали у Офрейна палку, подняли избитаго офицера и только тогда—представьте себѣ ужасъ Офрейна!—онъ замѣтилъ, что побилъ совершенно незнакомаго ему человѣка, оказавшагося тоже княземъ Масальскимъ, кажется родственникомъ того, который такъ зло поступилъ съ Офрейномъ! Финаломъ этого происшествія былъ арестъ, слѣдствіе, судъ, годъ тюремнаго заключенія, *отставленіе* (вмѣсто увольненія) отъ службы и

высылка изъ Петербурга, съ воспрещеніемъ навсегда въѣзда въ обѣ столицы.

Чрезъ нѣкоторое время, получивъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ князю М. С. Воронцову, Офрейнъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и былъ зачисленъ на службу въ Сунженскій казачій полкъ хорунжимъ, т. е. первымъ оберъ-офицерскимъ чиномъ. Прибывъ въ Грозную въ 1853 году, онъ получилъ въ командованіе мѣстную сотню, составленную изъ лихихъ молодцовъ, большею частью недавно зачисленныхъ въ казаки изъ семейныхъ солдатъ, участвовалъ съ нею во всѣхъ набѣгахъ и экспедиціяхъ, составляя конвой начальника отряда. И, нужно отдать ему справедливость, въ дѣлахъ съ непріятелемъ оказался онъ весьма распорядительнымъ и безупречно-храбрымъ. Баронъ Врангель и генералъ Евдокимовъ оказывали ему большое вниманіе. Каждый годъ получая за отличіе слѣдующіе чины, Офрейнъ чрезъ нѣсколько лѣтъ опять былъ полковникомъ, затѣмъ командиромъ линейнаго батальона, часто начальникомъ отдѣльныхъ колоннъ и отрядовъ, пользуясь неослабѣвавшимъ расположеніемъ Евдокимова. Исторія съ Масальскимъ была забыта; самъ Офрейнъ видимо избѣгалъ всякаго намека на это дѣло. Но, что̀ удивительно, и жестокій урокъ на него не подѣйствовалъ: ни на одинъ день не разстался онъ со страстью къ картамъ и все время въ Грозной, за Кубанью, въ Кисловодскѣ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, до послѣднихъ своихъ дней, продолжалъ съ азартомъ играть—и большею частью проигрывать...

Другой постоянный членъ нашей (грустной памяти) карточной компаніи былъ А. И. Руновскій, смотритель военнаго госпиталя въ Грозной, тоже человѣкъ въ своемъ родѣ весьма интересный. Женившись молодымъ офицеромъ, пришлось ему заботиться о средствахъ къ жизни и искать «спокойнаго мѣста;» слѣдствіе этого—поступленіе въ коммиссаріатъ на должность смотрителя. Въ госпиталѣ бывало 800, 900 и не менѣе 600 больныхъ; у такого Калифорнійскаго источника, само собою, дѣло не безъ грѣха; но Руновскій былъ заклятой врагъ денегъ и бралъ ихъ для того, чтобы проигрывать и транжирить самымъ неразсчетливо-легкомысленнымъ образомъ. Кромѣ того, по добротѣ и свойствамъ широкой Славянской натуры, никому ни въ чемъ отказать онъ не могъ. Такимъ образомъ, все шло прахомъ, и когда, совершенно неожиданно, надъ нимъ стряслась бѣда, въ видѣ увольненія безъ прошенія отъ службы за какой-то сущій пустякъ, а не за злоупотребленія,—Руновскій остался безъ всякихъ средствъ. По моему предстательству, генералъ Евдокимовъ вошелъ съ представленіемъ о зачисленіи Руновскаго на службу въ Навагинскій полкъ, что̀ вскорѣ и состоялось;

а затѣмъ онъ опять получилъ «спокойное мѣсто» смотрителя госпиталя въ Владикавказѣ, но не долго на немъ оставался. Не знаю, по-собственному ли желанію, былъ онъ опять зачисленъ по арміи и отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ очутился сотрудникомъ новаго «Военнаго Сборника», въ которомъ дебютировалъ статьею: «Человѣкъ съ честными намѣреніями» и талантливо разсказалъ свои коммиссаріатскія похожденія. Тогда этотъ родъ литературы былъ въ модѣ, и статья обратила на себя вниманіе.

Когда въ 1859 году привезли въ Петербургъ плѣннаго Шамиля, рѣшено было назначить особаго пристава для присмотра за нимъ въ Калугѣ. По чьей-то рекомендаціи выборъ палъ на Руновскаго, и онъ, въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ, отлично исполнялъ свою обязанность, былъ любимъ старымъ имамомъ и всей его семьей, писалъ разныя статьи о Шамилѣ, горскихъ обычаяхъ и проч.

Въ 1861—62 году вдругъ капитанъ Руновскій является на Кавказъ состоящимъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ, вслѣдъ за тѣмъ переводится въ гвардію, остается въ томъ же званіи при Великомъ Князѣ Намѣстникѣ Кавказскомъ и разъѣзжаетъ по краю съ особыми порученіями. Какова метаморфоза?

Возлагались на Руновскаго разныя слѣдствія, казусныя дѣла и важныя командировки, болѣе гражданскаго характера. Не знаю гдѣ, по какому дѣлу, что-то сорвалось, и Руновскій уже въ чинѣ полковника былъ отчисленъ по арміи и опять очутился ни съ чѣмъ. Послѣ онъ отправился въ Ташкентъ, въ распоряженіе генерала Кауфмана; служилъ тамъ, какъ я слышалъ, съ пользой, содѣйствовалъ къ устройству городскаго управленія, былъ представленъ къ производству въ генералы, но заболѣлъ и умеръ. Картъ нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, Р. не оставлялъ; всегда былъ добродушно-веселъ, большой охотникъ острить, цитировать Гоголевскія забавныя изрѣченія, напѣвать водевильные куплеты и т. п. Этому способному, богато-одаренному человѣку не доставало немного больше образованія и начитанности, немного больше силы воли и выдержки, чтобы, не погружаясь въ госпитальные омуты, оказаться виднымъ административнымъ дѣятелемъ на Кавказѣ и оставить послѣ себя болѣе свѣтлую память.

Остальные участники картежной оргіи не вызываютъ въ моей памяти особыхъ представленій; были офицеры всѣхъ родовъ оружія, провіантмейстеры съ туго-набитыми бумажниками, коммиссары, а иногда даже госпитальный священникъ, про котораго Руновскій разсказывалъ много забавныхъ, а иногда и возмутительныхъ, анекдотовъ...

Да, скверное воспоминаніе; и если я его коснулся, то именно съ цѣлью показать, какъ трудно, но и необходимо человѣку отдѣлывать-

ся отъ слѣдованія поговоркѣ: «съ волками жить, по волчьи выть». Это вовсе не оправданіе, а только сдѣлка слабохарактерныхъ людей съ своею совѣстью. Я, по крайней мѣрѣ, во время опомнился и вотъ уже болѣе 25 лѣтъ отъ всякихъ азартныхъ игръ отрѣшился.

V.

Среди этихъ усиленныхъ занятій днемъ и безпутнаго картежничанья ночью, у меня прибавилось однако еще одно дѣло. Въ Мартѣ 1857 г. получилъ я отъ Ростислава Фадѣева изъ Тифлиса письмо, въ которомъ онъ, по порученію главнокомандующаго, спрашивалъ, возьмусь ли я доставлять корреспонденціи и статьи о военныхъ дѣйствіяхъ и вообще о нашемъ положеніи на Кавказѣ. Письмо было очень интересное, объяснявшее, сколько помню, нѣкоторые взгляды князя Барятинскаго на публичность, на общественное мнѣніе и т. п.; говорилось объ его желаніи отыскивать по Кавказу способныхъ людей, выдвигать ихъ для общей пользы и проч. Къ крайнему сожалѣнію, письма этого не нахожу теперь между моими бумагами.

Я поспѣшилъ отвѣчать, что, не говоря о большомъ удовольствіи заняться подобной работой, желаніе главнокомандующаго вѣдь равносильно приказанію; слѣдовательно и спрашивать меня нечего. Я просилъ только не связывать меня срочной работой, потому что родъ моей службы при генералѣ Евдокимовѣ, при частыхъ разъѣздахъ и движеніяхъ съ отрядами, этого положительно не допускаетъ.

Въ отвѣтъ на это я получилъ отъ Фадѣева письмо отъ 7 Апрѣля, которое и помѣщаю здѣсь почти цѣликомъ, *почти*, потому что второй листикъ затерялся, о чемъ весьма сожалѣю и негодую на мою небрежность.

«Благодарю васъ за письмо, А. Л., и за обѣщаніе содѣйствія. Хоть это дѣло собственно казенное, слѣдовательно ни до кого изъ насъ лично не касающееся; но, во первыхъ, этого требуютъ отъ насъ по службѣ и сулятъ за это милости, во вторыхъ, у насъ все начинаетъ выходить изъ застоя, и Кавказъ никакъ не долженъ отставать отъ остальной Россіи. Наконецъ, хотя это съ перваго раза кажется парадоксомъ, даже личное положеніе каждаго, и пишущаго, и не-пишущаго, Кавказца въ нѣкоторой степени зависитъ отъ того, какъ Кавказъ выскажетъ себя предъ Европою». (?)

«Князь А. И. хочетъ твердо переобразовать Кавказъ сообразно съ дѣйствительностью вещей, замѣнить старую мозаику, изъ которой лѣпили Кавказское Положеніе, правильнымъ и раціональнымъ распре-

дѣленіемъ силъ и управленія. Но одной воли его мало. Въ Петербургѣ противъ него страшная опозиція, вся старая рутина стала на дыбки; а рутину большихъ людей въ настоящее время можно умирить однимъ оружіемъ,—мнѣніемъ» (общественнымъ? это мой вопросъ. А. З.).

«Теперь примите въ соображеніе двѣ вещи: 1) что о правительственныхъ вопросахъ до сихъ поръ еще нельзя разсуждать пѣчатно (Фадѣевъ писалъ всегда чрезъ *ѣ*) по-русски; 2) что хоть Русское мнѣніе съ каждымъ годомъ становится самостоятельнѣе, но не выбилось еще совершенно изъ подъ опеки мнѣнія иностраннаго; вліяніе этого послѣдняго чувствуется у насъ еще чрезвычайно сильно, и вы увидите, какъ важно для предпринимаемаго княземъ труда, затрудняемаго на каждомъ шагу рутиной, апатіей и недоброжелательствомъ какъ Русскимъ, такъ и иностраннымъ, поставить себя въ настоящемъ свѣтѣ предъ мнѣніемъ. У насъ же есть для этого превосходный органъ: газета Le Nord, издаваемая въ Бельгіи Погенполемъ. Добросовѣстность редакціи и обширность сношеній доставили этой газетѣ такой кредитъ въ Европейской публикѣ, что слова ея принимаются безъ повѣрки (?!) Издатель обратился недавно къ князю съ предложеніемъ сдѣлать ее главнымъ органомъ Кавказа предъ свѣтомъ, и я писалъ для князя письмо къ редактору, съ изложеніемъ его мнѣнія объ этомъ дѣлѣ. Въ тоже время *** пишетъ князю, что теперь онъ лично убѣдился, какую роль играетъ въ Европѣ газетная публичность, что она не только увлекаетъ мнѣніе куда хочетъ, но ворочаетъ правительствами и управляетъ Европейской политикой; что, поэтому, продолжать скромное молчаніе, какъ мы дѣлали до сихъ поръ, все равно что не хотѣть знать пороха, когда весь свѣтъ вооруженъ уже ружьями и пушками, и что настоящую публичность намъ должно начать съ Кавказа. Надобно вамъ сказать, что сильная часть прессы (la presse), принадлежащая Англо-австрійскому мнѣнію, предприняла возбудить въ Европѣ такое же увлеченіе мнѣнія въ пользу героическихъ *Черкесовъ*, какое возбудила она въ 20-хъ годахъ въ пользу возставшихъ Грековъ. Если дать такому потоку разыграться, онъ можетъ быть очень опасенъ для насъ: извѣстно, что въ это время западныя правительства существуютъ только на условіи угождать публикѣ. Вотъ почему настоящая публичность должна начаться у насъ съ Кавказа; публичность, какъ ее понимаютъ на Западѣ, состоящая не въ одной публикаціи документовъ и извѣстій, но въ систематическомъ, одноцвѣтномъ, направленномъ къ одной цѣли изложеніи хода и сущности Кавказскихъ событій. Это дѣло нетрудное, потому что намъ не надо ничего изукрашивать или обрѣзывать,—мы совершенно правы здѣсь. Достаточно изображать вещи въ настоящемъ видѣ, чтобы фантасти-

ческій идеалъ Черкесовъ разлетѣлся дымомъ. Какое мнѣніе создано объ нихъ въ Европѣ, вы можете видѣть изъ слѣдующаго; въ одномъ изъ первыхъ журналовъ, при разборѣ переведеннаго сочиненія о плѣнѣ Чавчавадзевыхъ, журналъ восклицаетъ: «кто бы подумалъ, что эти безстрашные защитники свободы *иногда* любятъ деньги, какъ и другіе люди!»

«Политическія статьи могутъ писаться только въ Тифлисѣ, очевидно. Но на мѣстѣ, напр. въ Грозной, должно писать о ходѣ дѣла, но не стѣсняясь никакою рамкою. Вы можете изображать нашу войну, край и горцевъ не только въ предѣлахъ какого-нибудь событія, но и во всемъ что̀ вы найдете любопытнаго; все что̀ относится къ нашему положенію на Кавказѣ въ вашемъ распоряженіи. Развивать эту тему, связывая ее съ текущими происшествіями всего лучше, но вовсе необязательно. Главное, чтобы статьи были интересны и коротки. Не забудьте, что Европа еще ничего не знаетъ о Кавказѣ. Journal de Constantinople публикуетъ для нея еще такія извѣстія, перепечатываемыя во всѣхъ газетахъ: Ингуши и *Гандашури* (sic), живущіе на рѣкѣ *Сонъ* (?!), заключили союзъ противъ Русскихъ и подъ начальствомъ наиба, присланнаго Даніель-султаномъ, взяли въ сѣверномъ Дагестанѣ крѣпость *Шалишъ* (?!), вырѣзавши въ ней 1000 человѣкъ Русскаго гарнизона и схватили въ плѣнъ генерала Евдокимова...»

На этомъ обрывается письмо Фадѣева, повторяю, къ крайнему сожалѣнію, потому что тамъ были еще интересныя извѣстія уже по нашимъ внутреннимъ, Кавказскимъ дѣламъ.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ было получено извѣстіе, что новый главнокомандующій собрался объѣхать весь сѣверный Кавказъ, начавъ съ лѣваго крыла. Но объ этомъ разскажу послѣ, а теперь возвращусь къ характеристикѣ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ.

Объ генералѣ Евдокимовѣ я уже много говорилъ; но эта крупная личность заслуживаетъ подробной біографіи, и потому я посвящу ему еще нѣсколько строкъ.

Родившись въ 1808 или 1809 году въ крѣпости Темнолѣсной (близъ Ставрополя) отъ фейерверкера гарнизонной артиллеріи (впослѣдствіи произведеннаго за выслугу лѣтъ въ прапорщики) и выучившись у дьякона грамотѣ, Евдокимовъ 16-ти лѣтъ поступилъ на службу въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, гдѣ и посадили его писаремъ въ казначейскую канцелярію. Такое служебное начало не могло предвѣщать особенно блестящаго будущаго; а между тѣмъ вышло напротивъ: хо-

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ
(1809-1873.)

Гр. Евдокимовъ

рошій почеркъ, смѣтливый умъ, быстрое усвоеніе канцелярскихъ порядковъ, трезвое поведеніе нерѣдко болѣе цѣнились въ нашей военной организаціи, чѣмъ чисто-боевыя качества. Ихъ оцѣнили и въ Евдокимовѣ, и на этотъ разъ весьма удачно. Произведенный вскорѣ въ унтеръ-офицеры, Евдокимовъ сдѣлалъ съ полкомъ Персидскій походъ 1826—27 г. и былъ произведенъ въ прапорщики въ Куринскій полкъ, расположенный тогда въ Дербентѣ. До 1831 г. онъ несъ обыкновенную службу, пристрастился было къ картишкамъ, проигрываясь до того, что щеголялъ и лѣтомъ, и зимою въ одномъ дрянномъ сюртукѣ; отъ выпивки, по старому Кавказскому обычаю, тоже не отказывался и чуть было не попалъ въ категорію отпѣтыхъ оберъ-офицеровъ, которыми Кавказскіе полки изобиловали еще и до пятидесятыхъ годовъ...

Но судьба не допустила погибнуть человѣку, предназначенному для другой, лучшей участи: въ первомъ же жаркомъ бою съ полчищами Кази-муллы, при освобожденіи крѣпости Бурной, осажденной горцами, прапорщикъ Евдокимовъ нашелъ возможность выказать свою распорядительность и отвагу. Посланный со взводомъ пѣхоты и нѣсколькими казаками для поджога той части города Тарки, въ которой упорно держался Кази-мулла съ Чеченцами и гдѣ уже палъ командиръ Куринскаго полка Дистерло, Евдокимовъ былъ встрѣченъ большою толпою горцевъ; но, какъ сказано въ донесеніи начальника отряда, «не потерялъ присутствія духа и, не смотря на сильное сопротивленіе, исполнилъ въ точности данное ему порученіе, при чемъ получилъ сильную рану въ лѣвую щеку на вылетъ.» (Эта рана оставила слѣдъ на всю жизнь; на мѣстѣ, гдѣ вышла пуля, подъ лѣвымъ глазомъ, образовалось углубленіе, закрывавшееся Англійскимъ пластыремъ, почему горцы впослѣдствіи и прозвали Евдокимова «учь-гёзъ» т. е. трехглазый).

Нужно однако сказать, что донесеніе, какъ водится, и въ общемъ, и въ частностяхъ, полно всякихъ реляціонныхъ фантазій. Самъ Евдокимовъ разсказывалъ мнѣ этотъ эпизодъ совсѣмъ иначе. По его словамъ, онъ оставался во время атаки города при резервной ротѣ; когда замѣчено было, что во многихъ сакляхъ горцы держатся съ особымъ упорствомъ и наносятъ большой уронъ нашимъ разбросаннымъ кучкамъ солдатъ, онъ былъ посланъ съ 50 человѣками зажигать сакли и, гдѣ можно, выбивать непріятеля. Пройдя нѣсколько переулковъ, Евдокимовъ зажегъ съ десятокъ сакель и выгналъ оттуда горцевъ. Выйдя на небольшую площадку, онъ встрѣтилъ прапорщика Рѣдина съ 25 человѣками. Лѣвѣе площадки стояла большая сакля, обнесенная стѣнкою, надъ воротами коей развѣвалось штукъ 8 значковъ,

въ томъ числѣ одинъ большой зеленый. Явилась догадка, что здѣсь самъ Кази-мулла.

Желая завладѣть значками и оказать особое отличіе, Евдокимовъ предложилъ Рѣдину соединить обѣ команды, а замѣтивъ вдали еще прапорщика Анохина, стоявшаго на горкѣ лѣвѣе сакли, вызвалъ охотника пробраться къ нему и предложить одновременную атаку. Когда пробравшійся благополучно взадъ и впередъ фельдфебель Побѣдинскій принесъ согласіе Анохина, Евдокимовъ устроилъ обѣ команды (около 70 человѣкъ), объявилъ имъ о предстоящемъ подвигѣ и безъ выстрѣла бросился на ура къ саклѣ. Хотя одновременно раздалось ура и съ другой стороны, но горцы не оплошали: изъ-за стѣнки раздался убійственный залпъ; большая часть переднихъ людей была перебита, а Евдокимовъ упалъ за-мертво, прострѣленный въ щеку подъ лѣвымъ глазомъ. Солдаты, подхвативъ Евдокимова, бросились назадъ,—штурмъ былъ отбитъ...

Послѣ освобожденія Бурной, раненный Евдокимовъ остался тамъ для лѣченія и тутъ свелъ знакомство съ семействомъ командира линейнаго батальона, защищавшаго крѣпость, маіора Ѳедосѣева, и влюбился съ среднюю дочь его Александру. На сдѣланное предложеніе, отъ отца послѣдовалъ рѣзкій отказъ: маіоръ считалъ себя нѣкоторымъ образомъ аристократомъ въ сравненіи съ этимъ полуоборваннымъ прапорщикомъ, не имѣвшимъ, повидимому, никакой будущности, хотя бы въ смыслѣ содержать жену...

Выздоровѣвъ отъ раны и узнавъ, что Кази-мулла осадилъ Дербентъ, Евдокимовъ рискнулъ пробраться туда на рыбацкой лодкѣ изъ Бурной и съ двумя человѣками пустился въ море. Спасшись отъ волнъ бурнаго Каспія, онъ при высадкѣ едва не попалъ въ руки горцевъ и, благодаря только своей хладнокровной находчивости, избѣгъ мучительнаго плѣна и соединился съ своимъ полкомъ. Впослѣдствіи, съ переводомъ въ Апшеронскій полкъ, зачисленный въ штабъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау, благодаря участію его, Евдокимовъ получилъ руку избранной и обвѣнчался, хотя денежныя обстоятельства его все еще были таковы, что, по словамъ Темиръ-ханъ-шуринскихъ старожиловъ, для вѣнчанія пришлось занять у товарищей поновѣе мундиръ, эполеты и проч.

Генералъ Клюки-фонъ-Клугенау, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ, такъ сказать, альфой и омегой всего Русскаго управленія въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Онъ и Апшеронскимъ полкомъ командовалъ, и былъ военно-административный начальникъ покорныхъ туземцевъ, и посредникъ между Русскимъ правительствомъ и владѣтельными ханами, имѣвшими тогда еще весьма важное значеніе, и командующій всею

военною силою въ краѣ, и начальникъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ самостоятельно противъ преемниковъ Кази-муллы. Онъ долженъ былъ обороняться отъ нападеній, и самъ нападать для усмиренія и наказанія непокорныхъ сосѣдей, и изворачиваться, по недостатку силъ, тонкой политикой на Азіятскій манеръ и, наконецъ (что быть можетъ самое трудное), переписываться и отписываться съ Тифлисскимъ начальствомъ, которое, какъ всякое начальство, хочетъ все лучше знать и распоряжаться изъ кабинета за тридевять земель.

Для исполненія такого множества разнородныхъ обязанностей у Клюки былъ одинъ штатный адъютантъ съ тремя писарями. Легко себѣ представить, какъ онъ долженъ былъ обрадоваться, напавъ на такого офицера какъ Евдокимовъ, успѣвшій между тѣмъ пробыть уже нѣкоторое время полковымъ казначеемъ. Въ теченіе короткаго времени онъ сдѣлался самымъ приближеннымъ человѣкомъ, неразлучнымъ спутникомъ генерала; въ 1837 году онъ былъ при свиданіи ген. Клюки съ Шамилемъ на Гимринскихъ высотахъ, когда шла рѣчь о томъ, чтобы уговорить имама ѣхать въ Тифлисъ для представленія императору Николаю. При этомъ свиданіи Евдокимовъ выказалъ много находчивости, схвативъ за руку генерала, когда тотъ, вспыливъ, поднялъ свой костыль, чтобы ударить за грубость самаго приближеннаго Шамилевскаго мюрида. Ударъ могъ имѣть роковыя послѣдствія: нашихъ было 20 человѣкъ, а горцевъ 500, и довольно было минутной вспышки, чтобы отъ 20-ти не осталось слѣда.

Служба при Клугенау, въ тогдашнихъ условіяхъ нашего положенія на Кавказѣ вообще, и въ Дагестанѣ въ особенности, была для Евдокимова хорошей школой. Въ 1840-мъ году онъ былъ назначенъ Койсубулинскимъ приставомъ, т.-е. управляющимъ туземнымъ населеніемъ въ ущельи р. Койсу,—постъ тогда чрезвычайно важный, потому что удержаніе въ покорности этого населенія было равнозначуще обезпеченію всей плоскости отъ вторженія непріятеля и сохраненію за нами самыхъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ, съ которыхъ мы могли во всякое время двигаться въ Аварію и вообще въ глубь Дагестана; былъ и тамъ рядъ мелкихъ, жалкихъ укрѣпленій съ слабыми гарнизонами, но они были проблематической опорой, что вскорѣ и оказалось. Евдокимовъ, умѣвшій ладить съ населеніемъ, благодаря изученію Кумыкскаго нарѣчія и знакомству съ его обычаями, оказывалъ здѣсь большую пользу. Однако общее возстаніе Чечни въ 1840 году и успѣхи Шамиля въ распространеніи мюридизма, послѣ недостаточно-энергическихъ дѣйствій генераловъ Головина и Граббе, стали отзываться на расположеніи умовъ и покорнаго населенія, въ томъ числѣ Койсубулинцевъ, какъ ближайшихъ къ театру дѣйствій мюридовъ.

Генералъ Клугенау цѣлый годъ настаивалъ въ Тифлисѣ на требованіи усилить Дагестанъ военными средствами: этотъ уголъ Кавказа, въ виду очевидно усиливавшейся опасности, находился въ бѣдственномъ положеніи. Но представленія не дѣйствовали, и въ Тифлисъ былъ командированъ для словесныхъ объясненій маіоръ Евдокимовъ. Поѣздка эта не имѣла никакого успѣха: начальство осталось глухо и стояло на своемъ, что генералъ Клугенау всё преувеличиваетъ... Евдокимовъ, видя ясно нерасположеніе ген. Головина къ своему ближайшему сотруднику по Дагестану, послѣ нѣсколькихъ разъясненій, отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ убѣдить въ неотложности немедленнаго усиленія силъ Дагестана и поспѣшилъ уѣхать. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сбылась большая часть пророчествъ, и возстаніе уже приняло грозный характеръ. Койсубулинское приставство очутилось нѣкоторымъ образомъ миѳомъ; главные аулы измѣнили и подчинились Шамилю. Тифлисское же начальство ограничилось смѣною генерала Клугенау и присылкою генерала Фези, который вынужденъ былъ бросаться съ небольшими отрядами то въ одну, то въ другую сторону, чтобы выгонять мюридовъ, занимавшихъ важные пункты на нашихъ сообщеніяхъ. Маіоръ Евдокимовъ былъ дѣятельнѣйшимъ его помощникомъ и съ отдѣльными колоннами дѣйствовалъ превосходно; въ одномъ же случаѣ выказалъ и замѣчательныя военныя способности: рѣшимость, быстроту соображеній и личную геройскую отвагу, о чемъ разскажу здѣсь подробно.

Дѣло было такъ. Шамиль успѣлъ привлечь на свою сторону большинство жителей Унцукуля, самаго значительнаго аула на р. Койсу, подчинилъ его себѣ и оставилъ въ немъ небольшую партію мюридовъ, въ видѣ гарнизона; вслѣдствіе этого почти все ущелье было для насъ потеряно, и только въ двухъ-трехъ небольшихъ аулахъ западной части продолжалось еще подчиненіе Русской власти, благодаря присутствію Евдокимова съ небольшой колонной. Овладѣть Унцукулемъ немедленно,—значило бы возвратить все населеніе къ покорности, и Евдокимовъ, знакомый подробно съ мѣстностью и всѣми условіями, рѣшился достигнуть этого, не взирая на ничтожную силу, бывшую въ его распоряженіи. Главный успѣхъ онъ основывалъ на хитрости и добрыхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ почетныхъ жителей.

Въ это самое время генералъ Фези съ главнымъ отрядомъ, вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на Койсубу (средоточіе дѣятельности противника) по непонятнымъ соображеніямъ двинулся въ Южный Дагестанъ, гдѣ глубокіе снѣга препятствовали движенію. Евдокимовъ написалъ записку одному изъ вліятельныхъ Унцукульцевъ Кибиту-хаджи, что движеніе Фези только военная хитрость, что онъ дальнимъ

обходомъ внезапно нагрянетъ на Унцукуль и не оставитъ камня на камнѣ и что Евдокимовъ, по дружбѣ къ Кибиту, извѣщаетъ его объ этомъ подъ величайшимъ секретомъ, желая дать ему возможность спастись съ семействомъ отъ гибели.

Разсчетъ Евдокимова былъ тотъ, что Кибитъ-хаджи, хотя бы и сто разъ поклялся сохранить тайну, все таки сообщитъ ее ближайшимъ родственникамъ, а тѣ передадутъ своимъ и т. д. (а родныхъ у горцевъ всегда много, *тохумъ* (родъ) нерѣдко 200, 300 душъ), и такимъ образомъ большинство жителей узнаютъ и предпочтутъ изгнать нѣсколько десятковъ мюридовъ изъ аула, призвавъ добровольно Русскій отрядъ, чѣмъ подвергаться разоренію; Кибитъ же — человѣкъ вліятельный, поддержитъ такое рѣшеніе и изъ благодарности за сообщеніе тайны окажетъ Евдокимову всякое содѣйствіе.

Всѣ эти предположенія вполнѣ оправдались. Кибитъ-хаджи, прочитавъ записку, далъ клятву никому не объявлять; но не успѣлъ посланный скрыться изъ аула, Кибитъ ночью же созвалъ своихъ родственниковъ, сообщилъ имъ новость, выставилъ всю опасность подвергнуться нападенію отряда ген. Фези, невозможность отстоять аулъ самимъ, недостатокъ времени получить помощь отъ Шамиля, и убѣдилъ отдѣлаться отъ мюридовъ, находившихся въ аулѣ и скорѣе призвать Русскихъ. Когда всѣ съ этимъ согласились, Кибитъ-хаджи отправилъ къ Евдокимову гонца, приглашая его спѣшить въ Унцукуль, а чтобы Русскіе не встрѣтили препятствія при переходѣ чрезъ единственный мостикъ на Койсу, обѣщалъ въ слѣдующую ночь караулъ тамъ составить изъ своихъ людей.

Получивъ это извѣстіе, маіоръ Евдокимовъ, находившійся въ аулѣ Ирганай, вывелъ скрытно двѣ роты Апшеронцевъ за аулъ, объявилъ имъ свое намѣреніе идти въ Унцукуль, объяснилъ всю опасность предпріятія, могущую подвергнуть всѣхъ безвыходному положенію и предоставилъ всякому, нечувствующему въ себѣ достаточно силы, остаться въ Ирганаѣ. Единодушное «рады стараться, ваше высокоблагородіе» было отвѣтомъ... Тогда, присоединивъ человѣкъ 300 милиціонеровъ изъ покорныхъ ауловъ, бывшихъ въ его распоряженіи, Евдокимовъ выступилъ по ущелью Койсу.

Ночь была темная. Сырой Мартовскій (1842 г.) холодъ проникалъ насквозь. По дикому ущелью, неумолчно оглашаемому шумомъ бѣшенно несущейся по камнямъ рѣки, завывалъ порывистый вѣтеръ. Всѣ шли молча, въ раздумьи, и самъ Евдокимовъ не безъ большой тревоги. Неудача могла произойти весьма легко: Унцукульцы, увидѣвъ вмѣсто цѣлаго отряда кучку солдатъ (всѣхъ было 200 штыковъ) безъ пушекъ, могли опомниться и выказать вѣрность только что данному

Шамилю слову, уничтоживъ горсть гяуровъ, отрѣзавъ имъ всякую возможность отступленія, для чего достаточно было только занять въ тылу единственную скалистую тропинку и мостикъ нѣсколькими человѣками. Евдокимовъ испытывалъ сильную душевную борьбу; были минуты, когда онъ уже думалъ о возвращеніи, чтобы не рисковать головами столькихъ людей. Однако рѣшимость не отступать передъ разъ задуманнымъ дѣломъ взяла верхъ, и онъ сталъ торопить солдатъ, чтобы скорѣе достигнуть аула. За часъ до разсвѣта, колонна, встрѣченная на мостикѣ родственниками хаджи, достигла Унцукульскихъ садовъ. Скрывъ солдатъ въ виноградникахъ, Евдокимовъ послалъ сказать Кибиту, что онъ пришелъ съ *авангардомъ отряда* и что генералъ вскорѣ тоже появится. (Въ то время не было даже извѣстно, гдѣ собственно былъ отрядъ)...

До полутораста мюридовъ (размѣщенныхъ по одиночкѣ по всему аулу) и большая часть жителей совершенно спокойно спали, ничего не ожидая. Вдругъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣлалась всеобщая тревога, крики, плачъ бабъ, лай собакъ, суматоха; всѣ выскакивали съ просонковъ на улицу, не зная что̀ происходитъ. Родня Кибита-хаджи кинулась по аулу бить мюридовъ, а эти, видя измѣну, бросились спасаться кто куда могъ. Нѣсколькихъ убили, человѣкъ 25 связали, съ полсотни успѣли вскочить въ мечеть и завалили дверь, готовясь защищаться, часть успѣла выбѣжать за аулъ. Когда, наконецъ, собралась большая толпа жителей (въ Унцукулѣ было нѣсколько тысячъ душъ), Кибитъ-хаджи объявилъ имъ, что прибылъ Русскій отрядъ, грозившій не оставить камня на камнѣ, и что онъ счелъ за лучшее пожертвовать нѣсколькими пришельцами-байгушами, причинявшими имъ столько непріятностей, чѣмъ подвергать гибели своихъ родныхъ и односельцевъ. Въ туже минуту Евдокимовъ вывелъ изъ садовъ свои роты, и Унцукульцы при едва мерцавшемъ разсвѣтѣ увидѣли штыки...

Подъѣхавъ къ толпѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ милиціонеровъ, Евдокимовъ привѣтствовалъ своихъ старыхъ знакомыхъ и сказалъ имъ рѣчь, выразивъ удовольствіе видѣть ихъ опять вступающими въ число Русскихъ подданныхъ, чѣмъ они избавляются отъ постоянной тревоги за свои дома̀ и семьи; что Русское правительство приметъ рѣшительныя мѣры для защиты ихъ отъ Шамиля и, оцѣнивъ ихъ вѣрность, дастъ имъ средства увеличить благосостояніе посредствомъ свободной торговли въ Русскихъ городахъ. Люди изъ партіи Кибита выражали громко удовольствіе, желая поддержать и усилить расположеніе къ Русскимъ; остальная толпа слушала съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Между тѣмъ становилось свѣтло; слабость прибывшей колонны и замѣтное недоумѣніе Унцукульцевъ не уменьшали опасеній Евдокимова за исходъ дѣла, и онъ, ходя взадъ и впередъ по площадкѣ, среди густой толпы собравшагося народа, высматривалъ мѣсто, гдѣ бы можно поставить роты и на-скоро укрѣпиться до прибытія отряда. Проведя безсонную ночь, волнуемый опасеніями, онъ чувствовалъ лихорадочное состояніе и слабость.

Въ одно мгновеніе, когда онъ повернулся спиной къ толпѣ, изъ нея неожиданно выскочилъ какой-то фанатикъ, совсѣмъ юноша, лѣтъ 17—18-ти, и со всего розмаха ударилъ Евдокимова огромнымъ кинжаломъ ниже лѣвой лопатки, такъ-что конецъ вышелъ насквозь, на дюймъ ниже сердца... Евдокимовъ моментально выхватилъ шашку и наотмашъ рубнулъ убійцу по лицу, который, падая, успѣлъ повторить ударъ кинжаломъ по правому плечу Евдокимова, тоже упавшаго. Стоявшіе возлѣ милиціонеры нѣсколькими выстрѣлами прострѣлили фанатика, а взволнованный такимъ неожиданно-кровавымъ происшествіемъ Кибитъ-хаджи закричалъ, что нужно искупить стыдъ измѣны и уничтожить всю родню убійцы. Родня Кибита мгновенно бросилась въ аулъ, готовая произвести междоусобную рѣзню. Къ счастью, Евдокимовъ еще былъ въ памяти и успѣлъ сообразить, что рѣзня можетъ произвести лишь ожесточеніе и обрушиться на его солдатъ; онъ послалъ нѣсколькихъ своихъ милиціонеровъ догнать родныхъ Кибита и упросить ихъ никого не трогать, а лучше придти защищать его и не допускать до междоусобія.

Апшеронскія роты, услыхавъ выстрѣлы и зловѣщіе крики въ аулѣ, не ожидая приказаній, бросились туда и окружили домъ Кибита-хаджи, куда былъ внесенъ истекавшій кровью и обезпамятѣвшій Евдокимовъ, соединили наскоро домъ этотъ съ сосѣдней саклей, укрѣпивъ чѣмъ попало—бревнами, камнями,—образовали родъ редюита и расположились, готовые защищаться до послѣдней крайности.

Хорошо случилось, что съ ротами былъ баталіонный врачъ Любомудровъ, который успѣлъ перевязать рану Евдокимова и остановить кровотеченіе. Пріийдя въ себя, онъ прежде всего сознался Кибиту, что не знаетъ, гдѣ отрядъ Фези и упросилъ послать проворнаго человѣка розыскать генерала и передать ему записку о скорѣйшемъ движеніи войскъ къ Унцукулю, въ которомъ двѣ слабыя роты въ крайнемъ случаѣ могли продержаться два-три дня...

Между тѣмъ нѣсколько разъ останавливаемое кровотеченіе возобновлялось, пробивая повязки; безпамятство тоже повторялось неоднократно, и въ теченіи двухъ сутокъ Евдокимовъ былъ на волосъ отъ смерти. Наконецъ, 9 Марта, появился генералъ Фези съ отря-

домъ. Построивъ войска противъ сакли, гдѣ лежалъ раненый, онъ приказалъ кричать ура отважному покорителю Унцукуля. (Впрочемъ, это не помѣшало г. Фези въ донесеніи приписать главную причину успѣха себѣ...) За тѣмъ раненаго Евдокимова на носилкахъ отправили въ Темиръ-ханъ-шуру, гдѣ онъ пролежалъ два мѣсяца. Наградою его подвига были Георгіевскій крестъ и чинъ подполковника *).

VI.

Во время этихъ происшествій, отчасти въ связи съ ними, въ высшемъ командованіи Кавказомъ произошли перемѣны. Генералъ Граббе съѣздилъ въ Петербургъ, развилъ тамъ свои предположенія, вызвалъ измѣненія во взглядахъ и насколько усилилъ свое вліяніе, на столько уронилъ вліяніе Головина. Въ результатѣ было подчиненіе Граббе, кромѣ Кавказской линіи, еще всего Сѣвернаго Дагестана, переводъ Фези въ Россію и возвращеніе Клугенау на прежнее мѣсто. Къ веснѣ подготовлялась важная экспедиція въ Ичкерію, и генералъ Граббе пригласилъ выздоровѣвшаго Евдокимова находиться при немъ.

Въ памятные Кавказу три кровавые дня (31 Мая, 1 и 2 Іюня 1842 г.), проведенные войсками въ Ичкеринскихъ лѣсахъ на пути въ Дарго, Евдокимовъ имѣлъ случай насмотрѣться на результатъ вторженія въ лѣса лѣтомъ и, безъ сомнѣнія, вынесъ небезполезный урокъ, пригодившійся ему впослѣдствіи. Несчастная экспедиція генерала Граббе стоила большихъ жертвъ и имѣла крайне-вредныя послѣдствія, вознеся Шамиля на высоту рѣшительнаго побѣдителя Русскихъ. Онъ такъ усилился, что въ слѣдующемъ 1843 году уже самъ предпринялъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія противъ насъ. Этотъ несчастный годъ составилъ цѣлую отдѣльную эпоху въ исторіи завоеванія Кавказа, эпоху крайне-поучительную. Въ моей «Исторіи Кабардинскаго полка» читатели найдутъ подробное ея описаніе; здѣсь же я ограничусь лишь нѣсколькими словами на счетъ участія въ тогдашнихъ событіяхъ Николая Ивановича Евдокимова.

Однимъ изъ тѣхъ толчковъ, которые въ критическія времена бываютъ роковыми, въ 1843-мъ году, на Кавказѣ, было истребленіе колонны подполковника Веселицкаго. Евдокимовъ, находившійся тогда недалеко съ нѣсколькими милиціонерами, предвидѣлъ катастрофу и

*) Александръ Бестужевъ (Марлинскій) въ Дербентѣ былъ знакомъ съ Евдокимовымъ и когда этотъ отправлялся въ Тифлисъ, въ учебный батальонъ, Бестужевъ далъ ему письмо къ брату своему Михаилу, въ которомъ, между прочимъ, выразился про Евдокимова слѣдующимъ пророческимъ образомъ: „voilà un brave officier pour le Caucase“ (вотъ храбрый офицеръ для Кавказа).

послалъ Веселицкому записку остановиться на высотахъ, не спускаясь въ Унцукуль; но несчастный не послушалъ совѣта опытнаго человѣка и погубилъ себя со всѣми бывшими съ нимъ людьми; мало этого: погубилъ все наше положеніе. Непріятель, овладѣвъ двумя орудіями Веселицкаго и лишивъ осажденное укр. въ Унцукулѣ всякой надежды на помощь, вынудилъ, наконецъ, геройскихъ защитниковъ сдаться. Шамиль торжествовалъ такую побѣду, какой горцы Восточнаго Кавказа никогда еще не торжествовали. Успѣхи непріятеля пошли быстрыми шагами впередъ.

При принятыхъ нами дальнѣйшихъ мѣрахъ противъ распространившагося повсемѣстнаго возстанія, Евдокимову было поручено съ небольшою летучею колонною охраненіе линіи по р. Сулаку, весьма важной тогда (какъ единственнаго пути сообщенія чрезъ Кизляръ съ Россіей). Дѣйствовалъ здѣсь Евдокимовъ отлично, быстро переходя съ одного пункта на другой и ловко маскируя свою слабость. (У него былъ всего батальонъ въ 500 человѣкъ, 4 легкихъ орудія и нѣсколько сотъ Донскихъ казаковъ). Съ прибытіемъ на помощь Дагестану генерала Фрейтага, Евдокимовъ присоединился къ нему и принялъ дѣятельное участіе въ освобожденіи осажденнаго укр. Низоваго, а за тѣмъ и самой Темиръ-ханъ-шуры, бывшей уже близкою къ паденію.

Генералы Фрейтагъ и Гурко оцѣнили по достоинству дѣятельность Евдокимова, и онъ былъ произведенъ въ полковники.

Въ 1844-мъ году онъ опять съ небольшой колонной былъ выдвинутъ впередъ, къ сторонѣ возмутившейся Акуши, и когда генералъ Лидерсъ съ огромнымъ отрядомъ не рѣшался двигаться по открытой мѣстности, Евдокимовъ производилъ смѣлыя рекогносцировки и диверсіи съ своими двумя слабыми батальонами... Это было замѣчено даже въ Петербургѣ и поставлено на видъ главнокомандующему генералу Нейдгарту.

Вскорѣ полковникъ Евдокимовъ былъ назначенъ командиромъ Волжской казачьей бригады, населяющей окрестности Пятигорска. Для Евдокимова, конечно, назначеніе это было и почетнымъ, и дававшимъ ему возможность спокойно, съ бóльшими чѣмъ въ Дагестанѣ удобствами, отдохнуть отъ предшествовавшихъ трудовъ; но со стороны начальства это было очевидное доказательство неумѣнія держать нужнаго человѣка на соотвѣтственномъ мѣстѣ: при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ Дагестанѣ, такой штабъ-офицеръ, какъ Евдокимовъ, стоилъ, пожалуй, больше нѣсколькихъ батальоновъ; а командовать казаками въ мирномъ углу съумѣлъ бы не хуже, и даже лучше, всякій другой, знакомый съ казачьимъ бытомъ.

Послѣ второй несчастной экспедиціи въ Дарго, въ 1845 году, рѣшено

было усилить постоянный составъ Кавказской арміи сформированіемъ новыхъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ, взявъ людей отъ 5-го корпуса, возвращавшагося въ Россію, и отъ нѣсколькихъ упраздненныхъ линейныхъ батальоновъ. Формированіе и командованіе однимъ изъ новыхъ полковъ, Дагестанскимъ, было поручено въ 1846-мъ году полковнику Евдокимову. Съ этимъ полкомъ *) Николай Ивановичъ пожалъ новыя лавры при осадахъ Салты и Гергебиля въ 1847 и 48 годахъ. При первомъ онъ былъ траншей-маіоромъ и два раза водилъ свои батальоны на штурмъ. (Тутъ-то узналъ его лично князь М. С. Воронцовъ и оцѣнилъ по достоинству). При второмъ онъ занималъ отдѣльную важную позицію у Кудуха, обезпечивавшую наши сообщенія и грозившую лѣвому флангу непріятеля. Наградою былъ Владимиръ 3-й ст.

Въ 1849-мъ году, произведенный въ генералъ-маіоры Евдокимовъ, былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 20-й дивизіи, а въ 1850-мъ г. князь Воронцовъ, угадавшій въ немъ человѣка способнаго къ болѣе самостоятельной дѣятельности, назначилъ его начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи, на обязанности котораго лежало охраненіе всего протяженія по р. Кубани до границъ Чернаго моря посредствомъ передовыхъ кордоновъ на Лабѣ, и смотря по обстоятельствамъ наступательными движеніями въ земли Черкесовъ, или сношеніями съ князьями и обществами многочисленныхъ племенъ Западнаго Кавказа.

Шестилѣтняя дѣятельность генерала Евдокимова въ этой части края не такъ близко мнѣ знакома, чтобы я могъ говорить объ ней подробно; но достаточно сказать, что ни разу за это время горцамъ не удавалось совершить одного изъ тѣхъ большихъ вторженій, какія имъ удавались въ прежнія времена, не взирая на благопріятныя для нихъ обстоятельства во время Крымской войны, когда освобожденные отъ нашего флота и укрѣпленій съ моря, поддерживаемые Турками и Англичанами, руководимые разными авантюристами изъ Поляковъ и проч., они возмечтали объ изгнаніи Русскихъ съ Кавказа; а Шамилевскій эмиссаръ Магометъ-Эминъ, съ успѣхомъ пропагандируя мюридизмъ, уже достигалъ единства власти надъ разрозненными племенами. Между тѣмъ средства для охраны такого большаго раіона были у ген. Евдокимова ограниченныя, и требовалось много умѣнія и сообразительности, чтобы бороться со всѣми неблагопріятными обсто-

---

*) Въ 1864 году генералъ-адъютантъ, графъ, кавалеръ 2-го Георгія и проч. Евдокимовъ былъ назначенъ шефомъ этого полка. Вотъ какъ шагнулъ этотъ человѣкъ, про котораго еще въ 1842-мъ году ген. Головинъ на одномъ представленіи написалъ: „давать такимъ людямъ ходъ значитъ явно потворствовать злу!!..“

ятельствами, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ считать не послѣднимъ — нерасположеніе къ Евдокимову командовавшаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи Заводовскаго, человѣка весьма хитраго, умѣвшаго поставить себя въ глазахъ высшихъ властей незамѣнимымъ, пользовавшагося особымъ вниманіемъ кн. Воронцова и не стѣснявшагося въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, большею частью крайне-эгоистическихъ и далеко не-безупречныхъ.

Привожу здѣсь выписку изъ письма Н. И. Евдокимова къ генералу Клугенау, его старому начальнику и благодѣтелю, отъ 17-го Августа 1850 года, т.-е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія начальникомъ праваго фланга *).

«Назначеніемъ своимъ на правый флангъ я не могу похвалиться. Кордонная линія Кубани, Лабы и пространство, заключающееся между вершинами этихъ рѣкъ, составляетъ болѣе 700 верстъ. Мнѣ предстоитъ оборонять эту линію съ 12 полками казаковъ, изъ коихъ четыре разсыпаны на внутреннихъ постахъ и почтовомъ трактѣ, да съ 8-ю бат. пѣхоты, которыхъ большая доля должна занимать гарнизоны въ Лабинскихъ станицахъ и укрѣпленіяхъ. Съ большимъ трудомъ и съ опасностью для нѣкоторыхъ пунктовъ имѣю возможность сосредоточить отъ 10 до 12 ротъ и до 2 тысячъ казаковъ; но я не могу, не отдѣляясь отъ пѣхоты, предупреждать непріятеля на такомъ огромномъ пространствѣ, непріятеля, который теперь съ 6, 7-ю тыс. лучшей конницы можетъ бросаться на любой пунктъ и конечно не туда, гдѣ есть въ готовности войска. Угадать намѣренія непріятеля дѣло весьма трудное; лазутчиковъ почти нѣтъ, ибо ихъ по поимкѣ Магометъ-Эминъ (агентъ Шамиля) тотчасъ же убиваетъ; да притомъ они и не могутъ уже доставлять вполнѣ удовлетворительно извѣстія, какъ это было прежде, потому что власть его уже такъ сильна, что Залабинскіе Черкесы, также какъ и Дагестанскіе горцы, идутъ туда, куда имъ приказано, не зная сами для какой цѣли. Словомъ сказать, Магометъ-Эминъ становится вторымъ Шамилемъ и съ такою же сильною властью на жизнь и смерть ослушниковъ его волѣ. Хотя въ этомъ случаѣ положеніе его и не совсѣмъ еще твердо, однако было уже много примѣровъ, и вотъ недавно онъ убилъ старшаго Махошевскаго князя по подозрѣнію въ сношеніяхъ его съ Русскими. Всѣ племена, обитающія между Лабою, Кубанью и берегомъ Чернаго моря, подпали подъ власть этого человѣка, а племена эти многолюдны, и если теперь, въ началѣ,

*) Нѣсколько писемъ Евдокимова къ Клугенау сохранились въ бумагахъ послѣдняго и были переданы мнѣ покойнымъ его сыномъ, Владиміромъ, бывшимъ долго адъютантомъ у Евдокимова.

намъ не удастся поколебать почти утвердившееся уже надъ ними владычество Магометъ-Эмина, то дѣло съ горцами пойдетъ надолго и потребуетъ новыхъ усилій».

«Главнокомандующій (князь Воронцовъ), въ подробности выслушавшій мой докладъ, совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе; но, ограниченный въ средствахъ, по обширности края, скупится въ пособіи войсками. На мнѣ лежитъ теперь бремя защиты слабой страны съ слабыми средствами, и потому-то мнѣ начинаетъ приходить въ мысль, и очень часто, возможность перемѣны мѣста службы».

«Чтобы предохранить наши поселенія на Лабѣ отъ бѣдствій неизбѣжныхъ при такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ сильнымъ непріятелемъ и чтобы стѣснить самихъ Черкесовъ и вынудить ихъ къ миролюбивымъ сношеніямъ, я предложилъ утвердиться на р. Бѣлой. Князь Михаилъ Семеновичъ одобрилъ эту мысль и обѣщалъ съ будущею весною дать къ этому средства; но какъ пройдетъ время до весны—это Богъ знаетъ, ибо теперь, по причинѣ обмелѣнія рѣкъ, оно самое для насъ опасное. Впрочемъ, я вѣрю въ предопредѣленіе и, не имѣя возможности отвратить приговоръ судьбы, спокойно жду будущаго. Можетъ быть, она будетъ ко мнѣ милостива больше, чѣмъ я ожидаю».

«Вы вѣрно захотите знать что-нибудь о Магометъ-Эминѣ? Онъ Казикумыкскій уроженецъ; въ молодости или лучше юности вышелъ съ кѣмъ-то изъ этого ханства въ вольныя горныя общества и нѣкоторое время учился вмѣстѣ съ Шамилемъ, потомъ былъ постоянно при немъ, пріобрѣлъ его довѣренность и уваженіе къ высокимъ умственнымъ дарованіямъ. На военномъ поприщѣ онъ неизвѣстенъ, но въ послѣдніе годы командовалъ однажды сборищемъ въ Чечнѣ при построеніи Русскими крѣпости въ Урусъ-Мартанѣ, гдѣ однакоже не отличился особыми военными способностями и былъ отозванъ обратно къ особѣ Шамиля. Когда первый агентъ Шамиля въ здѣшнемъ краѣ Гаджи-Магометъ неизвѣстно по чьей волѣ умеръ, а второй Сулейманъ-эфенди, соскучась непостоянствомъ Черкесскихъ племенъ, возвратился въ Чечню, и заслуживъ за то неудовольствіе Шамиля, передался къ намъ: тогда-то Шамиль отправилъ сюда Магометъ-Эмина. Сей послѣдній, дѣйствуя во всемъ по примѣру Шамиля, успѣлъ здѣсь гораздо болѣе обоихъ своихъ предмѣстниковъ и недалекъ уже до того, чтобы сдѣлаться вторымъ Шамилемъ; ибо горцы, по удивительному своему легковѣрію, уже начали превозносить его шахомъ» (или шейхомъ? По неразборчивости письма не могу съ точностію опредѣлить, что хотѣлъ сказать Евдокимовъ, но полагаю, что второе, т.-е. шейхомъ; шахомъ же горцы, какъ суниты, едвали могли называть хотя бы и признаннаго владыкой; они бы скорѣе уже сказали падишахъ, но это

совсѣмъ невѣроятно со стороны Черкесовъ въ отношеніи къ агенту Шамиля)».

«Сулейманъ-эфенди, обласканный и одаренный отъ нашего правительства, пробылъ недолго у насъ: онъ выпросилъ себѣ отпускъ въ Мекку, получилъ порядочную сумму на путевые расходы, а возвратясь отправился прямо за Лабу къ Абадзехамъ, но тамъ схваченъ былъ Магометъ-Эминомъ, заключенъ въ яму, совершенно ограбленъ и только по просьбѣ многихъ Абадзехскихъ старшинъ, сохранившихъ къ нему дружбу, удержалъ на плечахъ голову, получилъ свободу изъ заключенія, но и теперь постоянно находится подъ надзоромъ муртазагатовъ Магометъ-Эмина».

«Кавказъ удостоивается въ нынѣшнемъ году посѣщенія Государя Наслѣдника, и мы всѣ теперь озабочены приготовленіями для встрѣчи Его Высочества. Слава Богу, дарующему мнѣ случай увидѣть одного изъ нашихъ царственныхъ особъ. Петербургъ отъ насъ далеко; человѣку небогатому трудно туда попасть и, если уже суждено лечь моимъ костямъ въ степяхъ Кавказа, то все же отраднѣе для сердца Русскаго увидѣть здѣсь одного изъ тѣхъ, которыхъ мы привыкли чтить владыками нашей земли. Его Высочество будетъ въ Екатеринбургѣ и выѣзжаетъ оттуда по Лабинской линіи до Прочнаго Окопа въ Тифлисъ чрезъ Пятигорскъ и Владикавказъ, обратно чрезъ Дагестанъ и Ставрополь. Здѣсь будетъ онъ 19 Сентября».

Здѣсь, на правомъ флангѣ, однако, рядомъ съ утвержденіемъ репутаціи Евдокимова, какъ вполнѣ способнаго генерала, возрасла и репутація его (уже зародившаяся въ Дагестанѣ) какъ запускающаго руки въ казенное добро и какъ человѣка, не возбуждающаго симпатіи. Въ чемъ именно заключались творимыя имъ на Кубани злоупотребленія, сказать не могу; вѣроятно все тѣже милиціонеры — на бумагѣ, все тѣже постройки постовъ и укрѣпленій солдатскими руками, изъ кое-какихъ матеріаловъ, добываемыхъ большею частью тутъ же, на мѣстѣ, но со смѣтными исчисленіями втрое или вчетверо противъ дѣйствительной стоимости; тѣже заготовки сѣна для зимнихъ движеній отрядовъ по тройной цѣнѣ и т. д. Все это дѣлишки, какъ я уже упоминалъ, творившіяся вездѣ и почти всѣми, даже нерѣдко въ бо́льшихъ размѣрахъ; но о другихъ говорили мало или и вовсе не говорили, а объ Евдокимовѣ трубили и, какъ водится, съ преувеличеніями. Объ немъ сочинялись анекдоты, принимавшіеся многими на вѣру и затѣмъ уже передавались какъ факты; вездѣ эти разсказы вызывали и смѣхъ, и злорадство, и презрѣніе, смотря по слушателямъ; а защитниковъ не являлось ни откуда... Долгое время, напримѣръ, ходилъ разсказъ о томъ, что когда Государь Александръ Николаевичъ въ

1850-мъ году пріѣзжалъ на Кавказъ и маршрутъ былъ составленъ по Лабѣ, то Евдокимовъ, не желая показать полуразвалившихся постовъ и укрѣпленій, выдумалъ, будто непріятель въ большихъ силахъ собирается напасть во время проѣзда по линіи, и по этому маршрутъ измѣнили. Одинъ изъ командировъ казачьихъ полковъ, Іедлинскій, большой шутникъ и острякъ, пользовавшійся покровительствомъ княгини Воронцовой, какъ побочный сынъ графа Потоцкаго, даже ввелъ этотъ эпизодъ въ офиціальную переписку съ ген. Евдокимовымъ, пославъ ему однажды донесеніе о разсѣяніи значительной непріятельской партіи, тогда какъ никакой партіи не было. На запросъ же, какую могъ онъ преслѣдовать партію, когда по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нигдѣ не было непріятеля въ сборѣ, Іедлинскій отвѣчалъ, что «это была та самая партія, которая помѣшала Государю проѣхать по Лабинской линіи». Объ этомъ, впрочемъ я уже разсказывалъ во II-мъ томѣ «Двадцати пяти лѣтъ» и въ замѣткѣ «По поводу воспоминаній М. И. Венюкова», но повторяю здѣсь, чтобы напомнить читателю именно теперь, когда болѣе подробно характеризую Евдокимова,— лицо во всякомъ случаѣ историческое.

Исторія о партіи была чистѣйшая ложь, и Евдокимовъ въ дурномъ состояніи Лабинскаго кордона былъ ни причемъ, такъ какъ онъ лишь не задолго до пріѣзда Цесаревича былъ назначенъ начальникомъ праваго фланга, а за это былъ скорѣе отвѣтственъ главный начальникъ Заводовскій; да и стоило только подмазать и подбѣлить посты, чтобы высокій путешественникъ и не замѣтилъ ихъ дѣйствительнаго состоянія. Высшія власти въ краѣ это хорошо знали, однако анекдоту давали ходъ и вѣру.

Привожу здѣсь выписку изъ втораго письма Евдокимова, отъ 17 Октября 1850 г., къ Клугенау, съ которымъ онъ былъ вполнѣ откровененъ и не имѣлъ надобности стѣсняться.

«Въ предыдущемъ письмѣ моемъ, я, кажется, писалъ вамъ, что всѣ мы въ хлопотахъ, приготовляясь ко встрѣчѣ Государя Наслѣдника, удостоившаго посѣщенія Кавказъ. Еще въ началѣ Августа я говорилъ въ Кисловодскѣ князю М. С. (Воронцову), что проѣздъ Его Высочества по Лабинской линіи въ это время года опасенъ, ибо обмелѣніе рѣкъ даетъ возможность непріятелю къ набѣгамъ въ наши предѣлы, что положеніе края почти навѣрное указываетъ время опасныхъ безпокойствъ, именно то, когда Его Высочество изволитъ предполагать посѣтить Лабинскую линію, т.-е. 18 Сентября, и что, хотя за его особу нѣтъ опасенія, но ему будетъ непріятно, если по поводу обращенія войскъ на конвоированіе Его Высочества можетъ случиться что-либо непріятное для края. Главнокомандующій и П. Е. Коцебу оправдыва-

ли мое мнѣніе и готовы уже были довести это до свѣдѣнія Его Высочества, какъ пріѣхалъ командующій войсками (Заводовскій) и убѣдилъ всѣхъ, что опасенія напрасны. Написали маршрутъ, основанный на совершенномъ спокойствіи въ краѣ и представили на утвержденіе. Между тѣмъ, съ 8 Сентября появились свѣдѣнія о приготовленіяхъ горцевъ къ сбору, съ 12-го зашевелились всѣ Залабинскія племена, и на Бѣлую прибылъ Магометъ-Эминъ, находившійся дотолѣ у Шапсуговъ. 14 ч. узнано навѣрное, что сборище стягивается на правомъ берегу Бѣлой, а 16-го, что оно тронется на линію 18 ч., т.-е. въ тотъ самый день, когда будетъ ѣхать по Лабѣ Наслѣдникъ. Начальникъ Черноморскаго кордона генералъ-лейтенантъ Рашпиль, въ подтвержденіе этого, донесъ, что цѣль сборищъ напасть на особу Его Высочества и что за тѣмъ уже оно обратится къ предположенной Магометъ Эминомъ цѣли: овладѣть Карачаевцами. Тутъ, безъ сомнѣнія основаніемъ служилъ разсчетъ, что войска Русскія, разставленныя для обезпеченія проѣзда своего Государя, не успѣютъ сосредоточиться и слѣдовательно не будутъ въ силѣ противустоять огромной массѣ, собранной Магометъ-Эминомъ,—разсчетъ совершенно основательный, но неудавшійся по слѣдующему случаю. Его Высочество, по причинѣ бурной погоды не могъ быть въ Новороссійскѣ и прямо чрезъ Тамань прибылъ въ Екатеринодаръ днемъ прежде, чѣмъ предполагалось по маршруту; отъ этого днемъ прежде онъ изволилъ прибыть въ Усть-Лабу и, выслушавъ предложеніе главнокомандующаго, согласился на перемѣну пути вмѣсто Лабы по Кубани. Поэтому въ тотъ же день, Его Высочество, проѣхавъ на Лабу до Некрасовской станицы и осмотрѣвъ берегъ этой рѣки, сколько допускала возвышенная мѣстность этого пункта, изволилъ возвратиться въ Усть-Лабу».

«Я въ числѣ прочихъ представлялся Его Высочеству въ Усть-Лабѣ, сопровождалъ его въ Некрасовскую, удостоился отвѣчать на нѣсколько сдѣланныхъ мнѣ разнородныхъ вопросовъ и былъ весьма милостиво отпущенъ для распоряженій на Лабѣ».

«Магометъ-Эминъ въ половину былъ уже готовъ, и по всѣмъ свѣдѣніямъ подтверждалось, что онъ двинется на Лабу 18 числа, именно потому, что въ этотъ день предназначалось проѣзжать Наслѣднику, какъ уже я сказалъ выше. Немного времени оставалось мнѣ на распоряженія; но я поскакалъ по линіи и все, что могъ сдвинулъ къ половинѣ дня 18-го числа въ ст. Воздвиженскую; выше же въ 10 верстахъ, въ укр. Темиргоевскомъ, въ тотъ же день начали устраивать паромную переправу. Сборище, стоявшее въ 25-ти верстахъ отъ Воздвиженской, въ назначенный день не вышло; на другой же день, т.-е. 19-го числа, узнавъ конечно, что Наслѣдникъ поѣхалъ по Кубани и

что войска стягиваются къ Лабѣ со всѣхъ сторонъ, оно не только не предприняло наступленія, но изъ опасенія, чтобы Русскіе не напали на него въ расплохъ, отодвинулось къ Длинному лѣсу, гдѣ остановилось въ ожиданіи неприсоединившихся еще Убыховъ, Шапсуговъ и Бжедуховъ».

«Магометъ-Эминъ по вечерамъ стрѣлялъ изъ своихъ двухъ орудій, а я собиралъ войска для обороны линіи и формировалъ отрядъ для наступленія. Партіи его разъѣзжали по Лабѣ. Одну изъ нихъ, довольно значительную, разогнали наши казаки у Воздвиженской; а самъ я съ гораздо бóльшими силами стоялъ уже въ центрѣ линіи, въ ст. Константиновской. Такъ прошло время по 1-е Октября. Этотъ день давно уже былъ назначенъ для движенія нашего на Бѣлую, чтобы осмотрѣть берегъ этой рѣки и опредѣлить пунктъ для постройки крѣпости съ мостомъ чрезъ рѣку».

«Въ бытность мою въ Августѣ въ Кисловодскѣ, я отвѣчалъ князю М. С. на вопросъ о мѣрахъ къ защитѣ края, что не вижу другихъ какъ: или значительно прибавить войскъ, или съ меньшими средствами идти и утвердиться на Бѣлой, гдѣ и основать кордонную линію, чтобы упразднить Кубанскую и обезопасить Лабинскую. Князю понравился этотъ планъ; онъ потребовалъ меня на другой день, распрашивалъ подробно о способѣ исполненія и приказалъ подать записку, послѣ которой рѣшено было привести въ исполненіе предложенную мѣру и утвердиться на Бѣлой въ 1851 году, а въ началѣ Октября сдѣлать рекогносцировку Бѣлой, въ присутствіи командующаго войсками, о чемъ я самъ просилъ, объяснивъ, что предположеніе мое я основалъ на картѣ, а не на личномъ знаніи мѣстности рѣки Бѣлой».

«И такъ мы двинулись на Бѣлую прямо по тому направленію, по которому должны были найти сборище; но оно не показывалось: Магометъ-Эминъ рѣшилъ самъ идти за Лабу, какъ скоро мы станемъ двигаться на Бѣлую. Онъ думалъ заставить насъ этимъ къ возвращенію, но ошибся. У насъ хорошо были обезпечены наши станицы, и оставлено три отряда, изъ которыхъ два довольно значительные. Мы выступили на Бѣлую съ 2 т. пѣхоты, 3 т. конницы и 17 полевыми и конными орудіями, а Магометъ-Эминъ переправился не болѣе какъ съ 3 т.; ибо большая часть, при появленіи нашемъ за Лабой, разбѣжалась спасать семейства и имущество. Прогуливаясь въ гостяхъ одинъ у другаго, мы были спокойны, а Магометъ-Эминъ спѣшилъ и чрезъ сутки воротился догонять насъ, но не успѣлъ, ибо совершенно замучилъ лошадей и по неволѣ ограничился только наблюденіемъ за нашими движеніями. Мы забрали по пути до 12 т. барановъ съ 11-ю пастухами, сожгли множество собраннаго въ скирды

хлѣба и несмѣтное количество сѣна, заставившаго насъ дѣлать переходы по Бѣлой отъ 10 до 12 верстъ въ день. Магометъ-Эминъ напалъ на ст. Владимирскую, но увидя около оной отрядъ, повернулъ на Вознесенскую; дорогою онъ атаковалъ постъ Куксинскій, но тотъ же отрядъ дѣйствіемъ изъ четырехъ орудій заставилъ его идти далѣе. Въ Вознесенской, которую непріятель обложилъ и готовился ворваться, былъ хорошій мѣстный резервъ; покуда горцы совѣщались что сдѣлать, показался вдали слѣдовавшій за партіею отрядъ, и Магометъ-Эминъ, бросивъ эту станицу, потянулся на Кубань, кажется, уже безъ цѣли, потому что съ полдороги повернулъ на Урупъ и безъ остановки пошелъ вверхъ по Лабѣ, для избѣжанія встрѣчи съ прочими нашими войсками. Онъ шелъ всю ночь и въ половинѣ другаго дня переправился за Лабу».

«Вредъ сдѣланный его вторженіемъ состоитъ въ слѣдующемъ: убитъ 1 казакъ, въ плѣнъ взятъ 1 мальчикъ, сожжено 400 стоговъ сѣна, и захвачено до 100 штукъ скота и овецъ, да въ одномъ изъ полупокорныхъ ауловъ ограблено 30 семействъ, въ наказаніе за пріемъ вышедшаго къ намъ Бесленейскаго князя».

«Дѣлъ серьезныхъ, какъ и видно изъ прописаннаго, не было нигдѣ. Возвышеніе воды въ Бѣлой отъ трехъ-дневнаго дождя, сопутствовавшаго нашему походу въ первые дни, не допустило насъ перейти эту рѣку; но чрезъ посредство охотниковъ-казаковъ, переѣхавшихъ рѣку, мы сожгли довольно порядочный аулъ Темиргоевскаго князя Корбена. 8-го Октября воротились мы къ Лабѣ, 9-го переправились и распустили отрядъ, потому что и противники наши разбрелись тоже провѣрять цѣлость своихъ барановъ, которыхъ множество укрылось по лѣсамъ, потому что мы очень медленно шли и мало обращали вниманія на розысканіе».

«И такъ огромныя приготовленія Магомета-Эмина, пугавшія не только меня, но и всѣхъ нашихъ начальниковъ, кончились на этотъ разъ ничѣмъ. Но вы можете сами оцѣнить теперь силу этого человѣка, который успѣлъ утвердить свое вліяніе надъ всѣми племенами, живущими между Лабою, Кубанью и берегомъ моря. Стремленіе его теперь къ тому, чтобы завладѣть Карачаевцами и возмутить Прикубанскихъ Ногаевъ. Это конечно трудно, но не невозможно. Въ настоящемъ году въ Кисловодскѣ убиты Русскими 5 почетныхъ Карачаевцевъ, которые взялись за оружіе по поводу намѣренія начальника центра заарестовать ихъ за несогласіе на разбирательство спорнаго дѣла, возникшаго изъ-за похищенія двумя дочери князя Мусы Таганова, увезенной сказанными Карачаевцами, изъ коихъ одинъ на ней и женился, безъ согласія ея отца и матери. Это обстоятельство такъ сильно

подѣйствовало на умы Карачаевцевъ, что они, не взирая на интересъ, привязывающій ихъ къ миролюбивымъ съ нами отношеніямъ, писали къ Магомету-Эмину, чтобы онъ шелъ къ нимъ и располагалъ ими по своему желанію. Въ настоящее время, хотя все успокоилось, однако нельзя ручаться за прочность этого спокойствія, если мы не обратимъ дѣло въ другую сторону, чтобы заставить Магомета-Эмина думать не о распространеніи своей власти, а объ удержаніи той, которую теперь имѣетъ. На этомъ основаніи я занятъ теперь устройствомъ многихъ дѣлъ по флангу и главнѣйше постройкою моста черезъ Лабу, такъ чтобы къ веснѣ его окончить и располагать потомъ работою на Бѣлой. Посмотримъ, что̀ Богъ намъ дастъ!»

*

Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня за такія длинныя выписки изъ частныхъ писемъ Евдокимова. Изъ нихъ не только видно, что онъ въ дурномъ состояніи кордона по Лабѣ въ 1850 году не былъ виновенъ, и что непріятель дѣйствительно во время проѣзда Наслѣдника-Цесаревича былъ въ сборѣ, слѣдовательно выше разсказанный остроумный анекдотъ былъ чистой клеветой, но и замѣчательная способность Евдокимова въ нѣсколько мѣсяцевъ познакомиться съ мѣстными обстоятельствами обширнаго края, умѣніе примѣниться къ нимъ и угадать лучшее средство дѣйствовать противъ непріятеля. Его планъ утвержденія на Бѣлой, осуществившійся (хотя въ недостаточномъ размѣрѣ) въ 1851 году, послужилъ основаніемъ завоеванія Западнаго Кавказа, а развитый впослѣдствіи при кн. Барятинскомъ, постройкою въ 1857 году Майкопа, привелъ къ довершенію этого важнаго для Россіи дѣла, довершенію руками того же Евдокимова, достигшаго между тѣмъ, изъ скромнаго званія начальника праваго фланга, высокаго положенія командующаго большею половиною Кавказа и 100-тысячною арміею.

Чему же приписать такія злорадно-враждебныя, презрительныя отношенія къ Евдокимову? Вопервыхъ, низкое происхожденіе, «выскочка», что̀ почти никогда не прощается людямъ, особенно, если они своими талантами выдаются изъ толпы. Въ человѣчествѣ, что̀бы тамъ ни говорили, дурныя стороны преобладаютъ надъ хорошими, и зависть, злорадство, готовность нагадить ближнему, ради собственнаго мелкаго, дряннаго интереса, пренебречь крупными, общественными, были и будутъ вѣроятно всегда царить. Поэтому и Евдокимову — кантонисту, хаму, не прощались ни его превосходительный титулъ, ни его начальничество, ни его извѣстность. Даже въ Петербургѣ, когда онъ въ 1864 году въ первый разъ туда пріѣхалъ, былъ обласканъ покойнымъ

Государемъ, дежурилъ у него и проч., высокопоставленные придворные не могли воздержаться отъ запусканія шпилекъ. По возвращеніи въ Ставрополь, Николай Ивановичъ разсказывалъ мнѣ кое-что по этому поводу и, нужно сознаться, онъ—этотъ воспитанникъ казармы и лагеря—показалъ больше такта, чѣмъ эти господа столичныя свѣтила. Одинъ спросилъ у графа Евдокимова, въ которой губерніи записанъ онъ въ дворянскую родословную книгу?

— Отецъ мой былъ изъ крестьянъ Рязанской губерніи, сданъ въ солдаты, и потому мы въ родословныхъ книгахъ не записаны, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Другой, князь С., упрекнулъ Евдокимова за жестокое, *негуманное* обращеніе съ Черкесами, которыхъ выгнали изъ родины, и они погибли въ морѣ и въ Турціи.

— Я, ваше сіятельство, по простотѣ думалъ, что интересы Россіи и жизнь Русскихъ солдатъ дороже Черкесовъ; виноватъ, что ошибся.

На парадѣ, на Марсовомъ полѣ, когда впереди конной гвардіи ѣхалъ ея командиръ Николай Граббе, старикъ баронъ М. съ ироніей обратился къ графу Евдокимову:

— Это вашего печенія? (т.-е. быстро повышенный Граббе).

— Да, моего.

— Вѣроятно въ память отца, бывшаго вашего начальника?

— Нѣтъ; за то, что молодецъ.

Вовторыхъ, не прощалось Евдокимову, что онъ не обладалъ свѣтскими манерами. Весь озабоченный только служебными дѣлами или своими разсчетами, вообще характера серьезнаго, Евдокимовъ былъ мало общителенъ, не умѣлъ и не любилъ принимать, угощать, доставлять удовольствія, задавать пиръ на весь міръ, какъ это дѣлало большинство Кавказскаго начальства, задабривая тѣмъ ближайшее общество. Не умѣлъ онъ также, да едва ли особенно и старался, любезностями и угожденіями привлекать къ себѣ разныхъ наѣзжавшихъ въ отряды адъютантовъ, аристократовъ и блюдолизовъ изъ Тифлисскихъ и Ставропольскихъ начальническихъ пріемныхъ; а эти, конечно, не упускали случая, возвратясь, разсказывать анекдоты, остроты, осмѣивать семейную обстановку и проч.

Втретьихъ, и это было не менѣе важно, Николай Ивановичъ былъ не совсѣмъ удачливъ на родню, особенно съ женской стороны, а она-то именно и преобладала и пользовалась огромнымъ вліяніемъ. Вредили они ему больше многихъ постороннихъ враговъ: скряжничество, готовность выжимать соки изъ всякой бездѣлицы (безъ его вѣдома), несимпатичная наружность, неумѣлое важничаніе, интриги противъ приближенныхъ и необходимыхъ по службѣ лицъ и противъ

всякаго, недостаточно низкопоклонничающаго или подозрѣваемаго въ насмѣшкѣ, въ неугодности многочисленнымъ родственникамъ, бывали тоже причиною враждебности и анекдотовъ. Даже самые приближенженные, преданные ему и нечуждые его денежнымъ разсчетамъ люди вынуждались къ враждебности, переносившейся на самого Евдокимова.

Однако, не взирая на все это, въ служебномъ отношеніи Евдокимовъ оставался въ глазахъ главнокомандующихъ человѣкомъ, которымъ нельзя было не дорожить. Ужъ на что̀, и самъ Н. Никол. Муравьевъ (Карскій), этотъ безкорыстный, строгій человѣкъ, конечно узнавшій по пріѣздѣ на Кавказъ объ репутаціи Евдокимова, отозвался объ немъ въ письмѣ къ военному министру весьма лестно, сказавъ, по поводу оставленія барономъ Врангелемъ должности начальника лѣваго фланга, что лучше всего было бы замѣнить его генераломъ Евдокимовымъ, но боится переводить его въ такое критическое время (война въ Крыму и подъ Карсомъ) съ праваго фланга, гдѣ, въ случаѣ возможнаго десанта союзниковъ къ Черкесамъ, можетъ угрожать намъ самая серьезная опасность. Князь же Барятинскій прямо на Евдокимова возложилъ главную работу въ дѣлѣ покоренія Кавказа, сначала на Восточномъ, а затѣмъ и на Западномъ. Не выѣзжая еще изъ С.-Петербурга на Кавказъ, князь Барятинскій исходатайствовалъ производство его въ генералъ-лейтенанты и назначеніе командующимъ войсками лѣваго крыла.

О блистательномъ исполненіи Евдокимовымъ задачи нечего распространяться: результаты у всѣхъ на памяти. Казавшаяся безконечною война — кончилась, и никакой заклятый врагъ Евдокимова не рѣшится сказать, что я преувеличиваю, приписывая главную долю успѣха ему, его умѣнію, его энергіи, настойчивости, вѣрности соображеній и неутомимости.

Однимъ изъ такихъ враговъ его былъ покойный генералъ Карцовъ, Александръ Петровичъ, человѣкъ, конечно, умный и образованный, но предубѣжденный. Онъ, въ качествѣ начальника главнаго штаба и послѣ помощника Великаго Князя Главнокомандующаго, имѣлъ возможность, какъ говорится, насолить Евдокимову, да и насолилъ... Но и онъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, на какомъ-то публичномъ обѣдѣ въ Петербургѣ, громогласно заявилъ, что покореніемъ Кавказа Россія обязана Евдокимову. Лучше поздно, чѣмъ никогда, и это дѣлаетъ честь покойному Карцову. Мнѣ, впрочемъ, придется вернуться еще къ ихъ отношеніямъ, когда разсказъ дойдетъ до 60-хъ годовъ и покоренія Западнаго Кавказа.

Награжденъ былъ Евдокимовъ щедро; но все же зависть и личные мотивы не помѣшали устранить человѣка въ цвѣтѣ силъ отъ вся-

каго дѣла. Привыкшій къ постоянной, обширной дѣятельности, не зная отъ скуки, что̀ предпринять, онъ затѣялъ на подаренныхъ ему близъ Пятигорска земляхъ разнородныя, хозяйственныя предпріятія: развелъ сады, стада овецъ, табуны лошадей, началъ строить какіе-то салотопенные заводы и мельницы, разбросался во всѣ стороны, вездѣ встрѣчалъ неудачи; его обирали и надували, дошелъ до затрудненій денежныхъ; наконецъ, снизошедшій до роли «забытаго», безъ сомнѣнія, скрывая огорченія, раздражаемый до́ма, онъ умеръ, въ жестокихъ страданіяхъ отъ болѣзни печени. 55 лѣтъ онъ былъ оставленъ не у дѣлъ, а въ 1873 году скончался, на 64-мъ году.

Жена поставила на могилѣ, въ оградѣ новаго Пятигорскаго собора, памятникъ, кажется довольно дорого стоющій, но за то вполнѣ безсмысленный: мраморный бюстъ, весьма мало съ покойнымъ сходный, *внутри* часовни, въ которую можно проникнуть, только попросивъ сторожа (не всегда присутствующаго) отворить ключемъ дверь...

Слѣдовало, напротивъ, поставить бюстъ такъ, чтобы всякій, проходя мимо, могъ замѣтить, обратить вниманіе и узнать, что здѣсь погребенъ человѣкъ, оказавшій Русскому государству такія крупныя заслуги. Дурныя стороны должны быть и будутъ забыты; современники тоже, одинъ за другимъ, уходятъ въ тотъ міръ, откуда нѣтъ возврата; съ ними исчезаетъ и вражда, и злопамятство; но дѣла и подвиги должны остаться въ памяти народной. Особенно молодымъ военнымъ посѣтителямъ Пятигорска было бы не безъинтересно, даже не безполезно, видѣть бюстъ и стараться узнавать при этомъ, въ чемъ состояли заслуги покойнаго, съумѣвшаго изъ кантонистовъ стать генералъ-адъютантомъ, графомъ, но — что̀ еще важнѣе — историческимъ лицомъ.

Я иду еще дальше: ничего не было бы неумѣстнаго и преувеличеннаго, еслибы въ Грозной или Владикавказѣ графу Евдокимому былъ поставленъ памятникъ на счетъ государства. Князю Аргутинскому поставленъ памятникъ въ Темиръ-ханъ-шурѣ. Прекрасно. Но, при всѣхъ заслугахъ, при всѣхъ достойныхъ уваженія качествахъ, все же результаты дѣлъ князя Аргутинскаго не оказались ни столь блестящими, ни столь важными и рѣшительными для Россіи, какъ добытые дѣлами графа Евдокимова.

Теперь, по истеченіи двадцати лѣтъ, покореніе Кавказа отодвинуто и заслонено послѣдовавшими событіями. Завоеванія въ Средней Азіи и Восточная война 1877 года выдвинули новые взгляды, новыхъ дѣятелей. Но если безпристрастно вникнуть въ смыслъ этихъ событій, то есть-ли какое-нибудь сравненіе между фактомъ окончанія вѣковой борьбы, стоившей государству несчислимыхъ жертвъ, связывавшихъ

намъ руки при всякомъ столкновеніи съ внѣшними врагами, окончательно отдавшимъ намъ въ вѣчное владѣніе Кавказъ, эту, по истинѣ, жемчужину среди остальныхъ владѣній России, съ фактомъ овладѣнія песчаными пустынями Средней Азіи, или съ печальными результатами войны, завершившейся Берлинскимъ конгресомъ 1878 года?..

Западная Европа правильнѣе судитъ о нашихъ дѣлахъ; она понимаетъ, что прочное овладѣніе Кавказомъ есть приростъ нашихъ силъ, а война 1877 года была истощительнымъ кровопусканіемъ, съ немалымъ вредомъ нашимъ финансамъ, нашему вліянію на Балканскомъ полуостровѣ. Дѣйствительность пользы отъ завоеваній въ Азіи тоже подвергается сомнѣніямъ. Пока главнымъ нашимъ противникомъ въ Восточномъ вопросѣ была Англія, изъ Азіи хорошо было грозить ея Ахилесовой пятѣ—Индіи; но когда эта роль перешла къ Нѣмцамъ, то значеніе Закаспійскихъ владѣній потеряло въ этомъ отношеніи 90%. Ни Берлину, ни Вѣнѣ съ Аму-Дарьи угрожать нельзя; а имъ именно на руку, чтобы мы какъ можно дальше раскинулись, повсюду неся жертвы людьми и деньгами, да возбуждали подозрительность и враждебность Британіи...

Если же окончаніе Кавказской войны такое важное событіе въ исторіи Русскаго государства, то виновникамъ этихъ событій можно и памятники поставить.

(Продолженіе будетъ.)

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ СОБЫТІЙ 1861—1864 ГОДОВЪ.

Воспоминанія современника-очевидца.

~~~

1.

Самоубійство генерала Герштенцвейга.

(1861)

Бывшій Варшавскій генералъ-губернаторъ ген.-адъютантъ *Герштенцвейгъ* погибъ во время намѣстничества генералъ-адъютанта *графа Ламберта*, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Графъ Ламбертъ прибылъ намѣстникомъ въ Царство Польское въ самый разгаръ манифестацій, въ самое тяжелое время, когда Варшавское населеніе, распущенное слабостію покойнаго князя Горчакова и потомъ заступавшаго временно его мѣсто военнаго министра Николая Онуфріевича Сухозанета, достигло до послѣдней степени разнузданности. 1861 и 1862 годы были для Русскихъ въ Варшавѣ тяжелѣе 1863 года. Анархія не господствовала, а свирѣпствовала въ Польшѣ, словно какая-нибудь стихійная, разрушительная сила. Вездѣ, въ цѣломъ царствѣ, проявились такъ-называемыя «кошачьи музыки», состоявшія изъ нападенія на домà и цѣлыя заведенія и окончательнаго ихъ разграбленія и даже разрушенія. Обезумѣвшій народъ, толпами тысячъ въ сорокъ, совершалъ шествія по Варшавѣ, съ сломаннымъ крестомъ впереди, пѣлъ революціонныя пѣсни и кощунствовалъ въ костелахъ. Русскихъ оскорбляли на каждомъ шагу, и никто не смѣлъ наказывать обидчиковъ, ни даже защищаться. Довелъ край до такого безумнаго состоянія Сухозанетъ. Иначе оно и быть не могло послѣ того, какъ онъ издалъ свой пресловутый приказъ, что «служба требуетъ жертвъ». Кромѣ того, Сухозанетъ не разъ говорилъ офицерамъ: «Чтò вы придираетесь, господа, къ Полякамъ за орлики и крестики,
~~~

которые они носятъ вмѣсто булавокъ, за чамарки, за конфедератки? Все это глупости, ребячество, отъ которыхъ Россія не погибнетъ».

Поляки очень хорошо знали и приказы, и подобные отзывы, и отлично пользовались этимъ послабленіемъ, позабывъ кровавый урокъ, данный имъ 8 Апрѣля 1861 г. генераломъ Хрулевымъ. Словомъ, все что было пріобрѣтено тогда Русскими, было выпущено изъ рукъ Сухозанетомъ, и положеніе сдѣлалось во много разъ хуже предыдущаго.

Графъ Ламбертъ прибылъ, когда всѣ приказанія Сухозанета осмѣивались Поляками, которые, наперекоръ намѣстнику, дѣлали все то, что «строго воспрещалось», и не хотѣли праздновать дня рожденія Императрицы 27 Іюля, но торжественно отпраздновали 31 Іюля, годовщину соединенія Литвы съ Польшею.

Графъ Ламбертъ круто взялся за дѣло и хотѣлъ силою заставить Поляковъ исполнять его приказанія; но Поляки, развращенные Сухозанетомъ, вообразили, что и къ приказаніямъ графа Ламберта можно относиться съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ относились они къ воззваніямъ Сухозанета. Къ тому же, ксендзы внушали имъ, что графъ самъ «правовѣрный католикъ» и потому не захочетъ погубить свою душу преслѣдованіемъ «невинныхъ и безбронныхъ» единовѣрцевъ.

Безнаказанность громаднѣйшей манифестаціи, при погребеніи митрополита Фіялковскаго 1 (13) Октября, когда мимо графа Ламберта пронесли шестьдесятъ революціонныхъ знаменъ и столько же коронъ quasi-Польскихъ земель *), поселила въ Полякахъ увѣренность, что и новаго намѣстника бояться нечего. И вотъ черезъ день, именно 3 (15) Октября, въ годовщину смерти Косцюшки, назначены были «центральнымъ комитетомъ» панихиды во всѣхъ костелахъ царства. Графъ Ламбертъ наканунѣ издалъ прокламацію, въ которой строжайше воспрещалъ эту манифестацію и присовокуплялъ, что ослушники настоящаго приказанія будутъ арестованы и судимы по всей строгости военныхъ законовъ.

Поляки осмѣяли это приказаніе и огромными толпами собрались во всѣ костелы. Варшавскія войска, бывшія на-готовѣ, окружили костелы; но народъ, до прихода войскъ успѣлъ выбѣжать изъ всѣхъ костеловъ, за исключеніемъ «Свѣнтоянскаго» (каѳедральнаго), «Бернардинскаго» и «Свѣнтокршижскаго» (Св. Креста). Эти три костела были окружены войсками, такъ что никто изъ нихъ выйти не успѣлъ. Находившіеся внутри, видя невозможность улизнуть, захлопнули изнутри двери и не впустили въ костелы войскъ. Но «Свѣнтокршижскій» ко-

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1884 г. кн. № 5.

стелъ, сверхъ всякаго чаянія, оказался незапертымъ изнутри, и какъ удивились начальники войскъ, когда, при входѣ въ костелъ, они не нашли въ немъ ни души! Всѣ до единаго, мужчины и женщины, успѣли чрезъ тайный подземный ходъ выйти благополучно на Свѣнтокршижскую улицу. О ходѣ этомъ зналъ циркуловый коммиссаръ (частный приставъ) Дзержановскій, но не сообщилъ войскамъ. Графъ Ламбертъ приказалъ немедленно арестовать измѣнника и судить его военнымъ судомъ; но оберъ-полицеймейстеръ Левшинъ успѣлъ увѣрить графа, что Дзержановскій невиноватъ и будто бы дѣйствительно не зналъ о тайномъ ходѣ. Коммиссаръ остался ненаказаннымъ.

Между тѣмъ, осажденные въ «Свѣнтоянскомъ» и «Бернардинскомъ» костелахъ не хотѣли ни сдаваться, ни выпустить женщинъ. Ксендзы съ каѳедръ поддерживали мужество осажденныхъ и подстрекали къ кровавому сопротивленію.

Такъ прошелъ цѣлый день, съ 10 часовъ утра.

Ночью разнесся слухъ, что на разсвѣтѣ исправляющій должность митрополита прелатъ Бялобржескій готовится, въ челѣ огромной процессіи изъ всего наличнаго духовенства, при колокольномъ звонѣ, двинуться къ осажденнымъ костеламъ «для освобожденія изъ-подъ ареста Христа и всей церковной святыни».

Собрался военный совѣтъ. Графъ Ламбертъ хотѣлъ поставить предъ зàмкомъ цѣлую батарею и открыть огонь по процессіи; но Герштенцвейгъ, Крыжановскій, Хрулевъ, Рожновъ и другіе посовѣтовали не доводить дѣло до такой крайности, потому что одна сегодняшняя осада костеловъ надѣлаетъ страшнаго шуму въ Европѣ; а что̀ же будетъ, если еще прольется кровь христіанской безоружной процессіи? Въ концѣ засѣданія было рѣшено: взломать двери въ костелахъ, женщинъ отпустить по домамъ, а мужчинъ отправить въ цитадель, съ тѣмъ, что молодые будутъ сданы въ солдаты, а старые сосланы на поселеніе; а между тѣмъ, изготовить «правительственное сообщеніе», въ которомъ подробно описать все дѣло и напечатать въ «Варшавскомъ Дневникѣ».

Прежде всего были взломаны двери въ «Бернардинскомъ» костелѣ. Капитанъ генеральнаго штаба Тарасенковъ первый вошелъ въ костелъ, безъ шапки, и ввелъ съ собою нижнихъ чиновъ безъ оружія и также безъ шапокъ. Осажденные вооружились скамейками, подсвѣчниками и чѣмъ попало,—даже нѣсколько твердыхъ предметовъ полетѣло въ солдатъ; ксендзъ съ каѳедры громко подстрекалъ народъ къ сопротивленію. Тарасенковъ мужественно выдержалъ нападеніе и обратился къ народу съ увѣщаніемъ, указавъ на то, что онъ здѣсь съ войсками безоружными, не намѣренъ осквернять церкви кровопроли-

тіемъ и не совѣтовалъ бунтовщикамъ самимъ осквернять свою святыню пролитіемъ крови, тѣмъ паче, что упорство ни къ чему не поведетъ, такъ какъ ихъ по одиночкѣ переберутъ всѣхъ силою. И дѣйствительно, солдаты начали хватать ближайшихъ и выводить на улицу. Такимъ образомъ были выведены изъ костела всѣ, кромѣ женщинъ, которымъ предоставлена была полная свобода оставаться въ костелѣ или отправляться домой. Отъ «Бернардинскаго» костела войска повели всѣхъ арестованныхъ къ «Свѣнтоянскому» костелу, въ который, по взломѣ дверей, Хрулевъ послалъ одного изъ арестованныхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ разсказалъ осажденнымъ, какъ поступлено въ «Бернардинскомъ» костелѣ и убѣдилъ ихъ, что сопротивленіе безполезно. Безъ сомнѣнія посланный не исполнилъ даннаго ему порученія, потому что и въ этомъ костелѣ было оказано сопротивленіе, и войска также были вынуждены выводить каждаго по одиночкѣ.

По выводѣ всѣхъ, Хрулевъ скомандовалъ войскамъ «на-руку!» съ тѣмъ, чтобы вести толпу въ цитадель; но толпа страшно испугалась и подняла крики отчаянія, думая, что войска тотчасъ поднимутъ всѣхъ на штыки; многіе бросились на колѣни и молились Богу во всю дорогу, въ полномъ убѣжденіи, что ихъ переколятъ въ крѣпостномъ рву.

Вся операція была окончена къ 3 часамъ ночи. Арестовано и отправлено въ цитадель 1684 человѣка, о чемъ Герштенцвейгъ въ туже ночь доложилъ графу Ламберту, который и отвѣчалъ ему: «Судьба ихъ рѣшена: молодые—въ солдаты, старые въ Сибирь».

На другой день, часовъ въ 8 утра, графъ Ламбертъ потребовалъ къ себѣ генерала Левшина *).

— Поѣзжайте, сказалъ онъ ему, въ цитадель, осмотрите всѣхъ арестованныхъ, и если найдете такихъ, которые, по вашему убѣжденію, невинны и попали въ костелы какъ-нибудь случайно, такихъ именемъ моимъ освободите.

Часовъ въ 11 утра графъ приказалъ мнѣ отправиться въ цитадель и доставить ему свѣдѣніе, что́ сдѣлалъ Левшинъ: сколько освободилъ и сколько оставилъ подъ арестомъ?

При выѣздѣ моемъ изъ «Закрочимской» улицы на эспланаду цитадели, я встрѣтилъ шедшую изъ цитадели толпу человѣкъ въ 500 или 600, которая со свистомъ и гикомъ орала: «Еще Польска не згинэла». Въ тоже время я замѣтилъ и Герштенцвейга, который так-

*) Левшинъ былъ Варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ. П. Б.

же ѣхалъ въ цитадель, но остановился и, стоя въ коляскѣ, съ удивленіемъ глядѣлъ на бѣсновавшуюся толпу.

— Что это значитъ? спросилъ онъ, замѣтивъ меня.

— Не могу понять (былъ мой отвѣтъ).

Доѣхавъ до гласиса цитадели, мы встрѣтили другую такую же толпу; но эта кричала: «Нѣхъ жые Наполеонъ! Виватъ Викторія!»

Герштенцвейгъ повторилъ мнѣ вопросъ.

— Co to jest, panowie? *) спросилъ я.

— То, что Наполеонъ и Викторія велѣли насъ освободить. Струсили Москали! Теперь мы васъ не боимся!

Я перевелъ отвѣтъ. Генералъ-губернаторъ приказалъ кучеру скорѣе ѣхать въ цитадель; но на крѣпостномъ мосту насъ задержала третья толпа съ такими же криками.

Герштенцвейгъ кипѣлъ гнѣвомъ.

— «Мнѣ извѣстно», доложилъ я ему, «что графъ намѣстникъ приказалъ генералу Левшину освободить только тѣхъ, которые случайно попали въ костелы; но, видно, онъ нашелъ всѣхъ невинными».

Генералъ-губернаторъ отъ волненія не отвѣчалъ ни слова.

По пріѣздѣ въ павильонъ, назначенный для содержанія политическихъ преступниковъ, мы нашли изъ 1684-хъ человѣкъ *только двадцать два* человѣка, которые хватали за колѣни генерала Левшина, намѣревавшагося, повидимому, освободить и этихъ.

Герштенцвейгъ въ страшномъ гнѣвѣ накинулся на Левшина.

— Что это значитъ, генералъ?...

Левшинъ выдержалъ, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и, отчеканивая каждое слово, отвѣчалъ:

— Исполняю приказаніе намѣстника, генералъ! Графъ приказалъ мнѣ освободить тѣхъ, которыхъ, по убѣжденію моему, я признаю невиновными. Вотъ я и освободилъ невинныхъ.

— И вы смѣете говорить мнѣ это съ такимъ цинизмомъ?... Это измѣна!...

— Я прошу ваше превосходительство не возвышать голоса и обдумывать ваши выраженія. Я стану отвѣчать не предъ вами, а предъ намѣстникомъ: ему я дамъ отчетъ, и онъ одинъ мнѣ судья.

Страшно взбѣшенный Герштенцвейгъ выбѣжалъ изъ павильона, вскочилъ въ коляску и крикнулъ кучеру: «къ намѣстнику!»

Я поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. По пріѣздѣ, онъ бросился въ кабинетъ къ графу Ламберту безъ доклада, а я остался въ залѣ.

---

*) Что это такое, господа?

Минуты чрезъ двѣ вбѣжалъ въ залу также взбѣшенный и генералъ Хрулевъ.

— Слышали вы, что этотъ измѣнникъ надѣлалъ? спросилъ онъ меня.

— Не только слышалъ, но и видѣлъ, потому что сейчасъ вернулся съ генералъ-губернаторомъ изъ цитадели.

— А гдѣ генералъ-губернаторъ?

— Здѣсь, въ кабинетѣ у графа.

Мы умолкли и минутъ пять слышали изъ кабинета какой-то гулъ, похожій на громкій разговоръ или даже споръ.

Вдругъ дверь съ шумомъ растворилась, и изъ нея выглянулъ графъ Ламбертъ, блѣдный и сильно взволнованный.

— Скорѣе просите ко мнѣ генерала Хрулева! сказалъ онъ мнѣ скороговоркою; но, замѣтивъ Хрулева, прервалъ себя:—Ахъ, Степанъ Александровичъ, вы здѣсь! Милости просимъ ко мнѣ.

Я остался одинъ. Чтó происходило въ кабинетѣ, не было слышно.

Минутъ черезъ десять вышли изъ кабинета Герштенцвейгъ и Хрулевъ, оба по прежнему взволнованные—и уѣхали.

Чрезъ четверть часа, графъ Ламбертъ, все еще блѣдный, вышелъ изъ кабинета.

— Вы знаете Сергѣя Михайловича Борщова? Онъ живетъ въ «Англійскомъ» отелѣ. Пошлите за нимъ.

Борщовъ, отставной полковникъ бывшаго гвардейскаго конно-піонернаго дивизіона, пріѣхалъ въ Варшаву вмѣстѣ съ графомъ Ламбертомъ, по его приглашенію.

Я исполнилъ приказаніе.

— Зачѣмъ меня требуетъ графъ? спросилъ меня Борщовъ.

— Рѣшительно не знаю.

— Чрезъ нѣсколько минутъ Борщовъ вышелъ изъ кабинета отъ графа Ламберта.

— «Вотъ странность!» сказалъ онъ мнѣ. «Вчера, ужъ какъ я упрашивалъ графа отпустить меня въ Ниццу къ больной матери, и слушать не хотѣлъ, говоря: «ты мнѣ тутъ нуженъ въ это жаркое время»; а сегодня вдругъ самъ упрашиваетъ, чтобы я ѣхалъ туда какъ можно скорѣе. Другая странность та, что графъ приказалъ мнѣ зайти къ Герштенцвейгу и спросить, не будетъ-ли отъ него какого-нибудь порученія къ женѣ его (она также была въ Ниццѣ) и принести ему отвѣтъ.

На другой день я встрѣтилъ Борщова.

— Чтожъ вы не уѣхали въ Ниццу?

— Сегодня уѣду. Графъ чуть не гонитъ по шеѣ. Меня задерживаетъ Герштенцвейгъ. Былъ у него вчера, не приняли; былъ сегодня, и къ удивленію встрѣтилъ докторовъ, которые рѣшительно не пустили меня къ нему, не смотря на то, что я ссылался на волю графа и что пришелъ спросить, не будетъ ли какого порученія къ женѣ его, такъ какъ сегодня уѣзжаю я въ Ниццу. Говорятъ, будто онъ тяжко боленъ.

— Вы докладывали объ этомъ графу?

— Какъ-же! Это очень встревожило его, и у него при мнѣ кровь хлынула горломъ. Онъ приказалъ мнѣ ѣхать немедленно и просить госпожу Герштенцвейгъ, чтобы она торопилась въ Варшаву, не теряя ни минуты. Странное что-то у васъ творится! Едва ли долго графъ останется намѣстникомъ...

Въ тотъ же день, т. е. 4 (16) Октября, Варшавскій капитулъ, съ прелатомъ Бялобржескимъ во главѣ, закрылъ костелы во всемъ Царствѣ Польскомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что одни изъ нихъ «осквернены пролитіемъ крови», а другіе могутъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, подвергнуться той же участи. Мятежники считали этотъ шагъ послѣднимъ и рѣшительнымъ ударомъ, сильно разсчитывая, что народъ, лишенный богослуженія, подымется какъ одинъ человѣкъ, и тогда въ краѣ не останется ни одной «Московской ноги». Но они страшно разочаровались, увидя, что народъ на Рождество, Пасху и въ другіе годовые праздники какъ-бы радовался, что не нужно идти въ костелы и съ самаго ранняго утра предавался всякому разгулу.

За закрытіе костеловъ, какъ за одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ сопротивленія правительству, прелатъ Бялобржескій преданъ военно-уголовному суду, который приговорилъ его къ разстрѣлянію; но смертная казнь была замѣнена ссылкою на нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпость Бобруйскъ, гдѣ онъ отдыхалъ на лаврахъ, окруженный чуть не божескими почестями отъ своихъ единовѣрцевъ, какъ «мученикъ за вѣру».

Но возвращаюсь къ сказанію.

«Правительственное сообщеніе» о вчерашнихъ событіяхъ обнародовано въ «Варшавскомъ Дневникѣ», и объявлено военное положеніе въ Варшавѣ и въ цѣломъ краѣ.

Прошло двѣ недѣли. Семейство Герштенцвейга пріѣхало въ Варшаву. Въ теченіи этихъ трехъ недѣль мы слышали о генералъ-губернаторѣ только то, что онъ очень боленъ; какого же рода была болѣзнь, сохранялось въ глубокой тайнѣ. И вдругъ приказаніемъ по Варшавскому гарнизону назначено было погребеніе генерала Герштенцвейга, въ 10 часовъ утра.

Одновременно съ тѣмъ появилась въ «Opinion Nationale» статья, съ описаніемъ такихъ подробностей о смерти Герштенцвейга, какія были извѣстны только графу Ламберту, Герштенцвейгу и Хрулеву. Въ ней говорилось, будто Герштенцвейгъ назвалъ графа измѣнникомъ, вслѣдствіе чего намѣстникъ предложилъ ему Американскую дуэль, на узелки; что Хрулевъ былъ посредникомъ, предложивъ два конца носоваго платка, изъ которыхъ Герштенцвейгъ вытащилъ узелокъ, и слѣдовательно долженъ былъ застрѣлиться, что̀ и исполнилъ, придя домой и выстрѣливъ себѣ два раза въ голову, изъ того самаго мѣднаго пистолета, изъ котораго застрѣлился отецъ его въ Трансильваніи въ 1849 году, и наконецъ, что одна пуля, пробивъ мягкія части головы, прошла на-вылетъ, а другая застряла въ черепѣ. Потомъ, въ той же газетѣ было прибавлено, что Герштенцвейгъ скончался подъ ножемъ, при извлеченіи изъ черепа пули. Кто сообщилъ въ «Opinion Nationale» эти подробности, мы понять тогда не могли, хотя и приписывали появленіе статьи врачамъ изъ Поляковъ, лѣчившимъ Герштенцвейга, во главѣ которыхъ стоялъ бывшій революціонный «делегатъ» докторъ Халубинскій, человѣкъ большаго ума, хитрый и тонкій дипломатъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возликовали и заграничныя Польскія газеты, трубя, что «Русскій генералъ-губернаторъ размозжилъ себѣ лобъ о Польскую свободу», а «намѣстникъ захлебнулся въ собственной крови, жаждая Польской».

Такимъ образомъ генералъ Левшинъ былъ единственною и исключительною причиною смерти генерала Герштенцвейга. Впослѣдствіи много пало и другихъ жертвъ неудачнаго выбора его въ Варшавскіе оберъ-полицеймейстеры. Вообще, по выбытіи Петрова, всѣ Варшавскіе оберъ-полицеймейстеры сильно добивались популярности у Поляковъ, но Левшинъ превзошелъ всѣхъ. При немъ полиція была деморализована въ высшей степени: полиціанты выводили за закрытыя тогда заставы массами молодежъ и направляли ее «до лясу»; полиціанты были кинжальщиками и убивали тѣхъ, кого указывалъ «жондъ народовый». Гдѣ предполагалось убійство, тамъ на далекомъ разстояніи нельзя было найти ни одного полиціанта, ни одного извозчика, даже прохожихъ агенты направляли въ другія улицы. Это я испыталъ лично на себѣ, когда, окровавленный и израненный уличными кинжальщиками, я долженъ былъ пѣшкомъ дойти до зàмка, слишкомъ версту. Бывало, на похоронахъ жертвъ Левшинской полиціи молодежь громко ругаетъ оберъ-полицеймейстера, въ присутствіи его самого, а онъ будто и не слышитъ!

18-го Ноября 1864 г.
Варшава.

Позднѣйшая приписка.

Въ 1867 году Хрулевъ, въ Петербургѣ, пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ. (Это было на второй день Пасхи). Какъ я ни упрашивалъ его открыть мнѣ, что̀ происходило въ кабинетѣ графа Ламберта 4-го Октября 1861 года, онъ остался непреклоненъ, говоря, что тайна эта принадлежитъ не ему одному, и онъ унесетъ ее въ могилу.

Позднѣе, въ Ташке́нтѣ застрѣлился и сынъ Герштенцвейга и, говорятъ, изъ того же самаго мѣднаго пистолета, изъ котораго застрѣлись отецъ и дѣдъ.

Теперь нѣтъ уже въ живыхъ ни одного изъ героевъ этой кровавой драмы.

*

Приводимъ изъ Русскаго Архива 1872 года (стр. 700 и слѣд.) разсказъ о томъ же покойнаго Н. В. Берга, который писалъ намъ, что вдова генерала Герштенцвейга подтверждала ему вѣрность его изложенія. П. Б.

*

...Левшинъ получилъ приказаніе: „отправиться въ цитадель и, произведя тамъ, вмѣстѣ съ комендантомъ ея, генералъ-маіоромъ Ермоловымъ, возможно скорую сортировку арестованнымъ, освободить тѣхъ, кто покажется имъ менѣе опаснымъ и виновнымъ, при чемъ обращать вниманіе на возрастъ“.

Сортировка была произведена очень быстро, и значительная часть арестованныхъ освобождена къ одиннадцати часамъ дня.

Генералъ-губернаторъ (Герштенцвейгъ) ничего не зналъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ до полудня. Принимая въ девять часовъ, по заведенному порядку, рапортъ отъ коменданта города, генералъ-маіора князя Бебутова и услыхавъ отъ него, что онъ ѣдетъ въ цитадель, онъ приказалъ взглянуть на арестантовъ и позаботиться, чтобы у нихъ было все необходимое: хорошая пища, для спанья тюфяки и солома. Послѣ этого генералъ-губернаторъ принялъ еще нѣсколько лицъ и отправился въ за̀мокъ, гдѣ узналъ все и имѣлъ съ намѣстникомъ, глазъ на глазъ, то крупное объясненіе, о которомъ было столько различныхъ предположеній и толковъ, но которое до сихъ поръ остается тайной. Иные думаютъ, что Герштенцвейгъ высказалъ намѣстнику неудовольствіе на крайнюю безхарактерность его распоряженій: „нарушивъ собственное свое постановленіе, на томъ основаніи, что аресты были признаны дѣломъ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ, заставивъ его, Герштенцвейга, распорядиться этимъ въ соборѣ, чрезъ нѣсколько часовъ отдать приказъ объ освобожденіи арестованныхъ! Къ чему же была вся эта ночная печальная комедія, свалка народа съ войсками, при звонѣ набатнаго колокола; къ чему былъ соблазнъ нарушенія собственнаго

приказа?“ Тутъ же вылилось, вѣроятно, и все то, что̀ затаено было въ груди довольно давно, что̀ накопилось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, привезено изъ Петербурга....

Намѣстникъ и Герштвенцвейгъ вызвали другъ друга, по мнѣнію большинства, на дуэль, которую, во избѣжаніе скандала, рѣшились привести въ исполненіе особымъ, такъ-называемымъ Американскимъ, способомъ. Брошенъ былъ жребій: кому выпадетъ „пистолетъ“, тотъ долженъ застрѣлиться. Пистолетъ выпалъ Герштенцвейгу... Такъ разсказывали въ Варшавѣ и разсказываютъ до сихъ поръ. Вѣрно извѣстно только то, что Герштенцвейгъ уѣхалъ изъ замка часу въ пятомъ дня, чрезвычайно-разстроенный. Въ пять онъ обѣдалъ у себя дома, съ директоромъ своей канцеляріи, Честилинымъ, и однимъ изъ своихъ адъютантовъ, Полѣновымъ. Говорили мало. Всѣмъ было, что̀ называется, не по себѣ. Пообѣдавъ, Герштенцвейгъ легъ, въ своемъ кабинетѣ, отдохнуть, не раздѣваясь, въ сертукѣ, какъ былъ, и не велѣлъ никого принимать. Такъ пролежалъ онъ, почти безъ движенья, весь тотъ вечеръ. На другой день, 5 Октября, вставъ съ постели часовъ въ 7 утра, онъ зарядилъ револьверъ и, подойдя къ одному изъ оконъ кабинета, выстрѣлилъ себѣ въ лобъ два раза: первая пуля, скользнувъ по черепу, прошла сквозь гардину и окошко. Другой выстрѣлъ произвелъ въ черепѣ одиннадцать трещинъ, и пуля, пробивъ лобъ и скользнувъ по внутренности черепа, остановилась въ затылкѣ. Не смотря на это, несчастный страдалецъ былъ не только живъ, но и сохранялъ всѣ чувства. Дойдя снова до постели, стоявшей въ другомъ покоѣ, онъ легъ и позвонилъ.

Выстрѣловъ въ домѣ никто не слыхалъ. Вошедшій по звонку человѣкъ, увидѣвъ генерала окровавленнымъ, бросился вонъ къ дежурному адъютанту. Когда тотъ вбѣжалъ, — Imaginez-vous, сказалъ ему спокойно Герштенцвейгъ: deux coups, et je ne suis pas encore mort!“ (Вообразите: два выстрѣла, и я еще живъ). Дальнѣйшій разговоръ ихъ неизвѣстенъ...

Въ девятомъ часу пріѣхалъ Ламбертъ и, желая говорить съ больнымъ наединѣ, далъ знакъ адъютанту, чтобы онъ вышелъ; но тотъ объяснилъ, что безъ приказанія своего генерала сдѣлать этого не можетъ. „Прикажите!“ сказалъ Ламбертъ. Герштенцвейгъ, повидимому, неохотно, далъ знакъ...

Между тѣмъ въ городѣ пошли таинственныя восточныя шушаканья, при чемъ всякій, разсказавъ кому-либо исторію, прибавлялъ: „только пожалуйста никому!“, хотя всѣ давно знали.

Страшно сказать: несчастный умиралъ 19 дней! Смерть послѣдовала, когда попробовали вынуть пулю: 24 Октября (1861) „ст. ст.“

За десять дней до кончины Герштенцвейга намѣстникъ Царства Польскаго графъ К. К. Ламбертъ уѣхалъ изъ Варшавы тайно, ни съ кѣмъ не простясь и поселился на островѣ Мадерѣ, ради своей чахотки. П. Б.

КЪ БІОГРАФІИ ПОЭТА Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

Въ Августѣ нынѣшняго года имѣлъ я случай печатно исправить нѣкоторыя біографическія неточности, вкравшіяся въ жизнеописаніе моего дяди Дмитрія Владимировича Веневитинова, составленное А. П. Пятковскимъ. Въ моемъ письмѣ по этому поводу къ А. С. Суворину, напечатанномъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1884, № 8, стр. 468—470), я намекнулъ на неизвѣстныя еще причины рановременной смерти моего дяди и обѣщалъ сообщить о нихъ. Исполняю это обѣщаніе настоящею моей замѣткой, пользуясь для нея почти исключительно семейными преданіями и отлагая документальныя данныя до новой біографіи Дмитрія Владимировича, которую надѣюсь со временемъ возстановить и дополнить по неизвѣстнымъ еще источникамъ. Настоящимъ же сообщеніемъ рѣшаюсь поспѣшить въ виду появленія Записокъ А. И. Кошелева, изъ которыхъ предварительно заимствую слѣдующія показанія о моемъ дядѣ.

Разсказавъ о началѣ своихъ сношеній съ И. В. Кирѣевскимъ, княземъ Вл. Ѳ. Одоевскимъ, В. П. Титовымъ, С. П. Шевыревымъ, Н. А. Мельгуновымъ и М. П. Погодинымъ и о своемъ кратковременномъ пребываніи въ Московскомъ университетѣ, А. И. Кошелевъ отмѣчаетъ о 1822—1823 г.: „Въ это время особенно полезною для меня была дружба съ И. В. Кирѣевскимъ, съ которымъ мы занимались вмѣстѣ и другъ друга оживляли и поощряли. Всего болѣе занимали насъ Нѣмецкія философскія сочиненія. Около этого времени мы познакомились съ даровитымъ, весьма умнымъ и развитымъ Д. В. Веневитиновымъ, къ прискорбію рано умершимъ. Нѣмецкая философія и въ особенности творенія Шеллинга насъ всѣхъ такъ къ себѣ приковывали, что изученіе всего остальнаго шло у насъ довольно небрежно, и все наше время мы посвящали Нѣмецкимъ любомудрамъ. Въ это время бывали у насъ вечернія бесѣды, продолжавшіяся далеко за полночь, и онѣ оказывались для насъ много плодотворнѣе уроковъ, которые мы брали у профессоровъ. Нашъ кружокъ все болѣе и болѣе разростался и сплотнялся. Главными, самыми дѣятельными участниками въ немъ были: Ив. В. Кирѣевскій, Дм. Веневитиновъ, Рожалинъ, князь В. Одоевскій, Ти-

товъ, Шевыревъ, Мельгуновъ и я. Этимъ бесѣдамъ мы обязаны весьма многимъ какъ въ научномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи".

Въ 1824 году А. И. Кошелевъ съ своими товарищами выдержалъ въ Университетѣ окончательный экзаменъ и къ 1825 году началъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ томъ числѣ и съ Д. В. Веневитиновымъ, службу въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. „Служба наша главнѣйше заключалась въ разборѣ, чтеніи и описи древнихъ столбцевъ. Понятно, какъ такое занятіе было для насъ мало завлекательно. Впрочемъ, начальство было очень мило: оно и не требовало отъ насъ большой работы. Сперва бесѣды стояли у насъ на первомъ планѣ; но затѣмъ мы вздумали писать сказки такъ, чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми нами. Десять человѣкъ соединились въ это общество, и мы положили писать каждому не болѣе двухъ страницъ и не разсказывать своего плана для продолженія. Какъ между нами были люди даровитые, то эти сочиненія выходили очень забавными, и мы усердно являлись въ Архивъ въ положенные дни—по Понедѣльникамъ и Четвергамъ. Архивъ прослылъ сборищемъ блестящей Московской молодежи, и званіе *архивнаго юноши* сдѣлалось весьма почетнымъ. такъ что въ послѣдствіи мы даже попали въ стихи начинавшаго тогда входить въ большую славу А. С. Пушкина".

Побочныя занятія архивныхъ юношей послужили поводомъ для составленія двухъ отдѣльныхъ обществъ, изъ которыхъ первое, литературное, было довольно многочисленно. „Другое общество"—говоритъ А. И. Кошелевъ,—„было особенно замѣчательно, оно собиралось тайно, и объ его существованіи мы никому не говорили. Членами его были: кн. В. Одоевскій, Ив. Кирѣевскій, Дм. Веневитиновъ, Рожалинъ и я. Тутъ господствовала Нѣмецкая философія, т. е. Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Океnъ, Гёрресъ и др. Тутъ мы иногда читали наши философскія сочиненія; но всего чаще и по большей части бесѣдовали о прочтенныхъ нами твореніяхъ Нѣмецкихъ любомудровъ. Мы собирались у кн. Одоевскаго, въ домѣ Ланской (нынѣ Римскаго-Корсакова) въ Газетномъ переулкѣ. Онъ предсѣдательствовалъ, а Дм. Веневитиновъ всего болѣе говорилъ и своими рѣчами часто приводилъ насъ въ восторгъ. Эти бесѣды продолжались до 14 Декабря 1825 года, когда мы сочли необходимымъ ихъ прекратить, какъ потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣнія полиціи, такъ и потому, что политическія событія сосредоточивали на себѣ все наше вниманіе. Живо помню, какъ послѣ этого несчастнаго числа кн. Одоевскій насъ созвалъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ, и протоколы нашего Общества Любомудрія". По словамъ А. И. Кошелева занятіе членовъ этого общества состояло преимущественно въ изученіи Нѣмецкой философіи, которая вполнѣ замѣняла молодымъ людямъ религію. Политика примѣшалась въ ихъ задачи лишь впослѣдствіи, подъ вліяніемъ встрѣчъ съ нѣкоторыми изъ будущихъ Декабристовъ, именно съ М. М. Нарышкинымъ, К. Ѳ. Рылѣевымъ, кн. Е. П. Оболенскимъ, И. И. Пущинымъ и нѣкоторыми другими. Вечеръ у М. М. Нарышкина въ Фе-

врал̀ѣ или Мартѣ 1825 года, на которомъ Рылѣевъ читалъ свои Думы и въ общемъ разговорѣ выражались рѣзкія и крайнія сужденія о тогдашнемъ правительствѣ, произвелъ на 19-лѣтняго автора Записокъ самое сильное впечатлѣніе. Онъ тотчасъ поспѣшилъ подѣлиться имъ съ своими друзьями И. В. Кирѣевскимъ, Дм. В. Веневитиновымъ и Рожалинымъ. Вслѣдствіе этого Нѣмецкая философія была оставлена въ пренебреженіи, молодые философы налегли на изученіе политическихъ писателей, и главнымъ предметомъ ихъ бесѣдъ сдѣлались событія внутренней политики Россіи.

„Никогда не забуду",—пишетъ А. И. Кошелевъ—„того потрясающаго дѣйствія, которое произвели на насъ первыя извѣстія о 14 Декабрѣ". Всѣ товарищи по Московскому Архиву и ихъ ближайшіе пріятели и знакомые изъ Московской молодежи пришли въ большое волненіе отъ совершавшихся событій; они ежедневно собирались для сообщенія другъ другу новостей и для ихъ взаимнаго обсужденія. Волненіе это еще болѣе усилилось тѣми послѣдствіями, которыя въ Москвѣ были вызваны самыми событіями, именно двукратною присягою двумъ императорамъ въ теченіи десяти дней и арестами лицъ, прикосновенныхъ къ тайному обществу, обнаружившемуся въ бунтѣ 14 Декабря. Присяга императору Николаю Павловичу сопровождалась особыми мѣрами предосторожности, принятыми со стороны правительства. „По распоряженію свыше, военный караулъ при Архивѣ былъ утроенъ, и солдаты снабжены патронами. Командовалъ не унтеръ-офицеръ, даже не простой офицеръ, а цѣлый майоръ. Воображали, кажется, что архивные юноши произведутъ подражаніе Петербургскому возмущенію".

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ сочувствіе къ Декабристамъ ограничивалось со стороны архивныхъ юношей разговорами, толками, возбужденнымъ воображеніемъ, участіемъ въ судьбѣ нѣкоторыхъ родныхъ и знакомыхъ, да развѣ еще уроками фехтованія и верховой ѣзды, которыми занялись А. И. Кошелевъ, Дм. В. Веневитиновъ и И. В. Кирѣевскій *), въ ожиданіи торжества заговора въ южной (второй) арміи и въ надеждѣ примкнуть къ мятежникамъ въ ихъ предполагаемомъ побѣдоносномъ шествіи чрезъ Москву на Петербургъ. „Хотя въ Москвѣ все было тихо и скромно",—пишетъ А. И. Кошелевъ,—„однако многіе, и мы въ томъ числѣ, были крайне озабочены и взволнованы. Извѣстія изъ Петербурга получались самыя странныя и одно другому противорѣчащія. То говорили, что тамъ все спокойно, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ; то разсказывали, что открытъ огромный заговоръ, что 2-я армія не присягаетъ, идетъ на Москву и тутъ хочетъ провозгласить конституцію; къ этому прибавляли, что Ермоловъ также не присягаетъ и съ своими войсками идетъ съ Кавказа на Москву. Эти слухи были такъ живы и положительны и казались такъ правдоподобными, что Москва, или, вѣрнѣе сказать, мы, ожидали всякій день с

*) Эти три имени не названы въ Запискахъ А. И. Кошелева; но они сохранились въ моей памяти со словъ Александра Ивановича, который лично передавалъ мнѣ этотъ разсказъ года за два до своей смерти.

Юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ. Мы, Нѣмецкіе философы, забыли Шеллинга и Канта, ѣздили всякій день въ манежъ и фехтовальную залу учиться верховой ѣздѣ и фехтованію и такимъ образомъ готовились къ дѣятельности, которую мы себѣ предназначали".

Между тѣмъ событія 14 Декабря начали отражаться своими неизбѣжными послѣдствіями. Сильное и тягостное впечатлѣніе произвелъ на автора Записокъ случившійся въ его присутствіи арестъ его родственника Василія Сергѣевича Норова. Вскорѣ, также ночью, увезли въ Петербургъ Нарышкина, Фонъ-Визина и другихъ. „Это навело",—пишетъ А. И. Кошелевъ,—„всюду и на всѣхъ такой ужасъ, что почти всякій ожидалъ быть схваченнымъ и отправленнымъ въ Петербургъ. Разсказы изъ Петербурга о томъ, кого тамъ брали и сажали въ крѣпость, какъ содержали и допрашивали арестованныхъ и пр. еще болѣе увеличивали всеобщую тревогу. Матушка очень за меня боялась.... Этихъ дней, или вѣрнѣе сказать, этихъ мѣсяцевъ (ибо такое положеніе продолжалось до назначенія верховнаго суда, т. е. кажется, до Апрѣля) кто ихъ пережилъ, тотъ, конечно, никогда не забудетъ. Мы, молодежъ, менѣе страдали, чѣмъ волновались, и даже почти желали быть взятыми.... Эти событія насъ, между собою знакомыхъ, чрезвычайно сблизили и, быть можетъ, укрѣпили ту дружбу, которая связывала насъ".

Но какъ ни волновались архивные юноши, никто изъ нихъ не пострадалъ. При всемъ ихъ увлеченіи Декабристами, ихъ повидимому спасло отъ дѣятельнаго сочувствія мятежу то обстоятельство, что они, не служа въ военной службѣ, были удалены отъ общества гвардейскихъ офицеровъ и чрезъ то отъ вліянія заграничныхъ походовъ; кромѣ того, по своему образу жизни они не принадлежали къ чиновному люду, и потому злоупотребленія правительства и его агентовъ (одинъ изъ главныхъ поводовъ участія въ тайномъ обществѣ) не могли ихъ близко касаться и возбуждать ихъ негодованіе, какъ сыновей зимующихъ въ Москвѣ помѣщиковъ. Только одинъ изъ архивныхъ юношей, именно Дмитрій Владимировичъ Веневитиновъ поплатился кратковременнымъ арестомъ, притомъ не столько за свои юношескія увлеченія, сколько за оказанную имъ услугу. Объ этомъ обстоятельствѣ, представляющемъ главный поводъ къ настоящей моей замѣткѣ, въ Запискахъ А. И. Кошелева встрѣчается лишь слѣдующее краткое извѣстіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ описываетъ начало общей службы пріятелей въ Петербургѣ, осенью 1826 года.

„Д. Веневитиновъ, при самомъ пріѣздѣ изъ Москвы, былъ вытребованъ или взятъ въ III-е Отдѣленіе Собственной Канцеляріи и тамъ продержанъ двое или трое сутокъ. Это его ужасно поразило, и онъ не могъ освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него сдѣланнымъ ему допросомъ. Онъ не любилъ объ этомъ говорить; но видно было, что-то тяжелое лежало у него на душѣ. Въ Мартѣ онъ занемогъ тифозною горячкою, около двухъ недѣль былъ боленъ, и 15-го Марта (1827 года) онъ скончался".

Я нарочно такъ подробно остановился на Запискахъ А. И. Кошелева, чтобы доказать его разсказомъ о политическихъ увлеченіяхъ архивныхъ юношей, насколько незначительна въ нихъ была доля дѣятельнаго участія моего дяди и какъ мало онъ заслуживалъ своими дѣйствіями подозрительности правительства. Конечно, не за верховую ѣзду въ Московскомъ манежѣ могъ онъ быть подвергнутъ аресту и допросу при самомъ появленіи въ Петербургѣ. Несомнѣнно, что юные всадники держали свои цѣли въ строгой тайнѣ и не могли возбуждать никакого подозрѣнія въ сопровождавшемъ ихъ берейторѣ. Закрытіе княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ философскаго общества было вызвано лишь добровольною предосторожностью, но не проступкомъ, и участіе въ этомъ, никому кромѣ его членовъ неизвѣстномъ, обществѣ не могло служить причиною къ аресту. Наконецъ, еслибы уроки верховой ѣзды и фехтованія и навлекли на участниковъ ихъ какія-нибудь непріятности, то А. И. Кошелевъ конечно не преминулъ бы упомянуть о нихъ въ своихъ Запискахъ, гдѣ онъ отмѣчаетъ даже свои столкновенія съ графомъ Нессельроде и графомъ А. Ѳ. Орловымъ.

Какой же былъ поводъ къ аресту и допросу Дм. В. Веневитинова? Для разъясненія этого обращаюсь къ семейнымъ преданіямъ и къ разсказамъ близкихъ моихъ родныхъ.

Дмитрій Владимировичъ Веневитиновъ лишился отца въ раннемъ возрастѣ и своимъ воспитаніемъ всецѣло былъ обязанъ своей матери Аннѣ Николаевнѣ. На ея родство и сношенія съ нѣкоторыми извѣстными лицами слѣдуетъ здѣсь обратить вниманіе, такъ какъ этими подробностями обусловлены нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся къ аресту моего дяди. Бабка моя Анна Николаевна Веневитинова (род. 1782+1841) была рожд. княжна Оболенская *). Отецъ Анны Николаевны былъ женатъ на Матренѣ Семеновнѣ Мусиной-Пушкиной, троюродной сестрѣ графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, извѣстнаго Екатерининскаго оберъ-прокурора и археолога. Родная тетка Анны Николаевны, сестра ея отца, была замужемъ за Чичеринымъ, дочь котораго вышла за Льва Александровича Пушкина и приходилась родною бабушкою Александру Сергѣевичу, знаменитому поэту. Чрезъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ Анна Николаевна была въ родствѣ и съ Кошелевыми, чѣмъ и объясняется раннее сближеніе Александра Ивановича съ молодыми Веневитиновыми. Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, родство и свойство являлись главными основаніями для вза-

---

*) Князь Николай Алексѣевичъ Оболенскій, отецъ Анны Николаевны, происходилъ отъ князя Василія Константиновича Бѣлаго (Росс. род. книга князя Долгорукова, родъ князей Оболенскихъ № 11-й), родной братъ котораго, Михаилъ Константиновичъ (тамъ же, № 5-й) былъ предкомъ князя Венедикта, родоначальника всѣхъ тѣхъ Оболенскихъ, которые въ XIX вѣкѣ заслужили извѣстность въ сферахъ служебной, придворной и свѣтской. Князь Венедиктъ, бывшій окольничимъ и умершій въ половинѣ XVII вѣка, былъ одно время единственнымъ сыномъ у своей матери, подарившей въ монастырь большое состояніе по обѣту за спасеніе его во время войны. Такимъ образомъ обѣ вѣтви князей Оболенскихъ раздѣлились еще лѣтъ 400-та тому назадъ.

имныхъ связей знакомства и дружбы и служили непослѣднимъ подспорьемъ для свѣтскихъ и служебныхъ успѣховъ, хотя имѣли однако и оборотныя стороны, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ.

Благодаря родству, хотя и отдаленному, Анны Николаевны съ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, близкій къ послѣднему человѣкъ Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій могъ быть лично знакомъ съ семействомъ Веневитиновыхъ и содѣйствовать вступленію Дмитрія и брата его Алексѣя Владимировичей на службу въ Московскій Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ. Съ другой стороны, свойство съ семействомъ Пушкиныхъ объясняетъ быстроту, съ которой Александръ Сергѣевичъ, по прибытіи въ Москву послѣ коронаціи въ 1826 году, поспѣшилъ сойтись съ молодыми Веневитиновыми и ихъ друзьями, изъ которыхъ только С. А. Соболевскій былъ знакомъ съ Пушкинымъ до его ссылки на Югъ Россіи *). Не забудемъ, что коронація императора Николая Павловича, простившаго Пушкина, совершилась въ концѣ Августа, что Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву 8 Сентября, что чрезъ нѣсколько дней происходило чтеніе Бориса Годунова въ домѣ у Веневитиновыхъ, а въ Октябрѣ Дмитрій Владимировичъ уже отправился въ Петербургъ на новую службу. Отецъ и дядя поэта, Сергѣй и Василій Львовичи, были, какъ родственники, своими людьми въ домѣ у Оболенскихъ, братьевъ Анны Николаевны Веневитиновой.

Переѣздомъ въ Петербургъ и поступленіемъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ мой дядя, повидимому, также отчасти обязанъ былъ торжествамъ коронаціи и наплыву въ Москву представителей высшей администраціи, которые не могли не обратить вниманія на даровитаго юношу. Дѣло въ томъ, что занятія у Малиновскаго не удовлетворяли молодыхъ людей, какъ о томъ говоритъ А. И. Кошелевъ, и что въ то время перейти на службу въ Петербургъ было трудно безъ личныхъ связей. Такія связи чрезъ своихъ родныхъ нашли изъ архивныхъ юношей: А. И. Кошелевъ въ Р. А. Кошелевѣ и князѣ С. И. Гагаринѣ(о чемъ А. И. прямо упоминаетъ въ своихъ Запискахъ); князь В. Ѳ. Одоевскій въ Васильѣ Сергѣевичѣ Ланскомъ, управлявшемъ въ то время Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ; а Дм. Вл. Веневитинову и нѣкоторымъ изъ другихъ его товарищей помогла по всей вѣроятности та женщина, гостиная которой составляла центръ для тогдашней Московской молодежи, именно княгиня Зинаида Александровна Волконская. Здѣсь опять приходится говорить о родственныхъ связяхъ.

Отецъ княгини З. А. Волконской, князь А. М. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, былъ женатъ два раза: отъ первой жены, рожденной Татищевой, онъ имѣлъ дочь Зинаиду, а во второмъ бракѣ имѣлъ супругою дочь Екатерининскаго дѣльца Григорія Васильевича Козицкаго. Другая дочь Козицкаго была заму-

*) С. А. Соболевскій воспитывался въ Благородномъ Пансіонѣ при Петербургскомъ университетѣ вмѣстѣ со Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, братомъ поэта.

жемъ за Французомъ графомъ Лавалемъ, служившимъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Дочь князя Бѣлосельскаго, приходившаяся племянницею графинѣ Лаваль, княгиня Зинаида Александровна Волконская была женою князя Никиты Григорьевича Волконскаго, сестра котораго Софья Григорьевна состояла въ свою очередь въ бракѣ за близкимъ къ Александру I-му лицомъ, именно княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ (бывшимъ въ послѣдствіи, при Николаѣ Павловичѣ, министромъ двора). У князя Никиты Волконскаго былъ еще братъ Сергѣй Григорьевичъ, женатый на Маріи Николаевнѣ Раевской и сосланный въ Сибирь по дѣлу 14-го Декабря 1825 года. Во избѣжаніе излишнихъ повтореній замѣтимъ здѣсь кстати, что графъ Лаваль былъ отцомъ четырехъ дочерей, вышедшихъ замужъ одна за графа Лебцельтерна, Австрійскаго посланника при Русскомъ дворѣ, другая за князя Сергѣя Петровича Трубецкаго, извѣстнаго декабриста, третья за графа Борха и четвертая за графа Коссаковскаго. Эти подробности нужны для разъясненія нѣкоторыхъ существенныхъ обстоятельствъ въ дальнѣйшемъ изложеніи моего разсказа.

Опредѣливъ родственныя связи княгини Зинаиды Александровны, легко понять, почему слово, ею замолвленное за Д. В. Веневитинова, могло имѣть успѣхъ у графа Лаваля и особенно у князя П. М. Волконскаго, а чрезъ послѣдняго и у министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде. Съ семействомъ Веневитиновыхъ Бѣлосельскіе и Волконскіе были въ старинныхъ пріятельскихъ и даже дружескихъ сношеніяхъ. (Особенно окрѣпли эти сношенія со времени смерти моего дяди, отчасти вслѣдствіе ихъ и погибшаго, какъ увидимъ далѣе). Общественное и свѣтское значеніе княгини З. А. Волконской достаточно извѣстно изъ Записокъ современниковъ, такъ что о немъ мы ограничимся здѣсь лишь возстановленіемъ нѣкоторыхъ фактовъ, могущихъ объяснить чарующее обаяніе этой замѣчательной женщины на всѣхъ ея многочисленыхъ почитателей. Изъѣздивъ со своими родственниками Волконскими западную Европу въ свитѣ императора Александра I-го, познакомившись съ знаменитыми иностранцами, побывавъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ ей случалось пѣть предъ самымъ избраннымъ обществомъ, поживъ въ Римѣ, гдѣ она съ пользою для себя изучила памятники древности и сокровища искусства, княгиня З. А. Волконская была самымъ своимъ прошедшимъ поставлена въ условія дѣйствовать на всѣхъ тѣхъ, кому дороги были высшіе интересы знанія и искусства. Художница, музыкантша, писательница, однимъ словомъ артистка въ душѣ, княгиня Зинаида блистала въ свѣтѣ умомъ, образованіемъ, талантами, богатствомъ и этими дарами, помимо красоты, завладѣвала вниманіемъ высоко образованныхъ и талантливыхъ молодыхъ людей, которыхъ она соединяла у себя. У нея устраивались дѣтскіе спектакли, на которыхъ ея единственный сынъ съ моимъ отцомъ, дядей и теткой и другими сверстниками разыгрывали Гоеолію (Athalie) Расина; она украшала свой домъ оригиналами и копіями знаменитѣйшихъ произведеній живописи и ваянія; комнаты своего дома, настоящаго музея, она расписывала фресками въ

стилѣ различныхъ эпохъ. Она собирала на своихъ вечерахъ цвѣтъ тогдашняго артистическаго и литературнаго міра; у нея мой дядя и его даровитые товарищи, С. А. Соболевскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, Киревскіе, Хомяковы, встрѣчались съ А. С. Пушкинымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, Адамомъ Мицкевичемъ и другими знаменитостями. Извѣстный музыкантъ Геништa посвящалъ княгинѣ свои романсы. У нея въ гостиной Андрей Николаевичъ Муравьевъ мѣрился ростомъ со статуей Аполлона и разбилъ ее въ присутствіи А. С. Пушкина, что̀ дало послѣднему поводъ написать извѣстную эпиграмму. Наконецъ, княгиня принимала участіе въ литературныхъ забавахъ архивныхъ юношей и вмѣстѣ съ ними писала по очереди повѣсти или сказки, какъ ихъ называетъ А. И. Кошелевъ въ своихъ Запискахъ [1]).

Общеніе съ даровитою, привлекательною женщиною отразилось на моемъ дядѣ, наравнѣ съ большинствомъ его товарищей, весьма понятными послѣдствіями: онъ влюбился въ нее. Хотя она была на нѣсколько лѣтъ старѣе его, но это очень часто бываетъ при первой юношеской любви. Несомнѣнно, что эта любовь была внушена не столько изяществомъ предмета страсти, сколько артистическими наклонностями блистательной женщины. Увлеченіе Дмитрія Владимировича было чисто-платоническое, идеальное, и только развѣ впослѣдствіи, послѣ его переселенія въ Петербургъ, оно могло нѣсколько измѣниться въ своемъ характерѣ подъ вліяніемъ непріятностей, перенесенныхъ, какъ увидимъ далѣе, отчасти изъ-за услуги, которую онъ оказалъ княгинѣ Волконской.

Въ ожиданіи окончательнаго устройства своего перехода на новую службу, Д. В. Веневитиновъ провелъ часть осени въ Москвѣ, гдѣ и сблизился съ А. С. Пушкинымъ и познакомился съ его Борисомъ Годуновымъ, который былъ прочтенъ самимъ авторомъ въ домѣ моей бабушки, о чемъ подробно разсказалъ М. П. Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о С. П. Шевыревѣ [2]). Въ Октябрѣ дядя сталъ собираться въ Петербургъ, гдѣ у него уже были на службѣ нѣкоторые товарищи и между прочимъ Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ, братъ Алексѣя Степановича. Ѳ. Ст. Хомяковъ въ это время тоже находился временно въ Москвѣ и, возвращаясь изъ отпуска въ Петербургъ, предложилъ моему дядѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даже вмѣстѣ жить въ чужомъ для нихъ обоихъ городѣ. Тутъ-то, среди приготовленій молодыхъ людей къ отъѣзду, Дмитрій Владимировичъ согласился на просьбу княгини Волконской принять спутникомъ въ свой экипажъ одного пріѣзжаго изъ Сибири. Пріѣзжій этотъ былъ Французъ Воше (Vaucher), библіотекарь графа Лаваля.

---

[1]) Одно изъ такихъ произведеній, озаглавленное *Пимпушки*, хранится въ моемъ собраніи семейныхъ бумагъ; княгинѣ Волконской въ этой повѣсти принадлежитъ нѣсколько страницъ, испещренныхъ поправками С. П. Шевырева. Подобныя повѣсти писались по очереди, безъ опредѣленнаго плана и безъ предварительнаго уговора о конечной цѣли.

[2]) За это чтеніе Пушкину сдѣланъ былъ выговоръ отъ графа Бенкендорфа. П. Б.

Извѣстно, что жены нѣкоторыхъ декабристовъ послѣдовали за своими мужьями въ Сибирь. Однѣми изъ первыхъ были княгини Екатерина Ивановна Трубецкая, рожд. Лаваль и Марія Николаевна Волконская, родная сестра тѣхъ Раевскихъ, которые подружились въ Крыму съ сосланнымъ на Югъ А. С. Пушкинымъ. Пушкинъ самъ когда-то увлекался будущей княгиней Волконской и во время этого увлеченія написалъ нѣсколько извѣстныхъ своихъ стихотвореній. Въ проѣздъ чрезъ Москву въ Сибирь *) княгини М. Н. Волконской, ея своячееница княгиня Зинаида собрала у себя самыхъ близкихъ знакомыхъ и друзей. Описаніе этого прощальнаго вечера, составленное моимъ отцемъ, было напечатано мною въ Русской Старинѣ (1875, I, 822). Документъ этотъ живо передаетъ впечатлѣніе, произведенное женою декабриста и родственницею княгини Зинаиды. Тотъ же двойной интересъ по всей вѣроятности отразился на моемъ дядѣ и по поводу княгини Трубецкой, тоже уѣхавшей въ Сибирь къ своему мужу. Графъ Лаваль поручилъ вышеназванному Воше проводить свою дочь и отправилъ ихъ въ удобной каретѣ, которая не выдержала Сибирскихъ дорогъ и сломалась. Не смотря на совѣты своего спутника вернуться, княгиня Трубецкая рѣшилась ѣхать далѣе одна, на перекладной, и съ дороги отпустила Воше назадъ въ Россію. Они разстались, еще далеко не доѣхавъ до цѣли своего путешествія. Въ Октябрѣ 1826 г. Воше пріѣхалъ въ Москву и остановился въ домѣ княгини З. А. Волконской. Въ то время все, что имѣло отношеніе къ декабристамъ, подвергалось наблюденію и бдительному надзору полиціи. За Трубецкими же были причины слѣдить особенно строго, въ виду ихъ близкаго родства съ дипломатическимъ представителемъ Австріи, графомъ Лебцельтерномъ. Въ надеждѣ избавить Воше отъ притязательной подозрительности властей, княгиня Зинаида устроила ему совмѣстную поѣздку въ Петербургъ съ Дмитріемъ Владиміровичемъ Веневитиновымъ и Ѳ. Ст. Хомяковымъ. Первый изъ нихъ (какъ установлено мною выше) не былъ лично подвергаемъ до той поры никакимъ подозрѣніямъ прикосновеннымъ къ событіямъ 14 Декабря; Хомяковъ же во время бунта на Сенатской площади находился въ Петербургѣ, и его письмо къ брату въ Парижъ отъ 24 Декабря 1825 года, напечатанное въ Русскомъ Архивѣ 1884 года (книга 5, стр. 221), свидѣтельствуетъ, что сочувствіе его было далеко не на сторонѣ декабристовъ. Такимъ образомъ ничто повидимому не противорѣчило заботливымъ предположеніямъ княгини З. А. Волконской, и спутничество вышеназванныхъ молодыхъ людей могло вполнѣ обезпечивать Француза Воше отъ всякихъ опасеній. Случилось однако иначе.

Мой дядя надолго переселялся въ Петербургъ и потому былъ снабженъ такою поклажей, что не могъ помѣститься въ одномъ экипажѣ съ

---

*) По словамъ моей покойной тетки, обѣ названныя княгини уѣхали изъ Петербурга въ Іюлѣ 1826 г. т.-е. немедленно по произнесеніи приговора надъ ихъ мужьями. Въ Декабрѣ того же года княгиня Волконская еще находилась въ Москвѣ.

Хомяковымъ. Пришлось ѣхать въ двухъ экипажахъ, причемъ Воше сидѣлъ попремѣнно то съ однимъ, то съ другимъ изъ своихъ спутниковъ [1]). Ранѣе описываемыхъ обстоятельствъ Д. В. Веневитиновъ вовсе не встрѣчался съ Воше и даже не зналъ его. Въ первомъ письмѣ съ дороги онъ писалъ къ своимъ роднымъ: „Nous voici à Торжокъ, arrivés le plus heureusement du monde.... Je suis bien charmé de faire le voyage avec Vaucher: c'est bien le meilleur enfant du monde, et je l'aime déjà de tout mon coeur" [2]). Хотя въ то время судъ надъ декабристами давно уже былъ оконченъ, но за ихъ родными и близкими имъ лицами продолжали слѣдить и тѣмъ строже, что для исполненія этой обязанности тогда уже учреждалось спеціальное вѣдомство Третьяго Отдѣленія. Подъѣзжая къ Петербургу, Воше не избѣгъ обычныхъ опросовъ на заставѣ и былъ, какъ лицо подозрительное, подвергнутъ аресту. Мой дядя, сидѣвшій тогда въ одномъ съ нимъ экипажѣ, былъ также арестованъ. Мнѣ ничего неизвѣстно о послѣдствіяхъ ареста Воше и о томъ, было ли что-нибудь у него найдено и что́ именно. Что́ же касается Дмитрія Владимировича, то онъ просидѣлъ сутки или около двухъ на одной изъ Петербургскихъ гауптвахтъ и провелъ это время въ крайне-сыромъ, холодномъ и нездоровомъ помѣщеніи [3]). Такъ какъ за нимъ никакой особой вины не нашлось, то допрашивавшій его дежурный генералъ Потаповъ не встрѣтилъ препятствій къ его освобожденію. Для Ѳ. Ст. Хомякова путешествіе также не обошлось безъ непріятныхъ послѣдствій, но непріятности ограничились личнымъ объясненіемъ съ Родофиникинымъ, его непосредственнымъ начальникомъ, директоромъ Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Простудился ли Дмитрій Владимировичъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ былъ арестованъ или подвергся другому какому-нибудь вредному вліянію,—объ этомъ не сохранилось точныхъ семейныхъ преданій, которыя ограничиваются указаніемъ на гигіеническія условія мѣста заключенія, какъ на главную причину окончательнаго разстройства въ здоровьѣ моего дяди. По словамъ его сестры и моей тетушки, разстройство это началось года за два до описываемыхъ мною событій. Въ возрастѣ 19 или 20 лѣтъ (то есть въ 1824 или 1825 году) Д. В. Веневитиновъ перенесъ корь, болѣзнь дѣтскую, но запоздавшую для него. Выздоровленіе его не сопровождалось достаточными предосторожностями. Три недѣли послѣ уничтоженія сыпныхъ признаковъ онъ совершилъ большую прогулку въ очень легкой одеждѣ. Вѣроятно это была одна изъ тѣхъ прогулокъ, которыя А. И. Кошелевъ

---

[1]) По другому семейному преданію всѣ трое отправились вмѣстѣ въ одной четырехмѣстной повозкѣ.

[2]) „Мы пріѣхали въ Торжокъ самымъ благополучнымъ образомъ.... Я очень радъ путешествовать вмѣстѣ съ Воше; это самый милый малый на свѣтѣ, и я уже полюбилъ его всею душею".

[3]) Государь съ дворомъ и графомъ Бенкендорфомъ въ это время уже возвратились въ Петербургъ съ коронаціи.

относитъ къ веснѣ 1826 года, когда архивные юноши, бездѣйствуя въ ожиданіи предстоящей коронаціи, пользовались своими служебными досугами для знакомства съ ближайшими окрестностями Москвы [1]). Но при такомъ, весьма возможномъ, предположеніи, Д. В. Веневитиновъ былъ боленъ корью въ 1826 году, а не ранѣе. А можетъ быть и то, что въ данномъ случаѣ А. И. Кошелевъ слишкомъ положился на свою память. Какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что, едва выйдя изъ карантина по случаю кори, Дмитрій Владимировичъ опять заболѣлъ простудою. Съ упомянутой прогулки онъ вернулся домой съ кашлемъ, который не покидалъ его до самой смерти и причинялъ ему частыя и сильныя боли въ груди. Хотя доктора заставили его постоянно носить грудной пластырь, но здоровье его уже разстроилось, а арестъ и затѣмъ непривычный Петербургскій климатъ еще болѣе подѣйствовали на его состояніе. Когда Дмитрій Владимировичъ представлялся своему новому начальству въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, то Родофиникинъ, послѣ продолжительнаго съ нимъ разговора, былъ пораженъ его болѣзненнымъ видомъ и къ своему отзыву о немъ, какъ о человѣкѣ, подававшемъ большія надежды и обѣщавшемъ Азіатскому Департаменту много пользы вслѣдствіе прекраснаго знанія Греческаго языка, прибавилъ въ своемъ словесномъ докладѣ графу Несельроде: „mais, nous n'en profiterons pas longtemps; il a la mort dans les yeux, il mourra bientôt“ [2]). И дѣйствительно Петербургъ не гостепріимно встрѣтилъ его. Не прошло и мѣсяца со времени его пріѣзда туда, какъ послѣдствія ареста разразились болѣзнью, испугавшею сожителя Д. В. Веневитинова по квартирѣ, Ѳ. С. Хомякова. Вотъ что послѣдній писалъ отъ 3 Декабря 1826 года въ Москву своему брату о Дмитріѣ Владимировичѣ (Р. Архивъ, 1884, кн. 5, стр. 224): „Я въ большомъ былъ о немъ безпокойствѣ; на прошедшей недѣлѣ у него сдѣлалось вдругъ воспаленіе въ груди и въ легкихъ, такъ что принуждены были кровь пустить и т. д.... Въ Москвѣ не говорить про болѣзнь Дмитрія; онъ никому объ ней не писалъ“.

Скоро справившись съ этимъ нездоровьемъ, Дмитрій Владимировичъ уже въ половинѣ Декабря вошелъ въ полную колею свѣтской жизни, дѣлалъ визиты, ѣздилъ на вечера и балы и т. д. Имѣющіяся у меня письма его къ ближайшимъ роднымъ, относящіяся къ Декабрю 1826 года и къ первымъ двумъ мѣсяцамъ 1827 года, полны подробностей о его времяпровожденіи въ подобныхъ развлеченіяхъ. Въ перепискѣ этой часто упоми-

---

[1]) Можетъ быть этими прогулками вдохновленъ былъ И. В. Кирѣевскій для своей статьи о Царицынѣ.

[2]) „Но мы имъ не долго воспользуемся, у него смерть въ глазахъ, онъ долженъ скоро умереть“. Этотъ отзывъ и сопровождавшія его обстоятельства изложены нѣсколько иначе въ біографіи, составленной А. П. Пятковскимъ. Здѣсь кстати замѣчу, что мой дядя учился Греческому языку у того же Байло, о которомъ съ такою признательностію, какъ о своемъ учителѣ, отзывается А. И. Кошелевъ въ своихъ Запискахъ.

нается имя княгини З. А. Волконской, поручается передача ей поклоновъ, просьбъ о присылкѣ музыкальныхъ нотъ и т. п. Но какъ предметы этихъ порученій, такъ и самое помѣщеніе ихъ въ письмахъ къ матери и сестрѣ доказываютъ, что, не смотря на свое увлеченіе княгиней, Дмитрій Владимировичъ не состоялъ съ ней въ прямой перепискѣ. А это несомнѣнно имѣло бы мѣсто при менѣе идеальномъ характерѣ ихъ взаимныхъ отношеній.

Услуга, оказанная Французу Вошè, по просьбѣ княгини Волконской и арестъ, оказавшійся плодомъ этой услуги, не остались безъ вліянія на нравственное состояніе моего дяди. Сидя на гауптвахтѣ въ одиночномъ заключеніи, онъ имѣлъ полную возможность много передумать и перечувствовать; его посѣщали мрачныя мысли, слѣдъ которыхъ я нахожу въ его стихотвореніи къ *Моему Перстню*, гдѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто, прямо указывающее на искушеніе самоубійствомъ:

И если въ скорбяхъ *заточенья*,
Вдали отъ ангела любви,
Оно (т.-е. сердце) замыслитъ преступленье,—
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И отъ груди моей мятежной
Свинецъ безумства отврати!

Съ подобными тяжелыми мечтами Дмитрій Владимировичъ могъ познакомиться именно во время своего ареста. Только для княгини Волконской онъ согласился на сообщество незнакомаго ему спутника по дорогѣ въ Петербургъ; только мысль объ этой женщинѣ и объ оказанномъ ей одолженіи могла утѣшать его среди неизвѣстности, въ которой онъ томился относительно исхода и послѣдствій своего допроса. Онъ не сознавалъ за собою никакой вины, а между тѣмъ его подозрѣвали, на него смотрѣли какъ на какого-то зачумленнаго. Всякія страданія, особенно нравственныя, ради женщины, любимой хотя бы однимъ воображеніемъ, возвышаютъ и укрѣпляютъ самое чувство любви. Въ такихъ страданіяхъ всякій, самый обыкновенный, человѣкъ, способенъ усмотрѣть доказательство своей страсти и право на вознагражденіе взаимностью. Вотъ что могло развить увлеченіе Дмитрія Владиміровича до той степени, которая переходитъ за предѣлы идеальнаго и внушить ему тѣ порывы настоящей страсти, которыя онъ допустилъ лишь въ своемъ воображеніи и позволилъ себѣ высказать только тогда, когда уже сознавалъ близость смерти. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ стихотвореній, озаглавленномъ *Завѣщаніе*, со стономъ сердца онъ обращается къ свѣтлому призраку своей мечты:

Приблизься! Вотъ могилы дверь,
И все позволено теперь...
Я не боюсь сужденій свѣта!
Теперь могу тебя обнять.

Теперь могу тебя лобзать,
Какъ съ первой радостью привѣта
Въ раю ликъ ангеловъ святыхъ
Устами чистыми лобзали,
Когда бы мы въ восторгѣ ихъ
За гробомъ сумрачнымъ встрѣчали...
Но эту рѣчь ты позабудь:
Въ ней тайный ропотъ изступленья!

Стихи эти очень убѣдительны для признанія чисто-платоническаго характера за любовью Дм. В. Веневитинова къ княгинѣ Волконской. Эта страсть дала ему узнать въ жизни только сладость надежды счастья. но не горечь раскаянья въ немъ и не муку разочарованія. Вотъ почему именно, какъ мнѣ кажется, личность Дмитрія Владимировича запечатлѣлась такимъ свѣтлымъ воспоминаніемъ о немъ въ сердцахъ всѣхъ близко его знавшихъ и въ особенности самой княгини Волконской. Этими же соображеніями объясняется и упорное молчаніе Дмитрія Вл. Веневитинова о своемъ арестѣ, на которое такъ упираетъ А. И. Кошелевъ въ своихъ Запискахъ. Невольное участіе княгини въ причинахъ нравственныхъ страданій арестованнаго могло только содѣйствовать такому молчанію и укрѣплять его. Подобныя ощущенія могли входить только въ тотъ тайникъ души, который не открывается никогда даже и ближайшимъ друзьямъ.

Не отрицая идеальнаго увлеченія моего дяди княгинею Волконской, я не могу однако согласиться съ біографами его, которые видятъ въ этомъ увлеченіи чуть ли не главный поводъ его ранней смерти. Въ предисловіи къ послѣднему изданію его стихотвореній, вышедшему въ 1884 году, читаемъ (Дешевая Библіотека, стр. VI): „Въ началѣ Октября 1826 г. Веневитиновъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ канцелярію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Уѣзжалъ онъ въ Петербургъ неохотно; онъ самъ писалъ оттуда: „Москву оставилъ я какъ шальной; не знаю, какъ не сошелъ съ ума“. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ оставалась женщина, которую онъ горячо полюбилъ; но она была уже замужемъ, много старше его по лѣтамъ и не могла отвѣчать на его молодую страсть; подаренный ею перстень онъ сохранилъ до могилы. Въ Петербургѣ онъ сталъ вести разсѣянную жизнь отчасти для того, чтобы забыться“. Въ этихъ словахъ увлеченію княгиней Волконской придано слишкомъ много значенія. Съ Москвой мой дядя разставался съ грустью и тоской по весьма понятной причинѣ: тамъ у него были всѣ родные, а въ Петербургѣ никого. Очаровавшая его женщина отнюдь не отвѣчала на его страсть: знаменитый перстень она подарила ему просто какъ древность, выкопанную въ развалинахъ Геркуланума, и только предсмертный бредъ воображенія могъ придать такому обыкновенному подарку особую цѣнность. Разсѣянную жизнь въ Петербургѣ Дмитрій Владимировичъ ограничивалъ посѣщеніемъ лицъ родныхъ своимъ Московскимъ знакомымъ, нѣкоторыхъ литераторовъ и долею участія въ свѣтскихъ удовольствіяхъ. Ни въ его произведеніяхъ, ни въ перепискѣ

съ родными, относящихся ко времени его пребыванія въ Петербургѣ, не встрѣчается никакихъ слѣдовъ того, въ чемъ можно было бы видѣть стремленіе забыться и отогнать назойливыя воспоминанія. Напротивъ, музыка литература поглощаютъ повидимому всѣ его досуги. Въ описаніяхъ сво его житья-бытья онъ особенно останавливается на подробностяхъ своихъ сношеній съ представителями и диллетантами изящныхъ искусствъ и, упоминая о сдѣланныхъ имъ новыхъ знакомствахъ, не проходитъ молчаніемъ отзыва о ихъ музыкальномъ развитіи. Припомнимъ также и то весьма важное обстоятельство, о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть выше, именно, что онъ, кажется, вовсе не переписывался съ княгиней Волконской. Въ письмахъ къ матери и сестрѣ онъ проситъ ихъ передать ей свое почтеніе (mes hommages) въ числѣ прочихъ знакомыхъ, даже ничѣмъ не подчеркивая своихъ къ ней чувствъ.

Все это приводитъ къ тому заключенію, что въ Петербургѣ Дмитрій Владимировичъ жилъ преимущественно умственною жизнью, насколько она отражалась тогда въ свѣтскомъ обществѣ, и отнюдь не растрачивалъ силъ и времени въ стремленіи забыть прежнюю страсть и отыскивать новыя. Наконецъ, и самые годы его были еще таковы, что сердце его не могло имѣть прошлаго. Намекая въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ на обѣщаніе прислать ей свой портретъ, онъ упоминаетъ объ измѣненіи своей внѣшности и замѣчаетъ: Vous ne me reconnaitriez pourtant pas. Le climat de Pétersbourg m'a bouclé les cheveux et noirci les yeux et, de plus, je porte des favoris, des moustaches et une barbe à l'Espagnole. Tout cela me donne un air rébarbatif que vous ne pouvez me supposer *).

Итакъ, любовь или лучше сказать, увлеченіе ею не могла свести въ могилу Дмитрія Владимировича. а что здоровье его было уже давно надломлено, это достаточно выяснено предыдущими подробностями. Въ началѣ Марта 1827 года Ланскіе, хозяева дома, въ которомъ жилъ мой дядя съ Хомяковымъ, давали балъ. Помѣщенія тѣхъ и другихъ раздѣлялись открытымъ дворомъ **). Разгоряченный танцами и пренебрегая сильнымъ морозомъ, Дмитрій Владимировичъ, возвращаясь домой, не счелъ нужнымъ потеплѣе одѣться и въ одномъ фракѣ перебѣжалъ по двору разстояніе до своей квартиры. Послѣдовавшая затѣмъ простуда не пощадила и безъ того разстроеннаго здоровья его. Онъ умеръ 15 Марта 1827 года на рукахъ Ѳ. С. Хомякова, его брата А. С., недавно вернувшагося передъ тѣмъ изъ-за границы, и нѣкоторыхъ близкихъ друзей, въ томъ числѣ А. И. Кошелева и князя В. Ѳ. Одоевскаго.

*) „Ты бы меня не узнала. Петербургскій климатъ завилъ мнѣ волосы и сдѣлалъ глаза чернѣе; кромѣ того я ношу бакенбарды, усы и Испанскую бородку. Все это придаетъ мнѣ такой самоувѣренный видъ, какого ты во мнѣ не можешь предполагать".

**) Домъ этотъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго № 82, на Мойкѣ, между Фонарнымъ и Прачешнымъ переулками.

Я не ошибусь, утверждая, что одною изъ главныхъ причинъ его смерти было нравственное и особенно физическое потрясеніе, сопряженное съ его арестомъ при самомъ въѣздѣ въ Петербургъ.

Смерть Дм. Вл. Веневитинова произвела удручающее впечатлѣніе на его родныхъ, друзей и знакомыхъ. Ближайшіе его пріятели въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ ежегодно поминали его въ день 15 Марта за дружескою трапезою, на которой мѣсто его всегда оставлялось пустымъ. Ранняя кончина его вдохновила пораженныхъ ею поэтовъ и вызвала нѣсколько стихотвореній. Княгиня З. А. Волконская поставила ему памятникъ на своей дачѣ подъ Римомъ и посвятила ему слѣдующія строки:

L'artiste a posé son ciseau.
A son talent il rend hommage.
„Je suis content. Oui, mon travail est beau,
„Le style et la forme et l'ouvrage,
„Tout en est pur, tout en est sage,
„Tout le rend digne des dieux!"
Il dit, saisit le vase et vole au sanctuaire
Du dieu, qui répand la lumière;
Il le consacre.... Et le fils de Latonne
Sourit à ce don précieux.
La foule accourt, elle admire, s'étonne;
Chacun vient y verser des présents ou des voeux:
L'enfance y place ses jeux,
Et le plaisir l'effleure de son aile;
La rêverie à l'oeil couvert et long
Y pose son voile fidèle,
Et le génie y jette une étincelle
Du feu, qui sort de son front.
Il est rempli.... La mort s'avance,
Elle approche.... Tout fuit, hors du temple on s'élance,
Et la mort agite sa faux.
Elle frappe au hasard, elle brise, elle écrase....
Tout est détruit... Et les dons, et le vase
Réposent parmi les tombeaux [1]).

---

[1]) Вотъ приблизительный переводъ этого стихотворенія.
Сложилъ художникъ свой рѣзецъ.
„Доволенъ я!" гордясь своимъ произведеньемъ,
Въ восторгѣ говоритъ творецъ.
„Все чисто въ немъ, совершенò съ умѣньемъ:
„И стиль, и форма... все! Достойнымъ приношеньемъ
„Возможно мнѣ почтить боговъ!"...
Схвативъ фіалъ, онъ къ храму поспѣшаетъ,
Свое созданье посвящаетъ,

Считаю нелишнимъ заключить мое сообщеніе письмомъ князя А. И. Одоевскаго изъ Сибири къ своей теткѣ. Письмо это не вошло въ изданіе барона Розена, а приводимые въ немъ стихи на смерть Д. В. Веневитинова отличаются отъ тѣхъ, которые извѣстны въ печати.

Le 17 juillet 1836. Irkoutsk.

Chère et aimable tante,

Vous m'avez fait éprouver un saisissement de plaisir indicible. En ouvrant votre charmante lettre, j'y ai trouvé un billet et j'ai d'abord reconnu une main amie, celle d'une personne, dont le souvenir m'est précieux à plus d'un titre. Mon père m'avait bien donné des nouvelles du comte Georges [1]), mais ce qui me manquait, c'étaient les détails sur les évenements de sa vie pendant les dix années qui viennent de s'écouler et depuis qu'un abîme nous a séparé pour toujours. Je lui suis très-obligé pour son esquisse autographique. Les expressions affectueuses, qu'il voue à la memoire de ma mère chérie, m'ont touché profondément. Cette angélique mère! Je ne puis jamais penser à elle sans me sentir tout ému. Que de vertus domestiques, sublimes par leur abnégation de tous les jours et de toutes les heures, passent presqu'inapperçues sur cette terre, tandis que des élans de pure ostentantion brillent de tout l'éclat du souvenir!—Le comte Georges est du petit nombre de ceux, qui ont connu ma bonne et délicieuse maman et qui se souviennent encore d'elle après quinze années révolues. C'est un chaînon de plus qui me rattache à cet ami de mon adolescence. En général son billet

---

И богъ, почтенный имъ, склоняется съ привѣтомъ
Надъ жертвой дорогой, плодомъ его трудовъ.
Идетъ во храмъ толпа, любуется предметомъ
Искусства и въ него кладетъ свои дары:
Утѣхи чистыя младенческой поры
И звонкій смѣхъ забавъ и наслажденій.
Мечта въ него вперяетъ долгій взглядъ
Изъ подъ тумана сновидѣній;
Лучи того огня, которымъ свѣтитъ геній,
На немъ искрятся и горятъ...
Но все исполнено, и грозными шагами
Смерть близится, стучащая костями.
И передъ ней со страхомъ все бѣжитъ.
Пустѣетъ храмъ.... Безжалостной косою
Все разрушается—и, жертвою святою
Наполненный, фіалъ могилою сокрытъ.

[1]) Comte Georges, т. е. графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій, товарищъ князя А. И. Одоевскаго по службѣ въ л.-гв. конномъ полку, въ началѣ 30-хъ годовъ женился на родной сестрѣ Дмитрія Владимировича Веневитинова. Графъ Е. Е. отличался своею начитанностью, образованностью и долгое время служилъ впослѣдствіи цензоромъ въ комитетѣ иностранной цензуры подъ начальствомъ Ѳ. И. Тютчева.

a reveillé en moi une foule de souvenirs doux et tristes. En m'annonçant qu'il avait épousé la soeur du poète Веневитиновъ, il m'a fait penser à ce charmant jeune homme, a ce beau-frère qu'il n'a peut-être pas connu lui même. C'est à un grand bal de Степанъ Степановичъ Апраксинъ que je l'ai rencontré la première et la seule fois que je l'ai vu, au beau milieu d'un cotillon composé de la manière la plus grotesque; il lui fallait faire un choix entre trois divinités qui n'avaient de jeune que leur mise, et qui pour se donner un air éveillé, secouaient prétentieusement les bandelettes d'or et de soie de leurs turbans diaprés. Son maintien décélait bien le noviciat du grand monde; mais une figure tout-à-fait distinguée, ce qui est bien plus rare que l'élégance des manières, un sourire plein de mélancolie auquel il essayait de donner une teinte d'ironie légère pour en pallier l'in-à-propos, me firent sentir qu'il n'était ni de ce bal, ni de ce monde. Je demandais son nom à une Zizi du siècle passé avec qui je dansais. „C'est un joli poète", me répondit-elle avec indolence, „peintre et musicien en même temps". Bientôt on me fit lire ses vers où il y avait non des perceptions poétiques, des élans d'une ame jeune et impressionable, comme dans ceux de Бенедиктовъ, mais un sentiment profond qu'on rencontre si rarement dans les poésies russes. Trois ans plus tard j'appris la mort du poète; et ignorant encore que les amis préparaient une édition de ses oeuvres, j'improvisais à peu près ce qui suit:

Всѣ впечатлѣнья въ звукъ, и въ цвѣтъ,
И въ слово стройное тѣснились:
И Музы юношей гордились
И говорили: онъ—поэтъ!
Но только первую страницу
Завѣтной книги онъ прочелъ,
И вѣчный сонъ затмилъ зеницу,
Гдѣ міръ такъ нѣжно, пышно цвѣлъ:
И замеръ вздохъ задумчивой печали
Съ вопросомъ жизни на устахъ.
Зачѣмъ же струны такъ дрожали?
Чего онѣ не дозвучали,
Онъ допоетъ на небесахъ!
Но на землѣ, гдѣ въ яркій пламень
Огня души онъ не излилъ,
Онъ умеръ весь, и грубый камень.
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ.
На охладѣвшій черепъ ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ.
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира
И не успѣлъ онъ въ ясный звукъ
Излить его душой разгаданнаго міра.

Pardon pour ces vers, qui sont du moins un témoignage du profond intérêt que m'avait inspiré le jeune poète, dont le souvenir s'allie à présent à celui du comte Georges. Remerciez le bien pour les livres qu'il m'a en-

voyées; je regrette qu'ils aient beaucoup souffert du voyage. Victor Jaquemont est en lambeaux ainsi que S-te Beuve et Крыловъ. Je suis très-curieux de lire Menzel, mais c'est d'Ichime que je vous enverrai une petite note que je vous supplierai de remettre au comte Georges et où je marquerai tout ce qu'il me faut: je connais sa bonne amitié pour moi et je suis sûr que cela lui fera plaisir, si je m'adresse à lui sans biais et que je remplisse ainsi le désir, qu'il m'en a témoigné.

Merci, bien merci, bonne et chère et aimable tante, pour votre dernière lettre du 19 Mai, que je viens de recevoir dans ce moment même. Que ne vous dois-je pas pour l'affection inaltérable, que vous me portez? Je vais remplir le désir que vous me témoignez dans votre lettre et prendre la plume pour écrire à ma cousine la princesse de Varsovie; je l'eusse fait depuis longtemps si je n'avais appréhendé que mon souvenir ne fût importun à force d'amertume. C'est aussi pourquoi je vous écris si rarement à vous même, ma tante bien aimée.

Je suis profondément reconnaissant à notre gracieux Souverain, dont la magnanimité me rapproche de vous de toute une moitié de l'éspace qui nous sépare *). Mon excellent père doit être tout heureux. Je vous prie de vous charger de mes hommages pour c. G. et de mille choses tendres et affectueuses pour mes cousins et cousines.

Alexandre Odoieffsky.

17-го Іюля 1836. Иркутскъ.

Переводъ. Дорогая и любезная тетушка. Вы заставили меня испытать невыразимое чувство удовольствія: раскрывая ваше милое письмо, я нашелъ въ немъ записку и тотчасъ же узналъ въ ней дружескій почеркъ лица, память котораго мнѣ особенно дорога. Хотя о графѣ Е. Е. я имѣлъ извѣстія чрезъ моего отца, но мнѣ не доставало подробностей о его житьѣ-бытьѣ въ теченіе протекшихъ десяти лѣтъ и съ тѣхъ поръ какъ мы навсегда раздѣлились пропастью. Я ему очень обязанъ за его собственноручный очеркъ; меня глубоко тронули тѣ выраженія его сочувствія, которыя онъ посвящаетъ памяти моей драгоцѣнной матери. Ангельская матушка! Я никогда не могу думать о ней безъ глубокаго волненія. Сколько семейныхъ добродѣтелей, высокихъ по ихъ ежедневному, ежечасному самоотверженію, изчезаютъ почти незамѣтно на этой землѣ, между тѣмъ какъ стремленія чисто показныя сіяютъ въ полномъ блескѣ воспоминанія? Графъ Е. Е. принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, кто зналъ мою добрую и прелестную матушку и кто еще помнитъ о ней спустя цѣлыя пятнадцать лѣтъ. Это еще одно звѣно, связывающее меня съ этимъ другомъ моей юности. Вообще его записка возбудила во мнѣ цѣлый рой сладкихъ и грустныхъ воспоминаній. Объявляя о томъ, что онъ женился на сестрѣ поэта Веневитинова, онъ напомнилъ мнѣ объ этомъ прелестномъ юношѣ, объ этомъ своемъ зятѣ, котораго, быть можетъ, онъ даже и не зналъ. Пер-

---

*) Къ этому времени относится переводъ кн. А. И. Одоевскаго изъ Сибири рядовымъ на Кавказъ, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько времени былъ убитъ въ сраженіи.

вый и единственный разъ, когда я его встрѣтилъ, это было на балѣ у Степана Степановича Апраксина, въ вихрѣ котильона, самымъ забавнымъ образомъ составленнаго: онъ долженъ былъ дѣлать выборъ между тремя богинями, свѣжими лишь въ своихъ нарядахъ и которыя для приданія себя молодости съ причудами потряхивали золотыми и шелковыми привѣсками къ своимъ пестрымъ тюрбанамъ. Недавнее вступленіе въ высшій свѣтъ выдавалось его внѣшностью; но вполнѣ благообразное лицо (что гораздо труднѣе встрѣтить, чѣмъ изящество въ манерахъ) и полная грусти улыбка, которой неумѣстность онъ старался скрыть подъ легкимъ оттѣнкомъ проніи, все это дало мнѣ почувствовать, что онъ былъ далекъ и отъ этого бала, и отъ этого міра. Я спросилъ его имя у одной изъ Зпзп прошлаго столѣтія, съ которой танцовалъ. „Это премилый поэтъ", небрежно отвѣчала она,—„и вмѣстѣ съ тѣмъ художникъ въ живописи и въ музыкѣ". Вскорѣ послѣ того мнѣ дали прочесть его стихи, въ которыхъ замѣчались не только поэтическія мысли въ соединеніи съ порывами юной впечатлительности, какъ у Бенедиктова, но и глубокое чувство, столь рѣдко встрѣчаемое въ Русскихъ стихотвореніяхъ. Три года спустя я узналъ о смерти поэта. Я не подозрѣвалъ, что друзьями его приготовляется изданіе его сочиненій: и тогда вотъ что, приблизительно, вылилось изъ-подъ моего пера. . . .

Прошу прощенія за эти стихи, показывающіе однако глубокое сочувствіе мое къ молодому поэту, память о которомъ связана теперь съ графомъ Е. Е. Очень благодарите его за присланныя мнѣ книги. Я очень жалѣю, что они сильно пострадали въ дорогѣ. Викторъ-Жакмонъ въ клочкахъ, также какъ Сентъ-Бёвъ и Крыловъ. Мнѣ очень любопытно прочесть Менцеля, но только изъ Ишима я могу послать вамъ небольшой списокъ, который попрошу передать графу Е. Е. и гдѣ отмѣчу все, что мнѣ нужно. Я знаю его добрую пріязнь и увѣренъ, что доставлю ему удовольствіе, прямо обращаясь къ нему и исполняя тѣмъ его собственное желаніе.

Очень, очень благодарю васъ, добрѣйшая, дорогая и любезная тетушка. за ваше послѣднее письмо отъ 19-го Мая, которое только что сейчасъ я получилъ. Не знаю, чѣмъ могу отплатить вамъ за ваши неизмѣнныя ко мнѣ чувства. Я исполню высказанное вами въ вашемъ письмѣ желаніе и возьмусь за перо, чтобы написать двоюродной моей сестрѣ, княгинѣ Варшавской; я давно бы это сдѣлалъ, еслибы не боялся докучливой горечи, связанной съ памятью обо мнѣ. Вотъ почему и къ вамъ я пишу такъ рѣдко, многолюбимая тетушка.

Я глубоко признателенъ нашему милостивому Государю, котораго великодушіе приближаетъ меня къ вамъ на цѣлую половину раздѣляющаго насъ пространства. Я воображаю себѣ радость моего дорогаго отца. Прошу васъ передать мое почтеніе графу Е. Е. и мой нѣжный и искренній привѣтъ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ.

Александръ Одоевскій.

*

Какъ это письмо, такъ и стихи княгини Волконской, надѣюсь, служатъ подтвержденіемъ тому представленію о рано погибшемъ поэтѣ, установить которое старался я въ настоящей замѣткѣ.

М. Веневитиновъ.

Москва
21-го Ноября 1884 г.

*

СТИХИ А. Н. МУРАВЬЕВА.

Было уже неоднократно разсказано, какъ, на вечерѣ у княгини Зинаиды Волконской (домъ ея на Тверской, близъ Тверскихъ воротъ, нынѣ Малькіеля), великорослый А. Н. Муравьевъ, желая покрасоваться, опрокинулъ и разбилъ стоявшаго въ бальной залѣ Аполлона Бельведерскаго и тѣмъ вызвалъ великолѣпные стихи Пушкина, съ которымъ онъ собирался драться на поединкѣ и былъ удержанъ замѣчаніемъ Хомякова, увѣрявшаго, что въ такомъ случаѣ Пушкинъ скажетъ: „Сбылось слово гадальщицы! Умираю въ одно время и отъ бѣлаго человѣка, и отъ бѣлой скотины!“ Но немногимъ извѣстно, что Муравьевъ самъ написалъ на этотъ случай стихи. Они сохранились у сына княгини Волконской, князя Александра Никитича (1811+1878), который нѣкогда и сообщилъ ихъ намъ.

О Аполлонъ! Поклонникъ твой
Хотѣлъ помѣриться съ тобой,
Но оступился и упалъ.
Ты горделивца наказалъ,
Хотя пожертвовалъ рукой,
Чтобы остался онъ съ ногой.

Эту импровизацію Муравьевъ написалъ на груди гипсоваго Аполлона, у котораго онъ отбилъ руку. П. Б.

ПИСЬМО ГРАФА БЕНКЕНДОРФА КЪ МОСКОВСКОМУ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ КНЯЗЮ Д. В. ГОЛИЦЫНУ О ЧАДАЕВѢ.

Милостивый государь, князь Дмитрій Владимировичъ!

Въ послѣднемъ № 15 журнала Телескопъ помѣщена статья подъ названіемъ Философическія Письма, коей сочинитель есть живущій въ Москвѣ г. Чеодаевъ. Статья сія, конечно уже вашему сіятельству извѣстная, возбудила въ жителяхъ Московскихъ всеобщее удивленіе. Въ ней говорится о Россіи, о народѣ Русскомъ, его понятіяхъ, вѣрѣ и исторіи съ такимъ презрѣніемъ, что непонятно даже, какимъ образомъ Русскій могъ унизить себя до такой степени, чтобъ нѣчто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающіеся чистымъ здравымъ смысломъ и будучи преисполнены чувствомъ достоинства Русскаго народа, тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный

свой разсудокъ, и потому, какъ дошли сюда слухи, не только не обратили своего негодованія противъ г. Чеодаева, но напротивъ изъявляютъ искреннее сожалѣніе свое о постигшемъ его разстройствѣ ума, которое одно могло быть причиною написанія подобныхъ нелѣпостей. Здѣсь получены свѣдѣнія, что чувство состраданія о несчастномъ положеніи г. Чеодаева единодушно раздѣляется всею Московскою публикою. Вслѣдствіе сего Государю Императору угодно, чтобы ваше сіятельство, по долгу званія вашего, приняли надлежащія мѣры къ оказанію г. Чеодаеву возможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій. Его Величество повелѣваетъ, дабы вы поручили лѣченіе его искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать г. Чеодаева, и чтобъ сдѣлано было распоряженіе, дабы г. Чеодаевъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сыраго и холоднаго воздуха; однимъ словомъ, чтобъ были употреблены всѣ средства къ возстановленію его здоровья.

Государю Императору угодно, чтобы ваше сіятельство о положеніи Чеодаева каждомѣсячно доносили Его Величеству *).

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Графъ Бенкендорфъ.

С.-Петербургъ,
22 Октября 1836 года.

ТРИ НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА.

Письма эти хранятся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ С.-Петербургѣ (XVII, № 92) безъ обозначенія лица, которому адресованы. Повидимому, два первыя изъ нихъ писаны къ Русскому посланнику въ Вѣнѣ, князю Д. М. Голицыну, такъ какъ И. И. Шуваловъ, о которомъ въ нихъ упоминается, уѣхалъ въ Апрѣлѣ 1763 года изъ Петербурга и прожилъ лѣто и осень того года въ Вѣнѣ. Свѣдѣнія о Швейцарцѣ Пиктэ, бывшемъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ въ 1762—1763 гг., находятся въ моей статьѣ: Изъ исторіи Французской колоніи въ Петербургѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1883 г. Май) и въ предисловіи моемъ къ перепискѣ Екатерины съ Даламберомъ (Истор. Вѣстникъ 1884 г. № 4). Д. К.

---

*) Любопытно было бы взглянуть на эти невольныя произведенія офиціальной лжи. О Чадаевѣ и запрещеніи Телескопа см. подробное разъясненіе въ 4-мъ выпускѣ Русскаго Архива 1884 года. П. Б.

1.

Au château de Ferney, par Genève, 12 Auguste 1763.

Monsieur!

Je prends la liberté d'adresser à v. e. ce paquet qu'elle peut envoyer par la poste ou par ses courriers à S. M. I. votre auguste Souveraine. Je compte, si vous le trouvez bon, avoir l'honneur à vous adresser consécutivement trois autres paquets semblables. Je me flatte que v. e. voudra bien m'en donner la permission. Elle a du recevoir, il y a près d'un mois, des témoignages de mon respectueux attachement et une lettre pour m-r de Shouvalow avec une autre lettre pour m-r Pictet, lequel m'avait écrit de Moscou de la part de S. M. I. et à qui je faisais passer les témoignages de mon très-profond respect et de ma reconnaissance pour S. M. Je suppose que m-r de Shouvalow goûte encore, monsieur, la satisfaction d'être auprès de vous. J'envie toujours votre commun bonheur. S'il voyage plus loin, j'espère qu'il passera par nos hamaux. J'ose vous supplier, monsieur, de le faire souvenir de moy et de me conserver des bontés que je mérite par le sincère respect avec lequel j'aye l'honneur d'être de v. e., monsieur, le très-humble et trés-obéissant serviteur Voltaire.

Переводъ. Въ Фернейскомъ замкѣ, близъ Женевы, 12 Августа 1763. М. г. принимаю смѣлость направить къ вамъ этотъ пакетъ: ваше сіятельство можете послать его почтою или съ курьеромъ къ ея имп. в., вашей августѣйшей Государынѣ. Съ одобренія вашего я разсчитываю послѣдовательно направить къ вамъ три другіе подобные пакета. Льщу себя надеждою, что в. с. мнѣ это дозволите. Около мѣсяца назадъ, вы должны были получить изъявленія моей почтительной приверженности вмѣстѣ съ письмомъ на имя г-на Шувалова и другимъ, на имя г-на Пиктета, который писалъ ко мнѣ изъ Москвы по порученію ея величества и которому я передавалъ изъявленія глубочайшаго моего къ ней почтенія и признательности. Полагаю, м. г., что г-нъ Шуваловъ еще наслаждается удовольствіемъ быть съ вами. Я все завидую вашему общему благополучію. Если онъ поѣдетъ далѣе, то надѣюсь, что не минуетъ нашихъ деревушекъ. Смѣю просить васъ, м. г., напомнить ему про меня и сохранить мнѣ ваши милости; я заслуживаю ихъ искреннимъ почтеніемъ, съ которымъ имѣю честь быть, м. г., вашего сіятельства покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга Вольтеръ.

2.

25 Auguste 1763, à Ferney par Genève.

Monsieur!

Voicy le quatrième envoi que je prends la liberté de dépêcher à v. e. Le nom qui est sur mes paquets est mon excuse.

J'espère toujours que m-r de Schouvalow viendra dans nos hermitages: j'oublierai en le voyant ma faiblesse et mes maladies.

Je supplie v. e. de vouloir bien l'encourager à faire ce voyage. Daignez agréer le respect avec lequel je serai toute ma vie, monsieur, de v. e. le très-humble et très-obéissant serviteur Voltaire.

Переводъ. 25 Августа 1763, въ Фернеѣ, близъ Женевы. М. г. Вотъ четвертая посылка, которую принимаю смѣлость отправить къ вашему сіятельству. Имя, находящееся на моихъ пакетахъ, служитъ мнѣ извиненіемъ. Я все надѣюсь, что г. Шуваловъ навѣститъ наше уединеніе: увидѣвъ его, позабуду мою слабость и болѣзни. Умоляю ваше сіятельство, благоволите поощрить его къ этому путешествію. Примите уваженіе, съ которымъ остаюсь на всю мою жизнь, м. г., вашего сіятельства покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга Вольтеръ.

3.

Къ Екатеринѣ Второй

A Ferney par Genève, 21 Juin 1766.

Madame.

C'est maintenant vers l'étoile du Nord qu'il faut que tous les yeux se tournent. V. M. I. a trouvé un chemin vers la gloire inconnu avant elle à tous les autres souverains, aucun ne s'étant avisé de répandre des bienfaits à sept ou huit cent lieues de ses états. Vous êtes devenue réellement la bienfaitrice de l'Europe, et Vous avez acquis plus de sujets par la grandeur de Votre âme, que d'autres n'en peuvent conquérir par les armes.

Il y a peut-être de l'indicrétion à oser implorer la protection de V. M. pour les Sirven, après les bontés dont elle a comblé la famille Calas. Je scais ce que V. M. fait de grand et d'utile pour ses peuples; ce serait se rendre coupable envers eux que de vous supplier de détourner pour une malheureuse famille de Languedoc une partie de la source des biens que vous répandez en Russie. Je ne prends la liberté de vous écrire, Madame, que pour vous prier de modérer vos bontés; le moindre secours nous suffira; nous ne demandons que l'honneur de placer Votre auguste nom à la tête de ceux qui nous aident à ecraser le fanatisme et à rendre les hommes plus tolérants et plus humains.

J'ay une autre grâce à demander à V. M.: c'est de daigner permettre, que je communique le mémoire dont elle m'a honoré au sujet de cet évêque de Rostow, puni pour avoir imaginé qu'il y avait deux puissances *). Il n'y en a qu'une, Madame, et c'est celle qui est bienfaisante.

Je suis avec le plus profond respect et la plus vive reconnaissance,

Madame, de V. M. I. le très-humble et très-obéissant et très-obligé serviteur Voltaire *).

Переводъ. Въ Фернеѣ, близъ Женевы, 21 Іюня 1766. Государыня! Нынѣ всѣ очи должны обращаться къ звѣздѣ Сѣвера. Ваше императорское величество обрѣли путь къ славѣ, неизвѣстный до васъ всѣмъ другимъ государямъ: имъ не приходило на мысль разливать свои благодѣянія на семь или на восемь миль за предѣлами ихъ владѣній. Вы дѣйствительно сдѣлались благодѣтельницею Европы и величіемъ души своей пріобрѣли себѣ болѣе подданныхъ, чѣмъ другіе могутъ покорить ихъ себѣ оружіемъ. Можетъ быть, я нескроменъ, осмѣливаясь просить вашего покровительства Сирвенамъ, послѣ того какъ ваше величество осыпали вашими милостями семью Каласовъ. Зная, что великаго и полезнаго ваше величество дѣлаете для своихъ подданныхъ, я долженъ виниться передъ ними, умоляя отвлечь ручеекъ разливаемыхъ вами въ Россіи благодѣяній и направить его на несчастное семейство, живущее въ Лагендокѣ. Осмѣливаюсь, Государыня, просить васъ, чтобы вы умѣрили вашу доброту: намъ нужна малѣйшая помощь; мы просимъ только чести помѣстить августѣйшее ваше имя во главѣ тѣхъ, кто помогаетъ намъ сокрушать изувѣрство и обращать людей къ большей терпимости и человѣколюбію. Прошу еще другой милости у вашего величества: удостойте позволить мнѣ обнародованіе записки, которою вы меня почтили, касательно это Ростовскаго епископа, который наказанъ за то, что вообразилъ, будто существуютъ двѣ власти. Есть власть одна: это, Государыня, власть благодѣющая. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и живѣйшею признательностью, Государыня, вашего имп. в—ва покорнѣйшій, послушнѣйшій и обязаннѣйшій слуга Вольтеръ.

(Сообщилъ Д. Ѳ. Кобеко).

*

Сирвены, о которыхъ говорится въ этомъ письмѣ, намъ неизвѣстны. О Каласахъ же написаны цѣлыя книги, и дѣло ихъ занимало всю читавшую Европу, въ то время какъ Екатерина еще была великою княгинею и въ первые годы ея царствованія. Это дѣло вопіющее, для нашихъ дней едва возможное. Проживалъ въ Тулузѣ зажиточный и честный купецъ — протестантъ Каласъ съ женою и взрослыми дѣтьми. Одинъ изъ его сыновей, въ припадкѣ меланхоліи, повѣсился въ сараѣ. Мѣстные монахи не замедлили выдумать, будто несчастный не самъ лишилъ себя жизни, а былъ удавленъ, по приказанію отца, за приверженность къ католичеству. Трупъ былъ торжественно похороненъ, старикъ Каласъ, по приговору Тулузскаго парламента, колесованъ 9 Марта 1762 года, имѣніе его конфисковано, другой сынъ изгнанъ изъ Франціи, дочери посажены въ монастырь. Бѣжавшая въ Швейцарію вдова Каласа нашла себѣ заступника въ Вольтерѣ, который поднялъ тревогу и добился того, что, ровно черезъ три года, въ Мартѣ 1765 г., дѣло было пересмотрѣно, Каласы опредѣленіемъ Парижскаго парламента оправданы, и семейство ихъ получило отъ короля 30 тыс. ливровъ. П. Б.

---

*) Свѣдѣнія о дѣлѣ Арсенія Мацѣевича Императрица сообщила Вольтеру въ письмѣ 17—28 Ноября 1765 (изд. Бёшо, т. 62 № 4521 и примѣч. къ письму № 4580 въ 63 т.). Настоящее письмо неизвѣстно было издателямъ сочиненій Вольтера, а между тѣмъ безъ него непонятно письмо Императрицы отъ 29 Іюня 1766 г. (изд. Бёшо, т. 63, № 4687 или Сборн. Рус. Ист. Общ. X. 93), служащее отвѣтомъ на настоящее. Д. К.

ЛИСТОКЪ ИЗЪ АРХИВА СЕЛА ЗНАМЕНКИ.

(Письмо къ издателю).

На живописномъ берегу Матыры (Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи) красуется, какъ бы оазисъ среди необозримыхъ полей, село Знаменка. Здѣсь, подъ сѣнію старипнаго храма Знаменія Пресвятыя Богородицы, издревле процвѣтало благочестивое семейство Рахманиновыхъ. Для исторіи Русской гражданственности очень важны архивы запустѣлыхъ нынѣ дворянскихъ усадебъ, которыя разбросаны по лицу Русскаго царства и были нѣкогда центрами просвѣщенія и благотворительности. Справедливо сказалъ князь Вяземскій, обращаясь къ новѣйшимъ эманципаторамъ и реформаторамъ:

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать немудрено,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ стали вы смотрѣть въ окно.
Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ.
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ.

Эти мысли навѣялъ на меня посылаемый вамъ листокъ изъ деревенскаго архива, подаренный мнѣ Елисаветой Алексѣевной Рахманиновою, на память посѣщенія моего села Знаменки, — листокъ, который заключаетъ въ себѣ выписку изъ извѣстнаго сочиненія графа Ѳ. В. Ростопчина *Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ*, сдѣланную рукою прародительницы нынѣшняго поколѣнія Рахманиновыхъ, Маріею Даниловною Рахманиновою (изъ роду Жихаревыхъ), скончавшеюся 9 Марта 1813 года. Независимо отъ того, что въ прилагаемомъ листкѣ находимъ нѣкоторыя нелишенныя интереса разнорѣчія противъ печатнаго текста, а особенно при исчисленіи именъ, листокъ этотъ свидѣтельствуетъ, что и въ началѣ XIX вѣка, въ нашихъ деревняхъ, существовалъ еще древній пріемъ обогащенія себя познаніями посредствомъ списыванія изъ рукописей и книгъ съ нѣкоторою критикою, оцѣнкою и личными прибавленіями. Вотъ почему въ такихъ „списателяхъ“ М. А. Максимовичъ справедливо признавалъ не простыхъ писцовъ, а своего рода способниковъ просвѣщенія.

Николай Барсуковъ.

14 Октября 1884 г.
Сельцо Ивановка.

Господи помилуй! Да чего отцамъ и матерямъ хочется? Чего у насъ нѣтъ? Все есть и быть можетъ. Государь милосердый, дворянство щедрое, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Россія нѣсколько вѣковъ извѣстна. Какіе были въ ней и есть великіе люди! Воины: Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ, Румянцовъ, Орловъ и

Суворовъ; спасители Отечества—Пожарскій, Мининъ и Панинъ; спаситель отечества Еропкинъ; главы духовенства: Филаретъ, Ермогенъ и Прокоповичъ; министры: Бестужевъ, Воронцовъ, Панинъ, Чернышовъ, Шаховской, Остерманъ и прочіе; писатели: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Богдановичъ и прочіе. Всѣ они знали и знаютъ Французскій языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше Русскаго.

Господи помилуй! Мало этова, вотъ еще выслушайте, что́ такое Русь: Государь пожелалъ милицію, и явилась, да какая! Не 20 или 50, не осудите, 612 тысячъ: одѣта, обута, снаряжена и вооружена. А кто начальники? Кто чиновники? Русскіе дворяне, вѣрные слуги государскіе, вѣрные сыны Отечества съ грудью гордою, съ рукою сильною, потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили вѣрою и правдою подъ Казанью, подъ Полтавою, подъ каменною Москвою. Милліоны сыпались, всѣ вооружались и, отъ Ледянаго моря до Чернаго, отъ сердца и души закричали: Всѣ готовы, идемъ и побіемъ!

Господи помилуй! Что́ за Французы? Истинно копѣйки не стоятъ! И смотрѣть не на что и говорить не о чѣмъ. Стариковъ презираютъ и, бывъ ничто, все молодцы предорогіе. Только и думаютъ, какъ-бы ограбить, разорить, запутывать, растроивать и ослѣплять пустяками богачей безмозглыхъ. А старухи и молодыя тожъ сошли съ ума, бѣгутъ за мужъ за Французовъ, гнушаются Русскими, одѣты какъ мать наша Ева въ раю. Словомъ, все стало каша кашей. Охъ тяжело! Дай Богъ сто лѣтъ здравствовать Государю нашему! А жаль дубинки Петра Великаго: взять-бы ее хоть на недѣльку изъ кунстъкамеры, да выбить дурь изъ дураковъ. Господи помилуй! Согрѣшилъ грѣшный.

Господи помилуй! Все пофранцузски, все на ихъ манеръ. Пора уняться. Чего лучше быть Русскимъ? Право не стыдно нигдѣ показаться. Вишь что за люди къ намъ ѣздятъ и кому мы дѣтей своихъ ввѣряемъ! Только и смотримъ, чтобы только хорошо выговаривали, а въ протчемъ хоть иконы обдери. Ей Богу, стыдъ! Во всѣхъ земляхъ пофранцузски учатся для того, чтобы умѣть читать, писать и говорить внятно, а не для того, чтобы забыть и не разумѣть природнаго. Ну не смѣшно-ли нашему дворянству покажется, естлибы Русской языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ какъ Французскій у насъ, чтобы псарь Климка, поваръ Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму? А вотъ, съ позволенія сказать, это-то у насъ лѣтъ уже тридцать какъ завелось и, по несчастію, не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды!

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Филаретъ обыкновенно благословлялъ народъ послѣ каждой обѣдни, что иногда длилось около часу. Однажды, въ Троицынъ день, идетъ онъ благословляя изъ главнаго собора Троицкой Лавры. Вдругъ крикъ: „Тетка Арина! Иди скорѣе, удостойся, я подержу ручку“. Простолюдинка схватила руку митрополита и не выпускала ее до тѣхъ поръ, пока пріятельница ея протѣснилась и поцаловала исхудалую десницу. Филаретъ спокойно и улыбаясь не выдергивалъ руки.

*

На одномъ академическомъ испытаніи присутствовалъ митрополитъ Филаретъ. Вызванный студентъ живо излагалъ изъ исторіи философіи ученіе Спинозы, и видно было, что молодой человѣкъ относился къ философу съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Когда онъ кончилъ, владыка замѣтилъ: „Какое усиліе безсильнаго осилить силу!“

*

Изъ Петербурга прислана была Филарету какая-то новая награда. Московское духовенство и множество почитателей явились на Троицкое подворье поздравить митрополита. Выдя къ нимъ въ пріемную, Филаретъ ограничился слѣдующими словами: „Благодарю васъ, благодарите другъ друга, благодарите каждый самъ себя; благочестивѣйшій Государь конечно не наградилъ бы пастыря *злочестиваго* стада“, и за тѣмъ поклонился и немедленно ушелъ къ себѣ въ келью.

*

Виленскій губернаторъ Россетъ пріѣхалъ къ митрополиту Іосифу объявить ему о кончинѣ Николая Павловича. Престарѣлый Сѣмашко отъ огорченія плакалъ. Онъ находился въ сомнѣніи, какое направленіе приметъ новое царствованіе по отношенію къ его паствѣ. Когда его вызвали на коронацію, онъ писалъ въ Вильну одному изъ своихъ помощниковъ

(епископу Филарету позднѣе бывшему въ Нижнемъ), сообщая о милостивомъ пріемѣ Государя: Разскажите объ этомъ въ Вильнѣ. Однимъ будетъ пріятно, а другимъ полезно.

На коронацію ѣхалъ нунцій изъ Рима и прошелъ слухъ, что онъ заѣдетъ въ Вильну. Россетъ, увидавшись съ епископомъ Жилинскимъ, сказалъ ему: „Ну вотъ вамъ случай довести до свѣдѣнія папы то что вы сами мнѣ часто говорили, а именно, что въ Европѣ распускаются совершенно ложныя извѣстія про отношенія Русскаго правительства къ католикамъ“.

*

Императоръ Николай Павловичъ сказалъ однажды Остзейскимъ баронамъ: Sprechen Sie deutsch, aber meinen Sie russisch.

*

Въ одномъ журналѣ 1827 года встрѣтилось намъ слѣдующее стихотвореніе:

Сорока и Василекъ.

Сорока какъ-то въ лѣсъ дремучій заскакала.
И, видя тамъ цвѣтокъ, съ насмѣшкою сказала:
„Что дѣлаешь ты тутъ, забытъ и одинокъ“?
—Учусь молчать, промолвилъ Василекъ.

А. Елагина.

Это, кажется, единственное произведеніе покойной Авдотьи Петровны Елагиной, появившееся въ печати съ *ея именемъ*, но конечно безъ ея вѣдома.

*

Стихи археолога А. Ѳ. Вельтмача къ одной дамѣ.

Въ васъ много чувства и огня,
Вы очень живы, очень милы;
Но въ отношеніи меня
Въ васъ отрицательныя силы.

—

Вы свѣтъ, а я похожъ на тьму;
Вы веселы, а я печаленъ;
Вы паралельны ко всему,
А я, напротивъ, вертикаленъ.

*

Бодянскій съ Гоголемъ распѣвали у Аксаковыхъ Малороссійскія пѣсни. Бодянскій вздумалъ перевести по-латини извѣстные стихи:

И шуме, и гуде,
Дрибенъ дожчикъ иде;
А кто жъ мене молоденьку
Ажъ до дому проведе?
Обизвався козакъ
На солодкомъ меду и т. д.

*

Вотъ начало этого перевода. Стихи выкрикалъ Бодянскій съ прилансываньемъ, что при его фигурѣ выходило особенно смѣшно:

Et tonat, et bromat,
Coelum pluvium dat.
Quis me, quis me juventulam
Usque domum reducat?
Respondebit ei miles,
Dulcem melem bibens.

*

М. Ѳ. Орловъ писалъ изъ Москвы, 18 Апрѣля 1834 г., къ одному пріятелю-стихотворцу въ Петербургъ:

„Стихи ваши новые мнѣ до смерти надоѣли, и твои, и Пушкина, и Жуковскаго, кромѣ нѣкоторыхъ страницъ „Тасса“ Кукольника и „Дмитрія Самозванца“ Хомякова:

Но вѣдай, панъ, что ни ему, ни вамъ,
Ни всѣмъ царямъ, изъ страха иль любови,
Не уступлю ни пяди на землѣ,
Ни пня въ лѣсу, ни кочки въ Русскомъ полѣ,
Ниже полслова въ титулѣ моемъ.

„Пишите такъ, господа стихотворцы, и я назову васъ поэтами“.

*

Въ одномъ Московскомъ кружкѣ, извѣстный каламбуристъ и острякъ Николай Михайловичъ Пановскій разсказывалъ какое-то неправдоподобное происшествіе, и увѣрялъ, что былъ его свидѣтелемъ. Николай Филипповичъ Павловъ, желая вывести изъ неловкаго положенія какъ недоумѣвавшихъ слушателей, такъ и самаго зарвавшагося разсказчика, сказалъ съ серьезно-комическимъ видомъ:

„Николай Михайловичъ, по видимому, нѣсколько спуталъ обстоятельства дѣла, потому что онъ самъ въ дѣйствительности чрезвычайно древенъ. Я знаю за достовѣрное, что когда случилось всѣмъ извѣстное историческое событіе—убійство Каиномъ Авеля, то при судебно-полицейскомъ разбирательствѣ Николай Михайловичъ былъ понятымъ“.

— Вы конечно должны это знать, мгновенно подхватилъ Пановскій, потому что также находились при этомъ дѣлѣ. Та разница между нами, что я, положимъ, былъ тогда понятымъ, а вы, Николай Филиппович, и до сихъ поръ, остаетесь *непонятымъ*.

СТИХИ Н. Ф. ПАВЛОВА

во время заключенія за долги.

(1852).

Онъ вытерпѣлъ всю горечь срама,
Насмѣшекъ, по міру трезвонъ,
И, посидѣвъ въ заклепахъ Гама,
Сѣлъ на Французскій тронъ.

*

Теперь народа онъ избранникъ,
И тѣломъ и душой хорошъ;
Онъ Божій Франціи посланникъ,
Предъ нимъ во прахъ Барошъ!

*

Теперь, по чудной волѣ неба,
Онъ всей Россіи очень милъ;
Онъ даже герцогиню Теба
Въ порфиру нарядилъ.

*

Зачѣмъ же я не въ этой славѣ,
Зачѣмъ мнѣ счастіе не то?
Сижу въ Ремесленной Управѣ
Богъ вѣдаетъ за что?

*

Сказалъ ты, Нѣмецъ, очень круто,
Но правду уловилъ съ небесъ:
Нѣтъ истины, нѣтъ абсолюта,
А только есть процессъ!

ОРЕЛЪ СЪ ЕГО УѢЗДАМИ.

или

ЛЕЛЬКИНЪ ПЛАЧЪ.

Exercice de Mnémonique, méthode Odoewski.

(Упражненіе для памяти, по способу князя Одоевскаго).

Шуточное стихотвореніе С. А. Соболевскаго.

Для объясненія этой шутки нужно сказать, что одинъ пріятель стараго Москвича Соболевскаго получилъ въ Орлѣ должность и перебрался туда на казенную квартиру съ женою и дочерьми, изъ которыхъ одну, Елену, звали обыкновенно Лёлькой. Эта дѣвочка, лѣтъ 8-ми, была любимицей Соболевскаго; онъ прозвалъ ее своею женою и увѣрялъ, будто она его ревнуетъ къ одной особѣ, которая имѣла помѣстье въ Орловской губерніи и про которую въ другихъ его стихахъ сказано, что

„Рай земной на рубежѣ
Уѣзда Дмитровскаго съ Сѣвскимъ“.

Въ заглавіи мимоходомъ задѣтъ другой пріятель, князь В. Ѳ. Одоевскій, постоянный изобрѣтатель разныхъ методовъ и хитрыхъ упражненій. Ревнивая жена Лёлька жалуется на мужа своимъ родителямъ.

Ахъ папаша, ахъ мамаша!
Съ мужемъ что̀ у насъ за каша!!

Какъ-то рѣчь я завела,
Что милѣе нѣтъ Орла.

Ну какъ взъѣстся мой Сережа!
Говоритъ: „Ты Лелька—рожа *)!

---

*) Любимая нѣжность супруга. *Примѣчаніе автора.*

„Хоть стоитъ онъ надъ Окой
„Вашъ Орелъ, такой-сякой,—

„Брянскъ, Малоархангельскъ, Ливны
„И Карачевъ мнѣ противны.

„Пресловутый вашъ Елецъ
„Мерзокъ изъ конца въ конецъ

„Мценскъ вашъ, Болховъ, да и Кромы
„Мнѣ по гадостямъ знакомы.

„Точно также, какъ Трубчевскъ.
„Сносны только Дмитровскъ, Сѣвскъ...

— На уѣздъ все метитъ Сѣвскій
Муженёкъ мой Соболевскій!...

Знать попался онъ, пострѣлъ.
Тамъ въ амурный передѣлъ!!

Да не жить ему въ немъ! Съ Лёлькой
Жить въ Орлѣ ему—и только.

У папа казенный домъ:
Не платить намъ за наемъ.

Ахъ папаша, ахъ мамаша!
Съ мужемъ что у нашъ за каша!!

Елена Соболевская. урожденная

14 Ноября 1869.

Книги, продающіяся въ Конторѣ Русскаго Архива.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ. Воспоминанія А. Л. Зиссермана. Спб. 1879. Двѣ части. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. М. 1885. 360 стр. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 25 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique. Moscou et St-Petersbourg. 1813—1819. (Историческая переписка Кристина и княжны Туркестановой между Москвою и Петербургомъ). Три тома. Цѣна 5 р. съ пер.

JOURNAL tenu par la princesse Tourkestanow (1818) et LETTRES de Chistin à une dame de sa connaissance 1830—1831. (Журналъ княжны Туркестановой и письма Кристина къ знакомой дамѣ). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

ЗАПИСКИ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА. Полное изданіе безъ пропусковъ. М. 1867. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Записки М. А. Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ. М. 1873. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА. 3-е изданіе. М. 1881. Цѣна 30 к., съ перес. 35 коп.

СТИХОТВОРЕНІЯ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА. Новое изданіе, значительно дополненное. М. 1883. Цѣна 50 к., съ перес. 55 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО. Первое общедоступное изданіе. М. 1885. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 55 к.

А. С. ПУШКИНЪ. Сборникъ его бумагъ, біографическихъ и другихъ свѣдѣній о немъ, издаваемый „Русскимъ Архивомъ.“ Два выпуска. Цѣна каждому по 1 р., съ перес. по 1 р. 15 к.

Приводится содержаніе втораго выпуска:

1) А. С. Пушкинъ (1816—1837) Статья князя П. П. Вяземскаго.—2) А. С. Пушкинъ и С. С. Хлюстинъ, ихъ переписка накануне несостоявшагося поединка.—3) Письмо А. С. Пушкина къ П. Я. Чадаеву по поводу его „Философическихъ Писемъ“. — 4) Изъ записной книжки Зеленецкаго о Пушкинѣ въ Одессѣ.—5) Изъ рукописей А. С. Пушкина.— 1. Письмо передъ высылкою изъ Одессы.— 2. Письмо по пріѣздѣ въ ссылку.—3. Письмо изъ ссылки Александру Павловичу.—4. Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ.—5. Письмо къ Н. В. Всеволожскому.—6. Наброски въ стихахъ.—7. Критическіе отрывки.—6) Переписка А. С. Пушкина къ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ.—7) О нападеніяхъ на Пушкина. Статья князя В. Ѳ. Одоевскаго.—8) Письмо А. Г. Родзянки къ А. С. Пушкину.—9) Письма Ѳ. А. Туманскаго къ А. С. Пушкину.—10) А. С. Пушкинъ и И. Е. Великопольскій. Ихъ переписка со стихами.—11) Разсказъ Кавказскаго ветерана о Пушкинѣ.—12) Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. — 13) Экспромтъ Пушкина про пьяницу-прикащика.—14) Два автографа Пушкина. Статья М. Н. Лонгинова.—15) Стихи Пушкина на памятникъ одному генералу.—16) Мицкевичъ о Пушкинѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго.—17) О кончинѣ А. С. Пушкина. Записка В. И. Даля.—18) Рѣчи на юбилейномъ Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ 7 Іюня 1881 года:—а) И. С. Аксакова.—б) Издателя Русскаго Архива.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1885 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ съ портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

2.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ А. О. Дюгамеля.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ.

1885.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, Москва, Ермолаевская Садовая, въ домѣ № 175-мъ продаются слѣдующія книги:

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ. Воспоминанія А. Л. Зиссермана. Спб. 1879. Двѣ части. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. М. 1885. 360 стр. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 25 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique. Moscou et St-Petersbourg. 1813—1819. (Историческая переписка Кристина и княжны Туркестановой между Москвою и Петербургомъ). Три тома. Цѣна 5 р. съ пер.

JOURNAL tenu par la princesse Tourkestanow (1818) et LETTRES de Chistin à une dame de sa connaissance 1830—1831. (Журналъ княжны Туркестановой и письма Кристина къ знакомой дамѣ). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

ЗАПИСКИ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА. Полное изданіе безъ пропусковъ. М. 1867. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Записки М. А. Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ. М. 1873. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА. 3-е изданіе. М. 1881. Цѣна 30 к., съ перес. 35 коп.

СТИХОТВОРЕНІЯ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА. Новое изданіе, значительно дополненное. М. 1883. Цѣна 50 к., съ перес. 55 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО. Первое общедоступное изданіе. М. 1885. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 55 к.

А. С. ПУШКИНЪ. Сборникъ его бумагъ, біографическихъ и другихъ свѣдѣній о немъ, издаваемый „Русскимъ Архивомъ." Два выпуска. Цѣна каждому по 1 р., съ перес. по 1 р. 15 к.

Приводится содержаніе втораго выпуска:

1) А. С. Пушкинъ (1816—1837) Статья князя П. П. Вяземскаго.—2) А. С. Пушкинъ и С. С. Хлюстинъ, ихъ переписка наканунѣ несостоявшагося поединка.—3) Письмо А. С. Пушкина къ П. Я. Чадаеву по поводу его „Философическихъ Писемъ". — 4) Изъ записной книжки Зеленецкаго о Пушкинѣ въ Одессѣ.—5) Изъ рукописей А. С. Пушкина.— 1. Письмо передъ высылкою изъ Одессы.— 2. Письмо по пріѣздѣ въ ссылку.—3. Письмо изъ ссылки Александру Павловичу.—4. Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ.—5. Письмо къ Н. В. Всеволожскому.—6. Наброски въ стихахъ.—7. Критическіе отрывки.—6) Переписка А. С. Пушкина къ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ.—7) О нападеніяхъ на Пушкина. Статья князя В. Ѳ. Одоевскаго.—8) Письмо А. Г. Родзянки къ А. С. Пушкину.—9) Письма Ѳ. А. Туманскаго къ А. С. Пушкину.—10) А. С. Пушкинъ и И. Е. Великопольскій. Ихъ переписка со стихами.—11) Разсказъ Кавказскаго ветерана о Пушкинѣ.—12) Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. — 13) Экспромитъ Пушкина про пьяницу-приказщика.—14) Два автографа Пушкина. Статья М. Н. Лонгинова.—15) Стихи Пушкина на памятникъ одному генералу.—16) Мицкевичъ о Пушкинѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго.—17) О кончинѣ А. С. Пушкина. Записка В. И. Даля.—18) Рѣчи на юбилейномъ Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ 7 Іюня 1881 года:—а) И. С. Аксакова.—б) Издателя Русскаго Архива.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА АНТОНОВСКАГО [1]).

(Начаты въ 1806 году).

Михаилъ Антоновскій родился въ 1759 г., Сентября 30-го дня, въ Малой Россіи, въ мѣстечкѣ Борзнѣ, отъ родителей, какъ со стороны отца, такъ и матери, самаго древняго, благороднѣйшаго происхожденія; ибо мать его роду древняго рыцарскаго Рубановыхъ, извѣстныхъ въ Малороссійской напечатанной исторіи по своимъ знаменитымъ военнымъ и гражданскимъ дѣяніямъ и посольствамъ отъ Малороссійской республики въ половинѣ XVII вѣка къ разнымъ коронованнымъ особамъ.

Отецъ же его изъ роду самой древней рыцарской и помѣщичьей фамиліи, изъ коей послѣ дворяне Французскіе произошли съ прозваніемъ графовъ де-Ланжеронъ, изъ коей меньшій братъ Филиппа графа де-Ланжерона, въ 1649 году по господствовавшему тогда еще рыцарскому обычаю, Жофроа Андрольтъ [2]), для прославленія себя геройскими подвигами, прибылъ въ Польшу (яко обуреваемую тогда внутреннею и внѣшнею войною и притомъ единовѣрную ему), гдѣ и былъ отъ короля Іоанна Казиміра V-го принятъ въ службу надворнымъ маршаломъ (въ уваженіе доброй пріязни сего короля къ нему во время бытности во Франціи), а послѣ вскорѣ переименованъ главноначальствующимъ предводителемъ надъ всѣмъ регулярнымъ бывшимъ на жалованіи республики Польской Нѣмецкимъ и другимъ иностраннымъ воинствомъ. Будучи въ семъ званіи повелителя сильнаго ополченія искусныхъ воиновъ, оказалъ онъ съ нимъ республикѣ Польской весь-

---

[1]) Да не отвратитъ читателя отъ этихъ Записокъ тяжелый и крутой слогъ, которымъ онѣ писаны: въ нихъ много любопытныхъ и важныхъ указаній для исторіи Русскаго просвѣщенія. П. Б.

[2]) Любопытно, что воспитанникъ нашего славнаго генерала графа Ланжерона (Θедоръ Александровичъ, зять А. Н. Оленина) получилъ фамильное имя Андро. П. Б.

ма важныя услуги воинскими подвигами противъ нападавшихъ со всѣхъ сторонъ тогдашнихъ непріятелей ея, какъ-то Шведовъ, князя Трансильванскаго Рагоція, казаковъ Малороссійскихъ или паче республики тогдашней Малороссійской, Татаръ, Турковъ и Россіянъ. За таковыя полезныя Польшѣ службы вышесказанный король Іоаннъ Казиміръ V-й, по представленію отъ государственныхъ чиновъ Польскихъ, объявилъ его Жофроа Андрольта на всеобщемъ сеймѣ (1658 года бывшемъ) гражданиномъ Польской республики, соотечественникомъ, и назначилъ ему за оныя службы, по представленію того же всеобщаго сейма, выморочное имѣніе знатнаго рыцарскаго роду Антоно́вичей, состоявшее изъ тогдашняго воеводства Мельницкаго и староства или княжества Троковскаго въ его Андрольтово потомственное владѣніе.

Также опредѣлено на всеобщемъ Польскомъ сеймѣ ему, Андрольту, тогда уже больше не именоваться Андрольтомъ, ниже графомъ Ланжерономъ, но Антоно́вичемъ, воеводою Мельницкимъ и старостою или княземъ (что̀ все равно на Славянскомъ языкѣ) Троковскимъ.

Когда же король Польскій Іоаннъ Казиміръ V-й, бывши преогорченъ безпокойнымъ духомъ вельможъ Польскихъ и соскуча безпрерывною внутреннею и внѣшнею войною, отказался отъ короны Польской и сложилъ съ себя достоинство королевское, то искренній другъ его (каковыхъ цари или весьма рѣдко или никогда не имѣютъ) Жофроа Андрольтъ (тогда уже Антоно́вичъ) сталъ быть тѣснимъ отъ вельможъ Польскихъ, не взирая ни на достоинства его, засвидѣтельствованныя постановленіями всеобщаго сейма, ни на заслуги отчизнѣ ихъ, потому наиболѣе завиствовавшихъ сему Антоно̀вичу, до того, что онъ принужденъ въ скоромъ времени уклониться въ Малую Россію, гдѣ съ радостнымъ восхищеніемъ и былъ отъ гетмана, какъ и отъ старѣйшинъ сего народа, принятъ гражданиномъ, яко любимецъ всегда впрочемъ уважаемаго отъ нихъ сказаннаго короля Польскаго Іоанна Казиміра V-го.

А какъ извѣстно было Антоно̀вичу сему, что Малороссіяне, бывъ преогорчены насиліемъ Поляковъ и принужденіемъ ихъ къ принятію католицизма, не терпѣли въ сословіи своемъ никакого Римскаго исповѣданія человѣка, католика (омерзительнаго для нихъ по ихъ тогдашнему чувствованію), то посему онъ Антоно́вичъ, желая наиболѣе воспользоваться ихъ, Малороссіянъ, хорошимъ къ нему расположеніемъ, и принялъ на себя торжественно по обряду Греко-Россійской церкви исповѣданіе оной христіанскаго закона, какъ и самое имя любезнаго имъ тогда короля Польскаго, часто помянутаго Іоанна V-го. А сіе и доставило уже гетману и главнымъ старѣйшинамъ Малороссійскимъ

вожделѣнный способъ ввѣрить ему Антоновичу надъ отборнѣйшею пѣхотою и артиллеріею Малороссійскихъ казаковъ (состоявшею въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ людей) главное начальство.

А дабы болѣе еще учинить сего Антоновича привязаннымъ къ пользамъ Малороссійской республики, то была выдана за него въ замужество невѣстка славнаго Малороссійскаго гетмана Зиновія или Богдана Хмѣльницкаго, урожденная княжна Волохская Ирина, дочь самовладѣтельнаго князя Василія Лупула, оставшаяся вдовою послѣ убитаго на вылазкѣ изъ столичнаго Валахскаго города Тимоѳея Хмѣльницкаго, сына гетманскаго, съ знатнымъ приданымъ, состоящимъ изъ города и со всѣми усадьбами, землями и угодьями, принадлежавшими къ оному, Зинькова, такъ названнаго по имени славнаго Зиновія Хмѣльницкаго, отданнаго за нею отъ гетмана Юрія Хмѣльницкаго по завѣщанію о томъ отъ его умершаго тогда родителя, при его гетманской грамотѣ, записанной въ архивѣ тогдашняго Малороссійскаго Генеральнаго Суда и которую утвердилъ своимъ высочайшимъ указомъ царь Алексій Михайловичъ, повелѣвая сему такъ названному ключу Зиньковскому быть потомственно во владѣніи роду Антоновскихъ. Ибо сей (Іоаннъ уже) Антоновичъ, не желая послѣ сего даже носить на себѣ прозваніе Антоновича, дабы тѣмъ отъять всякое подозрѣніе у Малороссіянъ о своей привязанности къ Польшѣ (по случаю утвержденнаго за нимъ потомственно постановленіемъ вышесказаннымъ всеобщаго Польскаго сейма весьма знатнаго имѣнія въ наслѣдственное право отданнаго въ Польшѣ), рѣшился перемѣнить оное прозваніе свое Антоновича въ Антоновскаго, а тѣмъ уже удостовѣрилъ Малороссіянъ о своемъ совершенномъ отчужденіи отъ Польши.

А что описываемый здѣсь родъ Антоновскихъ не владѣетъ нынѣ городомъ Зиньковымъ со всею округою онаго, тому виною сгорѣніе вопервыхъ дому дѣда здѣсь описываемаго Михаила Антоновскаго, а потомъ и самой архивы старинныхъ дѣлъ Малороссійскаго Генеральнаго Суда въ Глуховѣ, причемъ погибли навсегда и жалованныя грамоты на потомственное владѣніе и съ тѣмъ купно неопровергаемыя доказательства права наслѣдованія роду Антоновскихъ сказаннымъ городомъ съ его округою; въ отыскиваніи же ихъ владѣній въ Малой Россіи и Польшѣ, принадлежащихъ роду Антоновскихъ, встрѣтились непреодолимыя препятствія *).

---

*) Есть люди, которые не безъ основательности утверждаютъ, что пожаръ, истребившій одну только почти старинныхъ Малороссійскихъ дѣлъ архиву, есть дѣло извѣстныхъ людей политики своекорыстной, точно такое же какъ и узаконеніе о десятилѣтней давности.

Въ продолженіи ввѣреннаго вышесказанному Іоанну Антоновскому главноначальствованія надъ отборною пѣхотою и артиллеріею Малороссійскаго воинства, онъ имѣлъ случай быть извѣстнымъ государю Всероссійскому царю Алексію Михайловичу, когда Малая Россія произвольно вошла въ подданство Всероссійскому престолу (бывъ предъ тѣмъ съ извѣстнаго времени ни отъ кого независящею, самоуправляемою республикански); ибо часто былъ удостоиваемъ отъ помянутаго царя приглашеніемъ на важные государственные совѣты по случаю тогдашней войны у Россіи съ Польшею, и былъ отъ государя за его благоразуміе и мужество весьма уважаемъ даже до того, что царь Алексій Михайловичъ, въ ознаменованіе своего благоволенія къ нему Антоновскому, изъявилъ свое желаніе быть крестнымъ отцомъ родившемуся сыну его и повелѣлъ нарещи сего крестника своего столь же любимымъ сему государю именемъ Петра, какое въ одно время дано сыну сего царя Петру Великому.

Отъ Петра родился Іеремія, а отъ Іереміи Іоаннъ, отецъ описываемаго здѣсь Михаила и еще трехъ сыновъ Григорія, Ѳеодора и Димитрія, изъ коихъ первые два умерли бездѣтными, а Димитрій хотя и многихъ имѣлъ дѣтей сыновъ и дочерей, но всѣ оные померли, имѣетъ небольшое благопріобрѣтенное помѣстье въ Черниговской губерніи, въ мѣстечкѣ Шаповаловкѣ [1]).

Всѣ сказанные предки Михаила Антоновскаго служили отечеству своему знатныя службы рыцарскія и въ званіяхъ старѣйшинъ Малороссійскихъ шляхетныхъ; отецъ же Михаиловъ скончался въ чинѣ коллежскаго ассессора, представя при жизни сію родословную свою съ доказательствами о своемъ дворянствѣ (на основаніи манифеста о преимуществахъ дворянскихъ), въ дворянское собраніе депутатовъ бывшаго Новгородскаго-Сѣверскаго намѣстничества, по которымъ и выдана съ родомъ его дворянская грамота 1795 г. Января 25 д., за подписаніемъ губернскаго предводителя и дворянскихъ уѣздныхъ депутатовъ, съ приложеніемъ печати.

Михаилъ Антоновскій женатъ [2]), въ чинѣ надворнаго совѣтника. Онъ, по истеченіи шести лѣтъ отъ рожденія своего и по изученіи уже читать и писать по-россійски, былъ, въ силу Всероссійскихъ государственныхъ узаконеній, яко происхожденія шляхетнаго, записанъ въ Россійско-императорскую службу юнкеромъ, въ коемъ званіи и отпущенъ въ домъ родителей своихъ обучаться иностраннымъ языкамъ и

[1]) И сей Димитрій скончался безпотомственнымъ 1807 года Февраля 22 дня, на 46-мъ году отъ рожденія своего. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Имѣетъ дѣтей: сыновей Михаила и Іоанна, дочерей: Евфросинію и Елену.

изящнымъ наукамъ на ихъ иждивеніи. По пріобрѣтеніи успѣховъ въ первоначальномъ основаніи оныхъ, посланъ былъ отъ родителей, на ихъ иждивеніи, продолжать ученіе въ славной Кіевской Академіи, гдѣ, научась Латинскому, Польскому и Нѣмецкому языкамъ грамматически, обучился также стилю или синтаксису сказанныхъ языковъ, поэзіи, риторикѣ, логикѣ и сверхъ того первымъ началамъ маѳематики, какъ и исторіи и географіи.

Въ сіе время, по изъявленному письменному желанію умершаго г. тайнаго совѣтника, члена Иностранной Коллегіи, Петра Васильевича Бакунина имѣть при своихъ сыновьяхъ Павлѣ и Модестѣ (назначенныхъ тогда къ отправленію въ чужіе края для наукъ) изъ лучшихъ Кіевской Академіи студентовъ гувернера или наставника, Михаилъ Антоновскій былъ удостоенъ отъ оной Академіи въ оное званіе, когда ему еще было только 18-ть лѣтъ отъ рожденія; но по встрѣтившимся обстоятельствамъ не могъ онъ отправиться съ сими господами въ званіи наставника: ибо лучше пожелалъ, по всегдашней его охотѣ къ наукамъ, въ числѣ другихъ четырехъ Кіевской Академіи студентовъ будучи призываемъ отъ Московскаго императорскаго университета, вступить яко достойный въ студенты онаго, въ который 1779 года прибылъ съ аттестатомъ изъ Кіевской Академіи, отмѣнно одобряющимъ его довольные успѣхи въ изящныхъ наукахъ, прилежаніе и способность къ онымъ немалыя, какъ и честное поведеніе, соотвѣтственное рыцарскому его происхожденію, и послѣ довольно строгаго экзамена въ конференціи сказаннаго университета пожалованъ шпагою, яко знакомъ студента университетскаго.

Здѣсь, въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ, упражнялся Антоновскій въ наукахъ съ такою ревностію, что первый годъ въ философскомъ факультетѣ кончилъ словесныя науки, всѣ части философіи, чистую маѳематику и опытную физику, а въ послѣдующіе годы сверхъ сихъ наукъ и съ отмѣннымъ прилежаніемъ обучался всѣмъ частямъ законоискусства теоретическаго и практическаго, судовѣдѣнія и политики, и притомъ языкамъ Англійскому, Французскому и Италіянскому, какъ гимнастическимъ упражненіямъ, фехтованію, танцованію, рисованію и другимъ. На профессорскихъ лекціяхъ и экзаменахъ или испытаніяхъ, диспутахъ и въ говоренныхъ имъ самимъ, сочиненныхъ на разные случаи и въ разныхъ ученыхъ историческаго, политическаго, философическаго и юридическаго содержанія рѣчахъ, оказывалъ онъ себя столько хорошо, что всѣми одобрено его прилежаніе къ наукамъ, успѣхи въ оныхъ необыкновенные, рѣдкія способности къ высокимъ понятіямъ и созерцаніямъ, тонкое остроуміе и быстрая проницательность. Преимущественно предъ своими соучениками за рѣшенія зада-

ванныхъ въ университетскихъ факультетахъ трудныхъ предложеній, онъ удостоиванъ былъ публичнаго награжденія отъ императорскаго имени чрезъ главнаго попечителя университета золотыми медалями съ печатаніемъ о томъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

По всему сему и возложено было на него отъ университета повтореніе профессорскихъ лекцій слушателямъ оныхъ, какъ и предварительное приготовленіе къ онымъ учившихся въ Московскомъ университетѣ на казенномъ иждивеніи. Должность важнѣе всякаго адъюнктъ-профессора! Михаилъ Антоновскій велъ себя такъ честно и добропорядочно, что въ послѣдній годъ бытности его въ томъ университетѣ избранъ былъ отъ онаго къ надсматриванію (инспекторомъ) за поведеніемъ и благонравіемъ учившихся въономъ питомцевъ казеннаго содержанія. Все сіе засвидѣтельствовано въ данномъ ему Антоновскому (первому еще со времени существованія Московскаго императорскаго университета), при выходѣ его изъ онаго, печатномъ на Россійскомъ и Латинскомъ языкахъ за подписаніемъ директора и всѣхъ профессоровъ аттестатѣ, съ приложеніемъ университетской печати, 1783 г. Сентября 4 д.

Въ бытность свою въ Московскомъ университетѣ склонилъ онъ членовъ составившагося въ Москвѣ Дружескаго Ученаго Общества изъ особъ самыхъ знаменитыхъ (яко архіепископа Московскаго Платона, что̀ былъ Московскимъ митрополитомъ, изъ князей Юрія и Николая Никитичей Трубецкихъ, Василія и Юрія Владимировичей Долгоруковыхъ, Александра Александровича Черкасскаго, господъ Лопухиныхъ, Татищевыхъ и другихъ премногихъ князей и бояръ и ученыхъ особъ) дозволить ему Антоновскому выписать изъ Кіевской Академіи, по назначенію его, студентовъ съ тѣмъ, чтобы они прибыли на иждивеніи общества сего и на ономъ же могли продолжать свои науки въ Московскомъ университетѣ, получая содержаніе наравнѣ со студентами казеннаго содержанія сего университета. Сіи выписанные студенты суть: Михаилъ Андреевичъ Петровскій, нынѣ генералъ-маіоръ и кавалеръ, Иванъ Ѳедоровичъ Софоновичъ и Павелъ Ивановичъ Скальскій—статскіе совѣтники (оба скончались), Михаилъ и Антонъ Антоновичи Прокоповичи. Антонскіе (первый оберъ-секретарь Сената, а другой профессоръ Московскаго университета), статскіе совѣтники и кавалеры, Павелъ Аѳанасьевичъ Сохацкій и Яковъ Андреевичъ Рубанъ (умеръ), оба профессоры, надворные совѣтники. Они, бывъ нѣсколько времени содержаны вышесказаннаго общества иждивеніемъ, послѣ, по старанію Антоновскаго, перемѣщены были въ университетъ студентами на казенное иждивеніе.

Въ тоже время согласилъ онъ, Михаилъ Антоновскій, нѣсколькихъ своихъ соучениковъ, студентовъ Московскаго университета, составить ученое общество для упражненій, во время остающееся отъ слушанія профессорскихъ лекцій, въ сочиненіяхъ и переводахъ, а послѣ для изданія трудовъ своихъ въ печать, словомъ для пріученія себя разсуждать и чувствовать хорошо. Сочинилъ обществу оному уставъ правиламъ коего сообразуясь члены сего общества столь хорошо образовались, что, по выходѣ ихъ изъ университета и по вступленіи въ государственную службу, тогда же оказались самыми способнѣйшими людьми къ оной, такъ что рѣдкій изъ нихъ нынѣ служитъ безъ отличія (кромѣ однихъ гонимыхъ завистію и злобою), менѣе 4-го класса. Сіе общество издало въ свѣтъ на Россійскомъ языкѣ немалое число весьма полезныхъ книгъ. Антоновскій, оставляя Московскій университетъ и купно управленіе симъ ученымъ обществомъ по своему званію президента въ ономъ, почтенъ былъ весьма лестною отъ членовъ общества признательностію за его попеченіе о ихъ образованіи, какъ сіе записано въ настольномъ журналѣ онаго и какъ свидѣтельствуютъ поднесенные ему, между прочими многими, стихи, написанные Александромъ Ѳеодоровичемъ Лабзинымъ, что̀ нынѣ д. ст. совѣтникъ и кавалеръ, членъ Адмиралтейскаго Департамента и секретарь Академіи Художествъ.

Есть еще другіе многіе подобнаго содержанія поднесенные ему Антоновскому почетные стихи при вышесказанномъ случаѣ, по прочтеніи оныхъ предъ нимъ въ собраніи прощальномъ сказаннаго общества, между прочими отъ Михаила Андреевича Петровскаго, что нынѣ генералъ-маіоръ въ Московской Главной Кригсъ-Коммиссаріатской Конторѣ, отъ Михаила Антоновича Прокоповича-Антонскаго, что̀ нынѣ оберъ-секретарь Правительствующаго Сената въ 7-мъ департаментѣ, отъ Павла Аѳанасьевича Сохацкаго, что̀ нынѣ профессоръ Московскаго университета, надворный совѣтникъ, отъ Якова Андреевича Рубана, что̀ также профессоръ, надворный совѣтникъ, и отъ другихъ.

Но прежде нежели приступлено будетъ къ описанію новаго совсѣмъ роду житія Михаила Антоновскаго, должно сказать, что публичное неоднократно чтеніе имъ твореній своихъ въ Московскомъ университетѣ, часто при собраніи знатнѣйшихъ особъ, тогда ѣзжавшихъ на публичные обряды награжденій студентовъ онаго университета, а паче чтеніе рѣшенія задачи изъ историческаго класса: «Больше ли вреда или пользы принесли Европѣ крестовые походы?», которую Антоновскій (въ явное уничиженіе за невѣжество боготворимаго тогда Европою, а особливо въ Россіи, г. Вольтера, рѣшившаго, что больше

вреда Европѣ оные походы принесли) рѣшилъ весьма доказательно и убѣдительно, что оные походы больше пользы принесли Европѣ; почему онъ за таковое рѣшеніе и удостоенъ былъ публичнаго именемъ императорскимъ отъ главнаго куратора университета, по одобренію сего, награжденія золотою медалью предпочтительно нѣсколькимъ десяткамъ студентовъ, писавшихъ рѣшеніе сей же задачи. Сіе-то рѣшеніе обратило на Антоновскаго (а паче дѣтскій почти возрастъ его) вниманіе просвѣщеннѣйшихъ оныхъ Московскихъ вельможъ, яко оберъ-камергера князя Александра Михайловича Голицына, бывшаго вице-канцлера, брата его фельдмаршала князя Александра Михайловича, также графовъ Кирила Григорьевича Разумовскаго и Захарія Григорьевича Чернышова, обоихъ фельдмаршаловъ, свѣтлѣйшаго князя Григорія Григорьевича Орлова и графовъ братьевъ его, какъ и преосвященнаго Платона и другихъ многихъ. И сіи-то особы гласно и съ удовольствіемъ разсказывали о семъ юношѣ, обѣщающемъ похвальныя и общеполезныя отъ него впредъ дѣянія. Сей распространившійся слухъ о немъ дошелъ чрезъ нѣкоторыхъ изъ сказанныхъ вельможъ даже до самого наслѣдника Всероссійскаго престола Павла Петровича.

Сей Государь, бывши въ полной довѣренности къ таковымъ вельможамъ, возжелалъ сего молодаго человѣка повелѣть приготовить средствомъ надлежащаго воспитанія къ достойному ношенію на себѣ званія важнаго государственнаго чиновника, который бы въ царствованіе его былъ способенъ принести существенную пользу службѣ Имперіи Россійской. А посему и съ симъ точно намѣреніемъ и пріѣзжалъ по волѣ Его Императорскаго Высочества покойный вице-президентъ Адмиралтейской Коллегіи (послѣ фельдмаршалъ) графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ въ Москву подъ видомъ свиданія съ роднымъ братомъ своимъ фельдмаршаломъ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ, а существенно для уговоренія Антоновскаго ко вступленію по наружности будто бы въ службу при Адмиралтейской Коллегіи, отъ коей будетъ онъ посланъ по примѣру другихъ посылаемыхъ въ иностранныя высшія училища. Цѣль же вступленія въ службу при Адмиралтействѣ повелѣно было графу Чернышову объявить только одному ему Антоновскому, и притомъ за ненарушимую до времени тайну, «для предохраненія Антоновскаго (точныя слова Павла I-го) отъ пронырливѣйшей зависти и ея порожденія, губительства»—какъ будто заранѣе предусмотрѣннаго. Тайна сія состояла въ вышесказанномъ намѣреніи Наслѣдника объ Антоновскомъ. Цѣль оную велѣно сокрыть даже отъ покойныхъ кураторовъ или попечителей Московскаго императорскаго университета, главнаго г. оберъ-камергера Ивана Ивановича Шувалова и подъ нимъ г. тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Ме-

лиссино, хотя сіи особы, любя Антоновскаго, какъ бы роднаго сына своего, конечно бы не только не позавидовали тому, но паче порадовались. Посему-то сіи господа кураторы, любивши, какъ сказано, Антоновскаго наперерывъ другъ предъ другомъ и восхищаясь пылкостію его ума и добротою сердца, никогда по жизнь свою не желали съ нимъ разстаться. Коль же скоро Антоновскій началъ просить ихъ объ увольненіи его изъ-подъ ихъ начальства подъ таковое же графа Ивана Григорьевича Чернышова, то Шуваловъ, видя настояніе отъ Антоновскаго, происходящее изъ тайнаго рвенія любви къ отечеству, наговорилъ ему много на счетъ тѣхъ особъ, которыя сулятъ токмо. Мелиссино тоже обѣщался свято, и тотъ, и другой, тогда же опредѣлить его, яко достойнаго, профессоромъ въ Московскомъ университетѣ энциклопедіи или круга всѣхъ знаній человѣческихъ, и (по привиллегіи университета тогдашней) съ опредѣленіемъ его въ сіе знаніе тогда же объявится ему чинъ коллежскаго ассессора. Антоновскій, давши уже графу Ивану Григорьевичу Чернышову при родномъ братѣ его, тогда градоначальникѣ Москвы, фельдмаршалѣ графѣ Захарѣ Григорьевичѣ и при другихъ случившихся въ то время знатнѣйшихъ особахъ честное слово никому не объявлять существенной цѣли, для которой онъ выходилъ изъ университета, не нарушая однакожъ совѣсти и чести, примыслилъ весьма похвальную закрышку, сказавъ гг. вышесказаннымъ кураторамъ Московскаго университета, что хотя онъ и безпредѣльно признателенъ къ таковому отеческому ихъ къ себѣ расположенію и что ему весьма лестно предложеніе ихъ произвести его въ толь молодыя лѣта профессоромъ всѣхъ знаній человѣческихъ и купно прямо коллежскимъ ассессоромъ въ томъ самомъ университетѣ, но, желая все еще болѣе пріобрѣсти познаній и усовершенствовать себя въ наукахъ, а притомъ не желая и другимъ достойнымъ студентамъ пресѣчь средство къ тому же, дабы они чрезъ посылку въ иностранные университеты могли лишиться уже (по великой умѣренности положенія университетскаго на таковыя издержки) способа окончить свои науки и усовершить въ оныхъ свои успѣхи, съ чувствительнѣйшею признательностію пріемлетъ предложеніе, сдѣланное ему отъ графа Ивана Григорьевича Чернышова о посылкѣ на адмиралтейскую сумму въ иностранныя училища, въ кои его Антоновскаго свято обѣщано послать: ибо дѣйствительно отъ сего графа было ему Антоновскому именемъ Государя Наслѣдника обѣщано, что онъ будетъ посланъ ко всѣмъ Россійскимъ министерскимъ миссіямъ въ цѣломъ свѣтѣ для обученія не столько языкамъ, сколько званію, къ которому онъ долженъ будетъ себя приготовить, для чего и обѣщано дать ему тайное наставленіе.

Сіе-то благородное ревнованіе къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ науках, оказанное для закрышки истинной цѣли, и якобы пожертвованіе своею посылкою въ иностранные университеты на счетъ Московскаго въ пользу другихъ студентовъ, хотя и не безъ прискорбія, успокоило нѣсколько оныхъ почтеннѣйшихъ, благодѣтельнѣйшихъ, чувствительнѣйшихъ, общеполезнѣйшихъ кураторовъ Московскаго университета, но не безъ пролитія слезъ ихъ прямо съ родительскимъ предчувствованіемъ... Они согласились на семъ только условіи разстаться съ Антоновскимъ, чтобы онъ паки по окончаніи наукъ возвратился въ Московскій университетъ; а посему-то и распространился въ ономъ слухъ точно таковъ, и посему г. Лабзинъ написалъ въ своихъ стихахъ «въ страны далеки», мня дѣйствительно, что отбытіе Антоновскаго въ томъ точно состоитъ, какъ слухъ прошелъ [1]).

При семъ случаѣ графъ Чернышовъ спросилъ Антоновскаго, не знаетъ ли онъ кого изъ своихъ соучениковъ такого, который бы согласился вступить въ Адмиралтейскую Коллегію съ тѣмъ, чтобы вскорѣ заступить достойно званіе въ оной оберъ-секретаря? Антоновскій для сего предложилъ студента Семена Ивановича Спѣшницкаго, который нынѣ статскій совѣтникъ и кавалеръ, причисленный на пенсіи къ Герольдіи и который дѣйствительно съ пользою для службы былъ въ званіи оберъ-секретаря многіе годы въ Адмиралтейской Коллегіи до реформы оной настоящей [2]).

Симъ образомъ Антоновскій и Спѣшницкій, бывъ соглашены оставить Московскій университетъ, пріѣхали оба вмѣстѣ на счетъ Адмиралтейской Коллегіи въ С.-Петербургъ и прямо, по назначенію сказаннаго вице-президента оной, въ его домъ, гдѣ на другой же день съ ихъ аттестатами отъ Московскаго университета и были отъ него, графа, представлены въ полное собраніе оной коллегіи. Графъ Чернышовъ самъ читалъ предъ коллегіею ихъ аттестаты отъ университета, причемъ покойный главный директоръ Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса (послѣ бывшій президентомъ Адмиралтейской Коллегіи), адмиралъ Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, вставъ съ почтительностію со своихъ креселъ, просилъ графа Чернышова опредѣлить ихъ, Антоновскаго и Спѣшницкаго, по таковому засвидѣтельствованію объ нихъ университета, въ оный корпусъ профессорами наукъ; но графъ Чернышовъ, по своему предназначенію объ нихъ, объявилъ ему, что имѣетъ въ виду о сихъ молодыхъ людяхъ совсѣмъ иное намѣреніе.

---

[1]) Любопытно это намѣреніе Павла Петровича заготовлять себѣ будущихъ слугъ. П. Б.

[2]) Скончался въ помѣшательствѣ ума отъ огорченій 1809 года Января 1-го дня. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Когда же Антоновскому было объявлено, что онъ принятъ въ Адмиралтейскую Коллегію регистраторомъ, то сей, будучи весьма удивленъ тѣмъ, объяснился наединѣ съ графомъ Чернышовымъ, что не для таковой службы онъ уговоренъ выйти изъ университета, тѣмъ паче, что ему штабсъ-офицерскій чинъ былъ прямо предложенъ отъ кураторовъ университета, который оставленъ отъ него совсѣмъ въ другихъ чаяніяхъ, по сдѣланному ему обѣщанію. Графъ Чернышовъ постарался успокоить Антоновскаго увѣреніями, что сіе дѣлается для нужнаго закрытія видовъ, съ коими онъ взятъ изъ университета якобы въ адмиралтейскую службу.

Главный попечитель Московскаго университета, покойный оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, возвратясь между тѣмъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ и узнавъ вскорѣ о семъ опредѣленіи Антоновскаго въ число канцелярскихъ служителей Адмиралтейской Коллегіи, нарочно пріѣзжалъ къ графу Чернышову, вице-президенту оной, требовать немедленнаго исполненія видовъ, для которыхъ взятъ Антоновскій изъ университета, разумѣя посылку его въ иностранные; иначе-де онъ согласитъ его оставить адмиралтейскую службу и паки возвратиться на лучшіе виды въ университетъ Московскій. Графъ Чернышовъ умѣлъ успокоить сего благороднѣйшаго вельможу, и Антоновскій остался жить въ домѣ графа Чернышова, яко сущій его семьянинъ, въ ожиданіи сдѣланныхъ отъ него именемъ Наслѣдника Всероссійскаго престола обѣщаній исполненія, при чемъ порученъ былъ отъ сего графа Антоновскому присмотръ за воспитаніемъ дѣтей его, да сверхъ того отправленіе секретарской должности по званію положеннаго при вице-президентѣ секретаря для иностранныхъ дѣлъ и секретныхъ морскихъ экспедицій.

Посему и было возложено на него, Антоновскаго, сочинить для назначенной тогда по высочайшему указу секретной сѣверо-восточной морской географической экспедиціи и для дальнѣйшихъ открытій и взятій въ вѣчное владѣніе Россійскому престолу въ Сѣверной Америкѣ земель инструкцію и наставленіе полное, которое имъ и сочинено и удостоено высочайшаго одобренія и по которому все, что́ можно было, приведено въ исполненіе, какъ сіе видѣть можно и изъ изданнаго въ печать описанія той экспедиціи г. контръ-адмираломъ Сарычевымъ, тогда отправленнымъ въ сей экспедиціи лейтенантомъ флота. Антоновскій тогда же произведенъ былъ секретаремъ капитанскаго чина, а спустя два года и маіорскій чинъ ему пожалованъ.

Въ теченіе сихъ четырехъ лѣтъ Антоновскій, всегда ревнуя къ упражненію въ наукахъ и къ раскрытію дарованій въ молодыхъ людяхъ на пользу общую и славу отечества, согласилъ нѣкоторыхъ изъ

своихъ соучениковъ, находившихся уже въ службѣ государственной, и другихъ благовоспитанныхъ юношей благородныхъ составить въ С.-Петербургѣ подъ его руководствомъ ученое общество для упражненій въ сочиненіяхъ и переводахъ и для изданія оныхъ въ печать, которыя и напечатаны въ ежемѣсячномъ изданіи подъ заглавіемъ: «Бесѣдующій Гражданинъ», 1788 года. Многіе изъ сихъ членовъ чрезъ то пріобрѣли отличныя способности къ государственной службѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ находятся нынѣ въ министерскомъ и сенаторскомъ званіи и большая часть въ четвертомъ классѣ, служа отечеству съ отличіемъ.

Во время путешествія почивающей въ Бозѣ Государыни Императрицы Екатерины II-й въ полуденные края Россійской Имперіи отправился, по высочайшему изволенію, и графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ въ блистательной Ея Величества свитѣ, и какъ тогда Императрица сія предполагала отправить другую секретную морскую экспедицію океаномъ къ Охотскому и Сѣверной Россійской Америки портамъ, то графъ Чернышовъ посему и взялъ съ собою Антоновскаго ради сочиненія новаго для оной экспедиціи наставленія, которое и было имъ сочинено, какъ и высочайше оппробовано, и экспедиція совсѣмъ уже была изготовлена къ отплытію изъ Кронштадтскаго порта, но открывшаяся со стороны Швеціи война отбытіе и исполненіе цѣли оной до времени остановила.

Во время пребыванія Императрицы, а съ нею и ея свиты, въ Кіевѣ, Антоновскій, находясь тамъ же съ графомъ Чернышовымъ, склонилъ его дозволить выбрать изъ учащихся въ Кіевской Академіи лучшихъ шесть человѣкъ въ службу при Адмиралтейской Коллегіи, которые и были имъ избраны и съ предложеніемъ графа Чернышова, сочиненнымъ отъ Антоновскаго, въ оную коллегію о принятіи ихъ подканцеляристами, съ жалованіемъ по симъ чинамъ, и притомъ о порученіи ихъ секретарю Спѣшницкому въ полное попеченіе о ихъ воспитаніи и обученіи дѣламъ канцелярскимъ, не оставляя и упражненія ихъ въ наукахъ. Посланы были они изъ Кіева на счетъ коллегіи въ С.-Петербургъ, гдѣ вслѣдствіе сказаннаго предложенія и были приняты въ службу и поручены совершенно Спѣшницкому для приготовленія изъ нихъ къ будущему своему оберъ-секретарству хорошихъ и честныхъ помощниковъ въ званіи секретарскомъ. Они суть: Стефанъ Никитичъ Заваліевскій, нынѣ д. ст. совѣтникъ и кавалеръ Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 3-й степени, Николай Дмитріевичъ Жулковскій, д. ст. совѣтникъ и кавалеръ, Антонъ Константиновичъ Крыжановскій и Іосифъ Павловичъ Коржевскій, статскіе совѣтники и всѣ трое кавалеры Св. Анны 2-й ст. и Св. Владимира 4-й ст; а Комми-

саревскій и Бѣляновскій умерли бывши секретарями Адмиралтейской Коллегіи.

Вскорѣ послѣ сего, въ бытность свою еще въ Кіевѣ, графъ Чернышовъ занемогъ отъ тяжкихъ сціатическихъ припадковъ, такъ что былъ на рукахъ перенесенъ на нарочно построенное для него гребное судно и едва могъ слѣдовать изъ Кіева водою въ свитѣ Императрицы до Кайдаковъ, а оттуда уже сухимъ путемъ до Херсона, гдѣ и испросилъ высочайшее дозволеніе отправиться, по совѣту придворныхъ докторовъ, на теплыя воды въ Вѣну. При семъ случаѣ графъ сей объявилъ Антоновскому, что предназначеніе его, для котораго онъ взятъ изъ университета въ сіе его путешествіе, можетъ съ лучшею тайностію быть въ исполненіе приведено, почему Антоновскій и отправился съ нимъ въ Вѣну съ высочайшаго дозволенія.

Прибывши въ сей городъ съ графомъ Чернышовымъ, Антоновскій былъ съ наилучшимъ одобреніемъ и даже открытіемъ о его предназначеніи представленъ отъ графа Россійскому полномочному послу при Вѣнскомъ дворѣ, д. т. совѣтнику и всѣхъ Россійскихъ (кромѣ военнаго), орденовъ кавалеру князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, который, удостоя Антоновскаго особеннаго своего вниманія, ласки и благосклонности, весьма довѣренно съ нимъ обращался и, не взирая на молодыя лѣта его, дѣлалъ ему немаловажныя нѣкоторыя по министерству порученія, которыя Антоновскій всегда къ особливому сего умнаго министра удовольствію и исполнялъ. Почему со стороны уже посла сего, а частію и самого императора Римско-Германскаго Іосифа II-го, которому Антоновскій имѣлъ счастіе по нѣкоторымъ случаямъ учиниться извѣстнымъ съ хорошей стороны *), и было напомянуто графу Чернышову, дабы онъ неотлагательно приступилъ къ исполненію предположенія о немъ Антоновскомъ.

Графъ самъ объявилъ о томъ ему, поручая самому же ему составить планъ путешествіямъ своимъ къ министрамъ Россійскаго двора при иностранныхъ, и что̀ онъ тамъ долженъ будетъ дѣлать. Начало тому было положено учинить въ Англіи, отправясь туда чрезъ Остенду. Къ отправленію Антоновскаго все было приготовлено; но возобновившіеся сціатическіе припадки графа Чернышова, требовавшіе, по совѣту докторовъ, отбытія его въ Неаполь въ тамошнія сѣр-

*) Доказательство благорасположенія къ Антоновскому сего монарха хранится у Антоновскаго. Извѣстно, что сей государь рѣдко весьма жаловалъ кому свой портретъ, но Антоновскому случайно отъ него пожалованъ оный при случаѣ встрѣчи на Грабенѣ (тоже, что̀ въ С.-Петербургѣ Гостиный Дворъ), когда Антоновскій, остановясь у лавки, торговавшей портретами, разсматривалъ оные изъ любопытства.

ныя бани, а равно и сыновняя, можно сказать, изъ признательности къ благорасположеніямъ графа привязанность Антоновскаго остановили его отбытіе изъ Вѣны чрезъ Остенду въ Англію, и онъ по симъ побужденіямъ рѣшился ѣхать съ графомъ въ Неаполь; ибо видѣлъ, сколь прискорбно было разстаться графу съ нимъ, и зналъ, сколь ему нуженъ вѣрный и честный человѣкъ, соблюдающій его и даже самое здоровье поддерживающій (поелику всѣ путевыя издержки, какъ и домашнія, были до того на рукахъ у Антоновскаго, и онъ почти неотлучно бывалъ съ графомъ для разбитія своимъ живымъ и веселымъ собесѣдничествомъ обыкновенной въ таковыхъ случаяхъ у состарѣвшихся при дворѣ вельможъ скуки и унынія). Графъ Чернышовъ къ таковому новому со стороны Антоновскаго пожертвованію своимъ счастіемъ для него собственно былъ весьма признателенъ, какъ свидѣтельствуютъ его собственноручныя записки, писанныя при случаяхъ къ Антоновскому, въ которыхъ онъ изъясняется, что, отдавая всю справедливость сердцу и уму Антоновскаго, онъ любитъ его больше нежели роднаго своего сына и желаетъ отъ всего сердца увидѣть его на той степени возвышенія въ чины, которую онъ весьма заслуживаетъ, что̀ самое изустно чрезъ истолкователя (ибо за косвенностію языка отъ паралича произносилъ невразумительно) повторилъ графъ Чернышовъ за двѣ недѣли предъ своею кончиною въ присутствіи многихъ случившихся при томъ адмираловъ, генераловъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, лежа въ залѣ на кровати безъ движенія и примолвя къ тому, что съ необъяснимымъ прискорбіемъ оставляетъ онъ сію жизнь, не видя Антоновскаго въ отличіи равномъ ихъ званію (указавъ на тѣхъ адмираловъ, генераловъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ), коего-де онъ весьма достоинъ. Графъ Чернышовъ, въ существенное доказательство своей признательности къ одолженіямъ ему лично Антоновскаго, неоднажды предлагалъ ему, еще до поѣздки своей въ чужіе края, изъ своихъ благопріобрѣтенныхъ деревень такую, которая приносила тогда ему ежегоднаго доходу болѣе полутора тысячъ рублей; но Антоновскій съ благопристойностію всякій разъ отказывался отъ того и никакой не взялъ въ свое владѣніе, а принялъ токмо отъ него портретъ оригинальный Петра I-го, изображающій одну голову сего отца отечества, списанный и еще невыправленный въ самый тотъ день, въ который, къ незабвенной вѣчной печали своей, Россія лишилась на всегда сего величайшаго изъ государей своихъ, со скончавшагося уже по волѣ цесаревны Елисаветы Петровны и доставшійся матери графа Чернышова статсъ-дамѣ Евдокіи Ивановнѣ (урожденной Ржевской) страннымъ случаемъ отъ той же цесаревны, когда взошла на Всероссійскій престолъ.

Можетъ быть, назовутъ сіе отреченіе отъ деревень и взятіе портрета безуміемъ молодаго человѣка, но Антоновскій никогда о томъ не раскаевался, поелику портретъ сей, который у него вмѣстѣ съ образомъ Спасителя міра поставленъ предъ очами его, весьма одушевлялъ Антоновскаго ко многимъ похвальнымъ подвигамъ отчизнолюбія *).

На возвратномъ пути изъ Италіи въ Россію, а особливо въ Варшавѣ, Антоновскій замѣтилъ необыкновенную холодность графа Чернышова въ обращеніи съ собою. Почему, зная величайшую чувствительность какъ свою, такъ и графа Чернышова, и всемѣрно избѣгая послѣдствій могшихъ отъ оной произойти, Антоновскій вовсе не захотѣлъ любопытствовать у графа о причинахъ сей разительнѣйшей для него перемѣны въ обхожденіи съ собою, а тѣмъ менѣе яснымъ представленіемъ своей невинности всю ярость гнѣва сего сколько гнѣвливѣйшаго, столько и честолюбивѣйшаго графа обратить на виновницу (ибо оною была дочь его Екатерина Ивановна, нынѣ вдова Вадковская, а послѣ за княземъ Мещерскимъ) таковой малодѣлающей чести уму графа Ивана Григорьевича Чернышова легковѣрности, ежели бы оная холодность была по оклеветанію.

Посему-то Антоновскій, по возвращеніи своемъ съ нимъ въ Петербургъ, удовольствовался тѣмъ, что написалъ къ нему письмо таковаго содержанія: «что, не чувствуя себя нимало заслуживающимъ таковую холодность, съ какою графъ сталъ съ нимъ обходиться съ нѣкотораго времени, оставляетъ его въ покоѣ, нарушаемомъ своимъ житіемъ у него въ домѣ и ежечаснымъ почти присутствіемъ своимъ возбуждая, можетъ быть, всю лютость угрызеній совѣсти въ немъ, укоряющей его въ неблагодарности и за постыдную неустойку въ обѣщаніяхъ, сдѣланныхъ при соглашеніи его Антоновскаго оставить Московскій университетъ; и потому, выѣзжая изъ дому его на квартиру, яко состоящій по списку въ числѣ секретарей Адмиралтейской Коллегіи, непремѣнно явится въ оной на службу государственную», что̀ и учинено, не ожидая отвѣта, сколько ни прискобна была послѣ графу Чернышову таковая рѣшимость Антоновскаго, какъ свидѣтельствуетъ о томъ его собственноручно писанный на оное письмо отвѣтъ.

---

*) Сей портретъ въ 1812 году поднесенъ Государю Императору Александру I-му, имъ принятъ милостиво; Антоновскому пожаловано три тысячи рублей, на которые онъ съѣздилъ на свою родину и построилъ кладбищенскую церковь (коей село Шаповаловка не имѣло никакой) надъ самыми гробами родителей своихъ и роднаго брата своего.
Подлинное примѣчаніе.

Отправляя должность старшаго секретаря, а часто и оберъ-секретаря въ Адмиралтейской Коллегіи, Антоновскій съ того самаго, столь уничижительнаго для него, времени былъ отъ адмирала Василія Яковлевича Чичагова (назначеннаго тогда, т.-е. 1789 г. главноначальствующимъ надъ корабельнымъ флотомъ противъ непріятельскаго королевскаго Шведскаго) приглашаемъ согласиться на исходатайствованіе его у императрицы Екатерины II-й высочайшаго указа объ опредѣленіи его Антоновскаго къ нему адмиралу по флоту правителемъ его походной канцеляріи, а также и для сочиненія донесеній ко двору о дѣйствіяхъ флота, переписки съ Россійскими сухопутными генералами, главнокомандующими арміями и министрами въ Даніи и Англіи цыфирью, по данному ключу, какъ и для сочиненія историческаго журнала *) о дѣйствіяхъ флота. Антоновскій былъ настояніями и обѣщаніями исходатайствовать ему полное, какое получать будетъ во флотѣ (получалъ серебромъ 1.500 р. въ годъ) жалованье въ пенсіонъ по смерть, также подполковничья чина и орденовъ Св. Владимира, да и Св. Георгія, по примѣру даннаго при графѣ Румянцовѣ Задунайскомъ Заводовскому (что былъ графомъ, министромъ народнаго просвѣщенія и проч. во время бытности его еще въ 1770-хъ годахъ правителемъ канцеляріи главнокомандующаго) и убѣжденъ согласиться на таковое предложеніе помянутаго адмирала, и при всемѣрномъ увѣреніи въ точномъ исполненіи обѣщанія того отъ сына его (что былъ министромъ морскихъ силъ), тогда же бывшаго при семъ адмиралѣ генеральсъ-адъютантомъ. И высочайшій указъ о томъ послѣдовалъ 1789 г. Мая 4-го дня съ назначеніемъ точными словами сей должности при адмиралѣ Чичаговѣ Антоновскаго, который совершенно исполнилъ оную, бывъ сверхъ того еще опредѣленъ, по ордеру того адмирала, къ наблюденію и записыванію движеній и поворотовъ непріятельскаго Шведскаго флота во время шестичаснаго сраженія съ Россійскимъ между Готландомъ и Эландомъ, Шведскими островами, можетъ быть съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Антоновскому по обѣщанію исходатайствовать орденъ Св. Георгія. Кампанія сія, по высочайшему указу продолжавшаяся при великихъ обуреваніяхъ до глубокой осени, разстроила здоровье Антоновскаго до того, что, онъ чувствуя себя не

---

*) Сей историческій журналъ былъ спасителемъ Чичагову отъ его опалы и виною, что онъ оставленъ и на будущую кампанію, толико прославившую и обогатившую сего главнокомандующаго; хотя въ Англіи на каррикатурѣ и представленъ онъ повѣшеннымъ на колъ за пропускъ изъ Выборгскаго залива всего Шведскаго флота, долженствовавшаго бы неизбѣжно погибнуть отъ силы Россійской.

въ силахъ продолжать на морѣ службу, нашелся принужденнымъ просить объ увольненіи его отъ оной, чему и удовлетворено съ наилучшими аттестатами о службѣ и поведеніи его какъ отъ Адмиралтейской Коллегіи, такъ и самаго адмирала Чичагова.

Будучи безъ службы, а потому и безъ жалованья (ибо пенсіи обѣщанной ему и награжденія за службу не получилъ) и не имѣя никакихъ доходовъ (поелику все, что̀ на его часть наслѣдственнаго родительскаго имѣнія доставалось, было частію отнято насиліемъ сильныхъ по связямъ сосѣдей, а частію предоставлено отъ него на пропитаніе родителямъ и брату его родному, женатому, съ дѣтьми) долженъ былъ Антоновскій, не пріобрѣвшій толь ревностною службою отечеству даже и на самое короткое время прокормленія себя насущнымъ хлѣбомъ, издерживая все свое жалованье во время службы на печатаніе ежемѣсячнаго изданія «Бесѣдующій Гражданинъ» (изъ усердія къ общественной пользѣ и на пособіе неимущимъ пропитанія людямъ, ищущимъ отъ него онаго, также на покупку нужныхъ ему книгъ), долженъ былъ прибѣгнуть, при всей разстройкѣ здоровья своего, къ доставленію пропитанія въ потѣ лица своего, переводя и сочиняя для книгопродавцевъ и печатальщиковъ книгъ изъ самой бѣдной платы для избѣжанія голодной смерти; поелику всегда гнушался быть блюдолизомъ у чванливыхъ и презорливыхъ богачей, по пословицѣ: ложкою кормящихъ, а стеблемъ глаза выкалывающихъ у бѣдныхъ, честныхъ людей.

Въ сіе-то время, между прочими трудами своими, перевелъ онъ переписку Екатерины Великой съ Вольтеромъ, съ Французскаго *); Путешествіе игумна Биноса въ Обѣтованную Землю, съ Нѣмецкаго; Нурзагада, человѣка неумирающаго, съ Польскаго; Описаніе народовъ, обитающихъ въ Россіи, три части съ Нѣмецкаго исправилъ и почти вновь сочинилъ, а четвертую всю отъ себя сочинилъ; также исправилъ примѣнительно къ тогдашнему времени и на Россійскомъ языкѣ издалъ Остервальдово Повѣствовательное Землеописаніе о цѣломъ свѣтѣ, къ коему присоединилъ сочиненное имъ статистическое описаніе Россіи.

Сія-то книга возбудила ему завистниковъ, людей близкихъ къ престолу, которые и объявили именное яко бы покойной импе-

---

*) Произведенный изъ купцовъ въ отставкѣ надворный совѣтникъ Пастуховъ подалъ въ С.-Петербургѣ въ Уѣздный Судъ жалобу, что Антоновскій, напечатавшій на свое иждивеніе сей свой переводъ, лишилъ его тѣмъ капитала до 4.000 рублей, и Уѣздный Судъ приговорилъ взыскать съ Антоновскаго сію сумму и съ процентами на оную со времени напечатанія сей книги. Сію книжку Антоновскій напечаталъ въ 1802 году

ратрицы Екатерины II-й повелѣніе генералъ-прокурору графу Самойлову допросить Антоновскаго въ Тайной Экспедиціи о побужденіяхъ его къ сочиненію толь якобы возмутительной книги. Антоновскій взятъ шумно полиціею, два дни сряду возимъ былъ по городу, то къ градоначальнику, то отъ сего къ генералъ-прокурору, который, разсмотрѣвъ уже предварительно указанныя въ оной книгѣ мѣста, якобы возмутительныя, и видя, что Антоновскій на напечатаніе оной получилъ дозволеніе узаконенной цензуры, что въ оной книгѣ написано сокращенно токмо все то, что уже издано въ свѣтъ повѣствовательнаго и землеописательнаго обо всемъ земноводномъ шарѣ, на всѣхъ почти извѣстныхъ языкахъ, со скромностію (для одного токмо виду тайнаго допроса Антоновскому) велѣлъ быть при томъ Тайной Экспедиціи начальнику, коллежскому совѣтнику Макарову, что нынѣ сенаторъ (умеръ). Антоновскій на допросъ сей тогда же написалъ отвѣтъ самъ своею рукою въ кабинетѣ генералъ-прокурора графа Самойлова, который на другой же день докладывалъ Императрицѣ, и сія всемилостивѣйшая и премудрая Монархиня указала объявить Антоновскому свое прощеніе, а дабы онъ болѣе не былъ принужденъ таковыми тяжкими и опасными для него трудами снискивать себѣ пропитаніе, непремѣнно избрать родъ службы, оставя свои науки, и опредѣлить въ оный по его желанію, съ жалованьемъ, какое получалъ до того на флотѣ. Въ книгѣ же сей повелѣно Россійской Академіи Наукъ, также для виду, переправить нѣкоторыя мѣста; но Академія, не зная, какія оныя и почему бы должно поправлять, оставила у себя тлѣть въ кладовой всѣ экземпляры оной безъ всякой поправки, хотя и велѣно было ей, по исправленіи, пустить оную книгу въ продажу для выручки денегъ заплаченныхъ изъ государственнаго казначейства книгопродавцу Глазунову за издержанныя имъ на печатаніе оной книги и прочее болѣе трехъ тысячъ рублей.

Много было разсказывано о семъ случаѣ въ С.-Петербургѣ, а особливо многое наговорилъ, яко самослышатель, бывшій камердинеръ Ея Величества, Захаръ Константиновичъ Зотовъ, и все къ доброй славѣ Антоновскаго. Но, оставляя все то описывать, должно сказать одно, что Антоновскій, по вышесказанному высочайшему изволенію долженъ былъ оставить всѣ свои лестныя надежды и объявить свое желаніе (изъ своей всегдашней охоты къ наукамъ, а паче къ знанію древней Россійской исторіи) быть опредѣленнымъ къ привезенной въ С.-Петербургъ изъ Варшавы тамошней бывшей публичной, что нынѣ Россійская Императорская, библіотекѣ, которая ему изъ описаній сдѣланныхъ славнымъ географомъ Бишингомъ и другими писателями не менѣе какъ и въ бытность его въ Варшавѣ собственнымъ обозрѣ-

ніемъ оной, была хорошо извѣстна, яко драгоцѣннѣйшее въ цѣломъ свѣтѣ собраніе многочисленнѣйшихъ рѣдкихъ книгъ всякаго рода и на всѣхъ почти извѣстныхъ въ свѣтѣ языкахъ, а особливо яко единственный запасъ для сочиненія древней и самой обстоятельной и вѣрной Россійской исторіи, не менѣе же и потому, что въ иностранныхъ газетахъ было напечатано, что Россіяне при забраніи оной изъ Варшавы поступили хуже, чѣмъ Агаряне съ Александрійскою, славною въ древности, Птоломея Филадельфа библіотекою, для изобличенія газетчиковъ во лжи. Все сіе изъ побужденія отчизнолюбія. Вслѣдствіе сказаннаго изъявленнаго Антоновскимъ желанія былъ онъ опредѣленъ, по высочайшему повелѣнію, въ оную библіотеку библіотекаремъ.

Но за три почти года передъ симъ, Антоновскій, будучи извѣстенъ съ 1789 года, по вышесказанному его предназначенію, Государю Цесаревичу Павлу Петровичу, Наслѣднику Всероссійскаго престола, извѣщенному, что онъ, Антоновскій, находится въ бѣдности, былъ, силою верховной власти Его Высочества (яко генералъ-адмирала всѣхъ Россійскихъ флотовъ и президента Адмиралтейской Коллегіи), пожалованъ на открывшуюся вакансію въ Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ главнымъ онаго инспекторомъ и потому же, въ силу высочайше конфирмованнаго штата о чинахъ въ томъ корпусѣ—подполковникомъ *). Но покойный президентъ Адмиралтейской Коллегіи Голенищевъ-Кутузовъ, тогда бывшій адмираломъ и главнымъ директоромъ онаго корпуса, озлобясь безвинно на Антоновскаго за то, что сіе высочайшее пожалованіе послѣдовало не по его представленію, въ явное ослушаніе и противоборствіе оному, не захотѣлъ исполнить онаго, опредѣля самоуправно на то мѣсто другаго и своею перепискою съ бывшимъ тогда по дѣламъ Адмиралтейской Коллегіи докладчикомъ при Государѣ Наслѣдникѣ, капитаномъ 2-го ранга Кушелевымъ (что̀ нынѣ графъ и адмиралъ въ отставкѣ), уничтожилъ оное высочайшее повелѣніе съ неслыханною дерзостію. Изъ опасенія же, дабы Антоновскій не могъ донести о томъ Государю Наслѣднику, пресѣчены были ему всѣ пути для таковаго донесенія и, напослѣдокъ, непримиримая злоба и зависть, давно уже проникнувшія въ великіе виды объ Антоновскомъ, уничтожили сіе опредѣленіе, и даже, воспользовавшись вышесказаннымъ случаемъ истязанія Антоновскаго за изданную имъ книгу, а паче невольнаго вступленія въ званіе императорскаго библіотекаря, столько успѣли воспользоваться симъ для нихъ благопріятнѣйшимъ случаемъ, дабы оклеветать Антоновскаго предъ симъ

*) Нынѣ уже сіе инспекторское мѣсто занимаетъ генералъ-маіоръ.

великодушнѣйшимъ Государемъ, какъ о семъ учинилось извѣстно ему Антоновскому отъ приближенныхъ особъ сему Государю во время вступленія Его Величества на прародительскій престолъ, сказавшихъ о томъ Антоновскому, якобы Государь въ крайнемъ неудовольствіи противъ него за ту книгу и за оставленіе надежды на него. Дѣло нестаточное! Тотъ Государь, который такъ великодушно вызвалъ Антоновскаго для блистательнѣйшихъ видовъ изъ Московскаго университета, который всегда всемилостивѣйше расположенъ былъ къ осчастливленію Антоновскаго, какъ Его Императорское Высочество тогда бывшій неоднократно изволилъ повелѣвать объявлять ему Антоновскому чрезъ благорасположенныхъ къ Антоновскому особъ, бывшихъ близкими къ особѣ Его Величества, господъ генералъ-маіора Сергѣя Ивановича Плещеева (умершаго дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ) и славнаго Россійскаго архитектора коллежскаго совѣтника Василія Ивановича Баженова (умершаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и вице-президентомъ Академіи Художествъ), которые о томъ всякій разъ объявляли Антоновскому, ободряя именемъ Его Высочества къ великодушному до времени перенесенію своихъ несчастій.

Въ первые мѣсяцы по вступленіи на Всероссійскій престолъ Павла I-го Антоновскій напечаталъ книжку подъ заглавіемъ: «Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ», посвятилъ оную сему Государю, поднесъ чрезъ бывшаго генералъ-прокурора князя Куракина и къ недоумѣнію своему, при врученіи отъ имени Государя чрезъ сказаннаго генералъ-прокурора золотой съ эмалью табакерки, услышалъ отъ него, что сей знакъ монаршаго благоволенія принадлежитъ цензору Московскаго университета Прокоповичу-Антонскому. Что изъ сего должно заключать?... Не то ли самое, что старинный другъ (въ 1775 г. ставшій ему тѣмъ) Антонскій напечаталъ на свое иждивеніе послѣ сего другую книгу подъ заглавіемъ: «Библіотека Духовная» и также посвятилъ покойному Государю Императору, поднеся оную чрезъ графа Кушелева. Но еще большая странность произошла. Отцензурованныя сей книги послѣднія три части задержаны уже въ типографіи, отобраны и безъ вѣсти пропали. Полиція, по полуночи во 2-мъ часу, къ Антоновскому (два полицеймейстера и нѣсколько частныхъ приставовъ и квартальныхъ офицеровъ съ превеликою командою) вскорѣ послѣ сего пріѣзжала на квартиру его Антоновскаго искать какого-то Каченовскаго, для представленія того вышесказаннаго Каченовскаго Государю къ разводу. Кто не понимаетъ, съ какимъ намѣреніемъ все сіе сдѣлано?... Говорить о семъ пространнѣе для понимающихъ тѣ времена людей не нужно. О присланныхъ еще послѣ сего сряду трехъ

фельдъ-егеряхъ *) къ Антоновскому во время сна ночью и всегда начинавшихъ рѣчь свою тѣмъ, что Государь Императоръ указать изволилъ (съ разстановкою послѣ сихъ словъ довольною) и оканчивающихъ также, какъ и полицеймейстеры вышесказанные, сущими пустяками, должно также здѣсь упомянуть для замѣчанія, что́ хотѣли зависть и злоба съ Антоновскимъ сдѣлать.

Нельзя оставить здѣсь безъ замѣчанія, съ какою осторожностію г. Кушелевъ отвѣтствовалъ г. Голенищеву-Кутузову, когда сей 1797 года Марта 17 дня просилъ его исходатайствовать у Его Императорскаго Высочества отмѣну своего высочайшаго повелѣнія въ разсужденіи опредѣленія Антоновскаго главнымъ инспекторомъ въ Морской Кадетскій Корпусъ, представляя яко сущую невозможность въ исполненіи онаго то, что Антоновскій маіоръ, а не подполковникъ, какъ будто высочайшее пожалованіе его въ главные инспекторы не производило купно его и въ подполковники (только та злоба, зажимая умныя очи человѣку предъ истиною, старается ослѣплять оныя и у другихъ): ибо-де помощникъ инспекторскій въ томъ корпусѣ въ чинѣ подполковника, слѣдовательно Антоновскій не можетъ надъ нимъ начальствовать, да и корпусные-де капитаны, учащіе эволюціонные классы, должны быть также въ повиновеніи у Антоновскаго, а сей-де моложе и ихъ **); почему не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Высочеству, чтобы Антоновскому пожаловать мѣсто, опредѣлить его для обученія словесныхъ наукъ, нравственной философіи и правъ съ жалованьемъ по 600 рубл. въ годъ? На сію-то записку г. Кушелевъ тогда же отвѣчалъ на оной же сими весьма темными и обоюдными и нимало неудовлетворительными точными словами: «Когда на сіе г. Антоновскій согласенъ будетъ, то по сему предположенію апробовано опредѣленіе». Но Антоновскаго согласія никогда не спрашивано, и онъ къ инспекторству не допущенъ, пути жаловаться на сіе всемѣрно заграждены были ему, а сію записку г. Голенищева-Кутузова съ отпискою на оной же вышеприведеннаго г. Кушелева Анто-

---

*) Фельдъ-егерь значитъ псовой охотникъ за зайцами; ибо Фридрихъ II-й, по заслугамъ своему отечеству великій, король Прусскій, уничтожая охотниковъ своего отца, какъ и его къ военному дѣлу негодный уставъ воинскій, сихъ вредныхъ землепашеству людей, фельдъ-егерей отца своего, повелѣлъ употребить, какъ навычныхъ людей къ скорымъ посылкамъ, въ службу государственную, оставя при нихъ имя фельдъ-егерей, т.-е. гончихъ охотниковъ. Въ Россіи въ извѣстное время они были тоже, что́ въ Испаніи посланцы auto-dafe, а въ прежней Венеціи servitori de l'ordine oci superiori—инквизиція страшная!

**) Антоновскій былъ моложе всѣхъ въ Московскомъ университетѣ; но сіе не лишало его достоинства быть старше всѣхъ своихъ товарищей.

новскій въ подлинникѣ постарался, для обличенія при случаѣ жалобы. достать изъ канцеляріи Голенищева-Кутузова.

Изъ всего сего явствуетъ, что Антоновскій въ отставкѣ отъ службы никогда не былъ, кромѣ какъ по прошенію его за приключившеюся на морѣ болѣзнію уволенъ для опредѣленія въ другой родъ службы, въ который тогда же и поступилъ, ибо въ тотъ же годъ посланъ въ званіи кавалера посольства въ Вѣну для поздравленія со вступленіемъ на престолъ императора Римско-Германскаго Леопольда II-го, причемъ, въ проѣздъ чрезъ Польшу, въ исполненіе данной посланнику изъ Иностранной Коллегіи инструкціи. учинены имъ важныя въ разсужденіи готовившейся тогда въ Польшѣ противъ Россіи революціи замѣчанія и донесенія, куда слѣдовало. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ вскорѣ опредѣленъ онъ былъ инспекторомъ главнымъ въ Морской Кадетскій Корпусъ съ чиномъ подполковника, какъ выше сказано, а слѣдовательно въ семъ чинѣ онъ съ 1794 г., но пожалованъ паки въ оный же отъ ошибки доклада въ 1797 г. Января 17, бывъ переименованъ токмо въ надворные совѣтники *). Всѣ почти сверстники его въ штабсъ-офицерскомъ чинѣ по службѣ и безъ тѣхъ качествъ и заслугъ, какія оказаны отечеству Антоновскимъ, отличныхъ его дарованій, способности и ревности пламенной къ истинной славѣ своего отечества (здѣсь рѣчь не о случайныхъ любимцахъ царскихъ и ихъ родителяхъ и родственникахъ) нынѣ уже въ 4, 3 и даже 2-мъ классахъ находятся въ службѣ и безъ оной; даже бывшіе подъ начальствомъ его и въ званіи переписчиковъ, какъ и для посылокъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ въ 1789 г., нынѣ служатъ въ 4 и 3 классахъ.

Будучи же пожалованъ библіотекаремъ бывшей Варшавской публичной, что нынѣ Россійская Императорская, библіотеки, какъ сказано выше, Антоновскій, видѣвши и знавши устройство многихъ публичныхъ въ Европѣ знаменитѣйшихъ библіотекъ, немедленно приступилъ къ разобранію оной, и нашелъ гораздо больше въ оной книгъ, какъ показано отъ исторіографа Бишинга и отъ другихъ и даже поносительныхъ иностранныхъ газетчиковъ, и именно; на Польскомъ 4.051, на Россійскомъ 5, на Славянскомъ 15, на Сербскомъ 2, на Богемскомъ 15, на Эстляндскомъ 16, на Венгерскомъ 16, на Литовскомъ 16, на Шведскомъ 15, на Датскомъ 10, на Англійскомъ 4.368, на Голландскомъ 2.583, на Нѣмецкомъ 37.160, на Латинскомъ 80.710

*) По напечатанному отъ Герольдіи списку о первыхъ седьми классахъ Антоновскій служитъ отечеству 41 годъ (въ 1805 году).

на Италіянскомъ 11.823, на Французскомъ 58.938, на Испанскомъ 1.092, на Португальскомъ 58, на Греческомъ 6.290, на Сирскомъ 5, на Халдейскомъ 2, на Еврейскомъ 40, на Арабскомъ 20, на Персидскомъ 2, на Армянскомъ 10, на Китайскомъ 2, на Индѣйскомъ 3; на Малабарскомъ 2; да попорченныхъ во время осенней перевозки изъ Варшавы на разныхъ языкахъ печатныхъ 1802. Рукописей рѣдкихъ на разныхъ языкахъ 10.425; библіографическихъ и библіогностическихъ печатныхъ на разныхъ языкахъ 6.905; мелкихъ сочиненій печатныхъ на всѣхъ почти извѣстныхъ языкахъ, весьма важныхъ, рѣдкихъ и древнихъ въ тетрадкахъ 163.538; гербаріевъ или травниковъ съ рисунками и въ натурѣ прилѣпленныхъ травъ 16. Итого 389.961 книгопечатныхъ и рукописныхъ; да эстамповъ рѣдкихъ переплетенныхъ въ книги 24.574, также въ папкахъ 75-ти—16.044, всего эстамповъ 40.618.

Всѣ сіи книги и эстампы принялъ по описи Антоновскій на свои руки отъ г. ст. сов. тогда бывшаго (умершаго д. ст. совѣтникомъ), Киршбаума, опредѣленнаго отъ Императорскаго Кабинета къ главному надзору оныхъ во время привоза Варшавской библіотеки и государственной Польской архивы къ Кабинету; ибо библіотека сія купно съ оною архивою привезена по высочайшему повелѣнію къ Кабинету, и управляющій онымъ тогда г. г.-м. и кавалеръ Василій Степановичъ Поповъ назначилъ служившихъ тогда при Кабинетѣ чиновъ, знающихъ иностранные языки, къ разбору оной и обсушенію отъ мокроты, во время перевозки оныхъ въ осеннее время случившейся. Съ сими-то назначенными для того чиновниками Антоновскій, обсуша отъ мокроты библіотеку оную, приступилъ немедленно къ порядочному расположенію оной въ нарочно сдѣланные въ обширной залѣ кабинетскаго дома ящики по языкамъ и потомъ къ расклассифицированію оныхъ на семь разрядовъ, по числу главнѣйшихъ знаній человѣческихъ, яко богословія, законовѣдѣнія, естествословія и врачества, любомудрія, маѳематики, исторіи и землеописанія, и свободныхъ или изящныхъ наукъ, художествъ и ремеслъ. Антоновскій расклассифировалъ на разныхъ языкахъ болѣе 150.000 книгъ; помощники его, опредѣленные отъ Кабинета и другіе, единственно къ библіотекѣ по высочайшимъ указамъ послѣ принятые, записали оныя книги въ каталоги или списки, и все сіе учинено не болѣе какъ въ теченіи шести мѣсяцевъ.

По вступленіи на Всероссійскій престолъ Государя Императора Павла I послѣдовалъ высочайшій Его Величества именной указъ Императорскому Кабинету слѣдующаго содержанія: «Указъ нашему Кабинету. Тайному совѣтнику графу Шоазелю-Гуффье поручаемъ въ надзираніе и дирекцію привезенную изъ Варшавы библіотеку, повелѣвая Кабинету оставить при ней людей къ разбору ея опредѣлен-

ныхъ *), да и вообще по сему возложенному на помянутаго графа Шоазеля-Гуффье дѣлу подавать ему надлежащую помощь». За силою сего высочайшаго указа и Антоновскій остался уже въ дирекціи графа Шоазеля-Гуффье, явился къ нему съ рапортомъ, яко библіотекарь оной библіотеки, представя притомъ вѣдомость о чинахъ при оной, какъ и о состояніи оной, и былъ признаваемъ отъ него, графа, старшимъ чиновникомъ въ оной, какъ сіе свидѣтельствуютъ данные отъ него на имя Антоновскаго ордера, и въ томъ числѣ о допущеніи къ соучаствованію въ разборѣ библіотеки нѣкоего, именующагося графомъ, Польскаго дворянина Чацкаго, весьма хорошо знавшаго въ Варшавѣ всѣ рѣдкія сей библіотеки книги, который едва успѣлъ быть впущенъ въ библіотеку, какъ и сталъ съ наглостію приводить (якобы по словесному ему позволенію отъ графа Шоазеля-Гуффье, котораго онъ всегда именовался другомъ) съ собою своихъ служителей, подъ видомъ нужной ему помощи при выниманіи изъ ящиковъ книгъ, и имъ книги рѣдкія, отбирая украденное, всовывать въ карманы и рукава, какъ и самъ тоже дѣлалъ; почему и былъ Антоновскимъ въ томъ пойманъ, о чемъ тогда же отъ него Антоновскаго и былъ поданъ рапортъ главному директору оной библіотеки, графу Шоазелю-Гуффье, который, озлобясь за то до безмѣрности на Антоновскаго и наговоря весьма много оскорбительныхъ даже на счетъ цѣлой націи Россійской рѣчей, отрѣшилъ г. Антоновскаго самоуправно ордеромъ своимъ отъ библіотеки и званія библіотекарскаго, и на мѣсто его опредѣлилъ изъ одноземцевъ своихъ нѣкоего Француза Огарда, который по 1809 г. находился при той библіотекѣ старшимъ библіотекаремъ съ чиномъ ст. совѣтника и съ превеликими отъ библіотеки и казны выгодами, безъ всякаго предписанія Антоновскому о сдачѣ Огарду по спискамъ библіотеки. Списки оные, какъ слышно, всѣ истреблены, что̀ и доказываетъ рапортъ Огарда, поданный д. т. совѣтнику А. С. Строганову, по вступленіи его на мѣсто графа Шоазеля-Гуффье главнымъ директоромъ оной библіотеки, якобы вся Варшавская библіотека состоитъ только около 60 тысячъ книгъ, хотя Антоновскій подалъ въ тоже время сему графу вѣдомость объ оныхъ вышеписанную.

Послѣ сего насильственнаго поступка съ Антоновскимъ онъ и поднесь, сколько ни просилъ, кого слѣдовало, о перемѣщеніи его въ другую службу по его способностямъ, оставленъ презрительно счи-

*) Почти всѣ однакожъ тогда бывшіе опредѣленными отъ Кабинета чиновники къ разбору библіотеки вскорѣ оставили оную, не находя никакой для себя выгоды служить при оной, и въ томъ числѣ тогда бывшій колл. ассесоромъ (что̀ нынѣ д. ст. совѣтникъ) Леховой, управляющій экспедиціею въ Государственномъ Казначействѣ.

таться токмо при оной библіотекѣ на шести стахъ рубляхъ, безъ всякаго узаконеннаго производства въ чины и съ отнятіемъ у него даже казенной квартиры, которую онъ до того при библіотекѣ имѣлъ со времени своего опредѣленія къ оной библіотекаремъ. Правда, что князь Лопухинъ, бывшій еще 1799 года генералъ-прокуроромъ, узнавши стороннимъ образомъ, что Антоновскій толь безвинно обиженъ графомъ Шоазелемъ-Гуффье, великодушно заступился было за него и писалъ къ оному графу, Марта 28-го числа того года, письмо объ Антоновскомъ.

Но сіе повидимому великодушное заступленіе князя Лопухина, вмѣсто пользы для Антоновскаго, лишь усугубило для него отвсюду, гдѣ Антоновскій никогда и не чаялъ встрѣтить, гоненія, притѣсненія, обиды несносныя, доведшія Антоновскаго въ совершенную нищету, презрѣніе, дурное какое-то у всѣхъ замѣчаніе, и чрезъ то въ отчаянное уныніе, тѣмъ паче, что даже у самаго престола скорбный вопль его и жалобы заглушаются, какъ сіе можно видѣть изъ отказа (да и другихъ) на всеподданнѣйшее прошеніе его о помѣщеніи его на существовавшую еще тогда (когда высочайшее соизволеніе послѣдовало объ опредѣленіи его) вакансію, по штату высочайше конфирмованному въ 1803 г., метриканта при государственной Польской архивѣ, помѣщенной при третьемъ департаментѣ Правительствующаго Сената,—отказа, припечатаннаго для единственнаго конечнаго пораженія (ибо въ томъ не настояло надобности) въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1805 г. въ № 75. Толико-то Французская крамола имѣетъ въ Россіи сильнаго навожденія на умы выползшихъ въ боляре, — по-французски parvenus. Чего убо Французы при таковомъ своемъ навожденіи не успѣютъ съ Россією? Но съ Антоновскимъ сбылась уже старинная Нѣмецкая притча:

Wenn der Bähr schön tanzen kann,
Muss er in den Fesseln sitzen:
So führt 'auch geschickten Mann
Sein Verdienst oft ins Verderben

Т.-е.

Умѣетъ коль медвѣдь изрядно поплясать,
За то онъ посидитъ окованъ вѣкъ цѣпями:
Равно заслуги кто зналъ свѣту показать,
Погубится всегда прегнусными ханжами.

Остается сказать нѣчто о сей библіотекѣ Варшавской и о намѣреніяхъ Великой Екатерины сдѣлать оную, по достоинству Россійской Имперіи, огромнѣйшею, блистательнѣйшею въ свѣтѣ и обще-

полезнѣйшею для просвѣщенія Россіи, а особливо для почерпнутія изъ оной, яко наилучшаго источника, сочиненія Россійской древней, небывалой еще въ свѣтѣ, исторіи... Исторіографъ Бишингъ и другіе написали въ своихъ сочиненіяхъ объ оной библіотекѣ, что оная есть многочисленнѣйшее и рѣдкое въ цѣломъ свѣтѣ собраніе наилучшихъ книгъ и превосходитъ потому всѣ въ свѣтѣ библіотеки; а въ библіотекѣ запасъ для сочиненія древней и новѣйшей Россійской исторіи, изданной отъ Россійской Академіи Наукъ въ 1767 году подъ заглавіемъ, Библіотека Россійская историческая древнихъ и среднихъ временъ. Въ предисловіи къ оной написано сими словами: «Поляки въ собраніи матерій, принадлежащихъ къ исторіи ихъ отечества (а слѣдовательно и Россійской) весьма прилежны, и князь Залускій все, что до оной касаться только можетъ, съ крайнимъ и всегдашнимъ отъ потомковъ прославленія достойнымъ усердіемъ, а притомъ и съ немалымъ иждивеніемъ въ свою, публичному употребленію посвященную, библіотеку присовокупилъ». Вотъ та библіотека, въ которую Антоновскій, проницая цѣль взятія оной въ Россію, пожелалъ и былъ по высочайшему повелѣнію опредѣленъ библіотекаремъ. Онъ желалъ при семъ и могъ бы быть съ пособіемъ оной лучшимъ исторіографомъ Россійской Имперіи, любя паче жизни своей честь, славу и пользу своего отечества. Должность весьма важная и общеполезная. Писатели пустыхъ романцовъ не могутъ занимать оной. Почивающая въ Бозѣ Великая Екатерина II, Самодержица Всероссійская, полагавшая всю славу и удовольствіе свое въ славѣ Россіи и въ пользѣ ея, какъ сіе свидѣтельствуютъ всѣ дѣянія ея, не взявши во владѣніе свое покоренной побѣдоносным Россійскимъ оружіемъ Варшавы, удовольствовалась повелѣть взять изъ оной то, что, по свидѣтельству цѣлаго свѣта, было наидрагоцѣннѣйшее въ оной, т.-е. Публичную Библіотеку, такъ именованную Залускихъ, и привезти въ Санктпетербургъ къ Императорскому Кабинету, назнача для сей перевозки нѣсколько десятковъ тысячъ рублей серебромъ, выстроить для сей библіотеки при кабинетскомъ домѣ въ видномъ мѣстѣ особенное великолѣпное зданіе съ астрономическою обсерваторіею и съ разставленными по краямъ крышки зданія онаго статуями знаменитѣйшихъ древнихъ философовъ, которое и выстроено; но за кончиною Ея Величества съ отмѣною какъ въ наружности, такъ и во внутренности: ибо обсерваторія не сдѣлана, кабинеты, назначенные для механическихъ, физическихъ и астрономическихъ инструментовъ отмѣнены; прекраснѣйшая для плафона въ большой залѣ картина, написанная съ немалымъ иждивеніемъ, также не наложена, и другое многое перемѣнено, равно какъ и отмѣнено заведеніе при оной библіотекѣ лучшаго саду съ цвѣтниками

и водопадами и водоемами для прохлады въ лѣтное время раскаленнаго напряженіемъ ума читающихъ въ оной людей *). Поелику намѣреніе премудрой Монархини было, умножа библіотеку Варшавскую находящимися при дворцахъ библіотеками: Эрмитажною, Корфовскою, Волтеровою, Дидеротовою и другими, также закупивъ всѣ и на всѣхъ языкахъ книги и особливо съ 1770 по 1796 г. напечатанныя, составить, по примѣру всѣхъ просвѣщенныхъ въ свѣтѣ государствъ, огромнѣйшую и, расклассификовавъ оную по принятому во всѣхъ лучшихъ публичныхъ библіотекахъ порядку, выписавъ изъ Англіи и другихъ мѣстъ, какъ и сдѣлавъ въ Россіи, лучшіе инструменты физическіе, математическіе и астрономическіе и другіе механическіе (труба зрительная, сдѣланная славнымъ астрономомъ Гершелемъ для обсерваторіи астрономической, присланная къ Императрицѣ покойной, яко рѣдкость, была уже отъ Ея Величества подарена въ сію библіотеку), избравъ также нужныхъ и искусныхъ людей число, о коемъ будетъ сказано ниже, словомъ, приведя въ наилучшее въ свѣтѣ устройство, великолѣпіе и удобность сію библіотеку, открыть оную для употребленія всѣхъ и каждаго.

Повелѣно было, по закупкѣ книгъ Россійскихъ и Славянскихъ съ самаго начала печатанія оныхъ какъ въ чужихъ краяхъ, такъ и въ Россіи, какъ и иностранныхъ съ 1770 г. (ибо по тотъ годъ почти всѣ существовали уже въ сказанныхъ библіотекахъ) по 1796 г. всѣхъ книгъ, какія токмо ни отыщутся уже въ оныхъ библіотекахъ, отобравъ особо находящіяся въ оныхъ въ двойнѣ, тройнѣ, четвернѣ, для разосланія оныхъ во всѣ Россійскіе университеты (коихъ тогда предположено было, кромѣ Московскаго, завести еще три), также гимназіи при оныхъ и другія народныя училища; соединя въ одно мѣсто оныя библіотеки для составленія огромнѣйшей, соотвѣтствующей величію Россіи, приступить немедленно къ единообразному расклассификованію оныхъ по изреченію мудраго Соломона въ его Книгѣ Премудрости,

---

*) Вмѣсто того выстроены при оной и даже въ оной кукольныя позорища панорамъ, шалаши для мелочныхъ торгашей, ясли для извощичьихъ лошадей и прочее тому подобное, стыдъ приносящее. Деньги, получаемыя отъ Кабинета по 1000 р. въ годъ, якобы для писцовъ и переплета книгъ библіотечныхъ, совсѣмъ не на то употребляются, ибо ни писцевъ нѣтъ, ни книги не переплетаются; а получаемые доходы съ лавокъ торгующихъ Россійскими книгами и съ мелочныхъ торгашей куда употребляются, неизвѣстно, развѣ на постройку жилыхъ, въ противность всѣхъ узаконеній, дабы того не было при архивахъ и библіотекахъ, и кои съ явною опасностію сожженія сей библіотеки въ оной построены для шарлатановъ, того токмо и желающихъ, а особливо еще при помѣщеніи въ оную библіотеку какого-то Домбровскаго, проживавшаго въ Европѣ, какъ извѣстно, продажею повсюду рукописей монастырей Французскихъ.

въ главѣ 9-й, стихѣ 1-мъ, что премудрость (приспособленное къ прежнему до мνропомазанія Екатерины II-й имени Софія) созда себѣ храмъ и утверди столповъ седьмь. Посему и раздѣленіе учинено библіотекъ сихъ по предположенію на семь разрядовъ, по числу главнѣйшихъ знаній человѣческихъ, какъ показано выше. Вслѣдъ за расклассификованіемъ повелѣно было книги переплетать всѣ въ красный лучшій сафьянъ и въ обрѣзъ съ позолотой, по приличію соотвѣтственному великолѣпію и достоинству Россійской Имперіи, втискивать на обѣихъ сторонахъ переплета гербъ Россійскій съ знаменательностями библіотеки Императорской Публичной, нарочно вырѣзанный на стали, и симъ же клеймить прозрачною краскою по заглавнымъ листамъ книгъ такъ, чтобы и печатаніе заглавія и клейменія видно было, равно и на рукописяхъ, и при томъ для узнанія о похищеніи какой-либо книги изъ библіотеки замѣчать въ мѣстахъ всякой книги, записывая сіи замѣчанія въ особый секретный списокъ рукою самаго главнаго библіотекаря тайными знаками. Вотъ почему всякая украденная книга изъ библіотеки рано или поздно могла быть опознана. По расклассификованіи, по таковомъ переплетѣ, заклейменіи, тайномъ замѣчаніи, разставленіи въ досчатые краснаго дерева шкафы, съ нарочно сдѣланными замками неудобоотпираемыми, всей сой огромнѣйшей въ свѣтѣ долженствовавшей быть бы къ удивленію всего міра библіотеки, предположены были находиться въ оной главные и нижніе чиновники нижеслѣдующіе.

Поелику библіотека сія Россійско-Императорская Публичная долженствовала было быть открыта для всеобщаго употребленія, и паче Россіянъ, то и люди назначаемые было быть при оной должны были быть избраны изъ Россіянъ же; а буде бы достойные нашлися и изъ иностранцевъ, то сіи, какъ и Россіяне, должны были знать, кромѣ сціенцій, наукъ для классовъ библіотеки нужныхъ, и языковъ сверхъ ученыхъ, яко то Греческаго или Латинскаго, Еврейскаго или Халдейскаго и Европейскихъ, которыхъ нибудь Французскаго ли, Испанскаго, Португальскаго, Италіянскаго, Нѣмецкаго, Голландскаго, Датскаго, Шведскаго, Англійскаго, или же Азіятскихъ: Монгольскаго, Татарскаго, Турецкаго, Бухарскаго, Китайскаго, Индѣйскаго, Персидскаго, Арабскаго и другихъ народовъ, особливо обитающихъ въ Сибири, Камчаткѣ, Японіи, Сѣверной Россійской Америкѣ, хотя двухъ или трехъ изъ сихъ сказанныхъ языковъ ученымъ образомъ, сирѣчь грамматически, должны были непремѣнно знать основательно Россійскій языкъ: ибо нужно было по предназначенію каждому изъ сихъ людей, по ввѣренному ему классу или разряду книгъ сея библіотеки, объясниться съ приходящими для чтенія и наставленія въ сію открытую библіотеку Россіянами, иными и неразумѣющими, кромѣ природнаго

своего, никакого другаго языка. Для каждаго изъ вышеозначенныхъ по раздѣленію классовъ или разрядовъ наукъ и художествъ предположено было непремѣнно имѣть (какъ сіе вездѣ при знаменитыхъ публичныхъ библіотекахъ наблюдается) искуснаго профессора одного, а для III и VII классовъ и больше, для V же нужнымъ и механикъ полагался. Также каждому изъ сихъ профессоровъ предназначаемо было придать по одному, а смотря по надобности, и болѣе одного адъюнктовъ или помощниковъ, равно искусныхъ въ наукахъ, художествахъ и языкахъ. Главный надъ библіотекою, главнымъ библіотекаремъ и профессорами директоръ долженъ былъ непремѣнно быть природный Россіянинъ и притомъ знатнаго достоинства и чину, какъ и съ знаніемъ языковъ и наукъ, ревностнѣйшій къ пользѣ и славѣ истинной отечества своего, разумѣющій оныя въ существенномъ видѣ. Онъ, снабдѣнъ будучи высокомонаршею въ семъ дѣлѣ довѣренностію, долженъ былъ имѣть въ распоряженіи своемъ какъ выборъ профессоровъ для сей библіотеки нужныхъ, такъ и пещися о приведеніи оной въ блистательнѣйшее совершенство, сообразное достоинству Россійской Имперіи. Подъ главнымъ директоромъ долженъ былъ быть старшимъ главный библіотекарь. Сей долженъ былъ имѣть, сверхъ природныхъ дарованій, остроумія и памяти, еще и знаніе ученыхъ мертвыхъ и Европейскихъ языковъ, хотя шести, и паче энциклопедическое, хотя поверхностное, но правильное понятіе о всѣхъ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ и также долженъ быть непремѣнно природный Россіянинъ, усерднѣйшій ревнитель о славѣ и истинной пользѣ своего отечества, въ чинѣ по званію своему не меньше статскаго совѣтника. Подъ начальствомъ и распоряженіемъ сего главнаго библіотекаря должны были состоять всѣ прочіе суббибліотекари или профессоры при сей библіотекѣ, раздѣляющіеся по классамъ книгъ съ ихъ помощниками и другими нужными при оной чиновниками.

Главный директоръ сей Россійско-Императорской библіотеки публичной долженъ былъ, по сему предназначенію, представить Императорскому Величеству штатъ людей нужныхъ для библіотеки съ означеніемъ окладовъ жалованья имъ на высочайшее утвержденіе и сдѣлать распоряженіе торжественному открытію оной библіотеки какъ и порядку, какой должно будетъ сохранять въ оной послѣ открытія какъ для приходящихъ читать въ оной книги или требовать наставленій какихъ либо касательно наукъ, художествъ и ремеселъ, такъ и для суббибліотекарей или профессоровъ и ихъ помощниковъ, означа каждому, что онъ долженъ будетъ дѣлать для вящшаго усовершенствовавствованія своей ввѣренной ему части, къ истинной пользѣ и славѣ Россіи.

Сочиненіе древней и среднихъ временъ Россійской исторіи обстоятельной и вѣрной будетъ однимъ изъ первыхъ попеченій главнаго библіотекаря; ибо весьма много средствъ и пособій къ тому находится особливо въ бывшей публичной Варшавской библіотекѣ. Сія идея и предначертаніе устройства Публичной Россійско-Императорской библіотеки было дѣло Антоновскаго, которая, по представленіи, какъ извѣстно было, на высочайшее узрѣніе покойной Государыни Императрицы Всероссійской и была удостоена словесной ея высочайшей аппробаціи и конечно была бы въ исполненіе приведена еще въ 1797 г., ежелибы Императрица не скончалась и послѣ не былъ опредѣленъ надъ оною библіотекою главнымъ директоромъ Французъ графъ Шоазель-Гуффье. Сколько же желательна истина, слава и польза Французамъ *) подобнымъ сему Шоазелю-Гуффье, сіе всѣмъ извѣстно, какъ и изъ самой характеристики его, описанной весьма хорошо единоземцомъ его, такимъ же графомъ Ферріеромъ Совбёфомъ въ изданной симъ въ Мастрихтѣ 1790 г. книгѣ въ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ: Mémoires historiques et politiques de ses voyages en Turquie et en Perse, сирѣчь историческія и политическія записки путешествій вышесказаннаго графа Ферріера Совбёфа въ Турцію и Персію. Здѣсь весьма подробно описано, колъ Жоазель-Гуффье не по званію столько Французскаго министра при Турецкомъ дворѣ, сколько по личнымъ своимъ расположеніемъ старался нанести Россіи вреда. Но за то присяжный врагъ сей во время изгнанія своего изъ Франціи и бѣгства въ Россію великодушно до безмѣрности уже ухлѣбленъ Россійскими монархами.

Со времени сихъ смутныхъ обстоятельствъ библіотека сія приведена въ такое состояніе, что вышеуромянутые газетчики, написавшіе пасквиль на Россію при случаѣ взятія изъ Варшавы оной, могутъ совершенно оправдаться. Конечно всякому истинному сыну отечества весьма прискорбно слышать и видѣть сіе. Ибо въ Шоазельское правленіе съ сею библіотекою случились два весьма споспѣшествовавшія было оправданію газетчиковъ обстоятельства. Первое, исходатайствованное безчестно повелѣніе о выборѣ изъ оной всѣхъ надобныхъ книгъ для Медицинской Академіи, безчестно и вредно для чести и пользы отечества, ибо тѣмъ поданъ вожделѣнный случай Полякамъ и Французамъ, подъ симъ видомъ истребя каталоги книгъ Антоновскимъ и въ Варшавѣ написанные **), расхитить всѣ почти

*) Ибо были и суть умнѣйшіе и честнѣйшіе Французы, други истинные чести человѣчества.

**) Всѣ хранившіеся у Антоновскаго въ особой при библіотекѣ комнатѣ (отъ коей и нынѣ у него ключъ и коей двери Шоазель-Гуффье съ Огардомъ выломали) каталоги истреблены, для чего и удаленъ былъ предварительно. Каковъ умыселъ для пагубы чести Россіи!

рѣдкія рукописи и печатныя книги, и тѣмъ оставить, такъ сказать, одну скорлупу яйца. Но Антоновскій въ сіе время былъ уже вытѣсненъ изъ библіотеки чрезъ злодѣевъ отечества покровительствуемыхъ, умылъ руцѣ свои въ неповинныхъ, когда ни доносы его, ни распинаніе такъ сказать себя за честь и славу возлюбленнаго отечества были не вняты, не уважены, презрѣны жесточайше, съ ядовитою тонкостію наказаны. Итакъ сбылось это по пословицѣ: ни себѣ, ни людямъ! А второе, отдача оной библіотеки цѣликомъ почти (также не безъ околичнѣйшихъ каверзъ Французскихъ и концы-де въ воду, такъ-то страшенъ имъ всегда ревностнѣйшій къ чести, славѣ и пользѣ Россіи Антоновскій, готовый всегда открыть злодѣевъ отечества!), отдача библіотеки сей публичной Варшавской цѣликомъ почти Святѣйшему Синоду. Какая коварная, вредная тонкость! Но бдительный всегда о славѣ и пользѣ своего отечества Антоновскій въ тоже время узналъ о семъ исходатайствованномъ Высочайшемъ повелѣніи, сидя между отставными матросами, узналъ - поспѣшилъ - уничтожилъ. Сіе докажутъ данный на имя его съ приложеніями копій Высочайшихъ повелѣній отъ Императорскаго Кабинета ордеръ 1800 г. Января 25 о сдачѣ Сѵноду библіотеки и собственною его Антоновскаго вслѣдствіе онаго ордера писанное рукою (подписанное тогда же) на мѣсто высланнаго изъ столицы Шоазеля-Гуффье, опредѣленнымъ, по Высочайшему повелѣнію, главнымъ надъ отданною было уже Сѵноду Варшавскою библіотекою директоромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ къ управлявшему въ томъ 1800 году Императорскимъ Кабинетомъ графу Тизенгаузену письмо. Ибо Антоновскій во всю жизнь свою и во всѣхъ случаяхъ наблюдалъ существеннѣйшую пользу и славу цѣлаго своего отечества, а не частицъ онаго; поелику сія послѣдняя отдача неопредѣленнаго числа книгъ Сѵноду изъ сей библіотеки неизбѣжно разрушила бы и уничтожила оную всеконечно, а тамъ уже и восторжествовалъ бы Шуазель-Гуффье, сей присяжный врагъ Россіи, какъ и памятозлобные его сообщники въ семъ дѣлѣ, да еще и въ Константинополѣ, по свидѣтельству Феррієръ-Совбёфа, Польскіе Французы, сирѣчь панки, самопроизвольно титулующіеся и титулуемые отъ глупцовъ не только графами. даже князьками. Оправдались бы также тѣмъ и вышесказанные иностранные газетчики, и Россія, паче мудрая мать отечества Екатерина Великая II, самодержца Всероссійская, неизбѣжно подверглись бы тому нареканію: ни себѣ, ни людямъ; ибо Сѵноду достались бы токмо школьные классическіе дублеты и квартеты, а ядро библіотеки исчезло бы, чрезъ что Россія лишилась бы, кромѣ тѣхъ величайшихъ пожертвованій для пріобрѣтенія, вмѣсто Варшавы, сей библіотеки, еще и

той неоцѣненной пользы, для пріобрѣтенія которой Великая Екатерина не щадила, при всей извѣстной умной бережливости своей, великихъ суммъ и иждивеній, дабы только доставить оную библіотеку изъ Варшавы въ Санктпетербургъ и устроить оную вышесказаннымъ образомъ, сирѣчь для почерпнутія изъ оной наипревосходнѣйшаго сочиненія—и поднесь ожидаемаго Россіею—Россійской древнихъ и средднихъ временъ Исторіи. О необъяснимой же почти пользѣ для Россіи таковой Исторіи никто, кромѣ совершенныхъ невѣждъ, сомнѣваться не будетъ.

Антоновскій предпріялъ уже писать и пишетъ планъ или начертаніе таковой Исторіи и почти самую Исторію въ публикованномъ періодическомъ изданіи своемъ подъ заглавіемъ Бесѣдующій Гражданинъ, для введенія въ чтеніе котораго издалъ онъ уже сего 1806 года въ печать сочиненное имъ якобы рѣшеніе публичной Московскаго императорскаго университета задачи о томъ, когда Славяне населили Россію. Должно сказать при семъ, что онъ уже вышесказанными съ нимъ приключеніями весьма убитъ, и пишетъ изданіе оное, якоже лебедь поетъ послѣднее пѣніе свое при издыханіи: ибо толь безчеловѣчнѣйшіе обманы, сдѣланные ему, неустойки безстыдныя въ своихъ торжественнѣйшихъ ему обѣщаніяхъ, запечатлѣнныхъ страшнымъ призываніемъ во свидѣтельство имени Всевышняго, измѣны и клятвопреступства отъ такъ именовавшихся друзей его, неблагодарность и даже злодѣянія ему отъ людей облагодѣтельствованныхъ имъ его услугами, усердіемъ къ ихъ пользамъ, своими неусыпными трудами, наставленіями, покровительствомъ, споспѣшествованіемъ къ возвышенію ихъ въ чины и достоинства, доставившія имъ не токмо безнужную, но даже весьма довольственную жизнь, открытіемъ и указаніемъ имъ вѣрнаго пути къ временному и вѣчному счастію, блаженству,—также злоба на него безъ вины его, клевета, зависть и коварство, ухищренія на пагубу его и даже поклепные ябеднические иски на него, поданные въ суды, сихъ вопіющее на него неправосудіе и притѣсненія ему безчеловѣчнѣйшія, жалобы на то правительству безуспѣшныя (ибо рѣшила злоба и зависть отнять даже послѣднее убѣжище его, и тѣмъ довести его скорѣе къ отчаянной кончинѣ, не знавши, что все упованіе свое возлагаетъ онъ на Всевышняго), крамолы и какъ будто общій заговоръ на погубленіе его людей мощныхъ, наносящихъ ему цѣлыя почти двадесять сряду лѣтъ ударъ за сильнѣйшимъ ударомъ, одинъ другаго тягчайшимъ для чувствительнѣйшей души его, съ порывистыми терзаніями, такъ что сильныя пораженія оной и потрясенія до того ослабили тѣлесный составъ его, что чудесная памят̀ь его, извѣстная многимъ, совсѣмъ почти исчезла, пылкость воображенія его угасла.

жаръ сердечныхъ чувствованій всеобъемлющаго человѣколюбія потухъ; водворилось разслабленіе крѣпкихъ отъ природы его мышцъ, членовъ и орудій чувственныхъ (яко быстроты зрѣнія, вѣрнаго и нѣжнаго слуха и проч.); наступили тупость зрѣнія, глухота, почти мрачность и томность во всей наружности его, пресильное стѣсненіе въ груди и дыхательныхъ членосоставленіяхъ, одышка, частые обмороки, словомъ, всѣ признаки жизни краткой, безвременной, нечаянной.

Но Антоновскій, въ изгнанническомъ уединеніи своемъ, между отставными галерными матросами, въ галерномъ селеніи, возверзя на Господа печаль свою, собиралъ цѣлыя почти двадесять лѣтъ съ превеличайшими затрудненіями запасъ къ написанію вышесказаннаго начертанія древнихъ и среднихъ временъ Россійской Исторіи, о коемъ онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ помышлять началъ. Сей запасъ у него большею частію приготовленъ, и начертаніе осьми эпохамъ древней и новой Россійской Исторіи (древней со времени самаго всемірнаго потопа) написано уже въ первой и второй частяхъ періодическаго его вышесказаннаго изданія, подъ заглавіемъ Бесѣдующій Гражданинъ. Слѣдующія за симъ эпохи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ Россійской Исторіи спѣшитъ онъ Антоновскій денно и нощно окончить до кончины своей, больше изъ побужденія любви къ славѣ и пользѣ отечества своего, нежели изъ побужденія къ сдержанію токмо своего обѣщанія Россійской публикѣ въ своемъ напечатанномъ прошлаго 1805 года объявленіи издать восемь частей онаго начертанія, по числу главнѣйшихъ эпохъ отечественной Исторіи, яко то: I-е, эпохи перваго занятія участка шара земнаго первыми населителями нынѣшней Россіи, прозванными отъ Греческихъ писателей Скиѳами, кои сами себя однакожъ именовали съ тѣхъ почти поръ и поднесь Россами, сирѣчь народомъ царственнымъ, а частицы малыя онаго Гогами, Гоѳами, Магогами и Мосхо-Гетами, какъ видно изъ древнихъ исторій и самаго Св. Писанія; II-е, эпохи нашествія и смѣшенія съ ними Россовъ же, прежде покоренныхъ Ниномъ, обладавшихъ послѣ Сиріею и Мидіею и потому прозименовавшихся Сиромидами, Сарматами неправильно отъ Грековъ, Хвалисами и напослѣдокъ Славенами, какъ свидѣтельствуютъ памятники Всемірной Исторіи; III-е, эпохи тьмочисленныхъ народныхъ выходовъ отъ народовъ Росскихъ; IV-е, эпохи призванія на владычество надъ Россіею Варяжскихъ князей Рюрика или Рюдерика съ братьями и съ подвластнымъ имъ народомъ Росскимъ же; V-е, эпохи нашествія на Россію Монгольскихъ народовъ, извѣстныхъ въ Исторіи подъ именемъ Татаръ; VI-е, эпохи изгнанія и покоренія подъ владычество Россіи сего народа;

VII-е, эпохи смутной при самозванцахъ, и VIII-е, эпохи царствованія роду Романовыхъ.

И просвѣщенная Россійская публика, неизвѣстно почему съ хладнокровіемъ, буде не съ презрѣніемъ и недовѣрчивостію, взираетъ на его Антоновскаго, кажется, заслуживавшее бы лучшее вниманіе напечатанное отъ него въ прошломъ 1805 г. объявленіе и купно приглашеніе оной къ пособію ему напечатать, въ разсужденіи крайней бѣдности его, сей толико важный и общеполезный планъ Россійской Исторіи, какъ и напечатанное уже Антоновскимъ сего 1806 г. введеніе въ чтеніе сей паче сокращенной Исторіи древней Россійской отъ Ноевыхъ до настоящихъ дней, подъ именемъ рѣшенія задачи Московскаго университета о времени заселенія Россіи Славенами, посвященное Высочайшему имени Александра I-го Самодержца Всероссійскаго; ибо весьма слабо и почти ничего не пособляетъ ему подпискою, такъ что онъ не въ силахъ напечатать собранными отъ оной деньгами даже и одной первой части.

При всемъ томъ однакожъ Антоновскій, привыкшій уже къ терпѣливому пренесенію таковыхъ хладнокровныхъ съ собою встрѣчъ, взираетъ равнодушно и на сію, рѣшась твердо не поколебаться въ своемъ отчизнолюбивомъ намѣреніи семъ, чтобы, ежели уже нельзя напечатать весь сей сочиняемый имъ планъ древней и новѣйшей Россійской Исторіи, написать, по крайней мѣрѣ, оный до кончины своей, какъ сіе и самый девизъ или надпись изданію его періодическому Бесѣдующаго Гражданина показываетъ, сирѣчь, mens immota manet, т. е. «не поколеблюсь».

Записки Антоновскаго сообщены въ Русскій Архивъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскимъ, въ рукописи позднѣйшаго почерка. П. Б.

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

А. Дюгамель

АВТОБІОГРАФІЯ АЛЕКСАНДРА ОСИПОВИЧА ДЮГАМЕЛЯ *).

(Начата въ 1867 году).

1.

> Еслибы я служилъ Богу на половину, какъ я служилъ своему Государю, то былъ бы дважды спасенъ.

Я родился въ Митавѣ 26 Января 1801 года, за шесть недѣль до кончины императора Павла I-го. Я былъ старшимъ изъ восьми дѣтей, родившихся отъ брака моихъ родителей. При крещеніи мнѣ дали имя Александра, въ честь наслѣдника престола, на котораго вся нація возлагала тогда свои желанія и надежды.

Помню, я слышалъ, какъ разсказывали моему отцу, что когда первое извѣстіе о смерти императора Павла дошло до Митавы, то сначала не хотѣли этому вѣрить, опасаясь, не скрывается ли тутъ какого-нибудь коварнаго умысла, и самое извѣстіе передавали другъ другу шепотомъ; за то, когда слухъ подтвердился, наступило всеобщее ликованіе.

Митава получила нѣкоторое историческое значеніе съ того времени, какъ Людовикъ XVIII, гонимый отовсюду, прибылъ въ Россію, ища въ ней убѣжища. Императорское правительство назначило ему мѣстомъ жительства древній замокъ Курляндскихъ герцоговъ. А такъ какъ въ Митавѣ мой отецъ, въ числѣ немногихъ, въ совершенствѣ владѣлъ Французскимъ языкомъ, то Людовикъ XVIII находилъ удовольствіе бесѣдовать съ нимъ и допустилъ его въ кругъ своихъ приближенныхъ.

---

*) Печатается съ Французскаго неизданнаго подлинника, за любезное доставленіе котораго мы обязаны просвѣщенной внимательности къ Русскому Архиву адмирала Михаила Осиповича Дюгамеля, сообщившаго намъ и портретъ своего брата. П. Б.

Король назначилъ виконта Даварп вмѣсто себя быть воспріемникомъ при крещеніи одного изъ моихъ братьевъ, родившагося на свѣтъ въ 1806 году *). При этомъ случаѣ онъ написалъ собственноручно очень лестное письмо къ моему отцу. Изъ опасенія, чтобы это письмо не затерялось, мы помѣстили его впослѣдствіи въ коллекцію автографовъ Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ.

Благодаря крайностямъ революціи, нигдѣ не считали Французовъ людьми благонадежными, такъ что отецъ мой, опасаясь, чтобы Французское имя, которое онъ носилъ, не послужило препятствіемъ его дѣтямъ для поступленія на Русскую службу, говорилъ объ этомъ съ Людовикомъ XVIII и сказалъ ему, что онъ намѣревается просить Императора позволить ему перемѣнить фамильное имя. «Это напрасно, возразилъ ему король: кто имѣетъ счастіе носить Французское имя, тотъ его никогда не мѣняетъ».

Въ 1807 году когда моего отца перевели изъ Митавы вице-губернаторомъ въ Ригу, у него уже было четверо сыновей, изъ которыхъ одного, Сергѣя, усыновилъ графъ Тормасовъ, женатый на одной изъ сестеръ моей матери и въ то время еще не имѣвшій дѣтей **).

Около этого времени мать моя предприняла путешествіе въ Петербургъ, чтобы повидаться съ Тормасовыми, которые жили на углу Дворцовой набережной и Машкова переулка, въ домѣ, гдѣ впослѣдствіи я бывалъ часто, когда онъ принадлежалъ г-жѣ Ланской.

Въ 1811 году отецъ мой былъ назначенъ Лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Весной 1812 года, когда уже никто не сомнѣвался, что Французы вторгнутся въ предѣлы Россіи, мой отецъ отправилъ жену свою и дѣтей въ Аренсбургъ, на островъ Эзель, причисленный къ его губерніи, чтобы они были внѣ всякой опасности. Впослѣдствіи, когда непріятель сталъ дѣлать видъ, что желаетъ осадить Ригу, отецъ переѣхалъ въ Перновъ, куда перевели управленіе губерніей. Зимой, послѣ семимѣсячнаго отсутствія, мы возвратились въ Ригу.

Вслѣдъ за Французской арміей, императоръ Александръ прибылъ въ Вильну, и туда явилась къ нему депутація просить его принять

---

*) Это былъ Левъ Осиповичъ Дюгамель, нѣсколько лѣтъ назадъ кончившій жизнь въ Москвѣ, почтенный и высокообразованный человѣкъ, нѣкогда служившій инспекторомъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ передавалъ намъ, что Людовикъ XVIII-й, вступивъ на Французскій престолъ, не позабылъ про него, своего крестника, и присылалъ ему какой-то подарокъ. П. Б.

**) Мать А. О. Дюгамеля была урожд. Гейкингъ, дочь извѣстнаго президента Юстицъ-коллегіи въ Петербургѣ. Въ первомъ бракѣ (который кончился разводомъ) она была за барономъ Корфомъ. Баронъ Корфъ вторично женился и былъ отцомъ графа Модеста Андреевича. П. Б.

названіе «Благословеннаго». Дядя мой, Тормасовъ, былъ въ числѣ этой депутаціи. Въ началѣ кампаніи Тормасовъ командовалъ армейскимъ корпусомъ, но съ прибытіемъ Чичагова, онъ, Тормасовъ, былъ уволенъ отъ командованія, и его корпусъ соединили съ арміей Чичагова. Императоръ Александръ нѣсколько смутился, вновь увидѣвъ Тормасова, несправедливо принесеннаго въ жертву Чичагову. Не смотря на это, разговоръ самъ собой перешелъ на битвы, происходившія на берегахъ Березины. Государь считалъ себя вправѣ порицать образъ дѣйствія адмирала Чичагова въ этомъ случаѣ. Тормасовъ ограничился такимъ отвѣтомъ: «Государь, я поступилъ бы еще хуже, еслибы вы приказали мнѣ командовать флотомъ».

Не могу не привести здѣсь еще одного выраженія императора Александра, которое хорошо обрисовываетъ благородство его характера и его чувства. Въ одну изъ предыдущихъ войнъ, генералъ Сакенъ, за то, что преступилъ приказанія главнокомандующаго и тѣмъ помѣшалъ какому-то военному соображенію, былъ уволенъ отъ командованія и преданъ военному суду. Это дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ, и Сакенъ впалъ въ большую немилость. Но въ 1812 году, когда правительство нуждалось въ дѣятеляхъ, вспомнили о Сакенѣ и поручили ему командовать дивизіей. Онъ принималъ дѣятельное и славное участіе въ сраженіи при Лейпцигѣ. Подъ исходъ этого достославнаго боя Государь объѣзжалъ войска и, приблизившись къ Сакену, сказалъ: «генералъ, сегодня вы побѣдили враговъ моихъ и вашихъ».

Молодые мои годы, вплоть до поступленія въ военную службу, были посвящены исключительно моему воспитанію. У меня никогда не было такъ называемаго гувернера; учителя приходили давать уроки моимъ братьямъ и мнѣ, а для уроковъ математики я посѣщалъ классы гимназіи. Меня учили Русскому языку, Французскому, Англійскому и Нѣмецкому, исторіи, географіи, рисованію и математикѣ, къ которой я имѣлъ особую склонность. Но матушка никогда не хотѣла, чтобы я учился по-латыни, изъ боязни, чтобы я не поступилъ въ духовное званіе, къ которому, впрочемъ, я не имѣлъ ни малѣйшаго призванія. Отецъ Куанѐ, Французскій іезуитъ, главный священникъ католической церкви въ Ригѣ, давалъ мнѣ уроки Закона Божьяго и глубоко вкоренилъ въ моемъ сердцѣ истины Христіанства, основаніе всей нравственности. Я сохранилъ объ этомъ достойномъ священникѣ воспоминаніе набожной благодарности, будучи многимъ ему обязанъ.

Отецъ мой владѣлъ хорошей библіотекой, заключавшей въ себѣ полное собраніе Французскихъ классиковъ XVIII-го столѣтія и много превосходныхъ сочиненій по исторіи. Я воспользовался этимъ и читалъ много. Я перечитывалъ по нѣскольку разъ жизнеописанія зна-

менитыхъ людей, во Французскомъ переводѣ г-жи Дасье. Изо всѣхъ славныхъ людей, жизнь которыхъ изобразилъ намъ Плутархъ, я полюбилъ въ особенности Аристида за его *справедливый умъ* и за строгость его правилъ. Съ того времени я сказалъ себѣ, что Аристидъ есть идеалъ, на который я долженъ стараться походить, сообразуя мою жизнь съ правилами этого добродѣтельнаго мудреца.

Помню, разъ у насъ обѣдалъ полковникъ Будбергъ, братъ того, который послѣ Тильзитскаго мира былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. По обыкновенію, до обѣда подали закуску. Полковникъ Будбергъ, замѣтивъ, что я ничего не ѣмъ, спросилъ о причинѣ, на что̀ я отвѣчалъ ему, что не въ моихъ правилахъ завтракать для того, чтобы портить себѣ обѣдъ. Будбергъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ моему отцу: «Знаете, этотъ молодой человѣкъ пойдетъ далеко, если у него уже теперь такія твердо установившіяся правила».

Въ тѣ времена въ Балтійскихъ губерніяхъ совсѣмъ не говорили по-русски, и мнѣ стоило большаго труда освоиться съ этимъ языкомъ. Однажды генералъ графъ Остерманъ-Толстой, отправляясь къ войскамъ въ Германію, проѣздомъ чрезъ Ригу, обѣдалъ у отца моего. Послѣ обѣда графъ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ: «Что̀, вы говорите по-русски?»—Я отвѣчалъ: «О, да!» Вдругъ графъ принялся смѣяться, говоря: «О да, о да, отъ чего не элегія или идиллія?» Я очень оскорбился этимъ и на всю жизнь сохранилъ объ этомъ воспоминаніе.

Двое изъ моихъ братьевъ и я были зачислены въ Пажескій Корпусъ. Лѣтомъ 1819 года отецъ повезъ насъ въ Петербургъ для поступленія на службу. Братъ Сергѣй и я по годамъ не могли уже поступить въ классы и должны были только выдержать экзаменъ, чтобы получить чинъ армейскаго офицера. Братъ же Іосифъ, которому было только пятнадцать лѣтъ, былъ принятъ въ Пажескій Корпусъ, гдѣ спустя нѣсколько мѣсяцевъ умеръ отъ тифозной горячки. Въ послѣдствіи я выдержалъ второй экзаменъ для поступленія въ Главный Штабъ. Въ числѣ моихъ экзаменаторовъ находился князь Меньшиковъ. Я рано понялъ, что долженъ самъ составить себѣ карьеру, ибо зналъ, что у отца для содержанія нашей большой семьи не было другихъ средствъ, кромѣ жалованья. Итакъ я обрекъ себя на самую строгую экономію, избѣгая всякихъ безполезныхъ расходовъ. Однако отецъ мой нашелъ возможность назначить мнѣ въ годъ денежную помощь въ размѣрѣ 2.000 рубл. асс., что̀ съ 600 рубл. асс. жалованья и 200 рубл. квартирныхъ составляло весь мой доходъ. Но я такъ хорошо распорядился этими средствами, что у меня никогда не было ни копѣйки долгу, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ только явилась возможность стать на свои ноги, я рѣшительно отказался отъ денегъ, которыя выдавалъ мнѣ

отецъ. Въ первый же годъ службы былъ я назначенъ производить геодезическія работы въ Петербургской губерніи и въ награду получилъ годовой окладъ, т.-е. 600 рубл. асс. Я поспѣшилъ къ этимъ 600 рубл. прибавить еще личныхъ моихъ сбереженій 400 рубл. и положилъ эту тысячу въ Ломбардъ.

Я возгордился, какъ Артабанъ *), этимъ первымъ успѣхомъ, такъ какъ во всякомъ дѣлѣ всего труднѣе начало, и вознаградилъ себя зимнею поѣздкою въ Ригу, гдѣ и предъявилъ батюшкѣ мой ломбардный билетъ. Я хранилъ его у себя слишкомъ тридцать лѣтъ, можно сказать съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ, считая его, какъ въ баснѣ Лафонтена, чудесной курицей о золотыхъ яйцахъ.

Кругъ моего знакомства ограничивался старинными друзьями батюшки. То были графъ Ламсдорфъ, Альбедиль, графиня Борхъ, г-жа Пальмембахъ, баронъ Бюлеръ и баронъ Корфъ; кромѣ нихъ я почти никого не посѣщалъ, а въ большомъ свѣтѣ и совсѣмъ не бывалъ. Между тѣмъ батюшка представилъ меня княгинѣ Ливенъ, которая жила въ Зимнемъ дворцѣ и пользовалась большимъ уваженіемъ при дворѣ. Онъ вынудилъ у меня обѣщаніе посѣщать ее. Признаюсь, эти посѣщенія были мнѣ не по душѣ, и я сиживалъ какъ на иголкахъ въ гостиной у княгини Ливенъ; тѣмъ не менѣе, повинуясь батюшкиной волѣ, я ходилъ къ ней время отъ времени. Однажды при мнѣ пожаловала къ княгинѣ императрица Марія Ѳеодоровна. Замѣтивъ меня, она сказала княгинѣ по-нѣмецки: «Какой у васъ взрослый сынъ!» Княгиня, назвавъ мое имя, представила меня Ея Величеству.

Въ это время молодежъ вообще строго и толково относилась къ занятіямъ и въ особенности офицеры Главнаго Штаба. Никогда не видалъ я съ тѣхъ поръ подобнаго рвенія къ пріобрѣтенію свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Я работалъ много, чтобы закончить свое образованіе, дѣлая то переводы съ одного языка на другой, то извлеченія изъ замѣчательныхъ сочиненій, попадавшихъ мнѣ подъ руку. Въ этомъ отношеніи великолѣпная библіотека Главнаго Штаба принесла мнѣ великую пользу.

Въ это время Греки, въ борьбѣ за свою независимость, пробуждали къ себѣ сочувствіе всего образованнаго міра. На конгрессѣ въ Лайбахѣ, гдѣ по преимуществу занимались обсужденіемъ Греческаго вопроса, графъ Каподистрія горячо защищалъ дѣло своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ. Князь Меттернихъ, не раздѣлявшій симпатій Каподистріи, взялъ его за петлицу платья и сказалъ: «Молодой человѣкъ, вы слишкомъ горячитесь». На это Каподистрія, ухвативъ въ свою очередь Меттерниха за петлицу, возразилъ: «Старикъ,

*) Французская поговорка, отъ имени одного изъ Парѳянскихъ царей. П. Б.

вы забываетесь». Я былъ филэллиномъ, какъ и всѣ въ ту пору, и ждалъ не дождался, чтобы началась война между Россіею и Турціею. Бездѣйствіе меня удручало, да и воинская слава соблазняла меня и манила. Скоро представился мнѣ другой случай выдти изъ выжидательнаго положенія.

Лѣтомъ 1825 года я узналъ, что намѣреваются снарядить ученовоенную экспедицію въ Киргизскія степи, къ Аральскому морю, и что начальникомъ этой экспедиціи будетъ полковникъ Главнаго Штаба Бергъ. Хотя въ то время я еще не зналъ его лично, тѣмъ не менѣе рѣшился тотчасъ же отправиться къ нему и высказалъ ему желаніе участвовать въ предполагаемой экспедиціи. Къ моей величайшей радости онъ изъявилъ согласіе, и съ этого времени начинаются мои отношенія съ этимъ отличнымъ военнымъ дѣятелемъ, въ настоящее время графомъ и фельдмаршаломъ, которому я главнымъ образомъ обязанъ дальнѣйшими служебными успѣхами, за что̀ до конца дней моихъ не перестану платить ему дань живѣйшей признательности.

По причинѣ недостатка воды годной для питья, что́ составляетъ характеристическую особенность Киргизской степи, которую намъ надлежало изслѣдовать, было положено, что экспедиція состоится зимою, когда растаявшій снѣгъ можетъ служить къ утоленію жажды людямъ и вьючнымъ животнымъ.

Въ началѣ Октября (1825) мы выѣхали изъ Петербурга въ Уральскъ, гдѣ назначено собраться участникамъ похода. Вотъ кто тутъ были: изъ Главнаго Штаба капитанъ Вольховскій *), баронъ Ливенъ и я; отъ морскаго вѣдомства капитанъ-лейтенантъ Анжу и лейтенантъ Почорковъ, отъ путей сообщеній капитанъ Загоскинъ, графъ Александръ Толстой, адъютантъ генерала Дибича (впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода), наконецъ астрономъ Лемъ и докторъ Эверсманъ.

Проѣхавъ обширное пространство по Россіи съ Запада на Востокъ, я нашелъ, что край и богаче и населеннѣе, чѣмъ я себѣ представлялъ.

Въ Уральскѣ насъ приняли самымъ гостепріимнымъ образомъ. Козаки давали намъ безпрестанно обѣды, на которыхъ Шампанское лилось рѣкою и превосходная икра подавалась только-что вынутая. Ловля осетровъ, которые изъ Каспійскаго моря подымаются вверхъ по рѣкѣ Уралу, составляетъ одну изъ выгоднѣйшихъ отраслей промышленности тамошняго населенія, живущаго вообще въ большомъ

*) Лицеистъ, товарищъ Пушкина П. Б.

достаткѣ. Рыбная ловля, разведеніе овецъ и мѣновая торговля съ Киргизами служатъ козакамъ источникомъ доходовъ, которымъ они ловко пользуются. Села или козацкія станицы расположены вдоль по правому берегу Урала, въ разстояніи 15 и 20 верстъ одна отъ другой, и образуютъ такъ называемую Уральскую линію, первоначальное назначеніе которой состояло въ томъ, чтобы защищать Россію съ этой стороны отъ кочевниковъ, бродящихъ съ стадами своими на противоположномъ берегу рѣки и далѣе въ степяхъ вплоть до центральной Азіи.

Войско, входившее въ составъ нашей экспедиціи, состоявшее изъ баталіона пѣхоты, двухъ пушекъ и нѣсколькихъ сотенъ козаковъ, собралось, если память мнѣ не измѣняетъ, въ крѣпости Сарайчикѣ, приблизительно въ 25-ти верстахъ отъ Каспійскаго моря. Полковникъ Бергъ и его штабъ отправились туда въ послѣднихъ числахъ Ноября, чтобы ускорить работы по съемкѣ, которыя еще оставалось докончить, какъ вдругъ, 6-го или 8-го Декабря (въ точности не помню), курьеръ привезъ намъ неожиданное извѣстіе о кончинѣ императора Александра и о восшествіи на престолъ великаго князя Константина. Это страшное извѣстіе поразило насъ тѣмъ болѣе, что мы даже не знали о болѣзни Государя. Что́ касается до меня лично, то я искренно и глубоко оплакивалъ утрату, понесенную Россіею, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно было, какъ покойный Государь былъ всегда добръ и милостивъ къ моему отцу.

Отслужили панихиду, потомъ молебенъ, присягнули въ вѣрности императору Константину, и на другой день нашъ отрядъ двинулся въ путь, перешелъ Уралъ, давно уже покрытый льдомъ и углубился въ степи по направленію къ Востоку.

Мы шли по берегу Каспійскаго моря или скорѣе вдоль его островов, оторванныхъ отъ материка, такъ какъ рукава моря, отдѣляющіе ихъ, будучи покрыты льдомъ, не представляли никакого препятствія для движенія нашего отряда. Мы проходили черезъ настоящіе тростниковые лѣса, дающіе не только топливо, но и убѣжище стадамъ. Киргизы очень цѣнятъ эти мѣста и располагаются здѣсь на зимнія стоянки. Мы однако сильно страдали отъ чрезмѣрнаго холода, ибо термометръ падалъ до 30°/₀ ниже нуля по Реомюру. Но температура по истинѣ становилась невыносимой, когда холодъ сопровождался вѣтромъ и снѣжною метелью. На ночь у насъ не было другой защиты кромѣ войлочныхъ палатокъ. Впослѣдствіи, когда мы миновали тростники, намъ не доставало топлива, ибо и единственное дерево этихъ безводныхъ степей, *саксаулъ*, попадалось не вездѣ; нужда заставляла

лась жечь колеса и оси отъ телѣгъ, въ которыхъ везли съѣстные припасы, по мѣрѣ того, какъ онѣ пустѣли.

Перешедши рѣку Эмбу, мы увидали вдали на горизонтѣ нѣчто похожее на цѣпь горъ. Но подойдя ближе, мы убѣдились, что эти предполагаемыя горы были ничто иное, какъ сѣверный склонъ Устьурта, возвышенной плоскости, простирающейся отъ Каспійскаго моря до Аральскаго и образующей какъ бы перешеекъ между этими морями. Взобравшись на этотъ крутой склонъ, мы тотчасъ убѣдились, что поверхность плоскости такая же ровная и однообразная, какъ и только что пройденная нами степь.

Къ числу ученыхъ вопросовъ, которые намъ надлежало рѣшить, принадлежалъ вопросъ объ относительномъ уровнѣ водъ между морями Каспійскимъ и Аральскимъ. Капитану-лейтенанту Анжу и мнѣ было поручено совершить эту нивеллировку посредствомъ барометрическихъ наблюденій. Хотя мы оба принялись за выполненіе этой задачи со всевозможнымъ усердіемъ, но я нисколько не убѣжденъ, что данная задача рѣшена удовлетворительнымъ образомъ; вопервыхъ потому, что наши барометры были нѣсколько попорчены во время путешествія и затѣмъ потому, что только въ гористыхъ мѣстностяхъ барометры могутъ опредѣлять довольно вѣрно разницу въ уровнѣ, а не въ равнинахъ, подобныхъ той, которую намъ надлежало изслѣдовать.

Достигнувъ западнаго берега Аральскаго моря, въ разстояніи около 200 верстъ отъ Хивы, не видавши ни одного Хивинца, ни даже ни одного каравана, мы пустились въ обратный путь и благополучно прибыли къ мѣсту нашего отправленія. Въ теченіи 80 дней, мы были какъ бы разлучены со всѣмъ образованнымъ міромъ и ничего не знали, что̀ дѣлалось въ Россіи съ наступленіемъ новаго царствованія.

За время нашего продолжительнаго отсутствія, въ Сарайчикѣ скопилось множество писемъ и журналовъ, заключавшихъ въ себѣ извѣстія чрезвычайной важности. Здѣсь мы узнали заразъ объ отреченіи великаго князя Константина, о восшествіи на престолъ императора Николая, объ открытіи обширнаго заговора, затѣяннаго въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, объ усмиреніи мятежа 14 Декабря, обагрившаго кровью Петербургскія улицы. Вѣроятно, во всей Россіи мы только одни не знали о совершившихся важныхъ событіяхъ, около трехъ мѣсяцевъ пребывая въ полной увѣренности, что царствуетъ Константинъ. Изъ всѣхъ насъ оказался замѣшаннымъ, по показанію заговорщиковъ, только одинъ Вольховской, капитанъ Главнаго Штаба; его уже ждалъ фельдъегерь, имѣв-

шій приказаніе доставить Вольховскаго въ Петербургъ, гдѣ засѣдала Слѣдственная Коммиссія *).

Изъ офицеровъ Главнаго Штаба, замѣшанныхъ въ заговорѣ и подвергнутыхъ болѣе или менѣе сильному наказанію, я былъ особенно близокъ съ графомъ Коновницинымъ, Искрицкимъ и Корниловичемъ; но я долженъ замѣтить, что никогда не слыхалъ отъ нихъ ни единаго слова, которое бы обнаружило ихъ преступные замыслы; ибо они считали меня, вѣроятно, слишкомъ преданнымъ моему долгу и не посвящали меня въ свои тайны.

Отпустивши войско и козаковъ, полковникъ Бергъ съ своимъ штабомъ отправился въ Оренбургъ, гдѣ мы оставались до половины лѣта, приводя въ порядокъ собранные нами матеріалы. Въ это время я подружился съ графомъ А. Толстымъ: направленіе ума его во многомъ сходилось съ моимъ. Будучи молоды, мы, въ часы досуга, наслаждались поэзіею. Я читалъ ему наизусть нѣкоторыя стихотворенія Шиллера; а онъ, въ свою очередь, знакомилъ меня съ стихотвореніями Пушкина и научилъ цѣнить ихъ. Возвращаясь въ Петербургъ по окончаніи нашихъ работъ, мы ѣхали съ нимъ вмѣстѣ всю дорогу.

Въ Петербургѣ было довольно пусто, ибо дворъ отправился въ Москву, гдѣ на 22-е Августа былъ назначенъ день коронаціи. Незначительный чинъ мой и недостатокъ средствъ не давали возможности и думать о присутствіи на этомъ торжествѣ; но полковникъ Бергъ прямо поѣхалъ въ Москву отдать отчетъ начальнику Главнаго Штаба о своей экспедиціи. Здѣсь онъ не замедлилъ получить новое очень важное назначеніе, имѣвшее рѣшительное вліяніе и на все мое дальнѣйшее поприще.

II.

Съ возстанія Грековъ и особенно со смерти патріарха Григорія (котораго, какъ низкаго преступника, казнили въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда въ полномъ облаченіи выходилъ онъ изъ

---

*) Въ краткой біографіи Владиміра Дмитріевича Вольховскаго (Харьковъ, 1844), составленной его лицейскимъ товарищемъ И. В. Малиновскимъ, сказано, что въ эту экспедицію онъ находился при разбитіи Киргизскихъ разбойниковъ близъ устьевъ Сагира и Эмбы. Оправданный Вольховскій въ этомъ же 1826 году назначенъ на Кавказъ состоять при Паскевичѣ, гдѣ и отличился; но прикосновеніе къ Декабристамъ испортило всю судьбу этого отмѣнно замѣчательнаго человѣка: ходу не давали ему, не смотря на всѣ его труды и заслуги († 7 Марта 1811).

церкви) отношенія между Русскимъ правительствомъ и Портой становились все болѣе и болѣе грозными. Русскій посолъ, баронъ Строгановъ, со всѣмъ посольствомъ, выбылъ изъ Константинополя. Позднѣе однако, благодаря переговорамъ Англіи и Австріи съ Портой, стат. сов. Минчаки вернулся въ Константинополь въ качествѣ повѣреннаго по Русскимъ дѣламъ; но тѣмъ не менѣе, къ концу царствованія императора Александра разрывъ между этими державами казался неизбѣжнымъ.

Прежде чѣмъ взяться за оружіе, было рѣшено сдѣлать послѣднюю попытку къ поддержанію мира, и въ Бессарабіи въ городѣ Аккерманѣ съѣхались Русскіе и Турецкіе уполномоченные для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ и для опредѣленія взаимныхъ въ данное время рѣзко обострившихся отношеній. Всѣ эти вопросы главнымъ образомъ касались положенія Дунайскихъ княжествъ и Сербіи, положенія, вовсе несоотвѣтствовшаго статьямъ прежнихъ договоровъ, и затѣмъ притѣсненій, которыя постоянно дѣлались торговлѣ на Черномъ морѣ.

На Аккерманской конференціи представителями Россіи были Рибопьеръ и тайн. сов. Антонъ Фонтонъ. Въ случаѣ благопріятнаго исхода было рѣшено, что Рибопьеръ, какъ чрезвычайный посолъ и полномочный министръ, отправится въ Константинополь; въ противоположномъ случаѣ Россія объявитъ Турціи войну. Такое угрожающее положеніе возымѣло желанное дѣйствіе: по заключенному въ Аккерманѣ договору всѣ требованія Россіи, на которыя она была въ правѣ разсчитывать, были удовлетворены.

Разумѣется, я не былъ посвященъ въ тайны дипломатическихъ переговоровъ и только въ общихъ чертахъ зналъ о состояніи нашихъ отношеній съ Оттоманской Портой. Такимъ образомъ я немало былъ удивленъ, получивъ изъ Москвы отъ главнаго квартирмейстера, которымъ въ то время былъ графъ Сухтеленъ, приказаніе ѣхать черезъ Смоленскъ въ Орелъ и тамъ дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій.

Краткость и таинственность этого приказанія до крайней степени возбудили мое любопытство. Въ Орлѣ я прожилъ цѣлыхъ двѣ недѣли, со дня на день ожидая разрѣшенія мучившей меня загадки.

Однимъ изъ знатнѣйшихъ Орловскихъ обывателей былъ графъ Каменскій-старшій. Онъ жилъ на широкую, барскую ногу. Страстный любитель драматическаго искусства, онъ устроилъ у себя въ домѣ театръ, гдѣ еженедѣльно давались драмы, комедіи и водевили. Труппа состояла изъ крѣпостныхъ графа Каменскаго, и онъ всегда самъ присутствовалъ при раздачѣ и продажѣ билетовъ, такъ какъ на представленія допускались и посторонніе зрители. Думаю, что это были

одни изъ послѣднихъ актеровъ, набранныхъ изъ крѣпостныхъ людей, что̀ настоящему поколѣнію будетъ скоро извѣстно лишь по преданію.

Въ одно прекрасное утро, совсѣмъ неожиданно, пришли сказать мнѣ, что прибылъ полковн. Бергъ и проситъ меня немедленно явиться къ нему въ гостинницу, въ которой онъ остановился. Только тутъ узналъ я, въ чемъ будетъ состоять мое новое назначеніе.

Я былъ назначенъ вторымъ секретаремъ при военномъ отдѣленіи Русскаго посольства въ Константинополѣ, начальникомъ котораго былъ полковн. Бергъ, въ званіи совѣтника посольства. Шт.-кап. Тучковъ, подпор. Веригинъ и баронъ Ливенъ были назначены въ тоже военное отдѣленіе, и всѣ мы, одинъ за другимъ, были отправлены въ Одессу, гдѣ съ самого заключенія Аккерманской конференціи находился Рибопьеръ.

Теперь вошло въ обычай при разныхъ посольствахъ назначать и военныхъ чиновниковъ, но въ то время это было нововведеніемъ и, дабы не смущать Турокъ, для виду, всѣмъ намъ дали статскіе чины, соотвѣтствующіе нашимъ военнымъ чинамъ: такимъ образомъ Бергъ преобразился въ стат. совѣтника, Тучковъ въ надворнаго, я въ кол. ассесора и т. д., и въ тоже время мы исполняли обязанности секретарей и чиновниковъ при посольствѣ.

Не смотря на заключенный въ Аккерманѣ договоръ, отношенія наши съ Оттоманской Портой продолжали оставаться весьма натянутыми, такъ какъ самый трудный, самый щекотливый вопросъ о признаніи Греціи независимымъ государствомъ, даже не былъ затронутъ. На войну съ Турціей продолжали смотрѣть, какъ на возможную въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и именно въ виду этого Бергу и всѣмъ состоявшимъ при немъ офицерамъ приказано тщательно изслѣдовать все, что̀ только касалось до военнаго положенія Турціи. Собрать самыя точныя свѣдѣнія о силахъ и составѣ Турецкихъ регулярныхъ войскъ, замѣнившихъ янычаръ (которыхъ съ страшной жестокостью уничтожилъ султанъ Махмудъ), развѣдать о всѣхъ главныхъ дорогахъ, которыя черезъ Балканы ведутъ въ Константинополь; наконецъ, изучить окрестности самой столицы, — вотъ главные предметы, на которые мы должны были сосредоточить наше вниманіе.

Черезъ Яссы и Бухарестъ я первымъ прибылъ въ Константинополь. Это была моя первая поѣздка въ Дунайскія княжества, гдѣ впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось дѣйствовать въ качествѣ дипломата. Консульствомъ въ Яссахъ въ то время завѣдывалъ Лелли, а въ Бухарестѣ Домнандо и Катовъ, первый по политическимъ дѣламъ, второй по коммерческимъ. Стоялъ Ноябрь мѣсяцъ, и дороги уже совсѣмъ испортились. Однако до Константинополя я добрался безъ осо-

бенныхъ приключеній и дней черезъ десять снова вернулся въ Бухарестъ подъ предлогомъ ветрѣчи Рибопьера (ѣхавшаго въ мѣсто своего назначенія), на самомъ-же дѣлѣ для того, чтобъ имѣть случай переѣхать черезъ Балканы другой дорогой, а не той, которой я ѣхалъ въ первый разъ.

Въ Бухарестѣ Рибопьеръ ожидалъ только моего пріѣзда, чтобы вслѣдъ затѣмъ продолжать свое путешествіе, которое значительно затянулось, какъ отъ полной почти невозможности колесной ѣзды, такъ и вслѣдствіе требуемаго въ подобныхъ случаяхъ этикета.

Въ концѣ концовъ, однако, все посольство понемножку съѣхалось въ Константинополь, или вѣрнѣе въ резиденцію Буюкдерэ, такъ какъ Русскій дворецъ въ Перѣ не былъ еще отстроенъ послѣ пожара.

Восхитительное мѣстоположеніе Константинополя и оба берега Босфора, усѣянные кіосками, деревнями и садами, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Не смотря на зимнее время, деревья были покрыты листвой, Бенгальскія розы въ полномъ цвѣту, а когда дулъ южный вѣтеръ, то можно было вообразить, что находишься въ срединѣ лѣта.

Въ то время Англійскимъ посланникомъ былъ сэръ Стратфордъ-Каннингъ; представителемъ Франціи графъ Гилльоминò, Австріи—баронъ Оттенфельсъ; главой Испанскаго посольства—Кастильо, Сардинскаго—маркизъ Гропалло. Эти дипломаты были люди семейные, и при всѣхъ посольствахъ находились на службѣ молодые люди лучшихъ семействъ, прекрасно воспитанные и образованные. Сомнѣваюсь, чтобы когда-либо впослѣдствіи дипломатическій корпусъ въ Константинополѣ былъ лучше составленъ. Всѣ министры жили широко и открыто; множество пріятныхъ, молодыхъ и красивыхъ женщинъ служили украшеніемъ общества; самая искренняя веселость господствовала во всѣхъ собраніяхъ дипломатическаго кружка. Нѣсколько позднѣе и г-жа Рибопьеръ пріѣхала къ мужу въ Константинополь. Семья ихъ состояла изъ десятилѣтняго сына, который теперь служитъ при дворѣ и двухъ дочерей; старшая изъ нихъ, Аглая, вышла замужъ за одного Пруссака и скончалась въ молодыхъ лѣтахъ, а вторая, Софья, позднѣе, вышла замужъ за графа Кутузова. Третья дочь—Марія, впослѣдствіи княгиня Юсупова, родилась уже въ Неаполѣ, куда со всѣмъ посольствомъ переѣхалъ Рибопьеръ, когда произошелъ разрывъ съ Турціею.

Вскорѣ по прибытіи Рибопьеръ имѣлъ аудіенцію у его величества султана по всѣмъ правиламъ этикета, которыя въ то время соблюдались весьма строго, а впослѣдствіи, какъ я слышалъ, подверглись значительнымъ измѣненіямъ.

Русскаго министра сопровождали всѣ состоявшіе при немъ чиновники. Прежде всего въ Портѣ мы явились къ визирю. Здѣсь намъ

былъ данъ обѣдъ. Столы были устроены изъ подносовъ, уставленныхъ на высокихъ скамейкахъ; вокругъ нихъ, по соотвѣтствующимъ одинъ другому чинамъ, размѣстились всѣ Турки и мы; Рибопьеръ и визирь вдвоемъ сидѣли за маленькимъ столикомъ, стоявшимъ поодаль. Обѣдъ, которымъ насъ угощали, состоялъ изъ самыхъ лакомыхъ и изысканныхъ Турецкихъ блюдъ; мясныя кушанья чередовались со сладкими. Изъ напитковъ подавали только одинъ шербетъ. Если обѣдъ и не былъ хорошъ, за то отличался оригинальностью. Затѣмъ насъ всѣхъ повезли во дворецъ, гдѣ всѣхъ почему-то закутали въ шубы. Сперва Рибопьеръ одинъ былъ принятъ султаномъ, который подъ балдахиномъ возсѣдалъ на тронѣ. Русскій министръ держалъ рѣчь, которая немедленно была переведена на Турецкій языкъ главнымъ переводчикомъ, Франкини. Затѣмъ и мы всѣ также были допущены къ лицезрѣнію его величества, причемъ каждаго изъ насъ сопровождало двое камергеровъ, капиджей, которые держали насъ за руки, какъ будто мы были разбойники, готовые совершить какое-нибудь ужасное преступленіе. Послѣ аудіенціи въ томъ же порядкѣ верхомъ мы вернулись домой, и всѣ въ шубахъ, которыя милостиво соизволилъ подарить намъ его величество.

Съ наступленіемъ весны мы всѣ занялись изученіемъ мѣстности; а мнѣ сверхъ того, такъ какъ у меня былъ довольно изящный почеркъ, Бергъ поручалъ переписывать множество бумагъ, которыя онъ посылалъ ко двору. Занятія писца, которымъ многія пренебрегаютъ, считая унизительнымъ, принесло мнѣ большую пользу въ послѣдствіи. Переписывая эти бумаги и письма, я ознакомился съ языкомъ и оборотами рѣчи въ дипломатіи, и именно этому занятію обязанъ своимъ успѣхомъ на дипломатической службѣ, когда въ послѣдствіи я занималъ уже независимыя должности.

Бергъ и Рибопьеръ не особенно ладили между собою, такъ какъ сего послѣдняго обижало почти независимое положеніе, которое занималъ Бергъ, и кромѣ того наше офиціальное переодѣваніе было тайной только для однихъ Турокъ. Такое недоразумѣніе могло имѣть печальныя послѣдствія, и я всѣми силами старался ухаживать за Рибопьеромъ, чтобы по возможности успокоивать его раздраженіе. Однажды я засталъ его въ очень дурномъ расположеніи духа, и вотъ слова, которыя у него вырвались: «Я понялъ бы назначеніе одного или двухъ офицеровъ для того, чтобы изучить мѣстность между прочимъ, не привлекая на себя всеобщаго вниманія; но создать при посольствѣ цѣлый военный отдѣлъ, этому нѣтъ названія!»

Тучковъ также не пользовался расположеніемъ Рибопьера, который называлъ его неиначе какъ переряженнымъ Ахилломъ. Повиди-

мому, я былъ единственнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, на котораго Рибопьеръ смотрѣлъ благосклонно, въ чемъ я и убѣдился по моемъ возвращеніи въ Петербургъ, когда на представленіи графъ Нессельроде поблагодарилъ меня за мое отмѣнное поведеніе относительно Рибопьера.

Между тѣмъ отношенія наши къ Портѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялись. Египетскія войска подъ начальствомъ Ибрагима-паши высадились въ Мореѣ, и война съ Греками велась самымъ варварскимъ способомъ, такъ что кабинеты Европы не могли оставаться безстрастными зрителями происходившаго.

6-го Іюля 1827 года между Россіей, Франціей и Англіей состоялось соглашеніе вооруженной силой вмѣшаться между воюющими сторонами, и одновременно съ этимъ рѣшеніемъ въ Средиземное море послать сильный флотъ. Все предвѣщало скорую развязку, и военному отдѣлу оставалось лишь уложиться и выѣхать изъ Константинополя.

Я снова однимъ изъ первыхъ пустился въ обратный путь. Благодаря тому, что я имѣлъ случай лично видѣть всѣ горные проходы, ведущіе чрезъ Балканы, я вскорѣ по возвращеніи составилъ и подалъ подробную записку о цѣпи Балканскихъ горъ, начиная отъ самаго Чернаго Моря и до того ущелья, чрезъ которое идетъ дорога изъ Шибки въ Габрово. Записка эта и до сихъ поръ должна еще находиться въ тайномъ архивѣ Главнаго Штаба.

Въ Бухарестѣ я узналъ о морской битвѣ при Наваринѣ, гдѣ Турецко-египетскій флотъ былъ совершенно уничтоженъ. Лордъ Веллингтонъ объ этомъ событіи выразился въ парламентѣ, какъ о весьма непріятномъ (untoward event). Но пріятное или непріятное, а событіе это должно было отодвинуть дипломатическіе переговоры на второй планъ и предоставить все лишь силѣ оружія. Задѣтая за живое Порта не замедлила объявить войну, и посланники Англійскій и Французскій, а также и Русскій министръ, были принуждены выбыть изъ Константинополя. Рибопьеръ со всѣмъ посольствомъ переѣхалъ въ Неаполь.

Въ награду за услуги, которыя мнѣ посчастливилось оказать, былъ я произведенъ въ штабсъ-капитаны гвардіи и получилъ орденъ св. Владимира 4-й степени. Я поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ всѣми прекрасно принятъ. Цѣлыхъ три года не видавъ родителей, я попросилъ отпуска и поѣхалъ въ Ригу, гдѣ отецъ мой все еще продолжалъ жить, не смотря на то, что недавно былъ назначенъ сенаторомъ послѣ 17-ти-лѣтней службы въ должности Лифляндскаго гражданскаго губернатора, во время которой онъ пользовался всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ.

Зима съ 1827 на 1828 годъ прошла въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Начальство арміей, предназначенной дѣйствовать въ Турціи, было ввѣрено фельдмаршалу графу Витгенштейну, а начальникомъ штаба назначенъ генералъ Киселевъ.

Вскорѣ и я получилъ приказаніе явиться въ главную квартиру, которая находилась въ Измаилѣ. Русская армія сосредоточивалась у низовьевъ Дуная; мѣстомъ перехода чрезъ рѣку было выбрано Сатуново. Здѣсь было собрано множество барокъ, въ послѣдствіи послужившихъ для устройства пловучаго моста, по которому 30-го Мая Русскія войска и переправились черезъ Дунай послѣ небольшой стычки съ Турецкимъ гарнизономъ Тульчи. Война была объявлена уже давно, но враждебныя дѣйствія начались только съ этого времени.

III.

Не думая излагать исторію войны 1828 и 1829 годовъ, я ограничусь описаніемъ лишь тѣхъ событій, которыхъ я былъ самъ очевидцемъ и начну разсказъ съ впечатлѣнія, произведеннаго на меня Добруджей, то есть той частью Болгаріи, которая отъ Троянова вала простирается до низовьевъ Дуная.

Я проѣзжалъ этой страною до войны и видѣлъ въ ней многолюдныя селенія и прекрасно воздѣланныя нивы. Теперь все измѣнилось. Хотя селенія существовали и хлѣбъ стоялъ на корню, но не было слышно ни одного человѣческаго голоса: мѣстныя власти принудили все населеніе христіанское и магометанское покинуть жилища. По всей странѣ царствовала мертвая тишина, нарушаемая заунывнымъ лаемъ голодныхъ собакъ, которыя рыскали вокругъ пустыхъ, покинутыхъ селеній.

Города и села носили на себѣ явные слѣды той поспѣшности, съ которою выбыли изъ нихъ жители, и не будь я самъ очевидцемъ, то съ трудомъ повѣрилъ бы тому, что населеніе цѣлой страны могло вдругъ такъ безслѣдно куда-то исчезнуть. Если Болгарія сильно пострадала отъ войны, если села ея мало по малу были разорены и уничтожены, то все это главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать именно бѣгству жителей.

За исключеніемъ Бабадага, обладающаго обильными источниками, вся Добруджа вообще страдаетъ недостаткомъ воды; рѣдкіе при селахъ колодцы большею частью саженъ въ 20 глубины, и это обстоятельство сильно затрудняло нашу кавалерію, когда ей приходилось поить лошадей. Но за то пастбища оказались чудесныя, такъ какъ

Іюньское солнце еще не успѣло выжечь степей, покрытыхъ роскошными травами.

Въ Добруджѣ не только нѣтъ воды, но нѣтъ также и лѣсовъ; только за Базарджикомъ начинаютъ попадаться сперва кустарники, а затѣмъ уже встрѣчаются и большіе тѣнистые деревья и лѣса; здѣсь видъ страны измѣняется, мѣстность становится холмистой, и даже появляются отдѣльныя довольно высокія горы.

Въ Добруджѣ мы не встрѣтили непріятеля, но какъ только вступили въ холмистую, усѣянную лѣсами страну за Базарджикомъ, Турки стали безпрестанно нападать на наши отряды. Изъ-за каждаго куста, дерева, камня въ насъ стрѣляли, и война съ такимъ невидимымъ врагомъ была чрезвычайно утомительна: постоянно приходилось высылать впередъ большіе отряды для развѣдыванія.

Наконецъ, 8-го Іюля мы подошли къ Шумлѣ. Здѣсь горы идутъ полукругомъ по обѣ стороны города и составляютъ какъ-бы отдѣльную цѣпь, не соединяющуюся съ Балканами. Самый городъ, амфитеатромъ живописно расположенный въ глубинѣ узкой долины, производитъ внушительное впечатлѣніе.

Со стороны долины Шумла окружена ва̀ломъ, который съ обѣихъ сторонъ упирается въ очень крутыя высоты; вокругъ-же вала идетъ глубокій ровъ. Передъ валомъ Турки построили цѣлый рядъ сильныхъ редутовъ, снабженныхъ пушками крупнаго калибра. Лѣвое крыло горъ, которое несравненно отложе праваго, усѣяно батареями. Вотъ каковы были укрѣпленія Шумлы.

Крѣпость эта имѣла отъ 35-ти до 40-ка тысячъ человѣкъ гарнизона и довольно хорошо снабженные магазины. Тѣсно обложить ее не было никакой возможности: растянувшись даже на пространствѣ свыше 30-ти верстъ, осаждающія войска не были въ состояніи отрѣзать ей сообщеніе, такъ какъ, не смотря на самую тѣсную осаду, для пересылокъ съ остальною страною остались бы еще горныя тропинки.

Правильная осада представила бы безконечныя затрудненія; недовольно бы было захватить одинъ или два редута, главное затрудненіе состояло въ томъ, чтобы овладѣть высотами. Одновременный приступъ къ центру и высотамъ лѣваго крыла представилъ бы въ данномъ случаѣ болѣе надежды на успѣхъ. Но дѣло не въ томъ, какой изъ этихъ двухъ способовъ лучшій, а въ томъ, что армія наша подъ Шумлой простояла цѣлыхъ три мѣсяца, и всѣ способы осады безъ всякой послѣдовательности были примѣнены одинъ за другимъ безуспѣшно.

Холодная погода въ Болгаріи обыкновенно наступаетъ около Димитрова дня, т.-е. 26-го Октября. Въ 1828 году холода установились

еще раньше этого времени. Войска, осаждавшія Силистрію и другія, бравшія Варну, стали возвращаться на зимнія квартиры въ Дунайскія княжества. Въ этотъ походъ имъ довелось вынести очень много страданій и лишеній въ Болгарскихъ степяхъ, гдѣ не было ни крова, чтобъ пріютиться отъ ненастья, ни лѣса, чтобъ развести огня и обогрѣться; благодаря этому, на стоянкахъ мы потеряли множество людей и еще болѣе лошадей. Войскамъ же, оставленнымъ гарнизономъ въ Болгаріи, выпала на долю еще болѣе тяжкая участь, такъ какъ имъ приходилось исполнять неимовѣрно трудныя работы. Приходилось на зиму рыть землянки, въ разныхъ мѣстахъ устраивать больницы и всюду возводить укрѣпленія,—однимъ словомъ, изъ ничего создать все.

Я покинулъ Шумлу и былъ прикомандированъ къ генералу Доврэ (D'Auvray), который временно командовалъ вторымъ корпусомъ. Вслѣдъ за нимъ я отправился въ Бухарестъ.

Дунайскія княжества въ то время находились подъ управленіемъ графа Ѳедора Палена, который носилъ званіе уполномоченнаго президента дивановъ Молдавіи и Валахіи. У него въ домѣ сбиралось все мѣстное общество, которое онъ принималъ съ отмѣнной любезностью, что̀ всегда было отличительной чертой его характера.

Тѣмъ временемъ главное начальство арміей перешло въ другія руки. Графъ Дибичъ замѣнилъ фельдмаршала Витгенштейна, Толь назначенъ начальникомъ штаба вмѣсто Киселева, а Бергъ главнымъ квартирмейстеромъ.

Въ теченіи минувшей войны я убѣдился, что во всякой войнѣ съ Турціей главная задача состоитъ въ исправномъ продовольствіи арміи; а у насъ волы, которые возили припасы, падали тысячами потому только, что дѣло перевозки было въ крайнемъ безпорядкѣ. Въ виду этого мнѣ пришла мысль по всей линіи военныхъ дѣйствій учредить станціи для воловъ и ихъ погонщиковъ, такъ чтобъ на каждой изъ этихъ станцій и волы, и погонщики смѣнялись, какъ это обыкновенно дѣлается на почтовыхъ трактахъ съ ямщиками и лошадьми; затѣмъ, когда воза придутъ въ мѣсто своего назначенія и сложатъ привезенные ими припасы, они должны тѣмъ же порядкомъ возвращаться назадъ, но уже нагруженные ранеными и больными. Мысль эту я изложилъ письменно и записку свою послалъ въ главную квартиру. Графъ Толь вполнѣ одобрилъ мою мысль и во многихъ мѣстахъ собственноручно сдѣлалъ на бумагѣ моей нѣкоторыя помѣтки. Записка эта по всей вѣроятности должна находиться въ секретномъ архивѣ Главнаго Штаба.

Между тѣмъ приближалась весна, и мы снова готовились выступить въ походъ. Сдача Варны въ минувшую войну повлекла за собою

паденіе великаго визиря, Селима-Мехмета-паши, и государственная печать была передана капудану-пашѣ, Иссетъ-Мехметъ-пашѣ, одному изъ защитниковъ Варны. Человѣкъ этотъ, пользовавшійся совершенно незаслуженной славой, обѣщалъ своему государю въ теченіи зимы снова овладѣть Варной и отбросить Русскихъ за Дунай. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ ничего не сумѣлъ сдѣлать, и расположеніе къ нему султана весьма быстро миновалось. Низложеніе его не замедлило совершиться, и не задолго до начала военныхъ дѣйствій 1829-го года на его мѣсто былъ назначенъ Решидъ-Мехметъ-паша.

Решидъ-паша по происхожденію Грузинъ, сперва рабъ, затѣмъ пріемный сынъ сараскира Хозревъ-паши, въ весьма короткое время достигъ и славы, и почестей. Онъ былъ назначенъ Румили-Валисси; во время войны съ Греками ему было ввѣрено командованіе войскомъ, и онъ же взялъ Миссолонги. У него были большія земли въ Албаніи, и онъ состоялъ въ родствѣ съ знатнѣйшими Албанскими семействами, почему Порта полагала, что онъ пользуется значительнымъ вліяніемъ на Албанцевъ, народъ воинственный, но безпокойный, и это было однимъ изъ многихъ основаній, почему его сдѣлали первымъ министромъ.

5 (17) Мая военныя дѣйствія начались обложеніемъ Силистріи на Дунаѣ и битвой въ окрестностяхъ Праводовъ при Эскіарнаутларѣ. Зная, что корпусъ Рота, главная квартира коего была въ Варнѣ, не имѣлъ еще времени сосредоточиться и что отдыхавшая по княжествамъ кавалерія не успѣла соединиться съ нимъ, великій визирь задумалъ воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы съ превосходными силами напасть на Эскіарнаутларъ. На позицію эту, защищаемую всего 6-ю баталіонами пѣхоты, Турки напали раннимъ утромъ, и кромѣ того имъ благопріятствовалъ густой туманъ. Хотя и застигнутые врасплохъ, солдаты наши успѣли построиться въ боевомъ порядкѣ. Непріятель былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, и всѣ его усилія овладѣть нашей позиціей оказались тщетными, благодаря удивительному мужеству и хладнокровію нашихъ солдатъ. Поспѣшное прибытіе ген. Вахтена изъ Девны къ намъ на помощь со стрѣлками 31-го и 32-го полковъ дало понять Туркамъ, что задуманное ими предпріятіе окончится полнѣйшей неудачей и что имъ остается отступить. Они двинулись въ долину Невчи, грозя отрѣзать намъ сообщеніе съ Праводами.

Эскіарнаутларъ находится верстахъ въ десяти отъ Праводовъ; съ лѣвой стороны дороги, которая ведетъ туда, тянутся довольно крутыя лѣсистыя высоты. Ротъ имѣлъ намѣреніе (вмѣстѣ съ генер. Нагелемъ, который долженъ былъ выдти изъ Праводовъ) назавтра напасть на непріятеля и потому приказалъ Охотскому полку съ двумя пушками

занять эти высоты и стрѣлять по непріятелю, чтобы не допускать его заградить намъ путь. Въ качествѣ офицера, состоявшаго при штабѣ, я былъ отправленъ вмѣстѣ съ Охотскимъ полкомъ, и кромѣ того мнѣ было дано устное порученіе къ Нагелю. Увидавъ, что отъ нашихъ главныхъ силъ вдругъ отдѣлилось и направилось въ сторону всего два баталіона, Турки также зашевелились, въ надеждѣ воспользоваться такой ошибкой съ нашей стороны. День ужé клонился къ вечеру, и намъ нельзя было терять ни минуты. Замѣтивъ движеніе Турокъ, Ротъ приказалъ стрѣлкамъ 31-го полка съ 4-мя пушками идти на подкрѣпленіе къ Охотскому полку, и между нашими четырьмя баталіонами и всею Турецкою арміей завязалось одно изъ самыхъ кровопролитныхъ сраженій всей кампаніи.

За неимѣніемъ мѣста развернуться, наши четыре баталіона, одинъ позади другаго, построились въ каре, и съ обѣихъ сторонъ началась довольно сильная пушечная пальба. Первыя Турецкія ядра пролетали у насъ надъ головой, но непріятель не замедлилъ исправить свою оплошность, и вслѣдъ затѣмъ выстрѣлы его произвели въ нашихъ рядахъ большое опустошеніе. Вотъ въ это-то самое время, подъ страшнымъ огнемъ, оба каре Охотскаго полка начали свое отступленіе, оставляя на полѣ битвы множество убитыхъ товарищей. Ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, Турки съ яростью бросились на 1-й баталіонъ стрѣлковъ 31-го полка, который въ полномъ порядкѣ отступалъ вслѣдъ за Охотскимъ полкомъ, и стѣснили его со всѣхъ сторонъ. Двѣ пушки, непрерывно бившія картечью, нѣсколько минутъ сдерживали натискъ непріятеля, во вскорѣ Турки овладѣли и ими. Въ нашихъ рядахъ произошелъ ужаснѣйшій безпорядокъ; солдаты, оттѣсненные къ оврагу, падали другъ на друга, и свалка была страшная. Турецкая кавалерія и пѣхота стремительно бросились на насъ, отчаянно рубя саблями направо и налѣво. Я получилъ легкую рану въ плечо и ошеломившій, но не ранившій меня ударъ саблей по головѣ. Падая, въ двухъ шагахъ отъ себя замѣтилъ я Турка съ менѣе свирѣпымъ видимъ, чѣмъ прочіе; я обратился къ нему потурецки. Онъ помогъ мнѣ подняться съ земли и, сдѣлавъ знакъ слѣдовать за собою, отвелъ нѣсколько въ сторону отъ мѣста страшнаго побоища; онъ даже защитилъ меня отъ нападенія своихъ товарищей, объявивъ имъ, что я плѣнникъ.

Солнце уже зашло. Нѣкоторое время еще были слышны крики «ура!» и «Аллахъ!»; но затѣмъ мало по малу все стало затихать, и вскорѣ наступила полнѣйшая тишина. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ поля битвы меня принялись обирать. Сняли съ меня все платье, сапоги и отняли небольшія деньги, которыя со мною были. Ночь я про-

велъ прескверно, все время дрожа отъ холода, такъ какъ прикрыться у меня только и было, что окровавленная солдатская шинель. Рядомъ со мною на землѣ стоналъ стрѣлокъ 31-го полка, тяжело раненый въ голову. Видя, что я коченѣю отъ холода, онъ завернулъ мнѣ ноги своей шинелью. Такое состраданіе со стороны человѣка, который вовсе не зналъ меня, прекрасно характеризуетъ чудесную природу Русскаго солдата. Я былъ глубоко тронутъ ео поступкомъ, но къ сожалѣнію ничѣмъ не могъ отблагодарить его, такъ какъ нѣсколько дней спустя онъ умеръ отъ истощенія.

На другой день меня отвели къ визирю, который, сидя подъ деревомъ на коврѣ, одѣлялъ денежными наградами всѣхъ воиновъ, которые являлись къ нему съ трофеями въ видѣ плѣнниковъ, отрѣзанныхъ ушей, ружей, аммуниціи и проч. Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, великій визирь приказалъ перевязать мою рану и затѣмъ велѣлъ собрать всѣхъ плѣнныхъ. Ихъ оказалось человѣкъ пятьдесятъ, въ томъ числѣ были капитанъ Охотскаго полка Терлецкій и священникъ стрѣлковаго полка. Въ тотъ же день насъ всѣхъ отправили въ Шумлу, куда изнеможенные отъ усталости мы прибыли 7-го Мая, на самомъ разсвѣтѣ дня.

Мѣсто для нашего заключенія выбрали наскоро. Это былъ большой дворъ, по обѣимъ концамъ котораго находились постройки въ родѣ тюремъ. Намъ не дали ни соломы, ни циновокъ, и въ теченіи нѣсколькихъ дней раненые оставались безъ всякой помощи. Сторожами къ намъ приставили двухъ кавасовъ, Гусейна и Ибрагима. Первый умѣлъ весьма сносно выражаться по-русски. Имъ было поручено одѣлять солдатъ хлѣбомъ и ходить за всѣмъ, что намъ понадобится на базаръ. Я нуждался бы рѣшительно во всемъ, еслибъ не познакомился съ Саксонскимъ ренегатомъ Махмудомъ-агой, который состоялъ при великомъ визирѣ въ качествѣ врача. Узнавъ о томъ, что я говорю понѣмецки, Махмудъ-ага тотчасъ пришелъ ко мнѣ; звуки роднаго языка, напомнившіе ему его юность и родину, такъ пріятно подѣйствовали на него, такъ живо тронули его сердце, что онъ весьма скоро привязался ко мнѣ и обѣщалъ употребить все свое вліяніе, чтобы облегчить горькую участь мнѣ и моимъ товарищамъ по несчастію. Первую услугу онъ оказалъ тѣмъ, что далъ мнѣ возможность написать къ своимъ письмо, въ которомъ я сообщалъ, что живъ и просилъ обо мнѣ не безпокоиться. Письмо мое дошло до мѣста назначенія, и въ отвѣтъ на него я получилъ вещи и деньги.

Махмудъ-ага говорилъ обо мнѣ съ визиремъ, и съ этого времени намъ стали каждый день правильно выдавать мясо, рисъ и масло, а мнѣ кромѣ того выдавали еще кофею и сахару. Мы тотчасъ же по-

думали о томъ, какъ бы намъ получше устроиться и съ общаго согласія рѣшили весь кухонный отдѣлъ поручить священнику, который, какъ человѣкъ женатый, лучше всѣхъ остальныхъ понималъ въ домашнемъ хозяйствѣ.

Махмудъ-ага приходилъ ко мнѣ почти каждый день. Уже очень много лѣтъ покинувъ Германію, онъ совершенно потерялъ изъ виду всю Европу и теперь съ жадностью слушалъ все, что̀ я ему разсказывалъ о послѣднихъ политическихъ событіяхъ. Впослѣдствіи, когда мы ближе съ нимъ познакомились онъ разсказалъ мнѣ о печальныхъ обстоятельствахъ, которыя заставили его оставить родину и отказаться отъ вѣры отцевъ. Я вовсе не ручаюсь за достовѣрность его разсказа, въ немъ весьма трудно отдѣлить истину отъ вымысла, и передаю его какъ слышалъ отъ него самого.

Имя Махмудъ-аги было Фроманъ, родомъ онъ былъ изъ Саксоніи, гдѣ и до сихъ поръ живы у него родственники. Онъ изучилъ медицину и былъ прикомандированъ въ качествѣ санитарнаго офицера къ Австрійскому войску, которое, подъ начальствомъ Суворова, совершало походъ въ Италію. Послѣ всякихъ приключеній и разъѣздовъ почти по всей Европѣ, онъ наконецъ прибылъ въ Вѣну, гдѣ, вслѣдъ за паденіемъ Наполеона, былъ назначенъ врачемъ при императрицѣ Маріи-Луизѣ. Наполеонъ между тѣмъ задумалъ бѣжать съ острова Эльбы и вернуться во Францію; въ виду этого онъ рѣшилъ вызвать къ себѣ императрицу, и потому отправилъ одного изъ своихъ маршаловъ съ тайными порученіями въ Вѣну. Не имѣя возможности прямо снестись съ императрицей, маршалъ обратился къ ея врачу, крупными подарками и любезностями расположилъ его въ свою пользу и, наконецъ, поручилъ ему передать императрицѣ письмо отъ Наполеона, въ которомъ тотъ подробно излагалъ свои предположенія и намѣренія. Черезъ нѣсколько дней Марія-Луиза дѣйствительно покинула Вѣну, но, не успѣвъ еще переѣхать границу Австріи, была задержана. Она созналась, что письмо было ей доставлено ея врачемъ, который и уговорилъ ее тайно уѣхать изъ Вѣны. Его схватили и заключили въ тюрьму. Цѣлыхъ семь лѣтъ Фроманъ томился по тюрьмамъ разныхъ крѣпостей, все время однако надѣясь на помилованіе; наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ подкупилъ своего тюремщика и бѣжалъ. Подвергаясь всякимъ опасностямъ, переодѣтый пробрался онъ чрезъ Венгрію и Трансильванію; затѣмъ ему удалось переправиться черезъ военный кордонъ и, наконецъ, онъ добрался до Видина. Доведенный долгими страданіями до отчаянія, исполненный злобы и мести противъ своихъ гонителей, смѣшивая въ своемъ озлобленіи христіанъ съ ихъ вѣрою (особеннымъ приверженцемъ которой онъ повидимому

никогда и не былъ), боясь, что Австрійское правительство станетъ требовать у Турціи своего бѣглеца, онъ поспѣшилъ принять Исламъ и перемѣнилъ свое Нѣмецкое имя на магометанское. Затѣмъ первымъ его дѣломъ было изученіе Турецкаго языка, на которомъ говорилъ онъ весьма недурно, хотя и съ сильнымъ Нѣмецкимъ акцентомъ; а потомъ его медицинскія познанія дали ему полную возможность къ существованію. Состоя на службѣ при различныхъ пашахъ, онъ изъѣздилъ почти всю Малую Азію и, наконецъ, получилъ мѣсто при Решидѣ-Мехметѣ-пашѣ, который повидимому былъ къ нему очень расположенъ.

Нѣсколько дней по водвореніи моемъ въ Шумлѣ, меня подвергли допросу въ присутствіи секретаря, который записывалъ всѣ мои отвѣты. Я былъ весьма удивленъ глубокимъ невѣдѣніемъ Турокъ относительно состава нашей арміи. Они непремѣнно требовали, чтобы я открылъ имъ, какая у насъ главная цѣль настоящихъ военныхъ дѣйствій и какія второстепенныя цѣли. Сперва я сдѣлалъ видъ, что не понимаю, чтò они разумѣютъ подъ этими выраженіями; но они пояснили свою мысль, сказавъ мнѣ: «Въ прошлую кампанію всѣ ваши усилія были направлены на овладѣніе Варной, все остальное было дѣломъ второстепеннымъ. Точно также и теперь мы желаемъ знать, на чтò будутъ направлены всѣ силы вашей арміи, какія въ этомъ году ваши главныя намѣренія?» Не задумываясь ни минуты, я отвѣчалъ, что въ этомъ году мы желаемъ взять Силистрію, а что всѣ наши остальныя дѣйствія будутъ ничего незначущими и второстепенными. Отвѣтъ мой показался имъ вполнѣ правдоподобенъ, и они, казалось, были весьма довольны, что такъ легко добились отъ меня того, чего желали.

Зная немного потурецки, я иногда имѣлъ случай слышать удивительные разговоры. Однажды, одинъ изъ двухъ Турецкихъ солдатъ, сторожившихъ насъ, сказалъ другому, указывая на меня пальцемъ: «Знаешь ты, что этотъ Мёхендисъ (инженеръ въ самомъ широкомъ значеніи слова; меня знали здѣсь подъ этимъ названіемъ) изъ пушки ядромъ можетъ попасть вонъ въ птицу, чтó сидитъ тамъ на деревѣ? (Дерево это находилось по крайней мѣрѣ на цѣлую версту отъ нашего двора; вотъ до чего высоко цѣнятъ здѣсь искусство Русскихъ инженеровъ!) — «Если это правда, отвѣчалъ ему товарищъ, то всего лучше было бы срубить ему голову.»

Дни медленно тянулись за днями, и однообразіе ихъ не нарушалось никакими выдающимися изъ ряду событіями. Не желая подвергаться оскорбленіямъ жителей, я выходилъ очень рѣдко; не смотря на это, я очень хорошо зналъ обо всемъ, чтò происходило черезъ каваса Гуссейна, который, выпивъ чарку вина, становился очень бол-

ливъ, и чрезъ Болгаръ, которые съ опасностью жизни, подъ разными предлогами, являлись къ намъ и сообщали новости.

Такимъ образомъ я узналъ, что великій визирь, во главѣ большей части своихъ войскъ, вышелъ изъ Шумлы осаждать Праводы. Я ничего еще не зналъ о послѣдствіяхъ этого движенія, какъ вдругъ однажды замѣтилъ страшное смятеніе среди Турокъ: всѣ лица выражали ужасъ и уныніе. Лавки поспѣшно запирались, можно было подумать, что непріятель подступилъ уже къ самымъ стѣнамъ города. Вдали дѣйствительно виднѣлось многочисленное войско и поднимался дымокъ. Общее безпокойство улеглось только на слѣдующій день къ вечеру, когда увидѣли великаго визиря съ остатками его арміи; онъ возвращался съ противоположной стороны.

Это смятеніе было произведено битвой при Кулевчѣ, о которой носились самые невѣроятные слухи. Нѣкоторые говорили, что великій визирь убитъ, другіе, что онъ попалъ въ плѣнъ и т. д. Всѣ эти слухи были невѣрны и преувеличены; вѣрно было то, что послѣдняя битва разстроила Турецкія силы на все остальное время войны. Множество бѣглецовъ разсыпалось по лѣсамъ, и вмѣсто того, чтобы вернуться въ армію, большинство ихъ предпочло разойтись по своимъ домамъ. Въ послѣдствіи, разсуждая о минувшей войнѣ, не разъ поднимали вопросъ о томъ, что тотчасъ послѣ Кулевчинской битвы легко было бы взять и Шумлу. Меня даже спрашивали о количествѣ гарнизона, оставленнаго для защиты крѣпости. Войска здѣсь оставалось мало; но въ случаѣ нужды всѣ жители были бы призваны къ оружію, и тогда составилась бы армія отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ. Но даже допустивъ, что, среди охватившаго всѣхъ ужаса и смятенія, было легко овладѣть Шумлой, я не думаю, чтобы въ то время это могло намъ доставить дѣйствительныя выгоды. Увидавъ, что Шумла въ рукахъ Русскихъ, великій визирь сосредоточилъ бы свои силы въ Балканахъ и такимъ образомъ или совершенно бы заградилъ намъ путь черезъ горы, или весьма затруднилъ бы наши движенія.

Мы жили въ ожиданіи будущихъ событій, какъ вдругъ пришли сказать намъ, чтобъ мы готовились къ путешествію въ Константинополь, гдѣ, по варварскому обычаю военноплѣнныхъ запирали въ острогъ. Насъ въ то время было семь офицеровъ и около 150-ти человѣкъ солдатъ. Такая перемѣна въ судьбѣ не имѣла для меня ничего привлекательнаго, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ я продолжалъ лелѣять надежду, что меня обмѣняютъ на кого-нибудь изъ Турецкихъ плѣнныхъ, и въ этомъ смыслѣ уже и были сдѣланы нѣкоторыя попытки у визиря.

Не теряя времени, я тотчасъ же написалъ Махмуду-агѣ и просилъ его похлопотать за меня. Онъ добился, что меня не отправили

съ прочими плѣнниками, а оставили пока здѣсь и даже позволили жить у него въ домѣ. На это послѣднее великій визирь долгое время не давалъ согласія; но Махмудъ-ага такъ убѣдительно просилъ его, что наконецъ онъ исполнилъ его просьбу.

Вскорѣ послѣ того меня перевели къ Махмуду-агѣ, и съ этого времени положеніе мое безъ всякаго сравненія улучшилось: у Махмуда-аги было много слугъ, онъ жилъ довольно широко, какъ живутъ всѣ достаточные и довольно высокопоставленные Турки. Въ тоже время меня стали гораздо менѣе стѣснять, позволяли гулять, однимъ словомъ дали мнѣ нѣкоторую свободу, чего до сихъ поръ я былъ вполнѣ лишенъ.

Тѣмъ временемъ войска наши взяли Силистрію, и Гуссейнъ-паша, палачъ янычаръ, перешелъ изъ Рущука въ Шумлу. Одинъ разъ мнѣ удалось видѣть его у визиря. Гуссейнъ-паша красотою не отличался, такъ какъ былъ очень толстъ; но взглядъ его свидѣтельствовалъ о твердомъ, энергическомъ и предпріимчивомъ характерѣ; у Решида же паши черты лица были правильныя, а выраженіе мягкое и доброе.

Внутри лагеря безпрестанно раздавались барабанный бой и ружейная пальба, потому что регулярнымъ войскамъ два раза въ день производилось ученье: ихъ желали сдѣлать непобѣдимыми во что бы ни стало. Съ другой стороны дѣлалось все, чтобы ихъ портить, такъ какъ ихъ баловали въ ущербъ нерегулярнымъ войскамъ. Только низаму исправно платилось жалованье и шло хорошее содержаніе, а на рамазанъ султанъ даже велѣлъ для него привезти изъ Константинополя меду на приготовленіе сладкихъ кушаній, которыя обыкновенно употребляютъ мусульмане во время своего поста. Благодаря всему этому, между низамомъ и нерегулярными войсками шла скрытая вражда, да и вообще всѣ люди болѣе или менѣе были недовольны правительствомъ. На базарахъ, въ баняхъ и кофейняхъ довольно свободно разсуждали о политикѣ, и султана открыто порицали за то, что онъ замѣнилъ янычаръ какими-то молокососами и что онъ началъ войну, не имѣя средствъ вести ее. Съ злополучной битвы при Кулевчи Турецкая армія не получала никакихъ подкрѣпленій, а между тѣмъ съ каждымъ днемъ уменьшалась, благодаря войнѣ, болѣзнямъ и бѣгству солдатъ. Съ другой стороны, и запасы начинали истощаться; ибо, хотя въ арміи было уже не болѣе 25-ти тысячъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе содержать ее требовалось много денегъ. Ежедневно выдавали болѣе 60-ти тысячъ пайковъ, такъ какъ въ лагерѣ кромѣ войска было великое число слугъ, состоявшихъ при военныхъ чинахъ.

Уже около двухъ недѣль гостилъ я у Махмуда-аги, какъ однажды къ нему пришло нѣсколько человѣкъ Турокъ съ сіяющими отъ

радости лицами и съ извѣстіемъ, что Русскіе обращены въ бѣгство (они иначе никогда не называютъ никакого движенія нашей арміи вспять). Дѣйствительно, отрядъ нашихъ войскъ, цѣлый мѣсяцъ стоявшій въ виду Шумлы, вдругъ снялся и отодвинулся къ Енибазару.

Недолго однако довелось Туркамъ радоваться. На другой же день пришло извѣстіе, что Русскіе переправились черезъ рѣчку Камчикъ, и затѣмъ, спустя еще нѣсколько дней, мы узнали, что наши войска перешли Балканы и что Айдосъ, Мизеврія и Бургасъ уже находятся въ ихъ власти.

Съ этого времени почти каждый день къ намъ приходило извѣстіе о какомъ-нибудь новомъ пораженіи Турецкой арміи.

Генералъ Красовскій, который командовалъ обсерваціоннымъ корпусомъ и отодвинулся къ Енибазару лишь для того, чтобы лучше скрыть движеніе главныхъ силъ, теперь снова появился подъ Шумлой, чѣмъ привелъ Турокъ еще въ большее смятеніе и ужасъ.

Великій визирь между тѣмъ старался внушать своимъ солдатамъ мужество и надежду на успѣхъ, которыхъ по всей вѣроятности самъ онъ уже не испытывалъ. Я судилъ объ этомъ по словамъ, вырвавшимся у Махмуда-аги, который въ данныхъ обстоятельствахъ былъ только отголоскомъ великаго визиря. «Разумѣется», говорилъ онъ мнѣ, «Русскіе перешли Балканы, но за такую смѣлость они поплатятся всей своей арміей. Чѣмъ далѣе вы будете двигаться вглубь страны, тѣмъ болѣе будете ослаблять свои силы. Наши охотники будутъ идти за вами по пятамъ; мы будемъ нападать на ваши отдѣльные отряды и обозы и кромѣ того отрѣжемъ вамъ путь къ отступленію. Затѣмъ наступитъ зима и окончательно доконаетъ вашу армію. Вы дѣлаете туже ошибку, которую сдѣлали Французы, войдя въ самую глубь Россіи, и васъ постигнетъ таже злая участь. Въ добавокъ, что̀ выиграете вы, углубившись такъ далеко въ нашу страну? Ужъ не думаете ли вы запугать султана? Не думаете ли, угрожая или даже и въ самомъ дѣлѣ взявъ Константинополь, заставить его просить мира? Ахъ, вы не знаете его желѣзной воли, его твердаго, непреклоннаго характера! Вѣдь онъ уже заявилъ, что ни за что́ на свѣтѣ не подпишетъ унизительнаго для себя мира; въ крайнемъ случаѣ онъ скорѣе броситъ свою столицу и уѣдетъ въ Шамъ (въ Сиріи), чтобы тамъ до послѣдней крайности продолжать войну». Всѣмъ извѣстно, какъ эти блестящія предсказанія были совершенно опровергнуты событіями; но я упомянулъ о нихъ для того, чтобы показать, какъ первые государственные люди Турціи старались сами обманывать себя относительно своего положенія. Не смотря однако на подобныя похвальбы, духъ Турецкой арміи былъ сильно потрясенъ, и одержанная нашими вой-

сками въ концѣ Іюля блестящая побѣда вполнѣ доказала, насколько они ослабѣли.

Какъ я уже говорилъ, генералъ Красовскій съ тысячами двѣнадцатью войска снова занялъ свою прежнюю позицію передъ Шумлой. Въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду онъ дѣлалъ разныя передвиженія, желая отвлечь вниманіе великаго визиря и не дать ему возможности посылать отряды къ Балканамъ. Решидъ же паша горѣлъ нетерпѣніемъ поднять прежнее значеніе своего войска какимъ-нибудь блистательнымъ сраженіемъ; настоящее время онъ счелъ удобнымъ для полнаго истребленія корпуса Красовскаго и потому, во главѣ всѣхъ своихъ силъ, вышелъ изъ Шумлы, чтобы ударить на непріятеля.

Красовскій, не дожидаясь приближенія Турокъ, двинулся имъ на встрѣчу и приказалъ артиллеріи начать пальбу. Достаточно было нѣсколькихъ ядеръ, чтобы произвести замѣшательство во всей Турецкой пѣхотѣ, а вскорѣ и всею арміей овладѣлъ какой-то паническій страхъ. Всѣ усилія великаго визиря и Гуссейна-паши удержать бѣглецовъ оказались тщетными. Подъ ними обоими были убиты лошади, и только благодаря случайности, сами они не попали въ руки побѣдителей. Турки бѣжали въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ и остановились передохнуть лишь въ своихъ собственныхъ укрѣпленіяхъ. Даже по словамъ самихъ Турокъ, никогда еще войску ихъ не приходилось терпѣть такого постыднаго пораженія.

Дня два спустя, а именно 29-го Іюля (день навѣки запечатлѣвшійся въ моей памяти) ко мнѣ пришелъ переводчикъ великаго визиря и подъ строжайшей тайной сообщилъ мнѣ, что завтра меня перешлютъ въ лагерь Красовскаго. Надо было побывать въ моемъ положеніи, чтобы понять что́ я почувствовалъ, когда волшебное слово «свобода» коснулось моего слуха. Долго я даже не былъ въ состояніи вѣрить своему счастію; воспоминанія о всемъ пережитомъ еще до того сильно владѣли мною, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ мнѣ казалось, что я брежу. Во всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ: мысль о томъ, что я увижу своихъ соотечественниковъ и буду въ состояніи успокоить моихъ родителей, до такой степени охватила меня, что я совершенно лишился сна.

Но вотъ забрежжилъ день, и никогда въ жизни утро не казалось мнѣ столь продолжительнымъ. Наконецъ, меня потребовали къ визирю. Онъ сказалъ мнѣ, что я свободенъ, могу отправиться куда мнѣ будетъ угодно, поручилъ мнѣ передать поклонъ Красовскому и велѣлъ мнѣ подать лошадь, чтобы отправиться въ Русскій лагерь. Я зашелъ проститься съ другими знатными Турками, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться во время моего плѣна. Всѣ они разсыпались

въ увѣреніяхъ дружбы, просили не забывать ихъ, а на прощанье подарили мнѣ пузырьковъ съ розовымъ масломъ! Махмудъ-ага все это время не разставался со мною и проводилъ меня до ожидавшей меня верховой лошади. Онъ такъ горячо полюбилъ меня, что, прощаясь со мною, плакалъ, предчувствуя, что по всей вѣроятности мы уже никогда болѣе не увидимся. Я былъ тронутъ не менѣе его, и воспоминаніе о безчисленныхъ услугахъ, оказанныхъ мнѣ этимъ поистинѣ добрымъ человѣкомъ, никогда не изгладится изъ моей памяти.

Я только въ послѣдствіи узналъ о причинѣ великодушнаго обращенія со мною со стороны великаго визиря. Вскорѣ послѣ битвы при Кулевчѣ, графъ Дибичъ предложилъ великому визирю обмѣнять меня на того изъ плѣнныхъ, кого онъ самъ укажетъ. Решидъ-паша отвѣчалъ уклончиво, и дѣло затянулось; когда же, позднѣе, военныя событія стали принимать болѣе и болѣе печальный для Турокъ оборотъ, то великій визирь уже самъ сталъ искать случая вступить обо мнѣ въ переговоры. Вотъ въ это-то самое время онъ и получилъ отъ Красовскаго письмо, въ которомъ тотъ говорилъ обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, въ которомъ онъ принимаетъ участіе, и выражалъ Решиду-пашѣ благодарность за то, что со мною хорошо обращаются въ Шумлѣ. Письмо это имѣло самое счастливое дѣйствіе на мою судьбу: великій визирь тотчасъ же отпустилъ меня и велѣлъ написать Красовскому, что онъ считаетъ себя весьма счастливымъ, что можетъ сдѣлать что-либо ему пріятное.

Вскорѣ я доѣхалъ до нашихъ передовыхъ отрядовъ, а къ вечеру того же дня былъ уже въ Русскомъ лагерѣ.

IV.

Не буду распространяться о радушномъ пріемѣ г-ла Красовскаго и всѣхъ его офицеровъ, точно также какъ и о безчисленныхъ вопросахъ, которые мнѣ дѣлались, такъ какъ всѣ желали знать малѣйшія подробности, касавшіяся моего плѣна. Три дня проведены въ дружескихъ изліяніяхъ, и за тѣмъ меня отправили курьеромъ въ главную квартиру, которая, какъ было извѣстно, уже перешла изъ Айдоса. Такъ какъ въ Балканахъ повсюду были устроены станціи, то переѣздъ этотъ я совершилъ на почтовыхъ. Изъ Айдоса я поѣхалъ въ Карнабадъ, гдѣ узналъ, что главная квартира находится въ Ямполѣ. Я пересѣлъ на казацкую лошадь и тою-же ночью помчался въ Ямполь, чтобы застать главную квартиру еще тамъ, до перехода въ Адріанополь.

Балканы во всю ихъ ширину я проѣхалъ безъ провожатыхъ; ибо черезъ горы, покрытыя лѣсомъ, проѣздъ былъ вполнѣ безопасенъ. Въ долинахъ по южному склону Балкановъ я къ великому своему удивленію увидалъ мирныя селенія, воздѣланныя нивы и виноградники, гдѣ всюду магометанское и христіанское населеніе спокойно, какъ въ самое мирное время, занимались полевыми работами. Такое положеніе дѣлъ особенно поражало противоположностью съ Болгаріей, гдѣ появленіе каждаго Турка равнялось появленію грознаго непріятеля. Такое мирное и спокойное настроеніе жителей происходило вслѣдствіе удивительной дисциплины нашихъ войскъ, которыя успѣли внушить къ себѣ полное довѣріе со стороны какъ христіанскаго, такъ и мусульманскаго населенія Румеліи. Съ переходомъ за Балканы и характеръ самой войны измѣнился, и здѣсь все намъ сулило полный успѣхъ.

Сколько разъ задавался вопросъ, почему въ Румеліи Турки не слѣдовали той системѣ обезлюдѣнья, которая по ту сторону Балканъ доставила имъ такія безспорныя выгоды. Явленіе это объясняется тѣмъ, что Турки никоимъ образомъ не ожидали, что мы перейдемъ Балканы, которые они считали для насъ непреодолимой преградой. Дѣйствительно, въ прошлыя кампаніи театромъ военныхъ дѣйствій служили Дунайскія княжества и земли по сю сторону Балканъ, а потому и на этотъ разъ Турки были твердо увѣрены, что всѣ военныя дѣйствія будутъ происходить опять тамъ же. Такимъ образомъ они не приняли никакихъ мѣръ относительно того, чтобы выселить отсюда народъ, что впрочемъ и нелегко было бы сдѣлать въ Румеліи, куда болѣе трехъ столѣтій не вступала непріятельская нога:—здѣсь все населеніе, привычки его и нравы были вполнѣ миролюбны. Это населеніе съ полнѣйшимъ равнодушіемъ взирало на всѣ событія: ему было безразлично, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ войны, которая потрясала основы Оттоманской имперіи.

Пріѣхавъ къ Ямполь, я тотчасъ же направился въ палатку Берга и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ графу Дибичу, который уже слышалъ о моемъ прибытіи. Онъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и обнялъ съ неподдѣльной горячностью, какъ будто къ нему возвращался родной его сынъ. Я никогда не зналъ никого, кто бы имѣлъ болѣе теплое сердце и былъ бы такъ со всѣми добръ, какъ графъ Дибичъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ нельзя не любить. Вообще меня всѣ такъ ласкали, такъ привѣтствовали, что я сравнивалъ себя съ заблудшей овцей, которая, наконецъ, возвратилась къ себѣ въ овчарню.

Ямполь лежитъ всего верстахъ во ста отъ Адріанополя, къ которому отсюда ведутъ двѣ дороги по обоимъ берегамъ Тунджи. Вся

армія шла лѣвымъ, а 7-й корпусъ правымъ берегомъ рѣки; а какъ уже съ 7-го Августа у насъ всюду были разосланы сильные отряды, то вскорѣ всѣ наши силы стянулись на высотахъ, которыя окружаютъ Адріанополь. Жары стояли нестерпимые, солдаты были крайне утомлены; но непріятель нигдѣ не оказалъ намъ ни малѣйшаго противодѣйствія.

Видъ лежащаго въ равнинѣ Андріанополя съ его высокими башнями и минаретами, съ великолѣпными домами и садами, и мысль, что стóитъ намъ шевельнуть пальцемъ, и все это будетъ наше, производили на насъ глубокое впечатлѣніе и ободряющимъ образомъ дѣйствовали на утомленную армію.

Въ Адріанополѣ было до 120-ти тысячъ жителей, а регулярнаго войска около 8-ми тысячъ. Одну минуту Турки повидимому хотѣли поставить городъ въ оборонительное положеніе и даже начали кое-какія работы на самыхъ опасныхъ мѣстахъ; но вслѣдъ затѣмъ всѣ эти приготовленія были прекращены, потому ли что Турки сочли свои силы слишкомъ незначительными, чтобъ защищать такой обширный городъ, или же потому, что между ними не нашлось хорошаго распорядителя. Какъ бы то ни было, но Галиль-паша не позаботился даже и о спасеніи своей артиллеріи. Погруженные въ какое-то летаргическое оцѣпенѣніе, Турки ожидали чтò будетъ, и съ нашей стороны было достаточно самыхъ незначительныхъ враждебныхъ дѣйствій, чтобъ вслѣдъ за тѣмъ городъ сдался.

8-го Августа, день нашего вступленія въ эту древнюю столицу Оттоманской имперіи, былъ однимъ изъ лучшихъ дней всей кампаніи. У всѣхъ у насъ было тайное предчувствіе, что теперь конецъ всѣмъ нашимъ трудамъ и мученіямъ. Христіанское населеніе города радостно вышло къ намъ на встрѣчу, и его восторженные крики и привѣтствія придали этому дню какое-то особенно-торжественное, праздничное настроеніе, которое надолго запечатлѣлось у меня въ памяти.

Торговля въ Адріанополѣ шла своимъ чередомъ. Тотчасъ послѣ нашего вступленія всѣ лавки снова были открыты, и городъ, еще наканунѣ ждавшій всякихъ ужасовъ, имѣлъ видъ полнѣйшаго спокойствія. Нѣсколькихъ Русскихъ часовыхъ, разставленныхъ по перекресткамъ, было достаточно, чтобы поддерживать порядокъ и прекращать разныя безчинства, которыя не могутъ не случаться въ городѣ съ такимъ пестрымъ населеніемъ.

Едва прошла недѣля съ занятія нашими войсками втораго по своей важности города имперіи, какъ насъ извѣстили, что прибыли Турецкіе уполномоченные вести переговоры о мирѣ. Имъ сопутствовалъ Прусскій министръ въ Константинополѣ Ройеръ, который при-

нялъ на себя трудную и неблагодарную обязанность посредника съ цѣлью привести къ скорому и достойному соглашенію обѣ воюющія стороны.

Столковаться однако было гораздо легче, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда; ибо Государь еще до начала войны объявилъ свои мирныя условія. Туркамъ оставалось лишь умолять о великодушіи побѣдителя; что-же касается до захвата какой-либо части Турціи, то Государь вовсе не думалъ объ этомъ.

Въ теченіи переговоровъ и прежде чѣмъ стали извѣстны умѣренныя требованія Россіи, графъ Дибичъ получилъ письмо, подписанное посланниками при Турецкомъ дворѣ, Французскимъ и Англійскимъ, въ которомъ оба представителя этихъ державъ сообщали, что если Русскіе подвинутся хотя бы на одинъ еще шагъ, то Турція перестанетъ существовать. Позднѣе желали опровергнуть подлинность этого письма; но я видѣлъ его своими глазами. Безъ всякаго сомнѣнія письмо это служитъ лучшимъ доказательствомъ отчаяннаго положенія, въ которомъ въ то время находилась Оттоманская имперія. 2-го Сентября, былъ подписанъ мирный договоръ уполномоченными обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Во избѣжаніе напраснаго пролитія крови, надо было какъ можно скорѣе сообщить о заключеніи мира графу Паскевичу, который начальствовалъ Русской арміей въ Малой Азіи и, разбивъ Турокъ въ различныхъ мѣстахъ, овладѣлъ Эрзерумомъ. Въ виду этого графъ Дибичъ послалъ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ, кап. Могучаго, прямо въ Требизондъ, приказавъ ему сѣсть на корабль въ Сизополисѣ. Въ тоже время и я получилъ приказаніе сухимъ путемъ ѣхать въ Эрзерумъ чрезъ Константинополь, гдѣ я долженъ былъ дождаться утвержденія мира султаномъ.

Я отправился въ путь 4-го числа вмѣстѣ съ Прусскимъ посланникомъ Ройеромъ, который возвращался въ Константинополь. Вѣсть о заключеніи мира, распространившись по Турціи, произвела на разныхъ людей самыя противоположныя впечатлѣнія. Турки не умѣли скрывать радости, которую испытывали, благодаря этому событію; что же касается до всѣхъ покоренныхъ народовъ, то они уныло хранили молчаніе, что явно доказывало страхъ, который они испытывали за свое будущее. Но восторженная радость среди мусульманъ главнымъ образомъ выразилась въ самой столицѣ; ибо къ концу войны всѣ слои общества въ этомъ многолюдномъ городѣ совершенно упали духомъ. Каждую минуту здѣсь ожидали появленія Русскихъ передовыхъ отрядовъ; недовольное своимъ правительствомъ мусульманское населеніе совершенно потеряло всякую энергію. Въ то время какъ Русскія войска брали Мидію, пушечная пальба была слышна

даже въ сералѣ; ни съ чѣмъ нельзя сравнить того паническаго страха, который въ то время овладѣлъ населеніемъ: всѣ лавки мгновенно были заперты, и весь городъ находился въ неописанномъ смятеніи.

Турки страшились за свои гаремы и имущества, а христіане— взрыва фанатизма со стороны мусульманскаго населенія еще болѣе, чѣмъ насилія со стороны непріятеля. Разсказывали объ одномъ отцѣ семейства, который всѣ ночи проводилъ на лодкѣ въ Босфорѣ, единственномъ мѣстѣ, которое онъ считалъ безопаснымъ.

Я помѣстился въ Перѣ, въ домѣ Прусскаго министра, гдѣ, до самого прибытія нашего собственнаго посольства, всѣ посылаемые по дѣламъ службы въ Константинополь Русскіе офицеры находили себѣ самый радушный и любезный пріемъ. Противъ всякаго ожиданія я прожилъ здѣсь цѣлыхъ десять дней, благодаря тому, что Турецкій министръ, не смотря на критическое положеніе государства, ни за что не хотѣлъ отступить отъ стариннаго обычая, требовавшаго, чтобы мирный договоръ, который долженъ подписать султанъ, былъ написанъ на пергаментѣ и притомъ золотыми буквами.

Наконецъ, всѣ формальности были окончены, и 15-го Сентября блистательная Порта объявила иностраннымъ министрамъ объ утвержденіи его величествомъ султаномъ мира, заключеннаго въ Адріанополѣ.

Запасшись фирманомъ и окончивъ свои дорожныя приготовленія, я выѣхалъ изъ Константинополя рано утромъ, 16-го, въ сопровожденіи двухъ Татаръ, переводчика и Донскаго казака, и тѣмъ же днемъ флигель-адъютантъ графа Дибича, кап. Львовъ, водою отплылъ въ Дарданеллы, везя за собою къ адмиралу Рикорду письма, относящіяся до снятія морской осады.

Прямое разстояніе отъ Скутари до Эрзерума, если ѣхать на Токатъ, будетъ около 1.360-ти верстъ. Но Татары объявили мнѣ, что имъ приказано везти меня на Требизондъ, гдѣ долженъ былъ находиться сераскиръ Османъ-паша, главнокомандующій Турецкой арміи въ Азіи. Такимъ образомъ въ Марсиванѣ я свернулъ съ большой дороги и взялъ влѣво, чтобы проѣхать на Самсунъ, гавань на Черномъ морѣ. Тамъ я сѣлъ въ саколеву: такъ называютъ здѣсь 6-ти и 8-ми весельныя почтовыя лодки, которыя никогда далеко не отходятъ отъ берега и служатъ здѣсь единственнымъ способомъ сообщенія, ибо по дорогамъ, ведущимъ чрезъ горы, почти нѣтъ никакой возможности проѣхать. На каждой станціи мѣняютъ лодку и гребцовъ и, благодаря дующему по ночамъ вѣтру, можно ѣхать довольно быстро, такъ что на пятый день моего отъѣзда изъ Самсуна я прибылъ въ Требизондъ.

Проѣхавъ большую часть Малой Азіи по направленію съ Запада на Востокъ, я имѣлъ возможность убѣдиться въ совершенномъ

упадкѣ духа во всѣхъ слояхъ мѣстнаго населенія и съ удивленіемъ спрашивалъ себя, та-ли это Малая Азія, фанатизмъ и энергію которой намъ описывали? Та-ли это Азія, которая по разсказамъ составляетъ истинное ядро Оттоманской имперіи? Всѣ мои заблужденія на этотъ счетъ совершенно разсѣялись, и даже мнѣ не разъ пришлось замѣтить, что Турки здѣсь ожидаютъ насъ, какъ своихъ избавителей, въ надеждѣ, что для нихъ, быть можетъ, настанутъ нѣсколько лучшія условія жизни. Всѣ слои общества были здѣсь подавлены не столько нововведеніями султана, сколько чрезмѣрностью всякихъ поборовъ, которые раздражали населеніе и возбуждали его противъ правительства. Если къ этому прибавить злоупотребленія отъ цѣлой стаи чиновниковъ, которые всѣ только и жили, что грабежемъ и притѣсненіемъ жителей, то будетъ легко составить себѣ понятіе о повсемѣстно господствовавшемъ неудовольствіи.

Погода удивительно благопріятствовала моему путешествію, а что за чудная природа въ Малой Азіи! Великолѣпные лѣса, прекрасно воздѣланныя поля, деревья сгибающіяся подъ тяжестью плодовъ, безконечное множество самаго чудеснаго винограда (чтобы сорвать лучшія вѣтки, стоило только нагнуться съ лошади), все это вмѣстѣ было восхитительно.

Мѣстныя власти всюду оказывали мнѣ самый любезный пріемъ и, если только о моемъ пріѣздѣ было извѣстно заранѣе, то всегда навстрѣчу мнѣ высылали верховыхъ лошадей съ собственныхъ конюшенъ. Такого рода любезность весьма распространена у Турокъ.

Послѣ моего переѣзда чрезъ Босфоръ, первый встрѣтившійся мнѣ на пути большой городъ былъ Требизондъ. Это торговый пунктъ, чрезъ который Персидскіе товары идутъ въ Константинополь, а Европейскія произведенія на Востокъ. Торговля здѣсь была бы еще значительнѣе, еслибы дорога отъ Эрзерума къ морю чрезъ Армянское плоскогорье не представляла такихъ великихъ затрудненій. Съ тѣхъ поръ Турецкое правительство не разъ пыталось устроить сносныя проѣзжія дороги между Эрзерумомъ и Требизондомъ; но удалось ли ему справиться съ дѣйствительно невѣроятными препятствіями, которыя представляетъ здѣсь гористая и каменистая почва, я не знаю.

Я остановился въ таможенной гостиницѣ, куда ко мнѣ съ визитомъ пріѣхали почти всѣ иностранные консулы въ Требизондѣ. Я узналъ здѣсь, что, за три дня до моего пріѣзда, въ гавани бросилъ якорь нашъ бригъ, на которомъ ѣхалъ кап. Могучій; но такъ какъ у него не было съ собою фирмана отъ Порты, то Турки не повѣрили его извѣстіямъ, появленіе его сочли за военную хитрость и принудили его удалиться. Въ тоже время мнѣ сообщили, что сераскиръ

Османъ-паша, во главѣ своей арміи, находится въ окрестностяхъ Бейбурта, а что каймаканомъ, правителемъ города, онъ на время назначилъ вмѣсто себя своего брата.

Сей послѣдній прислалъ за мною лошадей съ просьбою быть къ нему. Извѣстіе о заключеніи мира съ быстротой молніи распространилось по городу; народъ толпами сбѣгался по дорогѣ, и мнѣ стоило большаго труда добраться до конака или дворца паши. Приняли меня необычайно вѣжливо и любезно, а каймаканъ сообщилъ мнѣ, что обѣ арміи стоятъ другъ противъ друга, и ожидается большое сраженіе. Тѣмъ болѣе, стало быть, долженъ былъ я торопиться отъѣздомъ. Я тотчасъ же рѣшилъ немедленно ѣхать дальше и въ тотъ же день въ два часа по полудни выѣхалъ изъ Требизонда.

Я ѣхалъ всю ночь и только къ 9-ти часамъ слѣдующаго вечера добрался до лагеря сераскира. За вычетомъ нѣсколькихъ часовъ отдыха я проѣхалъ 27-мь часовъ кряду и сдѣлалъ не менѣе 135-ти верстъ. Все это пространство я проѣхалъ, не мѣняя лошадей; онѣ бѣдныя просто изнемогали отъ усталости, да и самъ я отъ такой продолжительной верховой ѣзды чувствовалъ сильное утомленіе. Въ сутки съ небольшимъ мнѣ пришлось проѣхать нѣсколько климатовъ; ибо, найдя въ Требизондѣ лѣто, я засталъ уже начало зимы на Армянскомъ плоскогорьѣ. Барометра съ мною не было, и я могъ только по растительности судить о различныхъ положеніяхъ плоскогорья, на которое я поднялся; Эрзерумъ лежитъ около 6.000 футъ надъ уровнемъ моря. Прежде всего исчезаютъ виноградники и фруктовыя деревья; затѣмъ дубовые лѣса замѣняются сосновыми; далѣе и самыя сосны становятся все рѣже и невзрачнѣе и, наконецъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ плоскогорья не встрѣчается не только никакихъ деревьевъ, но даже и кустарниковъ.

Сераскиръ расположился лагеремъ въ ужаснѣйшемъ ущельѣ, куда можно проѣхать лишь по узенькой тропинкѣ, по которой съ трудомъ могли ѣхать двѣ лошади рядомъ. Слетѣть въ пропасть, для этого было достаточно, чтобы лошадь поскользнулась или оступилась, и я могъ считать себя весьма счастливымъ, что, не смотря на сильнѣйшую усталость, благополучно пробрался по этой страшной тропинкѣ.

Въ лагерѣ сераскира я нашелъ ст. сов. Влангали, главнаго переводчика при графѣ Паскевичѣ. Влангали прибылъ сюда нѣсколькими часами раньше меня. Его прислали сюда по просьбѣ Османа-паши, который утверждалъ, что изъ вѣрныхъ источниковъ знаетъ о томъ, что миръ заключенъ, и это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что одинъ Англійскій курьеръ проѣздомъ изъ Константинополя въ Персію говорилъ въ Эрзерумѣ, что въ Адріанополѣ идутъ переговоры о мирѣ.

Пріѣздъ мой положилъ конецъ всѣмъ сомнѣніямъ, и сераскиръ, за четыре дня предъ тѣмъ потерпѣвшій пораженіе подъ Бейбуртомъ, былъ весьма доволенъ, получивъ извѣстіе, что война кончена.

Битва подъ Бейбуртомъ была очень жаркая и происходила 27-го Сентября, то-есть 25-ть дней спустя по заключеніи мира. Избѣгнуть этой безполезной рѣзни было бы весьма легко, еслибы Турки согласились допустить въ Требизондъ кап. Могучаго, или не держали меня десять дней въ Константинополѣ въ ожиданіи подписи султана на мирномъ договорѣ.

Нѣсколько отдохнувъ въ лагерѣ Османа-паши, я на другой же день отправился въ лагерь графа Паскевича, который былъ расположенъ верстахъ въ пятнадцати отъ Бейбурта, и прибылъ туда 1 (13) Октября, на 16-й день послѣ моего отъѣзда изъ Константинополя. Графъ Паскевичъ принялъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ. Но совсѣмъ иначе было принято имъ привезенное мною извѣстіе о заключеніи мира, по поводу котораго, нимало не стѣсняясь, онъ высказалъ свое полное неудовольствіе. Онъ былъ того мнѣнія, что, благодаря страшному упадку и разслабленію Турціи, безъ всякаго труда было можно заключить миръ на несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ, и сверхъ того онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, что съ нимъ объ этомъ не посовѣтывались заблаговременно. Главнымъ же образомъ графъ Паскевичъ возмущался тѣмъ, что Карсъ отдаютъ обратно Туркамъ. Онъ основывался на томъ, что крѣпость эта необходима для безопасности нашихъ Закавказскихъ владѣній и что, отдавая ее снова Туркамъ, мы тѣмъ самымъ возлагаемъ на себя обязанность близъ этой части границы построить и себѣ такую же крѣпость. Слова его дѣйствительно оправдались въ послѣдствіи, когда заложили Александрополь.

Съ другой стороны было очевидно, что, благодаря громадности разстоянія, отдѣляющаго другъ отъ друга оба театра военныхъ дѣйствій въ Европѣ и Азіи, и въ виду приближенія осени, графъ Дибичъ никоимъ образомъ не могъ снестись съ графомъ Паскевичемъ, тѣмъ болѣе, что было необходимо покончить всѣ переговоры до наступленія ненастья, которое и безъ того прекратило бы всѣ военныя дѣйствія. Кромѣ всего этого, Европа начинала тревожиться успѣхами нашего оружія, и особенно волновалась Австрія. При подобныхъ обстоятельствахъ опасно было слишкомъ натягивать струны, и они могли лопнуть. Къ тому же, по своему прямому рыцарскому характеру, императоръ Николай вовсе не былъ способенъ ожесточиться до того, чтобы добивать уже побѣжденнаго врага, который исполнялъ всѣ его справедливыя требованія и смиренно молилъ о пощадѣ. Вопреки вкрадчивымъ

увѣщаніямъ со всѣхъ сторонъ, Государь никогда не имѣлъ намѣренія возбуждать Сербовъ и другихъ христіанскихъ народовъ къ возстанію противъ власти султана. Императоръ Николай былъ истиннымъ воплощеніемъ началъ законности, и въ его глазахъ ничто не могло оправдать возмущенія подданныхъ противъ ихъ государя.

Трудно выразить чувство удовольствія, которое я испытывалъ, находясь снова среди соотечественниковъ. Я съ какою-то жадностью слушалъ ихъ разсказы о разныхъ сраженіяхъ послѣдней войны въ Азіи, гдѣ почти всякій переходъ нашихъ войскъ былъ ознаменованъ какой нибудь побѣдой.

Войска, находившіяся подъ начальствомъ графа Паскевича, закалились въ бою; на своихъ плечахъ они вынесли три войны кряду, и теперь всѣ они, особенно же пѣхота, представляли удивительно-прекрасное зрѣлище. Стоило взглянуть на этихъ молодцовъ, чтобы возымѣть увѣренность, что ничто не въ силахъ противостоять имъ: столько во взглядѣ и во всемъ ихъ существѣ выражалось твердости и увѣренности въ самихъ себѣ. Благодаря постоянной войнѣ съ горцами, линейные козаки стали такими же хорошими наѣздниками и стрѣлками, какъ и сами Черкесы; они служили превосходнымъ дополненіемъ къ кавалеріи, которая была немногочисленна, и были незамѣнимы въ аванпостной службѣ. Нельзя было пренебрежительно относиться и къ мусульманскимъ полкамъ, набраннымъ въ Ширвани, Эривани и Карабахѣ; прекрасно вооруженные и на своихъ чудныхъ коняхъ, всѣ они удивительно статны и когда надо преслѣдовать непріятеля или грабить его обозъ, они просто неоцѣнимы и незамѣнимы.

Въ графѣ Паскевичѣ между прочимъ было одно неоспоримое достоинство: онъ всегда крайне заботился о продовольствіи войска и своимъ постояннымъ успѣхомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ отчасти былъ обязанъ именно тому, что люди его и лошади всегда были сыты и хорошо содержаны. Не обращая вниманія на то, что окрестности Карса и Эрзерума, считаемыя за житницу Малой Азіи, представляли богатый запасъ продовольствія, онъ устроилъ себѣ подвижной хлѣбный магазинъ, состоявшій изъ 3000 телѣгъ, изъ которыхъ въ каждую запрягалось по 4 вола, и такимъ образомъ за войскомъ всюду слѣдовалъ хлѣбъ въ количествѣ 21-й тысячи четвертей. Правильная раздача харчей, а также и здоровый воздухъ плоскогорья, на которомъ лежатъ Карсъ и Эрзерумъ (гдѣ даже и лѣтомъ жары бываютъ умѣренные) содѣйствовали тому, что въ войскѣ больныхъ было весьма незначительное количество. Въ арміи графа Дибича сильное опустошеніе произвели горячки, лихорадки и поносъ; тамошнія

больницы были переполнены, между тѣмъ какъ состояніе здоровья въ Азіи было вполнѣ удовлетворительно.

Послѣ торжественнаго молебствія по случаю заключенія мира, армія снялась съ лагеря и начала отступать къ Эрзеруму, куда и я сопровождалъ графа Паскевича.

Хотя подъемъ еще и продолжался, но почва здѣсь уже не представляла непреодолимыхъ препятствій для передвиженія арміи. Обширная долина, которая разстилается вокругъ Эрзерума, вся прекрасно воздѣлана и окружена цѣпью горъ, вершины которыхъ съ Августа мѣсяца уже покрываются снѣгомъ; въ долину стремится множество ручьевъ, которые съ большимъ искусствомъ приспособлены къ орошенію полей. Но, не смотря на все свое плодородіе, долина эта производитъ какое-то печальное, унылое впечатлѣніе: нигдѣ не видно ни деревца, и даже самыя деревни, построенныя изъ бураго камня, какъ-то сливаются съ почвой. За отсутствіемъ строеваго лѣса, крыши здѣсь всюду каменныя, плоскія и, начиная съ Эрзерума, не только въ Персіи, но и во всей Малой Азіи, преобладаетъ этотъ родъ построекъ.

Эрзерумъ, городъ съ 60-ю тысячами жителей, отличается отъ остальныхъ городковъ и селеній Арменіи лишь занимаемымъ имъ обширнымъ пространствомъ. Крѣпостью его назвать было нельзя; но, подобно всѣмъ городамъ Малой Азіи, онъ былъ окруженъ стѣной съ нѣсколькими башнями, что̀ не позволяло непріятелю сразу овладѣть имъ. Чтобы не оставлять большаго гарнизона для защиты этого укрѣпленнаго мѣста, графу Паскевичу пришла мысль раздѣлить его стѣной почти на двѣ равныя части, такъ что войско, больницы, магазины и съѣстные припасы были сосредоточены въ одной части города, а другая часть его была предоставлена жителямъ.

Со мной всѣ были необычайно любезны и предупредительны, и мнѣ было бы весьма пріятно подольше остаться при главной квартирѣ графа Паскевича; но быстрыми шагами приближавшееся плохое время года принудило меня торопиться отъѣздомъ, такъ какъ я зналъ, что когда выпадутъ большіе снѣга на горахъ, проѣхать черезъ нихъ бываетъ почти невозможно. Поэтому я попросилъ графа поскорѣе отправить меня обратно и 13 (25) Октября выѣхалъ изъ Эрзерума въ сопровожденіи тѣхъ же людей, которые поѣхали со мною изъ Константинополя.

Желая посмотрѣть внутренность Малой Азіи, которую во время моего пути изъ Константинополя въ Требизондъ мнѣ не удалось видѣть, я рѣшилъ направиться прямо на Токатъ и такимъ образомъ проѣхаться поперекъ всей страны.

Самымъ труднымъ оказалось добраться до Арзъ-Ингяна, такъ какъ въ мѣстности, по которой я долженъ былъ ѣхать, разъѣзжали и разбойничали Курды. Близъ Мама-Хотуна я подъѣхалъ къ берегамъ Эвфрата, который здѣсь во многихъ мѣстахъ можно проѣхать въ бродъ (многоводнымъ и глубокимъ онъ становится лишь по впаденіи въ него Карасана). Въ горахъ, которыя тянутся вдоль Евфрата отъ Мама-Хотуна и до Арзъ-Ингяна, преимущественно обитаютъ Курды, не признающіе надъ собою никакой власти и живущіе лишь грабежомъ и разбоемъ. Курды строятъ хижины свои на самыхъ вершинахъ горы, какъ хищныя птицы свои гнѣзда. Изъ сакель своихъ они наблюдаютъ окрестность и какъ только завидятъ какой-нибудь соблазнительный для своей алчности предметъ, то съ быстротой орлинаго полета устремляются на него сверху. Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ Курдовъ, которыхъ можно назвать осѣдлыми, съ тѣми Курдами, которые въ палаткахъ кочуютъ съ стадами въ долинѣ Эвфрата и вообще въ Малой-Азіи. Впрочемъ какъ тѣ, такъ и другіе предаются разбою. Они лишаютъ торговлю и той небольшой доли безопасности, которою она пользуется въ этихъ полудикихъ странахъ. На Курдовъ съ полной справедливостью можно смотрѣть какъ на самый ужасный бичъ Малой Азіи.

Генералъ Панкратьевъ, комендантъ Эрзерума, снабдилъ меня письмомъ къ Терджанскому бею, который среди Курдовъ пользовался извѣстнымъ вліяніемъ. По моей просьбѣ бей этотъ далъ мнѣ въ провожатые начальника одного изъ главныхъ Курдскихъ племенъ; его присутствіе во главѣ моего маленькаго каравана должно было служить намъ охраной. Не одинъ разъ толпы съ головы до ногъ вооруженныхъ Курдовъ пробовали заграждать намъ путь; но послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ нашимъ проводникомъ, они тотчасъ же давали намъ дорогу, и такимъ образомъ безо всякихъ приключеній добрались мы до Арзъ-Ингяна.

Это не городъ, а множество деревень, расположенныхъ по Евфрату въ долинѣ Арзъ-Ингяна, покрытой виноградниками и прекрасно воздѣланными полями. Затѣмъ надо ѣхать на Карагисаръ, откуда двѣ дороги ведутъ въ Токатъ: одна, возможная лишь для аробъ или мѣстныхъ телѣгъ, идетъ на Сивасъ, а другая, болѣе удобная, на Никсаръ. Я ѣхалъ этой второй дорогой.

Въ Никсарѣ Армянское плоскогорье какъ будто кончается, ибо далѣе встрѣчается совсѣмъ иная растительность и температура.

Отъ Никсара всего 10 часовъ ѣзды до Токата, самаго лучшаго города въ этой части Малой Азіи. Здѣсь происходитъ довольно значительная торговля мѣдными издѣліями, бумажными и шелковыми тка-

нями, и въ тоже время Токатъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, идущихъ изъ Константинополя, Багдада, Алеппо и Эрзерума. Самый ближайшій отсюда приморскій городъ Самсунъ. Опрятность, которая такъ замѣтна въ Токатѣ, вещь весьма рѣдкая въ Турецкихъ городахъ, и достатокъ его жителей пріятно поражаетъ путешественника, послѣ того какъ онъ повсюду привыкъ видѣть печальныя картины нищеты и разоренія.

Изъ Токата приходится послѣдовательно проѣзжать Амазію, Марсиванъ и Османджикъ. Всюду большія насажденія тутовыхъ деревьевъ свидѣтельствуютъ о высокой степени, которой здѣсь достигло шелководство, составляющее одно изъ самыхъ главныхъ и прибыльныхъ промысловъ мѣстныхъ жителей. Османджикъ (у древнихъ Галисъ), расположенный на правомъ берегу Кизилъ-Ирмака, отличается великолѣпнымъ мостомъ, построеннымъ при султанѣ Баязидѣ изъ прекрасно обтесанныхъ каменныхъ плитъ. Далѣе путь лежитъ черезъ Тозію, Коджгисаръ и Гамамли; по обѣимъ сторонамъ дороги виднѣются многочисленныя стада козъ, шерсть которыхъ тонкостью и шелковистостью ни чуть не уступаетъ шерсти Ангорскихъ козъ; козьи шкуры, здѣсь окрашенныя въ красную и синюю краски, обыкновенно употребляются Турками для чепраковъ. Наконецъ, пріѣзжаешь въ Боли, которое своими садами, многочисленными усадьбами и вообще отличною обработкою земли представляетъ одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстечекъ Малой Азіи. Неподалеку отъ Боли есть обширное поле, усѣянное обломками колоннъ, капителей, базисовъ и другихъ остатковъ древнихъ зданій, которыя краснорѣчиво говорятъ о высокой степени благоденствія и процвѣтанія нѣкогда бывшихъ здѣсь Греческихъ колоній. Между Боли и Никомедіей, или Исникъ-Мидъ (какъ ее зовутъ Турки) тянутся большіе лѣса, которые доставляютъ матеріалъ для постройки морскихъ судовъ. За тѣмъ дорога извивается по берегу прелестнаго Никомедійскаго залива; онъ глубоко врѣзывается въ землю, а неподалеку отъ него виднѣется громадный кедровый лѣсъ, который служитъ для Скутари кладбищемъ.

Послѣ двухмѣсячнаго отсутствія я прибылъ въ Константинополь 7-го Ноября. Здѣсь я узналъ о томъ, что, согласно условіямъ мирнаго договора, главная квартира изъ Адріанополя переведена въ Бургасъ и что войска на зимнюю стоянку отодвинуты ближе къ Балканамъ.

Я не медля отправился въ Бургасъ. Городокъ этотъ весьма незначителенъ; но ему дали предпочтеніе, какъ потому, что онъ лежитъ недалеко отъ моря и слѣдовательно представляетъ удобство для сообщенія, какъ и потому, что у насъ былъ устроенъ тамъ складъ съѣст-

ныхъ припасовъ. Въ христіанскихъ селеніяхъ солдаты наши стояли по квартирамъ у жителей и помѣщались вмѣстѣ съ ихъ семьями; а въ мусульманскихъ жители предпочитали уступать имъ половину избы, а сами помѣщались въ другой ея половинѣ. Впрочемъ, во все время нашей стоянки въ Румеліи между магометанами и нашими солдатами существовали наилучшія отношенія. Мы пользовались полнымъ довѣріемъ мусульманскаго населенія, и въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ происходили какія-либо ссоры съ Болгарами, они прямо и смѣло обращались за помощью и защитой къ нашимъ мѣстнымъ властямъ.

Гораздо труднѣе было ладить съ христіанскимъ населеніемъ. Приходилось очень часто подавлять взрывы ненависти, гнѣздившейся въ сердцѣ каждаго христіанина противъ мусульманъ. Весьма значительное число Болгаръ намѣревалось слѣдомъ за нашей арміей выселиться въ Россію: до такой степени имъ былъ ненавистенъ возвратъ въ отечество, оставшееся подъ Турецкимъ владычествомъ. Напрасно издалъ султанъ указъ о прощеніи; напрасно Адріанопольскій архіерей ѣздилъ по всей странѣ, убѣждая народъ не покидать жилищъ и обѣщая покровительство властей,—ничто уже не было въ силахъ успокоить лихорадочное возбужденіе, охватившее здѣсь всѣ умы. Въ половинѣ Апрѣля, какъ только стала показываться трава, переселенцы разомъ поднялись и задвигались со всѣхъ сторонъ. Обозы, изъ 200, 300 телѣгъ, запряженныхъ волами, длинными вереницами потянулись по направленію къ Дунаю. Телѣги эти были нагружены всякимъ домашнимъ скарбомъ, а женщины, дѣти и старики шли пѣшіе. Мы съ сердечнымъ замираніемъ глядѣли на тысячи этихъ несчастныхъ переселенцевъ, покидавшихъ родныя мѣста и пускавшихся на встрѣчу невѣдомой судьбѣ. Однако было бы ошибочно думать, что они дѣйствовали подъ вліяніемъ отчаянія; напротивъ, лица ихъ выражали радость и веселье. Болгарскихъ семей, въ то время покинувшихъ Румелію, насчитываютъ до 20-ти тысячъ. Многія изъ нихъ остались въ Дунайскихъ княжествахъ, но большая часть поселилась въ Бессарабіи, гдѣ имъ отведены земли.

Около того-же времени Турки выплатили намъ часть военной контрибуціи, и армія наша двинулась изъ Румеліи, а главная квартира послѣдовательно переводилась сперва въ Сатуново, потомъ въ Тирасполь и, наконецъ, въ Тульчинъ. Я отсюда отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ капитаномъ ген. штаба Павломъ Коцебу, съ которымъ въ теченіи только что окончившейся войны я очень подружился.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕОНИДА ѲЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА *).

III.

Въ 1844 году, на одномъ изъ докладовъ графа Киселева о Внутренной Киргизской Букеевской ордѣ Государь Николай Павловичъ положилъ такую резолюцію: «Въ царствѣ другаго царства быть не можетъ». Внутренняя Киргизская орда, кочевавшая въ степяхъ Оренбургской и Астраханской губ., была управляема ханомъ Джангиромъ, какъ бы независимымъ владѣтелемъ. Киргизы, обложенные денежными сборами и «зякетомъ» въ пользу хана и султановъ, были внѣ всякаго обязательства къ государству, и если управленіе государственныхъ имуществъ временемъ и проявляло нѣкоторую власть по отношенію къ ордѣ, то это было только разбирательство о безпрерывныхъ спорахъ и тяжбахъ между Уральскими казаками, Киргизами и Калмыками за земельныя угодья.

Вслѣдствіе резолюціи Государя, лѣтомъ 1844 года я былъ командированъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ Астраханскую и Оренбургскую губ., и долженъ былъ подробно обозрѣть и описать орду, какъ по отношенію къ существующимъ платежамъ и дани Киргизовъ своему хану и султанамъ, такъ и внутренней ихъ расправы, а также опредѣлить степень власти хана и степень подчиненія Киргизовъ меньшимъ властямъ орды. Мнѣ вмѣнено въ обязанность имѣть совѣщанія съ генералъ-губернаторами Оренбургскимъ и Астраханскимъ и собрать у нихъ необходимыя свѣдѣнія.

Чтобы не возбудить подозрѣнія Киргизовъ и самаго хана, командировка моя отнюдь не должна была имѣть видъ *оффиціальнаго по-*

---

*) Первыя двѣ главы см. въ 1-мъ выпускѣ Р. Архива сего года.

рученія. Я долженъ былъ ѣхать въ видѣ туриста, путешествующаго по собственному желанію. Мнѣ было позволено даже, если я хочу, ѣхать съ женою. Но для полученія желаемыхъ министерствомъ свѣдѣній и тѣхъ данныхъ, которыя по инструкціи надлежало доставить, требовалось тщательное знакомство съ внутренною администраціею орды, чего я не могъ сдѣлать какъ частное лицо. При скрытности вообще Киргизовъ и въ особенности султановъ, представлялась необходимость сдѣлать такія распоряженія, которыя, закрывая служебную цѣль моей поѣздки, дали бы мнѣ возможность въ случаѣ нужды и требовать положительныхъ данныхъ.

По прибытіи въ Оренбургъ, къ крайнему моему сожалѣнію въ генералъ-губернаторѣ Обручевѣ я не встрѣтилъ содѣйствія въ порученномъ мнѣ дѣлѣ; напротивъ, онъ оказался тормазомъ. Обручевъ былъ совершенно другаго мнѣнія съ министерствомъ касательно устройства Киргизовъ, и мою командировку считалъ не только безполезною, но даже вредною, могущею возбудить негодованіе кочевниковъ.

Изъ Оренбурга, прежде чѣмъ отправиться въ ставку Рынь-пески, мнѣ необходимо было заѣхать въ Уральскъ, къ атаману Уральскихъ казаковъ, которому было предписано сопровождать меня и содѣйствовать мнѣ въ возложенномъ на меня порученіи.

Городъ Уральскъ, со своими постройками, балконами, виноградными верандами, на первый взглядъ имѣлъ много сходнаго съ иностранными южными городами. Чистенькій городокъ, прекрасно обстроенный; улицы широкія, шосированныя, весь въ садахъ, которые при окружающей степи еще болѣе ласкаютъ взоры. Населеніе состояло изъ казаковъ всѣхъ ранговъ и чиновъ; при этомъ нельзя не замѣтить, что заслуженные казаки, и въ особенности ихъ вдовы, пользуются особеннымъ почтеніемъ и уваженіемъ. Но что̀ удивляетъ, это то, что, привыкши видѣть казаковъ молодцами, въ военной формѣ, въ Уральскѣ вы ихъ встрѣчаете на улицѣ въ длинныхъ халатахъ, по обычаю раскольниковъ. Атаманомъ былъ тогда полковникъ Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ, которому покровительствовалъ предшественникъ Обручева графъ В. А. Перовскій. Поэтому онъ не пользовался расположеніемъ Обручева, который всѣхъ сослуживцевъ графа Перовскаго преслѣдовалъ. Кожевниковъ былъ человѣкъ большаго ума и образованія, съ характеромъ деспотическимъ и съ непреклонною волею; онъ съумѣлъ вселить въ казакахъ не только уваженіе, но сильную любовь къ себѣ. Казаки видѣли въ немъ не своего только атамана, но и Уральскаго казака, какъ бы принадлежащаго къ ихъ сословію.

Цѣлыхъ двѣ недѣли я пробылъ въ Уральскѣ. Все для меня было ново: бытъ казаковъ, столь интересный со стороны ихъ общиннаго

владѣнія угодьями и промыслами, ихъ радушіе, хлѣбосольство. У казаковъ все общее; такъ напримѣръ, въ извѣстное время сѣнокоса каждый коситъ сѣно сколько хочетъ и гдѣ хочетъ. Въ рыбныхъ промыслахъ, составляющихъ главный ихъ заработокъ, тоже самое; но что̀ добыто трудомъ, того никто не въ правѣ требовать. Насаженный, напримѣръ, кѣмъ либо садъ есть неотъемлемая собственность казака и переходитъ по наслѣдству къ сыну.

Утромъ я работалъ съ атаманомъ, а остальное время мы употребляли съ женой на гулянья, разъѣзды по садамъ, обѣды, рыбныя ловли. Всѣ почетныя казачки непремѣнно желали угощать мою жену, и всѣ эти угощенія происходили въ садахъ. На одномъ изъ обѣдовъ у атамана, которому онъ придалъ какъ бы оффиціальный характеръ и на которомъ присутствовали всѣ почетные казаки и казачки, рѣчь зашла о рыбной ловлѣ. Атаманъ обратился къ моей женѣ съ приглашеніемъ ѣхать послѣ обѣда ловить осетровъ, и на мой вопросъ, чѣмъ мы будемъ ловить, онъ отвѣчалъ: «да просто руками». Этотъ отвѣтъ я принялъ за неудачную остроту съ его стороны и болѣе не продолжалъ разговора о рыбной ловлѣ. Послѣ обѣда подали кофей и сигары, завязался шумный разговоръ. Пошли воспоминанія о Перовскомъ, котораго казаки очень уважали и любили *). Шумно толковали и оправдывали его въ неудавшемся Хивинскомъ походѣ, при чемъ доставалось Обручеву— какъ пришли доложить, что катера̀ готовы. Я былъ доволенъ, что разговоръ о г.-губернаторѣ былъ прерванъ, потому что онъ принималъ уже размѣры не весьма пріятные для него. Всѣ встали, засуетились, и мы всѣмъ обществомъ разсѣлись въ катера и отправились по Уралу на мѣсто ловли.

По принятому обычаю или закону, въ продолженіе всего лѣта ловля осетровъ воспрещена; она разрѣшается только въ Октябрѣ и Ноябрѣ, во время такъ называемой *«багрянки»*; одному атаману предоставлено право ловить осетровъ въ лѣтнее время, въ отведенномъ для этого мѣстѣ, называемомъ «атаманскимъ ловомъ». Подъѣзжая къ этому мѣсту, мы цѣлыхъ полчаса должны были соблюдать всевозможную тишину. Катера наши подвигались очень медленно и строились въ ширину рѣки. Съ берега водолазъ, стоя, поплылъ очень осторожно, не взбалтывая воды, и только по поясъ погружая себя въ воду. Ми-

---

*) Графъ Перовскій своимъ рыцарскимъ характеромъ оставилъ по себѣ между казаками самую лучшую память; всѣ разсказывали про веселья на „заимкѣ“ (дачѣ) его, куда съѣзжались Оренбургскія барыни танцовать по цѣлымъ недѣлямъ, при чемъ выписывались изъ Парижа для нихъ, не только перчатки и обувь, но цѣлые туалеты.

нутъ пять длилась возможная тишина, какъ вдругъ водолазъ, ощупавъ ногами присутствіе осетра, ударилъ въ него привязаннымъ къ кисти правой руки желѣзнымъ крюкомъ—«абрашкою». Пока рыба не вытаскивалась на поверхность воды, отъ водолаза не требовалось большаго усилія; но лишь только показывался хвостъ, какъ начиналась борьба между водолазомъ и осетромъ: вода сильно бушевала, и водолазъ и рыба постоянно ныряли. Тогда подоспѣла лодка съ двумя казаками, которые топорами довершили ловлю, и осетръ доставлялся атаману въ катеръ. Въ продолженіе двухъ съ половиною часовъ этой интересной ловли намъ удалось изловить пять штукъ осетровъ, изъ которыхъ одинъ вѣсилъ $4\frac{3}{4}$ пуда. Тутъ я удостовѣрился, что осетровъ дѣйствительно «ловили руками».

Возвращеніе съ ловли было крайне оригинальное. Погода стояла прелестная; Уралъ былъ какъ зеркало; наша флотилія, состоявшая изъ 7 катеровъ съ музыкою и пѣсенниками во главѣ, плыла весьма стройно. Одинъ берегъ рѣки «карча», т. е. луговой, другой же чрезмѣрно утесистъ. На всемъ пути нашего обратнаго плаванія мальчишки-казаки бросались съ утеса въ рѣку съ криками: «Ура, атаманъ!» и вновь карабкались на утесъ, и вновь бросались въ воду одинъ за другимъ, да такъ часто, что сосчитать было невозможно.

По пріѣздѣ съ ловли за ужиномъ у атамана ожидало насъ нѣсколько Туркменъ. Это танцоры; они же музыканты на разныхъ инструментахъ, бубенчикахъ и колокольчикахъ. Хотя между ними и была одна женщина, но по наружности едва ли возможно ее было признать за таковую.

Распрощались мы съ Уральскомъ и отправились степью въ ставку хана Киргизскаго, Рынь-Пески, цѣлымъ караваномъ: мой дормезъ, экипажъ атамана, сопутствующіе казаки и два фургона съ кухнею, льдомъ и Зельтерскою водою. По дорогѣ, для смѣны, брали изъ ближайшихъ табуновъ дикихъ лошадей, никогда въ запряжкѣ не ходившихъ, и чтобы запрягать ихъ, накладывали имъ на ноги путы, и по снятіи путъ, весь шестерикъ съ каретою мчался версты двѣ-три, до тѣхъ поръ пока лошади не останавливались сами, перервавъ всю веревочную сбрую; и уже тогда казаки запрягали ихъ должнымъ порядкомъ. Жара стояла невыносимая, въ степи все солончаки, воды нѣтъ; одно спасеніе Зельтерская вода и ледъ, которымъ мы запаслись.

Не доѣзжая верстъ пять до ставки, мы были привѣтствованы отъ имени хана цѣлымъ эскадрономъ Киргизовъ, которые, освѣдомясь о нашемъ здоровьи, передали приглашеніе хана остановиться въ приготовленныхъ для насъ кибиткахъ. Былъ уже поздній вечеръ, когда мы добрались до ставки; но это не мѣшало Киргизамъ толпою окружать

приготовленную для «барина» кибитку. Кибитка была большая, шаговъ 10 въ діаметрѣ, отдѣланная внутри зеленымъ трипомъ, вся въ коврахъ, освѣщенная четырьмя большими лампами. Мебель старинная разныхъ фасоновъ, украшенная ковриками и подушками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей кибитки была кибитка атамана, а рядомъ съ послѣдней—кибитки для казаковъ и прислуги.

Лишь мы пріѣхали, намъ подали чай съ серебрянымъ (апликe) самоваромъ и очень вкусно изготовленный ужинъ; на мой вопросъ, кто же готовилъ, мнѣ отвѣчали: «Хранцузъ пришелъ, Москва, живетъ у хана». Подали Шампанское, которое казалось только что окипяченымъ, до того оно было тепло; хорошо, что былъ съ нами ледъ.

Меня удивляли всѣ эти встрѣчи и приготовленія. Явно было, что хана предварили о моемъ пріѣздѣ, и онъ ожидалъ высокаго чиновника (!) Но кто могъ его предварить и въ какомъ смыслѣ? А мы съ атаманомъ всю дорогу разучивали наши роли, и Кожевниковъ, знакомый уже хану, долженъ былъ представить меня ему, какъ близкаго своего пріятеля, путешествующаго по Россіи, и котораго онъ знакомитъ со степью.

Утромъ на другой день, послѣ спроса чрезъ атамана, когда угодно будетъ его степенству меня принять, ханъ меня принялъ въ своей кибиткѣ, весьма церемонно и очень сухо. Онъ разговаривалъ со мною чрезъ переводчика, распрашивалъ о Царѣ, Царицѣ, угощалъ чаемъ, Шампанскимъ (теплымъ), но разговоръ не клеился. Ханъ былъ какъ бы сконфуженъ.

Кибитка его, очень большая, находилась во ста шагахъ отъ моей, съ двумя гайдуками у входа, такъ же убранная коврами и развѣшаннымъ оружіемъ.

Спустя минутъ десять послѣ моего ухода отъ хана, онъ отдалъ мнѣ визитъ, съ соблюденіемъ нѣкоторой церемоніи, освѣдомясь предварительно, могу ли я его принять. Онъ познакомился съ моею женою и вызвался самъ провести ее къ ханьшѣ, которая помѣщалась въ особой кибиткѣ.

Чрезъ посланнаго отъ хана атаманъ и я получили приглашеніе пожаловать къ обѣду, гдѣ были собраны всѣ султаны. Обѣдъ былъ изготовленъ по нашему; послѣ водки (арзана) изъ кобыльяго молока, Шампанское было единственнымъ напиткомъ. На этомъ обѣдѣ впервыя я испробовалъ мясо изжареннаго молоденькаго жеребенка. Тѣже церемоніи жена моя должна была соблюсти въ отношеніи ханьши; только за ея обѣдомъ присутствовали три-четыре женщины и между

ними Англичанка м-мъ Аткинсонъ *), гостившая уже нѣсколько мѣсяцевъ въ степи.

Мы жили въ ставкѣ болѣе мѣсяца, большею частію обѣдали у хана, жена у ханьши, рѣдко у себя въ кибиткѣ; ужинали же постоянно у атамана. По вечерамъ собирались у меня султаны, или мы разъѣзжали по улусамъ орды. Жена же все время проводила у ханьши, которая съ нею очень подружилась.

Киргизы вообще очень любопытны; они сборищами шныряли около нашихъ кибитокъ до поздней ночи, а ночью располагались биваками не въ далекѣ, въ степи, со своими верблюдами, такъ что ихъ безпрерывное бормотанье и крики этихъ милыхъ животныхъ доходили до насъ и намъ спать не давали. Да мы, правда, и расходились очень поздно; атаманъ большой охотникъ до ужина, самъ его заказывалъ повару хана, Французу, въ провизіи недостатка не было, и къ тому чудныя были теплыя ночи.

Разговоры и разспросы позволили мнѣ собрать нужныя свѣдѣнія, въ чемъ мнѣ много содѣйствовалъ полковникъ Кожевниковъ, хорошо знакомый съ краемъ и людьми. Ласковое мое обращеніе съ Киргизами, частыя угощенія, которыя я имъ предлагалъ, подарки сблизили меня съ ними; они ободрились, да и самъ ханъ въ послѣднее время былъ со мною несравненно привѣтливѣе и откровеннѣе, и даже, къ моему удивленію, за два дня до моего отъѣзда, заговорилъ со мною по-русски, правда, ломанымъ языкомъ, но весьма понятнымъ, тогда какъ прежде онъ постоянно объяснялся непремѣнно чрезъ переводчика. Когда я выразилъ хану удивленіе по этому поводу, то онъ отвѣчалъ, что, будучи предваренъ генераломъ Обручевымъ о моемъ пріѣздѣ, онъ ожидалъ непріятностей и боялся меня; но, познакомившись, онъ меня полюбилъ и очень бы желалъ, чтобы я не забылъ его, старика. «Если твоя милость увидитъ Великаго Царя и Великую Царицу, скажи, что ханъ Джангиръ готовъ на вѣки имъ служить, какъ и всѣ его Киргизы». Въ знакъ памяти и своего расположенія онъ просилъ принять отъ него кибитку, въ которой я гостилъ, сѣдло и уздечку. Кибитку мнѣ принять было довольно затруднительно по громоздкости ея, и пришлось отдарить парою пистолетовъ, купленныхъ у атамана.

Наканунѣ нашего отъѣзда былъ устроенъ праздникъ, охота съ балабанами (родъ соколовъ) на выпускаемыхъ цаплей, конскіе и верблюжіе бѣга, борьба Киргизовъ и пр. Чуть ли не со всѣхъ улусовъ народъ собрался принять участіе въ празднествѣ; призы изъ разныхъ

---

*) Извѣстная Аткинсонъ; ея путешествіе было издано въ Лондонѣ.

мелкихъ вещей, употребляемыхъ Киргизами, огнивъ, трубокъ, кошельковъ, ременныхъ чумбуровъ, раздавались самимъ ханомъ. Подъ конецъ праздника былъ пригнанъ цѣлый табунъ дикихъ лошадей, и мнѣ предложено указать на любую, которую я прикажу осѣдлать. На удачу я указалъ на свѣтло-бураго жеребца. Киргизъ тутъ же поскакалъ, долго гонялся за нимъ, набросилъ на него петлю и, кинувъ свою лошадь, вскочилъ на пойманную, которая съ жестокими курбетами, безъ узды, таскала его по всей степи. Кончилось тѣмъ, что онъ привелъ ее къ намъ, осѣдлалъ и проѣхался шагомъ, весьма довольный, мимо насъ. Лошадь да и самъ Киргизъ были въ мылѣ. Праздникъ длился съ 10 часовъ до 7 вечера. Жена моя также присутствовала съ ханьшой на этомъ весельѣ, въ четвероместной каретѣ, запряженной шестерикомъ съ опущенными сторами. Тутъ же сидѣла г-жа Аткинсонъ, и онѣ смотрѣли на бѣга и на игры сквозь щелочку.

Приведя въ порядокъ собранныя свѣдѣнія, я долженъ былъ ѣхать въ Астрахань. Испытавъ уже всѣ неудобства и затрудненія въ дышловой запряжкѣ Киргизскихъ степныхъ лошадей, я опасался за мою карету; сломаютъ—мнѣ бы пришлось сидѣть въ степи, тѣмъ болѣе что мы должны были разстаться съ атаманомъ и расторопными казаками. Но ханъ весьма любезно предложилъ мнѣ свой тарантасъ-карету, работы Іохима въ Петербургѣ, собственно для степной троечной ѣзды заказанную. Эту карету я долженъ былъ на обратномъ пути оставить въ Саратовѣ, куда доставятъ мой дормезъ.

Въ Астрахани встрѣтилъ насъ съ большимъ радушіемъ старикъ Олоничъ, бывшій въ то время управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ. У него мы и поселились. Астраханскій г.-губернаторъ Тимирязевъ, раздѣляя совершенно мнѣніе графа Киселева касательно устройства Киргизской орды, вполнѣ одобрилъ всѣ собранныя мною свѣдѣнія, но находилъ затрудненіе отводить Киргизамъ камыши на прибрежьѣ Каспійскаго моря, столь необходимые для укрывательства въ зимнее время Киргизскихъ табуновъ отъ бурановъ, и поэтому не соглашался подѣлить камыши съ Калмыками, которые ими пользовались. Возникшее по этому предмету недоразумѣніе заставило меня прокатиться съ землемѣромъ на мѣсто спора, чтобы лично удостовѣриться въ справедливости притязаній Киргизовъ.

Погода была жестокая, дождь лилъ безостановочно, вслѣдствіе чего я схватилъ лихорадку и три дня пролежалъ въ грязной Киргизской кибиткѣ. Землемѣръ за мною ухаживалъ и утѣшалъ меня тѣмъ, что это нездоровье есть не что иное, какъ обыкновенная мѣстная лихорадка, съ которою они очень хорошо знакомы. Хорошее утѣшеніе!

Я опасался, что болѣзнь эта меня задержитъ долгое время въ Астрахани.

Жена моя все это время оставалось у добрыхъ Оленичей. По возвращеніи въ городъ, я, не оправившись еще отъ лихорадки, долженъ былъ принимать участіе въ званыхъ обѣдахъ и гуляньяхъ по садамъ или, лучше сказать, по огромнымъ виноградникамъ,—единственное удовольствіе Астраханскихъ жителей. Надо полагать, что съ тѣхъ поръ Астрахань много измѣнилась къ лучшему. Въ то время городъ не отличался ни зданіями, ни чистотою: улицы были немощеныя, постройки деревянныя, покрытыя отъ зноя и сырости сѣро-зеленымъ мохомъ. Вообще этотъ важный городъ имѣлъ довольно таки унылый видъ.

Мои опасенія сбылись, и мы должны были, сверхъ всякаго чаянія, оставаться въ Астрахани несравненно долѣе предположеннаго, и какъ семейство Оленичей ни старалось намъ доставлять всевозможныя развлеченія, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня выѣзда.

Лошади были уже запряжены, и мы садились въ карету, какъ директоръ садоваго заведенія Министерства Государственныхъ Имуществъ убѣдительно сталъ упрашивать насъ заѣхать къ нему завтракать; жена отговаривалась тѣмъ, что она уже въ дорожномъ нарядѣ, но онъ увѣрялъ, что у него, кромѣ насъ, никого не будетъ. Какъ я ни отнѣкивался, пришлось заѣхать.

Каково же было мое удивленіе! Въ первой комнатѣ я увидалъ столъ, накрытый болѣе чѣмъ на 30 приборовъ, съ массою бутылокъ. Директоръ пожелалъ похвастать произведеніями своего сада; онъ разложилъ по тарелкамъ кисти винограда всевозможныхъ цвѣтовъ, вкуса и формы, такъ что каждая тарелка имѣла по кисти винограда особаго сорта; и вино было также произведеніемъ казеннаго сада.

Дорогою намъ привелось еще цѣлые сутки пробыть въ улусѣ Калмыцкаго князя Тюменя, въ 50 верстахъ отъ Астрахани. Князь давалъ большой праздникъ въ честь генералъ-губернатора, куда пригласилъ всю Астрахань. Тутъ все было: и парадное богослуженіе по Буддійскому обряду съ трубами и барабанами, и охота, и скачки, все, что только можно было придумать; вечеромъ устроились даже танцы, и Астраханскія барыни съ удовольствіемъ танцовали на лугу подъ незатѣйливую музыку. Князь Тюмень, тогда еще бодрый старикъ лѣтъ 75-ти, участвовавшій въ кампаніи 1814 года, побывавшій въ Парижѣ съ Калмыками-ополченцами, съ особеннымъ пафосомъ разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ. Угощая гостей за обѣдомъ и лично разливая Шампанское въ бокалы, онъ неоднократно заявлялъ, что умѣетъ распознать хорошее вино, «что онъ прошелъ Шампанію взадъ и

впередъ»; самъ же никакого другаго вина не пилъ, кромѣ какъ изъ кобыльяго молока, находя его несравненно вкуснѣе всѣхъ прочихъ винъ.

Въ концѣ Сентября я вернулся въ Петербургъ, и графъ Киселевъ остался доволенъ исполненнымъ мною порученіемъ. Ханъ Джангиръ вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ ставки скоропостижно скончался, такъ что ему не привелось видѣть переустройство въ управленіи ордою. Государь повелѣть соизволилъ пожаловать его племянника и наслѣдника въ пажи, съ принятіемъ его въ Пажескій Корпусъ и съ назначеніемъ, по выпускѣ изъ корпуса, ежегоднаго содержанія изъ Государственнаго Казначейства по 12 тыс. р. сер. Киргизская же орда поступила въ полное завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, всѣ сборы въ пользу хана и султановъ прекращены, и Киргизы обложены общими государственными податьми, а управленіе поручено, на основаніи общихъ положеній, особому чиновнику отъ министерства, съ званіемъ управляющаго Внутреннею Киргизскою Букеевскою ордою.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ПРЕОБРАЖЕНЦА.

1855-й годъ *).

Новый Государь началъ реформы съ обмундировки и съ обученія. 22-го Мая мы прочли въ приказѣ, что прежнее, трудное держаніе ружья въ лѣвой рукѣ отмѣнено, а велѣно держать его въ правой, по унтеръ-офицерски. Около 25-го Мая, я принялъ, отъ капитана Дохтурова 1-го, третью гренадерскую роту, на законномъ основаніи, и этотъ пріемъ сразу напомнилъ мнѣ, что беззаботное время прошло и что я столкнулся съ настоящимъ служебнымъ бытомъ, съ дѣйствительною жизнью. Впереди показывалась серьозная, чернорабочая служба ротнаго командира, при которой многое приходится обдумать и разсчитать. Дохтуровъ сдалъ роту, строго придерживаясь тогдашняго устава и обычая. Онъ выстроилъ всѣхъ наличныхъ людей, въ полной парадной формѣ и, при моемъ приближеніи, взялъ «на караулъ» и салютовалъ самъ, не смотря на то, что былъ старше меня. За тѣмъ онъ представилъ мнѣ правящихъ унтеръ-офицеровъ и отдѣленныхъ ефрейторовъ, сказалъ приличную рѣчь и удалился. Послѣ того я сдѣлалъ опросъ о претензіяхъ, причемъ, по обыкновенію, солдаты пробурчали давно затверженныя фразы: «всѣмъ довольны, претензій никакъ нѣтъ!» и проч. Однако, когда, по пріѣздѣ на мызу (Гіеронимово) я сталъ принимать ротныя суммы, книги и счеты, оказалось совершенно другое. Надобно знать, что всегда и болѣе всего путались артельщики, выбираемые солдатами для веденія практическаго хозяйства. Эти артельщики служили имъ ходячимъ банкомъ. Солдатики охотно давали

*) См. 1-й вып. Р. Архива сего года, стр. 54.

туда на сохраненіе лишнія деньжонки, а другіе, напротивъ, брали у артельщиковъ взаймы. Кромѣ того у нихъ всегда была на рукахъ довольно крупная сумма, такъ какъ, хотя по закону ротный командиръ не имѣлъ права давать артельщику на руки болѣе 30 рублей, но въ дѣйствительности выдавалось иногда вдесятеро болѣе, напримѣръ на валовую покупку припасовъ. Артельщики часто проматывали деньги или запутывались, за что ихъ и отдавали подъ судъ или выгоняли во избѣжаніе огласки; но въ послѣднемъ случаѣ ротный командиръ, конечно, приплачивался. Въ 3-й гренадерской ротѣ артельщикомъ былъ нѣкто Кулаковъ, уже тогда унтеръ-офицеръ, а слѣдовательно онъ, какъ говорится, засидѣлся на этомъ мѣстѣ. Между офицерами было въ обычаѣ, при пріемѣ роты, подписывать смѣтные рапорты, книги и документы на вѣру, не разсматривая и не повѣряя ихъ нисколько. Такъ случилось и на этотъ разъ. Предшественникъ мой, послѣ сдачи роты, тотчасъ же уѣхалъ въ Бѣлостокъ; а такъ какъ первые распросы и распоряженія ротнаго командира относились къ фельдфебелю и артельщику, то я и сталъ переговаривать съ Кулаковымъ, но онъ былъ страшно блѣденъ, казался растеряннымъ и рѣшительно не могъ ничего путно объяснить. Полагая, что онъ утомился или боленъ, я отправилъ его домой, то-есть въ деревню, отстоявшую версты четыре отъ Гіеронимова. Однако его ненормальное состояніе такъ озаботило меня, что я послалъ съ нимъ еще двухъ солдатъ на подводѣ. Не прошло и получаса, какъ вбѣжалъ одинъ изъ проводниковъ, очень встревоженный, и доложилъ, что «случилось несчастье»: Кулаковъ на дорогѣ забуянилъ, старался вырвать тесакъ у товарища и кричалъ, какъ сумасшедшій, что онъ «человѣкъ пропащій и что ему одна дорога,—наложить на себя руки» и проч. Его связали и отправили поскорѣе въ госпиталь. Между тѣмъ оказалось, что артельщикъ вовсе не былъ боленъ, а просто запутался въ деньгахъ. Мнѣ принесли длинный списокъ солдатъ, которымъ онъ былъ долженъ болѣе или менѣе значительныя суммы. Я поспѣшилъ уладить дѣло, безъ огласки, потому что Кулаковъ, какъ оказалось, былъ добрый, непьющій и всѣми любимый человѣкъ; онъ запутался по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ.

Личный составъ моей новой роты былъ великолѣпный. Какъ всѣ гренадерскія, она состояла изъ взвода гренадеръ и взвода стрѣлковъ. Люди были рослые, красивые и подобраны на славу. Но что было замѣчательно, это особенный складъ, особенный духъ, какого я не встрѣчалъ въ ротахъ полка ни прежде, ни послѣ. Мнѣ именно попалась одна изъ «бурливыхъ» ротъ. Было преданіе, что когда-то солдаты 3-й гренадерской роты отваживались буйствовать по Петербургу

и ломать двери и окна въ кабакахъ. Кажется, въ началѣ 1840 годовъ, въ командованіе ротою капитана Ѳедорова, гренадеры взбунтовались, перевязали своихъ унтеръ-офицеровъ и побросали ихъ подъ койки. При усмиреніи этого безпорядка особенно отличился находчивостью и присутствіемъ духа молодой ефрейторъ Стру-страшъ *) и сдѣлалъ себѣ карьеру, такъ что я засталъ его фельдфебелемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я нашелъ въ ротѣ людей стараго закала; ихъ побаивался самъ Стру-страшъ, хотя онъ дѣйствительно былъ человѣкъ очень умный и энергичный. Мнѣ скоро пришлось извѣдать на опытѣ своенравный характеръ 3-й гренадерской роты. У насъ вышло столкновеніе такого рода. Въ ротѣ служилъ гренадеръ Недосѣкинъ. Онъ, въ одинъ прекрасный день, завелъ въ рожь какую-то бабу; въ добавокъ, стащилъ у нея съ головы платокъ и присвоилъ его себѣ. Баба пожаловалась, и вышелъ скандалъ. Вдругъ является ко мнѣ фельдфебель и докладываетъ, что солдаты 1-го отдѣленія собрались толпою и объявили, что, послѣ такой подлости, они не желаютъ служить съ Недосѣкинымъ и *требуютъ*, чтобы его перевели въ другую роту и что, пока это не будетъ исполнено, они не разойдутся. Я сейчасъ же поѣхалъ въ деревню, гдѣ квартировали недовольные и дѣйствительно нашелъ очень большое собраніе, такъ что тутъ очевидно участвовало не одно первое отдѣленіе. При моемъ появленіи солдаты выстроились и весьма краснорѣчиво поглядывали на меня изъ подлобья. Я не поздоровался съ ними, а прямо обратился къ фельдфебелю съ приказаніемъ принести рапортъ о Недосѣкинѣ, еще вчера мною подписанный. Въ немъ заключалось мое ходатайство о переводѣ Недосѣкина въ другую роту, какъ недостойнаго служить въ гренадерахъ. Солдаты переглядывались съ торжествующимъ видомъ; но каково было ихъ удивленіе, когда, вслѣдъ за чтеніемъ, я разорвалъ рапортъ на клочки, прибавивъ рѣшительнымъ и недопускающимъ возраженія тономъ: «Я присланъ вами командовать; а теперь, мнѣ кажется, вы захотѣли мною командовать, и я вамъ говорю, разъ навсегда, что мнѣ учителей не нужно, и что я ни по чьей дудкѣ плясать не стану!» Затѣмъ, не давая имъ опомниться, я строго прикрикнулъ, приказывая въ туже минуту разойтись, что̀ и было исполнено. Послѣ того я разсадилъ подъ арестъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, которые не только не воспрепятствовали стачкѣ, но и сами лично въ ней участвовали. Наконецъ, я назначилъ виновныхъ, черезъ пятаго человѣка, дежурить не въ очередь двѣ недѣли, а Недосѣкину велѣлъ по прежнему оставаться

*) Онъ собственно назывался Струй-же-его-страши.

въ своемъ отдѣленіи, взыскавъ съ него за проступокъ очень строго, но не по желанію товарищей.

Въ окрестностяхъ Гіеронимова стоялъ весь 3-й баталіонъ, кромѣ 7-й роты (Дена 2-го). Баталіономъ командовалъ Челищевъ; 8-ю ротою—Вельяминовъ 2-й; 9-ю—графъ Татищевъ 1-й. Всѣ мы жили на мызѣ владѣльца имѣнія Дзеконскаго, бывшаго кавалерійскаго генерала Польскихъ войскъ, тогда уже умершаго. Въ маленькой капищѣ дома сохранялись сѣдло, пробитое пулею, конечно Русскою, и орденъ Св. Станислава прежней формы, то-есть Польской. Надобно кстати сказать, что хотя и нашъ Станиславскій крестъ очень красивъ и даже весьма любимъ иностранцами, но Польскій Станиславъ былъ несравненно представительнѣе. Крестъ серебряный и по угламъ украшенъ бѣлыми одноглавыми орлами; они были гораздо легче и красивѣе нашихъ золотыхъ, двуглавыхъ. Въ серединѣ креста, вмѣсто теперешняго вензеля, было эмалевое изображеніе Св. Станислава, окруженное густымъ лавровымъ вѣнкомъ. Королевская корона, серебряная, рѣзная, тоже изящнѣе нашей большой короны, которая нѣсколько велика и тяжеловата. Вообще орденъ отличался большимъ вкусомъ и красотою; онъ очень напоминалъ Французскій орденъ Почетнаго Легіона.

Мы жили весьма дружно, весело и пріятно. Баталіонный командиръ Челищевъ, отличный товарищъ и человѣкъ вѣчно веселый и беззаботный, то и дѣло развлекалъ насъ своимъ юморомъ и замысловатыми выходками. Въ это время, командиръ полка, Пушкинъ сталъ объѣзжать расположенія баталіоновъ и вездѣ производилъ баталіонныя ученья. Когда онъ явился къ намъ въ Гіеронимово, мы, въ первый разъ, увидѣли на немъ пальто новой формы. Почтенный Алексѣй Петровичъ, любившій комфортъ, былъ необыкновенно доволенъ этою перемѣною. «Помилуйте», сказалъ онъ намъ, «да это просто халатъ, который однакоже даетъ мнѣ право имѣть честь находиться въ вашемъ обществѣ, не снимая его!» Наше общество и наше баталіонное ученье весьма понравились командиру полка, и онъ уѣхалъ очень довольный.

Одно намъ было горе, это съ заболѣвающими; ихъ приходилось везти около 50 верстъ до Бѣлостока, по сквернѣйшей дорогѣ, на тряской и неудобной телѣгѣ, такъ что малѣйшее запущеніе болѣзни могло прямо упасть на совѣсть ротнаго командира. Между тѣмъ солдаты въ этомъ отношеніи сущія дѣти: изъ боязни госпиталя, они скрывали болѣзнь до послѣдней крайности, въ надеждѣ, что «авось само пройдетъ». Кромѣ тифа развелись еще поносы, такъ что въ роты выдали по три №№ какихъ-то новыхъ порошковъ, для первоначальной помощи заболѣвающимъ. Однако тифъ ослабѣвалъ, и въ концѣ Іюня было значительное число выздоравливающихъ. Солдатики стали ожи-

ать, а ротные командиры попали изъ огня да въ полымя, потому что живаніе выразилось значительнымъ числомъ сифилитическихъ больыхъ, такъ что въ полковомъ приказѣ 2-го Іюня обстоятельство это оставлено на видъ ротнымъ командирамъ. При этомъ возобновлено наменитое распоряженіе генерала Катенина, чтобы унтеръ-офицеры сматривали подобныхъ больныхъ и всѣхъ оказавшихся съ застарѣыми болѣзнями наказывали розгами передъ отправленіемъ въ госиталь.

Двѣнадцатаго Іюня объявлено, что полкъ выступаетъ въ Вильну, 13-го числа выписанъ и маршрутъ на Соколку, Гродно, Лиду и Ішуны. Походъ этотъ продолжался до 11-го Августа, и въ немъ не лучилось ничего замѣчательнаго; по крайней мѣрѣ, въ моей памяти іе осталось ни одного особенно выдѣляющагося обстоятельства. Поіню только, что болѣзни и смертность между солдатами провожали іасъ во все время путешествія, хотя онѣ проявлялись не въ такой ильной степени какъ въ Апрѣлѣ и въ Маѣ. Еще до начала перевиженія высшее начальство стало замѣтно обращать вниманіе на трѣльбу въ цѣль. Еще въ Бѣлостокѣ ротамъ предписано было заяться этимъ дѣломъ; на походѣ же, въ началѣ Августа, доставлено ъ полкъ восемьсотъ новыхъ прицѣловъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ придѣывать сначала къ ружьямъ 2-й шеренги, а потомъ къ 1-й. 7-го Авгута вышелъ приказъ о формированіи стрѣлковыхъ ротъ. Но прежде іѣмъ говорить объ этомъ обстоятельно, необходимо остановиться на іричинахъ, вызвавшихъ тогдашнія многочисленныя реформы по всѣмъ іастямъ военнаго дѣла вообще, и особенно въ дѣлѣ воспитанія солцата. Крымская война разрушила мнѣніе о безусловномъ совершенствѣ нашей арміи, основанномъ на мнимо-непреложномъ преимуществѣ дѣйствія массами, которому Русскія войска дѣйствительно были обуіены превосходно. Въ Крымской войнѣ непріятели наши, особенно Французы, озадачили насъ внезапною перемѣною тактики. Но эта перемѣна была неожиданна развѣ для насъ однихъ, такъ какъ арміи западныхъ державъ подготовляли и развивали тактику разсыпнаго строя еще съ 1840-хъ годовъ, т.-е. со времени образованія Орлеанскихъ стрѣлковъ. Извѣстно, что въ сраженіи при Альмѣ, Французскія дивизіи Боске, Канробера и принца Наполеона, дѣйствовали преимущественно въ разсыпномъ строѣ и что мѣткій огонь Французскихъ стрѣлковъ произвелъ страшное опустошеніе въ нашихъ рядахъ. Вообще искусство въ стрѣльбѣ и всестороннее развитіе непріятельскихъ солдатъ наглядно выказали преимущество одиночнаго образованія нижнихъ чиновъ и офицеровъ. У насъ, наоборотъ, система сомкнутаго строя оказывала вредное вліяніе, какъ на тѣхъ, такъ и на

другихъ, потому что не только солдаты, но и офицеры привыкали дѣйствовать безсознательно и машинально и служить слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ начальника. Крымская война показала, что въ критическую минуту всякій долженъ умѣть распорядиться самостоятельно. Словомъ, война 1854—1855 гг. оправдала пословицу, что нѣтъ худа безъ добра и открыла намъ глаза. Вопервыхъ, неудачи возбудили оскорбленное самолюбіе арміи и ревностное желаніе идти на встрѣчу преобразованіямъ, въ которыхъ ощущалась безотлагательная надобность. Такъ какъ насъ больнѣе всего били штуцерами, то стрѣльба первая обратила на себя вниманіе. Реформы по этой части слѣдовали одна за другою, и предначертанія, также какъ исполненіе, шли одинаково быстро и успѣшно. Повторяю то, что̀ неоднократно говорилъ: на гвардіи всегда примѣрялось все новое, а на этотъ разъ гвардія, какъ нарочно, была въ бездѣйствіи, а начальство надъ нею принялъ старый, умный, испытанный полководецъ, графъ Ридигеръ.

Сколько могу припомнить, онъ въ 1812 г. былъ уже полковникомъ, принималъ участіе во всѣхъ войнахъ царствованія Александра I-го; при Николаѣ I-мъ онъ игралъ видную роль въ Польской кампаніи 1831. Въ ту критическую минуту, когда въ тылу нашихъ войскъ произошли возстанія въ Литвѣ и Подоліи, изъ Варшавы конечно старались подать руку мятежникамъ. Съ этою цѣлью посланъ былъ сильный отрядъ Гельгуда въ Литву, и въ тоже время Польскій генералъ Дверницкій ворвался изъ Галиціи въ Подолію. Этому опасному вторженію положилъ конецъ генералъ Ридигеръ. Онъ заступилъ дорогу Дверницкому, разбилъ его при Голыминѣ и отбросилъ за Австрійскую границу. Наконецъ, участіе его въ Венгерской войнѣ 1849 года общеизвѣстно. Она и кончилась тѣмъ, что Гёргей, 13 (25) Августа, сложилъ оружіе предъ войсками Ридигера. Такой начальникъ, конечно, хорошо понималъ требованія времени и могъ найти въ себѣ самомъ и средства, и твердость для проведенія въ войскахъ необходимыхъ реформъ. Первое его распоряженіе коснулось стрѣлковаго дѣла. Еще задолго предъ выступленіемъ въ Вильну, въ полку было уже четыре комплекта штуцерныхъ *), и вотъ, наконецъ, послѣ того какъ цѣлые десятки лѣтъ въ каждомъ полку Русской арміи было не болѣе 72 человѣкъ вооруженныхъ штуцерами, теперь велѣно формировать при каждомъ баталіонѣ стрѣлковую роту: 4-ре офицера, 10-ть унтеръ-офицеровъ, 4-ре гар-

*) Генералъ Сумароковъ смотрѣлъ ихъ въ Бѣлостокѣ, предъ выступленіемъ нашимъ въ Вильну.

ниста и 96 стрѣлковъ *). Въ приказахъ 7-го Августа и 3-го Сентября три положенія ясно выражаютъ цѣль, сущность и направленіе какъ этой реформы, такъ и всѣхъ послѣдующихъ: «Главнокомандующій, согласно высочайшей волѣ, требуетъ, чтобы въ настоящее время учили солдатъ преимущественно тому, что нужно для войны. Нынѣшняя война указала всю важность искусной стрѣльбы, одиночной развязности и ловкости солдатъ. Стрѣлковъ ни на какія ученія не выводить и занимать исключительно стрѣльбою въ цѣль и обратить особое вниманіе на то, чтобы развязать ихъ природную ловкость и смѣтливость. Все что относится къ стрѣльбѣ и развитію силы и ловкости солдата, должно быть, по мѣрѣ возможности, примѣнено вообще ко всей пѣхотѣ; каждый долженъ умѣть стрѣлять и сражаться штыкомъ».

---

*) Выписываю главные пункты приказовъ 7-го Августа и 3-го Сентября касательно формированія и устройства стрѣлковыхъ ротъ.

Приказъ 7-го Августа.

1) Изъ штуцерныхъ всѣхъ четырехъ комплектовъ составить въ каждомъ баталіонѣ пятыя отдѣльныя роты, которыя именовать по нумерамъ своихъ баталіоновъ: первая, вторая стрѣлковыя и т. д.

2) Въ каждой ротѣ имѣть одного ротнаго командира въ чинѣ поручика, съ оставленіемъ его въ этой должности, если онъ будетъ соотвѣтствовать своему назначенію, до производства въ штабъ-офицеры, одного подпоручика, двухъ прапорщиковъ, десять унтеръ-офицеровъ, въ томъ числѣ одного фельдфебеля и одного каптенармуса, четырехъ горнистовъ и девяносто шесть стрѣлковъ.

3) Въ мирное время ротамъ симъ составлять отдѣльные баталіоны, подъ командою одного изъ младшихъ штабъ-офицеровъ.

4) Въ военное время и вообще въ строю ротамъ расходиться по баталіонамъ и становиться за флангами своихъ баталіоновъ, раздѣляясь на четыре полувзвода, въ двѣ шеренги, по два за каждымъ флангомъ.

5) При этомъ все прежнее стрѣлковое ученье оставить безъ всякаго измѣненія.

6) Для употребленія стрѣлковыхъ ротъ составить особыя правила, придерживаясь данныхъ Его Величествомъ основаній.

7) Стрѣлковымъ ротамъ, какъ въ гвардіи, такъ и въ гренадерахъ, имѣть черную аммуницію.

О времени формированія сихъ ротъ и о сборѣ ихъ будетъ объявлено въ городѣ Вильнѣ.

Въ Вильнѣ же объявленъ приказъ отъ 3-го Сентября. Согласно Высочайшей волѣ его сіятельство, г. главнокомандующій гв. и гренад. корпусами требуетъ, чтобы въ настоящее время учили солдатъ преимущественно тому, что нужно для войны. Нынѣшняя война указала всю важность искусной стрѣльбы и одиночной развязности и ловкости солдатъ; для сего предписывается:

1) Чтобы довести скорѣе до надлежащаго совершенства составленныя въ гвардіи стрѣлковыя роты, гг. полковые командиры обязываются полною за нихъ отвѣтственностью. Завѣдываніе оными поручается гг. бригаднымъ командирамъ, возлагая на сихъ послѣднихъ все что относиться будетъ до образованія сихъ ротъ въ своемъ дѣлѣ. Главнокомандующій надѣется, что они успѣхомъ заслужатъ одобреніе Его Величества.

Преображенскій полкъ вступилъ въ Вильну 11-го Августа. Подробное описаніе расположенія ротъ я опускаю, такъ же какъ и вторичной, измѣненной дислокаціи, тѣмъ болѣе что и послѣднюю нельзя признать вѣрною: по ней, напримѣръ, 3-я гренадерская рота должна была расположиться на мызѣ «Верки» въ окрестностяхъ, тогда какъ въ дѣйствительности эту роту окончательно перевели въ мѣст. Рукойно, гдѣ она оставалась до самаго выступленія въ обратный походъ. Такого рода противорѣчивые факты вообще часто встрѣчаются за время командованія полкомъ генерала Мусина-Пушкина. Въ доказательство привожу два приказа его:

Приказъ 10-го Августа.

«Предписываю полковнику Челищеву, по приходѣ въ городъ Вильно, 12-го числа сего мѣсяца, не ожидая прибытія къ полку аудитора Аѳанасьева, *приступить* къ производству военно-суднаго дѣла надъ рядовымъ Бѣгуномъ».

Приказъ 13-го Августа.

«Предписываю презусу коммиссіи военнаго суда, учрежденной надъ рядовымъ Бѣгуномъ, полковнику Челищеву, къ производству военно-суднаго дѣла, до прибытія въ полкъ аудитора Аѳанасьева, *не приступать*».

---

2) Въ стрѣлковыя роты назначить офицеровъ-охотниковъ, умѣющихъ стрѣлять и учить стрѣльбѣ.

3) Въ стрѣлки выбирать самыхъ сильныхъ, ловкихъ и смышленныхъ людей, которые поэтому болѣе способны легко выучиться своему дѣлу.

4) Стрѣлковъ ни на какія ученія не выводить и занимать исключительно стрѣльбою въ цѣль, а чтобы они съ искусною стрѣльбою соединяли всѣ необходимыя качества, обратить особенное вниманіе на то, чтобы развязать ихъ природную ловкость и смѣтливость, и для сего:

5) Учить ихъ примѣненію къ мѣстности, занятію и оборонѣ отдѣльныхъ строеній, небольшихъ селеній, перелѣсковъ, мостковъ, дефиле и другихъ предметовъ. Нижніе чины упражняются при этомъ въ быстромъ переходѣ мѣстныхъ препятствій: прыгать чрезъ рвы и ручьи, перелѣзать чрезъ заборы, пробираться сквозь чащу густаго кустарника, пробѣгать топкія мѣста, проползать скоро открытую мѣстность, ловко влѣзать на трудно-доступныя крутости и обрывы, спрыгивать съ нихъ, штурмовать полевыя укрѣпленія и оборонять ихъ.

6) Все что относится къ стрѣльбѣ и развитію силы и ловкости солдата должно быть, по мѣрѣ возможности, примѣнено вообще ко всей пѣхотѣ; каждый долженъ умѣть стрѣлять и сражаться штыкомъ. Фехтованіе и гимнастическія упражненія развиваютъ силу и ловкость, а потому, сверхъ сказаннаго въ 5-мъ пунктѣ, слѣдуетъ заставлять людей бѣгать и лазить по лѣстницамъ.

Согласно этимъ приказамъ, въ стрѣлковыя роты были назначены офицеры:

Въ 1-ю стрѣлковую (командиромъ) графъ Татищевъ 2-й; младшими офицерами: подпоручикъ Фонъ-Рейцъ и прапорщикъ Гогель.

Во 2-ю стрѣлковую поручикъ баронъ Корфъ (командиромъ); подпоручикъ баронъ Фридрихсъ и прапорщикъ Рамзай.

Въ 3-ю стрѣлковую поручикъ Азанчевскій (командиромъ), подпоручикъ Сельванъ и прапорщикъ Толстой.

Подобные приказы сами за себя говорятъ, и прибавлять къ нимъ нечего. По прибытіи полка въ Вильну, 3-я гренадерская рота временно расположилась въ десяти верстахъ отъ города около мѣстечка Рудомины. Я помѣстился въ пустой мызѣ, принадлежавшей ксендзамъ Виленскаго монастыря «вшисткихъ свентыхъ» (всѣхъ святыхъ). Тамъ было мало мебели и, какъ я послѣ узналъ, ксендзы только изрѣдка пріѣзжали на мызу пожить въ волю и покутить на просторѣ. Въ Рудоминѣ не произошло ничего особеннаго, и мы стояли тамъ недолго, такъ какъ 8-го числа я долженъ былъ уже вступить въ городъ для занятія карауловъ. Вильна и Виленская жизнь измѣнились развѣ только въ томъ, что тамъ послѣдовала перемѣна генералъ-губернатора. На мѣсто Бибикова назначенъ былъ въ то время Владимиръ Ивановичъ Назимовъ. О дѣйствительныхъ причинахъ удаленія Бибикова говорить не берусь; но имѣю основаніе думать, что описанный мною разладъ его съ графомъ Барановымъ и нѣсколько безцеремонный поступокъ съ офицерами много тому способствовали. Основанія мои вотъ какія. Предъ отъѣздомъ Бибикова изъ Вильны, мы ѣздили къ нему откланиваться, и при этомъ случаѣ онъ сказалъ намъ довольно замысловатую рѣчь: «Вы всѣ видѣли, господа, что во время стоянки Преображенскаго полка въ Вильнѣ я старался дѣлать все, что отъ меня зависѣло, чтобы вамъ и солдатамъ было хорошо и спокойно; между тѣмъ до свѣдѣнія моего дошло, что всѣ письма, которыя гг. офицеры писали въ Петербургъ, были наполнены воплями на генералъ-губернатора! Повторяю, господа: не знаю, чѣмъ я заслужилъ подобное нерасположеніе».

Нѣкоторые изъ насъ, разумѣется, посмотрѣли вопросительно на генерала, не постигая, какимъ образомъ ему могла быть извѣстна сущность нашихъ писемъ. Онъ самъ, кажется, спохватился, что сказалъ слишкомъ много, потому что тотчасъ же прибавилъ: «Мнѣ писали объ этомъ изъ Петербурга всѣ родственники и знакомые». При всемъ уваженіи къ генералъ-губернатору, мало кто повѣрилъ безусловно этимъ словамъ. Моя кореспондентка писала мнѣ изъ Петербурга: «Послѣднее ваше письмо было распечатано и подпечатано; но мирное его содержаніе озадачило слишкомъ любопытнаго почтмейстера, и онъ отправилъ его по назначенію». Чтобы окончательно удостовѣриться въ справедливости этой интересной для меня новости, я въ отвѣтъ на это письмо повторилъ шутку стараго графа Тышкевича. Я написалъ: «Все это повѣряю однимъ вамъ и г. Виленскому почтмейстеру, который столь любезенъ, что просматриваетъ наши письма». Вслѣдъ за тѣмъ я послалъ (только не по почтѣ) запросъ въ Петербургъ: полу-

чено ли мое письмо, отъ такого-то числа. Мнѣ отвѣчали, что оно не получено. Дѣло было ясное!

По приходѣ въ Вильну изъ Рудоминъ, рота моя расположилась за Зеленымъ мостомъ, а мнѣ отвели квартиру въ большомъ каменномъ домѣ, гдѣ, кажется, тогда помѣщалась казенная палата. Удивительная судьба военнаго человѣка въ походѣ: изъ хаты на мызу, изъ мызы въ городской домъ, а оттуда опять въ хату; чего тутъ не насмотришься! Когда я сталъ перечитывать приказы по полку, состоявшіеся въ промежуткѣ времени моего пребыванія въ Рудоминѣ, встрѣтился между прочимъ приказъ 15-го Августа, въ которомъ Пушкинъ, послѣ витіеватаго предисловія, извѣщалъ полкъ о полученномъ собственноручномъ письмѣ Государя, въ которомъ Государь поздравлялъ полкъ съ полковымъ праздникомъ. Кстати сказать, праздникъ этотъ засталъ насъ на походѣ, въ мѣстечкѣ Вороновѣ. Характеръ торжества, болѣе чѣмъ когда-нибудь, выразился въ обильномъ возліяніи Бахусу или, какъ выражались офицеры, «въ приличной выпивкѣ». Выписываю, въ подлинныхъ словахъ письмо Государя. «Господинъ генералъ-маіоръ Мусинъ-Пушкинъ, поздравляю васъ и всѣхъ чиновъ командуемаго вами, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ настоящимъ днемъ полковаго праздника. Поручаю вамъ передать имъ искреннее мое сожалѣніе, что не могу исполнить этого лично, въ первый разъ по принятіи мною званія шефа полка. Постоянно раздѣляя съ любезнѣйшимъ родителемъ моимъ, блаженныя памяти императоромъ Николаемъ Павловичемъ, чувства привязанности къ лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, я ихъ сохраняю, въ полной увѣренности, что всѣ чины онаго не престанутъ, преданностію ко мнѣ и рвеніемъ къ святому долгу службы, твердо въ нихъ укорененными, заслуживать и мою признательность, какъ всегда снискивали благоволеніе и милости общаго нашего, незабвеннаго благодѣтеля, покойнаго Императора. Пребываю къ вамъ благосклонный Александръ.»

6-го Августа 1855 г.
Въ Петергофѣ.

Въ Вильнѣ все было по прежнему: тоже лицемѣріе и коварство ксендзовъ; та-же непримиримая ненависть Польскаго дворянства, которое, въ дѣлѣ пронырства и притворства, не имѣетъ себѣ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ. Наконецъ, Польское чиновничество, эта язва, обнаженная впослѣдствіи событіями 1863 года, тогда еще спокойно процвѣтало и дѣйствовало, прикрывая государственнымъ гербомъ гнѣздилище будущихъ повстанцевъ. Однако и здѣсь наружное спокойствіе не нарушалось. И здѣсь, какъ въ Бѣлостокѣ, Поляки усердно раста-

скивали изъ цукерень газеты, заключавшія извѣстія съ театра войны, газеты эти тайно уносили и оставляли, безъ церемоніи, въ своемъ владѣніи. Этотъ захватъ производился тотчасъ послѣ появленія газетъ въ цукерняхъ, такъ что не было намъ возможности достать ихъ тамъ.

Пріятною новинкою для насъ было появленіе въ Вильнѣ еще одного, весьма радушнаго и пріятнаго Русскаго семейства, въ лицѣ жены и дочери мѣстнаго коменданта, генерала Вяткина, поступившаго на мѣсто Кусовникова. Вяткинъ командовалъ когда-то Финляндскимъ полкомъ, а потомъ 3-ею гвардейскою пѣхотною дивизіею. Это былъ одинъ изъ характерныхъ типовъ гвардейскихъ генераловъ, старой школы, но не о немъ я хочу говорить. Жена его была умная, просвѣщенная и вмѣстѣ вполнѣ добрая и симпатичная личность, а единственная ея дочь была во всемъ похожа на мать. Офицеры наши необыкновенно охотно и усердно посѣщали домъ коменданта, привлекаемые неподдѣльнымъ радушіемъ и чисто-русскимъ гостепріимствомъ хозяевъ.

Послѣ 22-го Сентября я выступилъ съ ротою въ загородное расположеніе, въ мѣстечко Рукойно, стоящее на большой Ошмянской дорогѣ, въ 26-ти верстахъ отъ Вильны.

Въ Рукойнѣ я занялъ нежилую мызу, въ полуверстѣ отъ мѣстечка. Тамъ была всего одна комната съ печью, да и то когда ее растапливали, то сверху пекло какъ въ банѣ, а ноги все-таки мерзли, потому что изъ-подъ пола страшно дуло. Офицеровъ у меня въ ротѣ не было; въ сосѣдствѣ тоже никого. Однакоже, не смотря на одиночество и на всѣ эти неудобства, я только изрѣдка уѣзжалъ изъ своего расположенія въ Вильну, да и то развѣ по дѣламъ службы. Въ другое время такое добровольное заключеніе было бы не совсѣмъ понятно; но въ 1855 году всѣмъ командующимъ частями вообще, а ротнымъ командирамъ въ особенности, прибавилось работы на много противъ прежняго, а главное дѣло въ томъ, что новые порядки и преобразованія были вполнѣ достойны сочувствія. Нѣкоторыя реформы, направленныя въ разрѣзъ прежнимъ понятіямъ, поражали и волновали всѣхъ насъ своею новизною и рѣшительнымъ направленіемъ. Напримѣръ, 22-го Ноября появился любопытный приказъ военнаго министра:

Дошло до свѣдѣнія Государя Императора, что нѣкоторые военные чины, занимая подчиненныя должности подъ командою младшихъ по старшинству въ чинахъ, но коимъ ввѣрены должности высшія, дозволяютъ себѣ, вопреки закона или по невѣдѣнію онаго, относиться въ служебныхъ дѣлахъ къ симъ, постановленнымъ надъ ними начальникамъ, не рапортами, а отношеніями и требовать объявленія себѣ приказаній не предписаніями,

а рапортами, что весьма часто выполняется высшими по должностямъ лицами, отъ излишнихъ и неумѣстныхъ снисхожденій и вѣжливости. Таковое отступленіе отъ порядка службы, Его Величество, поставляя на видъ, высочайше повелѣть соизволилъ: напомнить всѣмъ, безъ изъятія, чинамъ военнаго вѣдомства и требовать, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, точнаго исполненія закона, изображеннаго Св. воен. постан., часть 2-я, кн. 1-я, въ статьѣ 418-й, въ которомъ сказано: „Никто не можетъ себѣ вмѣнять въ предосужденіе, когда, бывъ старшій чиномъ, въ порядкѣ службы и по распредѣленію должностей, подчиненъ будетъ младшему. Въ семъ положеніи онъ долженъ исполнять приказанія лица, надъ нимъ предпоставленнаго, безъ всякаго пререканія, а въ случаяхъ, касающихся службы, относиться рапортами".

Хотя напоминаемая приказомъ этимъ статья 418-я давно существовала въ законѣ; но, подобно многимъ статьямъ, она изъ общаго правила сдѣлалась исключеніемъ, и приказъ военнаго министра произвелъ сильное впечатлѣніе. Старшинство было до того времени основаніемъ всѣхъ служебныхъ отношеній и отражалось даже и въ частномъ быту. Приказъ 13 Ноября, хотя онъ и напоминалъ только существующій законъ, однакоже ясно указалъ на то, что впредъ будутъ обращать болѣе вниманія на способности, чѣмъ на старшинство. Между тѣмъ самымъ завзятымъ поклонникамъ старины трудно было что-либо возразить противъ этого новаго взгляда правительства: всѣ знали, вѣдь, что неотразимая логика Крымской войны уже осудила раздачу мѣстъ по старшинству.

20-го Декабря была объявлена замѣчательная инструкція графа Ридигера войскамъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, «для упражненія въ примѣненіи дѣйствій къ мѣстности». При всей скромности этого заглавія, инструкцію можно назвать прямо сокращеннымъ курсомъ прикладной тактики, но она имѣетъ еще болѣе широкое значеніе. Это чрезвычайно важный документъ для военнаго историка того времени, потому что въ немъ выражается весьма отчетливо радикальный переворотъ въ системѣ обученія войскъ. Чтобы убѣдить въ этомъ, мнѣ стоитъ только выписать первые три параграфа:

§ 1. Цѣль всѣхъ ученій, начиная съ одиночной выправки солдата до маневрированія цѣлаго корпуса, есть приготовленіе войскъ къ бою. При обученіи одиночномъ солдатъ доводится до того, чтобы хорошо владѣть своимъ оружіемъ и ловко производить требуемыя въ строю движенія. Все что не ведетъ къ этой цѣли, не только безполезно, но вредно, потому что изнуряетъ силы солдата и отнимаетъ время. Тоже самое и еще въ большей степени должно имѣть въ виду при обученіи частей войскъ, какой бы онѣ силы ни были. Каждая часть должна быть обучаема только тому, что необходимо для боя, то-есть стрѣльбѣ, стройному исполненію тѣхъ простыхъ

движеній и немногихъ построеній въ сомкнутомъ строѣ, которыя необходимы при дѣйствіи противъ непріятеля, и разнообразному употребленію строя разсыпнаго.

§ 2. Порядокъ и стройность движеній въ сомкнутомъ строю составляютъ необходимое условіе успѣха на войнѣ; но одного этого недостаточно, особенно въ настоящее время, когда по усовершенствованію огнестрѣльнаго оружія разсыпной строй пріобрѣлъ такую важность, что колонна весьма часто служитъ лишь резервомъ для усиленія и обновленія цѣпи. Обученіе стройнымъ движеніямъ на учебномъ мѣстѣ, въ сомкнутомъ строю, составляетъ только начало образованія войскъ; вторая же и труднѣйшая часть этого образованія заключается въ пріученіи войскъ употреблять строй сомкнутый въ соединеніи съ разсыпнымъ, не только на ровномъ мѣстѣ учебнаго плаца, гдѣ отъ всѣхъ частей требуются движенія однообразныя, опредѣляемыя общею командою начальника, но и на мѣстности пересѣченной, требующей отъ каждой части особыхъ движеній, которыхъ начальникъ не можетъ опредѣлить общею командою. При значительномъ протяженіи, которое обыкновенно занимаетъ разсыпной строй, при томъ значеніи, которое этотъ строй нынѣ пріобрѣлъ, не только каждый офицеръ, но каждый унтеръ-офицеръ, командующій участкомъ цѣпи, долженъ соображать, куда направить ввѣренныя ему пары, гдѣ и какъ поставить ихъ. Для полнаго успѣха дѣла, даже каждый стрѣлокъ долженъ понимать гдѣ выгоднѣе ему становиться и куда направить свой выстрѣлъ; однимъ словомъ, каждый долженъ дѣйствовать не механически, а сознательно.

§ 3. Доведеніе войскъ до совершенства въ этой части ихъ образованія требуетъ частыхъ и систематическихъ упражненій и возможно только въ лѣтніе мѣсяцы. По сему предписывается гг. частнымъ начальникамъ, съ наступленіемъ весны, немедленно приступить къ ученіямъ и малымъ маневрамъ на такой мѣстности, которая требуетъ наиболѣе отступленій отъ правилъ, соблюдаемыхъ на учебномъ плацу; производить эти ученья сколь возможно чаще и считать ихъ, вмѣстѣ съ упражненіемъ въ стрѣльбѣ, главнымъ занятіемъ ввѣренныхъ имъ частей. Одиночною же выправкою, церемоніальнымъ маршемъ, баталіонными и ротными ученіями на плацахъ, занимать войска отнюдь не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, преимущественно въ такіе дни, когда ненастная погода помѣшаетъ выводить ихъ далеко отъ мѣстъ расположенія, для производства маневровъ. Если, въ теченіи зимы, люди были хорошо приготовлены на одиночныхъ ученьяхъ и офицерами дѣлались ученья, то и недѣли будетъ достаточно, чтобы часть сохранила привычку къ стройности движеній въ сомкнутомъ строю, на учебномъ мѣстѣ.

Послѣдующіе девять параграфовъ заключаютъ чрезвычайно практичное и подробное руководство для маневрированія на пересѣченной мѣстности войскъ всѣхъ родовъ оружія, отъ роты до дивизіи. При этомъ высказывается весьма важное и небывалое до того времени вну-

шеніе начальникамъ частей, чтобы они, въ удобномъ случаѣ и въ удобную минуту дѣйствовали своимъ почином, отнюдь не ожидая приказанія свыше. Наконецъ, послѣдній параграфъ инструкціи отличается такимъ здравымъ сужденіемъ, такою энергіею, что его стоитъ выписать:

§ 13. Въ заключеніе, считаю необходимымъ прибавить, что занятія эти могутъ тогда только идти успѣшно, когда гг. офицеры будутъ принимать въ нихъ участіе не для одной только ихъ формы, а съ ревностнымъ желаніемъ принести истинную пользу и себѣ и службѣ. Для этого одни ученья недостаточны. Офицеры должны заблаговременно подготовлять себя чтеніемъ и, особенно, размышленіемъ, къ тому, чтобы понимать свои обязанности, на маневрѣ и въ дѣлѣ. Обязанности эти просты, но требуютъ обдуманности; чтобы узнать ихъ, офицеръ не имѣетъ надобности читать много: для этого ему достаточно изучить уставъ полевой службы, наставленіе для обороны и аттаки разныхъ мѣстныхъ предметовъ и внимательно прочитать одно какое либо тактическое сочиненіе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ постоянно обдумывать, какъ ему поступать въ томъ или въ другомъ случаѣ: зимою,—на планѣ, а лѣтомъ,—въ полѣ, на самой мѣстности, предлагать себѣ различныя задачи и рѣшать ихъ по своему разумѣнію. Подготовивъ себя такимъ образомъ, офицеръ не затруднится уже вести въ бой, не только взводъ или роту, но и часть болѣе значительную. Гг. частные начальники не упустятъ изъ виду и постараются внушить всѣмъ офицерамъ, что отъ искусства маневрированія, точно также какъ отъ искусства въ стрѣльбѣ, не только каждаго баталіона, но каждаго взвода, можетъ зависѣть сохраненіе жизни нѣсколькихъ сотъ людей, иногда даже успѣхъ или неудача цѣлаго сраженія, а слѣдовательно,—честь оружія нашего и слава Россіи. По сему, пренебреженіе или равнодушіе къ этому дѣлу *будетъ въ высшей степени преступно и безчестно.*

Мы должны посвятить себя совершенно исполненію своихъ обязанностей. Не есть-ли это прямой долгъ нашъ? Что же, какъ не святое исполненіе долга, дѣлаетъ насъ истинными слугами отечества, достойными милости Государя, который, посвящая всѣ минуты попеченіямъ о благѣ общемъ, служитъ всѣмъ высокимъ примѣромъ. Главнокомандующій генералъ-адъютантъ графъ Ридигеръ.

Такое заключеніе произвело на всѣхъ насъ самое сильное и живое впечатлѣніе. Въ немногихъ словахъ графъ Ридигеръ высказалъ открыто и офиціально то что каждый изъ насъ давно думалъ и выражалъ въ частныхъ разговорахъ. Неудачи Крымской войны въ высшей степени оскорбили чувства національной гордости, когда несчастные обороты сраженій затемнили заслуженную славу Русскихъ войскъ. Армія еще болѣе приняла къ сердцу всѣ эти невзгоды, и каж-

цый, служащій въ ней, видѣлъ и понималъ, что причина всѣхъ золъ кроется именно въ небреженіи, равнодушіи, въ неразвитости и въ несостоятельной системѣ обученія.

По всему этому, еще задолго до появленія офиціальныхъ распоряженій по учебной части, главныя основанія нововведеній уже начали примѣняться въ войскахъ по собственному ихъ почину. Стали усердно заниматься гимнастикою и фехтованіемъ, и даже, по неисправимой гвардейской привычкѣ, начали щеголять этимъ дѣломъ одни передъ другими, какъ прежде щеголяли маршировкою и фронтовыми тренчиками. Во всѣхъ полкахъ, не ожидая распоряженія начальства и не смотря на неудобства походнаго расположенія, стали дѣятельно стараться развивать солдатъ физически и умственно. Начатки умственнаго развитія, обученіе грамотѣ, даже далеко опередили офиціальныя предписанія по этому дѣлу. Дѣятельность начальниковъ частей во всемъ этомъ починѣ была въ первое время самая добросовѣстная, и всѣ полки, по крайней мѣрѣ въ первой дивизіи, гдѣ я служилъ, принялись за дѣло съ неподдѣльнымъ усердіемъ, не помышляя выдаваться своими трудами передъ высшимъ начальствомъ. Но потомъ, какъ сказано, стали уже щеголять, и первый примѣръ огласки подалъ Семеновскій полкъ. Извѣстно, что Семеновскій полкъ и Преображенскій, братья-близнецы, возрожденные могучимъ умомъ Петра Великаго. При Николаѣ I-мъ, въ 1840 годахъ, Семеновскимъ полкомъ командовалъ Липранди до 1848 года; за нимъ слѣдовалъ генералъ Гильденштуббе и потомъ Бистромъ,—оба образцовые фронтовики. Пользуясь отличнымъ, молодымъ составомъ полка, они не скупились ученьями или мученьями и старались поставить его выше всѣхъ по образованію и по выправкѣ. Такъ и въ 1855 году Семеновцы постарались отличиться.

Изо всего что̀ я до сихъ поръ разсказалъ, можно составить себѣ понятіе о сущности занятій моихъ въ Рукойнѣ. Въ наиболѣе просторныхъ сараяхъ и ригахъ были устроены шесты, лѣстницы, привѣшаны канаты, а тутъ же, возлѣ сараевъ, выкопали рвы для прыганія и мѣста̀ для разбѣга, усыпанныя пескомъ. Число грамотныхъ въ ротѣ приведено въ извѣстность, и устроены двѣ школы: одна въ мѣстечкѣ, а другая—на мызѣ, гдѣ я жилъ. Солдатики, послѣ привольнаго житья, почти безъ всякаго дѣла, вдругъ почувствовали на себѣ огромную прибыль новой работы, тогда какъ старая шла своимъ порядкомъ. Гренадеры стали крѣпко почесывать у себя за ушомъ; но дѣлать было нечего, такъ какъ начальство приказывало и подавало примѣръ.

Князь Николай Имеретинскій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

1848-й годъ.

4 [1]).

Пользуюсь случаемъ, чтобы переслать къ Вашему Императорскому Высочеству брошюру, на сихъ дняхъ вышедшую изъ печати. Она написана Радовицемъ. Это первый голосъ, раздавшійся въ пользу нашего несчастнаго короля Прусскаго, посреди Германіи, осыпающей его гнусными ругательствами. Въ роковую минуту, когда было дано въ Берлинѣ бѣдственное повелѣніе войску (на всѣхъ пунктахъ побѣдившему) оставить Берлинъ, Радовица не было при королѣ: онъ былъ въ Вѣнѣ свидѣтелемъ сцены еще постыднѣйшей. Здѣсь войско явилось вѣрнымъ своему законному королю; а тамъ вѣковая держава рухнула, опрокинутая толпою мальчишекъ-студентовъ предъ фронтомъ арміи. Кто знаетъ всѣ обстоятельства, тотъ не можетъ инаго подумать, какъ что бѣдствіе, постигшее короля Прусскаго, есть назначеніе свыше, есть испытаніе, которое обратится во благо, если онъ *выдержитъ до конца*. Я знаю навѣрное, что дано было повелѣніе войску *остановить бой и сосредоточиться у дворца, а не выдти изъ Берлина*, что это послѣднее было рѣшено обезумѣвшимъ и потерявшимъ голову министромъ, который на возраженіе принца Прусскаго закричалъ: *вы хотите даромъ лить кровь народную*, и что это восклицаніе, разнесшееся по всему городу, послужило поводомъ заговорщикамъ возбудить такую всеобщую ненависть къ принцу Прусскому [2]). Еще надобно

---

[1]) См. первыя три письма 1848 года въ 1-мъ вып. Р. Архива сего года.

[2]) Нынѣшнему императору Вильгельму, который спасся отъѣздомъ въ Англію и потомъ долго проживалъ на Рейнѣ. П. Б.

дѣсь прибавить одно: въ эту рѣшительную минуту король былъ какъ олумертвый, всѣхъ силъ физическихъ лишенный. Въ продолженіе ноч- ой борьбы четырнадцать депутацій одна за другою приходило му- ить его взволнованную душу; четверо сутокъ онъ не спалъ и не лъ. Онъ былъ вовсе разрушенъ, когда изъ него вырвано было по- елѣніе, столь ошибочно (съ намѣреніемъ-ли, безъ намѣренія-ли, кто наетъ?) истолкованное. Однимъ словомъ, бѣдствіе совершилось вполнѣ; я ничего подобнаго этому бѣдствію вообразить не умѣю. Съ этой инуты король сталъ плѣнникомъ бунтовщиковъ и ихъ представите- ей—министровъ; съ этой минуты ни одно имъ сказанное слово—*не го.* Онъ не устоялъ въ первомъ боѣ, потому что физически и нрав- твенно былъ уничтоженъ, и его безсиліемъ энергически воспользова- ись предатели; онъ былъ въ обморокѣ, и его безчувственнаго опутали. еперь обморокъ миновался, но цѣпи на немъ, и сбросить ихъ можно олько силою терпѣнія и героическаго самоотверженія. Не теряйте ще вовсе на него надежды: для такихъ характеровъ, какъ его, нужно оспитаніе бѣдствія, чтобы пробудить въ нихъ таящуюся силу. Его еніальность повредила этой силѣ, которая требуетъ *трезваго спокой- ствія*; но онъ уже получилъ страшные уроки бѣдствія, и его тепе- ешнее терпѣніе, его теперешняя, вынужденная обстоятельствами, не- одвижность есть не безнадежность, не малодушіе, есть героизмъ са- оотверженія. Подождемъ до конца. Если онъ не умеръ, если онъ не безумѣлъ въ эти страшные дни, въ которые самыя болѣзненныя тер- анія, какія только могутъ рвать человѣческую душу, были испытаны го душею, то это значитъ, что въ душѣ его родилась новая сила й до сихъ поръ еще бывшая тайною. Надъ нимъ совершается не- зглаголанная судьба Божія. Не будемъ здѣсь предупреждать нашими лѣпыми человѣческими приговорами святаго Божія приговора; но го бы ни случилось, я смотрю на него, какъ на мученика, которымъ еперь самовластно играетъ безумный палачъ—*наше время.* Высокій ній, вѣра въ Бога, чистота намѣреній, просвѣщенный умъ, любовь ь человѣчеству, вѣрность Божіей правдѣ, безкорыстное желаніе обща- блага, безкорыстное стремленіе всю державную власть свою упо- ребить на благо народное, все это было, все это есть и теперь въ гой прекрасной душѣ. И все это было напрасно: при всѣхъ этихъ арахъ ему не дано было того великаго дара *рѣшительности въ ро- вую* минуту, которая хранитъ и спасаетъ. Современники и исторія олучили право его осудить; они должны и могутъ судить по однимъ олько *явнымъ* дѣйствіямъ. И верхъ бѣдствія для него есть то, что онъ мъ долженъ осуждать себя, какъ современники и исторія. Но для одобныхъ ему дѣйствователей на сценѣ міра есть другой историкъ

примиряющій и неподкупный, историкъ души человѣческой, для котораго нѣтъ народовъ и царствъ, для котораго существуетъ только одна душа безсмертная, который судитъ не дѣла, столь много зависящія отъ внѣшняго, а волю служащую тайнымъ источникомъ дѣлъ. Этотъ историкъ есть всезнающій Богъ. Все, что̀ теперь предъ нашими глазами творится, громко проповѣдуетъ Его силу; но уши заткнуты, глаза закрыты, никто не слышитъ Его и не видитъ. Я знаю однако одну ясновидящую душу, которая все предузнала во дни покоя и теперь во дни всеобщаго разрушенія осталась спокойна и непоколебима въ надеждѣ на Бога, безъ малѣйшаго заблужденія на счетъ настоящихъ бѣдствій. Это душа моего Радовица....; но объ немъ я буду писать къ Вамъ особенно. Для меня необходимо высказать вамъ Все то, что̀ я о немъ думаю, дабы Вы знали, *что̀* онъ есть. Вы, я знаю, имѣете противъ него предубѣжденіе; думаю также, что и Государь предубѣжденъ противъ него; а именно это-то предубѣжденіе Государя и хотѣлось бы мнѣ уничтожить. Я увѣренъ, что энергическая, любящая правду душа Государя съ первыхъ минутъ искренняго разговора съ Радовицемъ насквозь поняла бы его душу и съ нею вдругъ породнилась. Но объ этомъ послѣ.

16 (28) Мая 1848.
Франкфуртъ на М.

5.

Тяжелый крестъ лежитъ на плечахъ моихъ, но я не ропщу. Напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ я на себѣ чувствую тягость его, стала мнѣ чувствительнѣе и рука, его на меня положившая; понимая жизнь яснѣе, прошу Бога только объ одномъ, чтобы это понятіе во мнѣ более и более объяснилось, чтобы покорность Его волѣ всю душу насквозь проникла и стала единственною ея жизнію. На свѣтѣ нѣтъ другаго блага, нѣтъ другаго источника дѣлъ добрыхъ, нѣтъ другаго пріюта во дни бѣдствія и страданія. Этимъ сердечнымъ убѣжденіемъ обязанъ я моей семейной жизни, которая дала мнѣ много счастія, но съ нимъ дала и много такихъ страданій, какихъ я дотолѣ, въ продолженіе долгой, нетревожной, безпечной жизни не вѣдалъ. Всякій день молю Бога о томъ, чтобы благоволилъ отсрочить конецъ мой, дабы я могъ хотя немного приблизиться къ истинному пути Его и указать его моимъ дѣтямъ.

Благодатныя тревоги семейной жизни познакомили меня болѣе съ жизнію и заставили болѣе любить ее и уважать; а тревоги народныя, со всѣхъ сторонъ меня окружающія, заставили болѣе любить и уважать Россію. Будущая судьба ея, которой возможность мнѣ пред-

гавляется такъ ясно, наполняетъ душу мою благоговѣніемъ. Эта удьба во власти Бога; но видимый земной представитель этой власти :ть самодержавіе въ *полномъ его развитіи*. Чтò я разумѣю подъ сло-эмъ развитіе, о томъ буду писать послѣ съ надлежащею подробно-гію. То, чтò происходитъ вокругъ насъ, не должно остаться для насъ эзъ наставленія; оно есть проповѣдь Всевышняго Бога, передъ ко-рою мы не должны затворять своего слуха. Для меня теперь стало це яснѣе, что ходъ Россіи не есть ходъ Европы, а долженъ быть ı собственный; это говоритъ намъ вся наша исторія, вопреки тому ıсилію, которое сдѣлала намъ могучая рука Петра, бросившая насъ а дорогу, намъ чуждую. Россія съ самаго начала ея исторической изни шла своимъ отдѣльнымъ путемъ; этотъ путь не измѣнялся, иѣлъ какое-то удивительное постоянство, не смотря на многочислен-ыя потрясенія, которыя она испытала отъ раздѣленія, произведшаго голько междоусобій и, наконецъ, Татарскаго ига, уничтоженнаго само-ржавіемъ, съ утвержденія котораго начинается самобытность и сила оссіи. Но это самодержавіе таилось въ ней и во дни бѣдственнаго аздробленія, во дни междоусобій и иноземнаго владычества; оно яви-эсь во всемъ историческомъ блескѣ своемъ въ ту минуту, когда ıсма растоптана была Великимъ Іоанномъ, истиннымъ создателемъ ı величія. Двѣ силы, исходящія изъ одного источника, видимо вла-ствуютъ ея судьбою, и власть ихъ въ продолженіе вѣковъ ничѣмъ не змѣнилась. Такого единства не представляетъ никакая исторія наро-эвъ Европейскихъ. Эти двѣ силы утвердятъ навсегда ея самобыт-эсть и неприкосновенность и разовьютъ ея внутреннюю жизнь, если, ставшись *неизмѣнными* въ своей сущности, будутъ слѣдовать за торическимъ ходомъ ея, ему содѣйствовать, съ нимъ развиваться и ь тоже время направлять его и могущественно имъ властвовать. Эти ѣ силы суть: церковь и самодержавіе. Одна, то есть самодержавіе — ранитель возможнаго земнаго порядка, дарователь возможнаго зем-ıго благоденствія; другая, то есть церковь — дополнитель земнаго совершеннаго *благами* высшими, на землѣ невозможными, но даю-ими земнымъ благамъ ихъ истинное значеніе. Эти двѣ силы, благо-ареніе Богу, Россіи сохранены, и еще ничто донынѣ ихъ не поко-бало. Когда взглянемъ на другія христіанскія государства, увидимъ, о во всѣхъ и церковная власть, и державная испытали болѣе или энѣе измѣненія. Реформація—видимый источникъ или, вѣрнѣе сказать, эрвый выходъ наружу того, чтò теперь такъ могущественно и все-бъятно дѣйствуетъ—реформація такое же имѣла вліяніе на власть ржавную, какъ и на власть церкви. Вооружившись противъ *зло-употребленій* власти церковной, она потрясла и самую власть церкви.

Взбунтовавъ демократическій умъ противъ единодержавія и неподсудимости церкви, она поколебала уваженіе къ высшему и произвела неуваженіе ко всему остальному. Съ тѣхъ поръ начался мятежъ противъ всякаго авторитета. Онъ пошелъ двумя дорогами: на *одной* съ авторитетомъ церкви поколебалась вѣра въ Св. Откровеніе; изъ этого произошелъ раціонализмъ (или умственное невѣрующее христіанство), изъ него деизмъ (отверженіе христіанства), далѣе пантеизмъ (отверженіе личнаго Бога) и, наконецъ, атеизмъ (отверженіе существа Божія). На *другой*—понятіе о власти державной, исходящей отъ Бога, уступило нелѣпому понятію *общественнаго договора*; изъ него самодѣльная представительная монархія, которой послѣднимъ выводомъ будетъ демократія, а въ ней таится коммунизмъ; сперва опрокинуто все историческое, теперь грозятся на право собственности, послѣднимъ результатомъ должно быть уничтоженіе семейства. Если этого не будетъ, ибо это невозможно, то по крайней мѣрѣ къ этому все идетъ логическимъ ходомъ.

Таковы двѣ крайности, между которыми теперь бьется образованность Европы, ихъ произведшая и теперь стоящая на границѣ самоубійства. Къ этимъ крайностямъ (должно признаться) довели ее злоупотребленія съ одной стороны власти духовной, съ другой власти державной. Неправда производитъ необходимо неправду. Эта теоретическая истина страшно выразилась историческимъ фактомъ нашего времени—быстрымъ, всеобщимъ ниспроверженіемъ государственнаго вѣковаго зданія, съ которымъ грозится пасть и зданіе общественное.

Обративъ глаза на Россію, мы должны будемъ сказать, что ея исторія представляетъ совсѣмъ иное зрѣлище. Если Россія не достигла того гражданскаго развитія, какое мы находимъ въ остальной Европѣ, то въ ней сохранились неприкосновенными главные основные элементы, которыми держится бытіе всякаго государства. У насъ ни церковь, ни державная власть не имѣли реформаціи. Наша церковь (со времени раздѣленія церкви на Восточную и Западную) осталась тверда на своемъ апостольскомъ основаніи; съ ея неприкосновенностію сохранилась неприкосновенность и всякой другой святыни. Церковь была во всѣ времена хранителемъ и спасителемъ какъ самой Россіи въ ея матеріальной цѣлости, такъ и святости правилъ ея властителей, которымъ держится эта цѣлость. Съ другой стороны, власть державная, не смотря на всѣ волненія, которымъ подвержено было государство, осталась неприкосновенна въ своемъ началѣ, то есть въ понятіи о божественности ея происхожденія, проповѣдуемомъ церковію, и въ ея исторической законности, утвержденной всѣми событіями отъ начала Россіи до настоящаго времени. Въ нашей исторіи мы видимъ примѣръ

низверженія властителей; но *власть* никогда не была опровергнута. Были мятежи народные, но мятежъ всегда былъ признаваемъ за преступленіе, никогда не проповѣдывалось право мятежа, ибо такое право также существовать не можетъ, какъ право самовластія. И если мы видимъ, что мятежъ всегда производится злоупотребленіемъ власти, то послѣднее его не оправдываетъ; онъ есть только фактъ, а не право; онъ есть необходимое слѣдствіе причины, отзывъ, производимый звукомъ. Отъ Рюрика до смерти Өеодора Іоанновича одинъ и тотъ же домъ царствуетъ; сквозь всѣ вѣка протянулась одна цѣпь наслѣдственности, которая не была прервана ни междоусобіями, ни плѣномъ Татарскимъ, которая только въ короткій періодъ отъ Годунова до Московскаго слiянія была раздернута, дабы тверже соединить звѣнья свои, когда весь Русскій народъ, основываясь на ученіи Евангельскомъ и на преданіяхъ отъ праотцевъ, провозгласилъ самодержавіе, которое, перешедъ въ руки Романовыхъ, осталось тѣмъ же, какое было до ихъ избранія. Россія другаго не знаетъ; она другаго и знать не можетъ. То, что теперь на Западѣ Европы пришло въ такой безпорядокъ, въ такую запутанность и неясность (liberté, fraternité, souveraineté du peuple), при всей всеобъемлющей образованности, то у насъ просто и ясно, не смотря на наше неразвитіе. Отъ этой запутанности основныхъ началъ, на которыхъ стоитъ порядокъ, Европа можетъ утратить свою образованность и впасть въ первобытное варварство. Напротивъ, Россія, отъ ясности и простоты основныхъ началъ, можетъ вѣрнымъ, хотя медленнымъ путемъ дойти къ истинной образованности и утвердить на ней свое благоденствіе. Для нея къ тому два средства: съ одной стороны *развитіе церкви*, съ другой — *развитіе самодержавія*.

4 (16) Іюня.
Эмсъ (1848).

6.

Приношу Вашему императорскому Высочеству мою глубочайшую благодарность за ваше послѣднее письмо, столь же милостивое, какъ и всѣ прежнія. Вслѣдъ за нимъ я получилъ другое, писанное Олсуфьевымъ; въ семъ послѣднемъ повторенъ вашъ, данный мнѣ въ первомъ, совѣтъ возвратиться въ Россію, и притомъ сообщено мнѣ слово Государя Императора, который, не противясь моему намѣренію провести зиму въ Швейцаріи, соизволилъ присовокупить, что *онъ зналъ, что я не скоро возвращусь въ Россію.* Это слово произвело во

мнѣ горестную тревогу. Вотъ уже ровно три года, какъ я противъ воли откладываю свое возвращеніе; причины, къ тому меня побуждающія, слишкомъ для меня болѣзненны. Неужели къ сему несчастію, такъ постоянно гнетущему мою старость, я долженъ присовокупить новое, столь же тяжелое: утрату довѣренности моего, столь любимаго мною, моего Государя? Не долженъ-ли я полагать изъ слова, мнѣ сообщеннаго, что Его Величество мыслитъ, что я по доброй волѣ остаюсь за границею и что во мнѣ нѣтъ желанія возвратиться въ отечество?

Благоволите прочитать мои объясненія, потомъ судите. Мой планъ былъ ѣхать въ Россію по окончаніи курса жены моей въ Эмсѣ (давъ ей время послѣ него успокоиться, какъ то назначилъ Коппъ). Я хотѣлъ ѣхать, чтобы 8 (20) Августа сѣсть на пароходъ въ Штетинѣ и перевезти жену чрезъ Ригу въ Валькъ (близъ Дерпта), гдѣ находятся ея родные и гдѣ для насъ былъ долженъ быть уже приготовленъ домъ. (Коппъ опредѣлилъ, чтобы жена провела первую зиму *не въ Петербургѣ*, котораго климатъ могъ бы ей быть вреденъ, а въ Лифляндіи). Самъ же я хотѣлъ, оставивъ семью въ Валькѣ, отправиться въ Петербургъ. Таковъ былъ мой планъ и, что, я *рѣшительно* хотѣлъ его исполнить, это свидѣтельствуетъ то, что я, прежде отъѣзда въ Эмсъ, сдалъ свой Франкфуртскій домъ, часть своихъ пожитковъ отправилъ въ Петербугъ, часть продалъ за безцѣнокъ и остался съ однимъ необходимымъ. Желать же остаться въ Германіи, гдѣ все сердитъ и душитъ, гдѣ нѣтъ ни покоя, ни даже личной безопасности, тогда какъ дома все такъ спокойно и пріютно, было мнѣ невозможно.

Вдругъ холера. Еслибы я *уже находился* тамъ, куда она пришла, я бы спокойно ждалъ, что̀ рѣшитъ съ нами воля Божія; но *самому* везти жену и дѣтей туда, гдѣ холера свирѣпствуетъ, могу-ли я, долженъ-ли взять на себя такую отвѣтственность? Въ Петербургѣ она почти миновалась; но она уже дошла до Риги и, какъ слышно, начала показываться уже въ Берлинѣ. Если она въ Ригѣ, то вѣроятно распространится по всей Лифляндіи и будетъ тамъ въ полномъ развитіи именно въ то время, когда мнѣ надобно будетъ туда переселиться. Если вѣроятно, что бѣда до насъ не коснется, то столь же вѣроятно, что она насъ постигнетъ. Напомню Вашему Высочеству о томъ, что̀ случилось съ нашимъ бѣднымъ Толстымъ...

Сообразивъ все это, сами судите, на что̀ иное могъ и долженъ былъ я рѣшиться, какъ на то, о чемъ я просилъ Ваше Высочество донести Государю Императору? Видитъ Богъ, какъ мнѣ было трудно и прискорбно рѣшиться на такую для меня печальную и раззорительную перемѣну плана. И въ чемъ же эта перемѣна? Я долженъ

редпочесть бивачную жизнь посреди безпріютной Германіи осѣдлому)машнему спокойному быту въ отечествѣ. Можетъ-ли такое предочтеніе быть произвольнымъ? Что́ же мнѣ дѣлать? Съ той минуты, ікъ въ видѣ *болѣзни* напало на мою добрую жену и вмѣстѣ съ нею а все мое семейство это чудовище, грызущее мое домашнее счастіе, немного счелъ свѣтлыхъ дней; а это уже длится три года и болѣе! жасъ беретъ при мысли, что такъ можетъ пройти еще нѣсколько ѣтъ. Какъ же не хотѣть употребить всѣ способы, чтобы вырваться зъ когтей такого бѣдствія? Не могу вообразить креста тяжелѣ. И го же, если къ его тяжести прибавить еще тяжесть немилости моего)сударя! Смѣю уповать, что Богъ избавитъ меня отъ этого послѣдго несчастія и избавитъ вашею помощію. Прошу Ваше Высочество казать мнѣ великое благодѣяніе, обратить вниманіе Его Величества і обстоятельства мои, въ этомъ письмѣ изложенныя. Въ тоже время самъ осмѣлился обратиться къ нему лично. Прошу Ваше Высочество положить къ стопамъ Его Величества мое письмо, на его высоійшее имя написанное.

1848 г. 3 (15) Августа.
Kronthal, близъ Содена.

7.

Какъ было бы мнѣ теперь уютно и нетревожно дома и какъ все нѣ здѣсь отвратительно и невѣрно! Баденъ—вулканъ, который всяую минуту можетъ начать свое изверженіе; но я переселился сюда менно въ такую минуту, когда Франкфуртъ сдѣлался изъ прежняго ирнаго кипучимъ жерломъ безпорядка. Я былъ уже въ Баденѣ, когда юизошелъ этотъ взрывъ въ Національномъ Собраніи, который могъ бы дѣлаться погибельнымъ для всей Германіи, сорвавъ послѣднюю узду ь анархіи, и который теперь, если, наконецъ, правительства подадутъ акой-нибудь знакъ жизни, можетъ быть началомъ благодѣтельнаго)изиса. До сихъ поръ непостижимая трусость всѣми преобладала; перь лучшая часть ослѣпленныхъ начинаетъ протирать глаза и виэть. На сценѣ кричатъ и дѣйствуютъ одни разбойники, которыхъ ;тинныя намѣренія выказываются часъ отъ часу яснѣе наружу; теоісты начинаютъ подозрѣвать, что ихъ за́мки на воздухѣ. Минута іагопріятна для возстановленія власти; но тѣ, у кого она въ рукахъ, смѣютъ еще ей вѣрить, еще не поняли, что одна только ихъ молливая трусость причиною тому, что крикливая трусость ихъ проівниковъ кажется мужествомъ и силою, тогда какъ она не иное что̀,

какъ дерзкое буянство пьяныхъ трактирныхъ бродягъ, подкупаемыхъ разбойниками высшаго класса, Поляками и Жидами. Предъ этими-то врагами въ отрепьяхъ молчатъ съ покорностію правители Германіи, окруженные войсками еще имъ вѣрными. Но эта вѣрность не можетъ быть надежна. Съ одной стороны, на нее безпрестанно нападаетъ обольщеніе извнѣ; съ другой стороны, ее можетъ ослабить неуваженіе къ тѣмъ, которые должны бы стоять мужественно впереди, а вмѣсто того прячутся и бездѣйствуютъ; а нѣкоторые даже и вооружаютъ противъ себя общее мнѣніе поступками неприличными, тогда какъ дѣло идетъ о святынѣ монаршаго права и величія. Франкфуртская неудача и соединенная съ нею побѣда надъ бунтовщикомъ Штруве могутъ быть началомъ спасительной реакціи. Чтó будетъ—скажутъ скоро немногіе дни. Я еще не читалъ послѣднихъ газетъ; подлинно-ли взятъ Штруве, разстрѣлянъ-ли онъ, еще не знаютъ. Дай Богъ рѣшительности и смѣлости! Послѣднее возстаніе во Франкфуртѣ есть сколокъ en mignature съ послѣдняго Парижскагó. Былъ сдѣланъ регистръ тѣмъ, кого должно было зарѣзать; въ первомъ номерѣ стоялъ Гагернъ, за нимъ Радовицъ, болѣе всѣхъ ненавидимый, потому что онъ всегда не въ бровь, а въ глазъ говорилъ противъ бунта и его представителей. Обрушилось на Лихновскомъ и Ауэрсвальдѣ. Первый своею излишнею дерзостію накликалъ на себя погибель: онъ былъ не просто убитъ, а избитъ, изломанъ, изрѣзанъ, изстрѣлянъ, и все еще живой былъ вырванъ изъ рукъ разбойниковъ, жилъ шесть часовъ и умеръ прекрасно, простивъ врагамъ и убійцамъ и прося у Бога помилованія кающейся душѣ его.

Баденъ-Баденъ.
1848 г. 17 (29) Сентября.

8.

Посмотрите, гдѣ я? Правда, Баденъ-уголокъ райскій, природа его всѣмъ украсила (впрочемъ зимою и онъ некрасивъ); но этотъ уголокъ страшно теперь испорченъ людьми: нѣтъ покоя, завтрашній день невѣренъ (хотя впрочемъ здѣсь, то есть *самъ Баденъ*, самый смирный пунктъ въ Германіи). Будущее грозно: съ одной стороны—всеобщій бунтъ, съ другой—непостижимая трусость правительствъ; и это-то волканическое жерло долженъ былъ я предпочесть моему отечеству, гдѣ миръ и покой, куда все тянетъ, гдѣ есть къ чему прислониться. И чтò же моя жизнь? Есть ли хоть тѣнь замѣны тому, чтò я нашелъ бы дома? Общественныхъ удовольствій въ Баденѣ зимою нѣтъ, онъ теперь совсѣмъ почти опустѣлъ; да мнѣ и не до удовольствій обще-

гва. Жена, которой, какъ я теперь увѣренъ, Эмсъ помогъ только а короткое время, страдаетъ теперь болѣе нежели прошлаго года въ ту же эпоху, послѣ Эмскаго курса. Теперь уже не одну недѣлю въ ѣсяцъ, а двѣ проводитъ она въ жестокомъ нервическомъ мученіи. Я ередалъ ее на руки Гугерту. О себѣ самомъ въ такихъ обстоятельтвахъ говорить вамъ много не стану; скажу одно: я имѣю полное раво на Ваше сострадательное участіе. Вся моя жизнь разбита въ ребезги; если бы я не имѣлъ отъ природы счастливой легкости коро переходить изъ темнаго въ свѣтлое, я впалъ бы въ уныніе; но лагодарю Бога, ропотъ не пробуждается въ сердцѣ моемъ. Тяжелый рестъ лежитъ на старыхъ плечахъ моихъ; но всякій крестъ есть лаго; это я знаю. Того, что́ называется земнымъ счастіемъ, у меня ѣтъ; но я и не хлопочу о земномъ счастіи; прошу только одного (и то было бы верхъ милосердія Божія): даровать мнѣ возможность доести, не упавъ, мой крестъ до могилы. Не изъясните однако неправильнымъ образомъ этого слова: *счастія нѣтъ*. Того, что́ называется быкновенно счастіемъ, семейная жизнь не дала мнѣ; ибо вмѣстѣ съ ѣми радостями, которыми она такъ богата, она принесла съ собою яжкія, мною прежде не испытанныя, тревоги, которыхъ число едва и не перевѣшиваетъ число первыхъ почти вдвое. Но эти-то тревоги возвысили понятіе о жизни; онѣ дали ей совсѣмъ иную значительность. Помоги только Богъ устоять на ногахъ подъ бременемъ благоатнаго креста Его! А Вы, мой добрый ангелъ, мой благодушный, милый Великій Князь, не прибавляйте къ тяжести этого креста Вашимъ бо мнѣ забвеніемъ, не отымайте у меня руки, которая служитъ мнѣ акою милою, твердою подпорою. Подумайте, каково мнѣ къ тому сорушенію, которое часто, часто пополняетъ всю душу, прибавить еще ревожную мысль, что мое несчастіе вредитъ мнѣ во мнѣніи Государя Императора и Васъ со мною рознитъ! Какъ же иначе могу изъяснить Вашъ неотвѣтъ на послѣднія мои письма? Поспѣшите его дать мнѣ. Пока не придетъ онъ, на душѣ моей покоя не будетъ. Простите.

Баденъ-Баденъ.
5 (17) Октября 1848.

9.

Не могу сказать, какъ меня обрадовало и тронуло письмо Вашего Императорскаго Высочества, и приношу Вамъ за него сердечную благодарность, прося Васъ меня простить за мое послѣднее тревожное письмо, которое поѣхало къ Вамъ съ Государынею Великою Княгинею Ольгою Николаевною. Вамъ не начинать узнавать меня: я

всегда былъ мнителенъ. Въ теперешнихъ же грустныхъ обстоятельствахъ, когда я вдругъ, отъ границы отечества (куда три года не пускаетъ меня болѣзнь жены моей), въ ту минуту, когда думалъ, что всѣмъ моимъ странствіямъ конецъ, отброшенъ далѣе въ глубь этой Германіи, въ которой теперь нѣтъ никому пріюта, мнительность моя вдвое естественна. Къ счастію, съ этою мнительностію Богъ далъ мнѣ и способность легко и скоро перескакивать изъ темнаго въ свѣтлое. Мои черныя мысли не туманъ постоянно на душѣ лежащій, а легкія облака, которыя, летая при солнцѣ, наводятъ на нее поперемѣнно свѣтъ и тѣнь. Благодаря солнечному лучу милаго Вашего письма, облака разлетѣлись. Но теперь они чаще прежняго скопляются. Дòма грустно (болѣзнь главное бѣдствіе нашей жизни; противъ нея надобно вооружаться всѣми силами души; одна хорошая сторона ея та, что она можетъ быть поучительна); выйдя изъ дому—столь же грустно и сверхъ того отвратительно, досадно и даже опасно. Наше время живетъ подъ мечемъ Дамоклеса: все на волоскѣ; но Дамоклесъ по крайней мѣрѣ сидѣлъ на пиру, а теперь и того нѣтъ. Никому пировать не хочется, да и не на чтò: всѣ раззорены. Чтобы отвести душу отъ настоящаго, я принялся опять за работу, отъ которой давнымъ давно по неволѣ отсталъ, опять за мою Одиссею, которую, можетъ быть, зимою и кончу, если какое-нибудь новое наводненіе насъ здѣсь не потопитъ или отсюда не выгонитъ. Въ Баденѣ однако спокойно (то-есть въ городѣ Баденѣ), и нельзя предвидѣть, чтобы *здѣсь* произошло какое-нибудь *собственное* волненіе въ это время. Собственно же для меня мое пребываніе въ Баденѣ можетъ имѣть благодѣтельныя слѣдствія, если на то будетъ воля Божія. Какъ ни грустно мнѣ было оставаться еще на чужѣ, опять на неопредѣленное время; но именно то обстоятельство, что я, въ надеждѣ отъѣзда, сдалъ свой домъ и всѣ свои мебели распродалъ, было причиною того, что я не остался во Франкфуртѣ, а переселился въ Баденъ, куда послалъ меня впрочемъ и Коппъ. Совершенно могильное спокойствіе Бадена даетъ полную возможность работать.

Самое пріятное знакомство наше есть семейство Crawen (дочь графа La-Ferronnaye за Кравеномъ, Англійскимъ chargé d'affaire въ Карлсру); но и у нихъ на дняхъ случилось несчастіе. Графиня Лаферонне послѣ четырехъ-дневной легкой болѣзни умерла; но умерла тою чудною христіанскою смертію, которая есть лучшая минута человѣческой жизни и которая не скорбь о смерти нашихъ милыхъ, а воспоминаніе о ихъ жизни врѣзываетъ въ душу остающихся. Графиня Лаферонне, послѣ смерти мужа, жила съ своею дочерью. Это была ангельская душа. Въ ихъ семействѣ, которое замѣчательно своимъ

истымъ христіанствомъ, произошло много необыкновеннаго; объ томъ когда нибудь напишу Вамъ. Здѣсь еще генералъ Фридрихсъ ь своею больною женою. Была милая княгиня Голицына (Толстая) съ ужемъ; она хотѣла было ѣхать въ Ниццу на зиму, но осталась въ 'трасбургѣ, чтобы тамъ лечиться: ея здоровье въ плохомъ положеніи. Есть еще нѣсколько другихъ семействъ, поселившихся на зиму въ аденѣ. Политическія происшествія доходятъ сюда отголосками. Главый ихъ распространитель здѣсь есть Оттерштедъ, который дипломаическимъ мертвецомъ бродитъ по улицамъ, впивается какъ вампиръ о всякаго встрѣчнаго и своимъ могильнымъ воемъ возвѣщаетъ ему настоящее, и будущее.

Теперь судьба Европы и въ особенности Германіи рѣшится въ Берлинѣ. Вѣна свое дѣло кончила—хорошо или нѣтъ, кто знаетъ; теерь, кажется, ничто уже хорошо кончиться не можетъ. Это была частная операція: прорѣзанъ нарывъ, вскочившій на гниломъ тѣлѣ; нарыва нѣтъ, но гнилаго тѣла операція частная не вылечитъ: въ немъ началось всеобщее разложеніе; оно кончится смертію. Чтò бы ни случилось теперь *отдѣльно* удачнаго, оно и не радуетъ; оно похоже на вспышки угасающей лампады, которыя не даютъ свѣта, а только возбуждаютъ страхъ близкаго полнаго затменія. Все чтò дѣлается теперь въ настоящемъ, кажется *провизуарнымъ*, ему не вѣрится; вдали, позади всей этой безпутной возни, позади всѣхъ этихъ безумцевъ, все разрушающихъ въ гордомъ убѣжденіи, что они *строятъ*, стоитъ какое-то безъимянное страшилище, не имѣющее никакого образа, незнаемое, непостижимое, и ты чувствуешь съ трепетомъ, что оно есть *будущее*, которое принесетъ съ собою то, чего никто не ждетъ и не постигаетъ и передъ которымъ всѣ эфемерно-преступныя созданія настоящаго прахомъ разлетятся. Въ Берлинѣ теперь le commencement de la fin. Тамъ мятежъ дошелъ до послѣдней границы своей. Король сталъ на ноги. Увидимъ скоро, чтò это? Одна ли механическая конвульсія, произведенная силою необходимости, или самобытное пробужденіе силы, вызванной смѣлою царскою волею? Я думаю послѣднее. Король имѣетъ все личное мужество, свойственное дому Гогенцолерновъ. Происшествія послѣдняго времени и все его царствованіе доказали, что онъ не имѣетъ свойства *рѣшиться* вдругъ, въ *надлежащую* минуту. Вынуть мечъ изъ ноженъ ему трудно (мечъ войны или мечъ отважнаго дѣйствія въ мирѣ—все равно); но когда уже мечъ вынутъ, когда необходимость подтолкнула руку его, чтобы обнажить мечъ, онъ, думаю, изъ руки его не выброситъ и не покажетъ тыла врагу своему: личная опасность его не испугаетъ. Теперь мечъ вынутъ, и даже ножны изломаны. Сколько можно судить издали,

посреди хаоса противорѣчащихъ слуховъ, въ Берлинѣ идетъ порядочно: правительство, схвативъ силу, сохранило всевозможную умѣренность. Берлинъ покоре́нъ безъ пролитія крови; а разбойничья партія депутатовъ Національнаго Собранія сама себѣ сломила шею возмутительною декларацiею о податяхъ. Минута благопріятная. О томъ, чтобы возвратить старый порядокъ, думать нечего (да онъ ужъ былъ не только старый, но уже устарѣлый); надобно *овладѣть* новымъ порядкомъ, его присвоить и сохранить его въ своей власти. Это теперь кажется мнѣ возможнымъ: мятежники парализированы въ своемъ гнѣздѣ, въ Берлинѣ, армія вѣрна, король возвратилъ утраченное достоинство; теперь онъ можетъ говорить съ народомъ своимъ такимъ языкомъ, который лучшая часть и конечно самая многочисленная услышитъ съ довѣренностію и уваженіемъ. Король могъ бы аппелировать противъ бунта малой толпы къ вѣрности всей своей націи. Какой прекрасный случай для манифеста! Король могъ бы сказать своимъ подданнымъ: «Тѣ права, которыя вамъ были даны мною и которыя вы называете завоеваніемъ революціи, были мною самимъ давно для васъ приготовлены; обстоятельства, отъ меня независящія, замедлили ихъ дарованіе, а бѣдственныя происшествія послѣдняго времени только исказили то, что̀, данное вамъ королемъ вашимъ, было бы основаніемъ порядка и новаго благоденствія и что̀ теперь, попавшись въ руки мятежа, поставило все государство на край погибели. Я собралъ депутатовъ для дарованія вамъ конституціи. Мятежники овладѣли большинствомъ изъ собранія; они не только замедляютъ ходъ самаго дѣла, но и видимо работаютъ для разрушенія всякаго порядка и, соединясь съ возмущаемою ими толпою черни, тиранствуютъ надъ всѣмъ собраніемъ представителей народныхъ. Чтобы спасти свободу собранія и сохранить ему независимость преній, я назначилъ перенести мѣсто его засѣданій туда, гдѣ они не были бы подъ вліяніемъ уличныхъ бунтовщиковъ и гдѣ начатое дѣло могло бы кончиться безпрепятственно. Мятежники, составляющіе большинство Національнаго Собранія, которыхъ революціонные планы разрушались такимъ распоряженіемъ, отказались предательски повиноваться волѣ своего государя и возопили противъ деспотизма тогда, какъ король ихъ стоялъ за одну свободу. Національная гвардія, которая не защитила собранія въ минуту, грозившую погибелью членамъ его, соединилась съ нимъ, когда оно сдѣлалось однимъ революціоннымъ обломкомъ. Я нашелъ необходимымъ распустить ее и ввѣрить своей арміи храненіе порядка, угрожаемаго всеобщимъ возстаніемъ. Объявленіе Берлина въ осадномъ положеніи сдѣлалось необходимо: оно одно могло спасти столицу и мирныхъ ея гражданъ отъ грабежа и кровопролитія. Мятежники Національнаго Со-

анія, приведенные въ изступленіе этою мѣрою, сбросили съ себя слѣднюю личину: они вызвали явно къ бунту весь народъ противъ оего государя; съ ними теперь не можетъ быть никакого союза. Но хочу сохранить и упрочить своему народу права, мною имъ данныя. ічальный опытъ доказалъ, что собраніе теперешнихъ представителей рода не соотвѣтствовало и не можетъ соотвѣтствовать своему при- анію: духъ имъ овладѣвшій есть духъ разрушенія. Друзья порядка немъ безсильны противъ враговъ святыни и правды. Почти ничто сдѣлано для составленія государственной конституціи, и многое изъ го что́ сдѣлано вредно и утверждено быть не можетъ. Но я хочу, обы Пруссія имѣла конституцію, на всѣ времена утверждающую родное благоденствіе, а не на разрушительныхъ правилахъ неправды нованную. Чтобы достигнуть этой цѣли, я признаю народное собра- ѣ, оказавшееся столь враждебнымъ, *несуществующимъ* и приглашаю ѣхъ моихъ подданныхъ къ выбору новыхъ представителей (съ однимъ обходимымъ условіемъ, чтобы ни одинъ изъ тѣхъ, которые оказа- сь предателями противъ отечества вызовомъ подданныхъ бунтовать отивъ ихъ государя не могъ быть избранъ снова). Между тѣмъ, обы вывести государство изъ вреднаго *временнаго* (provisoire) поло- енія, даю ему теперь же конституціонную хартію, соотвѣтственно оимъ понятіямъ о благоденствіи народа, которое одно есть любимый едметъ души моей. Эта хартія должна имѣть полную силу до тѣхъ ръ, пока не составится представителями народа ихъ основная, тверждениая моимъ согласіемъ; она будетъ для нихъ руководствомъ, они могутъ сдѣлать въ ней тѣ измѣненія, какія по ихъ убѣжденію, і верховной правдѣ основанному, найдутся необходимыми и требо- ініямъ нашего времени соотвѣтственными», и пр.

Не знаю, каковъ покажется Вашему Высочеству этотъ планъ ма- іфеста; но изъ него и изъ данной самимъ королемъ временной хартіи :я нація узнала бы ясно, чего желаетъ ея государь. Хартія имъ дан- ія сдѣлалась бы необходимо колеею, въ которую вошли бы дѣйствія онституціоннаго собранія. Тоже собраніе, которое теперь существуетъ которое къ счастію само себя разрушило, продолжать существо- іть не можетъ. Оно само себѣ произнесло приговоръ, и его ошибкою адобно воспользоваться, чтобы замѣнить его *новымъ*. Переселеніе со- ранія въ Бранденбургъ ничего не поправитъ: оно только выведетъ со- раніе изъ-подъ вліянія бунтующей черни; но духъ его останется тотъ е, и все то, ни къ чему негодное, что́ оно уже произвело и что́ олжно войти въ составъ конституціи, сохранится во вредъ порядка ѣдственнымъ зародышемъ будущихъ волненій. Надобно уничтожить теперешнее Національное Собраніе и съ нимъ вмѣстѣ уродливое на-

чало его уродливой конституціи. Минута благопріятна. Сила снова въ рукахъ. Если король съ своимъ прямодушнымъ, чистымъ, богобоязненнымъ желаніемъ общаго блага, которымъ такъ тепла душа его, обратитъ слово свое къ народу, на это слово будетъ всеобщій отголосокъ, и правда одержитъ побѣду. Но сохрани Богъ отъ колебанія! Теперь ни миръ, ни даже перемиріе невозможны. Всякая уступка предастъ короля, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, во власть необузданнаго мятежа, и тронъ его не устоитъ. Въ крайнемъ же случаѣ лучше самому, сохранивъ свое достоинство, оттолкнуть отъ себя тронъ, нежели позволить, чтобы презрѣнная чернь ругательно съ него столкнула. Помоги Богъ благодушному королю! Нельзя придумать бѣдствія тяжелѣ того, которое пало на его плеча. Кто искреннѣе его желалъ добра? И ему суждено быть главною причиною всего того разрушенія, которое передъ глазами нашими совершается. Современники его обвиняютъ, исторія его осудитъ для потомковъ. Судъ Божій скажетъ о немъ иное; но онъ не для земли, а для неба.

11 (23) Ноября 1848.
Bade-Bade, maison Kleinmann.

10.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству наше усердное поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ и еще болѣе съ окончаніемъ прошедшаго, который, кажется, хочетъ передъ смертію нѣсколько отрезвиться; но онъ оставитъ по себѣ весьма запутанное наслѣдство для своего преемника: того, что̀ онъ накутилъ, никакъ человѣческій умъ не могъ бы придумать возможнымъ. Онъ былъ для насъ всемірнымъ урокомъ смиренія; онъ яснѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ сказалъ намъ, что пути человѣческіе не суть пути Божіи. Съ какою дерзкою святотатною гордостію выступилъ при началѣ его умъ человѣческій въ единоборство съ всевышнею волею! Что̀ же онъ взялъ? Все разрушилъ и ничего не построилъ. Что̀ произведетъ наслѣдникъ этого покойнаго или безпокойнаго 1848 года? Мы также угадать не можемъ. Происшествія бѣгутъ во всю прыть. Наше время неуловимо; вѣковыя минуты быстро смѣняютъ одна другую. Въ этомъ шумѣ безпрестанной смѣны мысли путаются, не знаешь что̀ думать, на чемъ опереться. Въ послѣднемъ моемъ письмѣ вы читали проектъ манифеста, который я (написавъ его между строками моей Одиссеи) обнародовалъ именемъ короля Прусскаго въ маленькой каморкѣ, служащей мнѣ кабинетомъ. Этотъ домашній манифестъ вы-

лъ предсказаніемъ того что случилось на самомъ дѣлѣ. Хотя о и не вовсе такъ случилось, какъ было бы можно желать; но стоятельства не въ нашей волѣ; не мы создаемъ ихъ; наше ло одно: понимать ихъ и *во время* исполнять то, что они предсываютъ на *одинъ роковой мигъ*, который, улетѣвъ, не возвратится *). очитавъ конституцію, данную королемъ, я подумалъ: если бы эта нституція дана была до происшествій Марта, мы бы должны были епетать и кровавыми слезами плакать; она была бы произвольнымъ моубійствомъ. Теперь можно даже радоваться, ибо этотъ роковой мажный листъ удержалъ государство на краю бездны, въ которую о быстро валилось. Надъ головою этого государства, на тонкомъ лоскѣ, висѣлъ Дамоклесовъ мечъ; король, связанный по рукамъ и по гамъ, принужденъ былъ неподвижно смотрѣть на него и въ безсильмъ трепетѣ ждать неизбѣжнаго. Вдругъ онъ увидѣлъ лапу сатаны, зверзающую когти, чтобъ перервать волосокъ; это видѣніе возбуло всѣ оцѣпенѣвшія силы его, онъ рванулся, перервалъ свои узы смѣлымъ ударомъ оттолкнулъ сатанинскую лапу. Мечъ не упалъ; онъ все остался висящимъ на тонкомъ волоскѣ, и король уже самъ оизвольно оставилъ его висѣть надъ головою своего государства. тана отбитъ, но не убитъ. Данная конституція есть этотъ мечъ Даклесовъ.

Его ужасная *худая* сторона есть та, что съ подобною конитуціею правительствовать невозможно. Съ одной стороны всякая *асть* въ цѣпяхъ; а безъ хранительной власти нѣтъ порядка, и никая свобода невозможна. Съ другой стороны излишествомъ данй *свободы* сдѣлана, такъ сказать, невозможною всякая покорность, о эта данная свобода (принужденно данная по требованію обстоятельвъ) окружена такими приманками самоуправства и такъ доступна ольщеніямъ мятежной злонамѣренности, что она естественнымъ разомъ вытѣсняетъ съ мѣста хранительную власть и обращаетъ ее разрушительное безначаліе. *Хорошая* сторона данной конституціи , что она дана *во-время*, въ ту минуту, когда, coûte qui coûte **), длежало спасти государство, бросить утопающему первую попавуюся подъ руки доску. Король, удаливши отъ себя свое вѣрное

*) Жуковскій вспомнилъ собственные стихи:

Лови, лови летящій мигъ!
Онъ, улетѣвъ, не возвратится.

**) Чего бы ни стоило.

войско, остался во власти бунтующей черни. Созванный ландратъ ему не помогъ, напротивъ, положилъ основаніе анархіи, учредивъ чудовищный порядокъ выборовъ. Изъ бездны этихъ анархическихъ выборовъ вылѣзло чудовище Прусскаго Національнаго Собранія, въ которомъ скоплены были всѣ элементы необузданнѣйшаго буйства. Съ этой минуты король исчезъ. Его министры, испуганные вызваннымъ ими самими привидѣніемъ народнаго самодержавія, трусили передъ этимъ многоглавымъ деспотомъ, угождали его нахальнымъ представителямъ, дѣлали уступки за уступками и, наконецъ, довели анархію до крайней степени самонадѣянности и дерзости, а тронъ — до неизбѣжнаго разрушенія. Но этотъ видимый путь человѣческаго безумства послужилъ только къ проявленію тайнаго пути Божія мудраго Промысла, который бѣдствіемъ ведетъ ко спасенію. Это постигла высокая, вѣрующая душа короля *). Если бы король, вмѣсто того, чтобы самоотверженно принять ниспосланное ему мученичество, нетерпѣливо рѣшился на преждевременную борьбу, онъ бы не могъ одолѣть демонической силы; онъ запалилъ бы междоусобную войну, и самая побѣда возвратила бы ему одну матеріальную власть, но она только бы ожесточила умы, зараженные всеобщею чумою. Но онъ *претерпѣлъ* до конца, и слава ему! Богъ наградилъ смиреніе. А зло своимъ зломъ себя и опрокинуло. Трусость и слабость министровъ, достойныя сами по себѣ всякаго порицанія, произвели самонадѣянность анархистовъ, которая безъ нихъ не достигла бы своей крайней степени; эта самонадѣянность произвела, въ соединеніи съ нахальствомъ черни, тотъ терроризмъ, который ужаснулъ и отрезвилъ народъ, опьяненный отъ мнимой своей побѣды и отъ безумныхъ надеждъ, пробужденныхъ въ немъ возмутителями для опроверженія порядка. Такого отрезвленія не произвела бы никакая власть, если бы она и существовала; всеобщей горячки не усмирили бы никакія убѣжденія, которыя и сами по себѣ малосильны, которыя сверхъ того давно были ослаблены доктринами разврата и противъ которыхъ неутомимо работало періодическое тисненіе. Для этого отрезвленія было нужно пройти чрезъ восемь мѣсяцевъ тяжкаго опыта; было нужно, чтобы разбойники, заграбившіе власть, въ заблужденіи, что эта власть изъ рукъ ихъ вырвана быть не можетъ, вполнѣ насладились ея злоупотребленіемъ и сами сорвали съ глазъ народа наброшенную ими на нихъ повязку. Ихъ необузданность принудила, наконецъ, прибѣгнуть къ смѣлому употребленію власти. И при первомъ шагѣ власти увидѣли, что вся тайна заключалась въ

*) Благочестіе Фридриха-Вильгельма IV-го выразилось между прочимъ въ томъ, что при немъ въ Пруссіи возобновлено и выстроено вновь до 300 церквей. П. Б.

омъ животворномъ хранительномъ мужествѣ, въ отсутствіи котора-, напротивъ, заключалось могущество буйства трусливаго по своей иродѣ. Это отсутствіе мужества препятствовало правдѣ произносить ое veto, когда во все горло проповѣдывала свои приговоры не-авда; его отсутствіе мѣшало воспользоваться силою вѣрной, слав-й и достойной своей славы арміи. Въ тоже время, если отсутствіе жества произвело всѣ бѣды, постигшія государство, то оно же, давъ лю буйству идти безпрепятственно своимъ ходомъ, произвело то, му необходимо, наконецъ, надлежало случиться. Берлинъ обрадовал- возвращенію гвардіи, уничтоженію гражданскихъ невоинственныхъ иновъ, тѣлохранителей мятежа, и провозглашенію осаднаго положе-і. Анархисты же, въ чаду своей мнимой силы, надѣясь усилить свой едитъ и дать себѣ видъ героическаго спокойствія *пассивнымъ сопро-ивленіемъ,* противъ воли отвратили пролитіе крови и тѣмъ услужили авительству, сохранивъ его чистымъ. Правда, и себѣ бы они со-анили достоинство умѣренности и видъ мученичества за правду, либы главный смертельный ударъ не нанесли сами себѣ неожидан-. То, чего никакая человѣческая мудрость не могла ни предвидѣть, устроить, произошло отъ оплошности офицера, которому поручено іло разогнать шайку; повѣривъ простодушно, что ему надлежало инести имъ письменный мандатъ, онъ далъ время мятежникамъ еди-гласно провозгласить свой протестъ противъ уплаты налоговъ, кото-ый былъ тутъ же всѣми и подписанъ *). Они имѣли время только для зумнаго, преступнаго поступка въ минуту бѣшенаго ослѣпленія, а для трезваго дѣйствія; и они въ этомъ протестѣ подписали соб-венный смертный приговоръ.

Такимъ образомъ, благодаря ничтожному, даже смѣшному обсто-ельству, разомъ упали всѣ головы анархической гидры, поднялась ященная, воспрявшая вновь свое достоинство, голова монарха; слѣ-та свалилась съ глазъ народа, власть воскресла.

Теперь вопросъ: возвративъ свою власть и снова окружен-ый своимъ вѣрнымъ войскомъ, могъ-ли король произвольно дать на-ду не ту конституцію, какая дана имъ? Рѣшительно должно отвѣ-ть: *не могъ.* Эта данная конституція была необходимымъ зломъ, асительнымъ въ минуту ея дарованія. Что была эта роковая мину-? Король возвратилъ власть; но побѣжденная, опустившая свои го-вы гидра анархіи осталась жива. Надлежало воспрепятствовать ей ять подняться на ноги; надлежало прежде всего возвратить утра-

*) Эти и другія подробности Жуковскій могъ знать отъ друга своего Радовица, инимавшаго дѣятельное участіе въ тогдашнихъ Нѣмецкихъ событіяхъ. П. Б.

ченную довѣренность и дать залогъ на будущее. И король, подтвердивъ въ минуту *власти* все, обѣщанное въ минуту *безсилія*, однимъ разомъ уничтожилъ всѣ поводы къ обвиненію въ деспотической реакціи. Но высшій характеръ этого произвольнаго даянія состоитъ не въ одномъ эгоистическомъ сохраненіи своего кредита уступкою, онъ состоитъ въ чистомъ сохраненіи монаршаго достоинства уваженіемъ къ данному слову, которое, будучи разъ дано, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, должно быть безсмертнымъ, coûte qui coûte; ибо въ этой вѣрности слову съ одной стороны выражается вся святость Божіей правды, а съ другой заключается и для народа правило безусловной подчиненности закону. Будетъ ли уважать монаршую власть народъ, если властитель не будетъ уважать передъ глазами его Божіей власти? А царское слово есть обязательство царя передъ Богомъ, выраженное имъ вслухъ передъ народомъ. И какое бы ни было это слово, какихъ бы событій оно ни заставляло страшиться, оно дано, оно нарушено быть не можетъ, его сохраненіе вѣрнѣе для будущаго, нежели его нарушеніе, хотя бы сіе послѣднее и отвратило на время худыя предвидимыя послѣдствія. Событія отъ насъ не зависятъ. ими управляетъ Богъ; они приходятъ, измѣняются и исчезаютъ во времени, но святыня правды есть нѣчто вѣчное, неизмѣнное. Не она должна зависѣть отъ обстоятельствъ, а обстоятельства должны ею быть опредѣляемы; она ихъ цементъ, сливающій ихъ въ одно прочное цѣлое. Вотъ почему король Прусскій и не могъ дать другой конституціи своему народу. Она, повторяю, есть зло, но по обстоятельствамъ зло необходимое, которое, благодаря образу дѣйствія короля, можетъ сдѣлаться спасительнымъ. Этимъ актомъ теперь опрокинута стѣна, которую мало по малу и прежнія и послѣднія обстоятельства воздвигнули между имъ и его народомъ. Можно сказать, что теперь нравственная сила короля стала живѣе и тверже, нежели въ первую минуту его царствованія.

Но данная имъ конституція гибельна. Это, я думаю, онъ знаетъ самъ лучше другихъ. Онъ никогда не хотѣлъ бумажной конституціи: всякая подобная хартія есть обманъ, своевольный разрывъ съ прошедшимъ, насильственное завладѣніе будущимъ. Истинная хартія народа есть его исторія. Бѣда государю и народу, когда они эту хартію, написанную рукою времени (которое можно назвать стѣнографомъ Божія слова) разрываютъ самовольно, чтобы ее замѣнить ничтожнымъ листомъ бумаги, исписанной умомъ человѣческимъ, который корчитъ Божію правду. Не того всегда хотѣлъ король Прусскій; онъ хотѣлъ утвердить своему народу тѣ права, которыя даровала ему и освятила его исторія, очистивъ ихъ отъ всего, что само по себѣ отъ

яхлости должно бы обвалиться, какъ падаетъ листъ увядшій съ дева, дабы уступить мѣсто живому, не вредя самому дереву, напровъ давая ему новую растительность и силу. Король знаетъ всю гильность данной имъ конституціи; но ему надлежало выбрать одно ъ двухъ: или дать лучшую конституцію (которая все была бы бужной, исторію замѣняющій, листъ) и нарушить данное слово, или зъ всякой оглядки сохранить это слово и вѣрностію слову совер-ить главное свое дѣло—почтить Божію правду. Онъ выбралъ послѣде. Теперь онъ свободенъ дѣйствовать. Данная конституція не моетъ не измѣниться; обязанность самого короля состоитъ въ томъ, обы всѣми законными средствами содѣйствовать ея измѣненію; но *авило,* которое освятилось ея дарованіемъ, останется неизмѣннымъ будетъ нравственною силою дарователя, которая въ тоже время стъ ему и средство исправить зло, соединенное съ его произвольымъ даромъ. Мнѣ даже сдается, что, вмѣсто того, чтобы связать себѣ ки данною хартіей, король получилъ бо́льшую свободу дѣйствовать. ;либы эта хартія, произвольно данная въ минуту *возвращенія влаги,* не исполнила всѣхъ прежнихъ обѣщаній, она была бы только изнаніемъ прежней *слабости,* отъ которой вынуждены были обстояльствами одни неискреннія обѣщанія, и въ тоже время показалась і *злоупотребленіемъ* вновь пріобрѣтенной *власти;* она бы вооружила отивъ короля оппозицію. Тотъ оборотъ умовъ, который вдругъ возатилъ ему утраченную довѣренность націи, не произошелъ бы такъ істро и повсемѣстно; вліяніе анархистовъ не было бы опрокинуто, іъ осталось бы много поводовъ для придирокъ; мятежный протестъ отивъ налоговъ сохранилъ бы свою силу; однимъ словомъ все ограчилось бы однимъ Берлиномъ, гдѣ были бы довольны обузданіемъ рроризма, а къ самому королю остались бы равнодушны. Теперь, іпротивъ, всеобщій энтузіазмъ произведенъ не одною слишкомъ декратическою хартіею (ею за это уже весьма многіе недовольны, и імъ лучше), но болѣе благодарностію за его честность, за его небіе, за его уваженіе святыни. Это не выражается словами; но это ть всеобщее чувство въ народѣ, и это сильно-пробужденное чувство детъ сильнѣйшимъ союзникомъ короля противъ враговъ порядка, торые, теперь совершенно обличенные, обратили противъ себя ненаість большинства націи, ненависть, которая, когда они начнутъ льзоваться элементами разрушенія, заключающимися въ данной ртіи, дабы произвести волненіе, обратится и на самую хартію и стъ способъ королю съ согласія всеобщаго ее передѣлать и даже ничтожить. А средство для этого необходимаго измѣненія самое про-

стое—тоже самое прямодушіе, которымъ произведено дарованіе хартіи. Король не играетъ комедіи, онъ не святотатствуетъ, обращая святыню (свое слово) въ пользу своей власти; что́ онъ далъ, то онъ хочетъ и долженъ сохранить. Но это прямодушіе не обязываетъ его произвольно зажать глаза, чтобы не видать того бѣдствія, которое можетъ истечь изъ его дара и которое, какъ король, онъ отвратить обязанъ. И такъ, сто̀итъ только продолжать быть прямодушнымъ и мужественно искреннимъ; на эту искренность король пріобрѣлъ полное право, она не повредитъ его достоинству. Мнѣ всегда казалось ложнымъ правило: *поддерживать сдѣланную ошибку и не признаваться въ ней, дабы не уронить своего достоинства.* Но что́ же болѣе вредитъ достоинству: сама ли ошибка, или признаніе ошибки? Конечно первое. Непризнаніе не скроетъ ошибки; всѣ ее увидятъ и въ ней обвинятъ. Признаніе же есть въ одно время и изъявленіе великодушнаго *желанія исправить*, и изъявленіе *силы* и *власти*, необходимыхъ для исполненія желаемаго. Здѣсь же нѣтъ и ошибки. Эта конституція есть необходимый фактъ, предписанный обстоятельствами, фактъ, допущенный произвольно, съ полнымъ знаніемъ всѣхъ возможныхъ послѣдствій.

Теперь вся Пруссія въ волненіи: готовятся къ выборамъ. Въ послѣднихъ числахъ Февраля откроется новое Національное Собраніе для составленія *положительной* хартіи, то есть для пересмотра, утвержденія и измѣненія *данной* хартіи, согласно съ ея дарователемъ. Король, который въ минуту дарованія былъ ограниченъ однимъ исполненіемъ того, что́ требовало *настоящее*, то-есть исполненіемъ даннаго слова, имѣетъ теперь полное право вступиться за *будущее*. Рѣшительный часъ его настанетъ, когда соберутся новые представители народа.

Въ своемъ словѣ съ престола, при открытой камерѣ, онъ можетъ сказать имъ: «Вы созваны для утвержденія государственнаго благоденствія на прочныхъ основаніяхъ. Благоденствіе не можетъ быть безъ законной свободы, свободы не можетъ быть безъ порядка, порядка не можетъ быть безъ строгой подчиненности закону; законъ крѣпокъ только властію, власть только тогда существуетъ, когда народъ ее уважаетъ; народъ не можетъ уважать власть, когда имѣетъ возможность неограниченную нарушать ее и ей противоборствовать. Всему этому вы созваны опредѣлить границы, утвержденныя на основаніи Божіей правды, съ сохраненіемъ всего, въ чемъ эта правда выразилась, то есть съ сохраненіемъ всего историческаго, что̀ утвердило время и съ уничтоженіемъ всего, что̀ это же время сдѣлало ветхимъ и болѣе ненужнымъ. Мною были уже созваны представители народа для составленія хартіи на основаніи тѣхъ обѣщаній, которыя

ны въ такую минуту, когда обстоятельства произвели съ одной стороны неумѣренность требованій, а съ другой—необходимость уступки. надѣялся, что повѣренные мои и всего отечества, движимые одною бовію къ общему благу, оправдаютъ возложенную на нихъ надежду; и ее обманули и, наконецъ, провозгласили бунтъ, который едва не губилъ государства. Съ великою скорбію и съ надѣющимся на Бога моотверженіемъ я сносилъ неизбѣжное, съ которымъ борьба была возможна, понеже всѣ умы были ослѣплены, и анархія казалась имъ ободою. Я былъ увѣренъ, что лучшимъ всеобщимъ просвѣтителемъ деть всеобщее бѣдствіе. Наконецъ, настала минута, въ которую длежало или погибнуть или употребить силу. Шайка анархистовъ зсѣяна; но дѣло, для котораго были созваны повѣренные мои и народа, талось неконченнымъ. То же, что сдѣлано, показываетъ только одну онамѣренность дѣлателей. Надлежало выйти изъ сего неопредѣленнаго, бельнаго для отечества состоянія: я далъ народу хартію. И въ ой хартіи сохранено все, что было мною обѣщано народу въ ту нуту, когда я остановилъ дѣйствія моей гвардіи, защищавшей меня отивъ бунта, и, дабы отвратить пролитіе крови, согласился исполть желанія народа, что въ послѣдствіе произвело плачевные безподки. И теперь, когда эти безпорядки, благодаря моему войску (представляющему хранительную власть, а не самовластіе разрушительное) екращены, безначаліе обуздано и власть державная можетъ свободно йствовать въ пользу народа, я въ данной мною хартіи подтвердилъ е мною обѣщанное прежде. Но съ тою же искренностію, съ какою писана эта хартія, говорю, что въ ней заключаются стихіи великихъ лненій для будущаго. Для чего я не предупредилъ этихъ возможныхъ дствій, а напротивъ самъ отворилъ имъ двери своимъ произвольмъ даромъ? На это отвѣчаю: я вашъ государь Божіею милостію; я лъ свое *слово*, мое слово должно быть свято, какъ та Божія мисть, которая даровала мнѣ власть и тронъ; сохранивъ его, я исполлъ свою *ближайшую* обязанность, обязанность предъ Богомъ, какъ редставитель воли Его предъ народомъ. Теперь, какъ блюститель нannaго блага предъ Богомъ, исполняю другую обязанность, говоря мъ, представители народа: моя хартія дана съ тѣмъ, чтобы вы, по вѣсти, въ страхѣ Божіемъ, просвѣщенные печальными опытами поѣдняго времени, ее исправили, измѣнили, дополнили и въ особенности ключили изъ нея все то, что я самъ признаю и что равномѣрно вы лжны будете признать несовмѣстнымъ съ благоденствіемъ государва. Симъ изъявленіемъ правды мое дѣло кончено; начинается ваше. оединитесь въ одну душу и, дѣйствуя въ угожденіе судящему насъ огу, а не въ угожденіе страстямъ своекорыстнымъ, устройте благо-

денствіе порядка въ настоящемъ на всѣ времена будущія. Если вы будете дѣйствовать въ этомъ божественномъ смыслѣ, если вы сохраните Божіе Богу, царево царю, законное наслѣдство исторіи народу, всѣ существующія права неприкосновенными, если оградите свободу отъ притѣсненій самовластія и анархіи, если оградите верховную власть отъ нахальства толпы, которой никакая власть принадлежать не можетъ, если обуздаете своевольство книгопечатанія и въ особенности періодическаго тисненія, съ которымъ никакой хранительный авторитетъ невозможенъ; если, наконецъ, не льстя возмутительнымъ мнѣніямъ нашего времени, не заботясь о своемъ кредитѣ въ народѣ, а имѣя въ виду одно истинное благо его, которое не можетъ существовать безъ вѣры въ святое, безъ покорности законной власти, безъ уваженія долга, вы дадите ему хартію истинной свободы, хартію, основанную на *моей*, но исключивъ изъ нея или измѣнивъ въ ней все, что я самъ, ея дарователь, признаю несовмѣстнымъ съ благомъ народнымъ: то вы, исполнивъ надежды вашего государя и вашего отечества, дадите государю возможность властвовать во благо, а отечеству — возможность благоденствовать подъ защитою твердой власти. Если, напротивъ, духъ разрушенія, буйства и своекорыстія, который обладалъ вашими предшественниками, перейдетъ и въ ваше сословіе: то вы посѣете одинъ раздоръ, и отечество наше пожнетъ бѣду; на васъ падутъ бѣдствія нашего времени, безславіе въ потомствѣ и судъ Бога неизбѣжимаго. Тогда мы вступимъ въ путь долговременной борьбы, и я готовъ на нее; ибо я, вѣруя въ Бога, Который видитъ чистоту моихъ намѣреній, знаю, что эта борьба приведетъ насъ къ тому же концу, къ которому безъ всякаго промежутка бѣдственныхъ волненій мы можемъ легко дойти прямою дорогою правды, если въ смыслѣ этой правды вы воспользуетесь печальными опытами послѣдняго времени. И такъ призываю васъ не къ одному утвержденію данной мною хартіи, но къ ея совершенному преобразованію въ хранительно-монархическомъ смыслѣ. Когда же совершится вашъ трудъ, признавъ его оконченнымъ, я передамъ его на конфирмацію времени и опыта. Предоставляю себѣ назначить срокъ, въ который будутъ снова собраны представители всѣхъ состояній государства, чтобы снова пересмотрѣть и исправить ту хартію, которая выйдетъ изъ вашихъ совѣщаній и чтобы ее на всѣ времена утвердить положительно, какъ законъ основный».

Понравится ли Вашему Высочеству этотъ проектъ королевской рѣчи съ трона, я не знаю. Въ ней есть нѣчто небывалое. Король объявляетъ представителямъ своего народа, что, давъ свою хартію, *онъ самъ зналъ прежде и теперь знаетъ*, что она можетъ быть для народа бѣдственна. Подлинно *небывалое*, но и обстоятельства небывалыя. Мон-

лезенъ [1]) давно сказалъ: les temps, où nous vivons sont difficiles; je dirai plus, ils sont impossibles [2]). Эту хартію необходимо должно было *дать* и столь же необходимо *уничтожить*. Король стоялъ между двухъ крайностей: между исполненіемъ слова и между нарушеніемъ слова. Съ *первымъ* необходимо была соединена эта демократическая хартія (и онъ ее далъ), и вмѣстѣ съ данною хартіею доска, брошенная утопающему отечеству, а вмѣстѣ съ доскою и возможность болѣе свободнаго дѣйствія по выходѣ на берегъ. Выбрать *послѣднее* значило бы проповѣдывать утопающему съ берега (или утопая съ нимъ вмѣстѣ) правила плаванія. Скажутъ: зачѣмъ же дано было слово, приведшее къ такой крайности? Это совсѣмъ другой вопросъ. Въ Ноябрѣ поздно (тогда какъ государство валилось въ бездну) разсуждать о томъ, чтó было бы лучше въ Мартѣ: покориться ли власти обстоятельствъ и дать роковое слово или не дать его и героически погибнуть, защищая монаршее достоинство и свободу верховной власти? Слово дано. Теперь остается путемъ правды исправить сдѣланную ошибку, и обстоятельства (сколько можно вѣрить настоящей минутѣ въ наше шаткое время) тому благопріятствуютъ. Великодушное признаніе ошибки, произнесенное королемъ съ престола, своею необычайностію поразитъ и произведетъ всеобщую благодарность, и вмѣсто того, чтобы уронить, возвеличитъ достоинство монаршее. Восемь мѣсяцевъ мучительнаго опыта образумили общее мнѣніе; несмѣтное большинство народа перешло на сторону короля. Послѣ отвратительной, сердце терзающей оргіи безначалія, въ которой такъ открыто, такъ нахально буянствовала малочисленная шайка анархистовъ, сильная только трусостію или предательствомъ исполнителей власти верховной и паническимъ страхомъ, на всѣхъ наведеннымъ недавностію политическаго землетрясенія, народъ, отрезвленный рѣшительностію короля и храбростію его нынѣшняго министерства (вѣчная слава графу Бранденбургу!), оказался въ прекрасномъ, умиляющемъ и одобряющемъ душу блескѣ. А эта благородная армія, которая вытерпѣла такую обиду съ такимъ героическимъ самоотверженіемъ, которая (посреди своего принужденнаго, мучительнаго бездѣйствія, раздраженная тѣми униженіями, которыми осыпали короля ея мнимые побѣдители въ лохмотьяхъ) не поддалась никакому искушенію предателей и сохранила

[1]) Мы не увѣрены, вѣрно ли прочтено въ связномъ почеркѣ подлинника это собственное имя Монлезенъ (Monlezun); это былъ современный Жуковскому богословскій и историческій писатель. П. Б.

[2]) Время, въ которое мы живемъ трудно; скажу больше: оно невозможно.

вѣрность знаменамъ и строгую свою дисциплину. Какое чудное зрѣлище! Однимъ словомъ, монаршая власть и любовь къ престолу воскресли.

Но обманываться не должно: эта вновь пріобрѣтенная сила требуетъ и сильныхъ плечъ для ея поддержанія. Наступаетъ время рѣшительнаго боя; двѣ великія рати выступаютъ въ поле одна на другую. Со стороны короля матеріальная сила его вѣрной арміи, большинство народа, образумленнаго послѣдними происшествіями и (что можно назвать главнымъ его союзникомъ) его нравственная сила, заключающаяся въ его собственномъ прямодушіи и въ общей довѣренности къ этому прямодушію. Съ другой стороны меньшинство анархистовъ, которыхъ могущество заключается не въ личной ихъ неустрашимости, а въ ихъ отчаянномъ бѣшенствѣ, которое ставитъ *все* на карту, которому всѣ средства и самыя преступныя доступны, и въ ихъ союзѣ съ буйнымъ духомъ нашего времени и въ ниспроверженіи всѣхъ границъ вѣры, правды и нравственности, нѣкогда останавливавшихъ злыя страсти и нынѣ повсемѣстно разрушенныхъ. Эта послѣдняя армія, предводимая духомъ зла, уступаетъ *нумерически* первой; но она ее превышаетъ своею дѣятельностію, которая и потому уже можетъ быть успѣшнѣе, что всѣ безчисленныя оружія беззаконныхъ средствъ, какими она пользуется, не находятся въ арсеналѣ первой.

Судьба Пруссіи на долгое время будетъ рѣшена выборами для двухъ камеръ, которыя откроются въ концѣ Февраля. Какихъ людей вызовутъ на сцену эти выборы, это можетъ устроить одинъ Богъ; со стороны же человѣческой мудрости сдѣлано все, чтобы отворить двери настежъ врагамъ порядка. И они сильно работаютъ, чтобы ворваться въ эту лабораторію, въ которой должно быть составлено будущее благоденствіе государства. Надобно признаться, что въ отношеніи къ этимъ выборамъ и къ образованію этихъ двухъ камеръ уступчивость короля непонятна, и едва ли ее чѣмъ оправдать возможно. Ничто не обязывало его учредить этотъ порядокъ или безпорядокъ. Онъ *не давалъ слова устроить камеры и выборы* такъ, какъ то сдѣлано въ данной имъ хартіи; а бѣдственный опытъ уже показалъ, какое чудовище можетъ вылѣзть изъ бездны этихъ безумныхъ выборовъ. Король могъ и долженъ былъ измѣнить ихъ систему. Не сдѣлавъ этого необходимаго измѣненія, онъ предалъ правительство на произволъ злонамѣренныхъ возмутителей и грубаго невѣжества толпы народной; онъ произвольно смѣшалъ всѣ состоянія и уничтожилъ ихъ живое различіе какъ соціальное, такъ и историческое, обративъ ихъ въ безжизненныя цифры.

Здѣсь я долженъ остановиться. Все, что здѣсь написано уже давнымъ давно написано, въ половинѣ прошедшаго Декабря н. ст.; но писавши, я надѣлалъ много ошибокъ и помарокъ; въ такомъ видѣ не посмѣлъ Вамъ послать письма моего: надобно было переписывать. Отъ этого я пропустилъ курьера. Письмо же не все переписано, остальное послѣ. Теперь спѣшу посылать этотъ длинный отрывокъ въ Штутгартъ, чтобы онъ отправленъ былъ съ первымъ курьеромъ къ Вашему Императорскому Высочеству; спѣшу для того, чтобы предупредить происшествія, которыя скачутъ во весь опоръ и совсѣмъ измѣняются между первою и послѣднею строкою письма, въ которомъ ихъ думаешь описать и сказать о нихъ свое мнѣніе. Помоги Богъ доброму королю! Настоящее просвѣтлѣло, но будущее грозно. Теперь листъ перевернулся: за годъ передъ этимъ короля Прусскаго осыпали оскорбленіями; теперь вся надежда на то, чтобы онъ согласился принять корону императора Германіи. Франкфуртскіе законодатели бьются какъ рыба объ ледъ. Они, расхрабрившись въ началѣ, задумали распоряжаться по *милости своей*, самовластно, судьбою Германіи, признавъ, что въ ней есть только народъ и нѣтъ и не должно быть государей. Гагернскій kühner Griff *) все перепуталъ; правитель (временный) Германіи выбранъ былъ *мимо* правительствъ, и они въ тогдашнемъ своемъ безсиліи подтвердили своимъ безмолвнымъ согласіемъ чудовищный выборъ, который однако въ самую роковую минуту, именно тогда, какъ революція дошла до верхняго своего пункта, спасъ Германію: ибо до тѣхъ поръ эта центральная власть была для нея соединительнымъ пунктомъ, что замѣняло верховную власть, которая въ то время ни въ одномъ правительствѣ не существовала. Пунктомъ поворота была попытка радикаловъ взорвать во Франкфуртѣ Національное Собраніе; еслибы она удалась, все бы вспыхнуло, и загорѣлась бы повсемѣстная война междоусобная. Но съ этой минуты все перемѣнилось. Благодаря храброй догадливости Шмерлинга, Національное Собраніе во Франкфуртѣ спасено отъ ножа убійцъ, а осадное положеніе города, а съ нимъ и многихъ городовъ юго-западной Германіи, не только удержало въ уздѣ мятежъ, но и пробудило изъ летаргіи правительства. Рядомъ съ этимъ покореніе Вѣны и обузданіе Берлина, и всюду, вопреки воплямъ анархистовъ, признаніе благодѣтельности осаднаго положенія. Теперь благопріятная минута для пол-

*) Смѣлый захватъ.—Гагернъ былъ президентомъ Германскаго Національнаго Собранія во Франкфуртѣ. Его „смѣлый захватъ“ заключался въ провозглашеніи временной центральной власти. П. Б.

наго возстановленія державной власти. Слава Австріи, Радецкому.... [1]) Виндишгрецу.

Какое чудное развитіе силы въ такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ! Все падало, все казалось навсегда разрушеннымъ. Энергія трехъ человѣкъ подперла упадающую имперію и снова поставила ее на ноги. Повторяю, минута благопріятна для благотворнаго возрожденія. Кредитъ анархіи въ совершенномъ упадкѣ; законная власть выиграла сто на сто. Надобно повторить здѣсь правило Іоганна Миллера: *умѣренность, порядокъ* или (какъ должно перевести эти слова) *Божія правда.* Сверхъ того *мужество* и *рѣшительность*; но ихъ-то, кажется, и недостаетъ. Правительства все еще не пришли въ себя отъ того ужаса, въ который привело ихъ привидѣніе, испугавшее всю Германію въ прошломъ Мартѣ. Этотъ мертвецъ все еще колобродитъ въ церкви Павла во Франкфуртѣ [2]), и его существованію вѣрятъ, хотя уже полночь (часъ привидѣній) прошла, пѣтухи пропѣли, и начинаетъ свѣтать. Правительства все еще съ подобострастіемъ угождаютъ этому деспоту-привидѣнію. Конституція Германская еще не кончена, и ничего не сдѣлано, чтобы ее съ общаго соглашенія принять въ Германіи; а уже отрывокъ этой конституціи, die Grundrechte [3]), пущенъ въ ходъ и многими правительствами принятъ. Не есть ли это постыдная рабская слабость, явное самоубійственное признаніе надъ собою такой власти, которая существовать не можетъ и не должна и провозглашена самовольно маленькою толпою самодѣльныхъ представителей нація, изъ которыхъ почти половина оказались врагами всякой святыни? Во Франкфуртѣ все еще бредятъ о единствѣ Германіи, то есть о ея сліяніи въ одно цѣлое съ уничтоженіемъ всего частнаго. Эти господа выдумали новую ариѳметику: у нихъ 0+0+0+0=1. Слово *партикуляризмъ* (которое теперь повторяется также часто, какъ *реакція*) всѣ идеи перепутало. Изъ государства они хотятъ сдѣлать тоже, что̀ придумалъ бы какой-нибудь гражданинъ желтаго дома, который бы вдругъ провозгласилъ, что Богъ весьма ошибочно создалъ человѣка, что цивилизація нашего времени нашла способъ его пересоздать и сдѣлать его составъ не столь сложнымъ; что въ немъ голова, глаза, носъ, руки и прочее ни на что̀ не нужны, что они вредный партикуляризмъ, что теперь надобенъ одинъ общій, нераздѣльный человѣкъ, для произведенія кото-

---

[1]) Въ подлинникѣ написано еще третье имя, котораго мы разобрать не можемъ. П. Б.

[2]) Гдѣ засѣдало Національное Собраніе. П. Б.

[3]) Основныя права.

раго надобно обрубить головы, носы, уши и прочее и все это слить въ одно. Господа Франкфуртскіе создатели все еще вѣрятъ своей силѣ; но сквозь эту вѣру пробивается уже у многихъ подозрѣніе, что они затѣяли невозможное. Они все еще хотятъ прежде состряпать свои нули и потомъ изъ нихъ сдѣлать свою единицу; но, кажется, придется имъ обратиться на старое, то-есть изъ существующихъ *чиселъ* (а не нулей) составить не *единицу*, а *одну* общую *сумму*, то-есть возобновить тотъ же *Германскій Союзъ*, который они уничтожили съ такимъ презрѣніемъ.

Воскресеніе этого Германскаго Союза кажется неизбѣжнымъ; но надобно, чтобы это было полное воскресеніе, воскресеніе къ жизни, а не къ одному движенію мертваго трупа, который заставляютъ гальваническимъ процессомъ растворять глаза, подымать руки, болтать ногами. Прежній Германскій Союзъ былъ этотъ мертвый трупъ. Прусскій король (вы читали брошюру Радовица, Deutschland und F. W. der IV, которую я послалъ вамъ) хотѣлъ вдохнуть въ него жизнь: сила обстоятельствъ и его собственная нерѣшительность помѣшали ему исполнить это святое намѣреніе. Отъ сколькихъ бѣдствій избавилась бы Германія, еслибы онъ *вовремя* одолѣлъ препятствія! Но, можетъ быть, именно эти бѣдствія и были нужны для блага въ смыслѣ Божіемъ.

Если теперь оглянуться на весь этотъ хаосъ, произведенный прошедшимъ годомъ (которому подобнаго исторія не представляетъ), то можно увидѣть, что въ этой безобразной массѣ начинаютъ проявляться элементы для новаго болѣе порядочнаго и живаго устройства. Чѣмъ была произведена эта анархія? Недѣятельностію Германскихъ правительствъ въ исполненіи даннаго слова, ихъ исключительною заботливостію о выгодахъ одной только власти и небреженіемъ о нуждахъ народовъ, нуждахъ, произведенныхъ ходомъ времени, слѣдственно (чтобы выразить все это однимъ словомъ) *неправдою*. А что̀ неправда сѣетъ, то она и жнетъ. Эта неправда продолжалась тридцать три года, кричатъ мнимые праведники; но они забываютъ, что если правительства холодно и лѣниво дѣйствовали въ смыслѣ справедливыхъ требованій, основанныхъ на данномъ обѣщаніи, то и народы (или лучше сказать ихъ самовольные представители и заступники) слишкомъ жарко и бѣшено дѣйствовали въ смыслѣ тѣхъ же законныхъ требованій, но которыя своею неумѣренностію превратились въ губительную беззаконность, исключающую всякую возможность исполненія. Эта беззаконность, если не совершенно оправдываетъ, то самымъ естественнымъ образомъ изъясняетъ медлительность правительствъ: прежде нежели удовлетворить нуждамъ вѣка, хотѣли привести въ границы его

буйство, тогда какъ надлежало сдѣлать *не первое послѣ послѣдняго*, а то и другое *вмѣстѣ*. Это принужденное замедленіе съ одной стороны произвело усиленную необузданность съ другой, и все это, наконецъ, привело ко взрыву пороховаго магазина, въ который въ продолженіе 33-хъ лѣтъ сносили всякаго рода горючіе матеріалы и въ который Франція бросила свою зажигательную искру *). Но это событіе, если уже оно не произвело совершенной погибели, можетъ быть спасительнымъ образомъ поучительно для правительствъ и для народовъ. Оно урокъ, всемірный урокъ для *правительствъ*, которыя, разъ согласившись съ требованіемъ времени, выразившимся въ такомъ гибельномъ потрясеніи, должны возстановить на твердѣйшихъ базахъ верховную власть, безъ которой нѣтъ народнаго блага, и обратить ее на утвержденіе блага народнаго, безъ котораго всякая власть рано или поздно разрушается. Оно урокъ для *народовъ*, которымъ опытъ теперь доказалъ, что всякое, и самое законное, благо, пріобрѣтаемое беззаконно, уничтожается преступностію средствъ, употребленныхъ для его пріобрѣтенія. Оно урокъ и для благонамѣренныхъ *теористовъ*, которые, наконецъ, должны признаться, что надъ властію ума человѣческаго есть еще высшая власть, которая не покорствуетъ его планамъ и событіями, ею посылаемыми, разстроиваетъ всѣ его гордыя соображенія; что для блага людей не надобно сочинять произвольно ихъ будущей исторіи, а соглашаться съ ихъ исторіею прошедшею и извлекать изъ нея твердыя правила Божіей правды, которая, что̀ бы ни было, буря иль тишь, укажетъ путь къ берегу, какъ непримѣтная магнитная стрѣлка, управляющая ходомъ огромнаго корабля. Оно не будетъ урокомъ для однихъ только *анархистовъ*, которыхъ вся цѣль владѣть кораблемъ, пока онъ идетъ, жрать его запасы и потомъ съ нимъ вмѣстѣ погибнуть, понеже они, видя кругомъ его одно безпредѣльное море, не вѣрятъ, чтобы гдѣ-нибудь существовали берегъ и пристань.

Чѣмъ кончится Франкфуртская болтовня? Die Grundrechte написаны и многими уже правительствами приняты. А онѣ чистый хаосъ. Наконецъ, опредѣлено надъ этою новою единицею изъ нулей, надъ этою новою несбыточною Германіею быть главою Императору. Но какому? Не наслѣдственному, не на всю жизнь, но на опредѣленные годы. Какому же? Кто разберетъ! Но кажется мнѣ, что эта сумятица, потому именно, что въ ней никакого нѣтъ толку, и произведетъ оборотъ къ лучшему. Принуждены будутъ воротиться (чтобы чѣмъ-ни-

*) Народное представительство было обѣщано жителямъ Пруссіи королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III-мъ, вслѣдъ за окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ, еще въ 1815 году. Преемникъ этого короля, еще будучи наслѣднымъ принцомъ, въ 1823 году. предсѣдательствовалъ въ коммиссіи для устройства областныхъ сословій. П. Б.

будь *возможнымъ* кончить) къ прежнему Германскому Союзу. Будетъ второе изданіе его, исправленное и пополненное. Если будетъ, то и лучшее сдѣлается возможнымъ. Австрія матеріально и нравственно поднялась изъ своихъ развалинъ. Въ Пруссіи весь народъ (выключивъ изъ него шайку анархистовъ) и армія явились въ прекрасномъ блескѣ; опытъ, обличивъ безумство теорій и системъ, яснѣе нежели когда-нибудь доказалъ необходимость власти, вѣры и нравственности и опредѣлилъ свойство истинной свободы, которая безъ власти, вѣры и нравственности невозможна и которая, напротивъ, есть необходимый результатъ ихъ союза. Что̀ все это обѣщаетъ? Общее отрезвленіе, то есть возстановленіе монархіи. Это, конечно, не теперь вдругъ явится, но оно въ перспективѣ. Въ Австріи и Пруссіи, возвратившихъ силу свою, уже воздвиглась крѣпкая стѣна противъ враговъ порядка и если за эту стѣну спрячутся остальные народы Германскіе, то и сила вражая разрушится, пораженная собственнымъ бѣшенствомъ. При этомъ съ одной стороны Франція (своею послѣднею революціею доказавшая только то, что во внутренности этого волкана уже истощается лава для новыхъ изверженій) жаждетъ монархіи. Съ другой стороны неприкосновенно стоитъ утесъ Россіи, самобытный, отъ всего отстраненный, преисполненный жаркою, но не волканическою теплотою самодержавія, которая работаетъ внутри его медленно, тихо, но постоянно и которая своею творческою растительною силою произведетъ наконецъ то, что и всѣ меньшія скалы этого утеса повсемѣстно облекутся ковромъ земли плодоносной, приносящей всѣ плоды Сѣвера, Востока, Запада и Юга для благоденствія поколѣній грядущаго времени. Аминь!

3 (15) Декабря 1848—19 (31) Генваря 1849.

Простите мнѣ это длинное письмо. Простите и многія помарки. Въ третій разъ переписывать не могу: долженъ писать стоя; но мои старыя ноги не держатъ меня, оттого такъ и шла медленно переписка. Я могъ бы прибавить еще многое, что̀ подернуло бы черною краскою послѣднія двѣ розовыя страницы; но это скажется скоро само собою. Богъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ, а безъ Него ничто не дѣлается. И такъ во всякомъ случаѣ слава Ему! Да сохранитъ Онъ нашего Царя, Царево семейство и вѣрную ему Россію. Да будетъ надъ Вами Его благословеніе! Жуковскій.

*

Поэтическому сердцу Жуковскаго до̀рогъ былъ король Прусскій, старшій дядя его ученика. Нашъ поэтъ узналъ и полюбилъ его 25-ти-лѣтнимъ юношей въ Берлинѣ, въ 1820 г., и тогда же познакомился близко съ его

домашней обстановкой, будучи друженъ съ г-жею Вильдерметъ, наставницей его сестры, великой княгини Александры Өедоровны. Отецъ ихъ, безстрастный почти ко всему кромѣ воинскихъ упражненій, пріучалъ къ нимъ и своего кронпринца, который участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе Германіи и 18-ти лѣтъ отъ роду находился въ битвахъ подъ Бауценомъ и Лейпцигомъ; но изъ него вышелъ человѣкъ совсѣмъ невоинственный. Музы, чуть ли не всѣ девять, стали ему близки, и трудно назвать въ исторіи другаго государя, который бы такъ искренно, не для славы только, а по личному влеченію, былъ преданъ успѣхамъ философіи, богословія, наукъ и искусствъ. Можетъ быть, по его примѣру дано было такое основательное и многостороннее образованіе и нашему Александру Николаевичу. Оба они, по вступленіи на престолы, испивали отъ горькой чаши разочарованій. На пятомъ году царствованія, 26-го Іюля 1844 года, произошло первое покушеніе на жизнь Фридриха-Вильгельма IV-го; въ 1850 году онъ даже былъ раненъ въ руку другимъ извергомъ (изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ). Характеры сильные крѣпчаютъ отъ личныхъ опасностей. Не таковъ былъ впечатлительный и мягкій король Прусскій. Весною 1845 года сословія изо всѣхъ почти областей заявили ему о необходимости представительнаго правленія, обѣщаннаго еще отцомъ его въ 1815 году. Въ Февралѣ 1847 года король созвалъ выборныхъ, въ числѣ 617 человѣкъ, и произнесъ имъ раздражающую рѣчь. Въ Берлинѣ началась словесная борьба, которая черезъ годъ привела къ ужасамъ Мартовскихъ дней. Даже и въ Парижѣ не бывало ничего подобнаго тогдашнему Берлинскому кровопролитію. 5-го Декабря того же года провозглашено въ Пруссіи представительное правленіе, о чемъ и говоритъ Жуковскій въ послѣднемъ изъ напечатанныхъ выше писемъ. Но мечты поэта не сбылись: дальнѣйшая дѣятельность короля Прусскаго была также шатка и неопредѣлительна, какъ и все его правленіе. Жуковскій (бывшій съ нимъ въ личной перепискѣ) не дожилъ до скорбныхъ дней своего царственнаго друга, кончившаго жизнь въ 1861 году, въ умопомѣшательствѣ. П. Б.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Воспоминанія А. Л. Зиссермана *).

VII.

Въ дореформенныя времена, командиръ Кавказскаго пятибатальон-го полка, въ которомъ было 150 офицеровъ и болѣе 6 тысячъ сол-тъ, игралъ въ арміи далеко не ту роль, какую играютъ нынѣшніе мандиры. Тогда отецъ-командиръ былъ очень и очень важный че-вѣкъ, съ большими правами и еще бо̀льшими матеріальными сред-ствами; онъ, въ своей штабъ-квартирѣ, былъ солнцемъ, вокругъ ко-раго обращались многія планеты, въ чаяніи свѣта, тепла и возмож-ти существовать. Удовлетвореніе честолюбія, желаніе повышеній и лучшей жизненной обстановки, даже общее мнѣніе о полкѣ (чѣмъ гда дорожили офицеры) зависѣли отъ него, также какъ лучшее или шее матеріальное положеніе солдатъ, болѣе или менѣе обремени-льная служба, большее число награждаемыхъ крестами, меньшее сло подвергаемыхъ наказаніямъ или притѣсненіямъ со стороны млад-ихъ командировъ.

Мечта всякаго военнаго человѣка была достигнуть почетнаго, наго и выгоднаго званія полковаго командира. Десятки лѣтъ тру-ой службы, полной всякихъ огорченій и лишеній, пренебреженіе всякимъ опасностямъ, распеканія и самодурныя гоненія разныхъ чальниковъ, все это выносилось ради дорогой мечты, увы, весьма дко тогда осуществляемой!.. Непотизмъ, протекціи, связи, привиле-ованныя положенія, разныя побочныя побужденія руководили не-дко въ большинствѣ назначеній на эти столь желательныя мѣста.

Послѣ приведенной въ предшествующихъ главахъ характеристики ухъ главныхъ, дѣйствовавшихъ на Лѣвомъ крылѣ въ описываемое змя, лицъ, слѣдовало бы сдѣлать тоже и въ отношеніи тогдашнихъ тырехъ полковыхъ командировъ 20-й дивизіи, которыхъ я хорошо алъ не только по служебнымъ, но и по частнымъ отношеніямъ. И гя въ сущности пришлось бы говорить обо всѣхъ этихъ лицахъ чти одно лишь хорошее, однако воздержусь изъ искренняго жела- не возбуждать ни въ комъ ни малѣйшаго неудовольствія...

---

*) См. „Русскій Архивъ" 1884 г., книжку 6-ю и 1-й выпускъ нынѣшняго года.

Раннею весною 1857 г. новый главнокомандующій, князь Барятинскій собрался объѣхать весь Сѣверный Кавказъ, начиная съ Лѣваго крыла.

Какъ только получено было офиціальное извѣстіе, начались распоряженія для встрѣчи и проводовъ высокаго гостя. Что значило въ тѣ времена встрѣтить, принять и проводить главномандующаго, особенно такого какъ князь Барятинскій, т.-е. своего же Кавказца, на Лѣвомъ крылѣ всѣмъ извѣстнаго, всѣми любимаго, во всѣхъ вселявшаго надежды на повышенія, награды и т. д., могутъ судить только очевидцы. Нужны были десятки лѣтъ постоянной войны и жизни среди Кавказской природы и Кавказскихъ дикарей, чтобы выработались всѣ эти своеобразные обычаи, поражавшіе всякаго новичка и увлекавшіе большинство своею дикою поэзіею, столь свойственною Русской удалой натурѣ. Теперь, быть можетъ, это покажется чѣмъ-то баснословнымъ. Во всемъ проявлялись какіе-то гомерическіе размѣры: пиръ—на весь міръ; вина—бочками, жженка—котлами, тосты—сопровождаемые залпами изъ десятка пушекъ, тысячи ружей, безконечными ура!, десятки тысячъ солдатскихъ голосовъ, иллюминаціи—лѣса костровъ, и проч. и проч. Приказаній для этого не требовалось; довольно было только позволить, и все—отъ командировъ до послѣдняго барабанщика—съ увлеченіемъ готово было броситься на работу, и послѣ, стоя вдали отъ мѣста пиршества, ничѣмъ собственно отъ него не пользуясь, солдаты искренно шумѣли и какъ бы торжествовали.

11-го Апрѣля мы съ генераломъ Евдокимовымъ выѣхали изъ Грозной обычнымъ путемъ, по Сунженской линіи, во Владикавказъ. Помню очень хорошо эту поѣздку. Погода была прекрасная, дорога сухая, безъ пыли; предъ каждой станицей встрѣчали насъ мѣстныя власти съ рапортами о «благополучіи». И дѣйствительно во всемъ чувствовалось тогда какое-то благополучіе: тихо, не слыхать кровавыхъ происшествій; въ ожиданіи пріѣзда князя Барятинскаго, всѣ казались радостно настроенными; по крайней мѣрѣ мнѣ, всю почти дорогу бесѣдовавшему съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ, бывшимъ въ отличномъ расположеніи духа, такъ казалось.

Еслибы я велъ дневникъ и въ тотъ же день вечеромъ записалъ разговоръ нашъ, то безъ сомнѣнія могъ бы сообщить теперь что нибудь болѣе интересное, особенно изъ разсказовъ Евдокимова о временахъ его дѣятельности въ Дагестанѣ и на Правомъ флангѣ, о его взглядахъ на предстоявшія рѣшительныя дѣйствія въ Чечнѣ и проч. Къ сожалѣнію, никакихъ замѣтокъ у меня нѣтъ, и я только вспоминаю. что разговоръ вертѣлся на Ичкеринской экспедиціи генерала Граббе,

моихъ похожденіяхъ въ Элису въ 1849 году, на предложеніи Ѳаева писать о нашихъ дѣлахъ, на катастрофѣ 1843 г. въ Дагестанѣ. ı перескакивали съ эпизода на эпизодъ, и, наконецъ, вспомнили о неастной эспедиціи генерала Галафѣева въ Малую Чечню въ 1840 ɥу, когда насъ на р. Валерикѣ такъ жестоко потрепали.

— Ну, почтеннѣйшій, надѣюсь, что съ нами уже этого не повтогся, сказалъ Николай Ивановичъ, указывая на тянувшійся паллельно нашей дорогѣ лѣсистый хребетъ Черныхъ горъ, окружен.хъ синеватой мглой; скоро доберемся мы до этихъ трущобъ и выримъ разбойниковъ оттуда.

Предъ станицей Слѣпцовской встрѣтилъ насъ начальствовавшій нженскою линіею, извѣстный Іедлинскій. На вопросъ его: «не прижете ли, ваше превосходительство, назначить конвой?» Николай Ивавичъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, почтеннѣйшій. Зачѣмъ напрасно гонять каковъ? Опасности, особенно днемъ, нѣтъ никакой».

По этому поводу Іедлинскій поспѣшилъ отпустить одну изъ безсленныхъ своихъ остротъ. Его будто бы спросили: какъ это генелъ Евдокимовъ такъ рискуетъ ѣздить безъ конвоя?

— Зачѣмъ ему конвой, когда у него вся *милиція въ карманѣ*?..

Острота была подхвачена и разнеслась повсюду, вызывая безнечный, большею частью, злорадный смѣхъ.

Во Владикавказѣ мы ночевали, а на другой день, вмѣстѣ съ полвникомъ Кемпфертомъ, выѣхали на Военно-грузинскую дорогу въ ›би, гдѣ были расположены роты Навагинцевъ для дорожныхъ рагъ. Здѣсь, 13-го Апрѣля, рано утромъ, произошла первая наша грѣча главнокомандующаго.

Князь Барятинскій весьма любезно принялъ генерала Евдокимова полковника Кемпферта (командира Навагинскаго полка), сказалъ и ѣ какую-то любезность, поздоровался съ ротой и, посадивъ къ себѣ коляску Евдокимова, поѣхалъ дальше. Только что тронулись мы ь Ларса, въ коляскѣ сломалось колесо, и оба генерала пересѣли въ рантасъ Евдокимова, изъ котораго мнѣ пришлось выйти и болѣе верстъ до Владикавказа скакать на казачьей лошади, среди нѣɔлькихъ сотъ джигитовавшихъ Осетинъ и Кабардинцевъ.

Во Владикавказѣ, послѣ торжественной встрѣчи, среди огромной ıпы народа, разставленныхъ шпалерами войскъ, скачущихъ кругомъ ɔдниковъ, среди оглушительныхъ ура!, пушечныхъ выстрѣловъ и, жется, колокольнаго звона, князь подъѣхалъ къ дому командира ıгинскаго полка А. П. Опочинина, съ которымъ давно находился близкихъ, семейно-дружескихъ отношеніяхъ. За парадным обѣдомъ чались тосты и разливное море Шампанскаго; но достоинство соблю-

далось строжайше, и пусть читатель не думаетъ, что въ этихъ случаяхъ допускалось что-нибудь малѣйшее, выходящее за границы приличій и, тѣмъ болѣе, дисциплины. Князь Барятинскій въ самый разгаръ пировъ незамѣтно, но пристально умѣлъ слѣдить за дѣйствующими лицами, замѣчать слова и поступки, и—какъ говорится—наматывать себѣ на усъ; а разъ составивъ себѣ о человѣкѣ дурное мнѣніе, онъ съ трудомъ мѣнялъ его. Въ особенности съ брезгливостью относился онъ ко всякому поступку или слову, отзывавшемуся неделикатностью, нечистоплотностью, недостаточно хорошимъ тономъ. Я знаю примѣръ, какъ одинъ инженерный офицеръ Д. совсѣмъ было испортилъ свою карьеру, позволивъ себѣ въ 1853—54 году, въ пріѣздъ изъ Гурійскаго отряда въ Тифлисъ, отвѣчать князю (тогда начальнику главнаго штаба Кавказской арміи) на вопросъ: что̀ дѣлается въ отрядѣ? какою-то сальною поговоркою, что «лучше не трогать... чтобы не завоняло»... Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ князь объ этомъ Д. и слышать не хотѣлъ, пока ему не представился случай отличиться, и тогда уже, въ 1859 году, по особому ходатайству барона Врангеля, Д. получилъ Георгіевскій крестъ и началъ повышаться по службѣ, достигнувъ теперь высокихъ степеней.

Погода вполнѣ благопріятствовала путешествію и много содѣйствовала общему радостному настроенію. Между прочимъ главнокомандующій пожелалъ осмотрѣть работы, производившіяся уже нѣсколько лѣтъ, по почину бывшаго начальника Владикавказскаго округа барона Вревскаго, для открытія удобнаго сообщенія изъ Владикавказа, правымъ берегомъ Терека, въ Джераховское ущелье, въ верховьяхъ котораго жили Кистины въ нѣсколькихъ аулахъ. Вся поѣздка состоялась верхомъ.

Работы производились капитаномъ путей сообщенія Микулинымъ, который, само собою, постарался показать товаръ лицомъ: какіе-то мастера изъ Грековъ бѣжали впереди, заряжали и взрывали небольшія мины, эхо отъ взрыва скалы раздавалось продолжительнымъ громомъ въ горахъ, подъ гулъ ревущаго Терека. Проходя галлерею подъ скалистыми сводами, дорога, наконецъ, вырывается изъ тѣснины къ подножію крутаго подъема и узкой тропой, зигзагами, тянется вверхъ. Близъ перваго Кистинскаго аула насъ встрѣтилъ полубаталіонъ Навагинцевъ, подъ командою моего стараго сослуживца въ Дагестанскомъ полку, Конст. Ал. Ѳеодосѣева (брата графини Евдокимовой), о которомъ я разсказывалъ во II-мъ томѣ. Здѣсь былъ устроенъ парадный завтракъ, сопровождаемый, по обыкновенію, залпами, шумомъ и трескомъ. Что̀ касается самой дороги, то работа была, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательная: высѣченныя въ скалѣ галлереи, выемки въ щебени-

гыхъ крутыхъ осыпяхъ, въ которыя врѣзывался путь и т. п. свидѣельствовали о преодолѣнныхъ трудностяхъ. Для военнаго движенія, съ орною артиллеріею и вьюками, она была бы вполнѣ удовлетворительа и избавляла отъ переправы чрезъ Терекъ, почти невозможной, осоенно для пѣхоты; но не знаю, сколько на эту дорогу было брошено азенныхъ денегъ, и самая цѣль работы едва выдерживала даже снисходительную критику: съ этой стороны никакихъ ударовъ непріятелю ы нанести не могли, потому что дальше, за Кистинскими аулами, янется самая непроходимая часть горъ по верховьямъ Ассы и Аргуна, дѣ дѣйствія отрядовъ чрезвычайно трудны и безполезны, а для борьбы ъ мелкими Кистинскими шайками, разбойничавшими въ окрестностяхъ Владикавказа на почтовой дорогѣ, было много другихъ средствъ, треовавшихъ гораздо менѣе денегъ и труда. Въ послѣдствіи, кажется, доога эта и была брошена недоконченною... Вообще, баронъ Вревкій былъ страстный охотникъ до проектовъ, и рѣдкій мѣсяцъ прохоилъ безъ того, чтобы онъ не представилъ въ Тифлисъ какого-нибудь редположенія—то о постройкѣ укрѣпленія, башни, то о проведеніи ороги, то о движеніи отряда въ какое-нибудь ущелье, на какую-нигудь гору, и все это выставлялось крайне и экстренно необходимымъ, бѣщающимъ важнѣйшіе результаты и т. д. Большею частью въ Тифисѣ, хоть нерѣдко скрѣпя сердце и урѣзавъ немножко матеріальныя редства, соглашались на эти представленія, и тогда баронъ Ипполитъ Александровичъ, чрезвычайно довольный, энергически приступалъ къ исполненію. Тратилась немалая сумма денегъ и солдатскаго труда, а ри военномъ движеніи и нѣсколько жизней; но результаты были, по еньшей мѣрѣ, равны нулю, и самое предпріятіе скоро забывалось—для новаго однороднаго дѣла...

По возвращеніи съ увеселительной поѣздки на Джераховскую дорогу, ген. Евдокимовъ приказалъ мнѣ ѣхать впередъ до Грозной, осматривать всѣ приготовленія къ проѣзду и распорядиться, если что нибудь найду не такъ сдѣланнымъ. Такая уже была судьба моя: когда другіе располагались пировать, отдыхать, кейфировать, мнѣ приходилось взбираться на перекладную,—на этотъ инструментъ, дорого отозвавшійся на моихъ костяхъ,—или садиться за писаніе!

И опять загудѣлъ въ ушахъ монотонный звукъ колокольчика, опять пошла тряска и подкидываніе, опять покрикиваніе о скорѣйшей перепряжкѣ лошадей, опять угощеніе со стороны властей въ укрѣпленіяхъ и станицахъ, съ которыми я, вслѣдствіе безпрестанныхъ проѣздовъ, былъ коротко знакомъ, и разсказы о происходящемъ во Владикавказѣ и проч. Особыхъ мѣръ съ моей стороны никакихъ не потребовалось;

всѣ сами изъ кожи лѣзли, чтобы наилучшимъ образомъ исполнить полученныя приказанія и угодить начальству.

Въ Грозной въ это время свирѣпствовалъ *Самоваръ-паша:* чистилъ, прибиралъ, муштровалъ, но болѣе всего ругался, раздавалъ зуботычины и бѣсновался. Не успѣлъ я отдохнуть, какъ Рудановскій потребовалъ меня къ себѣ и показалъ полученное съ нарочнымъ отъ ген. Евдокимова письмо, что главнокомандующій отчасти измѣнилъ свой маршрутъ, что онъ будетъ вскорѣ ночевать въ Червленной и въ Моздокѣ, что нужно сдѣлать всѣ соотвѣтственныя распоряженія и для этого послать меня. Такимъ образомъ я не былъ въ Грозной въ теченіе 4-хъ дней пребыванія тамъ князя Барятинскаго и лишился удовольствія наблюдать высококомическія сцены, происходившія при пріемѣ. Въ послѣдствіи, впрочемъ, меня познакомилъ съ ними нѣкто Монаенко, молодой офицеръ Тенгинскаго полка, превеселый малый, большой мастеръ разсказывать забавные анекдоты. Приготовленія къ пріему главнокомандующаго дали обильную пищу таланту Монаенки, и мнѣ пришлось хохотать до упаду. Особенно отличался достойнѣйшій *Самоваръ-паша.* Онъ, напримѣръ, потребовалъ въ домъ, гдѣ приготовлялся парадный обѣдъ для князя, всѣхъ наличныхъ офицеровъ, (большинство были линейныхъ баталіоновъ), осматривалъ какъ они одѣты, училъ ихъ какъ кланяться, и вообще дѣлалъ какъ бы репетицію обѣда...

— «Эхъ вы, офицеръ, поклониться какъ слѣдуетъ не умѣете», говорилъ онъ одному; или: «Эхъ вы, сюртукъ у васъ какъ ряса, или сапоги какъ у барабанщика, а еще поручикъ!» обращался онъ къ другому. И бѣдные штабсъ-капитаны или поручики, хорошо командовавшіе ротами, весь вѣкъ вертѣвшіеся между казармой, гауптвахтой и лагеремъ, молча проглатывали эти милыя генеральскія остроты.

— Смотрите, когда главнокомандующій сядетъ за обѣдъ, вы продолжайте стоять кругомъ этого стола, *какъ будто около закуски,* да не касаться графиновъ и бутылокъ, а только такъ, для виду; а послѣ уже переходите въ ту комнату и садитесь тоже за столъ; да не шумѣть, не разговаривать и смотрѣть на меня,—какъ только увидите, что я какъ бы къ носу бѣлый платокъ поднесу, вы сейчасъ ура гаркните, да нѣсколько разъ и погромче.

И вотъ послушные гг. офицеры все это продѣлывали, кланялись, вертѣлись у стола *какъ будто около закуски,* за тѣмъ пунктуально исполнили и послѣднее приказаніе: какъ только увидѣли, что Рудановскій вынулъ носовой платокъ, гаркнули во все горло: ура! ура!.. Между тѣмъ, въ эту минуту никакого тоста никто не произносилъ, всѣ заняты были ѣдой. Князь Барятинскій выразилъ крайнее недо-

мѣніе, а большинство подумало, что въ той комнатѣ уже успѣли на-
пзаться. Евдокимовъ покраснѣлъ и вопросительно взглянулъ на Ру-
дановскаго, а сей окончательно порыжѣлъ, завертѣлся на стулѣ и не
зналъ что дѣлать. Наконецъ кто-то догадался встать и узнать причину
криковъ. Все объяснилось: несвоевременный выемъ Рудановскимъ платка
изъ кармана... Шутя передалъ это Евдокимовъ князю, и тотъ добро-
душно разсмѣялся...

Представительница прекраснаго пола, вѣроятно увлеченная при-
мѣромъ Рудановскаго, тоже вздумала принять участіе въ приготовле-
ніяхъ къ пріему—по женской части: собирала въ тотъ же домъ на-
личныхъ дамъ, осматривала костюмы, дѣлала репетиціи...

Нужно было видѣть, какъ разсказывалъ и представлялъ въ ли-
цахъ всѣ эти сцены Монаенко, чтобы понять весь комизмъ происхо-
дившаго.

Въ это самое время я побывалъ въ Червленной, Наурѣ и Моз-
докѣ, исполнилъ что слѣдовало по части размѣщенія на ночлегахъ
многочисленныхъ гостей, путешествовавшихъ въ свитѣ главнокоман-
дующаго, по части ихъ угощенія, запряжки, конвоя и проч., въ те-
ченіи трехъ сутокъ порядочно измучился ѣздой по жарѣ, въ пыли и
возвратился въ Грозную вечеромъ. Сейчасъ же явился я къ генералу
Евдокимову, только что оставившему князя, и передалъ отчетъ о
своей поѣздкѣ.

— Ну-съ, почтеннѣйшій, спасибо вамъ за хлопоты; я знаю, что
васъ не особенно интересуютъ всѣ эти обѣды и балы, отъ которыхъ
я бы готовъ откупиться чѣмъ угодно,—значитъ и жалѣть не о чемъ.
Идите теперь отдыхать, а завтра предстоитъ проѣздъ чрез Чечню
въ Хасавъ-юртъ; придется вамъ и верхомъ немало потрястись. Пока
князь всѣмъ доволенъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа.

Четырехдневное пребываніе князя Барятинскаго въ Грозной было
постояннымъ торжествомъ; всѣ были въ восторгѣ, видя своего недав-
няго ближайшаго начальника въ высокомъ званіи намѣстника цар-
скаго и главнокомандующаго, отъ котораго зависѣла теперь судьба
всѣхъ. Но что болѣе всего кидалось въ глаза—это неподдѣльная ра-
дость, выражавшаяся Чеченцами: въ двухъ верстахъ отъ Грозной
толпы туземнаго населенія съ женами и дѣтьми вышли на дорогу,
остановили коляску и заставили князя выйти. Окруженный Чеченцами,
онъ прошелъ довольно далеко, отвѣчая на ихъ шумныя привѣтствія.
Люди, такъ недавно еще намъ враждебные, не болѣе четырехъ-пяти
лѣтъ переселившіеся подъ наше покровительство, уже успѣли испытать
разницу между безпощаднымъ деспотизмомъ Шамилевскаго управленія

и нашимъ добродушнымъ режимомъ; они совершенно искренно привѣтствовали человѣка, давшаго первый толчекъ этому переселенію (въ 1852 году) и устроившаго для нихъ самое раціональное управленіе; они употребляли всѣ усилія выказать искренность своихъ чувствъ, прикасались къ поламъ княжескаго сюртука, низко снимали папахи, однимъ словомъ все обнаруживало непритворную радость. Не нужно забывать, что все это были вѣдь тѣже Чеченцы, которые въ 1851 и 52 годахъ упорно защищали каждую пядь своей земли на пути отрядовъ, двигавшихся подъ командой того же князя Барятинскаго; немало ихъ лучшихъ людей пало жертвами этихъ битвъ, немало добра потеряли они при разореніи ихъ ауловъ. Но выселившись къ намъ, они встрѣтили столько Русскаго беззлобія, столько помощи и участія, что, при всей враждебности къ гяуру-побѣдителю, и въ нихъ не могли не заговорить человѣческія чувства, тѣмъ болѣе лично въ отношеніи князя Барятинскаго, въ которомъ они видѣли человѣка съ достоинствами, совершенно въ духѣ воинственныхъ Азіятцевъ: храбрый, щедрый, великодушный, импонирующій полудикой толпѣ. Да и вообще мы въ отношеніяхъ къ Азіятскимъ народностямъ, покореннымъ нашимъ оружіемъ, не взирая на кровавыя жертвы, на ихъ упорную враждебность, коварство и часто черную неблагодарность, проявляли столько добродушія, весьма часто съ видимымъ ущербомъ нашимъ интересамъ, что неудивительно, если иногда замѣчаются между ними признаки искренняго расположенія, которымъ мы, однако, не умѣемъ воспользоваться. Хорошо знакомый съ этими народцами, я не могу не сказать, что мы въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ, пересаливаемъ. Не слѣдуетъ, конечно, подражать Англичанамъ, съ сатанинскимъ безсердечіемъ истинныхъ кулаковъ, высасывающимъ соки изъ своихъ Азіятскихъ владѣній; но и не слѣдуетъ доводить добродушіе до забвенія интересовъ Русскаго народа и даже, какъ это сплошь и рядомъ на Кавказѣ бывало, отдавать во всемъ преимущество туземцамъ предъ своими. Тѣмъ болѣе это неумѣстно, что ни въ чемъ у насъ нѣтъ выдержки, нѣтъ опредѣленной системы, нѣтъ послѣдовательности, все подвержено вѣчнымъ перемѣнамъ и колебаніямъ, ибо предоставляется личнымъ усмотрѣніямъ, вдохновенію, капризамъ... И какъ достаточно одной ложки дегтя, чтобы испортить сороковую бочку меда, такъ достаточно одного самодурнаго поступка, одной необдуманной, неблагоразумной мѣры, чтобы исчезъ самый слѣдъ добраго расположенія къ намъ какихъ-нибудь Лезгинъ, Чеченцевъ или Туркменовъ, да нетолько расположенія, но даже слѣдовъ страха предъ нашей силой, и чтобы вдругъ вспыхнула ненависть и страстная вражда. Сколько примѣровъ

изъ недавняго прошлаго могъ бы я привести въ подтвержденіе моихъ словъ! Достаточно вспомнить Кавказскія событія во время послѣдней войны...

VIII.

22-го Апрѣля главнокомандующій выѣхалъ изъ Грозной. Это, безъ сомнѣнія, былъ первый случай, что за Аргуномъ появлялся поѣздъ изъ цѣлаго ряда экипажей, сопровождаемый одною конницею. До 1857 года безъ отрядовъ туда никто не ходилъ.

Осмотрѣвъ новое укрѣпленіе Бердыкель, поѣхали мы дальше и безъ выстрѣла достигли Шалинскаго укрѣпленнаго лагеря. Здѣсь встрѣтили князя батальоны Куринскаго полка. Шалинская поляна давно уже была традиціоннымъ мѣстомъ Куринцевъ для всякаго военнаго торжества; она—ближайшій театръ частыхъ встрѣчъ съ Чеченцами отъ Куринской штабъ-квартиры—кр. Воздвиженской; на Шалинской полянѣ въ 1852 году весь полкъ встрѣчалъ своего шефа, князя Михаила Семеновича Воронцова, который тогда возглашалъ покореніе Большой Чечни и обѣщалъ собравшимся Чеченскимъ толпамъ неприкосновенность ихъ земельной собственности.... Тогда пять баталіоновъ Куринцевъ, со знаменами, подъ командою сына князя Воронцова, парадировали церемоніальнымъ маршемъ подъ звуки музыки любимаго княземъ Даргинскаго марша (что̀ составило едва ли еще бывалую въ Чечнѣ картину), оглашая воздухъ восторженными ура! Казалось въ эту минуту, что и въ самомъ дѣлѣ настаетъ миръ въ Чечнѣ... И вотъ, чрезъ пять лѣтъ послѣ этого торжества, послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ дѣлъ въ той же Чечнѣ, Куринцамъ пришлось опять встрѣчать уже новаго вождя, все еще не въ полной увѣренности наступленія мира. За обѣдомъ тосты сопровождались батальнымъ огнемъ и проч. Къ ночи вся окрестность озарилась кострами, кругомъ гремѣла музыка, пѣсни, шумъ и ликованія. Непріятельскіе пикеты и мелкія партіи издали слѣдили за нами; безпокоить они нась не рѣшались, и ночь прошла спокойно.

На другой день, все съ однимъ коннымъ конвоемъ, тронулись мы дальше въ глубь Чечни, къ Хобишавдонскимъ высотамъ. На половинѣ дороги стоялъ отрядъ полковн. Кемпферта. Послѣ осмотра войскъ, князь поздравилъ его съ производствомъ въ генералы, о чемъ приказъ былъ только что полученъ, и Кемпфертъ еще ничего не зналъ. Генералъ Евдокимовъ, зная мои дружескія отношенія къ Кемпферту, приказалъ мнѣ постараться найти у кого нибудь хоть старые гене-

ральскіе погоны, чтобы дать новому генералу возможность сейчасъ же надѣть ихъ. Не помню у кого, да чуть ли не отъ человѣка самого же Евдокимова, взялъ я погоны съ запаснаго сюртука и поѣхалъ передать Кемпферту. Обрадовался старый служака и производству, и чрезвычайному вниманію князя Барятинскаго, такъ сильно, что совсѣмъ не находилъ словъ и только крѣпко жалъ всѣмъ руки.

У разореннаго аула Гельдыгена встрѣтилъ насъ баронъ Л. П. Николаи со всѣми пятью батальонами Кабардинскаго полка, построенными въ одну линію. Совершенно такое же явленіе, какъ выше упомянутое, въ 1852 году на Шалинской полянѣ. На Кавказѣ, при исключительно малой войнѣ, войскамъ почти не приходилось бывать цѣлыми полками, съ знаменами, музыкой и вообще парадировать. На насъ, поэтому, такой рѣдкій случай не могъ не производить особаго впечатлѣнія. Принявъ же во вниманіе, что славный Кабардинскій полкъ, въ лицѣ главнокомандующаго, встрѣчалъ еще недавно бывшаго своего командира, встрѣчалъ въ самомъ сердцѣ Чечни, гдѣ годъ-другой тому назадъ происходили самые кровавые эпизоды войны, гдѣ даже движенія значительныхъ отрядовъ сопровождались ожесточенными нападеніями непріятеля, гдѣ кромѣ свиста пуль, грома пушекъ, сигнальныхъ рожковъ и дикаго гиканія Чеченцевъ ничего не слышалось, читатель не долженъ считать преувеличеніемъ, если я скажу, что эта встрѣча производила трудно передаваемое, возбуждающее впечатлѣніе. Большія толпы выѣхавшихъ сюда же Кумыкскихъ и Чеченскихъ почетныхъ людей и старшинъ очевидно находились подъ сильнымъ впечатлѣніемъ непривычнаго имъ зрѣлища, и я слышалъ, какъ они вполголоса выражали свое удивленіе.

По всему пространству отъ р. Бассъ до Мичика, на ближайшихъ высотахъ Черныхъ горъ, виднѣлись партіи Горцевъ, составлявшихъ какъ бы авангардъ Шамиля, расположеннаго тогда съ главными силами въ ущельи Хулхулау. Ни на какую серіозную попытку онъ не рѣшался, но на всемъ переѣздѣ нашемъ отъ Шали партіи вели съ нашими конными цѣпями перестрѣлку, изрѣдка бросая въ насъ съ дальнихъ разстояній ядра. Вся потеря наша ограничилась девятью ранеными. Благодаря широкимъ просѣкамъ, разработаннымъ спускамъ и подъемамъ чрезъ овраги, непріятель вынужденъ былъ держаться вдали, лишился любимыхъ мѣстъ для внезапнаго нападенія, и войска наши имѣли возможность двигаться почти безъ потерь.

Переночевавъ съ Кабардинцами на Хобишавдонѣ, мы проѣхали чрезъ укр. Куринское и Герзель-аулъ въ Хасавъ-юртъ—штабъ-квартиру Кабардинскаго полка, построенную въ 1847 году княземъ Барятинскимъ. Здѣсь всѣ его знали и любили; здѣсь всякій камень на-

поминалъ ему столь недавнее прошлое и тотъ невѣроятный, по своей быстротѣ, шагъ на служебномъ поприщѣ, который въ шесть лѣтъ привелъ его изъ полковаго командира въ главнокомандующаго двухсоттысячной арміей, въ намѣстника Кавказа....

26-го Апрѣля Кабардинцы на славу угостили князя обѣдомъ, вечеромъ, фейерверкомъ и проч. Происходили уже упомянутыя мною гомерическія проявленія специально-кавказскаго гостепріимства. Что и говорить, не обходилось безъ лести, безъ низкопоклонства, безъ доброй доли раболѣпія; но все это въ порядкѣ вещей и, во всякомъ случаѣ, при той обстановкѣ, при дѣйствительномъ расположеніи большинства къ симпатичной военной личности князя Барятинскаго, не такъ кидалось въ глаза и не такъ претило, какъ за частую бываетъ въ *мирныхъ* мѣстностяхъ, при встрѣчахъ и проводахъ начальства, особенно когда ораторы изощряются въ произнесеніи напыщенныхъ панегириковъ.

27-го числа была назначена усиленная рекогносцировка въ Аухъ. Отрядъ состоялъ изъ шести батальоновъ, шести эскадроновъ драгунъ, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ, милиціи и десяти орудій.

Аухъ сильное и относительно богатое общество Чеченскаго племени. Несмотря на близость нашихъ укрѣпленій, оно долго сохраняло свою независимость. Нѣсколько разъ отряды проникали туда, разоряли нѣсколько ауловъ, несли немалыя потери, но результатовъ этимъ не достигалось никакихъ. Ауховцы умѣли отлично пользоваться гористо-лѣсистою мѣстностью, укрѣпили доступы завалами и чѣмъ-то въ родѣ укрѣпленія, носившаго у насъ названіе «*Гойтемировскихъ воротъ.*» Зимою съ 1856 на 1857-й годъ укрѣпленіе это обходомъ было взято отрядомъ барона Николаи, и тотчасъ вырубленная широкая просѣка открыла намъ свободный доступъ въ Аухъ.

Мы выступили рано и въ десятомъ часу утра поднялись на одну изъ высотъ лѣваго берега рѣки Ярыкъ-су. При блескѣ весенняго солнца, намъ открылся прекрасный видъ на всю Ичкерію, на Андійскій хребетъ и цѣлую массу мѣстныхъ отроговъ, перекрещиваемыхъ глубокими балками. Виднѣлось множество ауловъ, разбросанныхъ по покатостямъ горъ. Зеленѣющія поля, группы фруктовыхъ деревьевъ, индѣ вьющіяся между ними дорожки, разсыпавшіяся по нимъ конныя и пѣшія цѣпи, кой-гдѣ дымки отъ рѣдкихъ выстрѣловъ, все это позлащенное яркими лучами солнца, подъ прозрачно-голубымъ сводомъ южнаго неба, представляло одну изъ тѣхъ очаровательныхъ картинъ, отъ которыхъ трудно бываетъ оторваться и которыя на долго сохраняются въ памяти. Вотъ такія-то мѣста, такая природа, такое солнце и небо, съ прибавленіемъ чего-то специфическаго Кавказскаго, «ein

gewisses Etwas»[1]), трудно передаваемаго, и составляютъ тотъ источникъ привязанности на всю жизнь къ Кавказу, отъ которой несвободенъ никто изъ долго тамъ пробывшихъ, и источникъ поэтическаго настроенія, овладѣвавшаго мало мальски развитымъ, не погрязшимъ въ исключительно-матеріальные интересы человѣкомъ. Для меня все это усиливалось тѣмъ, что въ теченіе всей четверть-вѣковой Кавказской службы, судьба перебрасывала меня изъ одного угла въ другой, и я вполнѣ насладился созерцаніемъ подобныхъ картинъ, во всемъ величественномъ разнообразіи этой благословенной страны: цвѣтущая долина Алазани и грозное ущелье Аргуна или Аварскаго Койсу; раздолье Прикубанской степи и сдавленныя громадами скалъ долины Дагестана; покрытыя снѣгомъ вершины Борбало и другихъ великановъ Кавказскаго хребта, и богатыя тропическою растительностію мѣстности Гуріи и Имеретіи. Какое разнообразіе, какое богатство, щедрою рукою разбросанное на относительно небольшомъ пространствѣ! Да, великъ Русскій Богъ, благословившій усилія наши овладѣть этимъ Кавказомъ; но и велики же прегрѣшенія наши предъ нимъ....

Однако я вовсе не у мѣста отвлекся...

На упомянутой выше высотѣ состоялось совѣщаніе между княземъ Барятинскимъ, Григоріемъ Дмитріевичемъ Орбельяни, вызванными изъ Дагестана (гдѣ онъ командовалъ войсками) и генераломъ Евдокимовымъ, при участіи барона Николаи. Разсуждали о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ въ этой части края и рѣшили занять Буртунайскія высоты[2]), устроивъ тамъ штабъ-квартиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка и проложивъ дорогу между Буртунаемъ чрезъ Аухъ въ Хасавъ-юртъ.

Затѣмъ, утоливъ возбужденный движеніемъ и живительнымъ горнымъ воздухомъ голодъ, мы двинулись обратно на ночлегъ въ Хасавъ-юртъ.

28 ч. чрезъ Шелководскую пріѣхали мы въ Червленную, эту всѣмъ бывавшимъ во время оно на Кавказѣ извѣстную станицу, родину красавицъ-казачекъ и удалыхъ Гребенскихъ казаковъ, давшую матеріалъ для одного изъ лучшихъ произведеній графа Льва Толстаго «Казаки». Все населеніе встрѣчало князя Барятинскаго какъ стараго знакомаго, часто прежде бывавшаго у нихъ, когда онъ командовалъ Кабардинскимъ полкомъ, и еще раньше, когда въ 1845 году

---

[1]) Извѣстное нѣчто.

[2]) Извѣстныя съ 1844 г., когда ген. Нейдгартъ и Лидерсъ съ огромнымъ корпусомъ войска не рѣшились атаковать Шамиля, устроившаго церемоніальное шествіе своихъ полчищъ!...

пріѣзжалъ участвовать въ экспедиціи въ Дарго. Весьма неравнодушный къ прекрасному полу, самъ красавецъ, богатый, щедрый, онъ, именно, былъ однимъ изъ тѣхъ «Московскихъ», которые всегда пользовались особымъ вниманіемъ Червленскихъ *мамукъ*. Неудивительно, поэтому, если теперь встрѣча его какъ главнокомандующаго сопровождалась самыми оживленными шумными казачьими оваціями: джигитовка, стрѣльба, подхватываніе красавицъ на коня, пѣсни, хороводы и проч. продолжались за полночь предъ домомъ полковаго командира барона Розена, у котораго остановился князь.

На другой день, въ Наурѣ, столицѣ Моздокскихъ казаковъ, у ихъ командира Іедлинскаго, о которомъ я уже столько разъ упоминалъ, встрѣча, кромѣ обычныхъ пріемовъ, разнообразилась толпою Калмыковъ и Ногайцевъ обоего пола, пріѣхавшихъ изъ степей и забавлявшихъ насъ своей оригинальной пляской подъ звуки—простой Русской гармоніи...

Поздно вечеромъ, подъѣзжая къ Моздоку, весь поѣздъ былъ остановленъ въ теченіи 10—15 минутъ. Было очень темно, и всѣ мы, ѣхавшіе сзади, терялись въ догадкахъ о причинѣ остановки, полагая, что случилась поломка экипажа. Я выскочилъ изъ тарантаса и побѣжалъ впередъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что какіе-то люди бросились чуть не подъ колеса княжескаго экипажа и подали ему прошеніе, сопровождаемое громкими рѣчами потатарски. Потребовавъ переводчика, князь распросилъ ихъ подробно о дѣлѣ и приказалъ имъ утромъ явиться въ Моздокъ.

Въѣхали мы въ городъ причемъ-то въ родѣ иллюминаціи, сопровождаемые бѣгущими вдоль улицы толпами и криками «ура».

Изъ свиты главнокомандущаго самымъ близкимъ лицомъ къ нему въ это время былъ генеральнаго штаба подполковникъ Дмитрій Ильичъ Романовскій, впослѣдствіи Ташкентскій преемникъ Черняева, личность довольно извѣстная. Будучи еще молодымъ инженернымъ офицеромъ, Романовскій за дуэль былъ разжалованъ въ солдаты на Кавказъ, въ Кабардинскій полкъ, гдѣ, подобно большинству сосланныхъ, чуть ли не скорѣе выдвинулся по службѣ, чѣмъ оставаясь неразжалованнымъ гдѣ-нибудь внутри Россіи. Князь Барятинскій, командовавшій Кабардинскимъ полкомъ, весьма естественно не забывалъ старыхъ подчиненыхъ вообще, а выдававшихся въ какомъ-нибудь отношеніи въ особенности. Во время Восточной войны 1853—54 г. Романовскій былъ вытребованъ въ войска, дѣйствовавшія подъ Карсомъ, щедро награжденъ, возвратилъ себѣ всѣ прежнія преимущества, отправился въ Академію, вышелъ въ Генеральный Штабъ и назначенъ состоять въ распоряженіи Кавказскаго главнокомандующаго. Близость

къ столь всемогущему тогда князю Барятинскому, при наилучшемъ расположеніи Д. А. Милютина, считавшаго долгомъ вообще протежировать всѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, давала Романовскому полное право разсчитывать на самую блестящую карьеру; но, по пословицѣ: «чѣмъ ближе къ солнцу, тѣмъ больнѣе жжется»,—произошло нѣчто совсѣмъ противное. Въ одинъ прекрасный день Романовскому объявляютъ, что князь желаетъ перевести его въ Ширванскій полкъ, вѣроятно съ цѣлью назначить впослѣдствіи командиромъ полка. Совершенно озадаченный Дмитрій Ильичъ на отрѣзъ отказался отъ такого предложенія. Быть произведеннымъ въ полковники и прямо ѣхать принимать полкъ, это онъ, само собою, съ удовольствіемъ согласился бы исполнить; а оставаться подполковникомъ, командовать батальономъ, расположеннымъ гдѣ-нибудь въ глухомъ аулѣ Дагестана, послѣ блистательнаго положенія въ Тифлисѣ, гдѣ всѣ мѣстные тузы, всякихъ вѣдомствъ и ранговъ, оказывали ему особую атенцію,—уѣхать, да, чего добраго, быть забытымъ и остаться безъ полка,—нѣтъ, на это онъ не рѣшился... Князь же Барятинскій, въ свою очередь, былъ изъ тѣхъ отъ самаго рожденія избалованныхъ баръ, которые противурѣчія и прекословія ихъ волѣ не терпѣли: дѣлай что̀ велятъ, не разсуждая, хотя бы касалось твоей будущности, и предоставь мнѣ остальное; а не хочешь, вонъ съ глазъ моихъ! Таковы взгляды у большинства нашихъ сильныхъ міра сего.

Когда Д. А. Милютинъ доложилъ, что Романовскій не соглашается на переводъ въ Ширванскій полкъ, ему велѣно было въ 24 часа уѣхать изъ Тифлиса. Помню, какъ всѣ тогда были озадачены: Романовскій, которому вчера все поклонялось, считая его за одно изъ восходящихъ свѣтилъ, вдругъ, неожиданно, въ отвратительное время (кажется въ Февралѣ 1858 г.), сѣлъ на перекладную и ускакалъ въ Петербургъ!.. Всѣхъ занималъ вопросъ: былъ ли въ рѣшеніи князя Барятинскаго простой капризъ, или открылась въ чемъ нибудь вина Романовскаго и не позволилъ ли онъ себѣ выказать гдѣ нибудь своего вліянія? Этого послѣдняго князь не простилъ бы ни за что...

Въ Петербургѣ Романовскому поручили редакцію «Русскаго Инвалида»; а за тѣмъ уже Д. А. Милютинъ двинулъ его и въ генералы, и на мѣсто Черняева въ Ташкентъ, и къ Георгію на шею, и въ свиту Его Величества; но какія-то темныя дѣла по интендантскимъ поставкамъ или что-то въ этомъ родѣ, о чемъ носились въ Петербургѣ слухи, переданныя въ высшія сферы графомъ В. Д., ѣздившимъ въ Ташкентъ для участія въ дѣлахъ противъ Туркменъ, опять прервали столь блистательно двинувшуюся карьеру Романовскаго. Онъ былъ отозванъ изъ Ташкента, нѣкоторое время занималъ мѣсто начальника штаба

Казанскаго округа, попалъ послѣ совсѣмъ въ опалу, жилъ въ Петербургѣ безъ всякаго дѣла, писалъ кое-что въ «Русской Старинѣ» и уѣхалъ на лѣто (кажется 1883 г.) въ Казань, тамъ заболѣлъ и *въ госпиталь* умеръ.

Д. И. Романовскій былъ человѣкъ съ большими способностями, и жаль, что онѣ не были употреблены съ бòльшею пользою. Писалъ онъ очень хорошо и хотя ему дѣлаетъ честь, что онъ, забывъ личныя отношенія, посвятилъ князю Барятинскому цѣлый панегирикъ въ Русской Старинѣ (1881 г. Февраль); но не совсѣмъ хорошо, что съ точки зрѣнія дѣйствительности этотъ панегирикъ грѣшитъ весьма сильно и что авторъ какъ-то преимущественно выдвинулъ въ немъ себя, такъ даже, что и вся статья выходитъ написанною какъ бы для возможности выставить себя нѣкоторымъ образомъ вліявшимъ на судьбы Кавказа... Къ этой статьѣ я надѣюсь вернуться, когда придется подробнѣе говорить о намѣстничествѣ князя Барятинскаго.

IX.

Теперь возвращаюсь къ прерванному разсказу о путешествіи чрезъ Чечню до Моздока.

Утромъ 28 Апрѣля, предъ выѣздомъ изъ Хасавъ-юрта, потребобовалъ меня къ себѣ Романовскій и отъ имени главнокомандующаго предложилъ написать статью для газеты «Кавказъ» о путешествіи по Лѣвому крылу, съ тѣмъ чтобы по пріѣздѣ въ Моздокъ она была ночью готова и могла бы утромъ быть прочитана князю, а затѣмъ отослана въ Тифлисъ для напечатанія.

— Слушаю-съ.

Что-же другого штабсъ-капитанъ и могъ отвѣчать подполковнику, передающему приказанія главнокомандующаго?

Такимъ образомъ, когда въ Моздокѣ, послѣ ужина, всѣ разошлись спать, я долженъ былъ сѣсть за работу и, утомленный безпрерывными переѣздами, неудобствами безалаберной походной жизни, до 3-хъ часовъ утра строчилъ газетную корреспонденцію, въ извѣстномъ офиціозномъ тонѣ. Не успѣлъ я вздремнуть часа два, какъ меня разбудили.

— Пожалуйте къ главнокомандующему; пришелъ ординарецъ.

Чтó за притча? Неужели эта пустяшная статейка въ газету «Кавказъ» такъ его интересуетъ, что онъ въ 6-мъ часу утра требуетъ меня прямо, минуя Романовскаго, которому я долженъ былъ ее предварительно прочитать?

Нечего дѣлать. Вскочилъ, въ нѣсколько минутъ одѣлся, пробѣжалъ наскоро ночное писанье (которымъ остался крайне недоволенъ, какъ очевидно вымученнымъ наборомъ словъ) и отправился къ дому Моздокскаго Ротшильда, Армянина Улуханова (братъ жены Шамиля), гдѣ останавливался главнокомандующій. Доложили, и я тотчасъ былъ потребованъ.

Я уже готовъ былъ развернуть «сочиненіе» и начать читать, когда князь, своимъ особеннымъ, немного въ носъ, снисходительно-повелительнымъ тономъ, сказалъ мнѣ:

— Ночью подали мнѣ доносъ на все управленіе кочующими Ногайцами. Ихъ обираютъ, обкрадываютъ и притѣсняютъ. Я хочу знать, насколько все это справедливо и отправляю васъ теперь же туда, въ степь. Вы вѣдь знаете Татарскій языкъ, и вообще, я увѣренъ, вы отлично это исполните; потребуйте содѣйствія отъ командира Кизлярскаго казачьяго полка. Какъ только соберете всѣ свѣдѣнія, выѣзжайте и догоняйте меня гдѣ я буду—на Кубани, или на Лабѣ.

— Слушаю, ваше сіятельство; а статью для газеты прикажете передать подполковнику Романовскому?

— Да, передайте ему и скажите, чтобы въ Екатериноградѣ, гдѣ мы сегодня будемъ ночевать, прочиталъ мнѣ ее и отослалъ печатать.

Я поклонился и вышелъ, не чувствуя земли подъ собою...

Прежде всего побѣжалъ я къ генералу Евдокимову доложить о полученномъ приказаніи. Николай Ивановичъ выразилъ удовольствіе, что главнокомандующій обратилъ на меня вниманіе и, разрѣшая мнѣ отправляться по назначенію, потребовалъ, чтобы я написалъ ему о результатѣ моего дознанія.

Затѣмъ я передалъ Романовскому черновую статью для газеты, получилъ курьерскую подорожную и черезъ часъ уже мчался назадъ, внизъ по Тереку, окутанный облаками пыли, немилосердно встряхиваемый перекладною телѣгою, но весь погруженный въ соображенія—что́ выйдетъ изъ всей этой, неожиданной для меня, оказіи; погруженный въ разныя пріятныя мечтанія о повышеніяхъ, о возможности перевода въ Тифлисъ, въ число счастливцевъ, составляющихъ свиту главнокомандующаго, о переводѣ тѣмъ же чиномъ въ гвардію, и т. д. и т. д., чуть не до головокруженія... Дальше пошли воспоминанія о другомъ, не менѣе могущественномъ властителѣ Кавказа, князѣ Воронцовѣ, который также меня, маленькаго чиновника, замѣтилъ, отличилъ, давалъ порученія и вѣроятно двинулъ бы выше по службѣ, еслибы не интриги, зависть и обычныя людскія слабости. Мысли толпились массою, перепутываясь то догадками о предстоящемъ, то

оспоминаніями о минувшемъ, то дѣломъ Ногайцевъ. Наконецъ безонная ночь, утомленіе и все это недавнее возбужденіе произвели свое ѣйствіе: глаза слипались, какое-то мучительное состояніе не сна, не ремоты, а горячечнаго полузабвенія, чуть не галлюцинаціи, охватили еня; слышался мнѣ только уныло-монотонный звукъ колокольчика, да зрѣдка какой-нибудь возгласъ ямщика-Ногайца, гнавшаго лошадей скачь. Науръ, Червленная, Щедринъ, все это почти промелькнуло имо меня; я машинально перелѣзалъ изъ телѣги въ телѣгу и чрезъ вѣ версты отъ станціи уже опять впадалъ въ тоже состояніе...

Къ вечеру я добрался до Каргалинки, къ командиру Кизлярскаго азачьяго полка, полковнику Суходольскому, у котораго и остался ноевать, передавъ ему просьбу приготовить къ утру переводчика и лоіадей до перваго Ногайскаго кочевья.

Изъ пребыванія въ станицѣ Каргалинской я помню только, что Суходольскій (котораго я, впрочемъ, встрѣчалъ уже прежде въ Грозой) показался мнѣ столько же похожимъ на командира казачьяго олка, сколько деревенскій пономарь похожъ на кавалергарда... Съ иду — скорѣе всего какой-нибудь непремѣнный засѣдатель нижняго эмскаго суда, а по взглядамъ на дѣла вообще и отношенія къ начальству особенно—человѣкъ вполнѣ «временъ Очаковскихъ и покоенія Крыма», которому слѣдовало сидѣть совѣтникомъ какой-нибудь алаты, въ вицъ-мундирѣ съ бархатнымъ воротникомъ, а не ходить дѣтымъ въ черкеску, съ кинжаломъ на поясѣ, и полкомъ командовать... Въ Грозной былъ саперный офицеръ Давыденко, человѣкъ съ нѣкоорымъ запасомъ остроумія и «злющій на языкъ», такъ онъ Сухоольскаго, пріѣхавшаго въ отрядъ за наградой, прозвалъ «Мурликійкимъ чудотворцемъ»,—что всѣхъ очень разсмѣшило. Теперь однако никакъ не могу сообразить и объяснить, что тутъ было смѣшнаго и строумнаго.) Но дѣло не въ этомъ. Господинъ Суходольскій, которому я азсказалъ сущность даннаго мнѣ порученія, весьма замѣтно принялъ торону Ногайскаго начальства и старался выразить мнѣ, что все это реувеличенія, кляузы, что Ногайцы никогда не пропускаютъ случая аловаться на своихъ приставовъ, и т. п.; что онъ, какъ ближайшій осѣдъ, знаетъ всѣхъ этихъ чиновниковъ и не думаетъ, чтобы они себѣ озволили что-нибудь подобное и, вѣроятно, я самъ, познакомившись ъ ними, приду къ тому же заключенію. Я отвѣчалъ, что былъ бы очень адъ возможности донести главнокомандующему о ложности жалобы, но го буду совершенно безпристрастенъ и постараюсь добиться правды.

Проведя безпокойную ночь, благодаря неугомоннымъ комарамъ, оторыхъ здѣсь, въ низовьяхъ Терека, миріады, я всталъ очень рано

и послѣ чая, усѣвшись на перекладную съ двумя урядниками, знавшими хорошо языкъ Ногайцевъ, уѣхалъ въ степь.

Въ концѣ Апрѣля степь еще не успѣваетъ выгорѣть и потому не наводила обычной тоски и унынія; запахъ травъ, мяты и еще какихъ-то пряныхъ растеній пріятно щекоталъ обоняніе; дышалось легко, и аппетитъ возбуждался скоро. Дорожка пролегала малозамѣтной колеей; кое-гдѣ въ сторонѣ виднѣлись войлочныя кибитки, паслись косяки лошадей; на песчаномъ бурханѣ стоялъ оборванный Ногаецъ-пастухъ, пристально вглядывавшійся своими узкими Монгольскими глазами въ необычное явленіе—тройку съ Русскими сѣдоками; кое-гдѣ, испуганный колокольчикомъ, взлеталъ сѣробѣлый стрепетъ, мгновенно опять падая въ траву; высоко подъ синимъ сводомъ неба, едва замѣтной точкой, плавно описывалъ круги орелъ; солнце начинало припекать, на горизонтѣ все скрывалось за какой-то синевато-сѣрой дымкой...

Вотъ впечатлѣнія, сохранившіяся до сихъ поръ въ моей памяти объ этой поѣздкѣ по степи, не той степи, роскошной, цвѣтущей и благоухающей, которою такъ восхищался Гоголь, а Ногайской, составляющей вступленіе въ Среднеазіятскія безводныя пустыни, съ ихъ сыпучими песками, нестерпимымъ зноемъ и всѣми муками для путника.

Около полудня пріѣхалъ я къ ставкѣ пристава, состоявшей изъ одного небольшаго деревяннаго дома, двухъ-трехъ небольшихъ флигелей и духана, единственныхъ представителей Европейской осѣдлости среди обширнаго кочеваго населенія. Весь этотъ административный штабъ носитъ названіе Терекли-Мектепъ. Самъ приставъ, маіоръ Затрапезный, очевидно былъ уже приготовленъ къ надвигавшейся грозѣ. Онъ вѣроятно зналъ, что Ногайцы рѣшились жаловаться намѣстнику, а можетъ быть изъ Моздока кратчайшимъ путемъ, или даже изъ Каргалинки ночью ему поспѣшили дать знать о моемъ пріѣздѣ. Я засталъ его, повидимому, совершенно спокойнымъ; на мое заявленіе о причинѣ пріѣзда онъ сказалъ, что все это затѣя нѣсколькихъ негодяевъ Ногайцевъ, которыхъ онъ смѣнилъ съ должностей старшинъ за притѣсненія ближайшихъ людей; что въ ихъ жалобѣ нѣтъ ни слова правды, что я могу убѣдиться въ этомъ, разсмотрѣвъ всѣ дѣла его управленія и т. д. Затѣмъ послѣдовало приглашеніе къ обѣду, отъ котораго я отказаться не могъ, не только, чтобы не оскорблять отказомъ, но и потому, что въ такихъ мѣстахъ если не обѣдать у мѣстнаго начальства, значитъ въ буквальномъ смыслѣ голодать: ни за какія деньги ничего достать нельзя. Я попросилъ только разбить мнѣ подальше въ сторонѣ кибитку, ссылаясь на духоту ночью въ комнатѣ; въ сущности же я хотѣлъ избавить и себя, и особенно Ногайцевъ, являющихся ко мнѣ, отъ постояннаго надзора и подслушива-

нія. Г-нъ Затрапезный очень уговаривалъ меня оставаться у него, гдѣ все хорошо устроено, въ ѣкнахъ и сѣтки, и ставни, а въ кибиткѣ будетъ-де не менѣе душно, и скорпіоны попадаются, вообще весьма неудобно; но я остался при своемъ, и послѣ обѣда, верстахъ въ двухъ отъ ставки, мнѣ разбили кибитку, куда я и перевелъ свою резиденцію. Помѣщеніе оказалось прекрасное, просторное; воздухъ отличный; спалось въ немъ такъ, что, безъ сомнѣнія, позавидовалъ бы обладатель роскошнѣйшей спальни въ любомъ дворцѣ.

Благодаря случайному совпаденію моего пріѣзда съ временемъ выбора старшинъ и рѣшенія разныхъ общественныхъ дѣлъ, я недолго ожидалъ прибытія вызванныхъ мною представителей Караногайскаго племени. Дня черезъ два мою кибитку уже окружали нѣсколько сотъ человѣкъ самыхъ типичныхъ Ногайскихъ субъектовъ, тучныхъ, съ лоснящимися лицами, насквозь пропитанныхъ бараньимъ жиромъ, распространяющихъ кругомъ себя особенный, однимъ кочевникамъ лишь свойственный, запахъ.

До ихъ пріѣзда я перечиталъ множество разныхъ дѣлъ и переписокъ приставскаго управленія, да въ сопровожденіи урядниковъ побывалъ въ ближайшихъ, по степи разбросанныхъ, кибиткахъ, разспрашивая о житьѣ-бытьѣ и разныхъ дѣлахъ, въ связи съ занимавшими и меня вопросами. Знаніе Татарскаго языка много облегчало мнѣ сношенія со всякими Кавказскими туземцами; но Ногайцы говорятъ такимъ особымъ нарѣчіемъ, что, безъ помощи казачьихъ урядниковъ я бы многаго не понималъ, хотя меня Ногайцы большею частью хорошо понимали.

Результатомъ моего дознанія было полное убѣжденіе въ справедливости жалобъ, и уже на третій день я замѣтилъ въ маіорѣ Затрапезномъ совершенную перемѣну: онъ не могъ скрыть озабоченности и безпокойства, пересталъ увѣрять меня въ томъ, что это затѣи двухъ-трехъ человѣкъ, а не всего народа, и я видѣлъ, какъ къ нему по двое, по трое безпрестанно призывались тучнѣйшіе, т. е. богатѣйшіе и почетнѣйшіе изъ Ногаевъ. Бывшіе со мною урядники очевидно были недовольны такимъ исходомъ дѣла и старались увѣрять меня, что это-де все народъ кляузный, что они все врутъ и проч., даже иногда рѣшались переводить не совсѣмъ вѣрно, что я однако замѣчалъ и тутъ же обнаруживалъ. Было ли то простое желаніе держать сторону Русскаго человѣка противъ Азіятовъ, или исполненіе чьихъ-либо наставленій, сказать трудно.

Удивительно какъ у насъ вездѣ, по всей Россіи, всосалось это стремленіе не обнаруживать злоупотребленій, прикрыть, оправдать берущихъ и, напротивъ, выставить на растерзаніе жалобщика, донос-

чика. Ужъ, кажется, сколько перенесъ народъ отъ всѣхъ этихъ земскихъ ярыгъ, воеводъ, дьяковъ, подъячихъ, всякаго рода приказныхъ, полицейскихъ, судейскихъ и иныхъ, имя же имъ легіонъ, да не одинъ простой народъ въ селахъ, а всѣ вообще, и горожане, торговые люди, и казаки отъ своихъ доморощенныхъ пьявицъ, и духовные отъ консисторій, однимъ словомъ всѣ стороны,—между тѣмъ какъ дойдетъ до разбора, въ девяти случаяхъ изъ десяти примутъ сторону обвиняемаго и постараются его оправдать. Сколько еще и въ новѣйшее время было оглашено дѣлъ о злоупотребленіяхъ уѣздныхъ полицейскихъ и т. п. господъ и почти всѣ присяжными оправданы. Чему приписать такой взглядъ Русскаго народа на взяточничество? Вѣроятно тысячелѣтней привычкѣ и полному убѣжденію, что начальство на то-де и существуетъ, чтобы брать... И еще слава Богу коли по божески беретъ, не послѣднюю шкуру сдираетъ и, взявши, хоть дѣло сдѣлаетъ!

«Кто Богу негрѣшенъ, Царю невиноватъ?» Тутъ и выразилось все міровоззрѣніе на взяточничество.

Такимъ образомъ, съ одной стороны сами служащіе всегда готовы были поддерживать своихъ попавшихся сочленовъ (что̀, впрочемъ, и естественно), съ другой стороны прямое начальство тоже считало какъ бы святою обязанностью прикрыть и защитить своихъ подчиненныхъ, особенно обвиняемыхъ помимо прямаго начальства, задѣтаго этимъ въ самолюбіи, съ третьей стороны народъ благодушно къ обвиняемымъ относился, какъ вообще въ большинствѣ онъ относится къ «*лежачему*», и, прощая обиды, показывалъ въ ихъ пользу... Спрашивается, что̀ удивительнаго, если наказаніе рѣдко постигало виновныхъ, зло продолжало практиковаться, и отъ вкоренившихся порядковъ отвыкаютъ съ такимъ трудомъ и отвыкаютъ еще только въ болѣе видныхъ центрахъ; тамъ же, вдали, въ Сибири или на другихъ окраинахъ, по видимому, и не начали отвыкать...

Исполнивъ данное мнѣ порученіе и составивъ тутъ же донесеніе главнокомандующему, я распрощался съ Терекли-Мектепомъ, съ Карагайцами, съ бараниной—единственной пищей въ теченіи нѣсколькихъ дней (отъ которой мнѣ просто претить стало), отправилъ урядниковъ къ г. Суходольскому съ благодарственнымъ письмомъ и, усѣвшись въ любезно предложенный мнѣ г. Затрапезнымъ тарантасъ, 9 Мая уѣхалъ напрямикъ, степью, въ Моздокъ, откуда на курьерскихъ поскакалъ дальше, чрезъ Ставрополь, на Кубань, гдѣ разсчитывалъ встрѣтить князя Барятинскаго.

Вотъ подлинное мое донесеніе.

По волѣ вашего сіятельства, я былъ командированъ въ Караногайскія степи, для дознанія истины доноса, сдѣланнаго Ногайцемъ Эліасомъ

Аджіевымъ, о злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ, чинимыхъ народу приставомъ маіоромъ Затрапезнымъ.

По заведенному обычаю, въ началѣ Мая мѣсяца каждаго года Караногайцы собираются въ Терекли-Мектепъ (приставскій станъ) для выбора головъ, старшинъ и другихъ должностныхъ лицъ, а равно для рѣшенія всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, я имѣлъ случай видѣть весь почти Караногайскій народъ и узнать степень справедливости доноса Эліаса Аджіева.

На всѣ мои вопросы, самые почетные Ногайцы и весь собравшійся народъ единогласно объявили, что показаніе Эліаса не только совершенно справедливо, но не заключаетъ еще и 5-й доли тѣхъ жестокихъ злоупотребленій, которыя дѣлаютъ пристава—подполковникъ Шейхъ-Али и маіоръ Затрапезный, а также ихъ помощники, переводчики и даже писаря.

Подъ предлогомъ отыскиванія корчемной соли, съ Ногайцевъ берутъ штрафы по 200 и болѣе рублей, смотря по состоянію; ко мнѣ являлось до 10 человѣкъ, со слезами на глазахъ объявлявшихъ объ этихъ поборахъ. По жалобамъ нѣкоторыхъ, заведены приставомъ, для соблюденія формальности, слѣдственныя дѣла; но этимъ порядкомъ, само собою, удовлетворенія никто не получаетъ. Вообще, какъ видно было изъ жалобъ Ногайцевъ, они дѣйствительно до крайности стѣснены дѣйствіями корчемной стражи солянаго откупа, потворствуемой мѣстными властями.

Что касается поборовъ, дѣлаемыхъ за кочеваніе на Кумѣ, въ дачахъ спорныхъ съ Калмыками, всѣ подтвердили показаніе Эліаса.—Тоже самое сказали Ногайцы и въ отношеніи притѣсненій, дѣлаемыхъ имъ на ярмаркахъ и въ отношеніи сбора съ нихъ приставомъ въ свою пользу овецъ, лошадей и скота. Кромѣ маіора Затрапезнаго, дѣлаютъ это и помощникъ его Чхейдзе, и переводчики какъ его, такъ и главнаго пристава, и даже отъ ихъ имени торгующій при ставкѣ Армянинъ Григорій Аслановъ, принимающій, сколько я могъ замѣтить, весьма дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія. У всѣхъ этихъ лицъ на Караногайской степи пасутся табуны и стада, слишкомъ убѣдительно доказывающіе истину.

Выборы должностныхъ лицъ дѣлаются тоже подъ вліяніемъ приставовъ; избираются всегда люди состоятельные, платящіе за это значительныя суммы, пополняемыя послѣ жестокими поборами съ бѣднаго народа.

Однимъ словомъ, показаніе Эліаса Аджіева было подтверждено всѣмъ обществомъ, которое не только не порочило его поведенія, но объявило, что именно за его смѣлыя и откровенныя слова противу притѣсненій мѣстныхъ начальствъ, онъ несправедливо подвергается разнымъ угнетеніямъ и приговоренъ, по настоянію пристава, къ выселенію изъ общества.

Кромѣ обстоятельствъ, изложенныхъ въ представляемомъ при семъ показаніи Эліаса, общество подало мнѣ бумагу (у сего прилагаемую) съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ злоупотребленій. Здѣсь открылось одно новое, весьма важное обстоятельство. Съ нихъ собираютъ каждогодно по *семи тысячъ* руб. сер. на содержаніе въ 4-хъ пунктахъ 120 подставныхъ лошадей, для разъѣздовъ пристава, его помощника, переводчиковъ и разсыльныхъ. Не смотря на такой огромный общественный сборъ, при разъѣздахъ этихъ лицъ, у Ногайцевъ ловятъ въ табунахъ лошадей, гоняютъ ихъ на большое разстояніе, по неизвѣстнымъ имъ надобностямъ, не только безъ всякой за то платы, но даже безъ удовлетворенія за павшихъ или испорченныхъ лошадей.

Почтительнѣйше донося обо всемъ этомъ вашему сіятельству, считаю долгомъ доложить, что строгое формальное изслѣдованіе можетъ открыть всѣ подробности тѣхъ злоупотребленій и притѣсненій, на которыя Ногайцы,

жалуются. Безъ этого конечно, трудно удостовѣрять ихъ справедливость; но смѣю сказать, что столь единодушныя жалобы болѣе 600 человѣкъ, съ которыми я говорилъ, едва ли могутъ бросать еще тѣнь сомнѣнія на ихъ истину, въ особенности если принять въ соображеніе, что приставъ получаетъ въ годъ содержанія 300 р., а издерживаетъ на одну канцелярію свою, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, до *двухъ тысячъ* рубл. сер. въ годъ.

При всей боязни мщенія со стороны мѣстныхъ властей, Ногайцы, только въ надеждѣ на защиту правительства и устраненіе злоупотребленій на будущее время, рѣшились объявлять свое настоящее положеніе, громко выражая неудовольствіе на приставовъ, которые сами дѣлаютъ злоупотребленія и потворствуютъ въ этомъ случаѣ своимъ помощникамъ и переводчикамъ-Армянамъ, поселившимся въ степи, съ видимою цѣлью наживаться.

№ 135.
9 Мая 1857 года
Терекли-Мектепъ.

Проскакавъ по адской дорогѣ, усѣянной камнями сухой грязи, ухабами, рытвинами и всѣми прелестями нашихъ грунтовыхъ дорогъ болѣе 500 верстъ, я на другой день ночью пріѣхалъ въ Усть-Лабу, гдѣ отъ смотрителя почтовой станціи узналъ, что главнокомандующаго ожидаютъ утромъ въ штабъ-квартирѣ Ставропольскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ старой крѣпости, верстахъ въ трехъ отъ станціи.

Воспользовавшись оставшимися до утра нѣсколькими часами, я легъ на столѣ и проспалъ какъ убитый до 7 часовъ; затѣмъ, переодѣвшись по формѣ, отправился въ полковой штабъ и представился полковому командиру полковнику Моренцу (котораго встрѣчалъ когда-то въ Воронцовскія времена въ Тифлисѣ, гдѣ онъ служилъ въ корпусномъ штабѣ), суетившемуся у почетнаго караула.

Часовъ въ 11 со стороны Екатеринодара появился поѣздъ, сопровождаемый нѣсколькими сотнями Черноморскихъ казаковъ. Князь Барятинскій, выйдя изъ коляски, осмотрѣлъ почетный караулъ, составленный изъ видныхъ, отлично одѣтыхъ людей, маршировавшихъ превосходно; но—нашего «лѣвофланговаго», т.-е. Кабардинскаго шику, этой своеобразной молодцоватости, воинственности, этой массы Георгіевъ на груди, здѣсь не было. Самое «здравія желаемъ, ваше сіятельство» и ура были вовсе не то, что̀ раздавалось у насъ, въ Чечнѣ...

Обойдя всѣхъ выстроившихся офицеровъ, князь на самомъ концѣ вдругъ замѣтилъ меня.

— Какъ, вы уже здѣсь?

«Точно такъ, ночью пріѣхалъ».

— Исполнили порученіе?

«Исполнилъ ваше сіятельство».

— Ну, пойдемте, разскажите, въ чемъ дѣло.

Войдя вслѣдъ за княземъ и свитой въ залу дома полковаго командира, я въ числѣ разныхъ лицъ замѣтилъ совершенно незнакомаго мнѣ генерала въ свитскомъ мундирѣ. На вопросъ мой, обращенный къ адъютанту главнокомандующаго князю Гр. Грузинскому—кто этотъ генералъ, онъ отвѣчалъ: начальникъ главнаго штаба Милютинъ (Дмитрій Алексѣевичъ ѣхалъ тогда изъ Петербурга къ своей должности въ Тифлисъ, встрѣтилъ князя Барятинскаго между Моздокомъ и Ставрополемъ и присоединился къ поѣзду). Я давно съ особымъ уваженіемъ относился къ извѣстному автору знаменитой «Исторіи войны 1799 г. въ Италіи» и потому съ понятнымъ вниманіемъ разсматривалъ нашего новаго начальника штаба, произведшаго на меня самое пріятное впечатлѣніе совершеннымъ отсутствіемъ того особеннаго «генеральства», которымъ отличается большинство превосходительствъ.

Князь Барятинскій, обратясь къ Дмитрію Алексѣевичу, сказалъ: «вотъ капитанъ З., котораго я посылалъ въ Ногайскія степи съ особымъ порученіемъ».

— Очень радъ познакомиться, сказалъ Д. А., подавая мнѣ руку. Въ чемъ заключалось ваше порученіе?

Въ залѣ было много постороннихъ лицъ, и потому я ограничился краткимъ отвѣтомъ, что нужно было удостовѣриться въ справедливости жалобы, поданной князю на мѣстное управленіе и что у меня приготовленъ письменный докладъ.

Дмитрій Алексѣевичъ доложилъ главнокомандующему, что такъ какъ сейчасъ нужно садиться за завтракъ, а послѣ спѣшить выѣздомъ въ станицу Тенгинскую, чтобы доѣхать за свѣтло, то не прикажетъ ли онъ мнѣ ѣхать туда же и вечеромъ сдѣлать подробный докладъ? Князь согласился и тутъ же отдалъ приказаніе полковнику Моренцу позаботиться объ моемъ путешествіи.

Такимъ образомъ, я совершенно неожиданно очутился въ поѣздѣ главнокомандующаго на Правомъ крылѣ Кавказской линіи.

Переѣхавъ чрезъ Кубань на паромѣ, мы не вдалекѣ были встрѣчены командиромъ Лабинской казачьей бригады генералъ-майоромъ Войцицкимъ, и съ этого пункта началось торжественное шествіе.... Г. Войцицкій оказался мастеромъ, предъ которымъ наши встрѣчи на Лѣвомъ крылѣ являлись весьма мизерными: нѣсколько сотенъ казаковъ гарцовали и джигитовали всю дорогу; въ станицахъ раздавался колокольный звонъ и пушечная пальба; толпы бабъ и дѣвокъ бѣжали впереди и рядомъ съ экипажемъ князя, усыпая путь цѣлыми массами зелени и полевыхъ цвѣтовъ; ура гремѣло, не смолкая!...

Въ станицѣ Тенгинской, гдѣ не оказалось ни одного такого обширнаго помѣщенія, въ которомъ можно было бы усадить всѣхъ обѣдать, устроили родъ навѣса изъ вѣтвей съ зеленью и угостили обѣдомъ на славу. Шампанское лилось рѣкою, самыя дорогія вина, тончайшія яства и проч. подавались въ изобиліи. Кругомъ толпились казаки, казачки, солдаты; все это кричало ура; шумъ, выстрѣлы, музыка.... Послѣ обѣда князь ушелъ въ домикъ, гдѣ былъ устроенъ его ночлегъ; толпа окружила и это мѣсто, продолжая свои возгласы. Стоило князю подняться со стула, что̀ сейчасъ замѣчалось въ окна, раздавалось безконечное ура! такъ что наконецъ послѣдовало рѣшительное приказаніе удалить толпу и водворить тишину. Не думаю, чтобы былъ тогда хоть одинъ человѣкъ, не исключая, конечно, самого князя Барятинскаго, который бы не видѣлъ всей искусственности этихъ якобы народныхъ восторговъ....

Часу въ девятомъ вечера потребовали меня къ главнокомандующему и, въ присутствіи Д. А. Милютина, я послѣ нѣсколькихъ словесныхъ объясненій, прочиталъ вышеприведенное донесеніе.

— Что же вы полагаете нужнымъ сдѣлать? спросилъ меня князь.

«Полагаю, ваше сіятельство, что необходимо назначить формальное слѣдствіе, поручивъ его особой коммиссіи изъ лицъ, которыхъ вамъ угодно будетъ назначить, а между тѣмъ устранить приставовъ отъ должностей; потому что пока они на своихъ мѣстахъ, Ногайцы будутъ опасаться давать правдивыя показанія».

— Не слишкомъ ли это строго будетъ?

«Я только осмѣлился выразить мое мнѣніе, полагая, что это въ интересѣ открытія истины».

— Кого же бы намъ назначить въ слѣдственную комиссію? Не поручить ли предсѣдательство командиру Кизлярскаго полка Суходольскому, какъ ближайшему сосѣду?

«Какъ будетъ угодно вашему сіятельству. А быть можетъ предоставить назначеніе Ставропольскому губернатору, которому Ногайское управленіе подчиняется, прибавивъ жандармскаго штабъ офицера?»

— Хорошо; сдѣлайте на своемъ рапортѣ надпись, что я поручаю Ставропольскому губернатору назначить слѣдствіе, съ участіемъ жандармскаго штабъ-офицера, и полагалъ бы предсѣдателемъ комиссіи назначить полковника Суходольскаго, устранивъ между тѣмъ приставовъ отъ должностей.

Когда надпись была сдѣлана и княземъ тутъ же подписана, онъ приказалъ мнѣ на другой же день ѣхать въ Ставрополь, передать дѣло губернатору, объяснить ему словесно подробности и затѣмъ

виться въ Пятигорскъ, куда князь Барятинскій намѣренъ былъ прибыть изъ-за Лабы, послѣ осмотра Майкопа и другихъ пунктовъ, предназначенныхъ къ занятію войсками.

На другое утро, предъ выѣздомъ изъ Тенгинской, главнокомандующій принималъ лицъ, возвращавшихся въ Усть-Лабу; въ числѣ ихъ представлялся и я. Князь очень любезно подалъ мнѣ руку, поблагодарилъ за исполненіе порученія и прибавилъ: «такъ я васъ увижу въ Пятигорскѣ».

Вскорѣ Тенгинская опустѣла, и только валявшіеся на площади запыленные вѣнки, цвѣты, вѣтки напоминали о шумномъ торжествѣ; все мѣстное начальство, торчавшее цѣлые сутки на вытяжку на всѣхъ углахъ, вдругъ исчезло, и я, едва-едва, послѣ настойчивыхъ требованій, добился, чтобы привели мнѣ лошадей. Чрезъ Вознесенскую и Темиргоевскую до Тифлисской пробрался я безъ всякаго конвоя благополучно, хотя въ послѣднюю пріѣхалъ уже почти ночью. Къ утру я былъ въ Ставрополѣ.

Ставропольскимъ губернаторомъ былъ тогда Петръ Александровичъ Брянчаниновъ (братъ извѣстнаго архіепископа Игнатія), человѣкъ умный, образованный, серьезный. Я объяснилъ ему подробно всю суть дѣла, передалъ мой рапортъ съ резолюціею намѣстника и получилъ отъ него заявленіе, что онъ немедленно назначитъ слѣдственную комиссію, согласно желанію князя, подъ предсѣдательствомъ полковника Суходольскаго *).

У г. Брянчанинова я встрѣтился съ Г. К. Властовымъ, бывшимъ Кабардинцемъ, бросившимъ почему-то военную службу и въ чинѣ надворнаго совѣтника назначеннымъ для особыхъ порученій къ намѣстнику. Въ Ставрополь Г. К. Властовъ пріѣзжалъ тогда по какому-то слѣдственному дѣлу, касавшемуся права на рыбныя ловли въ низовьяхъ Терека, или на какія-то спорныя земли между казаками и Кумыкскими князьями. Мы были знакомы съ 1855 года, когда я пріѣзжалъ въ укр. Куринское разслѣдовать злоупотребленія при раздачѣ провіанта мирнымъ Чеченцамъ (о чемъ разсказано во II-мъ томѣ), а Властовъ командовалъ тамъ 2-мъ батальономъ Кабардинскаго полка.

Разговорившись о моемъ Ногайскомъ порученіи и приказаніи князя явиться въ Пятигорскъ, мы условились ѣхать туда вмѣстѣ, что для меня вдвойнѣ было пріятно: во первыхъ, Георгій Константиновичъ Властовъ прекрасный человѣкъ и пріятный собесѣдникъ; во вто-

---

*) Кажется, благодаря этому предсѣдательству, слѣдствіе приняло такое направленіе, что результатовъ почти никакихъ не послѣдовало. Тогда только я вспомнилъ, какъ г. С., при нашемъ свиданіи, уже заявлялъ свои симпатіи къ Ногайскимъ администраторамъ...

рыхъ, у него былъ тарантасъ, и я, такимъ образомъ, избавлялся хоть на нѣкоторое разстояніе отъ инструмента пытки, называемаго «перекладною».

Въ Пятигорскѣ мы узнали, что князь Барятинскій наканунѣ прибылъ въ Кисловодскъ, гдѣ намѣренъ былъ остаться дня два. Поэтому мы тотчасъ же поѣхали туда и часу въ пятомъ представились князю, жившему въ домѣ Реброва, гдѣ всегда и князь Воронцовъ останавливался; это извѣстный домъ, описанный Лермонтовымъ въ «Героѣ нашего времени», нынѣ развалины.

Принятъ я былъ княземъ опять самымъ внимательнымъ образомъ; подробный докладъ о передачѣ дѣла губернатору и проч. вызвалъ благодарность.

На другой день главнокомандующій выѣхалъ въ Пятигорскъ, гдѣ ему давали обѣдъ, а вечеромъ, при живописнѣйшей иллюминаціи въ Елисаветинской галереѣ, былъ танцовальный вечеръ. Видъ оттуда, ночью, на вырисовывавшіяся рѣзкими очерками горы и у подножія мерцавшіе огни дѣйствительно былъ прекрасенъ.

Въ Пятигорскѣ мы застали и генерала Евдокимова. Князь Барятинскій выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Владикавказъ чрезъ Нальчикъ, т. е. чрезъ Кабарду; а большинству свиты, въ томъ числѣ и мнѣ, приказано было ѣхать почтовой дорогой, чтобы не встрѣтилось въ одномъ направленіи недостатка въ лошадяхъ.

Изъ Владикавказа, послѣ ночлега, главнокомандующій уѣхалъ въ Тифлисъ, а мы возвратились въ Грозную къ обычнымъ занятіямъ и дѣламъ, нарушеннымъ для меня такими неожиданными приключеніями.

(Продолженіе будетъ).

Изъ письма Михаила Петровича Погодина

къ издателю „Русскаго Архива“.

(Декабрь 1870 года).

„Записка Карамзина о древней и новой Россіи“, съ 1836 года ходившая по ру-ѵмъ въ спискахъ и позднѣе напечатанная въ чужихъ краяхъ, впервыя появилась въ ечати въ полномъ своемъ видѣ въ Р. Архивѣ лишь въ 1871 году, т.-е. черезъ 60 лѣтъ ослѣ того какъ она была написана. Она была отпечатана для послѣднихъ книжекъ . Архива 1870 года; но тогдашній начальникъ цензурнаго вѣдомства, генералъ-маіоръ . Р. Шидловскій распорядился задержаніемъ ея, и съ Ноября по Мартъ она лежала го-овая къ уничтоженію. Покойный Государь Александръ Николаевичъ разрѣшилъ ее вы-пустить, по представленію графа А. В. Адлерберга. П. Б.

Съ глубокою грустью прочелъ ваше извѣщеніе о запрещеніи Записки Карамзина, любезный Архивъ! Наша бѣда въ томъ, что дѣ-ами литературы (которая сдѣлалась нынѣ мудренѣе всякаго другаго вѣдомства, имѣя свои игольчатыя ружья и армстронговы пушки) правляютъ люди, можетъ быть честные, благородные, преданные, но не имѣющіе понятія объ ея новомъ положеніи и объ ея дѣйствіяхъ. Пусть дадутъ въ управленіе нашему брату какой-нибудь полкъ или механическую фабрику,—ну что̀ мы сдѣлаемъ съ нею? Въ годъ ихъ не узнаютъ. Такъ и наши верховные цензоры. Потому они и позволяютъ богохульствовать, христопродажничать, проповѣдывать развратъ, ругать Карамзина, а Записку его, которой чище, выше, благороднѣе, нѣтъ ничего въ Русской литературѣ, да и во всякой другой, они останавливаютъ торжественно. Дѣло идетъ вѣроятно изъ-за строкъ объ императорѣ Павлѣ, но вѣдь все это извѣстно и переизвѣстно, и напечатано за границею въ сотнѣ изданій, гораздо грубѣе, жестче, безпощаднѣе. Притомъ этому прошло уже почти сто лѣтъ. Архивъ читаетъ не толпа, а образованные люди, да и въ какомъ количествѣ! Записку надо бы напечатать именно теперь золотыми буквами, даже въ ихъ смыслѣ, чтобъ молодежъ увидѣла значеніе Русскаго самодер-

жавія и поразмыслила о томъ, что человѣкъ, такой какъ Карамзинъ, говорившій такъ съ самодержавнымъ Государемъ, стоялъ все таки за него!

Видя нехорошее направленіе въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ изданіяхъ, увлекающихъ молодежъ, я бросилъ, во время оно, всѣ свои занятія и принялся за біографію Карамзина, чтобы выставить его въ настоящемъ свѣтѣ, документально, какъ идеалъ Русскаго человѣка, гражданина, писателя; работалъ два года до обмороковъ, до сотрясенія мозга, и долженъ былъ ѣхать потомъ въ Швейцарію на лѣто и лѣчиться, и вотъ дожилъ до того, что Карамзина публично, въ Петербургской академической газетѣ, называютъ подлецомъ, также въ назиданіе молодежи, а моего изданія выписали три экземпляра учебныя заведенія, изъ которыхъ первое—ветеринарное въ Дерптѣ!! О tempora, o mores! Слава Богу, что Катерина Николаевна *) скончалась, а то ее постигнулъ бы ударъ при этомъ позорѣ.

Пособить вамъ и посовѣтовать ничего не могу. Еслибъ взялся кто объяснить подробно это важное даже въ государственномъ смыслѣ дѣло самому Государю, то онъ разумѣется тотчасъ рѣшилъ бы его по внушенію того духа, который внушилъ ему уже такъ много великаго и добраго,—но гдѣ же такой человѣкъ? Около него много людей, можетъ быть, хорошихъ; но нѣтъ Жуковскаго, Дашкова, Блудова, Карамзина, даже Уварова, Дмитріева, то есть нѣтъ людей, принимающихъ къ сердцу литературу и понимающихъ нынѣшнее ея положеніе, готовыхъ говорить правду безъ всякихъ соображеній....

СТИХОТВОРНАЯ ХРОНИКА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1861 — 1863.

I.

Ода къ ректору.

Подражаніе Ломоносову.

Извлечено изъ рукописнаго сборника. Сборникъ этотъ раздѣленъ на двѣ части: рвая называется „Времена Аркадскія“, когда ректоромъ былъ Аркадій Алексѣевичъ ьфонскій; второе „Времена Историческія“, когда начались въ университетѣ „исторіи“. инѣшнее поколѣніе, позабывшее Ломоносовскую оду (которая нѣкогда печаталась на рвомъ мѣстѣ во всѣхъ христоматіяхъ) не можетъ вполнѣ оцѣнить веселое остроуміе жеслѣдующей оды, гдѣ повторены самыя выраженія изъ „Подражанія Іову“. П. Б.

1.

О ты, что̀ въ горести напрасно
Такъ сильно ропщешь на Совѣтъ,
Аркаша, ректоръ мой прекрасный,
Внемли сей праведный отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ передъ тобою
Нашъ попечитель Исаковъ
Музѐи дерзкою рукою
Перенести ужъ былъ готовъ? [1])

---

[1]) Николай Васильевичъ Исаковъ, которому Москва обязана образованіемъ, устройвомъ и ученымъ обогащеніемъ Публичнаго Музея (въ Пашковскомъ домѣ), именно въ это ема полагалъ полезнымъ перенести въ него, для болѣе общаго пользованія, нѣкоторые изъ иверситетскихъ кабинетовъ; мысль эта оставлена имъ безъ исполненія. Попечительство . В. Исакова было одною изъ свѣтлыхъ эпохъ Московскаго университета.

2.

Гдѣ былъ, какъ тотъ-же попечитель
Невинность самую попралъ,
Отъявъ Иванова обитель,
И самого его изгнавъ? [2])
Твоей ли хитростью слагаетъ
Намъ протоколы Жигаревъ? [3])
Не самъ ли ихъ онъ сочиняетъ,
А ты подписывать готовъ?

3.

Возмогъ ли ты, хотя однажды,
Рѣчь Армфельда остановить,
Иль помѣшать ему, чтобъ дважды
Не могъ онъ тоже повторить? [4])
Когда придумаетъ онъ фразы.
И самъ собою увлеченъ,
Возмогъ ли ты отъ сей заразы
Избавить нашъ синедріонъ?

4.

Ты можешь ли Левіаѳана,
Который, отправляясь въ путь,
Такъ славно торговалъ Пастраной,
Умнѣе сдѣлать какъ нибудь? [5])
Широкъ онъ спереди и сзади,
И страшенъ Шерстопятскій [6]) ревъ...
Возмогъ ли ты, о мой Аркадій,
Ему внимать, не присмирѣвъ?

5.

Взгляни еще на бегемота,
На дальній, типографскій дворъ: [7])
Ему глаголица—охота,
И по-древлянски онъ остеръ.

---

[2]) Въ то время ревизовались университетскія зданія и сокращались казенныя помѣщенія служившихъ при университетѣ лицъ.

[3]) Секретарь университетскаго Совѣта.

[4]) Даровитый и словоохотливый профессоръ Судебной Медицины Александръ Осиповичъ Армфельдъ былъ наклоненъ въ тавтологіи.

[5]) Профессоръ анатоміи, Иванъ Матвѣевичъ Соколовъ (добрѣйшій человѣкъ, отличавшійся атлетическою наружностью) долженъ былъ отложить поѣздку свою въ чужіе края по поводу дѣла, возникшаго между анатомическимъ театромъ и мужемъ извѣстной Юліи Пастраны, который отказывался вполнѣ заплатить издержанныя театромъ деньги на препарированный по его заказу трупъ ея.

[6]) Одно изъ миѳическихъ названій И. М. Соколова, которое иные принимаютъ ошибочно за цѣлаго, живаго доцента. *Примѣчаніе сочинителя.*

[7]) О. М. Бодянскій въ это время былъ директоромъ университетской типографіи.

Разнообразное строенье
Являетъ въ членахъ мудрый звѣрь.
Пойми его тѣлосложенье
И остроуміе измѣрь!

6.

Смотри и виждь инаго звѣря......

7.

Сиди-жъ безъ жалобъ, не тоскуя,
Чтó бъ ты въ Совѣтѣ ни нашелъ,
О вздорѣ ли благовѣствуя,
Звучитъ Добрынина глаголъ,
Или, мірской подобясь сходкѣ,
Въ одинъ всѣ голосъ говорятъ,
И силой ни ума, ни глотки
Не одолѣешь сей набатъ.

8.

Когда, среди погоды ясной,
Встаетъ въ Совѣтѣ ураганъ,
Ты только молвишь: „и прекрасно!“ [8])
И это слово есть обманъ!
Но утлымъ челномъ засѣданій
Ты править никогда не могъ,
Хотя и держишь въ слабой длани
Ты повелительный звонокъ!

9.

Сіе, Аркадій, разсуждая,
Познай законы здѣшнихъ мѣстъ,
И утромъ звѣзды надѣвая,
Надѣнь терпѣнья также крестъ [9]).
И будешь ректорскую долю
Влачить безъ всякаго труда,
Лишь грозную Совѣта волю
Чти и въ Ивановѣ всегда.

25-го Ноября 1861 г.

---

[8]) Обыкновенное присловье покойнаго ректора.

[9]) А. А. Альфонскій (человѣкъ почтенный и во многихъ отношеніяхъ заслужив- благодарную память Московскаго университета) обыкновенно украшалъ себя бѣлымъ тукомъ и регаліями съ ранняго утра и тогда же начиналъ обходить свое вѣдомство.

II.

Когда съ вершины Капитольской
Гремѣлъ рѣчами Цицеронъ,
Ужели также какъ Никольскій [10])
Собою любовался онъ?
И если также рѣчью длинной,
Изъ самолюбья, онъ томилъ:
То какъ же вмѣстѣ съ Катилиной
Онъ и Сенатъ не уморилъ?

22-го Декабря 1862 г.

III.

Подражаніе Лермонтову.

„Въ полдневный зной, въ долинѣ Дагестана".

Въ полдневный часъ, въ совѣтской круглой залѣ,
Съ тоской въ груди, сидѣлъ я недвижимъ....
Еще слова Никольскаго звучали,
И всѣ безмолвно тяготились имъ.

Но я одинъ былъ сокрушенъ тоскою.
Вокругъ меня никто не унывалъ,
И лишь порой, голодною душою,
Свой часъ обѣда Брашманъ вспоминалъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
У ректора [11]) великолѣпный балъ:
Среди купчихъ съ нелѣпными чепцами,
Никольскій нашъ отважно танцовалъ.

Но у него однѣ плясали ноги,
Душа была отъ польки далека,
И ликъ его, величественно-строгій,
Глубокая отмѣтила тоска.

И снилася ему Совѣта зала:
Пока рѣчами нагонялъ онъ страхъ,
Все близъ него рука одна писала,
И чуялъ онъ пародію въ стихахъ!

26 Октября 1863.

---

[10]) Профессоръ юридическаго факультета.

[11]) Это стихотвореніе взято изъ втораго отдѣленія, относящаго ко времени послѣ ректорства Альфонскаго.

Книги, продающіяся въ Конторѣ Русскаго Архива.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ. Воспоминанія А. Л. Зиссермана. Спб. 1879. Двѣ части. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. М. 1885. 360 стр. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 25 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique. Moscou et St-Petersbourg. 1813—1819. (Историческая переписка Кристина и княжны Туркестановой между Москвою и Петербургомъ). Три тома. Цѣна 5 р. съ пер.

JOURNAL tenu par la princesse Tourkestanow (1818) et LETTRES de Chistin à une dame de sa connaissance 1830—1831. (Журналъ княжны Туркестановой и письма Кристина къ знакомой дамѣ). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

ЗАПИСКИ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА. Полное изданіе безъ пропусковъ. М. 1867. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Записки М. А. Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ. М. 1873. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА. 3-е изданіе. М. 1881. Цѣна 30 к., съ перес. 35 коп.

СТИХОТВОРЕНІЯ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА. Новое изданіе, значительно дополненное. М. 1883. Цѣна 50 к., съ перес. 55 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО. Первое общедоступное изданіе. М. 1885. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 55 к.

А. С. ПУШКИНЪ. Сборникъ его бумагъ, біографическихъ и другихъ свѣдѣній о немъ, издаваемый „Русскимъ Архивомъ." Два выпуска. Цѣна каждому по 1 р., съ перес. по 1 р. 15 к.

Приводится содержаніе втораго выпуска:

1) А. С. Пушкинъ (1816—1837) Статья князя П. П. Вяземскаго.—2) А. С. Пушкинъ и С. С. Хлюстинъ, ихъ переписка накапунѣ несостоявшагося поединка.—3) Письмо А. С. Пушкина къ П. Я. Чадаеву по поводу его „Философическихъ Писемъ". — 4) Изъ записной книжки Зеленецкаго о Пушкинѣ въ Одессѣ.—5) Изъ рукописей А. С. Пушкина.— 1. Письмо передъ высылкою изъ Одессы.— 2. Письмо по пріѣздѣ въ ссылку.—3. Письмо изъ ссылки Александру Павловичу.—4. Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ.—5. Письмо къ Н. В. Всеволожскому.—6. Наброски въ стихахъ.—7. Критическіе отрывки.—6) Переписка А. С. Пушкина къ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ.—7) О нападеніяхъ на Пушкина. Статья князя В. Ѳ. Одоевскаго.—8) Письмо А. Г. Родзянки къ А. С. Пушкину.—9) Письма Ѳ. А. Туманскаго къ А. С. Пушкину.—10) А. С. Пушкинъ и И. Е. Великопольскій. Ихъ переписка со стихами.—11) Разсказъ Кавказскаго ветерана о Пушкинѣ.—12) Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. — 13) Экспромптъ Пушкина про пьяницу-приказщика.—14) Два автографа Пушкина. Статья М. Н. Лонгинова.—15) Стихи Пушкина на памятникъ одному генералу.—16) Мицкевичъ о Пушкинѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго.—17) О кончинѣ А. С. Пушкина. Записка В. И. Даля.—18) Рѣчи на юбилейномъ Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ 7 Іюня 1881 года:—а) И. С. Аксакова.—б) Издателя Русскаго Архива.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1885 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ съ портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

3.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, Москва, Ермолаевская Садовая, въ домѣ № 175-мъ продаются слѣдующія книги:

БАРОНЕССА КРЮДНЕРЪ И ЕЯ ПЕРЕПИСКА СЪ КНЯЗЕМЪ А. Н. ГОЛИЦЫНЫМЪ.

Имя г-жи Крюднеръ неразрывно связано съ воспоминаніями объ одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ исторіи нашего отечества. Въ то время, какъ освободившаяся отъ Наполеоновскаго ига Европа привѣтствовала въ лицѣ Русскаго монарха своего избавителя, г-жа Крюднеръ умѣла снискать довѣріе Александра и прославила себя участіемъ, которое принимала въ составленіи Священнаго Союза. Своимъ вліяніемъ на Государя она была обязана тому-же религіозному мистицизму, главнымъ представителемъ котораго въ Петербургскихъ правительственныхъ сферахъ былъ въ ту пору князь А. Н. Голицынъ. Но министръ народнаго просвѣщенія, какъ кажется, никогда не заходилъ далѣе теоретическаго изложенія своихъ мистическихъ грёзъ, между тѣмъ г-жа Крюднеръ постоянно искала практическаго примѣненія тѣхъ истинъ, для проповѣдыванія которыхъ считала себя призванной самимъ Провидѣніемъ. Оттого-то жизнь ея и представляетъ полное драматизма сочетаніе похожденій страстной, дѣятельной и честолюбивой энтузіастки съ подвигами неподдѣльнаго христіанскаго самоотверженія и милосердія.

Юлія Фитингофъ родилась 21-го Ноября 1764 года въ городѣ Ригѣ *). Ея отецъ былъ однимъ изъ богатыхъ представителей стариннаго Лифляндскаго дворянства, а по матери она была внучкой Миниха; отъ него, быть можетъ, она унаслѣдовала грандіозность замысловъ, энергію и стойкость, бла-

*) Самыя подробныя и самыя полныя свѣдѣнія о ея жизни можно найти у Шарля Эйнара *[Vie de Madame de Krudner par Charles Eynard, Paris, 1849]*. Такъ какъ онъ самъ былъ мистикъ и питалъ глубокое сочувствіе къ личности и къ дѣятельности героини своего повѣствованія, то его нельзя заподозрить въ пристрастіи, когда онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности, не совсѣмъ благопріятныя для нашей знаменитой соотечественницы. Сверхъ того много интересныхъ подробностей о г-жѣ Крюднеръ разбросаны у Капфига *[Capefigue, La Baronne de Crudner et l'Empereur Alexandre I]*, у Сантъ-Бёва *[Saint-Beuve, Derniers portraits littéraires, Paris, 1852]*, у Жакоба-Библіофила *[P. L. Jacob Bibliophile, Madame de Krudner. ses lettres et ses ouvrages inédits, Paris, 1880]* и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статьяхъ.

годаря которымъ знаменитый фельдмаршалъ занимаетъ такое блестящее мѣсто въ Русской исторіи XVIII вѣка. Ея воспитаніе было очень небрежное, и она, какъ кажется, не научилась въ родительскомъ домѣ ничему кромѣ способности владѣть Французскимъ языкомъ. Въ 1777 году, когда ей было только тринадцать лѣтъ, она отправилась вмѣстѣ съ своими родителями въ Спа, а оттуда въ Парижъ и въ Лондонъ; но эти поѣздки не оставили никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ на ея умственномъ развитіи: общество г-на Фитингофа состояло исключительно изъ свѣтской аристократіи; воспитаніе дочери онъ ввѣрилъ Француженкѣ-гувернанткѣ, отъ которой она научилась лишь хорошимъ манерамъ и, живя въ Парижѣ, она не пользовалась ничьими уроками, кромѣ уроковъ знаменитаго въ то время учителя танцевъ Вестриса.

Восемнадцати лѣтъ Юлія Фитингофъ вышла замужъ за бар. Крюднера, который былъ человѣкъ умный, образованный, хорошо поставленный по службѣ, но имѣлъ одинъ очень важный недостатокъ—былъ старше ея двадцатью годами. Она согласилась на этотъ бракъ не изъ сердечнаго влеченія къ барону, а изъ желанія занять блестящее положеніе въ обществѣ. „Пусть выдадутъ меня за того, кого я люблю или могла-бы полюбить"; писала она Бернардену-де-Сентъ-Пьеру; „если-же не будутъ справляться съ влеченіями моего сердца, то я по крайней мѣрѣ желаю найти въ моемъ мужѣ все то, чтò могло-бы занимать мою голову и удовлетворять если не мое сердце, то мое тщеславіе". Именно это она и нашла въ баронѣ Крюднерѣ. Тѣмъ не менѣе, въ первые годы супружества, она, повидимому, питала самую искреннюю, сердечную привязанность къ своему мужу. „Вы не можете себѣ представить", писала она Бернардену-де-Сентъ-Пьеру, „какъ я его любила и на чтó я была способна изъ любви къ нему". Когда баронъ Крюднеръ переселился въ Венецію въ должности Русскаго посланника, его жена была занята имъ однимъ: она предпринимала долгія и утомительныя прогулки съ цѣлію набрать для него цвѣтовъ и ягодъ, падала въ обморокъ при видѣ того, что мужъ садился верхомъ на горячую и непослушную лошадь и, чтобъ не разлучаться съ нимъ, сопровождала его въ катаньяхъ по морю, которое внушало ей непреодолимый страхъ. Но разница въ лѣтахъ скоро стала сказываться: г-жа Крюднеръ не находила въ своемъ мужѣ отвѣта на то, чего требовало ея сердце; ея чрезмѣрная чувствительность вызывала со стороны барона лишь хладнокровные и разсудительные совѣты, и она невольно задавалась вопросомъ, можетъ-ли любовь совмѣщаться съ такимъ хладнокровіемъ и благоразуміемъ. Такую любовь, которая вполнѣ отвѣчала требованіямъ ея страстной и мечтательной натуры, она, быть можетъ, невольно внушила служившему при ея мужѣ, молодому секретарю посольства Александру Стахіеву. Молодой человѣкъ долго скрывалъ свою страсть и только по переѣздѣ изъ Венеціи въ Копенгагенъ (куда баронъ Крюднеръ былъ переведенъ въ качествѣ посланника) Стахіевъ рѣшился удалиться, откровенно объяснивъ въ письмѣ къ бар. Крюднеру причину своего отъѣзда. Баронъ Крюднеръ

имѣлъ неосторожность показать это письмо своей женѣ, полагая, что такое доказательство довѣрія укрѣпитъ въ ея сердцѣ чувство долга. Но вышло на оборотъ: письмо Стахіева доказало ей, что она способна внушить ту пылкую страсть, которой жаждало ея сердце и которой она тщетно искала въ своемъ мужѣ. „Съ этой минуты",—говоритъ Эйнаръ,—„она стала одѣваться по модѣ и блестѣть въ обществѣ только для того, чтобъ достигнуть этого блага, лишеніе котораго ей казалось самымъ невыносимымъ несчастіемъ. Стараясь превратить окружавшія ее лесть и ухаживанье въ такое-же чувство, какое она внушала Стахіеву, она воображала, что не впадетъ въ непристойное кокетничанье, а лишь удачно примиритъ требованія своего сердца съ привязанностію къ своему долгу". Въ безплодныхъ поискахъ за тѣмъ, что́ могло-бы удовлетворить ея болѣзненную фантазію, баронесса Крюднеръ занемогла, и было рѣшено, что она отправится для поправленія здоровья въ Южную Францію.

По дорогѣ она заѣхала въ Парижъ. Здѣсь ея интеллигенція впервые предъявила свои права. Она стала сознавать недостаточность своего образованія, стала учиться и искать общества литераторовъ. Она съ жадностью читала только-что вышедшее въ свѣтъ *Путешествіе Молодаго Анахарсиса*, выписывала оттуда и заучивала наизусть длинныя разсужденія о политикѣ и торговлѣ Греціи, присутствовала въ одномъ засѣданіи Французской Академіи и проводила цѣлые дни въ обществѣ Бернардена-де-Сентъ-Пьера. Она воображала, что „любитъ только простыя и естественныя удовольствія, мирныхъ друзей и ровную жизнь,—любитъ только то, что́ любили лучшіе изъ людей и изучаетъ жизнь людей достойныхъ, чтобъ подражать имъ въ своей собственной жизни, любитъ только природу и себя самое въ томъ порядкѣ, какой установленъ этой природой". Однако эта любовь къ природѣ не помѣшала ей издержать, во время трехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ, двадцать тысячъ франковъ на туалеты, которые были заказаны у знаменитой модистки королевы, г-жи Бертенъ. Образъ жизни, который она вела въ Парижѣ, также мало соотвѣтствовалъ тому, что́ она говорила и писала. По словамъ Жакоба-Библіофила, ея красота, умъ, грація и изящество создали для нея нѣчто въ родѣ двора, состоявшаго изъ самыхъ извѣстныхъ представителей политическаго и литературнаго міра; всѣ, у кого было въ душѣ сколько нибудь врожденнаго расположенія къ меланхоліи, мечтательности и благочестію, чувствовали влеченіе къ г-жѣ Крюднеръ и дѣлались ея приверженцами, друзьями и послѣдователями. Тотъ-же писатель говоритъ, что, во время своего пребыванія въ Парижѣ, она находилась въ болѣе чѣмъ дружественной связи сначала съ академикомъ Сюардомъ, которому было уже пятьдесятъ лѣтъ, а потомъ съ пѣвцомъ Гара, и что у ней было много скоропроходящихъ связей этого рода. Обо всемъ этомъ Эйнаръ умалчиваетъ или по незнанію, или по нежеланію компрометировать свою героиню. Однако, описывая пребываніе г-жи Крюднеръ на Югѣ Франціи, онъ говоритъ, что ея здоровье тамъ поправилось, что она весело проводила время, но что у нея уже не было той чи-

стоты мыслей, которая охраняетъ чистоту чувствъ, и что ее обезоружили соблазны нѣжности и очарованія лести; за тѣмъ онъ описываетъ настойчивое ухаживаніе красиваго гусара Фрежвилля за г-жею Крюднеръ и ея паденіе.

Съ тѣхъ поръ ея отношенія къ мужу приняли характеръ холодности и взаимнаго негодованія. Она жила то въ Петербургѣ, то въ своемъ помѣстьѣ въ Лифляндіи, то въ Германіи или Швейцаріи. Она объявила мужу, что ихъ брачныя узы расторгнуты, просила развода, на который онъ не согласился и, наконецъ, рѣшилась возвратиться къ нему въ то время, какъ онъ жилъ въ Берлинѣ въ должности Русскаго посланника. „Мое счастье составляютъ покой, солнце и дружба“, писала она изъ Берлина одной пріятельницѣ, „но я тронута привязанностью г-на Крюднера, желаю сдѣлать его счастіе и попытаюсь, если только у меня достанетъ на то силъ, исполнить то, чего требуетъ долгъ“. Но жизнь въ Берлинѣ была ей не по вкусу, да и красота ея начала уже увядать. „Въ Берлинѣ“, говоритъ ея біографъ, „она какъ будто утратила простоту и изящество, которыя придавали ея наружности такую привлекательность за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Ея волосы еще были прекрасны, но она прикрывала ихъ парикомъ; красноноватыя пятна на лицѣ ясно говорили, что она уже не молода. Но ей все еще хотѣлось казаться молодой, и съ этой цѣлью она придумывала разныя моды, которыя были скорѣе странны, чѣмъ изящны, скорѣе вычурны, чѣмъ граціозны и, возбуждая во всѣхъ удивленіе, никому не нравилась. Не умѣя довольствоваться ролью женщины доброй, любезной и остроумной, она искала утѣшенія въ воспоминаніяхъ о прошломъ, въ которомъ было и столько горечи, и столько очарованій, и искала общества тѣхъ, кто могъ напоминать ей о немъ“. Г-жа Крюднеръ, очевидно, уже начинала сознавать, что для нея кончилась роль хорошенькой женщины, способной внушать сильныя страсти, и съ этихъ поръ въ ней начинаетъ все болѣе и болѣе развиваться та набожность, которая сначала выражалась лишь въ привычкѣ примѣшивать религію и Провидѣніе ко всѣмъ житейскимъ интересамъ, а впослѣдствіи мало по малу перешла въ самую напыщенную религіозную экзальтацію. Русское посольство давало балъ, на которомъ присутствовалъ Прусскій король; во время бала бар. Крюднеръ получилъ депешу, въ которой императоръ Павелъ приказывалъ ему немедленно объявить Пруссіи войну. Удалившись въ свой кабинетъ, онъ взвѣсилъ послѣдствія такой крутой мѣры, рѣшился не исполнять даннаго ему приказанія, а когда гости разъѣхались, изложилъ въ письмѣ къ Императору мотивы своего неповиновенія. Онъ зналъ, что можетъ дорого поплатиться за свою смѣлость и съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстій изъ С.-Петербурга. Императоръ одумался, остался доволенъ образомъ дѣйствій посланника и осыпалъ его наградами. Баронъ Крюднеръ никому не сообщалъ причины столькихъ милостей и въ первый разъ разсказалъ о томъ своей дочери уже по смерти императора Павла. Но г-жа Крюднеръ была такъ ослѣплена на свой счетъ, что когда милости полились на ея мужа, она изъ непонятнаго тщеславія вообразила, будто она была причиной этого благопо-

лучія. Она писала въ это время одной изъ своихъ пріятельницъ: „Сказать-ли вамъ—въ смиреніи моего сердца, потому что, какъ вы знаете, у меня нѣтъ гордости, и можетъ-ли она быть у христіанки?—я думаю, что Богу угодно было благословить моего мужа съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась къ нему. Нѣтъ такихъ милостей и наградъ, которыхъ-бы онъ не получилъ. Почему не подумать, что благочестивое сердце, которое съ простодушіемъ и вѣрой проситъ Небо помочь ему доставить счастіе другимъ, получаетъ то, о чемъ проситъ?“ Однако, не смотря на увѣренность въ матеріальной пользѣ ея молитвъ для г-на Крюднера, она снова покидаетъ его и отправляется сначала на воды въ Теплицъ, а потомъ въ Швейцарію. Тамъ она знакомится съ г-жею Сталь, а по переѣздѣ на зиму въ Парижъ, сходится черезъ посредство г-жи Сталь съ Шатобріаномъ, который дѣлается частымъ ея посѣтителемъ и приноситъ ей первый экземпляръ своего сочиненія *Духъ Христіанства* за два дня до его выхода въ свѣтъ. Живя въ Парижѣ, она узнаётъ о смерти бар. Крюднера (въ Іюнѣ 1802 г.), въ то время, какъ „собиралась усладить его жизнь, облегчить своею нѣжностью бремя его лѣтъ и заставить его позабыть долгое одиночество, въ которомъ онъ жилъ“. За тѣмъ она вполнѣ отдается своему влеченію къ литературной дѣятельности.

Еще года за два передъ тѣмъ она испробовала свои силы на этомъ новомъ для нея поприщѣ: она писала въ подражаніе Ла-Рошфуко изреченія или *максимы*, которыя были нѣсколько разъ изданы подъ заглавіемъ: *Pensées d'une dame étrangère* или *Pensées inédites de Madame de Krudner*, начала писать романъ *Валерія*, но прежде его окончанія издала нѣсколько сантиментальныхъ очерковъ, носившихъ заглавія: *Éliza, Alexis* и *La Cabane de Lataniers.* Теперь она снова принялась за *Валерію* и довела ее до конца. Содержаніемъ романа служитъ страсть, которую она возбудила въ первые годы своего замужества въ молодомъ секретарѣ посольства. Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи, а въ героинѣ романа,—въ этой небесной женщинѣ, чистой до того, что она не понимаетъ бурной страсти, отъ которой на ея глазахъ изнываетъ влюбленный юноша,—она желала изобразить самое себя и этого отнюдь не скрывала. Она подвергала свой романъ критикѣ многихъ образованныхъ людей, тщательно его исправляла и передѣлывала; но ей было не безъизвѣстно, что успѣхъ зависитъ не отъ однихъ внутреннихъ достоинствъ произведенія; а такъ какъ она слишкомъ горячо желала успѣха, то постаралась подготовить его всѣми возможными способами. Она выбрала между своими безчисленными знакомыми и старыми друзьями преданныхъ восхвалителей и патроновъ, которые должны были усердно помогать ей и между которыми фигурировалъ на первомъ планѣ докторъ Гэ. Г-жа Крюднеръ понимала, что для того, чтобъ имѣть успѣхъ, ей надо быть не въ Ліонѣ, гдѣ она жила въ ту пору, а въ Парижѣ, и горѣла нетерпѣніемъ возвратиться туда; но ей хотѣлось, чтобъ ее звали, желали, ожидали, и потому все было употреблено въ дѣло для того, чтобъ создать въ Парижскомъ обществѣ эту потребность въ ея присут-

ствіи или, по меньшей мѣрѣ, чтобъ заставить думать, что эта потребность существуетъ. Здѣсь-то доктору Гэ предстояло выказать свое усердіе. „У меня еще есть одна къ вамъ просьба“,—пишетъ ему г-жа Крюднеръ,—„закажите кому-нибудь, кто хорошо владѣетъ стихомъ, посланіе къ нашему другу Сидоніи (это было имя героини въ *Cabane des Lataniers*, изъ котораго г-жа Крюднеръ сдѣлала свой псевдонимъ). Эти стихи, которые, само собою разумѣется, должны быть въ самомъ лучшемъ вкусѣ, будутъ носить заглавіе *Къ Сидоніи.* Обращаясь къ ней, слѣдуетъ сказать: зачѣмъ живешь ты въ провинціи, зачѣмъ твое уединеніе лишаетъ насъ твоей граціи и твоего ума? Развѣ твои успѣхи не зовутъ тебя въ Парижъ? Тамъ и твоя грація, и твои дарованія возбудятъ то удивленіе, какого они достойны. Намъ уже описывали твой очаровательный танецъ (здѣсь идетъ рѣчь о томъ танцѣ съ шалью, которымъ г-жа Крюднеръ восхищала въ своей молодости и который описанъ у г-жи Сталь въ ея романѣ *Delphine*); но кто можетъ описать все то, чѣмъ ты отличаешься? Другъ мой, я поручаю это вашей дружбѣ; мнѣ стыдно за Сидонію, потому что знаю ея скромность, а вы также знаете, что она нетщеславна; стало быть у меня есть болѣе важныя причины, чѣмъ тщеславіе, чтобъ просить за нее; главное—не позабудьте сказать, что она живетъ въ уединеніи и что только въ Парижѣ она можетъ быть оцѣнена по достоинству. Постарайтесь, чтобъ нельзя было догадаться, что стихи получены отъ васъ. Помѣстите ихъ въ вечерней газетѣ.... Заплатите за ихъ помѣщеніе“. Въ награду за эту услугу г-жа Крюднеръ обѣщаетъ доктору, что постарается составить ему въ Парижѣ такую репутацію, какой онъ достоинъ по своимъ дарованіямъ и добродѣтелямъ. Заказанные стихи были напечатаны, г-жа Крюднеръ переѣхала въ Парижъ и выпустила свой романъ въ свѣтъ въ Декабрѣ 1803 г. Чтобъ привѣтствовать его появленіе, г-жа Крюднеръ употребила въ дѣло всѣ свои баттареи: и преданные друзья, и журналисты, и литераторы, и враги, и завистники—всѣ занялись г-жою Крюднеръ и ея произведеніемъ. Она сама не оставалась въ бездѣйствіи и въ теченіе нѣсколькихъ дней разъѣзжала *incognito* по моднымъ магазинамъ, требуя то шарфовъ, то шляпокъ, то перьевъ, то гирляндъ, то лентъ *à la Valérie.* При видѣ пріѣзжавшей въ каретѣ и изящно одѣтой дамы, торговцы всѣми силами старались удовлетворить ея желанія; а когда озадаченныя ея непонятными требованіями модистки отвѣчали, что у нихъ нѣтъ того, что̀ ей нужно, она благосклонно посмѣивалась надъ ихъ незнакомствомъ съ *Валеріей* и скоро обращала ихъ въ ревностныхъ поклонницъ своего романа. Этимъ способомъ она успѣла возбудить между торговцами такое соревнованіе, что въ теченіе по меньшей мѣрѣ одной недѣли всѣмъ моднымъ товарамъ давали названіе *à la Valérie.* Принимая со всѣхъ сторонъ комплименты объ успѣхѣ романа, баронесса Крюднеръ внутренно смѣялась и говорила сама себѣ: „Въ Парижѣ ничего не добьешься безъ шарлатанства“; но въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ она иначе объясняла свой успѣхъ и, по старой привычкѣ, приписывала его вмѣшательству Провидѣнія. „Успѣхъ *Валеріи* пол-

ный и неслыханный", писала она г-жѣ Арманъ, „мнѣ на дняхъ говорили: въ этомъ успѣхѣ есть что-то сверхъ-естественное. Да, другъ мой, Небу угодно было, чтобъ эти чистыя идеи и мораль распространились во Франціи, гдѣ онѣ мало извѣстны".

Тѣмъ не менѣе, произведеніе г-жи Крюднеръ не было лишено литературныхъ достоинствъ: въ немъ были и изящество слога, и возвышенность идей, которымъ отдавали справедливость знатоки дѣла. Достаточно указать на такого тонкаго критика, какимъ былъ Сентъ-Бёвъ. Когда кто-то снова издалъ въ 1837 году совершенно позабытую во Франціи *Валерію*, онъ рекомендовалъ ее избраннымъ читателямъ, сравнивая ее съ *Дельфиной* г-жи Сталь, съ *Павломъ и Виргиніей* Бернардена-де-Сентъ-Пьера, съ *Ренэ* Шатобріана и даже съ *Вертеромъ* Гёте. Болѣе лестныхъ сравненій, конечно, не могла бы сдѣлать и сама г-жа Крюднеръ. Но у нея былъ одинъ могущественный врагъ, въ которомъ она никакъ не могла побѣдить отвращенія къ *Валеріи*. Наполеонъ, какъ извѣстно, очень любилъ читать романы*). и пробѣгалъ всѣ, какіе выходили въ свѣтъ; на ученаго библіотекаря Государственнаго Совѣта Барбье была возложена обязанность доставлять ему книги для ежедневнаго чтенія. Г-жа Крюднеръ послала первому консулу экземпляръ *Валеріи*. Наполеонъ развернулъ книгу, пробѣжалъ въ ней нѣсколько страницъ и съ пренебреженіемъ бросилъ ее въ сторону. На другой день онъ сказалъ Барбье: „Вы, должно быть, позабыли, что я не люблю романовъ въ письмахъ. Они хороши лишь для женщинъ, которыя не дорожатъ своимъ временемъ". Не получая никакихъ извѣстій о томъ, что̀ сталось съ экземпляромъ, который она послала первому консулу, г-жа Крюднеръ приказала обдѣлать новый экземпляръ въ великолѣпный переплетъ и отправила его въ Тюильрійскій дворецъ вмѣстѣ съ письмомъ, и въ немъ просила Бонапарта принять книгу, „написанную иностранкой, которая считаетъ Францію за отчизну своего сердца". Барбье положилъ и книгу, и письмо на столъ, на которомъ ежедневно складывались всѣ вновь вышедшія сочиненія. Вечеромъ взоры Наполеона остановились на великолѣпно переплетенной книгѣ. Онъ машинально развернулъ первую часть, не замѣчая, что эта книга уже была въ его рукахъ; но, не прочитавъ и четырехъ страницъ, съ нетерпѣніемъ закрылъ книгу. Онъ обратилъ вниманіе только на приложенное къ книгѣ письмо и, познакомившись съ его содержаніемъ, позвонилъ и приказалъ позвать библіотекаря: „Баронесса Сталь", сказалъ онъ, грубо обращаясь къ Барбье, „какъ кажется, нашла себѣ двойника: послѣ *Дельфины*—*Валерія*! Одна сто́итъ другой: одинъ и тотъ-же паѳосъ, одна и таже болтовня. Женщины будутъ приходить въ восторгъ отъ этихъ сантиментальныхъ нелѣпостей. Посовѣтуйте отъ моего имени этой безумной г-жѣ Крюднеръ впредъ писать по-русски

*) *Jacob-Bibliophile, Madame de Krudner, ses lettres et ses ouvrages*, стр. 29. Подъ Абукиромъ Наполеонъ читалъ „Страданія Вертера", о чемъ впослѣдствіи говорилъ самому Гёте.

или по-нѣмецки для того, чтобы избавить насъ отъ этой невыносимой литературы". Барбье былъ человѣкъ вѣжливый и потому не передалъ г-жѣ Крюднеръ столь непріятнаго совѣта, но она узнала обо всемъ чрезъ общихъ знакомыхъ. Она часто встрѣчала генерала Бонапарта въ свѣтскихъ салонахъ, но онъ никогда не обращалъ на нее вниманія, и она его не любила; онъ считалъ ее за *докучливую*, безразсудную женщину, которая могла сдѣлаться *опасной*. Въ этихъ выраженіяхъ онъ отозвался о ней въ разговорѣ съ Жозефиной. Но г-жа Крюднеръ все еще не теряла надежды измѣнить строгій приговоръ властителя Франціи, тщательно передѣлала романъ и въ новомъ изданіи снова отправила его къ Наполеону; но лишь только онъ прочелъ заголовокъ книги, то бросилъ оба тома въ огонь, даже не перелиставши ихъ. „Вы слишкомъ снисходительны къ печатной бумагѣ", сказалъ онъ Барбье, „я впредъ буду безжалостно бросать въ огонь все, чего не стóитъ читать. Женщины, которыя пишутъ, должны бы были избавить меня отъ этого труда, сами побросавъ въ огонь свои произведенія вмѣстѣ со своими устарѣлыми любовными письмами". Вотъ отъ чего, прибавляетъ Жакобъ-Библіофилъ, г-жа Крюднеръ сдѣлалась непримиримымъ врагомъ императора Наполеона.

Этимъ закончилась дѣятельность г-жи Крюднеръ, какъ писательницы, чтобы уступить мѣсто ея дѣятельности въ качествѣ христіанской миссіонерки и проповѣдницы. Но этотъ переходъ совершился не вдругъ, и прошло болѣе двухъ лѣтъ, прежде чѣмъ она рѣшительно вступила на эту новую дорогу. Послѣ блестящаго успѣха *Валеріи*, г-жа Крюднеръ отправилась въ 1804 году въ Лифляндію, чтобы повидаться съ матерью. Но тамъ она скоро стала скучать: ея душевныя силы были какъ бы парализованы климатомъ, отсутствіемъ соревнованія и недостаткомъ симпатіи. Въ то время въ ея душѣ началъ совершаться тотъ переворотъ, который превратилъ страстную и себялюбивую женщину въ самоотверженную христіанку. Ея біографъ, очевидно вполнѣ сочувствующій новому направленію, которое приняла съ тѣхъ поръ ея жизнь, подробно описываетъ эту метаморфозу. До сихъ поръ, говоритъ онъ, г-жа Крюднеръ была всецѣло поглощена эгоистическою любовью къ самой себѣ и обожаніемъ самой себя, и потому все болѣе и болѣе отдалялась отъ Бога. Если она минутами и обращалась къ Нему, то дѣлала это отъ огорченій или отъ скуки, а не отъ раскаянія и не изъ любви къ Нему. Она не понимала, что̀ значитъ отказаться отъ самой себя, нести свой крестъ и идти по стопамъ Іисуса. Вмѣсто того, чтобы отказаться отъ самой себя, она думаетъ только о себѣ; вмѣсто того, чтобы нести свой крестъ, она заботится только о томъ, чтобы избавиться отъ этого бремени. Она иногда пытается возвыситься къ Богу, но не столько изъ смиренія, сколько по внушенію гордости. Она пробуетъ замѣнить пустыя свѣтскія удовольствія душевными наслажденіями только потому, что, разочарованная и упавшая въ своихъ собственныхъ глазахъ, она надѣется найти въ этой перемѣнѣ больше счастія и достоинства. Словомъ, свѣтское тщеславіе, литературные успѣхи,

опьяненіе страстей и религіозная экзальтація были для нея только разнообразными формами единственнаго культа, которому она посвящала всѣ свои способности, и въ которомъ она была въ одно и тоже время и храмомъ, и поклонникомъ, и кумиромъ.

Одно неожиданное происшествіе окончательно навело ее на тотъ религіозный путь, съ котораго она уже не сходила до конца своей жизни. Однажды она смотрѣла въ окно и увидѣла одного изъ своихъ знакомыхъ, который шелъ мимо; онъ поклонился ей, потомъ зашатался и упалъ пораженный апоплексическимъ ударомъ у нея на глазахъ. Его подняли мертвымъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ ея раздражающее кокетство отличало въ толпѣ ея обожателей. Она была поражена этимъ несчастіемъ и провела нѣсколько дней въ глубокой меланхоліи, воображая, что ей ежеминутно грозитъ внезапная смерть. Изъ этого болѣзненнаго душевнаго состоянія ее вывела новая неожиданная случайность, указавшая ей способъ залечить ея душевныя раны. Одинъ Рижскій башмачникъ пришелъ къ ней снимать съ ноги мѣрку; спокойное и веселое выраженіе его лица показалось ей оскорбительнымъ для ея собственной скорби, и она спросила у него, счастливъ-ли онъ? „О, я счастливѣйшій изъ людей!“ отвѣчалъ онъ. Послѣ этого она не могла заснуть въ теченіе всей ночи и безпрестанно повторяла: „Онъ счастливѣйшій изъ людей, а я самая несчастная изъ созданій Божіихъ!“ На другой день она отправилась къ нему съ цѣлію распросить его о причинѣ его счастія, и узнала, что онъ принадлежалъ къ общинѣ Моравскихъ братьевъ. Онъ изложилъ ей свою простую, смиренную и полную жизни вѣру въ Евангеліе. Онъ былъ краснорѣчивъ не силою доводовъ, а увѣренностію въ томъ, во что̀ вѣрилъ. Слушая, какъ онъ говорилъ съ энтузіазмомъ признательности и любви, г-жа Крюднеръ почувствовала какое-то незнакомое ей душевное волненіе. Въ ней пробудилось сознаніе, что она любима, и вмѣсто Бога-мстителя, громовъ Котораго она такъ страшилась, предъ нею какъ будто предсталъ Богъ любви, умирающій для спасенія грѣшниковъ. Найдя утѣшеніе для себя самой, она захотѣла доставить утѣшеніе и всѣмъ тѣмъ, кто еще боролся съ такою-же душевною бурей, изъ которой она вышла невредимой такимъ неожиданнымъ и чудеснымъ образомъ, и въ ней зародилось непреодолимое влеченіе къ проповѣданію тѣхъ истинъ, въ которыхъ она нашла успокоеніе для своей души. Она дѣлала нѣкоторыя слабыя попытки въ этомъ направленіи еще во время своего пребыванія въ Ригѣ, но нашла вполнѣ благопріятную для своей дѣятельности почву лишь въ Германіи, куда отправилась въ 1806 году по предписанію докторовъ, для пользованія водами. Въ Кёнигсбергѣ она встрѣтилась съ Прусской королевой Луизой *), возбудила въ ней сильную къ себѣ симпатію и проводила съ ней цѣлые дни въ военныхъ госпиталяхъ, ухаживая за больными и ранеными. Въ Саксоніи она

*) Эта королева имѣла большое вліяніе на Александра Павловича. Очень вѣроятно, что еще до личнаго знакомства и сближенія онъ зналъ про даровитую піэтистку отъ королевы Луизы, которая могла расположить его въ ея пользу. П. Б.

завязала сношенія съ Моравскими братьями и затѣмъ отправилась въ Карлсруэ къ Юнгу-Штиллингу, который былъ самымъ вліятельнымъ представителемъ мистическаго піэтизма. Въ ту пору массы народа увлекались піэтизмомъ этого рода: имъ проповѣдывали возстановленіе чистаго христіанства, призывали ихъ строить новый Іерусалимъ и основывать тысячелѣтнее царство; а самъ Штиллингъ, заключивъ тѣсный союзъ съ Богомъ, рѣшился вполнѣ подчиниться божескому руководительству и дѣлать только то, чтó будетъ ему указано Провидѣніемъ. Съ тѣхъ поръ онъ считалъ всѣ приключенія своей жизни прямымъ дѣломъ Промысла Божія и сталъ писать сочиненія, которыя все болѣе и болѣе принимали характеръ пророчествъ и духовидѣній. Все это вполнѣ отвѣчало влеченіямъ г-жи Крюднеръ, и она стала во всемъ подражать Штиллингу; но надо отдать ей справедливость въ томъ, что она всегда старалась соединить теорію съ практикой и что ея піэтизмъ всегда выражался въ дѣлахъ христіанскаго милосердія. Приведемъ только одинъ примѣръ. Однажды она увидѣла, что молодая дѣвушка мела улицу и плакала. Она подошла къ дѣвушкѣ и стала распрашивать о причинѣ ея горя. Та разсказала ей, что родилась въ достаткѣ и никогда не воображала, что ей придется исполнять черную работу; но ея родители раззорились, и она была вынуждена идти въ служанки. Тогда г-жа Крюднеръ взяла у нея изъ рукъ метлу и сама стала мести улицу.

Между тѣмъ г-жа Крюднеръ сблизилась съ пасторомъ Фонтенемъ, который славился своимъ религіознымъ усердіемъ и дѣлами христіанскаго милосердія, и которому даже приписывали совершеніе какого-то чуда. Около этого времени Фонтень познакомился съ впадавшей въ экстазы поселянкой Маріей Куммринъ. Это была простая и ограниченная женщина; но когда она впадала въ экстазъ, она вступала въ сношенія съ невидимымъ міромъ, бесѣдовала съ ангелами и получала отъ нихъ велѣнія. Она дѣлала предсказанія, которыя не разъ оправдывались на дѣлѣ и описывала то, чтó происходило на далекомъ отъ нея разстояніи. Между прочимъ она возвѣщала о скоромъ прибытіи г-жи Крюднеръ и говорила о великомъ дѣлѣ, которое ей было суждено совершить. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, г-жа Крюднеръ пріѣхала въ домъ пастора, который встрѣтилъ ее словами. „Ты-ли та, которая должна была придти, или мы должны ожидать другую?“ Ей объяснили смыслъ этихъ словъ и сообщили предсказаніе, сдѣланное на ея счетъ Маріей Куммринъ. Она была поражена удивленіемъ, но приняла таинственное откровеніе съ довѣріемъ и смиренно выслушала отъ пророчицы предсказаніе, что ее ожидаетъ высокое призваніе въ царствѣ Божіемъ и что Фонтень—тотъ избранный апостолъ, который будетъ вмѣстѣ съ нею трудиться для пользы человѣчества. Фонтень горячо убѣждалъ ее не уклоняться отъ этого призванія, и они взаимно ободряли другъ друга перспективой такаго поприща, гдѣ цѣлью и наградой ихъ усилій будутъ слава Божія и счастіе человѣческаго рода. Г-жа Крюднеръ совершенно увлеклась мечтами, льстившими самымъ пылкимъ влеченіямъ ея сердца. Вотъ чтó она писала въ ту пору (въ Іюнѣ 1808 года) своей пріятельницѣ

г-жѣ Арманъ: „Милый другъ, самое счастливое изъ всѣхъ испытаній даетъ мнѣ право утверждать, что я—самое счастливое изъ созданій. Только на словахъ я могла бы передать вамъ все, чтó я испытала; въ ожиданіи этого, я молюсь за васъ и полагаю, что вы также будете блаженны на этой землѣ. Представьте себѣ, милый другъ: вѣдь я испытала въ настоящемъ смыслѣ слова чудеса; я была посвящена въ глубочайшія тайны вѣчности и могла бы сказать вамъ многое о будущемъ блаженствѣ. Нѣтъ, вы не имѣете понятія о счастіи, которое ожидаетъ всѣхъ тѣхъ, кто вполнѣ отдается Іисусу Христу. Будьте постоянны и обращайтесь къ Нему ежедневно. Отъ Его благости и милосердія я имѣю положительное обѣщаніе, что Онъ будетъ исполнять мои просьбы касательно моихъ родныхъ и друзей; для нихъ я прошу у Него благъ вѣчности. Ахъ, еслибы вы знали, какъ Онъ насъ любитъ! Времена приходятъ, и величайшія бѣдствія будутъ тяготѣть надъ землею; не бойтесь ничего и оставайтесь вѣрны Ему. Онъ соберетъ всѣхъ Своихъ вѣрныхъ; послѣ того настанетъ Его царствіе. Онъ самъ придетъ царствовать тысячу лѣтъ на землѣ“.... Между тѣмъ Куммринъ не переставала пророчествовать, а г-жа Крюднеръ не переставала принимать ея предсказанія за указанія свыше, сообразно съ которыми и устроивала свою жизнь. Такъ, напримѣръ, Куммринъ сказала ей, что Небо приказываетъ ей основать въ Виртембергѣ христіанскую колонію и даже указываетъ мѣсто и домъ, которые слѣдуетъ купить,—и г-жа Крюднеръ пишетъ своей пріятельницѣ Арманъ: „Мы купили этотъ домъ по повелѣнію Господа“. Но мѣстное правительство было недовольно тѣмъ, что Куммринъ уже ранѣе того дѣлала какія-то предсказанія, непріятныя для короля Виртембергскаго и, снова поселившись въ его владѣніяхъ, привлекала толпы посѣтителей; поэтому оно приказало заключить пророчицу въ тюрьму, а г-жѣ Крюднеръ приказало выѣхать изъ Виртембергскихъ владѣній въ 24 часа. Тогда г-жа Крюднеръ поселилась въ герцогствѣ Баденскомъ, куда въ скоромъ времени переѣхала и выпущенная изъ тюрьмы Куммринъ.

Письма, которыя г-жа Крюднеръ писала въ ту пору къ своимъ близкимъ друзьямъ, всего лучше рисуютъ намъ ея душевное настроеніе. Изъ нихъ можно видѣть, какъ она все болѣе и болѣе проникалась сознаніемъ своего высокаго призванія и какъ отъ роли проповѣдницы она мало по малу возвышалась до роли боговдохновенной предсказательницы будущихъ судебъ человѣчества. „Времена приближаются“; — пишетъ она г-жѣ Арманъ,—„бѣдствія, угрожающія Европѣ, уподобятся ночи ужасовъ; но заблещетъ также и заря счастія и мира“. Въ другомъ письмѣ она говоритъ: „Не думаете ли вы, что мнѣ дозволено принимать малѣйшія мѣры предосторожности или отъ времени до времени просить помощи у Бога? Нѣтъ! Я часто остаюсь съ 8-мью крейцерами и отдаю послѣдній изъ нихъ; я ничего не имѣю въ виду, не знаю, гдѣ искать помощи и откуда она можетъ придти; но мое сердце никогда не бываетъ болѣе полно радости, какъ въ этихъ случаяхъ. Я знаю, что многіе нуждаются въ пропитаніи, а я живу какъ птичка пѣвчая; я едва молюсь, зная, что сердце Отца совсѣмъ подлѣ

меня; мнѣ извѣстны Его глубокіе виды или, по меньшей мѣрѣ, часть ихъ, такъ какъ я недостаточно дальновидна для того, чтобъ все уразумѣть на томъ пути, по которому Онъ меня ведетъ. Я ничего не вижу кромѣ мрака, а полна радости. Онъ всегда приходитъ, всегда помогаетъ мнѣ. Никогда, никогда Онъ не покидалъ меня въ затруднительномъ положеніи. Когда я нуждаюсь въ деньгахъ, я говорю сама съ собою: Возлюбленный Боже!.... взгляни на тѣхъ присмыкающихся червей, которыхъ Ты поручилъ мнѣ; помоги мнѣ доставить имъ пропитаніе, раскрой Твою десницу! Тогда онъ отвѣчаетъ мнѣ сообразно съ Своимъ милосердіемъ. Да, милый другъ, часто, очень часто я имѣла счастіе получать Его указанія и совершенно ясныя велѣнія: пошли или поди туда или сюда къ людямъ, которыхъ Онъ къ этому подготовилъ, и я получала деньги и много денегъ оттуда, откуда не имѣла никакой надежды ихъ получить. Люди отдаются мнѣ, какъ ангелы, съ сердцемъ полнымъ вниманія и милосердія; они даже отказываются отъ обычныхъ процентовъ.... Можно ли описать то, что происходитъ во мнѣ.... когда я чувствую, что я такъ любима?... Еслибъ я могла обратить къ Тебѣ не только всѣхъ людей, но даже мятежныхъ духовъ!...“ Далѣе она разсказываетъ, что однажды осталась безъ всякихъ средствъ, не знала куда идти и къ кому обратиться; былъ торговый день; нужно было купить курицу, но не было ни копѣйки. Тогда она стала молиться и только что кончила молитву, какой-то крестьянинъ принесъ ей десять луидоровъ отъ такихъ людей, которые сами нуждались. Въ одномъ изъ своихъ писемъ она говоритъ о любви къ Богу: „Эта любовь должна обратить въ нашихъ сердцахъ въ пепелъ все, что въ нихъ есть нечистаго, личнаго и эгоистическаго. Она противна всякой собственности и считаетъ ее воровствомъ у Бога. Она хочетъ все получать отъ Него, чтобы быть въ состояніи все Ему отдавать.... Она составитъ славу искупленной церкви, призванной царствовать съ Христомъ на землѣ въ теченіе тысячи лѣтъ“.... По словамъ ея біографа, объятія божественной любви, наполнявшей ея сердце, были такъ сильны, что она не могла удержать этой любви въ границахъ неба и земли и восклицала: „Я не могу удержаться, чтобы не пожелать, чтобъ адъ присоединился къ этому Богу, Который такъ добръ“.... А въ молитвахъ ей даже случалось просить у Бога обращенія и сатаны.

Предсказанія г-жи Крюднеръ были также туманны, какъ ея религіозныя грёзы; но для нѣкоторыхъ изъ нихъ не трудно было найдти подтвержденіе въ тѣхъ чрезвычайныхъ событіяхъ, которыя совершались въ то время въ Европѣ. „Церковь явится, народъ Предвѣчнаго соберется.... Буря приближается, и школы закроются: не будетъ больше священниковъ по образу людей. Священство, пріятное Господу, будетъ возстановлено, и будетъ преподаваться служеніе чистой любви“.... „Приближается великая эпоха; все будетъ ниспровергнуто—школы, человѣческія науки, государства и троны“. Въ письмѣ отъ 27 Октября 1814 г. къ фрейлинѣ Стурдзѣ, состоявшей при нашей Императрицѣ, которая находилась въ ту пору вмѣстѣ съ своимъ супругомъ въ Вѣнѣ, она писала касательно Франціи: „Буря приближается;

эти лиліи, которыя сохранились по волѣ Предвѣчнаго, эта эмблема чистаго и бреннаго цвѣтка, разбившая желѣзный скипетръ, потому что такъ угодно было Предвѣчному, эти лиліи, которыя должны бы были призывать къ чистотѣ, къ любви Божіей, къ покаянію, онѣ появились для того, чтобъ исчезнуть". Это предсказаніе было едвали не самое удачное изъ всѣхъ; подъ появленіемъ лилій разумѣлось возстановленіе Бурбонской династіи на Французскомъ престолѣ, и ихъ исчезновеніе дѣйствительно совершилось по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Въ томъ же письмѣ г-жа Крюднеръ писала объ императорѣ Александрѣ: „Вамъ хотѣлось бы говорить мнѣ о столькихъ великихъ и глубокихъ душевныхъ качествахъ Императора. Мнѣ кажется, что я уже многое знаю о немъ; я уже давно знаю, что Господь доставитъ мнѣ радость видѣть его.... Я имѣю множество вещей сказать ему, такъ какъ я многое испытала по поводу его; одинъ Господь можетъ приготовить его сердце къ принятію ихъ. Я не безпокоюсь объ этомъ; мое дѣло быть безъ страха и безъ упрека; его дѣло—преклониться передъ Христомъ, передъ истиной. Да направитъ и благословитъ Предвѣчный того, кто призванъ къ столь великому дѣлу!".... Фрейльна Стурдза была такъ поражена предсказаніемъ вторичнаго паденія Бурбоновъ, что сообщила о немъ императору Александру, въ которомъ зародилось сильное желаніе познакомиться съ г-жею Крюднеръ. Эта послѣдняя съ своей стороны сильно желала найдти доступъ къ Императору; это видно уже изъ того, что, не получая отъ Стурдзы отвѣта на свое письмо отъ 27 Октября, г-жа Крюднеръ снова писала ей отъ 4 Февраля 1815 года: „Я опасалась, что къ вамъ не дошло мое послѣднее письмо; въ немъ я говорила вамъ о моей почтительной и глубокой преданности Императору. Величіе его миссіи было еще разъ повѣдано мнѣ такъ, что я уже не могу въ немъ сомнѣваться. Я преклоняюсь передъ щедротами Господа, который ниспослалъ столько благословеній этому орудію милосердія. Ахъ, какъ мало міръ знаетъ о всемъ томъ, что ожидаетъ его, когда священная политика возметъ все въ свои бразды и когда солнце справедливости сдѣлается видимымъ для самыхъ слѣпыхъ. Да, милый другъ, я убѣждена, что имѣю сообщить ему вещи громадной важности, и хотя князь тьмы дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы помѣшать ему и удалить тѣхъ, кто могъ бы говорить съ нимъ о божественныхъ предметахъ, Предвѣчный будетъ сильнѣе его".

Когда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы во Францію и оправдалъ предсказаніе г-жи Крюднеръ объ исчезновеніи лилій, императоръ Александръ отправился изъ Вѣны къ дѣйствующей арміи и впервыя встрѣтился съ г-жою Крюднеръ въ Гейльброннѣ, близъ Гейдельберга, гдѣ она его поджидала. Капфигъ, въ своей *Histoire de la Restauration*, говоритъ, что г-жа Крюднеръ находилась въ Вѣнѣ во время засѣданій Вѣнскаго конгресса и въ подтвержденіе этого ссылается на какую-то тайную депешу Талейрана къ Людовику XVIII, въ которой перечислялись всѣ государственные люди, присутствовавшіе на конгрессѣ и между прочимъ говорилось,

что императоръ Всероссійскій молится въ особой часовнѣ, стоя на колѣняхъ рядомъ съ г-жею Крюднеръ. Именно во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, г-жа Крюднеръ, будто бы, убѣждала Императора, что „Наполеонъ былъ черный дьяволъ или геній битвъ, а Александръ былъ бѣлый ангелъ или геній мира"... Но Эйнаръ положительно опровергаетъ слова Французскаго историка и утверждаетъ, что въ Гейльброннѣ произошло первое свиданіе г-жи Крюднеръ съ Императоромъ. Онъ такъ описываетъ подробности этого свиданія. Когда Александръ остановился въ Гейльброннѣ по пути въ Гейдельбергъ и утомленный дорогой удалился къ себѣ въ комнату, князь Волконскій пришелъ доложить ему, что его настоятельно желаетъ видѣть одна дама и назвалъ г-жу Крюднеръ. Императоръ приказалъ принять ее и въ теченіе трехъ часовъ слушалъ ея назидательныя поученія. Что Императоръ былъ подготовленъ къ благосклонному пріему г-жи Крюднеръ ея письмами къ ѳр. Стурдзѣ, которыя онъ читалъ, и ея удачными предсказаніями, не подлежитъ сомнѣнію; тѣмъ не менѣе онъ едвали сталъ бы такъ долго слушать мистическую проповѣдь женщины, еслибы его душевное настроеніе не предрасполагало его ко всему, что отзывалось піэтизмомъ и религіозною мечтательностью. Въ немъ еще за долго до знакомства съ г-жею Крюднеръ стало обнаруживаться влеченіе къ піэтизму, быть можетъ, вызванное тѣми тяжелыми испытаніями, которыя онъ вынесъ въ эпоху Наполеоновскаго нашествія. Отправившись за границу вслѣдъ за отступавшей непріятельской арміей, онъ нашелъ тамъ обильную пищу для своего религіознаго возбужденія. Александръ раздѣлялъ свои религіозныя мечтанія съ королемъ Прусскимъ, посѣщалъ въ Силезіи общины Моравскихъ братьевъ, поразившія его характеромъ своей религіозности, бесѣдовалъ съ Юнгомъ-Штиллингомъ о томъ, какая изъ христіанскихъ церквей всѣхъ болѣе согласуется съ истиннымъ, чистымъ ученіемъ Христа и оказывалъ большую благосклонность Лондонскимъ квакерамъ, съ которыми велъ разговоры о религіозной дѣятельности женщинъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что проникнутыя христіанскимъ смиреніемъ слова, съ которыми обратилась къ нему г-жа Крюднеръ, падали на благодарную почву. „Нѣтъ",—говорила она ему,—„вы еще не приближались къ Богочеловѣку какъ преступникъ, который проситъ о помилованіи. Вы еще не получили помилованія отъ Того, Кто одинъ на землѣ имѣетъ власть отпускать грѣхи. Вы еще остаетесь въ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились передъ Іисусомъ, еще не сказали, какъ мытарь, изъ глубины сердца: Боже! я великій грѣшникъ, помилуй меня! Вотъ почему вы и не знаете душевнаго покоя. Внемлите же голосу женщины, которая также была великой грѣшницей, но нашла прощеніе своихъ грѣховъ у подножія креста Христова". Александръ слушалъ ее, проливая обильныя слезы и закрывъ обѣими руками лице. Вдругъ г-жа Крюднеръ вспомнила, что она обращается съ такими суровыми наставленіями къ своему Государю и къ императору Всеросійскому; она остановилась, чтобъ просить извиненія за откровенность своихъ выраженій. „Ничего, продолжайте",—возразилъ Александръ,—„ваши слова производятъ на мою душу дѣйствіе музыки.... Вы помогли мнѣ от-

крыть въ себѣ самомъ то, чего я прежде никогда не замѣчалъ; я благодарю за это Бога; но мнѣ часто бываютъ нужны такіе разговоры, и я прошу васъ не удаляться".

Тотчасъ послѣ своего пріѣзда въ главную квартиру, въ Гейдельбергѣ, Александръ Павловичъ написалъ г-жѣ Крюднеръ, чтобъ она пріѣзжала туда, такъ какъ ему хотѣлось подробнѣе говорить о томъ, чтó занимало его мысли. Г-жа Крюднеръ немедленно отправилась въ Гейдельбергъ и поселилась въ небольшомъ крестьянскомъ домикѣ въ десяти минутахъ ходьбы отъ того дома, въ которомъ жилъ Императоръ. Онъ приходилъ туда черезъ день по вечерамъ и проводилъ цѣлые часы въ душеспасительныхъ бесѣдахъ, въ чтеніи Св. Писанія и въ молитвахъ. Уѣзжая изъ Гейдельберга для вступленія во Францію, Александръ просилъ г-жу Крюднеръ послѣдовать за нимъ. Она переѣхала на жительство въ Парижъ и поселилась въ Елисейскихъ поляхъ въ отелѣ Моншеню, неподалеку отъ дворца Элизе-Бурбонъ, въ которомъ жилъ Императоръ; тамъ возобновились частыя посѣщенія Государя и такія же благочестивыя бесѣды, какія происходили въ Гейдельбергѣ. Вліяніе г-жи Крюднеръ на Александра, по видимому, все усиливалось, и она писала въ Августѣ 1815 года: „Александръ—избранникъ Божій; онъ идетъ по путямъ самоотрицанія. Я знаю каждую подробность его жизни, почти каждую его мысль; онъ аккуратно приходитъ сюда, и эта созданная Богомъ духовная связь укрѣпляется все болѣе и болѣе". Апогеемъ этого вліянія было ея присутствіе на военномъ торжествѣ въ лагерѣ Вертю, гдѣ Императоръ сдѣлалъ смотръ своей стопятидесятитысячной арміи. Г-жа Крюднеръ явилась туда по желанію Государя. Съ утра, какъ разсказываетъ Сентъ-Бёвъ, за ней пріѣхалъ императорскій экипажъ, и глубокое уваженіе, съ которымъ обошелся съ ней побѣдитель, ни въ чемъ не уступало тѣмъ почестямъ, которыя Лудовикъ XIV воздавалъ г-жѣ Ментенонъ въ Компіенскомъ лагерѣ. Она стояла то съ обнаженной головой, то въ соломенной шляпкѣ на головѣ; ея волосы, еще сохранившіе свой бѣлокурый цвѣтъ, были распущены и падали на плечи; на ней было темное платье съ длинной таліей, которое казалось изящнымъ, благодаря манерѣ его носить и которое было завязано простымъ шнуркомъ. Такою видѣли ее на равнинѣ, куда она пріѣхала съ разсвѣтомъ, и такою представлялась она взорамъ окружающихъ, когда стоя слушала молитву передъ фронтомъ колѣнопреклонившейся арміи *).

Но вліяніе г-жи Крюндеръ на императóра Александра не ограничилось одною духовною стороною его существованія; оно сказалось въ составленіи акта Священнаго Союза. Отъ нея ли исходила первоначальная мысль о Священномъ Союзѣ, или же она только поддерживала въ Алексан-

*) Покойный А. И. Казначеевъ сказывалъ намъ, что отправленный изъ Парижа курьеромъ въ Петербургъ, онъ повезъ отъ Государя письмо на имя баронессы Крюднеръ, которое и вручилъ ей въ Дрезденъ, гдѣ она жила въ Hôtel de Pologne. Вліяніе ея было такъ сильно, что отъ нея искали всякихъ благъ. На побѣгушкахъ у нея въ Дрезденской гостинницѣ былъ юноша въ Венгерской курткѣ, обратившій на себя вниманіе Казначеева своею услужливостью. Это—будущій дипломатъ баронъ Бруновъ, уже тогда знавшій, гдѣ раки зимуютъ. П. Б.

дрѣ Павловичѣ то настроеніе ума, изъ котораго истекало его желаніе связать Европейскихъ монарховъ узами не только политическаго, но и религіознаго единомыслія? Сама г-жа Крюднеръ сообщила объ этомъ слѣдующія подробности во время своей интимной бесѣды съ Германскимъ профессоромъ Кругомъ, происходившей въ Лейпцигѣ въ 1818 году *). На вопросъ Круга, какимъ образомъ явилась у нея мысль о союзѣ подобнаго рода, она отвѣчала, что Господь приготовлялъ ее къ этому въ теченіе всей ея жизни; что Онъ, Богъ любви и мира, побудилъ ее отказаться отъ свѣта, чтобъ сдѣлать изъ такого слабаго существа, какъ она, могущественное орудіе Своего милосердія. Она разсказала Кругу во всей подробности свою прежнюю жизнь,—какъ она была воспитана въ высшемъ обществѣ, какъ пользовалась долгое время всѣми его удовольствіями, но не смотря на то постоянно ощущала тайную тоску, которая постоянно заставляла ее обращаться къ болѣе возвышеннымъ и серьознымъ предметамъ, такъ какъ одни удовольствія не могли наполнить ея сердца; она разсказывала, что бѣдствія, испытываемыя человѣчествомъ, съ раннихъ поръ стали тревожить ее, упомянула о тяжелой участи Русскихъ крестьянъ, смягченной великодушіемъ императора Александра, говорила, что хотѣла, подобно Іоаннѣ д'Аркъ, взяться за мечъ и бороться съ несправедливостью; что въ Италіи, среди развалинъ древняго язычества и алтарей новаго христіанскаго міра, ее впервыя озарилъ лучъ небеснаго свѣта; что при видѣ происходившихъ во Франціи ужасовъ она вполнѣ отдалась своему призванію. Касательно акта Священнаго Союза она разсказала, что Императоръ ей первой показалъ проектъ этого документа, написанный имъ собственноручно; что много препятствій затрудняли осуществленіе великой мысли, значеніе которой не было понято въ началѣ надлежащимъ образомъ; что особенно трудно было оградить ее отъ вмѣшательства дипломатовъ и придворныхъ, которые совершенно извратили бы все дѣло; что одинъ изъ главныхъ союзниковъ не хотѣлъ подписывать этотъ документъ, не сообщивъ его предварительно своему главному министру, а другой охотно приложилъ къ нему свою подпись, но не придавалъ ему ни малѣйшаго значенія.

Самое содержаніе акта Священнаг Союза свидѣтельствовало о томъ, что г-жа Крюднеръ не была чужда его составленію. Въ предисловіи къ нему говорилось, что союзники имѣютъ цѣлію открыть передъ лицемъ вселенной свою непоколебимую рѣшимость руководствоваться какъ въ управленіи ввѣренными имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями святой вѣры, заповѣдями правды, любви и мира. Для достиженія этой высокой цѣли договорившіеся монархи, соединенные узами неразрывнаго братства, обязывались считать себя какъ бы единоземцами, при всякомъ случаѣ подавать другъ другу помощь, а въ отношеніи своихъ подданныхъ поступать какъ приличествуетъ отцамъ семействъ: они уговаривались почитать всѣхъ себя какъ бы членами единаго народа

*) Эти подробности изложены въ брошюрѣ, изданной профессоромъ Кругомъ подъ заглавіемъ: *Gespräche unter vier Augen mit Frau von Krudener.*

христіанскаго, а своихъ подданныхъ приглашали утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, наложенныхъ на людей Божественнымъ Спасителемъ. Все это было вполнѣ согласно съ главнымъ содержаніемъ проповѣдей г-жи Крюднеръ,—съ идеей о соединеніи всѣхъ христіанъ въ одну семью, которая будетъ жить по правиламъ евангельскаго ученія и вдохновляться одной любовью къ Спасителю.

Нѣтъ недостатка и въ такихъ историческихъ свидѣтельствахъ, которыя приписываютъ г-жѣ Крюднеръ не одно косвенное вліяніе въ этомъ дѣлѣ. Братъ Прусской королевы, герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій сказалъ обращавшемуся къ нему за свѣдѣніями Эйнару, что Священный Союзъ долженъ считаться дѣломъ г-жи Крюднеръ и затѣмъ прибавилъ въ письмѣ: я бы этого не говорилъ, если бы это не было мнѣ положительно извѣстно. По словамъ Капфига, даже самое названіе Священнаго Союза было придумано г-жею Крюднеръ. „Я имѣлъ",—говоритъ онъ,—„въ рукахъ подлинникъ договора, цѣликомъ написанный рукою императора Александра съ поправками г-жи Крюднеръ. Слово Священный было написано этой необыкновенной женщиной." По словамъ другихъ, послѣ одной бесѣды съ Императоромъ, во время которой г-жа Крюднеръ изливала свою душу съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, Александръ, въ пылу религіознаго и филантропическаго увлеченія, задумалъ проектъ союза. Но свидѣтельства, которыя умаляютъ долю участія г-жи Крюднеръ въ этомъ дѣлѣ, очень вѣски. Изъ разсказа, написаннаго другомъ и историкомъ короля Фридриха Вильгельма III, евангелическимъ пасторомъ Эйлертомъ, слѣдуетъ заключить, что мысль о Священномъ Союзѣ зародилась въ умѣ Александра еще до его знакомства съ г-жею Крюднеръ. „Въ дни битвъ Люценской, Дрезденской и Бауценской", разсказывалъ Александръ Эйлерту, „послѣ стольких безплодныхъ усилій или не смотря на величайшіе акты героизма, вашъ король и я, мы не могли не придти къ убѣжденію, что власть человѣческая ничтожна и что Германія погибнетъ безъ помощи и особеннаго благословенія Промысла. Мы ѣхали рядомъ верхами безъ свиты; мы были серьозны и были погружены въ наши размышленія. Мы оба молчали. Наконецъ этотъ любезнѣйшій изъ моихъ друзей прервалъ молчаніе, обратившись ко мнѣ съ слѣдующими словами: „Такъ дѣло не можетъ идти; мы направляемся къ Востоку, между тѣмъ какъ мы хотимъ и мы должны идти къ Западу. Съ помощью Божіей мы дойдемъ туда; но если, какъ я надѣюсь, Богъ благословитъ наши соединенныя усилія, тогда провозгласимъ предъ лицемъ всего міра наше убѣжденіе, что слава принадлежитъ Ему одному. Мы обѣщали это другъ другу и искренно пожали другъ другу руки. Затѣмъ были одержаны побѣды при Кульмѣ, Кацбахѣ, Гросберенѣ, Лейпцигѣ и когда, по прибытіи въ Парижъ, мы достигли цѣли нашего труднаго странствованія, Прусскій король вспомнилъ о нашихъ святыхъ рѣшеніяхъ, первая мысль о которыхъ принадлежала ему, а раздѣлявшій наши взлядь, чувства и стремленія благородный Австрійскій императоръ Францъ I-й охотно вступилъ въ нашъ союзъ. Первая мысль Священнаго Союза возникла въ

тяжелую минуту; она осуществилась въ болѣе прекрасную минуту признательности и счастія. Она вовсе не наше дѣло, а дѣло Божіе. Искупитель Самъ внушилъ всѣ мысли, которыя составляютъ содержаніе этого акта, и всѣ принципы, которые въ немъ провозглашаются. Всякій, кто этого не признаётъ и не чувствуетъ, всякій, кто видитъ въ этомъ лишь заднія мысли и тайные замыслы политики, не имѣетъ голоса въ этомъ вопросѣ, такъ какъ было бы излишнимъ допускать его къ участію въ немъ" *).

Состоявшій при Александрѣ секретаремъ А. С. Стурдза (братъ вышеупомянутой фрейлины) также приписываетъ ему починъ въ дѣлѣ заключенія Союза. „Мнѣ первому", говоритъ онъ, „пришлось переписать и слегка исправить: актъ Священнаго Союза, весь написанный карандашемъ Императора. Мнѣ неизвѣстно, имѣла-ли г-жа Крюднеръ вліяніе на мысль и редакцію этого достопамятнаго акта; но я глубоко убѣжденъ, что онъ въ сущности былъ произведеніемъ мысли и религіозныхъ чувствъ Александра".

Неполнота историческихъ свѣдѣній и противорѣчія между тѣми, которыя находятся на лицо, не даютъ возможности съ точностію опредѣлить долю участія, которая принадлежитъ г-жѣ Крюднеръ въ этомъ международномъ договорѣ, и намъ положительно извѣстно только то, что съ момента подписанія этого договора г-жа Крюднеръ утратила всякое политическое вліяніе, если она дѣйствительно его имѣла, что Императоръ очень скоро вслѣдъ затѣмъ лишилъ ее прежняго довѣрія и милостиваго расположенія, и что она снова возвратилась къ прежней роли энтузіастки и проповѣдницы.

Уѣзжая изъ Парижа въ С.-Петербургъ, Александръ приглашалъ г-жу Крюднеръ пріѣзжать туда; но ее задержалъ въ Парижѣ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ. Здѣсь будетъ нелишнимъ замѣтить, что въ массѣ мелкихъ подробностей о ея жизни мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы она извлекала какія-либо матеріальныя выгоды изъ милостиваго расположенія къ ней Императора: ея дѣла, какъ кажется, были въ неблестящемъ положеніи, и она нерѣдко нуждалась въ деньгахъ. Даже въ ту минуту, когда Императоръ звалъ ее въ Петербургъ и, конечно, не отказалъ бы ей въ помощи, ей не пришло на умъ обратиться къ средствамъ своего могущественнаго покровителя. Но какая же была причина того, что Императоръ пересталъ отвѣчать на ея письма и, повидимому, совершенно къ ней охладѣлъ? Эйнаръ объясняетъ причину этого разрыва тѣмъ, что г-жа Крюднеръ играла въ Парижѣ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, слишкомъ замѣтную роль, что она возбудила вниманіе и подозрѣнія въ недовѣрчивой политикѣ, что Австрійская дипломатія старалась помѣшать задуманному Александромъ духовному согласію между народами и царями и что г-жа Крюднеръ попадала въ искусно разставленныя на ея дорогѣ

---

*) *Charakterzüge und historische Fragmente aus dem Leben Friedrich Wilhelms III.* Томъ II, стр. 246, 248.

сѣти. Но едва-ли не болѣе правдоподобно мнѣніе Жакоба-Библіофила, что Александру надоѣла ея мистическая декламація и что, хотя она не переставала ему писать, возвѣщая скорое пришествіе Новаго Мессіи, онъ уже не интересовался ни ея личностію, ни ея религіозной реформой.

Поселившись неподалеку отъ Базеля, она принялась проповѣдывать свое ученіе предъ народными массами и практически примѣнять свою религію. Сущность этого ученія опредѣлить нелегко, такъ какъ у нея не было никакой системы и никакой послѣдовательности. Она описывала христіанство какъ одну громадную семью, въ которой всѣ члены связаны между собою обоюдными обязанностями, такъ какъ всѣ они призваны различнымъ образомъ прославлять развитіе своихъ чувствъ и способностей и тѣмъ прославлять милосердаго Творца, Который надѣлилъ ихъ этими благами. Одна и таже цѣль, одна и таже любовь должны, по ея мнѣнію, соединять не только человѣка съ человѣкомъ, семейство съ семействомъ, но также націю съ націей, одну религіозную общину съ другой, одну христіанскую церковь съ другой, хотя бы онѣ носили различныя названія. Она доказывала своимъ слушателямъ, что различія характеровъ и дарованій между отдѣльными личностями, природныхъ особенностей между племенами, положенія и интересовъ между народами, исповѣданій между христіанскими общинами, не должны препятствовать духовному единенію въ любви, которое въ высшей степени прославляетъ Господа на землѣ; она говорила, что всѣ эти различія и даже противорѣчія сольются и исчезнутъ въ идеѣ о Богѣ и что такимъ образомъ милліоны голосовъ составятъ одинъ голосъ и будутъ вѣчно воспѣвать гимнъ признательности во славу Предвѣчнаго. Къ этимъ отвлеченностямъ она нерѣдко присоединяла рѣзкія выходки противъ собственности и противъ людей богатыхъ, какъ бы предвкушая возникшія гораздо позже теоріи соціализма. Ея проповѣди и въ особенности раздача милостыни, которою она ихъ сопровождала, привлекали къ ней шумныя толпы бродягъ и нищихъ, которыхъ тщетно старалась разгонять и сдерживать мѣстная полиція, опасавшаяся, чтобы жалобы, обвиненія и угрозы, съ которыми г-жа Крюднеръ обращалась къ людямъ богатымъ и вліятельнымъ, не возбудили между бѣдняками желанія соціальнаго переворота. Въ Базелѣ къ ней относились очень несочувственно и изображали ее въ карикатурахъ. На одной изъ этихъ карикатуръ она была представлена стоящей на бочкѣ и обращающейся съ слѣдующими словами къ окружавшимъ ее служанкамъ: „Придетъ время, когда господа сами будутъ мыть зелень и ходить за водой, а служанки будутъ ходить въ шелковыхъ платьяхъ“. Мѣстныя власти были встревожены этой религіозной агитаціей, которая могла перейти въ уличные безпорядки. Протестантскіе пасторы и католическіе священники прежде всѣхъ обратились къ полиціи съ просьбой о вмѣшательствѣ. Улицы Базеля были день и ночь наполнены толпами нищихъ, получавшихъ отъ г-жи Крюднеръ ежедневное пропитаніе; у городскихъ воротъ располагались цѣлые караваны пилигриммовъ, ожидавшихъ, чтобы пророчица пришла повѣдать имъ Слово Божіе. Базельскій сенатъ

приказалъ удалить ее изъ города, и она переѣхала въ великое герцогство Баденское. Тамъ она снова стала привлекать своею проповѣдью толпы нищихъ и бродягъ, и распространился слухъ, будто она намѣревается перейти въ католическую религію для того, чтобы не имѣть ничего общаго съ религіей императора Александра. Она, повидимому, была глубоко оскорблена тѣмъ, что онъ отвернулся отъ нея и обнаруживала свою досаду въ политическихъ предсказаніяхъ, которыя имѣли цѣлію поколебать всѣ Европейскіе троны. Къ ней стали стекаться люди всѣхъ классовъ и всякихъ религіозныхъ вѣрованій изъ Швейцаріи, изъ Эльзаса и изъ разныхъ частей Германіи. Бывали дни, когда вокругъ нея собиралось по нѣскольку тысячъ слушателей. Баденское правительство положило конецъ этой агитаціи, запретивъ присутствовать на религіозныхъ бесѣдахъ г-жи Крюднеръ и приказавъ высылать изъ Баденской территоріи всѣхъ иностранныхъ пилигриммовъ. Между тѣмъ смерть Юнга-Штиллинга, который, какъ она сама говорила, впервыя посвятилъ ее въ таинства вѣры, внушила ей новую бодрость духа и рѣшимость продолжать свою миссію. Она стала проповѣдывать, что приближается конецъ міра и что скоро наступитъ царствованіе бѣдныхъ, одна ходила по деревнямъ и собирала вокругъ себя крестьянъ, солдатъ и нищихъ. Баденское правительство вышло изъ терпѣнія и объявило ей, чтобы она искала себѣ другаго мѣстожительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно стало задерживать и заключать въ тюрьмы тѣхъ, кто, не смотря на запрещеніе, приходилъ слушать поученія пророчицы, стало перехватывать подаянія, прерывать проповѣди и даже задерживать письма адресованныя г-жѣ Крюднеръ. Тогда она рѣшилась публично протестовать противъ насильственныхъ мѣръ, которыхъ она была жертвой и обратилась къ Баденскому министру внутреннихъ дѣлъ съ апологіей, въ которой говорила, что она исполняетъ прямыя повелѣнія божественной любви, что нельзя запрещать въ христіанской странѣ кормить голодныхъ, что она не можетъ отказывать въ утѣшеніи тѣмъ, кто приходитъ къ ней искать его и кончала предвѣщаніями великихъ бѣдствій, которыя падутъ на Европу. Но эти оправданія не подѣйствовали, и она нашлась вынужденной переселиться изъ Баденскаго герцогства въ Швейцарію, въ Луцернскій кантонъ. Въ это время газеты увѣряли, что она окончательно перешла въ католическую религію по совѣту одного католическаго священника, убѣдившаго ее, что ея проповѣдь встрѣтитъ болѣе сочувствія со стороны католиковъ, чѣмъ со стороны протестантовъ. За неимѣніемъ возможности провѣрить этотъ фактъ, мы только можемъ замѣтить, что онъ несогласенъ съ общимъ характеромъ проповѣднической дѣятельности г-жи Крюднеръ. Ея мистическія грёзы постоянно сводились къ одной цѣли—къ братскому единенію всѣхъ народовъ и къ безразличію всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и потому трудно допустить, чтобы она могла, изъ какихъ бы то ни было соображеній, перейти въ католицизмъ, отличающійся самою непреклонною религіозною нетерпимостью.

Въ Луцернѣ повторилось тоже, что было въ Базелѣ и въ Баденѣ: бѣдные стали со всѣхъ сторонъ стекаться къ пророчицѣ, чтобъ воспол-

зоваться и ея проповѣдями, и ея подаяніями. Она не выдержала, вышла къ нимъ и произнесла рѣчь. Это было достаточнымъ предлогомъ для того, чтобъ Луцернское правительство приказало ей немедленно выѣхать изъ кантона. Тогда она стала переходить изъ одной деревни въ другую въ сопровожденіи толпы, восхвалявшей ея заслуги и проклинавшей Швейцарскихъ чиновниковъ, не позволявшихъ ей нигдѣ останавливаться долѣе одного дня. Бѣдные люди называли ее пророчицей, а она проповѣдывала имъ о необходимости вѣры, о настоящемъ ученіи Христа, очищенномъ отъ всего, что́ къ нему примѣшали люди, о соединеніи всѣхъ христіанскихъ общинъ въ одну, о покаяніи, о несчастіяхъ того времени, объ ожиданіи въ будущемъ еще болѣе страшныхъ несчастій и т. п. Преслѣдуемая жандармами и полиціей, г-жа Крюднеръ наконецъ достигла Шафгаузена, гдѣ надѣялась отдохнуть нѣсколько дней; но тамъ она узнала, что если не выѣдетъ изъ Швейцаріи, то ее арестуютъ. Послѣ разныхъ странствованій, она очутилась на южномъ берегу Констанцскаго озера, на Австрійской границѣ; но Австрійская полиція не пустила ее въ Австрійскія владѣнія; она пробралась черезъ Швейцарію въ Баденскія владѣнія, Баденская полиція не дозволила ей тамъ оставаться и передала ее полиціи Виртембергской; Виртембергская полиція передала ее полиціи Баварской, а Баварская—Саксонской; наконецъ, послѣ непродолжительнаго отдыха въ Лейпцигѣ, г-жа Крюднеръ направилась въ свое отечество.

При въѣздѣ въ Россію г-жу Крюднеръ ожидали непріятности: нѣсколькимъ лицамъ изъ ея свиты было приказано вернуться назадъ, а Рижскій г.-губернаторъ Паулуччи учредилъ надъ нею полицейскій надзоръ. Но вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ она получила отъ министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына слѣдующее утѣшительное письмо отъ 24-го Мая 1818 г.: „Я былъ въ Москвѣ, когда узналъ, какъ поступили съ тѣми лицами, которыя васъ сопровождали. Я, натурально, былъ убѣжденъ, что Государь тутъ ни причемъ, и хотя я былъ увѣренъ, что министръ полиціи уже донесъ обо всемъ, что̀ случилось въ Митавѣ, я счелъ моимъ долгомъ и съ моей стороны написать объ этомъ Его Величеству. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, я получилъ вчера приказаніе Государя, которое спѣшу исполнить. Онъ приказалъ мнѣ написать вамъ отъ его имени, что онъ очень сожалѣетъ объ испытанныхъ вами непріятностяхъ, что онъ не могъ предвидѣть ихъ, такъ какъ предполагалъ, что вамъ извѣстны формальности, которыя соблюдаются въ Россіи для впуска иностранцевъ, что все это произошло отъ вашего неисполненія этихъ формальностей, но что лишь только Его Величество узналъ о случившемся изъ донесенія министра полиціи, онъ приказалъ впустить всѣхъ лицъ, сопровождавшихъ васъ, и увѣдомить объ этомъ Прусское правительство. Письмо, которое пишетъ мнѣ Государь, помѣчено 15-го Мая стар. стиля. Онъ говоритъ, что уже недѣлю тому назадъ онъ отправилъ своего курьера къ Паулуччи, такъ какъ получилъ донесенія министра послѣ своего отъѣзда изъ Варшавы. Я опасаюсь, что всѣ эти лица уже находятся очень далеко и что будетъ

трудно возвратить ихъ назадъ; но я полагаю, что было бы во многихъ отношеніяхъ желательно, чтобъ они возвратились. Изъ этого Европа усмотритъ, что ихъ отослалъ назадъ не Императоръ, а генералъ-губернаторъ. Впрочемъ, судя по тому, какъ притѣсняли васъ и тѣхъ, кто васъ сопровождалъ, слѣдуетъ полагать, что ихъ ожидаютъ непріятности въ Германіи, такъ какъ ихъ, конечно, подвергнутъ полицейскому надзору въ томъ предположеніи, что они были удалены по приказанію Государя". Князь А. Н. Голицынъ кончаетъ свое письмо такими же мистическими грёзами, какими отличались проповѣди и письма самой г-жи Крюднеръ. „Впрочемъ",—говоритъ онъ,—„никто не знаетъ лучше васъ, что все совершающееся съ дозволенія Господа необходимо, и что Онъ все направитъ къ славѣ и къ спасенію людей. Онъ внушитъ вамъ то, что̀ вы должны написать вашимъ друзьямъ для того, чтобъ побудить ихъ къ возвращенію въ Россію. Духовная жизнь всегда была борьбой, но въ настоящее время эта борьба, повидимому, дѣлается всеобщей. Одинъ Нѣмецкій теозофъ пишетъ мнѣ, что добро и зло одухотворяются каждое въ свою очередь и что, наконецъ, все это будетъ идти въ такой прогрессіи, что оболочка, до сихъ поръ прикрывавшая добро и зло, разорвется, и тогда они придутъ въ соприкосновеніе вполнѣ разоблаченными; въ это-то время и должно будетъ ожидать того, кто ихъ раздѣлитъ для торжества истины, то есть Христа. Вы уже видѣли, что̀ происходитъ въ Германіи и какъ занимаются тамъ религіозными предметами. Я читалъ нѣсколько сочиненій на этотъ сюжетъ; они приводятъ въ ужасъ".—Въ томъ же духѣ религіознаго мистицизма написаны всѣ письма князя А. Н. Голицына*). Въ ихъ заголовкѣ постоянно стоятъ слова: „Слава Іисусу Христу". Приведемъ для примѣра одно изъ нихъ, помѣченное 1-го Января 1822 года: „Вступая въ новый годъ, я чувствую необходимость соединиться съ вами въ нашемъ Господѣ, Царѣ Царей и милосердомъ Учителѣ и подъ заступничествомъ и покровительствомъ Святой Дѣвы, Матери Богочеловѣка. Прошу вашихъ молитвъ о томъ, чтобъ я, ничтожный атомъ, совершенно возобновился къ новой жизни и сдѣлался членомъ духовнаго тѣла Христова, чтобъ люди добровольно стали дѣтьми, у которыхъ нѣтъ воли, и которыя обратились бы въ ничто, а Господь былъ бы все во всѣхъ. Молитесь вы, и мы будемъ молиться, чтобъ Дитя-Іисусъ соединилъ всѣ сердца въ дѣтской простотѣ, чтобъ вѣра усиливалась и сдѣлалась живой; чтобъ любовь все соединяла и, сдѣлавшись чистой, воспламеняла насъ, очищала и просвѣщала; чтобъ нашъ дорогой Государь сдѣлался пассивнымъ орудіемъ Господа и дѣлалъ лишь то, что̀ согласно съ божественной волей; чтобъ онъ видѣлъ свѣтъ въ свѣтѣ Триединаго, въ Іисусѣ Христѣ; чтобъ онъ принялъ въ себя мудрость Іисуса Христа; чтобъ онъ былъ предохраненъ отъ всякихъ вліяній и чтобъ онъ

*) Мы пользовались этими письмами во Французскихъ подлинникахъ, принадлежащихъ Александру Ивановичу Гончарову.

имѣлъ силу и мужество идти по истинно-царской дорогѣ, чтобъ достигнуть цѣли, величіе которой можетъ понять лишь мудрость; чтобъ онъ исполнилъ то, чтò возложилъ на него Священный Союзъ Святымъ Духомъ для того, чтобъ подготовить царство Царя Славы и сложить у ногъ этого всеобщаго Пастыря его корону вмѣстѣ со всѣми народами, которыхъ онъ долженъ привести къ Нему, какъ овецъ одного стада, готоваго исполнять волю Господа и на землѣ и на небесахъ, аминь". Благочестіе князя А. Н. Голицына доходитъ до вѣры въ возможность чудесъ, совершаемыхъ силою той любви къ Господу, которою такъ преисполнено его сердце. Въ письмѣ отъ 5-го Сентября 1822 г. онъ пишетъ г-жѣ Крюднеръ: „Я читалъ на этихъ дняхъ замѣчательную брошюру,—это письма, полученныя изъ Вюрцбурга касательно великихъ событій, совершавшихся тамъ въ 1821 году; они написаны совѣтникомъ посольства Шарольдомъ *[Scharold]* касательно исцѣленій, совершенныхъ княземъ Гоэнлоэ. Кромѣ исцѣленій княгини Шварценбергъ и наслѣднаго принца Баварскаго, тамъ описаны исцѣленія слишкомъ пятисотъ слѣпыхъ, калѣкъ, разслабленныхъ, глухихъ, нѣмыхъ или покрытыхъ неизлѣчимыми язвами; эти исцѣленія совершались однимъ воззваніемъ къ святому имени Іисуса Христа и благодаря полной вѣрѣ въ Его божественную благость и въ Его милосердіе. Эти исцѣленія были совершены между Вюрцбургомъ, Бамбергомъ и Брюкенау въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Князь молится за отсутствующихъ больныхъ и, благодаря его посредничеству, Господь исцѣлилъ одну больную въ Версали и еще нѣсколькихъ отсутствовавшихъ больныхъ, о которыхъ говорится въ этой брошюрѣ".

Г-жа Крюднеръ также, какъ и князь А. Н. Голицынъ, вѣрила въ возможность творить чудеса и даже воображала, что сама ихъ совершала. Ея біографъ разсказываетъ, что во время ея пребыванія въ Германіи, въ Лофштеттенѣ, протестантскій пасторъ Мауеръ пожелалъ ее видѣть и услышалъ изъ ея устъ слѣдующія слова: „Я могу доказать вамъ мою миссію всѣмъ тѣмъ, чтò Господь сдѣлалъ, чтобъ ее освятить. Онъ заставилъ меня предсказывать событія, которыя произошли точно такъ, какъ были предсказаны. Моя молитва исцѣляла больныхъ, которыя были признаны неизлѣчимыми. Восемнадцатью хлѣбами и небольшимъ количествомъ овсянки я напитала девятьсотъ голодныхъ. Я произнесла молитву; тогда благословеніе Господа придало этимъ припасамъ питательность и сдѣлало ихъ достаточной пищей".

Однако между благочестіемъ князя А. Н. Голицына и благочестіемъ г-жи Крюднеръ была одна существенная разница: онъ былъ по преимуществу теоретикъ, а она постоянно искала практическаго примѣненія своихъ убѣжденій; онъ довольствовался самоуглубленіемъ въ мистеріи піэтизма, а религіозный энтузіазмъ г-жи Крюднеръ постоянно рвался наружу и искалъ такихъ дѣлъ, которыя соотвѣтствовали бы словамъ. Она серьозно желала водворить царство любви на землѣ и жить одними подвигами христіанскаго милосердія. Но въ Россіи она не нашла для своей дѣятельности такого же простора, какимъ пользовалась нѣкоторое время въ Германіи; она уже не

могла открыто заниматься проповѣдью передъ народными массами и должна была довольствоваться небольшимъ кружкомъ друзей и знакомыхъ. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Лифляндіи, въ помѣстьѣ своего брата, она переселилась въ свое имѣніе Коссе и удовлетворяла свою потребность высказываться перепиской съ друзьями и сочиненіемъ религіозныхъ гимновъ. А когда она задумала построить въ Коссе православную церковь и обратилась съ просьбой объ этомъ къ правительству, князь А. Н. Голицынъ отвѣчалъ ей слѣдующимъ письмомъ, изъ котораго ясно видѣнъ контрастъ между хладнокровнымъ піэтизмомъ синодальнаго оберъ-прокурора и неусидчивымъ религіознымъ рвеніемъ г-жи Крюднеръ: „Я просилъ о Греческой церкви, которую вы желаете имѣть въ Коссе и буду говорить съ вами объ этомъ, какъ всегда, съ полной откровенностью. Я вамъ, помнится, уже писалъ, что еще прошлой зимой я старался узнать мнѣніе Государя объ этомъ предметѣ. Онъ далъ мнѣ понять, что все, касающееся постройки церквей, регулировано закономъ, и что строить церковь можно только тамъ, гдѣ въ составъ прихода входитъ не менѣе ста крестьянскихъ избъ или гдѣ владѣлецъ деревни принадлежитъ къ Греческой церкви и, по достаточнымъ мотивамъ, нуждается въ домашней церкви, такъ какъ вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ или немощей не можетъ быть прихожаниномъ другой церкви. Вотъ установленная формальность; помимо ея Государь ничего не дозволитъ, и даже наше духовенство ни на что не согласится, такъ какъ оно не можетъ знать, каково будетъ ваше направленіе и насколько велика ваша любовь къ Господу. Касательно протестантской церкви Государь не сдѣлаетъ никакихъ затрудненій; но вы не можете на это согласиться по многимъ причинамъ, между которыми есть одна, которая особенно меня поразила: вѣдь вы никогда не дозволите, чтобъ въ церкви, построенной на вашей землѣ и вами посвященной Пресвятой Матери, какой-нибудь неологъ сталъ проповѣдывать противъ божественности Спасителя. Тогда всѣ ваши протесты будутъ тщетны; консисторія не повѣритъ вамъ и скажетъ, что вы хотите мистическаго священника и т. д. Наконецъ, вы давно уже не принадлежите къ православной церкви. Вы, конечно, принадлежите къ той внутренней церкви, главою которой Господь; но пока мы живемъ подъ здѣшней оболочкой и изнашиваемъ эту внѣшнюю оболочку, мы должны внѣшнимъ образомъ принадлежать къ одной изъ христіанскихъ церквей до тѣхъ поръ, когда у насъ будетъ одинъ пастырь, а мы будемъ составлять одну паству. Будемъ уважать внѣшность, внутренно совершенствуясь Святымъ Духомъ для бо̀льшаго прославленія Триединаго Бога въ Іисусѣ Христѣ. И такъ просите Господа, чтобъ Онъ просвѣтилъ васъ, Его Святую Матерь, чтобъ Она укрыла васъ подъ Своимъ покровомъ, и чтобъ святые ангелы вдохновили васъ,—если возникшее въ вашемъ сердцѣ желаніе имѣть Греческую церковь въ Коссе есть указаніе, чтобъ вы вступили въ лоно этой первобытной церкви, которая, придя съ Востока, должна отвести туда народъ Божій, въ новую Ханаанскую землю“.

Въ началѣ 1821 года, г-жа Крюднеръ исходатайствовала себѣ дозволеніе переселиться изъ Коссе въ Петербургъ къ своей дочери г-жѣ Беркгеймъ и скоро сблизилась тамъ съ родственницей князя А. Н. Голицына, княгиней Анной Сергѣевной Голицыной, которая также увлекалась мистическими идеями, господствовавшими въ ту пору въ высшихъ сферахъ Петербургскаго общества. По словамъ Эйнара, г-жа Крюднеръ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, снова сдѣлалась предметомъ живаго интереса. Къ княгинѣ А. С. Голицыной стало съѣзжаться многочисленное общество для того, чтобъ видѣть и слышать г-жу Крюднеръ; бѣдные и богатые, штатскіе и военные, аристократы и ремесленники отправлялись туда съ жаждой услышать ея увѣщанія и предостереженія. Но милостиваго расположенія Александра она уже не могла возвратить, а вспыхнувшее въ Греціи возстаніе окончательно отдалило отъ нея Императора. Александръ считалъ своимъ долгомъ не уклоняться отъ тѣхъ принциповъ, которые лежали въ основѣ Священнаго Союза и подавлять всякое народное движеніе, направленное къ низверженію алтарей и престоловъ, а въ возстаніи Грековъ онъ усматривалъ революціонныя стремленія. Напротивъ того, г-жа Крюднеръ, еще живя въ Германіи предсказывавшая появленіе Турковъ и великую войну, вообразила, что это и будетъ именно война за освобожденіе Греціи. Она стала съ жаромъ проповѣдывать о необходимости вступиться за Грековъ, будучи вполнѣ убѣждена, что она вступается за дѣло Божіе и не допуская, чтобъ какія-либо политическія соображенія могли освобождать Русское правительство отъ этого священнаго долга. Она была увѣрена, что императоръ Александръ былъ избранное Богомъ орудіе для освобожденія Греціи. Императоръ былъ очень недоволенъ агитаціей, которую возбуждала г-жа Крюднеръ, и, чтобъ положить этому конецъ, написалъ, какъ разсказываетъ Эйнаръ, къ г-жѣ Крюднеръ письмо на восьми страницахъ, въ которомъ излагалъ тревожившія его мысли. Онъ объяснялъ ей, какъ трудно ему идти вмѣстѣ съ вѣкомъ и отвѣчать на призывъ обратившейся къ нему Греціи; онъ говорилъ о своемъ желаніи исполнять волю Божію, которую еще не могъ распознать, о своемъ опасеніи попасть на ложный путь и благопріятствовать тѣмъ нововведеніямъ, которыя уже сдѣлали столько жертвъ и такъ мало людей довольныхъ и, въ особенности, о принятой имъ на себя обязанности дѣйствовать по соглашенію съ своими союзниками. Затѣмъ, упрекнувъ г-жу Крюднеръ за свободу, съ которой она порицала его правительство и его дѣйствія, онъ далъ ей понять тономъ друга,—но такого друга, который могъ бы выражаться инымъ языкомъ,—что, создавая затрудненія для его министровъ и возбуждая агитацію вокругъ трона, она нарушала свои обязанности подданной и христіанки и что ея присутствіе въ столицѣ можетъ быть допущено только съ условіемъ, чтобъ она хранила почтительное молчаніе объ образѣ дѣйствій, котораго самъ онъ не могъ измѣнить по ея желаніямъ. А. И. Тургеневу было приказано прочесть это письмо г-жѣ Крюднеръ и привезти его назадъ къ Императору. Г-жа Крюднеръ почтительно выслушала содержаніе письма, поручила Тургеневу выразить Импера-

тору ея горячую признательность за ту деликатность, съ которой ея Государь сообщилъ ей свою волю, но она не измѣнила своихъ убѣжденій и не перестала вѣрить, что освобожденіе Греціи написано на небесахъ. Ей было тяжело подчиняться этому запрету, живя въ С.-Петербургѣ, и она возвратилась въ концѣ 1821 года въ Коссе. Тамъ она жила въ одиночествѣ, проводя время въ молитвѣ, въ пѣніи гимновъ, въ заботахъ о бѣдныхъ и въ чтеніи Священнаго Писанія. Когда наступило суровое зимнее время, она не принимала никакихъ предосторожностей противъ холода и кромѣ поста, который уже задолго передъ тѣмъ наложила на себя, она выносила температуру слишкомъ въ двадцать градусовъ ниже нуля по Реомюру, живя въ комнатѣ, гдѣ не было ни печки, ни двойныхъ рамъ. Этимъ способомъ она умерщвляла свою плоть и подавала бѣднякамъ примѣръ того самоотверженія, которое имъ проповѣдывала. Ея дочь, г-жа Беркгеймъ, посѣтившая ее въ теченіе зимы 1823 года, была поражена ея душевнымъ спокойствіемъ и довольствомъ. „Я не видѣла ея съ Іюня,—писала г-жа Беркгеймъ,—„и нашла, что она немного пополнѣла. Въ ней много жизни, и можно бы было подумать, что къ ней возвратилась молодость. Лица всѣхъ тѣхъ, кто ее окружаетъ, выражаютъ привѣтливость и истинное милосердіе, которыя такъ непохожи на свѣтскую вѣжливость. Если ближе въ нее всматриваться, въ ней все наводитъ на любовь къ Богу и на желаніе Его славы и заставляетъ позабывать обо всемъ остальномъ“.

Однако ея здоровье не выдержало тяжелыхъ лишеній, которымъ она добровольно себя подвергала; внутреннія боли, отъ которыхъ она уже давно страдала, приняли болѣе острый характеръ и обнаружили присутствіе мучительной и неизлѣчимой болѣзни. Одиночество и бездѣйствіе усилили тревожное состояніе ея души, и она нашла душевный покой лишь тогда, когда услышала ночью голосъ, говорившій ей: „Отчего боишься ты смерти? Къ тебѣ придетъ ангелъ и перенесетъ твою душу въ среду тѣхъ, кто умѣетъ любить“. Въ это время княгиня А. С. Голицына предложила ей переѣхать для поправленія здоровья въ Крымъ, гдѣ намѣревалась основать колонію изъ Нѣмецкихъ переселенцевъ. Баронесса Крюднеръ приняла это приглашеніе и прибыла въ половинѣ Сентября 1824 года въ Карасубазаръ; но съ наступленіемъ зимы, ея болѣзнь усилилась, и она кончила жизнь 25 Декабря 1824 г. Ея тѣло похоронено въ Армянской церкви, въ Карасубазарѣ, а потомъ было перенесено въ православную церковь, построенную княгиней Голицыной въ основанной ею колоніи Кореисѣ.

В. Н.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ В. А ЖУКОВСКАГО

во время заграничной поѣздки съ покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ.

1838.

Эти путевыя замѣтки изложены въ видѣ письма къ великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ. Небольшой отрывокъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ „Очерки Швеціи“ тогда же, въ 1838 году, безъ имени сочинителя былъ напечатанъ (съ измѣненіями противъ подлинника) въ „Современникѣ“ П. А. Плетнева и нынѣ помѣщается въ собраніяхъ сочиненій В. А. Жуковскаго. Подлинная рукопись осталась у воспитательницы великихъ княженъ графини Ю. Ѳ. Барановой и отъ нея перешла къ ея сыну, графу Эдуарду Трофимовичу, а по кончинѣ его досталась его племяннику графу Алексѣю Павловичу Баранову, которому обязанъ Русскій Архивъ ея сообщеніемъ. П. Б.

Копенгагенъ, 24 Іюня 1838.

Идетъ весьма плохо съ тѣмъ журналомъ, который я обѣщалъ самому себѣ вести для Вашего Высочества. Я веду журналъ, то есть записываю для бѣдной моей памяти то, что̀ каждый день случится, въ немногихъ словахъ, какъ ни попало, карандашомъ, перомъ, полными фразами или только знаками. Все это хорошо для *памяти*, но ничего не значитъ для *письма*, которое все-таки надобно *написать*; а слово *написать* имѣетъ для меня ужасное значеніе: столько нужно для того, чтобы мнѣ приняться за письмо и быть способнымъ его начать и кончить, что я начинаю не понимать, какъ люди *пишутъ*, такъ же точно, какъ я давно не понимаю, какъ люди могутъ что-нибудь *помнить*. Изъ этого предисловія Ваше Высочество можете сдѣлать весьма печальное для меня заключеніе, можете весьма логически рѣшить, что я изъ царства животныхъ, въ которомъ до сихъ поръ принадлежалъ

къ классу людей, заживо перехожу въ царство прозябаемыхъ. Но еще никакъ нельзя рѣшить, въ какой классъ меня впишутъ; чего добраго! можетъ быть, суждено мнѣ докончить свое земное бытіе въ видѣ гриба или папортника. Пока этой бѣды со мною не случилось, попробую воротиться на старый, человѣческій бытъ свой и расшевелить, освѣжить душу свою разговоромъ съ Вашимъ Высочествомъ.

Вотъ уже почти ровно два мѣсяца, какъ мы покинули Петербургъ, а кажется, что прошло болѣе четырехъ: когда много видишь и многимъ занятъ, *настоящая* минута улетаетъ быстро, но въ *прошедшемъ* ихъ скопляется немного. Оборотишься назадъ и увидишь, что счетомъ истратилъ времени мало, но за то прожилъ въ немъ болѣе. Но я замѣчаю въ себѣ какое-то особенное расположеніе *болтать* и дѣлать отступленія. Хочу говорить съ Вашимъ Высочествомъ о нашемъ путешествіи, и вмѣсто того теряю время, разсуждая о его потерѣ. Я не буду Вамъ дѣлать историческаго, порядочнаго описанія нашего странствія. Хорошо описывать то, что̀ случается въ дорогѣ, въ ту минуту, въ которую оно случается; но этого нельзя. А если нельзя, то и описаніе не можетъ имѣть той свѣжести, которая одна только можетъ дѣлать его пріятнымъ. Основательнаго, дѣльнаго, подробнаго суда о видѣнномъ также представить Вамъ не могу по той причинѣ, что шарлатанство не въ моемъ характерѣ: не могу выдавать за существенное и настоящее то, что́ мелькнуло мимо глазъ моихъ въ эти 60 дней, прошедшихъ со времени нашего отъѣзда изъ Петербурга и въ которые мы успѣли оглядѣть часть Пруссіи, Швецію и Данію. Надобно еще замѣтить, что изъ этихъ 60 дней почти половина была жалкимъ образомъ истрачена на церемоніальные визиты, длинные и нездоровые обѣды, душные балы и разныя радости этикета, которыя неизбѣжно преслѣдуютъ всякаго царскаго путешественника и крѣпко падаютъ на его свиту. Въ этомъ послѣднемъ отношенія я нѣсколько свободнѣе всѣхъ другихъ сопутствующихъ Великаго Князя: одинъ завѣдываетъ главнымъ распоряженіемъ и матеріальною частью вояжа, другому поручено отъ Государя Императора писать журналъ, третій изъ этого журнала составляетъ газетныя бюлетени, тотъ ведетъ счеты, раздаетъ перстни, табакерки и пр. и пр.; мнѣ не дано никакого особеннаго порученія, и я имѣю болѣе досуга для занятій путешественника. Но все наше путешествіе идетъ неимовѣрно быстро, и при этой быстротѣ времени столько, столько даромъ потерянныхъ минутъ, которыя не только исчезаютъ безплодно сами, но вредятъ и другимъ, ибо оставляютъ по себѣ несносную усталость. За это все заплатилъ Великій Князь. Бурная жизнь Берлинская и тревожная жизнь Шведская произвели то, что у него, по пріѣздѣ въ Данію, от-

крылась лихорадка, слѣдствіе простуды и усталости. Теперь она прервана, и мы черезъ два и три дня пускаемся снова въ путь. Я пользуюсь этими двумя днями, чтобы написать къ Вашему Высочеству. Но повторяю опять, не ждите отъ меня ничего дѣльнаго и подробнаго; я опишу Вамъ только *сонъ*, который продолжается уже два мѣсяца, и въ которомъ бездна разныхъ образовъ быстро и безпорядочно промчалась передъ душею; а изъ этого сна я выхвачу для Васъ нѣсколько эпизодовъ, которые особенно меня поразили; все прочее можетъ остаться въ моей записной книжкѣ, какъ на кладбищѣ, для котораго конечно уже никакой ангелъ съ трубою не сойдетъ съ неба и не скажетъ: возстаньте мертвые изъ гроба!

Но прежде всего немного словъ о томъ, что̀ и для Васъ, и для меня всего интереснѣе, именно о нашемъ миломъ Великомъ Князѣ. Его путешествіе началось подъ вліяніемъ свыше: первый его шагъ былъ облегченъ присутствіемъ Государя. Когда онъ остался одинъ въ Швеціи и началъ самъ за себя независимо играть свою роль, то уже главное было сдѣлано, первое впечатлѣніе было произведено и на него, и имъ на другихъ наилучшимъ образомъ. Онъ былъ принятъ въ Швеціи и семействомъ короля, и всею націею съ искреннимъ доброжелательствомъ; семья короля полюбила въ немъ его благородную, чистую природу, а нація на него обратила ту благодарность, которую возбудило въ ней уваженіе, ей оказанное въ лицѣ короля, Русскимъ императоромъ. То пріятное чувство, которое должно было произвести въ Великомъ Князѣ его пребываніе въ Швеціи, имѣло счастливое вліяніе и на его первый шагъ въ Даніи. Здѣсь онъ уже не имѣлъ того руководца, который былъ съ нимъ въ Швеціи; онъ явился одинъ посреди незнакомой ему семьи короля Датскаго и сдѣлалъ этотъ шагъ съ достоинствомъ, съ приличіемъ и со всею прелестью молодости, такъ что здѣсь въ королевской семьѣ полюбили его какъ *своего*; особенно старикъ король (честная, добрая душа, почтенный мірянинъ нашего бурнаго вѣка), который (нѣсколько дикій, какъ мнѣ сказывали, по характеру) вдругъ почувствовалъ къ нему нѣчто родственное и обращается съ нимъ безъ принужденія. Такого же рода расположеніе къ нему замѣтно и въ самомъ обществѣ, такъ что его пребываніе здѣсь не есть просто замѣчательное событіе, возбуждающее любопытство, но и милое, для всѣхъ пріятное явленіе, возбуждающее дружеское, симпатическое чувство. По крайней мѣрѣ такъ оно мнѣ кажется, и я здѣсь говорю Вамъ то, что̀ самъ чувствую. Это меня радуетъ за Великаго Князя особенно потому, что, на первомъ шагу въ свѣтъ, ему принадлежащій, онъ встрѣченъ добрымъ расположеніемъ; это необходимо даетъ ему болѣе довѣренности къ самому себѣ и свободы на все

глядѣть непринужденно. Желалъ бы также радоваться нашимъ путешествіемъ, но я не предвижу, чтобъ оно сдѣлало большую пользу Великому Князю: оно будетъ слишкомъ быстро, и въ этомъ быстромъ путешествіи мы должны сообразоваться съ маршрутомъ, который лишаетъ насъ той свободы, которая составляетъ главную прелесть и необходимость путешествія, и принуждаетъ насъ къ той поспѣшности, которая портитъ путешествіе и мѣшаетъ имъ воспользоваться.

Пребываніе въ Берлинѣ было очень шумно; туда съѣхалось до пятидесяти принцевъ и принцессъ; можете вообразить, какая изъ этого тревога вышла для нашего путешественника, а отъ него par contre-coup *) и для всей его свиты. Визиты, прогулки, обѣды, балы, парады: гдѣ въ этомъ вихрѣ найти свободную минуту для обозрѣнія заведеній, для взгляда на внутреннее состояніе государства и т. п.? Для меня же въ особенности пребываніе въ Берлинѣ было и пріятно, и грустно. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ первый разъ въ Берлинъ, прожилъ тамъ довольно времени какъ въ *отечествѣ* и нашелъ искреннихъ друзей, которые навсегда мнѣ остались друзьями; однимъ словомъ, между временами жизни прошлой, которымъ бы я могъ сказать *возвратитесь*, находится и время моей тогдашней Берлинской жизни. Послѣ я еще три раза проѣздомъ былъ въ Берлинѣ на самое короткое время; все это было уже не то. А теперешнее тревожное пребываніе въ Берлинѣ возбудило въ сердцѣ множество чувствъ печальныхъ. Сколькихъ ужъ нѣтъ на свѣтѣ изъ тѣхъ, съ которыми я былъ здѣсь наиболѣе связанъ! Семейство Радзивиловыхъ какъ будто не существуетъ. Но воспоминанія о прошломъ Берлинѣ я не могу отдѣлить отъ воспоминанія о праздникѣ Лалла-Рукъ, о которомъ вы знаете, который былъ для меня тогда какимъ-то очарованіемъ и къ которому принадлежали многіе изъ тѣхъ, коихъ ужъ я не могу доискаться въ нынѣшнемъ Берлинѣ. А съ тогдашнею Лалла-Рукъ (которая, не смотря на то, что уже съ тѣхъ поръ прошло почти двадцать лѣтъ, сохранила всю чистоту и свѣжесть души своей) нахожу теперь другую, какъ будто младшую сестру тогдашней; въ великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ великое сходство съ Императрицею, и это сходство какъ-то болѣе еще поразило меня въ Берлинѣ. Я былъ вмѣстѣ съ нею въ Музеумѣ, потомъ въ частной картинной галлереѣ консула Вагнера. Въ оба раза она мнѣ чрезвычайно понравилась. Она смотрѣла съ какимъ-то простосердечнымъ благоговѣніемъ на нѣкоторыя картины, въ которыхъ выражалась идеальная красота, и дѣла-

*) По отраженію.

ла многія, милыя, очень вѣрныя замѣчанія. Способность понимать красоту есть драгоцѣнное качество души человѣческой; оно болѣе всякой другой способности обнаруживаетъ ея небесную природу: ибо, красота, сама по себѣ, есть нѣчто неземное, принадлежащее землѣ только потому, что и душа наша принадлежитъ ей, но принадлежащее *на время*, только для того, чтобы здѣсь, въ немногія, но высокія минуты здѣшней жизни, пробуждать въ насъ предчувствіе жизни лучшей. Это чувство красоты есть неизмѣнный товарищъ вѣры. Вѣрою мы сводимъ небо на землю; чувствомъ красоты мы земное, такъ сказать, возвышаемъ въ небесное. Прошу васъ простить мнѣ эту метафизику. Я заговорилъ о красотѣ идеальной, потому что вспомнилъ о Лалла-Рукъ и о младшей сестрѣ ея. Я люблю находить въ людяхъ уваженіе къ прекрасному. Чѣмъ болѣе святаго для человѣка, тѣмъ онъ выше, тѣмъ онъ ближе къ своему назначенію, а красота есть святыня. Но это чувство имѣетъ особенную прелесть, когда встрѣтишь его въ молодой душѣ, которая выражаетъ его, такъ сказать, безъ своего вѣдома, съ милою беззаботностью. При этихъ обозрѣніяхъ Музеума и картинъ новѣйшихъ живописцевъ, я вспомнилъ и объ Васъ. Вы бы конечно имѣли много наслажденія. Картины Музеума (который вообще небогатъ первостатейными произведеніями искусства) замѣчательны тѣмъ, что составляютъ полную исторію живописи новой, отъ первыхъ ея временъ до послѣдняго времени: можно составить себѣ общее понятіе о ходѣ искусства, взглянувъ на эти картины, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ размѣщены. Въ картинной галлереѣ Вагнера, напротивъ, находятся однѣ только картины живописцевъ новѣйшей Нѣмецкой школы, въ особенности Дюссельдорфской. Между ними многія прекрасны. По моему мнѣнію живопись въ Германіи идетъ *своею* дорогою впередъ—и идетъ широкими шагами.

Съ чувствомъ національной гордости скажу однако, что между всѣми живописцами, которыхъ произведенія мнѣ удалось видѣть, нѣтъ ни одного, который бы былъ выше нашего Брюлова и даже былъ бы наравнѣ съ Брюловымъ. У него рѣшительно болѣе творческаго генія, нежели у всѣхъ ихъ вмѣстѣ, не выключая и Горація Вернета. Желалъ бы для Брюлова только одного, чтобы онъ къ своему Италіянскому мастерству (Meisterschaft) присоединилъ и идеальность, и глубокое чувство религіозности живописцевъ Германскихъ. Тогда бы онъ конечно сталъ на ряду съ первыми живописцами всѣхъ вѣковъ. Его «Христосъ на Крестѣ», по моему мнѣнію, выше всего, что̀ написала кисть въ новѣйшее время. Но я боюсь за его будущее: онъ въ Петербургѣ исчахнетъ, ему тамъ душно, ему необходима Италія. Посмотрите что̀ сдѣлалъ Торвальдсенъ; онъ не выѣзжаетъ и не можетъ

выѣхать изъ Рима, а между тѣмъ въ каѳедральной церкви Копенгагена (Торвальдсенъ Датчанинъ) стоятъ его двѣнадцать колоссальныхъ апостоловъ и удивительная группа Іоанна, проповѣдующаго въ пустынѣ, назначенная для фронтона той же церкви. Этого Торвальдсенъ не сдѣлалъ бы въ Копенгагенѣ, потому что въ Копенгагенѣ нѣтъ Ватиканскаго Музеума, нѣтъ Капитолійскаго Музеума, нѣтъ развалинъ Рима, и въ особенности нѣтъ того міра художниковъ, который кипитъ въ Римѣ, и посреди котораго душа художника горитъ соревнованіемъ и жадностію творить изящное. Въ Копенгагенѣ, такъ какъ и въ Петербургѣ, этого міра нѣтъ. Брюловъ болѣе полутора года прожилъ въ Петербургѣ, и въ эти полтора года онъ былъ два раза боленъ жестокою простудою, а солнечнаго свѣта почти во все продолженіе длинной нашей зимы у него не было. Между тѣмъ, считая по тому времени, которое онъ *могъ* посвятить на работу, онъ сдѣлалъ множество. Говорятъ, что онъ ничего не оканчиваетъ: надобно лучше говорить, что онъ много *вдругъ начинаетъ*. Отъ этого многое кажется и долгое время бываетъ не кончено; ибо онъ работаетъ, какъ большая часть геніальныхъ художниковъ работаютъ, не въ назначенный часъ дня, а какъ велитъ вдохновеніе: въ иное время рука не подымается, чтобы взяться за кисть; въ другое время цѣлая картина вдругъ родится, какъ будто какимъ волшебствомъ, въ нѣсколько часовъ. А Брюловъ слыветъ лѣнивцемъ, и такое мнѣніе о немъ дано даже Государю, и онъ это знаетъ, и это сильно его огорчаетъ. Подъ вліяніемъ такого чувства и такихъ непоэтическихъ обстоятельствъ Брюловъ и половины или, лучше сказать, и десятой доли не написалъ того, что̀ написалъ бы въ своемъ Римѣ. Указываю на всѣхъ нашихъ художниковъ, что̀ сдѣлали и что̀ дѣлаютъ они въ Петербургѣ? Какая славная картина, замѣченная цѣлою Европою, вышла изъ-подъ ихъ кисти? Брюлова «Помпея» родилась въ Римѣ; Бруни привезъ своего «Моисея» въ Петербургъ и чуть не зачахъ отъ горя, видя, что его докончить тамъ не можетъ. А Уткинъ? По первой гравюрѣ своей, которую онъ сдѣлалъ для Музеума Наполеонова въ Парижѣ, онъ обѣщалъ быть первымъ граверомъ своего времени, но потратилъ талантъ свой на ничтожныя бездѣлушки, выгравировалъ два или три прекрасныхъ портрета; но все-таки имя Русскаго гравера не будетъ поставлено въ списокъ славныхъ Европейскихъ художниковъ, подвинувшихъ впередъ искусство. Но я болѣе всего боюсь за Брюлова. Большое будетъ горе для моего Русскаго сердца, если этотъ геній погаснетъ, не оставивъ ничего такого, что̀ бы прославило его отечество. Намъ нѣтъ никакого дѣла до того, гдѣ работаетъ Брюловъ, въ Римѣ-ли, гдѣ у него есть цѣлый годъ свѣтлое небо и тысяча способовъ, по-

могающихъ искусству, въ Петербургѣ-ли, гдѣ изъ десяти дней девять пасмурныхъ и гдѣ нѣтъ десятой доли тѣхъ пособій, какія на каждомъ шагу встрѣчаются въ Италіи? Намъ нужно, чтобы время императора Николая Павловича было прославлено мастерскими произведеніями такого живописца, который можетъ быть первымъ живописцемъ своего вѣка (если только обстоятельства не сокрушатъ его таланта). Художнику нужна полная свобода творить что́, какъ, гдѣ и когда хочетъ. Покровителямъ художника и друзьямъ искусства надобно только давать способъ воспользоваться этою свободою. Государь любитъ искусство и имѣетъ вкусъ вѣрный. Онъ властенъ употребить геній Брюлова такъ, какъ Юлій II и Левъ X употребили геніи Рафаэля и Мишель-Анжа. Въ Римскомъ Ватиканѣ есть Сикстинская капелла, въ которой Мишель-Анжевъ «Страшный Судъ», «Сивиллы» и «Пророки»; въ томъ же числѣ Рафаэлевы станцы и ложи. Эти чудеса явились на свѣтъ, потому что Мишель-Анжу и Рафаэлю сказали такіе люди, какъ Юлій II и Левъ X: *работайте*, и все оставили имъ въ полную ихъ волю. Тоже можетъ и нашъ Государь сдѣлать съ Брюловымъ. И у насъ есть свой Ватиканъ—Зимній дворецъ. Можетъ быть, онъ и сгорѣлъ для того, чтобы императору Николаю Павловичу (который все то доканчиваетъ, что̀ начинаетъ самъ и что́ начали другіе) сдѣлать изъ него великій памятникъ искусства. По счастію у него есть Брюловъ. Нашъ Зимній дворецъ можетъ въ художественномъ смыслѣ, если не сравняться съ Ватиканомъ (ибо тамъ Рафаэль и Мишель-Анжъ), то по крайней мѣрѣ хотя отчасти до него возвыситься. Въ Ватиканѣ исторія христіанства и католицизма; въ Зимнемъ дворцѣ будетъ исторія Россіи. И никто уже, въ этомъ я увѣренъ, не сдѣлаетъ здѣсь того, что́ можетъ сдѣлать Брюловъ. Но одно для этого условіе: дать ему, что́ называется, *carte blanche*. Пускай онъ составитъ планъ этой великолѣпной, живописной поэмы, которой содержаніе—*Россія отъ начала ея до воцаренія Петра*. Какъ скоро этотъ планъ будетъ одобренъ свыше, то пускай Брюловъ соберетъ всѣ ему нужные этюды (ибо въ этихъ картинахъ лица должны быть Русскія), этюды лицъ, костюмовъ, мѣстъ и зданій. Съ этимъ запасомъ пускай работаетъ, какъ и гдѣ хочетъ. Я увѣренъ, что результатъ будетъ чудесный. Мнѣ кажется, что нигдѣ нельзя работать, какъ въ Италій; тамъ онъ окруженъ художниками, тамъ есть каждый Божій день двѣнадцать часовъ свѣта, и тамъ нѣтъ ревматизма.

Но я совсѣмъ забылъ, что собирался описывать Вашему Высочеству свое путешествіе. Изъ Копенгагена переселился я въ рабочую Брюлова, и вотъ уже три страницы исписалъ о томъ, что̀ можно бы было написать и не выѣзжая изъ Петербурга. Но я дорожу судьбою

Брюлова. Такіе геніи рѣдко родятся, и вѣчное горе будетъ для Россіи, если этотъ геній останется безплоднымъ для ея славы. А я видѣлъ его больнаго, огорченнаго, оскорбленнаго, лишеннаго бодрости— и это въ лучшіе годы жизни! Я радъ, что написалъ объ этомъ нѣкоторую часть того̀, что̀ давно хотѣлъ высказать. Россіи надобно сберечь Брюлова. Онъ можетъ быть главою Русской школы живописи, которая по сію пору еще не существуетъ. Государь можетъ дать крылья его генію; но для этого нужно только сдѣлать его совершенно независимымъ и быть покровителемъ его независимости.....

Воротимся въ Берлинъ, или, лучше сказать, поѣдемъ изъ Берлина. Пока я говорилъ съ Вашимъ Высочествомъ о Брюловѣ, успѣло пройти 16 дней; я успѣлъ повидаться съ оставшимися здѣшними друзьями, поговорить о тѣхъ, которыхъ не могъ доискаться, побывать въ Музеумѣ, у многихъ художниковъ, и остальное время истратить довольно тревожнымъ образомъ, и вотъ (при концѣ моего разсужденія о Брюловѣ) всѣ отправились въ Потсдамъ, и я готовлюсь туда же; но вдругъ получаю приказаніе укладываться, на другой день ѣхать въ Штетинъ и оттуда плыть на пароходѣ въ Свинемюнде, гдѣ дожидаться прибытія Государева. И вотъ уже мы въ Свинемюнде, проѣхавъ черезъ Штетинъ, который для насъ Русскихъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ его маленькихъ стѣнахъ родились наша Великая Екатерина и наша благодушная императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ Свинемюнде, маленькомъ городкѣ, лежащемъ на берегу Балтійскаго моря, на рукавѣ, называемомъ *Свина*, которымъ Штетинскій гаѳъ соединяется съ Балтійскимъ моремъ, мы дождались Государя; тотчасъ по прибытіи Его, пустились въ путь (съ 26 на 27 Мая) и черезъ двое сутокъ съ половиною, то есть 29 числа, вышли на берегъ передъ великолѣпнымъ дворцомъ Штокгольмскимъ, встрѣченные безчисленною толпою народа, которая прелестнымъ образомъ украшала живописный городъ, и громомъ пушекъ, на которыя нашъ «Геркулесъ» отвѣчалъ весьма усердно. Наше плаваніе было благополучно, хотя погода была довольно свѣжая. На пути нашемъ, на разстояніи каждыхъ двадцати миль, мы встрѣчали Русскіе ѳрегаты и, наконецъ, увидѣли весь нашъ ѳлотъ, который страшно загремѣлъ, когда на «Геркулесѣ» поднялся штандартъ Императорскій. Эта минута была великолѣпная. Оставивъ вправѣ Готландъ, мы (утромъ 29) вошли въ шкеры, гранитные острова, разсыпанные по берегамъ Швеціи, и этимъ лабиринтомъ скалъ, частію голыхъ, частію покрытыхъ елями и соснами, и по большей части необитаемыхъ, мимо крѣпостей Даларо и Ваксгольма, добрались до Штокгольма, который весьма живописно явился намъ, разсыпанный на гранитныхъ островахъ своихъ. Мой ка-

рандашъ въ это время не остался въ бездѣйствіи см. № 1, 2, 3 и 4 рисунковъ *).

Вся наша Шведская жизнь продолжалась не болѣе 16 дней. Отъ 29 Мая до 3 Іюня мы пробыли въ Штокгольмѣ. Съ 3 Іюня по 9 число странствовали по озеру Меларну, посѣтили Упсалу и Данеморскіе рудники; потомъ возвратились въ Штокгольмъ, гдѣ провели не болѣе сутокъ; наконецъ, 10 Іюня покинули Штокгольмъ, черезъ за̀мокъ Тулсгарнъ, принадлежащій кронпринцу, черезъ города Ничёпингъ и Норчёпингъ переѣхали въ Бергѐ, находящійся на Готскомъ каналѣ; здѣсь сѣли на пароходъ, на коемъ доплыли до городка Моталы, лежащаго на берегу Веттерна, потомъ перерѣзали это озеро во всю его ширину, вышли на берегъ въ Карлбергѣ или Ваннесѣ, гдѣ ночевали и откуда на другой день переѣхали въ Пумгетту; здѣсь осмотрѣли водопадъ и шлюзы рѣки Готы и къ вечеру прибыли въ Готебургъ,—послѣднее мѣсто пребыванія нашего въ Швеціи.

Швеція, если судить по тому, что̀ намъ удалось видѣть во время быстраго нашего путешествія, есть гранитное царство. Вездѣ слой земли, болѣе или менѣе тонкій, покрываетъ гладкую площадь гранитную, и вся поверхность этой площади усыпана обломками того же гранита, которые всѣ вообще имѣютъ круглую форму, подобно камнямъ, скопляющимся на днѣ быстрой рѣки, которая силой воды мчитъ ихъ и мало-по-малу округляетъ. Эти гранитные обломки, составляющіе нѣмое преданіе о какомъ-то давнишнемъ боѣ стихій, представляютъ явленія разительныя. Иногда посреди широкаго зеленаго поля лежитъ огромная круглая скала, совершенно голая, слегка подернутая мохомъ, какъ желѣзо ржавчиною, и видно, что она откуда-то прикатилась, ибо она не составляетъ продолженія той поверхности, на коей лежитъ, а только едва къ ней прикасается своею отдѣлившеюся отъ нея базою. Иногда множество гранитныхъ обломковъ лежатъ кучею, подобно зернамъ, вдругъ высыпавшимся изъ какого-то огромнаго сосуда; иногда эти крупные и мелкіе обломки разсыпаны по плоскому мѣсту и составляютъ лабиринтъ скалъ, подобный Алупкинскому саду, съ тою только разницею, что здѣсь камни голы, зеленый плющъ ихъ не одѣваетъ, и между ними не пробиваются ни кипарисы, ни лавры; а вмѣсто живописныхъ деревьевъ Юга, обвитыхъ плющемъ и виноградомъ, торчатъ на ихъ голыхъ вершинахъ и бокахъ однообразныя ели и сосны и изрѣдка березы, которыхъ корни сквозь трещины гранита проникаютъ въ землю и, переплетаясь на поверхности камня, состав-

*) Этихъ рисунковъ мы не имѣемъ.—Путешествуя съ Александромъ Николаевичемъ по Россіи, Жуковскій также постоянно снималъ виды замѣчательныхъ мѣстъ и потомъ переводилъ ихъ на большіе листы. П. Б.

ляютъ для него какое-то чудное кружевное покрывало. Промежутки между этими камнями покрыты пашнями, которыя, во время нашего путешествія (отъ долговременной засухи) не представляли большой надежды на богатую жатву. Хижины поселянъ разсѣяны по полямъ и не составляютъ, какъ у насъ, отдѣльныхъ селеній. Въ нихъ вообще видна опрятность, но архитектура ихъ не живописна и не имѣетъ никакого особеннаго характера: крутыя кровли (соломенныя или тесовыя), стѣны изъ обтесанныхъ бревенъ, довольно большія окна, отъ которыхъ внутри хижинъ должно быть всегда свѣтло и слѣдственно весело, и вообще всѣ стѣны извнѣ выкрашенныя темнокирпичною краскою (сберегающею ихъ отъ дѣйствія внѣшней температуры), отъ чего хижины мало отдѣляются отъ окружающаго ихъ ландшафта, и тогда только бываютъ очень замѣтны, когда на нихъ ярко свѣтитъ солнце. Жители этихъ хижинъ вообще красивой наружности; они привѣтливы; въ ихъ обращеніи чувствительно какое-то непринужденное доброжелательство и простодушіе (сколько можно судить объ этомъ тому, кто, не зная ихъ языка, не могъ съ ними завести разговора); особенно между женщинами множество прекрасныхъ, бѣлокурыхъ, съ голубыми, часто весьма выразительными глазами (это намъ было особенно замѣтно въ городахъ, гдѣ, при нашемъ проѣздѣ, всѣ окна составляли рамы живыхъ картинъ, и въ каждой изъ этихъ рамъ являлась группа изъ пяти или шести лицъ, между коими всегда половина была прекрасныхъ). Между этими скалами, по этимъ полямъ и лѣсамъ, проложены прекрасныя дороги. Ихъ содержать въ исправности нетрудно: матеріалъ для этого почти вездѣ подъ рукою; но онѣ вездѣ очень узки и, отъ неровности мѣстъ, отъ множества камней, повсюду разбросанныхъ, вьются какъ змѣи. По этимъ излучистымъ узкимъ дорогамъ, на коихъ нигдѣ нѣтъ перилъ, маленькія Шведскія лошади несутся съ тобою во весь опоръ и подъ гору быстрѣе, чѣмъ по ровному мѣсту. Почтовая ѣзда учреждена здѣсь особеннымъ образомъ. На станціяхъ нѣтъ лошадей; эти станціи служатъ для нихъ только сборнымъ мѣстомъ на случай проѣзда путешественника, который (если онъ ѣдетъ въ своемъ экипажѣ) долженъ имѣть и свою сбрую, и своего кучера, и этотъ кучеръ одинъ служитъ ему на все его путешествіе. Впередъ отправляется *нарочный*, по наряду котораго собираются на станціяхъ въ назначенный часъ нужныя лошади; эти лошади крестьянскія, не привыкшія къ большимъ экипажамъ и неизвѣстныя тому, который долженъ ими править. Не смотря на то, онъ бодро садится на козлы и погоняетъ безъ милосердія свою четверню или шестерню (смотря по экипажу), не заботясь о томъ, по ровному ли мѣсту онъ скачетъ, или подъ гору. Иногда при началѣ спуска не зна-

ешь, что подъ горою, оврагъ или рѣка, есть ли мостъ, нѣтъ ли встрѣчнаго; лошади скачутъ, кучеръ погоняетъ и говоритъ, что здѣсь не слыхано, чтобы кто-нибудь былъ опрокинутъ. А за коляской сидитъ хозяинъ лошадей, а иногда два или три (если экипажъ запряженъ четверкою или шестеркою); они висятъ сзади какъ мѣшки, уцѣпившись одинъ за другаго, и такимъ образомъ болтаются до смѣны, гдѣ имъ возвращаютъ ихъ лошадей и платятъ за проѣздъ.

Особенную красоту Шведской природы составляютъ великолѣпныя озера, тамъ повсюду разсыпанныя. Зрѣлище, представляющееся на этихъ озерахъ, весьма сходно съ тѣмъ, которое представляетъ вся окружающая ихъ сторона. Вмѣсто зеленыхъ полей вообразите только равнину водъ, и вы увидите надъ водами тѣже группы камней и скалъ, которыя являются между полями, составляя на сушѣ каменныя, покрытыя елями и соснами возвышенія, отдѣльные голые или лѣсистые холмы, или просто отвалившіяся, Богъ знаетъ откуда, скалы, а посреди озера большіе и малые острова, то отлогіе, то крутые, то лѣсистые, то голыя и торчащія изъ водъ скалы, или отдѣльныя или набросанныя странными грудами. Эти озера прелестны, но ихъ нельзя сравнивать ни съ озерами Швейцаріи и Тироля, ни съ озерами Италіи.

Бросивъ общій бѣглый взглядъ на Швецію, то есть на ту сторону Швеціи, которую намъ удалось видѣть въ немногіе дни нашего здѣсь пребыванія, опишу Вашему Высочеству нѣкоторыя наши поѣздки во внутренность Шведскихъ провинцій. Первая поѣздка по озеру Меларну, продолжавшаяся пять дней, была вообще прекрасная. Погода намъ благопріятствовала; было ясно, ни жарко, ни холодно. Озеро Меларнъ самое живописное изъ большихъ озеръ Швеціи. Особенную прелесть даютъ ему излучины его гранитныхъ береговъ, покрытыхъ елями, соснами и березами, некрутыхъ и даже неразнообразныхъ, но придающихъ озеру какую-то оригинальную живописность тѣмъ, что они то стѣсняются, и озеро представляетъ тогда широкую рѣку между лѣсистыми берегами,—то расходятся, и тогда передъ глазами прекрасная равнина водъ, усыпанная большими и малыми островами, которые своими живописными группами составляютъ отличительный характеръ Меларна передъ другими большими озерами Швеціи. При свѣтѣ солнца, особливо въ тихую погоду, эти острова составляютъ зрѣлище очаровательное. Иногда видишь густую рощу, которой вѣтви наклоняются до поверхности воды и которая подымается изъ озера огромною зеленою массою, скрывая отъ глазъ свое гранитное основаніе; иногда разсыпана по водамъ группа гранитныхъ округленныхъ скалъ, иныя голы, иныя покрыты густымъ кустарникомъ, на иной

торчитъ всего на все одна ель, какъ будто уцѣпившаяся за нее своими корнями, чтобы спастись отъ бури; иногда совсѣмъ не видно гранита, а видно нѣсколько деревьевъ, выходящихъ изъ водъ и какъ будто выросшихъ на влажной ихъ поверхности. Все это оживлено лодками и судами, кое гдѣ распущенные паруса величаво поднимаются между группами малыхъ островов, или прелестно бѣлѣютъ на темномъ грунтѣ лѣсистаго берега. Повсюду по берегамъ, входящимъ въ озеро длинными мысами или принимающимъ его въ себя глубокими заливами, мелькаютъ зàмки, церкви, крестьянскіе домы. Однимъ словомъ, картина Меларна была прелестная, и я любовался ею отъ всего сердца. (Рисунки № 5. 6, 7 и 8).

Цѣлью нашего плаванія въ этотъ день былъ старинный зàмокъ Грипсгольмъ, замѣчательный и своею архитектурою, и своими историческими воспоминаніями. Этотъ зàмокъ лежитъ весьма живописно въ глубинѣ залива. Мы пріѣхали въ него въ 7 часовъ вечера, посѣтивъ литейную барона Варендорфа, на коей отлито много пушекъ для Россіи. На пути туда преслѣдовала насъ ужасная гроза съ проливнымъ дождемъ; но она утихла скоро, и небо было ясно, когда мы вступали въ древнія стѣны Грипсгольма. Наконецъ, я глазами увидѣлъ одинъ изъ тѣхъ Шведскихъ зàмковъ, о которыхъ такъ много было разсказано моему воображенію во время оно. Шведскіе зàмки, возвышающіеся на берегу озеръ, посреди лѣсистыхъ скалъ, имѣютъ особенную репутацію: въ каждомъ гнѣздится привидѣніе. Грипсгольмъ по своей наружности болѣе другихъ достоинъ былъ такой славы (№ 9, 10—11). Стѣны составляютъ неправильный многоугольникъ; по угламъ возвышаются башни; внутри стѣнъ два тѣсныхъ двора также неправильной фигуры. Внѣшній дворъ замѣчателенъ для насъ особенно тѣмъ, что посреди его стоятъ двѣ пушки, отнятыя Шведами у Русскихъ въ 1581 году и вылитыя Русскимъ мастеромъ Андреемъ Чеховымъ, одна въ 7085, а другая въ 7087 отъ С. М., какъ тогда считалось. Подъ сводомъ воротъ, ведущихъ на этотъ дворъ, есть тѣсная дверь, черезъ которую спускаешься въ мрачное подземелье; тамъ въ стѣнѣ есть узкая, низкая, совершенно темная келья съ тяжелою дверью; въ этой кельѣ умеръ отъ голода брошенный въ нее епископъ (какъ его звали, теперь не вспомню). Мы всѣ собрались въ старинной залѣ, въ которой, во время Густава Вазы, построившаго зàмокъ (то есть въ половинѣ XVI вѣка), собирались сановники Швеціи, гдѣ король пировалъ съ многочисленными гостями и гдѣ вокругъ стола его, великолѣпно убраннаго, тѣснилась, по тогдашнему обычаю, толпа зрителей. Эта палата имѣла для моего воображенія особенную прелесть тѣмъ, что въ ней все сохранилось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было при ве-

ликомъ Густавѣ: огромныя окна съ широкими простѣнками, деревянныя панели весьма высокія, окружающія всю залу; стѣны, обвѣшанныя портретами королей Шведскихъ во весь ростъ; мѣсто для оркестра и для буфета, штучный деревянный рѣзной потолокъ. Посреди этихъ древностей мы, мы молодые и старые, пировали весело и, можетъ быть, молодой прелестный нашъ Цесаревичъ сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за три вѣка передъ симъ старикъ Ваза пилъ изъ своего кубка, сидя между своими двумя сыновьями, которыхъ судьба дала такую трагическую знаменитость зàмку Грипсгольму. За столомъ кронъ-принцъ (не вдали отъ котораго я сидѣлъ) сказалъ мнѣ, что изъ всѣхъ горницъ зàмка та именно, которая была отведена мнѣ для ночлега, была особенно предпочитаема тѣми привидѣніями, кои издавна выбрали его мѣстомъ своего пребыванія. Это заставило меня задуматься, и то, чтó насъ окружало, получило въ глазахъ моихъ какую-то сверхъ-естественную таинственность. Вдругъ смотрю на толпу зрителей (которые тѣснились за нашими стульями и составляли какую-то живую подвижную картину, надъ которою огромные старинные портреты поднимались неподвижнымъ фрунтомъ и представляли рядъ безмолвныхъ зрителей, какъ будто пришедшихъ съ того свѣта, чтобы узнать чтò дѣлаетъ поколѣніе нашего вѣка), и что же вижу? Блѣдная фигура, съ оловянными неподвижными глазами, которые тускло свѣтились сквозь очки, надвинутыя на длинный носъ, смотритъ на меня пристально. Я невольно вздрогнулъ. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей, такъ тихо и медленно, что, казалось, не шла, а вѣяла и вдругъ пропала. Кто была эта гостья, не знаю; но мнѣ пришло въ голову, что это былъ образчикъ того явленія, которое ожидало меня ночью. Вотъ мы отужинали. Но прежде нежели разойтись, пошли осматривать старинныя горницы зàмка, и между ними замѣтили особенно ту, которая служила тюрьмою Іоанну, сыну Густава-Вазы, заключенному въ ней братомъ, королемъ Эрикомъ XIV. Въ ней ничто не перемѣнилось; а для насъ была особенно замѣчательна въ ней та ниша, въ которой стояла постель жены Іоанна: здѣсь родился Сигизмундъ, бывшій послѣ королемъ Польскимъ и игравшій такую бѣдственную роль въ смутныя времена Россіи. Но эта тюрьма есть великолѣпное жилище въ сравненіи съ тою ужасною темницею, въ которой послѣ былъ запертъ Іоанномъ Эрикъ, лишенный имъ престола, потерявшій отъ горя разсудокъ и потомъ брошенный въ ужасное подземелье, гдѣ, наконецъ, погибъ отъ яду. Въ этой тюрьмѣ всего на все одно узенькое окно, сквозь которое чуть видѣнъ лоскутокъ неба, сливающагося съ озеромъ въ отдаленіи; передъ этимъ окномъ съ утра до вечера стоялъ заключенный Эрикъ,

опершись на него локтемъ, которымъ вытеръ въ кирпичѣ ямку, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ упиралась нога его, и теперь чувствительна впадина.

Наконецъ, мы разстались, и я пришелъ въ свою горницу, довольно приготовленный къ тому, что̀ меня тамъ ожидало. Вотъ ея описаніе. Узенькая, недлинная лѣстница винтомъ ведетъ въ переднюю, обвѣшенную старинными портретами, съ темною каморкой, гдѣ приготовлена была постель для моего человѣка. Изъ этой мрачной передней входъ въ круглую спальню съ двумя огромными окнами, идущими отъ потолка до полу; но эти огромныя окна едва могутъ освѣщать горницу, ибо стѣны ея аршина въ три толщиною, и окна кажутся какъ будто на концѣ коридоровъ. Стѣны этой спальни также обвѣшены огромными портретами, изъ которыхъ многіе новые, напримѣръ портреты Екатерины и императора Павла. За то другіе кажутся выходцами съ того свѣта. Особенно не понравились мнѣ два женскихъ портрета, которые оба показались списанными съ Берлинской Бѣлой-Женщины; и всѣ эти портреты смотрятъ на тебя пристально, такъ что никуда нельзя оборотить головы, не встрѣтивъ мертвыхъ, вытаращенныхъ на тебя, глазъ. Въ простѣнкѣ зеркало, въ которомъ темно и пусто; на столѣ другое зеркало, въ которомъ такая же темнота и пустота.

Противъ зеркала огромная длинная печь изъ темныхъ кафель, похожая на неподвижнаго великана съ отрубленной головой въ черной мантіи. Противъ оконъ глубокой темной альковъ съ старинною кроватью, и въ ногахъ этой кровати маленькая потаенная дверь, ведущая Богъ знаетъ куда; ибо, отворивъ ее, увидѣлъ я передъ собою мрачный, длинный, узкій каменный коридоръ со сводомъ, изъ котораго такъ и повѣяло на меня сыростью могилы. Къ довершенію всего, на этой потаенной дверкѣ виситъ портретъ, на который нельзя взглянуть не содрогнувшись: лицо какъ будто какого-то старика, но̀ какія черты его? И видишь ихъ и нѣтъ; за то поражаютъ тебя глаза, въ которыхъ явственны одни только бѣлки, и эти бѣлки какъ будто кружатся и все за тобою слѣдуютъ.

Такова была храмина, приготовленная мнѣ для ночлега въ за̀мкѣ Грипсгольмѣ, какъ будто въ наказаніе за мои грѣшныя баллады, въ которыхъ такъ много привидѣній всякаго рода. Вотъ я раздѣлся, человѣкъ мой ушелъ, заперся въ своей каморкѣ, и скоро его храпѣніе возвѣстило мнѣ, что онъ погрузился въ глубокій сонъ. Я остался одинъ и по своему обыкновенію началъ ходить по горницѣ, куря свою сигару. Чувствительно было, что въ замкѣ все мало-по-малу засыпало. Нѣсколько разъ слышались голоса, они замолчали; нѣсколько разъ слышались шаги идущихъ черезъ дворъ или по лѣстницамъ, или двери

стучали затворяясь. Наконецъ, все это умолкло; стало совершенно тихо. Я слышалъ одни только собственные шаги свои, и со мной ходила моя тѣнь, которая то являлась передо мною, то слѣдовала сзади, то вдругъ протягивалась по потолку, и отъ этого въ темномъ зеркалѣ, на которое я иногда косился, замѣтно было какое-то движеніе. Было уже за полночь. Ходя взадъ и впередъ по горницѣ, я подходилъ часто къ окнамъ. Предъ самыми окнами растутъ деревья, сквозь нихъ видъ на озеро Меларнъ, которое вдали сливается съ горизонтомъ, и отъ этого кажется (особливо въ лѣтнюю полусвѣтлую ночь), что за этими деревьями все оканчивается и что зàмокъ стоитъ на краю пустаго пространства. И ночь была удивительно тиха: ни малѣйшаго слѣда волны не было замѣтно на озерѣ; можно было пересчитывать листы, которые всѣ вырѣзывались на туманной бѣлизнѣ воды и неба и были совершенно неподвижны. Не помню, чтобы когда нибудь прежде я имѣлъ такое полное, таинственное чувство тишины, которое въ тоже время есть и глубокое чувство жизни. Удивительное молчаніе царствовало повсюду; все вокругъ меня спало, кромѣ только одного паука, который работалъ въ окнѣ, то тихо опускался по длинной своей паутинкѣ, то быстро прялъ своими ножками, подымаясь вверхъ, и это движеніе безъ всякаго шороха только что увеличивало чувство всеобщаго спокойствія. Такимъ образомъ я прогуливался болѣе часу по своей горницѣ. Наконецъ, надобно было рѣшиться загасить свѣчу и лечь спать. Что же? Я подхожу къ своей постели....

Но мнѣ надобно оставить перо: это письмо начато мною въ Копенгагенѣ, а послѣднія страницы его написаны въ Любекѣ, куда мы пріѣхали вчера.

Велятъ печатать письма. Въ слѣдующемъ письмѣ моемъ доскажу Вашему Высочеству то, чтò случилось со мною въ зàмкѣ Грипсгольмѣ. Прошу Васъ простить мнѣ, если письмо мое написано нечетко; переписывать его, право, нѣтъ времени. Смѣю надѣяться на Ваше милостивое снисхожденіе.

Приношу мое сердечное почтеніе Ея Императорскому Высочеству Ольгѣ Николаевнѣ.

ПРИПИСКА. Если Вашему Императорскому Высочеству будетъ невозможно прочитать письмо мое, то благоволите пригласить для его прочтенія Петра Александровича Плетнева: онъ знаетъ мою руку хорошо и поможетъ разобрать мои несчастныя каракули. Вижу самъ, что я безмѣрно былъ болтливъ; написалъ множество страницъ, а четвертой

доли не сказалъ Вашему Высочеству того, что́ думалъ про себя и *про Васъ* (ибо мнѣ почти всегда приходите на память Вы, когда придетъ въ голову добрая мысль, которую не хотѣлось бы сберечь про одного себя). Длина письма моего происходитъ отъ двухъ причинъ: одна хорошая, та, что я пишу не оглядываясь и говорю все, что̀ входитъ въ умъ и ложится подъ перо. Другая худая, та, что я сталъ старъ, слѣдственно глупъ и болтливъ. Этого поправить ужъ нечѣмъ.

Еще разъ прошу милостиво простить меня и вѣрить, что я въ полномъ значеніи этого слова

Вѣрноподданный Вашего Императорскаго Высочества

Жуковскій.

2 (14) Іюля (1838).
Любскъ.

Затѣмъ въ подлинникѣ нарисована колѣнопреклоненная фигурка и подъ нею написано:

Эта фигура изображаетъ то благоговѣйное положеніе, въ которомъ нахожусь я самолично всякій разъ, когда вспомню о ея высокопревосходительствѣ Юліи Ѳедоровнѣ, которую люблю всѣмъ сердцемъ и которой да пошлетъ Господь Богъ здравія и долголенствія.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕОНИДА ѲЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА *).

IV.

Какъ извѣстно, государь Николай Павловичъ съ особенною любовію занимался устройствомъ Петергофа и осушалъ болота, которыми Петергофъ въ прежнее время былъ окруженъ. Распространивъ его, съ одной стороны вплоть до Стрѣльны, съ другой до Ораніенбаума, и наконецъ до селенія Бабьи-Гоны, все это пространство онъ соединилъ тѣнистыми парками, въ которыхъ настроилъ безподобные павиліоны. Въ каждомъ павиліонѣ имѣлась особенная комната для кабинета Его Величества на случай, еслибы пришла ему охота утромъ, въ жаркіе дни, принимать доклады и заниматься дѣлами на Озеркахъ или въ Бельведерѣ. Всѣхъ павиліоновъ насчитывалось въ Петергофѣ до восемнадцати. Иногда Императрица пріѣзжала сюда кушать чай. Положительно, Петергофъ былъ царская волшебная резиденція.

Между прочими украшеніями Государь, на импровизированномъ озерѣ, выстроилъ крестьянскій домикъ или, лучше сказать, усадьбу, которую и назвалъ Никольскимъ. Этотъ домикъ очень занималъ его, какъ наружнымъ видомъ, такъ и внутреннимъ устройствомъ. Столы, скамейки были изъ полированнаго какъ зеркало дуба; стѣны бревенчатыя, но какъ сложены! Посуда, какъ и все, была простая Русская; но все до послѣдней мелочи доказывало, что хозяинъ усадьбы мужичекъ очень богатый. Въ сѣнцахъ висѣла на вѣшалкѣ солдатская шинель Измайловскаго полка, которую Государь надѣвалъ, когда Императрица пріѣзжала въ Никольское кушать чай. Тутъ Государь, какъ хозяинъ, угощалъ свою хозяйку; тутъ и садикъ былъ разведенъ, и

---

*) См. выше, стр. 218.

двѣ коровки были, на случай, что Государыня пожелаетъ откушать молочка.

Графъ П. Д. Киселевъ также проживалъ въ Петергофѣ въ министерскомъ домѣ, каждые первые три дня недѣли. Моя же обязанность была, какъ секретаря его сіятельства, привозить ему изъ Петербурга бумаги къ царскому докладу.

Въ одинъ изъ таковыхъ моихъ пріѣздовъ съ бумагами, графъ обратился ко мнѣ со словами: «Какъ вчера я попался!... Уже нѣсколько разъ, Государь мнѣ говорилъ съѣздить полюбоваться его Никольскимъ.... Вчера опять онъ меня спрашивалъ, былъ-ли я въ Никольскомъ, и какъ нахожу я его солдатскую усадьбу? Совѣстно было сознаться, что я еще не былъ въ этомъ новомъ павиліонѣ, и я отвѣчалъ: «Былъ, ваше величество, прекрасно, очень удачно!»

— Неправда-ли? сказалъ Государь, очень хорошо?

— «Точно такъ, ваше величество!»

— А замѣтилъ-ли ты, какой эффектъ придаютъ два дуба около воротъ?

— «Нельзя не замѣтить, прелестно!»

— Такъ ты солгалъ!... Дубовъ никакихъ тамъ нѣтъ, да и ты въ Никольскомъ не былъ. Чтобы тебя наказать, сейчасъ отсюда поѣзжай туда, все осмотри и вечеромъ мнѣ разскажешь, что видѣлъ и понравилось-ли тебѣ.

Передавъ этотъ неловкій случай, графъ прибавилъ:

— «Глупо, очень глупо поступилъ; и самъ не знаю, какъ это у меня вырвалось сказать: «Былъ, ваше величество!»

Изъ Александріи ежедневно, не смотря ни на какую погоду, Государь пѣшкомъ въ 9 часовъ утра отправлялся въ большой Петергофскій дворецъ; заходилъ непремѣнно во дворецъ Монъ-Плезира и, войдя въ спальную царя Петра, съ благоговѣніемъ и крестнымъ знаменіемъ, прикладывался къ царскому колпаку, находившемуся на царской постели. Къ десяти часамъ, онъ былъ уже въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ, гдѣ принималъ доклады и занимался съ министрами до 2-хъ, а иногда и до 3-хъ часовъ. Послѣ занятій, его можно было встрѣчать гдѣ-нибудь въ паркѣ, пѣшкомъ, въ бѣлой высокой его фуражкѣ и сюртукѣ безъ эполетъ, сзади дрожки въ одиночку. Онъ осматривалъ свои новыя затѣи или указывалъ управлявшему Петергофомъ генералу Лихардову направленіе какой-нибудь новой дорожки. Вечеромъ катался онъ въ шарабанѣ со всею царскою семьею, заѣзжалъ въ большой верхній садъ, на музыку, гдѣ обыкновенно собирались жители Петергофа и пріѣзжіе изъ Петербурга, и кушалъ чай въ одномъ изъ павиліоновъ, куда приглашались очень немногіе.

Украшая и обстраивая Петергофъ, онъ не оставлялъ безъ вниманія даже весьма отдаленныя отъ общаго гулянья мѣстности. Такъ, между Самсоньевскимъ павиліономъ и дер. Луизино, по дорогѣ къ Александровскому парку, произрасталъ на болотѣ дрянной корявый березнякъ. Государь пожелалъ придать этой мѣстности болѣе красивый видъ, и такъ какъ она принадлежала вѣдѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ, онъ выразилъ графу Киселеву желаніе, чтобы онъ распорядился насажденіемъ хорошаго березнику, въ видѣ густой рощи. Немедленно было приступлено къ работамъ, и надзоръ былъ порученъ мнѣ графомъ. Въ глубокой осени мы рыли канавы, равняли кочковатую мѣстность, корчевали и насадили болѣе 150.000 штукъ березъ.

Въ началѣ Апрѣля слѣдующаго года, снѣгъ еще былъ на поляхъ, Государь ѣздилъ въ Петергофъ, осматривать какія-то постройки, и при этомъ и нашу работу, и по возвращеніи выразилъ графу Киселеву негодованіе. Онъ былъ очень недоволенъ произведенными работами. «Что это! Вмѣсто деревьевъ натыканы вѣники. (Въ началѣ Апрѣля всѣ посадки казались еще мизернѣе). Я этого оставить не могу и не дозволю, сказалъ Государь. Поручаю тебѣ къ пріѣзду Императрицы въ Петергофъ все это исправить и исправить какъ слѣдуетъ. Я хочу, чтобы была роща, понимаешь меня?»

Вернулся мой графъ отъ царскаго доклада очень недовольный, обрушился на меня и тутъ же приказалъ отправиться въ Петергофъ и немедленно приступить къ устройству желаемой рощи.

Каково было предпринять такую работу, на такомъ пространствѣ, въ концѣ Апрѣля, и все кончить къ Іюню мѣсяцу! Чтобы ускорить дѣло, я выхлопоталъ нарядъ баталіона Семеновскаго полка. Мы вытаскивали все что было посажено осенью и вновь засаживали деревцами, но только отъ 5—6 аршинъ вышиною. Дѣйствительно, роща выросла, и къ 15-му Мая мѣстность совершенно измѣнилась. Государь остался весьма доволенъ. По прибытіи Императрицы въ Петергофъ, онъ повелъ ее въ Александровскій паркъ, новою лѣсистою дорожкою, и при въѣздѣ въ паркъ, на площадкѣ, окруженной столѣтними соснами, Императрица увидала на колоннѣ бѣлаго мрамора поставленный ея бюстъ, съ надписью: «Счастію моей жизни», украшенный массою цвѣтовъ. Въ настоящее время роща, надѣлавшая въ то время столько хлопотъ и волненій, представляетъ прекрасный березовый лѣсъ; поставленный же памятникъ покойной царицѣ побуждаетъ каждаго изъ гуляющихъ подумать объ этой превосходной женщинѣ.

Петергофъ всегда славился иллюминаціями; но иллюминація, которая была устроена въ годъ свадьбы королевы Ольги Нико-

лаевны представляла необычайное великолѣпіе и волшебство. Вся мѣстность Озерковъ съ островами и павиліонами была залита огнями. Дворъ и приглашенные находились на Царицыномъ Островѣ, гдѣ былъ сервированъ чай и угощеніе фруктами. На Ольгиномъ островѣ и вдоль всего берега озера была разсыпана, въ костюмахъ Итальянокъ и Итальянцевъ, вся наша балетная труппа, гуляющими толпами въ видѣ многолюдной ярмарки, со всѣми народными весельями и маріонетками. Итальянскіе же оперные артисты, съ извѣстнымъ Рубини во главѣ, въ разукрашенныхъ катерахъ катались по озеру и напѣвали свои баркароллы подъ звуки гитаръ, цитръ и арфъ. Все это до того было восхитительно, въ дивную Іюльскую ночь, что дѣйствительно праздникъ этотъ представлялъ какъ бы «одну изъ тысячи ночей».

Время свадьбы великой княгини Маріи Николаевны также было блистательное и шумное въ Петергофѣ. Наѣхало много царскихъ гостей; праздники, балы, иллюминаціи не прекращались. Былъ многолюдный балъ въ большомъ дворцѣ; приглашенныхъ до 800 человѣкъ. Я былъ дежурный камеръ-юнкеръ съ камергеромъ Пельчинскимъ при ея высочествѣ. Во время танцевъ великая княгиня сказала Пельчинскому, что она желаетъ танцовать съ Австрійскимъ посломъ графомъ Фикельмономъ. Пельчинскій засуетился, бѣгалъ по залѣ, отыскивая графа; но народу было такъ много, что онъ не скоро нашелъ его въ другой комнатѣ разговаривающаго съ Государемъ Императоромъ. Помѣшать ли разговору, заставить ли великую княгиню ожидать, онъ недоумѣвалъ, сконфузился, въ близости къ Государю совсѣмъ растерялся, и въ торопяхъ, нетвердымъ голосомъ, пробормоталъ: «Monsieur le comte... Monsieur le comte... Madame la duchesse de Leuchtenberg vous prie... de lui faire l'honneur... de danser avec elle!» Графъ низко поклонился Государю и поспѣшилъ къ великой княгинѣ. По отходѣ графа, Государь, бросивъ орлиный взглядъ на Пельчинскаго, громко, отчетливо, какъ бы отчеканивая, сказалъ: «Только неучъ можетъ такъ выражаться. Во первыхъ, у насъ нѣтъ duchesse de Leuchtenberg, —у насъ есть Son Altesse Impériale, Madame la Grande-duchesse Марья Николаевна; во вторыхъ, не эти господа, а она имъ дѣлаетъ честь танцовать съ ними... Извольте оставить залу!»

Все это было высказано такъ громко, что произвело волненіе въ залѣ. Подоспѣлъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, оберъ-камергеръ графъ Литта, и бѣднаго, сильно сконфуженнаго Пельчинскаго тутъ же спровадили. Ко двору его болѣе уже не приглашали; но онъ духу не терялъ, показывался въ обществѣ и даже пояснялъ случившійся съ нимъ «malheureux accident».

На моей обязанности, между прочимъ, лежало, по Понедѣльникамъ (день личнаго доклада графа Киселева Государю) подбирать въ портфель слѣдующія къ докладу бумаги. Графъ имѣлъ для этого два портфеля: одинъ синій, другой зеленый. Я вкладывалъ бумаги по назначенію самого графа, которую вложить въ синій, и которую въ зеленый. Оба портфеля графъ бралъ съ собою, и до входа въ кабинетъ Государя, предварительно освѣдомлялся у камердинера, въ какомъ расположеніи и настроеніи находится Государь, и согласно съ отвѣтомъ камердинера вносилъ съ собою въ кабинетъ тотъ или другой портфель. По возвращеніи отъ доклада я принималъ портфель, и согласно приказанію его сіятельства разбиралъ бумаги и разсылалъ ихъ по департаментамъ. Однажды графъ вернулся отъ Государя озабоченный и встревоженный. Онъ молчалъ, ходилъ по комнатѣ, не замѣчая, что я ожидаю его приказаній. Наконецъ, какъ бы про себя, онъ сказалъ: «Государю угодно назначить рекрутскій наборъ, въ весьма короткій срокъ!.. Теперь начало Апрѣля... Всѣ люди на заработкахъ, а когда приступятъ къ набору, такъ и время пахоты наступитъ. Самое неудобное время и для крестьянъ, и для набора. Я не скрылъ предъ Государемъ моего опасенія, чтобы наборъ, объявленный въ такое неудобное время, не возбудилъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ большаго ропоту. Вѣдь тогда и высочайшее повелѣніе не поможетъ!»...

Въ то время многіе изъ управлявшихъ палатами Госуд. Имущ. находились въ Петербургѣ, и между ними былъ и братъ мой, Владиміръ Өедоровичъ изъ Пскова. Графъ Киселевъ приказалъ извѣстить ихъ всѣхъ, чтобы они немедленно возвращались къ мѣстамъ служенія (такъ какъ манифестъ о наборѣ долженъ этими же днями послѣдовать), но, до выѣзда изъ Петербурга, непремѣнно явились бы къ господину министру для полученія личныхъ его наставленій. Тогда только что вводилась въ государственныхъ имуществахъ новая система рекрутства, *очередная, жеребьевая* (conscription modifiée), которая требовала очень тщательной, мѣшкотной и затруднительной провѣрки рекрутскихъ списковъ. Къ тому же крестьяне еще не совсѣмъ ознакомились съ этою реформою, были въ недоумѣніи, а при внезапномъ и спѣшномъ наборѣ, могли возникнуть серьезныя недоразумѣнія. Изъ всѣхъ занятій графа рекрутство было самое для него важное: отдано распоряженіе, чтобы всѣ получаемыя жалобы и просьбы крестьянъ по сему предмету докладывались графу, и онъ очень строго слѣдилъ за дѣйствіями сельскаго и волостнаго начальствъ.

Манифестъ былъ объявленъ, не помню, восемь или десять человѣкъ съ тысячи; флигель-адъютанты полетѣли по губерніямъ. Наборъ этотъ, въ такое время и въ такой короткій срокъ, видимо, заботилъ

министра. Онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ донесеній отъ управляющихъ, а въ иныя губерніи разослалъ даже особыхъ чиновниковъ. Недѣли двѣ по объявленіи манифеста, получены отъ 12-ти управляющихъ донесенія, что наборъ благополучно и бездоимочно оконченъ, между ними и отъ Псковскаго управляющаго. Графъ съ особеннымъ удовольствіемъ передалъ мнѣ вложить въ синій портфель изготовленный докладъ Государю о наборѣ. При этомъ я осмѣлился выразить мое любопытство, какую резолюцію Его Величество положитъ на докладѣ. Нельзя было никакъ ожидать такого успѣха въ 12-ти губерніяхъ. Графъ возвратился отъ Государя. Я принялъ портфель и принялся разбирать бумаги; но, увы, на докладѣ о наборѣ царской резолюціи не было. Меня разбирало нетерпѣніе узнать, что же последовало при докладѣ, и я спросилъ графа: «Государю, надо полагать, было пріятно прочитать объ успѣхѣ набора?»

«Je vous donne en mille, pour déviner ce qu'il m'a dit? Онъ прочиталъ докладъ и обратился ко мнѣ со словами: «Чего же ты опасался? Что ты мнѣ говорилъ, что этого нельзя, что трудно исполнить? Чего ты ожидалъ? Ты видишь, что когда есть дѣйствительная нужда, необходимость—отказа мнѣ отъ народа быть не можетъ».

V.

Въ 1838 г. графъ Киселевъ предложилъ мнѣ командировку въ Восточную Сибирь, для обревизованія государственныхъ имуществъ и поселеній ссыльныхъ, обозрѣнія золотыхъ промысловъ въ отношеніи отводимыхъ подъ пріиски участковъ и поселенія Декабристовъ, освобожденныхъ тогда отъ каторжной работы.

Обозрѣть столь отдаленный малоизвѣстный, край! Тогда и въ Петербургѣ чуть ли не полагали, что соболя бѣгаютъ по улицамъ Иркутска, и что вмѣсто булыжника золотые самородки валяются по полямъ. Достаточно было одного названія «Сибирь», чтобы встрѣтить всевозможныя препятствія со стороны матушки моей. Видя мое непреклонное желаніе взяться за это порученіе, она приступила къ мѣрамъ косвеннымъ. Такъ вдругъ за мною прислалъ г.-ад. А. А. Кавелинъ, большой пріятель нашего дома, состоявшій тогда при Государѣ Наслѣдникѣ. Онъ объяснилъ мнѣ, что въ контору Его Высочества нуженъ чиновникъ съ званіемъ секретаря и заявилъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ меня предложитъ великому князю, и впередъ убѣжденъ въ успѣхѣ. Секретарь Его Высочества! Сознаюсь, предложеніе это сильно меня отуманило и заставило призадуматься. «Но

нельзя ли мнѣ узнать», спросилъ я, «въ чемъ именно будутъ состоять мои занятія и въ какихъ отношеніяхъ я буду поставленъ къ Его Высочеству»?—«Дѣла тебѣ будетъ немного», сказалъ Кавелинъ: «быть ежедневно въ конторѣ, писать пригласительныя записки, отвѣчать на безконечныя ходатайства о пособіяхъ, вести опись бумагамъ; дѣло нетрудное, да и несложное». Совмѣщая съ званіемъ секретаря великаго князя занятія болѣе серіозныя, я недоумѣвалъ и, желая узнать, какъ самъ Кавелинъ понимаетъ и взвѣшиваетъ эту должность, рѣшился спросить: какое же полагается содержаніе таковому секретарю?»—«Не болѣе 1400 рублей въ годъ». Изъ этого отвѣта я понялъ, что предлагаемая должность не есть должность настоящаго секретаря, а нуженъ просто чиновникъ-писарь; слѣдовательно занятія не предвѣщаютъ интереса, и какъ ни лестно было состоять въ конторѣ Государя Наслѣдника, я искренно поблагодарилъ Александра Александровича и объяснилъ ему, что къ крайнему моему сожалѣнію я не могу принять любезное его предложеніе, такъ какъ готовлюсь ѣхать по порученію графа Киселева въ Восточную Сибирь и въ настоящее время занятъ собираніемъ по этой командировкѣ матеріаловъ и документовъ.

Моя поѣздка служила темою разговоровъ всему нашему обществу. Послѣ всяческихъ успокоеній и увѣщаній графа Киселева и графа Бенкендорфа, который въ молодости и самъ доѣзжалъ до Тобольска*), что въ Сибири живутъ прекрасно, да и командировка будетъ не долгосрочная, матушка изъявила согласіе, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ѣхалъ со мною докторъ Иванъ Сергѣевичъ Персинъ, которому и сдали меня на руки.

Послѣ безчисленныхъ сборовъ, провожаній, слезъ и прощаній, въ Февралѣ 1839 года, мы съ докторомъ пустились въ путь. Въ Москвѣ пришлось остановиться: тогда проживала тамъ старушка Е. Ѳ. Муравьева, мать сосланныхъ Никиты и Александра Муравьевыхъ. Она была близкая знакомая моей матушки, и такъ какъ многое поручала передать сыновьямъ, то я по необходимости долженъ былъ пробыть въ Москвѣ цѣлую недѣлю. Ежедневно она мнѣ доставляла разныя посылочки, и даже почти въ моментъ нашего выѣзда, я получилъ отъ нея ящикъ, довольно большаго размѣра, да съ такою убѣдительною записочкою о передачѣ его Никитѣ, что, несмотря на то, что наша

---

*) Объ этой поѣздкѣ молодаго Бенкендорфа въ Сибирь, съ какимъ-то порученіемъ отъ императора Павла, сохранились лишь смутныя преданія. Любопытно было бы знать за чѣмъ именно посылали туда будущаго шефа жандармовъ. Не знаетъ ли кто изъ читателей Русскаго Архива? П. Б.

повозка уже была сильно нагружена, я не рѣшился ей отказать, и ящикъ поѣхалъ съ нами. Доктору приходилось очень плохо сидѣть, и на первой же станціи отъ Москвы онъ упросилъ меня распаковать ящикъ и посылаемыя вещи разложить между нашими, лишь бы избавиться отъ ящика. Открыли мы ящикъ: *мать посылала сыну за 6 т. верстъ* $^1/_2$ *сотни яблоковъ*! Понятно, яблоки выбросили: они до первой станціи уже замерзли, въ чемъ потомъ искренно я повинился предъ Никитою Михаиловичемъ.

Графъ Бенкендорфъ поручилъ жандармскимъ штабъ-офицерамъ по всѣмъ губернскимъ городамъ Сибири содѣйствовать моему путешествію, и этого было достаточно, чтобы, по пріѣздѣ въ какой либо городъ, меня непремѣнно встрѣчали, угощали и всячески за мною ухаживали. Но и мой золотой придворный мундиръ, который я напяливалъ въ торжественные дни, придавалъ престижу моей особѣ. До самаго Иркутска....... долженъ сознаться, дѣло прошедшее! вся дорога была рядомъ кутежей: непремѣнные проводы въ каждомъ городѣ, а Сибирякъ безъ Шампанскаго провожать не можетъ. Въ особенности въ Красноярскѣ, гдѣ былъ гражданскимъ губернаторомъ Копыловъ и куда съѣхались многіе изъ золотопромышленниковъ, кутежи и угощенія были непрерывные. Тамъ мы припуждены были оставаться за распутицею и довольно долго; при выѣздѣ же изъ этого города, я только на третьей станціи очнулся! У меня осталось въ памяти, что на переѣздѣ рѣки Енисея, еще не совсѣмъ очищеннаго отъ льдинъ, во все время нашего плаванія, купцы Николай Мясниковъ, Можаровъ и почтмейстеръ Лабковской, каждый при ящикѣ съ Шампанскимъ, требовали, чтобы перевощики хоромъ заявляли и окрикивали число опороженныхъ и бросаемыхъ въ рѣку бутылокъ. Весною, во время ледохода, переправа чрезъ Енисей требовала большихъ предосторожностей; для насъ былъ изготовленъ особенный баркасъ, и мы употребили шесть часовъ на переѣздъ, и какъ я растался съ моими провожатыми, не знаю. Какъ вспомню, такъ совѣстно становится.. Ну, да это давно прошедшее!

Послѣ восьминедѣльнаго путешествія мы пріѣхали въ Иркутскъ. Позабылъ я сказать, что въ Тобольскѣ губернаторомъ былъ Талызинъ, человѣкъ замѣчательно бойкаго ума, но также большой кутила. Онъ задержалъ меня, несмотря на ворчаніе моего доктора. Чтобы похвастаться своимъ обществомъ, онъ далъ большой балъ, pour la ville et le faubourg, на которомъ требовалъ непремѣннаго моего присутствія. Въ Сибири, вообще, все общество состоитъ изъ чиновниковъ и купцовъ съ ихъ женами; помѣщиковъ, дворянъ нѣтъ. Кажется, во всей Сибири имѣется одинъ только въ Тобольской губерніи помѣщикъ, ко-

торому еще императоромъ Александромъ было пожаловано маленькое имѣнье. Балъ былъ очень оживленный, и Тобольскія барыни ни въ чемъ не отставали, ни въ туалетахъ, ни въ любезностяхъ, отъ Петербургскихъ. Между прочими угощеніями, Талызинъ впервыя познакомилъ меня съ пересылочнымъ острогомъ. Тутъ мнѣ привелось увидать бывшую княгиню Трубецкую, лѣтъ 32-хъ, изъ Пензенской, кажется, губерніи, сосланную за то, что она засѣкла свою горничную изъ ревности. Ей предстояло, послѣ 3-хъ-тысячи-верстной прогулки по этапу, еще пройти по этапу же слишкомъ 3 т. верстъ; но уже въ Тобольскѣ ничего у ней княжескаго, женскаго, не оставалось: до того этапное шествіе можетъ измѣнить и развратить женщину.

Но какъ человѣкъ вообще привыкаетъ ко всему! Ссыльные, каторжные, даже ихъ наружный видъ, какъ вспомнится, при въѣздѣ въ Сибирь, наводили на меня самое тяжелое впечатлѣніе; ихъ подробныя розказни о причинахъ ихъ ссылки, большею частію по ихъ словамъ, по наговору или невинно, наводили на меня вообще какое-то особенное чувство сожалѣнія къ ихъ участи. Я имъ вѣрилъ и даже находилъ несправедливость людей въ ихъ ссылкѣ. Вотъ чувство, которое ощущаешь при первомъ знакомствѣ съ этою средою. Но въ послѣдствіи, безпрерывно будучи въ столкновеніи съ этимъ людомъ, познакомившись съ ними ближе, до того привыкаешь къ этимъ «несчастнымъ», что прежнее чувство сожалѣнія замѣняется совершенно противуположнымъ, болѣе скажу, равнодушіемъ. Въ нихъ видишь уже не людей, а какихъ-то звѣрей.

Генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ тогда старикъ Рупертъ, человѣкъ очень добрый, не отличавшійся особеннымъ умомъ, но весьма любимый въ краѣ, характера слабаго, очень простаго въ обращеніи, въ высшей степени благородный. Нельзя было не удивляться, какъ онъ терпѣлъ при себѣ гражданскимъ губернаторомъ А. В. Пятницкаго, весьма ограниченнаго и сомнительной честности человѣка. Жена его, Любовь Александровна, женщина бойкая, красивая, руководила всѣмъ и всѣмъ ворочала.

Квартира мнѣ была отведена въ большомъ каменномъ домѣ купца Медвѣдникова. Проѣхавъ 6500 в., мы съ докторомъ отдыхали за самоваромъ, и я уже сбирался ѣхать являться къ ген.-губернатору, какъ его адъютантъ Максимовичъ прибылъ отъ его имени звать меня обѣдать безъ церемоннаго представленія. Конечно, по долгу службы, я поспѣшилъ все-таки явиться къ генералу. Онъ меня чрезмѣрно обласкалъ, познакомилъ со своимъ семействомъ, удержалъ къ обѣду и, узнавъ, что докторъ при мнѣ, тутъ же послалъ пригласить и его къ обѣду. Распросамъ, что дѣлается въ Петербургѣ, при дворѣ, въ обществѣ не

было конца. Служебные разговоры дозволены не были: генералъ ихъ откладывалъ до другаго времени и требовалъ, чтобы я хорошенько отдохнулъ и, какъ говорится, пришелъ въ себя послѣ такой дороги. За обѣдомъ я познакомился съ чиновникомъ особыхъ порученій Успенскимъ, который, какъ депутатъ отъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, долженъ былъ находиться при мнѣ и сопровождать при всѣхъ служебныхъ моихъ разъѣздахъ. Но каково было мое удивленіе, когда (послѣ обѣда мы сидѣли въ гостиной и курили сигары) я услыхалъ звуки инструментовъ и квинтетъ Моцарта съ кларнетомъ (A mol). Рупертъ, зная вообще Львовскую любовь къ музыкѣ, приготовилъ мнѣ этотъ сюрпризъ. Меня до того разстрогали эти дивныя мелодіи, такъ меня перенесло къ своимъ домашнимъ, что къ стыду моему я не удержался отъ слезъ! Первую скрипку игралъ отбывшій каторгу Алексѣевъ, нѣкогда дирижёръ музыки у графа Аракчеева, присужденный и сосланный по дѣлу убійства Настасьи; на кларнетѣ игралъ сосланный полякъ Крошецкій, и хотя исполненіе было, понятно, не то, къ которому я привыкъ, но оно доставило тогда мнѣ такое чувство отрадное, родное, что и по сіе время (1884) равнодушно вспомнить о томъ не могу! Этого было достаточно, чтобы я сблизился съ этими Сибирскими артистами и видѣлъ въ нихъ не ссыльныхъ, а равныхъ себѣ, страстныхъ музыкантовъ *).

Когда я познакомился съ обществомъ и лицами, имѣвшими отношеніе къ порученному мнѣ дѣлу, послѣ совѣщанія съ генералъ-губернаторомъ и составленія программы занятій, было рѣшено: начать съ обозрѣнія и устройства поселеній Декабристовъ, находившихся въ Петровскомъ Заводѣ (Верхнеудинскаго уѣзда), при разъѣздахъ по Забайкальскому краю производить ревизію государственныхъ имуществъ, а обозрѣніе золотыхъ промысловъ отложить до весны слѣдующаго года.

Канцелярію мою составляли, кромѣ чиновника Успенскаго, дѣлопроизводитель, два землемѣра и три писца.

Хотя въ 1825 году, я былъ еще очень молодъ, но присужденные къ ссылкѣ Трубецкой, Волконскій, Лунинъ, Муравьевы и другіе такъ часто бывали въ домѣ отца моего, даже многіе изъ нихъ были товарищами моихъ братьевъ, что я ѣхалъ къ нимъ какъ бы къ знакомымъ, близкимъ, и весьма понятно, что и они меня встрѣтили

*) Меня удивило найти въ домѣ генералъ-губернатора, въ залѣ, копію съ большаго портрета Гавр. Роман. Державина въ снѣгахъ, извѣстнаго художника Тончи. (Оригиналъ находится у Н. А. Львова въ Москвѣ). Никто не могъ объяснить, кѣмъ и когда эта копія привезена въ Иркутскъ.

съ особеннымъ радушіемъ. Нельзя пройти молчаніемъ, что вообще, со времени ихъ ссылки, они вездѣ и во всѣхъ начальствующихъ лицахъ находили большое сочувствіе къ ихъ положенію. Это отзывъ ихъ самихъ, мнѣ не разъ повторенный. Будучи первоначально разсѣяны по Нерчинскимъ заводамъ, потомъ содержимы въ г. Читѣ, они наконецъ были помѣщены въ Петровскомъ Заводѣ. Тутъ они были соединены; тутъ былъ выстроенъ особый для нихъ огромный острогъ, изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ которыхъ жило отъ 4-хъ до 8-ми человѣкъ. Кроткое съ ними обращеніе, какъ при бывшемъ г.-губернаторѣ Броневскомъ, такъ и при Рупертѣ, и особенно въ Петровскомъ Заводѣ, гдѣ они нашли въ комендантѣ Лепарскомъ человѣка съ рѣдкимъ добрымъ сердцемъ, всегда и повсюду, смягчало ихъ участь. Собственно въ рудникахъ они работали очень недолгое время *); въ Читѣ—насыпали шоссе; а въ Петровскомъ Заводѣ—работали на мельницѣ, мололи муку и прокладывали къ мельницѣ дорогу на разстояніи 3-хъ верстъ. По выходѣ изъ Петровскаго Завода они были избавлены отъ принудительной работы и должны были быть поселены на избранныхъ ими же самими мѣстностяхъ въ границахъ Восточной Сибири.

Несмотря на то, что Лунинъ былъ охотникъ до краснаго словца и никого не щадилъ, но и онъ, хотя подсмѣивался надъ добрымъ Лепарскимъ, отдавалъ полную справедливость старику-коменданту. Дѣйствительно, участливость этого старика была замѣчательна, особенно къ женамъ поселившихся близъ острога. Жены входа въ острогъ не имѣли, въ свободное же отъ работъ время Лепарскій дозволялъ мужьямъ навѣщать ихъ. Все, что писалось и расказывалось о Декабристахъ придавало этимъ господамъ и ихъ женамъ *какую-то поэтичность*; да я самъ, до пріѣзда въ Иркутскъ, былъ подъ этимъ впечатлѣніемъ. Познакомившись же съ ними ближе я ни поэзіи, ни рыцарства не нашелъ, и моей фантазіи привелось во многомъ разочароваться. Безспорно, между ними были прекрасные люди, умные и образованные, я былъ въ наилучшихъ съ ними отношеніяхъ и находилъ большое удовольствіе быть въ ихъ обществѣ; но людей съ выдающимся убѣжденіемъ и волею, съ положительнымъ характеромъ и логикою я не встрѣтилъ между ними. Можетъ быть, 14 лѣтъ ссылки и каторги измѣнили ихъ; но я вспоминаю, какъ ихъ узналъ въ 1839 году.

Изъ женъ я засталъ княгиню Трубецкую (урожденную гр. Лаваль), Александру Ивановну Давыдову, княгиню Марью Николаевну

*) Артамонъ Муравьевъ, сохранивъ чопорность прежняго барина, когда былъ поселенъ въ сел. Разводной, на стѣнкѣ съ охотничьемъ оружіемъ, въ видѣ трофей, вывѣшивалъ свои рукавицы, въ которыхъ работалъ на каторгѣ.

Волконскую (ур. Раевскую) и Марью Ивановну Юшневскую. Первыя двѣ, и особенно княгиня Трубецкая, дѣйствительно раздѣляли горькую участь мужей съ замѣчательнымъ смиреніемъ и покорностью. У Трубецкой дѣтей въ Россіи не было, рожденныя же въ Сибири двое дѣтей составляли все ея счастіе. Она была слугою и нянькою своего старика-мужа и не только не роптала на свое положеніе, но отзывалась объ этомъ положеніи съ какимъ-то чувствомъ отрады и довольства. Ее и въ околодкѣ иначе не называли, какъ святая женщина. Про остальныхъ, къ сожалѣнію, я не могу этого сказать. NN., женщина умная, бойкая и очень пріятная, не могла мириться съ ссылкою и была недовольна всѣмъ и всѣми. Она любила посѣщать выстроенный домикъ ссыльнаго Іосифа Поджіо на отведенномъ ему участкѣ близъ Иркутска, на самомъ берегу Ангары, величая выстроенную для Іосифа избенку «mon chalet». Этотъ шале былъ поставленъ между утесами, и къ нему иначе проѣхать было нельзя, какъ верхомъ или водою. Какъ я молодъ ни былъ, но не разъ мнѣ приводилось ублажать эту барыню и защищать старика ***, очень слабаго характеромъ, больнаго, недальняго ума, но въ высшей степени добраго.

Волконскій, два брата Муравьевыхъ, Никита и Александръ и докторъ Вольфъ были поселены въ селеніи Урикѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Иркутска. Трубецкой, Вадковскій, Лунинъ и Александръ Поджіо въ сел. Аёкѣ, въ 30-ти верстахъ. Артамонъ Муравьевъ и Юшневскій въ Разводной, въ 5-ти верстахъ; Пановъ въ 25-ти; Іосифъ Поджіо въ 12-ти верстахъ отъ Иркутска. По близости разстоянія селеній отъ города, я чаще видѣлся съ этими господами и болѣе съ ними сблизился. Прочіе были разсѣяны по всему Забайкальскому краю: такъ напримѣръ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ [1]) — въ Баргузинѣ, братъ его Карлъ — на границѣ Китайской; Бестужевы Николай и Михаилъ [2]) — въ Селенгинскѣ; Оболенскій—близъ Верхнеудинска; Спиридовъ, Митьковъ и Давыдовъ — въ Красноярскѣ и пр. Большая часть изъ нихъ жили въ простыхъ избахъ; но Муравьевы, Трубецкой, Волконскій, Артамонъ Муравьевъ и Давыдовъ выстроили себѣ помѣщичьи усадьбы; а маленькій домикъ Артамона даже былъ отдѣланъ и убранъ съ нѣкоторымъ шикомъ. Каждому было дозволено получать изъ Россіи отъ родныхъ, женатому—3000 р., холостому—1500 р. асс.; но тѣ, кото-

---

[1]) Вильг. Кюхельбекеръ при мнѣ женился на крестьянкѣ, много писалъ стихами, сочинялъ и прочитывалъ свои произведенія женѣ, воображая, что онъ Руссо. Мнѣ однажды онъ сказалъ, показывая на жену: „mais c'est ma Thérèse!“

[2]) Александръ Бестужевъ былъ уже переведенъ на Кавказъ, когда я ѣздилъ въ Сибирь.

рыхъ родственники не забыли и имѣли большія средства, получали келейнымъ способомъ, чрезъ купцовъ и пріѣзжихъ, несравненно болѣе опредѣленнаго.

Дружны между собою они никогда не были. Правда, они собирались временами у Трубецкаго или у Муравьевыхъ, случалось садиться за столъ до двадцати человѣкъ и болѣе; но ссоры между ними не прекращались. Въ особенности докторъ Вольфъ, которому практика въ городѣ доставляла хорошія средства, всегда умѣлъ всѣхъ перессорить и былъ заводчикомъ и участникомъ всевозможныхъ сплетень.

Никита Муравьевъ считался между ними какъ бы старшимъ, выдающимся: суровый, молчаливый, до крайности раздражительный; все критиковавшій, но здоровый старикъ. Я его засталъ, по моему, скорѣе полусумашедшимъ, чего впрочемъ товарищи его не признавали. По отзывамъ ихъ, онъ отличался блестящимъ умомъ, научностью и большою начитанностью. Надо полагать, что ссылка сильно на него подѣйствовала, чтобы я его нашелъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ 1839 году.

Между ними были также люди совершенно неповинные въ дѣяніяхъ своихъ, какъ напримѣръ Быстрицкой, Бечастной (Черниговскаго полка) и другіе послѣдователи вожаковъ, не имѣвшіе даже въ ссылкѣ ничего общаго съ товарищами, люди честные, тихіе, но ни на что неспособные. Были и такіе какъ Якубовичъ *) и Вильгельмъ Кюхельбекеръ, которыхъ и каторга не угомонила ни въ сужденіяхъ, ни въ обхожденіи: характеръ бретёрства ихъ не покинулъ. Якубовичъ не иначе выходилъ на улицу, даже въ городѣ, какъ имѣя винтовку за плечами; чуть-ли онъ не спалъ съ нею. Онъ поступилъ въ Иркутскѣ въ прикащики къ винному откупщику Мальвинскому.

Лунинъ рѣзко отличался отъ всѣхъ ѣдкимъ умомъ и веселымъ характеромъ. Никогда не унывая, онъ жилъ какъ бы шутя. Будучи воспитанъ Іезуитами, онъ былъ высокаго образованія и учености, и въ его характерѣ сохранилось тонкое обращеніе съ людьми безъ всякой изысканности. Когда онъ былъ корнетомъ кавалергардскаго полка, во время командованія полкомъ великаго князя Константина Павловича, его высочество какъ-то отозвался неосторожно и обидно объ офицерахъ полка. Все общество офицеровъ подало въ отставку. Дѣло это огорчило Государя Александра Павловича, и много надѣлало шума въ городѣ. Его высочество, въ присутствіи всего полка, обратился къ офицерамъ съ завѣреніемъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ нихъ и очень сожалѣетъ, если его слова были непоняты и показались обид-

---

*) Крестообразные рубцы на лбу, слѣды полученной раны отъ пули на дуэли съ Грибоѣдовымъ и большие глаза, придавали ему очень суровый видъ.

ными, и очень бы желалъ, чтобы господа офицеры были въ этомъ убѣждены; впрочемъ, если этого завѣренія имъ недостаточно, онъ готовъ имъ дать сотисфакцію. Лунинъ далъ шпоры лошади, выскочилъ, ударилъ по эфесу палаша: «Trop d'honneur, votre altesse», закричалъ онъ, «pour refuser!» Эта выходка не помѣшала Лунину въ послѣдствіи поступить адъютантомъ къ его высочеству. Жилъ онъ въ Варшавѣ, гдѣ принялъ католичество; тамъ и былъ въ 1825 году арестованъ. Въ Сибири, въ ссылкѣ, онъ всегда былъ ревностнымъ католикомъ. Такимъ же рыцаремъ Донъ-Кихотомъ и я его засталъ въ 1839 году. Когда Лунинъ уже былъ поселенъ въ селенія Урикѣ, онъ велъ переписку со своею сестрою Уваровою *), находившейся въ Петербургѣ. Прочитавъ въ письмѣ сестры описаніе бывшаго въ Аничковскомъ дворцѣ бала-маскарада временъ Петра I-го, онъ дозволилъ себѣ въ отвѣтномъ письмѣ весьма неприличныя остроты на счетъ государя Николая Павловича, и вслѣдствіе этого письма гр. Бенкендорфъ сообщилъ Руперту, что Государь высочайше повелѣть соизволилъ объявить Лунину, что ему запрещается въ теченіи года писать письма. Посланный поскакалъ за Лунинымъ.

Въ это утро я находился у Руперта по дѣламъ службы, какъ пришли доложить, что Лунина привезли. Генералъ, будучи занятъ со мною, отвѣчалъ: «Прошу обождать, я занятъ.» Не прошло и десяти минутъ, какъ адъютантъ доложилъ, что Лунинъ ожидать не хочетъ и поручилъ передать генералу, что онъ во власти и въ правѣ за нимъ присылать и требовать его къ допросу двадцать пять разъ на день, но ожидать въ пріемной онъ не желаетъ.

«Вотъ это всегда такъ!» сказалъ обращаясь ко мнѣ Рупертъ, «а вѣдь умный, очень умный человѣкъ! Просите».

Лунинъ вошелъ. Генералъ-губернаторъ весьма ласково, показывая бумагу гр. Бенкендорфа, сказалъ: «Съ сожалѣніемъ, Михаилъ Сергѣевичъ, мнѣ приходится вамъ сообщить, что ваши письма опять навлекли негодованіе Государя. Вотъ отношеніе шефа корпуса жандармовъ, которымъ запрещается вамъ писать письма въ теченіе года». «Хорошо-съ!... Писать не буду!»—«Такъ потрудитесь прочесть и подписать эту подписку», и подалъ ему заготовленный листъ бумаги, на которомъ было прописано все отношеніе гр. Бенкендорфа и обычное изложеніе подписки. Лунинъ посмотрѣлъ на бумагу и со свойственною ему улыбкою сказалъ: «Что-то много написано..... А!... я читать не буду.... Мнѣ запрещаютъ писать?.... не буду!» Перечеркнулъ весь

*) Отличная музыкантша, восхищавшая Петербургъ игрою на клавикордахъ.

листъ перомъ и на оборотѣ внизу написалъ: «Государственный преступникъ Лунинъ даетъ слово цѣлый годъ не писать.» Вамъ этого достаточно, ваше высокопревосходительство? А.... читать такія грамоты право лишнее.... Вѣдь это чушь!... Я больше не нуженъ». Поклонился и вышелъ.

Меня всегда крайне удивляло смѣшеніе въ его характерѣ весьма часто мелочнаго, вовсе неумѣстнаго съ высокимъ чувствомъ благородства и разумности; точно въ немъ было два совершенно различныхъ характера. Я былъ съ нимъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Случалось въ откровенныхъ разговорахъ дѣлать ему замѣчанія на его выходки; онъ ихъ выслушивалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же подсмѣивался и все обращалъ въ шутку. Въ Аёкѣ, гдѣ онъ былъ поселенъ, Лунинъ былъ особенно уважаемъ крестьянами; они имѣли къ нему полное довѣріе, обращались за совѣтами въ случаѣ ссоръ, и онъ ихъ разбиралъ; съ дѣтьми былъ очень ласковъ, ребятишки по цѣлымъ днямъ играли у него на дворѣ и, не смотря на его занятія и постоянное чтеніе богословскихъ книгъ, онъ находилъ удовольствіе возиться съ дѣтьми, училъ ихъ грамотѣ, вообще въ деревнѣ много дѣлалъ добра и посѣщалъ больныхъ. Надобно сказать, что Лунинъ нѣкогда былъ влюбленъ въ мою матушку, и это была одна изъ причинъ, что онъ былъ особенно расположенъ ко мнѣ. Онъ находилъ, что я очень похожъ на матушку и часто мнѣ говаривалъ: J'aurais été bien heureux de vous savoir catholique!...

Такого строгаго послѣдователя католицизма я и въ Польшѣ не встрѣчалъ; онъ никогда не пропускалъ въ извѣстное время прочитывать свой требникъ (bréviaire), и еженедѣльно капеланъ изъ Иркутска пріѣзжалъ къ нему исполнять церковную службу.

Онъ очень рѣдко рѣшался пріѣхать въ городъ, но какъ-то внезапно явился ко мнѣ, и на мое удивленіе видѣть его въ Иркутскѣ отвѣчалъ мнѣ: Oui, cher ami, je viens dans la capitale; il me faut des bottes.... et si vous n'avez personne des autorités, je viens vous demander à dîner.... Немедленно я распорядился объдомъ и угостилъ моего гостя хорошимъ лафитомъ. Разобрало старика. Онъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи, вспоминалъ старину, разсказывалъ разные анекдоты, пѣлъ Французскіе куплеты; но и досталось же мнѣ отъ моего доктора, который очень опасался, чтобы этотъ кутежъ не подѣйствовалъ на здоровье Лунина. Для большей предосторожности, я не хотѣлъ его одного пустить ѣхать въ Аёкъ и рѣшился его проводить. Намъ предстояло проѣхать тридцать верстъ; дорогою Лунинъ совсѣмъ охмѣлѣлъ, но въ обычный часъ вынулъ изъ кармана свою книжку и давай бормотать молитвы. Я не могъ ему не замѣтить, что

мнѣ очень странно, что онъ, который только и повторяетъ о желаніи меня видѣть католикомъ, самъ же не стыдится при мнѣ бормотать свои молитвы, будучи совершенно въ пьяномъ видѣ: Oh! mon cher, отвѣчалъ онъ, mais c'est là que je m'humilie! Je me présente ivre-mort devant Dieu! Доѣхали мы благополучно, и я его сдалъ на руки его старому слугѣ Антипычу.

По прошествіи года, какъ я его ни уговарилъ и ни убѣждалъ быть осторожнѣе въ сужденіяхъ и насмѣшкахъ, какъ его ни увѣрялъ, что выходки его не только вредятъ ему самому, но и товарищамъ его, онъ написалъ большую критику на Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи по ихъ дѣлу. Онъ утверждалъ, что правительство ограничилось только однимъ слѣдствіемъ, но что суда вовсе не было; выставилъ не въ благовидномъ отношеніи дѣйствія великаго князя Михаила Павловича и бывшаго военнагѣ министра Чернышова, да и самое слѣдствіе очертилъ вообще пристрастнымъ и недобросовѣстнымъ. Чрезъ кого-то переслалъ онъ эту толстую тетрадь къ сестрѣ въ Петербургъ, и какъ она попалась въ Лондонъ и была отпечатана, не знаю. По отсылкѣ уже тетради онъ мнѣ какъ-то говоритъ смѣючись: «Je serai pris!... Mon cher, je serai pris! Mon cher, je serai pris! Ils aiment trop à lire mes chefs-d'oeuvres, pour croire qu'ils ne liront pas le grand ouvrage que je viens d'expédier. Aussi je commence à faire mes dispositions en conséquence».

Въ ожиданіи ареста онъ все, что̀ имѣлъ, раздѣлилъ между товарищами, и мнѣ досталась большая его кофейная чашка; а всѣ аттрибуты молельни онъ пожертвовалъ въ Иркутскую католическую церковь.

Онъ жилъ въ Аёкѣ большимъ оригиналомъ. Изба его стояла посреди двора, обнесеннаго высокимъ заборомъ; она раздѣлялась сѣнями на двѣ половины; въ одной, какъ онъ говорилъ: «Ceci, c'est mon cabinet, mon fumoir, mon salon et mon carcere-duro!» Въ другой половинѣ избы была устроена католическая молельня со всѣми атрибутами.

У него находился въ услуженіи одинъ только старикъ Антипычъ, бывшій вахмистръ кавалергардскаго полка, котораго онъ величалъ своимъ комендантомъ, со строгимъ приказаніемъ: никому воротъ не отворять и никого не впускать безъ предварительнаго ему доклада.

Въ Пятницу на страстной недѣлѣ (1841), часовъ въ 8-мь утра, Артамонъ Муравьевъ запыхавшись вбѣжалъ ко мнѣ: «Лунинъ арестованъ сегодня рано утромъ, часа въ 4-ре; его уже привезли въ домъ къ генер.-губернатору!» Не теряя времени, я поспѣшилъ поѣхать къ генералу, гдѣ нашелъ Лунина въ особой комнатѣ, возлѣ прихожей, съ жандармами у дверей. Онъ прохаживался по комнатѣ, покуривая тру-

бочку, совершенно покойно, со своею всегдашнею улыбкою. Я былъ взволнованъ несравненно болѣе его и, собственно пріѣхавъ, чтобы съ нимъ видѣться, не нашелъ ничего другаго ему сказать какъ: Comment, Lounine.... vous ici?—Oui, mon cher; le général a désiré me voir, et me voilà; mais son excellence me fait attendre! Veuillez me faire donner du tabac. Ces messieurs ont mis une ardeur si grande à me faire quitter la maison, que ma blague y est restée». Тутъ я узналъ, что наканунѣ фельдъегерь привезъ бумагу отъ графа Бенкендорфа съ высочайшимъ повелѣніемъ Лунина отправить *на поселеніе* въ одинъ изъ отдаленныхъ рудниковъ Нерчинскаго завода. Въ исполненіе сего генералъ-губернаторъ, арестовавъ Лунина, распорядился въ этотъ же день его отправить въ рудникъ Акатуй, — рудникъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ, гдѣ ссыльные, работая въ шахтахъ, большею частію прикованы къ тачкѣ, лопатѣ, однимъ словомъ къ чему-нибудь; другихъ не встрѣчаешь, да и мѣстность рудника до того уныла, что наводитъ жестокую грусть; рудникъ далеко небогатый, почему и рабочихъ и стражи очень немного, а сельчанъ вовсе нѣтъ.

Арестъ Лунина всѣхъ встревожилъ. У меня съѣхались княгиня Марья Николаевна Волконская, Артамонъ, Якубовичъ, Пановъ; они неотступно просили устроить такъ, чтобы имъ проститься съ Лунинымъ; тѣмъ болѣе, что по городу пронесся слухъ, что его велѣно разстрѣлять. Всю эту грустную кутерьму надѣла злополучная тетрадь. Уварова переслала ее въ Лондонъ. Не полагаю, чтобы Лунинъ писалъ свою критику съ намѣреніемъ, чтобы ее напечатали, хотя она была имъ написана на Англійскомъ языкѣ.

Узнавъ, что жандармскому офицеру маіору Полторанову поручено отвести Лунина въ Акатуй, я обратился къ нему съ убѣдительною просьбою: когда онъ отправится съ нимъ въ путь, чтобы онъ остановился въ лѣсу за тридцать верстъ отъ города, гдѣ мы будемъ его ожидать. Я уже говорилъ, что жандармы всячески старались мнѣ угодить, и въ семъ случаѣ Полторановъ не только согласился на мою просьбу, но чтобы мы имѣли время напередъ выѣхать, далъ слово не торопиться своимъ выѣздомъ. Я самъ отправился на почтовой дворъ приказать выслать ко мнѣ двѣ тройки. Почтъ-содержателемъ тогда въ Иркутскѣ былъ клейменый, отбывшій уже каторгу старикъ 75-ти лѣтъ Анкудинычъ, всѣми очень любимый. Почти вслѣдъ за мною прискакалъ казакъ съ требованіемъ двухъ троекъ въ домъ генералъ-губернатора; было ясно, для бѣднаго Лунина! Анкудинычъ сильно встревожился арестомъ Лунина, и пока закладывали лошадей, вдругъ куда-то исчезъ. Тройки были уже готовы—а его нѣтъ; какъ сверху лѣстницы послышался его голосъ: «Обожди, обожди!» и сбѣгая съ

лѣстницы, онъ сунулъ ямщику въ руки что-то, говоря: «Ты смотри, какъ только Михаилъ Сергѣевичъ сядетъ въ тѣлегу, ты ему всунь въ руки... Ему это пригодится!.. Ну... съ Богомъ!»

У меня слезы навернулись. Конечно этотъ варнакъ (преступникъ), посылая Лунину пачку ассигнацій, не разчитывалъ на возвратъ, да едва ли могъ и ожидать когда-либо съ нимъ встрѣтиться.

Въ домѣ у себя я нашелъ тѣхъ же лицъ въ лихорадкѣ; а Марья Николаевна спѣшила зашивать ассигнаціи въ подкладку пальто, съ намѣреніемъ пальто надѣть на Лунина при нашемъ съ нимъ свиданіи въ лѣсу. Надо было торопиться!... Мы поскакали. Верстахъ въ 30-ти мы остановились въ лѣсу, въ 40 шагахъ отъ почтовой дороги на лужайкѣ. Было еще холодно и очень сыро, снѣгъ еще лежалъ по полямъ; и такъ какъ въ недалекѣ нашего лагеря находилась изба Панова, онъ принесъ самоваръ и коврикъ, мы засѣли согрѣваться чаемъ и ожидать нашихъ проѣзжающихъ. Не смотря на старанія Якубовича насъ потѣшать разсказами и анекдотами, и Панова, согрѣвавшаго уже третій самоваръ, мы были въ очень грустномъ настроеніи. Послышались колокольчики.... всѣ встрепенулись, и я выбѣжалъ на дорогу.

Лунинъ, какъ ни скрывалъ своего смущенія, при видѣ насъ чрезмѣрно былъ тронутъ свиданіемъ; но по обыкновенію смѣялся, шутилъ и хриплымъ своимъ голосомъ обратился ко мнѣ со словами: «Je vous disais que je serai pris..... Ils vont me pendre, me fusillier... m'écarteler.... La pilule était bonne! Странно, въ Россіи, всѣ непремѣнно при чемъ-либо или при комъ либо состоятъ. Ха, ха, ха! Львовъ при Киселевѣ, Россетъ *) при Михаилѣ Павловичѣ.... я всегда при жандармѣ..... Et celui-là cette fois (показывая на Гаврила Петровича Полторанова)—c'est mon ange Gabriel».

Напоили мы его чаемъ, надѣли на него приготовленное пальто, распростились..... и распростились на всегда! По прибытіи въ Акатуй, онъ мѣсяца не прожилъ. Онъ умеръ отъ горячки.

Вотъ что мнѣ передалъ жандармскій офицеръ, арестовавшій Лунина въ Аёкѣ. По пріѣздѣ фельдъегеря, генералъ-губернаторъ немедленно распорядился арестовать Лунина въ ночь съ Четверга на Пятницу; для этого онъ командировалъ полицеймейстера г. Иркутска (Поляка), жандармскаго офицера и чиновника особыхъ порученій при двухъ жандармахъ. Они пріѣхали въ Аёкъ въ 2 часа ночи; ворота заперты; стали стучать, Антипычъ отвѣчалъ: «что баринъ спитъ и не приказалъ будить; онъ очень усталъ на охотѣ». Жандармы пере-

*) Полковникъ, инспектировавшій тогда Сибирскую артиллерію, братъ А. О. Смирновой.

лѣзли, открыли ворота, пріѣзжіе вошли въ избу и дѣйствительно нашли Лунина спящимъ; когда же полицеймейстеръ сталъ его будить и торопить одѣваться, такъ какъ они пріѣхали его арестовать, Лунинъ очень хладнокровно отвѣчалъ: «Вы меня извините, господа, я такъ изнурился на охотѣ, что дайте мнѣ выспаться; а тамъ везите куда хотите». На возраженіе полицеймейстера, что нельзя терять времени, надо ѣхать, Лунинъ закричалъ Антипычу: «Такъ хоть чаемъ угости незванныхъ гостей. Вы извините, у меня кромѣ кирпичнаго другаго нѣтъ. Да похвастай Антипычъ козою, что̀ я сегодня убилъ». Чиновникъ замѣтилъ, что на стѣнѣ висятъ ружья, посовѣтовалъ полицеймейстеру ихъ убрать. Тотъ передалъ Лунину (по польски) требованіе чиновника, на что Лунинъ отвѣчалъ по-русски: «Да, конечно, конечно надо убрать, ружье вещь страшная..... вѣдь эти господа привыкли къ палкамъ!» Вся деревня сбѣжалась его провожать, толпа была на дворѣ, всѣ прощались, плакали, бѣжали за телѣгою, въ которой сидѣлъ Лунинъ, и кричали ему въ слѣдъ: «Да помилуетъ тебя Богъ, Михаилъ Сергѣевичъ! Богъ дастъ, вернешься! Мы будемъ оберегать твой домъ, за тебя молиться будемъ»! А одинъ крестьянинъ-старикъ даже ему въ телегу бросилъ каравай съ кашею.

(Продолженіе будетъ).

ДВА ПИСЬМА МИНИСТРА ПРОСВѢЩЕНІЯ ГРАФА С. С. УВАРОВА КЪ ШЕФУ ЖАНДАРМОВЪ ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Графъ Уваровъ, обязанный своимъ назначеніемъ въ министры графу Бенкендорфу, въ то время только что вступилъ въ должность. Вспомнимъ, что письма относятся ко времени послѣ Польскаго мятежа. *П. Б.*

1.

Moscou, ce 14 octobre 1832.

Je vous écris quelques lignes, mon cher général, pour vous apprendre que je ne suis pas égaré sur la chaussée entre Moscou et Pétersbourg ou bien en maraude dans quelque coin du pays. J'étais tout prêt à partir, lorsque sur un ordre de S. M. l'Empereur j'ai ajourné mon départ. Quand cet ordre sera exécuté, je me mettrai en route. N'allez donc pas mettre votre gendarmerie à mes trousses: elle me trouverait paisiblement dans l'un des établissements d'ici. Le retard de mon départ pourra contribuer à me donner le moyen de donner le dernier coup d'oeil à l'Université; car, malgré que j'y passe régulièrement toutes mes matinées, je trouve toujours matière à observer et à agir. Le rapport général que je présenterai à S. M. contiendra quelque chose de complet, qui, j'ose l'espérer, paraitra digne de son attention particulière; car la question est vitale vu qu'ici l'université de Moscou représente toutes les autres. En attendant je vous réitère avec plaisir que la tranquillité la plus parfaite continue à règner parmi la jeunesse de l'université et que je n'ai qu'à me louer des sentiments dans lesquels je la laisserai à mon départ. Tout à l'heure encore j'ai eu par les autorités la confirmation de ce que j'avance, et par autorités j'entends ici le gouverneur-général et la police. Je m'estimerai très-heureux si mon séjour ici a pour résultat de ramener la jeunesse à l'ordre et de tranquiliser sur ce point notre auguste Maître. En lui rendant compte de la mission qu'il a daigné me confier, je lui soumettrai au moins un aperçu exact et complet de la question.

Ce n'est pas seulement sur *le moral* de l'université qu'il paraît que S. M. veut diriger mon activité, mais aussi sur le *physique;* car je suis, par son ordre, occupé à examiner la maison Pachkow achetée dernièrement et qui est une masure dans toute la force du terme; si bien une masure qu'elle n'a ni portes ni fenêtres, ni poëles, que le toit est à jour et qu'en vérité je serai embarrassé de proposer une destination qui n'exigeât pas un débours immense. Malgré tout, il faudra bien que je dise la chose comme elle est et que j'ajoute que j'aurais trouvé un tout autre emploi pour les 250 m. r. employés à l'achat de cette Radcliffade.

Vous ne me répondrez pas, et c'est convenu; mais vous voudrez bien permettre que je vous embrasse en idée. Quand je serai de retour, nous aurons ample matière à conversation. Je n'oublierai pas surtout de vous faire (voir) de la vieille argenterie admirable et différentes curiosités acquises depuis votre départ d'ici.

Tout à vous Ouvarow.

P. S. J'envoye aujourd'hui au prince Wolkonsky une notice qui m'a été adressée de Paris relativement à un très-beau tableau de *Poussin* que l'on peut avoir à fort bon compte et qui vient du fameux cabinet d'Errard. Je vois d'ici la grimace qu'il fera et qui n'aura rien de *poussinesque.*

Москва, 14 Октября 1832 года.

Переводъ. Пишу вамъ нѣсколько строкъ, мой дорогой генералъ, для того, чтобъ увѣдомить васъ, что я не заблудился на шоссе между Москвою и Петербургомъ и не засѣлъ въ какомъ-нибудь уголкѣ нашего отечества. Я былъ совершенно готовъ къ отъѣзду, когда, по приказанію Е. В. Государя Императора, остался еще. Когда это приказаніе будетъ исполнено, я отправлюсь въ путь. И такъ не посылайте вашихъ жандармовъ разыскивать меня: они могутъ найти меня спокойно сидящимъ въ одномъ изъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній. Замедленіе моего отъѣзда дастъ мнѣ возможность окончательно осмотрѣть университетъ, такъ какъ, хотя я и провожу тамъ каждое утро, я постоянно нахожу что-нибудь замѣтить и о чемъ-нубудь распорядиться. Общій докладъ, который я представляю Его Величеству, будетъ содержать въ себѣ нѣчто законченное и, смѣю надѣяться, достойное особаго съ его стороны вниманія, такъ какъ это жизненный вопросъ, ибо Московскій университетъ служитъ представителемъ всѣхъ другихъ. Покуда я могу съ удовольствіемъ увѣрить васъ, что самое полное спокойствіе не перестаетъ господствовать среди университетской молодежи и что я могу лишь похвалить тѣ чувства, въ ко-

торыхъ я ее оставлю при моемъ отъѣздѣ. Мнѣ только что подтвердили это мѣстныя власти, а подъ именемъ мѣстныхъ властей я разумѣю генералъ-губернатора и полицію. Я сочту себя очень счастливымъ, если результатомъ моего здѣсь пребыванія будетъ возстановленіе въ средѣ молодежи порядка и возможность успокоить въ этомъ отношеніи нашего августѣйшаго Государя. Представляя ему отчетъ о порученіи, которое ему угодно было возложить на меня, я представлю ему точный и полный обзоръ этого вопроса.

Его Величеству, какъ кажется, угодно было направить мою дѣятельность не только на *нравственную* сторону университета, но также на *матеріальную* часть, такъ какъ я занятъ, по его приказанію, осмотромъ Пашковскаго дома, который только что пріобрѣтенъ покупкой и который въ полномъ смыслѣ слова развалина; онъ до такой степени похожъ на развалину, что въ немъ нѣтъ ни дверей, ни оконъ, ни печей, что крыша сквозитъ и что я былъ бы въ затрудненіи дать ему такое назначеніе, которое не потребовало бы огромныхъ расходовъ. Во всякомъ случаѣ я долженъ буду выставить это дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ и долженъ буду присовокупить, что можно бы было употребить на другой предметъ тѣ 250 тысячъ рублей, которые были издержаны на покупку этой развалины.

По нашему уговору не безпокоитесь отвѣчать на это письмо, но позвольте мнѣ мысленно обнять васъ. По моемъ возвращеніи, мнѣ нужно будетъ о многомъ съ вами поговорить. Я въ особенности не позабуду показать вамъ превосходную старинную серебряную посуду и разныя рѣдкости, пріобрѣтенныя мною послѣ вашего отъѣзда отсюда. Весь вашъ Уваровъ.

P. S. Я посылаю сегодня князю Волконскому замѣтку, присланную мнѣ изъ Парижа касательно одной превосходной картины *Пуссена*, которую можно пріобрѣсти за дешевую цѣну и которая находилась въ знаменитомъ кабинетѣ Эррара. Я уже отсюда вижу, какую онъ дѣлаетъ гримасу, въ которой не будетъ ничего *пуссеновскаго*.

2.

29 mars 1833. (S-t Pétersbourg).

Vous vous êtes éclipsé si brusquement, mon cher comte, que je n'ai été prévenu de votre départ qu'au moment où vous montiez en je ne sais quel équipage qui vous portait à Fahl, au grand déplaisir de vos amis et du ministère de l'instruction en particulier. Nous espérons bien que votre absence ne sera que de courte durée: tous ceux qui aiment l'Empereur aiment à vous voir auprès de lui.

L'office que sur la foi de votre silence au Comité j'ai tranquillement adressée à l'heure ordinaire chez vous et que le *recteur* de l'université de *Dorpat* a reçu en original, vous a donné la mesure de l'initiative que j'ai cru devoir prendre. Pour compléter nos notions à cet égard, surtout à l'égard des individus placés à Reval et en Esthonie, je me permets de tirer parti de votre séjour dans votre seigneurie pour vous prier de jeter les yeux autour de vous et de recueillir les informations que vous croirez les plus propres à nous orienter. On m'a signalé le directeur des écoles d'Esthonie *Stackelberg* comme un des apôtres les plus ardents de la foi *hernhuterienne*. Il est probable qu'il n'est pas le seul à la propager, et comme à votre retour il faudra combiner la marche à adopter dans cette affaire très-délicate, je serai heureux d'avoir votre opinion fondée sur l'exacte connaissance de l'état de l'esprit public à cet égard. Ne jugeriez-vous à propos, pour rassurer l'esprit public, de dire que les mesures ne tarderont pas à être prises, que le changement qui vient d'avoir lieu dans le ministère en fournit les moyens etc. Je crois que quelques mots dits par vous dans ce sens (et c'est la vérité) feront du bien et nous donneront le tems et les moyens de procéder tout doucement à un résultat fixe. Vous pouviez d'ailleurs intimer aux plaignans que sur tout ce qui est de mon ressort, ils peuvent sans scrupule s'adresser à moi dont vous connaissez les principes et les intentions.

Je n'ai pas eu encore le bonheur de voir S. M. I., probablement à cause des dévotions. En attendant, le ministère commence à marcher rondement, et il me semble que l'on est content.

Adieu, cher ami. Mettez-moi aux pieds de la comtesse. Pourquoi avez-vous renvoyé mon jardinier? Il fallait le faire travailler comme s'il était de vous. Je compte sur votre amitié à tout jamais. Adieu. Je suis un peu souffrant et très-occupé.

Ouvaroff.

Переводъ. 29 Марта 1833. (Спб.) Вы такъ быстро исчезли, мой дорогой графъ, что я узналъ о вашемъ отъѣздѣ только въ ту минуту, когда вы садились не знаю въ какой экипажъ, чтобъ ѣхать въ Фаль, къ великому огорченію вашихъ друзей и въ особенности министра народнаго просвѣщенія. Будемъ надѣяться, что ваше отсутствіе будетъ непродолжительно: всякій, кто любитъ Императора, желаетъ видѣть васъ подлѣ него.

Показанія, которыя я, вслѣдствіе вашего молчанія въ Комитетѣ, спокойно доставилъ къ вамъ въ обычный часъ и которыя получены въ подлинникѣ *ректоромъ Дерптскаго* университета, объяснятъ вамъ, почему я счелъ нужнымъ взять на себя въ извѣстной мѣрѣ починъ въ этомъ дѣлѣ. Чтобы

дополнить наши свѣдѣнія по этому предмету, въ особенности въ томъ, что касается личностей, помѣщенныхъ въ Ревелѣ и въ Эстляндіи, я позволю себѣ извлечь пользу изъ вашего пребыванія въ вашемъ имѣніи и попросить васъ обратить вниманіе на то, что дѣлается вокругъ васъ и собрать свѣдѣнія, которыя, по вашему мнѣнію, всего лучше могли бы навести насъ на настоящій путь. Мнѣ указали на директора Эстляндскихъ школъ *Штакельберга*, какъ на одного изъ самыхъ ревностныхъ распространителей вѣры *Гернгутеровъ* *). Весьма вѣроятно, что не одинъ онъ занимается ея распространеніемъ; а такъ какъ по вашемъ возвращеніи надо будетъ сообразить, какъ поступать въ этомъ крайне деликатномъ дѣлѣ, то я былъ бы радъ узнать ваши мысли, основанныя на близкомъ знакомствѣ съ общественнымъ мнѣніемъ о этому предмету. Чтобъ успокоить общественное мнѣніе, не найдете ли вы умѣстнымъ заявить, что правительство не замедлитъ принятіемъ надлежащихъ мѣръ, что происшедшая въ министерствѣ перемѣна даетъ для этого средства и пр? Я полагаю, что нѣсколько словъ, сказаннымъ вами въ этомъ смыслѣ (и это была бы правда) принесутъ пользу и доставятъ намъ время и средства, чтобъ потихоньку достигнуть прочнаго результата. Впрочемъ вы можете внушать недовольнымъ, что во всемъ, что входитъ въ предѣлы моего вѣдомства, они могутъ безъ колебаній обращаться ко мнѣ; а вамъ хорошо извѣстны мои принципы и мои намѣренія.

Я еще не имѣлъ счастія видѣть Его Величество, вѣроятно по причинѣ говѣнья. Покуда все начинаетъ идти въ министерствѣ какъ слѣдуетъ, и мнѣ кажется, что имъ довольны.

Прощайте, дорогой другъ. Мое почтеніе графинѣ. Зачѣмъ отослали вы моего садовника? Надо было заставить его работать, какъ человѣка состоящаго у васъ въ услуженіи. Полагаюсь навсегда на вашу дружбу. Прощайте Я не совсѣмъ здоровъ и очень занятъ.

Уваровъ.

---

*) См. объ этомъ Штакельбергѣ въ Р. Архивѣ 1878, II, 240, статью о Ревелѣ покойнаго Ф. Л. Лялякова. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЕ О КОНСТАНТИНѢ СЕРГѢЕВИЧѢ АКСАКОВѢ.

I.

«Сыны вѣка сего умнѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ» — и, среди многолюдной свѣтской толпы, въ безконечной путаницѣ житейскихъ отношеній, всякому приходится видѣть оправданнымъ на дѣлѣ великій смыслъ этого всемірнаго изреченія. «Сынъ вѣка» хвалится постояннымъ успѣхомъ, самъ вѣкъ и все современное общество становятся на его сторону, а *«сынъ свѣта»* представляется еще какимъ-то жалкимъ, смѣшнымъ юродомъ. Когда-то еще, бо́льшею частью спустя много времени, разберутъ люди отличіе свѣта и истины отъ лживости временнаго успѣха! Не рабство своему времени, не лесть и угодливость современника своей современности (эта порука временнаго успѣха) составляютъ отличіе «сыновъ свѣта».

Намъ невольно пришли на умъ эти общія разсужденія, едва мы произнесли имя *Константина Сергѣевича Аксакова.* Какое множество, быть можетъ, умныхъ людей, съ высоты своего практическаго разумѣнія, считали его ребенкомъ и даже дитей. Какъ они должны были забавляться его простодушною вѣрою въ людей и совершеннымъ невѣдѣніемъ тѣхъ такъ называемыхъ практическихъ истинъ, что́ извѣстны даже весьма дюжиннымъ умникамъ наизусть. Но какъ вся эта масса свѣтскихъ мудрецовъ пасовала передъ нимъ, передъ этимъ «младенцемъ на злое» именно ради его неумолимаго и непо́дкупнаго нравственнаго чувства. Никакой сдѣлки съ совѣстью, никакого компромисса или способа уживчивости, *modus vivendi* кривды съ правдой онъ не допускалъ. До сихъ поръ приходится слышать и даже читать, при оцѣнкѣ личнаго характера Константина Сергѣевича, много невѣрнаго, именно потому что проглядываютъ это главное его свойство. Впро-

чемъ, какъ литературные его друзья, такъ и противники единогласно сходятся въ томъ, что это была чистѣйшая и честнѣйшая природа. Довольно припомнить хотя бы теплыя строки Герцена, написанныя объ немъ сейчасъ по полученіи извѣстія объ его смерти въ 1860 году на островѣ Зантѣ.

Да! это была жизнь, это была и смерть совершенно особенная.

И теперь, стоя у надгробной плиты, гдѣ вычеканено *К. С. Аксаковъ*, съ особенной живостью чувствуешь, какъ все имъ говоренное и написанное было искренно. Даже самая полемика его, а порой прямо и бичеванье противуположныхъ принциповъ, какъ они были незлобивы, праведны можно бы сказать. Отвѣтственность за всѣ свои строки, даже полемическія, представлялась ему при жизни долженствовавшей быть именно такою, чтобы отъ нихъ не отрекаться даже изъ-за могилы. Во всѣхъ его сочиненіяхъ это чувствуется сейчасъ.

Писаннаго онъ оставилъ послѣ себя сравнительно немного; но вся его жизнь была непрерывная, живая проповѣдь. Это былъ одинъ изъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, чей личный характеръ, самъ нравственный образъ и весь поступокъ оказываютъ еще больше вліянія, чѣмъ остающіяся послѣ нихъ писанныя строки.

— «Я ему руки не подаю», сказалъ мнѣ одинъ разъ Константинъ Сергѣевичъ про человѣка весьма извѣстнаго тогда въ Московскомъ свѣтѣ. Признаться, меня это удивило, именно потому что личность, о которой шла рѣчь, пользовалась всеобщимъ внѣшнимъ почетомъ; трудно бы было и избѣжать встрѣчъ въ обществѣ именно съ этимъ, бывшимъ тогда въ славѣ, общественнымъ дѣятелемъ.—«Я не знаю ничего безнравственнѣе свѣтской нравственности», продолжалъ, какъ бы въ поясненіе своей мысли Константинъ Сергѣевичъ. «Случалось-ли вамъ слышать такое общепринятое про человѣка выраженіе (именно только въ свѣтѣ оно могло родиться!): это—разбойникъ, это безнравственный человѣкъ, mais c'est un homme tout à fait comme il faut, руку ему можно подать»?

— «Я у нея не бываю и съ ней не говорю», точно также сказалъ мнѣ разъ Константинъ Сергѣевичъ про одну извѣстную даму, и это меня удивило тѣмъ болѣе, что съ ея мужемъ самъ Константинъ Сергѣевичъ былъ въ постоянныхъ живыхъ сношеніяхъ.

Многимъ покажется страннымъ, что одинъ единственный человѣкъ беретъ на себя не кланяться и не подавать руки такому лицу, котораго носитъ на рукахъ весь городъ. Но многимъ и приходится пожелать побольше странностей этого рода.

«Fausse honte! *) вотъ еще слово!» часто приходилось слышать отъ

*) Ложный стыдъ.

Константина Сергѣевича. «У насъ найдутся тысячи храбрецовъ, готовыхъ лѣзть на пушки, но они спасуютъ предъ малѣйшимъ искушеніемъ именно *fausse honte*'а! О, какъ надо всякому бороться съ этимъ чувствомъ! Если есть честное убѣжденіе и сознаніе въ томъ, что оно честно, надо идти съ нимъ впередъ; надо имѣть мужество исповѣдывать его открыто, хотя бы презрительныя насмѣшки сыпались кругомъ. Fausse honte —это глубочайшее рабство человѣка; такое рабство, никакое другое съ нимъ не сравнится. Это гниль души. Fausse honte понятіе также совершенно свѣтское. Оно именно могло выработаться только въ бездушной, безнравственной средѣ. И я вообще не знаю ничего безнравственнѣе самого этого понятія: *свѣтъ*. Оно у насъ не свое, оно пришло къ намъ съ Запада. Это цѣлый принципъ плѣнительно-лживый. А не та ложь и не то зло страшны, которыя ужъ съ виду отвратительны и отталкиваютъ отъ себя. Страшна та ложь, которая имѣетъ въ себѣ прелесть и демоническую силу обаянія. Опасно то зло, которое тянетъ и, какъ всякое художественное начало, плѣнительно. Das Uebel ist reizend *), недаромъ говорятъ Нѣмцы».

Читая въ тогдашнемъ «Современникѣ» и въ прочихъ модныхъ журналахъ всякаго рода пошлости о такъ называемыхъ Славянофилахъ, не вѣрилось, наконецъ, самому себѣ и приходилось краснѣть за себя, странно дѣлалось всякому, сходившемуся съ кѣмъ-нибудь изъ этихъ людей лицемъ къ лицу. Почему же ни отъ кого изъ нихъ не слышишь чего-либо даже похожаго на тѣ общія избитыя мѣста, которыя повальнымъ хоромъ тогдашней учености и журналистики выдавались за альфу и омегу ихъ вѣроученія?! И, напротивъ того, непремѣнно, съ первыхъ же словъ и съ первой встрѣчи, слышишь отъ каждаго изъ нихъ—запросъ нравственности прежде всего и во главѣ всего. Притомъ и затрогивается онъ, этотъ неумолимый запросъ, въ такихъ разнообразныхъ видахъ и по такимъ нечаяннымъ поводамъ, что другимъ еще и самой умѣстности этого запроса тутъ бы и не примѣтить.

Разъ вечеромъ свелъ меня Константинъ Сергѣевичъ въ свой кабинетъ для прочтенія одной статьи. Домъ былъ на большой людной улицѣ, и окна кабинета въ нижнемъ этажѣ выходили прямо на тротуаръ. Письменный столъ, освѣщенный лампой, казалось мнѣ, долженъ былъ ярко выдаваться на улицу. Не опустить ли шторы? невольно спросилъ я. «Зачѣмъ? съ живостью возразилъ Константинъ Сергѣевичъ. «Вотъ, еслибы мы садились съ вами за бутылки или

*) Зло заманчиво.

играть въ карты—тогда другое дѣло. Но тутъ рабочій письменный столъ, тутъ сидятъ за книгами и тетрадями. Не вижу никакой надобности завѣшиваться отъ людей. Пройдетъ мимо какой-нибудь студентъ или другой кто, почемъ знать? Можетъ быть, еще это наводетъ на добро кого-нибудь изъ проходящихъ».

Одинъ разъ пришлось мнѣ просить Константина Сергѣевича удѣлить нѣсколько часовъ времени для выслушанія одной рукописи; а къ ней онъ относился и самъ съ живымъ участіемъ. Онъ назначилъ мнѣ быть на другой же день. Чтеніе началось съ ранняго утра и продолжалось часу до четвертаго. Предъ самымъ началомъ, Константинъ Сергѣевичъ оговорилъ въ домѣ, что онъ будетъ занятъ и желающихъ видѣть собственно его не принимать никого. Скоро раздался звонокъ, человѣкъ вошелъ въ комнату и назвалъ фамилію пріѣхавшаго. «Сказать, что я занятъ и принять не могу», отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдовалъ другой звонокъ, потомъ третій. Человѣкъ по прежнему входилъ съ докладомъ. «Занятъ и принять не могу», попрежнему отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Не помню послѣ котораго звонка и доклада, я, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ: почему бы не сказать въ такихъ случаяхъ общепринятаго *дома нѣтъ*? «Очень жаль, что это обще принято» съ живостью возразилъ Константинъ Сергѣевичъ, «но ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ лгать не вижу надобности. Неужели не проще сказать: *не могу принять*, чѣмъ *нѣтъ дома*? Тѣмъ болѣе, что еслибы кому-нибудь встрѣтилась теперь дѣйствительная необходимость меня видѣть, мнѣ было бы даже совѣстно лишить его этой возможности, да еще и солгавъ предъ нимъ. Но вотъ, вы сами видите, насъ никто и не безпокоитъ. Мнѣ кажется даже, что, привыкнувъ къ моему обычаю, то-есть къ тому, что я не отказываю фразой *дома нѣтъ*, сами посѣтители тяготятся теперь настаивать на непремѣнномъ свиданіи, а это бываетъ при лживомъ отвѣтѣ *нѣтъ дома*.» Было и еще нѣсколько звонковъ. Послѣ одного изъ нихъ человѣкъ доложилъ фамилію одного изъ профессоровъ Московскаго университета, оговоривъ, что просятъ непремѣнно принять хоть минуты на двѣ. Константинъ Сергѣевичъ, извинясь за перерывъ чтенія, вышелъ къ этому посѣтителю, и даже менѣе чѣмъ чрезъ двѣ минуты возвратился назадъ. «Вотъ видите-ли», сказалъ онъ сіяющій, «мы и опять свободны продолжать чтеніе; такой маленькій перерывъ почти и не помѣшалъ намъ. А я радъ, что не отказалъ въ пріемѣ: профессоръ хлопочетъ объ одномъ бѣдномъ студентѣ, дѣло идетъ объ его опредѣленіи, а оно и вовсе не состоялось бы, еслибы я не далъ сейчасъ себя видѣть; теперь же дѣло кончено, и молодой человѣкъ устроенъ. И, повѣрьте мнѣ, люди чутки къ прав-

дѣ болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Откажи я ему подъ предлогомъ, что меня дома нѣтъ и потомъ выйди къ нему по его усиленной просьбѣ, онъ продержалъ бы меня гораздо долѣе, чѣмъ теперь, когда ему сразу сказали, что я дома, но занятъ».

Мнѣ припоминается разсказъ очевидца о диспутѣ Константина Сергѣевича при его магистерской диссертаціи: «*Ломоносовъ*». Это разсказъ Ѳ. М. Д—ва, который въ шестидесятыхъ годахъ и самъ занималъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ, а тогда лишь готовился къ тому и былъ наканунѣ своей собственной магистерской диссертаціи. На всѣ возраженія—разсказывалъ этотъ очевидецъ—Константинъ Сергѣевичъ отвѣчалъ живо и ничего не уступалъ изъ собственныхъ тезисовъ. Но послѣ одного сдѣланнаго ему замѣчанія, магистрантъ вдругъ воскликнулъ: ахъ, какое дѣльное возраженіе! и это съ такой дѣтской искренностью и съ такимъ невольнымъ движеніемъ руки, поднесенной къ волосамъ, что вся аудиторія разразилась смѣхомъ. Ясно было, что не личное самолюбіе, а самый предметъ спора занималъ диспутанта.

Приходилось часто слышать Константину Сергѣевичу даже отъ своихъ друзей, что, съ своимъ собственнымъ прямодушіемъ, онъ слишкомъ довѣрчивъ къ прямодушію и всѣхъ другихъ,—«*ловится на одну и туже удочку*» по одному памятному для меня отзыву. Приведу кстати и самый анекдотъ, напомнившій мнѣ этотъ отзывъ. Тѣмъ болѣе умѣстно будетъ здѣсь это маленькое отступленіе, что выступаетъ въ разсказѣ самъ авторъ «Семейной Хроники», старикъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, отецъ Константина Аксакова; а они всегда были вмѣстѣ, рѣдко можно было видѣть одного безъ другаго и, по крайней мѣрѣ, въ моихъ собственныхъ воспоминаніяхъ—они всегда неразлучны и всегда возстаютъ слитно. За хлѣбосольнымъ столомъ С. Т. Аксакова, кромѣ многочисленной семьи, обѣдывало обыкновенно много и знакомыхъ. Не вдругъ расходились и разъѣзжались послѣ обѣда; всѣ располагались частью въ гостиной, частью въ залѣ или еще въ другой сборной комнатѣ возлѣ столовой. За кофеемъ продолжалась бесѣда; длилось своего рода far-niente, и вдругъ иногда на двѣ на три минуты импровизировались тутъ какія-нибудь «маленькія игры». Старикъ—и тогда уже неразлучный съ большимъ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, но еще бодрый, живой и не страдавшій своимъ послѣднимъ мучительнымъ недугомъ—также не уходилъ къ себѣ, а оставался гдѣ-нибудь тутъ же курить свою трубку. (Правильнѣе сказать, это была не трубка, а длинный черешневый чубукъ съ янтарнымъ мунштукомъ и съ металлическимъ наконечникомъ — совсѣмъ какъ быть трубкѣ,

только не табакъ крошился туда, а вставлялась сигара). Между вечеромъ и свѣтомъ, разъ въ такое именно far-niente, стали *«играть въ мнѣнія»*. Игра, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что одинъ изъ присутствующихъ удаляется изъ круга; на маленькихъ билетикахъ, тутъ же десятками нарѣзанныхъ изъ листа бумаги, всякій пишетъ объ немъ какое-нибудь «мнѣніе»; послѣ того какъ всѣ напишутъ свое—его призываютъ. Тогда одинъ за другимъ вынимаются билетики по очереди и прочитываются вслухъ; слушатель долженъ угадать хоть одно изъ нихъ: кто про него написалъ что̀? Вотъ одинъ и удалился изъ нашего круга; по возвращеніи онъ выслушалъ себѣ: «иронистъ!.. вовсе не занятъ собой!.. имѣетъ видъ утомленнаго!.. для всѣхъ, кто его не знаетъ, кажется онъ холоднымъ эгоистомъ, а для всѣхъ кто его знаетъ—глубоко-любящимъ человѣкомъ, и вся его бѣда въ томъ, что очень немногіе его знаютъ» и пр. и пр. Слушатель такихъ комплиментовъ себѣ (или пожалуй критикъ) угадалъ, наконецъ, одно изъ *«мнѣній»*; теперь пришла очередь выдти изъ круга самому Константину Сергѣевичу. «Кто, кто ушелъ,—Константинъ, да? Объ немъ собираютъ мнѣнія?» спросилъ вдругъ старикъ, казалось уже дремавшій въ уголкѣ со своею трубкой. «Дайте и я напишу объ немъ свое мнѣніе». Тутъ же на одномъ изъ билетиковъ Сергѣй Тимоѳеевичъ быстро черкнулъ карандашемъ, сложилъ какъ всѣ прочіе и опустилъ въ общую урну. Когда наконецъ всѣ билетики были собраны, и Константинъ Сергѣевичъ возвратился въ нашъ кругъ отгадывать, кто изъ насъ что̀ напасалъ объ немъ—нельзя было на него смотрѣть безъ сдержаннаго смѣха. Точно не въ шутку тутъ объ немъ шло дѣло! Съ какою-то неподдѣльной серьезностью выслушивалъ онъ чтеніе билетиковъ, съ какою-то еще дѣтской лукавостью обводилъ всѣхъ присутствующихъ, что̀ называется, вылупленными глазами. И вдругъ мгновенно... какъ только прочитали на одномъ билетикѣ: *ловится на одну и туже удочку*... съ быстротою молніи указалъ на своего отца, окликнувъ еще его ласковымъ дружескимъ именемъ, какимъ привыкъ его называть съ дѣтства, какъ только начиналъ лепетать его языкъ, и которымъ уже не переставалъ называть его и по конецъ жизни, особенно въ кругу близкихъ. Взрывомъ дружнаго веселаго смѣха такъ тогда и кончилась игра, задуманная нами въ часъ между вечера и свѣта. Эта, если можно такъ выразиться, взаимная мѣткость и отгадчика и загадавшаго загадку донѣльзя всѣхъ разсмѣшила. *«Ловится на одну и туже удочку»*—съ тѣхъ поръ часто приходилось это выслушивать Константину Сергѣевичу при разныхъ случаяхъ.

Зашелъ какъ-то разговоръ объ одномъ, не совсѣмъ обыкновенномъ студентѣ. Кончивъ курсъ на филологическомъ отдѣленіи, онъ

заявилъ о своемъ желаніи поступить еще на медицинскій факультетъ. Это несказанно обрадовало Константина Сергѣевича, онъ расточался въ похвалахъ молодому человѣку и ставилъ его въ примѣръ истинной любви къ наукѣ. Одинъ изъ собесѣдниковъ выразилъ сомнѣніе на этотъ счетъ и объяснялъ дѣло гораздо проще: студентамъ такого рода, утверждалъ онъ, предоставлены разныя выгоды и льготы; кромѣ того, выдаются очень хорошія стипендіи; это будто и побуждаетъ иногда, по окончаніи одного факультета, переходить еще на другой. — Я, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны не думаю такъ», отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ весьма серьозно: «добрымъ хорошимъ дѣламъ всегда будетъ вѣрнѣе приписывать и доброе хорошее побужденіе».

Этотъ маленькій случай невольно напоминаетъ ту восторженность, съ какою онъ говорилъ о великихъ историческихъ дѣлахъ, совершенныхъ по чистѣйшимъ человѣческимъ побужденіямъ—и то негодованіе, съ какимъ онъ относился, когда тѣже великія дѣянія извращали на изнанку. Французскаго народа онъ не любилъ. «Это бѣднѣйшій языкъ, это ничтожнѣйшій народъ. Его буржуазный *bon sens* только посредственности по плечу», и едва нападалъ онъ на эту тему, каждый разъ не могъ не повторить вѣчно одного и того же.—«Іоанна Даркъ—вотъ единственная личность въ цѣлой Французской исторіи, передъ которой нельзя не благоговѣть, передъ которой человѣчество и благоговѣетъ. И что же сдѣлала Франція со своей героиной? Она не только выдала ее своими руками на костеръ смертельнымъ врагамъ, но еще въ лицѣ своего національнѣйшаго поэта или по крайней мѣрѣ писателя, втоптала ее въ грязь и кощунственно насмѣялась надъ нею. Ибо если и можно кого-либо изъ Французскихъ писателей назвать выразителемъ своего народа, то конечно Вольтера». И непремѣнно, вслѣдъ затѣмъ, переходилъ онъ къ Іоаннѣ Даркъ Шиллера и восторженно декламировалъ его апоѳеозу этой героини и проклятія низкой природѣ грязныхъ людей, имъ-же свойственно чернить все великое и святое. Какъ хорошо звучали въ его устахъ эти благородныя строфы:

Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen,
Und das Erhab'ne in den Staub zu zieh'n;
Doch fürchte nicht! Es giebt noch schöne Herzen,
Die für das Hohe, Herrliche entglüh'n.

— «Чужой народъ воздалъ честь и отдалъ справедливость этой свѣтлой личности», уже съ энтузіазмомъ говорилъ Константинъ Сергѣевичъ, «потому что онъ былъ способенъ оцѣнить ея высоту. То, что

Нѣмцы зовутъ *etwas Ernstes*—вотъ чего именно не достаетъ цѣлой Французской націи».

Шиллеръ былъ любимѣйшій поэтъ Константина Сергѣевича; именно нравственный, душу возвышающій элементъ его поэзіи онъ цѣнилъ высоко. Свою предпочтительную любовь къ Шиллеру онъ запечатлѣлъ множествомъ переводовъ изъ этого поэта (они и были въ свое время напечатаны) и любилъ часто произносить наизусть его стихи. А въ свое путешествіе по Германіи, онъ посѣтилъ всѣ города, и въ нихъ всѣ дома, отмѣченные присутствіемъ Шиллера.

Я вообще не могу припомнить бесѣды Константина Сергѣевича, чтобы она не была оживлена въ тоже время цѣлымъ потокомъ стиховъ изъ его любимѣйшихъ поэтовъ или и собственныхъ импровизацій. При этомъ какое-то постоянное тѣлесное и душевное здоровье, какое-то непрестанное веселіе духа и бодрость живаго сердца отражались на его несказанно-добромъ и какъ бы ребячески улыбающемся лицѣ. Широкій интересъ науки и особенно Русской исторіи, интересъ художественный, однимъ словомъ интеллектуальный интересъ, притомъ съ вѣчнымъ и неумолимымъ запросомъ нравственнаго интереса въ основѣ и во главѣ всего—это была его сфера, его стихія.

Впрочемъ, само время, когда воспитывался и складывался литературный характеръ Константина Сергѣевича, тридцатые годы, было именно тѣмъ временемъ, когда все мыслящее общество жило у насъ почти исключительно художественно-литературнымъ интересомъ. Къ тому же, домъ автора «Семейной Хроники», его отца, славился искони какъ своего рода центръ, гдѣ сходились лучшія писательскія силы,—въ такой средѣ какъ было и не сложиться литературному характеру? Это время заслонено теперь отъ насъ бурнымъ періодомъ соціальныхъ реформъ; наша современность кишитъ экономическими и политическими вопросами; тотъ почти исключительно художественный и литературный періодъ, своего рода *золотой вѣкъ* въ жизни Московскаго общества, еще ждетъ своего лѣтописателя.

Н. И. Костомаровъ, въ своей извѣстной рѣчи «объ историческихъ трудахъ по Русской исторіи К. С. Аксакова», сдѣлалъ чрезвычайно вѣрную замѣтку. Отношеніе и любовь Константина Сергѣевича къ Русской исторіи были совершенно своеобразныя, говоритъ онъ, и вотъ это-то «*своеобразіе*» давало ему возможность разгадывать многія стороны и явленія Русской жизни, недоступныя для другихъ. Этотъ своеобразный Аксаковскій взглядъ г. Костомаровъ зоветъ еще и «*своенароднымъ*».

Въ чемъ заключалось такое «своеобразіе» Константина Сергѣевича—на это и долженъ дать по возможности отвѣтъ всякій, пишущій объ немъ свои воспоминанія.

Начать съ того, что онъ любилъ Русскую деревню, росъ въ ней, и весь сельскій бытъ былъ ему свой. Въ какой мѣрѣ кабинетный ученый (этотъ, выросшій среди казенныхъ школъ, отвлеченно-культурный космополитъ) долженъ превратно судить о Русскомъ языкѣ, о Русскомъ народѣ и вообще о Русской исторіи: тому, къ сожалѣнію, въ нашей ученой литературѣ слишкомъ много примѣровъ. Напротивъ, кому сельскій народный бытъ знакомъ отъ пеленокъ; кто вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ всасывалъ неуловимыя и неизслѣдимыя вліянія народности прежде чѣмъ объ ней даже думать; кто съ дѣтства напитывался родными впечатлѣніями своего собственнаго народа отъ всей окружавшей его дѣйствительности—тому съ дѣтства же доступенъ бытъ и языкъ этого народа по живому откровенію непосредственнаго чувства, и данъ ключъ къ разумѣнію его.

Константинъ Сергѣевичъ, которому Итальянскіе виды не замѣняли картинъ родной природы, которому колыбельный романсъ Французской или Нѣмецкой бонны не замѣнялъ Русской колыбельной пѣсни и которому ни одинъ иноземный языкъ (при всемъ ихъ знаніи) не замѣнилъ родной рѣчи, Константинъ Сергѣевичъ былъ особенно счастливъ тѣмъ, что родился и воспитался въ совершенно-Русской семьѣ, въ Русскомъ домѣ и получилъ прямо-Русское образованіе. А это составляетъ большую рѣдкость еще и въ наши дни. Когда онъ поступилъ въ Московскій университетъ, его умъ и сердце, не изсушенные въ четырехъ стѣнахъ казеннаго заведенія для покорнаго и машинальнаго воспріятія какихъ угодно, хотя бы и чуждыхъ ученій, вовсе не были бѣлымъ листомъ бумаги, на которомъ пиши что угодно. Нѣтъ! Ужъ тамъ крѣпко засѣло свое. Университетская наука только укрѣпила сознательно въ нёмъ все то, что̀ прежде было лишь его непосредственнымъ чувствомъ; всю жизнь онъ и остался ему вѣренъ до конца.

Не страдай наше общество еще и теперь, а особенно тогда, своимъ извѣстнымъ историческимъ недугомъ «раздвоенія», или прямо сказать расколомъ; не будь въ немъ продолжающагося и теперь, а тогда еще сильнѣйшаго разрыва съ народомъ: конечно и представитель «Русскаго народнаго направленія въ жизни и Русскаго народнаго воззрѣнія въ наукѣ» былъ бы избавленъ отъ горькой доли отыскивать свои идеалы лишь въ прошломъ, а если въ современности, то исключительно въ одномъ простонародьи. Но въ тогдашнее время, при полномъ разрывѣ верхнихъ классовъ съ народомъ (не забудемъ существовавшаго крѣпостнаго права) и при всеобщемъ антагонизмѣ «публики и народа» такая односторонность составляла у насъ роковую

неизбѣжность. Въ этой невольной односторонности заключалась своего рода «идіосинкрасія» Славянофиловъ всѣхъ вообще, а Константина Аксакова по преимуществу. Такъ какъ тогдашнее общество было въ разрывѣ съ народомъ, то приходилось еще, любя народъ, быть какъ бы въ разрывѣ съ тогдашнимъ обществомъ. Это понятно.

Сочувствуя Русской сельской природѣ, а не общепризнаннымъ живописностямъ въ родѣ береговъ Рейна; Русскому сѣрому осеннему деньку (которые такъ любилъ Пушкинъ, замѣтимъ въ скобкахъ), а не непремѣнно безоблачной синевѣ Кастелламаре; чуждаясь идеаловъ Байроновской поэзіи или Жоржъ-Зандовскаго романтизма; любя все свое и живя своимъ роднымъ, естественно было находиться въ разрывѣ съ тѣмъ полу-Русскимъ обществомъ, гдѣ царили—вверху: отвлеченно-культурный космополитизмъ, возведенный въ принципъ и систему, а подъ самымъ верхомъ: смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ. Что это было за общество тогда? Оно иначе не лепетало какъ по французски; не признавало иныхъ красотъ природы кромѣ утоптанныхъ модными ботинками береговъ Рейна; оно бредило иноземными идеалами; а все свое, въ которомъ впрочемъ ничего и не смыслило, считало за что-то отреченное и въ собственномъ смыслѣ за *mauvais genre*. Все это уже кажется пошлымъ въ наши дни; но не надо забывать, что именно эта пошлость господствовала въ полной силѣ въ тѣ времена, которыя совпадали съ юношествомъ Константина Сергѣевича.

Безспорно, было бы непростительною односторонностью утверждать, что единственно лишь въ простомъ народѣ, прямо только въ Русскомъ крестьянствѣ, заключаются перлы человѣчества; но безспорно и то, что симпатіи Русскаго человѣка, для котораго современное общество представляло жалкую смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ, должны были обратиться именно на эту среду. Именно здѣсь, хотя и въ грубомъ, убогомъ видѣ, онъ наконецъ угадывалъ свои собственные идеалы, и весь бытъ и строй признавалъ роднымъ и близкимъ себѣ, а не заимствованнымъ отъ Нѣмцевъ. Это преимущественное поклоненіе крестьянству, прозрѣніе Русскихъ вселенскихъ началъ какъ бы воплощенными исключительно и наиболѣе лишь въ образѣ сельскаго мірянина (этого «*всечеловѣка*», по позднѣйшему выраженію Достоевскаго) составляли въ своемъ родѣ увлеченіе Константина Сергѣевича или, какъ мы выразились, идіосинкрасію его. Онъ охотно признавался, что самъ Ломоносовъ, герой его магистерской диссертаціи, тѣмъ особенно и дорогъ ему, что вышелъ изъ нѣдръ народа, изъ крестьянства. Сельское мірское устройство, житье села міромъ, собор-

ное начало свободнаго народа и живой союзъ всѣхъ меньшихъ міровъ въ одинъ великій міръ цѣлаго Русскаго народа, при чемъ самъ онъ себя и не зоветъ иначе, какъ только «православнымъ христіанствомъ»—вотъ что̀ было дорого и завѣтно для Константина Сергѣевича въ его симпатіяхъ къ коренному Русскому населенію и чѣмъ онъ наиболѣе дорожилъ, вполнѣ сознательно, въ его бытѣ. Такой бытъ, прямо сказать, неотдѣлимый отъ быта самой Божьей церкви на землѣ, былъ ему *свой*. Это же и есть бытъ Русскій, преимущественно Русскій, не искаженный и не затемненный никакимъ, чуждымъ Славянскому духу, идеаломъ. Многіе ли способны понимать его еще и въ наши дни? На мѣсто вселенскаго духа, искони свойственнаго Русскому народу, его лжеподобіе, безнародный духъ космополитизма и сокрушеніе коренныхъ основъ Русской народности, не почитаются ли еще и въ наши дни верхомъ не только свѣтской, а даже и государственной мудрости?

Про вѣру Константина Сергѣевича, про его живое чувство своей принадлежности къ церкви—можно вообще сказать тоже самое, что̀ было сказано Ю. Ѳ. Самаринымъ относительно Хомякова. «Онъ живетъ не *при* церкви и не *съ* церковью, а онъ живетъ *въ* самой церкви». Это почти тоже, что̀ говоритъ и самъ Константинъ Сергѣевичъ по поводу житья не *при* народѣ, а *въ самомъ народѣ*. Любя народъ, естественно онъ глубже другихъ чувствовалъ и всю фальшь нашихъ мнимыхъ «народолюбцевъ». Это тѣ, когда-то бывшіе въ модѣ, лживые гуманисты, которые взирали на Русскій народъ съ торцевой мостовой Невскаго проспекта въ *pince-nez* на носу, и имъ чудились о Русскихъ крестьянахъ и крестьянкахъ небывалыя страданія; а страданіе настоящее—полное отчужденіе отъ нихъ самихъ этихъ господъ народолюбцевъ—даже не примѣчалось. Онъ мѣтко заклеймилъ такихъ гуманистовъ извѣстнымъ стихомъ: *страдать не съ ними, а за нихъ.* Онъ страдалъ и радовался за одно съ народомъ, ибо, прямо сказать, жилъ въ народѣ. При нормальномъ развитіи общества, это и составляло бы совершенно нормальное явленіе; вина ужъ не его, а именно самаго общества, если все такое казалось эксцентрическимъ. Возвращеніе къ родному быту и къ кореннымъ Русскимъ началамъ, дѣйствительно, составляетъ для всѣхъ насъ нѣкоторый подвигъ самосознанія; это еще не дается намъ непосредственно. Въ Константинѣ Сергѣевичѣ это чувствовалось весьма живо. Если онъ одѣвался порусски, предпочитая кафтанъ и мурмолку фраку и цилиндру; если рано вставалъ къ заутрени, а не спалъ какъ Онѣгинъ «утро въ полночь обратя», конечно, онъ это дѣлалъ отъ души и вполнѣ сердечно; но въ этомъ еще

заключалось и требованіе его ума. Все такое освѣщалось у него еще и сознаніемъ: *ничѣмъ не розниться отъ своего народа.* Заговаривали ли съ нимъ о соблюденіи или несоблюденіи постовъ, о посѣщеніи или непосѣщеніи церковныхъ службъ—онъ поражалъ всякаго особеннымъ глубокомысліемъ и свободомысліемъ на этотъ счетъ; но самъ попадалъ къ обѣднѣ или къ заутрени не только по однимъ годовымъ праздникамъ и соблюдалъ посты, кромѣ установленныхъ въ разное время года, еще и по Середамъ и по Пятницамъ. И это столько же по живому чувству своей принадлежности къ родной церкви, которой былъ преданъ всѣмъ сердцемъ, сколько еще именно по требованію своего ума: *ничѣмъ не розниться отъ народа.*

Прибавить надо къ тому, что тогда господствовало въ полной силѣ, уже покосившись съ своего апогея, крѣпостное право. Нѣкоторое *prédilection* въ пользу крестьянъ просто входило въ моду. Заигрывать на этой стрункѣ составляло уже излюбленную тему всѣхъ Русскихъ людей, почитавшихъ себя либералами и передовыми. Хотя эти своеобразные либералы не брезгали даже до послѣднихъ дней заводиться «крѣпостными метрессами», или продавать «населенныя» имѣнія съ молотка для жительства за границей, или спаивать народъ, устраивая для него кабаки и занимаясь винокуреніемъ или даже откупами,—они громче всѣхъ начинали кричать о «горькой Русской долюшкѣ» и уже плодили нѣкоторый фальшивый сентиментализмъ въ пользу «низшей братіи» и «сліянія сословій». Пусть въ Славянофильскомъ тогдашнемъ увлеченіи Русскимъ крестьяниномъ и было, пожалуй, какое-нибудь преувеличеніе,—во сколько же разъ оно возвышеннѣе и чище въ своемъ источникѣ, а главное и справедливѣе въ корнѣ, въ существѣ дѣла—противъ всей этой сентиментальной фальши нашихъ «западниковъ», начавшейся еще съ сороковыхъ годовъ и процвѣтшей окончательно пышнымъ цвѣтомъ въ шестидесятыхъ!

Нечего и говорить, что крѣпостное право было противно Константину Сергѣевичу. Онъ же, какъ дѣйствительный историкъ, хорошо зналъ, что это—цвѣтокъ новой Россіи, послѣ-реформенной. Извѣстно, что за долго до эмансипаціи крестьянъ, какъ лично со стороны Константина Сергѣевича, такъ и со стороны многихъ единомышленниковъ этого кружка, составлялись и ученыя изысканія, и записки для представленія правительству объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи.

II.

Поудить вмѣстѣ съ авторомъ «*Записокъ объ уженьѣ*» у него въ подмосковной, посѣтить то самое Абрамцево, гдѣ написаны эти Записки, потомъ и «Записки ружейнаго охотника» и «Семейная Хроника»,—давно мнѣ этого хотѣлось.

Въ тотъ годъ Константинъ Сергѣевичъ издавалъ «*Молву*»—еженедѣльный листокъ, выходившій по Субботамъ. Проводя лѣто съ отцемъ въ Абрамцевѣ, онъ каждую недѣлю передъ выпускомъ нумера пріѣзжалъ въ городъ; у меня и было условлено, что я соберусь въ Абрамцево съ нимъ. Но юноша едва кончившій университетскій курсъ—какимъ я былъ тогда—не могъ располагать своимъ временемъ вполнѣ свободно. Проводя лѣто въ деревнѣ же, но въ другой губерніи, я только изрѣдка попадалъ въ Москву, и задуманная поѣздка все не удавалась. Наконецъ, одинъ разъ мнѣ посчастливилось. Дѣло, за которымъ я пріѣхалъ, было кончено; нѣсколько дней впереди оставались въ полномъ моемъ распоряженіи; къ тому же отъ кого-то изъ знакомыхъ я узналъ еще съ утра, что Константинъ Сергѣевичъ въ Москвѣ, остановился тамъ-то, и вечеромъ опять уѣзжаетъ въ Абрамцево. Больше я не захотѣлъ откладывать.

..«Какъ это вы меня здѣсь разыскали!»... удивился онъ моему нежданному появленію, скорѣй вырвалъ толстую сигару изъ зубовъ и, по своему обыкновенію, привѣтствовалъ троекратнымъ Русскимъ поцѣлуемъ.

— Но я еще съ тѣмъ, чтобъ ѣхать съ вами въ Абрамцево.

Ахнулъ Константинъ Сергѣевичъ и опять прижалъ къ своей груди. Я всегда дивился какъ онъ сильно и крѣпко обнимаетъ, а если руку жметъ, точно оторвать хочетъ. «Какъ я радъ, что ваше давнишнее обѣщаніе и мнѣ и батюшкѣ вы рѣшились, наконецъ, привести въ исполненіе. Очень радъ, но...» и вдругъ замолчалъ, а на его лицѣ змѣилась дѣтски-лукавая улыбка.

Ясно, что не нездоровье въ домѣ или что нибудь серіозное смущало его за нашу поѣздку; но что́ именно, я не понималъ.

«Вотъ подите! Надо же было такъ случиться!» продолжалъ онъ ужъ съ истиннымъ горемъ. «Каждый разъ пріѣзжалъ я—а ѣзжу аккуратно всякую недѣлю—въ фаэтонѣ; и такъ удобно и покойно было бы вамъ доѣхать со мною. Какъ нарочно нынѣшній разъ». И опять смолкъ, а та улыбка уже во всю ширь заиграла на его лицѣ. Именно такъ смѣются дѣти, уличаемыя сотый разъ въ одной и той же шалости.

Я наконецъ спросилъ: что же такое? «Я на простой телѣгѣ пріѣхалъ!» совсѣмъ досказалъ онъ свою уличенную шалость.

Для меня въ томъ не было помѣхи; я прямо и высказалъ ему это. «Нѣтъ!» отговаривалъ онъ очень серіозно. «Отложимъ-те до другаго раза. Я понимаю, нынѣшняя избалованная, изнѣженная молодежь—не виню васъ лично, а говорю вообще про современную молодежь—даже не вынесетъ варварской тряски. Притомъ, смотрите какая погода! Дождикъ кругомъ».

Я сослался наконецъ на то, что я охотникъ; молъ, нашему брату мало ли приходится мокнуть подъ дождемъ и трястись на телѣгѣ по пнямъ да по болотамъ! Это послѣднее, повидимому, его совершенно убѣдило.

«Ну, очень радъ, когда такъ!» и мы ударили по рукамъ. Наве-черъ было условлено сойтись въ типографіи Семэна, гдѣ печаталась его «Молва», прямо оттуда сѣсть и ѣхать. «Только смотрите же» сказалъ онъ ужъ въ дверяхъ на прощаньи, «я впередъ говорю: я слагаю съ себя всякую отвѣтственность».

Это послѣднее было сказано такъ серіозно, что я даже разсмѣялся. Но вечеромъ, трясясь по грязной мостовой безконечныхъ улицъ, тускло освѣщенныхъ масляными фонарями, приходилось дѣйствительно сознаться, что прогулка задумана не совсѣмъ впору. Хотя были первыя числа Іюля—на дворѣ стояла ни дать ни взять осень; моросилъ мелкій дождь, и все небо заволокло тучами: просвѣта ни откуда. Подъѣхавъ къ типографіи Семэна, я уже засталъ тамъ злополучную виновницу, смутившую Константина Сергѣевича за нашу поѣздку. Грузная, полновѣсная, огромная телѣга, запряженная парой доброѣзжихъ коней, стояла на мостовой у самаго крыльца. Деревенскій кучеръ мокнулъ подъ дождемъ, распустивъ надъ собою большущій зонтикъ. Вся типографія множествомъ лампъ ярко сіяла на улицу; всѣ ея окна были растворены настежъ. Я уже видѣлъ тамъ веселое, живое лицо Константина Сергѣевича, и до меня доносился его громкій, бодрый смѣхъ. Онъ сидѣлъ подъ самымъ окномъ съ сигарой во рту и, пуская цѣлые клубы дыма, маралъ корректурные листы, спѣшилъ послѣдними распоряженіями на счетъ исходящаго нумера «Молвы». Едва завидѣлъ меня, и ужъ сталъ прощаться съ почтеннымъ хозяиномъ любимой типографіи, потомъ и со всею типографскою братіей, приставленной собственно къ его газетѣ; они провожали его до дверей.

Мы стали усаживаться. Кучеръ передалъ ему тотъ большущій зонтикъ, а онъ силою вручилъ его мнѣ. «Ха-ха-ха!..» смѣялся онъ истинно-ребяческимъ смѣхомъ. «Я люблю дождь. А вы совсѣмъ другое дѣло».. Мы поѣхали обычнымъ путемъ Троицкихъ богомольцевъ въ

Крестовскую заставу. Сейчасъ за нею будетъ село Алексѣевское, Ростокино, Малыя Мытищи, а тамъ и Большія. Дождь, накрапывая все сильнѣе, такъ и барабанилъ по зонтику.

«Возьмите мой азямъ», сказалъ Константинъ Сергѣевичъ; «не слишкомъ-ли легко, гляжу, вы одѣты?» И онъ мнѣ предложилъ что-то въ родѣ плаща или бурки изъ такого, казалось, плотнаго сукна, что его не проймётъ никакой ливень. Я, признаться, обрадовался такой великодушной уступкѣ и сейчасъ же закутался съ головы до ногъ. Самъ Константинъ Сергѣевичъ, впрочемъ, и не думалъ прибѣгать къ «азяму»; этотъ плащъ лежалъ свернутымъ на днѣ телѣги подъ сидѣйкой; только для меня онъ объ немъ и спохватился. За заставой сдѣлалось ужъ совсѣмъ темно; холодно и вѣтрено было въ полѣ.

Я вспомнилъ, что всего какой-нибудь годъ тому назадъ, по этой самой дорогѣ я совершалъ хожденіе пѣшкомъ къ Троицѣ съ толпой университетскихъ товарищей; эти путешествія тогда были въ обычаѣ у насъ. Сталъ припоминать Константинъ Сергѣевичъ и свои собственныя хожденія къ Троицѣ; потомъ разсказывалъ про такія же пилигримства еще Языкова, Елагиныхъ и Кирѣевскихъ. Одинъ разъ паломники положили на весь путь уговоръ между собою: оставлять по импровизованному стихотворенію на каждой стоянкѣ. Языковъ, когда пришли въ Большія Мытищи, сказалъ свой экспромтъ на громовые колодцы.

Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва, водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ.
Боги сжалились надъ нимъ.
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ—и ключъ кипучій
Покатился—пей Москва!

Вторая стоянка была въ селѣ Пушкинѣ. Здѣсь жила въ то время кормилица «Наслѣдника» то-есть покойнаго Царя-Освободителя. Она была отсюда родомъ. Молочный сынъ, какъ извѣстно, здѣсь, въ ея родномъ селѣ, поставилъ ей въ благодарность хорошую крестьянскую усадьбу. Ее и имѣли обыкновеніе посѣщать странники. Языковъ именно на это и сказалъ свой экспромтъ въ селѣ Пушкинѣ.

«Здѣсь въ Пушкинѣ мы посѣтили домъ»—слѣдовало описаніе той, чья грудь вскормила надежду Россіи, и все вѣнчалось заключительнымъ стихомъ:

чьи бѣлы руки
Играли будущимъ Царемъ".

Переходя отъ одного экспромта къ другому, Константинъ Сергѣевичъ продолжалъ уже восторженныя декламаціи изъ всѣхъ своихъ любимѣйшихъ поэтовъ и изъ собственныхъ своихъ стихотвореній.

— «Неужели однако вы не замѣчаете дождя?» невольно прервалъ я его импровизацію, чувствуя, что холодная струя закрадывается ко мнѣ ужъ подъ галстухъ. Самъ непромокаемый азямъ обратился въ мокрую тряпку.

Только разсмѣялся Константинъ Сергѣевичъ! Его радовало, что самъ Оверъ, тогдашняя медицинская знаменитость, за его желѣзное здоровье прозвалъ его Печенѣгомъ. «Смолоду», говорилъ онъ, «пріучалъ я себя не быть нѣженкой, не бояться ни простуды, ни какого либо разстройства, однимъ словомъ ничего, свойственнаго нынѣшней хилой молодежи. Наконецъ, больше того: именно въ природѣ, среди ея стихій и въ борьбѣ съ ними, я себя чувствую особенно хорошо. Вѣрите ли? Сама эта тряска телѣги меня только *сбиваетъ*: крѣпнешь отъ нея. Рессорный экипажъ нѣжитъ, балуетъ; а телѣга *сбиваетъ*. Такъ и дождь, стужа, всякое неудобство, отъ нихъ только крѣпнешь». И говоря это, онъ успѣвалъ еще, какъ въ самую тихую погоду, закуривать на лету отъ спички свои сигары.

Я далъ ему замѣтить, что не налюбуюсь, какъ славно работаетъ нашъ коренникъ! Будто свою собственную честь видѣлъ добрый конь въ томъ, чтобъ торопиться не выбиваясь изъ силъ: везъ добросовѣстно и благоразумно. И мнѣ было пріятно услышать въ отвѣтъ, что это конь добраго завода, выведеннаго еще прадѣдушкой Константина Сергѣевича въ степяхъ Оренбургской губерніи, а тогда Уфимскаго намѣстничества. Мнѣ невольно вспомянулись степныя стоянки при ѣздѣ *на своихъ*, описанныя въ «Семейной Хроникѣ» и въ «Дѣтскихъ Годахъ Багрова внука». Вотъ что за добрый конь везетъ меня, думалось мнѣ потомъ ужъ всю дорогу: потомокъ тѣхъ самыхъ прародителей, героевъ еще той степной ѣзды!

Была совсѣмъ ночь, когда мы стали приближаться къ Пушкину; дождь лилъ какъ изъ ведра. Константинъ Сергѣевичъ обнадеживалъ меня близкимъ ночлегомъ. Обыкновенно онъ дѣлалъ всю дорогу, почти не останавливаясь, а только выкормивъ лошадей. Теперь, нарочно для меня, предполагалось сдѣлать привалъ въ Пушкинѣ на знакомомъ постояломъ дворѣ. Хозяева ему знакомые люди и дадутъ все, что̀ намъ нужно. Признаться, я обрадовался услыхать о ночлегѣ. На мнѣ не было сухой нитки; зонтикъ давно пришлось отложить въ сторону, онъ

только пуще мочилъ своею собственной сыростью; а напитавшійся дождемъ азямъ давилъ меня пудовою тяжестью. Когда, наконецъ, мы остановились у желаннаго постоялаго двора, я насилу выбрался изъ телѣги.

Комнатка, отведенная намъ, ничѣмъ не отличалась ото всѣхъ такихъ комнатъ на всѣхъ тогдашнихъ постоялыхъ дворахъ. Два окна, въ простѣнкѣ тусклое зеркало, два стула и одинъ столъ чурбаннаго издѣлія; наконецъ, диванъ, крашенный подъ красное дерево, съ деревянною спинкой и деревянными остроугольными ручками; сидѣніе было изъ волосяной матеріи и жестко какъ кирпичъ. Въ довершеніе всего, жара и духота нестерпимыя. По сосѣдству едва-ли не приходилась кухня. По крайней мѣрѣ, печь, выдавшаяся здѣсь въ углу и топленная изъ другой комнаты, была накалена какъ бы въ пору только зимою въ самые Крещенскіе морозы. Но послѣ тридцати верстъ подъ холоднымъ ливнемъ я обрадовался даже и здѣшней духотѣ. Самъ Константинъ Сергѣевичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ живъ и бодръ и веселъ по прежнему. Онъ распорядился, чтобъ мнѣ была принесена цѣлая кроватъ съ сухимъ чистымъ бѣльемъ; самъ передавалъ хозяевамъ подробныя наставленія о просушкѣ за ночь всего моего гардероба и сверхъ своего обыкновенія велѣлъ кучеру совсѣмъ отпрячь лошадей на ночевку. Тутъ же предложилъ онъ мнѣ сухое легкое верхнее платье, бывшее у него среди прочаго телѣжнаго запаса, и велѣлъ подавать чай, требуя, чтобы я непремѣнно согрѣлся у самовара. А положеніе юноши, этого бывалаго путника, похвалившагося еще тѣмъ, что онъ-дескать охотникъ, а теперь синѣвшаго и дрожавшаго отъ холода, должно было казаться истинно-забавнымъ. Прежде всего, я отвелъ себѣ цѣлый особый уголокъ за печкой, чтобы только освободиться отъ груды намокшаго платья; какъ только скинулъ съ себя азямъ и пальто—цѣлое озеро воды образовалось на полу у печки; а когда сбросилъ туда же на полъ и мокрое бѣлье, брызги отъ него буквально полетѣли въ потолокъ. Не помню, какъ я заснулъ.

Отдохнувъ за ночь и обсохнувъ въ теплѣ, я проснулся въ самомъ пріятномъ настроеніи духа: не оставалось и слѣда вчерашней простуды. Я весело оглядывалъ всю комнату, золотившуюся янтарнымъ блескомъ на утреннихъ лучахъ солнца; дождикъ унялся. Но я былъ пораженъ странною картиной. Противъ моей кровати у противуположной стѣны стоялъ тотъ самый диванъ, у котораго волосяной тюфякъ былъ жестокъ какъ кирпичъ и ручки такъ остроугольны, что объ нихъ можно было порѣзаться. Константинъ Сергѣевичъ заснулъ на немъ, какъ былъ, съ ногъ до головы весь одѣтый; а голова его покоилась именно на ручкѣ дивана: никакого другаго изголовья не

было. Отъ этой злосчастной ручки у него образовался весьма изрядный рубецъ во всю щеку. Къ тому же, утренніе лучи солнца расположились именно такъ, что ударяли ему прямо въ лице. Приподнявшись на постели, я дивился. Этотъ легкій шорохъ разбудилъ его.

— «Ну, отогрѣлись-ли вы? Намъ пора и ѣхать. Дома знаютъ, что я никогда не останавливаюсь въ дорогѣ и ждутъ давно. Напейтесь чаю и ѣдемъ-те». Оказалось, что, устроивъ весь этотъ ночлегъ собственно для меня, онъ не могъ, какъ это дѣлалъ обыкновенно въ теченіе краткой стоянки, все время ходить по комнатѣ или по коридору, даже не присаживаясь. Волей-неволей пришлось прилечь на диванъ. Нѣсколько разъ онъ уже просыпался и навѣдывался къ лошадямъ, готовымъ въ путь; но, не желая меня будить, прикладывался снова. Что же касается до его шрама, этого весьма сильнаго рубца во всю щеку отъ лежанья головой прямо на ручкѣ дивана, онъ только разсмѣялся добродушнѣйшимъ смѣхомъ, когда я попросилъ его поглядѣться въ зеркало.

Кто изъ Троицкихъ богомольцевъ не помнитъ живописныхъ мѣстъ, открывавшихся путнику, когда приходилось, оставя Троицкое шоссе, сворачивать въ сторону проселкомъ къ Хотькову монастырю? Теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, мало уже кто посѣщаетъ эти мѣста. Всѣ ѣдутъ прямо къ Троицѣ; утрачивается старинный обычай, будто завѣщанный самимъ Сергіемъ, прежде чѣмъ навѣстить его обитель, поклониться гробамъ его родителей въ Хотьковѣ. Да кто и хотѣлъ бы соблюсти этотъ обычай, тому нѣтъ надобности колесить проселкомъ: самъ Хотьковъ монастырь стоитъ у полотна желѣзной дороги. Но тогда этотъ живописный путь приходилось дѣлать по неволѣ. И пѣшеходы, и проѣзжіе Троицкіе богомольцы, не доѣзжая до Троицы верстъ за двадцать, оставляли шоссе, чтобъ попасть въ Хотьково проселкомъ. Тутъ уже не прерывались березовыя рощи по крутоярамъ, и съ горы на гору поминутно открывался широкій просторъ во всѣ стороны; зеленѣли озимыя и яровыя поля; въ изобиліи, то цѣлыми прудами, какъ бы озерами, то въ излучинѣ рѣчекъ, вездѣ блестѣла вода; вся Великорусская подмосковная красота казала себя тутъ во всей роскоши и на всемъ привольи, какъ вдругъ еще открывались передъ путникомъ бѣлыя стѣны и высокіе храмы съ разноцвѣтными главами женскаго Хотькова монастыря. Теперь мы ѣхали этою самою дорогой.

И есть что-то особенное, манкое и привѣтливое въ этой благословенной мѣстности,—здѣсь самъ народъ свѣтлѣе. Удивило меня простое слово ямщика, везшаго меня одинъ разъ по здѣшнимъ оврагамъ. На мой вопросъ: спокойно ли въ ихъ сторонѣ отъ воровъ и по деревнямъ и по дорогамъ? онъ даже удивился моему вопросу. «А

Угодникъ на что?» возразилъ онъ съ живостью. «Тутъ у насъ Угодникъ. Въ нашей сторонѣ этого не слыхать». И дѣйствительно, села и веси вкругъ Троицкаго посада пребываютъ до сихъ поръ, какъ и пять вѣковъ тому назадъ, въ какомъ-то непрерывающемся живомъ общеніи съ Основателемъ славы этой мѣстности. Пріуроченье подмосковной автора «Семейной Хроники» къ этому именно *мѣсту святу* связано съ особеннымъ семейнымъ воспоминаніемъ, слѣдъ котораго имъ оставленъ и въ Запискахъ. Въ дополненіяхъ къ «Семейной Хроникѣ» упоминается о томъ, какъ дѣдушка Степанъ Михайловичъ, тоскуя, что его невѣстка родила не сына, а дочь, писалъ ей цѣлое особое письмо во время слѣдующей беременности: по особенному расположенію къ памяти святаго Сергія, этимъ именемъ и назвать ребенка, если родится сынъ,—указывалъ онъ ей въ своемъ письмѣ. Такимъ образомъ, внукъ Степана Михайловича, вскорѣ послѣ этого письма рожденный, и былъ ввѣренъ при самомъ рожденіи покровительству преподобнаго Сергія. Не случайно, а въ связи съ этимъ именно обстоятельствомъ, авторъ «Семейной Хроники» захотѣлъ имѣть уголокъ близъ его мирной обители.

Коренникъ, выведенный еще съ завода этого Степана Михайловича, славно работалъ теперь съ горы на гору; также и добрая пристяжка не отставала отъ него. Константинъ Сергѣевичъ, видя меня совершенно оправившимся отъ вчерашней простуды, былъ и самъ еще радостнѣе обыкновеннаго: истинно-дѣтская веселость овладѣла имъ. Онъ импровизовалъ экспромты и припоминалъ любимѣйшіе стихи разныхъ поэтовъ—ужъ не въ славу и не въ честь дождя, какъ это было вчера, а на тишь да на гладь краснаго лѣтняго дня въ Русской деревнѣ, а подъ конецъ и во славу «варварской» телѣги. «Подите! Надо же было такъ случиться!..» не могъ онъ безъ смѣха не повторить опять своего прежняго извиненія о фаэтонѣ, уже въ самомъ концѣ пути. А телѣга, какъ только мы свернули съ шоссе, и очень давала себя чувствовать проселкомъ.

Абрамцево отъ Хотькова монастыря всего въ двухъ верстахъ, если еще не менѣе. Съ нагорья открылся видъ на рѣчку Ворю. Извилистая, мѣстами шириной въ два конскихъ перескока, а гдѣ отъ плотинъ и шире, рѣчка Воря, съ болотистыми берегами и безчисленными бочажками, была вся въ водяной травѣ и водяныхъ цвѣтахъ. За ея низиной укатывалась опять вверхъ нагорная сторона; и тамъ вверху, на горѣ, въ окруженіи еловой рощи, въ перемежку съ рѣдкимъ чернолѣсьемъ, виднѣлась просторная старинная помѣщичья усадьба,—это и цѣль нашего путешествія: Абрамцево. Я какъ сейчасъ помню весь колоритъ мѣстности за ту минуту. Низменныя облака неслись какъ ту-

маны и шли дальше прослаиваясь и измлѣвая; синева небесъ то и дѣло ужъ прорывалась между ними, и рѣзкое освѣщеніе солнечныхъ лучей поминутно спорило съ пробѣгавшими тѣнями. Воздухъ послѣ дождя былъ напитанъ запахомъ березоваго и хвойнаго лѣса; еще и грибной духъ отъ сырой земли покалывалъ въ этомъ ароматѣ. На завтра ждалось яснаго дня. Доброѣзжая пара, страшно измученная, и телѣга вся въ грязи отъ глинистой дороги, наконецъ, остановились. Пустынный широкій дворъ, не засаженный во всю ширь ни кустомъ ни деревомъ и лишь мѣстами обнесенный перильчатой рѣшеткой, принялъ насъ на свою зеленую мураву. Наше появленіе произвело обычное оживленіе. Парадное крыльце съ навѣсомъ, точь въ точь какъ въ тысячѣ другихъ помѣщичьихъ усадебъ того времени, распахнуло передъ нами свои широкія сѣни. Деревянный, крашеный по тесу, домъ съ фасаду былъ предлинный и старинной стройки. Мы пріѣхали.

Едва переступали порогъ здѣшняго хлѣбосольнаго дома, и ужъ невольно по всѣмъ мѣтамъ и примѣтамъ угадывалось тутъ мѣстопребываніе автора не только Записокъ объ уженьи или Ружейнаго охотника, но еще и «Семейной Хроники» и «Дѣтскихъ Годовъ Багрова-внука»; а вмѣстѣ съ тѣмъ и гостепріимное пристанище Гоголя, Загоскина и многихъ другихъ лицъ, славныхъ въ Русской литературѣ. Отъ каждаго изъ нихъ, не въ одномъ такъ въ другомъ, оставалась здѣсь видимая память и сохранялись слѣды ихъ пребываній. Вотъ комната, гдѣ по долгу живалъ Гоголь, и тотъ самый диванъ, на которомъ онъ спалъ. Въ одномъ изъ растворенныхъ ящиковъ здѣшней конторки я нашелъ связку акварелей, и мнѣ кинулась въ глаза одна изъ нихъ. Это былъ портретъ въ натуральную величину съ бѣлаго гриба, найденнаго Гоголемъ. Иначе нельзя выразиться, потому что грибъ былъ переданъ во всей его оригинальной причудливости: славная, во всѣ стороны ровная и какъ бы на токарномъ станкѣ отточенная правильная шапка; но корешокъ несоразмѣрно длинный и искривленный до какого-то чудеснаго уродства. Внизу было подписано: «бѣлый грибъ, найденный Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ» и слѣдовало означеніе года и числа. Въ Абрамцевѣ для сбора грибовъ устраивались цѣлыя поѣздки обществомъ; въ одну изъ такихъ прогулокъ Гоголь и нашелъ этотъ диковинный грибъ. Эта «Гоголевская» комната была въ верхнемъ этажѣ, свѣтлая и просторная; она помѣщалась въ сосѣдствѣ съ кабинетомъ самого Константина Сергѣевича: онъ былъ только черезъ коридоръ, куда приводила лѣстница изъ нижняго этажа вверхъ, и какъ разъ насупротивъ. Тутъ все характеристично. Константинъ Сергѣевичъ любилъ заниматься на такомъ письменномъ столѣ, удобнѣе котораго, дѣйствительно, и нѣтъ для пись-

менныхъ занятій; такого стола не найдешь конечно въ томъ кабинетѣ, гдѣ обыкновенно письменный столъ составляетъ лишь декорацію. Это былъ простой, можно бы сказать бѣло-липовый, столъ; его пространная площадь покрыта въ обтяжку зеленымъ сукномъ, прибитымъ со всѣхъ четырехъ сторонъ гвоздочками подъ свѣсомъ. Здѣшній письменный столъ былъ преогромный и весь заваленъ книгами, тетрадями и фоліантами. Надъ нимъ портретъ Ломоносова изъ слоновой кости— вдвойнѣ ему дорогой, во первыхъ, какъ портретъ героя его диссертаціи, во вторыхъ какъ мѣстное произведеніе родины Ломоносова (Архангельская губернія, какъ извѣстно, славится издѣліями изъ мамонтовой кости и моржевыхъ клыковъ,—встарину это и называлось «дорогъ рыбій зубъ»). Обратилъ на себя мое вниманіе и умывальникъ Константина Сергѣевича, имъ самимъ изобрѣтенный. Теперь вошли во всеобщее употребленіе разныя приспособленія по части домашней утвари (черта времени, послѣ того какъ перевелись *дворовые* и вообще многолюдная служба), и завелись для этого особые магазины; тогда это было въ рѣдкость. Приборъ, придуманный Константиномъ Сергѣевичемъ, былъ замысловатъ именно по простотѣ своей; любой деревенскій столяръ могъ его исполнить: механизмъ—простой голосинникъ, а резервуаръ листовое желѣзо, свернутое въ конусъ и выкрашенное въ бѣлый цвѣтъ. Изобрѣтатель добродушнѣйшимъ образомъ показывалъ мнѣ на практикѣ все достоинство своего прибора. Нажимая подножку, отъ которой голосинникъ шелъ вверхъ и двигалъ резервуаръ, нагибая конусъ, Константинъ Сергѣевичъ съ дѣтскимъ восхищеніемъ любовался, что онъ «подаетъ воды именно столько, сколько хочешь! Хочешь, онъ дастъ малую струю воды; хочешь, онъ подастъ сразу полрукомойника, совершенно какъ живой человѣкъ». Это не та мертвая Англійская машинка—да притомъ еще и очень дорого стоющая, недоступная бѣднымъ людямъ (тогда какъ эту всякій можетъ сдѣлать у себя дома), которая, хочешь не хочешь, все льетъ одну и туже мертвую струю. Такъ добродушно хвалился изобрѣтатель.

Окна въ его половинѣ были растворены настежъ. Сигарный дымъ разносился свѣжимъ воздухомъ лѣтняго и, на этотъ разъ, уже знойнаго дня. Такъ свѣтло и радостно цѣлыми полотнами свѣта красное солнце заливало здѣсь полъ, и потолокъ, и стѣны съ полками книгъ и бумагъ... Или все это только казалось такъ, потому что самъ-то Константинъ Сергѣевичъ ужъ очень былъ живъ и веселъ. Счастьемъ жизни, тѣлеснымъ и душевнымъ здоровьемъ вѣяло отъ него.

— «Я люблю его стихи!»· сказалъ онъ тутъ же про одного изъ нашихъ второстепенныхъ поэтовъ, чьи строфы только что продекламировалъ. «Еще Платонъ опредѣлялъ поэзію безуміемъ. И такъ, по-

этическое безуміе несомнѣнно есть у него въ стихахъ. Я знаю его лично, онъ самъ почитаетъ меня однимъ изъ пріятелей своихъ. Тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ могу сказать про него: умомъ онъ вовсе не отличается; тѣмъ лучше: значитъ въ его стихахъ ужъ непосредственный Божій даръ. Это-то я въ немъ и люблю». Поэтъ, о которомъ здѣсь рѣчь, живъ и сейчасъ, когда пишутся эти строки. И я дивлюсь до сихъ поръ мѣткости этого отзыва о немъ. Съ тѣхъ поръ прошло много времени; иные стихотворные мастера издали цѣлые томы своихъ сочиненій, этотъ пишетъ рѣдко. Но и до сихъ поръ въ стихахъ этого именно эпигона послѣ-Пушкинской поры, всегда найдется хоть крупица того, чего напрасно ищешь въ тѣхъ томахъ. Да, именно Платоново безуміе, какъ тогда сказалъ Константинъ Сергѣевичъ, есть у него въ стихахъ.

При самомъ входѣ въ домъ, въ сѣняхъ и въ передней, я замѣтилъ вездѣ нагроможденныя удилища и съ удочками и просто, и разнообразные припасы для уженья. Я узналъ трогательный эпизодъ. Всѣ эти удочки—иначе ихъ трудно бы и отличить, онѣ здѣсь считались десятками—носили имена; одну удочку звали «Леди». Почему такъ? Когда вышла въ свѣтъ книга *Записки объ уженьѣ*—она нашла не только читателей и почитателей, но и читательницъ и почитательницъ; авторъ получалъ тогда со всѣхъ сторонъ разныя заявленія сочувствія, въ томъ числѣ и прямо подарки удочками или чѣмъ-нибудь относящимся до рыбной ловли. Больше всего одна присылка позабавила автора. Одна изъ почитательницъ, вмѣстѣ съ сочувственнымъ письмомъ, прислала удочку или правильнѣй *лесу*, сплетенную изъ ея собственныхъ волосъ. Леса, плетенная изъ дѣвичьихъ шелковистыхъ волосъ и собственными руками поклонницы—какой же еще больше награды автору! Эта удочка и звалась «Леди».

Не прошло и часу послѣ того, какъ наша телѣга подъѣхала къ крыльцу, ужъ мы удили. Исполнилось мое страстное желаніе поудить вмѣстѣ съ авторомъ «Записокъ объ уженьѣ». Только что я, сидя объ руку съ нимъ, забросилъ свою удочку «Ну...» и онъ окликнулъ меня тѣмъ ласково-фамильярнымъ именемъ, которымъ всегда называлъ—«вижу, что рыбакъ!» Такъ обратился ко мнѣ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Это значило, что я не какъ-нибудь черезъ голову забросилъ свою удочку или еще шлепнувъ по водѣ удилищемъ по обычаю неумѣлыхъ, а по охотницки: стянувъ лесу, далъ заиграть упругости самого удилища и безшумно подвелъ поплавокъ, куда надо было. «Вижу, что рыбакъ!» повторялъ онъ истинно по-охотницки и при клевѣ, и при подсѣчкѣ. На этотъ разъ впрочемъ уженье происходило на крошечномъ пруду около самой усадьбы; тутъ брали исключительно гольцы—рыбешка не инте-

ресная для охотника. Здѣшнее уженье только тѣмъ и было дорого для старика, что по близости отъ дому можно было его производить во всякое время безъ лишнихъ сборовъ и не боясь быть застигнутымъ врасплохъ непогодою. Даже во время небольшаго дождя онъ здѣсь уживалъ подъ большимъ зонтикомъ. Скоро мы перешли на Ворю, спустившись изъ усадьбы прямо подъ гору. Пока мы только сходили внизъ усадебнымъ паркомъ, Константинъ Сергѣевичъ уже поразилъ меня «своеобычаемъ» своимъ. Старый рыбакъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, не разстававшійся ужъ въ это время, какъ и до конца жизни, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, уже согбенный лѣтами, сѣдой какъ лунь и постоянно повторявшій о себѣ при разныхъ случаяхъ, когда чувствовалъ себѣ что̀ не по силамъ: «я старъ и хворъ» не могъ, конечно, соперничать съ нами ни въ скорости ходьбы къ мосту на Ворѣ подъ усадьбой, ни даже въ несеніи удочекъ. При немъ былъ «казачекъ»; онъ несъ его складное кресло, его удочки и разныя рыболовныя снасти; онъ же обыкновенно насаживалъ червяковъ и снималъ рыбу. Старикъ несъ только свою длинную дымившуюся трубку. Но стоило тогда взглянуть на Константина Сергѣевича! Онъ нагрузилъ себя буквально цѣлымъ лѣсомъ удилищъ, одно другаго длиннѣе и тяжелѣе; кромѣ того, несъ онъ и складной стулъ и коврикъ, и множество удилищныхъ припасовъ. Я, вооруженный всего на все одною только Леди, охотно предлагалъ ему раздѣлить его ношу; но выслушалъ въ отвѣтъ опять: «не виню васъ лично, а говорю вообще про современную молодежь...» то-есть, что у меня на это и силъ не хватитъ. Я не настаивалъ, думая, что всѣ эти принадлежности онъ несетъ для себя. Каково же было мое удивленіе, когда придя на мѣсто, все это и стулъ и коврикъ и, наконецъ чуть не всѣ «сорокъ сороковъ» своихъ удочекъ онъ повергнулъ къ моимъ услугамъ! Я рѣшительно пришелъ въ ужасъ, а онъ не хотѣлъ и слышать возраженій. »Вамъ тяжело будетъ; садитесь и удите какъ вы привыкли съ комфортомъ; а я даже не люблю всѣхъ этихъ удобствъ, вѣрьте мнѣ» стоялъ онъ на своемъ. Опять нагрузившись удочками, онъ мѣнялъ мѣста; пробовалъ удить подъ самымъ мостомъ, потомъ еще за мостомъ и вездѣ удилъ стоя, не присѣвъ ни разу. Ходилъ онъ всегда сильно и быстро, точно его кто гонитъ; трудно было поспѣвать за нимъ.

Наконецъ, собственно для меня, было устроено большое уженье съ поѣздкой въ одно изъ дальнихъ мѣстъ на Ворѣ, гдѣ стояла мельница. Тамъ мы удили въ самомъ омутѣ близъ мельничнаго колеса, съ плотины (мѣсто прославленное тѣмъ, что тутъ Константинъ Сергѣевичъ выудилъ одинъ разъ налима въ девять фунтовъ вѣсомъ) и еще въ одной тихой заводи на рѣчкѣ Ворѣ, памятной мнѣ по своей жи-

вописности. Тутъ-то я былъ свидѣтелемъ того, о чемъ такъ мѣтко сказалъ самъ о себѣ авторъ «Записокъ объ уженьѣ» по поводу страсти, не оставлявшей его и подъ старость: «Ужу съ меньшимъ увлеченіемъ, но съ бо́льшимъ вниманіемъ». Онъ и этотъ разъ выудилъ больше противъ всѣхъ насъ, и на моихъ глазахъ мастерски подсѣкъ и вытащилъ на берегъ щуренка. На меня ужъ одинъ видъ настоящихъ рыбацкихъ мѣстъ, этой зеркальной поверхности, усѣянной листатыми травами и водяными цвѣтами дѣйствовалъ, возбудительно Мнѣ удалось вытащить рѣдкость тутъ, какъ мнѣ сказали, подъязика больше клевали щуки, окунь, ершь, головли и плотва. Но всѣ эти эпизоды, памятные сами по себѣ, особенно осмысливались для меня интересомъ личности Константина Сергѣевича. Съ сигарой въ зубахъ, не спуская глазъ съ поплавковъ, онъ проводилъ цѣлые часы, стоя неподвижно какъ статуя, не присаживаясь вовсе. «Вотъ, вы меня усаживаете даже противъ воли», настаивалъ я принять отъ меня складной стулъ. «Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло!» возражалъ онъ съ живостью. «Вся нынѣшняя молодежь такъ ужъ и воспитывается въ привычкахъ ко всякому удобству. А я, напротивъ, люблю постоянно упражнять себя въ перенесеніи всякихъ лишеній; мнѣ даже весело пробовать свою силу». И опять, часъ-другой выстаивалъ онъ, какъ бронзовая статуя. «Я во всѣхъ своихъ домашнихъ привычкахъ вообще ненавижу прибѣгать къ посторонней помощи», говорилъ онъ мнѣ. «У насъ это какъ-то принято. Одѣваются-ли, умываются-ли, лечь въ постель или встать, другой и шагу не ступитъ безъ помощи слуги. Я не люблю и не могу этого. Случается иногда надобность встать какъ можно раньше или даже ночью; я и тутъ лучше что-нибудь сдѣлаю, или вовсе не лягу или прилягу только на минуту одѣтый или ужъ какъ-нибудь принужу себя, а только чтобы не безпокоить никого изъ людей приказомъ разбудить себя во́-время. И замѣтьте, какъ сильна воля въ человѣкѣ! Мнѣ никогда не случается опаздывать; я и безъ всякихъ приказовъ людямъ встаю во́-время; всегда встану, какъ хотѣлъ. Также и проснувшись, цѣлый день не терплю посторонней помощи; мнѣ она не нужна. Вотъ, вы видѣли мой рукомойникъ!» прибавилъ онъ добродушно-смѣясь. По поводу этого обычая вставать во́время безъ помощи людей, тутъ же разсказалъ онъ мнѣ очень забавный случай. «Разъ, съ вечеру у меня было рѣшено отправиться на одно большое уженье; это отъ насъ отсюда дальнее мѣсто, туда надо проходить лѣсомъ и однимъ большимъ оврагомъ. Заснувъ вечеромъ, я принялъ всѣ мѣры, чтобы встать еще ночью, какъ можно раньше; идти далеко—значитъ, чѣмъ раньше встать тѣмъ лучше. Вотъ и проснулся. Гляжу, чуть брежжетъ; едва видно въ комнатѣ, настоящаго

свѣта еще нѣтъ, а какъ бываетъ предъ разсвѣтомъ. Я всталъ, умылся, одѣлся, захватилъ всѣ припасы, нагрузилъ на себя удилища и вышелъ изъ дому. А дѣлается все темнѣе. Идти далеко. Что же? иду, иду; ужъ много прошелъ; а все темнѣе дѣлается. Наконецъ, отойдя отъ дому ужъ полдороги, я только тутъ замѣтилъ свою ошибку. Оказалось, что это была не утренняя заря къ разсвѣту, а только вечеръ наступилъ къ ночи. Я проснулся какъ разъ въ то время, когда въ домѣ все улеглось спать. Совсѣмъ ночь захватила меня въ дорогѣ, и темная глухая ночь. Что̀ было дѣлать, не вернуться же домой съ полдороги. Я и заночевалъ именно въ томъ оврагѣ. Тамъ и простоялъ все время на одномъ мѣстѣ съ удилищами на плечахъ, пока, наконецъ, начался разсвѣтъ. Чуть засвѣтилась заря; я вышелъ изъ оврага, и пошелъ дальше на мѣсто уженья». И самъ онъ добродушно смѣялся этому случаю.

Кромѣ уженья, состоялась при мнѣ поѣздка въ лѣсъ за грибами собственно для Сергѣя Тимоѳеевича. Онъ дѣлилъ весь лѣтній досугъ между этими двумя охотами; то на рѣкѣ за удочкой, то въ лѣсу за грибами. Также и по взгорьямъ Вори, гдѣ росъ еловый лѣсъ Хотькова монастыря перемѣшанный съ чернолѣсьемъ, ходилъ онъ во время бранья грибовъ съ неизмѣнною длинной трубкой въ рукѣ, а на глазахъ съ зеленымъ зонтикомъ. За завтраками и обѣдами въ тѣ дни паръ дымился надъ кострюлей «духовыхъ грибовъ», и задорили аппетитъ вкусные «пироги съ грибами», находка исключительно самого Сергѣя Тимоѳеевича.

Я и не видѣлъ какъ пролетѣлъ день-другой моего здѣшняго пребыванія. Любя Русскую деревню, просторъ воды и лѣсовъ и самое уженье, нельзя было не полюбить отъ всей души здѣшній мирный уголокъ подъ Троицей. А когда прибавить къ тому хлѣбосольное гостепріимство всего здѣшняго дома и высокій личный интересъ такихъ характеровъ, какими отличались здѣшніе хозяева, то станетъ вполнѣ понятно, почему Абрамцево въ теченіи многихъ лѣтъ и манило къ себѣ такъ многихъ. Здѣсь Гоголь съ другимъ «Украинцемъ», своимъ землякомъ М. А. Максимовичемъ проводили напролетъ цѣлые дни въ слушаніи у рояли своихъ любимыхъ Малороссійскихъ пѣсенъ. И нигдѣ еще не видѣли Гоголя, обыкновенно молчаливаго и замкнутаго въ себѣ, такимъ хохлацки-веселымъ и на распашку какъ здѣсь; самъ онъ вдругъ начиналъ подтягивать: «Нехай такъ! нехай такъ!» и притопывалъ въ присядку. Здѣсь гащивалъ другъ и сверстникъ старика-хозяина М. Н. Загоскинъ, и множество другихъ его знакомыхъ, большею частью литературныхъ именъ, о которыхъ слѣдъ сохраненъ въ его запискахъ, разсказахъ и воспоминаніяхъ. Сюда же являлись и пи-

сатели сравнительно новыхъ временъ, считая какъ бы за долгъ навѣстить Сергѣя Тимоѳеевича. Въ числѣ послѣднихъ Абрамцево считало своимъ гостемъ Ив. Серг. Тургенева. Слѣдъ о пребываніи здѣсь Тургенева сохранился, между прочимъ, въ одномъ позднѣйшемъ примѣчаніи къ позднѣйшему изданію «Записокъ объ уженьѣ». Разсказывая про диковинный случай, какъ у одного молодаго рыбака взялъ на удочку пискарь, а на самого пискаря тутъ же попалась щука, увязившая свои зубы въ эту импровизированную насадку и давшая себя вытащить, тогда какъ и не попала на крючекъ, авторъ дѣлаетъ отъ себя замѣтку. Я бы, говоритъ онъ, и не разсказалъ этого случая, похожаго на разсказы изъ книги *не любо не слушай*, еслибы не могъ сослаться на одного, всѣмъ извѣстнаго, свидѣтеля. Именно во время моего пребыванія здѣсь въ Абрамцевѣ я узналъ отъ самого автора, что тотъ «молодой рыбакъ» никто другой какъ Константинъ Сергѣевичъ, а тотъ «достовѣрный свидѣтель» Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Такъ обо всѣхъ посѣтителяхъ здѣшняго мирнаго уголка хранилась добрая память въ гостепріимномъ домѣ; что ни шагъ—цѣлый рой воспоминаній.

Когда я остался одинъ въ предоставленной мнѣ комнатѣ (это была именно Гоголевская комната), я не безъ особеннаго чувства осматривалъ всѣ ея подробности. И обои на стѣнахъ, и мебель, даже набросанныя тамъ и сямъ книжки, брошюры и бумаги, то въ раскрытыхъ конторкахъ, то гдѣ-нибудь прямо на столѣ, казалось, еще хранились отъ тѣхъ временъ. Малѣйшее чернильное пятнышко на столѣ, оставшееся отъ давно-брызнувшаго пера, казалось мнѣ тутъ дорогимъ слѣдомъ. А самъ этотъ кожаный диванъ, на которомъ спалъ Гоголь, обмятый и, если такъ можно выразиться, вылежанный имъ самимъ! Я самымъ наивнымъ образомъ думалъ, что и заснуть на немъ не засну, когда вдругъ увидѣлъ и себѣ постель на томъ же мѣстѣ. Разбирая лежавшія тутъ книги и брошюры, въ одномъ мѣстѣ я тутъ нашелъ отдѣльный оттискъ, помнится, старой журнальной статьи Сергѣя Тимоѳеевича о сочиненіяхъ Загоскина, написанной имъ и напечатанной на-поминъ автора *Юрія Милославскаго* сейчасъ послѣ его смерти. Въ другомъ мѣстѣ я нашелъ газетные же листки, также отдѣльнымъ оттискомъ, съ рѣчью Константина Сергѣевича; по поводу юбилея М. С. Щепкина. Застольныя рѣчи въ то время были новостью; а въ царствованіе Николая Павловича и вовсе небывалымъ явленіемъ. Въ этой рѣчи Константина Сергѣевича первый разъ устно и печатно,—самъ онъ обратилъ на то мое вниманіе,—было употреблено выраженіе *общественное мнѣніе*. На юбилейномъ обѣдѣ онъ поднялъ бокалъ и провозгласилъ тостъ именно за общественное мнѣніе. Но я

еще и по другому не могъ долго заснуть въ Гоголевской комнатѣ, на Гоголевскомъ диванѣ. На ночь я прочелъ новую главу: «Дѣтскихъ Годовъ Багрова внука». Эта тогда еще неизданная глава только что была приготовлена Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ для печати. Тетрадь толщиною въ мизинецъ, каллиграфически переписанная, увлекла меня далеко за полночь. Съ восхищеніемъ отдался я прелести разсказа о лицахъ, едва упомянутыхъ въ тогдашнихъ печатныхъ отрывкахъ; а тутъ они воплощались въ мельчайшихъ фамильярныхъ подробностяхъ! Сами по себѣ выводимыя лица и весь выводимый міръ были для меня интересны; а тутъ еще удивительная художественная красота въ сочетаніи съ чисто-эпическою простотою.

Но, довольно, будетъ! Довольно уже и всего здѣсь написаннаго, чтобъ видѣть, какъ въ личныхъ воспоминаніяхъ о Константинѣ Сергѣевичѣ неотдѣлимы и воспоминанія объ его отцѣ, Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ Аксаковѣ. Оба образа возстаютъ слитно, одно отъ другаго неотдѣлимо—по крайней мѣрѣ, въ моихъ собственныхъ воспоминаніяхъ. Но такова была и въ дѣйствительности необыкновенная жизнь этого необыкновеннаго человѣка. «Онъ жилъ и умеръ вмѣстѣ съ отцемъ». Въ этомъ отношеніи, это была жизнь, это была и смерть—совершенно особенныя. Нельзя бы и найти другаго такого же примѣра.

Другіе, старѣйшіе знакомые или даже сверстники Константина Сергѣевича, могутъ себѣ припоминать его въ ту цвѣтущую пору Московскаго общества — конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ—когда все оно жило исключительно литературнымъ интересомъ, и молодой Константинъ Сергѣевичъ «*съ душою прямо Геттингенской*», съ кудрями черными до плечъ и со всегда-восторженною рѣчью—сталъ появляться въ Московскихъ салонахъ. Тогда онъ и одѣвался въ «сарафанъ», какъ выражались его недруги, или «въ такой костюмъ, что на улицѣ народъ принималъ его за «Персіянина», какъ сказалъ Герценъ. (Въ довершеніе сходства съ Ленскимъ, можетъ быть, и въ немъ тогда былъ «*духъ пылкій и довольно странный*»—этотъ еще зеленый недозрѣлый цвѣтъ положительнаго направленія Онѣгинской, чисто-отрицательной эпохи. Но къ началу сороковыхъ годовъ *много воды утекло,* и многое перемѣнилось—отъ конца двадцатыхъ).

Иной образъ Константина Сергѣевича, проникнутый инымъ значеніемъ, уцѣлѣлъ въ памяти тѣхъ, кто съ нимъ сблизился уже къ концу пятидесятыхъ годовъ — на рубежѣ двухъ царствованій Николая I-го и Александра II-го; а въ моихъ воспоминаніяхъ онъ возстаетъ и того позднѣе. Тогда Константинъ Сергѣевичъ ходилъ какъ всѣ, въ сюртукѣ; также и прической, бородой или усами ничѣмъ не отличался отъ прочихъ. Это были годы—1857-й, 1858-й и наконецъ

роковой 1859-й, когда уже угасалъ и клонился совсѣмъ къ закату старый и хворый Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Онъ уже мучился недугомъ, сведшимъ его въ могилу. Все рѣже и рѣже занимался онъ диктовкою своихъ «Воспоминаній» или изданіемъ прежнихъ сочиненій; мучительный недугъ все болѣе и болѣе приковывалъ его къ болѣзненному одру. Близившаяся кончина смущала его—не страхомъ смерти; объ этомъ онъ самъ мужественно говорилъ: «какъ бы кто ни прожилъ свою жизнь, а безъ страху умиратѣ не можетъ: плоть-бо есть человѣкъ!». Его смущало другое, постоянно одно и тоже безпокойство. «Бѣдный Константинъ!» говорилъ онъ. «Боюсь за него; онъ не перенесетъ». На возможныя успокоенія со стороны собесѣдника, онъ возражалъ однимъ и тѣмъ-же: «нѣтъ! все это было-бы возможно при другомъ воспитаніи Константина; а онъ воспитанъ не такъ». И старикъ признавался въ своей «ошибкѣ», какъ онъ выростилъ сына. Не было у него кормилицы или няньки; онъ, самъ отецъ, принималъ его отъ материнской груди, баюкалъ на своихъ рукахъ, пеленалъ и укладывалъ въ колыбель собственными руками. «Только старѣясь—говорилъ Сергѣй Тимоѳеевичъ—видишь, какъ-бы надо было воспитывать своихъ дѣтей. По мѣрѣ того, какъ ростутъ дѣти, родители, думая ихъ воспитывать, еще сами воспитываются ими». Съ колыбели, все дѣтство и отрочество, и юность, и наконецъ лѣта полной возмужалости—Константинъ Сергѣевичъ провелъ въ родномъ домѣ, какъ бы даже не догадываясь о своемъ совершеннолѣтіи; онъ не хотѣлъ и слышать о томъ, что онъ уже болѣе не одинъ «отъ малыхъ сихъ», а мужчина сорока лѣтъ (онъ и скончался всего 42-хъ л. отъ роду). Это была его, уже безъ всякихъ иносказаній, идіосинкрасія; этимъ онъ и умеръ.

III.

Въ 1859-мъ г. было напечатано въ газетахъ: «Сегодня, въ ночь съ 29-го на 30-е Апрѣля, скончался Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ»; а нумеръ «Русской Бесѣды» вышелъ съ объявленіемъ на первой страницѣ въ траурной каймѣ: «Москва лишилась великаго художника»»... Это былъ некрологъ, написанный А. С. Хомяковымъ.

Не въ Москвѣ, даже не въ Московской губерніи, а смежной съ нею—въ деревнѣ съ большою каменною усадьбой, въ прекрасномъ саду надъ прудомъ, напоминавшемъ цѣлое озеро, гдѣ тогда цвѣла черемуха и яблоня, куковали кукушки и пѣли соловьи, въ самый разцвѣтъ Мая—дошло до меня роковое извѣстіе.

Въ Москвѣ, у Арбатскихъ воротъ, неподалеку отъ того розоваго двухъэтажнаго, за палисадникомъ, дома съ балкономъ и со стеклянными сѣнями, на Кисловкѣ, гдѣ въ послѣднее время жилъ и скончался Сергѣй Тимоѳеевичъ—въ церкви Бориса и Глѣба происходили,

отличавшіеся необыкновеннымъ многолюдствомъ и съѣздомъ похороны. Я не могъ быть тамъ, и съ минуты на минуту мнѣ дѣлалось тяжелѣ, что я тамъ не былъ. Уладясь кое-какъ съ затрудненіями по дѣламъ чисто-личнымъ (правильнѣе даже сказать семейнымъ, потому что тотъ, едва окончившій курсъ юноша, посѣтившій года полтора тому назадъ Абрамцево, былъ уже человѣкъ семейный), я попалъ въ Москву на одинъ изъ первыхъ поминальныхъ дней. Мысль о Константинѣ Сергѣевичѣ — какъ онъ переноситъ свое несчастіе, здоровъ-ли и даже можно-ли будетъ его видѣть — не переставала тяготить меня всю дорогу. Раннимъ утромъ, прямо съ *перекладной*, я навѣдался къ издателю прекращенной газеты «Парусъ», къ его брату Ивану Сергѣевичу, занимавшемуся тогда изданіемъ «Русской Бесѣды», переданной ему А. И. Кошелевымъ. Редакція «Русской Бесѣды» помѣщалась недалеко отъ дома, гдѣ скончался Сергѣй Тимоѳеевичъ—на Большой Никитской, насупротивъ Кисловки. Какъ и слѣдовало ожидать, я услыхалъ мало утѣшительнаго. Константинъ Сергѣевичъ былъ безнадеженъ; не только свои, и чужіе боялись за него. Его укоряли, что онъ не бережетъ себя, еще прямо и въ томъ, что онъ какъ бы намѣренно убиваетъ себя. Къ этому прибавляли, что онъ страшно измѣнился. Хорошо предупрежденный на этотъ счетъ, я готовился быть особенно осторожнымъ при встрѣчѣ съ нимъ. Перебѣжавъ только улицу, ужъ я былъ на Кисловкѣ; а сдѣлавъ еще шаговъ тридцать къ знакомому дому, ужъ видѣлъ палисадникъ за перилами, большіе ворота, и изъ воротъ, въ противуположную отъ меня сторону, медленными шагами удалявшуюся фигуру. Я нагналъ вслѣдъ; медленно отходившій отъ меня обернулся... Можно-ли было узнать прежняго, бодраго душевно и тѣлесно Константина Сергѣевича? Мало сказать: онъ страшно измѣнился въ лицѣ! нѣтъ, а отъ общей исхудалости было еще что-то удлиненное и утоненное во всей фигурѣ. Пепельность бороды и усовъ, вдругъ взявшаяся просѣдь, вмѣсто прежняго ихъ цвѣта; съ ногъ до головы чрезвычайная угрюмость во всемъ видѣ; неподвижный, какой-то внутрь самого себя обращенный, самоуглубленный взоръ; и тихость, жуткая тихость,—поразили меня.

— Я иду въ церковь, сказалъ онъ; какъ служба отойдетъ—вернусь; вы меня застанете дома, я жду васъ.

— Но, Константинъ Сергѣевичъ, поберегите себя, вырвалось у меня совершенно невольно.

Тутъ-же, стоя на улицѣ, онъ отвѣчалъ очень серьезно, но тихимъ и задумчивымъ голосомъ, а не какъ бывало: «Да, меня упрекаютъ. На меня даже взводятъ обвиненіе, что я не удерживаюсь отъ горя, даю ему волю и намѣренно разстроиваю себя. Не вѣрьте этому. А я не

могу. Не вѣрьте и тому—вамъ и это будутъ разсказывать про меня—что я во что-то вдаюсь. Нѣтъ, я попрежнему свободенъ и ни во что̀ не вдаюсь. Если теперь иду въ церковь,—вы знаете и прежде всегда ходилъ. Напротивъ, я былъ совершенно спокоенъ даже во время похоронъ, то есть ничто нервно не дѣйствовало на меня. Даже самый видъ гроба, трауръ и погребальныя свѣчи, дымъ кадильный по покойнику, все что̀ дѣйствуетъ на нервы и разстроиваетъ самыя нервы—ничто не дѣйствовало на меня. Я облокачивался на гробъ, желая лишній разъ взглянуть на дорогое лице, какъ на простую мебель; я поправлялъ и поворачивалъ подушку въ гробу, какъ и подушку на постели, когда за нимъ ходилъ. Я не замѣчалъ. Такъ и во всемъ».

Извѣстно, что Константинъ Сергѣевичъ, вынужденный одно время дать обязательство правительству, что будетъ брить бороду и не будетъ ходить въ Русскомъ платьѣ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ соблюдалъ эту формальность. Но въ послѣднее время, когда онъ проводилъ дни и ночи при больномъ отцѣ и буквально по цѣлымъ недѣлямъ не спалъ и не раздѣвался, карауля дыханье больнаго,—ужъ не время ему было до соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Борода у него отросла, а потомъ (хотя опять-таки для соблюденія формальности) прорѣженная бритвой на подбородкѣ и двоившаяся какъ бы продолженіе бакенбардовъ борода такъ и осталась; ея пепельная просѣдь скоро перешла совсѣмъ въ сѣдину.

Нельзя было разсудительнѣе говорить о безвыходности своего горя, какъ потомъ все время передавалъ мнѣ о себѣ Константинъ Сергѣевичъ. Слушая нельзя было утѣшать: это значило бы и себя обманывать и оскорблять его. Мнѣ казалось, что свои и чужіе еще слишкомъ много надѣются... У него прямо въ глазахъ была уже смертная отмѣтка!

Я уѣхалъ къ себѣ въ глушь, каясь въ прежнемъ легкомысліи: мало, слишкомъ мало давалъ я значенія его горю, при всемъ томъ, что думалъ даже, не преувеличиваю ли я его. Эта роковая отмѣтка въ его глазахъ, что онъ больше не жилецъ—мучительно преслѣдовала меня. Все лѣто прожилъ я безвыѣздно въ деревнѣ, въ маленькомъ устройствѣ очень маленькихъ дѣлъ; повидать Константина Сергѣевича еще разъ въ Москвѣ не привелось. А вѣсти объ немъ и его собственныя письма приходили разъ отъ разу все мрачнѣе. Кто разсчитывалъ на время, надѣясь еще, что само время излѣчитъ—тотъ ошибся вдвойнѣ. «Время тутъ ничему не поможетъ, повѣрьте» говорилъ онъ мнѣ еще тогда въ Москвѣ, и онъ былъ правъ. Въ горести, давившей все его существо, не было ничего эффектированнаго съ самаго начала; ничего такого, что̀ было бы связано, какъ самъ онъ говорилъ,

съ нервнымъ разстройствомъ; а лишь въ такихъ случаяхъ и помогаетъ время. Это была, напротивъ того, скорбь усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, потому что каждый новый день приносилъ и большее разувѣреніе въ возможности будущаго и настоящаго безъ прошлаго.

Странная мысль пришла мнѣ тогда въ голову. Мнѣ казалось, что родной домъ и родная семья, окружавшіе тогда Константина Сергѣевича удвоенной заботливостью, сами по себѣ не могутъ не служить для него источникомъ глубочайшаго горя: тутъ-то все и должно было вдвойнѣ напоминать о безвозвратной потерѣ. Мнѣ казалось: его надо непремѣнно оторвать отъ роднаго дома и куда-то перенести на время... но куда? Располагай я въ то время какимъ-нибудь Лукулловскимъ дворцомъ, или только продолжай жить въ имѣніи у матери—въ той самой усадьбѣ въ саду надъ прудомъ, напоминавшемъ цѣлое озеро, куда заглянуть давалъ мнѣ обѣщаніе Константинъ Сергѣевичъ и даже списывался объ этомъ—мнѣ не пришло бы и въ голову звать его къ себѣ въ гости: видъ всякаго семейнаго дома, гдѣ правильно-установленный бытъ течетъ ровно изо дня въ день во всякомъ благополучіи, долженъ былъ тогда болѣзненно раздражать его. Напротивъ того, какой-нибудь глухой, заброшенный уголокъ, гдѣ, по тому или другому странному капризу судьбы, жизнь выбилась бы изъ общей колеи и вдругъ сложилась на совершенно-исключительный образецъ; полное одиночество какъ въ скиту и въ тоже время заботливость близкихъ, но непремѣнно новыхъ лицъ—вотъ что, казалось мнѣ, могло бы еще, пожалуй, при его тогдашнемъ душевномъ настроеніи, благотворно подѣйствовать на него. Но именно такую обстановку, и только такую, я и могъ ему предложить тогда. Убогая деревушка; самъ-другъ съ женой и съ грудным ребенкомъ у кормилицы на рукахъ; только что кое-какъ поставленный и еще недодѣланный бревенчатый домикъ въ три сруба, въ рощѣ изъ вѣковыхъ липъ и дубовъ; полное одиночество и лишь первые приступы къ той жизни, о которой сказано: «щей горшокъ да самъ большой»,—вотъ обстановка, въ которой я тогда очутился. Нашу рощу и въ ней этотъ домикъ мы сами называли *скитомъ*; но что здѣшній пріютъ былъ бы по сердцу Константину Сергѣевичу въ тогдашнихъ обстоятельствахъ—я не сомнѣвался.

Такъ какъ однако, по моему мнѣнію, это надо было сдѣлать незамѣтно для него самого, не подавъ и виду, что его намѣренно отрываютъ отъ дома,—разумѣется, я ни слова и не писалъ самому Константину Сергѣевичу о моемъ предположеніи. Письмо въ этомъ смыслѣ, о которомъ и не чаялъ, что оно попадетъ въ его руки, я направилъ въ редакцію «Русской Бесѣды», къ его брату. Я прямо оговаривалъ, что слѣдуетъ это сдѣлать незамѣтно, навести на эту мысль;

предлагалъ къ тому и средство. Мнѣ казалось естественнымъ, что въ теченіе этого лѣта захочется Константину Сергѣевичу навѣстить А. С. Хомякова, жившаго тогда подъ Тулой въ своемъ Боучаровѣ. А отъ первой станціи за Серпуховомъ на Тульскомъ шоссе, отъ Малахова, приходится всего въ восьми верстахъ и та деревушка, куда я звалъ Константина Сергѣевича. Но опять-таки, и самое это предположеніе о возможности хотя сколько-нибудь облегчить состояніе Константина Сергѣевича, оказалось непростительнымъ легкомысліемъ съ моей стороны. Его страдальческая немочь за это время усилилась въ такой степени, что ни къ Хомякову онъ не думалъ ѣхать, хотя къ этому и склоняли его; ни его братъ болѣе не находилъ нужнымъ скрывать отъ него какія бы то ни было письма. Вдругъ получилъ я отвѣтъ отъ самого Константина Сергѣевича. «Любезный мой..... вы приглашаете меня къ вамъ въ деревню»... Но это письмо поразило меня какъ громомъ. Кромѣ двухъ-трехъ незначительныхъ сокращеній то одной строки, то даже полустроки, чисто фамильярнаго свойства, вотъ это его письмо, слово въ слово: «Вы приглашаете меня къ вамъ въ деревню. Братъ показалъ мнѣ письмо ваше. Приглашеніе ваше такъ искренно, въ немъ сказалось такое дружеское движеніе, что мнѣ захотѣлось непремѣнно написать вамъ, и вотъ я пишу. Я всегда очень много цѣнилъ въ жизни привѣтъ, и всегда съ такою радостью на него отзывался; но привѣтъ вовсе не такъ часто встрѣчается въ жизни, какъ, можетъ быть, думаютъ. Въ вашихъ словахъ мнѣ послышался именно этотъ привѣтъ, который такъ рѣдокъ. Еслибъ это приглашеніе ваше сдѣлано было при батюшкѣ..... тогда я не проѣздомъ къ Хомякову, а нарочно бы къ вамъ поѣхалъ. Но теперь, любезнѣйшій.... все кончилось. Ни удовольствіе, ни радость жизни для меня существовать не могутъ. Однимъ словомъ, жизнь кончилась—жизнь, какъ моя. Я здѣсь еще, подъ условіями этой жизни; но это не *моя* жизнь. Все доброе, все хорошее въ другихъ—я чувствую; отзываюсь на это, какъ и на ваше приглашеніе,—и только. Еслибъ вы предлагали мнѣ какое-нибудь удовольствіе, мнѣ было (бъ) пріятно видѣть ваше желаніе, а отъ самаго удовольствія я бы отказался, потому что его нѣтъ для меня. Такъ и теперь вы все сдѣлали, пригласивъ меня, и дали мнѣ все, что я могу теперь принять. Прежде для меня было бы истиннымъ удовольствіемъ повидаться съ вами *у васъ*..... взглянуть на юную семью въ обстановкѣ природы со всею ея непостижимой красотою, которую батюшка передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ такъ неподражаемо. Но этого прекраснаго удовольствія для меня теперь быть не можетъ. Это все кончилось. Вы знали Константина Сергѣевича, который удитъ, куритъ, съ

восхищеніемъ радуется жизни и природѣ въ каждомъ ея проявленіи, будь это зима или лѣто, будь это палящее солнце или дождь, промачивающій насквозь,—Константина Сергѣевича, который любитъ слышать въ себѣ силы именно тогда, когда неудобство, стужа или что-нибудь подобное ихъ вызываетъ; который въ восхищеніи и крѣпнетъ на телѣгѣ, прыгающей по камнямъ, или подъ дождемъ, его всего обливающимъ,—Константина Сергѣевича, который 28 верстъ проходитъ не присаживаясь, выпиваетъ сливокъ, потомъ квасу, и отправляется еще взваливъ на себя огромныя удилища—удить. Теперешній Константинъ Сергѣевичъ не удитъ, не куритъ, смотритъ и не видитъ природы или болѣзненно ее чувствуетъ и даже отворачивается отъ нея; нѣженкой онъ не сдѣлается, слабымъ тоже; но не слышитъ въ себѣ этого пріятнаго ощущенія силъ, не ищетъ чего-нибудь понеудобнѣе и потяжелѣ; ему все равно, карета ли или любимая прежде телѣга, къ которой онъ прежде даже и стихи писалъ. Да, все для меня кончилось, жизнь моя кончилась; жизнь была хороша и исполнена прекрасныхъ радостей; и вотъ я помянулъ себя въ письмѣ къ вамъ. Благодарю же васъ..... за все радушіе, какое я видѣлъ бы у васъ. Обнимаю васъ крѣпко..... Я занимаюсь довольно; это я считаю своимъ долгомъ, который я долженъ выплатить; постараюсь сдѣлать все, что могу, на что имѣю способности, и такимъ образомъ расплатиться съ долгами. Я точно собираюсь переѣхать и укладываюсь. Прощайте..... Вашъ Константинъ Аксаковъ.» Былъ и *post-scriptum*: «Время дѣйствуетъ на меня совершенно наоборотъ противъ того, какъ полагаютъ». Почтовая помѣтка 24 Августа 1859 года.

Я читалъ и перечитывалъ это удивительное письмо: оно было для меня живымъ истолкованіемъ всего, что я прочиталъ у него въ глазахъ. Тотъ смертный оттѣнокъ, поразившій меня тогда, при встрѣчѣ съ нимъ послѣ похоронъ отца, припомнился мнѣ теперь во всей силѣ. Ничего нельзя было сдѣлать съ его грустью; хуже того: съ тою чахоткой и сухоткой, которая у него началась отъ грусти. Злѣйшая чахотка и сухотка, безъ всякихъ физическихъ поводовъ къ тому—единственно отъ нравственнаго недуга! И это въ Константинѣ Сергѣевичѣ, чья крѣпость вошла въ пословицу и котораго самъ Оверъ, за его желѣзное здоровье, звалъ Печенѣгомъ. Приписка: «время дѣйствуетъ на меня совершенно наоборотъ противъ того, какъ полагаютъ» поразила меня едва-ли не болѣе цѣлаго письма. Это былъ уже могильный, гробовой голосъ. Предреченное мнѣ имъ о себѣ еще въ Маѣ мѣсяцѣ, тогда, при личномъ свиданіи въ Москвѣ, теперь подтверждалось заочно уже по прошествіи четверти года.

Послѣ такого письма можно ли было настаивать на его пріѣздѣ? Гдѣ бы онъ ни былъ теперь, хоть именно на томъ дальнемъ островѣ Зантѣ, гдѣ и умеръ, онъ носилъ въ душѣ такую же неисцѣльную скорбь, какою уже была и злая чахотка въ его тѣлѣ. Я забылъ и думать о пріѣздѣ Константина Сергѣевича. Вдругъ наша бѣдная деревушка освѣтилась посѣщеніемъ и пребываніемъ въ ней этого необыкновенно-жившаго и необыкновенно-умершаго человѣка. И это всего черезъ какія-нибудь двѣ недѣли послѣ того письма!

Наступила осень 1859-го года. Сентябрь былъ въ половинѣ; стояла мглистая, туманная, дождевая погода. Никитинъ день, 15 Сентября, ярмарка въ ближнемъ уѣздномъ городѣ, больше конная; но торгуютъ на ней и всякимъ добромъ, пригоднымъ въ сельской глуши. Я самъ имѣлъ надобность быть на этой ярмаркѣ. Но серединныя числа Сентября—это еще въ нашихъ мѣстахъ золотая пора для ружейнаго охотника: пролетъ вальшнеповъ. Предположивъ ѣхать въ городъ на ярмарку, я не хотѣлъ тотъ разъ пропустить и ежедневно-совершаемаго обхода вальшнепиныхъ мѣстъ; всталъ еще до свѣта и выѣхалъ на охоту. Моросило; въ лѣсу мягко и безшумно ступала нога по желтому палому листу, напитанному сыростью. Вальшнепы однако не удались въ то утро. Я застрѣлилъ только одного, да еще черняка-тетерева, случайно вылетѣвшаго даже безъ стойки собаки. Вернувшись домой, приходилось сбираться въ новую дорогу: въ городъ на ярмарку. Тамъ, протолкавшись весь день на конной и накупивъ, сколько было надобно, лошадей «на кормъ, для навоза, на зиму»; а также помявъ бока въ народѣ на городской площади, гдѣ продавались горшки, кадки да бочки, я управился только къ вечеру. Отправилъ при себѣ подводы съ разными покупками и съ цѣлымъ небольшимъ табуномъ выѣхалъ изъ города. Домой вернулся поздно да и усталъ еще съ утра на охотѣ. Крошечный нашъ домикъ улегся спать. Вѣковые дубы и липы, даже въ Майскія свѣтлыя ночи, очень темнили здѣшнюю усадьбу; а въ Сентябрѣ, послѣ девяти часовъ вечера и въ туже туманную погоду—совсѣмъ была ночь въ нашемъ «скиту».

Въ эту-то неурочную пору, когда ужъ огни загасили въ домѣ, и самъ я, утомленный цѣлымъ днемъ разъѣздовъ, готовился заночевать—послышался глухой неопредѣленный шумъ какъ бы громоздкаго экипажа, насилу подъѣзжавшаго по грязи къ крыльцу. Кормилица, раньше другихъ услыхавшая шумъ, а потомъ еще и стукъ въ двери, наскоро одѣлась и отворила; второпяхъ вбѣжала она потомъ въ спальную, сказывая, что «спрашиваютъ барина». Я накинулъ свой тяжелый драповый не то халатъ, не то кафтанъ (это былъ точный снимокъ съ «азяма» въ память Константина Сергѣевича) и выбѣжалъ

встрѣтить добраго гостя, рѣшительно недоумѣвая: кто бы это могъ быть?.... «Константинъ Сергѣевичъ!...» и я снова почувствовалъ себя въ его крѣпкихъ, широкихъ объятіяхъ.

Послѣ первыхъ же привѣтствій и распоряженій о пріемѣ путника съ дороги, я не могъ не разсмѣяться истинно-характеристической чертѣ: только съ Константиномъ Сергѣевичемъ поминутно случались подобныя приключенія! Оказалось, что онъ именно былъ въ имѣніи А. С. Хомякова по случившемуся съ нимъ тогда несчастію: въ Москвѣ говорили, что Хомяковъ упалъ съ лошади и лежитъ больной со сломанной ногою. Константинъ Сергѣевичъ сейчасъ же собрался навѣстить его (впрочемъ никакой опасности не было: больной ужъ оправился).—«Возвращаясь въ Москву», сказалъ Константинъ Сергѣевичъ, «я, разумѣется, не могъ по дорогѣ не навѣстить и васъ». Но вотъ что̀-было истинно забавно: ѣдучи отъ Хомякова по Тульскому шоссе на Серпуховъ, онъ былъ утромъ на Малаховской станціи; въ то самое время, какъ я почти тамъ же охотился за вальшнепами, ему перепрягали лошадей, и онъ могъ до насъ доѣхать всего въ какой-нибудь часъ, не больше. И вотъ, вмѣсто этого, онъ доѣхалъ вплоть до Серпухова, оттуда поѣхалъ меня разыскивать берегомъ Оки, исколесилъ верстъ тридцать, переѣхалъ Оку на дрянномъ паромѣ, и только тутъ, наконецъ, услыхалъ отъ перевозщика, что ему не надо было ни переѣзжать Оки, ни колесить этихъ тридцати верстъ; а теперь волей-неволей приходится еще сдѣлать верстъ двадцать, если не болѣе, совсѣмъ въ обратную сторону, прямо назадъ, откуда ѣхалъ. И все это потому только, что въ 30-ти верстахъ отъ Серпухова, дѣйствительно, есть другое наше имѣніе, гдѣ я уже не жилъ, о чемъ и предувѣдомлялъ его, приглашая именно на новоселье. Но онъ спуталъ и, садясь въ тарантасъ, назвалъ ямщику то село, куда по старой памяти привыкъ адресовать свои прежнія письма. Такимъ образомъ, онъ пространствовалъ съ утра до ночи весь день больше семидесяти верстъ для того только, чтобъ объ полночи подъѣхать къ жилью, отъ котораго былъ всего въ восьми верстахъ поутру.

Жена, видѣвшая теперь Константина Сергѣевича въ первый разъ и до тѣхъ поръ знавшая его только по моимъ разсказамъ, поразила меня своимъ словомъ объ немъ: «Боже мой! Какое у него доброе лице! Ну, бываютъ добрыя лица на свѣтѣ, а это что-то невѣроятное! Удивительно доброе лице!». Тоже слово въ слово говорила кормилица: «добрый, ужъ вотъ добрый баринъ!». Тоже повторяли потомъ всѣ домашніе. И это не безъ причины. Скорбь, преждевременно состарившая Константина Сергѣевича, много поработала надъ нимъ въ эти четыре мѣсяца. Онъ уже истинно казался «не отъ міра сего». Не

было слезъ, не было и слѣда «эффектовъ скорби» на этомъ лицѣ; но отмѣнная тихость всего образа и вдумчивость, и задумчивость само-углубленнаго взора сообщали всей его фигурѣ невообразимую кротость. Казалось, только машинально смотрѣли еще его глаза, пока душа въ тѣлѣ, на все окружающее; но уже ничто, что не въ немъ самомъ, больше не дѣйствуетъ на него—тѣмъ свободнѣе обнажалась душа, тѣмъ непринужденнѣе сквозила и обнаруживалась на его лицѣ святая святыхъ его души: младенческая его простота и доброта, ея всегдашнее свойство.

По счастью, хоть и крошечный былъ тогда нашъ домикъ, но въ немъ нашлась просторная, высокая, удобная комната, гдѣ и былъ приготовленъ ночлегъ для Константина Сергѣевича. Зная его угрюмое настроеніе и отчаянную грусть, я боялся за него, какъ за малаго ребенка; я опасался даже оставить его одного въ потьмахъ или дать ему спать какъ нибудь неспокойно въ сумрачныхъ грёзахъ. Онъ былъ истинно тронутъ хозяйской заботливостью, когда увидѣлъ привѣтливый уголокъ, приготовленный для него съ нѣкоторою предусмотрительностью даже до мелочей. Старинный фарфоровый ночникъ давалъ ровный свѣтъ, не безпокоившій глазъ, и въ тоже время ласковый и манкій. Онъ угадалъ истинное значеніе всей этой предусмотрительности, горячо благодарилъ за все; но и опять повторилъ свое «не бойтесь за меня», памятное мнѣ еще съ Москвы, послѣ похоронъ его отца. — «Не бойтесь же за меня; ни днемъ, ни ночью галлюцинацій у меня нѣтъ. Я не разстроенъ ни нервами, ни воображеніемъ. Я свободенъ отъ всѣхъ страховъ мнимыхъ; я скорблю душою и сознательно отношусь къ самой скорби моей. Веселья душевнаго у меня нѣтъ и быть не можетъ,—только. Я даже работать не могу; писать считаю долгомъ и не могу, потому что даже для работы необходимо веселіе духа; этого веселія больше у меня нѣтъ. Но и только. Повторяю, не бойтесь за меня. Благодарю васъ за дружескій пріемъ; за самый этотъ тихій свѣтъ ночнаго свѣтильника—благодарю. Но я совершенно также уснулъ бы въ потьмахъ. Никакая внѣшность не дѣйствуетъ на меня».

Не называя имени своего отца, даже не касаясь воспоминанія о томъ, что онъ умеръ — всѣ разговоры однакожъ, собственно говоря, только объ этомъ и были; то и дѣло переходили еще и прямо къ этому.

— «Теперь-то я понимаю всю нелѣпость смерти!» было однимъ изъ первыхъ словъ Константина Сергѣевича послѣ первыхъ же привѣтствій и отвѣстокъ. «Да, именно *нелѣпость* смерти —лучше нельзя выразить этого — понимаю я. Чтобы все, въ чемъ выражается духъ, что существуетъ какъ духъ—могло уничтожиться, не быть—это ло-

гическій абсурдъ. Я теперь не только вѣрую въ безсмертіе души, и логически не понимаю возможности смерти того, что̀ духъ. Это нелѣпость. Я воочію понимаю всю нелѣпость смерти. Я знаю: какъ о чемъ думалъ мой отецъ; его нѣтъ больше со мною; но и теперь во всемъ, что̀ я переживаю и вижу передъ собою день-за̀-днемъ,—я знаю какъ бы онъ думалъ обо всемъ этомъ, совершающемся передо мною на моихъ глазахъ? Я слышу поминутно: что̀ сказалъ бы онъ по тому или по другому поводу; я знаю: какъ бы онъ поступилъ. И вотъ это-то, что́ мнѣ ясно: какъ бы онъ думалъ въ извѣстныхъ случаяхъ, даже не приходившихся съ нимъ, и какъ бы онъ поступилъ,—это вдругъ, говорятъ, это самое можетъ умереть, не быть?! О, какая это нелѣпость! Не говорю: вѣра не допускаетъ этого; а говорю: для меня это логическій абсурдъ».

За ужиномъ, между прочимъ, подали вальшнепа и те́терева—добычу моей утренней охоты; я упомянулъ о томъ Константину Сергѣевичу.

— «Какъ прекрасно описывалъ охоту отецъ!» воскликнулъ онъ, и сейчасъ же заговорилъ опять о своемъ. Даже по поводу вальшнепа и те́терева началъ онъ очень живыя разсужденія о томъ, какъ охотникъ стрѣляетъ дичь потому только, что для него не существуетъ *этого* тетерева, *этого* вальшнепа, при чемъ въ умѣ охотника соединялось бы и представленіе индивидуальности; а существуй только это представленіе, оно отняло бы у него охоту и бить дичь.

Пріѣздъ Константина Сергѣевича меня глубоко тронулъ, хотя это было совсѣмъ не то, что̀ я такъ простодушно предлагалъ ему; а что никакое нигдѣ, вдали отъ семейныхъ воспоминаній, пребываніе болѣе не исцѣлитъ его,—я самъ теперь видѣлъ ясно. «Разумѣется, я долженъ былъ къ вамъ заѣхать», сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку, когда я ему напомнилъ о семидесяти верстахъ, сдѣланныхъ имъ въ этотъ день понапрасну. «Я не могъ не пріѣхать къ вамъ», повторилъ онъ нѣсколько разъ на прощаньи. Такъ-то искренне было его слово: «я всегда въ жизни цѣнилъ привѣтъ».

Рано по утру онъ всталъ бодрый, благодарилъ за ночлегъ и опять помянулъ добромъ тотъ фарфоровый ночникъ, свѣтъ котораго ему такъ понравился. День былъ свѣтлый. Удаются иногда осенью эти красные, чисто-лѣтніе дни—еще краше лѣтнихъ; такой именно день и былъ тогда. Мы втроемъ вышли на воздухъ, кто въ чемъ былъ до́ма, чисто по лѣтнему. Я подвелъ его къ окраинѣ рощи, откуда открывался видъ въ чистое поле и указалъ ему бѣлѣвшую издали, на косыхъ утреннихъ лучахъ солнца, Малахову станцію. Будь это въ другое время, воображаю какимъ звонкимъ смѣхомъ грянулъ бы онъ на свой счетъ по

поводу вчерашняго путешествія: отъ станціи до насъ, въ самомъ дѣлѣ, было рукой подать. Теперь онъ только качнулъ головой и дивился своимъ вчерашнимъ разъѣздамъ. Его поразила земля въ нашей мѣстности. «Да тутъ у васъ совсѣмъ черноземъ!» сказалъ онъ, глядя прямо подъ ноги. «Это мнѣ напоминаетъ наши Вишенки; только тамъ и видѣлъ я такую черную землю». А я, при имени Вишенокъ, вспомнилъ знакомое для меня названіе по «Дѣтскимъ Годамъ Багрова-внука».

Когда мы проходили подъ вѣковыми липами и дубами къ скотному двору, онъ остановился заглядѣвшись на одну красавицу-липу и рядомъ съ нею на кудрявый курчавый дубъ, и сказалъ почти словами своего отца во введеніи къ *Запискамъ объ уженьѣ:* «Не понимаютъ многіе у насъ красотъ природы! Имъ нужны декораціи. Нѣтъ, что̀ мнѣ особенно нравится здѣсь у васъ—это именно сама природа въ ея дикости, въ ея естественной красотѣ. Какъ хорошо тутъ!» Мы прошли на деревню. Только малые ребятишки сновали по улицѣ, да еще у каждой почти избы грѣлись на заваленкѣ. По задворкамъ вездѣ были наставлены скирды и одонья, пахло хлѣбомъ; тамъ весело голосили бабы и мужики, звонко молотили цѣпами. Весь этотъ деревенскій бытъ для знакомаго съ деревнею свой, и исполненъ всякой благодати. Даже улыбка мелькала на лицѣ Константина Сергѣевича. За послѣднею избой спускался оврагъ или «вершина» по здѣшнему; тамъ былъ Бирюковъ-колодезь съ прекрасною водою. Мы прошли и туда. Колодезъ получилъ названіе по прозвищу хозяина крайней избы; его звали Бирюкомъ — а почему неизвѣстно. Это былъ старикъ уже дряхлый; еще дряхлѣе была старуха его жена; дѣтей у нихъ не было, и они жили одиноко. Имъ не накого было запасать и работать: про себя хватитъ; всѣ работы, раньше чѣмъ у кого на деревнѣ, всегда оканчивались у нихъ. Такъ и теперь: чуть проглянуло вёдро — и вся деревня, какъ по сговору, замолотила цѣпами, а здѣшніе Филемонъ и Бавкида, какъ малые ребята, грѣлись у себя на заваленкѣ. Женѣ надо было что-то спросить у старухи о лѣкарствѣ, за которымъ она ходила къ намъ во дворъ; я тутъ же познакомилъ и Константина Сергѣевича съ этою замѣчательной на нашей деревнѣ четою. Хозяева благодушно вступили съ нами въ бесѣду и просили еще зайти къ нимъ въ домъ. Не отказался Константинъ Сергѣевичъ, мы зашли. Въ избѣ, въ углу подъ образами, уже былъ накрытъ столъ. Хозяева просили переломить съ ними и хлѣба «изъ нови». У Константина Сергѣевича завязался съ Бирюкомъ разговоръ о грамотности и о книгахъ. На его вопросъ хозяину: «грамотный ли онъ?» Бирюкъ отвѣчалъ о себѣ отрицательно, но распространился о своемъ отцѣ: отецъ не только былъ грамотенъ, а еще и большой начетчикъ,

книгъ у него было много всякихъ. Когда сынъ наслѣдовалъ отцу, то получилъ отъ него между прочимъ, говоря нашимъ языкомъ, цѣлую библіотеку; а какъ выразился самъ Бирюкъ: «такіе вороха книгъ—пришлось подъ нихъ отвести цѣлую клѣть». Отъ пожаровъ ли, отъ многихъ ли переѣздовъ, книги у него пропали. Я, признаться, мало смыслилъ въ письменной народной литературѣ, и перечисляемыя книги не очень меня занимали. Но Константинъ Сергѣевичъ долго разспрашивалъ о затерянныхъ книгахъ. Хозяинъ многія называлъ по заглавіямъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Константинъ Сергѣевичъ, кажется, угадывалъ знакомыя для себя. Поблагодаривъ хозяевъ за ихъ хлѣбъ-соль, мы пошли назадъ деревней, и они насъ провожали. «Хлѣбъ да соль великое дѣло», сказалъ намъ Бирюкъ на прощаньи, «хлѣбъ да соль соючаетъ». Это самое присловье имѣлъ онъ обыкновеніе повторять всегда и на барскомъ дворѣ, при мірскомъ угощеніи по разнымъ случаямъ.

Дома насъ ожидалъ завтракъ; а послѣ завтрака мы вышли пить чай—не на балконъ или на терассу, чего тутъ и въ заводѣ не было, а прямо на крылечко. Передъ нимъ разстилалась широкая луговина, а вокругъ ея росли столѣтніе дубы и липы съ густымъ и разнообразнымъ подлѣскомъ. Въ теченіи цѣлаго лѣта здѣсь ворковали горлицы, раздавался живой напѣвъ иволги, соловьи любили гнѣздиться въ здѣшнемъ орѣшникѣ; вообще всякой пѣвчей птицы было много. Теперь, осенью, только одни дрозды чокали и перелетывали по вѣтвямъ. Но день былъ знойный, и чай на крыльцѣ, какъ нельзя болѣе, подходилъ къ тогдашней погодѣ. Не столько впрочемъ за чаемъ сидѣли мы, какъ просто любуясь тихою солнечной погодой, и долго длилась тихая бесѣда—все о томъ же.

Свою прежнюю мысль, высказанную мнѣ еще вчера о томъ, что неуничтожимость духа представляется ему не только объектомъ вѣры, а даже требованіемъ разсудка, Константинъ Сергѣевичъ развивалъ теперь не только философски, но еще богословски. Не считая себя даже вправѣ касаться теперь тогдашнихъ его богословскихъ опредѣленій, скажу о томъ лишь въ общихъ чертахъ. Онъ зналъ Священное Писаніе не со школьной скамьи и не въ ту лишь мѣру, какъ требуется школьнымъ «Закономъ Божіимъ», а живымъ знаніемъ и ежедневнымъ изученіемъ Писанія въ теченіи цѣлой жизни. Всякаго, кто только въ разговорѣ съ нимъ касался богословскихъ предметовъ, онъ истинно удивлялъ мѣткостью сужденій и свободой вѣры. Не было рабства буквѣ, не было этой узкости отъ буквальнаго пониманія; но въ тоже время и удивительная чуткость нерушимости самаго догмата — ни на іоту какихъ либо отвлеченностей! Никогда его свободомысліе не перехо-

дило въ раціонализмъ. Часто обращались къ нему, прося разрѣшить какое нибудь богословское недоумѣніе или то и другое затруднительное мѣсто Писанія. Онъ раскрывалъ такой широкій и глубокій смыслъ передъ слушателями, и спорный предметъ выставлялся передъ ними въ такомъ новомъ, прежде и неподозрѣваемомъ ими, свѣтѣ, что все недоумѣніе разсѣевалось, и всѣ мнимыя противорѣчія исчезали. И то было еще удивительно въ этомъ «младенцѣ на злое»: ужъ очень тонко понималъ онъ всѣ извивы людской лжи, до нельзя отличалъ всякую кривизну души, въ самые глубокіе тайники ея нечистоты грѣховной проникалъ своимъ неумолимымъ судомъ. Такъ развѣ схимникъ или отшельникъ пустыни, постоянно бодрствующій на стражѣ противъ всякаго лукавства, глубоко проникаетъ во всякую грѣховность, даже неуловимую для другихъ. Въ младенчески-чистыхъ душахъ это ужъ какое-то ясновидѣніе для отличенія добра отъ зла; оно —это нравственное ясновидѣніе—имъ дается какъ даръ Божій именно за подвижническую жизнь ихъ. Вспомнимъ стихотвореніе Константина Сергѣевича «Лжедухъ»; тутъ глубокій матеріалъ для того, чтобы надивиться именно этой, если можно такъ выразиться, нравственной сензитивности его.

Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ, теперь уже напечатанномъ въ полномъ изданіи его сочиненій, допустилъ такое выраженіе о Константинѣ Сергѣевичѣ: «Этотъ человѣкъ боленъ избыткомъ силъ физическихъ и нравственныхъ; тѣ и другія въ немъ накоплялись, не имѣя проходовъ извергаться. И въ физическомъ и нравственномъ отношеніи онъ остался дѣвственникъ. Какъ въ физическомъ, если человѣкъ достигнувъ тридцати лѣтъ не женился, то дѣлается боленъ, такъ и въ нравственномъ (!?). Для него даже было бы лучше, еслибы онъ въ молодости своей..... (многоточіе въ печатномъ подлинникѣ). Но воздержаніе во всѣхъ разсѣяніяхъ жизни и плоти устремило всѣ силы у него къ духу. Онъ долженъ неминуемо сдѣлаться фанатикомъ». Гоголь умеръ задолго до возмужанія и кончины Константина Сергѣевича. Нѣтъ-ли здѣсь, въ приведенныхъ словахъ, немножко того, что зовутъ: съ больной головы на здоровую? При усердіи не по разуму и при веригахъ не по силамъ, дѣйствительно, происходятъ болѣзненные пароксизмы духа и тѣла. Это тѣ нервно-болѣзненные припадки, въ которыхъ менѣе всего обличается духъ собственно такъ-называемый. Эти пароксизмы составляютъ лишь законное возмездіе и своего рода казнь именно за извращеніе свободнаго духа: ибо, во всѣхъ явленіяхъ такого рода, собственно говоря, плоть прикидывается духомъ. Самъ Гоголь, какъ извѣстно, напослѣдокъ, дѣйствительно «воздерживался отъ всѣхъ разсѣяній жизни и плоти, и отъ этого всѣ у него силы устремились»... только не *къ духу*, къ сожалѣнію, а именно къ фанатизму.

Свобода духа и фанатизмъ двѣ вещи несовмѣстныя. Какъ нельзя сознательнѣе и свободнѣе относился Константинъ Сергѣевичъ даже къ своему «дѣвственному состоянію», о чемъ говорится въ этомъ печатномъ письмѣ Гоголя. Были другіе коментаторы этого состоянія Константина Сергѣевича; они прямо считали его какимъ-то платоническимъ идеалистомъ: сама ужъ природа у него такая, говорили, это его физіологическая черта, не больше. На этотъ счетъ и тѣ и другіе неправы. Это не было фанатизмомъ съ его стороны ни въ основѣ, ни въ послѣдствіяхъ, какъ могли бы заключить иные изъ письма Гоголя; это не было и отсутствіемъ подвига, какъ легкомысленно объясняли другіе. Я посмѣлъ ему прямо это высказать тотъ разъ во время нашей бесѣды. «Говорятъ», сказалъ я, «что въ самомъ организмѣ человѣка заключаются иногда условія для дѣвственнаго состоянія его; иной человѣкъ таковъ ужъ отъ природы, въ томъ нѣтъ и заслуги съ его стороны. Что̀ вы скажете объ этомъ относительно васъ самихъ?»—«Зачѣмъ такъ думать? возразилъ онъ съ живостію. «Даромъ человѣку ничто не дается, достиженіе чего составляетъ нравственный подвигъ. Это подвигъ воли, и очень тяжелый». И столько же скромно, сколько гордо, онъ прибавилъ: «Я скажу, по крайней мѣрѣ, о себѣ; нѣтъ, мнѣ это не даромъ далось»; послѣднее было имъ выговорено съ большимъ усиліемъ.

Теперь прошло немало времени со смерти Константина Сергѣевича, а, встрѣчаясь съ его знакомыми, приходится отъ нихъ слышать и до сихъ поръ: «Неправда-ли, всякій разъ какъ приводилось быть съ Константиномъ Сергѣевичемъ, послѣ того приходилось и самого себя чувствовать какъ-то чище; какъ-то нравственнѣе дѣлался съ нимъ, и нравственность чувствовалъ болѣе обязательною для себя?»

Въ этотъ день онъ долженъ былъ и уѣхать отъ насъ въ Москву. Я не смѣлъ его удерживать: онъ и такъ потерялъ одинъ день въ напрасныхъ странствіяхъ съ утра до ночи; а въ Москвѣ за него могли безпокоиться; кромѣ другихъ близкихъ тамъ ждала его старушка-мать. Ему подали рессорный шарабанъ, легкій какъ перышко, къ тому же еще и съ пристяжкой: въ часъ съ небольшимъ, я ручался ему, онъ ужъ будетъ въ Серпуховѣ. Садясь въ него, онъ даже попенялъ: «Зачѣмъ для него такія удобства?»; а для насъ, признаться, всего было сподручнѣе отпустить именно этотъ экипажъ въ дорогу, такъ какъ всякій другой потребовалъ бы четверню или по крайней мѣрѣ тройку. Молодой парень, кучеръ отвезшій его въ городъ, скоро возвратился назадъ. Константинъ Сергѣевичъ при немъ взялъ почтовыхъ и поѣхалъ въ Москву. Въ одно слово со всѣми домашними и кучеръ дивился теперь: «Ужъ очень добрый баринъ! Тихій такой! Нельзя и ска-

зать, какой тихій». Оказался и тутъ, напослѣдокъ, одинъ маленькій эпизодъ, очень характерный въ Константинѣ Сергѣевичѣ. Онъ въ дорогѣ распрашивалъ кучера о шоссейныхъ заставахъ и много-ли ихъ ему встрѣтится на пути? Дѣло въ томъ, что, не запасшись форменной подорожной, онъ переплатилъ что-то втрое на этихъ заставахъ; наконецъ, на одной изъ нихъ, по выѣздѣ отъ Хомякова, взялъ квитанцію въ полной уплатѣ за весь путь до Москвы; но потерялъ этотъ билетикъ, искалъ его во всѣхъ карманахъ дорогою, не нашелъ, и ему теперь предстояли новыя мытарства.

Памятное его посѣщеніе для меня навсегда освѣтило здѣшній уголокъ. Скоро я совсѣмъ покинулъ эти мѣста. Живя въ другомъ имѣніи, случалось и по годамъ не заглядывать сюда. Но какъ только приходилось навѣстить эту мѣстность, въ душѣ возникали дорогія воспоминанія о пребываніи здѣсь Констинтина Сергѣевича, съ ясностью вчерашняго дня. Я до сихъ поръ не могу очутиться на крылечкѣ здѣшняго дома предъ лужайкой, окруженной вѣковыми дубами и липами, чтобы все это прошлое не воскресло вживѣ.

IV.

Больше я не видалъ Константина Сергѣевича. Письмо за письмомъ отъ него—каждое становилось мрачнѣе. Онъ тяжко заболѣлъ, долго лежалъ безъ сознанія, но выздоровѣлъ. Какъ мрачно увѣдомлялъ онъ меня о своемъ выздоровленіи! Точно радуясь описывалъ свою болѣзнь и отчаянное положеніе: «сидѣли надо мной; я замѣчалъ въ безпамятствѣ, что и по ночамъ не отходятъ отъ меня» и послѣ того, какъ бы съ горемъ добавлялъ: «но еще не пришло». Его сокрушало только одно: много задуманныхъ работъ осталось не исполнено; иное было лишь въ черновыхъ набросках; другое не было даже и вчернѣ занесено на бумагу Особенно тяготили его неоконченные труды по Русской грамматикѣ. «Все это я считаю своими долгами,—подтверждалъ онъ въ одномъ письмѣ—я не имѣю права не выплатить этихъ долговъ. Но прежней работы нѣтъ. Для того чтобъ работать, нужно веселіе духа. Его нѣтъ у меня». Въ это время онъ часто тосковалъ по одному и тому же вопросу: кому передать? Цѣлое *направленіе* уносилъ онъ съ собой въ могилу. Онъ выглядывалъ среди молодежи. Подростающая университетская молодежь была предметомъ его заботливаго вниманія; онъ любилъ говорить съ ней и объ ней, спрашивалъ объ университетѣ; его постоянно интересовало: встрѣчаются ли талантливыя, выдающіяся личности между студентами?

Въ пятидесятыхъ годахъ ужъ начиналось кривоблужденіе мысли, потомъ расцвѣтшее въ *нигилизмъ*. Молодые люди, сходившіеся другъ къ другу на вечеринки не затѣмъ чтобы пить вино и играть въ карты, казались очень подозрительными такому «государственному дѣятелю», какимъ былъ графъ Арс. Андр. Закревскій. Напротивъ того, люди подобные А. С. Хомякову и К. С. Аксакову, очень интересовались въ молодомъ поколѣніи именно тѣми отдѣльными личностями, о которыхъ слышно было, что сходятся они, какъ Дерптскіе студенты и по выраженію Дерптскихъ студентовъ, «развивать идею», а въ карты не играютъ. Я живо помню одну изъ такихъ трезвыхъ студенческихъ вечеринокъ въ глухомъ переулкѣ, въ мезонинѣ крошечнаго домика. Я уже тогда вышелъ изъ университета, но зналъ хозяина еще въ университетѣ,—курсами двумя онъ былъ моложе меня. Сюда, къ простымъ бѣднякамъ-студентамъ, готовымъ рѣшать всѣ вопросы на бтмашъ и очень ужь зараженнымъ невѣріемъ, безвѣріемъ и всякимъ всевозможныхъ видовъ отрицаніемъ, охотно пріѣзжали «вести споры» и А. С. Хомяковъ, и К. С. Аксаковъ. Плоды этихъ посѣщеній сказались много лѣтъ позднѣе, когда ни того ни другаго не было ужъ въ живыхъ; сказываются еще и въ наши дни.. Изъ этихъ родоначальниковъ нигилизма и нигилистовъ ни одинъ не попалъ въ ихъ ряды; напротивъ, то одинъ, то другой все болѣе отворачивались отъ криваго пути и выходили на прямую дорогу; иные, прямо сказать, ознаменовали добрыми трудами свой путь; не всѣ живы, а кто живъ и сейчасъ трудится на прямомъ пути..

«*Направленіе*!» Какъ много страстныхъ споровъ возбуждало тогда ужъ одно это слово... какъ, впрочемъ, и теперь. Мнѣ живо припоминается юнѣйшій, чистѣйшій и честнѣйшій, блѣдный съ голубыми глазами поэтъ, только что кончившій курсъ въ университетѣ, спорящій съ Константиномъ Сергѣевичемъ объ самомъ этомъ словѣ: *направленіе*. «Помилуйте—говоритъ онъ запыхавшись—что̀ такое направленіе? Избави Богъ придерживаться какого бы то ни было направленія! Разъ есть направленіе, ужъ это односторонность! Истина дважды два четыре всегда истина—при всѣхъ направленіяхъ и для всѣхъ направленій! Мое направленіе въ томъ и состои̇тъ, чтобы не дать себя уловить ни одному изъ направленій!» О, юный, зеленый и молодой споръ! Константинъ Сергѣевичъ добродушнѣйшимъ образомъ доказывалъ юношѣ, что направленіе нимало не отнимаетъ и не стѣсняетъ ни свободы воззрѣній, ни искренности вѣры; оно и служитъ компасомъ свободолюбцу, указывающимъ: что̀ онъ свободно принимаетъ и что̀ отвергаетъ, анализируя чужія мнѣнія; ибо, прежде всего, оно и есть синтезъ его собственной аналитики. Константинъ Сергѣе-

вичъ мнѣ какъ-то писалъ объ этомъ юномъ—и въ лѣтахъ самой цвѣтущей юности скончавшемся—поэтѣ: «У насъ съ нимъ было два серіозныхъ разговора, которые если не привели къ окончательному результату, то подвинули много впередъ. Я надѣюсь, что со временемъ онъ будетъ согласенъ съ нашими убѣжденіями. Онъ выслушиваетъ, взвѣшиваетъ, ищетъ доказательствъ, а это много и непремѣнно доводитъ до результата».

*

Больше я не видалъ Константина Сергѣевича. Въ Сентябрѣ 1859-го года было наше послѣднее, описанное здѣсь, свиданіе. Всю зиму онъ чахнулъ; весной и лѣтомъ заболѣлъ такъ, что его отправили за границу; въ томъ же 1860-мъ году онъ и скончался 7 Декабря, вдали отъ родины, въ Греческомъ архипелагѣ, на островѣ Зантѣ. За границею первоклассныя знаменитости, иноземные врачи, дивились чахоткѣ и сухоткѣ этого богатыря, умиравшаго съ тоски по своемъ отцѣ; собственно, вся и болѣзнь была въ этомъ. Доктора не давали лѣкарствъ, не прописывали рецептовъ, совѣтовали только развлекать его. Тогда Италія шумѣла именемъ Гарибальди; въ ней пробуждалось народное движеніе, не совѣтовали пускать туда, а указывали на какія нибудь «увеселительныя воды» или даже на Парижъ, совѣтуя возить на разныя гулянья, а если въ театръ, то исключительно въ водевили. Но жить такимъ образомъ для Константина Сергѣевича значило: не жить. Онъ ужъ умиралъ; послѣднія остававшіяся средства, хоть для продленія послѣднихъ дней, медики свели на «теплый морской климатъ».. и вотъ онъ попалъ на островъ Занте. Когда пароходъ везъ его къ этому послѣднему пристанищу, онъ съ болѣзненной грустью глядѣлъ въ волны и говорилъ своему неизмѣнному спутнику, сопровождавшему его брату, Ивану Сергѣевичу Аксакову: «Неужели однако ужъ и кончено? Какъ ни ожидалъ я, но чтобы такъ ужъ скоро, кто бы думалъ?»

На пустынномъ островѣ не было Русскаго православнаго священника для исповѣди больнаго; нашелся Грекъ, едва говорившій по-французски. У этого-то Грека и исповѣдывался умирающій на своемъ нелюбимомъ языкѣ. Что за судьба?. И, словно, еще не иронія ли съ ея стороны?. Никакой иронiи тутъ нѣтъ, хотя и знаменательно оно. Свободная вѣра Константина Сергѣевича не знала ничего условнаго, и всякій фетишизмъ былъ ей чуждъ. Кто не понималъ и не понимаетъ, что можно снимать шапку въ Спасскихъ Воротахъ и креститься на золотыя маковки Кремля и въ тоже время не быть фетишистомъ,—тотъ не понимай.

Грекъ, призванный къ умирающему и спѣшившій по-просту справить требу, былъ изумленъ исповѣдью, причащеніемъ и кончиной столь необыкновеннаго человѣка. Самымъ простодушнымъ образомъ выражалъ онъ свое удивленіе и недоумѣніе; онъ просилъ: нельзя ли ему повидать всѣхъ близкихъ этого человѣка и, главное, мать покойнаго? Ему хотѣлось ей передать—и если не придется лично, Грекъ просилъ ей передать отъ него—праведникъ скончался! Еще не видывалъ исповѣдникъ примѣровъ такой вѣры на землѣ. Онъ не прекращалъ своихъ разспросовъ: Да, кто же это былъ? Кто это умеръ передъ нимъ?

Ему отвѣчали, что это былъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. И что же можно было сказать больше этого?

Н. Бицынъ.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ О ПОЖАРѢ МОСКВЫ 1812 ГОДА.

Изъ малоизвѣстной у насъ политической сатиры Байрона The age of bronze (Мѣдный Вѣкъ), написанной по поводу Веронскаго конгреса 1822 года. Мы не встрѣчали ея перевода на Русскій языкъ. Нижеслѣдующій отрывокъ начинается въ подлинникѣ стихомъ: „The half barbaric Moskow's minarets". Вѣщій геній Западнаго міра постигъ всемірно-историческое значеніе Московской великой жертвы и нашелъ соотвѣтствующее слово для ея изображенія. Онъ такъ обращается къ Наполеону:

Вотъ башни полудикія Москвы
Передъ тобой въ вѣнцахъ изъ злата
Горятъ на солнцѣ... Но увы!
То—солнце твоего заката.
Москва—побѣдъ твоихъ предѣлъ!
Чтобъ увидать верхи ея златые,
Суровый Карлъ лилъ слезы ледяныя,
И тщетно! — Ты ее узрѣлъ.
И чтожъ увидѣлъ ты? Ея дворцы и храмы.
Все рушилось, все пожирало пламя!

—

Кто жъ раскалилъ пожаръ жестокой въ ней?
Свой порохъ отдали солдаты,
Солому съ кровли несъ своей
Мужикъ; товаръ свой далъ купецъ богатый.
Свои палаты каменныя князь,
И вотъ Москва отсюду занялась!

—

Волканъ великій, несравненный,
Единственный во всей вселенной!
Передъ огнемъ ужаснымъ тѣмъ
И Этна съ Геклой кажутся ничѣмъ;
Везувія предъ нимъ блѣднѣетъ слава:
Онъ только жалкая забава
Туриста празднаго!—Лишь тотъ
Грядущій огнь съ тобой сравнится,
Въ которомъ міръ испепелится,
Который царства всѣ сожжетъ.

И. Х

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ СОБЫТІЙ 1861—1864 ГОДОВЪ.

Воспоминанія современника-очевидца.

II *).

Военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ.

Послѣ торжественнаго погребенія митрополита Фіалковскаго, 1-го Октября 1861 года и освобожденія генераломъ Левшинымъ арестованныхъ въ костелахъ 3 Октября 1861 г. крамольниковъ, Поляки увѣрили себя, будто освобожденіе это послѣдовало «по приказанію Наполеона и Викторіи», будто теперь имъ все можно и будто Францiя и Англія такъ тѣсно сплотились и горячо приняли къ сердцу «Польскую справу», что уже не допустятъ Москалей ни до какихъ насилій надъ *бѣдными, зуцѣлнѣ невинными и безбронными Поляками*.

Съ объявленіемъ военнаго положенія въ Варшавѣ и въ цѣломъ краѣ, обывателямъ предписывалось, между прочимъ, не показываться на улицахъ, отъ сумерокъ до разсвѣта, безъ фонарей и отнюдь не собираться въ кучки болѣе трехъ человѣкъ. Въ объявленіи было прибавлено, что правительство силою заставитъ непослушныхъ исполнять свою волю.

Поляки подняли на-смѣхъ это объявленіе и изъ любопытства высыпали толпами на улицы, чтобъ посмотрѣть, какъ Москали посмѣютъ привести свою угрозу въ исполненіе.

Но пора шутокъ миновала. Графъ Ламбертъ приказалъ казакамъ дать Полякамъ нагайками ощутительное свидѣтельство силы и твердости воли, и вотъ посыпались эти аргументы на плеча нахаловъ,

---

*) См. 1-й вып. Р. Архива сего года, стр. 103.

безъ различія званія и пола. Паника произошла на улицахъ ужасная толпы съ крикомъ и воплями стали бросаться въ разныя стороны спасаясь отъ нагаекъ; но въ другихъ улицахъ ихъ встрѣчали новы нагайки. Быстро растаяли толпы, укрываясь въ ближайшихъ домахъ гдѣ и должны были сидѣть до тѣхъ поръ, пока представилась возможность пробраться домой по одиночкѣ. Многія дамы упрашивали военныхъ проводить ихъ домой, подъ видомъ женъ и сестеръ, въ чемъ офицеры имъ не отказывали.

На углу Краковскаго предмѣстья и Саксонской площади, близъ Европейской гостинницы, стояли: Англійскій консулъ Джонъ Митчель и Варшавскій пасторъ Отто, сильно поляковавшій. Къ нимъ подошли три или четыре Варшавскихъ именитыхъ купца изъ Нѣмцевъ (также преданныхъ Полякамъ) въ надеждѣ, подъ защитою консула, спокойно любоваться «безплатнымъ видовискомъ» (представленіемъ). Казаки налетѣли на нихъ съ поднятыми нагайками. Джонъ Митчель, расчитывая на неприкосновенность своей особы, показалъ свой консульскій знакъ. Казаки не поняли значенія этого знака и сочли его новою какою-то революціонною эмблемою.

— Такъ онъ-то самый и есть «центральный комитетъ!» крикнулъ урядникъ. Грѣй ихъ, ребята!

Купцы послѣ первыхъ хлестковъ разбѣжались, а Митчеля и Отто казаки порядочно-таки «нагрѣли», такъ что обоимъ пришлось недѣли по двѣ отлеживаться въ постели отъ казацкаго ultima ratio.

И вотъ посыпались сѣтованія на намѣстника въ родѣ Крыловскаго:

„И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняютъ“.

— Что это за варварская мѣра! вопіяли Поляки. Развѣ мы быдло какое-нибудь, развѣ мы собаки, чтобы разгонять насъ нагайками? Развѣ недовольно было одного приказанія разойтиться, и мы разошлись бы. Мы дѣтей слушались въ Февралѣ мѣсяцѣ, когда они составляли изъ себя полицію, а то не послушались бы войскъ! и т. п.

— Нѣтъ, господа, возражали мы: дѣтей вы слушались на зло намъ; а насъ послушались только подъ пулями Хрулева, да подъ нагайками Ламберта. Съ вами добромъ ничего не подѣлаешь.

Въ послѣдствіи, при графѣ Лидерсѣ, Англійское правительство, дипломатическимъ путемъ, возбудило переписку о наказаніи тѣхъ казаковъ, которые нанесли консулу Джону Митчелю такое тяжкое оскорбленіе. Было назначено формальное слѣдствіе, допрашивали всѣхъ казаковъ поголовно.

— Не ты ли избилъ нагайкою Англійскаго консула?

Не могу знать; можетъ быть, и я: я много перепоролъ народу, ажно рука занѣмѣла.

Такъ виноватаго и не нашли, а самаго консула обвинили, зачѣмъ онъ вмѣшивался въ манифестаціонную толпу, противъ которой могли быть приняты и другія, болѣе острыя мѣры. Переписка на этомъ и кончилась.

Недолго, однако, послѣ объявленія въ краѣ военнаго положенія оставался намѣстникомъ графъ Ламбертъ. Онъ отпросился по болѣзни и былъ уволенъ отъ должности одновременно со смертью *Герштенцвейга.*

И вотъ пріѣхалъ вторично *Сухозанетъ* и сразу выпустилъ изъ рукъ все, что̀ пріобрѣлъ графъ Ламбертъ. Гидра мятежа, зная Сухозанета, снова осмѣлилась подиять изъ праха позорную голову свою и по прежнему пошла дѣлать все на перекоръ Русскимъ.

Слава Богу, на этотъ разъ Сухозанетъ юродствовалъ недолго, потому что вскорѣ пріѣхалъ намѣстникомъ Лидерсъ. Но слава ли Богу... Увы! Дѣла наши пошли при немъ также плохо, какъ и при князѣ Горчаковѣ и Сухозанетѣ.

Лидерсъ началъ играть въ великодушіе: сталъ сотнями ссылать манифестаторовъ, административнымъ порядкомъ, въ Сибирь и Великороссійскія губерніи и отдавать въ солдаты, а по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по вліянію женщинъ, возвращалъ изъ ссылки и изъ войскъ.

Было то печальное для России время, когда подъ почвою интеллигентныхъ классовъ ощущался какой-то неясный гулъ, похожій на приближающееся землетрясеніе; когда учителя боялись своихъ учениковъ, а родители—собственныхъ дѣтей; когда среди молодежи началъ развиваться нигилизмъ; когда многіе Русскіе вѣровали, будто-бы Поляки дѣйствительно ратуютъ «за вашу и нашу свободу», какъ значилось въ Польскихъ прокламаціяхъ, вслѣдствіе чего Русскіе встрѣчали ссыльныхъ по пути вѣнками и цвѣтами; словомъ, Русскіе были одержимы духомъ байронизма, сравнивали Польскій мятежъ съ Греческою борьбою за независимость и идеализировали Поляковъ издали, тогда какъ Поляки плевали на Русскихъ вблизи, всячески оскорбляли ихъ, а потомъ и рѣзали на улицахъ *).

*) Увѣряютъ, что нескладица доходила даже до того, что въ бывшемъ Третьемъ Отдѣленіи выдавались пособія ссылаемымъ въ отдаленныя мѣста Полякамъ съ заявленіемъ, что ихъ караетъ Императоръ Всероссійскій, а милуетъ онъ же какъ Царь Польскій. Навѣрное извѣстно явное потворство повстанцамъ нѣкоторыхъ властей. Когда покойный Государь выразилъ удивленіе, отчего на мѣста по акцизу съ крупными окладами назначались преимущественно Поляки, ему имѣли наглость отвѣчать, что чиновники Польскаго происхожденія рѣже мѣшаются въ денежныя злоупотребленія, будучи заняты „своимъ Польскимъ дѣломъ“. Оправдывалась поговорка А. С. Хомякова: „щетинки въ кудри не завьешь“. П. Б.

Ссыльныхъ провожала Варшава съ оваціями, которымъ никто не препятствовалъ. Въ Варшавѣ образовалось модное гулянье на Пражскомъ вокзалѣ Петербурго-Варшавской желѣзной дороги. Гулянье это называлось *проводами политическихъ преступниковъ*. На него собиралось до восхода солнца отъ 4 до 5 тысячъ народа. Какъ ни сохранялся въ секретѣ день отправки ссыльныхъ, услужливая полиція успѣвала о немъ давать знать кому надлежало и, разумѣется, не принимала никакихъ мѣръ къ разсѣянію сборищъ. Тутъ были и плачъ, и проклятіе «Москалей», и крики восторга, и патріотическія пѣсни, и проявленія самыхъ безумныхъ надеждъ и убѣжденій. «До свиданія! До скораго свиданія!» ревѣла толпа, залегавшая сплошною массою всѣ станціонныя платформы и насыпи. По пути, въ Россіи, дамы оказывали ссыльнымъ такія же оваціи, какъ и въ Варшавѣ; на мѣстахъ ссылки этихъ мнимыхъ «мучениковъ свободы», встрѣчали, какъ сказано выше, вѣнками и цвѣтами; а при возвращеніи ихъ изъ ссылки, Варшава также встрѣчала ихъ вѣнками *).

Такимъ образомъ, каждый дѣлался *героемъ на счетъ казны* и охотно отправлялся въ ссылку, зная, что его туда и обратно провезутъ на казенныя прогонныя деньги. По возвращеніи, манифестаторы еще съ бо̀льшимъ увлеченіемъ бросались въ демонстраціи и поголовно поступали въ ряды открытаго, вооруженнаго мятежа 1863 года. Вѣра ссыльныхъ въ то, что съ ними Лидерсъ играетъ только комедію и что они непремѣнно будутъ возвращены, простиралась до того, что почти во всѣхъ письмахъ, присылаемыхъ мѣстными властями въ Варшаву незапечатанными, ссыльные просили своихъ родныхъ и знакомыхъ, въ случаѣ перемѣны квартиры, сообщить вѣрнѣе свой адресъ, «дабы я могъ легко найти васъ, по возвращеніи моемъ домой». «Скоро увидимся при самыхъ лучшихъ для ойчизны обстоятельствахъ», значилось чуть не въ каждомъ письмѣ.

Военное положеніе, по крайней мѣрѣ въ Варшавѣ, при Лидерсѣ, сохранялось въ томъ, что каждый, въ избѣжаніе напрасной прогулки въ участокъ, ходилъ съ зажженнымъ фонарикомъ, который, для насмѣшки, вѣшалъ на пуговицу сюртука или прикрѣплялъ къ шляпѣ, къ оконечности тросточки и даже къ ошейнику собаки. Прочія условія военнаго положенія не существовали. О томъ, что край былъ на военномъ положеніи, можно было заключать только изъ того, что сол-

*) Въ Саратовской губерніи дошло до того, что, по вліянію одной барыни (незаконной дочери Польскаго митрополита Станевича), занимавшей высокое положеніе въ тамошнемъ обществѣ, Русскія женщины и помѣщицы носили трауръ по убитымъ въ Варшавѣ Полякамъ. П. Б.

даты, неся въ ушатахъ и котелкахъ пищу на бивуаки, имѣли за плечами заряженныя ружья; бивуакирующія же на площадяхъ войска ничего собою не изображали, потому что находились на нихъ еще съ 8 Апрѣля: всѣ къ нимъ присмотрѣлись, и никто уже ихъ не боялся.

Конецъ 1861 года и первая половина 1862 г., подъ начальствомъ Лидерса (получившимъ въ 1862 году и графское достоинство), были періодомъ демонстрацій, буйства, всякихъ безобразій и дурачествъ, словомъ—періодомъ крайней распущенности Поляковъ.

Такъ называемыя «кошачьи музыки» не прекращались въ цѣломъ краѣ. Достаточно было малѣйшаго указанія на кого-нибудь, что онъ «Русскій духъ», и на жилище несчастнаго нападала толпа съ крикомъ, свистомъ, дубинами и камнями, уничтожала въ домѣ все, до послѣдняго гвоздя, выпускала на улицу пухъ изъ подушекъ, и если виновный не успѣвалъ скрываться, то и платился жизнію.

Трудно перечесть даже въ тысячной долѣ всѣ случаи «кошачьей музыки» въ краѣ. Замѣчательнѣйшія изъ «музыкъ» были слѣдующія.

Въ театральномъ зданіи проживалъ отставной генералъ-лейтенантъ Абрамовичъ (католикъ), бывшій еще при фельдмаршалѣ Паскевичѣ оберъ-полицеймейстеромъ Варшавы, а потомъ долгое время директоромъ Варшавскихъ театровъ. Крутенекъ былъ старикъ въ свое время съ людьми дурными, которые боялись его какъ огня. Между старожилами сохранилась его поговорка, обращаемая тогда къ обывателямъ:

— Вамъ-ли заниматься заговорами, когда вы не знаете даже первыхъ буквъ азбуки: А, В, С?

— Ну, пане генерале, возражали ему: это-то мы знаемъ!

— Говорю вамъ, что не знаете: *А — Абрамовичъ*; *Б — батоги*; С — *цытаделя*.

Вотъ, желая наказать старика за его прошлое строгое отношеніе къ своимъ единовѣрцамъ, толпа, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, окружила зданіе театра, но успѣла только разбить окна въ квартирѣ Абрамовича; внутрь же ея не была допущена подоспѣвшими войсками.

Такое же нападеніе сдѣлано на квартиру другаго отставнаго генералъ-лейтенанта Карловича (католика) за то, что гдѣ-то въ обществѣ онъ громко высказывалъ порицаніе безпорядкамъ въ Польшѣ. Карловичъ, предупреждаемый о готовящейся противъ него демонстраціи, боялся этого нападенія, заблаговременно перевелъ семейство свое къ зятю своему, начальнику пожарной команды полковнику Маевскому и выпросилъ у Лидерса караулъ къ своей квартирѣ. Караулъ состоялъ изъ одного часоваго, который ходилъ по тротуару предъ окнами вто-

раго этажа. Квартира находилась на Сенатóрской улицѣ, противъ зданія главнаго штаба (Примасовскій палацъ). Въ отсутствіе Карлòвича, огромная толпа напала на его квартиру, разбила окна, выломала двери и, ворвавшись внутрь, разорила и уничтожила все что̀ только могла, хозяйничая совершенно на свободѣ. Часовой спокойно гулялъ на улицѣ во время разгрома и отходилъ въ сторону, когда, выбрасывая на улицу какой-нибудь тяжелый предметъ, шкафъ, комодъ, фортепьяно, кричали ему сверху: «берегись, капустнякъ!»

Словомъ «капустнякъ» Поляки бранили нашихъ солдатъ. Солдаты презирали за это Поляковъ и въ свою очередь ругали ихъ безпощадно, при случаѣ. Если же который хотѣлъ подмазаться къ солдату и называлъ его «братъ», то получалъ отвѣтъ:—Ужъ если ты «братъ», то и свинья «сестра».

По окончаніи разгрома квартиры Карлòвича прибѣжали войска, но, по обыкновенію ничего уже и никого не нашли, кромѣ часоваго, который по-прежнему разгуливалъ по тротуару.

— Ты что́ дѣлалъ во время разбоя? спросилъ его одинъ офицеръ.

— Гулялъ по указанному мнѣ пространству.

— Какая твоя сдача?

— Приказано вѣжливо обращаться, ваше благородіе.

Дѣйствительно, что́ могъ сдѣлать одинъ часовой противъ толпы? А между тѣмъ приказъ Сухозанета о томъ, чтобы не раздражать народныхъ страстей и не наносить никому никакихъ оскорбленій, существовалъ и при Лидерсѣ во всей силѣ.

Въ Варшавѣ существовали два значительныя торговыя заведенія: кондитерская Веделя и булочная Барча. Владѣльцы ихъ были Варшавскіе Нѣмцы. Они крѣпко журили своихъ сыновей за участіе въ манифестаціяхъ и строго запрещали имъ носить чамарки, конфедератки и другіе революціонные знаки. Достойные сыновья пожаловались на своихъ отцевъ «центральному комитету», и вотъ толпы, въ нѣсколько десятковъ тысячъ каждая, бросились на оба заведенія и разнесли ихъ буквально въ пухъ и прахъ. Начальникъ штаба артиллеріи генералъ Шейдеманъ прибѣжалъ съ войсками къ кондитерской Веделя въ самый разгаръ разгрома.

— Ну, что́ тутъ подѣлаешь! говорилъ онъ суетясь: какъ тутъ обращаться вѣжливо, какъ не раздражать страстей и не наносить никому оскорбленій? Тутъ, по настоящему, нужны только приклады и нагайки! Кончилось тѣмъ, что онъ скомандовалъ войскамъ взять ружья къ ногѣ и стоять вольно. Войска спокойно смотрѣли на разгромъ; за то пьяная толпа угощала солдатъ ликерами, конфектами, тортами.

Сыновья Веделя и Барча были высланы въ Россію, но вскорѣ потомъ, по обыкновенію, возвращены.

Въ Калишѣ жилъ бѣдный чиновникъ Губернскаго Правленія Домбровскій. Почему-то онъ заговорщикамъ показался не сочувствующимъ «Польской справѣ», и толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ напала на его квартиру, разбила въ ней окна, изломала и изрубила топорами и ломами все, даже пухъ высыпали изъ подушекъ на дворъ, а самого Домбровскаго, вывѣся изъ окна 2-го этажа, заставили кричать: «я шпіонъ! я подлецъ!» Пріятное заявленіе это было встрѣчено крикомъ, гамомъ, свистомъ, хохотомъ и тучею камней; послѣ чего Домбровскій, избитый и полуживой, былъ отнятъ войсками и отправленъ въ военный госпиталь. Въ послѣдствіи онъ назначенъ начальникомъ контрольнаго отдѣленія у Варшавскаго оберъ-полицеймейстера.

Въ Плоцкѣ, фотографъ Гинчъ сдѣлалъ глупость, или вѣрнѣе, ребячество: онъ нарядился капуциномъ, а ученика своего Гебетнера одѣлъ женщиною и приказалъ помощнику своему фотографировать себя въ этой роли, любезничающаго съ женщиною за бутылками и картами. Ксендзы увидали эту каррикатуру на нихъ, и въ первый воскресный день, въ костелѣ, проповѣдникъ, бросивъ въ толпу карточку, произнесъ съ каѳедры противъ Гинча громоносную рѣчь и поджегъ народъ къ строжайшему наказанію его. Проповѣдникъ наэлектризовалъ толпу тѣмъ, что будто бы католическая религія погибаетъ: мало того, что ее преслѣдуютъ Москали, но въ угоду имъ измѣнники и ренегаты, подобные Гинчу, сами оскорбляютъ ее и топчутъ въ грязь, къ вящему горю папы, который и безъ того обливается слезами, глядя на несчастную Польшу и угнетенное въ ней католичество. Толпа, недождавшись конца обѣдни, бросилась изъ костела, напала на квартиру Гинча, избила его, Гебетнера и помощника до полусмерти и уничтожила до тла фотографію и все имущество трехъ жертвъ. Гинчъ къ вечеру скончался.

Въ мѣстечкѣ Туробинѣ, Люблинской губерніи, жилъ бѣдный приходскій учитель Олендскій со старухою-кухаркою. Бургомистръ мѣстечка почему-то заподозрилъ Олендскаго въ измѣнѣ, сообщилъ объ этомъ населенію и поджегъ къ устройству ему «кошачьей музыки». Въ первый базарный день, рано утромъ, бургомистръ вышелъ съ барабаномъ на торговую площадь и самъ началъ бить сборъ или тревогу. Когда народъ сбѣжался, онъ повелъ его къ дому Олендскаго. При начатіи штурма несчастный скрылся на чердакѣ. По взломѣ дверей толпа встрѣтила въ сѣняхъ сильную оппозицію въ лицѣ старухи, которая, вооружившись лопатою, грозила разбить голову первому, кто осмѣлится переступить порогъ. Толпа осадила, но смѣльчаки броси-

лись впередъ; старуха работала геройски и успѣла человѣкъ пять оглушить тяжелыми ударами; но недолго длилась борьба: старуху одолѣли, избили до безпамятства и выбросили на дворъ. Тогда начались поиски «измѣнника». Разорили все имущество его и, наконецъ, къ великой радости толпы, нашли его на чердакѣ, откуда сбросили головою внизъ въ сѣни. Вслѣдъ за тѣмъ начались истязанія несчастнаго: избивъ его до полусмерти, негодяи привязали его къ лѣстницѣ, надѣли ему на голову шапку съ человѣческими нечистотами и начали носить по мѣстечку; лѣстницу эту толпа, съ зловѣщимъ хохотомъ, неоднократно бросала на землю и возобновляла истязанія несчастнаго; когда же онъ запросилъ пить, то варвары обмакивали подсолнечникъ въ тѣхъ же нечистотахъ и брызгали ему въ лице. Натѣшившись этою пародіею мукъ Спасителя, толпа, по наущенію бургомистра, понесла свою жертву на р. Вепржъ, съ тѣмъ чтобы сбросить съ моста, вмѣстѣ съ лѣстницею. Толпа приближалась уже къ мосту, какъ изъ-за угла показался эскадронъ Харьковскихъ уланъ, разогналъ толпу, спасъ несчастнаго и арестовалъ бургомистра, шедшаго съ барабаномъ въ челѣ этого погребальнаго кортежа. Олендскій былъ присланъ въ Варшаву, гдѣ, по выздоровленіи, получилъ какое-то незначительное мѣсто на желѣзной дорогѣ. Намѣстникъ конфирмовалъ 22-хъ человѣкъ наиболѣе виновныхъ въ солдаты, а бургомистра отрѣшилъ отъ должности; но черезъ мѣсяцъ или два всѣхъ простилъ: возвратилъ сданныхъ въ солдаты и возстановилъ бургомистра во всѣхъ правалъ его.

Графъ Лидерсъ все великодушничалъ и довеликодушничался до того, что чуть не поплатился за это жизнію. Но и тутъ—cherchez la femme! *) Въ Маѣ 1862 г. онъ пилъ минеральныя воды, для чего и имѣлъ прекрасный замкòвый садъ и на выборъ сады Лазенковскій и Бельведерскій; но онъ захотѣлъ быть въ обществѣ красавицъ-Полекъ и началъ ежедневно посѣщать заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Саксонскомъ саду. Тамъ его подстерегли и выстрѣломъ изъ-за куста раздробили ему челюсть. Какъ знаменитый ходокъ и вообще имѣвшій крайне превратныя понятія относительно супружеской вѣрности, онъ интрижками своими ронялъ званіе намѣстника. Въ Ноябрѣ 1864 г., частнымъ образомъ, онъ вторично пріѣхалъ въ Варшаву и прожилъ здѣсь недѣли три, дѣлая богатые подарки танцовщицамъ. По рукамъ долго ходила курьезная переписка его съ одной хористкою, панною Рыцеркевичъ.

Декабрь 1864 года. Варшава.

(*Продолженіе будетъ*).

---

*) Ищите женщины.

РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ ПРО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Нартовъ сообщаетъ слѣдующія подробности о жизни Петра Великаго.

Въ бесѣдахъ Его Величество бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходителенъ, въ простотѣ безъ церемоній и вычуровъ, и любилъ около себя имѣть веселыхъ и умныхъ людей. Досадчиковъ въ бесѣдѣ не терпѣлъ, и въ наказаніе тому, кто кого оскорбилъ словомъ, давалъ пить бокала по три вина или ковшъ, называемый орелъ, чтобъ лишняго не вралъ и не обижалъ. Словомъ, онъ и гости его забавлялись равно; непримѣтно было въ немъ того, что онъ былъ самодержавный государь, но казался быть простымъ гражданиномъ и пріятелемъ. Я бывалъ съ Императоромъ въ такихъ бесѣдахъ и такому обхожденію его былъ свидѣтель, говорилъ Нартовъ.

Обыкновенно вставалъ Его Величество утромъ часу въ пятомъ и съ полчаса прохаживался по комнатѣ, потомъ Макаровъ читалъ ему дѣла; послѣ, позавтракавъ, выѣзжалъ въ шесть часовъ въ одноколкѣ или верхомъ къ работамъ или на строенія; оттуда въ Сенатъ или Адмиралтейство въ хорошую погоду хаживалъ пѣшкомъ. Обѣдалъ въ часъ пополудни. Передъ тѣмъ, въ 10 ч. пилъ чарку водки и заѣдалъ кренделемъ. Послѣ обѣда спустя полчаса ложился почивать часа на два; въ четыре часа послѣ обѣда отправлялъ паки разныя дѣла; по окончаніи оныхъ почивалъ; потомъ либо выѣзжалъ къ кому въ гости, или дома съ ближними веселился. Такая-то жизнь была сего Государя. Голландскія газеты читывалъ послѣ обѣда, на которыя дѣлалъ свои примѣчанія и надобное означалъ карандашемъ, а иное въ записной книжкѣ, имѣя при себѣ готовальню съ потребными инструментами математическими и хирургическими. Допускъ по дѣламъ предъ Государя былъ въ особый кабинетъ подлѣ токарной или въ самую токарную. Обыкновенно допускаемы были съ докладами: канцлеръ графъ Головкинъ, генералъ-прокуроръ графъ Ягужинскій, генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ Остерманъ, графъ Толстой, сенаторъ князь Долгорукій, князь Меншиковъ, генералъ-полицiймейстеръ Девіеръ, флотскіе флагманы, корабельные и прочіе мастера. Безъ доклада: князь-кесарь Ромодановскій, фельдмаршалъ графъ

Шереметевъ, которыхъ онъ провожалъ до дверей кабинета своего; да ближніе комнатные: механикъ Нартовъ, секретарь Макаровъ, деньщики, камердинеръ Полубояровъ. Чрезъ сихъ-то послѣднихъ докладываемо было Его Величеству о приходящихъ особахъ. Даже сама императрица Екатерина Алексѣевна обсылалась напередъ, чтобъ не помѣшать супругу своему въ упражненіяхъ. Въ сихъ-то комнатахъ производились всѣ государственныя тайности, въ нихъ оказываемо было монаршее милосердіе и скрытое хозяйское наказаніе, которое никогда не обнаруживалось и вѣчному забвенію предаваемо было. Я часто видалъ, какъ Государь за вины знатныхъ чиновъ людей здѣсь дубиною потчивалъ; какъ они послѣ сего съ веселымъ видомъ въ другія комнаты выходили и со стороны государевой, чтобъ посторонніе сего не примѣтили, въ тотъ же день къ столу удостоиваны были. Но все такое исправленіе чинилось не какъ отъ Императора подданному, а какъ отъ отца сыну: въ одинъ день наказалъ и пожаловалъ. Сколь Монархъ былъ вспыльчивъ, столько снисходителенъ; да иначе и быть ему почти не можно было по тѣмъ досадамъ, которыя, противъ добра, устрояемаго имъ, чинились. При всемъ томъ былъ великодушенъ и прощалъ вины великія неоднократно, если раскаяніе принесли ему чистосердечное.

*

Анекдотъ о томъ, какъ Петръ вырвалъ здоровый зубъ у жены своего камердинера Нартовъ разсказываетъ иначе, чѣмъ Штелинъ.

Камердинеръ Полубояровъ жаловался Государю, что жена его не слушается, отговариваясь зубною болью...

„Добро“, сказалъ Государь: „я ее поучу“.

Однажды, зашедши къ Полубояровой, когда мужъ ея былъ во дворцѣ, Петръ спросилъ ее:

„Я слышалъ, болитъ у тебя зубъ?“

— „Нѣтъ, Государь“, отвѣчала та смутившись: „я здорова“.

„Я вижу, ты трусишь“.

Полубоярова не смѣла сопротивляться. Государь выдернулъ ей здоровый зубъ и сказалъ:

„Повинуйся впредъ мужу и помни, что жена да боится своего мужа; инако будешь безъ зубовъ“.

Возвратясь во дворецъ, Петръ Великій, при мнѣ, говоритъ Нартовъ, сказалъ Полубоярову, усмѣхаясь: „Поди къ женѣ, я вылѣчилъ ее; теперь она ослушна тебѣ не будетъ“.

Сіе было точно такъ, а не инако, какъ прочіе разсказываютъ, добавляетъ Нартовъ, будто бы Полубояровъ, осердясь на жену свою, о зубной боли Государю взвелъ напрасно жалобу; будто бы Государь, узнавъ такую ложь, послѣ за то наказалъ его дубиной. Намѣреніе его было дать женѣ почувствовать и привести ее въ повиновеніе къ мужу, такъ какъ жалоба на нее отъ мужа была еще и та, что она, имѣя любовниковъ, его презирала.

*

Однажды Меншиковъ, подойдя къ дверямъ токарной, требовалъ, чтобъ о туда впустили и началъ шумѣть. На этотъ шумъ вышелъ Нартовъ и азалъ, что безъ особаго приказа отъ Государя никого пускать не велѣно. ь этими словами онъ заперъ двери предъ Меншиковымъ.

„Добро, Нартовъ, помни это“, сказалъ оскорбленный вельможа.

Я тотчасъ же, разсказываетъ Нартовъ, доложилъ о томъ Государю, оторый въ это время точилъ паникадило въ соборную церковь Апостовъ Петра и Павла. Петръ выслушавъ улыбнулся и сказалъ:

„Гдѣ жъ скрыться отъ ищущихъ и толкущихъ?.... Кто дерзнетъ проивъ мастера моего? Посмотрю. Невѣжество художествъ и наукъ не терптъ, но я наглость рѣшу. Пойдай, Андрей, чернила и бумагу!“

Написавъ нѣсколько строкъ на бумагѣ, Государь отдалъ ее Нартову словами: „Прибей сіе къ дверямъ и на угрозы Меншикова не смотри“. а бумагѣ было написано: „Кому не приказано или кто не позванъ да е входитъ сюда не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы отя сіе мѣсто хозяинъ покойное имѣлъ“.

Послѣ этого уже не являлись болѣе докучатели въ токарную, и Госурь говаривалъ Нартову: „Теперь, Андрей, ходящихъ сюда не слышно; нать, грома колесъ нашихъ боятся“.

*

Соймоновъ, бывшій въ Персидскомъ походѣ флотскимъ офицеромъ, азсказывалъ слѣдующее.

Петръ Великій вздумалъ, по корабельному обычаю, купать небывавихъ еще въ Каспійскомъ морѣ. Государь и себя не исключилъ при этомъ. а нимъ послѣдовалъ адмиралъ и прочіе, хотя нѣкоторые боялись, сидя на оскѣ, трижды опускаться въ воду. Всего болѣе вышла потѣха при куаніи Ивана Михайловича Головина, котораго Петръ обыкновенно назыалъ адмиралтейскимъ басомъ. Государь сталъ самъ его спускать и со мѣхомъ говорилъ: „Опускается, басъ, чтобъ похлебать Каспійскій квасъ!“

*

Генералъ Василій Яковлевичъ Левашовъ сообщилъ Нартову слѣдующій интересный эпизодъ изъ Персидскаго похода Петра Великаго.

Войска, шедшія къ Дербенту, стали роптать на змѣй, которыя во множествѣ появились въ палаткахъ и жалили людей. Государь, узнавъ объ томъ, приказалъ собрать растеніе, извѣстное подъ названіемъ зари, котоой не терпятъ змѣи. Затѣмъ тайно велѣлъ наловить нѣсколько змѣй и росить ихъ въ зорю. Когда змѣи выпустили весь ядъ въ эту траву, Гоударь вышелъ къ войску, держа въ рукахъ змѣй и, показывая ихъ солатамъ, сказалъ: „Я слышалъ, что змѣи чинятъ вамъ вредъ. Не бойтесь.)тъ сего времени того не будетъ. Смотрите, онѣ меня не жалятъ; не будутъ жалить и васъ“.

Солдаты, видя такое чудо, дивились и стали спокойнѣе. А между тѣмъ приказано было, подъ предлогомъ освѣженія воздуха въ палаткахъ, положить въ нихъ зари, запахъ которой прогоняетъ змѣй.

*

Генералъ Левашовъ разсказывалъ Нартову, что во время торжественнаго въѣзда Петра Великаго въ завоеванный Дербентъ, Государь сказалъ окружавшимъ его: „Великій Александръ построилъ, а Петръ его взялъ".

Этими словами Петръ намекалъ на Александра Македонскаго, который по преданію построилъ городъ Дербентъ.

На тріумфальныхъ воротахъ, при торжественномъ въѣздѣ Государя въ Москву, по возвращеніи изъ Персидскаго похода, былъ изображенъ видъ Дербента съ Латинскою надписью, гласившею: „Сію крѣпость соорудилъ сильный, но владѣетъ ею сильнѣйшій".

*

Во время Персидскаго похода войска наши расположились однажды при городѣ Таркахъ.

Дальній походъ, трудныя переправы, палящій зной въ степяхъ, все это изнурило силы солдатъ. Войско пріуныло. Петръ Великій, преодолѣвая всѣ препятствія, старался быть примѣромъ мужества и неустрашимой храбрости. Разъ подъ вечеръ ходилъ онъ по лагерю, прислушиваясь, что говорятъ солдаты, и зашелъ въ палатку къ генералу Кропотову. Около нея солдаты варили на ужинъ кашу.

„То-то, братцы, каша—веселая прилука наша!" весело сказалъ старый солдатъ, мѣшая въ котлѣ.

— „Какое, братъ, веселье? Разлука—несгода наша!" отвѣчалъ молодой, со вздохомъ вспоминая жену свою.

„Врешь, дуракъ! Въ походѣ съ Царемъ быть, должно жену и несгоду забыть".

Государь слышалъ все это и, выскочивъ изъ палатки, спросилъ:

„Кто кашу весельемъ и кто разлукой называетъ?"

Солдаты показали ему на говорившихъ. Государь, обратясь къ Кропотову, приказалъ:

„За такое веселье жалую сего солдата въ сержанты и пять рублей ему на позументъ, а того, который въ походѣ вспоминаетъ разлуку, послать при первомъ случаѣ на приступъ, чтобъ лучше къ войнѣ привыкалъ, о чемъ въ приказѣ во всемъ войскѣ объявить".

*

Разъ за столомъ зашла рѣчь о знаменитыхъ полководцахъ. Петръ Великій сказалъ: „Какой тотъ великій герой, который воюетъ ради собственной только славы, а не для обороны отечества, желая быть облада-

іемъ вселенной! Александръ Македонскій не Юлій Цезарь. Сей былъ разный вождь, а тотъ хотѣлъ быть великаномъ всего свѣта. Послѣдователъ его неудачный успѣхъ".

Подъ послѣдователями Александра Петръ разумѣлъ Густава Адольфа Карла XII.

*

О мирѣ Петръ Великій говорилъ такъ: „Миръ хорошо; однако при мъ дремать не надлежитъ, чтобъ не связали рукъ, да и солдаты чтобъ сдѣлались бабами".

*

Однажды Арескинъ показывалъ Государынѣ опытъ съ воздушнымъ іоколомъ. Когда воздуха было выкачано столько, что сидѣвшая подъ локоломъ ласточка затрепетала крыльями и упала, Петръ сказалъ:

„Полно, не отнимай жизни у твари безвредной: она не разбойникъ".

А Государыня прибавила: „Я думаю, дѣти по ней въ гнѣздѣ плачутъ", взявъ птичку, выпустила ее въ окно.

Сообщая этотъ разсказъ, Нартовъ говоритъ: „Не изъявляетъ ли сіе гкосердія монаршаго даже до животной птички. Кольмижъ паче имѣлъ онъ калѣніе о человѣкахъ. Его Величество множество дѣлывалъ вспоможеній ненымъ и болящимъ, чиня своими руками операціи, перевязывая раны. ская кровь, прикладывая корпіи и пластыри, посѣщая больницы, врачуя покоя въ нихъ воиновъ, учреждая богадѣльни для больныхъ и увѣчныхъ, яхлыхъ и престарѣлыхъ, повелѣвая здоровымъ и силы еще имѣющимъ ботать и не быть въ праздности; для сиротъ и малолѣтнихъ заводя учища, а для зазорныхъ младенцовъ или подкидышей устроя при церкхъ гошпитали для воспитанія. Все сіе не доказываетъ ли истиннаго имраторскаго и отеческаго сердоболія?"

„Мы, бывшіе сего Великаго Государя слуги, воздыхаемъ и проливаемъ езы, слыша иногда упреки жестокосердію его, котораго въ немъ не было. іказанія неминуемыя происходили по крайней уже необходимости, яко гребное врачеваніе зла и въ воздержаніе подданныхъ отъ пагубы. Когда і многіе знали, что претерпѣвалъ, что сносилъ, и какими уязвляемъ былъ ь горестями, то ужаснулись бы, колико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и прощалъ преступленія, не заслуживающія милосердія, и хотя тъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ іветъ, и мы, имѣвшіе счастье находиться при семъ Монархѣ, умремъ вѣрими ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ, для того что агородному безстрашію и правдѣ учились отъ него".

*

Петръ Великій сказалъ Арескину, завѣдывавшему кунсткамерой:

„Я велѣлъ губернаторамъ собирать монстры (уродовъ) и присылать тебѣ. Прикажи заготовить шкафы. Если бы я хотѣлъ присылать къ

тебѣ монстры человѣческіе не по виду тѣлесъ, а по уродливымъ нравамъ, мѣста у тебя было бы для нихъ мало. Пускай шатаются они во всенародной кунсткамерѣ: между людьми они примѣтнѣе".

*

Враги Стефана Яворскаго не разъ обвиняли его при Царѣ въ невоздержной жизни и праздности. Петръ Великій пожелалъ самъ удостовѣриться въ этомъ и застать митрополита въ расплохъ. Разъ вечеромъ, часу въ десятомъ, Государь неожиданно вошелъ въ его келію. Стефанъ работалъ, обложившись книгами. Увидя предъ собою Государя, онъ хотѣлъ его угостить виномъ; но Петръ, замѣтя на столѣ бутылки, сказалъ:

„Не трудись: я выпью то, что́ пьетъ митрополитъ".

Выпивъ изъ одной бутылки, Государь нашелъ, что то была брусничная вода. Поговоривъ нѣсколько времени о дѣлахъ, онъ налилъ себѣ изъ другой—то была простая вода.

Тогда Петръ откровенно объяснилъ митрополиту, съ какимъ умысломъ пріѣхалъ къ нему, и прибавилъ:

„Клевета язвитъ днемъ, хулитъ, но непорочность явна и въ нощи. Прощай! Будь спокоенъ: невинность защищаетъ Богъ!"

Оставя митрополита, Государь вздумалъ посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ Ѳеофанъ и поѣхалъ къ нему.

Домъ архіерея, не смотря на поздній часъ, былъ освѣщенъ, но двери заперты. Петръ постучалъ. Отворили, увидѣли Государя и кинулись къ Ѳеофану предупредить его о пріѣздѣ царскомъ. Гости испугались; но архіепископъ, съ веселымъ и бодрымъ видомъ встрѣтя Государя съ бокаломъ Венгерскаго въ рукахъ, привѣтствовалъ его:

„Се женихъ грядетъ въ полунощи! Блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща; недостоинъ же паки, его же обрящетъ унывающа. Здравіе и благоденствіе гостю неоцѣненному; веліе счастіе рабу и богомольцу твоему, его же посѣтити благоволи".

Такою встрѣчею и веселою, умною бесѣдою Ѳеофанъ такъ угодилъ Монарху, что послѣдній, уѣзжая отъ него заполночь, сказалъ на прощанье:

„У Стефана, яко у монаха, а у Ѳеофана, яко у архіерея весело и проводить время нескучно. Мнѣ откровенность твоя пріятна. Всуе предъ тѣмъ лицемѣрить, кто лжи не вѣритъ. Скажи-ка, отче, скоро ль нашъ патріархъ поспѣетъ?" Подъ этимъ Петръ разумѣлъ Духовный Регламентъ, который сочинялъ Ѳеофанъ. — „Скоро, Государь! Я дошиваю ему рясу". „А у меня шапка для него готова", сказалъ Петръ, улыбаясь.

*

Присутствуя при литьѣ пушекъ, Петръ Великій сказалъ генералъ-фельдцейгмейстеру Брюсу:

„Когда слова несильны о мирѣ, то сіе орудіе метаніемъ чугунныхъ мячей непріятелю возвѣститъ, что миръ сдѣлать пора".

*

Живучи лѣтомъ въ Петергофѣ, Петръ любилъ ѣздить на шлюпкѣ въ Кронштатъ, а если дѣла не позволяли ему этого, то любовался на море и на корабли съ берега. Разъ онъ вышелъ изъ Монплезира и, увидя Голландскіе корабли, сказалъ съ восторгомъ Государынѣ: „Ахъ, Катенька! Плывутъ къ намъ Голландскіе гости. Пусть смотрятъ учители мастерства ученика ихъ. Думаю, не похулятъ. Я зѣло имъ благодаренъ".

Потомъ Государь приказалъ отправить шлюпку и привести къ себѣ шкиперовъ. Часу въ десятомъ вечера гости явились въ Монплезиръ и попріятельски поздоровались.

„Здравствуй, императоръ Питеръ!".

— „Добро пожаловать, шкипера!"

„Здорово ли ты живешь?"

— „Да, благодарю Бога".

„Это намъ пріятно! Слушай, императоръ Питеръ! Сыръ для тебя, полотна жены наши прислали въ подарокъ супругѣ твоей, а пряники отдай молодому сыну".

— „Я благодарю васъ. Сынъ мой умеръ, такъ не будетъ болѣе ѣсть пряниковъ".

„Пускай кушаетъ твоя супруга".

Государь приказалъ накрыть столъ, усадилъ шкиперовъ и самъ ихъ потчивалъ.

„Да здравствуетъ много лѣтъ императоръ Питеръ и императрица супруга его", кричали гости. „Слава Богу, мы теперь какъ дома. Есть что поѣсть и попить!" „Пріѣзжай къ намъ, Государь Петръ! Мы хорошо тебя попотчуемъ. Друзья и знакомцы твои очень тебя видѣть хотятъ. Они тебя помнятъ".

— „Вѣрю! Поклонитесь имъ. Я, можетъ быть, еще ихъ увижу, когда здоровье мнѣ позволитъ".

Царь распрашивалъ своихъ гостей, сколько времени были они въ морѣ, не было ли противныхъ вѣтровъ, какіе товары привезли и что намѣрены изъ Петербурга обратно взять.

Пробывъ съ ними часа два, онъ отпустилъ ихъ въ Кронштатъ и сказалъ на прощанье: — „Завтра я вашъ гость".

*

Въ то время, когда Нартовъ былъ за границею, Петръ принялъ къ себѣ на службу другого токарнаго мастера, Англичанина. Послѣдній, видя расположеніе Государя къ Нартову, сталъ изъ зависти портить вещи, выточенныя Нартовымъ. Послѣдній все терпѣлъ. Наконецъ, когда Англичанинъ испортилъ одну вещь, заказанную Государемъ, Нартовъ не выдержалъ и поругался съ Англичаниномъ. Этотъ полѣзъ въ драку, и Нартовъ ударилъ его кулакомъ по носу такъ, что носъ отскочилъ и зазвонилъ, упавъ на полъ. Носъ у Англичанина былъ придѣланъ на пружинѣ. Въ это время

Петръ Великій, занимавшійся въ сосѣдней комнатѣ, вышелъ въ токарную и, увидя Англичанина безъ носа, захохоталъ и спросилъ: „Что за шумъ?“ Нартовъ объяснилъ, въ чемъ дѣло. Петръ, разсматривая поднятый носъ, сказалъ по-голандски Англичанину:

„Слушай! Ты наемникъ, а онъ мой. Точитъ онъ лучше тебя. Впредъ не шали, инако попотчую вздорнаго гостя дубиною и вышлю вонъ. Художники и ученые должны имѣть пріязнь, а не вражду“. Потомъ велѣлъ Англичанину приставить отбитый носъ и опять работать. Черезъ часъ Государь призвалъ обоихъ мастеровъ къ себѣ и помирилъ ихъ, а за обѣдомъ много смѣялся, разсказывая Государынѣ объ отбитомъ носѣ.

*

Разговаривая съ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, княземъ Голицынымъ и Репнинымъ о полководцахъ Людовика XIV, Петръ Великій сказалъ: „Слава Богу! Дожилъ я до своихъ Тюреней, но Сюллія еще у себя не вижу“.

*

Когда Петръ Великій узналъ, что безчестный Августъ выдалъ Паткуля Карлу XII, то сказалъ: „Августъ трусить научился у Поляковъ, а Карлъ свирѣпъ. Оба дадутъ Богу отвѣтъ за Паткуля. Кто жестокъ, тотъ не герой. Паткуль не заслуживалъ такого тиранства. Его весь свѣтъ оправдаетъ“.

*

Нартовъ слышалъ разговоръ въ токарной между Петромъ Великимъ, Брюсомъ и Остерманомъ. Государь съ жаромъ говорилъ:

„Говорятъ чужестранцы, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ. Сіи указы содержатъ въ себѣ добро, а не вредъ государству. Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять. Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ боязни. Свидѣтели тому вы. Полезное слушать радъ я и отъ послѣдняго подданнаго: руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, лишь бы не отягощали меня бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякій часъ мнѣ дорогъ. Недоброхоты и злодѣи мнѣ и отечеству не могутъ быть довольны: узда имъ законъ. Тотъ свободенъ, кто не творитъ зла и послушенъ добру. Не сугублю рабства чрезъ то, когда желаю добра; огурство упрямыхъ исправляю, дубовыя сердца хочу видѣть мягкими, когда переодѣваю подданныхъ въ иное платье, завожу въ войскахъ и гражданствѣ порядокъ и пріучаю къ людкости; не жестокосердствую, не тиранствую, когда правосудіе обвиняетъ злодѣя на смерть“.

*

Петръ Великій весьма любилъ и жаловалъ Ивана Михайловича Головина и послалъ его въ Венецію учиться кораблестроенію и Итальянскому языку. Головинъ жилъ въ Италіи четыре года. По возвращеніи оттуда Петръ Великій, желая знать, чему выучился Головинъ, взялъ его съ собою въ Адмиралтейство, повелъ его на корабельное строеніе и въ мастерскія и задавалъ ему вопросы. Оказалось, что Головинъ ничего не знаетъ. Наконецъ Государь спросилъ: „Выучился ли хотя по-итальянски?"

Головинъ признался, что и этого сдѣлалъ очень мало.

„Такъ что̀ же ты дѣлалъ?"

— „Всемилостивѣйшій Государь! Я курилъ табакъ, пилъ вино, веселился, учился играть на басу и рѣдко выходилъ со двора".

Какъ ни вспыльчивъ былъ Государь, но такая откровенность очень ему понравилась. Онъ далъ лѣнивцу прозвище князя баса *) и велѣлъ нарисовать его на картинѣ сидящимъ за столомъ съ трубкою въ зубахъ, окруженнаго музыкальными инструментами, а подъ столомъ валяются математическіе приборы. Картина эта была написана, и Нартовъ, записавшій этотъ разсказъ, самъ видѣлъ ее.

Государь любилъ Головина за прямодушіе, вѣрность и таланты и въ шутку всегда называлъ его ученымъ человѣкомъ, знатокомъ корабельнаго искусства.

*

Во время пребыванія своего въ 1717 году въ Парижѣ, Петръ Великій приказалъ устроить въ одномъ домѣ на берегу Сены Русскую баню для своихъ солдатъ. Французы съ изумленіемъ смотрѣли, какъ гренадеры, выпарившись въ банѣ, красные выбѣгали оттуда и купались въ Сенѣ. Вертонъ, королевскій гофмейстеръ, находившійся при особѣ Императора, не зналъ, что все это дѣлалось по приказу Государя и просилъ его запретить солдатамъ купаться, на томъ-де основаніи, что всѣ они перемрутъ. Петръ со смѣхомъ отвѣчалъ: „Не опасайтесь, г. Вертонъ! Солдаты отъ Парижскаго воздуха нѣсколько ослабли, такъ закаливаютъ себя Русскою банею. У насъ бываетъ сіе и зимою. Привычка—вторая натура".

*

Возвращаясь со смотра Французскихъ войскъ, Петръ Великій сказалъ князю Куракину, бывшему въ то время послу въ Парижѣ:

„Я видѣлъ нарядныхъ куколъ, а не солдатъ. Они ружьемъ *финтуютъ*, а въ маршѣ только танцуютъ".

*

---

*) Государь прозвалъ Головина басомъ не только за его музыкальные таланты, но и потому, что басомъ называется по-голландски „мастеръ".

Въ 1714 году Петръ Великій находился съ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ. На пути отъ Гельсингфорса къ Аланду его застигла ночью сильная буря. Всѣ уже думали, что погибель неизбѣжна, но Государь сохранилъ присутствіе духа. Онъ рѣшился сѣсть въ шлюпку, ѣхать на берегъ и зажечь тамъ огонь, чтобъ показать близость земли. Окружавшіе царя офицеры на колѣнахъ умоляли его не идти на явную гибель, но Петръ не послушался: велѣлъ подать гребное судно и поѣхалъ. Государь правилъ рулемъ, гребцы усиленно работали, но вскорѣ изнемогли въ борьбѣ съ яростною стихіею и упали духомъ.

„Чего боитесь", закричалъ имъ Петръ: „Царя везете! Кто велій, яко Богъ? Богъ съ нами. Ребята, прибавляйте силы!"

Это придало бодрости гребцамъ. Они прибились къ берегу, и Государь, выйдя изъ лодки, зажегъ огонь.

Сидя у костра, Государь сушилъ мокрое платье.

Изъ шлюпки были принесены сбитень и сухари. Петръ разогрѣлъ сбитень, выпилъ съ матросами горячаго сбитня и легъ подъ деревомъ, укрывшись парусиною.

*

Во время своего заграничнаго путешествія Петръ Великій посѣтилъ городъ Калэ. Здѣсь онъ увидѣлъ великана, по имени Николая, и предложилъ ему взять его съ собою въ Россію.

— Желаю, Ваше Величество, отвѣчалъ великанъ, быть у васъ, только чтобъ не ѣхать чрезъ Берлинъ и не попасться въ руки короля Прусскаго: онъ непремѣнно выпроситъ меня у васъ и сдѣлаетъ Потсдамскимъ солдатомъ.

— Правда, сказалъ Государь, у него бы ты былъ въ шеренгѣ первый гренадеръ и флигельманъ, но у меня будешь первый мой гайдукъ. Не бойся, Потсдамскимъ воиномъ тебѣ не быть и короля не видать.

Петръ Великій отправилъ Николая въ Петербургъ моремъ. Это былъ тотъ самый великанъ, который находится теперь въ кунсткамерѣ.

*

Петръ Великій однажды сильно разгнѣвался на князя Меншикова и напомнилъ ему о его происхожденіи:

— Знаешь ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ! Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, таскайся по лагерю и по улицамъ, кричи: „пироги подовые!" какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ! Съ этими словами Государь вытолкалъ Меншикова изъ комнаты.

Послѣдній бросился къ своей заступницѣ. Государыня пошла къ Петру и, зная его нравъ, прежде всего постаралась его развеселить. Миновался гнѣвъ, явилась милость. А Меншиковъ между тѣмъ вышелъ на улицу, взялъ у пирожника кузовъ съ пирогами и, навѣсивъ на себя, явился къ Царю. Государь, увидя его, разсмѣялся и сказалъ:

— Слушай, Александръ! Перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника.

Сіе видѣлъ я своими глазами, прибавляетъ Нартовъ.

Послѣ Меншиковъ пошелъ за Императрицею и кричалъ:—Пироги подовые! А Государь вслѣдъ ему смѣялся и говорилъ: Помни, Александръ! —Помню, Ваше Величество, и не забуду: пироги подовые!

*

Однажды лѣтомъ Государь шелъ съ нѣсколькими приближенными по Московской дорогѣ изъ Преображенскаго села. Вдругъ вдали показалась пыль, и они увидали скачущаго во всю прыть вѣстоваго, который кричалъ:

— Къ сторонѣ! Къ сторонѣ! Шляпу и шапку долой! Князь-кесарь ѣдетъ!

Вслѣдъ за нимъ въ экипажѣ ѣхалъ князь Ромодановскій въ длинномъ бешметѣ и съ сафьянной шапкой на головѣ. Поровнявшись съ нимъ, Государь остановился и, не снимая шляпы, сказалъ:

— Здравствуй, минъ гнедигеръ геръ кейзеръ!

Князь, гнѣвно взглянувъ, кивнулъ головою и продолжалъ путь.

Возвратясь домой, Государь послалъ за Ромодановскимъ; но тотъ не пошелъ, а самъ отправилъ къ Царю грозное приказаніе, чтобъ Петръ Михайловъ явился къ отвѣту.

Государь, догадавшись о причинѣ гнѣва, поѣхалъ въ Тайный Приказъ.

Увидя входящаго Петра, князь, не вставая съ креселъ, сурово сказалъ:

— Что за спѣсь! Что за гордость! Уже Петръ Михайловъ не снимаетъ нынѣ кесарю и шляпы. Развѣ царя Петра Алексѣевича указъ не памятенъ, которымъ указано строго почитать начальниковъ?

— Не сердись, князь-кесарь, дай руку, поговоримъ у меня, помиримся.

Ромодановскій, не отвѣчая ни слова, нехотя всталъ съ креселъ и пошелъ за Государемъ во дворецъ. Всѣ низко кланялись страшному князю-кесарю, когда онъ съ Царемъ проходилъ чрезъ переднія комнаты дворца.

Государь приказалъ позвать всѣхъ придворныхъ и сказалъ:

— Я надѣюсь, что твое цесарское величество меня въ томъ проститъ когда я предъ тобою не снялъ на дорогѣ шляпы. Сіе неучтивство произошло отъ твоего бешмета, въ которомъ сана твоего не позналъ. Еслибъ ты былъ въ пристойной униформѣ, т.-е. въ приличномъ кафтанѣ, я бы отдалъ надлежащій по чину поклонъ. Князь съ видимою досадою возразилъ, что бешметъ нимало не уменьшаетъ его чина и достоинства, и наконецъ сказалъ: — Я тебя прощаю.

— Теперь мы поквитались съ тобою, отвѣчалъ улыбаясь Государь и, обращаясь къ присутствующимъ, продолжалъ:—Длинное платье мѣшало досель проворству рукъ и ногъ стрѣльцовъ. Они не могли ни работать хорошо ружьемъ, ни маршировать. Для того-то велѣлъ я Лефорту обрѣзать сперва жупаны и зарукавья, а послѣ сдѣлать новые мундиры по обычаю Европы. Старая одежда похожа болѣе на Татарскую, нежели на сродную

намъ легкую Славянскую. Долгой бешметъ у Татаръ то, что у казаковъ казакинъ. Въ спальномъ платьѣ являться въ команду не годится.

*

Замѣчательны слова, сказанныя Петромъ Великимъ Толстому: „Едва ли кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я. Отъ сестры былъ гонимъ до зѣла. Она была хитра и зла. Монахинѣ несносенъ: она глупа. Сынъ меня ненавидитъ: онъ упрямъ! Все зло отъ подпускателей!"

*

Когда Петръ былъ намѣренъ предать всенародному суду Софью за послѣднюю ея попытку произвести государственный переворотъ, Лефортъ уговаривалъ его простить ее въ послѣдній разъ.

— Ужели не знаешь того, какъ она посягала на животъ мой, хотя ей было тогда 14 лѣтъ?

— Такъ, Государь! Но вы не лишайте ея жизни для своей славы, которая должна драгоцѣннѣе вамъ быть, нежели мщеніе. Сіе оставить надлежитъ свирѣпости Турокъ, кои обагряютъ руки въ крови братій своихъ; а христіанскій государь долженъ имѣть чувствованія милосердыя.

Петръ вздохнулъ, пожалъ плечами, простилъ Софью и пошелъ къ ней въ монастырь.

Тамъ произошло объясненіе между братомъ и сестрой. Оба плакали. Софья оправдывалась ловко и краснорѣчиво, но была уличена неопровержимыми доказательствами и осуждена на вѣчное заключеніе въ монастырѣ.

Возвратясь домой, Петръ сказалъ Лефорту: — Жаль, что Софья при великомъ умѣ своемъ имѣетъ великую злость и коварство.

Сію достопамятность, прибавляетъ Нартовъ въ концѣ этого разсказа, слышалъ я отъ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго.

*

По дѣлу царевича Алексѣя Петръ выразился однажды такъ:

— Страдаю, а все за отечество! Желаю ему полезнаго, но враги демонскія пакости дѣютъ. Труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо. Единъ Богъ зритъ правду.

*

Когда Бутурлинъ и Толстой возвратились съ отвѣтами отъ царевича Алексѣя, котораго ходили допрашивать, Петръ Великій сказалъ имъ:

— Теперь видите явно, что онъ—другая Софья.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ [1]).

Однимъ изъ явныхъ противниковъ Екатерины по отобранію монастырскихъ имѣній былъ Тобольскій митрополитъ Павелъ. Онъ тѣмъ опаснѣе казался Екатеринѣ, что при своемъ стойкомъ характерѣ пользовался большимъ уваженіемъ народа за святость жизни. Удаливъ его на покой въ Кіево-Печерскую Лавру, согласно его желанію, Императрица предполагала купить его покорность милостію, которую оказывала ему лично. Съ этою цѣлію она прислала ему 10 тысячъ рублей. Но святитель отказался отъ денегъ. «Не треба мнѣ сіи гроши», сказалъ онъ, прося ихъ возвратить. Тогда намѣстникъ Лавры сталъ его просить отдать лучше деньги эти въ Лавру, радушно предложившую ему свой кровъ. Святитель охотно согласился.

На эти деньги позолотили червоннымъ золотомъ черезъ огонь главный куполъ храма Успенія, подъ сводами котораго нетлѣнно почіютъ и мощи святителя Павла въ томъ самомъ облаченіи, въ которомъ онъ былъ погребенъ [2]).

—

Дѣдъ мой четырнадцати лѣтъ былъ офицеромъ и адъютантомъ у П. С. Потемкина. Во время знаменитой его вылазки въ Казани и схватки съ Пугачевской шайкой на Арскомъ полѣ, дѣду было пятнадцать лѣтъ. Для такого юноши день этотъ оказался не по силамъ, и онъ, какъ только полчища Пугачева были разбиты, упалъ отъ изнеможенія тутъ же и заснулъ. Между тѣмъ Потемкинъ, не видя при себѣ адъютанта, выразилъ безпокойство. Кто-то изъ офицеровъ, увидѣвъ

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1880—84 годовъ.

[2]) Отъ намѣстника Лавры архимандрита Варлаама.

его невдалекѣ спящимъ, указалъ на него Потемкину. Потемкинъ посмотрѣлъ на спящаго сладкимъ сномъ юношу и сказалъ: «Не троньте его, пусть отдохнетъ». И дѣдъ, пока собирали раненыхъ и убитыхъ, спалъ безмятежно.

—

Императоръ Александръ Павловичъ въ Пермской губерніи осматривалъ не только казенные, но и частные заводы. Найдя послѣдніе въ значительно лучшемъ состояніи въ сравненіи съ казенными, онъ спросилъ о причинѣ управляющаго одного изъ Демидовскихъ заводовъ. Тотъ ему объяснилъ, что онъ, не спрашивая разрѣшенія владѣльца, самъ производитъ ремонтъ и передѣлку, тогда какъ на всякій подобный расходъ въ казенномъ заводѣ испрашивается разрѣшеніе начальства. Нужна, напримѣръ, починка на 300 рублей; но пока идетъ переписка и наконецъ получится разрѣшеніе, глядишь, уже нужно 500 рублей затратить на этотъ самый предметъ. Не представлять же во второй разъ! Такъ управляющій и дѣлаетъ кое-какъ это исправленіе, чтобъ не выйдти изъ смѣтнаго назначенія. Конечно, скоро это все пропадетъ. А если нужно на какое либо усовершенствованіе испросить денегъ, то и того труднѣе ихъ получить. «Правда», отозвался Государь, поблагодаривъ управляющаго за откровенный отвѣтъ [1]).

—

Государь Александръ Павловичъ очень былъ расположенъ къ Англійскому послу. Разъ, говоря съ нимъ о Русской кухнѣ, онъ спросилъ, имѣетъ ли тотъ понятіе о ботвиньѣ, которую самъ Государь очень любилъ. Узнавъ, что посолъ никогда этого кушанья не пробовалъ, Государь обѣщался ему прислать. Посолъ жилъ на дворцовой набережной, недалеко отъ дворца. Государь, кушая ботвинью, вспомнилъ о своемъ обѣщаніи, которое тутъ же и исполнилъ. Посланникъ принялъ это кушанье за супъ и велѣлъ его разогрѣть. При свиданіи Государь не забылъ спросить, какъ понравилась ботвинья. Дипломатъ нѣсколько замялся и, наконецъ, объяснилъ, что конечно подогрѣтое кушанье уже не можетъ быть такъ хорошо какъ только что изготовленное [2]). А первый консулъ Бонапартъ, которому графъ Марковъ послалъ зернистой икры, получилъ ее *изъ своей* кухни сваренную: до

---

[1]) Отъ г.-л. Листовскаго.

[2]) Отъ А. М. Исленьева.

такой степени, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, Русскій столъ былъ мало извѣстенъ въ чужихъ краяхъ [1]).

—

Отецъ мой молодость свою провелъ въ Петербургѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ одного случая находчивости. Это было около 20-го года. Давали какую-то трагедію въ стихахъ, гдѣ противникъ одного актера долженъ былъ пасть отъ его кинжала. На бѣду, кинжала не оказалось. Актеръ, не смутившись, продекламировалъ:

Кинжала нѣтъ! Возможноль это снесть?
Но если смерть нужна, прими отъ пальца месть!

Онъ ткнулъ пальцемъ противника, который палъ мертвымъ. Такимъ образомъ трагедія кончилась комедіей, къ немалой забавѣ публики.

—

Въ Бугульминскомъ острогѣ, около сороковаго года, содержался лишенный сана священникъ. Его звали Константиномъ Павловичемъ. На бѣду онъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ покойнымъ Великимъ Княземъ. По крайней мѣрѣ сторожъ, отставной солдатъ, видавшій когда-то Великаго Князя, узнавъ имя священника, пришолъ къ заключенію, что это цесаревичъ, кончину котораго облекалъ народъ какою-то таинственностію и сомнѣніемъ.—«Батюшка!», почтительно спрашиваетъ сторожъ, «неужто вы Константинъ Павловичъ?»—«Да, мой другъ, это я.»—«Какъ это вы здѣсь?»—«Чтожъ, мой другъ, такъ видно Богу угодно!» Такой разговоръ еще болѣе убѣдилъ стараго солдата, что передъ нимъ дѣйствительно находится цесаревичъ. И вотъ старый служака, урѣзывая свои расходы, носитъ что только можетъ, чтобъ улучшить довольствіе знаменитаго узника. Узнаютъ подъ рукой и другіе, и черезъ сердобольнаго старика усердствуютъ узнику своими приношеніями. Узникъ вздыхаетъ, обѣщаетъ доброхотамъ милость Божью, а самъ кушаетъ предлагаемыя яства.

Узнаётъ объ этомъ городничій, и въ Уфу летитъ эстафета къ губернатору съ донесеніемъ, что въ острогѣ одинъ разстрига-священникъ выдаетъ себя за Великаго Князя. Губернаторъ Талызинъ, въ ту же ночь какъ получилъ эстафету, поскакалъ въ Бугульму. Пріѣзжаетъ прямо въ острогъ. «Какъ ты смѣлъ выдавать себя за Великаго Князя!»

---

[1]) Отъ Н. А. Дивова. П. Б.

«Никогда, ваше п—во», отвѣчаетъ спокойно Константинъ Павловичъ. «Да вѣдь ты себя выдаешь за Константина Павловича?» — «Я и есмь Константинъ Павловичъ, но не Великій Князь.» — «Да вѣдь ты солдату объяснилъ, что ты Великій Князь?» — «Никогда объ этомъ и рѣчи не было. Я полагалъ, что онъ меня зналъ прежде, когда я священствовалъ».

—

Разсказывали, будто Назимовъ, присутствуя на экзаменѣ студентовъ изъ зоологіи, высказалъ недовѣріе, когда студентъ сказалъ: «а бегемотъ съѣдаетъ цѣлые стога сѣна.» Профессоръ ему объяснилъ: «ваше п—во, это гипербола». — «Гипербола, я не спорю», сказалъ Назимовъ, «можетъ быть и съѣстъ, но бегемотъ не можетъ.»

Не выдаю это за истину; быть можетъ, это одна изъ многихъ студенческихъ остротъ про Назимова; но хочу сказать объ одной коровѣ, которая въ недавно прошедшемъ времени поѣдала сѣна больше Назимовской гиперболы. Въ отчетахъ опекуна надъ имѣніемъ графа А. П. З. по С—му уѣзду значилось, въ статьѣ наличности, въ графѣ скотъ: «бурая корова одна»; въ статьѣ прихода продуктовъ: «сѣна поступило 12,000 пудовъ;» въ статьѣ расхода продуктовъ: «сѣна израсходовано на кормъ рогатому скоту 12,000 пудовъ.» Вотъ такъ корова! Но, принимая во вниманіе, что отчетъ опекуна утвержденъ былъ опекою, нельзя не заподозрить корову, что она дѣлилась съ ней своимъ кормомъ.

—

Въ Варшавѣ былъ знаменитый комикъ Жолковскій (сынъ его, кажется, и теперь еще на сценѣ). Онъ, кромѣ высокой игры, отличался остроуміемъ и находчивостію. Въ піесахъ онъ зачастую дѣлалъ собственныя вставки. Остроты его всего болѣе задѣвали полицію, которая, съ соизволенія Великаго Князя Константина Павловича, обязала его подпискою не дѣлать добавленій и играть bez dodatków». Жолковскій изрядно пѣлъ и участвовалъ въ операхъ. Въ «Бронзовомъ Конѣ» онъ явился на сцену на лошади верхомъ. Лошадь на сценѣ совершила нѣкоторое неприличіе. Жолковскій, быстро соскочивъ съ лошади, пригрозилъ ей: «Господинъ конь! Прошу безъ додатковъ! (причемъ показалъ на ея добавленіе). Полиція за додатки хватается зубами». За эту остроту онъ просидѣлъ на гауптвахтѣ.

Когда затѣмъ Великій Князь встрѣтилъ его и спросилъ: «а что Жолковскій, посидѣлъ на гауптвахтѣ?» Жолковскій отвѣчалъ: «Никакъ нѣтъ, Ваше Высочество». — «Какъ?» спросилъ удивленный Великій

Князь. «Долженъ былъ стоять», добродушно отвѣчалъ Жолковскій, «потому что не было мѣста гдѣ сѣсть», намекая тѣмъ на строгость Великаго Князя.

—

Императоръ Николай Павловичъ, вступивъ на престолъ, нашелъ морской кадетскій корпусъ въ такомъ ужасномъ положеніи, которое трудно себѣ представить. Онъ немедленно обратилъ на него свое вниманіе и ежедновно два-три раза навѣщалъ корпусъ, пока не установилъ въ немъ надлежащій порядокъ. Часто потомъ онъ заставлялъ кого-нибудь изъ кадетовъ раздѣваться, и бѣда корпусному начальству, если находилъ онъ дурное или неопрятное бѣлье.

—

Говорили, что Николай Павловичъ любилъ строить крѣпости. Конечно здѣсь главную роль играли политическія соображенія. Разъ въ Новогеоргіевской крѣпости онъ ходилъ по валу въ сопровожденіи какого-то принца. На вопросъ послѣдняго: «во сколько обошлось сооруженіе этой крѣпости?» Государь отвѣчалъ: «Это знаетъ Богъ и Иванъ Ивановичъ Депъ» (начальникъ инженеровъ Варшавскаго округа).

Къ Депу государь Николай Павловичъ очень благоволилъ за его честность и исполнительность. Разъ, прибывъ въ Варшаву и не видѣвъ при встрѣчѣ Депа, Государь освѣдомился о немъ и, узнавъ, что онъ болѣнъ, поѣхалъ въ цитадель прямо къ квартирѣ Депа. Ему доложили, что Депъ въ постелѣ. Государь пошелъ къ нему и, подходя къ двери, сказалъ: «не смѣй вставать». Затѣмъ онъ присѣлъ къ нему на постель и полчаса съ нимъ бесѣдовалъ.

Въ Новогеоргіевской крѣпости казармы тянутся на версту. Въ одномъ ихъ концѣ были царскіе покои, гдѣ Николай Павловичъ въ каждое посѣщеніе имѣлъ ночлегъ. Выражалъ ли онъ тѣмъ свое расположеніе къ этой крѣпости, какъ своему созданію, или ему доставляло удовольствіе провести день въ полной военной обстановкѣ? Вѣрнѣе и то и другое.

Государь имѣлъ взглядъ быстрый и впечатлительный. Разъ въ той же крѣпости онъ приказалъ вызвать саперовъ безъ ружей. Они выстроились въ три шеренги, офицеры впереди. Государь прошелъ мимо ихъ. Всѣ весело смотрѣли ему въ глаза, что́ онъ очень любилъ. Вдругъ онъ обратился къ одному изъ солдатъ второй шеренги: «Ты былъ въ бунтовщикахъ?» —«Такъ точно, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ солдатъ.

Въ другой разъ, замѣтивъ въ числѣ офицеровъ молодаго прапорщика Хмѣльницкаго, Государь поровнялся съ нимъ и сказалъ: «Ты какъ сюда попалъ? Шагъ впередъ!» Хмѣльницкій сдѣлалъ шагъ впередъ. Государь взялъ его за голову и поцаловалъ въ лобъ. Хмѣльницкій воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и бывалъ на ординарцахъ во дворцѣ. Государь его узналъ.

Въ той же крѣпости комендантомъ былъ артилерійскій генералъ Өедоренко, тотъ Өедоренко, который однажды на маневрахъ передъ разгнѣваннымъ на его батарею Императоромъ смѣло защищалъ ее, а Государь, протянувъ ему руку, сказалъ: «ну, полно, помиримся!» Өедоренко былъ уже очень старъ, и Государю доложили, что пора его уволить по старости. «Өедоренко умретъ у меня на пушкѣ!» отвѣчалъ Государь.

—

Однажды назначены были къ Государю ординарцами отъ перваго резервнаго саперваго батальона офицеръ Листовскій (нынѣ ген.-лейтенантъ), немного картавившій, унтеръ-офицеръ тоже, а рядовой еще болѣе. Когда они отрапортовали, Государь засмѣялся, а потомъ спросилъ Листовскаго, гдѣ онъ воспитывался? «Въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ Листовскій. «Спасибо, товарищъ», сказалъ Государь. Государь, какъ извѣстно, былъ шефомъ перваго кадетскаго корпуса *).

Государь такъ любилъ этотъ корпусъ, что Александръ Николаевичъ, будучи ребенкомъ, съ кадетами этого корпуса исполнялъ ученье, маневры и въ походахъ вмѣстѣ съ ними спалъ въ палаткахъ на соломѣ. И Листовскому доводилось спать на соломѣ головами вмѣстѣ съ будущимъ Императоромъ, который однако не дозволялъ кадетамъ именовать его Вашимъ Высочествомъ, не отвѣчая въ такомъ случаѣ на вопросъ. Когда же его, напримѣръ, спрашивалъ кадетъ «Александръ Николаевичъ, который часъ?» онъ проворно вынималъ маленькіе часики и охотно отвѣчалъ.

—

Кому неизвѣстно, какъ дисциплированы были войска при государѣ Николаѣ Павловичѣ. Строгая дисциплина была и въ кадетскихъ корпусахъ. Генералъ Поцейко, будучи молодымъ прапорщикомъ, шелъ въ Петербургѣ по улицѣ. Встрѣтивъ родственника-кадета и разговаривая съ нимъ, онъ сказалъ ему: «накройтесь». Кадеты тогда передъ

*) Отъ А. В. Листовскаго.

офицерами снимали шапки и становились во фронтъ. «Какъ, накройтесь!» раздался за нимъ голосъ Великаго Князя Михаила Павловича. «Развѣ онъ тебѣ отдаетъ честь?» гнѣвно сказалъ Великій Князь. «Вотъ передъ чѣмъ онъ отдаетъ честь», и указалъ на эполеты прапорщика. «На гауптвахту!» И снисходительный офицеръ просидѣлъ сутки на гауптвахтѣ. Не то мы видимъ теперь [1]).

Генералъ Гермесъ помѣстилъ своего сына въ кадетскій корпусъ и пріѣхалъ черезъ годъ его навѣстить. Сынъ, увидѣвъ его, бросился къ нему на шею, но генеральскія эполеты не были забыты и въ минуту свиданія. «Ахъ ваше превосходительство!» воскликнулъ обрадованный сынъ. Вотъ какъ скоро въ прежнихъ корпусахъ освоивались кадеты съ дисциплиною [2]).

—

Въ 1831 году, по усмиреніи Польскаго мятежа, Калишскій кадетскій корпусъ былъ закрытъ, и его воспитанники размѣщены по другимъ корпусамъ Имперіи. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ были назначены въ первый кадетскій корпусъ. Передъ ихъ прибытіемъ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ корпусъ, созвалъ кадетовъ и сказалъ имъ: «Къ вамъ въ товарищи прибудутъ кадеты бывшаго Калишскаго корпуса. Боже васъ сохрани», продолжалъ онъ, пригрозивъ имъ пальцемъ, «если кто-нибудь изъ васъ позволитъ себѣ назвать ихъ бунтовщиками! Боже васъ сохрани!» Черезъ нѣкоторое время по прибытіи Калишцевъ, Государь опять посѣтилъ корпусъ и собралъ снова кадетовъ. «Калишцы, выходи!» сказалъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ. Тѣ вышли и выстроились передъ нимъ. «Довольны ли вы?»—«Точно такъ, Ваше Императорское Величество».—«Не обижаетъ ли васъ кто? Говори!»—«Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество».—«Спасибо», сказалъ Государь, обратясь къ кадетамъ [3]).

—

Вотъ интересный миссіонерскій подвигъ государя Николая Павловича. Недавно въ Клинцахъ мѣстному мировому судьѣ сдѣлалъ визитъ капитанъ Л., весь увѣшанный орденами и служащій на Кавказѣ. Капитанъ объяснилъ, что пріѣхалъ повидаться съ своими родными: отцомъ и братьями. Судья выразилъ удивленіе, что ихъ не знаетъ. «Нѣтъ, вы ихъ знаете», объяснялъ гость. «Я знаю Л—хъ Евреевъ».... «Да, это и есть мой отецъ», перебилъ капитанъ. «Да какъ же такъ

---

[1]) Отъ ген.-маіора Поцейко.

[2]) Отъ ген.-лейт. Гермеса.

[3]) Отъ ген.-лейтен. Листовскаго.

вы?»... съ недоумѣніемъ спрашивалъ судья. «Очень просто», отвѣчалъ гость. «Насъ пригнали нѣсколько сотъ Евреевъ-кантонистовъ,—при Николаѣ Павловичѣ это было,—въ Саратовъ и прямо въ соборъ. Тамъ всѣхъ окрестили: сто Николаевъ, сто Владимировъ, сто Александровъ, и разослали въ кантонистскія школы. Меня въ числѣ слабыхъ оставили, помѣстили въ училище, обратили вниманіе на способности мои. Потомъ меня назначили на Кавказъ, гдѣ я и до сего времени служу, какъ и вы можете видѣть, хорошо». Поучительно!

—

При всей стойкости характера императора Николая Павловича, и онъ поддавался иногда вліянію придворной каверзы. Вотъ какой разсказывали мнѣ случай. Правда, онъ не столько можетъ служить для характеристики Государя, сколько знакомитъ съ дворомъ, его правилами и даетъ понятіе, насколько далеки выгоды государственныя отъ лицъ, пользующихся довѣріемъ Государя и какую силу имѣла даже при Николаѣ Павловичѣ Польская интрига. Былъ въ Западной Сибири генералъ-губернаторомъ Вельяминовъ, старикъ умный и высокой честности. О немъ говорили, напримѣръ, что онъ, всегда будучи того убѣжденія, что мущина, требуя нравственной чистоты отъ женщины, не имѣетъ права злоупотреблять и самъ, доказалъ, что такой взглядъ его на нравственность составлялъ для него правило, которое не нарушилъ онъ во всю жизнь. Въ Томскъ былъ сосланъ подъ надзоръ полиціи какой-то Полякъ. Черезъ годъ или два Вельяминовъ получилъ запросъ отъ одного самаго близкаго къ Государю сановника, можетъ ли онъ (сосланный) поступить на службу въ его канцелярію, что̀ было бы желательно. Вельяминовъ исполнилъ желаніе сановника. Черезъ нѣкоторое время онъ опять получаетъ запросъ, нельзя ли такого-то (т. е. того же самаго Поляка) назначить въ Томскѣ полиціймейстеромъ? Вельяминовъ отвѣчалъ, что по способностямъ своимъ онъ могъ бы занять это мѣсто, но онъ находитъ неудобнымъ быть ему полиціймейстеромъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ самъ былъ подъ надзоромъ полиціи и гдѣ много сосланныхъ его соотечественниковъ находится въ такомъ же положеніи. Сановникъ замолчалъ, но не простилъ этого Русскому человѣку.

Отправился Вельяминовъ въ Петербургъ. Прибывъ въ Москву, онъ засталъ тамъ Государя. Но, къ удивленію его, онъ прожилъ 3—4 дня и не получилъ аудіенціи. Адъютантъ Вельяминова встрѣчается въ одномъ изъ трактировъ съ знакомымъ ему флигель-адъютантомъ и высказываетъ послѣднему свое удивленіе о неназначеніи аудіенціи его начальнику. Флигель-адъютантъ объяснилъ это весьма просто: о прі-

ѣздѣ Вельяминова Государю не докладывали. «А вотъ я завтра буду дежурнымъ и впишу его въ списокъ прибывшихъ», сказалъ онъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Государь немедленно назначилъ Вельяминову аудіенцію. Онъ принялъ его въ кабинетѣ, расцаловалъ, посадилъ въ кресло, благодарилъ за службу и высказалъ сожалѣніе, что, выѣзжая въ тотъ же день въ Варшаву, не имѣетъ времени «поговорить съ нимъ хорошенько о нуждахъ края». При этомъ однако присовокупилъ, что черезъ двѣ недѣли онъ будетъ въ Петербургѣ и поговоритъ съ нимъ обстоятельно. Вельяминовъ, тронутый милостивымъ вниманіемъ Государя, возвратился въ гостинницу счастливымъ и веселымъ.

Пріѣзжаетъ Государь въ Петербургъ, и снова нѣтъ аудіенціи Вельяминову. Снова, при встрѣчѣ съ знакомымъ флигель-адъютантомъ, адъютантъ Вельяминова высказываетъ удивленіе по этому поводу. «Да развѣ вы не знаете», отвѣчаетъ ему флигель-адъютантъ, «что вашъ начальникъ уволенъ отъ должности?» — «Когда?» — «Приказомъ еще въ Варшавѣ» [1].

—

Говорятъ, когда Николай Павловичъ учредилъ Третье Отдѣленіе Собственной канцеляріи, Бенкендорфъ, назначенный главноуправляющимъ этимъ отдѣленіемъ, спросилъ Государя: «какая ему дана будетъ инструкція?» Государь вынулъ изъ кармана носовой платокъ и, показавъ его Бенкендорфу, сказалъ: «Вотъ тебѣ инструкція: чтобъ ни одинъ платокъ въ Россіи не былъ омоченъ слезами». Главная цѣль, съ которою было учреждено это гибельное впослѣдствіи вѣдомство, состояла въ томъ, чтобы слѣдить за злоупотребленіями чиновниковъ и доносить о нихъ Государю.

Если это такъ, то Третье Отдѣленіе далеко и очень далеко ушло въ своей дѣятельности отъ видовъ и намѣреній Монарха. Такъ извѣстенъ мнѣ случай и вѣроятно не единичный: А. М. Исленьевъ былъ сосланъ въ Холмогоры, гдѣ его продержали полтора года. Онъ прожилъ послѣ того полвѣка, а причина ссылки осталась для него всетаки неизвѣстною.

—

Кому не памятна или неизвѣстна острота на счетъ цензуры при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, какъ усердный цензоръ требовалъ отъ Авдѣевой (написавшей кухонную книгу), чтобъ она исключила изъ своего творенія фразу «вольный духъ», хотя этотъ «вольный духъ» даль-

[1] Отъ д. ст. сов. Маслова.

ше печи не шелъ. Въ то время разсказывали не менѣе курьезный случай о цензорѣ Казанскаго университета, ректорѣ С. Одинъ изъ профессоровъ восточнаго факультета перевелъ какого-то Арабскаго автора, который, говоря о Магометѣ, называетъ его великимъ пророкомъ. С. подчеркнулъ это слово и не рѣшился пропустить сочиненіе. Переводчикъ, разумѣется, поинтересовался узнать причину. «Помилуйте», говоритъ С., «вы Магомета называете великимъ пророкомъ!» — «Да вѣдь я перевожу слова Магометанина». — «Все равно; напишите лже-пророкъ, — я пропущу», убѣждалъ цензоръ. — «Какъ я это могу сдѣлать?» отвѣчалъ переводчикъ. «Влагая въ уста Магометанина хулу на его пророка, я, кромѣ того что погрѣшу противъ подлинника, допущу безсмыслицу.» — «Ну, какъ хотите, а я не могу пропустить».

И такъ въ Казанскомъ царствѣ Магомету въ XIX вѣкѣ не повезло. Переводъ послали въ Петербургъ, гдѣ ему оказано было болѣе снисхожденія и любезности.

—

Разъ Государю Николаю Павловичу представлена была смѣта на сооруженіе по дворцовому вѣдомству, составленная генераломъ Лихардовымъ. Государь, разсмотрѣвъ смѣту, написалъ: «Жидовскій счетъ» [1]).

—

Во время Севастопольской войны Николай Павловичъ, пріѣхавъ въ Свеаборгъ, увидѣлъ двоихъ кадетовъ втораго кадетскаго корпуса. Подойдя къ нимъ, онъ сказалъ: «если ихъ» (онъ указалъ на артиллерійскихъ офицеровъ) всѣхъ перебьютъ, я поѣду на васъ и самъ буду сражаться». Уѣзжая и надѣвая шинель, онъ не могъ поправить воротника. Артиллерійскій офицеръ поспѣшилъ помочь Государю. «Оставь!» сказалъ Государь, ударивъ его по рукѣ и самъ поправилъ шинель. Потомъ, сойдя съ крыльца, онъ сдѣлалъ ему подъ козырекъ и сказалъ: «Благодарю» [2]).

И Государь Александръ Павловичъ не любилъ принимать подобныя услуги отъ офицеровъ и, какъ извѣстно, удивлялся Наполеону, дозволявшему своимъ адъютантамъ подсаживать его въ карету.

—

Севастопольская война дорого стоила государю Николаю Павловичу. Неудачи наши разрушительно на него дѣйствовали. Въ то

---

[1]) Отъ И. Г. Корпевскаго, служившаго въ контролѣ Двора.

[2]) Отъ ген.-маіора В. Ч. Колкунова.

время телеграфнаго сообщенія, въ томъ видѣ какъ существуетъ теперь, не было, и неизвѣстность была томительна для Государя. Когда онъ получилъ донесеніе отъ князя Меншикова, что «все готово для пріема гостей», Государь перекрестился и замѣтно успокоился. Но время шло, и извѣстій не было. Государь былъ крайне озабоченъ. Прискакавшій съ донесеніемъ отъ Меншикова имѣлъ неосторожность доложить о нашемъ пораженіи въ очень неловкой формѣ: «Войска Вашего Величества бѣгутъ».—«Дуракъ!» сказалъ разгнѣванный Императоръ. Государь ходилъ мрачный, разстроенный. Разъ онъ спросилъ окружающихъ: «а что ихъ пушки? (Амстронговы пушки, которымъ были сдѣланы испытанія и которыя Англичане намѣревались отправить къ Севастополю). «Да, говорятъ, ихъ разорветъ», сказалъ одинъ изъ присутствующихъ. «Разорветъ, разорветъ!» говорилъ, ходя въ сильномъ волненіи, Государь,—«а насъ бьютъ!» Можно представить, каково было государю Николаю Павловичу произнести эту фразу! [1])

—

Нейманъ, увидѣвъ на ординарцахъ у Великаго Князя Михаила Павловича маленькаго кадета, спросилъ его фамилію. «Листовскій.»—«Кѣмъ былъ вашъ отецъ?»—«Командиромъ полка.»—«Въ Москвѣ?»—«Да». Нейманъ обнялъ мальчика и поцѣловалъ. «Я зналъ вашего отца». Но и мальчикъ зналъ Неймана со словъ матери по слѣдующему случаю. Отецъ Листовскаго умеръ на службѣ. Нужно сдавать его полкъ, а это обходилось въ старые годы очень дорого. Нейманъ, бывши начальникомъ штаба, пріѣхалъ ко вдовѣ Листовской и сказалъ ей: «не безпокойтесь, я самъ сдамъ полкъ вашего мужа». Такъ и сдѣлалъ этотъ добрый человѣкъ. Сдача обошлась Листовской всего 300 полуимперіаловъ, пожалованныхъ Государемъ ея мужу для поѣздки за границу для лѣченія, чѣмъ онъ не успѣлъ воспользоваться [2]).

—

Великій Князь Михаилъ Павловичъ не менѣе Государя любилъ кадетовъ. Ординарцы-кадеты всегда приглашались къ чайному столу. Великая Княгиня Елена Павловна наливала чай и сама передавала чашки счастливымъ кадетамъ. По-русски, покрайней мѣрѣ въ ту пору, она, должно быть, затруднялась говорить, такъ какъ вопросы ея и отвѣты кадетовъ переводилъ Нейманъ [3]).

—

[1]) Отъ д. ст. сов. А. В. Тимофеева.

[2]) Отъ г.-лейт. А. В. Листовскаго.

[3]) Отъ него же.

Недавно былъ возмутительный случай нетерпимости католическаго епископа Козловскаго. Это случай не первый и конечно не послѣдній. Не менѣе возмутительный случай передавалъ мнѣ покойный митрополитъ Арсеній. Въ бытность его архіепископомъ Варшавскимъ освящался въ Варшавѣ соборный храмъ при архіерейскомъ домѣ. Приглашенъ былъ католическій епископъ съ почетнымъ духовенствомъ. Епископъ не пріѣхалъ, хотя для него въ алтарѣ приготовлено было сидѣнье, отвѣчающее его сану. Прибыли прелаты и каноникъ. По окончаніи служенія, выйдя на крыльцо и не стѣсняясь публикой, которой половина конечно понимала Польскій языкъ, прелатъ обратился къ своему собрату, и сказалъ по-польски: «осквернили мы души и тѣла наши».

—

Слѣдующій случай можетъ дать понятіе о дѣятельности графа М. Н. Муравьева въ бытность его генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края. Въ часъ ночи рядовой артиллеристъ принесъ своему капитану найденный имъ на улицѣ ящикъ, какъ оказалось, со взрывчатыми снарядами. Командиръ батареи, взявъ его съ собою, отправился къ Муравьеву. Его сейчасъ же впустили въ кабинетъ, гдѣ у письменнаго стола при лампѣ съ зеленымъ абажуромъ сидѣлъ за бумагами Муравьевъ. Командиръ доложилъ о дѣлѣ и представилъ ящикъ. Муравьевъ пожалъ пружинку у стола, и черезъ минуту передъ нимъ предсталъ дежурный чиновникъ, которому онъ далъ распоряженіе за кѣмъ-то послать, а командиру передалъ полуимперіалъ, взятый изъ холстиннаго мѣшка, возлѣ него стоявшаго, и поручилъ передать рядовому [1].

—

Покойный митрополитъ Московскій Филаретъ отличался несокрушимою логикой, и, какъ извѣстно, былъ очень находчивъ. Вотъ одинъ характерный случай, слышанный мною отъ одной духовной особы. А. Ѳ. Львовъ, ратуя о единообразіи церковнаго напѣва и получивъ одобреніе Государя, составилъ пѣніе для литургіи. Какъ къ первенствующему и вліятельному духовному лицу, онъ привезъ четверыхъ пѣвчихъ придворной капеллы къ Филарету и заставилъ ихъ пропѣть литургію при немъ. Митрополитъ прослушалъ, подумалъ и сказалъ: «Прекрасно. Теперь прикажите пропѣть одному».—Какъ?» сказалъ озадаченный Львовъ. «Одному нельзя».—«А какъ же вы хотите», спокойно

[1] Отъ ген.-лейт. К. И. Рѣдина.

отвѣчалъ Филаретъ, «чтобъ въ нашихъ сельскихъ церквахъ пѣли вашу литургію, гдѣ по большей части одинъ дьячекъ, да и тотъ нотъ не знаетъ». Вразумительно!

—

Преосвященный архіепископъ Могилевскій Евсевій, извѣстный проповѣдникъ и духовный писатель, отличался практическимъ умомъ. Вотъ его мнѣніе по вопросу о предоставленіи архіерейской каѳедры бѣлому духовенству. «Гдѣ нужна строгость, тамъ, глядишь, архіерейшу разжалобятъ, а она архіерея, и сдѣлаетъ онъ послабленіе въ ущербъ дѣлу и правдѣ. Мы видимъ, напримѣръ, губернатора. Говорятъ честный, ничего не беретъ; а глядишь, съ другаго крыльца губернаторша принимаетъ, и губернаторъ по ея дудкѣ пляшетъ. Ну какъ архіерейши-то станутъ принимать съ другаго крыльца, да заберутъ архіереевъ въ руки: выиграетъ ли отъ такого порядка церковь?»

—

Когда графъ В. А. Перовскій, по назначеніи его Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, прибылъ въ Оренбургъ, ему, разумѣется, по заведенному порядку, представлялись всѣ чиновники, въ томъ числѣ правитель канцеляріи его предмѣстника, военнаго губернатора Обручева, имѣвшій обыкновеніе бриться два раза въ недѣлю, по Воскресеньямъ и Четвергамъ. Онъ былъ человѣкъ немолодой, имѣлъ черные волоса, а потому можно понять, какимъ представлялся его подбородокъ наканунѣ урочнаго дня. На бѣду пріемъ у Перовскаго случился въ Середу. Не измѣняя своей привычки, М. явился къ генералъ-губернатору не выбрившись. Подойдя къ нему, Перовскій обычнымъ своимъ серьознымъ тономъ спросилъ: «Вы по какимъ днямъ брѣетесь?» — «По Воскресеньямъ и Четвергамъ», съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ М.— «Въ эти дни ко мнѣ обѣдать!»

—

Бывшій Оренбургскій генералъ-губернаторъ Катенинъ былъ человѣкъ добрый и довѣрчивый. Онъ получилъ много доносовъ о злоупотребленіяхъ одного инженера путей сообщенія. Правитель канцеляріи посовѣтовалъ ему вызвать его для объясненій. Такъ Катенинъ и поступилъ. Когда инженеръ вышелъ изъ кабинета, Катенинъ добродушно сказалъ вошедшему къ нему правителю канцеляріи: «Знаете что, онъ такъ клялся, что все это на него выдумано, просилъ позволенія снять со стѣны икону»...—«Ваше превосходительство не допустили?»—«Разумѣется»—«И хорошо сдѣлали», замѣтилъ менѣе довѣрчивый правитель канцеляріи: «икона вѣдь въ серебряномъ окладѣ».

—

Генералъ-губернаторъ одной изъ отдаленныхъ областей Россіи, съ цѣлію слiянія сословій, вознамѣрился открыть у себя рауты. Надо было послать приглашенія, а для того нужно было знать имена и отчества приглашаемыхъ. Съ этою цѣлію правитель канцеляріи отнесся оффиціально къ начальникамъ отдѣльныхъ частей и вѣдомствъ, въ томъ числѣ и къ городскому головѣ. Городской голова созвалъ Думу и прочиталъ отношеніе канцеляріи генералъ-губернатора, коимъ требовались свѣдѣнія объ имени и отчествѣ гражданъ и ихъ супругъ. Это произвело всеобщій переполохъ. Граждане долго совѣщались между собою, не зная, какъ имъ поступить. Наконецъ подошли къ головѣ и заявили ему:—«Ты, Н. А—чъ, насъ пиши, а жонъ нашихъ пускай онъ не замаетъ».

—

Графъ В. А. Перовскій имѣлъ особенную страсть къ карманнымъ часамъ. Двое-трое часовъ онъ всегда имѣлъ при себѣ и, путешествуя за границей, не пропускалъ ни одного порядочнаго часоваго магазина, чтобъ не зайдти и не купить, если попадались часы особенно хорошей конструкціи. И былъ онъ большимъ знатокомъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ онъ подарилъ своему духовнику небольшіе золотые часы, повидимому ничего особеннаго не представляющіе,—и вотъ почти 30 лѣтъ они въ постоянномъ употребленіи и до сего времени отличаются отмѣнно-точнымъ ходомъ.

Однажды Перовскій въ одномъ изъ городовъ Германіи подъѣхалъ къ гостинницѣ; вещи понесли въ номеръ, а онъ, замѣтивъ напротивъ часовой магазинъ, отправился прежде всего туда. Тамъ пересматриваетъ онъ часы и для сравненія показываетъ, вынимая изъ кармановъ, то одни свои часы, то другіе, то третьи. Передъ этимъ былъ, кажется, въ Гамбургѣ пожаръ, во время котораго изъ магазиновъ, въ числѣ другихъ предметовъ, похищено множество часовъ. Часовой мастеръ пришелъ къ предположенію, что это одинъ изъ числа шайки, поживившейся во время пожара и далъ знать полиціи. И только благодаря вмѣшательству консула, графъ Василій Алексѣевичъ довольно скоро избѣгъ непріятностей, которыя подняли для него цѣну его часовъ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

во Французскомъ переводѣ А. С. Пушкина.

Херсонскому губернскому предводителю дворянства Ивану Иракліевичу Курису принадлежитъ подлинная Французская рукопись Пушкина, которую онъ пріобрѣлъ въ Парижѣ на аукціонѣ. На обложкѣ этихъ семи листковъ находится слѣдующая печатная аукціонная замѣтка (продавецъ-Французъ не преминулъ назвать нашего поэта графомъ):

168. Pouschkine (Alexandre, comte), un des plus grands poètes, qu'ait produit la Russie. Manuscript autographe en français (Kaménnoï Ostrow, juin 1836, 7 p. in 4⁰). 11 chansons russes traduites pour Loewe-Weimars dont une lettre explicative, adressée à Fueillet de Conches, écrite Jeudi 9 mai 1839, est jointe.

Къ Пушкинской рукописи приложено письмо Французскаго литератора Лёве-Веймарса (Loewe-Weimars) къ извѣстному ученому Фелье-де-Коншу (Feuillet de Conches), писанное въ Парижѣ (93, rue du Bac) 9 Мая 1839 года. Изъ этого письма оказывается, что у Фелье-де-Конша было собраніе разныхъ рѣдкостей и что Лёве Веймарсъ подарилъ ему также Русскій крестъ, вывезенный имъ изъ Россіи (croix byzantine, assez belle antiquaille russe que j'ai rapportée du fond de l'Empire). Про Пушкинскую рукопись Лёве-Веймарсъ говоритъ: Voici les autographes inédits de Pouchkine que je vous prie d'accepter. Ils sont précieux, car c'est un travail qu'il a fait pour moi seul, quelques mois avant sa mort, dans la campagne de Kamennoi-Ostrow, qui est une île de la Néva près S-t Pétersbourg où j'ai passé de bien bons momens. (Т. е. Вотъ неизданные автографы Пушкина. Прошу васъ принять ихъ отъ меня. Они драгоцѣнны, такъ какъ трудъ этотъ былъ имъ совершенъ для меня одного, за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, на дачѣ Каменноостровской, т. е. на одномъ изъ Невскихъ острововъ подъ Петербургомъ, гдѣ я проводилъ очень пріятное время).

Послѣднее лѣто своей жизни Пушкинъ дѣйствительно жилъ на Каменномъ острову. Нѣкоторые Петербургскіе старожилы помнятъ еще молодаго Лёве-Веймарса, который зачѣмъ-то пріѣзжалъ къ намъ и бывалъ также и у князя П. А. Вяземскаго.

На рукописи написано въ заглавіи рукою Пушкина: „Chansons Russes“, и рукою Лёве-Веймарса прибавлено: „traduites par Alex. de Pouschkine pour son ami L. de Weimars aux îles de la Néva, datcha Brovolsky, juin 1836“. Всѣхъ пѣсенъ Пушкинъ перевелъ одиннадцать, какія случайно попались ему подъ руку. При шести изъ нихъ мы помѣщаемъ, для болѣе удобнаго сравненія, самые подлинники, изъ сборника Сахарова, который вышелъ въ свѣтъ еще при жизни Пушкина. Впрочемъ, будучи самъ знатокомъ и собирателемъ народныхъ пѣсенъ, Пушкинъ, могъ переводить и съ памяти, или по своей собственной записи. Подлинники послѣднихъ пяти пѣсенъ предоставляемъ сыскать любителямъ: приведенныхъ достаточно, чтобы судить объ этой работѣ Пушкина. Богатство нашего языка выступаетъ ярко. Примѣчанія, какъ и слова въ скобкахъ, принадлежатъ самому переводчику. П. Б.

1.

Ne murmures donc pas, verte forêt, ma mère! Ne m'empêche pas de réfléchir. Demain je dois comparaître devant ce terrible juge, devant le Tzar lui-même. Le Tzar m'interrogera. Apprends moi, jeune homme, avec qui as tu exercé tes brigandages?—Je m'en vais te le dire, Tzar orthodoxe, notre espérance. Je m'en vais te le dire toute la vérité. J'ai eu quatre complices: le premier, c'était la nuit sombre; le second—c'était mon bon cheval; le troisième—mon coutelas d'acier; le quatrième—mon arc dur à plier. Les flèches étaient mes émissaires.—Alors le Tzar, notre espérance, me répondra: Bravo, jeune homme, tu as su voler, et tu as su répondre; c'est pourquoi je m'en vais te récompenser: tu auras un haut château au milieu de la plaine, deux poteaux avec une poutre au travers *):

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати.
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судью, самаго Царя.
Еще станетъ меня Царь-Государь спрашивати:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?“
Я скажу тебѣ, надёжа, православный Царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо.

*) Une potence.

Ужъ какъ первой мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
А какъ третій мой товарищъ—добрый конь.
А четвертой мой товарищъ—тугой лукъ.
Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.
Что возговоритъ надёжа, православный Царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать.
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною“.

2.

Don paisible, Don, notre père! Pourquoi donc es tu si trouble?—Comment ne serais-je pas trouble? De froides sources jaillissent du fond de mon lit; le poisson agite mes ondes; trois barques m'ont traversé. Dans la première barque il y avait les glorieux cozaques du Don. Dans la seconde on a passé les drapeaux. Dans la troisième il y avait un jeune seigneur et une jeune fille. Le jeune seigneur tentait de faire entendre raison à la jeune fille. Ne pleure pas, ma belle jeune fille! Ne pleure pas, ma belle amie! Je te marierai à mon fidèle esclave, tu seras l'épouse de l'esclave et la douce amie du maître; tu feras son lit et tu coucheras avec moi. La jeune fille répond au jeune homme: Je serai la douce amie de celui dont je serai la femme. Je coucherai avec celui dont je ferai le lit. Le jeune homme se fâcha. Il tira son sabre bien effilé, il coupa la tête à la jeune fille et la jetta dans les ondes rapides.

Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ!
Ой что же ты, тихой Донъ, мутнехонекъ течешь?
— Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
Посередъ меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутитъ,
Поверхъ меня, Дона, три роты прошли:
Ай первая рота шла—то Донскіе казаки,
Другая рота шла—то знамена пронесли,
А третья рота шла—то дѣвица съ молодцомъ.
Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
„Не плачь, не плачь, дѣвица, не плачь, красная моя!
Что выдамъ тебя, дѣвица, я за вѣрнаго слугу;
Слугѣ будешь ладушка, мнѣ миленькой дружекъ,
Подъ слугу будешь постелю слать, со мной вмѣстѣ спать“.
— Что возговоритъ дѣвица удалому молодцу:

„Кому буду ладушка, тому миленькой дружокъ;
Подъ слугу буду постелю слать, съ слугой вмѣстѣ спать“.
Вынимаетъ молодецъ саблю острую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйную голову,
И бросилъ онъ ее въ Донъ, въ быструю рѣку.

3.

Un peu plus bas que la ville de Saratof, un peu plus haut que la ville de Tsaritsine coule notre mère la rivière Kamyschenka. Elle mène à sa suite de beaux rivages escarpés et des vertes prairies; elle tombe dans la Volga, notre mère. Deux belles barques voguaient sur la rapide rivière. Elles étaient très-bien ornées; elles étaient couvertes d'une forêt de lances et de drapeaux. Il y avait dans les barques de braves rameurs, les kozaques du Don, des Grebentsi et des Zaporogiens. Ils avaient des bonnets de velours doublés de zibéline, des kaftans bruns, doublés de koumatch, des ceintures de soie d'Astrakan, des chemises de couleur, bordées de galon d'or, des bottes de maroquin vert avec des talons de travers. Ils rament, ils chantent des chansons, ils glorifient le Tsar orthodoxe, le tsar Pierre I; ils maudissent, ils outragent le prince Menchikoff; ils le maudissent, lui, sa femme, ses enfants et ses petits-enfants. Ce chien, ce voleur, il nous mange notre paie, nos provisions et nos appointements et encore ne nous permet pas de nous promener sur le Volga et de chanter le Doudinoy! *)

Что пониже города было Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекла, пролегала мать Камышенка рѣка;
Какъ съ собой она вела круты, красны берега,
Круты, красны берега и зеленые луга;
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.
Что по той ли быстринѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ, тутъ выплавываютъ два снарядные стружка.
Хорошо были стружечки изукрашены,
Они копьями, знамены, будто лѣсомъ поросли.
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе казаки,
Да еще же Гребенскіе, Запорожскіе.
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны, кумачемъ подложены,

*) C. a. d. faire les pirates. Le *doudinoy* est le refrain d'un chant de brigands.

Астраханскі кушаки полушелковые,
Пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ,
Что зеленъ сафьянъ сапожки, кривые каблуки.
И съ зачосами чулки да всѣ гарусные.
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
Они хвалятъ, величаютъ православнаго Царя,
А бранятъ они, клянутъ воеводу,
Что съ женою и съ дѣтьми и со внучатами:
Заѣдаетъ воръ собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное;
Да еще же не пущаетъ насъ по Волгѣ погулять,
Внизъ по Волгѣ погулять, дунинаю воспѣвать.

4.

Écoutez, jeunes gens, ce que nous autres vieillards nous allons vous raconter, touchant le terrible Tzar Ivan Vassilievitz. Le Tzar, notre Seigneur, avait marché sur Kazan; il avait fait creuser des mines sous la Kazanka et le Soulay (rivières); il y avait fait rouler des tonneaux pleins de poudre; et dans la plaine dèserte il avait établi ses batteries et ses caissons. Les Tartares se promenaient par la ville; ils se moquaient du terrible Tzar, ils disaient: Ha! le Tzar Blanc *) n'aura pas notre ville. Alors le Tzar se mit en colère de ce que la mine tardait à jouer. Il ordonna de mettre à mort les canoniers, les mineurs et ceux qui allumaient les mèches. Ils baissèrent la tête et se mirent tristement à penser; un seul canonier eut le courage de s'ecrier: ordonne moi, Seigneur, de dire un mot... Il n'eut pas le temps de dire ce mot, le feu des mèches le gagna; les mines, le tonneaux de poudre éclatèrent; les murailles volèrent par dela le Soulay, les Tartars furent frappés de terreur et ils se soumirent au Tzar Blanc.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что̀ мы стары старики будемъ сказывати
Про грознаго Царя Ивана Васильевича,
Какъ онъ нашъ Государь-Царь подъ Каза́нь ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
А Татаре по городу похаживаютъ

---

*) Titre que les sujets de race tartare donnent à notre Souverain.

И всяко грубіянство оказываютъ.
Они грозному Царю насмѣхаются.
А не быть нашей Казани за Бѣлымъ за Царемъ!
Ахъ какъ тутъ нашъ Государь разгнѣвался,
Что подрывъ такъ долго медлится;
Приказалъ онъ за то пушкарей казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
Какъ всѣ тутъ пушкари призадумалися,
А одинъ пушкарь поотважился:
„Прикажи, Государь-Царь, слово выговорить!“...
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи,
И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ,
Какъ стѣны бросало за Сулаі за рѣку,
Всѣ Татаре тутъ, братцы, устрашилися,
Они Бѣлому Царю покорилися.

5.

C'était sur la Kamyschenka, devant l'embouchure de la Samara. Une légère chaloupe voguait d'après le courant; le jeune ambassadeur du Tzar, le prince Semen Konstantinovitch Karamychef était assis dans la chaloupe; dans sa main gauche il tenait l'oukaze du Tsar, dans sa main droite un sabre bien effilé. Sur le beau rivage escarpé, sur le sable jaune et fin, se promenaient des braves jeunes gens: des kozaques du Don, des Grebentsi, des Zaporogiens, et puis des kozaques du glorieux Yaïck *). Ils s'assemblèrent en un même cercle, ils pensèrent une même pensée, ils dirent un même mot. Ils pointèrent un petit canon de cuivre, ils y firent rouler un petit boulet de fer, ils firent feu sur la légère chaloupe. Ils ne blessèrent personne. Ils tuèrent seulement l'ambassadeur du Tzar.

Внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Супротивъ то было устьица Самары-рѣки,
Что плыветъ тутъ легка лодочка коломенка,
Что въ той ли лодочкѣ сидитъ младъ посланникъ царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ сударь Константиновичъ,
Въ лѣвой рукѣ держитъ Государевъ указъ.
Что по крутому, красному бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,

*) Ancien nom de l'Oural.

Что ходили тутъ, гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все Донскіе казаки,
Что Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
Да и славные казаки, братцы, Яицкіе.
Они думали крѣпку думушку за едино,
Что сказали всѣ словечушко во единой гласъ.
Становили они пушку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрышко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку,
Никого они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного царскаго посланника.

6.

Lune brillante, notre père! [1]) Pourquoi ne brilles-tu pas comme jadis? Pourquoi ne brilles-tu pas du soir jusqu'à minuit, de minuit jusqu'à la blanche aurore? Tu te caches derrière le nuage, tu t'enveloppes d'obscurité. Voilà ce qui est arrivé dans la *Sainte Russie* [2]), dans la glorieuse ville de Pétersbourg, dans la cathédrale Petropavlovsky (de St. Pierre & St. Paul). A droite, près du *klyros*, près du tombeau de l'Empereur, de l'Empereur Pierre I, dit le-Grand, un jeune matelot priait Dieu; il pleurait comme coule une rivière [3]), il pleurait la mort de l'Empereur, il disait en sanglottant: Ouvres toi, terre humide, notre mère! [4]) Ouvres toi en quatre; couvercle, ôtes-toi du cercueil; déplies-toi, linceul de drap d'or; et lèves-toi, réveilles-toi, notre père, Tzar orthodoxe [5]), jette un regard sur ta brave, ta chère armée. Sans toi elle est devenue orpheline et impuissante.

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Укрываешься тучей темною.
Что у насъ было на Святой Руси,

---

[1]) La lune, en langue russe, est du genre masculin.

[2]) *Sviataya Rousse*, expression consacrée. Moscou n'a jamais été appelée *la ville sainte*, son épithète est la ville *de pierre blanche*, *bélo-kamennaya*.

[3]) Expression consacrée.

[4]) Expression consacrée.

[5]) *Pravoslavny Tzar*, un des titres de nos souverains.

Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Въ соборѣ Петропавловскомъ.
Что у праваго у клироса,
У гробницы Государевой,
У гробницы Петра Перваго.
Петра Перваго, Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ Государевой,
Государя Петра Перваго.
Въ возрыданье слово вымолвилъ:
„Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ ли на четыре стороны!
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися, золота парча!
И ты встань, пробудись, Государь!
Пробудись, батюшка, православный Царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе:
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ обезсилили“.

7.

N'est-ce pas bien triste et bien endêvé? Mon amant me quitte. Ne valait-il pas mieux que nous ne nous fussions jamais connus? Je n'aurais connu ni les chagrins, ni les pénibles soupirs, ni les larmes de la séparation; ma poitrine ne m'aurait pas fait mal; mon sang n'aurait pas bouilloné, je ne l'aurai pas regretté.

J'irai sur le nouveau perron, je m'appuirai sur la balustrade, je m'enveloperai de fourrures, je m'inonderai de larmes, je regarderai la plaine déserte. Dans la plaine déserte l'hermine joue avec la zibéline. C'est ainsi que mon amant joue avec une autre que moi... Mon amant serait-il content si je jouais avec un autre que lui?

8.

Ho! Caves souterraines, caves de notre Tzar! *)... Ho! voilà qu'un brave jeune homme sort des caves souterraines, des caves de notre Tzar. Il chancelle et trébuche, mais il n'est pas ivre. Il s'appuie sur son fusil. Deux belles jeunes filles ont vu de leurs fenêtres le brave jeune

*) La couronne avait le monopole de l'eau de vie.

homme. Elles descendent l'escalier, elles demandent au brave jeune homme: Es-tu marié, jeune homme? — Je suis marié, belles jeunes filles. Ma femme est une grande dame — c'est le fusil que m'a donné le Tzar. Mes petits enfants—ce sont les balles de plomb; toute ma parenté — c'est ma giberne avec ses cartouches; mes terres et mon héritage c'est le large champ de bataille.

9.

C'était sur le Don paisible, dans la ville de Tsherkask: il est né un brave jeune homme, Stépan Timoféevitch Rasine. Le bon Stépan ne fréquentait pas les krougs [1]) des kozaques. Il n'y délibérait pas avec nous autres. Le bon Stépan fréquentait le kabak du Tzar; il y délibérait avec les va-nus-pieds. Messieurs mes frères les va-nus-pieds! Allons un peu nous promener sur la mer bleue, attaquons y les vaisseaux des mécréans, prenons de l'or autant qu'il nous en faut. Et puis, frères, nous irons dans Moscou bâtie en pierre, nous y acheterons des habits de couleur, et nous reviendrons chez nous.

10.

C'était, frères, à la pointe du jour, au lever du rouge beau soleil [2]), au coucher de la claire lune: ce n'était pas un faucon qui planait sous le ciel, c'était le *yessaoul* [3]) qui se promenait par le bourg, et qui réveillait les braves jeunes gens. Levez-vous, braves jeunes gens; éveillez vous, kozaques du Don! Il ne fait pas bon chez nous; le glorieux, le paisible Don s'est troublé depuis sa source jusqu'à la mer d'Azof. Tout le peuple kozaque s'est ému. Nous n'avons plus d'ataman, nous n'avons plus Stépan Timoféevitch dit Stenka Rasine. On a pris le brave. On lui a lié ses blanches mains, on l'a mené à Moscou bâtie en pierre et, au milieu de la glorieuse *Krasnaya Plochtchade* [4]), on lui a tranché sa tête rebelle.

---

[1]) Assemblées publiques où l'on délibéraient en commun.

[2]) Expression consacrée et inévitable.

[3]) Officier-kozaque.

[4]) Grande place ou Kremle.

11.

Loin, bien loin, dans la plaine déserte, s'élevait bien-haut un bel arbre; sous le bel arbre croissait un gazon, parmi le gazon fleurissaient des fleurs bleus; un tapis était étendu sur les fleurs. Deux frères étaient assis sur le tapis; l'aîné frappait sur des cymbales, le cadet chantait une chanson: Notre mère nous mit au monde, comme deux enfants; notre père noùs éleva, comme deux jeunes faucons; il nous éleva et rien ne nous appris. La lointaine contrée étrangère dessèche sans qu'il vente, la lointaine contrée étrangère fait transir sans qu'il gèle. Notre mère a cru ne pouvoir de sa vie se débarasser de nous; et la voilà qui nous a perdus en une seule heure. Elle nous a perdus, elle ne nous verra jamais.

(*Сообщено И. И. Курисомъ*).

ДВА СТИХА ПУШКИНА.

Пушкинъ два раза переводилъ балладу Мицкевича „Будрысъ и его сыновья" (какъ я слышалъ отъ В. А. Елагина). Въ первомъ утраченномъ переводѣ, который онъ читалъ И. В. Кирѣевскому, было:

Тамъ всѣ жены какъ иконы,
Въ серебрѣ и въ жемчугахъ.

Теперь читаемъ одинъ стихъ:

Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ.

Конечно такъ лучше.

Надо замѣтить, что въ подлинникѣ ничего этого нѣтъ, и что переводы обѣихъ балладъ Мицкевича у Пушкина весьма слабы; особливо переводъ, который онъ назвалъ „Воевода", далеко не передаетъ необыкновенной силы и прелести Польскаго поэта. П. Б.

СТИХОТВОРЕНІЕ БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

Сообщено въ „Русскій Архивъ“ С. Г. Карелиной, дочерью извѣстнаго путешественника Г. С. Карелина (помѣстившей очеркъ жизни своего отца въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г.), при слѣдующихъ строкахъ:

„Покойный баронъ Дельвигъ написалъ эти стихи, посылая свои „Сѣверные Цвѣты“ 1827 года моей матери, Александрѣ Николаевнѣ Карелиной, жившей тогда въ Оренбургѣ. Матушка моя (урожденная Семенова) была воспитана въ Петербургѣ въ одномъ пансіонѣ съ женой Дельвига, Софьей Михайловной Салтыковой. Онѣ обѣ сохранили и понынѣ дружбу, связавшую ихъ дѣтство и юность“.

*

Отъ васъ бы намъ, съ краевъ Востока,
Ждать должно пѣсенъ и цвѣтовъ:
Въ сосѣдствѣ вашемъ духъ пророка,
Волшебной свѣжестью стиховъ,
Живитъ поклонниковъ Корана;
Близъ васъ поютъ пѣвцы Ирана,
Гафизъ и Сади—соловьи!
Но вы, упорствуя, молчите:
Такъ въ наказаніе примите
Цвѣты замерзшіе мои.

Дельвигъ.

КЪ ДѢЛУ О СМЕРТНОМЪ ПОЕДИНКѢ ЛЕРМОНТОВА.

Письмо двухъ секундантовъ (Глѣбова и князя А. И. Васильчикова) къ Н. С. Мартынову.

(Іюль 1841).

Посылаемъ тебѣ брульонъ 8-й статьи. Ты къ нему можешь прибавить по своему уразумѣнію; но это сущность нашего отвѣта. Прочіе отвѣты твои совершенно согласуются съ нашими, исключая того, что Васильчиковъ поѣхалъ верхомъ на своей лошади, а не на дрожкахъ бѣговыхъ со мной. Ты такъ и скажи. Лермонтовъ-же поѣхалъ на моей лошади: такъ мы и пишемъ. Сегодня Трескинъ еще разъ говорилъ, чтобы мы писали, что до нас относится четверыхъ, двухъ секундантовъ и двухъ дуэлистовъ. Признаться тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно. Я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но потому, что не видимъ ничего дурнаго съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова, и приписы

ваемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю (всѣ это знаютъ): судьба такъ хотѣла, тѣмъ болѣе, что ты въ третій разъ въ жизни своей стрѣлялъ изъ пистолета (два раза когда у тебя пистолеты рвало въ рукѣ и этотъ третій), а совсѣмъ не потому, чтобы ты хотѣлъ пролить кровь, въ доказательство чего приводимъ то, что ты самъ не походилъ на себя, бросился къ Лермонтову въ ту секунду, какъ онъ упалъ и простился съ нимъ. Что-же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи къ Т. [1]) и С. [2]), которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ. Надѣемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали, придя на барьеръ. Напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова.

(*Писано рукою Глѣбова*).

Письмо это, въ спискѣ руки Н. С. Мартынова, сообщено было намъ симъ послѣднимъ въ 1872 году, послѣ того, какъ появилась во Р. Архивѣ статья князя А. И. Васильчикова: „Дуэль и кончина Лермонтова“. Мартынову же принадлежатъ оба примѣчанія, подъ строкою. Письмо очевидно писано во время производства слѣдствія по дѣлу о поединкѣ. Другой общій товарищъ дуелистовъ, князь Долгоруковъ писалъ къ Мартынову, когда тотъ водворенъ былъ на покаяніе въ Кіевѣ, что, какъ ни ужасно его положеніе, но, въ свое облегченіе, онъ можетъ останавливаться на мысли о неизбѣжности Лермонтовской гибели; что не онъ, такъ кто нибудь другой положилъ бы его на мѣстѣ: до того невыносимъ былъ онъ въ своемъ нравѣ и обращеніи. П. Б.

ПОЛЬСКАЯ ГРАФИНЯ ПРО КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Пріятели Пушкина, вспоминая его, обыкновенно говорили, что его бесѣда стóила его произведеній; а Левъ Сергѣевичъ свидѣтельствуетъ, что геніальность его брата выражалась преимущественно на словахъ, и особенно въ разговорѣ съ женщинами. Почти тоже самое можно сказать и про князя П. А. Вяземскаго съ тою разницею, что образованіе его было обширнѣе, и что, переживъ своего друга слишкомъ на сорокъ лѣтъ, онъ, во вторую половину жизни, былъ разборчивѣе въ связяхъ и знакомствахъ. Очарованіе его бесѣды, когда случалось ему разговориться, памятно многимъ, и въ особенности женщинамъ. Одна изъ такихъ собесѣдницъ его, Польская графиня, называвшая его почему-то Армандомъ, написала о немъ слѣдующую выразительную и мѣткую страницу.

---

[1]) Князю Сергѣю Васильевичу Трубецкому.

[2]) Алексѣю Аркадіевичу Столыпину.

La figure d'Armand, ainsi que son caractère offre un bizarre assemblage. La nature l'a formé d'éléments contraires, et son existence semble être composée des dons qui eussent suffi à deux êtres moins distingués. Armand n'est point beau, peut-être même qu'un autre, avec sa figure, ne plairait pas; mais c'est qu'il serait dépourvu de ce sourir si fin, qui exprime chez lui toutes les nuances de l'esprit le plus délié. Armand sourit comme rarement on regarde.

Armand n'est jamais pressé de parler, mais tout ce qu'il dit répond à la pensée de celui avec qui il cause. Ses manières sont froides, ses paroles tombent négligement; cependant tout ce qu'il exprime, tout ce qu'il fait est toujours à sa place, et lorsque sa négligence fait douter de ses soins, son esprit et son goût sont là pour faire douter de sa négligence.

Armand cherche le plaisir avec inquiétude. A le voir se multiplier pour suffire à tous les genres de dissipation, on croirait que son esprit léger et son coeur froid le portent à chercher dans le tourbillon du monde un aliment que lui refuse son tems; cependant l'expression de sa physionomie dans cette vie d'étourdissement semble dire qu'il n'a point ce qu'il lui faut et qu'un but médiocre, ne pouvant lui suffire, il dessémine les facultés que le Ciel lui a accordées comme pour n'en être pas accablé.

(Сообщено графинею Е. П. Шереметевой).

ПЕРЕВОДЪ.

Внѣшній видъ Армана, какъ и его характеръ, страннаго сложенія. Природа образовала его изъ противоположныхъ началъ, и въ немъ повидимому сочетались дарованія, которыхъ было бы довольно и для двухъ существъ, менѣе достопримѣчательныхъ. Арманъ вовсе не красивъ собою; можетъ быть даже, другой человѣкъ съ такою внѣшностью никому бы не понравился, не будь у него этой улыбки. до того тонкой, что ею выражаетъ онъ всѣ оттѣнки ума самаго развитаго. Арманъ улыбается какъ немногіе умѣютъ глядѣть.—Арманъ никогда не торопится говорить, но все что онъ скажетъ служитъ отвѣтомъ на мысль его собесѣдника. Обращеніе его холодно, слова свои роняетъ онъ небрежно; но всѣ его выраженія, всѣ его дѣйствія всегда умѣстны. Подумаешь, что онъ ни въ чемъ не даетъ себѣ труда; но умъ и вкусъ, которые у него во всемъ, разубѣждаютъ въ томъ.—Арманъ безпокойно ищетъ удовольствій. Глядя, какъ онъ лѣзетъ изъ себя, чтобы поспѣть на всякаго рода развлеченіе, приходишь къ мысли, что по легкомыслію и охлажденію сердца онъ замѣняетъ себѣ

свѣтскою суетою ту пищу, въ которой отказываютъ ему его года; и посмотрите на него въ этой безтолковой жизни: у него нѣтъ чего ем надо; посредственности для него мало, и онъ расточаетъ данныя ем Небомъ способности какъ будто для того, чтобы не тяготиться ими.

*

Это отзывъ про князя Вяземскаго, какимъ имѣли мы счастливую во: можность знать и любить его. Пушкинъ подобными же чертами изобразил его въ молодыхъ годахъ:

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И добродушіе съ язвительной улыбкою.

Польская графиня отчасти повторила сказанное Русскимъ поэтомъ котораго она, по всему вѣроятію, не читала. Любопытно это совпаденi двухъ показаній, раздѣляемыхъ слишкомъ полустолѣтіемъ. П. Б.

ОСТРОСЛОВІЕ А. О. АРМФЕЛЬДА.

Говорятъ будто женскія слезы *вода*. Нѣтъ, они *невода*, потому чт на нихъ ловятъ мужчинъ. А скорѣе всего они — *бредни*.

Въ альбомѣ баснописца А. А. Измайлова Н. И. Гречъ начертилъ перомъ довольно удачно портретъ свой въ видѣ рыцаря и подписалъ его четверостишіемъ:

Я рыцарь перышка,
И перышко мой мечъ:
Мечъ вѣки проживетъ,
Съ нимъ проживетъ и Гречъ.

Книги, продающіяся въ Конторѣ Русскаго Архива.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ. Воспоминанія А. Л. Зиссермана. Спб. 1879. Двѣ части. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. М. 1885. 360 стр. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 25 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique. Moscou et St-Petersbourg. 1813—1819. (Историческая переписка Кристина и княжны Туркестановой между Москвою и Петербургомъ). Три тома. Цѣна 5 р. съ пер.

JOURNAL tenu par la princesse Tourkestanow (1818) et LETTRES de Chistin à une dame de sa connaissance 1830—1831. (Журналъ княжны Туркестановой и письма Кристина къ знакомой дамѣ). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

ЗАПИСКИ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА. Полное изданіе безъ пропусковъ. М. 1867. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Записки М. А. Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ. М. 1873. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА. 3-е изданіе. М. 1881. Цѣна 30 к., съ перес. 35 коп.

СТИХОТВОРЕНІЯ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА. Новое изданіе, значительно дополненное. М. 1883. Цѣна 50 к., съ перес. 55 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО. Первое общедоступное изданіе. М. 1885. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 55 к.

А. С. ПУШКИНЪ. Сборникъ его бумагъ, біографическихъ и другихъ свѣдѣній о немъ, издаваемый „Русскимъ Архивомъ." Два выпуска. Цѣна каждому по 1 р., съ перес. по 1 р. 15 к.

Приводится содержаніе втораго выпуска:

1) А. С. Пушкинъ (1816—1837) Статья князя П. П. Вяземскаго.—2) А. С. Пушкинъ и С. С. Хлюстинъ, ихъ переписка наканунѣ несостоявшагося поединка.—3) Письмо А. С. Пушкина къ П. Я. Чадаеву по поводу его „Философическихъ Писемъ". — 4) Изъ записной книжки Зеленецкаго о Пушкинѣ въ Одессѣ.—5) Изъ рукописей А. С. Пушкина.—1. Письмо передъ высылкою изъ Одессы.—2. Письмо по пріѣздѣ въ ссылку.—3. Письмо изъ ссылки Александру Павловичу.—4. Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ.—5. Письмо къ Н. В. Всеволожскому.—6. Наброски въ стихахъ.—7. Критическіе отрывки.—6) Переписка А. С. Пушкина къ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ.—7) О нападеніяхъ на Пушкина. Статья князя В. Ѳ. Одоевскаго.—8) Письмо А. Г. Родзянки къ А. С. Пушкину.—9) Письма Ѳ. А. Туманскаго къ А. С. Пушкину.—10) А. С. Пушкинъ и И. Е. Великопольскій. Ихъ переписка со стихами.—11) Разсказъ Кавказскаго ветерана о Пушкинѣ.—12) Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. — 13) Экспромтъ Пушкина про пьяницу-прикащика.—14) Два автографа Пушкина. Статья М. Н. Лонгинова.—15) Стихи Пушкина на памятникъ одному генералу.—16) Мицкевичъ о Пушкинѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго.—17) О кончинѣ А. С. Пушкина. Записка В. И. Даля.—18) Рѣчи на юбилейномъ Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ 7 Іюня 1881 года:—а) И. С. Аксакова.—б) Издателя Русскаго Архива.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1885 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ съ портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени" и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

Москва, Ермолаевская Садовая, 175

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

4.

Приложена геліогравюра, изображающая первое свиданіе Императора Александра Павловича съ Прусскою королевою Луизою (1802).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

ПЕРВОЕ СВИДАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА СЪ КОРОЛЕВОЙ ПРУССКОЙ ЛУИЗОЮ.

1802.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ГРАФИНИ ФОССЪ

оберъ-гофмейстерины Прусскаго двора.

(Neunundsechzig Jahre am Preussischen Hofe. Leipzig. 1876. 4-te Auflage).

Вандаль, въ любопытной книгѣ своей объ императрицѣ Елисаветѣ тровнѣ (Louis XV et Élisabeth de Russie), написанной по бумагамъ ›анцузскаго государственнаго архива и—сказать мимоходомъ—малосодер-тельной сравнительно съ новыми показаніями о томъ же предметѣ, на-дящимися въ „Архивѣ Князя Воронцова" (особенно во 2-й и 3-й кни-хъ), обвиняетъ регента Франціи и самаго Людовика XV-го въ томъ, что и не воспользовались возможностью брачнаго сближенія съ Россіею. При омъ Вандаль совершенно основательно замѣчаетъ, что весь ходъ Евро-йской исторіи измѣнился бы, подпади Россія подъ такое же вліяніе Фран-зское, каково было вліяніе Германское; только онъ ошибается относи-льно времени, когда вліяніе это возымѣло силу и преобладаніе. Покой-лй С. М. Соловьевъ говаривалъ, что Славянофилы почти на цѣлое сто-›тіе опоздали въ своемъ нерасположеніи къ Европейскимъ новизнамъ и что 'о нерасположеніе должно быть обращено не на Петра Великаго, а на лександра Павловича.

Тѣсное сближеніе съ Германіею, начавшееся съ первыхъ годовъ нынѣш-іго столѣтія, такъ важно въ нашей исторіи, что необходимо собирать сви-ıтельства о томъ современниковъ и очевидцевъ.

Оберъ-гофмейстерина графиня Фоссъ (1729—1814), родилась, вы-осла, состарилась и умерла при Прусскомъ дворѣ. Она была умная, бразованная, нравственная женщина. Къ королевскому дому она сегда стояла близко и была скорѣе членомъ семьи, чѣмъ служащимъ ицомъ. Положеніе ея было въ родѣ нашей княгини Ш. К. Ливенъ (ко-

торую выбрала Екатерина для воспитанія своихъ внучекъ и высокихъ качествъ которой графъ С. Р. Воронцовъ желалъ нашимъ генералъ-адъютантамъ). Къ графинѣ Фоссъ относились съ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ; во всѣхъ печаляхъ, радостяхъ и дѣлахъ Прусскаго королевскаго дома она принимала живое участіе. Она была воспитательницей нынѣшняго императора Вильгельма, его братьевъ и обѣихъ сестеръ. Многое въ своей жизни она пережила и испытала, многихъ великихъ и малыхъ событій была свидѣтельницей. Свои впечатлѣнія она имѣла обыкновеніе записывать, и дневникъ ея служитъ живымъ и вѣрнымъ отраженіемъ настроенія правительственной среды въ тогдашней Пруссіи. Извлекаемъ изъ этого дневника страницы, которыя почему-либо касаются нашего царскаго дома и Россіи; но прежде того считаемъ долгомъ привести современныя историческія свидѣтельства Русскихъ людей о Прусскомъ королѣ и его супругѣ.

Еще Храповицкій записалъ 28 Апрѣля 1787 года, со словъ Екатерины Великой, что 17-лѣтній кронъ-принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ „побранился съ приставленнымъ къ нему графомъ Брилемъ, и что король-отецъ арестовалъ его за это. „Но сіе не послужитъ къ его исправленію", замѣтила Екатерина: „car il est d'un caractère violent et fougeux *). Таковъ былъ дѣдъ, таковъ и отецъ". Впослѣдствіи онъ измѣнился къ лучшему. Обстановка его молодости была самая несчастная: отецъ отвергъ его мать и открыто жилъ съ другими; дѣду-дядѣ, т. е. Фридриху Великому, онъ удивлялся, но нравственнаго уваженія питать къ нему не могъ. Фридрихъ-Вильгельмъ женился въ одинъ годъ съ нашимъ Александромъ Павловичемъ (котораго былъ семью годами старше) на Мекленбургской принцессѣ Луизѣ (род. 1776) и въ 11 лѣтъ царствованія отца своего вытерпѣлъ „всю горечь срама". Вступивъ на престолъ 7 Ноября 1797 года, онъ обнаружилъ какое-то „стыдѣніе власти", и первый изъ государей западной материковой Европы, издавая указы, началъ всякій разъ объяснять подданнымъ поводъ и причину своего повелѣнія. Конечно ужасы Французской революціи сильно на него подѣйствовали, вызывая въ немъ сознаніе тѣхъ и другихъ неправдъ: и которыми она была вызвана, и которыя ее сопровождали. Вотъ общія черты Фридриха Вильгельма Третьяго съ Александромъ Павловичемъ.

Графъ Н. П. Панинъ, нашъ посланникъ при Берлинскомъ дворѣ, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 15 Ноября 1798 года, такъ изображаетъ Прусскую королевскую чету, черезъ годъ по ея воцареніи.

„Король—человѣкъ вовсе не замѣчательный, и воспитаніе его было такъ небрежно, что онъ не составилъ себѣ никакого понятія о государственныхъ дѣлахъ своей монархіи. Во внѣшней и внутренней политикѣ

---

*) Ибо онъ нрава насильственнаго и необузданнаго.

онъ всегда останется ничтожествомъ. По военной части онъ, пожалуй, имѣетъ храбрость солдата и достоинства полковника; но умъ его слишкомъ узокъ, и ему недоступны соображенія высшей тактики. Способностей у него хватаетъ лишь на мелочи воинской службы. Ежедневныя занятія его ограничиваются выслушиваніемъ докладовъ и подписываніемъ, безъ разбора, текущихъ бумагъ. Бережливый до мелочности, онъ только и печется о накопленіи денегъ и для того терпѣливо сноситъ всякія лишенія. Нрава онъ ровнаго, отъ природы добръ, и одна у него страсть — скопидомничать. Онъ любитъ королеву и до сихъ поръ являетъ собой примѣръ доброй нравственности; но снисходительность и заботливость, эти поруки семейнаго счастія, не въ его нравѣ. Съ женою онъ грубъ и требователенъ; въ самыхъ невинныхъ своихъ вкусахъ она кротко и съ ангельскою покорностью повинуется ему. Подданные единодушно обожаютъ ее. Но значеніе имѣть она неспособна. Думая только о томъ, какъ бы понравиться, она бываетъ пресчастлива, когда король позволитъ ей украситься брилiантами, накупить нарядовъ и поразить остальныхъ женщинъ блескомъ своей красоты". („Архивъ Князя Воронцова" XI, 52, 53).

Осенью 1802 года, на обратномъ пути изъ Петербурга въ Лондонъ, посолъ нашъ въ Англіи, графъ С. Р. Воронцовъ прожилъ недѣли двѣ въ Берлинѣ, и позднѣе сообщилъ брату своему, тогдашнему государственному канцлеру, мѣткія и важныя наблюденія свои о Пруссіи и ея королевскомъ домѣ. Приводимъ нѣкоторыя выдержки, отсылая читателей, желающихъ ближе познакомиться съ этимъ любопытнымъ предметомъ, къ X-й книгѣ Архива Князя Воронцова".

„Король отъ природы не лишенъ ума, но имѣетъ мало познаній, непривыченъ къ дѣламъ, очень робокъ и до чрезвычайности скупъ. Говорятъ, что онъ честенъ; по крайней мѣрѣ за нимъ не знаютъ ни одного безчестнаго поступка, и въ частной жизни нравы его вполнѣ безупречны. По невѣжеству и слабости, этотъ добрый король занимается исключительно своимъ гвардейскимъ полкомъ и не пропускаетъ ни одного парада и ни одного ученія; но тактика настоящая, великая ему недоступна. Когда онъ самъ распоряжается манёврами, генералъ Мöллендорфъ совѣстится за него передъ иностранцами и обыкновенно тутъ же говоритъ имъ: „Вы, господа, понимаете, что это только для забавы и если пушки дѣйствительно зарядить, движенія войскъ выдутъ другія". Кромѣ солдатъ, король ничѣмъ больше не занимается, предоставляя дѣла министрамъ, которыхъ онъ рѣдко видитъ, и всегда соглашаясь на словесныя или письменныя представленія. Это происходитъ отъ недовѣрія къ собственнымъ познаніямъ и отъ привычки. Онъ любитъ тихую жизнь въ обществѣ жены своей, ея братьевъ, своей сестры и нѣсколькихъ адъютантовъ, въ числѣ которыхъ подкупленнаго Франціею Кöкерица считаетъ своимъ другомъ. Королю уже 33 года, характеръ его сложился, и сколько бы онъ ни процарствовалъ, перемѣны ждать нечего".

„Королева дѣйствительно прекрасна, но безъ всякаго выраженія и благородства въ чертахъ. Умомъ она весьма не далека. Влюбленная въ самоё себя, она не умѣетъ скрыть сознанія своей красоты, и хотя поведеніе ея безупречно, но она страхъ какъ любитъ со всѣми кокетничать. Радость Фридриха Великаго послѣ захвата Силезіи едва ли не была слабѣе радости и гордости королевы, коль скоро въ нее влюбился какой нибудь лакей или нищій. Она рядится, восхищается собою, и бесѣдовать съ ней почти не о чемъ: разговоръ всегда сводится, чтобы восхвалять ея красоту. Будь она въ одной комнатѣ съ нашею молодой Государыней и надѣнь на себя свои бриліанты, на всякій свѣжій глазъ она покажется въ видѣ пригожей царицыной служанки. Тѣмъ не менѣе я долженъ повторить, что ея нравственность всегда и вполнѣ безукоризненна. Странно, что въ три мѣсяца мнѣ пришлось видѣть трехъ царицъ, и всѣ три въ своемъ родѣ красавицы; но, по истинѣ, наша Елисавета Алексѣевна лучше обѣихъ другихъ *). У сестры ея, королевы Шведской, лицо замѣчательнѣе и умнѣе нежели у королевы Прусской; но все же она уступаетъ нашей Государынѣ. Ея скромные пріемы, талія, умѣнье держать себя и эти глаза, въ которыхъ такъ прекрасно отражаются умъ и кротость характера, по истинѣ несравненны“.

О Мемельскомъ свиданіи двухъ государей, которое имѣло столь важныя политическія послѣдствія и вовлекло Россію въ кровопролитныя войны, графъ С. Р. Воронцовъ передаетъ своему брату, что оно было придумано въ Берлинѣ, вскорѣ по воцареніи Александра Павловича и что посредникомъ былъ братъ королевы Луизы, наслѣдный принцъ Мекленбургскій, съ которымъ нашъ дворъ состоялъ въ родствѣ по браку Елены Павловны (скончавшейся лишь въ слѣдующемъ году). Графъ С. Р. Воронцовъ пришелъ въ ужасъ, узнавъ, что Александръ Павловичъ вошелъ въ частную переписку съ Прусскимъ королемъ. Онъ находилъ такое сближеніе опаснымъ, а союзъ съ Пруссіею неравномѣрнымъ и выгоднымъ только для одной стороны. Молодой Государь нашъ, проѣзжая по Курляндіи, узналъ, какъ сказано въ тогдашнихъ Русскихъ газетахъ, что Прусскій король по близости совершалъ въ это время года „обыкновенное ревю“ своихъ войскъ. Александръ Павловичъ пробылъ въ Мемелѣ съ 29 Мая по 4 Іюня 1802 г. нашего стиля. Со временъ Петра Великаго это былъ первый выѣздъ Русскаго Государя въ чужіе краи. Вмѣсто грознаго самодержца увидѣли тамъ застѣнчиваго, прекраснаго юношу. Подѣйствовать на него въ свою пользу было естественною и не особенно трудною задачею для Прусскихъ государственныхъ людей, сохранявшихъ преданія Фридриха Великаго.

---

*) Въ тоже лѣто 1802 года, Елисавета Алексѣевна ѣздила въ Финляндію (тогда еще Шведскую), повидаться съ сестрою своею королевою Шведскою, и ее сопровождалъ туда графъ С. Р. Воронцовъ. П. Б.

Мемель, 10-го Іюня 1802 г. [1])

Король выѣхалъ верхомъ навстрѣчу Царя за городъ. Какъ только Царь его увидѣлъ, тотчасъ же вышелъ изъ экипажа и также сѣлъ на коня, чтобы привѣтствовать короля. Отъ самой границы Царя сопровождали конные гусары и драгуны, а отъ заставы города, гдѣ въ честь его была устроена нарядная арка, шпалерами стояла пѣхота. Купечество встрѣтило Государя у заставы на коняхъ. По всѣмъ улицамъ размѣщены хоры музыки. Пушечная пальба и восторженные крики народа оглашали воздухъ, все имѣло торжественный и праздничный видъ. Графиня Мольтке и я встрѣтили Царя внизу лѣстницы, и король представилъ меня его величеству. Королева приняла его въ первой залѣ; сегодня она была еще прекраснѣе обыкновеннаго. Царь вошелъ съ ихъ величествами во вторую залу, но тотчасъ же вышелъ обратно, и тутъ побесѣдовалъ со мною самымъ милостивымъ и любезнымъ образомъ. Онъ чрезвычайно красивый бѣлокурый человѣкъ; невольно поражаешься красотою его лица, но фигура его не хороша, или вѣрнѣе, онъ плохо держится. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка мягкаго и добраго; онъ въ высшей степени учтивъ и привѣтливъ. Въ два часа былъ обѣдъ. Съ царемъ пріѣхали: графъ Толстой, Кочубей, Долгорукій, Ливенъ, Волконскій и Новосильцовъ [2]). Вечеромъ царственныя особы кушали чай отдѣльно, а мы, всѣ придворные и Русскіе, пили чай въ другой комнатѣ, но вскорѣ ихъ величества вышли къ намъ; были поставлены игральные столы, за которыми всѣ и размѣстились. Царь сѣлъ возлѣ меня и долго дружески со мною бесѣдовалъ. Въ 11 часовъ ужинали за маленькими столиками.

11-го Іюня.

Королева была на маневрахъ, затѣмъ пріѣхалъ Царь и завтракалъ у ея величества. Обѣдъ былъ опять въ 2 часа. Затѣмъ передъ сумерками королева вмѣстѣ съ Царемъ поѣхала верхомъ въ лагерь. Мольтке и я, Лендорфъ и Шильденъ поѣхали вслѣдъ за ними въ коляскахъ. Вечеромъ пріѣхалъ Алопеусъ [3]); ужинали также какъ и вчера. Королева была восхитительно хороша.

12-го Іюня.

Королева опять верхомъ была на маневрахъ. За обѣдомъ кромѣ вчерашнихъ былъ еще Португальскій посланникъ въ Петербургѣ, кавалеръ Рицца, весьма пріятный человѣкъ. Граждане города вечеромъ давали балъ. Тѣснота и духота нестерпимыя, едва было возможно дышать. За ужиномъ я сидѣла рядомъ съ Царемъ; онъ до крайности милъ и любезенъ со мною,

---

[1] Счетъ у графини Фоссъ, конечно, по новому стилю. П. Б.

[2]) Разумѣется, графиня Фоссъ искажаетъ нѣкоторыя имена Русскихъ людей. Предоставляемъ любителямъ отыскать ихъ изображенія на прилагаемомъ рисункѣ. П. Б.

[3]) Нашъ посланникъ при дворѣ Прусскомъ. П. Б.

и не могу не сознаться, что онъ въ высшей степени пріятный человѣкъ: въ немъ просто есть что-то обаятельное.

13-го Іюня.

До обѣда я пробыла у королевы; вслѣдствіе жары она не могла сегодня выѣхать верхомъ; вскорѣ къ ней пріѣхалъ Царь. Парадный обѣдъ. Вечеромъ у короля маленькій балъ, на который приглашено нѣсколько избранныхъ Курляндскихъ и Польскихъ дамъ; онѣ нарочно для этого пріѣхали сюда. Я танцовала съ Царемъ польскій.

14-го Іюня.

Я завтракала одна съ ихъ величествами. Послѣ завтрака у королевы въ первый разъ въ жизни сдѣлались въ груди спазмы; я думаю, что это случилось съ нею вслѣдствіе жары. Сюда прибылъ принцъ Виртембергскій. Вечеромъ ѣздили кататься къ маяку, Царь и король верхами, а королева, принцесса Виртембергская и я въ коляскѣ.

15-го Іюня.

Благодаря Бога, королева чувствуетъ себя хорошо. Все утро и за обѣдомъ только я одна была съ ихъ величествами, остальные придворные обѣдали съ Русскими гостями. Царь былъ безконечно благосклоненъ и милостивъ ко мнѣ и дружески пилъ за мое здоровье. Онъ самый милый и любезный человѣкъ, какого можно вообразить себѣ, и всѣ убѣжденія и взгляды у него до крайней степени честны и возвышенны. Бѣдный, онъ совсѣмъ увлеченъ и очарованъ королевой! Послѣ обѣда онъ подарилъ мнѣ великолѣпныя бриліантовыя серьги, а Мольтке чудесное ожерелье. Я поблагодарила его за привѣтливость и необычайную милость. Позднѣе королева опять поѣхала кататься съ ихъ величествами. Послѣ чаю Царь приказалъ позвать свою свиту, чтобы проститься съ ихъ величествами. Мнѣ было очень грустно, что пріятные и счастливые дни миновали.

16-го Іюня.

До десяти часовъ Царь просидѣлъ за завтракомъ у ихъ величествъ, затѣмъ уѣхалъ. Его провожалъ графъ Калькрейтъ. Я со слезами прощалась съ нимъ, да и всѣ плакали. Вслѣдъ затѣмъ мы также выѣхали изъ Мемеля.

Затѣмъ нѣсколько лѣтъ графиня Фоссъ не упоминаетъ ни объ Александрѣ Павловичѣ, ни о Россіи; но настаетъ для Пруссіи тяжкая година бѣдствій, 1806-й годъ, когда побѣдоносная армія Наполеона давитъ и гонитъ все передъ собою (стр. 258 и слѣд).

9-го Ноября 1806 года.

Къ 12 часамъ дня мы прибыли въ Кёнигсбергъ и помѣстились во дворцѣ. Здѣсь ни о чемъ никто ничего не знаетъ; извѣстій нѣтъ; всѣ надѣятся только на одну Россію, но еще ничего вѣрнаго неизвѣстно.

11-го Ноября.

Говорятъ, будто Русскіе приближаются. Здѣсь, проѣздомъ въ Петербургъ, былъ графъ Зубовъ.

12-го Ноября.

Написала письмо царю Александру.

15-го Ноября.

Говорятъ, будто ихъ величества ѣдутъ въ Остеродє. 62,000 человѣкъ Русскихъ присоединилось къ остаткамъ нашихъ войскъ.

24-го Ноября.

Королева пишетъ, что они ѣдутъ въ Ортельсбургъ. Дюрокъ былъ очень вѣжливъ. Вся надежда на Русскихъ. Дай-то Богъ, чтобы она оправдалась!

22-го Декабря.

Королева въ постоянной тревогѣ и вовсе лишилась сна; она страшно слаба, но лихорадка нѣсколько уменьшилась. Да сохранитъ ее намъ Господь! Сегодня пріѣхалъ Русскій генералъ съ письмами отъ Царя и отъ ф.-маршала Каменскаго, который прибылъ въ Пултускъ; надѣюсь, что онъ обратитъ въ бѣгство уже почти дошедшихъ туда Французовъ.

29-го Декабря.

Французы отбросили назадъ Русскіе авангарды. Это весьма плохо, но все же не слѣдуетъ вовсе терять мужество и надежду, какъ наши многіе придворные; меня сердитъ такой чрезмѣрный страхъ, такая удивительная робость.

31-го Декабря.

Маіоръ Клюксъ отправленъ курьеромъ въ Петербургъ; я написала съ нимъ къ Царю. Русскіе удачно дрались съ Французами, но за неимѣніемъ провіанта были принуждены отступить.

Французы приближаются, королевское семейство принуждено покинуть Кенигсбергъ, оно отправляется въ Мемель.

1807 г. 8-го Января.

За неимѣніемъ постели мнѣ пришлось спать на полу, однако отлично. Король очень рано поутру поѣхалъ далѣе, для меня же только въ 8 часовъ прибыли лошади. Въ 11 часовъ мы добрались до Гаффа, пересѣли въ лодку и къ часу были въ Мемелѣ. Королева пріѣхала нѣсколько позднѣе, такъ какъ все время ѣхала въ каретѣ. Носилокъ не оказалось, и потому бѣдную, больную королеву слуга внесъ на лѣстницу на рукахъ; видѣть это мнѣ было очень, очень больно. Благодаря Бога, она чувствовала себя не особенно плохо, и мы тотчасъ же уложили ее на диванъ. Она поселилась въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя занимала пять лѣтъ тому назадъ... но ахъ, какая разница между настоящимъ нашимъ положеніемъ и тѣмъ временемъ, когда здѣсь былъ Царь, и мы проводили такіе пріятные, счастливые дни въ его обществѣ!

9-го Февраля 1807.

Клюксъ вернулся съ письмами отъ царя Александра; онъ въ безконечномъ отъ него восхищеніи; къ сожалѣнію, не всѣ Русскіе расположены къ намъ также хорошо, какъ ихъ Царь.

10-го Февраля.

7-го и 8-го, неподалеку отъ Эйлау, была кровопролитная битва. Русскіе снова принуждены были отступить, но въ полномъ порядкѣ и не побѣжденные. Одинъ офицеръ привезъ извѣстіе, что Французы потеряли убитыми и ранеными 12,000, а Русскіе всего 8,000. Союзная армія оказала чудеса храбрости, взято 12 знаменъ, ихъ везутъ въ Петербургъ; это весьма счастливо, но все же это не побѣда.

25-го Февраля.

Изъ Петербурга прибылъ Бенкендорфъ съ извѣстіемъ, что большое количество войскъ, также и гвардія, уже готовы къ выступленію. Царскія лошади уже отправлены впередъ. Дай-то Богъ, чтобы онъ самъ поскорѣе сюда пріѣхалъ!

26-го Февраля.

Изъ Петербурга пріѣхалъ Новосильцовъ, долго разговаривалъ съ королемъ и затѣмъ тотчасъ же уѣхалъ обратно.

27-го Февраля.

Царскій адъютантъ Уваровъ проѣздомъ въ армію заѣзжалъ сюда и былъ у меня; я очень была обрадована свиданіемъ со старымъ знакомымъ.

3-го Марта.

Изъ Петербурга пріѣхалъ князь Багратіонъ, обѣдалъ съ королевой. Король боленъ и даже въ постелѣ. Багратіонъ некрасивъ, но у него мужественная, воинственная наружность; онъ смотритъ настоящимъ воиномъ. Ему пожалованъ орденъ Чернаго Орла; тѣмъ же вечеромъ онъ проѣхалъ въ армію. Французы стоятъ неподалеку отъ Эльбинга, наши войска оттуда также близко.

5-го Марта.

Здѣсь три Французскихъ дезертира, мы ихъ видѣли. Изъ арміи извѣстія плохія. Русскій авангардъ потерпѣлъ неудачу, къ врагу подошло подкрѣпленіе; опасаются крупнаго сраженія. Полковникъ Клейстъ въ Остероде видѣлъ Наполеона; по его приказанію городъ былъ преданъ полному разграбленію. Что за чудовище этотъ человѣкъ!

7-го Марта.

Новосильцовъ изъ арміи ѣдетъ въ Петербургъ; онъ заходилъ на часокъ ко мнѣ; кажется, онъ весьма дружелюбно расположенъ къ намъ. Онъ ненавидитъ Наполеона и увѣряетъ, что Россія для насъ сдѣлаетъ все возможное; на Австрійцевъ же намъ расчитывать нечего: они изъ-за насъ рѣшительно не шевельнутъ пальцемъ.

9-го Марта.

Пріѣхалъ министръ Фоссъ; онъ увѣряетъ меня, что дѣло обстоитъ вовсе не такъ плохо, какъ мы полагаемъ. Еслибъ Господу Богу было угодно и еслибъ нашъ добрый ангелъ и вѣрный другъ, Русскій царь, намъ помогъ, то можетъ быть мы и могли бы еще избавиться отъ бѣды!..

13-го Марта.

Изъ Петербурга пріѣхалъ князь Трубецкой *) и увѣряетъ меня, что милый, горячо нами любимый Царь скоро будетъ сюда, и тогда въ арміи сразу все пойдетъ хорошо. Отъ Багратіона получила сегодня весьма любезное письмо.

17-го Марта.

Изъ Петербурга, проѣздомъ въ армію, былъ у насъ Уваровъ и говорилъ, что великій князь уже двинулся въ походъ со всею арміей и гвардіей, однимъ словомъ со всѣми войсками, какія могъ собрать нашъ добрый и вѣрный другъ, царь Александръ. Громадная армія!

23-го Марта.

Королева сказала мнѣ, что надо будетъ ѣхать въ Тильзитъ или Георгенбургъ, чтобъ видѣть, какъ будутъ проходить тамъ Русскія войска. За меня она боится и не желаетъ, чтобъ въ такую погоду я ѣхала съ нею. Но я и слушать ничего не хочу, ни за что не останусь здѣсь; если самъ Царь будетъ съ гвардіей, то и я непремѣнно желаю быть тамъ.

29-го Марта.

Графъ Шазотъ говоритъ, что Царь черезъ нѣсколько дней будетъ сюда. Король все еще не вѣритъ этому. Въ случаѣ пріѣзда Царя Мольтке и я уступимъ ему наше помѣщеніе.

1-го Апрѣля.

Король поѣхалъ къ Царю на встрѣчу въ Полангенъ, по ту сторону границы. Въ 5 часовъ онъ вернулся назадъ, Царя засталъ уже въ Полангенѣ, а завтра его величество прибудетъ сюда.

---

*) Князь Василій Сергѣевичъ, отецъ свѣтлѣйшей княгини М. В. Воронцовой. П. Б.

2-го Апрѣля 1807.

Совершивъ свой утренній туалетъ, мы отправились къ ихъ величествамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними встрѣтить Царя. Онъ прибылъ въ 11 часовъ дня. Все тотъ же привѣтливый, дружелюбный, несравненный человѣкъ, исполненный доброты и сердечности. Онъ горячо, по дружески обнялъ меня. Да, такого другого человѣка въ мірѣ нѣтъ! Съ нимъ графъ Толстой, Новосильцовъ и докторъ Вилье. Онъ съ часъ пробылъ у насъ, затѣмъ уѣхалъ. Въ два часа былъ обѣдъ со всѣми принцами, министрами и т. д. Изъ нашихъ при особѣ Царя состоятъ: генералъ Кёлеръ, полковникъ Крузе, Фольбергъ и маіоръ Шёлеръ. Послѣ обѣда Царь отправился къ Гарденбергу; вечерній чай ихъ величества кушали одни. Городъ былъ иллюминованъ, и ихъ величества ѣздили кататься, чтобъ посмотрѣть на иллюминацію. За ужиномъ были всѣ принцы съ своими дворами; разъѣхались около полуночи.

3-го Апрѣля.

Царь пріѣхалъ въ 11 часовъ утра и завтракалъ съ королевой и королемъ. Обѣдъ былъ, какъ и вчера. Царь все тотъ же, нисколько не измѣнился, ни наружно, ни нравственно, все такой же красивый и такой же привѣтливый, развѣ только сталъ немножко непринужденнѣе и больше ухаживаетъ за молодыми дамами, но все же онъ очень милый и очень пріятный человѣкъ. Ему было необходимо переговорить съ весьма многими лицами, а потому онъ уѣхалъ отъ насъ въ 5 часовъ и вернулся только къ 8-ми. Въ 9 часовъ ужинали, а въ 10 онъ простился съ нами и ночью же поѣхалъ далѣе. Состоявшихъ при его особѣ онъ щедро одарилъ, а мнѣ обѣщалъ въ скоромъ времени снова вернуться къ намъ. Ихъ величества ѣдутъ смотрѣть Русскую гвардію, а что касается до меня, то Царя я видѣла и потому остаюсь у себя дома.

4-го Апрѣля.

Царь уѣхалъ въ 4 часа утра, а ихъ величества вмѣстѣ съ Мольтке выѣхали только въ семь часовъ. Я снова вернулась на свою старую квартиру. Мимо насъ прошла цѣлая масса царскихъ лошадей и экипажей, а придворныхъ и всякихъ людей проѣхало безъ конца.

7-го Апрѣля.

Я получила письмо отъ Буха. По прибытіи королевы и короля Царь приказалъ всей гвардіи пройти передъ ними; играла военная музыка, зрѣлище было и красивое, и праздничное.

13-го Апрѣля.

10-го числа изъ Квидуллена королева проѣхала въ Кенигсбергъ. Царь и король отправились вмѣстѣ въ Бартенштейнъ, куда стянуты всѣ войска. Наполеону приходится отступать опять за Вислу; я страшно опасаюсь за Данцигъ.

4-го Іюня.

Царь въ Тильзитѣ.

Слѣдуетъ нѣсколько извѣстій о разныхъ неудачахъ, о томъ какъ упалъ духомъ король, какъ всѣ недовольны Бенигсеномъ и какъ Русскихъ раненыхъ привезли въ Кенигсбергъ.

19-го Іюня.

Наконецъ, получено извѣстіе отъ Царя, который страшно недоволенъ Бенигсеномъ. Онъ ѣдетъ въ Завадовъ, что̀ въ Русской Литвѣ. Король завтра сбирается туда же, чтобы видѣться съ Царемъ, но въ тоже время крайне огорченъ, что свиданіе ихъ будетъ въ Польшѣ, а не въ Пруссіи.

20-го Іюня.

Калькрейтъ поѣхалъ къ Царю; я умоляла его передать его величеству, чтобы ради всего святаго онъ не заключалъ мира.

22-го Іюня.

Король пишетъ королевѣ письма полныя отчаянія. Царь страшно раздраженъ противъ Бенигсена, но тѣмъ не менѣе оставляетъ его главнокомандующимъ. Заключено перемиріе, однако для обезпеченія своей безопасности Наполеонъ требуетъ Грауденца, Кольберга и Пиллау. Одному Господу извѣстно, чѣмъ все это кончится. Царь и король переѣхали куда-то, но куда именно хорошенько не знаю.

23-го Іюня.

Бенигсенъ заключилъ четырехнедѣльное перемиріе. Царь утвердилъ его. Королева и всѣ мы въ полномъ отчаяніи.

26-го Іюня.

Сегодня былъ весьма грустный день для бѣдной королевы, для меня и для всѣхъ, кто только любитъ отечество. Свиданіе трехъ монарховъ состоялось. Мѣстомъ ихъ встрѣчи былъ маленькій домикъ на мосту передъ Тильзитомъ. Бѣдная королева очень долго плакала. Англичане въ бѣшенствѣ. Ахъ, какою несчастною чувствую я себя, видя, какъ гибнутъ всѣ наши надежды!...

27-го Іюня.

Королева получила отъ короля письмо отъ вчерашняго числа, когда должно было состояться свиданіе. 25-го числа свиданіе это состоялось только между царемъ Александромъ и Наполеономъ. Король внѣ себя. Наполеонъ требуетъ, чтобы Гарденбергъ и Рюхель получили отставку; уже изъ одного этого можно заключить, чего намъ ожидать. Рюхель, канцлеръ, Гольцъ и Шюлеръ были у меня. Кухмистеръ и повара отправлены въ Тильзитъ.

28-го Іюня 1807.

Сегодня королева получила отъ короля письмо, въ которомъ онъ говоритъ о свиданіи 26-го числа. Этотъ противный Наполеонъ обошелся съ королемъ расчитанно холодно и равнодушно. Король возбужденъ и разгнѣванъ. На мосту черезъ Мемель выстроено два домика; въ одномъ находились Царь и Наполеонъ, а въ другомъ король совершенно одинъ. Какая въ отношеніи къ нему дерзость! Затѣмъ оба государя вмѣстѣ обѣдали въ Тильзитѣ, а король нашъ въ милѣ отъ города долженъ былъ сидѣть въ какой-то деревушкѣ. Какія же мирныя условія могутъ намъ быть предложены послѣ такого высокомѣрнаго и намѣренно-дерзкаго обращенія съ нашимъ королемъ?

29-го Іюня.

Королевѣ сегодня лучше. Король обѣдалъ у Наполеона, но жить все еще продолжаетъ въ деревнѣ Пиктупёненѣ. Онъ приказалъ полкамъ идти туда, ибо каждый изъ государей долженъ имѣть при себѣ извѣстное количество войскъ.

1-го Іюля.

Королева одно за другимъ получила отъ короля два письма. Каждый день вмѣстѣ съ Царемъ онъ обѣдаетъ у Наполеона, который сталъ теперь нѣсколько повѣжливѣе; во всемъ же остальномъ король по прежнему мало доволенъ имъ.

2-го Іюля.

Послѣ обѣда сюда прибыли Мамелюки, Башкиры и казаки: Платовъ прислалъ ихъ показаться королевѣ.

3-го Іюля.

Мы получили приказъ отъ короля немедленно ѣхать въ Тильзитъ. Всѣ въ отчаяніи.

4-го Іюля.

Дорóгой королева получила отъ короля письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что принужденъ дать отставку Гарденбергу: Наполеонъ этого настоятельно требуетъ. Мы помѣстились у священника, король занимаетъ домъ какъ разъ противъ насъ. Былъ Гарденбергъ, онъ неутѣшенъ. Мѣсто его временно занимаетъ графъ Гольцъ. Въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ король. Царь Александръ выказываетъ чрезмѣрную, удивительную слабость; горько сознаваться въ этомъ.

5-го Іюля.

Александръ былъ около полудня и имѣлъ продолжительную бесѣду съ королевой; тутъ же присутствовалъ и нашъ милый Гарденбергъ. Царь, Гарденбергъ, Уваровъ, наши генералы и мы всѣ обѣдали у короля. Во время стола прибылъ къ королевѣ съ привѣтствіемъ отъ Наполеона оберъ-шталмейстеръ Коленкуръ. Я вышла изъ-за стола, чтобы принять его; немного послѣ вышла къ нему и королева и была съ нимъ весьма учтива.

6-го Іюля.

Въ 12 часовъ обѣдали. Затѣмъ Уваровъ, Бенигсенъ и Мантэйфель пріѣхали къ королевѣ, и она долго съ ними разговаривала. Въ 4 часа подъ прикрытіемъ лейбъ-гвардіи мы выѣхали дальше и въ 5 часовъ прибыли въ Тильзитъ, гдѣ и помѣстились въ квартирѣ короля. Четверть часа спустя, къ намъ явился Наполеонъ. Мы съ графиней Тауенцинъ встрѣтили его внизу лѣстницы. Онъ поразительно дуренъ собою: толстое, обрюзглое, смуглое лицо, самъ толстый, маленькій, никакой фигуры; круглые, большіе, тревожно бѣгающіе глаза, выраженіе лица жесткое, истинный діаволъ во плоти. Только одинъ ротъ у него красивый и зубы хороши. Онъ былъ отмѣнно вѣжливъ, долго наединѣ бесѣдовалъ съ королевой, затѣмъ уѣхалъ. Около 8-ми часовъ мы поѣхали къ нему, такъ какъ изъ вниманія къ королевѣ онъ сегодня обѣдалъ ранѣе обыкновеннаго. За столомъ онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и много разговаривалъ со мною. Послѣ обѣда у него опять съ королевой была продолжительная бѣсѣда, которою она осталась весьма довольна. Дай Богъ, чтобы это къ чему-нибудь повело. Въ Пиктупёненъ мы вернулись въ 12 часовъ ночи и, несмотря на позднее время, къ королевѣ пріѣхалъ великій князь Константинъ съ своимъ адъютантомъ. Была страшная суматоха. Гарденбергъ уѣхалъ, и мы только къ утру разошлись по своимъ комнатамъ.

7-го Іюля.

Къ обѣду пріѣхалъ казацкій атаманъ Платовъ съ своимъ адъютантомъ, который въ тоже время служитъ ему и переводчикомъ. Платовъ необыкновенно высокій, смуглый, черноволосый человѣкъ съ безконечно добрымъ выраженіемъ лица, весьма обязательный и любезный; въ концѣ концевъ онъ обѣщалъ прислать мнѣ свой портретъ. Въ 4 часа мы поѣхали въ лагерь къ казакамъ, Калмыкамъ и Башкирамъ, которые похожи на Китайцевъ. Казаки намъ пѣли, и весьма хорошо. Погода была дурная, и по мосту намъ пришлось ѣхать шагомъ. Пріѣхавъ къ королю, мы узнали отъ него, что всѣ свои вчерашнія обѣщанія королевѣ Наполеонъ взялъ обратно и въ требованіяхъ своихъ идетъ еще далѣе, чѣмъ до свиданія съ нею. Говорятъ, что все это по милости Талейрана.

Къ королевѣ на минуту заѣзжалъ царь Александръ, но къ полночи мы уже были дома.

8-го Іюля.

Предъ обѣдомъ у меня были Голштинцы и страшно мнѣ надоѣли; затѣмъ пріѣхали Корфъ и Паленъ и, наконецъ, царь Александръ, который и остался обѣдать. Кромѣ него у насъ обѣдали принцъ Вильгельмъ, Бринкманъ и Шладенъ. Отвратительный Наполеонъ отбираетъ у насъ Вестфалію, Магдебургъ, Альтмаркъ, Гальберштадтъ и Позенъ, однимъ словомъ беретъ почти все, ничего не оставляя нашему королю.

9-го Іюля 1807.

Король обѣдалъ съ принцемъ и своими братьями, а въ три часа поѣхалъ въ Тильзитъ, такъ какъ Наполеонъ, который сегодня ѣдетъ въ Кенигсбергъ, еще разъ желаетъ его видѣть. Сначала онъ сказалъ двѣ-три учтивыя фразы королю, но затѣмъ снова впалъ въ свой прежній дерзкій, заносчивый тонъ и съ неимовѣрной жестокостью наговорилъ королю самыхъ невѣроятно оскорбительныхъ вещей. Послѣ трехъ часовъ къ королевѣ пріѣхалъ царь Александръ съ Толстымъ и другими; онъ обѣдалъ здѣсь; былъ также и великій князь Константинъ. Въ семь часовъ разъѣхались. Я съ болью въ сердцѣ прощалась съ Царемъ. Ужъ конечно я болѣе не увижусь съ нимъ.

10-го Іюля.

Сегодня вернулись въ Мемель.

11-го Іюля.

Шведскій король снова начинаетъ къ намъ относиться враждебно, а намъ такъ нуженъ миръ! Этимъ послѣднимъ мы всецѣло обязаны царю Александру.

14-го Іюля.

Лучшіе Русскіе генералы хотятъ подать въ отставку, ибо находятъ, что дѣло было ведено нечестно.

15-го Іюля.

Былъ атаманъ Платовъ единственно для того, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе королевѣ. Онъ здѣсь обѣдалъ, а послѣ вмѣстѣ со своимъ переводчикомъ былъ у меня. Затѣмъ были: братъ князя Багратіона, Строгановъ, графъ Потемкинъ, они всѣ также обѣдали здѣсь. Старый Платовъ вполнѣ достоинъ уваженія; какъ и всѣ порядочные Русскіе люди, онъ страшно убитъ заключеннымъ унизительнымъ миромъ. Этимъ миромъ Царь опозорилъ себя, но болѣе всего въ немъ виноватъ великій князь.

Говорятъ, Наполеонъ чуть было не погибъ между Кенигсбергомъ и какимъ-то мѣстомъ, куда онъ инкогнито отправлялся на кораблѣ. Его спасъ какой-то несчастный матросъ. Провидѣнію угодно еще продлить его дни.

Сегодня сюда прибылъ наслѣдный принцъ Шверинскій; онъ ѣдетъ въ Петербургъ благодарить царя Александра за то, что онъ возвращаетъ ему его земли. Онъ обѣдалъ и провелъ вечеръ у насъ. Наполеонъ въ Дрезденѣ; къ нему посылаютъ Кнобельсдорфа просить о томъ, чтобы хотя контрибуцію брали помилостливѣе. Сегодня съ большою свитою проѣхалъ здѣсь генералъ Савари: онъ ѣдетъ отъ Наполеона посломъ въ Петербургъ. Наполеонъ вполнѣ правъ, оказывая всевозможное вниманіе Россіи, когда Русскій царь постарался такъ угодить ему и притомъ совсѣмъ на нашъ счетъ.

26-го Іюля

Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ напечатанъ манифестъ царя Александра, который дѣлаетъ ему мало чести. Онъ говоритъ, что миръ доставилъ ему выгоды, такъ какъ далъ ему возможность захватить кусочекъ Пруссіи.

5-го Августа.

Изъ Петербурга мнѣ пишутъ, что Царь страшно унылъ и почти вовсе никуда не показывается. Это вполнѣ естественно.

Графиня Фоссъ продолжаетъ записывать въ своемъ дневникѣ всѣ событія. Она яркими красками рисуетъ ужасное положеніе Пруссіи послѣ Наполеоновскаго погрома, скорбитъ о печальной участи своего отечества и о несчастномъ состояніи своего короля, но объ Александрѣ Павловичѣ мы долгое время не встрѣчаемъ у нея ни слова. Дальнѣйшее относится ко времени поѣздки нашего Государя въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ.

Кёнигсбергъ, 22-го Марта 1808 г.

Наполеона страшно бѣситъ то, что великая княжна Екатерина не желаетъ вступить съ нимъ въ бракъ. Эту принцессу слѣдуетъ уважать: она умѣетъ быть твердой; ахъ, еслибы братъ ея также умѣлъ быть твердымъ!

13-го Сентября.

Наконецъ-то пріѣзжаетъ царь Александръ. Изъ Парижа сегодня прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, что, не смотря на свои обѣщанія, Наполеонъ твердо рѣшилъ не отдавать намъ никакихъ крѣпостей. Нѣтъ, это уже черезчуръ. Откуда взять силъ, чтобы терпѣть и переносить все это?

14-го Сентября.

Генералъ Лестокъ, генералъ-лейтенантъ Дирике, полковники Массенбахъ, Штуттергеймъ, Шарнгорстъ и Гнейзенау назначены состоять при особѣ Царя, а генералы Іоркъ и Форстель при великомъ князѣ. На границѣ Царя встрѣтитъ Лестокъ, въ Мемелѣ ему будетъ данъ обѣдъ. Въ Розиттенъ, гдѣ его встрѣтитъ графъ Донау, хочетъ ѣхать и самъ король.

Всѣ, кто только имѣютъ доступъ ко двору, будутъ на встрѣчѣ Царя. Принцы поѣдутъ къ нему верхомъ и будутъ эскортировать его и короля вплоть до дворца; при входѣ на лѣстницу его встрѣтятъ королевскія дѣти и генералы.

18-го Сентября.

Сегодня прибылъ великій князь и сегодня же прослѣдовалъ далѣе. Царь прибылъ въ семь часовъ вечера. Всѣ войска, какія у насъ только остались, были выстроены шпалерами, кирасиры составляли эскорту Царя. Король, принцъ Генрихъ и принцъ Августъ выѣхали къ нему на встрѣчу верхомъ; онъ самъ также на конѣ вступилъ въ городъ. Добръ и любезенъ какъ и всегда, совсѣмъ не измѣнился; но ахъ, какъ онъ слабъ, нерѣшителенъ и лишенъ всякой энергіи!

19-го Сентября.

Рано поутру Царь съ королемъ верхами отправились осматривать мѣстность, служившую полемъ сраженія; затѣмъ онъ сдѣлалъ визитъ всѣмъ принцамъ. Обѣдали въ три часа; первыя придворныя дамы, министры, ге-

нералы, принцы и Якоби за первымъ столомъ, всѣ остальные за маршальскимъ. Царь посѣтилъ меня и долго у меня сидѣлъ; я откровенно высказала ему всѣ наши печали и горести, а онъ нѣсколько разъ повторилъ: вѣрьте, что я сдѣлаю все что́ только будетъ въ моихъ силахъ. Вечеромъ ихъ величества поѣхали верхами къ бесѣдкѣ короля; у меня весь дворъ и спутники Царя пили чай и ужинали.

20-го Сентября.

Большой обѣдъ въ два стола, но безъ дамъ; была только одна Штакельбергъ. Предъ обѣдомъ Царь на минуту заходилъ къ фрейлинамъ; въ шесть часовъ онъ прослѣдовалъ далѣе; ихъ величества провожали его до Шпандинена. Всѣ наши надежды возложены на него. Дай-то Богъ, чтобы онѣ были не напрасны.

21-го Сентября.

Царь прислалъ къ королю курьера, который ѣхалъ къ нему изъ Парижа и котораго онъ встрѣтилъ на дорогѣ. Курьеръ этотъ привезъ извѣстіе, что принцъ Вильгельмъ согласился на всѣ уступки, безусловно покоряясь требованіямъ Наполеона.

3-го Октября.

Свиданіе обоихъ монарховъ состоялось въ Эрфуртѣ 27-го Сентября. Они оба были пѣшкомъ, все обошлось съ обоюдной наружной благопріязнью и учтивостью; ожидаютъ всего лучшаго.

8-го Октября.

Королева сильно тревожится. Однако весьма можетъ быть, что всѣ эти комедіи въ Эрфуртѣ не подѣйствуютъ на нашего слабохарактернаго друга.

20-го Октября.

Великій князь уѣхалъ ранѣе Государя и сегодня прибылъ сюда. Онъ говоритъ очень много. Французовъ не любитъ, но театромъ Французскимъ бредитъ; я ему не довѣряю.

Полагаютъ, что Царь завтра же будетъ. Король и королева вечеръ провели съ великимъ княземъ. Въ четвертомъ часу пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о прибытіи Государя. Произошла страшная суматоха, настоящая горячка; всѣ наскоро готовились къ его встрѣчѣ, нѣкоторыя дамы и въ самомъ дѣлѣ поспѣли во́-время. Ради пріѣзда Царя былъ снятъ трауръ по случаю смерти принца Генриха *).

Въ очень непродолжительномъ времени дѣйствительно прибылъ Царь, и по обыкновенію былъ милъ и любезенъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ нашъ вѣрный другъ и сдѣлалъ для насъ все, даже невозможное.

---

*) Это былъ знаменитый братъ Фридриха Великаго. П. Б.

21-го Октября.

Царь и королевская чета до глубины души счастливы тѣмъ, что снова свидѣлись и весь день провели не разставаясь. Вечеромъ у меня долгое время сидѣлъ Царь и былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа.

23-го Октября.

Сегодня былъ большой парадъ; на немъ присутствовали Царь и король; затѣмъ завтракали en famille, позднѣе былъ обѣдъ для военныхъ чиновъ, вечеромъ балъ для всего города. Этого рода празднества вовсе мнѣ не по душѣ; по обязанности я должна была протанцовать съ Царемъ польскій, а также съ королевскими дѣтьми и другими принцами, затѣмъ удалилась въ смежную залу и тамъ весело разговаривала и болтала съ Русскими. Голицынъ *) мнѣ очень нравится.

*

Графиня Фоссъ описываетъ поѣздку королевской четы въ Петербургъ.

7-го Января 1809 г.

Переночевали въ Стрѣльнѣ, гдѣ насъ ждали царскіе экипажи и въ 11 часовъ дня мы поѣхали далѣе, король и королева въ одной каретѣ, графиня Мольтке и я въ другой. Трудно описать прелесть этого пути; вся дорога и великолѣпныя дачи покрыты густымъ слоемъ снѣга, и потому приходилось воображеніемъ дополнять то, чего не было видно. Передъ заставой на минуту мы вошли въ домъ одного богатаго купца, чтобы вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же пересѣсть въ парадныя царскія кареты. Въ первую карету сѣли королева, Мольтке и я. По обѣ стороны дороги шпалерами стояла пѣхота, 45.000 человѣкъ, все высокіе и замѣчательно красивые люди. Передъ дворцомъ была построена гвардія. Не смотря на жестокую стужу, царь Александръ, нашъ король и великіе князья все время шагъ за шагомъ ѣхали рядомъ съ нашей каретой. Предъ Исаакіевскимъ соборомъ площадь съ памятникомъ Петра восхитительна; весь городъ, насколько его можно было видѣть, великолѣпенъ. Дворцы несравненно прекраснѣе и величественнѣе Берлинскихъ, но за то улицы хуже. Всюду насъ встрѣчали несмѣтныя толпы народа; повидимому, на улицахъ и площадяхъ столпилось все населеніе города.

Мы поселились въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ насъ встрѣтилъ весь дворъ. Обѣ Царицы ожидали королеву и короля въ первой залѣ. Въ выраженіи лица молодой Царицы есть что-то удивительное, трогательно-нѣжное, но кожа и цвѣтъ лица у нея испорчены. Старая Царица весьма хорошо сохранившаяся женщина. Государь представилъ королевѣ двухъ великихъ княженъ, онѣ обѣ поразительно хороши собою. Въ пять часовъ былъ обѣдъ;

*) Князь Александръ Николаевичъ. П. Б.

царственныя особы кушали за отдѣльнымъ столомъ, я за маршальскимъ. Вечеромъ былъ спектакль въ Эрмитажѣ.

8-го Января 1809.

Встала въ 9 часовъ, а въ 10 пошла къ королевѣ; ей не здоровилось. Боюсь, ужъ не беременна-ли она опять; у нея вовсе нѣтъ силъ, и она страшно блѣдна. Мы отправились къ обѣимъ Государынямъ; всюду было множество народа; ноги отъ долгаго стоянія у меня страшно устали. Парадный обѣдъ у Царя. Покои Царицы необыкновенно роскошно и съ большимъ вкусомъ отдѣланы и убраны; не знаешь, чѣмъ любоваться. Все царское семейство необычайной, безпримѣрной доброты. Русскія дамы, такія всегда высокомѣрныя, и тѣ весьма любезны и предупредительны со мною. Послѣ обѣда я у великихъ княженъ; великая княжна Екатерина чрезвычайно привлекательна. Она выходитъ за герцога Ольденбургскаго; онъ некрасивъ, но кажется, человѣкъ вполнѣ достойный уваженія. Меньшая великая княжна и красива, и въ тоже время удивительно миловидна; ее предназнаютъ герцогу Кобургскому, но бракъ состоится не ближе двухъ лѣтъ. Вечеромъ во Французскомъ театрѣ давали Цинну, Жоржъ играла восхитительно. Балетъ здѣсь прекрасный, Дюпоръ танцуетъ какъ зефиръ.

9-го Января.

Утромъ пришла графиня Ливенъ съ портнымъ ея величества, Царицы-матери. Онъ снялъ съ меня мѣрку для Русскаго платья, которое Государыня желаетъ мнѣ подарить. Въ часъ я пошла къ королевѣ. Государь представлялъ ей отличившихся на полѣ битвы и разныхъ другихъ офицеровъ, а княгиня Волконская представляла ей здѣшнихъ дамъ. Представленіе было весьма многолюдное и продолжалось болѣе двухъ часовъ. Въ два часа обѣдъ у королевы. На ней былъ Русскій синій сарафанъ. Вечеромъ придворный концертъ, затѣмъ снова у королевы ужинъ.

11-го Января.

Царица-мать очень рано пришла ко мнѣ; она безконечно, несказанно-внимательна и милостива ко мнѣ. Былъ семейный обѣдъ у королевы, а предъ тѣмъ у нея же пріемъ дипломатическаго корпуса. Сперва она приняла одного Коленкура, затѣмъ уже всѣхъ прочихъ, подъ конецъ была графиня Брей. Въ 8 часовъ мы поѣхали на балъ; онъ былъ великолѣпенъ, но слишкомъ многолюденъ. Польскій я танцовала сперва съ Государемъ, потомъ съ великими князьями, затѣмъ познакомилась съ дамами. Ужинали за множествомъ маленькихъ столиковъ.

12-го Января.

Сегодня я въ первый разъ немного каталась съ графиней Ливенъ. Петербургъ произвелъ на меня впечатлѣніе необычайно большаго города. Я видѣла Нарышкинскій домъ, Мраморный дворецъ, въ которомъ живетъ

великій князь Константинъ, и издали, на той сторонѣ Невы, Михайловскій дворецъ, въ которомъ скончался царь Павелъ; еще видѣла крѣпость съ Александро-Невской церковью, гдѣ хоронятъ Русскихъ царей *). Всѣ дома здѣсь настоящіе дворцы, красивы, величественны, всѣ одного размѣра и до такой степени свѣжи, точно вчера выстроены. Набережная, проспектъ, улицы—все покрыто глубокимъ снѣгомъ, который ослѣпительно блеститъ на солнцѣ. Опять семейный обѣдъ у Царицы-матери. Сегодня былъ здѣшній Сильвестровъ вечеръ и въ тоже время канунъ обрученія великой княжны. Царь самымъ любезнымъ образомъ подарилъ мнѣ двѣ Турецкія шали.

13-го Января.

Въ 11 часовъ въ дворцовой церкви происходило торжественное обрученіе великой княжны Екатерины. Женихъ и невѣста съ зажженными восковыми свѣчками въ рукахъ стояли на красномъ бархатномъ возвышеніи. Митрополитъ въ своемъ торжественномъ облаченіи совершалъ обрядъ, само собою разумѣется на Русскомъ языкѣ. Онъ благословилъ ихъ свѣчи; они оба приложились ко кресту и поцѣловали у митрополита руку, затѣмъ Царица-мать обручила ихъ кольцами. Видъ всего обряда былъ прекрасный, праздничный, все время богослуженія присутствующіе стояли. Затѣмъ началась обѣдня. Всѣ члены царской семьи произвели на меня впечатлѣніе людей весьма набожныхъ. Мы всѣ были въ Русскихъ придворныхъ платьяхъ, подаренныхъ намъ самимъ Царемъ. Потомъ парадный обѣдъ со всѣми придворными церемоніями и оглушительная пушечная пальба. Вечеромъ самый чудесный балъ; но я была чуть жива отъ утомленія.

14-го Января.

Въ 10 ч. въ долгихъ платьяхъ ѣздили поздравлять великую княгиню Екатерину; насъ, Мольтке и меня, она приняла до общаго поздравленія въ спальной; съ ея стороны въ отношеніи насъ это очень большое вниманіе и необыкновенная любезность. Опять былъ обѣдъ у Царицы-матери: по обыкновенію я также на немъ присутствовала. Царь за обѣдомъ былъ только на одну минуту, такъ какъ горѣлъ великолѣпный домъ князя Гагарина, и Государь также желалъ помогать на пожарѣ. Однако спасти домъ не оказалось никакой возможности.

15-го Января.

Ежедневно передобѣденное время я провожу у Царицы-матери, по возвращеніи же домой, если есть еще время, принимаю гостей. Сегодня у меня были княгиня Суворова съ дочерью **), Нарышкина, графиня Бенкендорфъ и княгиня Куракина. Семейный обѣдъ у молодой Царицы. Вечеромъ

*) Разумѣется, все перепутано. П. Б.

**) Позднѣе Башмаковой нынѣ вдовою князя Андрея Ивановича Горчакова. П. Б.

большой балъ у Царицы-матери въ Бѣлой залѣ. Я опять танцовала польскій съ Царемъ, который неизмѣнно милостивъ и внимателенъ ко мнѣ. Въ молодой Царицѣ есть что-то обаятельно-прелестное и въ тоже время до нельзя трогательное; у нея къ супругу несчастная страсть, которой онъ недостоинъ. Видѣть такое положеніе и больно, и грустно.

16-го Января 1809.

Наконецъ-то мнѣ на долю выпало спокойное утро! Теперь Царь и король ежедневно осматриваютъ безконечное количество полковъ; холода стоятъ нестерпимые. Обѣдъ въ Эрмитажѣ. Всѣ обѣды и празднества здѣсь отличаются сказочнымъ великолѣпіемъ, безконечной роскошью и страшнымъ многолюдствомъ; сегодня за обѣдомъ было 400 человѣкъ. Вечеромъ давали трагедію „Семирамида“. Жоржъ опять была восхитительна. Я сидѣла между графиней Ливенъ, милѣйшей женщиной, и Коленкуромъ, который до-нельзя любезенъ и предупредителенъ со мною.

17-го Января.

Сегодня у Русскихъ постный день. Мы по семейному обѣдали у Царицы-матери. Предъ обѣдомъ я осматривала комнату, въ которой для подарковъ находится цѣлое собраніе чудеснѣйшихъ шубъ. Одна, изъ великолѣпной чернобурой лисицы, предназначена нашей королевѣ; здѣсь же хранятся бриліанты, перстни, ожерелья, однимъ словомъ всякія драгоцѣнности, изъ которыхъ Царь самъ выбираетъ подарки для избранныхъ. Потомъ я была въ одной Англійской и нѣсколькихъ Русскихъ лавкахъ, накупила множество разныхъ разностей и измучилась до полусмерти.

18-го Января.

Сегодня было большое празднество на Невѣ съ крестнымъ ходомъ; но холодъ былъ такъ силенъ, что войскамъ не оказалось никакой возможности быть въ парадныхъ мундирахъ, почему торжество благословенія воды не вполнѣ удалось. Празднество, благодаря холоду, было весьма краткое; но войскъ было очень много, зрѣлище весьма красивое, торжественное и внушительное. Посреди рѣки на льду былъ устроенъ помостъ въ родѣ алтаря, съ него митрополитъ благословлялъ знамена; по самой срединѣ помоста устроенъ спускъ къ проруби, изъ нея митрополитъ бралъ воду и кропилъ ею знамена. Потомъ эту освященную воду послали обѣимъ Царицамъ и подали вообще всѣмъ Русскимъ, которые ею также кропились. Царь положительно застывалъ отъ холода, но тѣмъ не менѣе пробылъ до конца торжества. Народу было безчисленное, несмѣтное множество; въ общемъ все величественно и празднично; священнослужители въ торжественномъ одѣяніи были великолѣпны. Въ заключеніе, на Невѣ былъ отслуженъ молебенъ, затѣмъ вдоль рѣки двинулось торжественное шествіе

безконечнаго сонма духовенства съ зажженными свѣчами въ рукахъ, а вслѣдъ за нимъ несмѣтныя толпы народа. Затѣмъ былъ завтракъ у царицы Елисаветы; она обворожительна, очаровательна, но ахъ, какъ несчастна! У королевы семейный обѣдъ. Вечеромъ театръ, давали пьесу „Мотъ"; въ антрактахъ исполнялись прелестныя Русскія народныя пляски, представленіе продолжалось до одиннадцати часовъ.

19 Января.

Передъ обѣдомъ (опять у королевы) мы осматривали благотворительныя учрежденія Императрицы, заведенныя въ величавыхъ размѣрахъ. До того и послѣ обѣда было у насъ много посѣтителей и продавцовъ, которые здѣсь безпрестанно приходятъ съ товарами и показываютъ ихъ. Вечеромъ большой фейерверкъ передъ Таврическимъ дворцомъ, и за тѣмъ балъ въ громадной дворцовой залѣ, версты двѣ въ длину; чтобъ освѣтить ее, потребовалось 22 т. свѣчей и 6 т. лампъ. Праздникъ продолжался до 4 часу утра. На этихъ балахъ Царица-мать преспокойно играетъ себѣ въ карты.

20 Января.

Царица-мать во всѣхъ отношеніяхъ женщина имѣющая великія заслуги; но она слишкомъ любитъ, чтобы слушали, какъ она говоритъ и всегда и во всемъ желаетъ играть большую роль. А молодая Царица слишкомъ несчастна.

21 Января.

У королевы сегодня сильная лихорадка, она совсѣмъ безъ голоса и должна была цѣлый день пролежать въ постели. Я обѣдала одна у Царицы-матери, которая до невѣроятности много говорила. Вечеромъ семейное собраніе у королевы.

22 Января.

Семейный обѣдъ въ покояхъ королевы, куда вечеромъ пришли знаменитые пѣвчіе, и мы слушали великолѣпное церковное пѣніе. Все здѣсь прекрасно, нечего сказать; только сидятъ слишкомъ поздно, что очень утомляетъ, и стужа страшная.

23 Января.

Опять семейный обѣдъ, что не особенно весело; а вечеромъ прекрасный праздникъ у графа Строгонова, въ его домѣ, восхитительно убранномъ. Хозяинъ хоть и старикъ, но очень веселый и любезный человѣкъ, и его невѣстка пріятная женщина. Царь меня нынѣ раздосадовалъ; онъ къ ней неравнодушенъ и много съ нею танцовалъ, чего я не могу одобрить.

25 Января.

Имянины любезной императрицы Елисаветы. Торжественная обѣдня, поздравленія въ долгихъ платьяхъ, семейный обѣдъ. Вечеромъ костюмированный балъ въ нашемъ такъ называемомъ Зимнемъ дворцѣ. До 16 т. че-

ловѣкъ переодѣтыхъ, но безъ масокъ, и при всемъ многолюдствѣ удивительный порядокъ. Считается, что это балъ у нашей королевы. Она и обѣ Царицы были въ Русскихъ народныхъ платьяхъ.

26 Января 1809.

Мы были на Каменномъ острову, въ прекрасномъ маленькомъ дворцѣ, гдѣ Царь живетъ лѣтомъ. Мы переѣхали рѣку въ каретахъ, а Царь, король и великіе князья въ саняхъ. Вечеромъ концертъ въ воспитательномъ институтѣ Царицы-матери, гдѣ учатся 300 молодыхъ дворянокъ. Всѣ онѣ были одѣты въ бѣлое, играли на клавикордахъ, пѣли хвалебные стихи въ честь ихъ величествъ, танцовали съ кастаньетами, гирляндами изъ цвѣтовъ, съ шалями. Изъ концертной залы перешли въ танцовальную, гдѣ принимали императрицу Елисавету и къ стопамъ ея клали розы. Царица-мать не садилась за ужиномъ, а ходила кругомъ, какъ хозяйка.

29 Января.

Сегодня былъ многолюдный и прекрасный парадъ; потомъ ѣздили въ Царское Село, гдѣ и обѣдали. Королева подарила свой портретъ графинѣ Ливенъ.

30 Января.

Ѣздили по городу смотрѣть общественныя заведенія; потомъ большой обѣдъ у нашей королевы. Мы получили прекраснѣйшіе подарки. Мнѣ подарилъ Царь драгоцѣнное, бриліантовое съ изумрудами ожерелье, императрица Елисавета застежку къ ожерелью, а Царица-мать бриліантовое же ожерелье съ отличными каменьями. Всѣ три подарка превосходные, и я очень имъ обрадовалась. Вечеромъ балъ, который дало королевѣ Россійское дворянство.

Царскіе гости уѣхали изъ Петербурга 31 Января 1809 года (нов. ст.). Приводимъ разсказъ Русскаго современника-очевидца объ этомъ посѣщеніи.

Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля.

(II, 50—53).

„Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1808 г. разошелся слухъ, который возбудилъ любопытство и участіе во всѣхъ жителяхъ Петербурга, отъ вельможи до мѣщанина. Государь ожидалъ къ себѣ дорогихъ гостей, королеву Прусскую, предметъ нѣжнѣйшаго и почтительнѣйшаго состраданія всѣхъ Русскихъ, и короля, супруга ея. Никакое государство, не переставая существовать, не доходило еще до столь глубокаго униженія, въ какомъ находилась тогда Пруссія; столицы ея, крѣпости, всѣ главные города были заняты Французскими войсками, до выплаты огромной контрибуціи; въ одномъ только нетронутомъ углу, на самой Русской границѣ, въ небольшомъ городѣ Мемелѣ, въ небольшомъ частномъ домѣ жило, забившись, королевское семейство. Душевно соболѣзнуя о томъ, императоръ Александръ былъ въ Эрфуртѣ ис-

куснымъ и жаркимъ адвокатомъ Пруссіи. Наполеонъ, у котораго начиналась война съ Гишпаніей, гораздо серьезнѣе чѣмъ онъ ожидалъ, и готовилась другая съ Австріей, имѣя нужду собрать вокругъ себя всѣ войска свои, показалъ, будто ни въ чемъ не умѣетъ ему отказывать и согласился очистить путь королю въ Берлинъ: кажется, оба императора начинали уже тогда хитрить другъ съ другомъ. Тронутые симъ новымъ опытомъ дружбы нашего Царя, для изъявленія ему благодарности, король и королева захотѣли посѣтить его столицу, прежде возвращенія въ собственную.

Въ Петербургѣ всѣ толки шли болѣе о королевѣ, которая блистала прелестію красоты, и въ тоже время двойнымъ величіемъ сана и несчастія. Любовь къ ней Русскихъ умножилась всею ненавистью ихъ къ Наполеону, столь не рыцарски изливавшему всю злость свою противъ нея. Въ день Рождества, вечеромъ, ожидаемая чета, въ сопровожденіи принцевъ своего дома, прибыла въ Стрѣльну. На другое утро, 26 Декабря, были они встрѣчены съ великими почестями. Погода стояла суровая и холодная; какъ нарочно, въ этотъ день сдѣлалась совершенная оттепель. Не доѣзжая до Петергофской заставы, отъ которой гвардейскіе полки стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ до Зимняго дворца, королева остановилась на дачѣ Бергина, чтобы переодѣться въ нарядное платье и сѣсть въ приготовленную для нея осьмистекольную, раззолоченную карету. У этой заставы Императоръ, въ сопровожденіи великаго князя Константина Павловича, множества военныхъ генераловъ и нѣкоторыхъ посланниковъ иностранныхъ дворовъ, встрѣтилъ ее, и оттуда вмѣстѣ съ королемъ и его свитой имѣлъ торжественный въѣздъ. Палили изъ пушекъ, звонили въ колокола.

Одинъ человѣкъ былъ весьма примѣчателенъ въ это утро, безстыдно и нагло пользуясь большими правами своими—Французскій посолъ Коленкуръ. Когда всѣ были въ парадныхъ мундирахъ, и полиція никого не пускала по улицамъ, по которымъ долженъ былъ пройдти церемоніальный поѣздъ, онъ разъѣзжалъ верхомъ между полками, одинъ, въ сюртучкѣ и круглой шляпѣ, съ видомъ величайшаго неудовольствія и даже досады; когда же проѣхалъ мимо его Государь съ королемъ, онъ пожалъ плечами и злобно улыбнулся. Это видѣлъ народъ, и если бы не былъ удерживаемъ страхомъ, закидалъ бы его грязью и каменьями. Тутъ не было ничего обиднаго для Россіи, какъ послѣ оказалось: привыкнувъ видѣть своего императора окруженнаго толпою королей имъ побѣжденныхъ или имъ пожалованныхъ, Коленкуръ находилъ, что другой равный ему императоръ унижаетъ свое достоинство, воздавая такую честь тому, котораго бы могъ онъ почитать едва ли не вассаломъ своимъ. Также увѣряли послѣ, будто онъ проникъ тайный замыселъ королевы склонить Государя къ новому союзу съ Австріей, къ которому бы пристала Пруссія, чтобы такимъ образомъ общими силами подавить, наконецъ, общаго врага. Если у нея было такое намѣреніе, то оно не имѣло никакого успѣха.

Начались въ Петербургѣ безконечныя празднества. Не смотря на склонность мою противорѣчить общему мнѣнію, не смотря на убѣжденіе, что

намъ полезно доброе согласіе съ Франціей, я не могъ безъ умиленія думать о прекрасной жертвѣ ея властолюбія, и досыта налюбовался ея красивымъ станомъ, безподобными плечами, очаровательной улыбкой и взоромъ.

Замѣчательно было, что во всѣхъ иллюминованныхъ домахъ, какъ казенныхъ такъ и частныхъ, согласно волѣ Императора, вездѣ горѣли одни вензелевыя имена короля и королевы Прусскихъ, какъ бы въ доказательство, что всѣ сіи торжества происходили только по случаю ихъ пріѣзда. Одинъ лишь Коленкуръ, постоянно изъявлявшій къ нимъ презрѣніе, не согласился сообразоваться съ симъ, и на домѣ своемъ выставилъ одну огромную литеру Е, вензель невѣсты.

Въ продолженіе всего пребыванія короля и королевы стояли жестокіе морозы, и одинъ балагуръ замѣтилъ, что въ Петербургѣ вымораживаютъ Прусаковъ".

Это было послѣднее свиданіе Александра Павловича съ королевой Луизой, которая черезъ полтора года скончалась (19 Іюля 1810 н. ст.). Николай Павловичъ, еще мальчикомъ, почти цѣлый мѣсяцъ могъ ежедневно видѣть будущую свою тещу. Можетъ быть, что тогда же, въ Зимнемъ дворцѣ, возникла мысль о томъ, чтобы женить его на старшей дочери королевы Луизы. Мысль эта созрѣла въ 1813 году, подъ шумомъ военнымъ, во время частыхъ бесѣдъ нашего Государя съ королемъ Прусскимъ и, кажется, въ Веймарѣ, у Маріи Павловны. Графиня Фоссъ отмѣтила въ Дневникѣ своемъ, 6 Ноября 1813 г. (стр. 405), что король рано пришелъ къ ней, просидѣлъ слишкомъ два часа и бесѣдовалъ объ этомъ бракѣ. Когда онъ ушелъ, графиня Фоссъ позвала къ себѣ придворнаго пастора Сака потолковать о томъ же предметѣ. Сакъ ей сказалъ: такъ какъ принцесса еще не конфирмована, то, если захочетъ, можетъ выбрать Греческую церковь и вступить въ нее. По Лютеранскому ученію, человѣкъ, до такъ называемой конфирмаціи, считается еще не принадлежащимъ ни къ какому исповѣданію. Невѣсту свою Николай Павловичъ увидалъ въ первый разъ 5 Февраля 1814 года, остановившись на двое сутокъ въ Берлинѣ, на пути во Францію къ побѣдоноснымъ Русскимъ войскамъ. Онъ привезъ графинѣ Фоссъ письмо отъ своей матери, а престарѣлая обергофмейстерина поручила ему отвезти свое письмо къ будущему его тестю. 16 Сентября она говорила о бракѣ съ самою принцессою Шарлотою и передала королю ея согласіе.

Въ томъ же 1814 году, 31 Декабря, графиня Фоссъ скончалась, отъ удара, постигшаго ее за игрою въ вистъ. Когда ее уносили изъ-за карточнаго стола, она еще шутила и сказала недоигравшимъ съ нею лицамъ: Ne me trichez pas (Не подтасовывайте мнѣ картъ). П. Б.

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

V *).

Вѣсть о Польскомъ возстаніи достигла Петербурга въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. Государь Николай Павловичъ на парадѣ сообщилъ ее генераламъ и офицерамъ. Я и теперь еще помню единодушно вырвавшійся у всѣхъ крикъ негодованія. Всѣ понимали, что во многихъ отношеніяхъ Полякамъ жить было лучше чѣмъ Русскимъ и что они не имѣли никакого законнаго основанія къ своему возстанію. Съ одного конца Россіи до другого стали готовиться къ войнѣ, и вскорѣ гвардейскій гренадерскій корпусъ, 1-й пѣхотный, 3-й и 5-й кавалерійскіе корпуса получили приказъ идти къ Польскимъ границамъ на соединеніе съ находившимся въ Литвѣ 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ.

Въ Декабрѣ я выѣхалъ изъ Петербурга и направился въ главную квартиру въ Бѣлостокъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, начальникомъ главнаго штаба графъ Толь, а главнымъ квартирмейстеромъ генералъ Нейдгардтъ.

Въ виду политическаго состоянія Европы и дабы не дать возстанію времени распространиться въ западныхъ губерніяхъ государства, было необходимо какъ можно скорѣе покончить съ Польскимъ мятежемъ. Таково было убѣжденіе и самого графа Дибича, твердо надѣявшагося въ три недѣли кончить всю войну. Но уже при самомъ началѣ произошло нѣсколько досадныхъ случайностей.

Мы разсчитывали по крайней мѣрѣ на одинъ зимній мѣсяцъ; но начиная съ 25-го Января, т. е. со дня, въ который съ девяти раз-

---

*) См. выше, стр. 179.

ныхъ пунктовъ, отъ Устюга до Ковны, вся армія тронулась къ границѣ, началась сильная оттепель, испортившая всѣ дороги такъ, что движеніе для войскъ сдѣлалось крайне затруднительно. Кромѣ того, не имѣя времени устроить магазины, мы разсчитывали продовольствовать армію способомъ реквизицій въ самой странѣ; вскорѣ однако замѣтили, что реквизиціонная система, разоряя страну, тѣмъ не менѣе доставляетъ весьма скудныя средства къ продовольствію арміи. Наконецъ, третьимъ обстоятельствомъ, неблагопріятно подѣйствовавшимъ на военныя дѣйствія, было внезапное измѣненіе фельдмаршаломъ маршрута арміи. Вмѣсто того, чтобы идти на Остроленку и Пултускъ, на Плоцкъ или Вышгородъ, какъ предполагалось сначала, графъ Дибичъ свернулъ на Нуръ, гдѣ армія переправилась черезъ Бугъ неподалеку отъ Брестъ-Литовскаго шоссе. Слѣдуя этой дорогой, мы въ движеніи нашемъ сообразовались съ движеніемъ непріятеля, что̀ всегда ошибочно, если за собою имѣешь численное превосходство силъ; мы углубились въ лѣсистую страну, которая тянется между Сѣдльцемъ и Варшавой, и кончили тѣмъ, что очутились въ мѣстности, заранѣе тщательно изученной и изслѣдованной непріятелемъ.

Однако, не смотря на всѣ эти помѣхи, 13-го Февраля, подъ самыми стѣнами Варшавы, при Гроховѣ, мы одержали блистательную побѣду, которая была бы рѣшительною, если бы не опоздалъ на цѣлыхъ три часа появленіемъ на поле битвы гренадерскій корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ князя Шаховскаго. Командовавшій Польской арміей генералъ Хлопицкій былъ раненъ, мятежниковъ объялъ паническій страхъ, и они отступили въ крайнемъ безпорядкѣ. Непріятельскіе баталіоны такъ и таяли по мѣрѣ вступленія въ Варшаву. Уже былъ отданъ приказъ обезлюдить предмѣстье Прагу, какъ только наши войска станутъ приближаться, а между тѣмъ не было сдѣлано никакихъ распоряженій о снятіи или уничтоженіи моста на Вислѣ. Именно въ эту-то минуту и слѣдовало бы намъ нанести рѣшительный ударъ непріятелю, то-есть устремить всѣ наши силы на мостовыя укрѣпленія. Того же мнѣнія былъ и графъ Толь. Но у графа Дибича не достало въ данномъ случаѣ рѣшительности. Ссылаясь на утомленіе солдатъ, дравшихся въ теченіи шести часовъ сряду, и въ особенности на наступившую темноту, онъ рѣшилъ отложить приступъ до слѣдующаго дня. А между тѣмъ 14-го утромъ положеніе дѣлъ уже измѣнилось. Въ теченіи ночи на мостовое оборонное укрѣпленіе была поставлена значительная артилерія и приказъ объ очищеніи Праги отмѣненъ, такъ что приступъ далеко уже не имѣлъ тѣхъ же вѣроятностей успѣха какъ наканунѣ. Отъ этой ошибки, война затянулась еще на шесть мѣсяцовъ, и фельдмаршалъ графъ Дибичъ утратилъ большую

часть того обаянія, которымъ онъ пользовался благодаря своимъ успѣхамъ въ Турецкую войну. Я даже полагаю, что ошибка эта, за которую впослѣдствіи онъ горько укорялъ себя, была одной изъ причинъ его преждевременной кончины.

Съ этой минуты военныя дѣйствія ознаменовались какою-то несвязностью. Насъ заставляли дѣлать переходы взадъ и впередъ, утомлявшіе солдатъ и не дававшіе ничего въ результатѣ. Генерала Розена поколотили подъ Дембе-Вельке, а Дверницкій во главѣ охотниковъ проникъ на Волынь для распространенія возстанія въ тѣхъ мѣстахъ.

Тѣмъ не менѣе намъ представился и еще случай уничтожить Польскую армію во время наступательнаго движенія мятежниковъ на гвардейскій корпусъ, который составлялъ правое крыло нашей арміи и находился въ окрестностяхъ Ломжи. Въ виду этого движенія со стороны непріятеля, фельдмаршалъ приказалъ командовавшему гвардіей Великому Князю Михаилу Павловичу медленно и въ порядкѣ отодвинуться по Ковенскому шоссе за Наревъ по направленію къ Русской границѣ, между тѣмъ какъ самъ съ главными силами намѣревался, отрѣзавъ непріятелю всѣ дороги, предупредить его на мосту въ Остроленкѣ, единственномъ для него пути къ отступленію. Но для того, чтобы такое движеніе имѣло желаемый успѣхъ, слѣдовало во что бы ни стало перебраться черезъ Бугъ и направить армію на Брокъ, вмѣсто того чтобы переходить рѣку въ Граннѣ. Сдѣлавъ же крюкъ на Гранну, мы успѣли настичь лишь одинъ непріятельскій аріергардъ, между тѣмъ какъ всѣ главныя Польскія силы уже имѣли время перейти на правый берегъ Нарева. Здѣсь у моста завязалась одна изъ самыхъ ожесточенныхъ схватокъ. Замѣчательно, что эта битва, названная битвой при Остроленкѣ, произошла противъ воли обоихъ главнокомандующихъ. Съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія были открыты второстепенными генералами. Увлеченные рвеніемъ, они начали дѣло отдѣльными бригадами, а затѣмъ уже послѣдовательно, для подкрѣпленія своихъ, вся Польская и большая часть нашей арміи приняли участіе въ дѣлѣ.

Хотя битва подъ Остроленкой не дала тѣхъ результатовъ, которые могла и должна была дать, но она все таки сильно пошатнула мятежниковъ; съ этой минуты они потеряли увѣренность какъ въ самихъ себѣ, такъ и въ своихъ начальникахъ. Ихъ Варшавскіе вожаки теперь уже не заблуждались на счетъ исхода войны, которую они такъ неосторожно затѣяли, а державшаяся до сихъ поръ въ сторонѣ демагогическая партія получила перевѣсъ въ ихъ совѣщаніяхъ. Насильственными мѣрами мятежное правительство продолжало рыть про-

пасть, которая навсегда должна была поглотить благоденствіе и процвѣтаніе Польши.

Въ томъ же 1831-мъ году впервыя совершила свое нашествіе на Россію холера. Она проникла и въ Польшу, гдѣ отъ нея весьма сильно пострадали обѣ воевавшія стороны. Самой знаменитой жертвой этого ужаснаго бича былъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ: въ нѣсколько часовъ онъ скончался отъ холеры, въ Клещевѣ, 29-го Мая. Страданія фельдмаршала были до того сильны, и кончина его наступила до того быстро, что злоба людская поспѣшила приписать его смерть яду и обвинить въ этомъ преступленіи графа Орлова, только что присланнаго Государемъ въ главную квартиру для того, чтобы разузнать о положеніи и состояніи арміи. Разумѣется, всѣ эти нелѣпые толки очень скоро замолкли, но слѣды ихъ замѣтны въ газетахъ того времени. Графа Дибича жалѣли и оплакивали всѣ близко знавшіе его люди. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, чего не могла ни предвидѣть, ни предотвратить человѣческая опытность, общественное мнѣніе совершенно напрасно поднялось противъ покойнаго графа Дибича и взвалило на него отвѣтственность за тѣ жертвы, которыхъ потребовала отъ государства такая продолжительная и разорительная война. Ошибки, разумѣется, были; но каково бы ни было мнѣніе свѣдущихъ людей о военныхъ дарованіяхъ покойнаго фельдмаршала, никто не можетъ не воздать должной дани справедливости и уваженія возвышенности его души и благородству чувствъ.

Еще до кончины графа Дибича окончательно былъ установленъ весь планъ войны. Дѣло шло о томъ, чтобы перейти Вислу неподалеку отъ Прусской границы, и въ виду этого было приступлено къ устройству большихъ магазиновъ въ Торнѣ, точно также какъ и къ пріобрѣтенію достаточнаго количества барокъ и лодокъ для сооруженія черезъ рѣку моста. Графъ Толь, временно взявшій на себя командованіе арміей, продолжалъ приводить въ исполненіе предварительныя распоряженія для переправы черезъ Вислу, а 13-го Іюня изъ Пултуска прибылъ графъ Паскевичъ Эриванскій, назначенный главнокомандующимъ арміи.

Нашему фланговому движенію къ низовьямъ Вислы непріятель не помѣшалъ; безъ всякого противодѣйствія съ его стороны наша армія въ Осикѣ перешла Вислу и остановилась лишь на короткое время, необходимое для печенія хлѣба и для превращенія его въ сухари. Затѣмъ по лѣвому берегу Вислы мы продолжали двигаться къ Варшавѣ. Занимавшій Люблинское воеводство генералъ Рюдигеръ, которому было приказано въ своихъ движеніяхъ сообразоваться съ движеніемъ нашей арміи, не замедлилъ также перейти Вислу, и съ этого времени

войска наши желѣзнымъ кольцемъ все тѣснѣе и тѣснѣе окружили Варшаву.

Не смотря на это, графъ Паскевичъ, ничего не желая предоставлять случаю, дѣйствовалъ съ крайней осторожностью и медлительностью, что́ всѣ мы въ глубинѣ души порицали до такой степени, что даже обвиняли фельдмаршала въ трусливости и малодушіи. Вникая однако въ дѣло глубже, нельзя было не согласиться, что онъ былъ вполнѣ правъ. Онъ дожидался значительнаго подкрѣпленія отъ генерала Крейца, который въ это время былъ занятъ умиротвореніемъ Литвы. Его корпусъ тремя отдѣльными отрядами двинулся на Ломжу и Осйкъ и въ дни 14-го, 16-го и 17-го Августа соединился съ нашими главными силами. Когда, наконецъ, вся наша армія была въ сборѣ подъ Варшавою, то на лицо оказалось 55,000 человѣкъ пѣхоты, 18,000 кавалеріи и 390 пушекъ.

Вожаки мятежа въ Варшавѣ, въ какомъ-то необъяснимомъ заблужденіи, рѣшились на отчаянный шагъ, который только могъ ускорить неизбѣжную развязку. Противъ генерала Розена, стоявшаго въ Милоснѣ, на шоссе изъ Варшавы въ Сѣдльце, они отправили Ромарино съ двадцати-двухъ-тысячнымъ войскомъ и съ 40-а пушками. Это было заранѣе предусмотрѣно нами, и Розену дана инструкція не вступать въ большое сраженіе, а отступать защищаясь, и такимъ способомъ завлечь непріятеля какъ можно дальше. Это соображеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Ромарино былъ до того неостороженъ, что преслѣдовалъ корпусъ Розена до самаго Брестъ-Литовска. Фельдмаршалъ не упустилъ случая воспользоваться такой непростительной ошибкой непріятеля и рѣшилъ 25-го Августа идти на приступъ.

Варшава была отлично укрѣплена. Самый городъ расположенъ большимъ полукругомъ, а Висла составляетъ хорду всей дуги, на которой мятежники построили нѣсколько рядовъ укрѣпленій, упиравшихся съ двухъ сторонъ въ рѣку. Старинный городской валъ, къ которому прибавили нѣсколько уступовъ для фланговаго огня, составлялъ первый рядъ этихъ укрѣпленій; затѣмъ второй рядъ шелъ по предмѣстьямъ города и, наконецъ, нѣсколько отдѣльныхъ редутовъ, изъ которыхъ самый значительный былъ Воля, составлялъ третій рядъ укрѣпленій Варшавы.

Отдѣльно стоявшіе редуты были взяты нашими войсками съ налету; это было какое-то непреодолимое стремленіе, которому ничто не могло противостоять. Но укрѣпленіемъ Воли намъ удалось овладѣть лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія со стороны ея защитниковъ. Фельдмаршалъ приказалъ на этотъ день ограничиться одержанными побѣдами и на завтра готовиться къ новому приступу.

Ночью мятежники прислали къ намъ парламентеровъ, чтобы переговорить объ условіяхъ сдачи города. Днемъ опять шли переговоры; но фельдмаршалъ скоро замѣтилъ, что всѣ они не содержатъ въ себѣ ничего важнаго и главнымъ образомъ ведутся Поляками лишь для того, чтобы выиграть время; почему въ часъ по полудни и приказалъ открыть огонь по всей линіи. Произошла ужаснѣйшая пушечная пальба, открытъ по истинѣ адскій огонь. Почти при самомъ началѣ приступа фельдмаршалъ получилъ пулей контузію и былъ принужденъ удалиться; но планъ атаки былъ заранѣе рѣшенъ и теперь тщательно приведенъ въ исполненіе; ибо взявшій на себя командованіе арміей графъ Толь продолжалъ дѣйствовать въ высшей степени энергично. Черезъ часъ наши взяли въ штыки второй рядъ укрѣпленій, и въ тоже время въ предмѣстьяхъ города разомъ загорѣлось въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Войска наши продолжали наступать, прошли черезъ пылавшія улицы и достигли городскаго вала. Здѣсь завязалась новая отчаянная сѣча; но все должно было уступить натиску нашего храбраго войска, и съ наступленіемъ ночи валъ, послѣдній оплотъ мятежниковъ, былъ въ нашихъ рукахъ. Уже давно стемнѣло, а битва все еще продолжалась при пламени пожаровъ; пушечная пальба и ружейный огонь долгое время не умолкали еще и ночью. На слѣдующее утро Польская армія покинула Варшаву и по правому берегу Вислы сперва направилась на Плоцкъ, а затѣмъ къ Прусской границы, гдѣ мятежники были принуждены сложить оружіе. Ромарино же и другіе отряды охотниковъ перебрались въ Галицію.

Таковъ былъ конецъ этой междоусобицы, которая до крайнихъ предѣловъ возвеличила славу графа Паскевича. Онъ былъ пожалованъ титуломъ князя Варшавскаго, а графы Толь и Паленъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Армія была осыпана всевозможными наградами, и мнѣ въ числѣ многихъ другихъ данъ чинъ полковника.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи многихъ лѣтъ, Паскевичъ управлялъ Польшей въ качествѣ намѣстника Государева; но онъ не замедлилъ стать въ дурныя отношенія съ большинствомъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ умиротвореніи Польши. Здѣсь повторились тѣже событія, которыя ознаменовали пребываніе Паскевича на Кавказѣ; ибо у него былъ пренесносный характеръ: ревнивый, завистливый и честолюбивый, онъ постоянно страшился, чтобы кто либо не отнесъ къ другимъ часть той славы, которую онъ приписывалъ одному себѣ.

Однимъ изъ людей, съ которыми всего менѣе ладилъ князь Паскевичъ, былъ графъ Толь, который не замедлилъ просить, чтобы его избавили отъ обязанностей начальника главнаго штаба. Эти два без-

спорно достойные человѣка испытывали другъ къ другу непреодолимую антипатію. Въ одной, бывшей у меня въ рукахъ, рукописи графъ Толь рѣзко критикуетъ всѣ военныя дѣйствія князя Паскевича и не признаетъ въ немъ рѣшительно никакихъ дарованій. Я знаю также, что, нѣсколько разъ говоря о князѣ Паскевичѣ съ моимъ отцемъ, онъ выражался о немъ слѣдующимъ образомъ. «Вѣрьте мнѣ, сенаторъ: у человѣка этого положительно голова не въ порядкѣ».

По окончаніи войны, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я оставался въ Варшавѣ и нашелъ здѣсь брата моей бабки, нѣкоего Миклашевскаго, стараго холостяка, который умеръ вскорѣ послѣ моего съ нимъ знакомства.

Чтобы покончить всѣ счеты съ Прусскимъ правительствомъ, я былъ прикомандированъ къ статскому совѣтнику Пейкеру и вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ ѣхать въ Данцигъ; но г-лъ Нейгардтъ, назначенный передъ тѣмъ генералъ-квартермистромъ Главнаго Штаба, вызвалъ меня въ Петербургъ, куда я и прибылъ въ самомъ началѣ 1832 года.

VI.

Съ этихъ поръ начинаются личныя мои сношенія съ ген. Нейгардтомъ. Я находился подъ непосредственнымъ его начальствомъ, завѣдуя отдѣленіемъ Главнаго Штаба по военной исторіи и статистикѣ.

Большую часть года прожилъ я тихо, посреди моего семейства. Вскорѣ возникли новыя политическія осложненія, и въ такой сторонѣ, откуда наименѣе ихъ ждали.

Уже нѣсколько лѣтъ Египетскій паша, Мехметъ-Али, всѣ свои заботы и старанія употреблялъ на устройство и улучшеніе своихъ армій и флота. По требованію Порты и для того, чтобы помочь ей подавить возстаніе Грековъ, сынъ его Ибрагимъ-паша высадился съ войскомъ въ Мореѣ. Такое обращеніе султана къ своему вассалу усилило политическое значеніе сего послѣдняго. Постоянно возрастающее могущество Мехмета-Али не могло не тревожить Турціи; когда же, вслѣдствіе дѣйствительныхъ или придуманныхъ непріятностей съ Абдуллахомъ-пашей въ Сенъ-Жанъ д-Акрѣ, паша Египетскій наводнилъ Сирію и взялъ крѣпость Акру, разрывъ между государемъ и его вассаломъ сдѣлался неизбѣжнымъ, и обѣ стороны начали готовиться къ войнѣ. Турецкая армія, состоявшая подъ начальствомъ Гуссейна-паши, была разбита Ибрагимомъ-пашей въ долинѣ, которая разстилается передъ городомъ Гомсомъ въ Сиріи, а вслѣдъ затѣмъ Египетская армія побѣдоносно перешла хребетъ Тавръ и вступила въ Малую Азію. Всему

Востоку грозило страшное потрясеніе, и Россія, какъ держава сопредѣльная, не могла оставаться равнодушной зрительницей событій, совершавшихся съ такой неимовѣрной быстротой. Съ Адріанопольскаго мира мы поддерживали добрыя отношенія съ Турціей, добросовѣстно исполнявшей всѣ условія мирнаго договора, и для насъ вовсе не было выгодно, если-бъ положеніе дѣлъ въ Турціи измѣнилось въ пользу возмущавшагося вассала: низверженіе султана открыло бы широкое поле для неизбѣжныхъ честолюбивыхъ происковъ и произвело бы пустоту, которую трудно снова наполнить. Кромѣ того, благодаря своему опредѣленному взгляду на законность, императоръ Николай считалъ долгомъ держать сторону Турціи и порицать поведеніе Египетскаго паши. Такимъ образомъ прежде всего слѣдовало ободрить султана и затѣмъ припугнуть Мехмета-Али. Это двоякое порученіе было возложено на генералъ-лейт. Муравьева. Онъ долженъ былъ ѣхать сперва въ Константинополь, а потомъ въ Александрію. Я былъ прикомандированъ къ нему въ качествѣ уполномоченнаго отъ Военнаго Министерства.

Я покинулъ Петербургъ въ концѣ Октября и все путешествіе на Востокѣ совершилъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ. Никогда, долженъ признаться, ни прежде, ни послѣ, не приходилось мнѣ ѣздить такъ медленно, хотя намъ нужно было торопиться. Муравьевъ прежде всего отправился въ Тверскую губернію, въ имѣнье князя Мещерскаго, Латошино. Въ то время была еще жива старая княгиня Мещерская, имѣвшая, благодаря своему мистицизму, значительное вліяніе на императора Александра I. Муравьевъ сдѣлалъ этотъ крюкъ для того, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Затѣмъ мы поѣхали въ Московскую губернію, въ село Осташево, гдѣ жилъ отецъ Муравьева, бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ начальникомъ школы колонно-вожатыхъ, которая доставляла арміи офицеровъ для Главнаго Штаба. Довольно значительное число вышедшихъ отсюда офицеровъ было замѣшано въ заговорѣ 14 Декабря 1825 года, а потому и самая школа была переведена въ Петербургъ. Муравьевъ-отецъ былъ еще очень бодрый старикъ, весьма образованный, и говорить съ нимъ было чрезвычайно пріятно. Я зналъ всѣхъ его сыновей, но принужденъ сказать, что ни одинъ изъ нихъ не стоилъ отца. Изъ Осташева мы отправились на Кіевъ, въ Тульчинъ. Здѣсь мы снова задержались на нѣсколько дней; штабъ дивизіи, которою до сихъ поръ командовалъ Муравьевъ, находился въ Тульчинѣ, и потому у него оказалось здѣсь множество всякаго дѣла. Когда мы, наконецъ, добрались до Одессы, море у берега уже покрылось льдомъ; намъ пришлось сухимъ путемъ проѣхать въ Севастополь, гдѣ отданный въ распоряженіе Муравьева

фрегатъ «Штандартъ» ждалъ насъ въ гавани. Здѣсь мы были принуждены были быть на обѣдѣ, который намъ далъ вице-адмиралъ Панаіотти; затѣмъ 4-го Декабря мы сѣли на фрегатъ, на слѣдующее утро снялись съ якоря и направились къ Югу.

Фрегатъ находился подъ начальствомъ кап. лейтен. Щербакова. Что касается до свиты Муравьева, то ее составляли: кап. лейтен. Серебряковъ, родомъ Армянинъ, вполнѣ свободно говорившій по турецки *), Лутковскій, молодой офицеръ Харнскій, исполнявшій обязанности адъютанта и я.

Вѣтеръ дулъ встрѣчный; намъ пришлось лавировать. Изъ предосторожности генер. Муравьевъ окликалъ въ рупоръ всѣ встрѣчныя Турецкія суда, шедшія изъ Босфора, и расспрашивалъ у нихъ о положеніи дѣлъ, такъ какъ уже очень давно мы не имѣли никакихъ извѣстій изъ Константинополя; пароходное плаваніе въ то время находилось еще въ совершенномъ младенчествѣ.

Въ Босфоръ мы прибыли только 9-го Декабря, а 10-го бросили якорь въ Буюкдере предъ Русскимъ дворцомъ, гдѣ уже были приготовлены для нашего пріема комнаты. Составъ Русскаго посольства былъ теперь совсѣмъ иной, чѣмъ предъ войной. Посломъ Русскимъ въ Константинополѣ былъ Бутеневъ, и первымъ его секретаремъ Титовъ, съ которымъ съ этого времени я постоянно находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Турки знали, что къ нимъ скоро будетъ ген. Муравьевъ и съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидали его пріѣзда. Официальная аудіенція была назначена ему на 15-е Декабря, и положеніе дѣлъ было таково, что нечего было и думать объ исполненіи безконечныхъ подробностей этикета, требуемыхъ въ такихъ случаяхъ.

Султанъ Махмудъ въ то время жилъ на Европейскомъ берегу, во дворцѣ Чараганѣ. Около 10-ти часовъ утра мы причалили къ лѣстницѣ, служившей дворцу пристанью. Построенныя шпалерами войска вдоль ведшей ко дворцу дороги отдали намъ честь, а военная музыка исполнила нѣсколько піесъ довольно вѣрно. У входа на лѣстницу насъ встрѣтили сераскиръ Хозревъ-паша, рейсъ-эффенди и Ахметъ-паша, нѣчто въ родѣ военнаго совѣтника, который управлялъ внутренними дѣлами дворца и былъ въ большой милости у султана. Одежда всѣхъ этихъ сановниковъ рѣзко отличалась отъ прежняго богатаго Турецкаго наряда. Тюрбанъ былъ замѣненъ красной феской съ синей шел-

*) Серебряковъ родился въ Гумушъ-Гане, близъ Требизонда, въ мѣстности, гдѣ есть серебряная руда. Гумушъ—слово Турецкое, означающее серебро; вотъ почему офицеръ этотъ, вступая въ Русскую службу, принялъ фамилію Серебряковъ.

ковой кистью, сафьянныя туфли Европейскими кожаными сапогами. На высокій санъ указывало только золотое шитье на воротникѣ и обшлагахъ мундира. Послѣ обычныхъ привѣтствій намъ объявили, что султанъ готовъ немедленно принять насъ. Надобно было пройти дворомъ, чтобы достигнуть покоевъ, занимаемыхъ его величествомъ; они находились во второмъ этажѣ. Лѣстница была устлана коврами, впрочемъ все было чрезвычайно просто и ни въ чемъ не было замѣтно той восточной роскоши, которая гораздо болѣе существуетъ въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности.

Султанъ Махмудъ принялъ насъ сидя на диванѣ. На немъ была таже одежда, что и на сераскирѣ съ тою разницею, что на плеча у него былъ накинутъ болѣе широкій плащъ. Такъ какъ его величество сидѣлъ спиною къ окну, то лицо его находилось въ тѣни, и было невозможно хорошо разсмотрѣть его черты. Впрочемъ онъ казался человѣкомъ нестарымъ и впечатлѣніе производилъ пріятное.

Аудіенція, во время которой стат. совѣт. Франкини служилъ переводчикомъ, длилась не особенно долго, такъ что къ двумъ часамъ пополудни мы уже успѣли вернуться въ Буюкдере.

Пока его величество еще убаюкивалъ себя всевозможными заблужденіями, самые зловѣщіе слухи уже носились среди населенія. Вскорѣ съ достовѣрностью сдѣлалось извѣстно, что командовавшій Турецкими силами въ Малой Азіи великій визирь Решидъ-Мехметъ-паша потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе, что армія его разбѣжалась и что самъ онъ попалъ въ руки непріятеля. Одно только плохое состояніе дорогъ препятствовало Египетской арміи подойти подъ самый Константинополь; положеніе Оттоманской имперіи было самое критическое. Во всякой другой странѣ все населеніе разомъ поднялось бы и собралось около своего государя, между тѣмъ какъ здѣсь среди населенія столицы не выразилось ни малѣйшаго порыва патріотическаго чувства. Скажу болѣе, въ Константинополѣ весьма значительное число жителей всѣми силами души желали Египетскаго владычества, такъ какъ Ибрагимъ-паша велъ себя весьма искусно и умѣлъ пріобрѣтать народную любовь всюду, гдѣ ему ни случалось проходить со своей арміей.

Обстоятельства не терпѣли отлагательства, потому г. Муравьевъ предложилъ послать меня на встрѣчу къ Ибрагиму-пашѣ, а самъ намѣревался немедленно ѣхать въ Александрію. Предложеніе это, какъ все, выходящее изъ обычной колеи, прежде всего сбило съ толку министровъ Порты; они потеряли нѣсколько дней въ безплодныхъ совѣщаніяхъ и кончили тѣмъ, что обратились къ самому султану. Его величество далъ свое разрѣшеніе на предлагаемое путешествіе, но

только съ тѣмъ условіемъ, что я отправлюсь въ путь въ качествѣ простаго путешественника, безъ всякаго офиціальнаго характера.

Я выѣхалъ изъ Константинополя 24-го Декабря въ сопровожденіи слуги, переводчика и двухъ Татаръ. Переправившись черезъ Босфоръ въ каикѣ, я взялъ въ Скутари лошадей и направился на Никомедію и Брусу въ Конію, гдѣ находилась главная квартира Египетской арміи.

Шли сильные дожди, погода стояла скверная. По мѣрѣ того какъ я удалялся отъ Константинополя, дождь замѣнялся снѣгомъ, холодъ становился все нестерпимѣе; когда же я взобрался на Малоазіатское плоскогорье, то снѣгу уже было почти на аршинъ, а термометръ по Реомюру показывалъ 17° холода. Я сильно страдалъ во время этого труднаго переѣзда, тѣмъ болѣе, что не всегда удавалось находить себѣ сколько-нибудь сносный ночлегъ. Страна, по которой я ѣхалъ, была страшно разорена Турецкими войсками, которыя безъ всякаго милосердія обращались съ мирными сельскими жителями.

5-го Января 1833-го года я прибылъ въ Конію и въ ту минуту какъ въѣзжалъ въ городскіе ворота увидѣлъ, что изъ нихъ выѣзжаетъ опередившій меня на нѣсколько дней курьеръ Французскаго посольства въ Константинополѣ. Весьма вѣроятно, что Французскій посланникъ поторопился предупредить Ибрагима-пашу о моемъ пріѣздѣ съ цѣлью предостеречь его противъ тѣхъ предложеній, которыя мнѣ было поручено ему сдѣлать. Вообще политика Тюльрійскаго кабинета того времени отличалась подозрительностью и двуличностью, что представляло особенно рѣзкую противоположность съ открытыми и прямыми дѣйствіями императора Николая. Поведеніе Французскихъ представителей какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Александріи носило на себѣ отпечатокъ возмутительнаго пристрастія въ отношеніи Египетскаго паши; я даже убѣжденъ, что они отъ всего сердца желали, чтобъ Мехметъ-Али опоясался саблей Османа и сѣлъ султаномъ на мѣсто Махмуда въ Константинополѣ. Позднѣе, въ 1840-мъ году, симпатія Франціи къ Египту выразилась еще болѣе рѣзко и была между прочимъ причиной того отчужденія, которое этой державѣ пришлось испытать ото всей остальной Европы.

Едва успѣлъ я пріѣхать въ Конію, какъ получилъ аудіенціею у Ибрагима-паши. То было мое первое свиданіе съ этимъ знаменитымъ во многихъ отношеніяхъ человѣкомъ, съ которымъ впослѣдствіи мнѣ пришлось видаться весьма часто. Ибрагимъ-паша былъ средняго роста; его рѣденькая бородка уже начинала серебриться, хотя въ то время ему было не болѣе 40-ка лѣтъ отъ роду. Лице его было сильно изрыто оспою; во всей фигурѣ не было ничего внушительнаго, но

во взорѣ много огня, а въ рѣчахъ много живости. Ибрагимъ-паша вовсе не былъ необтесаннымъ дикаремъ, какъ мнѣ это говорили; напротивъ того, онъ глубоко пропитался Европейскими идеями и воззрѣніями. Онъ былъ хорошо знакомъ съ новѣйшими изобрѣтеніями въ военномъ искусствѣ и отлично зналъ взаимныя отношенія всѣхъ державъ. Францію онъ любилъ болѣе всѣхъ остальныхъ государствъ Европы, что совершенно понятно, такъ какъ Французы главнымъ образомъ познакомили Египетъ съ успѣхами просвѣщенія. Первое мѣсто въ данномъ случаѣ безспорно принадлежитъ Солиману-бею, ренегату Сельву (Selve), начальнику главнаго штаба Египетской арміи, который пользовался большимъ вліяніемъ на Ибрагима-пашу. Сельвъ сперва служилъ во флотѣ, потомъ въ артиллеріи и, наконецъ, въ гусарскомъ полку; во Французской арміи онъ дослужился до чина полковника, позднѣе былъ флигель-адъютантомъ маршала Груши. Запутанный въ процессъ маршала Нея, или вѣрнѣе обвиненный въ покушеніи доставить этому генералу возможность бѣжать, Сельвъ былъ принужденъ покинуть Францію. Онъ пріѣхалъ въ Египетъ, поступилъ на службу къ Мехмету-Али, весьма скоро сообразилъ неудобство быть христіаниномъ, чтобы двигаться по службѣ соотвѣтственно своимъ дарованіямъ, и по разсчетамъ честолюбія отрекся отъ своей вѣры.

Когда я вошелъ къ Ибрагиму-пашѣ, онъ сидѣлъ поджавъ подъ себя ноги на диванѣ и все время не останавливаясь покачивался изъ стороны въ сторону всѣмъ туловищемъ. Образомъ жизни не отличался онъ отъ большинства Турецкихъ сановниковъ. Онъ не курилъ, а изъ прислуги у него былъ всего одинъ человѣкъ. Въ Мореѣ при немъ находилась еще цѣлая арава слугъ, которые составляютъ какъ бы необходимую принадлежность обстановки всякаго высокопоставленнаго лица въ Турціи. Убѣдившись въ безполезности такой роскоши, Ибрагимъ-паша разомъ совершенно измѣнилъ образъ жизни. Для лежанья у него былъ всего одинъ коверъ; точно также только одна шуба. Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ личнымъ примѣромъ Ибрагимъ-паша весьма способствовалъ изгнанію изъ Египетской арміи всего излишняго, что обыкновенно такъ сильно затрудняетъ въ военное время движеніе войскъ.

Послѣ самыхъ необходимыхъ привѣтствій я поспѣшилъ сообщить Ибрагиму-пашѣ о посольствѣ ген. Муравьева къ его отцу и передалъ ему все, что мнѣ было приказано. Затѣмъ я сильно настаивалъ на томъ, чтобы Ибрагимъ-паша пріостановилъ наступательное движеніе своей арміи по крайней мѣрѣ до полученія новыхъ приказаній отъ отца. Но должно сказать, что все свое краснорѣчіе я тратилъ понапрасну: Ибрагимъ-паша не переставалъ твердить, что онъ совершенно

чуждъ политикѣ и что въ качествѣ командующаго арміей онъ вовсе не обязанъ разсуждать, а только исполнять получаемыя имъ отъ отца приказанія. Отклонивъ такимъ образомъ всѣ мои предложенія, онъ продолжалъ: Откуда это у Русскаго императора такая горячая дружба къ султану, когда не далѣе, какъ четыре года тому назадъ онъ велъ противъ него войну?

Я.—Пока Турція отказывалась уважать права, присвоенныя намъ прежними договорами, мы вели съ нею открытую войну; съ той же минуты какъ султанъ попросилъ мира, миръ былъ ему дарованъ на широкихъ и великодушныхъ основаніяхъ.

Ибрагимъ.—Не стоило дѣлать такихъ большихъ тратъ ради удовлетворенія одного только преувеличеннаго чувства чести.

Я.—Война была ведена не изъ-за одного преувеличеннаго чувства чести, какъ вы выражаетесь, но и изъ-за нашей торговли, требовавшей обезпеченій. У насъ и въ мысляхъ никогда не было отнимать какихъ бы то ни было Турецкихъ владѣній. Находясь въ Адріанополѣ, мы были отъ Константинополя ближе, чѣмъ вы теперь отъ Коніи, и кромѣ того между нами и столицей Оттоманской имперіи не было Босфора.... И несмотря на это, развѣ мы не возвратили Турціи всѣхъ нашихъ завоеваній?

Ибрагимъ.—Но скажите-же, наконецъ, почему Русскій императоръ принимаетъ такое живое участіе въ судьбѣ султана?

Я.—Потому что, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, его величество императоръ—вѣрный союзникъ и другъ его величества султана, и сверхъ того императоръ считаетъ войну, которую вы ведете противъ султана, въ высшей степени несправедливою.

Ибрагимъ.—А что̀ вы называете несправедливою войною?

Я.—Мы называемъ несправедливою ту войну, которую управитель края, паша, ведетъ противъ своего государя.

Ибрагимъ.—Не смѣшивайте пожалуйста муссиръ-валисси (Египетскаго пашу) съ ничтожнымъ пашей какой-нибудь Коніи или Кутаи.

Я.—Я знаю, что Египетскій паша безъ всякого сравненія богаче и могущественнѣе всѣхъ остальныхъ пашей, но тѣмъ не менѣе онъ подданный своего государя.

Ибрагимъ.—Вижу, что вы совершенно не знаете главной причины войны....

И онъ принялся весьма пространно разсказывать мнѣ всѣ неудовольствія Мехмета-Али противъ Абдуллаха-паши. Онъ говорилъ, что Порта не обращала никакого вниманія на жалобы его отца, что послѣ взятія Акры Мехметъ-Али, довольный тѣмъ, что наказалъ Абдуллахъ-

пашу, предложилъ Портѣ отдать ему это мѣсто; но султанъ желалъ видѣть въ немъ только возмутившагося вассала.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на разные другіе предметы. Ибрагимъ-паша очень много говорилъ со мною объ Индіи, о боязни Англичанъ, чтобы Русскіе когда-нибудь не отняли у нихъ этихъ завоеваній и о томъ, что по этому поводу говорилъ ему адмиралъ Малькольмъ. Затѣмъ онъ обратился къ проявлявшемуся всюду въ Европѣ революціонному духу и сказалъ, что это быстро распространяющійся пожаръ.

На слѣдующій день меня посѣтилъ Солиманъ-бей и передалъ мнѣ, что едва успѣлъ я наканунѣ удалиться отъ Ибрагима-паши, какъ, преслѣдуя нить своихъ собственныхъ мыслей, тотъ продолжалъ:—Какъ жаль, что я не сдѣлалъ полковнику еще одного возраженія. Онъ называетъ насъ мятежниками; Греки были точно такіе же мятежники, а между тѣмъ три самыя могущественныя державы Европы соединились между собою и ратовали въ ихъ пользу.

При второмъ и послѣднемъ моемъ свиданіи съ Ибрагимомъ-пашей я обратилъ разговоръ на великое событіе дня, на Конійскую битву. Я очень скоро замѣтилъ, что разговоръ этотъ пріятно щекочетъ самолюбіе Ибрагима-паши, и вотъ слышатся мною изъ его устъ подробности объ этой столь гибельной для Оттоманской арміи битвѣ. Чтобы лучше объяснить свои слова, Ибрагимъ-паша взялъ карандашъ и собственноручно, на листѣ бумаги, начертилъ порядокъ размѣщенія своихъ войскъ во время битвы. Безъ единаго выстрѣла прошла Египетская армія горными проходами Тавра и заняла Конію. Ибрагимъ-паша съ главными силами находился въ ней, когда получилъ извѣстіе, что на него идетъ великій визирь. Онъ тотчасъ же приказалъ осмотрѣть и изслѣдовать поле, на которомъ должна будетъ происходить битва. Конія лежитъ въ обширной, совершенно открытой равнинѣ; нигдѣ нѣтъ ни деревца, ни кустика. По направленію къ Югу, въ 4-хъ или 5-ти верстахъ отъ дороги въ Константинополь, равнина эта обрамлена цѣпью довольно крутыхъ холмовъ, которые тянутся вплоть до самаго города. Ибрагимъ-паша немедленно составилъ планъ битвы, заключавшійся въ томъ, чтобъ порывистымъ движеніемъ ударить на непріятеля смѣло, отрѣзать ему путь къ отступленію, т.-е. Константинопольскую дорогу, и отбросить его къ вышеупомянутой цѣпи холмовъ. Погода стояла холодная и, жалѣя своихъ солдатъ, Ибрагимъ-паша выступилъ изъ Коніи лишь послѣ того какъ получилъ извѣстіе, что великій визирь находится всего на разстояніи двухъ часовъ отъ города. Конница въ боевомъ порядкѣ, въ 1500 саженяхъ отъ городскихъ садовъ, построилась на Константинопольской дорогѣ. Шесть развернутыхъ баталіоновъ составляли первую линію, другіе

точно также развернутые баталіоны составляли вторую линію, въ 400 шагахъ позади первой. Оба крыла арміи не имѣли никакой точки опоры; только по обѣ стороны боевой линіи въ 200 шагахъ отъ каждаго ея крыла было построено по баталіону въ каре. Наконецъ, резервъ, состоявшій изъ 4-хъ баталіоновъ гвардіи и 16-ти эскадроновъ кавалеріи, составлялъ третью линію нѣсколько правѣе главныхъ Египетскихъ силъ. Передъ первой линіей было поставлено 16 пушекъ, передъ второй 6, а въ запасномъ отрядѣ 12. Египетская армія, участвовавшая въ сраженіи при Коніи, состояла изъ 15-ти тысячъ пѣхоты, 2-хъ тысячъ кавалеріи и имѣла 36 пушекъ. Оттоманская армія въ количествѣ 52-хъ тысячъ человѣкъ и съ 92 пушками двигалась въ одну долгую линію, по всей вѣроятности надѣясь, благодаря своему численному превосходству, разомъ со всѣхъ сторонъ окружить непріятеля. На разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ отъ Египетской арміи Турки развернули свои баталіоны, до сихъ поръ шедшіе колоннами, и вскорѣ началась перестрѣлка. Стоялъ густой туманъ, и обѣимъ враждующимъ арміямъ только изрѣдка урывками приходилось видѣть другъ друга. Благодаря этому туману, Ибрагиму-пашѣ удалось привести въ исполненіе задуманный планъ сраженія. Пока первая и вторая линіи его арміи вели перестрѣлку съ непріятелемъ, онъ двинулъ справа свои запасныя силы и перпендикулярно ударилъ въ лѣвое крыло Турецкой арміи. Завязалась самая жаркая битва. Турецкая армія, развернутая въ одну узкую линію, безъ запаснаго отряда, не могла устоять противъ натиска Египетскихъ кавалеріи и пѣхоты. Великій визирь дрался отчаянно; подъ нимъ убито двѣ лошади, плащъ его весь прострѣленъ пулями, но наконецъ онъ былъ принужденъ сдаться. Плѣнъ его произвелъ окончательный безпорядокъ въ Оттоманской арміи. Общее смятеніе было такъ велико, что часть Турецкой кавалеріи нашла возможность прорваться сквозь обѣ линіи Египетской арміи и въѣхать въ самый городъ Конію, гдѣ она и оставалась въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Хотя туманъ и благопріятствовалъ бѣгству Турокъ, они тѣмъ не менѣе оставили побѣдителю 10 тысячъ человѣкъ плѣнныхъ и 42 пушки.

Объявивъ о своемъ намѣреніи ѣхать черезъ Сирію въ Египетъ, чтобы тамъ присоединиться къ г. Муравьеву, который впрочемъ по всѣмъ вѣроятіямъ еще не успѣлъ прибыть туда, я распростился съ Ибрагимомъ-пашей. Онъ снабдилъ меня письмами, необходимыми для того, чтобы я могъ вполнѣ безпрепятственно добраться до Тарса, перваго мѣста остановки на моемъ долгомъ пути.

Плоскогорье, по которому мнѣ приходилось проѣзжать, не прерываясь идетъ до самыхъ вершинъ Таврскихъ горъ. Холодъ съ

каждой минутой становился нестерпимѣе. Не съумѣю передать всѣхъ страданій, которыя мнѣ довелось испытать проѣзжая этими негостепріимными горами, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ жилья и по которымъ обыкновенно стараются проѣхать какъ можно скорѣе, чтобъ не заморить вючныхъ животныхъ. Съ сѣверной стороны склонъ Таврскихъ горъ довольно отлогъ, почва здѣсь на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ поднимается незамѣтно; съ противоположной же стороны къ Караманскимъ долинамъ, наоборотъ, горы спускаются чрезвычайно круто.

Когда мы переѣзжали вершины Тавра, стояла совершенная зима, а 36 часовъ спустя я уже видѣлъ покрытыя плодами апельсинныя деревья. Не помню, чтобы когда-нибудь мнѣ приходилось испытать такую рѣзкую перемѣну температуры, что̀ и подѣйствовало весьма гибельно на мое здоровье. Въ самый вечеръ моего пріѣзда въ Тарсъ (мѣсто рожденія Апостола Павла) со мной сдѣлалась лихорадка, и я тотчасъ же догадался, что заболѣлъ опасно. Меня схватила лихорадка перемежающаяся, чрезвычайно злокачественнаго свойства, какъ и всѣ лихорадки въ этой странѣ. Я послалъ за единственнымъ врачемъ-Итальянцемъ, находившимся на службѣ при Египетской арміи. Онъ поспѣшилъ прописать мнѣ усиленные пріемы хины. Въ нѣсколько дней ему дѣйствительно удалось прервать лихорадку; но я чувствовалъ себя до такой степени слабымъ и больнымъ, что съ моей стороны было бы настоящимъ безуміемъ ѣхать далѣе. Такимъ образомъ поневолѣ мнѣ пришлось отказаться отъ путешествія въ Египетъ, и я рѣшилъ вернуться въ Константинополь моремъ, въ надеждѣ, что перемѣна воздуха поможетъ мнѣ выздоровѣть. Въ гавани въ то время стоялъ нагруженный хлѣбомъ Греческій корабль, направлявшійся въ Смирну; я, нимало не раздумывая, взялъ себѣ на немъ мѣсто. Едва успѣлъ я пробыть одни сутки въ морѣ, какъ со мною снова сдѣлалась сильнѣйшая лихорадка; я до такой степени изнемогъ, что, пріѣхавъ къ острову Родосу, убѣдился въ полной невозможности продолжать путь.

Англійскій консулъ въ Родосѣ, Вилькинсонъ, узнавъ о моемъ безпомощномъ состояніи, былъ настолько добръ, что посѣтилъ меня на кораблѣ и предложилъ переѣхать къ нему въ домъ; разумѣется, я съ большой радостью и глубокой признательностью принялъ его приглашеніе. Я провелъ цѣлыхъ три недѣли въ семействѣ этого достойнаго человѣка, который заботился обо мнѣ, какъ о родномъ братѣ. Мѣстный врачъ Ланцони лѣчилъ меня совершенно иначе, чѣмъ Тарскій эскулапъ. Благодаря его попеченіямъ и прекрасному климату острова Родоса, я очень скоро вполнѣ оправился отъ тяжкаго недуга

Островъ Родосъ оставилъ во мнѣ неизгладимыя воспоминанія; не знаю, благодаря ли его исключительному чудесному климату, благодаря ли испытанному мною удовольствію выздоровленія, но мнѣ всегда впослѣдствіи казалось, что хорошо было бы жить и умереть въ этомъ земномъ раю.

Когда ко мнѣ начали возвращаться силы, я сталъ предпринимать верхомъ на ослѣ прогулки въ разныя части острова, который въ сущности очень невеликъ. Главная улица крѣпости называется улицей Рыцарей, потому что на фасадахъ всѣхъ домовъ высѣчены рыцарскіе гербы Іоанитскаго ордена, которымъ нѣкогда они принадлежали. Можетъ быть, случившееся позднѣе землетрясеніе частью разрушило эти средневѣковые памятники, но въ 1833 году всѣ зданія были еще въ очень хорошемъ состояніи.

Чувствуя быстрое возстановленіе силъ, я нанялъ большую рыбачью лодку и переправился на другую сторону пролива въ Мармарицкую гавань, лежащую какъ разъ противъ острова Родоса. На всемъ Малоазіатскомъ берегу нѣтъ болѣе обширной и лучше защищенной гавани; здѣсь цѣлый флотъ можетъ стоять на якорѣ. Часа черезъ два я ступилъ на твердую землю, взялъ почтовыхъ лошадей и пустился въ Смирну. Въ Смирнѣ я пробылъ всего два дня и останавливался въ домѣ нашего консула Иванова. Затѣмъ снова на почтовыхъ лошадяхъ я поѣхалъ черезъ Магнезію въ Константинополь, куда наконецъ и прибылъ послѣ слишкомъ двухмѣсячнаго отсутствія.

За это время произошло одно весьма важное событіе: эскадра Черноморскаго флота подъ начальствомъ контръ-адмирала Лазарева вошла въ Босфоръ и бросила якорь передъ Русскимъ дворцемъ въ Буюкдере. Точно также съ минуты на минуту ожидалось прибытіе на транспортныхъ судахъ нѣсколькихъ тысячъ высаднаго войска.

Вотъ чѣмъ было вызвано это событіе.

Когда въ Константинополѣ было получено извѣстіе, что Ибрагимъ-паша, не смотря на мои доводы, двигается по направленію къ Кутайѣ, рейсъ-эффенди, по приказанію султана, подалъ нашему посланнику ноту, въ которой султанъ офиціально просилъ Государя на защиту его столицы прислать ему эскадру съ четырьмя или пятью тысячами человѣкъ экипажа и кромѣ того отъ двадцати пяти до тридцати тысячъ человѣкъ сухопутнаго войска. Это обращеніе къ великодушію императора Николая достигло Петербурга 12-го Февраля, и въ тотъ же день былъ отданъ приказъ о принятіи наивозможно быстрыхъ мѣръ къ исполненію просьбы султана; что же касается до эскадры Лазарева, то, по первому знаку нашего посла, согласно

даннымъ ему инструкціямъ, она еще втораго Февраля двинулась къ Константинополю.

Въ этотъ промежутокъ времени положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось. Египетская армія, по приказанію Мехмета-Али, вслѣдствіе настояній г. Муравьева, прекратила свое наступательное движеніе, и грозившая столицѣ опасность теперь была уже не такъ велика. Между Русскимъ посольствомъ и Оттоманскимъ министромъ состоялось соглашеніе, по которому, согласно желаніямъ, выраженнымъ его величествомъ султаномъ, эскадра наша должна была отправиться въ Сизополь, самую близкую къ Константинопольскому проливу гавань, и стоять тамъ для того, чтобы быть на готовѣ при первой надобности идти на помощь къ султану. Высадное войско должно было получить точно такой же приказъ. Вполнѣ естественно, что такое соглашеніе весьма не понравилось контръ-адміралу Лазареву, который былъ того мнѣнія (и весьма основательнаго), что было бы несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи, еслибы эскадра ушла изъ Босфора послѣ того, какъ она явилась туда по чрезвычайному зову самого султана. Лазаревъ говорилъ, что разъ уже Русскіе пришли сюда, то и должны оставаться здѣсь. Чтобы не трогаться съ мѣста, онъ, между прочимъ, ссылался на встрѣчный вѣтеръ.

Съ другой стороны Французскіе журналы и газеты имѣли неловкость истолковать благосклонность Императора съ Французской точки зрѣнія и отнести распоряженіе насчетъ Русской эскадры къ хлопотамъ предъ Портой Французскаго посланника Руссена. Такое вовсе не имѣвшее основаній увѣреніе глубоко оскорбило самолюбіе императора Николая. Возможно, что въ дипломатіи происходили волненія и что недоброжелательные толки относительно Россіи ходили изъ устъ въ уста; но возможно также и то, что, придя въ себя отъ перваго страха, султанъ самъ выразилъ нѣкотораго рода колебаніе и сомнѣніе. Но такъ какъ въ тоже время было получено извѣстіе, что, не смотря на обѣщанія Мехмета-Али, отрядъ арміи Ибрагима-паши занялъ Смирну, Магнезію и Баликезеръ, по пути свергая всѣ поставленныя отъ султана власти, то всѣ прежнія приказанія были отмѣнены и вмѣсто нихъ даны другія, а Бутеневу было предписано оффиціально объявить: эскадра и сухопутныя войска, присланныя на помощь султану, по чрезвычайной просьбѣ этого государя, будутъ стоять на своихъ прежнихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока Ибрагимъ-паша не покинетъ Малой Азіи и не перейдетъ Таврскаго хребта, а также пока Египетскій паша не подпишетъ всѣхъ сдѣланныхъ ему Портой предложеній.

Морская дивизія такъ и осталась на мѣстѣ своей стоянки въ Босфорѣ, и вскорѣ затѣмъ двѣ пѣхотныя бригады съ соотвѣтствующей имъ артиллеріей высадились на Азіятскомъ берегу пролива и стали лагеремъ противъ Буюкдере близъ Хункіари-Эскелеси. Само собою разумѣется, что Франція и Англія смотрѣли съ чувствомъ глубокаго неудовольствія на такое появленіе Русскихъ силъ у воротъ столицы Оттоманской имперіи. Въ это-то время и появилась знаменитая статья въ Journal des Débats, походившая на звонъ набатнаго колокола и начинавшаяся словами: Вотъ наконецъ осуществленіе мечтаній честолюбивой Екатерины. Наше положеніе въ то время въ Турціи было таково, что Порта считала неприличнымъ и невозможнымъ отказать намъ въ чемъ бы то ни было. А потому Муравьевъ и счелъ своевременнымъ воспользоваться такимъ единственнымъ случаемъ (который могъ и не повториться въ теченіи цѣлаго столѣтія) для самаго тщательнаго изученія Дарданельскаго пролива какъ въ топографическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи его теченій, а также и для собранія точныхъ свѣдѣній объ оборонительныхъ укрѣпленіяхъ пролива и объ ихъ вооруженіи.

Дѣло это было поручено мнѣ, и въ мое распоряженіе даны инженеръ-подполковникъ Бюрно, капитанъ Гейнрихсъ и въ качествѣ переводчика лейтенантъ Дайнези; отъ флота къ нашей экспедиціи были откомандированы лейтенанты Путятинъ и Корниловъ, но прямо подчинены мнѣ они не были. Въ первыхъ числахъ Апрѣля мы выѣхали на фрегатѣ въ Галиполи. Позднѣе я поселился на Азіятскомъ берегу пролива въ Чанакъ-Кале, гдѣ жилъ Селехъ-паша, главный командиръ обоихъ береговъ. Отсюда, какъ изъ центра, мнѣ было удобно послѣдовательно осмотрѣть всѣ крѣпости пролива. Могу сказать, что мы не потеряли времени даромъ и въ теченіе шести недѣль были сильно заняты. Бюрно и Гейнрихсъ, благодаря своей исключительной способности снимать выпуклые планы, особенно оказались мнѣ полезными. Что же касается морскихъ офицеровъ, то они ограничились измѣреніемъ глубины морскаго дна. Результатомъ моихъ личныхъ наблюденій и трудовъ товарищей моихъ была весьма подробная докладная записка объ укрѣпленіяхъ Дарданельскаго пролива и значительное количество плановъ; все это, по всей вѣроятности, должно храниться въ секретномъ отдѣленіи Главнаго Штаба.

Возвращаясь около половины Мая назадъ, я впервыя увидѣлъ восхитительное зрѣлище, которое представляютъ взору Константинополь, Скутари и острова Принцевъ, на пути изъ Мраморнаго моря въ Константинополь. Графа Орлова я уже засталъ въ Буюкдере. Онъ пріѣхалъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла и главнокомандующаго

нашими морскими и сухопутными силами. Дабы придать болѣе единства дѣйствіямъ нашей дипломатіи и положить конецъ постоянно происходившимъ распрямъ между Бутеневымъ, Муравьевымъ и Лазаревымъ (особенно между двумя послѣдними), императоръ Николай счелъ необходимымъ сосредоточить всю власть въ рукахъ одного лица, которому онъ могъ вполнѣ довѣриться. Въ тоже время я получилъ назначеніе состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Орлова. Сознаюсь, что это доставило мнѣ истинное удовольствіе; ибо трудно было имѣть болѣе непріятнаго начальника какъ г. Муравьевъ. У него былъ даръ утомлять до полнаго изнеможенія всѣхъ своихъ подчиненныхъ; иногда онъ будилъ своихъ адъютантовъ среди глубокой ночи, чтобы велѣть имъ написать какую-нибудь незначительную бумагу, которую можно было, безъ всякаго ущерба, написать и отправить на другой день утромъ. Тщеславный, солдатски требовательный, упрямый Муравьевъ со всѣми былъ въ дурныхъ отношеніяхъ, и всякій считалъ себя счастливымъ, если у него не было съ нимъ дѣла.

Примиреніе съ Египтомъ начинало понемногу устраиваться, благодаря присутствію нашихъ воинскихъ силъ по близости Константинополя и также стараніямъ Французскаго посланника, убѣдившаго Египетскаго пашу принять условія мира, предложенныя султаномъ.

Наканунѣ прибытія графа Орлова въ Буюкдере, султанъ пожаловалъ Мехмета-Али намѣстничествомъ Сиріи, а Ибрагима-пашу званіемъ магазиля, главнаго управителя Аданскаго округа.

Итакъ надо было ожидать, что тотчасъ же начнется возвратное движеніе Египетской арміи. Но чтобы вполнѣ удостовѣриться въ этомъ, капитанъ Главнаго Штаба баронъ Ливенъ съ однимъ изъ старыхъ офицеровъ Оттоманской арміи полковникомъ Гафизъ-беемъ получилъ приказаніе отправиться въ Малую Азію и слѣдовать за Египетской арміей, пока она не перейдетъ Таврскихъ горъ. Въ этотъ промежутокъ времени въ Константинополѣ одно празднество смѣнялось другимъ, а самое великолѣпное изъ нихъ безъ всякаго сомнѣнія было празднество, устроенное графомъ Орловымъ въ Буюкдерскомъ дворцѣ. Садъ, расположенный нисходящими террасами, былъ иллюминованъ съ большимъ вкусомъ и представлялъ волшебное зрѣлище. Военные Русскіе и Турки, Турецкія должностныя лица всѣхъ званій и чиновъ, иностранные дипломаты всѣхъ Европейскихъ дворовъ, наконецъ все общество Перы толпилось въ залахъ и садахъ Русскаго посольства. Присутствовалъ здѣсь инкогнито и самъ султанъ. Празднество это, безъ сомнѣнія, оставившее глубокое впечатлѣніе въ памяти всѣхъ на немъ бывшихъ, закончилось роскошнымъ ужиномъ и великолѣпнымъ фейерверкомъ. Султанъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ нашъ

флотъ, а сухопутныя войска произвели въ его присутствіи разныя эволюціи....

VII

Когда я возвратился въ Петербургъ, императоръ Николай только что отправился путешествовать по Россіи. Позднѣе онъ долженъ былъ проѣхать въ Мюнхенгретцъ, въ Богемію, гдѣ было условлено свиданіе между нимъ, императоромъ Австрійскимъ и королемъ Прусскимъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось до Октября мѣсяца дожидаться возвращенія Государя въ Петербургѣ.

Аудіенція была мнѣ назначена въ Красносельскомъ Александровскомъ дворцѣ, и я въ первый разъ въ жизни очутился съ глазу на глазъ съ Его Величествомъ. Тогда же записалъ я милостивыя рѣчи Государя и могу почти слово въ слово передать все, что̀ я удостоился въ тотъ день слышать изъ собственныхъ устъ Императора.

«Благодарю васъ, любезный полковникъ, за прекрасное исполненіе возложеннаго на васъ послѣдняго порученія, которое вы впрочемъ исполнили такъ-же хорошо, какъ и всѣ предъидущія. Вы только что успѣли вернуться, а я тѣмъ не менѣе отдыхать вамъ не дамъ; вы мнѣ нужны; я желаю послать васъ въ далекій край. Понимаю, что путешествіе это не можетъ вамъ быть особенно пріятно, но все-таки надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ томъ. Всѣ получаемыя много изъ Египта извѣстія и все что мнѣ передалъ подполковникъ Прокешъ, съ которымъ я видѣлся въ Мюнхенгретцѣ, все это болѣе и болѣе убѣждаетъ меня, что намъ необходимо имѣть въ Египтѣ человѣка, на котораго можно вполнѣ полагаться. Французы и Англичане, помимо своего собственнаго желанія, оказали мнѣ большія услуги своими происками и двуличными дѣйствіями, ибо они тѣмъ самымъ обнаружили всѣмъ прямоту моихъ собственныхъ намѣреній. Я желаю, чтобы передъ Мехметомъ-Али вы не выражали никакой настойчивости; по словамъ Прокеша, именно такимъ способомъ и можно пріобрѣсти надъ нимъ большое вліяніе. Видѣть его можно каждый день въ 9 часовъ; къ нему приходятъ подъ предлогомъ пить чай, завязываютъ съ нимъ разговоръ, и въ такихъ случаяхъ иногда онъ бываетъ до невѣроятности довѣрчивъ».

«Я желаю, чтобы Россія имѣла вліяніе на Египетъ; по своему географическому положенію и могуществу она должна имѣть силу на всемъ Востокѣ. Хотя я вовсе не желаю разыгрывать изъ себя посредника между султаномъ и его могущественнымъ вассаломъ, тѣмъ не менѣе вы можете дать понять Мехмету-Али, что никто не въ состояніи быть ему полезенъ болѣе меня, лишь бы онъ не переступалъ разумныхъ границъ. Особенно же дайте ему понять, что я лично вовсе

въ немъ не нуждаюсь, но что желаю быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ вассаломъ, котораго самъ султанъ сдѣлалъ почти независимымъ. Если съ Египтомъ могутъ завязаться выгодныя для моихъ подданныхъ торговыя сношенія, то я буду весьма этому радъ. Во всякомъ случаѣ вы должны бдительно слѣдить за всѣми дѣйствіями Мехмета-Али. Можетъ быть, вы уже знаете, что онъ говоритъ про себя, что онъ Филиппъ и указываетъ на одного изъ своихъ младшихъ сыновей, называя его Александромъ. Ну такъ не слѣдуетъ допускать, чтобы изъ тѣхъ мѣстъ могъ появиться Александръ. Что же касается до вашихъ товарищей, консуловъ, то постарайтесь быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Австрійскимъ; ибо я могу выражать только одобреніе Австріи, пока она будетъ держать себя такъ какъ теперь. Съ консулами Французскимъ и Англійскимъ будьте крайне вѣжливы—и только. Прокешъ говоритъ, что у Мехмета-Али не менѣе ста тысячъ войска, большая часть его силъ оставалась въ Египтѣ, а это не согласуется съ нашими свѣдѣніями. Прокешъ полагаетъ, что Египетскія суда не могутъ служить долѣе шести лѣтъ, но, прибавляетъ онъ, за то ихъ и строятъ съ изумительной быстротою. Такъ, напримѣръ, одинъ Египетскій фрегатъ былъ выстроенъ въ 42 дня. Я никакъ этого понять не могу. Я думалъ, что самъ строилъ суда очень (даже пожалуй слишкомъ) скоро; правда, меня къ этому принуждали обстоятельства, но несмотря на это мнѣ никогда не удавалось употребить на постройку фрегата менѣе 6-ти, 7-ми мѣсяцевъ. Построить фрегатъ въ 42 дня просто невѣроятно; мнѣ даже кажется, что Прокешъ немножко привираетъ. Знаю, вамъ еще не дано никакихъ инструкцій; но я ожидаю Нессельроде, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ уладить все относительно вашей поѣздки. Возвращаясь снова къ вашему посольству и къ тому какъ именно я желаю, чтобы вы представляли меня, мнѣ остается прибавить нѣсколько словъ. Политика моя прямая, открытая, скажу пожалуй почти военная; вотъ почему выборъ мой и палъ именно на васъ».

Проницательность и опытность подполков. Прокеша весьма высоко цѣнились всѣми. Онъ только что вернулся отъ Мехмета-Али, у котораго исполнилъ все возложенное на него къ полному удовольствію своего правительства. Съ нимъ совѣтывались монархи, съѣхавшіеся въ Мюнхенгретцѣ, и просили его письменно изложить его наблюденія и мнѣнія. Прокешъ обладалъ чрезвычайной живостью воображенія; онъ былъ столько же поэтъ какъ и дипломатъ; его сочиненія служатъ тому доказательствомъ. Хотя я не думаю, чтобы можно было согласиться со всѣмъ, что̀ онъ выставляетъ на видъ, тѣмъ болѣе что предсказанія его далеко не всегда оправдывались; но тѣмъ не менѣе я считаю нелишнимъ привести здѣсь наблюденія и мнѣнія подполковника

Прокеша въ томъ видѣ, въ какомъ нѣкогда они были сообщены мнѣ въ руководство въ моихъ собственныхъ дѣйствіяхъ на Востокѣ. Прокешъ усилилъ предубѣжденія, которыя обнаруживались въ то время въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Мнѣнія подполковника Прокеша о Египетскомъ вопросѣ.

Мюнхенгретцъ, 18-го Сентября 1833 г.

1) Мехметъ-Али совершенно отказался отъ мысли свергнуть султана, какъ для воцаренія въ Турціи новой династіи, такъ и для учрежденія регентства, которое бы находилось въ полной зависимости отъ него.

2) Мысль эта никогда не была ясно опредѣлена въ головѣ Мехмета-Али; она явилась у него вслѣдствіе его побѣдъ, а теперь уже замѣнена другою—создать Арабское государство.

3) Послѣдняя мысль очень его занимаетъ. Религія не препятствуетъ осуществленію ея, ибо религіозный глава, Меккскій шерифъ, человѣкъ вполнѣ преданный Мехмету-Али. Общественное мнѣніе также поддерживаетъ его во всѣхъ его дѣйствіяхъ; религіозный и политическій фанатизмъ всецѣло обратился противъ нынѣ царствующей въ Константинополѣ династіи; превосходство средствъ Мехмета-Али надъ средствами Порты громадно. Мехметъ-Али безъ устали работаетъ надъ приведеніемъ своей мысли въ исполненіе; онъ ведетъ переговоры со всѣми вліятельными родами Багдада, города, на который смотрятъ какъ на центръ Арабскаго населенія, а также и со всѣми племенами Месопотаміи. Онъ пользуется почти неограниченнымъ вліяніемъ на всѣхъ независимыхъ князьковъ, живущихъ по берегамъ Персидскаго залива и Индійскаго океана. Чиновниковъ Турокъ онъ всюду замѣняетъ Арабами. Онъ постоянно старается объ умноженіи своихъ средствъ и своего значенія и объ усиленіи своихъ армій и флота. Арабы смотрятъ на него, какъ на мстителя за калифовъ, какъ на Божьяго избранника, которому предназначено снова возвеличить славу Мусульманъ.

4) Чтобы привести эти замыслы въ исполненіе, Мехметъ-Али ждетъ только переполоха въ Константинополѣ, по его словамъ неизбѣжнаго и непредотвратимаго. Когда придетъ время, онъ намѣренъ объявить себя главою Арабскаго государства; за своими надежными укрѣпленіями онъ считаетъ себя вполнѣ безопаснымъ отъ всякихъ нападеній. Европейскую Турцію и даже области по ту сторону Тавра онъ намѣренъ предоставить на усмотрѣніе другихъ державъ.

5) Есть причины опасаться того, чтобы Мехметъ-Али какъ либо не ускорилъ нужнаго ему таковаго событія въ Константинополѣ. На это его могутъ подвинуть:

a) Европейская война; b) Происки Франціи и пассивное отношеніе къ дѣлу Англіи; c) Ослѣпленіе самой Порты, которая можетъ сдѣлать попытку снова пріобрѣсти Сирію; d) Честолюбіе Ибрагима-паши и безпокойное честолюбіе всего его двора (за исключеніемъ Богхоса, человѣка умѣреннаго и миролюбиваго). e) Убѣжденіе, что всѣ приготовленія окончены, что часъ для исполненія его замысловъ насталъ, что всякое промедленіе будетъ ошибкой и непремѣнно повредитъ всему дѣлу. Всѣ эти вліянія могутъ нарушить спокойствіе всей Европы и быть гибельны для Турціи; для борьбы съ ними и побѣды надъ ними мнѣ кажутся необходимыми и вполнѣ достаточными слѣдующія мѣры:

1) Не предоставлять Александріи вліянію одной только Франціи. 2) Принудить Турцію держаться мудрой умѣренности, обращаться съ крайнимъ уваженіемъ съ Мехметомъ-Али, стараться снискать дружбу Богхосъ-бея, вліяніе котораго стоитъ вліянія Ибрагима-паши и всѣхъ остальныхъ людей, имѣющихъ значеніе въ Египтѣ. 3) Помѣстить въ Багдадѣ Абдуллахъ-пашу и тѣмъ самымъ дать Арабской оппозиціи точку опоры противъ Мехмета-Али и такимъ образомъ, если возможно, оттянуть или даже вовсе помѣшать всѣмъ его приготовленіямъ.

*

Вскорѣ графъ Нессельроде вернулся въ Петербургъ, я получилъ всѣ необходимыя инструкціи и прямо отправился въ Одессу, гдѣ меня ждалъ люгеръ *Широкій* для отвоза въ Константинополь. Люгеромъ этимъ командовалъ лейтенантъ Метлинъ, который въ послѣдствіи на весьма короткое время былъ морскимъ министромъ. «Широкій» былъ очень маленькое судно, на дворѣ стояла осень, море было бурное, и насъ очень сильно качало.

Въ Буюкдере я пересѣлъ на Русскій фрегатъ «Улиссъ», на которомъ и долженъ былъ переправиться въ Египетъ. Со мною ѣхали секретарь консульства Лависонъ и переводчикъ Поповъ, который хотя и воспитывался въ Петербургскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ, но не говорилъ ни по-турецки, ни по-арабски, и потому былъ для меня вполнѣ безполезенъ. «Улиссъ» былъ фрегатъ ветхій, плохого хода, и капитанъ его далеко не былъ мастеромъ своего дѣла. По ночамъ мы бóльшею частію стояли на якорѣ во всѣхъ встрѣчавшихся гаваняхъ. Объѣхавъ островъ Кандію и направившись прямо къ Югу, мы, наконецъ, увидѣли плоскій берегъ Египта и, благодаря искусству проводниковъ, благополучно пробрались между песчаными мелями, окружающими Александрійскую гавань.

1 (13) Января 1834 года я ступилъ на Египетскую землю, гдѣ провелъ чрезвычайно интересныхъ четыре года моей жизни.

Мехметъ-Али и его первый министръ Богхосъ-бей, Армянинъ родомъ и вѣроисповѣданіемъ, приняли меня очень любезно. Было очевидно, что Египетскій паша весьма польщенъ тѣмъ, что при его особѣ будетъ находиться представитель Русскаго императора. Мнѣ удалось сразу заслужить расположеніе Мехмета-Али, который постоянно выказывалъ ко мнѣ столько благосклонности, что всѣ мои товарищи-консулы кончили тѣмъ, что стали мнѣ завидовать.

Я часто бывалъ у Мехмета-Али, въ разговорахъ съ нимъ проводилъ цѣлые часы и никогда не подавалъ ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію на себя; ибо торговля Русскихъ подданныхъ въ Египтѣ была до такой степени незначительна, что мнѣ весьма рѣдко представлялся случай обращаться къ нему съ какими бы то ни было требованіями, что̀ обыкновенно дѣйствовало на него раздражительно.

Между прочимъ мнѣ какъ-то удалось выхлопотать помилованіе нѣсколькимъ Египетскимъ матросамъ, приговореннымъ за бѣгство со службы къ смертной казни, а между тѣмъ Мехметъ-Али отказывалъ въ этомъ помилованіи всѣмъ, кто пытался хлопотать за этихъ несчастныхъ. Много лѣтъ спустя, будучи въ Константинополѣ у султана, въ разговорѣ съ Титовымъ, бывшимъ въ то время Русскимъ посланникомъ, Мехметъ-Али выразился обо мнѣ слѣдующимъ образомъ: «Единственно, въ чемъ я могу упрекать полковника Дюгамеля, это въ томъ, что онъ постоянно бралъ у меня взаймы, никогда не желая въ свою очередь одолжать меня». Говоря же попросту, это означало, что я постоянно старался все вывѣдывать у него и не платилъ ему тѣмъ же довѣріемъ. Съ моими собратьями, остальными консулами, я также былъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Австрійскій консулъ, Ачерби, былъ человѣкъ весьма образованный, съ обширными познаніями въ наукахъ. Мехметъ-Али съ нимъ былъ просто на ножахъ вслѣдствіе того, что тотъ не разъ препятствовалъ исполненію честолюбивыхъ замысловъ его. Англійскому консулу сэру Патрику Кемпбелю было уже лѣтъ шестьдесятъ; нѣсколько чопорный, подобно всѣмъ Англичанамъ, онъ былъ воплощеніемъ честности и прямодушія. Поведеніе Французскаго консула Мимо̀ было, можетъ быть, и не вполнѣ безупречно, и на немъ невольно отражались лукавство и двуличіе политики Тюльерійскаго кабинета. Но самымъ симпатичнымъ для меня изъ всѣхъ моихъ товарищей, съ которыми я видался почти каждый день, былъ Анастаси, консулъ Швеціи и Норвегіи, который въ тоже время былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ негоціантовъ Александріи. Этотъ достойный человѣкъ, по происхожденію Грекъ (дочь его была замужемъ за Бе-

недетти, который въ настоящее время состоитъ Французскимъ посланникомъ при Берлинскомъ дворѣ), выказывалъ мнѣ истинно сердечное расположеніе. По отъѣздѣ изъ Египта я постоянно переписывался съ нимъ до самой его смерти.

Жителей Сѣвера Египетъ страшно поражаетъ противоположностью съ ихъ собственной родиной. Не только растительное царство отличается удивительнымъ богатствомъ своихъ произведеній, которыхъ почти нельзя встрѣтить подъ тою же широтой (разновидная пальма, сахарный тростникъ, хлопокъ, индиго, макъ, изъ котораго добывается опіумъ), но и самый порядокъ времени года совершенно не тотъ, что у насъ. Хлѣбъ сѣятъ въ Ноябрѣ, когда Нилъ войдетъ въ берега послѣ своего разлитія. Въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ поля бываютъ покрыты самой роскошной растительностію, а въ Февралѣ и Мартѣ сбирается жатва. Однимъ словомъ, зима здѣсь лучшее время года. Мехметъ-Али и всѣ консулы обыкновенно на зиму переѣзжаютъ въ Каиръ, гдѣ никогда не бываетъ дождей и гдѣ удивительно хорошъ воздухъ. Лѣтомъ же самое пріятное въ Египтѣ мѣсто—Александрія, избавленная отъ особенно удушливыхъ жаровъ вслѣдствіе того, что съ моря постоянно дуетъ освѣжительный вѣтеръ.

Значительное число знатныхъ путешественниковъ, посѣтившихъ въ этомъ году Египетъ, также немало способствовало привлекательности этой страны, поставленной въ самыя выгодныя условія какъ природой, такъ и своимъ географическимъ положеніемъ. Египетъ посѣтило множество ѣздившихъ въ Индію и возвращавшихся оттуда Англичанъ, множество Французовъ и Итальянцевъ, которые завѣдывали фабриками, школами и разными отраслями управленія; въ томъ числѣ было, разумѣется, и значительное число всякаго рода искателей приключеній.

Я уже не засталъ въ Египтѣ знаменитаго Шамполіона, посвятившаго большую часть жизни на изученіе гіероглифовъ; но я слышалъ о немъ много разсказовъ. Мнѣ кажется, что, не смотря на свои глубокія познанія, онъ не былъ однако чуждъ извѣстнаго рода шарлатанства. Такъ, мнѣ разсказывали, что, читая однажды въ многочисленномъ собраніи одну недавно открытую гіероглифическую надпись, онъ вдругъ неожиданно оборвалъ чтеніе и сказалъ, что тутъ есть орѳографическая ошибка. По моему, это уже слишкомъ.

При мнѣ въ качествѣ путешественниковъ были въ Египтѣ маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, князь Пюклеръ-Мюскау и, наконецъ, миссіонеръ Еврейскаго происхожденія Вольфъ, который ѣздилъ по всему Востоку, розыскивая 10 колѣнъ Израильскихъ, упоминаемыхъ въ Библіи. Я былъ счастливъ, что могъ предложить гостепріимство двумъ

'усскимъ путешественникамъ, А. С. Норову и Андрею Ивановичу Сарурову. Вмѣстѣ съ Норовымъ я взбирался на большую Гизейскую ирамиду и до сихъ поръ дивлюсь тому, какъ могъ онъ съ своей деовянной ногой совершить такой трудный подъемъ.

Мнѣ не было необходимости быть особенно проницательнымъ, гобы весьма скоро убѣдиться, что наскоро заключенный въ Кутайѣ иръ между султаномъ и Мехметомъ-Али весьма ненадеженъ. Махудъ нетерпѣливо грызъ свои удила и никакъ не могъ утѣшиться въ отери Сиріи и Аданскаго округа, которыхъ лишился вслѣдствіе возуценія своего вассала. Съ другой стороны, Мехметъ-Али не имѣлъ икакого ручательства на будущія времена: достаточно было какойибудь прихоти султана, чтобы отнять у него обратно всѣ сдѣланныя му уступки. Ему мало теперь было увѣренности въ пожизненномъ ладѣніи управляемыми имъ землями; онъ стремился порвать послѣдія нити своего подданства въ отношеніи Турціи, желалъ себѣ полэй независимости, желалъ имѣть право передать свои владѣнія своимъ ѣтямъ. Положеніе было самое натянутое. Личныя взаимныя чувства ултана и Мехмета-Али точно также не могли содѣйствовать улучшею ихъ отношеній. Мехметъ-Али питалъ непримиримую ненависть къ ултану и его министрамъ, особенно къ Хозревъ-паша, на котораго нъ смотрѣлъ какъ на своего личнаго врага; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ниало не старался скрывать своихъ чувствъ. Съ своей стороны Махмудъ очно также ненавидѣлъ своего вассала. Такимъ образомъ миръ ъ Востокѣ висѣлъ на волоскѣ, и легко было предвидѣть, что немного аньше, немного позже, но новый взрывъ неудовольствій съ обѣихъ горонъ неминуемъ.

Съ самаго 1834 года Мехметъ-Али, безъ моего вѣдома, обрaлся къ кабинетамъ Лондонскому, Парижскому и Вѣнскому съ разыми предложеніями, требуя для себя полной независимости. Онъ поагалъ, что для достиженія этой цѣли ему будетъ достаточно возбуить въ морскихъ державахъ недовѣріе и зависть къ Россіи. И то и ругое дѣйствительно существовало; но до объявленія Россіи войны ыло еще далеко, и въ этомъ была ошибка Мехмета-Али. Всеобщая енависть къ Россіи усилилась со времени заключенія Хункіаръ-Эсэлесійскаго договора, противъ котораго особенно горячо ратовалъ спыльчивый и раздражительный лордъ Понсонби, Англійскій посланикъ въ Константинополѣ. Онъ утверждалъ, что договоръ этотъ соавленъ въ ущербъ другому, прежнему договору, заключенному между ританіей и Турціей въ 1809 году. Хотя Хункіаръ-Эскелесійскій договоръ былъ заключенъ на восемь лѣтъ, но Русское правительство, для бщаго успокоенія, гораздо ранѣе срока отказалось отъ выговорен-

ныхъ въ немъ правъ. Я никогда не могъ понять, какія особенныя выгоды для Россіи, за исключеніемъ удовлетворенія честолюбія, доставилъ ей этотъ договоръ. Пока мы оставались въ добрыхъ отношеніяхъ съ Турціей и по прежде заключеннымъ договорамъ, она была обязана не пропускать чужихъ флотовъ въ Черное море: настаивать на этомъ было все равно что выламывать открытую дверь. Въ случаѣ же войны съ Турціей всѣ заключенные съ нею договоры теряли значеніе, и ничто не могло помѣшать султану позвать себѣ на помощь чей бы то ни было флотъ, какъ это дѣйствительно случилось во время Крымской войны.

На этотъ разъ Мехмету-Али не удалось ничего добиться; его смѣлыя предложенія были отвергнуты рѣшительно всѣми. Всѣ три кабинета, Лондонскій, Парижскій и Вѣнскій, рѣзко высказали ему свое неудовольствіе по поводу того, что онъ снова затронулъ вопросъ, уладить который стоило такихъ большихъ усилій. Разговаривая по этому поводу въ Парижѣ съ Французскимъ консуломъ въ Каирѣ Фердинандомъ Лессепсомъ, Тьеръ выразился еще рѣзче. «Мы устроимъ новый Наваринъ тому», сказалъ онъ, «кто первый осмѣлится шевельнуться».

Вторымъ политическимъ событіемъ подавшимъ поводъ къ большимъ толкамъ и оживленной перепискѣ, за время моего пребыванія въ Египтѣ, было пароходство, которое Англійское правительство предложило устроить по Евфрату для сокращенія почтоваго сообщенія между Индіей и ея метрополіей. Проектъ этотъ не нравился ни Портѣ, ни Египту. Мехметъ-Али слишкомъ хорошо зналъ, какъ трудно бываетъ избавиться отъ Англичанъ, если они куда заберутся; особенно же этотъ проектъ былъ ему не по душѣ вслѣдствіе того, что всѣ матеріалы, нужные для заведенія этого пароходства, будутъ слѣдовать сухимъ путемъ изъ Александретты чрезъ Алеппо на Биръ къ Евфрату.

Англійское упорство однако преодолѣло всѣ препятствія, и начальнику предпріятія, полковнику Чеснею, удалось-таки совершить нѣсколько поѣздокъ вверхъ и внизъ по теченію рѣки. Одинъ изъ его пароходовъ пропалъ, а самое плаваніе по Евфрату представляло столько трудностей, что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ предріятіе это рушилось само собою.

Чтобы познакомить читателей съ впечатлѣніями, которыя производили на меня тогдашнія дѣла и съ моимъ на нихъ взглядомъ, я за лучшее считаю сдѣлать выписки изъ писемъ моихъ къ Бутеневу и къ графу Орлову.

Его превосходительству г-ну Бутеневу.

Александрія, 18 (30) Сентября 1834 г.

Я вовсе не считаю могущество Мехмета-Али прочнымъ. Напротивъ того, я вижу, что армія его велика только на бумагѣ, что наборъ въ нее солдатъ сопряженъ съ большими трудностями вслѣдствіе того, что Египетъ обезлюдѣлъ и завоеванныя области недовольны введеннымъ въ нихъ управленіемъ и только ждутъ удобнаго случая, чтобы сбросить съ себя ненавистное иго. Но именно вслѣдствіе этихъ-то причинъ и слѣдовало бы разумной политикѣ посовѣтовать Портѣ выжидать того времени, когда управленіе Мехмета-Али окончательно падетъ въ общественномъ мнѣніи.

Я не понимаю, почему Порта такъ держится за Сирію, гдѣ владычество ея всегда было непрочно и гдѣ на ея долю всегда выпадалъ весьма незначительный доходъ. Весьма ошибаются, если думаютъ, что могущество Мехмета-Али усилилось благодаря этому пріобрѣтенію. Я полагаю совершенно противное; по моему мнѣнію, онъ ослабилъ себя тѣмъ, что раскинулъ такъ широко свои владѣнія, ибо Сирія только поглощаетъ его солдатъ и деньги, такъ какъ только вооруженной силой можетъ онъ держать въ повиновеніи эту страну. Еслибы Египетская армія теперь снова двинулась въ Малую Азію, то уже вовсе не пользовалась бы сочувствіемъ мѣстныхъ жителей, что такъ сильно содѣйствовало ея успѣхамъ въ минувшую войну. Все мусульманское населеніе обманулось въ своихъ ожиданіяхъ и пришло къ тому убѣжденію, что Египетское владычество еще притѣснительнѣе Турецкаго.

Точно также я твердо убѣжденъ, что неоднократно повторяемыя Египетскимъ пашею мирныя увѣренія вполнѣ искренни не въ силу умѣренности его характера, а въ силу того, что миръ ему крайне необходимъ. Новая война представляетъ для него выгоды весьма сомнительныя, между тѣмъ какъ мало-мальски значительное возстаніе въ Сиріи, послѣ того какъ онъ перейдетъ Таврскій хребетъ, разомъ обратитъ въ прахъ все его величіе.

Турецкое правительство повидимому ничего этого не сообразило. Оно слѣдовало только внушеніямъ ненависти и мщенія. А если оно и рѣшилось дѣйствовать, то должно было дѣйствовать быстро и рѣшительно. Решиду-пашѣ слѣдовало наводнить Сирію при первомъ же извѣстіи о возстаніи въ Палестинѣ; теперь же, послѣ того какъ оно уже подавлено, двинуться туда было бы безуміемъ. Какъ ни плохо устройство Египетской арміи, все же войска султана ниже ея во многихъ отношеніяхъ, и еслибы снова начались враждебныя дѣйствія, то я

считаю весьма вѣроятнымъ, что Оттоманская армія будетъ снова терпѣть неудачи. Мехметъ-Али отлично съумѣлъ воспользоваться отзываніи и неосторожными приготовленіями Порты; онъ ухватится за это обстоятельство для достиженія того, чего ему еще не достаетъ—полной независимости. Онъ объявилъ всѣмъ, кто желалъ его слушать, что при первомъ запальчивомъ дѣйствіи со стороны Оттоманскаго правительства онъ порветъ свои послѣднія связи съ Турціей и въ данномъ случаѣ весьма сильно надѣется на поддержку со стороны Лондонскаго и Парижскаго кабинетовъ.

Я почти увѣренъ, что онъ уже входилъ съ ними по этому поводу въ сношенія; а если принять во вниманіе неестественное положеніе Мехмета-Али относительно султана, то нечего и сомнѣваться, что Египетъ кончитъ тѣмъ, что сдѣлается независимымъ государствомъ.

Принимая во вниманіе выгоды одной только Россіи, я вовсе не считаю, чтобы настоящее могущество Мехмета-Али, даже и въ томъ случаѣ, если онъ станетъ вполнѣ независимымъ, чѣмъ-либо могло повредить намъ. Напротивъ, въ существованіи этой новой державы я усматриваю вѣчное страшилище для Блистательной Порты, что заставитъ диванъ все болѣе и болѣе искать сближенія съ Россіей и только еще болѣе укрѣпитъ наше законное вліяніе на Востокѣ. Впрочемъ я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что независимость Египта вопросъ весьма важный и весьма сложный, ибо придется же въ концѣ концовъ объявить, кто чью сторону держитъ.

Роль Россіи при данномъ положеніи вещей на мой взглядъ заранѣе вполнѣ опредѣлилась; ибо, порицая всякую попытку стремленія къ независимости въ Египетскомъ пашѣ, мы тѣмъ самымъ пріобрѣтаемъ еще новыя причины на признательность къ намъ со стороны султана, даже и въ томъ случаѣ, если намъ не удастся ничѣмъ помѣшать осуществленію замысловъ Мехмета-Али. Дружественныя отношенія съ Турціей касаются жизненныхъ интересовъ Россіи, между тѣмъ какъ отношенія наши къ Египту будутъ для насъ всегда имѣть лишь второстепенное значеніе.

Его сіятельству графу Орлову.

Александрія, 29 Іюня (11 Іюля) 1836-го года.

Слишкомъ два года тому назадъ пріѣхавъ въ Египетъ, я нашелъ тогда, что представители Франціи и Англіи отмѣнно ухаживали за Египетскимъ пашею. Для нихъ въ то время онъ былъ человѣкъ, ниспосланный Провидѣніемъ для возрожденія Востока и распространенія просвѣщенія въ самомъ сердцѣ Африки. Восхищались всѣми его

дѣйствіями и поступками, спѣшили предупреждать его малѣйшія желанія; всѣ Европейскія газеты хоромъ пѣли хвалебные гимны, какъ только рѣчь заходила о Мехметѣ-Али и о великой будущности, которую его геній готовитъ Египту.

Теперь совсѣмъ уже не то. Морскія державы весьма замѣтно отдалились отъ Мехмета-Али, и Англія, какъ кажется, особенно желаетъ его унизить, ослабить и снова превратить въ простаго вассала.

Между тѣмъ было бы несправедливо сказать, чтобы такую злобу со стороны Сентъ-Джемскаго кабинета вызвала перемѣна въ поведеніи самого Египетскаго паши. Мехметъ-Али все тотъ же человѣкъ, какимъ былъ и 20 лѣтъ тому назадъ; ни система его управленія, ни его честолюбивые замыслы нисколько не измѣнились съ тѣхъ поръ. Слѣдовательно, если Англія измѣнилась въ отношеніи къ нему, то вѣроятно потому, что поняла, наконецъ, что, благопріятствуя усиленію Египетскаго могущества, она дѣлаетъ ошибку, послѣдствіемъ которой можетъ быть ослабленіе Оттоманской имперіи, и сія послѣдняя въ силу обстоятельствъ должна будетъ всѣми средствами держаться Россіи.

Египетскій паша слишкомъ проницателенъ для того, чтобы не понять новаго положенія вещей и не стараться найти себѣ новой поддержки послѣ того, какъ онъ уже не можетъ болѣе расчитывать на поддержку со стороны морскихъ державъ. Теперь всѣ его любезности обращены на меня; Богхосъ-бей выказываетъ необыкновенную склонность исполнять малѣйшія мои желанія и требованія. Россія не сходитъ у него съ языка, онъ даже клянется ею; однимъ словомъ, я убѣжденъ, что Мехметъ-Али съ поспѣшностью готовъ ухватиться за все, чтобы только угодить Русскому кабинету. Изъ всего этого слѣдуетъ, что паша всего охотнѣе исполняетъ мои совѣты и потому особенно заботится о своихъ денежныхъ расчетахъ съ Портой. Недавно онъ отослалъ въ Константинополь 25 тысячъ кошельковъ, то есть дань, слѣдуемую за 1251-й годъ, а черезъ пять-шесть мѣсяцевъ онъ обѣщалъ мнѣ выслать туда деньги за первое полугодіе текущаго 1252-го года. Я думаю также, что теперь менѣе чѣмъ когда либо можно ожидать какого-нибудь взрыва со здѣшней стороны; ибо нельзя не признать, что въ былыя времена паша мечталъ о войнѣ и завоеваніяхъ вслѣдствіе того, что расчитывалъ на нравственную поддержку или по крайней мѣрѣ на благосклонное невмѣшательство со стороны морскихъ державъ, между тѣмъ какъ теперь, въ случаѣ его столкновенія съ Портой, онъ можетъ ожидать, что морскія силы этихъ державъ обратятся противъ него. Принимая все это во вниманіе, Мехметъ-Али долженъ считать за счастіе, что онъ въ состояніи удерживать то, что̀ уже имѣетъ, и ни въ какомъ случаѣ не мечтать о новыхъ пріобрѣтеніяхъ.

Не знаю, можно ли столько же быть увѣрену въ готовности султана поддерживать миръ. Турція, повидимому, еще не бросила мысли снова завладѣть Сиріей и, подстрекаемая Англіей, на поддержку которой она расчитываетъ, пожалуй снова вздумаетъ воевать съ своимъ опаснымъ вассаломъ. Я не придаю значенія усовершенствованіямъ, произведеннымъ въ Оттоманской арміи; а дарованія Турецкаго генералиссимуса возбуждаютъ во мнѣ мало довѣрія. Но я не могу обойти молчаніемъ обстоятельство, которое до нѣкоторой степени можетъ способствовать успѣхамъ вооруженной силы, которая вздумаетъ завоевать Сирію. Обстоятельство это есть недовольство мусульманскаго населенія этой страны; вслѣдствіе воинскихъ наборовъ и притѣсненій Египетскихъ управителей оно крайне озлоблено и разомъ готово бы подняться противъ Египта, если бы только могло расчитывать на чью бы то ни было поддержку.

*

Я велъ дѣятельную переписку съ нашимъ посломъ, насколько позволяли мнѣ это весьма несовершенные способы сообщенія того времени. Я зналъ, что мои донесенія нравятся при дворѣ и въ письмѣ барона Брунова изъ Петербурга отъ 19 (31) Марта 1835-го года получилъ подтвержденіе этому. Вотъ между прочимъ что онъ писалъ мнѣ.

«Съ удовольствіемъ пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ передать вамъ извѣстіе, которое всегда бываетъ пріятно получить въ такомъ далекомъ краю: ваши донесенія читаются здѣсь съ отмѣннымъ вниманіемъ, и Его Величество вполнѣ одобряетъ ваши дѣйствія. Графъ Нессельроде весьма часто доставляетъ мнѣ удовольствіе слушать, какъ васъ хвалятъ. Мнѣніе это, знаю навѣрное, раздѣляетъ и графъ Чернышовъ. Изъ послѣднихъ, полученныхъ нами отъ васъ, извѣстій, мы узнали, что вы въ скоромъ времени собираетесь въ Верхній Египетъ. Мы съ живымъ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ подробностей о вашей поѣздкѣ. Будьте увѣрены, что письма ваши всѣми цѣнятся весьма высоко. Донесенія ваши цѣликомъ, наравнѣ съ донесеніями пословъ, читаются самимъ Императоромъ. Говорю вамъ объ этомъ, ибо изъ опыта знаю, что ничего такъ не тревожитъ за границей какъ опасеніе, что пишешь слишкомъ пространно, или что писемъ твоихъ вовсе не читаютъ. Ни того ни другого никогда не случается съ вами».

Я провелъ въ Каирѣ зиму 1834—1835-го года. Этотъ огромный городъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой, носитъ на себѣ Арабскій характеръ и въ этомъ отношеніи стоитъ подробнаго описанія.

Дворецъ паши находится въ стѣнахъ крѣпости, построенной на одной изъ крайнихъ вершинъ Арабской горной цѣпи, Моккатамъ, ко-

торая тянется между Краснымъ моремъ и Нильской долиной. Отсюда взорамъ путешественника открывается великолѣпная панорама. Подъ ногами лежитъ городъ съ тысячами узкихъ и кривыхъ улицъ; далѣе видно, какъ Нилъ катитъ свои могучія воды среди цвѣтущихъ садовъ и зеленыхъ полей, а еще далѣе, на границѣ Ливійской пустыни, величественно поднимаются три громадныя Гизейскія пирамиды.

Именно здѣсь получили мы извѣстіе о случаяхъ заразительной болѣзни, появившейся въ одномъ Греческомъ монастырѣ въ Александріи и занесенной туда богомольцами, пришедшими изъ Іерусалима. Это было началомъ чуть ли не самой сильной чумы, свирѣпствовавшей въ Египтѣ и буквально опустошившей весь край.

Было очевидно, что изъ Александріи чума перейдетъ въ Каиръ и произведетъ въ немъ ужасныя опустошенія. Мехметъ-Али принялъ рѣшеніе переѣхать въ Верхній Египетъ, куда, какъ знали изъ опыта, чума никогда не проникаетъ. Всѣ консулы послѣдовали примѣру паши. Какъ только первые признаки ужаснаго бича появились среди скученнаго населенія Каира, я нанялъ *дегабижу* (какъ называются плавающія по Нилу лодки) и пустился въ путь, направляясь въ Верхній Египетъ.

Когда дулъ попутный вѣтеръ, мы плыли съ парусомъ, а черезъ часто встрѣчающіяся стремнины лодочники, выйдя на берегъ, переправляли нашу дегабижу руками. Этимъ способомъ двигаться весьма медленно, но за то мы имѣли возможность часто выходить на берегъ и изучать мѣстную природу, которая такъ рѣзко отличается отъ нашей сѣверной природы.

Мнѣ уже давно хотѣлось побывать въ Верхнемъ Египтѣ и посмотрѣть гигантскіе памятники прошлаго, о которыхъ я такъ много слыхалъ; но я долженъ сказать что то, что̀ я видѣлъ во время этого путешествія и въ особенности колоссальныя развалины Ѳивъ, далеко превосходятъ все, что̀ только можетъ создать самое пылкое воображеніе.

Я поднимался до Ассуана (Римская Сіена). Онъ лежитъ подъ тропинками; близъ него находятся гранитныя ломки, изъ которыхъ фараоны брали камень для обелисковъ, сфинксовъ, фундаментовъ, воротъ и проч., однимъ словомъ все, чѣмъ украшены воздвигнутые ими памятники; ибо до Ассуана ни одна изъ горныхъ степей, идущихъ вдоль Нильской долины, гранита не даетъ.

Видно, что вслѣдствіе какого-то политическаго событія работы въ Ассуанскихъ ломкахъ были разомъ прекращены, ибо и теперь тамъ еще лежатъ на половину обтесанные обелиски, которыхъ даже не успѣли отдѣлить отъ утесовъ.

За Ассуаномъ пороговъ на Нилѣ такъ много, что я уже сухимъ путемъ проѣхалъ къ лежащему выше пороговъ острову Филе, гдѣ находится нѣсколько храмовъ, замѣчательныхъ по своей архитектурѣ.

Отсюда уже начинается Нубія, съ населеніемъ существенно отличающимся отъ Египетскаго. На возвратномъ пути я еще на нѣсколько дней останавливался въ Стовратныхъ Ѳивахъ. Развалины этого города широко раскинулись по обѣ стороны Нила, такъ что и цѣлаго мѣсяца было бы мало, чтобы осмотрѣть ихъ во всѣхъ подробностяхъ.

Прошло уже около двухъ мѣсяцевъ послѣ нашего отъѣзда изъ Каира; вѣсти, доходившія къ намъ оттуда, были самыя печальныя: смертность была ужасная. Не смотря на это, какое-то спѣшное дѣло заставило Мехмета-Али вернуться въ Каиръ, и мнѣ пришлось сдѣлать тоже самое. Мехметъ-Али былъ настолько любезенъ, что приказалъ для меня занять домъ по сосѣдству съ лѣтнимъ дворцемъ, Чуброй, въ которомъ онъ жилъ самъ и который находится верстахъ въ двухъ отъ Каира, то-есть отъ главнаго средоточія чумы.

Въ то время, какъ мы проѣзжали мимо Каира и сосѣднихъ деревень, я тщательно наблюдалъ, чтобы наши лодочники не имѣли никакого сообщенія съ побережными жителями; эти же самые лодочники на собственныхъ плечахъ перенесли мои пожитки изъ лодки въ предназначенный мнѣ домъ.

Такими мѣрами предосторожности я охранялъ себя отъ всякой опасности; Арабскіе же лодочники, фаталисты подобно всѣмъ мусульманамъ, получивъ свою плату, въ тотъ же день вернулись къ своимъ семьямъ въ Каиръ; впослѣдствіи одинъ изъ нихъ заходилъ ко мнѣ и говорилъ, что добрая половина его товарищей умерли отъ чумы въ теченіе трехъ дней. Вотъ какъ жестоко свирѣпствовалъ здѣсь этотъ ужасный бичъ.

Я очень часто ходилъ къ Мехмету-Али въ сопровожденіи двухъ солдатъ, которые передо мною разгоняли народъ. Я оставался въ карантинѣ до Иванова дня, ибо въ Египтѣ, въ противоположность всѣмъ другимъ странамъ, съ наступленіемъ жаровъ чума обыкновенно ослабѣваетъ, а иногда даже и вовсе прекращается.

Послѣ усмиренія Навплійскихъ горцевъ до насъ стали доходить изъ Сиріи самыя противорѣчивыя извѣстія. Я счелъ своей обязанностью съѣздить туда, какъ для того, чтобы точно и безпристрастно судить о настроеніи умовъ, такъ и съ цѣлью поглядѣть на примѣненіе правительственной системы, изобрѣтенной вице-королемъ Сиріи.

Въ концѣ Апрѣля 1836-го года я отправился на Англійскомъ пароходѣ въ Бейрутъ. Отсюда прежде всего я проѣхалъ въ Ливанъ

къ эмиру Беклиру. Этотъ замѣчательный старецъ въ то время жилъ въ своемъ дворцѣ Дейръ-Эль-Камарѣ. Нѣкогда онъ игралъ первенствующую роль въ дѣлахъ своей горы и въ теченіе многихъ лѣтъ мудро управлялъ Друзами и Маронитами. Съ Египетскими властями онъ не былъ въ особенно дружескихъ отношеніяхъ, привыкнувъ къ большой независимости. Склоны горъ здѣсь были весьма старательно воздѣланы, несмотря на свою плохую почву. Приходилось на ослахъ возить сюда изъ долинъ плодородную землю и подпорками и стѣнами препятствовать дождямъ уносить ее. Весь склонъ горъ былъ покрытъ безчисленнымъ числомъ терассъ, нагроможденныхъ одна надъ другою; на нихъ во множествѣ росли фиговыя, оливковыя и въ особенности тутовыя деревья; шелководство составляло здѣсь главный промыселъ жителей.

Оффиціально этотъ Беклиръ считался мусульманиномъ, но въ тайнѣ исповѣдывалъ христіанство. У него во дворцѣ, въ часовнѣ, ежедневно служилась обѣдня.

Изъ Дейръ-Эль-Камара я направился черезъ Триполи, Латакію и Антіохію въ Алеппо. Затѣмъ проѣхалъ я черезъ Гомсъ, Гаму и долину, отдѣляющую Ливанъ отъ Антиливана и посѣтилъ развалины Бельбека. Отсюда я отправился въ Дамаскъ, который послѣ Каира есть самый Арабскій городъ. Изъ Дамаска я поѣхалъ въ Палестину, переправился черезъ Іорданъ, проѣхалъ вдоль Тиверіадскаго озера, поднимался на гору Ѳаворъ и останавливался въ Назаретѣ. Наконецъ, изъ Іерусалима, гдѣ я прожилъ болѣе недѣли, я ѣздилъ въ Виѳлеемъ, Іерихонъ и на берегъ Мертваго моря, однимъ словомъ посѣтилъ всѣ мѣста освященныя воспоминаніями нашей святой вѣры.

Во все время моего путешествія по Верхнему Египту и Сиріи я постоянно писалъ большія письма къ отцу, дѣлясь съ нимъ всѣми своими впечатлѣніями. Нравы, обычаи, гражданское устройство различныхъ народностей, которыя мнѣ привелось видѣть, разнообразіе растительности, различные способы орошенія полей, заслуживающіе въ высшей степени вниманія, наконецъ историческіе памятники исчезнувшихъ народовъ,—однимъ словомъ все, что я видѣлъ служило мнѣ предметомъ изученія и притомъ весьма интереснаго. По несчастію, по смерти моего отца письма эти затерялись, а теперь много подробностей моего путешествія совершенно изгладилось изъ моей памяти.

Чтобы не впасть въ ошибку, я ограничусь теперь изложеніемъ въ краткихъ чертахъ того, что я вынесъ изъ моего путешествія по Сиріи. Египетское управленіе ложилось очень тяжелымъ гнетомъ на народъ, вслѣдствіе обременительныхъ налоговъ и воинской повинности, съ которой онъ не былъ знакомъ до того времени, и вообще возбуж-

дало противъ себя глубокую ненависть во всемъ населеніи. Но за то, съ другой стороны, Египетское управленіе своими строгими мѣрами успѣло водворить порядокъ въ странѣ, гдѣ прежде царствовала полнѣйшая анархія. Теперь безъ всякаго конвоя и не подвергаясь ни малѣйшей опасности, можно было проѣхать всю Сирію изъ конца въ конецъ; ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго не было въ этомъ краѣ, населенномъ буйными разбойничьими племенами и сверхъ того вѣчно подвергавшемся хищническимъ набѣгамъ Бедуиновъ пустыни. Затѣмъ, въ тоже время я убѣдился, что лучшимъ руководителемъ для путешествія по Палестинѣ всегда будутъ Библія и Евангеліе: ибо характеръ страны, нравы, обычаи и одежда жителей такъ мало измѣнились въ теченіе столѣтій, что на каждомъ шагу поражаешься сходствомъ того, что̀ видишь, съ тѣмъ, что говорится въ Священномъ Писаніи.

Покинувъ Іерусалимъ, я сѣлъ на корабль въ Яффѣ и моремъ возвратился въ Александрію. Я могъ бы конечно возвратиться и сухимъ путемъ черезъ Эль-аришъ и пустыню, но былъ уже Іюнь мѣсяцъ, и я побоялся палящихъ лучей лѣтняго солнца.

Хотя Египетскій климатъ и очень хорошъ, но на меня онъ производилъ какое-то разслабляющее дѣйствіе, и потому лѣтомъ 1837-го года я хотѣлъ попросить себѣ восьми-мѣсячнаго отпуска и намѣревался, прежде чѣмъ вернуться въ Россію, провести нѣкоторое время въ Италіи и Германіи. Но едва я составилъ свое прошеніе, какъ новое на счетъ меня распоряженіе разстроило всѣ мои планы. Графъ Нессельроде сообщилъ мнѣ, что Его Величество Императоръ имѣетъ для меня въ виду болѣе выгодное назначеніе, что графъ Александръ Медемъ назначенъ моимъ преемникомъ въ Египтѣ и что какъ только я ему сдамъ дѣла, то немедленно долженъ буду ѣхать въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, не уѣзжая никуда, я ожидалъ своего преемника, который вскорѣ и прибылъ въ Египетъ. Не теряя времени, я вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Каиръ, гдѣ тогда находился Мехметъ-Али, чтобы проститься съ нимъ и представить ему моего замѣстителя.

Во дворцѣ Чубрѣ имѣлъ я свою прощальную аудіенцію и въ послѣдній разъ видѣлся съ Египетскимъ пашей. Послѣ продолжительной бесѣды онъ оставилъ меня съ собою обѣдать. На небольшомъ кругломъ столѣ было поставлено два прибора, одинъ для него, другой для меня; переводчикъ Артымъ-бей стоялъ возлѣ насъ. Столъ былъ Французскій и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный: не пришлось болѣе употреблять вмѣсто вилки собственные пальцы, а красное Бордосское вино замѣнило шербетъ. Послѣ обѣда намъ подали трубки, а когда я сталъ прощаться, паша далъ мнѣ на память великолѣпную

осыпанную бриліантами табакерку съ своимъ вензелемъ. Мнѣ помнится, что впослѣдствіи я показывалъ эту табакерку многимъ лицамъ на вечерѣ у графа Нессельроде, и генер.-ад. графъ Красинскій, разсматривая ее, сказалъ мнѣ: «Знаете ли, что со временъ Наполеона I-го никто изъ государей никому не дарилъ такихъ дорогихъ табакерокъ».

Не смотря на личные недостатки Мехмета-Али и на пріемы его управленія, отличавшагося самымъ безжалостнымъ вымогательствомъ, я не могу не сознаться, что чувствовалъ къ нему нѣкоторую симпатію и разставался съ нимъ съ грустью. Проведя лучшіе года жизни на Востокѣ, я имѣлъ случай быть въ дѣловыхъ сношеніяхъ со многими высокопоставленными Турками, но не видѣлъ ни одного, котораго бы хоть нѣсколько можно было сравнивать съ Мехметомъ-Али. Между Турками, особенно за послѣднее время, найдется много такихъ, которые въ совершенствѣ усвоили себѣ знаніе иностранныхъ языковъ и внѣшній лоскъ Европейскаго просвѣщенія; но ни одного изъ нихъ нельзя назвать геніальнымъ человѣкомъ, какимъ несомнѣнно былъ Мехметъ-Али. Всѣ знаютъ его довольно темное происхожденіе. Онъ не получилъ никакого образованія, не умѣлъ вовсе писать и читалъ очень плохо; но у него было то, чего не можетъ дать никакое образованіе, чуткость въ дѣлахъ, знаніе людей и умъ способный ко всякимъ высшимъ соображеніямъ. Онъ могъ бы быть опорой Оттоманской Имперіи, еслибъ султанъ сумѣлъ привлечь его къ себѣ.

Съ нѣкотораго времени Французское правительство учредило постоянное пароходное сообщеніе съ главными пунктами Востока. Въ Ноябрѣ я сѣлъ на одинъ изъ этихъ пароходовъ, отправлявшійся въ Константинополь и провелъ нѣсколько дней въ обществѣ барона Рикмана (который на время отсутствія Бутенева исполнялъ его должность) и Титова, съ которымъ я былъ особенно близокъ.

Всего проще мнѣ было бы теперь ѣхать на Одессу; но вслѣдствіе нѣсколькихъ случаевъ моровой язвы, появившихся въ этомъ городѣ, онъ былъ оцѣпленъ карантинами, и потому я былъ принужденъ сѣсть на корабль, отправлявшійся въ Севастополь. Здѣсь я былъ радушно принятъ семействомъ коменданта, ген.-лейтенанта Розена. Я подробно осмотрѣлъ всѣ морскія укрѣпленія Севастопольской гавани, какой можетъ быть нѣтъ подобной въ мірѣ.

Изъ Крыма я проѣхалъ прямо къ отцу въ Вильну, гдѣ провелъ около недѣли, а оттуда черезъ Митаву въ Петербургъ.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

Печатаются съ Высочайшаго соизволенія.

1849 годъ *).

1.

Нынче мнѣ стукнуло шестьдесятъ шесть лѣтъ. Чтобы подарить самого себя чѣмъ нибудь по сердцу, пишу къ Вашему Императорскому Высочеству. Но на сердцѣ у меня что-то грустное.... Не предчувствіе ли какое? Не знаю. Я не вѣрю и не хочу вѣрить предчувствіямъ, хотя иногда невольно они нападаютъ на душу и наводятъ на нее какую-то грустную робость. Робкія предчувствія тоже, чтȍ бунтовщики въ области политической: ихъ не должно терпѣть въ области Божіей, въ душѣ, Ему одному подвластной и отъ Него одного зависящей. Можетъ быть, мое грустное расположеніе происходитъ и отъ того, что я во все это время ждалъ отъ Васъ письма; но письма еще нѣтъ. Авось будетъ! Покуда же его нѣтъ, то Ваше молчаніе кажется мнѣ какъ будто забвеніемъ. Простите мнѣ это. Я вѣрю Вашему сердцу; но въ теперешнихъ обстоятельствахъ, когда сердце безпрестанно сжато тѣмъ, чтȍ вокругъ насъ происходитъ, когда я такъ отъ Васъ далеко и такъ давно далеко, когда устарѣлую жизнь уже считаешь не годами, а днями, и когда при каждомъ новомъ днѣ рожденія появляется передъ глазами его *двойникъ*—день смерти, такого рода тревожное чувство весьма естественно. Самого меня смерть не пугаетъ.... но мои, мои, остающіеся безъ меня! Какой былъ бы рай тишины для души моей *знать теперь* ихъ будущее устроеннымъ, то-есть человѣ-

---

*) См. выше стр. 242.

чески устроеннымъ; Богомъ же оно устроено: чтó ни случится, все Его воля, слѣдовательно *наилучшее* чтó быть можетъ. А этого желанья, столь естественнаго старику-отцу, Вы не называйте недовѣренностію къ Промыслу. Я говорю, что это было бы *раемъ тишины* для послѣднихъ годовъ (можетъ быть, только дней) моей жизни; но оно не есть *тревога*. Благодаря тѣмъ наставленіямъ, которыя (правда поздно) дала мнѣ семейная жизнь своими радостями и своими страданіями, смотрю съ высшей точки на здѣшнюю жизнь. Не скажу, чтобы на душѣ всегда было тихо; но знаю, въ *чемъ* и *гдѣ* тишина: Богъ помогаетъ душѣ, которая вѣдаетъ Его тайну, хотя и безсильна дѣйствовать согласно съ тѣмъ, чтò она знаетъ. Радостнымъ днемъ новаго года моей жизни будетъ тотъ, въ который получу письмо Ваше.

Теперешнее письмо мое должно служить печальнымъ прибавленіемъ къ моему послѣднему длинному, отправленному черезъ Штутгардъ. Пишу для того, чтобы предохранить себя отъ упрека въ мечтательности, который Ваше Высочество можете мнѣ сдѣлать, прочитавъ мою длинную эпистолу. То, чтó я говорилъ въ ней, сказано было *предположительно*, то-есть опираясь на надежду, что выборы въ Пруссіи будутъ не въ смыслѣ демократіи и что король, на нихъ утверждаясь, будетъ имѣть возможность вмѣстѣ съ своими камерами поправить свою произвольную ошибку, пересоздавъ чудовищную конституцію, имъ данную. Но эта надежда теперь весьма поблѣднѣла. Горе стѣсняетъ душу при видѣ, какъ непобѣдимо зло, какъ слѣпо и безумно ему покоряются (и принимая его за благо) тѣ самые, которыхъ оно неминуемо погубитъ; какъ дѣятельно и безстыдно злоумышленники грабятъ общее благосостояніе въ пользу собственную, не давая себѣ и труда украшать виды свои маскою пристойности; какъ уступчива и нерѣшительна власть и какъ ни для правящихъ, ни для управляемыхъ ничтожны совѣты опыта.

Жители Берлина въ продолженіе девяти мѣсяцевъ были подъ гнетомъ терроризма; по всему государству была разлита тревога анархіи, всѣ чувствовали ея тягость. Происшествія обличили мятежниковъ и выставили передъ цѣлою націею ихъ злонамѣренность и низость. Король, напротивъ, явился во всемъ блескѣ прямодушія; армія его явилась благотворною хранительницею возстановленнаго ею порядка и образцомъ вѣрности престолу, и большинство народа оказалось со стороны закона и монаршей власти. Чему же все это помогло? Герои мятежа, заклейменные общимъ презрѣніемъ, торжествуютъ. Берлинъ, столица Германской цивилизаціи, выбралъ въ свои представители самыхъ гнуснѣйшихъ изъ нихъ. Разумѣется, что въ этомъ не надо было обвинять всего народонаселенія столицы; но это доказываетъ, какую

силу имѣетъ меньшинство злонамѣренныхъ, которые позволяютъ себѣ *всѣ* средства для достиженія своей цѣли, какъ вяло большинство благонамѣренныхъ и особенно какая бездна бѣдствій всякаго рода заключается въ этой системѣ выборовъ, которую король принялъ добровольно, которую могъ бы не принять (ибо въ ея смыслѣ никакого не давалъ обѣщанія) и которая приведетъ государство на край погибели, уничтожая всякую возможность правительствовать. Здѣсь, какъ ни больно это, нельзя не обвинить короля въ слабости. Нельзя никакъ объяснить, чтó побудило его сдѣлать такую произвольную гибельную уступку.

Еслибы онъ учредилъ (и на это онъ имѣлъ возможность и силу) двѣ камеры, изъ которыхъ одну бы составляли имъ самимъ назначенные перы, представители всѣхъ знаменитостей и всѣхъ состояній государственныхъ, а другую—представители массы народа, избираемые не толпою, не пролетаріями, а избирателями, понимающими частную и общую пользу: тогда бы вѣроятно загражденъ былъ входъ въ это новое Національное Собраніе шайкѣ анархистовъ, и была бы возможность съ двумя умѣренными камерами передѣлать данную конституцію въ хранительномъ смыслѣ. Но теперь чтó поможетъ ему его прямодушіе, если онъ выразится искренно на счетъ этой бѣдственной хартіи, которая, въ ту минуту, когда онъ ее далъ, была доскою, брошенною утопающей монархіи, а теперь стала опять мечемъ Дамоклесовымъ, повѣшеннымъ на волоскѣ надъ головою государства, но уже повѣшеннымъ произвольно, рукою самого короля? И какого онъ можетъ ожидать отвѣта на свою искренность? Онъ только предастъ себя на поруганіе толпѣ, которая ничего другаго не имѣетъ въ виду кромѣ разрушенія и безначалія. Правда, есть еще тѣнь надежды: выборы въ первую камеру пока удовлетворительны, и вторая камера можетъ еще поправиться; полный результатъ выборовъ еще неизвѣстенъ. Чтò бы ни было, самое вѣроятное то, что теперь начнется бой не на животъ, а на смерть; сперва безъ штыковъ, а послѣ можетъ быть и со штыками; изъ войны междоусобной вылѣзетъ, можетъ быть, чудовище войны всеобщей. И если эта война загорится, кто скажетъ, на долго ли и чѣмъ кончится? Одно ясно: тотъ, кто въ этой войнѣ останется побѣдителемъ, силою меча утвердитъ порядокъ. Какой порядокъ? На какихъ основаніяхъ? Для того ли только, чтобы задушить общаго врага, Наполеона анархіи? Для того ли, чтобы, возстановивъ *благое*, разрушенное въ настоящемъ, приготовить *благое* будущее? Кто знаетъ? Съ одной стороны будетъ торжествующая раздраженная сила, съ другой—усталость, произведенная бѣдствіемъ, не покой, не примиреніе, а тайно раздраженная слабость. Будетъ ли это благопріятно

мирному дѣлу возстановленія? На всѣ эти вопросы не можетъ быть никакого отвѣта.

Les temps, où nous vivons sont difficiles, je dirai plus: ils sont impossibles! *). Правда, правда, Монлозье. Не за что ухватиться, ничто не беретъ: цементъ, составлявшій крѣпость зданій, построенныхъ вѣками, выѣденъ ядовитыми доктринами нашего умствующаго вѣка; эти зданія должны упасть, а новыхъ построить нельзя, ибо и для постройки нуженъ тотъ же самый цементъ, который уже не существуетъ: цементъ вѣры, уваженія власти, уваженія долга. Да такія зданія и не строются по планамъ человѣческимъ, еще менѣе по планамъ профессоровъ, студентовъ и адвокатовъ; одинъ вѣрный строитель—время, а планъ—Божія правда.

Теперешняя Французская *безумная* и ея обезьяна Нѣмецкая *глупая* революція совсѣмъ не сходствуютъ въ характерѣ своемъ съ революціею 1789 года. Тогда, при всей разрушительности дѣйствій (истекающихъ изъ всякой революціи), главнымъ дѣйствователемъ былъ *энтузіазмъ*, была какая-то свѣжая экзальтація, воспламененная доктринами философіи. Стремились къ химерѣ, но эта химера была увлекательный идеалъ лучшаго, этому идеалу вѣрили, никакой еще опытъ не доказалъ на дѣлѣ несбыточности идеала. Свобода, братство, равенство, человѣчество, всѣ эти слова еще имѣли высокое значеніе. Начало этой революціи можно сравнить съ молодостію жизни, когда намъ мечтательное кажется сбыточнымъ. Но скоро терроризмъ, гильотина и военный деспотизмъ Наполеона отрезвили умы и показали имъ голую истину. И теперь, по прошествіи 50-ти бурныхъ лѣтъ, возвращаются къ тому же? Нѣтъ, не къ тому же. Пятидесятилѣтній старикъ не можетъ воскресить мечтами молодаго времени. И революція, пятидесятилѣтній старикъ, не воротитъ своего энтузіазма. Его нѣтъ. Теперь никто не вѣритъ той свободѣ, тому равенству, тому общему благу, той любви къ человѣчеству, за которыя тогда *искренно* заблужденные отдавали жизнь и на которыя дѣйствователи *ясновидящіе* покупали чужое добро и обращали его въ недобрую собственность. Теперь особенно не вѣрятъ имъ тѣ, которые пишутъ имена ихъ на своихъ знаменахъ, бѣлыхъ, черныхъ, красныхъ и трехцвѣтныхъ; теперь нѣтъ энтузіазма, да и такой уже поживы нѣтъ для революціи: она надо всѣмъ провела свой уровень, она теперь не имѣетъ цѣли. Теперь нуженъ порядокъ: онъ не совмѣстенъ съ революціею, и энтузіазмъ не есть элементъ его. И та революція, которая бѣсится передъ

*) Времена, нами переживаемыя, трудны; скажу болѣе: они невозможны.

глазами нашими, есть не иное что̀, какъ отвратительное дѣтище эгоизма. Съ одной стороны дѣйствуютъ эгоисты *утопій*, которые, во что бы то ни стало, хотятъ изрѣзать общество въ куски, чтобы просторно уложить его въ свою Прокрустову постель, искренно убѣжденные, что не постель создана для лежащаго на ней, а лежащій созданъ для постели. Хуже ихъ *честолюбцы*, которымъ все равно, погибнетъ ли общество или нѣтъ, только бы полакомиться на пиру власти. Наконецъ, самые худшіе суть претенденты *власти*, которымъ не *до славы*, не до *первенства* надъ другими, а просто до чужаго добра, до превращенія *твоего* въ *мое*. Они ищутъ прибытка: зажигаютъ домъ. чтобы пограбить на пожарѣ. При этомъ совершенномъ недостаткѣ энтузіазма и вѣры въ революцію, Французская республика устоитъ не долго.

Но Нѣмцы.... Что̀ сказать объ этомъ парламентѣ съ его единствомъ или единицею Германіи, производимою изъ нулей? Хотятъ Германіи безъ государствъ Германскихъ, безъ исторіи, безъ народной личности, безъ народной славы, безъ любви къ родинѣ, безъ историческаго благопріобрѣтеннаго богатства. Не чистый ли это коммунизмъ? Не тоже ли это, что̀ уничтоженіе собственности, семейства, личности, чудовищное произведеніе больныхъ конвульсивныхъ умствованій нашего вѣка? Теперь дѣло идетъ къ развязкѣ или къ новой завязкѣ. Вотъ увидимъ, съумѣютъ ли господа многоученые профессора развязать Гордіевъ узелъ, и не придется ли прибѣгнуть къ мечу Александра?

Но довольно. Кончу благодарностію къ Богу за нашу Россію и за то, что она такъ мирно стоитъ на своемъ твердо-каменномъ берегу и такъ безстрашно смотритъ съ высоты его на бурю въ пучинѣ.

Прося Бога благословить Васъ, цѣлую Вашу милую руку.

Жуковскій.

29 Генваря 1849.
Баденъ-Баденъ.

2.

Ура! Письмо, съ такимъ нетерпѣніемъ ожиданное, пришло, и какое письмо! Съ благодарными слезами цѣлую милую руку, его написавшую, руку любви, положившую такой цѣлительный пластырь на мое больное сердце. Прошу Ваше Высочество простить мнѣ тѣ строки моего письма, въ которыхъ выразилось мое безпокойство на счетъ Вашего молчанія. Всему этому причиною та зараженная всякаго рода міазмами атмосфера *отдаленія*, эта пустынная *чужь*, въ которую за-

гнали меня строгія обстоятельства. Мое печальное расположеніе, въ которомъ я началъ писать послѣднее письмо мое, служитъ новымъ доказательствомъ, что предчувствій нѣтъ и что грустныя предчувствія бываютъ часто мистификаціею, которая пугаетъ только для того, чтобы слѣдующая за нею существенная радость была живѣе отъ неожиданности и противуположности. Жалѣю, жалѣю глубоко, что меня самого не было на этомъ праздникѣ; такихъ дней въ жизни человѣческой не бываетъ дважды; но я вполнѣ наслаждаюсь этимъ праздникомъ въ воображеніи. Когда онъ происходилъ (далеко, далеко отъ меня), я сидѣлъ не одиноко, а уединенно, съ женою, сыномъ и дочерью, въ уголку моего Баденскаго дома, и тѣ голоса, которые пѣли передъ Вами мою прошлую жизнь, Вамъ особенно принадлежащую, не доходили до меня *). Теперь Ваше милое письмо, какъ живое эхо, какъ добрый геній, принесло ко мнѣ этотъ голосъ родины. Какъ онъ меня трогаетъ! Какъ онъ сильно меня къ Вамъ тянетъ! Но дотянетъ ли наконецъ? Ежедневно моя утренняя и моя вечерняя молитва оканчивается слѣдующею просьбою: «Даруй мнѣ будущее, благоволи позволить приближиться къ пути Твоему и указать его моимъ дѣтямъ; благоволи позволить окончить трудъ мой; благоволи возвратить меня въ отечество и пошли мнѣ тамъ конецъ, Тебя достойный, не на скорбь, а на утѣшеніе моему семейству!» Вотъ все, чего желаю отъ Бога, если только слово *желаю* здѣсь у мѣста. Самое лучшее и самое вѣрное желаніе есть: да будетъ Твоя воля!

Извѣстія, которыя Ваше Высочество благоволили мнѣ сообщить, весьма прискорбны. Тревожиться много нельзя: корь—дѣло обыкновенное, un lieu commun **), и лучше, когда при многочисленномъ семействѣ можно отъ нея отдѣлаться *разомъ* и имѣть ее *за собою*, а не *передъ собою*. Тогда однимъ врагомъ жизни меньше. Противъ кори нужна только осторожность; у Васъ въ ней недостатка не будетъ. Надобно только терпѣливо перенести шестинедѣльную скуку. Почти половина этой скуки теперь уже съ плечъ долой. Дай Богъ мнѣ поскорѣй добрыхъ извѣстій.

---

*) Говорится о праздникѣ въ честь Жуковскаго, который устроили въ этомъ году, въ день его рожденія, князь П. А. Вяземскій и графъ М. Ю. Віельгорскій. Покойный Государь былъ на этомъ праздникѣ, описаніе котораго издано отдѣльною книжкою. Были пѣты стихи князя Вяземскаго, съ припѣвомъ:

Будь нашъ тостъ ему отраденъ,
И отъ города Петра
Пусть отгрянетъ въ Баденъ-Баденъ
Наше дружнее ура!

**) Общее мѣсто.

Самъ я довольно здоровъ. Жена теперь живетъ надеждою: Гугертъ дѣйствительно ей помогъ; она сама это чувствуетъ, хотя еще все и безпрестанно въ когтяхъ у врага. Но рѣшительное леченіе начнется съ весною; Гугертъ надѣется. Помоги, помоги Богъ! Какое несказанное испытаніе эта болѣзнь, которая уже почти три года уничтожаетъ мою семейную и мою отечественную жизнь. Не смѣю сказать никакого рѣшительнаго слова о своемъ будущемъ: уже столько разъ выходило противное желанному. Но жить здѣсь несносно: живешь на землетрясеніи. Одно убѣжище отъ всего окружающаго: уединеніе и работа. Простите до перваго письма-monstre *). Прошу Васъ положить къ стопамъ Ихъ Величествъ и Государыни Великой Княгини мою живѣйшую благодарность за милостивое обо мнѣ воспоминаніе. Благослови Васъ Богъ!

Жуковскій.

1849. 12 (24) Февраля Баденъ-Баденъ.

3.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству наше сердечное поздравленіе съ нынѣшнимъ общимъ Русскимъ праздникомъ, съ благословеннымъ днемъ Вашего рожденія. Чего Вамъ желаетъ мое любящее Васъ сердце, желаетъ во всякое мгновеніе моей жизни, а въ этотъ день только съ большею опредѣленностію: это Вы знаете. Всякій день въ моей утренней и вечерней молитвѣ произношу Ваше имя и поручаю Вашу драгоцѣнную жизнь Хранителю-Богу (и по утрамъ, мои дѣти, *при мнѣ*), и конечно многіе, многіе на Руси произносятъ эту же молитву вмѣстѣ съ нами. Она будетъ услышана.

Пишу къ Вашему Высочеству въ самый день нашего праздника. Мое письмо придетъ послѣ него, но я отложилъ его написать по особенной причинѣ: мнѣ хотѣлось сдѣлать Вамъ *приношеніе*, хотѣлось *кончить* Одиссею, чтобы имѣть право сказать Вамъ: примите мой смиренный подарокъ. Одиссея кончена; она посвящена Великому Князю Константину Николаевичу; но она составляетъ послѣдніе два тома *полнаго изданія* моихъ сочиненій, которое Вы благоволили позволить мнѣ посвятить Вашему имени. Это изданіе отпечатано здѣсь, и оконченная Одиссея также почти вся отпечатана. И такъ, въ день Вашего рожденія, приношу Вамъ все, что въ продолженіе 50 лѣтъ (изъ которыхъ почти половина принадлежитъ Вамъ) вышло изъ пера моего.

---

*) Т.-е. чудовища. Жуковскій намекаетъ на большой объемъ нѣкоторыхъ своихъ писемъ къ Александру Николаевичу. П. Б.

Этимъ приношеніемъ вѣроятно кончится моя поэтическая дѣятельность. Остатокъ (можетъ быть, уже весьма короткій) жизненнаго пути надобно посвятить другаго рода дѣятельности: если Богу угодно будетъ продолжить мою жизнь и сохранить мнѣ умственныя силы, могу еще быть полезенъ перомъ моимъ. Прошу Вашего на то благоволенія.

Я давно не имѣлъ счастія писать къ Вашему Высочеству; это объясняется тѣмъ, что мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, кончить къ сроку Одиссею, и я отложилъ всякую переписку до окончанія главнаго труда моего. Это истинный tour de force *): менѣе нежели во сто дней я перевелъ XII-ть пѣсней, которыя по мѣрѣ перевода печатались и теперь совсѣмъ почти отпечатаны. Еслибы я не попалъ въ Баденъ, гдѣ посреди кипятка Германіи царствуетъ полное спокойствіе, о такомъ подвигѣ было бы и подумать невозможно.

Нельзя сказать, продолжится-ли это Баденское спокойствіе: горизонтъ Германіи болѣе и болѣе покрывается тучами. Франкфуртскіе строители оказались мастерами разрушенія; они теперь бѣсятся, что произведенныхъ ими развалинъ не хотятъ признать за стройное, прочное зданіе и требуютъ, чтобы король Прусскій принялъ за корону красный Якобинскій колпакъ ихъ фабрики. Если король устоитъ въ своемъ отказѣ, то онъ спасетъ монархію; но дѣло не обойдется безъ пушечной музыки. Какъ-то я подъ эту музыку проберусь подъ кровлю милаго отечества и чтò будетъ съ моею бѣдною страждущею женою! Гугертъ надѣется ей помочь; но по сію пору это однѣ надежды; ея лѣченіе не начиналось еще: погода мѣшаетъ; чрезъ три или четыре недѣли узнàю что-нибудь положительное.

Правда-ли, что Ваше Высочество проведете лѣто въ Ревелѣ? Это я желалъ бы знать предварительно. Гугертъ сказалъ женѣ, что ей въ заключеніе лѣченія надобно будетъ пользоваться легкими морскими ваннами и что для этого Ревель можетъ быть весьма удобенъ. Но чтò скажетъ лѣченіе? И угодно-ли будетъ Богу вырвать меня изъ когтей этихъ двухъ чудовищъ, изъ когтей этой жениной болѣзни, которая терзаетъ бѣдную жизнь нашу, и изъ когтей этой Германіи, которая часъ отъ часу становится мнѣ ненавистнѣе. Не могу сказать Вамъ, какое уныніе нападаетъ на душу при видѣ и при слышаніи всего, чтò кругомъ происходитъ: это нахальное торжество безбожнаго зла хуже всякой нервической болѣзни. Какъ я благодаренъ своей уединенной работѣ, которая оковывала все вниманіе и отвлекала сердце и душу отъ всего внѣшняго. Теперь она кончилась. О, помоги Богъ бѣдной женѣ моей! И при всемъ этомъ тревожитъ мысль о томъ, чтò

*) Усиленное и удачное напряженіе.

думаетъ обо мнѣ Государь, что̀ Вы думаете. На письмо мое къ Его Величеству не было отвѣта, и Вы ничего не сказали о немъ. Я осмѣлился писать съ Великою Княгинею къ Государынѣ Императрицѣ; въ прежнее время она удостоивала меня вниманія; теперь, въ такихъ тяжелыхъ для меня обстоятельствахъ, также и отъ нея не было мнѣ никакого отзыва. А виноватъ-ли я, что мои таковы обстоятельства? Тяжкій, тяжкій крестъ! Протяните Вы дружескую руку, чтобы его поддержать на хилыхъ плечахъ моихъ. Напишите мнѣ два слова отъ Вашего сердца. Это будетъ новымъ знакомъ Вашей ко мнѣ милости, которая во всякое время, и темное и свѣтлое, какъ звѣзда, сіяетъ надъ моею жизнію.

Простите. Сохрани Васъ Богъ и Ваше благословенное семейство. Христосъ Воскресе!

Жуковскій.

17 (29) Апрѣля 1849.
Баденъ-Баденъ.
Maison Kleinmann.

Мой добрый Рейтернъ послалъ другаго сына на службу Русскую. Второй его сынъ Василій записался теперь въ Дерптскій университетъ доучиваться и готовиться служить Россіи. Осмѣливаюсь обратить на него Ваше вниманіе. А чтобы Вы ясное получили понятіе о томъ, каковъ онъ и каковъ воспитавшій его отецъ, прилагаю здѣсь въ оригиналѣ письмо, которое написано было ко мнѣ отцемъ при отправленіи сына въ Россію. Waya значитъ Василій. Онъ мой крестникъ.

4.

Таскаясь съ мѣста на мѣсто, чтобы найти для себя и для семейства защитный уголъ, я давно не имѣлъ никакого извѣстія о Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ. На сихъ дняхъ, получилъ наконецъ, письмо отъ моего корреспондента, въ которомъ не было никакихъ тревожныхъ о Васъ извѣстій. И вдругъ, чрезъ два дня послѣ этого письма, читаю въ газетахъ разительную вѣсть о нашемъ общемъ несчастіи. Я не хотѣлъ вѣрить; но письмо Сѣверина, вчера мною полученное, уничтожило всѣ сомнѣнія. И такъ это правда! О наше милое, милое дитя! *) Скорбя о земномъ твоемъ отцѣ, въ сокрушеніи помышляя о

*) Говорится о кончинѣ (12 Іюня 1849) старшей дочери покойнаго Государя, великой княжны Александры Александровны, чудесномъ первенцѣ-ребенкѣ, утрата котораго произвела глубокую, долгіе годы не закрывавшуюся рану въ сердцѣ Александра Николаевича. Это было первое настоящее горе въ его жизни. П. Б.

томъ, что̀ должна чувствовать твоя мать, всѣмъ сердцемъ, съ глубокимъ умиленіемъ, благословляю твой путь въ обитель Отца Небеснаго. Ты перелетѣла къ ней такъ быстро съ земной твоей дороги; двери ея такъ неожиданно для насъ затворились за тобою и скрыли тебя отъ насъ, тебя любившихъ, отъ нашихъ глазъ, веселившихся твоимъ милымъ присутствіемъ.. Но эти двери затворились за тобою и для всего житейскаго, для всего невѣрнаго, тревожнаго, мучительнаго не въ однихъ своихъ испытательныхъ печаляхъ, но и въ своихъ болѣе испытательныхъ радостяхъ. Радуйся, нашъ милый, минуту побывшій съ нами ангелъ! Забавы беззаботнаго, скоропреходящаго младенчества вдругъ перемѣнились для тебя на вѣчно веселое, боговидящее младенчество лучшей жизни; для тебя совершилось вполнѣ слово Спасителя: *Блаженни чистые сердцемъ, яко тѣ Бога узрятъ!* И для насъ ты не пропала: глаза не видятъ тебя, да душа тебя чувствуетъ и слышитъ. Всѣ воспоминанія о милой, такъ недолго здѣсь видѣнной жизни твоей прекрасны; покинувъ насъ, ты оставилъ намъ память объ одной чистой прелести младенчества непорочнаго. О томъ *что̀* ты и *гдѣ* ты теперь, не иначе можно думать какъ съ умиленіемъ, проливающимъ въ душу миръ и утѣху; ты цвѣтъ земли, только что распустившійся и вдругъ получившій небесную неувядаемость; все твое лучшее осталось неприкосновеннымъ, ничто прекрасное въ душѣ твоей не измѣнилось, не подвергнулось житейской порчѣ. Прости, нашъ милый младенецъ! Говоря тебѣ это *прости*, сердце за тебя радуется... Но что̀ скажу твоему отцу, твоей матери? Какъ мнѣ горько, что не могу стать предъ ними и вмѣстѣ съ ними плакать, плакать о нихъ, а не о тебѣ, плакать вмѣстѣ со всѣмъ добрымъ Русскимъ народомъ, который такъ искренно и простодушно принимаетъ участіе и въ радостяхъ, и въ печаляхъ семейныхъ Царя своего.... О, мой милый Великій Князь, какъ живо я воображаю Ваше горе и Ваши слезы, вспоминая о тѣхъ минутахъ, въ которыя Васъ видѣлъ вмѣстѣ съ нею, вспоминая о Вашей любви къ ней и ея младенческой прелести *). Какъ здѣсь не плакать? Какъ запретить себѣ слезы? Здѣсь слезы не слабость; здѣсь слезы вся наша душа, если только будешь видѣть въ этихъ слезахъ даръ Божій. Горе не запрещено намъ, горе есть вы-

*) Она была чрезвычайно привязана къ своему отцу, и часто бывало трудно отослать ее изъ его кабинета. „Папа, позволь: я сяду вонъ тамъ въ углу. Ты занимайся своими бумагами, а я не шевельнусь, даже дышать не буду“. Въ другой разъ она стала просить, чтобы отецъ сдѣлалъ мѣшочекъ и, посадивъ ее туда, повѣсилъ на своей груди и не разлучался съ нею. Ея могила въ Петропавловской крѣпости всегда была особенною святынею для Александра Николаевича. (Слышано отъ А. М. Р.). П. Б.

сокое достоинство нашей души, если только при всякомъ порывѣ его будемъ повторять себѣ: Богъ посѣтилъ меня. Мысль объ этомъ посѣщеніи свыше даетъ истинный смыслъ душевному горю; она не уничтожаетъ его, но отдѣляетъ отъ него все раздражительное, ропотное. Если горе есть посѣщающій нашу душу Богъ, то какъ не принять такого гостя съ приличнымъ Ему гостепріимствомъ? И если слезы суть Его даръ, облегчающій нашу душу, то онѣ же должны быть и Ему жертвою, жертвою, которая въ тоже время усмиряетъ приносящую ее душу. Когда родился Спаситель, Котораго колыбелью были бѣдныя ясли, Котораго земное назначеніе было страданіе и наконецъ смерть на крестѣ во спасеніе людей и въ образецъ смиренія въ страданіи, въ эту минуту ангелы пѣли: «Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ!» Эта пѣснь должна повторяться въ душѣ нашей въ минуту рожденія всякаго новаго горя. Сперва будетъ она въ ней отзывомъ сокрушенія, потомъ голосомъ сладкой утѣхи; въ обоихъ случаяхъ одна и таже пѣснь, хвала любящему насъ Богу. Но можно-ли не плакать? И должно-ли не плакать? Нѣтъ! Слезы, слезы отца, слезы матери, въ истинномъ ихъ значеніи, суть жизнь души нашей, суть въ тоже время и продолженіе для насъ жизни тѣхъ, которыхъ мы называемъ мертвыми; они вполнѣ умираютъ для насъ тогда, когда мы перестаемъ скорбѣть о нихъ. Но ту печаль, которая, не обезнадеживая, не раздражая души, служитъ только ей неразрывнымъ союзомъ съ тѣми, которыхъ уже ни глаза не видятъ, ни ухо не слышитъ, можно сравнить съ музыкою Перголеза на Stabat Mater. Она выражаетъ слова неизглаголаннаго сокрушенія; то, что̀ ты слышишь, извлекаетъ изъ тебя слезы, но это слышанное есть восхитительная гармонія.

Простите, мой милый Великій Князь. Прошу Васъ сказать за меня слово глубокаго, сердечнаго участія Государынѣ Великой Княгинѣ. Мои всѣ плачутъ объ васъ, и всѣ мы молимъ отъ Бога Вамъ того утѣшенія, которое Онъ одинъ только даровать можетъ. Если наши печали суть даръ Его руки, то и силу переносить ихъ отъ Него же мы получимъ.

О себѣ теперь ничего говорить не буду. Я въ Интерлакенѣ; черезъ нѣсколько дней возвращаюсь въ Баденъ, чтобы отдать жену на руки Гугерту. По пріѣздѣ въ Баденъ буду имѣть счастіе писать подробнѣе Вашему Императорскому Высочеству. Благослови Васъ Богъ, и да прольется Его утѣшеніе въ Ваше страждущее отеческое сердце!

Жуковскій.

Интерлакенъ. 3 (15) Іюля 1849.

5.

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ я возвратился въ Баденъ и все еще не собрался написать къ Вашему Императорскому Высочеству, хотя и чувствовалъ нужду высказать Вамъ отъ сердца, сколько мое пребываніе въ Варшавѣ усилило мою къ Вамъ привязанность *), и какъ я благодаренъ Вамъ за этотъ новый поводъ, данный мнѣ Вами болѣе и болѣе любить Васъ, глубоко радуясь Вашимъ сердцемъ и высокимъ благородствомъ Вашего характера. Не стану однако распространяться объ этомъ предметѣ, ибо знаю, что Вы не любите подобныхъ изъявленій.

На сихъ дняхъ отправлена будетъ изъ Берлина въ Петербургъ картина моего тестя—Жертвоприношеніе Авраама. Можетъ быть, она прибудетъ туда прежде письма моего къ Вашему Высочеству; но я уже просилъ Васъ принять ее подъ особенное Ваше покровительство, и Вы то милостиво мнѣ обѣщали. Какъ ее выставить, о томъ я писалъ къ Толстому *). Дай Богъ, чтобы она произвела у васъ такое же дѣйствіе, какое во Франкфуртѣ, гдѣ была выставлена и гдѣ, не смотря на политическія тревоги времени, которыхъ центромъ былъ Франкфуртъ, обратила на себя живое всеобщее вниманіе. Она была выставлена потомъ въ Берлинѣ. Здѣсь прилагаю листокъ изъ Preussische Staats-Anzeiger, въ которомъ найдете статью о картинѣ, написанную Вагнеромъ, историкомъ живописи, котораго мнѣніе есть выраженіе общаго мнѣнія: онъ одинъ изъ самыхъ опытныхъ знатоковъ въ изящныхъ искусствахъ. Теперь мой безрукій инвалидъ, благодаря тѣмъ пособіямъ свыше, которыя дали ему возможность образоваться въ Дюссельдорфѣ, сталъ на ряду со всѣми живописцами первоклассными нашего времени. Конечно, количествомъ произведеній онъ не можетъ сравниться съ другими: у него одна рука, а у нихъ двѣ; а учиться *живописи*, какъ слѣдуетъ, онъ началъ на *сороковомъ* году; но по внутреннему достоинству картинъ своихъ онъ никому не уступитъ. Надѣюсь, что появленіе Авраама послужитъ къ уничтоженію того мнѣнія на счетъ моего тестя, мнѣнія слишкомъ для меня горестнаго, которое выражено въ запискѣ мною представленной Вашему

---

*) Жуковскій на нѣсколько дней ѣздилъ въ Варшаву въ Августѣ 1849 года, чтобы представиться Государю Николаю Павловичу. Онъ былъ принятъ какъ нельзя лучше; только оправданіе и извиненіе дѣйствій короля Прусскаго и политическія въ этомъ смыслѣ заявленія Жуковскаго не совсѣмъ полюбились Государю, стоявшему тогда на высотѣ своего могущества послѣ Венгерскаго нашего похода. П. Б.

**) Т.-е. графу Өедору Петровичу, вице-президенту Академіи Художествъ. П. Б.

Высочеству. Объ немъ *онъ* не знаетъ, оно было бы для него смертельнымъ ударомъ; но довольно того, что я и жена моя о немъ знаемъ: оно для насъ истинное несчастіе. Прошу Ваше Высочество быть въ этомъ случаѣ нашимъ заступникомъ передъ Государынею Императрицею. Не смѣя тревожить Ея Императорское Величество моими объясненіями, позволяю себѣ представить ихъ на благосклонное вниманіе Вашего Императорскаго Высочества. Вопервыхъ, денежное пособіе, такъ милостиво назначенное моему тестю, было опредѣлено съ тѣмъ, чтобы всѣ его картины *принадлежали* Императорскому семейству. Это было сдѣлано для того, чтобы онъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, могъ спокойно довершить свое образованіе въ живописи и былъ избавленъ отъ тяжкой необходимости продавать свои картины и такимъ образомъ не былъ невольникомъ покупателей, часто весьма капризныхъ. Этою милостію было ему заплачено за потерянную руку*). Обязанность же на него наложенная состояла въ томъ, чтобы его картины были всѣ *собственностію* Царскаго дома, а не въ томъ, чтобы онъ *непремѣнно, каждый годъ,* доставлялъ нѣкоторое количество картинъ: это ему безъ правой руки, часто жестоко страдающему отъ своей раны, было бы невозможно, тѣмъ болѣе что въ первые годы своей живописной карьеры онъ все еще былъ въ своемъ дѣлѣ неопытенъ и работалъ ощупью. Не всякій живописецъ можетъ работать съ быстротою Рубенса или Г. Вернета. Моему тестю, сверхъ того, что онъ по характеру своего таланта не можетъ писать на обумъ, всегда строго держится натуры, работаетъ съ величайшею отчетливостію и нѣсколько разъ возвращается къ своей картинѣ (для чего нужно всегда дать ей хорошо высохнуть, что̀ требуетъ много времени), моему тестю невозможно работать скоро: этому противится то, что у него одна рука. Если картина болѣе обыкновеннаго или даже малаго объема, то онъ долженъ работать *стоя*, что̀ для него чрезвычайно утомительно, ибо отъ недостатка одной руки нѣтъ въ тѣлѣ естественнаго равновѣсія, которое надобно безпрестанно возстановлять постояннымъ усиліемъ. Эти обстоятельства объясняютъ и могутъ извинить то, что число конченныхъ и доставленныхъ картинъ моимъ тестемъ было не такъ велико, какъ бы, смотря по времени, оно быть могло. Одно вѣрно: онъ *не лѣнился произвольно*; но сколько времени погибло даромъ отъ его неизлечимаго недуга, который есть его постоянный товарищъ (уже руки ему ничто не воротитъ, а каждая перемѣна погоды даетъ жестоко чувствовать, что ея нѣтъ), сколько

---

*) Рейтернъ (изъ Лифляндскихъ дворянъ) въ молодости служилъ въ гусарахъ; ему оторвало руку въ 1813 году, въ Лейпцигскомъ сраженіи. П. Б.

потеряно времени отъ разстройства физическаго и моральнаго, которое было произведено потерею дочери (хотя эта утрата и принята была съ величайшимъ христіанскимъ смиреніемъ); сколько, наконецъ, помѣшали спокойному труду и политическія обстоятельства, которыя теперь всякій порядокъ жизни разстроиваютъ! Можно ко всему этому прибавить и то, что работа артиста зависитъ отъ расположенія духа и что живописецъ, хотя и можетъ во всякую минуту взять въ руки кисть, но не всегда можетъ успѣшно работать этою кистію. Я приведу здѣсь въ примѣръ самого себя (живопись и поэзія родныя сестры). Я перевелъ послѣднія XII пѣсней Одиссеи менѣе нежели во сто дней: это неимовѣрно скоро; но съ этихъ поръ до настоящей минуты не могу приняться ни за какую работу, и этой силы не могу дать себѣ произвольно.

О другомъ болѣе болѣзненномъ обвиненіи, объ обвиненіи въ *корыстолюбіи*, мнѣ говорить не нужно: я увѣренъ, что Государыня Императрица такого мнѣнія имѣть не можетъ о моемъ благородномъ Рейтернѣ, котораго душа свѣтла, какъ день. Если въ этомъ дѣлѣ кого можно подозрѣвать въ корыстолюбіи, то меня: я одинъ хлопоталъ о немъ и прежде и послѣ, и все, что̀ было по моему столь счастливому ходатайству для него сдѣлано, совершено безъ его вѣдома, безъ всякихъ со стороны его требованій; онъ только воспользовался результатомъ моихъ хлопотъ и теперь пользуется счастіемъ любви благодарной къ своимъ благотворителямъ, которымъ посвящена его геніальная дѣятельность, пользуется во всей полнотѣ этого сердечнаго счастія, тѣмъ болѣе сладостнаго, что оно въ тоже время есть для него и совершенное огражденіе отъ горькихъ заботъ житейскихъ, умерщвляющихъ геній.

У него теперь начато много картинъ, между которыми есть и Мадонна съ Спасителемъ-Младенцемъ; но всѣ эти начатыя работы составляютъ нѣчто постороннее. У него есть въ головѣ главная многообъемлющая картина, которая давно составляетъ его идеалъ; этой картины, которой содержаніе было бы для меня трудно описать, набросанъ только одинъ очеркъ. Дай Богъ ему исполнить свое высокое поэтическое предпріятіе! Но сколько на это нужно времени, опредѣлить нельзя. Великое для него счастіе, что онъ можетъ, безъ всякой тревоги о завтрашнемъ днѣ, благодаря оказанному отъ Царскаго семейства благотворенію, свободно предаваться труду своему и не насильствовать вдохновенія, всегда непокорнаго нашей волѣ. *О содержаніи этого письма* онъ никогда не узнаетъ; оно сокрушило бы его душу: мысль объ утратѣ (хотя бы на одну минуту) добраго мнѣнія нашей несравненной Государыни была бы для него убійственно-не-

стерпима. Будьте нашимъ предстателемъ предъ Ея Величествомъ; скажите, что въ моемъ семействѣ любятъ ее, какъ самый прелестный и чистый идеалъ всего высокаго и милаго. Моя жена никогда не можетъ безъ слезъ вспоминать о встрѣчѣ съ нею въ Ниренбергѣ; тамъ она ее увидѣла такою, какою я съ давнихъ лѣтъ храню ее въ глубинѣ сердца, счастливый тѣмъ, что Богъ мнѣ далъ способность узнать и постигнуть прелесть ея души. Да сохранитъ намъ она сокровище своей милости, и къ несчастію быть въ разлукѣ съ отечествомъ (которая и сама по себѣ грустна, а для меня есть бѣдствіе, потому что происходитъ отъ болѣзни моей жены, истребляющей жизнь семейную) да не присоединится несчастіе утратить эту милость, ничѣмъ для насъ незамѣнимую. Но одно изъ главныхъ свойствъ Государыни было и всегда будетъ *неизмѣнность*; полагаясь на него, не буду себя по напрасну тревожить темными мыслями.

Оканчиваю мое письмо усердною просьбою увѣдомить меня (черезъ Толстаго) о судьбѣ Авраама. Если же на *прочее* содержаніе теперешняго письма моего получу отъ Васъ нѣсколько успокоительныхъ строкъ, то это будетъ мнѣ отъ Васъ несказанною милостію. Приношу глубочайшее почтеніе мое Государынѣ Великой Княгинѣ. Сохрани Богъ Васъ и Ваше семейство!

Жуковскій.

29 Сентября (11 Октября) 1849.
Баденъ-Баденъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛЕОНИДА ѲЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА *).

VI.

Въ числѣ декабристовъ находился Ѳедоръ Вадковской, поселенной въ селеніи Аёкъ,—малый умный, симпатичный, хорошій музыкантъ, прекрасно играющій на скрипкѣ, очень скромный, въ пріязни со всѣми товарищами и не вмѣшивающійся ни въ какія дрязги и сплетни. Очень понятно, мы сошлись уже потому, что оба музыканты, а съ моимъ пріѣздомъ въ Иркутскъ страсть къ музыкѣ еще болѣе у Вадковскаго разыгралась. Бывало, какъ пріѣду въ Аёкъ, мы по цѣлымъ вечерамъ у него въ избѣ разыгривали дуэты Viotti; а иной разъ, когда привезу моихъ Иркутскихъ артистовъ, наслаждались и квартетиками.

Въ Иркутскѣ былъ подъ рукою полный оркестръ, составленный частію изъ музыкантовъ внутренняго баталіона и частію изъ поселенцевъ, отбывшихъ каторгу, и нѣкоторыя оркестровыя произведенія исполнялись весьма порядочно. Генералъ-губернаторъ Рупертъ очень часто устроивалъ у себя музыкальные вечера, на которыхъ жена Верхнеудинскаго окружнаго начальника (фамиліи не припомню) отличалась своимъ голосомъ и весьма порядочнымъ пѣніемъ. У генералъ-губернатора бывали также домашніе спектакли, въ которыхъ дочь его Елена и маіоръ горной службы Таскинъ, товарищъ знаменитаго Самойлова по Горному Институту, выказывали выдающіеся драматическіе таланты. Режиссерская и музыкальная часть лежали на моей обязанности; декоратора же мы добыли изъ Нижнеудинска, ссыльнаго старика, весьма даровитаго.

---

*) См. выше, стр. 347.

Нѣсколько спектаклей устроивалось въ купеческой залѣ съ благотворительною цѣлью, и нѣкоторые были очень удачны какъ сценическимъ исполненіемъ, такъ и сборами. Надо полагать, что не искусство нашихъ актеровъ заманивало публику, а положительное отсутствіе въ то время въ Иркутскѣ подобнаго рода развлеченій.

Возникла мысль устроить концертъ въ пользу отбывающихъ каторгу и не имѣющихъ средствъ къ обзаведенію на поселеніи. На эту мысль купечество отозвалось, какъ всегда, весьма сочувственно, и мысль была приведена въ исполненіе. Много мнѣ было хлопотъ, и главное уговорить Вадковскаго участвовать какъ солисту въ концертѣ; только благодаря настоянію генерала, онъ согласился играть со мною Concertante Шпора для двухъ скрипокъ. Между прочими нумерами была исполнена полнымъ оркестромъ увертюра «Оберонъ» Вебера; исполненіемъ нельзя было похвалиться, увертюра писана не для Иркутскихъ музыкантовъ, слишкомъ трудна, но была назначена къ исполненію лишь потому, что оркестровыхъ партій какой либо другой увертюры въ Иркутскѣ не нашлось. Концертъ состоялъ изъ 5 нумеровъ:

1. Увертюра Оберонъ.	Оркестръ.
2. Варіаціи для скрипки, Мауера . . .	Алексѣевъ.
3. Капризъ Мендельсона	Баронъ Сильверсгельмъ.
4. Concertante Шпора	Львовъ и Вадковскій.
5. Гимнъ Боже Царя храни.	Хоръ и оркестръ.

Концертъ удался (понятно для Иркутска). Главная цѣль была достигнута: собрано ассигнаціями 3200 р., изъ коихъ 300 р. были выданы оркестру, а 2900 р. отосланы къ начальнику Нерчинскихъ заводовъ для раздачи по принадлежности. Деньги эти послужили большимъ пособіемъ для многихъ, очень многихъ ссыльныхъ. Утромъ, въ день концерта, одинъ изъ жителей, почтенный Василій Николаевичъ Баснинъ, большой меломанъ, постоянный посѣтитель моихъ квартетныхъ вечеровъ, заплатилъ за свой входный билетъ 500 р. съ тѣмъ условіемъ, чтобы 300 р. были выданы собственно оркестру.

Въ память этого концерта я приказалъ распилить найденный лично мною на рѣкѣ Ононѣ въ пескахъ сердоликъ, сдѣлать два кольца, и выгравировать на каждомъ по двѣ первые такты Корсентанта, что мы съ Вадковскимъ исполняли: мотивъ перваго голоса—для Вадковскаго, втораго—для меня. Пановъ, занимающійся золотыхъ дѣлъ мастерствомъ, обдѣлалъ кольца очень хорошо. Кольцо мое и по сіе время сохраняю; что же касается Вадковскаго, онъ не дожилъ до общей амнистіи 1856 года. Куда его кольцо дѣвалось послѣ его смерти, дознаться трудно.

VII.

Однажды, разъѣзжая въ тарантасѣ тройкою по Забайкальскому краю, мнѣ привелось взбираться шагомъ на очень высокую гору; замѣтивъ, что по обѣ стороны дороги въ лѣсу копошатся казаки и народъ, я спросилъ ямщика что̀ это они тамъ дѣлаютъ?

— Облава, ваше высокородіе!

— На кого?

— Да все на Рыкова...... Да что-то плохо дается..... Вотъ четвертый день ма̀ются въ лѣсу, а все толку нѣтъ!

Рыковъ былъ бѣглый съ каторги варнакъ (преступникъ). Онъ уже восемь разъ судился за разныя убійства и грабительства, восемь разъ наказывался, восемь разъ ссылался на каторгу и восемь разъ съ каторги бѣгалъ! И на этотъ разъ онъ бѣжалъ изъ большаго Нерчинскаго завода, неистовствовалъ и грабилъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ и наводилъ страхъ не только по деревнямъ, но и въ самомъ городѣ.

Подымаясь шагомъ въ гору, ямщикъ продолжалъ разказывать всевозможныя страсти, производимыя Рыковымъ въ ихъ мѣстности: какъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, онъ ограбилъ проѣзжающаго и увелъ тройку лошадей; на прошедшей недѣлѣ обокралъ церковь вблизи ихъ селенія; какъ переодѣвшись Рыковъ ночевалъ у нихъ въ деревнѣ и даже пировалъ въ кабакѣ съ волостнымъ писаремъ, и намѣревался было убить сотскаго, да ему помѣшали, не убилъ, а только сильно поранилъ; какъ, за двѣ недѣли, онъ увезъ молодую жену у поселенца, продержа̀тъ ее три дня, отпустилъ, давъ ей на дорогу четыре серебренныхъ цѣлковыхъ и пр. пр.; Рыковъ безпрерывно переодѣвается; узнать его трудно—разъѣзжаетъ то въ телѣгѣ, то въ тарантасѣ бариномъ.

Грабительства Рыкова вынудили начальство принять самыя энергическія мѣры къ поимкѣ его. Вся полиція была на ногахъ, а какъ у него была цѣлая шайка изъ подобныхъ ему, которые въ одно и тоже время появлялись, все подъ именемъ того же Рыкова, въ разныхъ мѣстахъ, то полиція была крайне затруднена въ своихъ поискахъ.

Въ Иркутскѣ тоже заговорили о Рыковѣ и даже побаивались его; не проходило дня, чтобы новыя продѣлки его не всплывали. Къ поимкѣ злодѣя была командирована въ распоряженіе окружнаго начальника казачья сотня, и во время моего проѣзда производила облаву, по указанію одного изъ его шайки.

Взъѣхали мы на вершину горы, откуда пролегала по довольно крутой наклонности прямая какъ струнка версты съ четыре дорога

къ станціи. Спускъ былъ крутой. Я было приказалъ ямщику затормозить тарантасъ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что въ началѣ горы крутизна не такъ еще значительна, но что, проѣхавъ съ версту, онъ непремѣнно затормозитъ.

Спустились мы не болѣе ½ версты, какъ ямщикъ обернулся назадъ и въ сильномъ волненіи и въ страхѣ закричалъ:

— Баринъ.!..... Рыковъ насъ догоняетъ!

Оглянулся и я въ свою очередь, и вижу, что дѣйствительно телѣга тройкою, съ сѣдоками, мчалась во всю мочь и насъ нагоняла.

Прежде чѣмъ я успѣлъ вымолвить слово, ямщикъ уже ударилъ по лошадямъ, и мы помчались съ горы, да такъ.... что и не знаю, какъ насъ Богъ сохранилъ и какъ мы доѣхали живы!

Примчались мы къ станціи. Въ слѣдъ за нами прискакиваетъ и задняя телѣга, и что же? Это былъ, засѣдатель Сологубъ съ казакомъ, въ нагольномъ тулупѣ! Подъ впечатлѣніемъ указанія сельчанъ, что они наканунѣ видѣли Рыкова, проѣзжающаго въ тарантасѣ, онъ въ порывѣ усердія, что захватитъ наконецъ варнака, надѣлавшаго столько хлопотъ, принялъ мой тарантасъ за тарантасъ Рыкова.

Каково же было его разочарованіе! Онъ до того растерялся, до того сконфузился, что мнѣ пришлось употребить все мое краснорѣчіе и ласку, чтобы его успокоить; но вмѣстѣ съ тѣмъ, я отъ души поблагодарилъ Господа, что насъ принесло на станцію съ головою и ногами. Спустя два мѣсяца Рыковъ былъ пойманъ, около Нижнеудинска, въ 400 верстахъ, по другую сторону Иркутска; былъ вновь наказанъ и вновь отправленъ по этапу въ Нерчинской большой заводъ. На долго ли? И не бѣжалъ ли съ дороги?

Ссыльные на каторгу въ то время клеймились, на одной щекѣ буквою В., на лбу О, а на другой щекѣ буквою Р. т.-е. *Воръ*; однакоже они ухищрялись вытравливать клейма и между собою объясняли эти буквы: «*онъ весьма разуменъ*».

Слѣдованіе ссыльныхъ въ Сибирь по этапу вообще представляло въ высшей степени неустройство и поражало тѣмъ развратомъ, въ которомъ буйная эта среда обрѣталась въ продолженіи всего долгаго пути.

Каждый Понедѣльникъ приходила въ Иркутскъ партія ссылаемыхъ, отъ 400 до 600 человѣкъ, половина приговоренныхъ на каторгу, другая половина на поселеніе, употребивъ на прослѣдованіе 6 тыс. верстъ, слишкомъ два года. Въ Иркутскѣ ихъ сортируютъ по заводамъ и рудникамъ, или отсылаютъ на поселеніе *), подъ конвоемъ

*) Достойно вниманія, что, при сравненіи процента осуждаемыхъ къ ссылкѣ женщинъ къ общему населенію по губерніи, высшій процентъ причитается Остзейскимъ губерніямъ.

далеко недостаточнымъ сравнительно съ числомъ отсылаемыхъ. Въ продолженіи такого долгаго слѣдованія, самый смирный и тихій ссыльный превращается въ разбойника и относится уже къ своей участи совершенно равнодушно. Неоднократно были примѣры, что за нѣсколько картофеленъ какой-нибудь ссылаемой А на поселеніе уступалъ свое право поселенія каторжному Б и уже на слѣдующемъ этапѣ, при перекличкѣ, откликался именемъ Б, а сей послѣдній именемъ А, такъ что приговоренный къ поселенію уже слѣдовалъ на каторгу вмѣсто другаго.

Конвойная стража не можетъ разводить каждаго поселенца отдѣльно въ мѣста его водворенія; конвой ограничивается лишь указаніемъ ему гдѣ именно находится предназначаемая ему деревня и гдѣ ему приходится своротить съ дороги, отпуская его одного и продолжая свой путь съ другими ссыльными. Весьма понятно, что многіе изъ таковыхъ поселенцевъ, чувствуя себя на свободѣ, вовсе и не доходятъ до мѣста, бродяжничаютъ и разными средствами добываютъ себѣ пропитаніе. Всякая азартная игра, карты, бабки, орлянка и пр. запрещена и строго преслѣдуется по этапамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ довелось видѣть на одномъ этапѣ ссыльнаго, въ зимнее время, обернутаго соломою: онъ до рубашки свою одёжу проигралъ *въ бѣгунцы*, т.-е. пуская вшей въ запуски, откармливая этихъ рысаковъ и оберегая ихъ у себя же на рукѣ, т.-е. прикрывая коробочкою. О женщинахъ и говорить нечего: онѣ превращаются во что-то необъяснимое— это уже не женщина!

Въ царствованіе Николая Павловича было выстроено нѣсколько огромныхъ селеній, въ сотню дворовъ каждое, собственно для водворенія поселенцевъ; но эти поселенія къ сожалѣнію не достигли цѣли. Всѣ дома пусты, ни одинъ изъ поселенцевъ въ нихъ не проживаетъ, и двери и окна забраны досками.

Чтобы поселенцу обзавестись хозяйствомъ и домомъ, не смотря на всѣ предоставляемыя ему отъ правительства льготы, ему нужна жена-хозяйка. Изъ старожиловъ ни одинъ не согласится отдать за него свою дочь, а изъ сосланныхъ женщинъ и самъ поселенецъ ни одной не возметъ; поэтому онъ шатается, бродяжничаетъ, при случаѣ нанимается въ работники, стараясь попасть на золотые промыслы и, заработывая иногда большія деньги, проматываетъ ихъ и пропиваетъ въ первой же деревнѣ по выходѣ съ промысловъ. Съ весеннимъ теплымъ временемъ, когда лѣсъ начинаетъ покрываться зеленью, бѣжать съ каторги есть общая болѣзнь ссыльно-каторжныхъ. Были примѣры, по удостовѣренію начальниковъ надъ рудниками, что многіе изъ ссыльныхъ сами просили ихъ заковать, чтобы затруднить побѣгъ.

Стража на заводахъ и рудникахъ инвалидная, и вообще очень недостаточная. По всей Сибирской дорогѣ, съ ранней весны, бѣглые ссыльные какъ тараканы ползутъ по опушкѣ лѣса, пробираясь все къ Россіи, что по отдаленности имъ удается рѣдко. По всѣмъ деревнямъ по дорогѣ, крестьяне, въ огражденіе грабительства и поджога, выставляютъ по окошкамъ на ночъ этимъ варнакамъ ковриги хлѣба, корчаги съ картофелемъ, молоко, лукъ и прочее. Весною каторжникъ бѣжитъ съ завода, пробирается по лѣсу; но лишь настанутъ осенніе холода, онъ держится въ лѣсу и проводить ночь; станетъ ему нестерпимо, онъ старается, чтобы его поймали и посадили въ острогъ городской, а не этапной: тамъ и теплѣе, и накормятъ, и одѣнутъ.

При поимкѣ, на допросахъ, онъ прямо показываетъ, что онъ бѣглый и чтобы только продлить время его содержанія въ теплѣ, онъ покажетъ, что онъ бѣглый изъ такого-то завода, что тамъ-то совершилъ убійство, тамъ-то грабежъ. Наводятся справки; окажется все ложь, что никогда такого на заводѣ не было, никакого убійства не совершено, и если еще весна не настала, онъ вновь наговариваетъ на себя разныя преступленія; наводятся новыя справки; а пока онъ все сидитъ въ острогѣ. Затѣмъ его отправятъ, а онъ съ перваго же этапа бѣжитъ.

Большею частію эти бродяги-варнаки, въ числѣ трехъ-четырехъ подобныхъ себѣ, народъ довольно смирный, трусливый и вооруженный чѣмъ попало. Мнѣ случалось очень часто ихъ встрѣчать въ моихъ разъѣздахъ; и даже однажды у меня сломался тарантасъ, и я вынужденъ былъ просить ихъ пособія, чтобы доѣхать до станціи. Случаются между ними, хотя рѣдко, и такіе какъ Рыковъ, Горскій, Кулакъ, которые, грабительствомъ и замѣчательною смѣлостью, наводятъ положительно страхъ на всю мѣстность ихъ бродяжничества. Крестьяне, вмѣсто того чтобы содѣйствовать полиціи къ ихъ поимкѣ, напротивъ, изъ боязни подпасть мщенію, укрываютъ ихъ.

Горскій, также бѣглый каторжникъ-варнакъ, производилъ неистовства и грабежи довольно долгое время въ Забайкальскомъ краѣ; всѣ предпринимаемыя мѣры захватить его были безуспѣшны. Поиски и облавы на него производились именно въ то время, когда я находился въ Петровскомъ Заводѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ что княгиня *, проживавшая въ избѣ около Завода, изъ гуманности, скрывала Горскаго у себя на чердакѣ трое сутокъ. Наконецъ, удалось Горскаго поймать, около Троицкосавска (Кяхты) и препроводить въ Иркутскій острогъ; по справкамъ обнаружилось, что онъ въ одиннадцатый разъ судится за преступленіе и на этотъ разъ подлежалъ суду по двумъ различнымъ дѣламъ, и до отсылки его на каторгу долженъ былъ быть приговоренъ къ двумъ наказаніямъ,

кнутомъ и плетью. Мнѣ привелось впервыя видѣть Горскаго при его наказаніи. Молодецъ собою, лѣтъ 38-ми, съ широкими плечами, съ большими очень выразительными глазами, онъ шелъ на казнь съ изумительнымъ хладнокровіемъ, не смотря на то, что, по освидѣтельствованіи его, онъ столько уже разъ былъ наказанъ кнутомъ, что остающихся послѣ наказанія и излѣченія рубцовъ на спинѣ сосчитать было невозможно. По наказаніи его 15-ю ударами кнута, онъ былъ отвезенъ въ гошпиталь, гдѣ, навѣстивъ его, я обратился къ нему со словами:—«Пора бы тебѣ, Горскій, перестать воровать.» На это онъ отвѣчалъ грубо:—«Я не воровалъ, а грабилъ!»—«Ты видишь, что и грабительства тебѣ судъ не прощаетъ: вотъ ты опять въ гошпиталѣ». —«Ничего-съ! Отъ сегодняшняго справимся! А вотъ послѣ втораго дѣла, каша будетъ круче!» Плети, по закону, считаются легчайшимъ наказаніемъ противъ кнута, но выносятся осужденными несравненно тяжелѣ.

VIII.

Зима 1841 года была очень суровая и сильно снѣжная. Отправившись въ Ноябрѣ въ Баргузинскій край для обозрѣнія тамошнихъ Тунгусовъ, Самоѣдовъ и поселенцевъ, мнѣ привелось испытать всѣ прелести странствованія на лыжахъ и оленяхъ для достиженія нѣкоторыхъ сѣверныхъ Тунгузскихъ кочевьевъ. Пройдешь, бывало, на лыжахъ верстъ 5—6-ть, до того утомишься, что невольно принужденъ остановиться и отдыхать. Вся мѣстность засыпана глубокимъ снѣгомъ; сопутствующіе мнѣ казаки выроютъ яму въ снѣгу, разведутъ по срединѣ костеръ, наставятъ самоваръ, и мы грѣемся съ часокъ времени. Но хорошенько не отдохнешь, надо торопиться, чтобы не запоздать къ ночлегу; такъ что мы подвигались очень медленно, и лишь тронешься, бывало, въ путь, неминуемо съ непривычки захватаешь концомъ лыжъ снѣгъ, упадешь, барахтаешься въ глубокомъ снѣгу, казаки подойдутъ подымать, сами падаютъ, и немало времени пройдетъ, пока весь караванъ справится, чтобы продолжать путь. Прогулка не весьма пріятная; а между тѣмъ, въ настоящее время, сидя у себя въ теплѣ (1884 г.), эти самыя лишенія и затрудненія вспоминаешь съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ.

Городъ Баргузинъ, родина соболей, представлялъ видъ не города, а посёлка. Церковь, площадь, кабакъ, десятка два домовъ или лучше сказать избенокъ—вотъ Баргузинъ того времени. Мнѣ была отведена квартира въ наилучшемъ домѣ, у купца Ивана Ивановича Черныхъ.

Этотъ ловкій человѣкъ проживалъ въ Баргузинѣ уже лѣтъ 18-ть нажилъ хорошее состояніе и имѣлъ огромное вліяніе на весь край;

онъ считался не только богатѣйшимъ, но и всемогущимъ. Весь его промыслъ заключался въ ростовщичествѣ; онъ всѣмъ и поселенцамъ и въ особенности Тунгусамъ, давалъ въ долгъ водку, порохъ, свинецъ, соль и пр. требуя уплаты лишь по окончаніи пушнаго промысла, т. е. въ Ноябрѣ и Декабрѣ, пушнымъ же товаромъ: соболемъ, бѣлкою, для чего и высылалъ своихъ прикащиковъ съ водкою на встрѣчу Тунгусамъ, возвращающимся съ промысла. Прикащики, въ свою очередь, оцѣняя соболя, бѣлку, по цѣнѣ подходящей ихъ хозяину, налагали вмѣстѣ съ тѣмъ цѣну за забранный Тунгусами товаръ неимовѣрно высокую. Разсчеты производятся въ лѣсу, съ помощію водки, къ которой вообще кочевой народъ очень падокъ. Тунгусъ до того нелюдимъ, такъ боится города и въ особенности начальства, что весьма охотно сбываетъ прикащику свой пушный товаръ въ лѣсу, лишь бы ему не идти въ городъ, и тутъ же, у прикащика купца Черныхъ, вновь забираетъ въ долгъ товаръ и запасается всѣмъ ему необходимымъ, для обезпеченія семьи. Всѣ эти задолженія дѣлаются безъ всякаго письменнаго обязательства, все совершается на словахъ, и какихъ-либо квитанцій въ уплатѣ долга Тунгусу не выдается. Нѣтъ Тунгуса, который бы не зналъ «барина Ивана Ивановича», не былъ бы ему долженъ и никогда не выходилъ изъ этихъ постоянныхъ и тягостныхъ задолженій. Окружной начальникъ, исправникъ, вся полиція находились въ рукахъ Баргузинскаго барина; онъ распоряжался всѣмъ, какъ помѣщикъ полнымъ хозяиномъ. Долги Тунгусовъ были такъ значительны, неоплатимы, что я вынужденъ былъ отнестись къ г.-губернатору о томъ вредѣ, который причиняетъ Черныхъ всему Баргузинскому краю и о тѣхъ вымогательствахъ, которымъ подвергнуты Тунгусы. Разъѣзды по кочевьямъ и обозрѣнія бродячихъ инородцевъ потребовали и времени, и много затрудненій: гдѣ проходилось на лыжахъ пропутешествовать, гдѣ на оленяхъ въ саласкахъ, а гдѣ и верхомъ на оленяхъ въ чицёбѣ; гдѣ по указанію старшины ожидалъ встрѣтить и найти Тунгусовъ, по прибытіи на мѣсто, ихъ уже и въ поминѣ не было. Къ тому, и самъ Черныхъ былъ во многомъ для меня помѣхою. Мой пріѣздъ не могъ быть ему пріятенъ, и онъ всячески старался и поселенцевъ, и Тунгусовъ ставить противъ меня. Онъ разсылалъ своихъ прикащиковъ предварять инородцевъ, что царскій чиновникъ будто бы ѣздитъ по ставкамъ ихъ набирать въ солдаты и пр. Начальство покровительствовало Ивану Ивановичу и старалось скрыть его дѣйствія, а Тунгусы изъ страха молчали, и мнѣ лично было довольно трудно дознать всю истину дѣяній этого благодѣтеля края.

Въ этомъ отношеніи Вильгельмъ Кюхельбекеръ (декабристъ), поселенный около Баргузина и сопутствовавшій въ моихъ экскурсіяхъ и

еще другой, также ссыльно-поселенецъ, бывшій дворянинъ Гороховъ, говорившій по-тунгуски, много мнѣ способствовали обнаружить весьма серіозныя продѣлки Ивана Ивановича.

Въ одну изъ таковыхъ моихъ дальныхъ экскурсій было собрано до 20-ти человѣкъ бродячихъ Тунгусовъ. По удаленіи старшинъ и становаго пристава, мы разсѣлись кружкомъ около костра, заварили кирпичнаго чаю, и Гороховъ служилъ переводчикомъ; начались спросы и распросы. Въ этотъ день Тунгусы были какъ-то болѣе откровенны, довѣрчивы. Они жаловались на свое тяжкое положеніе, на Ивана Ивановича, на крайній ихъ недостатокъ въ добываніи пороха, свинца и соли, и вообще на всѣ угнетенія, которыя они испытываютъ отъ всѣхъ и отъ каждаго. Словомъ, представили мнѣ ихъ положеніе въ такомъ грустномъ и тяжкомъ видѣ, что совсѣмъ разжалобили меня. Въ карманѣ у меня было размѣнено около ста рублей ассигн. на бывшія синенькія 5-ти руб. бумажки. Я обратился къ Тунгусамъ съ возможными увѣщеваніями и успокоеніями, что будутъ приняты всѣ мѣры къ улучшенію ихъ быта, что и въ порохѣ и соли недостатка не будетъ, жены и дѣти голодать не будутъ, и передалъ имъ пачку синенькихъ ассигнацій, сказавъ:—«Это вамъ Царь посылаетъ, вашимъ женамъ гостинецъ, съ тѣмъ, чтобы вы исправно вносили ясакъ» *) и пр.

Удивленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе Тунгусовъ въ этотъ моментъ описать трудно. Они всѣ не встали.... а вскочили! Перестали курить свой тютюнъ, молча смотрѣли на меня, да такими дикими глазами, что я просилъ Горохова ихъ успокоить и вразумить. «Да не ты ли самъ Царь или братъ Царя? Ты не простой чиновникъ. Начальникъ требуетъ съ насъ ясакъ, денегъ, а ты намъ даешь! Принесемъ тебѣ собольку (соболя)!».... Они были положительно поражены.

Баргузинскіе *кочевые* инородцы народъ очень покорный, тихій и въ высшей степени трусливый. Они различаются отъ *бродячихъ* и закономъ. Кочевой кочуетъ всегда на одной и той же извѣстной мѣстности; онъ перемѣняетъ ставку своей юрты раза три-четыре въ году, собственно для подножнаго корма оленей, всегда старается быть въ кружкѣ и ставить юрту въ сосѣдствѣ съ другими; тогда какъ бродячіе Тунгусы и Самоѣды, появляющіеся весьма часто въ краѣ, есть чисто *бродящіе* постоянно по сѣвернымъ окрайнамъ Сибири, отъ Камчатки до Архангельска; они никакого опредѣленнаго и постояннаго мѣста для кочевья не имѣютъ; бродятъ со всѣмъ своимъ семействомъ, оленями и собаками, въ городъ или селеніе никогда не заходятъ, и гдѣ находятся въ извѣстное время, никто и самъ старшой не знаетъ.

---

*) Подать пушнымъ товаромъ, въ пользу Кабинета Е. И. Величества.

У бродячихъ, какъ и у кочевыхъ, имѣются *старшіе* (старшой) изъ бродячихъ же, но болѣе пріобыкшихъ къ людямъ, которые обязаны являться въ контору (инородческую управу) и вносить надлежащій съ бродячихъ инородцевъ ясакъ. Какая-либо провѣрка во взносѣ ясака, да и самое исчисленіе инородцевъ, не только затруднительна, но положительно невозможна, и показывается старшимъ совершенно произвольно; чѣмъ онъ руководствуется при взносѣ ясака,—я добраться не могъ. Какой ясакъ старшой вносилъ въ прежнее время, въ томъ же количествѣ онъ его вѣроятно приноситъ и нынѣ, и въ этомъ отношеніи, произволу и злоупотребленіямъ—широкое поле! Собранныя и представленныя мною въ министерство свѣдѣнія о бродячихъ инородцахъ, при всемъ моемъ стараніи, едва ли могутъ считаться даже приблизительными; они до того поверхностны и недостаточны, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить какимъ-либо основаніемъ.

Бродячій, уходя на промыселъ, назначаетъ и приказываетъ женѣ забрать всѣ пожитки, оленей и собакъ и перейти со всѣмъ семействомъ на новое мѣсто; все это навьючивается на оленя, и возвращающійся съ промысла Тунгусъ находитъ уже и семью, и юрту въ назначенномъ урочищѣ. Кочевые инородцы въ сравненіи съ бродячими могутъ считаться какъ бы осѣдлыми; они, какъ и бродячіе, подчиняются конторѣ (инородческой управѣ). Старшіе ведутъ имъ исчисленіе, завѣдуютъ ими и собираютъ съ нихъ подлежащій ясакъ. Но едва ли имѣющіяся въ управѣ свѣдѣнія о кочевыхъ достовѣрны: они большею частію основаны на показаніяхъ приблизительныхъ старшаго, которыя никѣмъ не провѣряются, и исчисленіе инородцевъ, и взносъ ясака зависятъ болѣе или менѣе отъ добросовѣстности старшаго. Собственно расправа у инородцевъ, какъ у кочевыхъ такъ и у бродячихъ, производится между ними безъ всякаго участія инородческой управы. Охота на медвѣдей, лисицъ, бѣлокъ, рысей, горностаевъ и пр. есть обыкновенный общій промыселъ всѣхъ инородцевъ въ теченіе цѣлаго года. Но охота на соболя, какъ на особенно цѣннаго звѣрка, подчинена особеннымъ, по этому промыслу, законамъ и обычаямъ, которые Тунгусы строго наблюдаютъ: въ случаѣ малѣйшаго кѣмъ-либо изъ нихъ нарушенія, виновный между ними преслѣдуется безпощадно. По отзывамъ старожиловъ это преслѣдованіе нерѣдко доходитъ и до убійства, для изслѣдованія котораго полиція средствъ не имѣетъ.

Баргузинскій край, гдѣ водится соболь высшаго достоинства и сорта, весь раздѣленъ между кочевыми Тунгусами на участки или урочища, принадлежащіе извѣстному Тунгусу и переходящіе отъ отца по наслѣдству къ сыну. Никто кромѣ хозяина не имѣетъ права охотиться въ этомъ урочищѣ. Хозяинъ въ своемъ урочищѣ какъ бы

воспитываетъ, оберегаетъ, взращиваетъ соболя и молодаго убивать никакъ не будетъ. Если соболь перебѣжитъ въ сосѣднее урочище, хозяинъ послѣдняго не имѣетъ права убивать забѣжавшаго звѣрка, не предупредивъ перваго хозяина, и тогда они оба вмѣстѣ идутъ на соболя и полученную выручку дѣлять между собою. Хозяинъ Тунгусъ всегда узнаетъ соболя своего урочища *по оси шерсти* (*оконечности*) *и ушкамъ:* примѣты едва замѣтныя для посторонняго, но онъ не только узнаётъ своего соболя, но даже распознаетъ соболей другихъ урочищъ.

Вообще они употребляютъ для охоты винтовки старой конструкціи и бьютъ звѣря непремѣнно съ сошекъ; на соболя же, чтобы не испортить шкурки, употребляютъ лукъ и стрѣлы, на оконечности которыхъ, вмѣсто желѣза (боевой стрѣлы), насажена деревянная шишечка (томаръ); эта стрѣла звѣрка не убиваетъ, но только отъ удара въ лобикъ его одуряетъ, и онъ падаетъ; тутъ же стрѣлокъ сдираетъ шкурку, а соболемъ позавтракаетъ. Замѣчательно, до чего доходитъ терпѣніе Тунгуса, не ѣвши два-три дня, слѣдить, сторожить соболя, и если уже стрѣляетъ, онъ бьётъ его навѣрняка. Въ весеннее время на соболя не охотятся. Перваго добытаго на промыслѣ звѣрка онъ, по принятому обычаю, непремѣнно откладываетъ для уплаты Царю ясака и сдаетъ его старшему, который уже относитъ его въ управу. Тутъ совершается обычное зло: всевозможные Иваны Ивановичи и другіе, пользуясь своимъ вліяніемъ, обмѣниваютъ у старшаго шкурки, и въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества въ Петербургѣ отсылаются уже не тѣ, которыя предназначались плательщиками.

Тунгусы принадлежатъ къ шаманскому толку, но всѣ чтутъ образъ Св. Николая Чудотворца; у каждаго въ юртѣ непремѣнно можно найти образокъ, и эти образки въ большомъ количествѣ находятся въ лавкахъ Баргузина, для продажи Тунгусамъ. Собственно къ шаманству и къ шаманамъ Тунгусы прибѣгаютъ изрѣдка, пользуясь ими большею частію лишь тогда, когда сами шаманы являются въ ставку, чтобы заслужить и получить даяніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, у каждаго Тунгуса *неминуемо* за пазухою барашковая шкурка, и въ нее вставлено два королька въ видѣ глазокъ,—это его *святость* покровительствующая его. Въ случаѣ благопріятнаго исхода предпринятаго дѣла Тунгусъ смазываетъ шкурку сметаною, въ случаѣ же какой-либо неудачи ее сѣчетъ. Шаманы—это колдуны, шарлатаны, безъ всякаго духовнаго убѣжденія. Въ юртѣ, при разведенномъ кострѣ, шаманъ бросаетъ въ огонь одуряющій какой-то порошокъ, пляшетъ, воетъ, даже мычитъ, приходитъ въ изступленіе и въ этомъ-то состояніи предсказываетъ и возвѣщаетъ будущность.

При всѣхъ моихъ наблюденіяхъ и распросахъ я не замѣтилъ ни въ одномъ шаманѣ (а ихъ много перевидалъ) малѣйшаго духовнаго, религіознаго убѣжденія, но видѣлъ въ нихъ чисто шарлатановъ, вовсе не вліяющихъ на Тунгуса и добывающихъ шаманствомъ лишь средства къ жизни. Ни одного праздника не бываетъ безъ двухъ-трехъ шамановъ, разукрашенныхъ шкурками и тряпочками. Они на праздникѣ служатъ только диковиннымъ зрѣлищемъ для гуляющихъ.

Между прочимъ, въ бытность мою у Абрамова (декабриста, также поселеннаго въ Баргузинскомъ краѣ) онъ передалъ мнѣ, что вблизи селенія явился шаманъ, очень бойкій Тунгусъ, предсказывающій будущность. Отправились мы къ нему въ юрту. Шаманъ, послѣ всевозможныхъ кривляній, вздоховъ и мычаній, объявилъ, что онъ чувствуетъ себя расположеннымъ предсказать судьбу каждому изъ насъ. Взявъ отъ меня чубукъ (мы тогда курили трубки, папиросъ не было), онъ осмотрѣлъ его и медленно, отрывисто изрекъ: «Ты издалека.... Не скоро будешь грѣться твоему солнцу.... доживешь до красныхъ дней!»... Такъ какъ мое пребываніе въ селеніи было всѣмъ извѣстно, немудрено было, что онъ догадался, что я издалека. Абрамову же онъ предсказалъ, также осматривая его чубукъ: «До таянія снѣга.... ты отправишься въ очень дальную дорогу.... путь будетъ гладкій.... ты долженъ готовиться къ дорогѣ!» Мы много смѣялись и всячески придумывали, за кого же шаманъ принималъ Абрамова и на какой путь онъ намекалъ? По странной случайности и стеченію обстоятельствъ, недѣли двѣ спустя, Абрамовъ умеръ, когда я еще находился въ Баргузинѣ.

Нельзя не подивиться, что въ этомъ отдаленномъ и дикомъ краѣ, наше Православное Миссіонерское Общество не старается распространять дѣятельность святаго ученія; казалось бы, что съ тихимъ, покорнымъ характеромъ кочеваго Тунгуса, и при отсутствіи всякаго ученія со стороны шамановъ, успѣхи Общества должны бы были быть несомнѣнны. Въ моихъ разъѣздахъ мнѣ не довелось замѣтить малѣйшаго проявленія ученія миссіонеровъ; если и встрѣчалъ я немногихъ Тунгусовъ крещенныхъ, они считались единственно лишь по спискамъ крещенными, не зная своего имени, значущагося по спискамъ. Вмѣстѣ съ крещеніемъ Тунгусы облагались ежегоднымъ взносомъ въ пользу священника тремя руб. асс. съ каждой юрты и семьи, за заочное погребеніе, исповѣдь и Св. Причастіе. По недостаточности церквей, крещенный Тунгусъ приписывался къ дальнымъ приходамъ; по обширности же и затруднительности сообщеній, крещенный вынужденъ довольствоваться пріѣздомъ разъ въ годъ священника въ его ставку, болѣе для сбора слѣдующаго ему 3-хъ рубл. оброка, чѣмъ для

исполненія надлежащихъ требъ; нерѣдко новорожденныя дѣти отъ крещенныхъ остаются даже некрещенными. Тунгусъ, со смиреніемъ уплачивая налагаемую на него подать, видитъ въ ней лишь тягость, въ сравненіи съ Тунгусомъ неотмѣченнымъ въ спискѣ; въ дѣйствительности же онъ остается прежнимъ Тунгусомъ, принадлежащимъ шаманскому толку. Въ этомъ отношеніи достойна серіознаго вниманія дѣятельность Англійскаго Миссіонернаго Общества въ Забайкальѣ.

Между Хоринскими Бурятами проживалъ миссіонеръ болѣе уже тридцати лѣтъ, Англичанинъ-католикъ, мистеръ Юліусъ, съ семействомъ, въ выстроенной имъ усадьбѣ и получая отъ Общества 12-ть тыс. франковъ ежегоднаго содержанія. При усадьбѣ былъ и садикъ, и прекрасный огородъ, до двадцати даровыхъ учениковъ изъ Бурятъ, которые обучались грамотѣ, столярному, переплетному и слесарному мастерству; при этомъ имѣлась маленькая типографія. Бурятскій шрифтъ выливался на усадьбѣ, и ученики были наборщиками. Юліусъ печаталъ безъ цензуры переведенные имъ съ Англійскаго разные сказки и разсказы, составилъ Бурятскую азбуку, отпечаталъ ее книжкою, и одинъ экземпляръ подарилъ мнѣ, какъ первую отпечатанную книжку въ Хоринской степи. Экземпляръ этотъ мною былъ врученъ графу Мод. Анд. Корфу, когда онъ завѣдывалъ Императорскою Публичною Библіотекою: книжка, которая, кромѣ только бумаги, была вполнѣ, сочинена, составлена, набрана, напечатана на Бурятскомъ языкѣ и переплетена Бурятскими учениками.

Правда, что на мой вопросъ, много-ли человѣкъ, въ такое продолжительное его пребываніе между Бурятами, ему удалось обратить въ христіанство, мистеръ Юліусъ мнѣ отвѣчалъ очень коротко: «Ни одного! Мнѣ не дозволено обращать Бурятъ въ католичество, а обращать ихъ въ невѣрныхъ (православныхъ) мнѣ совѣсть моя не дозволяетъ».

Обозрѣвъ въ подробности интересное заведеніе Англичанина Юліуса и удостовѣрившись въ отличныхъ успѣхахъ его учениковъ, невольно подумаешь, что достигаемая имъ цѣль не есть цѣль собственно христіанскаго Миссіонерскаго Общества.

Товарищъ Юліуса, также Англичанинъ, католикъ, проживалъ уже болѣе 25-ти лѣтъ между Селенгинскими Бурятами и также состоялъ на содержаніи Общества; но мнѣ не удалось познакомиться съ его заведеніемъ и учениками: онъ былъ въ отлучкѣ въ Россіи, и время возвращенія его было неизвѣстно.

Припомнивъ миссіонеровъ Англичанъ, я уклонился отъ Баргузинскихъ моихъ воспоминаній, почему возвращаюсь опять къ моему хо-

зяину Ивану Ивановичу Черныхъ. Въ самый разгаръ моей ревизіи и учета купца Черныхъ, этого общаго благодѣтеля и тяжелаго растовщика, Иванъ Ивановичъ, предвидя вѣроятно не совсѣмъ пріятный исходъ обнаруженія его дѣяній, всячески за мною ухаживалъ и изыскивалъ всевозможныя средства меня склонить къ снисхожденію въ его пользу; впрочемъ и я не скрывалъ, что дѣйствія и вымогательства его не могутъ быть терпимы и что едва-ли ему дозволено будетъ долѣе оставаться въ Баргузинѣ; но вотчина была слишкомъ прибыльная, и лишеніе ея должно было повлечь для Ивана Ивановича значительные убытки. Онъ и не терялъ надежды, что авось смилуются, и все останется по прежнему. Такъ однажды приноситъ онъ мнѣ прелестнаго чернаго какъ смоль соболя, какъ особенную рѣдкость, и проситъ меня принять отъ него на память. Освѣдомясь отъ другихъ, что предлагаемый соболь, по величинѣ, рубашкѣ и высокой добротѣ, дѣйствительно составляетъ величайшую рѣдкость, я объяснилъ Ивану Ивановичу, что мнѣ нѣтъ никакого повода принять отъ него такого цѣннаго подарка, да и ему было бы убыточно разстаться съ такою рѣдкостью; но такъ какъ недавно состоялась свадьба Его Высочества Государя Наслѣдника, то такую рѣдкость было бы прилично поднести новобрачной Великой Княгинѣ отъ дальнаго сѣвернаго жителя Баргузина.

Черныхъ былъ въ совершенномъ недоумѣніи: шучу-ли я, или говорю серіозно? Онъ даже испугался!.... Я вызвался ему написать черновое письмо съ поднесеніемъ Ея Высочеству, и послѣ всевозможныхъ колебаній, онъ, согласно моему совѣту, написалъ письмо, запаковалъ своего чернаго соболя и отправилъ въ Петербургъ.

Отвѣтъ Великой Княгини былъ весьма милостивый. Графъ Олсуфьевъ извѣщалъ, что Ея Высочество поручаетъ его благодарить и прилагаетъ подарокъ въ знакъ ея расположенія. Черныхъ былъ въ полномъ восторгѣ; письмо же графа Олсуфьева было вывѣшено въ золотой рамкѣ около святыхъ иконъ. Но каково было разочарованіе того же Ивана Ивановича, когда со слѣдующею почтою изъ Иркутска было получено предписаніе отъ генерала-губернатора выслать купца Черныхъ изъ Баргузина, какъ неимѣющаго дозволенія отъ правительства проживать между инородцами!

IX.

Въ Иркутскѣ все общество, начиная отъ добраго и милаго генерала Руперта, такъ меня ласкало, до того было привѣтливо, что мы съ докторомъ порѣшили, что было бы нелишнее и съ моей стороны

потѣшить общество и сдѣлать что-нибудь выходящее изъ общаго ряда Иркутскихъ баловъ и танцовальныхъ вечеровъ.

Вотъ мы и были въ большомъ недоумѣніи, что̀ сдѣлать, что̀ устроить, какъ угостить, какъ другіе не угощали?

Много было предположеній и плановъ, но во всемъ встрѣчались какія-нибудь препятствія; такъ что мы уже рѣшались дать обыкновенный балъ для всего городскаго общества въ залѣ купеческаго собранія. Зала хотя маленькая и непригоженькая, но другой не было; по составленію же списка лицъ, которыхъ слѣдовало бы пригласить, ихъ насчитывалось до 160-ти человѣкъ, и докторъ, перечитывая въ десятый разъ этотъ списокъ, нашелъ: «Кажется претензій быть не можетъ.... всѣ помѣщены на листѣ; il n'y manque que le bourreau!» *)...

Надобно сказать, что въ то время, до уничтоженія въ нашемъ «Уложеніи о наказаніяхъ» *кнута*, мнѣ привелось, между прочимъ, изслѣдовать нравственную сторону этого наказанія, почему хоть и неохотно, но случалось довольно часто присутствовать при экзекуціи и слѣдовательно встрѣчаться съ палачемъ.

Въ самый моментъ нашихъ горячихъ размышленій, пріѣзжаетъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ. Послѣ дебатовъ объ устройствѣ праздника, согласно предложенію Артамона, мы порѣшили: воспользоваться хорошею погодою (это было въ началѣ Іюня) и дать за городомъ балъ на воздухѣ, un bal champêtre.

За городомъ, въ верстѣ отъ Иркутска, протекаетъ очень быстрая рѣченка Ушаковка, хоть и мелкая, но весьма широкая и красивая; вся эта мѣстность покрыта густымъ насажденіемъ, молодымъ березнякомъ, любимая роща Иркутскихъ барынь, гдѣ онѣ обыкновенно катаются въ шарабанахъ по тѣнистымъ и извилистымъ дорожкамъ. Вырубить площадку въ этомъ лѣсочкѣ и устроить залъ было дѣломъ возможнымъ. Закипѣла работа.

День бала былъ назначенъ, приглашенія по городу полетѣли, нижніе чины жандармскаго полу-эскадрона и внутренняго баталіона, въ четыре дня, по указанію Муравьева, сдѣлали то, чего я и самъ не ожидалъ. Въ чащѣ густаго лѣса солдатики вырубили обширную овальную залу, настлали полъ, стѣны были совершенно сплошныя изъ зелени. Въ одномъ концѣ овала была устроена гостинная для дамъ и поставлены карточные столы, средина предназначалась для танцевъ, а другой конецъ залы былъ занятъ буфетомъ и столами для ужина. Весьма оригинально и ново было то, что эта часть залы отдѣлялась

*) Не достаетъ только палача.

отъ танцующихъ тою же рѣчонкою Ушаковкою, которая протекала поперекъ всей залы, для сообщенія же съ буфетомъ было перекинуто два мостика съ перилами изъ того же березняка. Интендантскій чиновникъ изъ любезности отпустилъ солдатскаго сукна обтянуть полъ въ гостинной, и парусины для танцовальнаго зала. Гостинная была покрыта въ видѣ палатки, и все было убрано, украшено краснымъ кумачемъ и фонариками. Муравьевъ устроилъ изъ березника три огромныя люстры, опрокинутымъ конусомъ, свѣчи были вставлены на обручахъ въ зелени, все было меблировано. Словомъ, все было убрано, разукрашено такъ, что хлопоты и старанія наши превзошли ожиданія, и оригинальность праздника дѣлала честь давшему эту мысль.

Погода, какъ я уже сказалъ, стояла прелестная, все обѣщало успѣхъ. Хотя съ самаго утра набѣгали тучки и наводили на меня лихорадку, но къ моему счастію и къ большому успокоенію старика Артамона Захаровича, который съ ранняго утра былъ уже на мѣстѣ и не разставался съ привезеннымъ барометромъ, все обошлось благополучно, безъ дождя; только во время ужина загремѣлъ громъ и тѣмъ еще болѣе придалъ торжественности празднику.

Наконецъ насталъ день! Къ шести часамъ стали съѣзжаться, было еще свѣтло, съѣхалось до 120-ти человѣкъ. Зала поразила моихъ гостей невиданнымъ убранствомъ. Начались танцы и загремѣла музыка, матушки и старички разсѣлись за карточные столы и углубились въ ихъ бостонъ; мороженное, шампанское, обычное питіе въ Сибири, разносилось вдоволь, всѣ были особенно въ веселомъ настроеніи. Между прочимъ былъ уговоръ, чтобы туалеты дамъ, для приданія празднику болѣе вида bal champêtre, были по возможности безъ претензій; но нѣкоторыя не выдержали, чтобы не похвалиться нарядомъ и явились въ бриліантахъ. Къ этому надобно прибавить, что бриліанты у Иркутскихъ барынь-купчихъ дѣйствительно такіе, что есть чѣмъ похвастать.

Къ девяти часамъ стало темнѣть, а какъ засвѣтили люстры, фонарики, и зажгли Бенгальскіе огни, зала превратилась во что-то фантастическое. Если она при дневномъ свѣтѣ поражала Иркутянъ убранствомъ, то при освѣщеніи огнями, она имъ показалась чуть-ли не волшебною. Оркестръ для танцевъ былъ выписанъ изъ Красноярска, нашъ же Иркутскій долженъ былъ играть во время ужина.

Изъ дамъ Любовь Александровна Пятницкая, Елена Вильгельминовна Рупертъ, Медвѣдникова, баронесса Сильверсгельмъ, Сельская, своею любезностію придавали танцамъ большое оживленіе.

Въ 11-ть часовъ столы были накрыты для ужина, à la fourchette; по неимѣнію кухни, ужинъ былъ холодный. Особенныхъ растеній въ

Иркутскѣ не было, пришлось убрать столы букетами и гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ. Бенгальскіе огни изъ-за зелени придавали какую-то таинственность. Когда же за ужиномъ загремѣлъ громъ, дождя не было, музыка, пѣсенники (строители-солдатики) смѣшивались съ перекатами грома, ракетами и бураками, которыми распоряжался Вадковскій *). Все это было чрезвычайно эффектно и шумно.

Послѣ ужина потушили огни, продолжали танцовать и въ четыре часа утра разъѣхались по домамъ. Праздникъ удался въ полномъ смыслѣ слова; такого въ Иркутскѣ и не бывало, всѣ были очень довольны, въ особенности я, какъ хозяинъ, былъ доволенъ болѣе другихъ.

Усталый, измученный вернулся я домой въ 5-ть часовъ утра, гдѣ меня уже дожидались и Муравьевъ, и Вадковскій. Въ порывѣ нашего разговора объ удачномъ во всѣхъ отношеніяхъ вечерѣ, вошелъ ко мнѣ мой докторъ Иванъ Сергѣевичъ, взволнованный, блѣдный и раздраженный до крайности. Я никакъ не могъ понять и сообразить, какая тому причина? Подъ впечатлѣніемъ всего дня и приготовленій въ этотъ же день къ отъѣзду моему въ Енисейскъ, я не могъ дать себѣ отчета въ его раздражительности. Видите.... ему показалось, что я слишкомъ усердно ухаживалъ за Пятницкою, къ которой онъ былъ тогда не совсѣмъ равнодушенъ, и выдумалъ меня ревновать! Шибко онъ меня раздосадовалъ. Ссора принимала размѣры серіозные, и только благодаря моимъ собесѣдникамъ Муравьеву и Вадковскому, мой Персинъ поутихъ и успокоился, и тѣмъ миновалось столкновеніе съ человѣкомъ, котораго я искренно любилъ и уважалъ.

Въ восемь часовъ утра, не спавши всю ночь и не отдохнувъ, я выѣхалъ на золотые промыслы. Персинъ на прощаніи протянулъ мнѣ руку, и мы разстались прежними друзьями.

---

*) Бывшій артиллеристъ Вадковскій и Муравьевъ, понятно, не могли быть на балѣ, но извнѣ распоряжались и хлопотали съ фейерверкомъ и иллюминаціею. Безъ нихъ я бы пропалъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ПРЕОБРАЖЕНЦА *).

1856-й годъ.

1856-й годъ засталъ Преображенскій полкъ на временныхъ квартирахъ въ Вильнѣ и въ его окрестностяхъ. 3-я гренадерская рота занимала въ самомъ городѣ караулы, и всѣ до одного наши офицеры, въ томъ числѣ и я, встрѣтили Новый Годъ у коменданта, генерала Вяткина. Начали по доброму Русскому обычаю, съ молебна, а въ 12-ть часовъ разнесли шампанское. Мы поздравили доброе семейство, насъ пріютившее, и другъ друга съ Новымъ Годомъ, и все кончилось отличнымъ ужиномъ. Подобная встрѣча въ Россіи—явленіе очень обыкновенное; но Вильна, хотя и Русскій городъ, но все въ немъ до того чуждо намъ, враждебно и негостепріимно, что намъ отрадна была возможность исполнить завѣтный обычай отечества, особенно въ знаменательный канунъ Новаго Года.

Одинъ Богъ зналъ, чтò этотъ годъ могъ принести намъ. Принесъ же онъ, прежде всего, полковой оффиціальный скандалъ и очень крупный. 22-го Ноября и 6-го Декабря истекшаго 1855 года, 4-я и 3-я фузелерныя роты шли изъ загородныхъ расположеній въ Вильну, для занятій карауловъ. Въ эти дни была страшная мятель и потомъ морозъ болѣе 20°. Въ ту пору я сидѣлъ на своей мызѣ въ Рукойнѣ. Наканунѣ вечеромъ, птичка-синица влетѣла ко мнѣ въ гостиную, въ отворенную дверь, и на другое утро я нашелъ ее замерзшею, такъ какъ въ комнатѣ не было печей. Я и самъ чуть не отморозилъ себѣ ногъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, гдѣ дуло изъ-подъ полу, да и тонкая наружная стѣна промерзла такъ, что и топка не помогала. Спасибо,

---

*) См. выше, стр. 227.

солдатики окопали снѣгомъ, а то бы плохо мнѣ пришлось. Помню, что Денъ 2-й шелъ мимо, со своею ротою, изъ Вильны на свои квартиры, ночевалъ у меня, но на другой день, какъ я его ни упрашивалъ, не хотѣлъ остаться и пошелъ своею дорогою. Однако это рискованное путешествіе сошло Дену благополучно. Но рискъ не всѣмъ счастливо сходитъ съ рукъ. Въ эти же дни 3-я и 4-я фузелерныя роты шли въ Вильну на смѣну караульныхъ ротъ.

Командиръ 3-й роты, большой сибаритъ, не пошелъ съ нею, а поручилъ свою должность юному поручику, барону Притвицу, но вслѣдъ затѣмъ какъ только разнесся слухъ о происшествіи, подалъ рапортъ больнымъ, и вся бѣда обрушилась на Притвица. Бѣда же была вотъ какая. По приходѣ въ Вильну, въ 3-й и въ 4-й ротѣ большинство солдатъ оказалось съ отмороженными пальцами на рукахъ и на ногахъ, съ ознобленными носами, ушами и проч. Въ этотъ несчастный переходъ набралось двадцать девять человѣкъ искалѣченныхъ морозомъ. Не знаю, былъ-ли командиръ 4-й роты (бывшей моей) Рейбницъ лично самъ на своемъ мѣстѣ, но знаю, что на него перваго упала гроза.

4-го Января мы прочли грозный приказъ:

«Г. командующій западною арміею приказомъ отъ прошлаго 9-го Декабря за № 1.274, изволилъ предписать командира 4-й роты виновнаго въ непредупрежденіи ознобленія на ногахъ пальцевъ у нижнихъ чиновъ, во время слѣдованія 22-го числа минувшаго Ноября, изъ загороднаго расположенія въ гор. Вильну для занятія карауловъ, *устранить отъ командованія ротою*».

Поручикъ Притвицъ былъ также устраненъ отъ командованія, но такъ какъ онъ вовсе и не командовалъ ротою, то устраненіе и не могло быть для него чувствительнымъ. За то примѣръ надъ Рейбницемъ былъ небывалымъ и неслыханнымъ въ полку, а потому это взысканіе ошеломило насъ всѣхъ, и не было конца толкамъ, разговорамъ и комментаріямъ. Начальство очень хорошо знало, что Русскіе солдаты вообще, а гвардейскіе въ особенности, въ отношеніи самодѣятельности и присмотра за собою и за своимъ здоровьемъ, были въ то время сущіе ребятишки, которыхъ пріучили имѣть множество нянекъ, а у многихъ нянекъ—дитя безъ глазу. Все это было извѣстно начальству, но оно не любило, чтобы люди или обстоятельства о томъ напоминали. Вотъ и въ настоящемъ случаѣ начальство гнѣвалось все болѣе и болѣе. 7-го Февраля послѣдовалъ второй громовой приказъ командира гвардейской пѣхоты (генерала Витовтова). Проступки Рейбница и Притвица разобрали тамъ до тонкостей, и они оказались во всемъ виновны, и въ томъ, что самолично не осматривали людей *ни на привалахъ (?!)*, ни по приходѣ на мѣсто, и ограничились поруче-

ніемъ этой обязанности фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ, и въ томъ, что вывели роты съ ночлега и привала въ дальнѣйшій путь и, наконецъ, даже въ томъ, что не вернулись назадъ, въ виду усиленія мороза. Словомъ, обвиненіямъ не было конца, взысканіямъ тоже. Нашли, что отрѣшенія отъ должности недостаточно, а «не ввѣрять имъ и впредъ командованія ротами, пока не заслужатъ вины и не обратятъ на себя вниманія начальства». Сверхъ того, предписано арестовать Рейбница на двѣ недѣли, а Притвица на недѣлю. Веловзора, командира 2-й роты, которую тоже прихватило морозомъ, тоже посадили на три дня подъ арестъ. Во время происшествія, командиръ полка Пушкинъ былъ въ отпуску, а за него командовалъ полковникъ Перренъ. Онъ, по добротѣ души, уволилъ въ отпускъ двухъ прикосновенныхъ къ дѣлу ротныхъ командировъ, и это «поставлено ему на видъ».

Не успѣли мы порядкомъ надивиться и напугаться, какъ уже опять раздалось: quos ego! изъ устъ командующаго западною арміею (генерала Сумарокова). Онъ разсмотрѣлъ вторично дѣло въ подробности и нашелъ, что предыдущихъ казней все еще мало. Поэтому онъ сдѣлалъ Перрену выговоръ, баталіоннымъ командирамъ—строгій выговоръ, и даже Пушкину, находившемуся за тысячу верстъ въ отпуску, слѣдовательно совершенно непричастному, было «поставлено на видъ»: «ибо (сказано въ приказѣ), еслибы внутренній порядокъ въ полку былъ поддерживаемъ, и ротные командиры *постигали* вполнѣ свои обязанности и отвѣтственность, то подобнаго небывалаго происшествія и въ его (Пушкина) отсутствіе не должно бы случиться».

Чтобы покончить съ этою печальною исторіею, придется забѣжать нѣсколько впередъ. 26-го Апрѣля объявленъ слѣдующій умилостивительный приказъ: «Г. командующій корпусомъ, усматривая изъ донесеній ввѣреннаго мнѣ полка, что изъ числа двадцати девяти человѣкъ нижнихъ чиновъ, получившихъ въ прошломъ 1855 году ознобленіе разныхъ членовъ на рукахъ и на ногахъ, двадцать шесть выздоровѣли; изъ нихъ двадцать четыре поступили по прежнему на службу во фронтъ, двое оказались неспособными и назначены, одинъ въ лазаретные служители, а другой въ фурштатскую команду, затѣмъ послѣдніе три находятся еще въ госпиталѣ: таковый неожиданный и счастливый исходъ позволяетъ его превосходительству ограничиться понесеннымъ уже капитаномъ Рейбницемъ взысканіемъ тѣмъ болѣе, что офицеръ сей и прежде былъ всегда усерденъ къ своей обязанности, а потому предписываетъ распорядиться возвратить капитану Рейбницу по прежнему командованіе ротою».

По окончаніи срока занятія карауловъ, 17-го Января, 3-я гренадерская рота выступила изъ Вильны на свои квартиры въ Рукойно.

Не скрою, что исторія отрѣшенія Рейбница произвела на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Къ ужасу своему я увидѣлъ, что страшно рисковалъ и что одна случайность (очередь) спасла меня отъ неминуемой бѣды. А рисковалъ я вслѣдствіе своихъ убѣжденій, которыя считалъ неоспоримыми и которыя теперь оказались несостоятельны. Я всегда разсуждалъ, что солдатъ не ребенокъ, няньчиться съ нимъ не слѣдъ, а уже осматривать на каждомъ привалѣ пальцы, уши и носы у 150-ти человѣкъ—дѣло вовсе невыполнимое, если каждый самъ не позаботится, чтобы его морозъ не искалѣчилъ. Теперь, на переходѣ изъ Вильны въ Рукойну, хотя погода была совершенно теплая, я бѣгалъ, какъ сумасшедшій отъ одного солдата къ другому: «Не ознобилъ ли ты чего? Да говори правду! Опять будетъ тоже какъ въ 4-й ротѣ!» Такъ надоѣдалъ я гренадерамъ, а фельдфебель и унтеръ-офицеры, разумѣется, суетились вдесятеро болѣе. Вотъ какой страхъ напустило начальство своими приказами. Всѣ убѣжденія и служебныя правила мои пошатнулись, и я олицетворилъ пословицу: «Пуганая ворона и куста боится».

Въ Рукойнѣ я принялся примѣнять къ дѣлу указанныя Крымскою войною основанія для воспитанія солдата, да при этомъ и самому пришлось многому поучиться. По справедливости могу сказать, что 1856-й годъ былъ первымъ періодомъ моего ученичества въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Съ перваго же шагу я принялся за школу грамотности. Стрѣльба, гимнастика и прочія чисто-военныя упражненія, думалъ я себѣ, годятся солдату только на время службы; грамотность же нужна ему на всю жизнь, гдѣ бы и чѣмъ бы онъ ни былъ. Но какъ было приняться за дѣло? Звуковой способъ, таблицы Золотова и другія системы въ томъ же родѣ были въ ту пору для насъ «terra incognita». Я затруднялся, какъ надобно учить солдата произносить буквы азбуки: «*а, бе, ве, ге, де*,—или же *азъ, буки, вѣди, глаголь, добро?* Разговоръ съ умнымъ полковымъ протоіереемъ Воиновымъ прекратилъ мои колебанія. Онъ замѣтилъ, что при неразвитости Русскаго простолюдина ему удобнѣе такіе звуки, какіе бы «какъ топоромъ рубили», и онъ скорѣе запомнитъ тяжеловѣсные: *азъ, буки, вѣди*, чѣмъ мягкіе и легкіе *а, бе, ве*. Однако я скоро почувствовалъ неудобства старинной методы. Солдаты дѣйствительно легче запоминали буквы, за то при складахъ звукъ обманывалъ ихъ и вмѣсто: нашъ-азъ=на, они выговаривали нашъ-азъ=зна. Вообще пришлось извѣдать, какъ горьки корни ученія. Имѣть дѣло съ нѣсколькими десятками головъ, въ которыхъ лѣта и суровый образъ жизни завязали крѣпкій узелъ, бороться съ провинціализмами Малоросса, говорящаго вмѣсто «фа»—«хва», или Вологжанина, выговаривающаго на «о», наконецъ, биться съ укоре-

нившимися, неправильными произношеніями, какъ, напримѣръ, «обнаковенно, обчество, антерлистъ, канцерялія, лынія» и проч., все это очень трудно, и одинъ Богъ знаетъ, сколько надобно терпѣнія и приспособленія къ природѣ и характерамъ этихъ взрослыхъ дѣтей, пока дождешься, бывало, желаннаго дня, и учащійся, къ собственному и радостному удивленію, станетъ справляться съ цѣлыми словами. Но потомъ вдругъ, вмѣсто прежней вялости и отвращенія, онъ слишкомъ горячо набрасывался на трудъ, такъ что и удержу не было! Разъ пришли ко мнѣ трое изъ такихъ вновь просвѣщенныхъ съ какою-то старою газетою и просили прочесть имъ одно слово. «Что же вы», говорю, «сами-то не потрудитесь разобрать?» На это солдатики стали жаловаться, что складывали и порознь, и общими силами, но никакимъ образомъ добраться толку не могли; просили ротнаго писаря, но и тотъ прочелъ неладно, потому что понять ничего нельзя. «Да бросьте вы», говорю, «это вѣрно не-Русское слово; охота вамъ голову ломать!»—«Никакъ нѣтъ-съ.... по нашему написано, и азбука наша!» Взялъ я у нихъ газету, и сейчасъ же мнѣ бросилось въ глаза несчастное слово, совсѣмъ почернѣвшее отъ тыканья пальцами и указками. Какъ бы вы думали, что̀ это было? «Анабаптистъ.» Говорю имъ: «Эхъ, ребятушки вы мои, вѣдь такъ и есть это чужое слово, вѣдь анабаптистъ значитъ заморскій перекрещеванецъ». Солдаты переглянулись и потомъ уставились на меня съ великимъ удивленіемъ. У одного сорвалось съ языка: вишь дѣла-то какія?... чудеса!

Могу однакоже сказать безъ преувеличенія, что дѣло грамотности закипѣло въ 3-й гренадерской ротѣ и съ успѣхомъ; могу утѣшиться тѣмъ, что многіе десятки людей помянутъ меня добромъ. Ниже видно будетъ, что я имѣлъ дѣло съ горькими корнями ученія, а сладкіе плоды пожалъ за меня другой. Что касается физическаго развитія солдатъ, то о гимнастикѣ я говорилъ уже въ запискахъ о 1855-мъ годѣ, а фехтованіе, такъ какъ полку не выслали еще рапиръ, масокъ и прочаго, ограничилось пока элементарнымъ обученіемъ. Я ставилъ людей въ шеренгу, вооружалъ ихъ длинными палками, а потомъ объяснялъ начальныя правила стойки, атаки и обороны и, наконецъ, самъ нападалъ на каждаго солдата съ рапирою или съ деревяннымъ ружьемъ, сначала тихо, чтобы сразу пріучить не суетиться и не теряться при ударѣ, а потомъ все быстрѣе и сильнѣе.

Графъ Ридигеръ первый оцѣнилъ такое направленіе ротныхъ командировъ и не давалъ застыть ихъ самодѣятельности. Вотъ приказъ его 23-го Декабря 1855 года.

„Усмотрѣвъ изъ полученныхъ изъ дѣйствующихъ гвардейскихъ частей свѣдѣній, что нѣкоторые изъ господъ начальниковъ, постигая всю важ-

ность одиночной развязности и ловкости людей и ревнуя исполнить приказы мои №№ 302, 372 и 464, поспѣшили приступить къ обученію своихъ частей гимнастическимъ упражненіямъ безъ всякихъ машинъ, а воспользовавшись для сего имѣющимися подъ руками средствами, поспѣшаю объявить принятыя для сего мѣры и предлагаю всѣмъ вообще частямъ, на квартирахъ расположеннымъ, послѣдовать столь похвальному примѣру".

Къ этому приказу приложено описаніе всѣхъ мѣръ и приспособленій для гимнастики въ тѣхъ частяхъ, гдѣ расположеніе не даетъ возможности устраивать нормальныхъ снарядовъ и машинъ. Мѣры эти замѣчательны тѣмъ, что заимствованы изъ практики, изысканной самими войсками. Вообще, казалось, наступило время возрожденія. По всему было видно, что офицеры рѣшительно стряхнули съ себя «равнодушіе и небреженіе», какъ выразился графъ Ридигеръ. Начальство тоже встрепенулось, и прежде всего принялись за гладкоствольныя ружья. Велѣно было въ каждомъ баталіонѣ составить комитеты изъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, подъ предсѣдательствомъ полковыхъ, съ цѣлью тщательнаго осмотра замковъ, стволовъ, ложъ и проч., такъ какъ все это имѣло значительныя поврежденія, «вслѣдствіе», какъ говоритъ приказъ, «*прежняго обученія и несообразнаго съ ними* (т.-е. съ ружьями) *обращенія*». Въ каждой ротѣ предписано было сдѣлать списокъ всѣмъ ружьяхъ, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды, соотвѣтственно поврежденіямъ, и о результатѣ осмотра представить по командѣ, безъ замедленія. Комитетамъ приказано было также изложить свои мнѣнія о прирѣзанныхъ къ старымъ ружьямъ прицѣлахъ и сравнительной добротѣ ихъ съ такъ-называемыми Гессенскими прицѣлами.

Предлагая новыя мѣры, начальство заботилось объ исполненіи прошлогоднихъ нововведеній. Между прочимъ подтверждалось, чтобы въ каждой ротѣ, кромѣ старшаго и младшаго инспекторовъ, непремѣнно имѣлись бы обучающіе стрѣлковые унтеръ-офицеры. Списки наличнымъ велѣно было представить въ штабъ, а о перемѣнахъ увѣдомлять немедленно. Вслѣдъ затѣмъ появилось чрезвычайно важное и вполнѣ раціональное измѣненіе въ уставѣ: тихому шагу и тремъ приготовительнымъ къ нему учебнымъ шагамъ велѣно было не учить вовсе. Уничтожены многіе темпы и пріемы, какъ напримѣръ: «подъ курокъ», «на правое плечо» и «на погребенье». Далѣе, отмѣнялась пальба полубаталіонами, дивизіонами и взводами, а опредѣлено производить залпы только шеренгами и баталіонами; уничтожено отступленіе полубаталіонами, а изъ густыхъ колоннъ оставлена только одна: справа, по головной части, да и эта только для церемоніальнаго марша. Наконецъ, съ учрежденіемъ стрѣлковыхъ ротъ, въ про-

чихъ ротахъ уничтоженъ особый застрѣльщичій разсчетъ, а застрѣльщичій взводъ должна была составлять вся третья шеренга.

Эти мѣры давали ясно понять, что старая рутина отжила свой вѣкъ. Но при нововведеніяхъ трудъ распредѣлялся такъ, что на долю начальства выпали теорія и законодательство. Штабъ гвардейскихъ и гренадерскихъ корпусовъ сдѣлался разсадникомъ людей новой школы. Изъ Преображенцевъ былъ прикомандированъ къ этому штабу штабсъ-капитанъ баронъ Корфъ для наблюденія за стрѣлковыми командами, а поручикъ Герстфельдъ 2-й остался въ Петербургѣ для изученія фехтовальнаго искусства, которое въ послѣдствіи онъ долженъ былъ передать полку. Практика же дѣла выпала на долю ротныхъ командировъ; а все вмѣстѣ, и теорія, и практика обрушилось всею тяжестью на тѣхъ же солдатъ. Хотя собственно фронтовыя занятія и были сокращены, но они далеко не прекратились, особенно въ гренадерскихъ ротахъ, гдѣ постоянно готовили ординарцевъ и гдѣ съ незапамятныхъ временъ выбирались и выучивались красивѣйшіе и лучшіе фронтовики.

Съ этой поры, то-есть съ 1856 года, представляется любопытная и юмористическая борьба стараго съ новымъ. Не смотря на приказы и предписанія свыше, начальники частей еще долго не хотѣли разстаться съ тихимъ шагомъ въ три пріема.

Я положительно помню, что въ первое время реформъ мы даже еще болѣе обращали вниманія на фронтъ, стараясь поддержать въ солдатахъ старую выправку при всѣхъ новыхъ требованіяхъ. Упраздненіе тихаго шага приводило въ отчаяніе старозаконниковъ. «Помилуйте, да какъ же *выломать* рекрута, коли не въ три пріема!» Такъ кричали одни; а другіе нѣсколько поэтически сравнивали тихій шагъ съ музыкальными гаммами, безъ которыхъ ни пѣніе, ни игра на инструментѣ немыслимы. А вѣдь на повѣрку вышло, и даже въ самомъ ближайшемъ будущемъ, что начальники, наиболѣе оставшіеся при старомъ, наименѣе ошиблись въ разсчетахъ. Но, повторяю: каково, же было солдатамъ! Фронтъ—фронтомъ, а тутъ какъ съ неба упала на нихъ цѣлая вереница новыхъ занятій и упражненій. Ротному командиру естественно было подумать о томъ, что, при повседневномъ физическомъ, умственномъ и нравственномъ напряженіи, надобно было, по малой мѣрѣ, хорошенько кормить и беречь солдата; а тутъ какъ нарочно рота стояла на широкихъ квартирахъ и продовольствовалась отъ хозяевъ до самой весны. Страшная бѣдность Бѣлорусскихъ крестьянъ, при крѣпостномъ правѣ, слишкомъ общеизвѣстна, и можно легко себѣ представить, какъ дурно кормили солдатъ.

Этому горю я, при всемъ желаніи, пособить не могъ. Но отъ меня зависѣло, чтобы солдаты, по крайней мѣрѣ, получали полностью провіантъ, то-есть муку и крупу, выдаваемую на руки. Между тѣмъ фельдфебель и правящіе унтеръ-офицеры безъ церемоніи присвоивали себѣ солдатскій провіантъ и торговали имъ въ свою пользу. Смотрѣть на это сквозь пальцы было бы для меня лично спокойнѣе и безопаснѣе, потому что солдаты никогда не жаловались; но совѣсть протестовала, и я рѣшился лучше навлечь на себя ненависть десятка людей, чѣмъ морить голодомъ сотни. Квартирное расположеніе очень способствовало контролю. Выходя на крыльцо мызы, я имѣлъ передъ собою: на право, въ одной верстѣ, квартиры 1-го и 2-го отдѣленій; на лѣво, въ полуверстѣ, деревушку, гдѣ стояло 4-е отдѣленіе; наконецъ, прямо, въ двухъ верстахъ, въ мѣстечкѣ Рукойнѣ, расположено было 3-е отдѣленіе и жилъ фельдфебель. Я приказалъ, чтобы въ каждомъ отдѣленіи заведены были вѣсы, чтобы время раздачи провіанта было опредѣлено разъ навсегда, въ извѣстное число мѣсяца, такъ чтобы я получилъ возможность внезапно появляться въ томъ или другомъ отдѣленіи. Я успѣвалъ облетать всѣ поочередно и добился таки своей цѣли. Это было видно по веселымъ лицамъ солдатъ, тащившихъ свои мѣшечки и кулечки, хотя благодарить или хотя бы косвенно выражать свою признательность они не смѣли: иначе ихъ бы заколотили обиженные ближайшіе начальники. Напротивъ, солдаты старались не смотрѣть во время раздачи на кислыя лица унтеръ-офицеровъ, чтобы какъ-нибудь не разсмѣяться имъ въ глаза. Меня тоже ребятушки обходили взглядами, чтобы, сохрани Богъ, не выразить одобренія. Но съ противной стороны я тоже добился своего. Ненависть и раздраженіе правящихъ были тѣмъ болѣе сильны, что отмстить мнѣ они не могли. Но за нихъ за всѣхъ отмстилъ фельдфебель Струстрашъ, человѣкъ умный, но злой, злопамятный и мстительный. Годъ или два спустя, когда я уже давно не командовалъ гренадерами, я узналъ какъ-то, что одинъ изъ моихъ товарищей, ротныхъ командировъ, безпощадно бранитъ и поноситъ меня на всѣхъ перекресткахъ. Я прямо пошелъ къ нему и не обинуясь спросилъ, чему я обязанъ такою немилостію. Отвѣтъ былъ также откровенный: «Да, я ругалъ васъ всѣмъ и каждому... Это правда; но Струстрашъ наговаривалъ мнѣ, что вы, командуя гренадерами, постоянно переводили ко мнѣ въ роту самыхъ ненадежныхъ или неспособныхъ людей.»

Чтобы дать понятіе о солдатскихъ квартирахъ, описываю, для примѣра, самую лучшую квартиру 1-го отдѣленія, гдѣ жилъ самъ правящій унтеръ-офицеръ. Это была темная, низкая, курная хата съ затхлымъ, удушливымъ воздухомъ; въ ней проживали и сами хозяева,

и куры, и свиньи, и все на свѣтѣ. Мракъ, нечистота, смрадъ были до того невыносимы, что я при раздачѣ провіанта долженъ былъ разъ пять выбѣгать на воздухъ, чтобы отдышаться. И вотъ въ какомъ помѣщеніи приходилось отдыхать солдату послѣ разнообразныхъ и тяжелыхъ трудовъ! Тамъ его ожидали сквернѣйшая пища и тяжелое раздумье о своей незавидной долѣ. Само собою разумѣется, что ни о какихъ, мало-мальски пристойныхъ, развлеченіяхъ не было и помину. По неволѣ солдаты бросались въ омутъ грязнаго разгула. Въ приказѣ 12 Февраля сказано, что «съ нѣкотораго времени стало поступать въ полковой лазаретъ большое число венерическихъ», а потому *велѣно наказывать 75-ю ударами розогъ всѣхъ солдатъ, которые заразятся и не скажутъ, отъ какой именно женщины получили болѣзнь.*

У меня въ Рукойнѣ зло это развилось непомѣрно между солдатами, такъ что при первомъ же свиданіи съ полковымъ командиромъ, въ Вильнѣ, генералъ Пушкинъ предупредилъ меня, что «онъ намѣренъ объявить въ приказѣ свое неудовольствіе на 3-ю гренадерскую роту». Къ этому онъ прибавилъ: «Только вы лично не принимайте этого къ сердцу. Вы тутъ ни въ чемъ не виноваты; это зло неизбѣжное, которое однакоже надобно, сколько возможно, ограничить». Потомъ онъ сталъ разсказывать, что Государь сильно разгнѣвался на лейбъ-драгунскій полкъ за то, что число венерическихъ дошло тамъ до ужасающихъ размѣровъ. Пора-де и намъ подтянуть поводья!.

Намѣреніе полковаго командира было мнѣ, однакоже, далеко не по душѣ. Я очень хорошо зналъ, что въ такихъ случаяхъ ни строгіе приказы, ни карательныя мѣры несостоятельны. Наконецъ, я также и слишкомъ хорошо зналъ настроеніе и нравственный складъ 3-й гренадерской роты и что съ нею скорѣе можно было управиться нравственнымъ авторитетомъ. Поэтому я рѣшился просить полковаго командира поступить совершенно противно тому, какъ онъ предполагалъ, а именно: сдѣлать замѣчаніе лично мнѣ, не упоминая о ротѣ и безъ объясненія причинъ. Къ счастію, Пушкинъ, старый Преображенецъ, зналъ еще лучше меня духъ 3-й гренадерской роты и согласился исполнить мою просьбу. Въ приказѣ 12-го Февраля коротко сказано: «Дѣлаю замѣчаніе штабсъ-капитану князю Имеретинскому, за нѣкоторыя упущенія, которыя, вѣроятно, въ другой разъ не случатся». Я велѣлъ выстроить роту, прочиталъ передъ фронтомъ загадочный приказъ и объяснилъ, что я не желаю, чтобы такая рота какъ 3-я гренадерская подвергалась постыдной огласкѣ въ приказѣ по полку; что, поэтому, я принялъ все на себя и самъ просилъ полковаго командира штрафовать меня лично, но пощадить прежнюю, безукориз-

ненную службу роты. Послѣ того я сказалъ, что мнѣ невозможно быть дядькою двухсотъ подчиненныхъ и остается просить, чтобы сами гренадеры вывели весь этотъ позоръ и перехватали бы зараженныхъ женщинъ; иначе вѣдь онѣ еще много народу искалѣчатъ». Я не ошибся въ разсчетѣ. Дня черезъ два нѣсколько прелестницъ были задержаны самими солдатами, заперты въ сарай и отправлены къ становому, при чемъ ихъ провели на веревочкѣ по двумъ деревнямъ и по всему мѣстечку.

Не успѣлъ я нарадоваться, что успѣлъ такъ удачно возбудить самолюбіе своей роты, какъ уже мнѣ пришлось удариться въ совершенно противную сторону и умѣрять тоже самое самолюбіе. 17-го Февраля мы прочли въ приказѣ, что наименованія гренадерскихъ, карабинерныхъ, мушкатерскихъ, фузелерныхъ и егерскихъ ротъ отмѣняются, а ротамъ велѣно именоваться по нумерамъ. Такимъ образомъ 3-я гренадерская рота превращалась просто въ 9-ю роту. Эта перемѣна произвела на солдатъ сильное впечатлѣніе. Не говоря уже объ историческомъ, славномъ имени гренадеръ, роты подобнаго состава имѣли еще почетныхъ шефовъ. 1-я гренадерская была ротою Его Величества; 2-я гренадерская—ротою его свѣтлости (Паскевича), а 3-я гренадерская называлась ротою Его Высочества, то-есть Михаила Павловича, до самой кончины великаго князя. Хотя серьозныхъ послѣдствій отъ этого нововведенія нигдѣ не было, да и быть не могло, однакоже гренадеры мои были такъ обижены, что мнѣ стало ихъ жаль. Не стѣсняясь даже моимъ присутствіемъ, они ворчали и жаловались: «Эхъ, пропадай жизнь наша собачья! Служишь, служишь, потѣешь, потѣешь; а тутъ возьмутъ да и пронумеруютъ тебя словно старые портки!» Нечего дѣлать, пришлось мнѣ опять собрать роту. Ефрейторы стали бѣгать по избамъ и сгоняли солдатъ на сборъ, съ какою-то лихорадочною торопливостью: «иди скорѣе.... ротный командѣръ будетъ *про нумера приказывать*!» Наконецъ, выстроились, выровнялись... Боже мой, какія строгія, пасмурныя, недовольныя лица! Я поздоровался и вдругъ, къ общему удивленію, велѣлъ выдти изъ фронта и собраться вокругъ меня просто толпою. Первыя мои слова еще болѣе изумили всѣхъ. Я сказалъ: «Ребята, пока мы будемъ теперь калякать, я вамъ не начальникъ, а вы мнѣ не подчиненные.... Я пришелъ говорить про нумера... знаю, что васъ это обидѣло. Ну, такъ жалуйтесь же... ругайтесь, коли хотите.... выругаетесь: такъ все легче на сердцѣ будетъ! А я васъ не выдамъ, все стерплю, все снесу, никого не обижу и сору изъ избы не вынесемъ. Честью васъ въ томъ увѣряю!» Стрѣлки, стоявшіе впереди, повеселѣли и разсмѣялись; но старые гренадеры, по своей обычной политикѣ запрятавшіеся назади

и заслонившіеся молодыми, приняли мое приглашеніе въ настоящемъ его смыслѣ и воспользовались имъ очень широко. По всей линіи круга послышались голоса: «Обидно, ваше сіятельство... очень обидно!... Потомъ, кровью служили... ничего не жалѣли... а, наконецъ того съ фузелерными сравнялись!... Слыханное-ли это дѣло! Истинно обидно... больно... кричали съ другой стороны—насъ самъ Царь знаетъ... самъ Царь хвалилъ: «Старый-молъ мой гарнадеръ!» А теперь поди: нумеръ 9-й... вотъ она и вся не дóлга!

Вообще, сзади, гдѣ попрятались старики, по рядамъ грохотало какъ буря: «Мы, гарнадеры и въ страженіяхъ, и вездѣ все на плечахъ выносили, вездѣ первымъ нумеромъ бывали, а теперь съ перваго-то въ 9-й попали... ай да наши! Всякій мальчишка смѣяться будетъ: а что, молъ, выслужили девятую!» Одинъ старикъ хватилъ такъ высоко, что всѣ разсмѣялись. Онъ закричалъ: «Гарнадеры всему свѣту голова!»

Я сдержалъ свое слово и все слушалъ, не перебивая, давалъ сорвать на себѣ сердце, наворчаться, нажаловаться въ волю и договориться до того, пока горе исчерпается до дна. Такъ и случилось. Жалобы становились слабѣе и слабѣе и, наконецъ, всѣ замолчали и принялись поглядывать на меня вопросительно.—Да, что, молъ, ты-то молчишь? Да ну же... говори! Я понялъ и началъ говорить, не торопясь, постепенно и сталъ сначала «клинъ клиномъ вышибать», то-есть на ворчанье отвѣчалъ ворчаньемъ. Я разсмѣялся и сказалъ имъ:— «Что вы мнѣ, ребячье, хнычите! Бѣлены вы что-ли объѣлись? Какіе тамъ нумера? Нешто дѣло въ кличкѣ? Вонъ, посмотрите Жидъ Янкель какую вывѣску расписалъ, а товаръ скверный; никто и не покупаетъ! А вонъ, у мужичка-пастущука и вывѣски нѣтъ никакой... только жердочка, да пукъ сѣна болтается, а всякій къ нему идетъ, потому что хорошо онъ живетъ, хорошо угощаетъ и не обманываетъ!» При этихъ словахъ молодые опять захихикали, и даже я видѣлъ, что старики какъ будто осклабились; но я на это не понадѣялся. Правда, что тутъ дѣло шло о формѣ, о прозвищѣ; но оно вовсе не было такъ ничтожно, какъ это казалось. Съ Петра Великаго, 150 лѣтъ, историческое, славное имя гренадеръ передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе. Оно порождало людей особеннаго склада, развивало духъ воинственнаго братства, въ которомъ и писаніемъ, и преданіемъ увѣковѣчивалась слава несчетныхъ побѣдъ. Съ Фанагорійскими гренадерами связано было великое имя Суворова, и ни одна пѣсня, ни одно сказаніе не обходилось безъ «нашихъ храбрыхъ гранадеръ!» А пѣсни эти сложены были на поляхъ сраженій, да еще какихъ сраженій!

Правду говорили старики: покойный Государь Николай Павловичъ часто трепалъ ихъ по плечу и приговаривалъ «мой старый, славный гренадеръ!» Стало-быть, шуточками въ этомъ случаѣ успокоить было нельзя; да я и перемѣнилъ тонъ очень скоро, пересталъ балагурить и сказалъ имъ серьозно, искренно и твердо: «Братцы, какой бы я тамъ ни былъ, а лгать и маячить передъ вами не буду. Послушайте, чтò я вамъ скажу. Вы, какъ были, такъ и есть и будете гренадерами. Пока служите, и вы промежъ себя, и весь полкъ будетъ васъ такъ называть. Стараго обычая не скоро переломятъ. Отслужите, пойдете домой, и тамъ никто не скажетъ: «онъ служилъ въ 9-й ротѣ». Народъ нумеровъ никакихъ не знаетъ; но онъ знаетъ, чтó такое гренадеръ, потому всякій скажетъ: «вонъ старый Преображенскій гренадеръ!» И скажутъ и уважутъ и по старой кличкѣ будетъ вамъ честь!.» Эти слова произвели удивительное впечатлѣніе, какого я и самъ не ожидалъ. Смотрю: молодые стрѣлки, стоявшіе впереди, разлетѣлись въ стороны, какъ отъ выстрѣла. Старики-гренадеры, игравшіе до тѣхъ поръ въ прятки, растолкали ихъ, вылѣзли впередъ и стали жадно прислушиваться. Я продолжалъ, обращаясь прямо къ нимъ: «Вы говорите, смѣяться надъ вами будутъ! Выбейте вздоръ изъ головы. Стòитъ посмотрѣть на васъ, вспомнить вашу службу, у всякаго смѣхъ пройдетъ! Вы говорите, начальство не уважило вашей службы и будто служба ваша пропала. Это не правда, это ребячья блажь. Приказъ писанъ, да не про васъ. Вы стары, въ чернилахъ васъ не перекрестятъ! Богъ дастъ, кончится война, будетъ миръ, и вы пойдете на родину; тогда, вмѣсто васъ поступятъ новые люди.... Вотъ это будетъ новая 9-я рота, да не вы. Вашей старой гренадерской славы, вашей доброй службы перомъ не захерить! Не первые вы гренадеры; ну такъ будьте послѣдними, но не бойтесь: въ первомъ нумерѣ были, въ первомъ и будете... Имя гренадера не погибнетъ.. оно еще васъ всѣхъ переживетъ!» Я посмотрѣлъ на свою аудиторію. Что за чудеса! О давишнихъ злыхъ и желчныхъ лицахъ не было и помину. Стрѣлки раскраснѣлись, и глаза ихъ подернулись слезами; да и старики-гренадеры разхорахорились и усердно сморкались, чтó, однакоже, не мѣшало имъ бурчать: «Ну, вотъ это такъ! Чтò правда, то правда... покорнѣйше благодаримъ!»

Телеграфическою депешею, переданною полку 4-го Марта, сообщено, что, по высочайшей волѣ, гвардейскій корпусъ направляется въ Петербургъ съ 15-го Марта и въ головѣ колонны долженъ слѣдовать Преображенскій полкъ; при этомъ приложенъ былъ маршрутъ отъ Вильны до Петербурга. Не успѣли мы подумать о приготовленіяхъ къ походу, какъ вдругъ, 13-го Марта узнаёмъ, что выступле-

ніе отсрочено на двѣ недѣли, и только 23 Марта пришла телеграмма: «весь полкъ направить въ Москву», а черезъ два дня присланъ, съ курьеромъ, маршрутъ. По этому маршруту, Преображенскій полкъ долженъ былъ выступить 13 Апрѣля и слѣдовать черезъ Дисну, Витебскъ, Духовщину, Дорогобужъ, Вязьму и Можайскъ.

Всѣ эти распоряженія, отмѣны, отсрочки и колебанія обусловливались историческими событіями. Роясь въ своей кропотливой, черной работѣ, мы едва слѣдили за ними. Севастополь палъ 27 Августа; но надъ нимъ истощились усилія союзниковъ, и война прекратилась. Въ Февралѣ уже собрался въ Парижѣ мирный конгрессъ, а 18 Марта подписанъ Парижскій миръ. Всѣ эти факты и дѣянія проносились надъ нами какъ грозовыя тучи, высоко... высоко... и мы слышали громъ и бурю, не отдавая себѣ отчета, откуда все это берется и чѣмъ кончится, пока солнце мира не разсѣяло тучъ и не освѣтило всего кругомъ.

Съ начала года и до отправленія въ Москву появлялись знаменательные приказы, до того практичные и разумные, что всѣ только жалѣли, зачѣмъ они пришли не до войны, а въ то время когда уже кончались переговоры о мирѣ. Привожу эти распоряженія въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ приказѣ 6 Марта гг. офицерамъ предписано было заняться стрѣльбою, а съ 12 числа уже постоянно стали назначать офицерскую стрѣльбу въ цѣль. Вдругъ, какъ бы по волшебству, нашлись и правила и средства.

20 Марта приказано было *во всѣхъ ротахъ* производить стрѣльбу въ цѣль, причемъ выпускать въ сутки не болѣе трехъ пуль и учить не болѣе 40 человѣкъ въ день. Стрѣльбу предписано производить на 150, а потомъ, на 200 и 250 шаговъ. 27 Марта командиръ полка уже смотрѣлъ офицерскую стрѣльбу. 1-го Апрѣля появился приказъ важнѣе и раціональнѣе всѣхъ предъидущихъ: *Предписываю ротнымъ командирамъ не дѣлать самимъ взысканія съ нижнихъ чиновъ за большіе проступки, какъ напримѣръ; за кражу, грубость, отлучку менѣе трехъ дней и проч., а доносить мнѣ* (командиру полка) *для опредѣленія взысканія, сообразно винѣ.*

Это первая подготовка отдѣленія дисциплинарной власти отъ военно-судной, слѣдовательно первый проблескъ человѣчности среди забитой, загнанной массы солдатъ. Невольно приходится повторить сожалѣніе, что подобныя мѣры не были приняты раньше. Но сожалѣнія безплодны, а факты поучительны, и лучше всего къ нимъ обратиться. Война кончилась, военная паника прошла, и люди стараго закона подняли голову. Къ числу ихъ принадлежалъ и командиръ Преображенскаго полка, свиты Е. В. генералъ-маіоръ Мусинъ-Пушкинъ.

Онъ былъ воспитанъ въ школѣ Микулина, Жаркова и Катенина а въ послѣднее время командовалъ полкомъ короля Прусскаго, въ 3-й дивизіи. Тогдашній начальникъ этой дивизіи, генералъ Овандеръ былъ человѣкъ положительно-знаменитый. Строевую и хозяйственную систему 30-хъ и 40-хъ годовъ онъ довелъ до совершенства, сдѣлалъ изъ нихъ науку и создалъ цѣлую школу прозелитовъ. Хозяйственная система генерала Овандера построена была на философскихъ основаніяхъ: «Солдатскій желудокъ крѣпокъ. Баловать солдата пищею вредно. Никто не видитъ, что́ у него въ желудкѣ, а ротныя суммы на виду. Беречь денежки на черный день полезно, а начальство судитъ о части и объ ея начальникѣ по состоянію денежной наличности, такъ какъ деньги главный нервъ всего организма». Эта философія строевой службы, боролась теперь съ лихорадочнымъ духомъ реформъ. Генералъ Пушкинъ относился къ нововведеніямъ очень недовѣрчиво. Онъ не придавалъ имъ значенія и былъ убѣжденъ, что этотъ чадъ скоро разсѣется. Война кончилась; слѣдовательно, предстояло не драться, не стрѣлять, а показаться въ Москвѣ, на коронаціи, съ подобающимъ церемоніалу блескомъ. Еще въ Февралѣ было отдано словесное приказаніе командира полка: «Людямъ бакенбардъ не брить»! Я не понялъ этого тренчика и не обратилъ на него вниманія; но все разъяснилось 14 Марта, когда генералъ Пушкинъ сталъ ранжировать полкъ въ Вильнѣ, въ манежѣ у Зеленаго моста. Призвавъ на помощь всю свою опытность и познанія, усвоенныя въ старой школѣ, почтенный нашъ Алексѣй Петровичъ сталъ сортировать людей по росту, по бакенбардамъ, по складу тѣла и лица. Посвящая все свое время и труды новому обученію, на сколько силъ моихъ было, я не могъ вообразить себѣ, что моихъ солдатъ, на которыхъ я потратилъ столько заботы, могли, не смотря на все это, переводить въ другія роты по старымъ правиламъ чисто-фронтоваго подбора. Однакоже случилось именно такъ. Вслѣдствіе ранжировки отъ меня перевели девять человѣкъ; изъ нихъ четырехъ въ 5-ю роту (бывшую 2-ую гренадерскую), такъ какъ всю эту роту предположено было составить изъ бакенбардистовъ. Далѣе, пять человѣкъ перевели въ 1-й баталіонъ. Въ замѣнъ ихъ мнѣ дали новыхъ людей, а ихъ приходилось узнавать и учить съ азбуки. Солдаты, переведенные изъ прежнихъ частей, были еще въ бо́льшемъ отчаяньи, чѣмъ ихъ командиры; потому что они, вообще, привыкаютъ къ своей ротѣ и неохотно съ нею разстаются. Зная, что бакенбарды служатъ поводомъ къ перемѣщенію, многіе стали тщательно сбривать ихъ, затирая саломъ выбритое мѣсто, такъ искусно, что трудно было узнать слѣды волосъ. Такъ нагримировался нѣкто Митинъ, отличнѣйшій солдатъ моей роты; я готовилъ его въ фельдфебели на мѣсто

Струстраша. Къ несчастью, Митинъ былъ бакенбардистъ, да еще имѣлъ неосторожность щеголять своею бородою всю зиму. Когда вышло приказаніе «не брить бакенбардъ», онъ понялъ это распоряженіе лучше меня и поскорѣе выбрился, да такъ отполировалъ щеки, что я расхохотался и спросилъ: «что это ты, мой батюшка, такимъ женихомъ прифрантился!» На смотру генералъ Пушкинъ подошелъ къ Митину и отскочилъ назадъ: «Это что? Гдѣ твои бакенбарды? Эге... ге, братъ! Нѣтъ, меня ты не проведешь... Ишь ты, бестія! Точно я его бороды не видалъ!». Съ этими словами командиръ полка черкнулъ меломъ по груди: «въ роту Государеву» и Митинъ былъ переведенъ со слезами на глазахъ. Другой мой солдатикъ Марковъ, переведенный въ 4-ю роту по росту, осмѣлился на смотру нѣсколько подогнуть колѣни, чтобы показаться ниже ростомъ и выйти изъ ранжира. Пушкинъ замѣтилъ это, страшно разсердился, отколотилъ виновнаго по зубамъ и велѣлъ разжаловать изъ ефрейторовъ, хотя Марковъ былъ человѣкъ примѣрнаго поведенія, и я готовилъ его въ правящіе унтеръ-офицеры.

Я былъ въ отчаяніи. Эта ранжировка была первымъ отвѣтомъ на роковой вопросъ: стоило ли трудиться и служить съ надеждою удержать за собою заслуженное? Что же это такое? думалъ я себѣ: отъ стараго отстали, а къ новому не пристали. А вдругъ у половины людей моей роты отростутъ бакенбарды, а у другой половины ростъ подойдетъ подъ ранжиръ чужихъ ротъ! Не будутъ ли мои труды похожи на работу бѣлки въ колесѣ? Короче сказать, вся эта исторія такъ меня разстроила, что я подалъ рапортъ больнымъ.

Но дуться и болѣть было некогда, потому что 13 Апрѣля полкъ выступилъ изъ Вильны въ Москву. На этотъ разъ путь пролегалъ по новымъ мѣстностямъ и лѣтомъ, стало быть условія по виду были благопріятны; даже удобства увеличились, такъ какъ еще въ Январѣ, разрѣшено было прежнія тяжелыя офицерскія телѣги сдать, а офицерамъ въ походѣ перевозить вещи свои на подводахъ или въ болѣе удобныхъ повозкахъ, по желанію. Полкъ выступилъ двумя эшелонами: въ первомъ 1-й и 2-й баталіоны, а во второмъ 3-й. Третьимъ же баталіономъ командовалъ Владиміръ Егоровичъ Челищевъ, душа офицерскаго общества, неистощимый весельчакъ и юмористъ; онъ имѣлъ способность не только быть всегда веселымъ и довольнымъ, но и сообщать это настроеніе всѣмъ окружающимъ. Мы шли нѣкоторое время, проселочными, песчаными дорогами, гдѣ крѣпко приходилось возиться съ повозками, и горе было тому, кто не позаботился завестись сносными лошадьми.

Однако явились заботы посерьознѣе этихъ. Въ полку стали свирѣпствовать болѣзни. Еще, когда я стоялъ въ Рукойнѣ, раннею вес-

ною, много солдатъ заболѣвало лихорадками, которыя большею частію вылѣчивались дòма не столько съ помощію выданныхъ изъ полковой аптеки хинныхъ порошковъ, сколько благодаря богатырской природѣ Русскаго человѣка. 17 Февраля выписаны въ приказѣ мѣры на случай появленія пятнистаго тифа, свирѣпствовавшаго въ Австріи и распространившагося въ Галиціи. Повѣтріе налетѣло на насъ въ началѣ Марта. Съ 1-го по 12-е число этого мѣсяца въ полку умерло около шести, а съ 20 числа и по день выступленія (13 Апрѣля) ежедневно умирало по одному или по два. Въ походѣ тифъ ожесточился и, перемежаясь съ холерою, уносилъ все болѣе и болѣе людей. 28 Апрѣля, напримѣръ, отправлено въ госпиталь 29 человѣкъ; 3-го Мая, 40. Въ Іюнѣ число заболѣвшихъ доходило также до 40 въ день. Бичъ Божій поражалъ насъ вплоть до Москвы; даже въ самый день вступленія въ столицу (19 Іюня) отправлено въ госпиталь 36 человѣкъ.

Не могу описать, какое тяжелое чувство угнетало насъ въ это время. Отвѣтственность передъ начальствомъ не могла насъ особенно заботить, такъ какъ зло было общее, всегда присущее опустошительнымъ войнамъ, и въ этомъ случаѣ безсиліе человѣческой воли было само собою понятно. Но совѣсть говорила громче всякихъ служебныхъ требованій. Хотѣлось какъ-нибудь предохранить людей, съ которыми свыкся, сжился въ походѣ и, если не удавалось предохранить отъ болѣзни, то по крайней мѣрѣ желательно было спасти отъ смерти, во что бы ни стало. Съ холерою мы, бывало, кое-какъ справлялись помощью капель, горчичниковъ, оттираній и проч. Съ тифомъ же управиться дòма нельзя, и остается какъ можно скорѣе отправить заболѣвшаго въ лазаретъ, но и для этого рѣдко имѣлись подъ рукою нужныя средства. Съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ, а я еще и теперь живо помню чувство скорби и ужаса, съ которымъ, бывало, узнаешь о новомъ смертномъ случаѣ въ ротѣ. Какъ теперь вижу передъ собою образъ умершаго солдата Солодовникова. На дневкѣ онъ стоялъ часовымъ у квартиры фельдфебеля, и я, выѣзжая куда-то, по близости, любовался его здоровымъ, молодецкимъ видомъ. Это былъ уроженецъ одной изъ внутреннихъ губерній, что̀ называется «кровь съ молокомъ». Пріѣзжаю вечеромъ домой, фельдфебель докладываетъ, что Солодовниковъ заболѣлъ на часахъ головною болью и разслабленіемъ всего тѣла. Признакъ зловѣщій! Однако я не сомнѣвался въ выздоровленіи, такъ какъ заболѣвшаго отправили быстро и своевременно въ походный лазаретъ. Я не могъ и вообразить себѣ, чтобы такой крѣпкій организмъ не поборолъ болѣзни и только черезъ день навѣстилъ больнаго. На право отъ дверей небольшаго домика, занятаго лазаретомъ, лежалъ на полу, на соломѣ, уже весь почернѣлый полутрупъ, съ туск-

лыми, впалыми глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ, исхудалый до неузнаваемости и едва дышавшій. Я спросилъ о фамиліи несчастнаго и остолбенѣлъ, когда мнѣ отвѣчали: «9-й роты, Солодовниковъ!» Долго я всматривался и едва могъ узнать обезображенныя черты человѣка, еще почти наканунѣ пользовавшагося тѣмъ благодатнымъ здоровьемъ, какое только знаетъ крѣпкая молодость неизбалованнаго Русскаго простолюдина. Бѣдняга умеръ въ туже ночь.

Вообще походъ изъ Вильны въ Москву показался мнѣ тягостнѣе и непріятнѣе всѣхъ прежнихъ, которые я совершалъ еще въ счастливомъ и беззаботномъ званіи младшаго офицера. На дневкахъ велѣно было учить стрѣльбѣ, и это упражненіе, казавшееся намъ прежде невыполнимымъ на походѣ, сдѣлалось вдругъ какъ нельзя болѣе возможнымъ. Заботы Пушкина о наружной, фронтовой представительности тоже дали себя почувствовать. За два перехода до Полоцка должна была быть дневка. 3-я гренадерская рота уже подходила къ мѣсту, послѣ 20 верстнаго перехода, въ жаркій день. Вдругъ видимъ, снимаютъ готовые для варки обѣда котлы и отправляютъ далѣе. Нечего дѣлать, пришлось идти по страшному солнопеку. Къ счастію, у меня въ ротѣ былъ лихой хоръ пѣсенниковъ, много помогающій въ такихъ случаяхъ подтащить молодыхъ солдатъ. Я приказалъ надѣть фуражки, снять галстуки, ранцы, аммуницію и сложить все это на повозки и дотащилъ кое-какъ роту до Полоцка. Признаюсь, мнѣ пришлось проклинать всю эту суету чуть не во всеуслышаніе. Вѣдь такъ спѣшатъ только на бой, на выручку стѣсненныхъ товарищей; а тутъ оказалось, что мы торопились не на бой, *а на примѣрку*: въ Полоцкѣ предстоялъ смотръ корпуснаго командира. Пушкинъ желалъ предварительно осмотрѣть мундиры и гналъ насъ безъ милосердія, такъ что нѣкоторымъ ротамъ, какъ и моей, пришлось пройти около 50 верстъ, въ страшную жару. Я самъ шелъ все время пѣшкомъ и помню, что, по приходѣ въ Полоцкъ, потерялъ сонъ и аппетитъ и могъ только сдѣлать ножную ванну, выпить полтора графина клюковнаго морсу, послѣ чего пролежалъ 20 часовъ на спинѣ, закинувъ ноги какъ можно выше: средство рекомендованное мнѣ старыми пѣхотинцами.

Но не на радость торопился я въ Полоцкъ. Тамъ разыгрался первый актъ борьбы стараго съ новымъ, и главные удары обрушились на меня, по Малороссійской пословицѣ: Паны скубутся, а у мужиківъ чубы болятъ. Наступилъ смотръ корпуснаго командира, генерала Витовтова. Онъ заключился по обычаю церемоніальнымъ маршемъ сомкнутыми колоннами. Надобно знать, что въ этомъ строѣ командиръ гренадерской роты, какъ говорится, «всему дѣлу голова». Онъ даетъ направленіе колоннѣ, онъ ведетъ, то-есть регулируетъ

шагъ, по немъ равняются и головной, взводъ и всѣ сзади идущіе офицеры. Словомъ, можно подлинно сказать, что вся колонна виситъ на лѣвомъ локтѣ гренадерскаго капитана. Предмѣстникъ мой Дохтуровъ, былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Ему одинаково далось и старое и новое досужество. Отличный стрѣлокъ, первый въ полку фехтмейстеръ и гимнастъ, и сверхъ того охотникъ по природѣ, стало быть человѣкъ съ развитымъ глазомѣромъ, Дохтуровъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ лучшихъ фронтовиковъ въ полку. Будучи крѣпкаго, мускулистаго сложенія, онъ шелъ ровнымъ, твердымъ шагомъ, не сбиваясь ни на волосокъ ни вправо, ни влѣво, и колонна, имѣя такую точку опоры, двигалась какъ одинъ человѣкъ. Я же былъ совсѣмъ иной человѣкъ; щедушный, невзрачный, слабосильный, я былъ всегда плохимъ фронтовикомъ, да еще не имѣлъ ни навыка, ни сноровки въ дѣлѣ. Результатъ вышелъ тотъ, что я засеменилъ нетвердымъ, неровнымъ шагомъ, да еще сталъ принимать вправо, такъ что колонна скосилась и прошла отвратительно дурно. Къ счастію, Витовтовъ, какъ высшій начальникъ, былъ ближе къ центру, ближе къ солнцу и успѣлъ согрѣться и возродиться благотворнымъ тепломъ новыхъ идей. Поэтому онъ сдѣлалъ весьма легкое замѣчаніе и, казалось, это зло было не такъ большой руки. За то командиръ полка пришелъ въ отчаяніе. «Пожалуй еще скажутъ, что полкъ опустился!» Эта мысль испугала и раздражила генерала до крайности, и онъ тѣмъ болѣе кипятился, что умѣренность корпуснаго командира препятствовала дать волю негодованію. Къ тому же некогда было распекать, такъ какъ сейчасъ же послѣ фронтоваго смотра началась повѣрка полковыхъ и ротныхъ суммъ. Вечеромъ Витовтовъ собралъ всѣхъ ротныхъ командировъ въ квартирѣ Пушкина и сталъ говорить о результатахъ смотра вообще и особенно о полковомъ хозяйствѣ. Корпусный командиръ разсуждалъ въ духѣ времени, что денегъ нечего жалѣть, лишь бы только солдатъ былъ сытъ и доволенъ. Но тутъ новшество уже не на шутку схватилось со стариною. Достойный ученикъ Овандера и привыкшій къ строгой экономіи, тамъ гдѣ дѣло касалось солдатскаго желудка и обширныхъ финансовыхъ оборотовъ по постройкѣ мундировъ и проч., Мусинъ-Пушкинъ пришелъ еще въ бо́льшее отчаяніе. А тутъ еще какъ разъ случилось, что у командира 2-й роты оказалась большая передержка въ съѣстной суммѣ. Но Витовтовъ не только не распекъ, но, напротивъ, еще успокоивалъ ротнаго командира. Тутъ уже Пушкинъ не выдержалъ и возразилъ: «Однако, ваше высокопревосходительство, вѣдь у насъ даже и основныя суммы затронуты!» На это корпусный командиръ быстро и рѣшительно отвѣчалъ: «Ну что же, мы ихъ затронемъ и израсходуемъ... на нихъ

смотрѣть нечего!» При этихъ словахъ одинъ изъ товарищей сказалъ мнѣ наухо: «Вотъ это новое направленіе!» Тѣмъ не менѣе я съ безпокойствомъ поглядывалъ на полковаго командира. Усталый и разсерженный фронтовою неудачею, онъ едва сдерживалъ бѣшенство и даже вышелъ въ свою спальню, извиняясь, что дурно себя чувствуетъ. Генералъ Витовтовъ, видя, что бесѣда его принимаетъ щекотливое направленіе и, вѣроятно, боясь окончательно вогнать въ обморокъ бѣднаго Алексѣя Петровича, раскланялся съ нами и уѣхалъ, не сказавъ ни слова о неудачномъ церемоніалѣ 3-го баталіона. Въ туже минуту вылетѣлъ изъ спальни Мусинъ-Пушкинъ и разразился упреками и выговорами за фронтовые промахи. При этомъ все упало почти исключительно на меня одного. Полковой командиръ задалъ мнѣ страшнѣйшую головомойку и осыпалъ всевозможными укоризнами. «А вотъ это старое направленіе», сказалъ мнѣ, смѣясь, давишній сосѣдъ-юмористъ, когда, я совершенно ошеломленный, уходилъ домой перевести духъ послѣ головомойки, смотра и 50-ти верстнаго перехода.

Полагаю, всякій найдетъ естественнымъ, что на дальнѣйшемъ пути въ Москву, мнѣ плохо думалось объ удовольствіяхъ туриста. Однако помню, что мы старательно объѣзжали и осматривали по дорогѣ всѣ историческіе памятники отечественной войны. Въ Вязьмѣ мы видѣли на колокольняхъ не слѣды ядеръ, а самыя ядра; они впились въ стѣну наполовину и рельефно вызначались, будто вправлённыя туда нарочно. Особенно поразило насъ, какъ въ Вязьмѣ, такъ и въ другихъ городахъ, большое число домовъ, стоявшихъ въ развалинахъ со времени Французскаго вторженія, хотя прошло съ тѣхъ поръ сорокъ два года. Между прочимъ показывали намъ полуразрушенный домъ, гдѣ, по преданію, присутствовалъ на балѣ императоръ Александръ Павловичъ. Ни оконъ, ни дверей не было и помину, и можно было смотрѣть съ улицы на расположеніе комнатъ, отлично сохранившееся, а въ числѣ ихъ легко было узнать по объему и расположенію то что̀ было когда-то бальною залою. Стѣны и потолокъ носили еще слѣды былой роскоши, но много чего обвалилось, и внутренность до того засорена была мусоромъ, что войти въ домъ не было возможности. Часто ходилъ я смотрѣть на этотъ прахъ и долго задумывался надъ нимъ съ тѣми же чувствами, съ какими смотрѣлъ на руины палаца въ Закретѣ близъ Вильны. (Это тотъ самый домъ, гдѣ Александръ I-й тоже на балѣ, кажется у графа Бугсгевдена, узналъ о переходѣ Французовъ чрезъ Нѣманъ, и гдѣ Государь написалъ свой памятный манифестъ народу). Далѣе мы осматривали Бородинскую позицію, конечно съ величайшимъ интересомъ и во всѣхъ подробностяхъ. Между нами находился правнукъ Кутузова, по жен

ской линіи [1]). Въ Бородинѣ многое осталось въ первобытномъ видѣ, но многое измѣнилось до неузнаваемости. Ненарушимы остались Колоцкій монастырь и его колокольня, съ которой Наполеонъ смотрѣлъ на расположеніе Русскихъ и составилъ свой извѣстный планъ нападенія на нашъ лѣвый флангъ. Вблизи монастыря, впереди и вправо отъ него, мы нашли еще убогую маленькую деревушку въ нѣсколько дворовъ; въ ней по преданію была главная квартира Наполеона. Долго искали мы старожила, надѣясь услышать отъ него сказаніе; наконецъ, нашли какого-то старика, но его свѣдѣнія были крайне скудны. Сущность ихъ вотъ какая: «Когда все это было, тогда тутъ никого изъ нашихъ не было. Всѣ жители разбѣжались, куда глаза глядятъ.» Впрочемъ старикъ показалъ намъ хату, около которой стояла ставка Наполеона, то-есть та самая палатка, гдѣ великій полководецъ усердно вытирался одеколономъ и писалъ въ своихъ бюллетеняхъ: La santé de sa majesté n'a jamais été meilleure [2]). На этомъ мѣстѣ въ день Шевардинскаго дѣла, онъ спрашивалъ маршаловъ: «Que font les Russes? Sire, ils ne bougent pas, il se font tuer.—Eh bien, nous les tuerons! [3]) Путеводимые такими воспоминаніями, мы спѣшили осмотрѣть Шевардинскій редутъ. Никогда я такъ горько не жалѣлъ, что не воспитанъ артистомъ и не рожденъ поэтомъ. Шевардинскій редутъ былъ предъ моими глазами, и они ясно и отчетливо видѣли его прославленные валы. Конечно, о рвахъ не было и помину; но брустверъ, хотя на половину вросшій въ землю, превосходно сохранилъ всѣ свои очертанія. А внутри... внутри нѣсколько деревьевъ, на которыхъ весело порхали и чирикали птицы, и все кругомъ было залито волнистымъ моремъ уже колосившейся ржи. Долго не могли мы оторваться отъ этой картины, особенно меня поразившей. Я имѣлъ счастіе быть знакомъ съ однимъ изъ героевъ Шевардинскаго дня. Это былъ отставной ген.-м. Павелъ Сергѣевичъ Лашкаревъ. Подъ Шевардинымъ онъ получилъ Кутузовскую рану пулею на вылетъ въ правую щеку и насквозь подъ лѣвое ухо. Старикъ почти ослѣпъ, но уцѣлѣлъ и дожилъ до начала Крымской войны и, какъ разъ передъ походомъ, я съ благоговѣніемъ слушалъ его разсказы. Старый богатырь жаловался, что не можетъ еще разъ помѣриться съ Французами. «Эхъ жалко, старъ да слѣпъ я сталъ, а то бы еще послужилъ! Я Французовъ знаю, умѣю съ ними

[1]) Иларіонъ Николаевичъ Толстой.

[2]) Здоровье его величества никогда не было въ лучшемъ состояніи.

[3]) Что дѣлаютъ Русскіе?—Государь, они не двигаются и даютъ себя убивать.—Ну такъ мы будемъ ихъ убивать!"

справляться!» Я спросилъ его, какимъ образомъ онъ могъ получить такую жестокую рану? «Да самъ я же и виноватъ», отвѣчалъ Павелъ Сергѣевичъ. «Былъ у меня обычай драться пѣшимъ. Бывало, когда дойдетъ до схватки, я сейчасъ съ коня долой, отдамъ гарнисту, подбѣгу къ ребятушкамъ, подбодрю да и съ Богомъ впередъ.... самъ первый! Въ Шевардинскомъ дѣлѣ не знаю, что за прихоть напала, а я возьми да и останься верхомъ.... Жарко что-ли было... лѣнь слѣзать съ лошади... и самъ не знаю, ну вотъ и поплатился. Французъ-шельма подкрался да и бацъ въ меня! Извѣстно въ верховаго-то и цѣлиться ловчѣе... А былъ бы я пѣшкомъ, ничего бы не случилось... сколько тысячъ пуль надъ головою пролетѣло!» (Покойникъ былъ очень малаго роста).

Говорю ему:—Вѣрно смѣшались и отступили ваши баталіоны, когда лишились своего начальника?

Старикъ мой выпрямился и вспыхнулъ: «Нѣтъ, не смѣшались... не отступили.... И безъ меня отгрызались! Понукать въ то время было незачѣмъ. Какъ зашло дѣло о Москвѣ, такъ мы всѣ разсвирѣпѣли до того, что и сказать нельзя. А солдаты такъ еще пуще насъ остервенились... и о пальбѣ забывали, только бы скорѣе грудь съ грудью сойтись! Вы, господа, все по книжкамъ, да по картинкамъ судите... Какую тутъ картинку вамъ списать? Дымъ, пыль, свѣту Божьяго не видно... почти въ потьмахъ дрались... Наткнутся на нихъ голубые мундиры, ну тутъ пощады не было: коли удалось пырнуть штыкомъ, такъ насквозь пронижемъ, а то прикладами схватятся, ружья поломаютъ, да вцѣпятся другъ другу въ горло... свалятся оба, и давай кулаками, зубами... чѣмъ попало донимать! И Французы знали, что пардону нѣтъ... и они жестоко дрались!.. Нѣтъ, если кто скажетъ вамъ, что подъ Шевардинымъ *отступили*, спросите много-ли? Ни одной Русской спины Французы не видали; а всѣ наши, какіе только бились въ редутѣ, почти всѣ тамъ и остались... мало кто вернулся!» Послѣ этого понятны слова маршаловъ: «Sire, ils se font tuer!» Всѣ эти разсказы были у меня въ свѣжей памяти, когда я смотрѣлъ на безмолвное, безмятежное затишье Шевардинскаго редута. Но намъ разсказывали, что когда пахали и боронили мѣсто для посѣва ржи, крестьяне постоянно находили Бородинскія картечи, обломки сабель, касокъ, пуговицы и прочее. Долго торговали этими остатками славнаго дня, но мы уже не могли достать ни одного. Вѣрно, запасъ истощился.

Послѣ мы пошли на Бородинское поле сраженія и прежде всего на знаменитый лѣвый флангъ. Того лѣса, гдѣ тянулись массы Французской пѣхоты, чтобы обрушиться на наше лѣвое крыло, уже не существовало; но очертанія его еще ясно показывали множество ста-

рыхъ дуплистыхъ деревьевъ. Видѣли мы и то мѣсто, гдѣ упалъ князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, смертельно раненый, но только мѣста одни и остались, и все поросло травою, кустарникомъ, быльемъ поросло:

Все тихо, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ. Рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала....

Тамъ гдѣ растрепались и разбились пѣхотныя массы Нея и Даву, гдѣ въ бѣшеной схваткѣ полегли кавалеристы корпуса Латуръ-Мобура и гдѣ онъ тоже былъ убитъ... тамъ теперь мирно высится одинокій Божій храмъ. Мы перешли къ центру, къ славнѣйшему въ нашей исторіи кургану... къ бывшей батареѣ Раевскаго. Сколько воспоминаній! Тутъ дивизіонный генералъ Лихачевъ, разслабленный болѣзнью, дрожа отъ лихорадки, велѣлъ принести себя на креслѣ и положилъ душу, не сдвинувшись съ мѣста; здѣсь стояла и умирала 24-я дивизія Паскевича, и сюда привелъ Ермоловъ послѣдніе остатки нашихъ силъ, собранныя имъ по горстямъ на полѣ сраженія. По неволѣ каждый изъ насъ проговорилъ чудесныя слова Лермонтова:

Маршъ-маршъ, пошли впередъ, и болѣ
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни.
Я спорилъ о могильной сѣни.
Въ дыму огонь блестѣлъ.
На пушки конница летала.
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ..

Очень хорошо сохранилось селеніе Бородино, гдѣ егери Карпенки отбивали фальшивыя атаки вице короля Итальянскаго, для маскированія главнаго нападенія на корпусъ Тучкова. Также неизмѣнно уцѣлѣли всѣ селенія на правомъ флангѣ, гдѣ въ началѣ сраженія стояли наши корпуса, передвинутые впослѣдствіи на лѣвый флангъ. И деревня Горки, гдѣ находился Кутузовъ, представилась намъ въ первобытномъ видѣ. Вблизи отъ этой деревни мы нашли мѣсто, поросшее густымъ кустарникомъ. Но въ день сраженія кустарника этого не существовало, и здѣсь расположенъ былъ послѣдній резервъ—Преображенскій полкъ, тоже вынужденный стоять и умирать подъ ядрами а ихъ много сюда долетало.

Послѣ Бородинской позиціи мы осматривали избу въ деревнѣ Филяхъ, гдѣ былъ военный совѣтъ Кутузова. Эта изба сгорѣла въ послѣдствіи, но мы еще видѣли ее. Она была построена такъ прочно, что могла бы сотни лѣтъ служить однимъ изъ лучшихъ памятниковъ отечественной войны. Просторная горница съ огромною печью и лежанкою имѣла кругомъ лавки и въ образномъ углу столъ. Все это было такъ крѣпко, такъ массивно, что никому и въ голову не могло придти сомнѣніе въ томъ, что именно на этихъ лавкахъ и за этимъ столомъ сидѣлъ Кутузовъ со своими чудо-богатырями. Здѣсь рѣшилась участь Москвы его словами: «Ну, такъ я *приказываю* отступать!» Напослѣдокъ, мы осматривали еще крѣпкую позицію при селеніи Крылацкомъ, гдѣ авангардъ Милорадовича задерживалъ наступленіе Французовъ, сильно тѣснившихъ нашу армію.

Но, не смотря на живой интересъ, возбужденный осмотромъ подобныхъ мѣстностей, все же этотъ походъ былъ бы, для меня по крайней мѣрѣ, невыносимо тягостнымъ, еслибы командиръ 2-го эшелона, В. Е. Челищевъ не оживлялъ насъ своею неистощимою веселостью. Онъ твердо стоялъ на томъ, что Гоголевскія времена далеко не прошли и что въ средѣ мѣстной администраціи можно увидѣть тѣже личности и тѣже типы, какъ въ лицахъ «Ревизора». Преображенскій полкъ внушалъ всѣмъ уѣзднымъ властямъ великое уваженіе и страхъ. Этимъ воспользовался Челищевъ. По случаю отъѣзда Пушкина въ Москву, онъ остался командующимъ полкомъ. Городничіе, исправники и прочіе чиновники считали долгомъ встрѣчать Преображенскаго полковаго командира въ полной формѣ. Эта форма вытаскивалась очень рѣдко изъ гардероба, и, дѣйствительно, мало чѣмъ отличалась отъ театральной костюмировки «Ревизора». Челищевъ же просилъ всѣхъ ротныхъ командировъ разсказывать встрѣчнымъ администраторамъ про его (Челищева) безпощадную строгость и звѣрообразные обычаи, про то, что онъ сильно недоволенъ состояніемъ дорогъ, мостовъ и проч. Послѣ такихъ предтечъ, являлся Челищевъ, верхомъ на огромной лошади, съ хлыстомъ въ рукѣ, въ растегнутой солдатской шинели. При этомъ его окружала огромная свита штабныхъ офицеровъ и волонтеровъ. Сцены выходили поистиннѣ разительно схожія съ Гоголевскими. Не помню въ какомъ городкѣ, исправникъ просилъ Челищева со свитою на завтракъ. Командующій полкомъ собралъ насъ и предупредилъ, что онъ, нарочно, громко чихнетъ: «и вы увидите, господа, что всѣ поднимутся съ мѣстъ, а исправникъ пожелаетъ мнѣ здравствовать также точно, какъ городничій Дмухановскій Хлестакову.» Дѣйствительно, къ удивленію, все сбылось какъ на сценѣ. Въ торжественномъ засѣданіи гостей, передъ завтракомъ, Челищевъ понюхалъ табаку и

чихнулъ. Все общество зашевелилось, поднялось съ мѣста, какъ одинъ человѣкъ, а хозяинъ сказалъ довольно витіеватое привѣтствіе. Мы едва сдерживали хохотъ и боялись смотрѣть не только на Челищева, но и другъ на друга. Многіе офицеры принуждены даже были выдти изъ комнаты, когда въ присутствіи гостей Челищевъ невозмутимо серьезно сказалъ намъ:—«Не правду ли я говорилъ, господа, что мы будемъ довольны сегодняшнею дневкою?»

Полкъ вступилъ въ Москву 19 Іюня. Странно, что въ этотъ самый день оповѣщена по полку кончина графа Ридигера. Какъ будто война придавала силы старому воину, а съ окончаніемъ ея, когда въ гвардіи внѣшность и блескъ опять становились на первый планъ, тогда именно должна была кончиться карьера этого замѣчательнаго человѣка. Изъ послѣднихъ двухъ его приказовъ, найденныхъ мною въ сухомъ перечнѣ оффиціальной хроники, одинъ заключаетъ въ себѣ безпощадныя, но совершенно справедливыя слова: «*Ротные командиры въ сущности не командуютъ ротами, а предоставляютъ командованіе фельдфебелямъ. Вслѣдствіе того, и младшіе офицеры пренебрегаютъ службою и смотрятъ на нее, какъ на занятіе побочное.* Самый послѣдній приказъ графа Ридигера, объявленный по полку 16 Мая, заключалъ утвержденное военнымъ министромъ положеніе о формированіи стрѣлковыхъ ротъ. Графъ Ридигеръ былъ высокаго роста, держался прямо и ходилъ такъ бодро и эластично, что никто бы не заподозрилъ въ немъ глубокаго старика. На его рябоватомъ лицѣ съ неправильными чертами и спокойнымъ, нѣсколько высокомѣрнымъ выраженіемъ, не было ни усовъ, ни бакенбардъ; только на головѣ онъ носилъ парикъ, очень искусно сдѣланный. Онъ имѣлъ всѣ ордена до Георгія 2-й степени и Владиміра 1-й, Андрея съ бриллiантами; ему не оставалось другой награды кромѣ фельдмаршала и князя. На груди его красовались медали почти всѣхъ кампаній, начиная съ медалей 1812 года и взятія Парижа и кончая послѣднею медалью за войну 1854—1855 годовъ. Онъ пережилъ пять царствованій, но не пережилъ своей славы, потому что, въ послѣдніе, труженическіе годы жизни, проявились во всемъ блескѣ его свѣтлый, практическій умъ, обширная начитанность и способность руководить людьми для общей пользы. Ридигеръ страдалъ водяною болѣзнью и вынужденъ былъ уѣхать за границу, гдѣ и скончался. Онъ жилъ на набережной Васильевскаго острова, и мнѣ разсказывали, что когда больнаго выносили въ креслѣ на пароходъ, офицеры, собравшіеся на проводы, завладѣли кресломъ и понесли на рукахъ начальника, котораго успѣли оцѣнить и полюбить.

По приходѣ въ Москву полкъ помѣстился въ отвратительномъ лагерѣ на Ходынскомъ полѣ. Это былъ не лагерь, а собственно дол-

говременный бивакъ на подобіе лагеря. Въ сухое и жаркое лѣто 1856 года жить тамъ было нестерпимо. Самымъ злѣйшимъ неудобствомъ была невиданная, невѣроятная пыль. Она покрывала толстымъ слоемъ наши палатки, постель, одежду, бѣлье; отдышаться, отчиститься отъ этой пыли не было никакой возможности. При дождѣ пыль обращалась въ грязь и замѣсивала насъ какъ въ тестѣ. Въ жаркую пору хотѣлось бы стряхнуть съ себя всю эту грязь, хотѣлось бы выкупаться, вымыться, напиться; между тѣмъ воды нигдѣ не было, и даже та какую добывали изъ колодцевъ была плохая. Съ другой стороны, наши отцы-командиры принялись расходовать весь накопившійся запасъ проектированныхъ экспериментовъ. Полки были въ сборѣ; высшее начальство, до тѣхъ поръ бывшее вдали, опять возсѣло на свое обычное мѣсто, то есть надъ нами, и высыпало на насъ цѣлый рогъ изобилія всевозможныхъ занятій и упражненій. Тому изъ насъ, кто вообразилъ себѣ, что фронтъ потерялъ преобладающее значеніе, пришлось горько разочароваться. 18 Іюня разослали въ роты уставъ «баталіоннаго ученья», составленный по новому образцу. Баталіоннымъ командирамъ велѣно было преподать его офицерамъ теоретически, на доскахъ, а фронтовому спеціалисту, Семеновскому полковнику Бистрому, передать новое ученіе на практикѣ. Начали водить насъ на ротныя, баталіонныя и на всѣ прочія ученія, ничуть не меньше какъ въ старину; и въ перемежку производили, по цѣлымъ днямъ, утрамъ и вечерамъ, стрѣльбу или гимнастику и фехтованіе.

Кажется, само начальство нѣсколько растерялось въ лабиринтѣ нововведеній. Это видно изъ приказа генерала Сумарокова: «о распредѣленіи и сущности занятій». Приказъ этотъ имѣлъ 6 пунктовъ и 8 параграфовъ; въ немъ требовались и линейныя ученья, да еще на всякой мѣстности, и аванпостныя ученья, и малые маневры, и двустороннія ученья, словомъ, требованіямъ не было конца. Замѣчая самъ, что его пункты превышаютъ силы человѣческія и что гимнастику и фехтованье въ его пунктахъ некуда помѣстить, генералъ велѣлъ написать въ пунктѣ i.: «*Въ свободное же время, въ видѣ рекреаціи, упражнять людей: въ пѣхотѣ гимнастикою* и *фехтованьемъ*, а *въ кавалеріи фехтованьемъ* и *вольтижировкою*». Войска, кажется, поняли по своему эти рекреаціи, отъ которыхъ кости болятъ и тѣло разлагается въ испаринѣ; потому что они просто назначили на гимнастику и фехтованіе особые часы, не взирая на пунктъ i. Это однакоже не понравилось генералу Сумарокову, и онъ написалъ длиннѣйшій приказъ, гдѣ выговаривалъ, что упускаютъ изъ виду его требованія.

Измученный походами, обученіемъ роты и служебными невзгодами, я заболѣлъ въ лагеряхъ 28 Іюня, и болѣзнь проявилась такими сильными пароксизмами, что у меня едва достало силъ дотащиться до деревни Шелепихи, гдѣ было отведено помѣщеніе для больныхъ офицеровъ. Тамъ я нашелъ товарища, юнкера Фонъ-Штрезова. Онъ былъ уроженецъ Остзейскихъ губерній и отличался такимъ громаднымъ ростомъ, что превышалъ чуть ли не на полголовы императора Николая Павловича, а ростъ покойнаго Государя былъ, если не ошибаюсь, 2 аршина 13 вершковъ. При такомъ необыкновенномъ ростѣ, Штрезовъ былъ сложенъ чрезвычайно пропорціонально и, во время похода, служилъ диковинкою для всѣхъ встрѣчныхъ Бѣлоруссовъ и Поляковъ. Въ Петербургѣ всѣ проходящіе тоже невольно заглядывались на Штрезова, и съ особеннымъ любопытствомъ засматривался на него простой народъ, не вѣря глазамъ и не понимая, какимъ образомъ *такой великанъ даромъ показывается*! Мальчишки просто бѣгали за нимъ на улицахъ. Штрезовъ страшно сердился на все это и нарочно горбился и пригинался, чтобы казаться меньше ростомъ. По приходѣ въ Москву, онъ тоже заболѣлъ, и я былъ радъ товарищу невольнаго заключенія. Болѣзнь моя оказалась вѣтреною оспою. Въ послѣдствіи я благодарилъ Бога, что сама природа выбросила наружу всю дрянь, во мнѣ накопившуюся. Но пока не появилась сыпь, я ужасно мучился и думалъ, что отдамъ Богу душу. Въ эти тяжелыя минуты я жалѣлъ, что не удалось побывать у Иверской Божьей Матери. Я еще ребенкомъ жилъ въ Москвѣ и съ дѣтства любилъ и почиталъ эту народную святыню. Не было того случая, чтобы я, по пріѣздѣ въ Москву, не помолился въ Иверской часовнѣ. Но этотъ разъ это было невозможно, такъ какъ служба не давала ни минуты досуга. 19 Іюля полковой штабъ-лѣкарь разрѣшилъ мнѣ, наконецъ, прогулки на воздухѣ, но слышать не хотѣлъ о поѣздкѣ въ Москву. Я былъ въ отчаяніи и все тужилъ, что не могу исполнить своего обѣта. Столько разъ кланялся, преклонялся и поклонялся всѣмъ земнымъ величіямъ; неужели же не удастся поклониться «милостивой», какъ звалъ ее народъ? Въ одно прекрасное утро я рѣшился обойти докторское запрещеніе и сталъ одѣваться, чтобы ѣхать въ Москву. Вдругъ вижу изъ окна, что народъ бѣжитъ со всѣхъ концовъ деревни съ такою поспѣшностью, какая возможна только въ необычайныхъ случайностяхъ. Я былъ уже одѣтъ и вышелъ, чтобы нанять себѣ телѣгу, но заглянулъ на площадь: чтò такое тамъ случилось? Вижу, народъ безъ шапокъ, бѣжитъ къ единственному каменному дому, а подлѣ дома Иверская Божья Матерь! Ее привезли къ богатому купцу, праздновавшему какой-то счастливый случай въ семействѣ, и, послѣ молебна, икону

выставили народу на поклоненіе. Не могу высказать съ какими чувствами я бросился на колѣни передъ этою иконою Богородицы; забывая общепринятыя молитвы, я говорилъ и благодарилъ какъ человѣкъ человѣка, какъ мать или благодѣтельницу. Да было за что и благодарить! Надо мною пронеслись брани и слышанія браней, холора, тифъ и Польская полускрытая злоба. Миновала меня всякая бѣда, стерегущая человѣка на каждомъ шагу, и тамъ гдѣ онъ не опасается, и чаще тамъ, гдѣ меньше всего можно ея ожидать!

Я совершенно укрѣпился и ободрился, такъ что на другой день, безъ всякаго спроса у доктора, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ лагерь. Издали увидѣлъ я, что, на переднемъ плацу, полковникъ Челищевъ учитъ свой 3-й баталіонъ. Я поскакалъ туда въ пріятной надеждѣ, что онъ, по обычаю, соединитъ пріятное съ полезнымъ. Такъ оно и вышло. Командиромъ серединной 8-й роты 3-го батальона былъ именно толстѣйшій штабсъ-капитанъ, кого мы называли «шаромъ». Какъ разъ напротивъ насъ учился егерскій баталіонъ, и командиръ знаменной (центральной) роты былъ тоже такой толстякъ, что страшно было смотрѣть на его переваливанье и пыхтѣнье. Челищевъ давно слѣдилъ зорко за корпулентнымъ vis-à-vis, и я слышалъ, какъ почтенный Владимиръ Егоровичъ сказалъ: «Ну, этотъ и нашему шару въ футляры годится!» Между тѣмъ егерскій полковникъ разсыпалъ весь свой баталіонъ. Онъ свернулся въ ротныя колонны, а знаменная рота пошла въ цѣпь. Въ туже минуту Челищевъ велѣлъ трубить «разсыпаться», и у насъ, стало быть, повторилось тоже что и у егерей. Нашъ толстый капитанъ (онъ же и шаръ) принужденъ былъ, пыхтя и кряхтя, бѣжать за своею цѣпью; онъ снялъ каску и, отирая потъ, проклиналъ фантазію своего баталіоннаго, заставляющаго бѣгать по солнопеку. Но прямо ему на встрѣчу бѣжалъ и егерскій толстякъ, тоже безъ каски и тоже съ пыхтѣньемъ и бранью. Егерскій полковникъ, видя, что Преображенцы крѣпко напираютъ на его батальонъ, остановилъ свою цѣпь сигналомъ; но Челищевъ и не думалъ трубить отбой, а выскакалъ впередъ и знакомъ саблею остановилъ своихъ только тогда, когда они сошлись грудь съ грудью съ егерями. Результатомъ было то, что и два толстяка-капитана сошлись лицемъ къ лицу и враждебно оглядывали другъ друга, такъ какъ лысый смотритъ на лысаго, горбатый на горбатаго, вообще какъ смотритъ человѣкъ на человѣка, имѣющаго одинаковый изъянъ. Челищевъ полюбовался на эту сцену, спокойно отвелъ свою цѣпь назадъ и, обращаясь къ своей свитѣ, то есть ко мнѣ, сказалъ поучительнымъ тономъ: «Я давно зналъ, что пословицы врутъ, а вотъ оно по моему и вышло: *гора съ горою сходится*, также какъ и человѣкъ съ человѣкомъ!»

Въ моихъ запискахъ столько сухаго и серьезнаго матеріала, что, право, не мѣшаетъ, иногда отдохнуть на шуткѣ, лишь бы она была не *анекдотъ, а подлинный случай*, какъ всѣ предъидущіе и какъ последующее сказаніе «о толстякѣ и Челищевѣ». Шло какъ-то разъ полковое ученье. Тогдашній полковой командиръ былъ человѣкъ добрый, любимый офицерами, не педантъ и охотно допускавшій умѣстную, приличную шутку. Послѣ ученья онъ сказалъ командиру 3-го батальона: «А у васъ, Владимиръ Егоровичъ, въ колоннѣ къ атакѣ, гг. офицеры не совсѣмъ хорошо равняются въ затылокъ». Челищевъ притворился обиженнымъ и рѣзко отвѣчалъ: «Да, у меня равненіе и вовсе невозможно. Напримѣръ, правофланговымъ офицерамъ, по кому прикажете имъ равняться?—Какъ по кому?—Разумѣется, по командиру головнаго, то-есть 5-го взвода!—Такъ вѣдь у меня не одинъ командиръ, а цѣлыхъ два тамъ стоятъ.—Что вы.... помилуйте, какихъ два?—А вотъ извольте посмотрѣть!.... Николай Ивановичъ, пожалуйте-ка сюда? Массивный капитанъ 5-го взвода вышелъ впередъ, а Челищевъ поймалъ за рукавъ двухъ молодыхъ и самыхъ жиденькихъ офицеровъ и поставилъ ихъ за спиною толстяка. И, въ самомъ дѣлѣ, они умѣстились за нею такъ удобно, что почти ни съ какой стороны излишка не было. Командиръ полка покатился со смѣху, а Челищевъ сталъ горько жаловаться на его несправедливость. «Ну, вотъ вы сами изволили видѣть. Что же я буду дѣлать! Куда бы офицеры ни сторонились, все же изъ колонны будетъ высовываться одинъ лишній человѣкъ. Не угодно ли вамъ поставить на каждомъ флангѣ по два офицера..... вотъ тогда можно будетъ выровняться *по этому одному*!»

Съ тѣхъ поръ начальство неохотно подъѣзжало къ правому флангу колонны къ атакѣ 3-го батальона и, дѣйствительно надобно было имѣть большую силу воли, чтобы не расхохотаться, хотя почтенный Владимиръ Егоровичъ никогда не шутилъ во фронтѣ, въ присутствіи начальства, а равнялъ обычнымъ порядкомъ: «такой-то вправо! такой-то въ лѣво»! и проч. За то на своихъ домашнихъ, баталіонныхъ ученьяхъ, замѣчая, что всѣ устали и пріуныли, Челищевъ подскакивалъ къ правому флангу и сердито кричалъ офицерамъ: «Господа, прошу васъ равняться *въ самую середину лѣвой половины затылка Николая Ивановича!*» Но и тутъ ни фронтъ, ни служба не страдали. Солдаты оставались невозмутимо серьезными. Они привыкли къ новизнамъ и воображали, въ простотѣ души, что это равненіе *по новому уставу*. Офицеры же давно привыкли глотать смѣхъ, что́ они блистательно доказали на Гоголевскомъ обѣдѣ подмосковнаго исправника. Когда генералъ Пушкинъ, по принятіи полка, ѣздилъ инспектировать батальоны, Челищевъ собралъ насъ, въ Гіеронимовѣ, и возвѣстилъ пріѣздъ инспектора подлинными

словами городничаго Дмухановскаго: «Господа, я собралъ васъ, чтобы объявить необычайное извѣстіе. Къ намъ ѣдетъ ревизоръ инкогнито и съ секретнымъ предписаніемъ. Не даромъ мнѣ снились сегодня двѣ, огромной величины, крысы и проч....» Хотя, на смотру нашъ командиръ показывалъ свой батальонъ, какъ и всякій другой полковникъ, но трудно было выбить изъ головы это предвареніе. Особенно жутко приходилось, когда командиръ полка и въ самомъ дѣлѣ началъ посвящать насъ въ кое-какія секретныя предписанія.

На походѣ въ Москву, Пушкинъ проѣзжалъ мимо 2-го эшелона. Чолищевъ подскакалъ къ коляскѣ, отсалютовалъ, отрапортовалъ и подалъ оффиціальный, вчетверо согнутый листъ бумаги. Но тамъ, вмѣсто дневнаго рапорта, была выписана крайне гривуазная басня «Блоха», выкопанная въ какомъ-то домашнемъ архивѣ. Пушкинъ поѣхалъ далѣе; а командиръ эшелона наслаждался, глядя, какъ начальство отъ смѣху перекатывалось съ одного боку коляски на другой. На дневкѣ Челищевъ горячо извинялся передъ командиромъ полка, жалуясь, что его вѣчно *подводитъ* баталіонный адъютантъ своимъ непростительнымъ невниманіемъ! Послѣ описаннаго столкновенія двухъ толстыхъ капитановъ, неистощимый Владиміръ Егоровичъ сказалъ мнѣ: «Эхъ, какъ бы опять повстрѣчаться съ егерями!... *Я бы эти шары опять скарамболировалъ!*»

Кажется, онъ окончательно вылѣчилъ меня своею продѣлкою, потому что 29 Іюля я подалъ рапортъ о выздоровленіи и вступилъ въ командованіе ротою. Роту я совсѣмъ не узналъ: двѣ трети людей прежняго состава были уволены въ отставку или въ безсрочный отпускъ. Тотчасъ послѣ прихода полка въ Москву, пришла команда на укомплектованіе полка, а именно 35 унтеръ-офицеровъ, 8 хорныхъ и 10 ротныхъ музыкантовъ и 847 рядовыхъ. Послѣ того, два дня посвящены были на ранжировку полка, уменьшеннаго на двѣ трети болѣзнями и увольненіемъ въ отставку, въ отпускъ и проч. Поэтому, когда я въ первый разъ пришелъ въ свою роту, мнѣ почудилось, что я попалъ въ чужую. Сбылись мои слова, сказанныя въ Рукойнѣ: «вы будете послѣдними гренадерами, а то будетъ новая 9-я рота». И въ самомъ дѣлѣ, при взглядѣ на нее, ни мнѣ, ни кому не пришло бы на мысль привѣтствовать ее славнымъ именемъ гренадеръ.

5-го Августа полкъ выступилъ въ село Преображенское, въ свою историческую колыбель. Наканунѣ, Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій прислалъ слѣдующій отзывъ: «Л.-г. Преображенскій полкъ, получившій учрежденіе свое отъ великаго преобразователя Россіи, вѣчно-достойной памяти императора Петра I-го, нынѣ прибылъ въ Москву, къ священному коронованію августѣйшаго бла-

годѣтеля Россіи, Государя Императора Александра II. Вслѣдствіе чего, нѣкоторые Московскіе купцы (слѣдуетъ списокъ), въ вѣрноподданическомъ благоговѣніи къ предстоящему великому торжеству всей Россіи и глубокомъ уваженіи къ блистательной во все время службѣ и безпредѣльной преданности полка Императорскому дому, объявили усердное желаніе угостить, въ день праздника Преображенія Господня, находящихся въ Москвѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ этого полка обѣдомъ на собственный счетъ, для чего, по общему согласію избрали удобный и достаточный къ помѣщенію домъ одного изъ участниковъ своихъ, Котова, находящійся въ мѣстѣ первоначальнаго учрежденія и образованія полка, въ Преображенской слободѣ».

Кромѣ того, Московское купеческое общество и акцизно-откупное коммиссіонерство изъявили желаніе раздать нижнимъ чинамъ Преображенскаго полка, въ день полковаго праздника, первое—3572 рубля, въ замѣнъ угощенія ихъ, а второе по двѣ чарки водки. Церковный парадъ 6-го Августа 1856 не удался, по случаю сильнаго дождя, такъ что церемоніалъ вынуждены были отмѣнить, а солдатъ привели въ церковь поротно. Въ началѣ обѣдни явился небольшаго роста толстый генералъ, въ мундирѣ Финскихъ стрѣлковъ и въ Андреевской лентѣ. Это былъ генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, на этотъ разъ главный представитель власти на нашемъ торжествѣ. Государь же поздравилъ полкъ черезъ графа Баранова и кромѣ того, депешею, полученною во время обѣда, повторилъ поздравленіе и выразилъ сожалѣніе, что лишенъ возможности провести этотъ день съ полкомъ.

Обѣдъ, спичи и вечерняя выпивка были приличны торжеству; но описывать ихъ не буду, да и не могу, потому что изъ всего празднованія очень мало осталось въ памяти. За то стоитъ описать посѣщеніе раскольничьей молельни. Въ старые годы, это гнѣздо раскола, обнесенное стѣною какъ крѣпость, составляло цѣлый городокъ, гдѣ былъ особый рынокъ, держался свой скотъ и съѣстные припасы, такъ что избѣгалось всякое общеніе съ Никоніанцами.

Въ 1856 стѣна существовала, но входы и выходы ея были открыты всѣмъ и каждому, а въ чертѣ городка стояла уже «единовѣрческая» церковь, и даже весьма близко отъ знаменитой молельни. Слышалъ я тогда, что древняго раскола держались еще одни старики; молодежь же, обуреваемая духомъ времени, охотно ходила въ единовѣрческую церковь, для того чтобы войти въ общеніе съ православіемъ, не запрещающимъ водку и табакъ,—сильные соблазны вѣка. Разъ, на досугѣ, я надѣлъ солдатскую шинель съ офицерскими погонами и отправился взглянуть на молельню, такъ какъ мнѣ сказали,

что входъ въ нее хотя и затруднителенъ, но далеко не такъ какъ въ старину. Подобно всѣмъ строеніямъ эпохи религіозныхъ гоненій, молельня имѣла видъ частнаго дома. При входѣ въ этотъ оригинальный храмъ, низкій, темный, похожій на склепъ, я былъ пораженъ необычною его обстановкою. Алтаря не было вовсе; на первомъ планѣ представлялся сплошной иконостасъ, а въ немъ двѣ иконы громадныхъ размѣровъ—Спасителя и Божьей Матери. По преданію, онѣ были похищены раскольниками изъ Успенскаго собора, въ 1812 году. Передъ этими иконами стояло большое паникадило со множествомъ вѣтвей, усыпанныхъ лампадами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Позади и вправо находилось «оглашенное мѣсто»; на немъ стояли кающіеся или готовые вступить въ расколъ. Всѣ молельщики одѣты были въ длиннополые кафтаны, безъ поясовъ, головы выстрижены въ кружокъ а въ рукахъ—лѣстовки. Пѣніе было заунывное, протяжное, и оригинальная мелодія напѣва поражала непривычный слухъ. Едва успѣлъ я сдѣлать всѣ эти наблюденія, какъ послышался надъ моимъ ухомъ грубый голосъ: «что́ надо?!» Я оглянулся: сзади меня стоялъ «привратникъ». Онъ когда-то олицетворялъ крѣпкую стражу отъ «Никоніанцевъ», подобно тому какъ древніе христіане стереглись отъ язычниковъ. Очевидно, что, по сѣрой шинели, онъ принялъ меня за солдата, но какъ только разглядѣлъ золотой погонъ, привратникъ извинился, смягчилъ тонъ и выраженія. «Вѣрно, полюбопытствовать пришли? Ну, что же... посмотрите,... посмотрите!...» говорилъ онъ, какъ бы въ раздумьѣ, смотря внизъ; потомъ вдругъ спросилъ:—«А что Царя нѣтъ еще въ Москвѣ?» Я отвѣчалъ, что Государя ждутъ въ концѣ Августа.—«Ну, дай Богъ, дай Богъ!» проговорилъ раскольникъ и произнесъ короткое, но сильное славословіе Государю; въ немъ выражалось нетерпѣніе поскорѣе увидѣть Царя и чаяніе новыхъ милостей. Потомъ онъ отошелъ; а я, не желая злоупотребить позволеніемъ и припоминая читанное о раскольникахъ и что по ихъ мнѣнію Никоніанецъ своимъ присутствіемъ изгоняетъ благодать изъ храма, поспѣшилъ уйти изъ молельни.

Послѣ полковаго праздника, полкъ возвратился въ лагерь и сталъ усиленно учиться и упражняться, по объявленному порядку смотровъ и ученій, въ присутствіи корпуснаго командира, отъ 8-го, до 13 числа.

14 Августа, вечеромъ, ждали пріѣзда Государя въ Петровскій дворецъ; поэтому выставлены были: главный караулъ отъ Финляндскаго резервнаго полка, почетная рота со знаменемъ отъ Преображенскаго (рота Его Величества) и почетный внутренній караулъ отъ кирасирскаго Его Величества полка. Государь пріѣхалъ 15-го Августа и, на другой же день, объѣзжалъ лагерь. Всѣ мы находились въ

самомъ умиленномъ и восторженномъ настроеніи. Въ первый разъ полкъ могъ встрѣтить и привѣтствовать бывшаго Наслѣдника Императоромъ; всѣ ждали, что-то онъ скажетъ? Не порадуетъ ли насъ благодарнымъ словомъ за труды и походъ? Государь пріѣхалъ часу въ 12-мъ, верхомъ въ Преображенскомъ мундирѣ. Онъ былъ блѣденъ и серьезенъ. Императоръ поздоровался съ людьми 1-го баталіона, сказалъ «спасибо» за походъ и остановился на нѣсколько минутъ у праваго фланга. Онъ глядѣлъ на насъ съ разсѣянностью утомленнаго человѣка и, казалось, не находилъ что сказать, пока не увидѣлъ громаднаго Фонъ-Штрезова, который высился надъ солдатами, какъ Иванъ Великій надъ Москвою. Государь, послѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ вопросовъ о личности Штрезова, сказалъ: «Славный ростъ!... Будетъ еще молодецъ въ моей ротѣ!» Вслѣдъ затѣмъ Императоръ поѣхалъ по линіи лагеря, встрѣчаемый всюду восторженными и неумолчными криками ура!

17-го Августа состоялся торжественный въѣздъ Государя въ Москву. Полкъ собрался въ Кремлѣ къ двумъ съ полов. часамъ. Но пока мы останавливались, собирались и подтягивались на Красной площади, я успѣлъ налюбоваться на то, въ чемъ, по моему, отражалось величіе торжества: это проявленіе народнаго чувства, народнаго духа. Несмѣтныя толпы залили все пространство вокругъ Кремля, какое только можно было окинуть глазомъ. И все же, опять и опять прибывали цѣлыя громадныя артели со всѣхъ частей и пригородовъ столицы. Около войскъ было все-таки попросторнѣе, такъ какъ намъ очищали дорогу. Помню, что къ нашей колоннѣ пробился почтенный бородачъ съ семействомъ; судя по одеждѣ, всѣ они были люди достаточные. Въ тоже время въ этомъ безбрежномъ морѣ головъ, вдругъ, со стороны Василія Блаженнаго, показалось новое и сильное теченіе какъ будто въ море влилась могучая рѣка. Толпа загоготала, заволновалась и загудѣла. Сосѣдъ мой бородачъ оглянулся и самодовольно усмѣхнулся:—«Вона-а-а! Замоскворѣцкая валитъ, ишь дьяволы какъ раздвигаютъ.... хорошо что мы еще изъ толчеи-то выбрались по добру по здорову.... а то пожалуй ребра бы не досчитались!...» Не успѣлъ онъ высказаться, какъ съ другой стороны вторглась новая рѣка. Какъ будто исполинскій клинъ врѣзался въ толпу и раздвинулъ ее пополамъ. Послышалась брань, крики проклятія, но все это покрылось гомерическимъ хохотомъ. Бородачъ встрепенулся, глянулъ и пришелъ въ восторгъ: «Уррра, Тверская-Ямская пожаловала! Вотъ вѣдь прутъ с.... д..и! Эхъ, пожалуй, народу-то много покалѣчатъ. Оголтѣлые... право оголтѣлые! Ай, батюшки, такъ и есть... бабъ передавили; слышь, какъ голосятъ!»

Въ эту минуту, дѣйствительно послышались страшные вопли. Толпа сдѣлала богатырское усиліе, раздвинулась и выбросила къ нашимъ шпалерамъ нѣсколько старухъ; одна изъ нихъ волокла за собою ребенка-внучка. Полиція подтащила этихъ бабъ ближе къ нашей стоянкѣ, гдѣ все-таки было сравнительно просторно. Старухи, какъ по командѣ, шлепнулись на землю и стали кряхтѣть и расправлять старыя кости и новые головные платки. Командиръ 2-й Преображенской роты Веловзоръ любилъ пошутить, но не на маперъ Челищева, а всегда какъ-то самодовольно и рѣдко кстати. Вотъ и тутъ, онъ обратился къ самой ветхой бабѣ и спросилъ ее:—«Ну, что, старушенція, любо не бось?» Но старушенція была чуть жива и съ трудомъ прошамкала:—«Охъ любо, родимый, любо.... да ужъ очень больно *мнутъ*... народъ-то, шальной.... помяли совсѣмъ... моченьки моей нѣтъ!» Въ толпѣ раздался хохотъ, посыпались прибаутки. Одинъ молодой парень пустилъ словцо: «Эхъ, ма! убогія, туда же полѣзли...ну гдѣ имъ тутъ оборотиться... сидѣли бы дома на печи?» Однако народъ запротестовалъ и обрѣзалъ балагура. Послышалось разомъ нѣсколько голосовъ: «Ну, вотъ, разсказывай, размазывай!... на печи сидѣть! Да кто въ экой день дома-то умершій? И старъ и малъ,—всѣ тутъ. Нешто хворые на печи-то пооставались. Вишь умникъ нашелся... Не бось на Царя-то батюшку всякому лестно посмотрѣть!»....

Въ это время, къ величайшей моей досадѣ, раздалась команда: Смирно-о! Ружье вольно! шагомъ маршъ! И мы двинулись въ Кремль. 1-й Преображенскій баталіонъ сталъ внутри Кремлевской рѣшетки, въ слѣдующемъ порядкѣ: Государева рота,—правымъ флангомъ къ Успенскому собору, вдоль входа въ него; 2-я рота,—правымъ флангомъ къ воротамъ рѣшетки, а лѣвымъ къ ступенямъ входа. Когда же всѣ члены царской фамиліи вышли изъ экипажей, эта рота (2-я) вошла плечемъ и построилась въ колоннѣ вдоль хода изъ Успенскаго въ Архангельскій соборъ, правымъ флангомъ къ ротѣ Его Величества. 3-я рота построилась съ правой, а 4-я—съ лѣвой стороны ходовъ изъ Архангельскаго въ Благовѣщенскій и на Красное крыльце. Наконецъ, въ Кремлѣ, между Спасскими воротами и рѣшеткою, по лѣвую сторону шествія, былъ выстроенъ Семеновскій полкъ, а къ нему примыкали Преображенскіе второй, третій и стрѣлковые баталіоны. При такомъ расположеніи, казалось бы можно разсмотрѣть все и всѣхъ, въ подробности и запомнить наблюденія. Но пѣхотный офицеръ прикованъ къ своему взводу или къ ротѣ, и въ такихъ случаяхъ нужда заставляетъ смотрѣть на равненіе, на выправку и на начальниковъ. Поэтому только въ ту минуту, когда притихла фронтовая суета, то-есть когда войска отдали честь приближающейся процессіи, тогда

только я могъ свободно глядѣть передъ собою. Во главѣ шествія ѣхали инородцы,—эти чуждые отростки, привитые къ могучему древу матушки-Россіи. Инородцы эти, въ живописныхъ и богатыхъ костюмахъ, на отличныхъ, огневыхъ лошадяхъ, произвели необыкновенно сильное впечатлѣніе. Особенно бросались въ глаза соотечественники мои Имеретины въ бархатныхъ, богато вышитыхъ курткахъ и съ матерчатыми тарелочками на головахъ вмѣсто шапокъ; при этомъ всякій могъ замѣтить, что шапка была бы излишнимъ уборомъ при такомъ изобиліи длинныхъ, великолѣпныхъ, волнистыхъ волосъ, какимъ отличались Закавказскіе гости. Но стыдно было смотрѣть, когда вслѣдъ за ними, потянулись коренные Русскіе дворяне или, лучше сказать, до смѣшнаго малочисленная вереница ихъ. Особенно каррикатуренъ былъ какой-то отставной генералъ, въ мундирѣ безъ эполетъ и съ ощипаннымъ султаномъ на треугольной шляпѣ. Въ толпѣ раздался смѣшливый гулъ и весьма нелестныя замѣчанія на дворянскіе, форменные кафтаны; потому что, особенно верхомъ на лошади, они придавали потомкамъ Русскихъ князей и бояръ видъ оффиціально-разфранченныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, такъ какъ даже золотое шитье на воротникахъ и обшлагахъ дворянскихъ мундировъ представлялось жалкимъ въ сравненіи съ мундирами придворныхъ чиновъ, почти сплошь расшитыхъ золотомъ. Вездѣ и у всѣхъ слышалось сожалѣніе о внѣшности и пожеланіе, чтобы было установлено, наконецъ, для дворянъ достойное ихъ и представительное національное платье, какъ, напримѣръ у Грековъ, Венгерцевъ и проч. Слышалось: «Скоро ли покончатъ съ фраками, дворянскими мундирами и прочими подражаніями враждебной Европѣ и введенныхъ у насъ на перекоръ нравамъ, климату, практическому смыслу и эстетическому вкусу?»

Что касается первостепенныхъ явленій въ этомъ торжествѣ, то я могу только сказать, что при проѣздѣ Императора со свитою и золотыхъ каретъ съ лицами императорской фамиліи, мы отъ всей полноты души кричали ура! Избытокъ чувствъ мѣшаетъ холоднымъ наблюденіямъ, и все это промелькнуло только предъ нами, ослѣпляя своимъ блескомъ. За то, когда полкъ возвращался на свои квартиры послѣ церемоніи, я могъ на свободѣ и на досугѣ прислушаться къ нескончаемымъ толкамъ и пересудамъ народной толпы; изъ нихъ конечно могу привести развѣ одинъ образчикъ на выдержку. Когда мы вышли изъ Кремля, народъ расходился, но медленно и какъ бы неохотно. Многія группы все еще стояли и ждали неизвѣстно чего. Изъ одной такой группы отдѣлился пожилой, степенный крестьянинъ и пошелъ рядомъ съ нами; подлѣ него бѣжалъ мальчикъ, очевидно его сы-

нишка. Кажется, онъ отбился отъ отца и пропадалъ, потому что усталый родитель началъ съ того, что обругалъ сына самымъ безпощаднымъ образомъ, но потомъ смягчился и спросилъ: «Да, Царя-то повидалъ-ли хоть малость?»

— «Видалъ, тятенька... какъ не видать»!...

— Да гдѣ-жъ ты запропастился? Пострѣлъ бы тебя побралъ.— «А я, слышь, дядю Ѳому повстрѣлъ.... а онъ говоритъ: полѣзай.... говоритъ на спину, такъ я-жъ на его спинѣ все и сидѣлъ!» Старикъ разсмѣялся: Ну чего-жъ тебѣ лучше! А вотъ я на своихъ на двоихъ промаячился, да все ничего бы... колибъ народъ-то не налегалъ.... и тутъ какъ на грѣхъ напрежъ меня протискался.... мастеровой что-ли, кто его знаетъ, да ра́жій такой, косая сажень въ плечахъ.... спиницей-то меня совсѣмъ затеръ, штобъ ему пусто было! Изъ-за его и старушку-то нашу, Царицу, прозѣвалъ... Сказывали, тутъ же была....

— «А мнѣ, тятенька, дядя Ѳома Царицу-то показывалъ... Царица-то молодая».

— А ну-те и съ дядей Ѳомой! Молодая-то нынѣшняя, а энта, говорятъ, тебѣ старушка, Царя Миколая покойника супружница. Охъ. охъ-хо! горя-то натерпѣлась она бѣдненькая; ну, да теперичка, не бось, возрадуется.. шутка сказать: сына на царство вѣнчаетъ! За то уже Царя видалъ, слава тебѣ Господи! Сподобился таки я на старости... Ну, дай ему Господи! (крестное знаменіе). Може и насъ убогихъ посѣтитъ милостію... може народу-то вольготнѣе будетъ, коли Господь въ немъ сердце къ намъ расположитъ (пророческія слова!)... и Царевича-наслѣдничка повидалъ...

— «Гдѣ-жъ во́нъ, былъ тятя? Царевичъ-то который былъ?»

— Вотъ разъ! А еще на плечахъ у дядьки сидѣлъ. Да сичасъ подлѣ Царя, по правую руку ѣхалъ, молоденькій, премолоденькій, а на народъ-то ласково такъ смотритъ... ухмыляется, да глаза-то добрые... ажъ всѣ бабы разхныкались на него глядючи... а дѣточки-то царскіе, и-и-ихъ! красавчики все какіе!

— «Гдѣ, тятя, гдѣ во́ни были?»

— Ну, вотъ опять: гдѣ? Да ты бы буркалы-то *) проторъ, такъ бы и повидалъ... небось всѣ тутъ же ѣхали, не́што не запримѣтилъ: махонькіе, да всѣ по военному одѣты, въ голубыхъ кавалеріяхъ. Эхъ, ты, горе-богатырь: высоко сидѣлъ... глядѣлъ-проглядѣлъ!

И все это сказано было отъ души, и всюду слышались такіе разговоры. Всѣ они были согрѣты неподдѣльнымъ жаромъ теплаго народнаго чувства! Москва, Москва!

*) То-есть глаза.

Любопытно было наблюдать, какъ смотрѣли на Москву сдержанные, политичные гвардейскіе офицеры. Иные молча удивлялись; другіе громко выражали свое удивленіе. Многимъ становился понятнымъ бѣшеный восторгъ Французовъ въ 1812 г., когда они въ первый разъ увидѣли Москву съ Поклонной Горы. Понятны и отчаянныя слова одного изъ подвижниковъ 1812 года, когда, покинувъ Москву, онъ на первой же верстѣ, рыдая, упалъ на колѣни и проговорилъ: «Прощай же, мать!... Хотѣли мы послужить тебѣ правдою... но будь надъ всѣми нами воля Господня... родная моя, не помяни ты насъ лихомъ!» Всегда хороша, всегда мила эта «Родная», но во время вѣнчанія царей своихъ великая старица чудно молодѣетъ...

18-го Августа былъ разводъ съ церемоніею отъ Преображенскаго полка, а на другой день мы прочли очень непріятный приказъ:

„Вчерашняго числа, на разводѣ, Государь Императоръ изволилъ остаться недовольнымъ одеждою гг. офицеровъ. Зная причину, почему многіе гг. офицеры, противъ своихъ правилъ, не были на смотру царскомъ въ новомъ, я осмѣлился доложить о ней Его Величеству. Но къ сожалѣнію моему я все-таки долженъ объявить по полку о таковомъ замѣчаніи Государя Императора, хотя я увѣренъ, что каждый изъ гг. офицеровъ употребитъ стараніе, чтобы на будущее время *своимъ щегольствомъ загладить столь непріятный отзывъ* Его Величества. Причемъ присовокупляю, что Государь изволилъ также замѣтить, что у многихъ изъ гг. офицеровъ эполеты были неформенныя".

Мнѣ неизвѣстно, какую причину представилъ Пушкинъ Государю; но я положительно знаю, что офицеры вопервыхъ поиздержались походомъ, а главное, что намъ то и дѣло мѣняли форму, такъ что это было сущее раззореніе. Начали съ того, что велѣли передѣлать изъ мундировъ (они были на манеръ фрака) казакины; но это еще можно было сдѣлать экономическимъ образомъ, съ помощію Жидковъ-портныхъ, такъ какъ въ походѣ полкъ былъ не на виду. Послѣ казакиновъ велѣли вмѣсто прежнихъ прямыхъ воротниковъ носить косые; тутъ уже нельзя было передѣлывать на мѣстѣ, а пришлось выписывать изъ Петербурга или донашивать, а Преображенцы не любили пользоваться позволеніемъ донашивать старую форму. Далѣе, введены были еще казакины съ галунами вмѣсто шитья, но ихъ скоро опять отмѣнили. Старые шарфы замѣнили кушаками, а на рукавахъ мундирныхъ казакиновъ перемѣнили шитье; но только что мы успѣли на это потратиться, какъ новые обшлага были забракованы, и велѣно опять нашить клапаны прежняго образца. Словомъ сказать, наши карманы безпрестанно опустошались перемѣнами формы, а на всѣ эти неожиданные и чрезвычайные расходы мы ничего не получали. Поэтому

оставалось облегчить душу безсильными проклятіями Огареву, главному дѣятелю по дѣламъ обмундировки. На него ходили пасквили, и разсказывали, что этотъ злодѣй нашъ получилъ по городской почтѣ звѣзду съ ножницами, перекрещенными на ней въ видѣ мечей. Кончилось тѣмъ, что мы явились въ Москву съ разновидными и разнообразными мундирами, подлаженными подъ новую форму въ Жидовскихъ швальняхъ. Между тѣмъ на коронацію съѣхалось множество знатныхъ иностранцевъ, да и характеръ торжества требовалъ достойной обстановки. Разсказывали, что одно высокопоставленное лицо, замѣтивъ на выходѣ какихъ-то офицеровъ въ мытыхъ перчаткахъ, рѣзко выразилось, что если кто не имѣетъ средствъ служить въ гвардіи, тому бы лучше и вовсе въ ней не служить. Болтали также, будто бы Преображенцамъ и Семеновцамъ дадутъ богатые раззолоченные мундиры, такъ что будетъ тоже, что̀ въ лейбъ-гусарахъ, то-есть будутъ служить только тѣ, кому состояніе позволитъ. Вообще же во всѣхъ этихъ слухахъ и толкахъ было мало складу, но одно только высказалось ясно: очевидное желаніе Государя, чтобы офицеры одѣвались по формѣ и прилично обстоятельствамъ, въ которыхъ они находились.

Наконецъ, наступило 26-е Августа, день коронованія. Отъ Преображенскаго полка должна была находиться въ строю одна только Государева рота; офицеры же всѣхъ остальныхъ ротъ поѣхали во дворецъ на выходъ. Я буду говорить только о томъ, чему былъ самовидцемъ и свидѣтелемъ. Въ Успенскій соборъ, къ сожалѣнію, я не попалъ: туда пускали по билетамъ. Въ залахъ же дворца я видѣлъ выходъ Государя и его возвращеніе, да еще ту часть общей картины, какую можно было видѣть изъ оконъ дворца. Выходъ отличался отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что вся царская фамилія была на лицо, свита удесятерилась пріѣзжими принцами и послами, и придворный штатъ былъ въ большомъ комплектѣ. Между прочими, въ числѣ «высокихъ посѣтителей», шли два молодыхъ Прусскихъ офицера, въ оберъ-офицерскихъ эполетахъ. У обоихъ была надѣта черезъ плечо только что пожалованная лента св. Станислава. Одинъ изъ офицеровъ былъ бѣлокурый, а другой брюнетъ, съ рѣзко очерченнымъ профилемъ и очень красивый. Это были принцы Гогенцолернскіе, а послѣдній изъ нихъ Карлъ, будущій князь, а потомъ король Румынскій. Наконецъ, особенность выхода была еще и та, что впереди кортежа несли государственныя регаліи. Помню, что корону несъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, державу князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, государственный мечъ несъ защитникъ Севастополя, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, а старый генералъ Кноррингъ изнемогалъ подъ бременемъ государственнаго штандарта. Остальныхъ не помню.

Возвращеніе Государя, уже коронованнаго и въ царскихъ регаліяхъ, я не только живо припоминаю, но и не забуду во всю жизнь. Когда могучій, потрясающій гулъ толпы народной возвѣстилъ обратное шествіе Императора, мы всѣ побѣжали къ окнамъ, чтобы видѣть этотъ важнѣйшій мигъ торжества. При видѣ балдахина, подъ которымъ шествовалъ вѣнчанный Монархъ, сверкавшая золотомъ толпа лицъ его окружающихъ, также какъ и пестрая, необъятная толпа народа одинаково трепетали отъ восторга и полноты чувствъ. Прекрасный солнечный день возжигалъ это море блеску, а кульминаціоннымъ пунктомъ свѣта была корона на головѣ Императора. Трудно описать восторгъ и ликованіе толпы, доходившія до изступленія. Я былъ до того пораженъ этимъ зрѣлищемъ, что едва замѣтилъ довольно эффектное движеніе строевыхъ отрядовъ, которые при приближеніи Государя вдругъ повернулись къ нему лицомъ. Но процессія подвигалась, мы поспѣшили въ залы, чтобы видѣть Государя, и эту-то минуту я назвалъ незабвенною. Государь шелъ очень скоро; казалось, избытокъ чувствъ окрилялъ его. Онъ былъ въ порфирѣ и въ коронѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ. Но поразительное великолѣпіе царскаго облаченія совершенно ускользнуло отъ меня, потому что все вниманіе приковалось къ лицу Государя. Оно было блѣдно и орошено слезами; глаза, подъ которыми рѣзко оттѣнялись черныя полукружія, исполнены были такимъ блескомъ, имѣли такое выраженіе, какого я никогда болѣе не видалъ въ Государѣ. Онъ былъ, очевидно, до глубины души проникнутъ важностью этой минуты и сознаніемъ, что совершился великій переворотъ не только въ его жизни, но и въ жизни цѣлаго народа.

Покойный начальникъ 1-й дивизіи, генералъ Миллеръ, бывшій флигель-адъютантомъ при коронаціи Николая I-го, разсказывалъ намъ въ послѣдствіи, что когда этотъ Государь также шествовалъ въ порфирѣ и въ коронѣ, то, поравнявшись съ флигель-адъютантами, онъ придалъ лицу своему «очень милостивое, но очень веселое и шутливое выраженіе». Я же, какъ самовидецъ, могу только повторить, что и я и всѣ мы до того были поражены величественнымъ и чудно-вдохновеннымъ лицомъ Александра II-го, что, забывая всякій этикетъ, всякую сдержанность, бросались въ слезахъ цѣловать его руки. когда онъ шелъ посреди насъ.

Иностранные послы соперничали съ Москвичами и не щадили милліоновъ для поговорки «знай нашихъ!» Особенно отличился посолъ нашего вчерашняго врага и неблагодарнаго предателя Австріи. Это былъ прославленный своими вычурами магнатъ князь Естергази. Онъ выписалъ изъ Венгріи нѣсколько сороковыхъ бочекъ Токайскаго и

устроилъ изъ него нѣсколько фонтановъ въ своемъ Московскомъ помѣщеніи. Эхъ, пустить бы туда артель съ Ходынскаго поля!

Я не помню имени надменнаго Англійскаго лорда, представлявшаго у насъ Новый Карѳагенъ съ нестерпимо-возмутительнымъ девизомъ: «Все куплю, сказало злато!» Помню только, какъ ненавистный Британецъ являлся въ нашъ лагерь съ большою свитою, даже съ нѣсколькими амазонками, и высокомѣрно лорнировалъ насъ. Самоувѣренность и дерзость этого Англичанина доходили до того, что онъ не посовѣстился привезти намъ на показъ нѣсколькихъ своихъ офицеровъ съ массивными медалями за Альму и Крымскую войну. Помню, что эти господа, когда ихъ застигалъ дождь, бережно запрятывали свои медали въ клеенчатыя сумочки, подъ ними пришитыя.

Подлѣ Англичанъ красовались и величались Французы съ остальною частью девиза: «Все возьму, сказалъ булатъ!» Такъ какъ теперь всѣ эти идолы давно разбиты, то можно про нихъ и поговорить. Во главѣ посольства стоялъ графъ Морни (l'homme du 2 Décembre). Онъ былъ собственно братъ Наполеона III-го, сынъ его матери, королевы Гортензіи отъ морганатическаго или Богъ знаетъ какого брака съ графомъ Flahault. Морни и носилъ въ своемъ гербѣ цвѣтокъ Гортензіи; въ 1850-хъ годахъ, на офиціальномъ обѣдѣ, въ присутствіи Наполеона III-го, онъ открыто выступилъ со своими претензіями на родство, съ цѣлью вынудить императора легитимировать его происхожденіе. Но Наполеонъ обрѣзалъ этого братца безпощаднымъ образомъ, и съ тѣхъ поръ Морни безъ церемоніи представлялъ всѣмъ и каждому 80-тилѣтняго старика-отца, говоря: «Mon père, le comte Flahault!» На коронацію онъ привезъ съ собою цѣлый легіонъ посольской свиты и поступалъ съ ними какъ со школьниками. Разъ онъ сказалъ старшему секретарю: «Donnez moi du feu!» Когда тотъ извинился неимѣніемъ, посолъ поблагодарилъ такъ: «Ah, vous êtes un f... attaché d'ambassade!» Вообще манеры или лучше сказать ухватки этой знаменитости напоминали то, что̀ Французы называютъ un pilier d'estaminet. Надобно было видѣть ликованіе Французской колоніи въ Москвѣ, при появленіи этихъ «chers compatriotes». Всѣ таяли отъ восторга, приговаривая: Avez vous vu les nôtres? Ah, quels gaillards! Comme c'est vif, intelligent... quel chic!» Извѣстный Московскій хирургъ, докторъ Оверъ, родомъ Французъ, но совершенно обрусѣлый, вдругъ разгорѣлся патріотизмомъ великой націи. Онъ сейчасъ же завелъ себѣ кепи, накренилъ его на бокъ и сталъ ходить гоголемъ и посвистывать. Жена его говорила мнѣ: «Voyez, je vous prie, ces airs de sabreur! Quand il siffle, il se croit maréchal de France!» Непріятнѣе всѣхъ Севастопольскихъ гостей былъ генералъ Лебёфъ (Leboeuf), толстый,

краснолицый Французъ, съ огромными усищами. Подъ Севастополемъ онъ вредилъ намъ, по мѣрѣ силъ и возможности, кажется, въ качествѣ начальника артиллеріи. Теперь онъ отдыхалъ на лаврахъ въ нашемъ присутствіи, и смотрѣлъ, какъ на маневрахъ передъ Государемъ гвардейскія колонны мѣшались въ толпу, по новому уставу кричали ура! и стрѣляли на воздухъ. Государь однакоже страшно прогнѣвался на эту стрѣльбу, и досталось-таки кому слѣдуетъ. На этотъ разъ Лебёфъ, кажется, желалъ показать себя спеціально Преображенскому полку и сталъ вблизи отъ насъ. Но на знаменахъ этого полка написанъ годъ Полтавской битвы, и хранится преданіе, какъ Великій Петръ поднялъ тостъ за графа Пипера и плѣнныхъ Шведовъ: «Пью за здоровье учителей нашихъ въ военномъ дѣлѣ.» Болѣе ста лѣтъ прошло, и въ 1856 году мы опять были ученики! Но учителей мы не проучили и смотрѣли на Лебёфа, сами не зная, что̀ и думать. Мы вѣдь помнили что подъ Альмою побѣдили собственно Французы; подъ Инкерманомъ—опять Французы и Малаховъ взяли тоже Французы. Успѣхъ всякаго краситъ; въ счастіи и дуракъ—геній, а въ несчастіи и генія презираютъ. Право, мы не знали, съ уваженіемъ или съ отвращеніемъ смотрѣть на этого упитаннаго славою Лебёфа. Но Русское чувство побѣдило, и мы думали себѣ: Чтобы тебѣ сгинуть и пропасть съ твоими успѣхами! А вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ сгинулъ и пропалъ: въ 1870 году Лебёфъ въ качествѣ военнаго министра подготовилъ Мецъ, Седанъ, взятіе Парижа и весь позорный крахъ второй имперіи. Тогда сами Французы поучили насъ, какъ надобно было чествовать Лебёфа. Они нарисовали его съ бычачьими рогами и съ лаконической надписью: «Son nom en tête!» (т.-е. boeuf).

При торжествѣ коронаціи конечно посыпались награды, между прочимъ и на Преображенцевъ. Пушкинъ, имѣвшій основаніе получить генералъ-адъютантскій аксельбантъ, ко всеобщему и своему собственному удивленію, получилъ третьяго Владимира. Это можно было считать неудачею, тѣмъ болѣе, что двое изъ подчиненныхъ генерала получили аксельбанты: командиръ Государевой роты Барановъ и потомъ командиръ 1-го баталіона, Н. Н. Вельяминовъ 1-й. Но Пушкинъ, старый служака, умѣлъ скрыть свои чувства. Еще много предстояло впереди! Мнѣ дали маленькаго третьяго Станислава. Первые эполеты и первый крестъ пріятнѣе всѣхъ наградъ. Наполеонъ умно сказалъ: «Ce sont des colifichets, mais ils menent les hommes. Колоссальный Фонъ-Штрезовъ былъ произведенъ изъ юнкеровъ въ прапорщики.

19-го Сентября 1-й баталіонъ уѣхалъ въ Петербургъ, а остальные, послѣ короткой стоянки въ деревняхъ Черкизовѣ и Богородскомъ, послѣдовали за первымъ, такъ что 24-го Сентября весь полкъ опять

сосредоточился въ Петербургѣ, и жизнь Преображенцевъ снова вошла въ обычную колею. Послѣдніе дни Сентября служили отдыхомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приготовленіемъ къ торжественному въѣзду Государя въ Петербургъ, 2-го Октября. Но какая разница встрѣчи Царя въ Москвѣ и Петербургѣ! Тогдашній Петербургъ былъ смѣсью заморскаго и Чухонскаго съ Русскимъ. Тамъ не было «Русской знати» какъ въ Москвѣ, а былъ «beau-monde», такъ густо налакированный Европейскою политурою, что она ко всему прилипала. Въ Петербургѣ нѣтъ и «гражданъ», а есть «буржуазія». Въ ней примирують Англійскіе банкиры, Французскіе портные и парикмахеры, Нѣмецкіе колбасники и булочники, Италіянскіе кондитеры и проч. Да гдѣ же народъ-то? Одна треть его—Чухны; другая фабричные и мастеровые, а третья солдаты. Гдѣ настоящій-то народъ, Московской статьи? Съ такимъ вопросомъ я обратился къ одному Петербургскому старожилу. Онъ отвѣчалъ: «Ахъ, мой батюшка, да развѣ въ гостиномъ дворѣ!» По всему этому и вышло, что въѣздъ Государя въ Петербургъ разнился отъ Московскаго. Москва подняла Царя на ура, а Петербургъ сдѣлалъ ему приличный книксенъ и зарумянился. Путь процессіи, Невскій проспектъ, путь широкій, представительный, онъ разсвѣтился флагами, войска стояли шпалерами, духовенство стояло въ облаченіи на порогѣ двухъ церквей: Знаменской и Казанской. Все чинно, нарядно, празднично, а все далеко отъ Москвы. Тутъ нѣтъ Кремля, нѣтъ народныхъ святынь, Краснаго крыльца и шестисотлѣтнихъ памятниковъ отечественной славы. Въ Москвѣ, въ день въѣзда, народъ съ разсвѣта до двухъ часовъ ждалъ, и ждалъ пока не дождался. А тутъ, выйдетъ Французъ, самодовольно посмотритъ на флаги своего магазина, а потомъ на улицу и проворчитъ: «Ah, bah... c'est encore loin, comme ça dure!» А тамъ выкатится толстый Нѣмецъ, поглядитъ и крикнетъ своей благовѣрной: «Ah, keine-Spur... noch nicht Zeit... Warte!» и опять уйдетъ въ подвалъ. Когда поѣздъ былъ уже въ виду, я самъ видѣлъ, какъ тотъ же Французъ выводилъ своихъ дамъ на ступени лѣстницы магазина и гналъ оттуда народъ: «Пошлà прочь... чорни народъ... вàнючъ!» Вотъ, наконецъ: «Ѣдутъ!» раздались привѣтные клики народа; но это-ли громовое Московское ура, отъ котораго я чуть не оглохъ, и гдѣ даже грохотъ орудій казался щелканьемъ орѣховъ! Какое же это ура, когда за шпалерами ясно были слышны всѣ діалекты: «Ah,c'est joli, c'est beau... ah, v'là les voitures... oho, mais c'est style Louis XV tout pur!... Ah, le beau diadême qui est ça? Non, vraiment c'est superbe, c'est renversant!» А дальше буркоталъ Нѣмецъ: «Schön, schön! Dans soll man anschauen! Lizel, sieh schon den

Wagen an... fix Element!.. diese Pracht! Und der Schmuck! Das soll was gekostet haben!

Третій Преображенскій баталіонъ стоялъ какъ разъ на углу Невскаго и Милліонной, и я очень хорошо помню, что когда Государь повернулъ съ Проспекта въ Милліонную, позади свиты бѣжала очень жиденькая толпа, изъ которой нѣсколько мальчишекъ пищали ура, но такъ нестройно и неблагозвучно, что противно было слышать. Кажется и отъ Государя не укрылась разница встрѣчи обѣихъ столицъ, потому что онъ, очевидно, былъ въ невеселомъ настроеніи. Преображенскій полкъ часто служитъ въ такихъ случаяхъ барометромъ, а тутъ барометръ стоялъ низко. Мы сами были не въ духѣ, подпортили, и попался никто другой какъ юмористъ Челищевъ. Въ тотъ же день появился непріятный приказъ: «Государь Императоръ, при торжественномъ въѣздѣ въ Петербургъ, изволилъ замѣтить, что въ нѣкорыхъ взводахъ 3-го баталіона, позади взводныхъ офицеровъ, вопреки неоднократныхъ приказаній, не находились унтеръ-офицеры». Это обстоятельство поставлено Пушкину на видъ, а Челищеву объявленъ строгій выговоръ.

6-го Октября 1856 года происходила ранжировка обоихъ полковъ, дѣйствующаго и резервнаго. Вслѣдъ затѣмъ, полкъ, слитый изъ двухъ частей, переформировался по штату мирнаго времени. Такъ какъ въ упраздненномъ резервномъ полку пять ротныхъ командировъ были выше по старшинству своихъ товарищей въ бывшемъ дѣйствующемъ, то они и приняли роты новаго состава. Между прочими и я долженъ былъ сдать девятую роту капитану Гельфрейху и попалъ за штатъ. Но заштатныхъ было множество, такъ какъ кромѣ пяти всѣ ротные командиры резервнаго полка имѣли туже участь. Пушкинъ смѣясь сказалъ намъ: «Ну, господа, это будетъ таже исторія какъ въ доброе старое время, когда надобно было двадцать пять лѣтъ служить до полковничяго чина!» Пріятная перспектива!

Съ этого времени наступила опять эпоха мира и мирнаго преуспѣянія. Опять пошли дежурства, караулы, ученья, лагери, маневры.... вѣчный круговоротъ, безъ начала, безъ конца,—«кругъ седмичный!»

Князь Николай Имеретинскій.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Воспоминанія А. Л. Зиссермана *).

X.

По возвращеніи въ Грозную, я нашелъ у себя письмо Ѳадѣева отъ 28-го Апрѣля. Вотъ что писалъ онъ мнѣ, между прочимъ:

«Въ послѣднее время у васъ была великая *томаша* **) по случаю проѣзда князя и, должно быть, этотъ проѣздъ былъ не только церемонный, а еще болѣе политическій. Вѣроятно у князя было съ Евдокимовымъ довольно раціональное объясненіе; я узнаю подробности его по возвращеніи князя; но въ ожиданіи, если вы знаете что нибудь, скажите нѣсколько словъ: это останется при мнѣ, и я вамъ скажу тогда въ свою очередь одно слово о грядущемъ Лѣваго крыла».

«Пишу къ вамъ объ дѣлѣ. Я говорилъ о васъ нѣсколько разъ начальнику штаба (Д. А. Милютину), и онъ заочно васъ довольно знаетъ и проситъ вашего содѣйствія въ одномъ дѣлѣ, занимающемъ теперь начальство. Иностранныя газеты, особенно Journal de Constantinople, врутъ о Кавказѣ немилосердно, такъ что вывели изъ терпѣнія не только Кавказское начальство, но и правительство. Я перебранивался нѣсколько разъ съ послѣднею газетою пофранцузски, но она неймется, а только разругала меня въ послѣднихъ нумерахъ и взвела разную клевету на моихъ предковъ».

«Противъ вранья иностранныхъ газетъ, весьма вреднаго для насъ, еще болѣе непріятнаго Барятинскому, есть только одно средство — публичность, и публичность не только ограниченная нѣсколькими интересными событіями, но такая, въ которой бы обнаруживалась въ полной связи совокупность нашихъ дѣйствій; тогда въ дѣйствительномъ ходѣ дѣлъ не останется мѣста, гдѣ бы иностранные безстыдные врали могли просунуть свои разсказы о проигрываемыхъ нами здѣсь генеральныхъ сраженіяхъ и прочіе вздоры. Въ этомъ смыслѣ было на дняхъ и высочайшее повелѣніе. Государю угодно, чтобы наши дѣйствія обстоятельно публиковались въ «Кавказѣ» и «Инвалидѣ», и потомъ изъ нихъ дѣлалась бы сокращенная, но никакъ не голая, а по возможности интересная выборка, сводъ для Бельгійской газеты

---

*) См. выше, стр. 273.

**) *Томаша* — у Грузинъ и Татаръ игра, торжество, суматоха, смотря по смыслу рѣчи. Русскіе на Кавказѣ часто употребляли это, какъ и нѣкоторыя другія туземныя слова, когда хотѣли придать словамъ *мѣстный колоритъ*.

le Nord. Статьи, цѣликомъ назначенныя въ эту газету, съ подписью сочинителя, если онъ желаетъ, будутъ переведены и отосланы туда. Такое предположеніе было уже обсуждено здѣсь и получило, наконецъ, силу по высочайшей волѣ. Князя уже не было, когда пришла бумага, и Милютинъ призвалъ меня на совѣщаніе. Я ему сказалъ, что писанье въ Тифлисѣ, извлекаемое изъ однихъ матеріаловъ, никогда не будетъ имѣть достаточной живости, чтобы возбудить интересъ иностранныхъ читателей, для которыхъ домашняя, семейная сторона Кавказа гораздо любопытнѣе офиціальной; въ Тифлисѣ можно писать только статьи политическія и общія. Разумѣется, чрезъ такую публикацію возрастетъ интересъ «Кавказа» (газеты) и придастся ему важность, которой онъ теперь не имѣетъ. Для этого и назначены ему средства, и труды сотрудниковъ (извините за плеоназмъ) будутъ достаточно вознаграждаемы. Кромѣ того, князь сказалъ мнѣ самъ, что онъ обратитъ особенное вниманіе на людей, которые примутъ въ этомъ дѣлѣ настоящее участіе, разумѣется, когда эти люди въ состояніи выполнить задачу; а теперь, когда должно было уже рѣшиться неоткладывая, начальникъ штаба поручилъ мнѣ списаться съ сотрудниками, которыхъ можно найти на Кавказѣ, по крайней мѣрѣ по одному на каждый отдѣльный край; я сказалъ ему, что вы хорошо знаете лѣвое крыло и Дагестанъ и что я прежде съ вами посовѣтуюсь, а потомъ доложу ему. Онъ поручилъ мнѣ попросить васъ объ этомъ отъ его имени. Теперь дѣло вотъ въ чемъ. Надо имѣть сотрудниковъ для офиціальныхъ статей, печатаемыхъ по волѣ главнокомандующаго, на 5 пунктахъ, по дѣленію Кавказа. Объ Лѣвомъ крылѣ вы возьметесь писать сами, за что вамъ будутъ очень благодарны, а газета будетъ вамъ выплачивать акуратно деньги; это дѣло уже не редактора, а начальства, и цензуры не будетъ, кромѣ начальника главнаго штаба. Статьи вы можете писать по благоусмотрѣнію, когда есть что сказать, по одной въ мѣсяцъ или два. Въ статьяхъ должно не только излагать рядъ событій, но представлять дѣйствительную физіономію края и нашего положенія, характеръ непріятеля, интересные случаи, разумѣется въ занимательной формѣ, чтобы на нихъ не было отпечатка казеннаго труда и, главное, безъ преувеличенія и похвальбы. Европѣ разсказали такія дивныя вещи о паршивыхъ горцахъ, что она серіозно считаетъ ихъ какими-то героическими типами и питаетъ къ нимъ въ настоящее время такую же симпатію, какъ бывало къ Грекамъ во время ихъ войны за свободу. Это-то чувство и надо разсѣять дѣйствительностью. Вы можете прямо писать для иностранной газеты, въ этомъ случаѣ покороче и подливая мѣстнаго колориту. Статьи присылайте ко мнѣ; я ихъ буду читать Милютину и

немедленно извѣщать васъ о томъ; а распоряженіе о вознагражденіи будетъ сдѣлано. Если вы имѣете свой взглядъ на эту вещь (отличный отъ нашего), напишите, я передамъ его, и напишите подробнѣе. Если въ сношеніяхъ, напримѣръ, съ Дагестаномъ вамъ будетъ что сказать объ немъ, пишите, не стѣсняясь однимъ вашимъ раіономъ. Вотъ вамъ еще моя просьба. Вы знаете много людей: къ кому обратиться за этимъ въ Дагестанѣ? Кто тамъ можетъ взяться за такое дѣло? И если вы имѣете въ виду другихъ еще, на другихъ пунктахъ, напримѣръ при Вревскомъ, напишите мнѣ; я доложу объ нихъ отъ вашего имени. Все это дѣло такое, которымъ здѣсь интересуются чрезвычайно, и вы можете много выиграть дѣятельнымъ участіемъ, чего я вамъ отъ души желаю».

Послѣдствіемъ этихъ приглашеній была статья, напечатанная въ «Современникѣ» (1857 г. Октябрь) подъ заглавіемъ «Современное состояніе Кавказа». Я старался выяснить, главнымъ образомъ, то совершенно фальшивое представленіе, которое искуственно возбуждалось въ Европейской публикѣ офиціозными газетами Англіи и Франціи, изъ нихъ переходило и въ Нѣмецкія, на счетъ рыцарства Кавказскихъ горцевъ—героевъ, гибнущихъ, якобы отстаивая лишь свою независимость... Мнѣ вовсе не нужно было прибѣгать для этого къ какимъ-нибудь измышленіямъ и, въ свою очередь, становиться орудіемъ контръобмана: я достаточно хорошо зналъ Кавказскихъ туземцевъ, чтобы имѣть основаніе свести ихъ съ пьедестала, на который Западъ старался ихъ вознести, изъ вражды къ Россіи и, само собою, безъ малѣйшей симпатіи къ нимъ, и еще съ меньшею готовностью оказать имъ открытую поддержку. Если въ обуявшемъ, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Европейскую интеллигенцію филэллинизмѣ было много фантазіи, идеальничанія и напускнаго увлеченія потомками классическихъ героевъ древняго міра, потомками, выродившимися въ большинствѣ въ комерсантовъ, ничего общаго съ Ликургами, Периклами, Демосѳенами или Леонидами не имѣющихъ, то «кольми паче» было этого напускнаго тумана на счетъ милѣйшихъ Лезгинъ, Чеченцевъ и, даже лучшихъ изъ Кавказскихъ горцевъ, Убыховъ, Шапсуговъ и проч.?

Европѣ нужно было эксплоатировать борьбу горцевъ, также какъ ненависть Поляковъ, для нанесенія возможнаго вреда Россіи, а за тѣмъ выбросить *выжатый лимонъ*. Лица, стоявшія во главѣ правительствъ, особенно въ Англіи, очень хорошо знали, что Кавказскіе *рыцари* почти исключительно дикари-хищники, которымъ нужна свобода грабить и жить безъ всякой узды, безъ всякаго уваженія къ правамъ другаго племени; что Шамиль—умный горецъ, ведущій

борьбу изъ личнаго честолюбія, изъ за мечты основать наслѣдственную власть надъ Кавказомъ, отчасти изъ мусульманскаго фанатизма, увлекаемый къ тому же подстрекательствами Турціи и совершеннымъ невѣжествомъ по части политическаго знакомства съ силами Россіи, ея отношеній къ другимъ государствамъ и т. д.; что князья разныхъ Черкесскихъ родовъ, сознавая неизбѣжность потери вліянія при Русскомъ владычествѣ, поддерживаемые Турецкими пашами, подстрекали массы къ борьбѣ, а подстрекать было тѣмъ легче, что горцы боялись потерять торговлю по Черноморскому прибрежью съ Турецкими кочермами, на которыя сбывался живой товаръ для гаремовъ.

Руководители западноевропейской политики всё это очень хорошо знали, но считали (да и до сихъ поръ считаютъ) нужнымъ отуманивать свою публику стереотипными фразами о Русскомъ кнутѣ, о стонахъ благородныхъ рыцарей, гибнущихъ подъ гнетомъ варваровъ-Московитовъ и проч., давно всѣмъ извѣстное!... Казалось бы, какъ столь цивилизованныхъ Англо-Французо-Нѣмцевъ можно столько лѣтъ водить за носъ подобными нелѣпостями, а вотъ, подите же, все таже изъѣзжанная «Knute» дѣйствуетъ и до сихъ поръ, возбуждая традиціонную враждебность къ Россіи, даже тогда, когда не только кнутъ, но и вообще тѣлесныя наказанія почти вышли изъ употребленія, а въ Англійскомъ парламентѣ еще на дняхъ высокіе лорды настаивали на сохраненіи въ Британской арміи плетей и кошекъ...

На туже тему о гибнущихъ Черкесскихъ рыцаряхъ, отстаивающихъ свою свободу, случилось мнѣ читать ходившіе по рукамъ Малороссійскіе стихи Шевченки. Конечно, мечтателямъ-поэтамъ, да еще въ условіяхъ, въ какихъ находился Шевченко, простительно увлекаться вообще, а «свободой» въ особенности; но все таки странно звучали эти Малороссійскія скорби о горькой долѣ Черкесовъ, безчинствовавшихъ въ Черноморіи, населенной чистѣйшими Малоруссами, потомками Запорожской Сѣчи и гайдамачины...

И такъ, статья моя, кромѣ очерка театра войны на Лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи, нашего положенія тамъ въ 1857 году и предположеній о предстоявшихъ дѣйствіяхъ, заключала и характеристику горцевъ со стороны ихъ изувѣрства, алчности и продажности, чему приводились фактическіе примѣры. Особенно забавляла меня фраза Французскаго публициста, сообщенная въ письмѣ Ѳадѣева, что: «кто бы могъ подумать, что и эти герои *иногда* любятъ деньги, какъ другіе люди!»

Ни одинъ замыселъ, ни одно предпріятіе Шамиля и его наибовъ не оставались для насъ тайной. Безпредѣльная алчность—родовая черта почти всѣхъ этихъ народцевъ. Каждую ночь въ лагери отря-

довъ, во всѣ крѣпости, являлись укутанные башлыками (чтобы не быть узнанными) десятки лазутчиковъ, передавая всякія свѣдѣнія и довольствуясь рублемъ, полтинникомъ, не рѣдко бросаемыми съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Были, конечно, многіе просто плуты, приходившіе, не имѣя что сообщить, отдѣлывавшіеся пустыми фразами, что ничего новаго нѣтъ, что караулы вездѣ выставлены и т. п., но все-таки протягивавшіе руку за подачкой.

Въ 1852-мъ году былъ такой случай. Командиру Куринскаго полка барону Меллеру-Закомельскому дали знать, что у наиба Большой Чечни очень легко захватить два орудія, если войска наши скрытно успѣютъ пробраться въ аулъ (названіе я забылъ). Предложеніе было заманчиво, но исполнить предпріятіе оказывалось невозможнымъ: на пути къ аулу наиба были разбросаны нѣсколько деревушекъ и хуторовъ, которыхъ нельзя было обойти; а узнай непріятель про движеніе отряда, успѣхъ невозможенъ и только потери неизбѣжны. Однако Меллеръ-Закомельскій зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло: всѣ обитатели попутныхъ деревушекъ и хуторовъ были куплены и когда наши войска ночью двигались мимо ихъ саклей, они держали своихъ собакъ, не давая имъ лаять, а нѣкоторые указывали ближайшія, удобныя дороги... На разсвѣтѣ отрядъ достигъ аула, засталъ наиба и всѣхъ жителей спящими, орудія были захвачены, плѣнные, разный хламъ тоже. При отступленіи началось отчаянное преслѣдованіе, въ которомъ самое дѣятельное участіе приняли люди, указывавшіе ночью дорогу и державшіе собакъ...

Отослалъ я статью Ѳадѣеву въ Іюнѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что̀ скажутъ въ Тифлисѣ. Только чрезъ два мѣсяца получилъ я отъ него письмо изъ Каджоръ (лѣтнее пребываніе высшихъ властей), которое опять же помѣщаю здѣсь почти цѣликомъ, какъ характеристику времени, взглядовъ и т. д.

«Вѣроятно вы безъ труда угадали, любезнѣйшій А. Л., отчего я такъ долго не писалъ вамъ о вашей статьѣ. Она не была еще окончательно доложена. Милютину я прочиталъ ее на другой день, а князю только часъ тому назадъ, сегодня, 1-го Августа. Ваша статья имѣла у начальства отличный успѣхъ; нашли, что она совершенно достигаетъ цѣли и очень хорошо написана. На этотъ счетъ вы получите, вѣроятно вмѣстѣ съ симъ, письмо отъ начальника главнаго штаба. (Дѣйствительно, было письмо отъ Д. А. Милютина, но, къ сожалѣнію, не сохранилось). Надо вамъ сказать, что ваша первая статья о проѣздѣ князя чрезъ Чечню была принята начальствомъ не очень благопріятно, уже не знаю почему, и вслѣдствіе того сначала смотрѣли на новый трудъ вашъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ; но ихъ нетрудно

было разубѣдить самымъ дѣломъ, представивши его съ должной стороны. (Далѣе слѣдуютъ комплименты и отзывы начальства). Статью напечатаютъ въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ, полагаю въ «Современникѣ». По-французски она будетъ переведена, только еще не знаю, кому поручить это дѣло: оффиціальныхъ переводчиковъ у насъ много, да толку въ нихъ мало, а самому мнѣ некогда. Какъ увидите по напечатаніи, въ ней перемѣнъ нѣтъ, кромѣ двухъ-трехъ словъ; но два мѣста выпущены. Первое, гдѣ вы говорите о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять при возстаніи Чеченцевъ, отъ словъ: «поэтому слѣдовало воспользоваться плодами Ахульгинской экспедиціи» до красной строки; начальство нашло, что это не совсѣмъ справедливо, и при этомъ Граббе живой человѣкъ, и его дѣйствія рано еще подвергать публичному разбору» *). Второе, гдѣ вы описываете нынѣшнюю нерѣшительность въ сопротивленіи горцевъ, отъ словъ: «Шамиль постигъ все это» до словъ: «на Чечню Шамиль махнулъ уже рукой», по причинамъ, которыя я вамъ скажу при свиданіи, но не могу здѣсь писать» **).

«На счетъ новыхъ трудовъ вы можете писать о Кавказѣ что̀ хотите; напримѣръ, очень хорошо было бы познакомить публику съ Чечней, какъ вы сдѣлали, написать статью о послѣдней экспедиціи и результатахъ ея. Вы можете выставить Евдокимова съ самой лучшей стороны; здѣсь это будетъ хорошо принято. Разумѣется, нужно, чтобы эта статья была написана интересно для публики, но не какъ беллетристика, а серьозная, военно-статистическая статья».

Послѣдовалъ я совѣту Ѳадѣева и доставилъ еще двѣ статьи о дѣйствіяхъ нашихъ въ Чечнѣ въ 1857—1858 г., тоже напечатанныя въ «Современникѣ». Панаевъ и Некрасовъ, когда я въ Маѣ 1858 года пріѣхалъ въ С. Петербургъ, высказали мнѣ большое удовольствіе за эти статьи, хотя, казалось, подобныя вещи мало гармонировали съ духомъ и направленіемъ «Современника».

---

*) Что̀ именно я тогда писалъ, конечно, не помню; но взглядовъ своихъ на Кавказскія событія не измѣнилъ и все касающееся эпохи 1839 -40 г. подробно изложилъ въ Исторіи Кабардинскаго полка.

**) Еще бы! Я не нуждался въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ и смекнулъ, въ чемъ заключался мой промахъ: выставляя нерѣшительность горцевъ въ сопротивленіи, я тѣмъ самымъ умалялъ заслуги побѣждавшихъ сопротивленіе, слѣдовательно и самого главнокомандующаго. Но я не ошибался, ибо сопротивленіе дѣйствительно было ужъ далеко не то что̀ прежде: возбужденіе, увлеченіе успѣхами уже исчезли. Салты, Гергебиль, Ичкеринскія рѣзни не повторялись; дрались горцы уже больше изъ подъ палки Шамиля. А что Шамиль въ 1857 г. махнулъ уже рукой на Чечню, это тоже вѣрно; только я не совсѣмъ точно выразился: онъ ужъ былъ увѣренъ, что отстоять ее не въ силахъ, хотя продолжалъ отстаивать; за Дагестанъ же еще не отчаявался.

XI.

Лѣто 1857 года прошло для меня въ письменныхъ работахъ и весьма частыхъ разъѣздахъ съ ген. Евдокимовымъ по всѣмъ направленіямъ обширнаго раіона, для осмотра работъ по разнымъ постройкамъ и проч. Кругомъ свирѣпствовала холера, и въ Грозной почти ежедневно слышался звукъ похороннаго марша, или глухая дробь барабановъ.... Жертвы уносились большею частью изъ госпиталя. Въ общемъ, впрочемъ, смертность не доходила до особенно грозныхъ цифръ. Въ одинъ вечеръ жаркаго, душнаго Іюльскаго дня, я тоже почувствовалъ нѣкоторую тошноту и нѣчто въ родѣ озноба. Понятно, сейчасъ же мелькнула мысль: холера! Пока явился докторъ, ко мнѣ зашелъ Вадимъ Давыдовъ, сынъ извѣстнаго партизана-поэта Дениса Давыдова, тотчасъ предложилъ бывшіе постоянно съ нимъ Veratrum и какіе-то порошки. Холеры у меня не оказалось, и чрезъ день былъ я совсѣмъ здоровъ. Вспомнилъ теперь объ этомъ, чтобы кстати сказать нѣсколько словъ о покойномъ толстякѣ-Давыдовѣ. Хорошій былъ человѣкъ, хорошо игралъ въ карты, но не наслѣдовалъ отъ отца ни военной удали, ни поэтическаго таланта, и «кивер звѣрски на бекрень» не подходилъ къ его большущей головѣ. Выпущенный въ генеральный штабъ, онъ не отличался особыми познаніями, но за то и особыхъ претензій не высказывалъ; добрякъ, ни въ комъ нерасположенія не возбуждавшій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣтилъ я его въ Пятигорскѣ, гдѣ онъ пилъ № 17 Есентуки, лечась отъ непомѣрной толстоты и одышки. За тѣмъ видѣлъ его раза два въ Петербургѣ запаснымъ генераломъ, а послѣ прочиталъ въ газетахъ о смерти. Миръ праху его!

Изъ этой холерной эпохи вспоминаю еще происшествіе, произведшее на меня чрезвычайное впечатлѣніе. Былъ я какъ-то вечеромъ въ гостяхъ у упомянутаго въ предыдущихъ главахъ смотрителя госпиталя Руновскаго, и долго возился съ двумя его маленькими дочерьми (страстно люблю маленькихъ дѣтей!), особенно съ меньшою, Олей, ребенкомъ лѣтъ трехъ, замѣчательной красоты. Ребенокъ былъ очень веселъ, и въ свое время увели его спать. Ушелъ я домой часовъ въ 11-ть, а на разсвѣтѣ меня разбудили ужаснымъ извѣстіемъ, что малютка умерла отъ сильнѣйшаго холернаго припадка!

Побѣжалъ я къ Руновскимъ и засталъ бѣдняжечку Олю уже на столѣ. Какъ прелестный ангельчикъ, идеальная эмблема невинности, лежало это крошечное созданіе среди цвѣтовъ. Блѣдное личико, впол-

нѣ сохранившее свою красоту, выражало что-то въ родѣ испуга или упрека...

Я былъ просто пораженъ! Мнѣ сдавило горло; я не находилъ слова утѣшенія рыдавшей въ отчаяніи матери; мной овладѣлъ просто какой-то ужасъ; но оторвать глазъ отъ малютки я не могъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ игралъ я съ этимъ рѣзвившимся ребенкомъ: здоровый румянецъ, блестѣвшіе глазки, звонкій хохотъ, сама жизнь, полная здоровья и движенья жизнь,—и вдругъ, безжалостная, безсмысленная смерть!... Въ первомъ часу начались у ребенка обычные холерные припадки (она вечеромъ поѣла нѣсколько грушъ), а въ четвертомъ ея уже не стало.

Бывшій тогда въ Грозной офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка Корадини нарисовалъ акварельный портретъ умершей, въ видѣ ангела среди цвѣтовъ. И дѣйствительно, нельзя было лучше воспроизвести образъ этого прекраснаго созданія.

Кстати уже нѣсколько словъ и о Корадини. Уроженецъ Итальянскаго города Лукки, онъ пріѣхалъ въ Россію искать работы и—карьеры. Попалъ онъ въ Тифлисъ учителемъ рисованія въ гимназію; начало неблестящее, но вѣдь у насъ искони дверь открыта «особенно для иностранныхъ»... Познакомившись съ высшимъ служебнымъ обществомъ (куда учителя рисованія изъ Русскихъ, конечно, не впустили бы), сдѣлавъ нѣсколько портретовъ, Корадини въ 1851-мъ году срисовалъ голову Хаджи-Мурата (извѣстный Шамилевскій наибъ, о которомъ я подробно разсказывалъ въ II-мъ томѣ «Двадцати пяти лѣтъ» и особо въ «Русской Старинѣ» 1880-го года, гдѣ и портретъ Хаджи-Мурата приложенъ). Эта работа заслужила особое вниманіе князя М. С. Воронцова, который былъ тогда весьма взволнованъ происшествіемъ съ Хаджи-Муратомъ, и Корадини воспользовался случаемъ: какъ бывшій офицеръ *Луккской арміи*, онъ попросилъ опредѣленія въ Русскую армію и былъ зачисленъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ... И, такимъ-то образомъ, учитель рисованія превратился въ драгунскаго офицера! Въ полку его приняли самымъ дружелюбнымъ образомъ, во 1-хъ, какъ художника, который и не замедлилъ воспроизвести весьма бойко почти всѣхъ офицеровъ полка въ общей группѣ, въ которой фигурируетъ и онъ самъ съ карандашомъ въ рукѣ, и всѣ очень похожи, и въ оригинальныхъ позахъ; во 2-хъ, какъ иностранца и не кладущаго охулки на руку въ товарищескихъ кутежахъ. Службы, само собою, Корадини никогда не зналъ, да и не несъ, а вѣчно при чемъ-нибудь числился. У насъ это вообще, а на Кавказѣ въ особенности, было весьма возможно; людей *считав-*

шихся на службѣ, получавшихъ жалованье и награды, но вѣкъ свой ничего не дѣлавшихъ, было немало, хотя на это не разъ обращалось вниманіе начальства и отдавались строжайшіе приказы.

Осенью 1856 года Корадини ѣхалъ откуда-то на почтовыхъ, и въ Георгіевскѣ, на станціи, засѣлъ по неимѣнію лошадей. Люди нашихъ временъ хорошо знакомы съ этимъ невыносимымъ терзаніемъ, терзаніемъ и физическимъ, и нравственнымъ, которое было извѣстно подъ названіемъ ѣзды на почтовыхъ, да еще въ осеннюю или весеннюю распутицу. Уже чего стоили одни смотрители, «почтовой станціи диктаторы», писаря, старосты, не говоря о телѣгахъ, клячахъ и дорогахъ, промзглыхъ комнатахъ съ клоповниками, миріадами мухъ, угарами зимою, вонью лѣтомъ!.. Прождавъ нѣсколько часовъ, Корадини опять обратился къ писарю съ требованіемъ лошадей, но получилъ отказъ въ грубой формѣ. Тогда онъ пошелъ жаловаться къ воинскому начальнику, который и послалъ вѣстоваго солдата спросить, почему не даютъ лошадей офицеру, ѣдущему по службѣ. Но и это не помогло: писарь сказалъ солдату, что никакого военнаго начальства онъ знать не хочетъ. Когда же Корадини потребовалъ у него книгу, чтобы записать жалобу, то этотъ грубіянъ, при вѣстовомъ, швырнулъ ее съ словами: «нà, пиши, сколько хочешь»... Книга попала Корадини въ грудь... Результатомъ этой выходки было мгновенное извлеченіе изъ ножекъ шашки и нанесеніе писарю до 20 ударовъ, искрошившихъ его въ битокъ... Арестъ, слѣдствіе, судъ. По тогдашнимъ порядкамъ, потребовали заключенія на состоявшееся рѣшеніе отъ генерала Евдокимова, какъ начальника 20-й дивизіи, при которой состоялъ Нижегородскій полкъ. Я постарался составить заключеніе такъ, что все наказаніе ограничилось четырехмѣсячнымъ содержаніемъ въ крѣпости Грозной, гдѣ Корадини все время или рисовалъ акварельные портреты, или игралъ на биліардѣ...

Впослѣдствіи, во время похода 1859 г. къ Гунибу, Корадини очень удачно нарисовалъ портреты всѣхъ наибовъ и знатнѣйшихъ горцевъ, являвшихся съ покорностью къ князю Барятинскому; затѣмъ князь поручилъ ему приводить въ порядокъ свою Тифлисскую библіотеку; послѣ онъ опять былъ въ полку во время дѣйствій на Западномъ Кавказѣ, наконецъ дослужился до маіорскаго чина и вышелъ въ отставку, а въ послѣднее время я читалъ въ газетахъ, что онъ представилъ какой-то проектъ памятника Императору Александру II-му, одобренный высшими сферами. Человѣкъ во всякомъ случаѣ оригинальный!...

Въ первыхъ числахъ Сентября (1857), не помню однако по какимъ дѣламъ, генералъ Евдокимовъ послалъ меня въ Тифлисъ. У меня

было письмо отъ него къ главнокомандующему и оффиціальныя бумаги къ начальнику штаба.

На другой день по пріѣздѣ, вышелъ я утромъ изъ гостинницы, направляясь къ начальству являться. На Головинскомъ проспектѣ вдругъ на встрѣчу мнѣ самъ князь Барятинскій, верхомъ, съ большой свитой генераловъ, адъютантовъ и проч. Я сталъ во фронтъ, отдавая уставную честь, и хотя разстояніе было довольно большое, однако князь меня узналъ, остановилъ лошадь и подозвалъ къ себѣ.

— Здравствуйте; вы зачѣмъ здѣсь?

— «По порученію генерала Евдокимова, ваше сіятельство; имѣю письмо къ вашему сіятельству и бумаги къ начальнику штаба, по которымъ я долженъ дать нужныя разъясненія».

— Хорошо; давайте письмо и идите къ начальнику штаба; я за вами пришлю 'послѣ.

Погода была великолѣпная. На Головинскомъ проспектѣ было много народа, обратившаго на всю сцену особое вниманіе, и когда я возвратился къ тротуару за брошеннымъ тамъ пальто, меня осматривали съ особымъ любопытствомъ. Такъ въ глазахъ туземцевъ высоко стоялъ намѣстникъ, что имъ показалось удивительнымъ, что онъ остановилъ лошадь и удостоилъ разговоромъ какого-то обыкновеннаго оберъ-офицера, даже не съ аксельбантами... Впрочемъ, поклоненіе туземцевъ князю Барятинскому, не столько, быть можетъ, его званію намѣстника, сколько лично ему, можно объяснить его пріемами, импонировавшими массѣ восточнаго люда. Выѣзжалъ князь въ театръ, напримѣръ (всего нѣсколько десятковъ сажень разстоянія) неиначе, какъ съ скачущими впереди экипажа казаками, съ пылающими факелами въ рукахъ. Пріемы просителей во дворцѣ обставлялись особою торжественностью: комендантъ разставлялъ всѣхъ военныхъ, а чиновникъ особыхъ порученій гражданскихъ; допускали говоръ и жужжаніе только до минуты, когда князь начиналъ шествіе изъ внутреннихъ покоевъ; но тутъ уже раздавалось настойчивое *тсъ* и *тишш*, а затѣмъ громогласное: «главнокомандующій изволитъ идти», и мгновенно уже все замирало... Торжественность усугублялась тѣмъ, что въ тоже мгновеніе раздавался вблизи оглушительный громъ пушки, возвѣщавшій полдень и какъ бы появленіе князя. Вездѣ, гдѣ только представлялись случай и возможность, ставились такого рода декораціи; тогда какъ предмѣстникъ князя Барятинскаго М. С. Воронцовъ (о Муравьевѣ я уже и не говорю) импонировалъ, конечно образованному меньшинству, своею простотою: ходилъ пѣшкомъ по Тифлису, подъ руку съ княгиней, безъ всякихъ провожатыхъ, выѣзжалъ безъ конвойныхъ, о

факелахъ не было и рѣчи, на пріемахъ было даже иногда ужъ и чрезъ чуръ свободно и т. д.

Такое раболѣпное отношеніе къ князю Барятинскому существовало однако, почти безъ исключеній, и у Русской части населенія Тифлиса, т.-е. у сановниковъ, и у чиновниковъ,—у первыхъ даже больше. Тутъ играло роль уже не импонированіе факелами, надъ которыми въ тихомолку острили, а мало симпатичныя, но увы! столь свойственныя человѣчеству эгоистическія чувства... Вѣдь ни отъ одного изъ предмѣстниковъ князя Александра Ивановича нельзя было получить столько благъ, въ видѣ добавочныхъ, арендныхъ, единовременныхъ, «въ видѣ опыта» и проч. и проч!..

Это пребываніе въ Тифлисѣ сохранилось у меня въ памяти очень смутно. Долго ли я пробылъ, чѣмъ разрѣшились дѣла, по которымъ я пріѣзжалъ, рѣшительно не помню; вспоминаю лишь три обстоятельства: вопервыхъ, что покойный генералъ Кеслеръ, тогда начальникъ инженеровъ, ѣхавшій въ свитѣ князя, когда я встрѣтилъ ихъ, разсказывалъ мнѣ послѣ, что они ѣхали на окраину города «Колючая балка», въ которой за нѣсколько дней предъ тѣмъ, во время грозы, дождевыми потоками снесло нѣсколько домовъ бѣднѣйшихъ жителей, для осмотра мѣстности и принятія мѣръ къ предотвращенію такого бѣдствія на будущее время, и что князь Барятинскій, замѣтивъ, какъ Кеслеръ обмѣнялся со мною рукопожатіями, спросилъ у него, откуда онъ меня знаетъ, и тотъ разсказалъ о моемъ пребываніи въ штабѣ Самурскаго полка. (См. II-й т. «Двадцать пять лѣтъ»). При этомъ князь Александръ Ивановичъ послалъ мнѣ въ догонку нѣсколько комплиментовъ.

Вовторыхъ, былъ я весьма любезно принятъ Д. А. Милютинымъ, которому, кромѣ объясненій по порученіямъ г. Евдокимова, я подалъ отъ себя записку о важномъ значеніи администраціи покорными туземцами, о необходимости спеціально образовывать для этого офицеровъ, о настоятельной нуждѣ въ устройствѣ для туземцевъ школъ, о развитіи путей сообщенія и проч., безъ чего одно завоеваніе оружіемъ еще не упрочиваетъ нашей власти. Какая судьба постигла записку—не знаю.

Втретьихъ, былъ я у Д. И. Романовскаго, тогда весьма близкаго къ князю человѣка, который разсказалъ мнѣ, что хотя князь и весьма хохоталъ, читая въ газетѣ «Кавказъ» мой разсказъ подъ заглавіемъ «маіоръ Дуркановичъ» (см. объ этомъ тоже въ томѣ II), однако же сдѣлалъ Романовскому, какъ военному цензору, замѣчаніе, а меня хотѣлъ арестовать на гаубтвахтѣ за осмѣяніе штабъ-офицера, въ которомъ Дагестанскіе офицеры, конечно, узнаютъ своего батальо-

нера. Спасъ меня отъ ареста Романовскій, кажется, убѣдивъ князя, что это можетъ огорчить Н. И. Евдокимова.

Вскорѣ замелькали предо мною Душетъ, Анануръ; курьерская тройка неслась по берегу шумящей Арагвы; въ сотый разъ любовался я живописнымъ ущельемъ, вдыхалъ горный воздухъ на перевалѣ, вспоминая мои различныя похожденія въ теченіи уже пятнадцати лѣтъ пребыванія тогда на Кавказѣ, и многократные переѣзды по этой дорогѣ въ разныя времена года. Почти каждая станція, Кевшетскія постройки, посты и укрѣпленія на сѣверной сторонѣ горъ до Владикавказа были связаны для съ меня личными воспоминаніями. И какіе контрасты: первый проѣздъ на службу въ Іюнѣ 1842, верхомъ на клячѣ, или на перекладной едва двѣ станціи въ сутки,—мальчикомъ, стремившимся къ неизвѣстному будущему, безъ опыта, безъ поддержки, безъ всякихъ почти средствъ, къ канцелярской службѣ, къ которой не чувствовалъ никакой наклонности,—и опять этотъ переѣздъ капитаномъ Кабардинскаго полка, по порученіямъ съ самаго главнаго театра войны, отъ человѣка, предназначеннаго совершить главную часть задачи великаго дѣла, послѣ свиданія и объясненій съ главными руководителями судебъ Кавказа!... Да, многое бываетъ въ жизни человѣка, надъ чѣмъ нельзя не задуматься. Что это,—такъ суждено, игра случая, предопредѣленіе свыше, логическое послѣдствіе причинъ, не всегда намъ извѣстныхъ, по невниманію или неразумѣнію незамѣчаемыхъ? Почему два человѣка, повидимому въ совершенно-одинаковыхъ условіяхъ находящіеся, вдругъ разойдутся такъ различно, такъ иногда діаметрально противоположно?..

А Терекъ реветъ, телѣга грохочетъ по камнямъ, колокольчики гудятъ въ ушахъ, казакъ все склоняется на плечо ямщика, то засыпая, то открывая мутные глаза; встрѣчные Осетины соскакиваютъ съ своихъ двухколесныхъ повозокъ и съ крикомъ сворачиваютъ съ дороги, толкая острой палочкой своихъ лошадокъ и бычковъ; запыленные, усталые солдаты вскакиваютъ отдавать честь несущемуся мимо офицеру,—все это сливается въ какую-то общую картину, и я ее вижу и теперь, чрезъ 28 лѣтъ, всю освѣщенную яркими лучами солнца, облитую тѣмъ особеннымъ, лишь южной осени свойственнымъ свѣтомъ, вижу какъ будто она у меня передъ глазами!

Вечеромъ я былъ во Владикавказѣ.

XII.

Къ осени готовились усиленныя дѣйствія и, такъ какъ *Самоваръ-паша* окончательно осѣлся во Владикавказѣ, орудуя всею бумажною частью, не прямо до военныхъ дѣйствій относившеюся, то въ Грозную, въ качествѣ начальника штаба, былъ присланъ полковникъ генеральнаго штаба П. Д. Зотовъ, о которомъ впослѣдствіи придется говорить подробнѣе.

Военныя дѣйствія открылись въ Октябрѣ движеніемъ въ Малую Чечню. Генералъ Евдокимовъ собирался осуществить свои слова, сказанныя мнѣ во время проѣзда въ Апрѣлѣ по Сунжѣ во Владикавказъ. Слѣдовало ожидать жаркихъ дѣлъ, потому что населеніе Малой Чечни искони славилось наибольшею воинственностью, наилучшимъ умѣньемъ пользоваться своею мѣстностью, созданною для самой отчаянной обороны, и потому еще, что здѣсь намъ не приходилось наносить непріятелю такихъ ударовъ, какіе выпадали на долю Большой Чечни и Дагестана. Напротивъ, въ Малой Чечнѣ мы нѣсколько разъ терпѣли нешуточныя неудачи, что̀, само собою, чрезвычайно возвышало духъ и самоувѣренность населенія. Наконецъ, было извѣстно, что въ трущобахъ, изъ которыхъ отряду предстояло выкурить жителей, поселились на половину самые враждебно-нафанатизированные Чеченцы, выходцы изъ покорныхъ ауловъ, оставшихся на плоскости, на половину смѣсь изъ бѣглецовъ разныхъ туземныхъ племенъ: Ингушей, Кабардинцевъ, Кистинъ и др., большею частью людей, извѣстныхъ своими хищническими подвигами въ окрестностяхъ Владикавказа и на Сунженской линіи. Однимъ словомъ, тутъ былъ все народъ, который дешево не отдастъ своихъ послѣднихъ удобныхъ убѣжищъ, ибо уходить дальше въ горы—значило идти на встрѣчу голоду; а покориться онъ не могъ и изъ крайне озлобленной вражды противъ Русскихъ, и изъ боязни наказаній за прежніе грѣхи. Однако, пока это населеніе гнѣздилось на ближайшихъ покатостяхъ Черныхъ горъ, Малую Чечню нельзя было считать покорною, а сообщеніе между Грозною и Владикавказомъ и окрестности этого послѣдняго, на почтовой дорогѣ въ Россію, не были обезпечены; по этому ген. Евдокимовъ и рѣшилъ покончить съ ними основательно.

Плоскость между Сунжей и Черными горами, по теченію многочисленныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Сунжу (Гойта, Мартанъ, Валерикъ, Рошня и мн. др.) уже давно была въ нашихъ рукахъ. Кровавый опытъ 1840 года (неудачное дѣло отряда ген. Галафѣева на Вале-

рикѣ) и печальныя воспоминанія объ экспедиціи 1845 г. въ Дарго не пропали даромъ: съ 1846 года начались систематическія рубки просѣкъ, поселеніе казачьихъ станицъ, постройка укрѣпленій, и результаты были достигнуты не-эфемерные. Оставалось довершить дѣло, что̀ и было цѣлью движенія, о которомъ теперь разсказываю.

19-го Октября нѣсколько колоннъ были такъ направлены, чтобы совершенно незамѣтно занять ближайшія мѣстности, съ которыхъ легко бы было въ одинъ переходъ достигнуть опредѣленнаго пункта, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія; для бо̀льшаго же отвлеченія вниманія непріятеля произвели, по обыкновенію, диверсію за Аргунъ. Кромѣ начальниковъ колоннъ, никто не зналъ цѣли движенія; въ письменныхъ приказаніяхъ указано было выступить для расчистки старыхъ просѣкъ.

20-го числа, уходя отъ генерала Евдокимова съ кучей бумагъ, съ которыми я у него пробылъ въ этотъ разъ чуть не три часа сряду, я получилъ отъ него приказаніе покончить все въ штабѣ поскорѣе, чтобы въ 5 часовъ быть уже готовыми къ выступленію. Помню затруднительное мое положеніе въ тотъ день: я обѣщалъ какому-то казаку Грозненской сотни быть крестнымъ отцомъ его новорожденной дѣвочки и въ три часа долженъ былъ явиться въ церковь; но я едва успѣлъ туда къ 5-ти часамъ и уже совсѣмъ по походному. Обрядъ крещенія, при всей торопливости священника, все же продолжался столько времени, что почти совсѣмъ стемнѣло. Сгущенный мракъ церкви, едва мерцающія нѣсколько свѣчекъ, монотонное чтеніе, возбужденные нервы, родъ какого-то особаго безпокойства—не то предъ ожидаемою опасностью, не то предъ возможностью опоздать къ выѣзду начальства и догонять въ темнотѣ, не могу опредѣлить; но я весьма тревожно простоялъ все время и на вопросъ, какое имя дать новорожденной, почти машинально сказалъ: Софія, вспомнивъ почему-то о моей сестрѣ. Только что окончился обрядъ, я попросилъ батюшку благословить и меня, и отца крестницы, тоже уходившаго въ походъ съ сотней и, вскочивъ на лошадь, поспѣшилъ къ дому командующаго войсками; но онъ уже выѣхалъ. Догналъ я его только верстахъ въ двухъ-трехъ за крѣпостью.

— Вы гдѣ это, почтеннѣйшій, запропастились? Вѣрно по сердечнымъ дѣламъ?

«Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, по церковнымъ. Сейчасъ только окрестилъ дѣвочку у казака и прямо изъ церкви прискакалъ».

Выступленіе поздно вечеромъ въ этотъ разъ было противъ обыкновенія генерала, не любившаго ночныхъ движеній. Мы шли съ небольшими остановками всю ночь, сходясь на опредѣленныхъ мѣстахъ съ колоннами генераловъ Мищенки, Кемперта и полк. Баженова. Вездѣ

было совершенно спокойно, и такъ ловко было замаскировано наше движеніе, что Шамилевскія сборища стояли на р. Бассѣ, ожидая Русскій отрядъ въ Большую Чечню, а жители Малой Чечни, съ полнѣйшею безпечностью, ни разъѣздовъ, ни карауловъ не содержали...

Погода была туманная, сырая, но безъ дождя и теплая. Ночное движеніе очень утомило всѣхъ; какая-то сонливая вялость замѣчалась въ отрядѣ, обыкновенно столь оживленномъ на походѣ; ни выкликовъ: «послать N. N. къ генералу» или: «на право, на лѣво раздайся» (когда нужно было верхомъ обгонять на узкой дорогѣ пѣхоту), ни хохота отъ острот ротныхъ балагуровъ, ни громыханія артиллеріи; даже фырканія лошадей не слышно было: онѣ тоже, какъ нѣкоторые солдаты, спали на ходу. Двигалась механически какая-то длинная полоса едва различаемыхъ въ темнотѣ предметовъ, изрѣдка лишь освѣщаемыхъ мгновенно вспыхивавшимъ огонькомъ какого-нибудь страстнаго курильщика, который не исполнялъ отданнаго приказанія не курить.

На разсвѣтѣ 21 ч. переправились мы чрезъ Гойту и по старой, заросшей просѣкѣ, чрезъ овраги и балки, подошли къ ущелью Мартана, гдѣ открылось намъ значительное поле Устарханъ, поросшее такими высокими стеблями кукурузы, что даже конные люди скрывались въ нихъ. Глубокій черноземъ размокъ, и прилипавшая къ ногамъ грязь затрудняла движеніе.

Стало совсѣмъ свѣтло, и тогда только Чеченецъ, выѣхавшій на арбѣ въ поле, къ ужасу своему, увидѣлъ двигающійся отрядъ. Сдѣлавъ выстрѣлъ изъ винтовки, онъ бросилъ свою арбу и пустился бѣгомъ къ аулу, а казаки за нимъ,—первая добыча была пара его бычковъ...

Съ первымъ выстрѣломъ все встрепенулось; сонливость вдругъ исчезла; всѣ инстинктивно почувствовали, что настаетъ минута жаркаго боя, что едва ли кончится дѣло перестрѣлкой въ цѣпи и канонадой издали, что потребуются жертвы кровожадному богу войны...

Приказано было прибавить шагу. Кавалеріи принять въ право и на рысяхъ занять дороги отъ Рошни, чтобы не допустить подкрѣпленій изъ сосѣднихъ ауловъ; колонна Мищенки (Куринцы) двинута прямо; Кемпферту приказано идти на лѣво, вверхъ по Мартану, правымъ берегомъ, для обезпеченія лѣваго фланга Мищенки отъ нападенія изъ за лѣса. Баженову поручено занять у подъема мѣсто, разбить лагерь, прикрывая пока обозъ.

Генералъ Евдокимовъ, давъ время колоннѣ Мищенки отойти версты двѣ-три, поѣхалъ за нею; въ конвоѣ у насъ были Грозненская и Гребенская сотни. Подходя къ ущелью, мы увидѣли цѣпь ауловъ, при-

мыкавшихъ съ права къ лѣсу, тянувшихся вверхъ по крутому косогору; дорога чрезъ нихъ прерывалась оврагами, обрывами и т. п.; вообще мѣстность для наступленія крайне неудобная. Количество скопившагося здѣсь населенія далеко превзошло наши свѣдѣнія.

Съ приближеніемъ къ саклямъ войскъ раздались выстрѣлы, и по лѣсамъ пошли оклики и гиканія. Жители спѣшили спасать семейства, скотъ и что можно было захватить поцѣннѣе изъ скуднаго имущества; все уходило выше, къ истокамъ рѣчки, гдѣ мѣстность представляла уже совершенно недоступныя горныя трущобы.

У головныхъ сакель мы уже встрѣтили мародеровъ, одиночныхъ солдатъ, шнырявшихъ въ чаяніи найти что-нибудь, гонявшихся за курицей или теленкомъ, поджигавшихъ крыши и т. п. Это было, къ сожалѣнію, обычное явленіе, трудно устранимое даже при самомъ строгомъ надзорѣ. Нерѣдко подобные люди платились жизнью, натыкаясь неожиданно на скрывавшагося въ сакляхъ врага. Генералъ Евдокимовъ приказалъ мнѣ взять казаковъ и нагайками гнать всѣхъ этихъ мародеровъ впередъ къ своимъ ротамъ.

Исполняя это приказаніе, я наткнулся на ужасную сцену. Чеченка, здоровая баба лѣтъ 40, встрѣтила вошедшаго въ саклю солдата ударомъ топора по головѣ, такъ что онъ со стономъ свалился на земь, обливаясь кровью, а сама выскочила въ дверь, надѣясь скрыться; но тутъ же наткнулась на другаго Куринца, который и воткнулъ ей штыкъ въ грудь по самое дуло...

— Какъ тебѣ не стыдно бабу колоть, негодяй ты этакій, крикнулъ я ему; вотъ я тебя къ полковому командиру отведу.

«Да она, вотъ, ваше благородіе, товарища топоромъ зарубила; такъ нечто ее жалѣть?»

И какъ будто правъ былъ: вѣдь зажигать и уничтожать аулы все равно прикажутъ послѣ; гдѣ же тутъ, въ пылу такихъ кровавыхъ занятій, требовать отъ солдатъ рыцарскихъ отношеній къ женщинѣ?.. Вообще война и идеализація на тему гуманности—мечтанія пустыя... Я оставилъ двухъ казаковъ, чтобы доставили раненаго на перевязочный пунктъ, и отправился дальше, гоня предъ собою съ десятокъ отсталыхъ. Аулъ тянулся узкой полосой; все круче и круче поднималась дорога вверхъ, примыкая къ опушкѣ крупнаго чинароваго лѣса съ одной стороны; съ лѣвой стороны, поросшая густымъ мелколѣсьемъ, была обрывистая покатость къ рѣчкѣ, по берегу которой кое-гдѣ виднѣлись сакли, сарайчики и мельнички. Дальше, правый берегъ былъ еще круче, покрытый густымъ лѣсомъ, чрезъ который должна была двигаться колонна генерала Кемпферта; но тамъ ничего не было слышно,—очевидно колонна приняла далеко въ сторону.

Все время впереди слышалась жаркая перестрѣлка, частые пушечные выстрѣлы и звуки рожковъ, игравшихъ наступленіе. Выѣзжая за крайнія сакли аула, я сталъ встрѣчать носилки съ ранеными. На вопросъ мой, что̀ тамъ происходитъ впереди, отвѣчали: «плохо; Чеченцы заняли балку и не даютъ ходу; очень много народа перебили». Я погналъ коня и въ полуверстѣ, среди лѣса, засталъ генерала Мищенку, окруженнаго нѣсколькими солдатами. Я передалъ ему, какимъ образомъ очутился тутъ и спросилъ о положеніи дѣла.

— Очень радъ, что вы такъ кстати появились, сказалъ мнѣ Василій Кузьмичъ, своимъ спокойнымъ голосомъ, съ видомъ невозмутимаго хладнокровія; скачите пожалуйста назадъ и доложите Николаю Ивановичу, что мой лѣвый флангъ совсѣмъ открытъ, и оттуда меня разстрѣливаютъ. Я съ начала движенія послалъ мою 10-ю роту низомъ, по рѣчкѣ, именно съ цѣлью не допустить Чеченцевъ пробираться на обрывъ и стрѣлять въ насъ съ боку; но очевидно рота или остановилась гдѣ-нибудь, встрѣтивъ препятствіе, или сбилась съ направленія. Впередъ тоже не могу двигаться, потому что глубокая балка съ лѣсной чащей занята Чеченцами, и мнѣ уже рѣшительно не кого послать въ обходъ: людей изъ фронта выбыло уже немало.

«Слушаю-съ». И поскакалъ я назадъ.

Генерала Евдокимова встрѣтилъ я въ аулѣ. Выслушавъ меня, онъ приказалъ бывшей въ конвоѣ сотнѣ Гребенцовъ на рысяхъ идти къ ген. Мищенкѣ и, спѣшившись, поддержать его цѣпи до прибытія пѣхоты, а мнѣ ѣхать дальше назадъ, встрѣтить двѣ роты новосформированнаго 20-го стрѣлковаго баталіона, которымъ генералъ на всякій случай приказалъ двигаться за нимъ, и одну направить бѣгомъ къ Мищенкѣ, а съ другой идти разыскивать 10-ю роту Куринскаго полка, вѣроятно задержанную въ какой-нибудь трущобѣ непріятелемъ. Кромѣ того посланъ казакъ въ лагерь съ приказаніемъ направить тотчасъ впередъ баталіонъ Виленскаго полка.

Было это часовъ около двухъ пополудни. Какъ уже сказано, день былъ пасмурный, безъ дождя; но легкій влажный туманъ, знакомый только людямъ, жившимъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Юга, проникалъ глубоко въ почву, и она размокла; лошади скользили, солдатамъ было тяжело идти, тѣмъ болѣе послѣ безсонной ночи и 20-ти-верстнаго перехода. Однако, когда я передалъ стрѣлкамъ приказаніе, откуда взялись свѣжія силы! 2-я рота бросилась почти бѣгомъ впередъ, а 1-ю съ капитаномъ Журавлевымъ я повернулъ правымъ плечомъ и скорымъ шагомъ направился къ обрыву, чтобы спуститься къ рѣчкѣ и идти на поиски за Куринцами.

Не успѣлъ я добѣжать до края обрыва, какъ открылась слѣдующая картина. Внизу, плотно примкнувъ къ стѣнкѣ сакли, стояла кучка Куринцевъ, человѣкъ 70—80, а нѣсколько Чеченцевъ съ невѣроятною дерзостью взобрались на крышу этой сакли и какъ только кто-нибудь отдѣлится отъ кучки изъ-подъ стѣны, въ него попадаетъ пуля; два-три человѣка уже лежали жертвами попытки. Дальше въ нѣсколькихъ саженяхъ сидѣли еще Чеченцы съ винтовками на готовѣ. Такимъ образомъ командовавшій ротой подпоручикъ Ольшевскій не считалъ возвозможнымъ тронуться, безъ очевидной жертвы еще десятка людей, и главное, не зная гдѣ будетъ конецъ его движенію по дну глубокаго оврага, въ которомъ его могутъ просто разстрѣлять... Ему оттуда ничего не было видно; онъ слышалъ гдѣ-то впереди перестрѣлку, но далеко-ли это, туда-ли приведетъ его движеніе по дну оврага, гдѣ лагерь, онъ не зналъ. Положеніе его оказывалось затруднительнымъ; Чеченцы же никогда не бывали такъ дерзки, какъ замѣтивъ малѣйшее колебаніе въ Русскихъ рядахъ.

Въ самую минуту моего появленія съ ротой надъ обрывомъ, я увидѣлъ поразительную сцену, до сихъ поръ совершенно ясно стоящую у меня предъ глазами. Одинъ солдатъ, вѣроятно раньше отдѣлившійся отъ роты и лежавшій за кустомъ, замѣтивъ наше появленіе, рѣшился подняться и идти къ намъ; но въ тоже мгновеніе изъ-за другаго куста выскочилъ Чеченецъ, и двухъ взмаховъ шашки было достаточно, чтобы солдатъ повалился трупомъ. А Чеченецъ, схвативъ его ружье, бросился назадъ и скрылся за кустомъ. Все это совершилось на глазахъ нашихъ и стоявшихъ внизу съ быстротой неимовѣрной: просто опомниться не успѣли. Первою мыслію моею было броситься внизъ выручать Ольшевскаго, но переговоры съ Журавлевымъ вызвали другое соображеніе: ползти безъ дороги, по скользкой кручѣ, не имѣя возможности стрѣлять, значило подставлять себя прицѣльнымъ выстрѣламъ противника и напрасно увеличить число жертвъ. Мы поэтому рѣшились испытать прежде другое средство: разставили порѣже людей и открыли чрезъ головы Куринцевъ огонь по крышѣ сакли. Какъ только зашуршали пули Люттихскихъ штуцеровъ, Чеченцы исчезли съ крыши, и главная опасность для Ольшевскаго была устранена: онъ могъ начать отступленіе, прикрываясь тою же саклею отъ выстрѣловъ изъ-за кустовъ и камней, и какъ только иной ретивый Чеченецъ показывался опять на крышѣ или отъ берега, готовый стрѣлять, сверху въ него пускали нѣсколько пуль, и онъ мгновенно скрывался. Такимъ образомъ, съ трудомъ взбираясь по скользкой крутизнѣ, Куринцы кое-какъ выбрались наконецъ на верхъ, оставивъ на днѣ оврага болѣе десятка товарищей;—вынести ихъ не было

никакой возможности, и даже ружья и патронташи остались въ рукахъ непріятеля, что было крайне досадно и случалось на Кавказѣ рѣдко.

Стрѣлковыя роты, только что составленныя изъ взятыхъ въ полкахъ людей, еще плохо владѣли своимъ новымъ оружіемъ; да и самые Люттихскіе штуцера были мало удобны, требовали много времени для заряжанія, спокойствія и особой снаровки при стрѣльбѣ съ подсошекъ. Мы тогда едвали нанесли какой-нибудь значительный уронъ Чеченцамъ; но, слава Богу, успѣли выручить попавшую въ тиски роту.

На вопросъ Ольшевскаго, что ему теперь дѣлать, я рѣшился подъ моею отвѣтственностью направить его въ лагерь, а самъ съ ротой Журавлева поспѣшилъ опять къ аулу, чтобы идти къ колоннѣ ген. Мищенки, гдѣ предполагалъ найти ген. Евдокимова.

Пока происходило описанное выше, Чеченцы, бывшіе предъ Куринцами, очевидно получили покрѣпленія и рѣшились перейти въ наступленіе. Толпа человѣкъ въ триста, выйдя незамѣтно изъ защищаемаго оврага, сдѣлала залпъ по стоявшей на полянкѣ среди рѣдколѣсья 1-й ротѣ Куринскаго полка и бросилась въ шашки... Но Чеченцы наткнулись на достойныхъ соперниковъ: ихъ встрѣтили штыками, прикладами. Произошла рѣшительная рукопашная схватка. Ротный командиръ капитанъ Шидловскій и его субалтернъ-офицеръ должны были взяться за ружья отъ убитыхъ солдатъ; фельдфебель, замѣчательный молодецъ изъ солдатскихъ дѣтей, молодой, красивый, предметъ обожанія всѣхъ Воздвиженскихъ бабъ, былъ окруженъ нѣсколькими Чеченцами и какъ разъяренный левъ дорого продалъ свою жизнь: не одинъ врагъ съ размозженной головой повалился къ его ногамъ, пока свалили этого удальца...

Уже наша кучка сильно рѣдѣла, много храбрыхъ Куринцевъ почило на вѣки, много лежало истекая кровью; кругомъ трещала адская стрѣльба, у полковника Мищенки некого было двинуть на подмогу 1-й ротѣ. Въ эту минуту подскакала къ нему Гребенская сотня, посланная по моему докладу, мигомъ спѣшилась и кинулась въ лѣсъ. Противъ Чеченскихъ шашекъ блеснули Гребенскія, и чрезъ нѣсколько минутъ, покрывая землю вражьими трупами, погнали Куринцы и казаки непріятеля назадъ въ оврагъ. Велѣдъ затѣмъ подоспѣла и 2-я рота стрѣлковъ; ген. Мищенко рѣшительно пошелъ впередъ, раздалось ура! а ошеломленный, ослабленный непріятель бросился бѣжать. Оврагъ былъ пройденъ; верстахъ въ двухъ выше оказалась открытая поляна, на которой колонна и стянулась.

Когда я подошелъ съ 1-й ротой стрѣлковъ, дѣло почти кончалось; изрѣдка лишь еще раздавались выстрѣлы. Генералъ Евдокимовъ, дож-

давшись прихода Виленцевъ, приказалъ имъ наскоро нарубить деревьевъ, устроить засѣку и остаться въ ней на ночь, чтобы не дать Чеченцамъ возможности опять возвратиться и занять только что пройденную трущобу. Командиръ Виленскаго баталіона, если не ошибаюсь полковникъ Л., обратился ко мнѣ съ такими словами: «вотъ, мы, чужіе; такъ насъ на жертву оставляютъ». Я безъ церемоніи разъяснилъ ему всю нелѣпость его словъ, прибавивъ, что съ такими молодцами, какъ его баталіонъ, можно, кажется, быть внѣ всякихъ опасеній и что онъ за честь долженъ бы считать, что ему командующій войсками даетъ такое порученіе. Удивительно, какъ большинство этихъ приходившихъ изъ Россіи штабъ-офицеровъ, проведшихъ всю жизнь исключительно на ученіяхъ и ремешковой службѣ, были не то чтобы трусливы, а мало воинственны, мало подготовлены къ дѣйствительной боевой службѣ, лишены всякой иниціативы и рѣшимости самую малость сдѣлать безъ особаго приказанія, безъ разъясненія и помочей! Да, печальная система военнаго воспитанія, приведшая къ Крымскимъ дѣламъ, ясно отпечатлѣвалась на этихъ господахъ!...

Колонна генерала Мищенки, подобравъ всѣхъ раненыхъ и убитыхъ, отправилась въ лагерь, куда и мы, послѣ указанія Виленцамъ пункта для устройства засѣки, отправились уже въ совершенной темнотѣ. Вдали, въ лѣсахъ, слышны были вопли и завываніе женщинъ, мычаніе голоднаго скота; около насъ кое-гдѣ стоны раненыхъ, говоръ въ рядахъ солдатъ; а изъ лагеря, уже освѣщеннаго десятками костровъ, доносились залихватскія пѣсни, съ акомпаниментомъ кларнетовъ и бубновъ.... Пройденный колонною Мищенки путь свѣтился заревомъ горѣвшихъ сакель и копенъ свезеннаго въ аулъ сѣна и кукурузы; искры большими снопами носились поверху, долго держась въ плотной влажной атмосферѣ, а клубы густаго дыма фантастическими узорами окутывали ближайшій лѣсъ...

Усталый до крайности, я былъ очень доволенъ, когда генералъ Евдокимовъ, слѣзая съ коня, сказалъ своей свитѣ: «Ну-съ, господа, пора намъ и отдохнуть». Я поспѣшилъ къ своей палаткѣ, гдѣ засталъ ординарца отъ генерала Кемпферта.

— Ты что?

— «Генералъ приказали просить ваше благородіе пожаловать сейчасъ; очень важное дѣло есть».

— Хорошо, иду.

Важное дѣло оказалось не только важнымъ, но и превосходнымъ: въ отличной суконной палаткѣ, ярко освѣщенной нѣсколькими стеариновыми свѣчами, накрытый столъ, затѣмъ великолѣпныя щи, жаре-

ные фазаны, разные десерты и отмѣнное Кахетинское, не говоря о хересѣ, ликерѣ и проч.

Кто не проводилъ цѣлыхъ сутокъ, почти не слѣзая, на конѣ, кто не испытывалъ такихъ ощущеній, какія впрочемъ не въ первый разъ выпали на мою долю 20-го Октября 1857 года, тотъ едва-ли и представитъ себѣ всю полноту удовольствій отъ такой трапезы, при такой обстановкѣ. Я же, грѣшный человѣкъ, и теперь, чрезъ 28-мь лѣтъ, при одномъ воспоминаніи слюнки глотаю, не объ однихъ фазанахъ и Кахетинскомъ, конечно, а болѣе о той свѣтлой эпохѣ надеждъ, ожиданій, сильныхъ ощущеній, этой кипучей, воинственно-поэтической жизни, которая замѣнилась теперь недужною старостью, разочарованіемъ, невольными помышленіями о близости конца, наконецъ о сошедшихъ въ могилу всѣхъ тогдашнихъ товарищахъ-соратникахъ...

Въ теченіе семи дней оставался отрядъ въ Малой Чечнѣ; вырубались въ разныхъ направленіяхъ просѣки, осматривались дороги, ведущія въ верховья Аргуна, выжигались аулы, брошенные населеніемъ. Шамиль прислалъ старшаго сына Джемалъ-Эдина съ значительнымъ сборищемъ горцевъ и нѣсколькими пушками защитить жителей; но это покрѣпленіе оказалось уже запоздавшимъ. Джемалъ-Эдинъ, въ непривычной роли предводителя толпы горцевъ, не рѣшался предпринять что-нибудь серіозное, велъ перестрѣлки съ дальнихъ разстояній, производилъ въ виду нашемъ передвиженія; но все это ни чуть не препятствовало намъ продолжать свое дѣло; потери же наши ограничивались едва нѣсколькими ранеными, и то благодаря взятымъ у насъ 21-го числа нарѣзнымъ ружьямъ, бившимъ гораздо дальше обыкновенныхъ горскихъ винтовокъ.

Пройдя по Гойтѣ, Энгелику, Мартану до Воздвиженской, очистивъ всю эту мѣстность отъ враждебнаго населенія, мы 29-го Октября расположили отрядъ на Аргунѣ у Бердыкеля, для отдыха и приготовленія къ предстоявшимъ дѣйствіямъ въ Большой Чечнѣ, а сами съ ген. Евдокимовымъ уѣхали въ Грозную.

XIII.

На сколько благоволилъ ко мнѣ Н. И. Евдокимовъ, на сколько онъ постоянно высказывалъ мнѣ довѣрія, поручая важныя и обыкновенно самыя спѣшныя служебныя порученія, на столько же болѣе и болѣе проявлялось неблаговоленіе и враждебность со стороны ближней къ генералу родни, обрѣтавшейся при немъ, къ сожалѣнію, въ достаточномъ количествѣ и пользовавшейся, при расположеніи и сочувствіи

ея п—ства и при громадномъ вліяніи ея на супруга, возможностью достигать своихъ цѣлей, нерѣдко противорѣчившихъ интересамъ самого Николая Ивановича. Не говоря о томъ, что слишкомъ большая близость посторонняго человѣка къ генералу возбуждала ихъ зависть и опасенія, они въ отношеніи меня имѣли и другой поводъ нерасположенія: я былъ неостороженъ въ разговорахъ насчетъ генеральской родни, даже, быть можетъ, и самой генеральши.... Само собою, я не позволялъ себѣ какихъ-нибудь клеветъ, а самыя невинныя замѣчанія и остроты, да вообще никогда не умѣлъ маскироваться и потому считался недостаточно глубокопочтительнымъ при встрѣчахъ въ частныхъ собраніяхъ и домахъ.

Трудно, почти чрезъ тридцать лѣтъ, вспомнить подробности, служившія поводомъ къ сплетнямъ и неудовольствіямъ, да и кое-какія сохранившіяся въ памяти такъ ничтожны и пошло-провинціальны, что совѣстно разсказывать; а между тѣмъ нѣсколько такихъ пошлостей были поводомъ цѣлаго переворота въ моей службѣ. Только потому и упоминаю я объ нихъ.

Въ послѣднее время враждебность ко мнѣ проявлялась въ усиленныхъ размѣрахъ; къ родственникамъ присоединился еще какой-то старый другъ дома, докторъ Демиденко, почему-то тоже не взлюбившій меня; я же, вмѣсто того, чтобы хотя для вида выказать смущеніе, сожалѣніе, искать объясненій и примиренія, оставался совсѣмъ равнодушнымъ и, очень быть можетъ, еще подливалъ масла въ огонь, продолжая по прежнему смѣшить собесѣдниковъ анекдотами, сравненіями и т п.

Кончилось тѣмъ, что, по возвращеніи изъ Малой Чечни, Николаю Ивановичу была принесена жалоба на неуваженіе, непочтительность, невѣжливость и проч. и проч., да вѣроятно уже въ весьма настойчивой формѣ...

Начало имѣвшихъ постигнуть меня ударовъ состояло въ томъ, что, придя съ бумагами къ генералу, я встрѣтилъ въ залѣ лакея, объявившаго мнѣ приказаніе на будущее время безъ доклада не входить. Взбѣшенный грубостью формы такого распоряженія (до тѣхъ поръ я всегда входилъ безъ доклада въ кабинетъ), я ушелъ совсѣмъ, съ намѣреніемъ явиться только по требованію и объясниться съ Николаемъ Ивановичемъ. Объясненіе произошло въ тотъ же вечеръ.

— Какъ вамъ нестыдно, почтеннѣйшій, затѣвать съ бабами какія-то дрязги, показывать неуваженіе, невѣжество и проч.? Уже не говорю, что это непростительно въ отношеніи дамъ вообще, но тѣмъ болѣе въ отношеніи супруги вашего начальника. Я считалъ васъ за умнаго человѣка и не ожидалъ такихъ выходокъ.

Хотя въ тонѣ рѣчи и въ выраженіи лица Ник. Ив. ясно видно было, что онъ крайне тяготится вынужденною обязанностью *обрвать* меня, что ему досаднѣе и непріятнѣе надоѣданіе какими-то пошлостями, бабьими сплетнями, чѣмъ мои преступленія, тѣмъ не менѣе его неудовольствіе и упреки произвели весьма сильное, глубоко задѣвающее впечатлѣніе. Я очень уважалъ покойнаго Евдокимова, какъ одного изъ рѣдкихъ, могу сказать, перваго встрѣченнаго мною генерала, вполнѣ соотвѣтствовавшаго своему назначенію, истинно Кавказскаго военнаго начальника, всякимъ распоряженіемъ и дѣйствіемъ внушавшаго невольную увѣренность въ успѣхѣ всего имъ предпринимаемаго. Я гордился его расположеніемъ, выражавшимся въ нерѣдкихъ бесѣдахъ со мною, молодымъ оберъ-офицеромъ, о дѣлахъ минувшихъ и текущихъ, о его взглядахъ на наши отношенія къ туземцамъ. на наши задачи на Кавказѣ, нерѣдко даже съ откровенною оцѣнкою высшихъ Кавказскихъ дѣятелей... Все это было вовсе не похоже на обыкновенное расположеніе генераловъ къ своимъ адъютантамъ, расположеніе, такъ сказать, частно-домашнее; нѣтъ, это были особыя отношенія, для меня и поучительныя, и лестныя. Потому-то выраженное неудовольствіе смутило меня гораздо больше, чѣмъ самое громовое генеральское распеканіе, съ отправленіемъ на гаубтвахту или угрозой «Макаромъ, телятъ гоняющимъ». Я не нашелъ что̀ и сказать, хотя приготовлялъ цѣлую рѣчь, и въ оправданіе началъ бормотать что-то въ родѣ: «помилуйте, въ чемъ я высказалъ неуваженіе и т. п.».

— «Да, чертъ знаетъ, въ какихъ-то мазуркахъ, въ какихъ-то неприличныхъ движеніяхъ руками, развѣ я знаю! Однимъ словомъ, такъ нельзя», громче обыкновеннаго и съ очевидною досадою отвѣчалъ мнѣ Евдокимовъ, повернулся и сталъ уходить изъ кабинета.

Мнѣ ничего больше не осталось какъ уйти тоже. Признаюсь, я былъ сильно сконфуженъ и разстроенъ. Что дѣлать? Почему-то я рѣшился пойти къ пріѣхавшему тогда въ Грозную ген. Рудановскому (уже назначенному помощникомъ командующаго войсками Лѣваго крыла) и съ нимъ объясниться. Результатъ былъ неутѣшительный: Рудановскій зналъ уже о жалобахъ на меня; съ нимъ говорилъ объ этомъ Евдокимовъ, выразившійся, что, при всемъ нежеланіи, болѣе ничего не остается какъ разстаться со мною; но такъ какъ кстати есть важное дѣло во Владикавказѣ объ опредѣленіи личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ, то онъ намѣренъ поручить мнѣ производство этого дѣла, и такимъ образомъ я все же останусь на Лѣвомъ крылѣ.

Думалъ я отказаться отъ этого порученія и уѣхать въ полкъ, но это значило бы окончательно возбудить неудовольствіе Евдокимова, и потому я согласился.

Пришлось разставаться на время съ военными дѣйствіями, съ личнымъ участіемъ въ исполненіи важнѣйшихъ распоряженій, съ тою привычною, привлекательною сферою дѣятельности, которая тогда составляла для меня единственный жизненный интересъ.

На другой день состоялся приказъ о назначеніи дежурнымъ штабъ-офицеромъ капитана Гончарова, а мнѣ отправляться во Владикавказъ производителемъ дѣлъ коммиссіи для разбора личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ. Гончарову я не позавидовалъ, хотя самъ къ этому мѣсту прежде готовился; потому что, съ перенесеніемъ штаба во Владикавказъ, дежурный штабъ-офицеръ становился уже окончательно лишь канцелярскимъ чиновникомъ и непосредственнымъ подчиненнымъ Самоваръ-паши.

Когда я явился къ ген. Евдокимову предъ отъѣздомъ за приказаніями, онъ очевидно старался какъ бы смягчить впечатлѣніе предшествовавшаго распеканія.

— Вотъ, почтеннѣйшій, это дѣло во Владикавказѣ важное; я давно думалъ поручить его вамъ, какъ знающему туземцевъ и условія ихъ быта; отъ правильнаго разрѣшенія правъ на земли зависитъ спокойствіе въ краѣ; нужно это привести въ ясность и скорѣе окончить. По этому предмету нужно намъ подробнѣе потолковать, но теперь намъ некогда, а завтра выступаемъ въ Большую Чечню. Отправляйтесь со мною; мы тамъ, по вечерамъ, на досугѣ поговоримъ.

Движеніе въ Большую Чечню не представляло въ этотъ разъ особаго интереса. Главное занятіе было расчистка старыхъ и рубка новыхъ просѣкъ. Мы выступили изъ Грозной 1-го Ноября, заняли 2-го ч. любимую Евдокимовскую позицію Чахумбарзъ и работали на встрѣчу отряда барона Николаи, рубившему лѣсъ отъ Гельдыгена. Такимъ образомъ, кромѣ обычной дороги на Шали по Бассу, открывалось еще свободное сообщеніе параллельно, ближе къ устью Аргуна и теченію Сунжи, и изгонялись еще кое-гдѣ скрывавшіеся въ лѣсахъ небольшіе аулы. Незначительныя перестрѣлки съ непріятелемъ происходили ежедневно; одинъ разъ только горцы попытались серіозно атаковать колонну барона Николаи, подвезли на близкое разстояніе свою артиллерію и открыли огонь по работавшимъ; но быстро двинутые драгуны и казаки, за которыми слѣдовали бѣгомъ три баталіона Кабардинцевъ, бросились на непріятеля, изрубили нѣсколько человѣкъ и обратили его въ бѣгство. Упадокъ духа Чеченцевъ былъ уже въ то время на столько очевиденъ, они уже такъ убѣдились въ безсиліи Шамиля

защитить ихъ, что въ сборищѣ, дѣйствовавшемъ противъ насъ, едва-ли набиралось какихъ-нибудь двѣ сотни Чеченцевъ; Дагестанскіе же горцы. согнанные изъ-подъ палки, не имѣвшіе интереса въ Чеченскихъ дѣлахъ, принесшіе уже достаточно жертвъ на чуждое имъ дѣло, обѣднѣвшіе въ послѣдніе годы до крайности, непривыкшіе къ лѣсной войнѣ, оказывались не тѣми противниками, какихъ мы встрѣчали здѣсь прежде, или нѣсколько дней тому назадъ въ Малой Чечнѣ. Войскамъ приходилось бороться съ погодой, съ трудами и лишеніями походной жизни зимою, побѣждать топоромъ и лопатой, а боевыхъ лавровъ уже негдѣ было срывать.

Въ теченіе четырехъ дней я по прежнему состоялъ при генералѣ Евдокимовѣ, выѣзжалъ за нимъ и исполнялъ его порученія; но письменныя дѣла перешли уже въ распоряженіе начальника штаба полковника Зотова и офицеровъ генеральнаго штаба, а по хозяйственной части оставались у Грачева. По вечерамъ просиживалъ я нѣкоторое время въ палаткѣ Николая Ивановича и выслушивалъ его взгляды на дѣятельность комитета.

Послѣ соединенія съ отрядомъ барона Николаи и общей рубки лѣса у аула Эспенъ, Евдокимовъ объявилъ мнѣ, что теперь онъ двинется въ Аухъ, гдѣ будутъ строить укрѣпленіе для окончательнаго занятія этой части края, а мнѣ приказалъ отправляться назадъ съ колонной, назначенной идти въ Грозную съ больными и лишними тяжестями.

5-го Ноября я возвратился въ Грозную и на другой день выѣхалъ во Владикавказъ. Здѣсь, не теряя времени, сталъ я знакомиться съ дѣлами комитета, которыхъ оказалась уже немалая куча. Удивительна у насъ способность плодить бумажное производство! Учредятъ сегодня какую-нибудь канцелярію и, не успѣешь оглянуться, уже полны шкафы «дѣлъ»; уже бѣсъ бумагомаранія обуялъ здѣ сидящихъ, и пошла писать; а выйдетъ-ли изъ этого дѣйствительно-живое дѣло, окажется-ли результатъ для интересовъ общественныхъ, объ этомъ никто и не думаетъ: начальная идея, для воплощенія которой и создана эта канцелярія, сейчасъ же расплывется въ чернильномъ морѣ и забудется!..

Предсѣдателемъ комитета былъ генералъ-маіоръ Алексѣй Петровичъ Граматинъ, старый Кавказскій артилеристъ, служака временъ Ермоловскихъ, честнѣйшій, добрѣйшій человѣкъ, пріобрѣтшій особую извѣстность славнымъ дѣломъ въ Дагестанѣ на Гамашинскихъ высотахъ. Въ 1851 году возмутилась Табасарань, куда Шамиль отправилъ Хаджи-Мурата съ партіей мюридовъ. Командовавшій войсками въ Дагестанѣ, князь Аргутинскій-Долгорукій, двинувшись туда съ отрядомъ, оставилъ ген. Граматина съ двумя баталіонами Апшеронцевъ на Га-

машинскихъ высотахъ и одинъ баталіонъ Самурцевъ въ Казикумыкѣ, единственный резервъ для удержанія въ спокойствіи Средняго Дагестана. Съ уходомъ отряда, какъ и слѣдовало ожидать, Шамиль, собравъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, напалъ на колонну Граматина. Почтенный Алексѣй Петровичъ съ Апшеронцами поддержалъ славу старыхъ Кавказцевъ и отразилъ Шамиля съ его ордой, не взирая, что онъ превосходилъ нашихъ въ пять-шесть разъ. Потерявъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, имамъ, видя подходившій Самурскій баталіонъ, вынужденъ былъ начать поспѣшное отступленіе, не прекратившееся въ окончательное пораженіе, благодаря лишь отсутствію у Граматина кавалеріи.

Еслибы Шамилю удалось разбить Апшеронцевъ, или хоть бы только заставить ихъ бросить позицію и отступить, то въ Дагестанѣ вѣроятно вспыхнуло бы общее возстаніе, и стало бы повторяться нѣчто въ родѣ событій 1843 года; но, благодаря мужеству нашихъ молодцовъ съ одной стороны, неумѣнію Шамиля распорядиться своими массами, отсутствію въ нихъ дисциплины и отваги въ атакѣ на открытой мѣстности съ другой, неумѣнію даже задержать на дорогѣ Самурскій батальонъ,—этого не случилось, и край оставался въ полномъ спокойствіи, такъ что мы успѣли усмирить Табасаранцевъ и благополучно возвратиться. (Объ этомъ уже разсказано во II-мъ т. «Двадцати пяти лѣтъ»).

Вскорѣ послѣ этого дѣла, генералъ Граматинъ былъ назначенъ начальникомъ центра Кавказской линіи, гдѣ и оставался до преобразованій предпринятыхъ въ 1856 г. княземъ Барятинскимъ, когда, съ учрежденіемъ Лѣваго крыла, центръ (т.-е. Кабарда) былъ присоединенъ къ нему, и отдѣльное управленіе упразднено, а Граматинъ остался безъ мѣста. Генералъ Евдокимовъ исходатайствовалъ назначеніе старику состоять въ его распоряженіи и затѣмъ поручилъ ему предсѣдательство въ комитетѣ. Добрѣйшій Алексѣй Петровичъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы съ должной энергіей взяться за новое дѣло. Нужно было перечитать массу бумагъ, переговорить съ большинствомъ представителей мѣстной аристократіи и старшинами разныхъ обществъ, вообще приложить много труда, для котораго ни предшествовавшая дѣятельность, ни физическія силы, особенно ослабѣвшее зрѣніе, уже не оказывались достаточными.

Въ Дагестанѣ встрѣчалъ меня Граматинъ, но само собою не могъ тогда въ ротномъ командирѣ предполагать человѣка, на столько знакомаго съ Кавказомъ, чтобы давать движеніе дѣламъ въ родѣ опредѣленія правъ туземцевъ; да и вообще ротный командиръ и генералъ, хотя бы и такой добрякъ какъ покойный Алексѣй Петровичъ—дистан-

ція огромнаго размѣра. Однакоже, когда я явился къ нему, онъ принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ, вспомнилъ о встрѣчахъ въ Дагестанѣ и, вовсе не скрывая, заявилъ о своемъ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе полнѣйшаго незнакомства съ дѣлами комитета. Я обѣщалъ употребить возможное стараніе къ облегченію предстоявшей ему задачи, хотя тутъ же сознался, что принялъ порученіе безъ всякой охоты, что съ крайнимъ сожалѣніемъ разстался съ отрядомъ и военными дѣйствіями, что исполняю только личное желаніе генерала Евдокимова и буду очень радъ, при первой возможности, отдѣлаться отъ комитета; къ этому еще болѣе побуждало меня крайнее нежеланіе находиться хотя бы въ косвенномъ подчиненіи несноснѣйшаго Самовара-паши, имѣвшаго особую способность отравлять существованіе всѣмъ подчиненнымъ.

Я посвятилъ цѣлый мѣсяцъ разсмотрѣнію разныхъ дѣлъ и документовъ, переданныхъ въ комитетъ изъ управленій бывшаго Владикавказскаго округа и центра и пришелъ къ заключенію, что тѣмъ способомъ, какой предполагался, цѣль не могла быть достигнута. 8-го Декабря послалъ я ген. Евдокимову подробное письмо. Изложивъ вкратцѣ исторію возникновенія, еще при князѣ Воронцовѣ, такого же комитета, работы котораго остались безъ всякихъ послѣдствій и наконецъ совсѣмъ прекратились, выяснивъ совершенное различіе двухъ обязанностей, возложенныхъ на комитетъ, то есть: разсмотрѣніе и рѣшеніе различныхъ спорныхъ поземельныхъ дѣлъ въ Владикавказскомъ округѣ, и опредѣленіе личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Лѣваго крыла (обязанностей неудобоисполнимыхъ въ одно и тоже время), я предлагалъ избрать въ составъ комитета двѣнадцать почетныхъ старожиловъ всѣхъ туземныхъ обществъ и сословій, ассигновать на ихъ содержаніе достаточныя средства; производителемъ дѣлъ назначить опытнаго, дѣловаго чиновника, не временно какъ меня, а на все время, до полнаго окончанія дѣла, обезпечивъ его приличнымъ содержаніемъ и служебными видами въ будущемъ. Комитету поставить главною обязанностью: 1) опредѣлить, какія сословія и званія существуютъ во всѣхъ туземныхъ племенахъ Лѣваго крыла; 2) личныя права каждаго сословія, ихъ отношенія и обязанности къ другимъ сословіямъ или отдѣльнымъ лицамъ; 3) поземельныя права каждаго сословія, особо въ горахъ и особо на плоскости, равно и право нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, предъявляющихъ претензіи на нѣкоторые участки земель; 4) мѣстные обычаи (адатъ) при сужденіи и рѣшеніи дѣлъ между лицами разныхъ сословій; 5) составить списокъ семействамъ, принадлежащимъ къ почетнымъ (высшимъ) сословіямъ,

съ показаніемъ, на какихъ доказательствахъ основываются причисленія къ этому сословію.

Послѣ исполненія всего этого, комитетъ долженъ былъ представить свои предположенія: 1) какія права онъ полагаетъ предоставить каждому сословію порознь, личныя и поземельныя; 2) кого именно къ какому сословію причислить и 3) какъ распредѣлить земли остающіяся въ полномъ распоряженіи правительства, не смѣшивая ихъ съ землями, которыя, по несомнѣннымъ доказательствамъ, издавна принадлежатъ частнымъ лицамъ, или уже были отведены нашими же властями подъ поселенія.

По разсмотрѣніи и утвержденіи этихъ предположеній подлежащею властью, не встрѣтится уже никакихъ препятствій къ окончанію всѣхъ спорныхъ поземельныхъ дѣлъ, и цѣль учрежденія комитета будетъ вполнѣ достигнута; безъ этого же, споры, какъ уже были примѣры, рѣшаются по личнымъ усмотрѣніямъ, причемъ протекціи, разныя побочныя побужденія и злоупотребленія играютъ немалую роль; между тѣмъ, нѣтъ важнѣе государственныхъ вопросовъ, какъ аграрные: они источники благосостоянія и спокойствія, или экономическихъ бѣдствій и безпорядковъ; это уже отъ древнѣйшихъ временъ такъ было и, безъ сомнѣнія, еще долго такъ будетъ. Тѣмъ важнѣе урегулированіе аграрныхъ отношеній въ странахъ, подобныхъ Кавказу, гдѣ и безъ того достаточно элементовъ для безпорядковъ и неудовольствій среди разноязычнаго, въ большинствѣ намъ враждебнаго населенія; да и самая неувѣренность, необезпеченность во владѣніи землею, съ которой ежедневно человѣкъ могъ ожидать сгона, толкала его, отъ природы склоннаго къ хищничеству туземца, къ полукочевой, разбойнической жизни.

Въ заключеніе моего письма, я просилъ ген. Евдокимова назначить безъ промедленія постояннаго производителя дѣлъ комитета, такъ какъ я, по состоянію моего здоровья, вскорѣ долженъ буду просить о продолжительномъ отпускѣ. И дѣйствительно, кромѣ нежеланія заниматься канцелярскимъ дѣломъ, я въ то время уже сталъ все чаще и сильнѣе ощущать тѣ болѣзненныя явленія, которыя и привели меня впослѣдствіи къ глухотѣ и къ печальной необходимости отказаться и отъ службы, и отъ всякой общественной дѣятельности.

Какія послѣдствія имѣло письмо мое и вообще что сталось съ комитетомъ, послѣ моего скораго отъѣзда изъ Владикавказа, мнѣ неизвѣстно. Помню только, что, еще до выѣзда, служившіе въ штабѣ офицеры передавали мнѣ, что мое письмо было прислано г. Рудановскому, который дѣлалъ на немъ различныя примѣчанія, изощряясь при этомъ въ остроуміи такого сорта: противъ моихъ заключитель-

ныхъ словъ о болѣзни и отпускѣ, онъ написалъ «убоявся премудрости, обратился вспять», чѣмъ вызвалъ весьма веселое настроеніе всѣхъ штабныхъ писарей.

Во всякомъ случаѣ сдѣланныя мною въ 1857 году указанія кажутся не потерявшими нѣкотораго значенія и до сихъ поръ. Вообще, перечитывая всѣ писанныя тогда по разнымъ предметамъ записки, съ понятнымъ всякому самодовольствіемъ, прихожу къ убѣжденію, что взгляды мои были небезосновательны и, быть можетъ, многое еще и теперь могло бы подлежать обсужденію. Я большею частью затрогивалъ вопросы, вѣчно насущные во всякой странѣ, а на Кавказѣ составляющіе, такъ сказать, азбуку всего управленія: поземельный, о путяхъ сообщенія, о разумной администраціи, примѣненной къ мѣстнымъ условіямъ, объ учрежденіи школъ, о поддержаніи христіанства, гдѣ оно еще сохраняло свои основанія и т. п. Вѣдь едва ли и въ настоящее время на Кавказѣ все уже въ этихъ отношеніяхъ сдѣлано. Если да, то, конечно, можно почить на лаврахъ; но если нѣтъ, что вѣроятно ближе къ истинѣ (судя по тому, въ какомъ положеніи всѣ эти вопросы еще во всей Россіи находятся), то, повторяю, и теперь еще многое изъ тогдашнихъ моихъ указаній едва ли устарѣло.

Н. С. СОХАНСКАЯ (КОХАНОВСКАЯ).

(† 3 Декабря 1884).

Надежда Степановна родилась 17-го Февраля 1825 года отъ брака Степана Павловича Соханскаго съ Варварой Григорьевной Лохвицкой. Надежда Степановна рано лишилась отца и была воспитана своей матерью, женщиной высокихъ душевныхъ качествъ и глубоко религiозной.

По девятому году Надежду Степановну отдали въ Харьковскiй Институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ она и окончила ученiе съ шифромъ. Вся жизнь покойной Надежды Степановны, начиная съ институтской скамьи, есть тернистый путь. Многiе не выдержали бы такихъ тернiй, но тутъ эти тернiи были лишь гранильнымъ камнемъ для той замѣчательной ясности и бодрости душевной и невыразимо-искренняго сочувствiя всякому горю, которыми Н. С. отличалась. У Варвары Григорьевны, кромѣ Н. С., было еще два сына, которымъ по тогдашнему понятiю слѣдовало дать большее образованiе нежели дочери; имѣнье же давало самый малый доходъ, такъ какъ лежало далеко въ глуши. Посему въ Институтѣ у Н. С. часто не было ни книгъ, ни тетрадей, а уже о подаркахъ властямъ нечего было и думать. Какъ жилось ей тамъ, можно себѣ представить; но и изъ этого горя она съумѣла выйти стойко и съ пользой: она прiучила себя къ усидчивому труду. Послѣ Института ее, пытливую, живую, полную священнаго огня зарождающагося таланта, ожидала жизнь въ глухой, степной деревушкѣ безъ людей, безъ книгъ, безъ пера, безъ бумаги и безъ копѣйки денегъ. Всего, что̀ называется молодостью, покойная не знала. Весь домъ приносился въ жертву братьямъ, и она должна была покоряться такому порядку вещей; иначе на нее смотрѣли удивленно и строго. Первые свои литературные опыты покойная писала на старинныхъ синихъ рапортахъ покойнаго своего отца (ротмистра и вмѣстѣ казначея). Насмѣшки родныхъ встрѣтили этотъ молодой трудъ, и нужна была твердая душа покойной, вся ушедшая въ Бога и самоё себя, чтобъ не пасть духомъ, не замолкнуть на вѣки. Люди давали ей тернiя—Господь не допускалъ ихъ уязвлять

ее. Она шла впередъ и впередъ. Напечатались ея первыя произведенія, хотя и тутъ произвольное сокращеніе редакторомъ ея повѣсти „Любила“ глубоко потрясло ее, такъ какъ она писала не потеперешнему для денегъ, но жила жизнью своихъ героевъ, они были ей близки и дороги. Наконецъ, покойный Петръ Александровичъ Плетневъ (благоговѣть предъ памятью котораго она выучила даже свою молодую родственницу; единственную оставшуюся ей при концѣ ея жизни) протянулъ ей, какъ и Пушкину и Гоголю, свою щирую руку литературной помощи. Ее звали въ Петербургъ, и можно себѣ представить, какъ хотѣлось ей поѣхать туда, чтобы хотя словомъ перекинуться, такъ какъ дома не было никого и никого! Литературный заработокъ давалъ уже на это средства; но послѣдній оставшійся братъ ея (другой былъ убитъ въ войну 1849 года) протратилъ деньги данныя ему для уплаты процентовъ заложеннаго имѣнья. (Покойная Варвара Григорьевна поручилась за одного своего стариннаго друга и знакомаго, онъ оказался несостоятельнымъ, и она должна была заложить свое имѣнье). Надежда Степановна спокойно подошла и подала свои деньги: „заплатите, маменька“.

Этими простыми словами она на долгіе годы отдалила исполненіе своей мечты и такъ отблагодарила за смѣхъ, равнодушіе и насмѣшки. Господь воздалъ ей все! Въ 1862 году она была въ Петербургѣ по желанію покойной Государыни Маріи Александровны, удостоилась личныхъ аудіенцій и даже подарковъ: броши и двухъ иконъ, собственноручно пожалованныхъ покойной Государыней. Дальнѣйшая жизнь дала ей все, что не додала прежде: средства (такъ какъ и послѣдній братъ умеръ), имя и полнѣйшее, глубочайшее уваженіе всякого, кто только зналъ покойную. Я полагаю, что всякому, кто не только зналъ ее, но лишь встрѣчалъ, долженъ былъ врѣзаться въ память и запечатлѣться замѣчательно-свѣтлый образъ ея, всегда бодрой, энергичной, полной силъ душевныхъ и непризнававшей словъ: хандра, апатія, усталость жизни. Много нужно имѣть, чтобы такъ сильно и прочно привязывать къ себѣ людей. Ни лукавства, ни хитрости, ни компромиссовъ не знала ея душа, чистая, какъ стекло. Она была всегда одинакова, слово ея было вѣрно, она неуклонно шла путемъ долга, чести и совѣсти глубоко строгой къ самой себѣ. Она такъ выдавалась даже изъ избранныхъ, она такъ высоко стояла въ нравственномъ смыслѣ величія своего духовнаго, внутренняго *я*, что всякій, кто ее близко зналъ, чувствуетъ потерю невозвратную, утрату незамѣнимую. Каждая строчка ея письма, гдѣ она надежно и мягко протягиваетъ свою крѣпкую руку нравственной помощи, будетъ, я полагаю, храниться всякимъ, какъ святыня: такъ много давали и дѣлали живыя слова ея замѣчательно-отзывчивой души. Слова о зернѣ пшеничномъ „аще не умретъ, не принесетъ многа плода“ сказаны объ такихъ, какъ она. И должно думать, что ея друзья внесутъ свою лепту ея памяти, и покойная своей смертью принесетъ этотъ Евангельскій „плодъ многъ“.

Смерть, столь ужасная и трепетная для многихъ, изумительно безтрепетно ожидалась покойной. Въ Январѣ 1883 года она цвѣла силой и юношескимъ здоровьемъ. Въ Мартѣ того же года она простудилась на похо-

ронахъ своего стараго почти 80-ти-лѣтняго старика-слуги. Въ Октябрѣ лѣчилась она въ Москвѣ у г-жи Пружанской и потомъ гомеопатіей отъ внутренняго рака; но настоящую болѣзнь, не знаю, опредѣлили ли доктора. Боль и страданія послѣдняго времени были очень мучительны, но переносились съ полнымъ христіанскимъ смиреніемъ.

При первыхъ приступахъ болѣзни покойная заказала себѣ въ Харьковѣ чугунный крестъ, при себѣ его поставила на родовомъ кладбищѣ въ саду, освятила его, указавъ кому и какъ ее хоронить. Приготовила парчи, конверты съ платой тремъ священникамъ (всегда священнодѣйствовавшимъ въ ея домѣ при соборованіи масломъ, панихидахъ и прочихъ требахъ), даже сама разрѣзала платки и обернула свѣчи, осмотрѣла свое смертельное платье, безтрепетно распорядилась всѣмъ и по имени назначила кому изъ старухъ-крестьянокъ, которыя были преданы своей барышнѣ трогательной старой преданностью, сидѣть около ея тѣла. Спокойно, съ своей всегдашнею дѣловитостью распорядившись земными дѣлами, она, принимая Св. Тайны еженедѣльно, все же, почувствовавъ себя хуже, еще причастилась и, слушая чтеніе Псалтыря, тихо отошла къ Господу, вѣра ея въ Котораго была столь крѣпка, какъ вѣра первыхъ христіанъ. Господь былъ упованіе ея отъ юности, какъ говорится въ ея любимомъ псалмѣ Давида, и дѣйствительно сталъ ей „помощникъ крѣпокъ". Изъ глухой деревушки она возвысилась до уваженія самой Государыни и до непреходящей, незабываемой любви всѣхъ, кто ее зналъ.

Рѣдко кто изъ писателей и людей бываетъ такъ вѣренъ своему слову и дѣлу. Ея слово было дѣло, и средины между ними не было. Над. Ст. была такой обаятельно-прекрасной души и столь высокихъ качествъ ума и сердца, что и все сказанное здѣсь не можетъ дать яснаго понятія о этой рѣдкой изъ рѣдкихъ.... Кромѣ добра она ничего не сдѣлала и кромѣ хорошаго ничего не оставила. Царство ей небесное и вѣчная-вѣчная память.

Автобіографическое письмо Н. С. Сохансвой къ Петербургской пріятельницѣ.

Ноября 3, Суббота, 1851. (Хуторъ Макаровка).

Вы меня знаете, знаете мою жизнь; но, безъ сомнѣнія, вамъ никогда не приходилось подумать—да и не для чего было?—какъ отозвалась на мнѣ эта моя безрадостная жизнь и какую основу положила она въ моемъ характерѣ? Я разскажу вамъ, моя добрая.

Вы помните, какой бѣдной, загнанной дѣвочкой росла я въ Институтѣ? Богъ съ ними — тѣ дѣтскія слезы и нерадости прошли, да слѣды ихъ остались. О, какъ осторожно должны мы поступать съ ребенкомъ! Бѣдное дитя, что приняло оно въ свои юныя впечатлѣнія, оно приняло его на всю жизнь. Меня загнали, запугали, едва десятилѣтнюю дѣвочку уединили въ самоё себя. Какъ не ожесточили мнѣ

моего дѣтскаго, бѣднаго сердца, про то Богъ знаетъ—это чудо Его. Но во мнѣ убили всякую свѣтлую безпечность молодаго чувства, убили живой, порывающійся, этотъ прекрасный голосъ разцвѣтающихъ силъ, ищущій сообщаться, высказывать дѣтскимъ беззаботнымъ лепетомъ ясную, дѣтскую душу... Что́ можетъ быть грустнѣе этого? Меня сдѣлали не по лѣтамъ серьезною, робѣющею, недовѣрчивою къ самой себѣ. Что̀ это? привыкла я задавать себѣ внутренній, торопливый вопросъ при малѣйшемъ явленіи, которое бы могло коснуться меня.

У меня съ дѣтства не было друга. Въ нашемъ Институтѣ, какъ-то вопреки всѣмъ непреложнымъ правиламъ, не въ ходу была эта мечтательная дружба молоденькихъ дѣвочекъ, какъ извѣстно, начинающаяся съ конфектъ и съ подсказыванья уроковъ. Мы даже смѣялись надъ нею, и слово *другъ* не значилось въ ходячемъ нашемъ лексиконѣ. Мы дѣлились на маленькія общества, по пяти и болѣе, и это называлось «быть хорошо и очень хорошо съ такою-то и такою-то». У меня было такое общество, и я могу съ милымъ, немного горделивымъ воспоминаньемъ сказать, что въ немъ было все, что̀ было лучшаго, что̀ своимъ характеромъ или живымъ, молоденькимъ умомъ выходило изъ общаго уровня. Ce sont des beaux esprits! съ насмѣшливой досадой называла насъ дама. Но вмѣсто bel esprit, котораго у меня никогда не было и нѣтъ, во мнѣ таилось сжатое, немного грустное чувство тихой нѣжности: мнѣ было мало и вмѣстѣ слишкомъ много этого блестящаго, избраннаго общества; мнѣ нужно было потѣснѣе, нераздѣльнѣе соединиться съ кѣмъ-нибудь.

Съ перваго класса еще я привязалась къ маленькой Лизѣ Б—ской. Отцы наши когда-то служили вмѣстѣ, были искренними друзьями. Я разъ видѣла Лизу въ Институтѣ, въ толпѣ чужихъ. Это было мнѣ, хотя одно немного знакомое личико; мы одинаково воспитывались на сумму Военнаго Поселенія, почти въ одинъ день поступили въ Институтъ; я еще и теперь, какъ сейчасъ, вижу ея вишневый газовой платочекъ. Все это, казалось, обязывало меня къ чему-то исключительному въ отношеніи Лизы. И я горячо полюбила ее, со всею дѣтской преданностію, какъ родную сестру и тѣмъ болѣе, что у меня никогда не было сестры. Три года, если не всѣ четыре, я любила ее, даже не разбирая, не стараясь узнать, любитъ-ли она меня. Я ее одѣвала, ухаживала за нею, разсказывала ей сказки, потомъ писала стихи, отдавала ей свой полдникъ, когда она бывала наказана; она училась прекрасно, но все же я помогала ей... И любила-ли она меня? Она стала мнѣ завидовать. Бѣдная Лиза! Въ ней мнѣ суждено было испытатать то, что̀ называется вѣроломнымъ другомъ. Она хитрила противъ меня, затѣвала маленькія козни; хотя бы открыто пос-

сорилась со мною—никогда! Когда я теперь посужу, какой это былъ въ высшей степени скрытный, тайно-гордый, независимый характеръ! Кромѣ меня, никто особенно не любилъ ее. Кажется, у нея не доставало духу открыто разорвать со мною связь; она предоставляла это мнѣ и ошибалась. Я была слишкомъ нѣжна и, можетъ быть, горда, чтобы дойти до упрека и выговоровъ той, которую я пять лѣтъ такъ исключительно, заботливо, такъ много любила! Я молчала и не хотѣла показать вида, что знаю что-нибудь. Наконецъ, она явно и тайно поступила со мною до того неблагородно, что я, не краснѣя, не могла взглянуть на нее; мнѣ стыдно было за мою Лизу. Я почти не чувствовала обиды, такъ мнѣ грустно и больно было за нее. Я, кажется, плакала; во мнѣ родилась къ ней неизъяснимая, я не могу передать вамъ, какая-то глубоко-нѣжная жалость, исключавшая не только всѣ упреки и выговоры, а напротивъ побуждавшая искать угождать ей. И я чувствую, что она возненавидѣла меня. У нея была привычка ломать руки, и ея тоненькіе пальцы хрустѣли по всѣмъ суставамъ, когда она нечаянно встрѣчалась со мною глазами... И такъ мы разстались: молча, безъ укоризны, не поссорившись и не помирившись—такъ, Богъ знаетъ какъ.

Была еще у меня тихая радость, моя бѣленькая Софи. Она любила меня почти также, какъ я любила Лизу. Какое это было доброе, простое, безхитростное созданіе! Милая моя (ея уже нѣтъ на свѣтѣ!), какъ она изящно дѣлала бантики, съ какой великой мудреностью вязала всевозможные кошельки. У нея была своя доля таланта и, право, не самого ли лучшаго, потому что съ нимъ незнакомы эти тоска и мука сомнѣнья. За что-то Софи сильно полюбила меня; а я любила ее за ея любовь. Для меня не было бо̀льшаго удовольствія, какъ въ свободное отъ учителей время, вечеркомъ, пробраться къ Софи, положить къ ней на колѣна голову и такъ выучивать мои уроки. Но я напрасно старалась передать ей изъ нихъ что-нибудь; я твердила, твердила, объясняла всѣми доступными мнѣ средствами и оставалась въ недоумѣніи, какъ это непонятно ей то, что̀ мнѣ кажется яснымъ, какъ день. Вы поймете, чего не доставало мнѣ въ Софи: мой маленькій внутренній міръ, его предощущенія, стремленія—все, что̀ такъ живо меня затрогивало и чѣмъ-то невидимымъ обступало, все это было не ея, не бантики милой моей, бѣленькой Софи.

Но это сочувствіе себѣ во всемъ, отвѣтную искру на искру моей молоденькой души я находила въ живой блестящей, восторженной Сиверской. При одномъ этомъ имени у меня свѣтлѣетъ въ памяти, и все будто разступается, чтобы дать просторъ этому прекрасному вѣющему поэзіей образу. Представьте себѣ молоденькую музыкантшу, кото-

рой учители музыки отказываются давать уроки: она читаетъ ноты какъ я книгу; дайте ей услышать за стѣною какую угодно музыкальную пьесу, она садится за фортепіано и повторяетъ вамъ съ начала до конца, по одному слуху, цѣлыя варіаціи Черни. Магдалина съ большими темно-сѣрыми глазами, такими же прекрасными, какъ обыкновенно рисуютъ у Маріи Магдалины; взглядъ чудесно-выразительный, блестящій, гордый и голосъ—скажу чьими-то стихами

Голосъ сладкій, какъ мечта.

Насъ что-то, почти противъ нашей воли, влекло другъ къ другу. Въ саду, въ рекреаціонной-ли залѣ, мы не условливались сходиться вмѣстѣ никогда, а между, тѣмъ какъ-то нечаянно, мы всегда встрѣчались лицомъ къ лицу, не безъ маленькой улыбки протягивали другъ къ другу руку и оставались надолго вмѣстѣ. Еслибы мнѣ пришлось изображать когда-нибудь раннюю пору, еще едва розовую почку почти безсознательной любви молодыхъ людей, я бы имѣла готовыми и тонко-прочувствованными всю эту тихую предупредительность, нѣжность, несказанное удовольствіе быть вмѣстѣ, эти такія милыя, нежданныя встрѣчи! Мы любили другъ друга и, какъ настоящіе влюбленные, таились произнести: «Chère, я люблю тебя». Кажется у насъ къ тому были свои обоюдныя причины. Не даромъ такъ блестѣли и часто очень гордо вспыхивали сѣрые орлиные глазки чудесной Магдалины: ей нужна была воля, тѣсна была для нея наша клѣтка; ей хотѣлось, немножко пробуя свои силы, покорить меня, узнать, не поддамся-ли я ей, моей милой. Вѣдь и въ дружбѣ, какъ въ любви, есть свои рабы, это извѣстно. Но инстинктъ нравственнаго самосохраненія у меня очень живъ. Я не наступаю, но защищаюсь твердо. Эти маленькія попытки, гдѣ не было ни побѣдителя, ни побѣжденнаго, иногда разъединяли насъ на цѣлыя недѣли; но здѣсь-то мы болѣе всего видѣли, какъ мы любили другъ друга и что наша ссора совсѣмъ не то, что̀ ссоры у всѣхъ. Она даже не выражалась словами, а одной маленькой улыбкою и затѣмъ молчаніемъ. Но тутъ же сейчасъ какихъ угожденій не изыскивали мы одна другой! Доставала-ли я новую книгу, я садилась ее читать такимъ образомъ, чтобы Магдалина, не показывая вида, что слушаетъ, могла хорошо слышать ее и, въ свою очередь, я была увѣрена, что въ сумерки услышу свои любимые романсы, свои фаворитныя пьесы, пропѣтыя и разыгранныя съ такимъ одушевленіемъ, что всѣ восхищаются. Чуть начинаетъ брежжится свѣтъ, я думаю, какъ бы поскорѣе встать и тайкомъ переписать ей большой урокъ или сдѣлать трудный переводъ; опускаю руку въ карманъ и нахожу его полонъ конфектъ! Когда это могло быть сдѣлано? Ночью; и для этого

нужно было не спать часу до двѣнадцатаго.... О, какъ мы грустно и съ какимъ добрымъ поцѣлуемъ разстались, и навсегда! Намъ это было такъ естественно, что мы будемъ писать одна къ другой, что мы забыли запастись адресами....

Простите, я злоупотребляю вашимъ терпѣніемъ, разсказывая вамъ и такъ долго, и что же? Институтскія связи, свои ребяческія подобія дружбы. Но, по выходѣ изъ Института, я лишилась и того. Вы знаете, какое обступило меня одиночество, безучастіе, отсутствіе всякаго сочувствія. Какъ-то совѣстно (не говоря уже, какъ оно грустно) сказать: что вотъ столько лѣтъ, и я еще не знаю вполнѣ дружескаго пожатія руки; ни одного ошибочнаго раза мнѣ не довелось поговорить задушевно, довѣрчиво, разстегивая пуговицу у самаго горла и зная, что меня на половину поймутъ и хотя на третью долю отвѣтятъ.

Вы не повѣрите, какихъ тяжелыхъ усилій стоитъ мнѣ это письмо! Сколько разъ я надъ нимъ останавливалась; я не умѣю, не привыкла, не знаю, какъ это говорятъ о себѣ съ довѣрчивостію, съ увѣренностію, что васъ выслушаютъ и не поскучаютъ разсказомъ.... Я всегда такъ уединена, съ дѣтства такъ запугана и не ободрена жизнью. Вамъ недоступно это, что значитъ привыкнуть молчать и когда немного весело, и когда на душѣ до слезъ горько. Я даже предъ Богомъ, въ самыя жаркія минуты, становлюсь только на колѣна, наклоняю Ему свою голову и оставляю, пусть Онъ Самъ, Милостивый, читаетъ въ душѣ и въ слезахъ моихъ.... Судите же, какъ все малѣйшее, что даетъ надежду выйти изъ этого недолжнаго человѣку одиночества, какъ оно живо чувствуется, и подвигается ему на встрѣчу вся душа.... Но я уже сказала вамъ, что меня еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ лишили свѣтлой безпечности чувства. Что это? задаю я себѣ невольно-пытливый, торопливый вопросъ.... Такой вопросъ я задала себѣ при первомъ вашемъ письмѣ. Что это? перевертывала я хорошенькій листикъ и перечитывала его нѣсколько разъ. Изящная вѣжливость свѣтской дамы.... И полагаю, какъ должны быть неловки, никуда годны мои письма къ вамъ, ставившія меня въ крайнее затрудненіе. Я готова была поребячески броситься вамъ на шею, за каждое ваше ласковое слово наговорить вамъ безсчетно ихъ, наболтать вамъ всего дѣльнаго и бездѣльнаго, и останавливалась, понимая, что на свѣтскую вѣжливость должно отвѣчать такой же посильной вѣжливостію, а высказывать чувство-оно смѣшно, да и не нуждаются въ немъ. Но что ни дальше, при каждомъ вашемъ маленькомъ письмецѣ, мнѣ становилось невыносимѣе подбирать эти вѣжливыя фразы, къ которымъ я не сродна и не умѣю ихъ; да и гдѣ мнѣ поучиться имъ? Я могу говорить только, что чувствую.

Мое послѣднее письмо къ вамъ, это—верхъ нелѣпости. Я должна была благодарить васъ за Іосифа Флавія и, кажется, даже поименовала васъ своею покровительницею—нѣтъ, нѣтъ! У меня вертѣлось и просилось подъ перо другое, горячее слово; а сдѣлать изъ васъ свою оффиціальную покровительницу — никогда! Я колебалась, не знала, какъ рѣшиться настояще мнѣ говорить съ вами, и въ словахъ моихъ выходилъ несодѣянный вздоръ. Но теперь я вотъ рѣшилась.

Я получила ваше послѣднее письмецо и, простите меня, я у васъ спрашиваю: что̀ это? Все это время, съ самаго лѣта, я была страшно больна душою, я совершенно изнемогла отъ мучительныхъ сомнѣній; все что́ было моего—я сама—и въ себѣ я разувѣрилась. Мнѣ именно нужна была помощь нѣжнаго, ласковаго друга, который бы словомъ любви и участія возстановилъ и оживотворилъ меня. Я получила ваше письмо—и вѣрьте Богу, что заплакала. Вы хотите моего далекаго, милаго вамъ отзыва, посылаете мнѣ книгу; наши сношенія съ вами, своей прекрасной идеальностью, кажутся вамъ похожими на что-то изъ другаго міра; вы сообщаете мнѣ о своей семейной радости; надѣетесь, что я люблю васъ, хотя за то только, что не видала (по вашей остроумной системѣ, очень обидной для зрячихъ, что будто слѣпые и, по аналогіи, не видавшіе другъ друга любятъ нѣжнѣе); наконецъ, вы говорите, что хотя оно и невозможно, а вамъ бы хотѣлось писать ко мнѣ всякій день и разсказывать все, что̀ до меня и не до меня касается, и прибавляете: мало ли сновъ бываетъ на яву?... Но объясните же мнѣ этотъ чудесный сонъ, что́ это такое? Неужели только слова, слова! Можно играть словами; но какая же надобность играть со мною? Какія права̀ вы даете мнѣ этимъ? Не должна ли я, уже по тому самому, чтобы не обидѣть прекрасныя уста, которыя произносятъ эти слова, повѣрить имъ хотя на половину? И что же, если я вѣрю, если я готова всѣмъ сердцемъ своимъ вѣрить имъ: какъ иначе я должна смотрѣть на васъ, какъ не на своего милаго, нѣжнаго, предобраго друга? Не должна ли я подумать, что вы хотите подарить меня своей *невидимою*, т.-е. самою завидною, нѣжною дружбою?... Скажу откровенно, чтобы уже высказать все. Частичка вашего участія и сочувствія, немногаго расположенія ко мнѣ должна же имѣть какое-нибудь имя, что-нибудь опредѣленное, если она не ничто? Покровительства вашего позвольте мнѣ не надѣяться. Когда я смотрю на ваши черты и всматриваюсь въ нихъ, я понимаю, что вы ангелъ-утѣшитель вашего мужа, вашей болѣзненной матери, вашихъ сестеръ и, можетъ быть, мало ли еще кого. Если вы захотите, вы будете и моимъ ангеломъ, вѣющимъ на меня поэзіею, отрадою и одобреніемъ; но облечь васъ въ аттрибуты высоко-покровительствующей мнѣ особы...

Я читала, не помню какую-то преглупую переводную повѣсть, но я запомнила одну фразу: «Ты бѣденъ, будь же гордъ». Я страшно боюсь покровительственныхъ особъ, и я слишкомъ дика для ихъ посеребренной уздечки; я чувствую, что могу быть привязана къ вамъ чѣмъ-нибудь получше милостиваго покровительства....

Я кончила. Вотъ, что̀ я хотѣла сказать и попросить васъ объяснить мнѣ: что̀ такое ваши, смущающія и радующія меня, письма? Не правда ли, какъ все это рѣзко, неожиданно, какъ оно дышетъ степью? Но что̀ дѣлать? Я долго сбиралась и, наконецъ, рѣшилась; а во всякой рѣшимости есть необходимо что-то жесткое. Но тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ и съ желаніемъ, чтобы слова мои были мягки и нѣжны, какъ чувство, говорящее ими, я цѣлую васъ тѣмъ дважды нѣжнымъ поцѣлуемъ, о которомъ вы писали, чтобы я переслала вамъ, за то, что вы захотѣли подѣлиться со мною своей семейной радостію.

Итакъ вотъ вы теперь въ семьѣ своей родной, милая и нѣжная, озабоченная, которая не знаетъ, какъ бы равнѣе раздѣлить свою любовь между больною маменькою и своимъ несравненнымъ другомъ, и которую всѣ не знаютъ, какъ достаточно надѣлить любовью. Знаете ли, какъ я называю васъ? Антигоною.... И нельзя ли, милая, новая Антигона, когда вы когда-нибудь тихо и приникающимъ ангеломъ наклонитесь къ подушкамъ вашей страждущей маменьки, прошептать ей, что очень издалека ее привѣтствуютъ, поздравляютъ ее съ этимъ сокровищемъ дочери, которая вотъ склонилась надъ нею въ сіяньи своей тоскующей любви.... Ахъ, скажите ей въ высокое утѣшеніе, что столько людей готовы молить: «Господи, дай муки, но дай любви!» И Господь будто не слышитъ ихъ?...

А что такое ваши письма?...

Ваша преданная **Надежда Соханская.**

ЗА БОГОМЪ МОЛИТВА НЕ ПРОПАДАЕТЪ

(истинное происшествие).

Въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія, въ селѣ *Савцинѣ* (Тверской губерніи, Кашинскаго уѣзда), принадлежавшемъ нѣкогда знаменитому Петровскому фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву, былъ мужичокъ, который любилъ постоянно посѣщать храмъ Божій, не оставляя притомъ и своего крестьянскаго хозяйства, за что и былъ уважаемъ своими односельчанами, хотя они въ шутку и прозвали его «монахомъ». Жена Прокопія, Дарья была женщина простая и добрая, чтившая своего мужа, за его христіанскую жизнь, за то, что онъ «живетъ по Божью». У нихъ было трое сыновей: два взрослыхъ и одинъ мальчикъ. Съ ними въ одной семьѣ жилъ братъ Прокопія, женатый, но бездѣтный.

Въ одинъ изъ частыхъ тогда рекрутскихъ наборовъ взяли въ солдаты, старшаго сына, Исаію; а черезъ годъ или два забрили лобъ и второму, Егору. Мать не вытерпѣла, стала плакать и убиваться, ропща на Бога и на начальство. Прокопій тоже не былъ равнодушенъ къ семейному горю, но крѣпился и молчалъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и прикрикнетъ на жену: «Ну, что разревелась, молись лучше Богу! Онъ научитъ, что дѣлать!» Но видя, что горе жены не уменьшается, а напротивъ все возрастаетъ, Прокопій въ одинъ день сказалъ женѣ: «Ну, слушай Дарья, чѣмъ ныть да выть, лучше ступай прямо къ Царю, проси у него милости, а я дамъ тебѣ денегъ на дорогу». Дарья, обрадованная такимъ рѣшеніемъ мужа, слову котораго она вѣрила безпрекословно, тутъ же повалилась ему въ ноги. «Спасибо тебѣ, голубчикъ, будь по твоему; пойду къ Царю и выпрошу у него Егорку, во что бы то ни стало! А денегъ на дорогу дашь?» — «Сказалъ, что дамъ», отвѣчалъ Прокопій; «а если дѣла не сдѣлаешь, лучше мнѣ и

на глаза не показывайся». Затѣмъ выправилъ онъ ей въ Волостномъ Правленіи паспортъ и далъ совѣтъ у кого остановиться по приходѣ въ Питеръ, гдѣ, къ слову сказать, зимою всегда было довольно Кашинскихъ мужичковъ въ легковыхъ извощикахъ. Дарья успокоилась, собрала котомку, получила отъ мужа десятокъ-другой рублей на дорогу, помолилась въ своей сельской церкви и отправилась въ путь, окриляясь надеждой на Бога и на молитвы своего благочестиваго мужа.

Придя въ Петербургъ, она отыскала указаннаго ей Прокопіемъ знакомаго мужичка-извощика и, приставъ у него, разсказала ему цѣль своего прихода, а чрезъ него и чрезъ другихъ земляковъ узнала о мѣстѣ и часѣ прогулки Государя Императора Николая Павловича (на Адмиралтейскомъ бульварѣ).

Когда провожавшіе ее на мѣсто предлежавшаго ей подвига указали ей, что вотъ, молъ, идетъ Царь, Дарья смѣло пошла ему на встрѣчу, дойдя до него, стала на колѣни, и держа его за ноги и обливаясь слезами, начала свои мольбы: «Батюшка-Царь, смилуйся, отдай намъ назадъ Егорку; довольно тебѣ и Исайки, отдай намъ Егорку». Государь, видя простоту и слезы просительницы, сжалился надъ нею и сталъ ласково увѣщевать ее встать и разсказать ему «толкомъ», чтò ей надобно. Дарья не вдругъ послушалась и твердила: «Батюшка Царь, помилуй, отдай намъ Егорку; а то Прокопій меня прибьетъ, ей Богу, прибьетъ». Наконецъ, успокоясь немного, она стала отвѣчать на вопросы Государя: «Откуда ты?»—«Кашинская, батюшка, изъ Савцина».—«Кто такой Егорка?»—Сынъ, батюшка, родной сынъ. Позапрошлой годъ взяли въ некруты Исайку, а нонѣ и Егорку; остался одинъ мальчонокъ: пропали мы, родной; кто насъ кормить будетъ?» и снова, заливалась слезами, упала Царю въ ноги.

Несмотря на безъискусственную форму просьбы, Николай Павловичъ, своею рыцарски-отзывчивой на все высокое душою, понялъ, что онъ на этотъ разъ имѣетъ дѣло съ глубокою, какъ Океанъ-море, по народному выраженію, скорбію женщины-матери, съ такою скорбію, которой, по истинной вѣрѣ Русскаго человѣка, могутъ помочь лишь Богъ, да его образъ на землѣ—Царь.

Онъ приказалъ женщинѣ слѣдовать за собою и, возвратясь во дворецъ, велѣлъ дежурному флигель-адъютанту отобрать у просительницы подробную справку и *немедленно* исполнить ея просьбу, а успокоившейся Дарьѣ сказалъ: «Ступай, тетка, домой; черезъ двѣ недѣли Егорка вернется къ вамъ». Затѣмъ спросилъ: паспортъ есть?—«Какъ же, батюшка, отвѣчала Дарья, есть, есть, вотъ тутъ за пазухой!»—«А деньги есть?—«Есть, батюшка, есть: Прокопій далъ, два рубля

осталось». Царь улыбнулся и, подавая ей 25 р. бумажку, сказалъ: «Вотъ тебѣ на дорогу, молись за меня Богу!»

Обрадованная Дарья, сообщивъ подробное свѣдѣніе о своей просьбѣ, черезъ нѣсколько дней отправилась домой. Придя въ Савцино, она передала мужу и односельчанамъ, какъ она была у Царя, и что онъ, батюшка, обѣщалъ ей, что недѣли черезъ двѣ Егорка будетъ отпущенъ домой. Прокопій, зная жену, принялъ разсказъ ея къ сердцу; а односельчане, хотя и слушали Дарью съ любопытствомъ, но все еще сомнѣвались, не подшутили ли надъ нею ихъ ребята. Но когда, недѣли черезъ двѣ, Егорка точно вернулся домой, въ Савцино, общей радости и восторгамъ не было конца: плакали, благодарили Бога, честили Царя, и разсказъ объ этомъ событіи понесся далеко по всей Россіи, какъ опроверженіе пословицы: «до Бога высоко, до Царя далеко», и какъ подтвержденіе сказаннаго въ писаніи: «невозможное отъ человѣка возможно отъ Бога». «Вотъ и Прокопій», говорили въ Савцинѣ, «не даромъ мы обозвали его монахомъ, такъ вымолилъ у Бога себѣ милость, да и такую, какой не удастся получить никому, безъ бумагъ Московской волокиты. Слава батюшкѣ Царю, многая ему лѣта!» Слова эти раздавались тогда не въ одномъ Савцинѣ, а и далѣе, по всѣмъ окрестнымъ городамъ и весямъ.

Разсказъ этотъ записанъ со словъ уроженца села Савцина, который лично знаетъ Егорку. Егорка живъ еще доселѣ, женатъ, живетъ хорошо и домовито, будучи доволенъ своею судьбою.

Сообщилъ **А. Леонидъ.**

МНѢНІЕ ДЕКАБРИСТА БАРОНА РОЗЕНА ОБЪ ЭСТЛЯНДСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

Въ числѣ личныхъ моихъ бумагъ за время управленія Эстляндскою губерніею (1868—1870), при недавнемъ пересмотрѣ ихъ, оказалась собственноручная записка барона Андрея Евгеньевича Розена (Декабриста), озаглавленная: „Частное мнѣніе Эстляндскаго помѣщика по дѣлу общественному“ и помѣченная имъ 8 Января 1869 года. Изъ другой помѣты, мною на запискѣ сдѣланной, видно, что таковая была мнѣ передана, по порученію автора, племянникомъ его барономъ Корфомъ, 6 Марта того же года.

Съ тѣхъ поръ прошло 16-ть лѣтъ; но записка эта, при всей ея сжатости, представляетъ, по изложеннымъ въ ней мыслямъ, несомнѣнный интересъ и въ настоящее время, почему и въ виду извѣстности автора (нынѣ уже умершаго) я полагаю, что помѣщеніе ея на страницахъ „Русскаго Архива“ будетъ умѣстнымъ.

М. Галкинъ-Враской.

27 Января 1885 года.
Петербургъ.

Частное мнѣніе Эстляндскаго помѣщика по дѣлу общественному.

8 Января 1869 года.

Не входя ни въ какія разсужденія о причинахъ безпокойствъ и передвиженій крестьянъ Эстляндской губерніи, позволю себѣ изложить главныя средства, съ помощію коихъ власть имѣющіе могли бы приступить къ безотлагательному устраненію этихъ безпокойствъ.

1) Для всѣхъ сословій въ губерніи утвердить свободу совѣсти, вѣроисповѣданій.

2) Для всѣхъ сословій въ губерніи утвердить права собственности.

3) Для всѣхъ сословій въ губерніи ввести общее судопроизводство, утвержденное во всей Имперіи, чтó поведетъ не только къ слiянію всѣхъ сословій въ губерніи, но также къ скрѣпленію связи губерніи съ государствомъ.

Нахожу настоящее состояніе крестьянскихъ волостныхъ судовъ недовольно удовлетворительнымъ по недостаточному развитію волостныхъ судей, по отсутствію надлежащаго контроля за ихъ рѣшеніями со стороны высшихъ судебныхъ инстанцій, по неимѣнію необходимой опоры отъ полицейской власти при исполненіи судейскихъ приговоровъ; такъ что законъ остается мертвою буквою и служитъ не защитою, но, напротивъ, увеличеніемъ безпорядка и неудовольствія. Главное вниманіе должно быть обращено на большинство населенія, на крестьянъ, преимущественно на устройство волостей и на *волостныя правленія.*

4) Положить какъ можно скорѣе конецъ недоумѣніямъ и ложнымъ ожиданіямъ крестьянъ Эстляндскихъ, надѣющихся получить даровую землю или отъ помѣщика, или отъ казны въ странахъ имъ невѣдомыхъ.

Примѣненіе общаго положенія о выкупѣ во всей Россіи къ крестьянамъ Эстляндской губерніи считаю неудобнымъ, потому что Эсты никогда не имѣли своего общиннаго управленія или общинной собственности, не знали предпріятій промышленныхъ артелями, не знали общей поруки цѣлаго общества за отдѣльнаго члена своего; а напротивъ того, они всегда дорожили личною собственностію, участковымъ или отдѣльнымъ своимъ хозяйствомъ. Кромѣ выставленныхъ причинъ, есть еще непреоборимое къ тому препятствіе, а именно: во всѣхъ Балтійскихъ губерніяхъ одна часть крестьянъ уже пріобрѣла часть крестьянской земли добровольною сдѣлкою съ помѣщиками, и эти купчія крѣпости, утвержденныя законнымъ порядкомъ, не могутъ быть уничтожены. Затѣмъ остается предоставить крестьянамъ право выкупить по добровольнымъ сдѣлкамъ земли, уже отмежеванныя отъ помѣщичьихъ земель, въ постоянное пользованіе крестьянъ и отмѣченныя красною чертою на землемѣрскихъ планахъ, кои находятся для храненія въ окружныхъ судахъ. Дабы батраки или бобыли не оставались совершенно бездомными, безъ земли, то для этого нуждающагося разряда крестьянъ выпросить у правительства выкупную ссуду на пріобрѣтеніе для нихъ остальной части крестьянской земли и предоставить имъ самимъ распорядиться пріобрѣтенною землею по общинному или по участковому порядку, какъ большинство найдетъ это удобнѣе для себя. Тогда окончательно прекратится всякое обязательное отношеніе между помѣщиками и крестьянами. Въ случаѣ несосто-

ятельности этого разряда крестьянъ, правительство имѣетъ въ этой выкупленной землѣ вѣрный залогъ за выданную ссуду.

5) Введеніе Русскаго языка, какъ общаго языка государственнаго, оказалось донынѣ затруднительнымъ, потому что вводили его предписаніями, не имѣя достаточнаго числа свѣдущихъ учителей для высшихъ сословій и безъ народныхъ школъ для крестьянъ. Желѣзная дорога, сношенія служебныя, торговыя, промышленныя съ обѣими столицами и со внутренними губерніями сильно потребуютъ знанія Русскаго языка и легко отстранятъ всѣ затрудненія, проистекающія изъ *трехъязычія* въ губерніи.

6) Правительство можетъ положиться вполнѣ на вѣрноподданство и на честность дворянства Эстляндскаго, не Нѣмецкаго, не Шведскаго, но съ 1710 года—Русскаго. Что же касается до привиллегій дворянства, какъ особой касты со временъ древнѣйшаго рыцарства, то эти привиллегіи, несообразныя съ общею пользою государственною, не согласующіяся съ духомъ времени, исчезаютъ сами собою, какъ уже исчезли по частямъ, по опредѣленію самого дворянства, признавшаго въ общихъ своихъ собраніяхъ, что эти привиллегіи нынѣ, по уничтоженіи крѣпостнаго состоянія во всей Россіи и по введеніи новыхъ положеній, уже не соотвѣтствуютъ старинному своему назначенію.

Эстляндскій помѣщикъ баронъ **Андрей Розенъ**.

СЛАВЯНСКІЕ ГОСТИ У РУССКАГО ЦАРЯ.

(14 Мая 1867 года).

Въ Бѣлградѣ, въ нынѣшнемъ году, вышла книга извѣстнаго Сербскаго писателя Миличевича про Этнографическую выставку и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1867 года. Сочинитель описываетъ въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ, какъ Государь Александръ Николаевичъ принялъ Славянскихъ гостей Россіи, въ Царскомъ Селѣ, 14 Мая 1867 года, не задолго до своего отъѣзда въ Парижъ на тамошнюю всемірную выставку. Это время, составляющее роковой переломъ въ царствованіи покойнаго Государя, еще всѣмъ намъ памятно. Онъ ѣхалъ въ Парижъ, сопровождаемый благословеніями не только своихъ подданныхъ, но и многомилліоннаго Славянства, кромѣ одной усохшей вѣтви великаго древа... Дорóгою, въ вагонѣ, читалъ онъ отпечатанную, по приказанію Виленскаго генералъ-губернатора графа Э. Т. Баранова, въ 10 тысячахъ экземплярахъ книгу Гогеля про Іосафата Огрызку и приказалъ остановить выпускъ ея въ свѣтъ, такъ какъ оглашеніе ея потребовало бы новаго слѣдствія надъ оставшимися безъ наказанія участниками Польскаго мятежа; а въ самомъ Парижѣ послѣдовало покушеніе Березовскаго, который стрѣлялъ изъ револьвера, накануне купленнаго на выдававшіяся отъ Французскаго правительства въ видѣ пособія Полякамъ деньги.... П. Б.

—

Передъ концомъ обѣдни къ намъ подошелъ церемоніймейстеръ князь Ливенъ и тихо прошепталъ, проходя черезъ наши ряды:

«Кто будетъ лично представляться Государю Императору, пусть пожалуетъ за мною!»

Мы вышли потихоньку изъ церкви и взошли въ верхній этажъ. Пройдя черезъ много залъ, мы остановились въ Янтарной. Представляться Государю должны были:

Гг. Миланъ Петроніевичъ [1]), д-ръ Я. Шафарикъ, Ст. Тодоровичъ, Владанъ Дьордьевичъ [2]), Болгаринъ д-ръ Богоровъ, Францъ Палацкій, д-ръ Ригеръ, Гамерникъ, Ербенъ и Я. Ѳ. Головацкій; Кърке, Ковачевичъ, протоіерей И. Боговичъ, д-ръ Суботичъ [3]), Кукичъ,

---

[1]) Теперь Сербскій посланникъ въ Берлинѣ.

[2]) Нынѣ начальникъ санитарнаго вѣдомства и Бѣлградскій голова.

[3]) Председатель „Сербскаго клуба“ на Хорватскомъ сеймѣ.

Политъ, прот. Милутиновичъ, Матковичъ, Есенскій, Смоляръ и Дучманъ.

Намъ, Сербамъ изъ Сербіи, аудіенцію испросилъ князь Горчаковъ; а гостямъ изъ Австро-Венгріи она была дана при посредничествѣ Австрійскаго посланника въ Петербургѣ.

Тѣ изъ гостей, которые не представлялись Царю лично, по окончаніи службы въ церкви, собрались въ залѣ придворнаго театра, черезъ которую Царь съ Царицею проходили, возвращаясь изъ церкви и гдѣ гости ихъ видѣли и кланялись имъ.

Въ залѣ, въ которую насъ ввелъ князь Ливенъ, застали мы много сановниковъ, между которыми я увидѣлъ графа Толстого и князя Ливена.

Князь Ливенъ, церемоніймейстеръ, сталъ насъ выравнивать какъ солдатъ или студентовъ *). Прежде всего онъ закричалъ:

— Депутаты изъ свободной Сербіи!

Мы отозвались.

— Неугодно ли, господа, сюда, на первое мѣсто! — Мы повиновались и стали первые у дверей, изъ которыхъ долженъ былъ выйдти къ намъ Царь.

—Болгаринъ Богоровъ! крикнулъ князь Ливенъ, заглядывая въ списокъ, который держалъ въ рукахъ.

Богоровъ отозвался съ другаго конца залы.

— Не угодно ли сюда, сюда, къ Сербамъ!

Богоровъ подошелъ, сталъ подлѣ насъ и прошепталъ:

— Спасибо имъ, что поставили меня подлѣ васъ!

— Счастіе и наше, и ваше, что васъ не раздѣляютъ отъ насъ,— отшепнулъ ему я.

Послѣ насъ, Сербовъ изъ Сербіи, князь Ливенъ помѣстилъ Чеховъ, потомъ Сербовъ изъ Австро-Венгріи.

Послѣ того онъ показалъ намъ каждому, гдѣ его мѣсто и попросилъ насъ стать полукругомъ, оба конца котораго были близъ дверей, а средина отходила въ глубину залы.

Поставивши такъ гостей кучками, князь Ливенъ воротился къ намъ, Сербамъ, и сталъ вызывать каждаго по имени и указывать ему, гдѣ стать. Перваго вызвалъ онъ Петроніевича и попросилъ его стать на первое мѣсто. Мы начали доказывать, что Шафарикъ старше годами и что ему приличнѣе стоять на первомъ мѣстѣ.

— Нельзя, господа! говорилъ князь: — у Государя именной списокъ, его перемѣнять я не смѣю...

Мы было хорошо устроили: Шафарикъ долженъ былъ обратиться

*) Князь Ливенъ былъ позднѣе попечителемъ Петербургскаго университета. П. Б.

къ Царю съ рѣчью; а церемоніймейстеръ портилъ намъ весь разсчетъ.

Когда онъ кончилъ устанавливать насъ, тогда нѣкоторые господа, бывшіе въ залѣ, подошли къ намъ и стали съ нами разговаривать.

Вдругъ князь Ливенъ, ступая на кончикахъ пальцевъ, немного возвысивъ голосъ, говоритъ:

— Государь идетъ!

Всѣ бывшіе въ залѣ, кромѣ насъ гостей, бросились вонъ. Мы остались на мѣстахъ, прокашлялись и приготовились видѣть человѣка, который повелѣвалъ 90 милліонами и въ царствѣ котораго никогда не заходитъ солнце.

Царь взошелъ съ Царицею. Онъ шелъ тихою поступью. За ними шло пятеро ихъ дѣтей, потомъ весь дворъ. Передъ Царемъ, немного въ сторонѣ, отступалъ назадъ князь Ливенъ.

Дойдя до насъ, Царь сталъ передъ Петроніевичемъ. Князь Ливенъ произнесъ: г. Петроніевичъ!

Царь немного склонилъ голову, а Петроніевичъ поклонился ему низко.

— Вы не въ первый разъ въ Петербургѣ? спросилъ Царь *).

— Нѣтъ, Ваше Величество, я былъ уже однажды.

— Помню, помню!.. произнесъ Царь и подвинулся къ Шафарику. Господинъ Шафарикъ, сказалъ князь Ливенъ.

— Вы родственникъ этого знаменитаго Шафарика? Гдѣ вы воспитывались?

Шафарикъ разсказалъ, гдѣ и какъ учился подъ руководствомъ своего «дядьки» (онъ думалъ, что это совершенно порусски) до тѣхъ поръ, пока сталъ профессоромъ въ Бѣлградѣ.

Царь пошелъ далѣе, а князь Ливенъ воскликнулъ:

— Господинъ Милешевичъ!

— Милешевичъ или Милошевичъ? спросилъ Царь. Я вспомнилъ, что моя фамилія была записана пофранцузски, оттуда и ошибка; потому я сказалъ:

— Миличевичъ, Ваше Императорское Величество!

— А вы гдѣ учились порусски? изволилъ спросить, усмѣхнувшись, Царь.

— Въ Бѣлградѣ, Ваше Величество!

— Впрочемъ, мы хорошо понимаемъ другъ друга, заключилъ онъ, и порешелъ къ г. Тодоровичу, котораго спросилъ, гдѣ онъ учился, былъ ли въ Римѣ и еще что-то.

---

*) Всѣ слова Государя приведены порусски въ Сербскомъ подлинникѣ.

Отъ него подошелъ онъ прямо къ старику Палацкому, потомъ къ Ригеру и другимъ замѣчательнымъ личностямъ.

За Царемъ шла Царица. Натянувъ немного перчатку на лѣвую руку, она остановилась передо мною и спросила:

— Не испугала ли васъ наша зима?

— Нисколько, Ваше Величество, отвѣчалъ я.

— Теперешняя весна и у насъ очень поздняя...

Затѣмъ отошла къ Палацкому и заговорила о Золотой Прагѣ.

Пока Царица говорила такимъ образомъ съ каждымъ по нѣскольку словъ, Царь уже дошелъ до конца полукруга гостей и потомъ вдругъ прошелъ черезъ всю залу къ намъ Сербамъ и проговорилъ:

— Князь Михаилъ былъ у насъ; мнѣ очень пріятно вспоминать о его пребываніи здѣсь.

Для насъ эта царская рѣчь была такъ неожиданна, что мы бы стали въ тупикъ, еслибы не было Шафарика, который воспользовался этимъ случаемъ и началъ говорить, что̀ было приготовлено.

Царь, человѣкъ высокій, немного согнулся, оперся на свою саблю и очень внимательно выслушалъ оратора, потомъ сказалъ:

— Я всегда дорого цѣнилъ тѣ чувства, которыя питаетъ ко мнѣ Сербскій народъ, и старался помогать вамъ. Это не мое личное дѣло, я его получилъ въ наслѣдство отъ блаженной памяти моихъ предковъ. Дай Богъ, чтобы всѣ желанія ваши скоро исполнились. А вы когда выѣхали?

Шафарикъ не разобралъ этихъ послѣднихъ словъ и, понявши, что его спрашиваютъ, когда пріѣхалъ въ Сербію, отвѣчалъ:

— Двадцать пять лѣтъ, Ваше Императорское Величество!

Царь видѣлъ, что тотъ его не понялъ, и поглядѣлъ на меня, а я сказалъ:

— Въ концѣ Апрѣля, Ваше Величество!

— Турки уже вышли въ это время?

— Вышли совсѣмъ, благодаря Вашему Величеству!

— Бѣлградъ теперь чистъ?

— Чистъ, Ваше Величество.

— Онъ теперь вашъ?

— Нашъ, Ваше Величество.

— Я сдѣлалъ что̀ могъ, сказалъ Царь и немного пожалъ плечами.—Жалѣю, продолжалъ онъ, что погода такъ неблагопріятна для васъ. Здѣсь васъ, быть можетъ, и не угостили какъ слѣдуетъ; но за то въ Москвѣ вы встрѣтите истинное Русское гостепріимство.

Послѣ этихъ словъ, Его Величество немного отступилъ назадъ и, показывая рукою налѣво, сказалъ:

— А вотъ мои дѣти!

И, указавъ на старшаго, произнесъ:

— Мой сынъ Владиміръ!

Великій Князь ступилъ шагъ впередъ и поклонился намъ; мы поклонились ему.

— Сынъ мой Алексѣй, сказалъ еще Царь.

И Алексѣй сдѣлалъ тоже, что̀ Владиміръ.

— Сыновья мои: Сергѣй и Павелъ!

И оба отрока, прелестные какъ два ангела, подвинулись впередъ, поклонились, а мы ихъ благодарили поклономъ.

— Дочь моя Марія!

Дѣвица сдѣлала глубокій реверансъ и отошла назадъ.

— Старшій сынъ мой, Наслѣдникъ, не здѣсь; онъ съ женою своей уѣхалъ за границу.

Послѣ этого, одинъ изъ царевичей подошелъ къ намъ и распрашивалъ объ одномъ Сербѣ Атанацковичѣ, офицерѣ, желая знать, родомъ ли онъ изъ Сербіи или изъ другого Сербскаго края.

Въ это время и Царица, шествуя тихо и разговаривая съ каждымъ понемногу, дошла уже до края нашего полукруга. Царь поглядѣлъ на гостей, поклонился головою и произнесъ:

— До свиданія, господа!

Затѣмъ, крупными шагами прошелъ онъ всю залу къ Царицѣ, взялъ ее подъ руку, и пошелъ далѣе черезъ другія залы.

За ними слѣдовали ихъ дѣти и вся свита, провожавшая ихъ изъ церкви.

Царь Александръ очень высокаго росту. Его голубые глаза выражаютъ необычайную благость сердца; говоритъ прекрасно, хотя голосъ его какъ бы немного неясенъ; держитъ себя просто; на немъ былъ уланскій мундиръ. Когда ему кто нибудь говоритъ, онъ опрется на саблю, нѣсколько согнется и внимательно слушаетъ, что̀ ему говорятъ.

На Царицѣ было платье изъ тяжелой шелковой матеріи, но безъ украшеній. Да и какое украшеніе могло быть прелестнѣе такихъ чудныхъ дѣтей?

Когда Царь уже вышелъ, князь Ливенъ сказалъ намъ, что, по обычаю, представлявшіеся Царю должны вкусить хлѣба и соли въ царскомъ домѣ. Такъ какъ было уже за полдень, не думаю, чтобы кто либо изъ насъ былъ противъ этого.

Отвели насъ въ столовую и посадили за готовую трапезу. Яствъ и питій не стану описывать: все было царское! Одно только стоитъ помянуть: за этимъ завтракомъ служили намъ Арапы, черные, какъ уголь. Они носятъ красный мундиръ, а на головѣ чалму изъ бѣлой матеріи. Всѣ говорятъ порусски очень хорошо.

НОВАЯ СВѢТЛАНА.

Пародія баллады Жуковскаго, примѣненная къ Н. А. Полевому.

(Писано около 1840 года).

Даровитый, всегда возбужденный, но рѣдко управленный, издатель „Телеграфа" Н. А. Полевой (1796—1846), первый у насъ началъ бойко и хлестко заниматься журнальною и газетною словесностью. Онъ происходилъ изъ купеческаго сословія, которому и остался вѣренъ въ своей дѣятельности. Князь Вяземскій отмѣтилъ про него въ своей Записной Книжкѣ: „28 Февраля 1846. Отпѣваніе Полеваго въ церкви Николы Морскаго. Множество народа; повидимому, онъ пользовался популярностью. Я не подходилъ къ гробу; но мнѣ сказывали, что онъ лежалъ въ халатѣ и съ небритою бородою, такова была его послѣдняя воля. Онъ оставилъ по себѣ жену, 9 чел. дѣтей, около 60 т. долга и ни гроша въ домѣ. По докладу графа Орлова, пожалована семейству его пенсія въ 1000 р. с. Одоевскій, Соллогубъ и многіе другіе затѣваютъ также что нибудь, чтобы придти въ помощь семейству его. Я объявилъ, что охотно берусь содѣйствовать всему, что̀ будетъ служить свидѣтельствомъ участія, вспомоществованія, а не торжественнымъ изъявленіемъ народной благодарности, которая должна быть разборчива въ своихъ выборахъ. Полевой заслуживаетъ участія и уваженія, какъ человѣкъ, который трудился, имѣлъ способности; но какъ онъ писалъ и что̀ онъ писалъ, это другой вопросъ. Изъ твореній его вѣроятно ни одно не переживетъ его, а пагубный примѣръ его переживетъ, и вѣроятно надолго. Полевой у насъ родоначальникъ литературныхъ наѣздниковъ, какихъ-то кондотьери". (Соч. Князя Вяземскаго, IX, 211). — Помѣщаемая здѣсь сатира на него принадлежитъ М. А. Дмитріеву; она была уже отпечатана отдѣльно въ 1881 году, въ Москвѣ, но всего въ нѣсколькихъ оттискахъ. Многіе стихи въ ней повторены изъ баллады Жуковскаго. П. Б.

Разъ, въ началѣ Января,
Собрались поэты,
Объявленія смотря
Въ нумерахъ газеты.

Всякій думалъ и гадалъ —
Трудное гаданье, —
Чей на новый годъ журналъ
Сдержитъ обѣщанья?
Тутъ сидѣлъ и Полевой
Блѣдный, желтый и худой,
Искрививши рожу,
И глядѣлъ онъ какъ кащей,
И съ подписчиковъ-друзей,
Въ мысляхъ, дралъ ужъ кожу.

—

Всѣ шумятъ, всѣ говорятъ,
Всякъ другъ друга славитъ;
Кто беретъ стиховъ подрядъ,
Кто брань на вѣсъ ставитъ.
— „Николай Лексѣичъ, что
Вы одни ни слова?
Собрались ли съѣсть кого,
Дома-ль не здорово?
Местью ль дышите къ властямъ,
Или съ нами скучно вамъ?
Всѣ мы гегелисты,
И журналъ на новый годъ
Вѣрный вамъ сулитъ доходъ,
Хоть доходъ нечистый“.

—

— „Какъ, друзья, впередъ узнать,
Быть въ тискахъ ли, въ нѣгѣ ль;
За Кузеня-ль стоять,
Въ модѣ-ль будетъ Гегель;
Міровой ли взглядъ на міръ,
Сказка ли жаръ-птица;
Старый другъ ли мой Шекспиръ [1]),
Или свекловица?
Неизвѣстно намъ ничто!“
И рыгнулъ онъ, молвя то,
По привычкѣ Русской,
И въ купеческій свой чай
Налилъ рому черезъ край
И хлебнулъ съ прикуской.

—

[1]) „Гамлетъ“, въ передѣлкѣ Полеваго, напечатанъ въ Москвѣ, въ 1837 году; онъ долго игрался на нашихъ театрахъ. П. Б.

— „Что жъ объ будущемъ вздыхать!
Это все затѣи.
Прикажите-ка подать
Лучше шампанеи.
Мы поздравимъ дружно васъ:
Это фактъ старинный,
Что въ винѣ лишь правды гласъ,
Veritas in vino!
Въ немъ узнаемъ жребій свой.
Впрочемъ, кто грусти иной,
Вы космополиты, —
Хоть трава вамъ не рости,
Лишь карманы, Богъ прости,
Были бы набиты“.

—

Вотъ обходитъ всѣхъ подносъ.
Слышны многи лѣта;
У гостей краснѣетъ носъ,—
Генія примѣта.
Всякій сталъ краснорѣчивъ.
Лишь одинъ хозяинъ
Блѣденъ, желтъ, глядитъ какъ миѳъ,
И дрожитъ, какъ Каинъ.
Страшенъ онъ въ табачной мглѣ!
Ни кровинки на челѣ,
И въ глазахъ туманно.
Какъ-то все идетъ кругомъ,
Все становится вверхъ дномъ,
Какъ-то все такъ странно.

—

Вотъ онъ локти положилъ
И крестъ на крестъ руки,
Лобъ невольно опустилъ,
Мысля: что за штуки!
Слышитъ — кличутъ изъ дверей
Чудными рѣчами;
Оглянулся, и лакей
Съ сонными глазами,
Вспяливъ нанковой сюртукъ
И держась рукой за крюкъ,
Съ робостью фатальной
Хриплымъ голосомъ зоветъ:
„Николай Лексѣичь, ждетъ
Васъ давно квартальный“.

—

Вышелъ — о недобрый часъ!
Передъ нимъ самъ частный.
Ротъ разинулъ онъ смутясь,
Какъ банкротъ безгласный.
Гдѣ доходъ, журнальный бой,
Гдѣ продажа славы!.....
„Тотчасъ слѣдуйте за мой:
Вотъ приказъ Управы“.
Какъ теленокъ, журналистъ,
Видно чуя, что нечистъ,
Вышелъ изъ передней.
Ночь — хоть выколи глаза;
Собирается гроза,
Воетъ песъ сосѣдній.

—

Вотъ извощикъ встрѣчу имъ
Ѣдетъ запоздалый;
Отъ коня не паръ, а дымъ.
Чуть бредетъ усталый.
За рублевикъ серебромъ
Онъ къ Перовой рощѣ
Дулъ съ купеческимъ сынкомъ
На скотинѣ тощей.
Плутъ хотѣлъ было стегнуть,
Отъ полиціи свернуть
За уголъ смиренно;
Кнутъ въ рукѣ окостенѣлъ...
„Стой!“ вдругъ частный заревѣлъ,
„Видишь, по казенной!“

—

Сѣли, ѣдутъ, конь пыхтитъ,
Головой мотая;
Частный только что сопитъ,
Брюхо подымая.
Ѣдутъ дикимъ пустыремъ,
Въ тишинѣ глубокой,
Ни окна нигдѣ съ огнемъ;
Лай собакъ далеко.
Сердце вѣщее дрожитъ,
„А куда-жъ намъ путь лежитъ?...“
Только крякнулъ частный.
Слышенъ крикъ: ку—ка—ре—ку;
Онъ понюхалъ табаку
И чихнулъ безгласно.

—

Чай ужъ много на часахъ?
Время безъ движенья,
И сверкаются въ очахъ
Чудныя явленья:
То изъ тьмы глубокой въ мигъ
Колокольня встанетъ,
Сверху окнами на нихъ
Точно будто взглянетъ:
То изъ нижняго жилья
Въ захолустьи, вдоль плетня.
Двѣ свѣчи, какъ очи.
Замигаютъ имъ во слѣдъ;
То береза, какъ скелетъ,
Машетъ въ дымѣ ночи.

—

Вотъ пріютецъ въ сторонѣ.
Чья же то обитель?
Днемъ молчитъ, въ полночной мглѣ
Бодръ безсонный житель.
Всѣхъ къ сознанью онъ зоветъ.
Нѣтъ другихъ вопросовъ.
Ѣдутъ мимо. „Кто идетъ?"
Заревѣлъ философъ.
„Что горланишь? видишь я:
Не узналъ со сна меня,
Хамово отродье!"
Стражъ со сна пробормоталъ:
„Виноватъ, не разпозналъ.
Ваше благородье".

—

Но вотъ выбрались они.
Мѣсто поживѣе,
Свѣтятъ изрѣдка огни.
Призраки живѣе.
Видятъ — лѣзетъ на фонарь
Изъ депа служитель,
Храбрый воинъ бывшій встарь.
Нынѣ просвѣтитель.
На бульварѣ, межъ кустовъ.
Слышенъ легкій шумъ шаговъ,
Слышны хохотъ, рѣчи.
Что-то бѣлое скользитъ,
И князь Галиковъ визжитъ
Въ сладострастной встрѣчѣ.

—

Вотъ ужъ ѣдутъ по Тверской
Къ Иверскимъ воротамъ.
Проѣзжаютъ,—съ крикомъ „стой!“
Обдало какъ потомъ.
На яву ли то, во снѣ-ль,
Разсудите сами.
Глядь,—онъ въ временной тюрьмѣ,
Помосковски, въ ямѣ.
Въ духотѣ тутъ грязной спятъ
И какъ мертвые лежатъ
Въ койкахъ арестанты.
Плуты разной тутъ руки,
Воры тутъ и игроки,
Нищіе, и франты.

—

Мимо коекъ онъ кругомъ.
О, творецъ Овидій!
Кто глядитъ во снѣ скотомъ,
Кто въ звѣриномъ видѣ.
Тотъ съ небритой бородой,
Точно вепрь дубравный;
Этотъ съ бритой головой
Смотритъ обезьяной.
Вотъ на койкѣ на одной
Ликъ знакомый, не чужой,
Глядь — плебей Бѣлинскій.
Страшенъ милый прежде видъ:
Не двуногимъ онъ глядитъ,
А ужъ съ рожей свинской [2]).

—

Вотъ гремитъ дверей запоръ.
Входитъ самъ смотритель;
Всѣхъ обводитъ грозный взоръ.
„Гдѣ тутъ сочинитель?“
Былъ въ отвѣтъ *учливый* взглядъ.
Задрожалъ онъ листомъ;
Это, знать, не свой ужъ братъ,
Тутъ не съ гегелистомъ!

---

[2]) Это напоминаетъ злую надпись къ портрету Бѣлинскаго, которая встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ того времени:

Не говори, что ты плебей,
Не хвастайся своей лакейскою натурой.
Она сама гласитъ твоей фигурой:
И плюй и бей!

И шатаяся какъ тѣнь,
Вышелъ. Вотъ ужъ свѣтитъ день.
На дворѣ солдаты
Окружили, повели,
И шагаютъ по земли
Молча автоматы.

—

Вотъ у Иверскихъ воротъ,
Гдѣ толпа народа,
Взявъ на право поворотъ,
Прибавляютъ хода.
Небо цвѣта „*гри-пусье*“.
Сумраченъ кремль царскій.
Изъ толпы глядитъ мусье
Страшенъ, какъ „*Сиръ-Барской*“ [3]).
Блѣденъ онъ какъ смерть стоитъ;
Мимо кто-то вдругъ бѣжитъ
Съ визгомъ въ родѣ стона.
Чьи-то молвили уста:
Это что-то безъ хвоста. —
Вѣрно „Абадона“ [4]).

—

Путь къ присутственнымъ мѣстамъ
Лѣстницею грязной;
По обѣимъ сторонамъ
Пропасть дряни разной.
И глядятъ всѣ на него
Что-то какъ не даромъ.
Вотъ съ рукъ на руки его
Отдали жандармамъ.
Два жандарма идутъ въ рядъ, -
Палаши въ рукахъ блестятъ.
Настежъ дверь стеклянну,
И поставили въ дверяхъ
Правосудію на прагъ
Душу окаянну.

—

---

[3]) Чтò это — не знаемъ. П. Б.

[4]) Романъ Н. А. Полевова, въ 4 частяхъ, вышелъ въ Москвѣ въ 1834 г., 2-е изд. Спб. 1840. П. Б.

Балкъ сидитъ, козломъ глядитъ,
На него косится,
Волосъ клочетъ, носъ вертитъ.
Фыркаетъ и злится;
Въ креслахъ пляшетъ какъ факиръ,
Самъ щетинитъ брови.
А Наливкинъ, какъ вампиръ,
Такъ и жаждетъ крови:
Наслаждается вдвойнѣ,
Коль увидитъ на спинѣ
Знаки правосудья.
А порядокъ сохранилъ,
Взятку все-таки слупилъ,
Чертово орудье

—

И читаютъ, наконецъ,
Слушавъ съ дѣломъ справку:
„Третьей гильдіи купецъ
Полевой снялъ лавку;
Мелочною торговалъ
Авторскою славой.
Покупалъ и продавалъ.
Не имѣя права.
Потомъ онъ же, Полевой,
Снялъ подрядъ уже большой:
Съ Русскаго народу
Сорокъ тысячъ взялъ въ кредитъ.
Въ Петербургъ бѣжалъ, какъ Жидъ.
Вотъ ужъ больше году [5]).

—

Десять лѣтъ, какъ этотъ гусь
Только обѣщаетъ,
Хоть твердитъ, что знаетъ Русь,
И его Русь знаетъ.
А притомъ одна гласитъ
Въ дѣлѣ семъ бумага —
Якобъ онъ космополитъ
Сирѣчь побродяга.

---

[5]) Говорится объ „Исторіи Русскаго народа“ (6 томовъ 1829—1833), за которую Полевой взялъ деньги съ подписчиковъ и долго не выдавалъ книгъ. П. Б.

За сіе уже одно
Подлежалъ бы онъ давно,
Въ силу Уложенья,
Полицейскими людьми
Исправленію плетьми
И на поселенье.

—

Но, какъ кромѣ плутовства,
Съ шайкой воровскою,
Сей, непомнящій родства
Съ родиной святою,
По прозванью Полевой,
Бывъ отецъ семейства,
Учинилъ предъ всей Москвой
Вящія злодѣйства.....
Обольстилъ и отпустилъ
Жалкое созданье.... [6])

—

А потомъ всѣмъ объявилъ,
Что извѣстно міру,
Какъ еще онъ въ Курскѣ былъ
Старый другъ Шекспиру;
Нынѣ-жь друга онъ того
Уходилъ стя за три.
Анатомили его
На большомъ театрѣ.
Оказался — весь хоть брось:
Рана въ черепѣ насквозь
Съ поврежденьемъ мозгу.
За сіе извѣстный судъ
Превращается ужъ въ кнутъ —
Правосудья розгу".

—

Дверь захлопнувъ, повели
И сажають въ дрожки,
На Болото [7]) повезли....
Смотрятъ всѣ въ окошки....

---

[6]) Тутъ четыре стиха опускаемъ. П. Б.

[7]) „Болотомъ" называется въ Москвѣ замоскворѣцкая площадь близъ Кремля, на которой казнили Пугачева. П. Б.

Онъ не видитъ; предъ очьми
Цѣлый адъ клокочетъ:
„Уголино“ за плечьми
Весь въ крови хохочетъ.
Рядомъ съ дрожками бѣжитъ
„Сибирячка“ [8]) и визжитъ.
Плаха! Хладъ разлился.
Далъ заплечный мастеръ „разъ!“
Кровь вся къ сердцу, огнь изъ глазъ.....
Ахъ!... и пробудился.

—

Что-жъ? За тѣмъ же онъ столомъ.
Въ томъ же кабинетѣ,
На столѣ круги виномъ,
Время на разсвѣтѣ.
Онъ одинъ-однимъ сидитъ;
Лишь лакей въ передней,
Какъ зарѣзанный, храпитъ.
Дворникъ всталъ сосѣдній.
О ужасный, грозный сонъ,
Не добро вѣщаетъ онъ!
Продувной я малый,
Хоть кнутомъ и не кнутомъ,
А плетьми, нѣтъ дива въ томъ,
Отдерутъ, пожалуй.

—

Снѣгъ хруститъ подъ ходакомъ,
Поднялся онъ съ стула.
Шапка съ бронзовымъ орломъ
Подъ окномъ мелькнула.
Входитъ въ двери почтальонъ.
„Къ вамъ письмо“, онъ слышитъ.
На гербѣ хамелеонъ.
Кто-же это пишетъ?
Венедиктовичъ Ѳадей
Пишетъ: „Вы, какъ другъ людей,
Съ нами ровной масти.
Я хочу вамъ предложить:
Не согласны-ли служить
По секретной части?“

—

---

[8]) „Уголино“ (1838) и „Параша-Сибирячка“—драммы Полеваго. П. Б.

Что-же сонъ твой, Полевой,
Прорицатель муки?
Новый путь открытъ тобой
Грѣть карманъ и руки.
„Сынъ Отечества“ глядитъ [9])
. . . .
Но за то ты будешь сытъ
Ужъ не славы дымомъ.
Растворяйся-жъ, кошелекъ,
Лейся золота потокъ.
Гдѣ вы, фабриканты,
Лавки Смирдинской семья?
Собирайтесь же, друзья,
Лаять на таланты.

Но не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, Полякъ Сеньковскій;
Будь Уваровъ твой покровъ —
Ты вѣдь не Московскій [10]).
Здѣсь расправа далека,
Въ Питерѣ другое:
Моетъ руку тамъ рука,
Дно тамъ золотое.
Вотъ баллады толкъ моей:
Лучшій путь намъ въ жизни сей
Плутни и обманы;
И тому грѣха не знать,
Кто рѣшился ужъ продать
Душу за карманы.

---

[9]) Одинъ стихъ пропущенъ. П. Б.

[10]) Цензурные громы въ министерство графа Уварова обыкновенно обрушивались преимущественно надъ произведеніями Московской словесности. Поляки, еще при Шишковѣ, захватившіе главныя нити Петербургской печати, съумѣли воспользоваться нѣкоторыми слабостями министра и находили у него, какъ въ III-мъ Отдѣленіи, пощаду. П. Б.

ЩЕПКИНЪ. МОЧАЛОВЪ. ЛЕНСКІЙ.

Праздновался въ Москвѣ юбилей актера Щепкина, и на Мясницкой, въ Училищѣ Живописи и Ваянія, устроенъ въ честь юбиляра обѣдъ по подпискѣ. Должны были участвовать всѣ литераторы и артисты. Когда приглашали къ тому Д. Т. Ленскаго, онъ сталъ было отказываться, говоря, что напередъ знаетъ, что̀ на этомъ обѣдѣ будетъ:

Заиграетъ оркестръ Сакса,
И заискрится Аи,
И заплачетъ старый плакса,
А съ нимъ денежки мои.

Но Ленскій все-таки на юбилей пріѣхалъ. Много говорено было рѣчей, и самъ юбиляръ, дѣйствительно расплакавшись, говорилъ, что талантомъ своимъ обязанъ многимъ почтеннымъ литераторамъ: Кокошкину, Загоскину, князю Шаховскому и др., а также и многимъ изъ своихъ товарищей, которыхъ именовалъ, не назвавъ однако имени Мочалова, который, какъ извѣстно, былъ ему опаснымъ соперникомъ.

На приглашеніе Ленскаго сказать рѣчь, онъ долго отказывался, ссылаясь, что боленъ и даже не слыхалъ предыдущихъ рѣчей,—просто спалъ. Тогда его попросили разсказать сонъ, и онъ произнесъ слѣдующую импровизацію.

Въ изсохшемъ лавровомъ вѣнцѣ
Съ глубокой тоской на лицѣ,
Сей часъ мнѣ Мочаловъ приснился.
Покойникъ вздохнулъ, прослезился
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:
„Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
Вѣнчалъ меня Щепкинъ во гробѣ!
Давно ужъ въ земной я утробѣ
Покоюсь по волѣ Христа,
А нѣтъ надо мною креста!
Подъ снѣгомъ заглохла могила,
И трудно дойдти до нея;
Москва обо мнѣ позабыла—
А я былъ любимецъ ея!..“
И такъ, благородные гости,
Внемлите вы просьбѣ моей:
Утѣшимъ Мочалова кости,
Поставимъ ему мавзолей!
Пусть каждый и сколько угодно,
Подпишетъ по волѣ своей
И кончимъ тогда превосходно
Мы Щепкинскій здѣсь юбилей!

Раздались многочисленные ура!, и ассигнаціи посыпались въ шляпу находившагося здѣсь же профессора Рамазанова, и на собранные такимъ образомъ на юбилеѣ Щепкина 1800 р. сер., поставленъ памятникъ артисту Мочалову, на Алексѣевскомъ кладбищѣ.

ОСТРОСЛОВІЯ А. О. АРМФЕЛЬДА.

Намъ случилось быть у А. П. Елагиной, когда къ ней пріѣхалъ прямо со Щепкинскаго юбилея А. О. Армфельдъ. — „Ну что, много было?"— „Много, очень много; такая тѣснота, что я и смѣяться не могъ иначе какъ сжимая губы поперекъ", отвѣчалъ Армфельдъ, придавая вертикальное направленіе своимъ смѣхотворнымъ устамъ.

*

Въ молодости Армфельдъ долго жилъ въ Дерптѣ. Старушка-мать его (извѣстная въ Москвѣ акушерка), съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія и когда наконецъ онъ подъѣхалъ къ ея дому, выбѣжала встрѣчать его на лѣстницу. Случилось, что въ это самое время лѣстницу *красили.* Подбѣгая къ горячо любимой матери и обнимая ее, Армфельдъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать: „Ахъ, маменька, вы меня *въ краску* вводите!"

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

I.

Въ Путевомъ Журналѣ княжны Туркестановой, приложенномъ къ Русскому Архиву 1884 года, на стр. 82-й напечатано: vu et approuvé par nous. N. N. commandant prusse de la ville de Coblence.

Слѣдуетъ: vu et approuvé par nous. N. N. commandant *russe* de la ville de Coblence.

Сообразно съ этимъ надо исправить на 2-й снизу строкѣ предъидущей страницы слово *Prusse* и замѣнить его словомъ *Russe.*

Вотъ самая надпись золотыми буквами на каменной колоннѣ, поставленной въ Прирейнскомъ городѣ Кобленцѣ, на площади противъ собора:

An 1812
mémorable par la campagne contre les Russes
sous le préfectorat
de Jean Doasan.

—

vu et approuvé par nous commandant russe
de la ville de Coblence
le 1 janvier 1814.

Эта приписка къ хвастливой Французской надписи тѣми же золотыми крупными буквами сдѣлана графомъ Сенъ-Прù, Русскимъ генераломъ, который былъ комендантомъ Кобленца въ 1814 году.

II.

Къ статьѣ о Веневитиновѣ (стр. 123). Намъ пишетъ одинъ изъ его современниковъ, что въ 1827 году, въ Петербургѣ, онъ часто видалъ его у барона А. А. Дельвига; молодой поэтъ отмѣнно былъ любезенъ съ дамами и ухаживалъ за извѣстной А. П. Кернъ, которая, живя въ одномъ домѣ съ Дельвигами, ежедневно у нихъ бывала.

Приложенная къ этой книжкѣ Русскаго Архива картинка снята съ рѣдкой гравюры большаго размѣра, находящейся у Э. Н. Коснѣрскаго, въ его магазинѣ древностей, въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ, въ домѣ Арманда, подъ вывѣскою „Antiquités". Вотъ полная подпись этого любопытнаго изображенія.

Fr. Bolt sc. Berlin 1805.

Dähling pinx.

Der 10-er Junius 1802.

Kaiser Alexander in Memel empfangen von König Friedrich Wilhelm und der Königin Luise. Seiner Königlichen Majestät von Preussen in ehrfurchtvollster Unterthänigkeit gewidmet von Franz Asner. Im Verlage bey dem Kunsthändler Franz Asner in der Kreuzgasse № 21 in Berlin.

Къ сожалѣнію, не можемъ мы назвать поименно большинство лицъ, свидѣтелей достопамятнаго свиданія. Изъ двухъ женщинъ, стоящихъ позади королевы, та которая выше ростомъ есть графиня Фоссъ: съ этими самыми чертами изображена она на портретѣ, приложенномъ къ ея Дневнику, изъ котораго сдѣланы у насъ извлеченія. П. Б.

III.

Въ 1-мъ выпускѣ Р. Архива нынѣшняго года нѣсколько значительныхъ опечатокъ.

Стр. 39, строка 6-я сверху—вмѣсто *Мая* надо *Марта*.

Стр. 56, строка 16-я снизу—вмѣсто *29 Февраля* надо *20 Февраля*.

Стр. 93, строка 23-я снизу—вмѣсто *Екатеринбургъ* надо *Екатеринодаръ*.

Вмѣсто *Чадаевъ* слѣдуетъ вездѣ *Чаадаевъ*, какъ всегда писалъ покойный Петръ Яковлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1885 ГОДА.

(выпуски 1, 2, 3 и 4-й).

Книги, продающіяся въ Конторѣ Русскаго Архива.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ. Воспоминанія А. Л. Зиссермана. Спб. 1879. Двѣ части. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. М. 1885. 360 стр. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 25 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique. Moscou et St-Petersbourg. 1813—1819. (Историческая переписка Кристина и княжны Туркестановой между Москвою и Петербургомъ). Три тома. Цѣна 5 р. съ пер.

JOURNAL tenu par la princesse Tourkestanow (1818) et LETTRES de Chistin à une dame de sa connaissance 1830—1831. (Журналъ княжны Туркестановой и письма Кристина къ знакомой дамѣ). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

ЗАПИСКИ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА. Полное изданіе безъ пропусковъ. М. 1867. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Записки М. А. Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ. М. 1873. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА. 3-е изданіе. М. 1881. Цѣна 30 к., съ перес. 35 коп.

СТИХОТВОРЕНІЯ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА. Новое изданіе, значительно дополненное. М. 1883. Цѣна 50 к., съ перес. 55 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО. Первое общедоступное изданіе. М. 1885. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 55 к.

А. С. ПУШКИНЪ. Сборникъ его бумагъ, біографическихъ и другихъ свѣдѣній о немъ, издаваемый „Русскимъ Архивомъ.“ Два выпуска. Цѣна каждому по 1 р., съ перес. по 1 р. 15 к.

Приводится содержаніе втораго выпуска:

1) А. С. Пушкинъ (1816—1837) Статья князя П. П. Вяземскаго.—2) А. С. Пушкинъ и С. С. Хлюстинъ, ихъ переписка наканунѣ несостоявшагося поединка.—3) Письмо А. С. Пушкина къ П. Я. Чадаеву по поводу его „Философическихъ Писемъ“. — 4) Изъ записной книжки Зеленецкаго о Пушкинѣ въ Одессѣ.—5) Изъ рукописей А. С. Пушкина.—1. Письмо передъ высылкою изъ Одессы.—2. Письмо по пріѣздѣ въ ссылку.—3. Письмо изъ ссылки Александру Павловичу.—4. Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ.—5. Письмо къ Н. В. Всеволожскому.—6. Наброски въ стихахъ.—7. Критическіе отрывки.—6) Переписка А. С. Пушкина къ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ.—7) О нападеніяхъ на Пушкина. Статья князя В. Ѳ. Одоевскаго.—8) Письмо А. Г. Родзянки къ А. С. Пушкину.—9) Письма Ѳ. А. Туманскаго къ А. С. Пушкину.—10) А. С. Пушкинъ и И. Е. Великопольскій. Ихъ переписка со стихами.—11) Разсказъ Кавказскаго ветерана о Пушкинѣ.—12) Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. — 13) Экспромтъ Пушкина про пьяницу-прикащика.—14) Два автографа Пушкина. Статья М. Н. Лонгинова.—15) Стихи Пушкина на памятникъ одному генералу.—16) Мицкевичъ о Пушкинѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго.—17) О кончинѣ А. С. Пушкина. Записка В. И. Даля.—18) Рѣчи на юбилейномъ Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ 7 Іюня 1881 года:—а) И. С. Аксакова.—б) Издателя Русскаго Архива.